25
60
А-81
Арнстов
„Хр-тия
по русск.
исторіи...
Варшава 1870

ХРИСТОМАТІЯ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

2496

ХРИСТОМАТІЯ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

DB
60
A81

15140

ХРИСТОМАТІЯ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЖИЗНИ, ПИСЬМЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ,

ОТЪ НАЧАЛА ПИСЬМЕННОСТИ ДО XVI ВѢКА.

(Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

СОСТАВИЛЪ

Н. Я. АРИСТОВЪ

Профессоръ Русской Исторіи Варшавскаго Университета.

ВАРШАВА.

Изданіе В. Ф. Голубинскаго.

1870.

30
27

Дозволено Цензурою. Варшава. 15 Октября 1870 года.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
15140

Печатано въ Типографіи Варшавскаго Жандармскаго Округа.
На Кородевской улицѣ, домъ С. Клеменсовской, № 413аа.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемыя у насъ Христоматіи назначаются преимущественно для изученія русскаго языка и словесности; я представляю опытъ „Христоматіи по Русской Исторіи", въ которомъ содержаніе древнихъ памятниковъ выдвигается на первый планъ, поэзія уступаетъ мѣсто исторіи, внѣшняя сторона подчиняется внутренней.

Такимъ образомъ я даю средства желающимъ ознакомиться съ дѣйствительной, а не идеальной древне-русской жизнью по самымъ памятникамъ. Затѣмъ помѣщалъ я въ Христоматіи статьи изъ новыхъ сочиненій по Русской Исторіи и Словесности, съ цѣлью показать, какимъ образомъ ученые дѣлаютъ выводы на основаніи историческихъ данныхъ. Въ этомъ случаѣ я не держался одного опредѣленнаго направленія, а выбиралъ разнообразныя статьи, желая познакомить съ воззрѣніями на русскую жизнь прежнихъ историческихъ дѣятелей, и потому не стѣснялся ни противорѣчіями статей, ни невѣрностями въ частностяхъ или въ общемъ взглядѣ.—Я хотѣлъ-было сообщить читателямъ еще цѣлый отдѣлъ памятниковъ археологическихъ, приложить къ Христоматіи снимки съ древнихъ рисунковъ, монетъ, крюковыхъ нотъ и т. под.; но дороговизна подобнаго изданія разрушила мои планы.

Христоматію свою я назначаю для лицъ болѣе или менѣе уже подготовленныхъ: для воспитанниковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для студентовъ Университета и другихъ высшихъ заведеній, а также для учителей. Имѣя въ виду такой кругъ читателей, я постоянно дѣлалъ указанія на сочиненія и статьи, изъ которыхъ можно получить свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ древне-русской жизни. Указанія эти не полны; но для желающаго заниматься онѣ не безполезны, какъ руководящія нити.

Порядокъ статей и распредѣленіе предмета у меня въ Христоматіи довольно произвольны, (что много зависитъ отъ личнаго взгляда); по этому я счелъ нужнымъ приложить одинъ указатель древнихъ памятниковъ, вошедшихъ

въ Христоматію, въ хронологическомъ порядкѣ, а другой—по родамъ и видамъ различныхъ произведеній письменности и народной поэзіи.

Издаваемая мною книга доведена до московскаго періода (1462 г.) и можетъ служить пособіемъ при изученіи древне русской областной жизни. Продолженіе Христоматіи, которое должно обнимать московскій періодъ или среднюю Русскую Исторію, появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени, если будутъ благопріятствовать обстоятельства.

Н. Аристовъ.

Варшава 20 октября 1870 года.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
9	22	*нережитрила*	*перехитрила*
135	16	хозяеву	хозяину
140	40	встрѣчаетъ	встрѣчаемъ
157	7	въ	къ
165	26	князя	князья
244	28	мяжемь	можемь
251	(примѣч.)	творѣ	дворѣ
302	12	Рисскихъ	Русскихъ
362	6	Молитвы	Мотивы
374	39	шедшю	сѣдшю
387	10	закопавъ	заковавъ
388	31	подъ ятъ	подъятъ
394	38	*Анорею*	Андрею
395	22	сборби	скорби
419	35	замятия	замятня
425	36	имать	имамь
426	8	брота	доброта
429	22	пишу	пищу
437	2	соимъ	своимъ
439	8	благодатити	благодарити
448	19	Ощира	Ощёра
457	25	своему	твоему
497	30	поможети	поможеши
510	37	лирскаго	мирскаго
522	15	подъ имя	подъимя
551	7	да ни же	дани же
556	38	Моску	Москву
569	4	тясяцкой	тысяцкой
572	33	иноках	иконах
598	37	Ориминьское	Ориниьское
599	32	гервчатѣ	червчатѣ
602	7	покы	пакы
603	4	Завотскую	Заволотскую
605	37	московскьнъ	московскіѣ
605	45	Гародець	Городець
614	26	овъ	онъ
627	27	отрожекъ	острожекъ
660	5	Н. Д.	И. Д.
677	7	штужници	истужници
679	32	посаннику	посаднику
679	41	послуживай	посуживай
681	25	свои	трои
—	—	половочникъ	полавочникъ
682	15	нишенную	мишенную
687	1	въ колы	въполы
687	39	за божественное	за рожественное
696	18	Бородѣлъ	Городѣлъ
699	22	(беревеньи)	(*береженьи*)
700	32	нашего	нашей
705	43	христіяново	христіянство
707	5	попче	попъ
709	13	Парамишна	Парамшина
714	29	посужити	посужати
715	16	утворятся	уговорятся
726	35	(*помощника*)	(*отреченье, отказъ*)
728	43	орудка	орудиа
732	12	часъ	часть
733	19	коръмы	корчмы
737	25	или	ими
738	19	служити	служиши
740	3	созиждети	созиждеши
752	4	ротѣшьдъ	ротѣ шьдъ
754	2	рурокоу	рукоу
755	18	оучичитъ	оучинитъ
760	17	и него	іі его
761	13	полъберьковыка	полъберьковьска
762	25	намѣстники	намѣстника
770	10	ее	се
794	20	укоренные	укорененные
820	25	кавтанъ	кафтанъ
822	18	наречетися	наречешися
822	38	но	ни
840	15	надруси	пардуси
847	13	гробъ	гробѣ
853	21	черство	черичство
857	29	1456	1456
861	2	этай	отай
864	18	обѣтовъ	отвѣтовъ
866	7	владыкъ	владыко
869	21	одержды	одежды
883	19	сѣлю	сѣмо
892	35	показался	показялся
898	4	(*Азъякъ*)	(*Азбякъ*)
903	20	тог пусготити	того пустити
905	20	прилучаго	прилучаю
910	31	подоптливые	податливые
914	15	носла	посла
914	25	брети	бреги
914	48	спѣси	снѣси
914	56	сочтется	сотчется
915	13	дѣвинаго стручю	дѣвичю
915	12	едина	единаго струпа
916	5	отвѣшая	отвѣщая
918	16	нишивъ	напивъ
921	26	го	ко
923	1	Сатвръ	Ставръ
925	2	конницу	оконницу
925	21	повѣливѣе	повѣжливѣе
928	28	мытница	мытница
934	17	соединялось	соединялась
936	25	Багры	Вагры
938	19	епископъ	епископъ
940	10	исподѣдывали	исповѣдывали
941	41	иностриа	иностранца

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
987	16	16 п	ibn
988	4	къ путеш.	путеш.
988	10	Ньнъ	Ибнъ
995	6	Вручею	Вручего
997	16	воимина	волмина
998	15	въ семъ	въ селѣ
1002	15 и 22	скальи	скалви
1006	43	но	не
1008	4	отложить	отложишь
1010	10	Русути	Русу ти
1013	16	третника	третники
1014	26	мой	мои
1018	16	предати	продати
1018	31	посторожь	посторонь
1027	39	п	а
1031	41	но	ни
1040	46	борты	борти
1044	35	слобни	слободни
1045	28	кунець	купецъ
1046	23	куницемъ	купцемъ
1046	44	деятъ	девятъ
1058	25	по	ко
1061	6	Георгіево	Георгіеву
1061	18	зрѣри	звѣри
1066	42	тб	то
1069	55	на	да
1073	8	описаніи	описанію
1084	25	спискивать	снискивать
—	41	послѣдстія	послѣдствія
1093	18	перемѣмы	перемѣны
1094	37	начальчикахъ	начальникахъ
1098	1	человчку	человѣку
1108	39	были	была
1118	15	утлое	цѣлое
1120	26	*Прохорева*	*Прохорова*
1122	30	Язв.	Изв.
1129	3	нарѣй	царѣй
1134	27	на вашь	за вашь
1136	9	пивы	нивы
1142	30	толкмо	токмо
1146	38	*Промнецъ*	*Просинецъ*
1147	4	есе	еси
1148	11	имуменомъ	игуменомъ
1167	10	Воломеру	Володимеру
1169	20	вязь	князь
1171	13	Волоримерь	Володимерь
1179	24	огъ	отъ
1184	22	Бѣжицахъ	Бѣжицахъ
1194	15	на москов	на московьской
1200	32	Двивяне	Двиняне
1219	40	наче	паче
1220	6	внезану	внезапу
1225	1	истебляла	истребляла
1228	4	ив	не
1233	13	Новгоргда	Новгорода
1237	40	минты	минуты
1242	7	*Н. Д.*	*И. Д.*
1243	24	Печеченѣзи	Печенѣзи
1267	30	веведеть	ведеть
1276	16	коніа	копіа
1277	33	гололемь	гоголемь
1284	33	*иногородн ы*	*иногородцы*
1286	32	Болгаре	Болгаре
1290	26	пожреци	пожрети
1310	42	шитъ	щитъ
1342	30	тѣтомъ	тѣломъ
1343	4	никаго	никако
1351	24	тотовъ	готовъ
1357	39	ояскіе	ояскіе
1364	25	Суражане	Сурожане

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Язычество и христіанство въ древней Руси.

	Стр.
А. Памятники письменные:	
Нравы и обычаи Славянъ	1
Извѣстія о Славянахъ X в.	4
Объ Андреѣ Первозванномъ	7
Крещеніе св. Ольги	8
Идолы языческіе	12
Русскіе первомученики	13
Испытаніе вѣры	14
Крещеніе Руси	18
Новгородскій Перунъ	21
Крещеніе Новгородцевъ	22
Слово Иларіона	24
О Волхвахъ	35
Поученіе Ѳеодосія	40
Изъ слова Григорія Богослова	45
Языческія божества	46
Слово Серапіона	49
Слово пророка Исаіи	51
Изъ слова Григорія Богослова	53
Изъ слова отъ евангелья	54
Слово Христолюбца	55
Изъ слова Златоуста	59
Тоже	62
Слово Моисея	64
О идолахъ русскихъ	65
Б. Памятники народной поэзіи и ихъ историческов значеніе:	
Идолище поганое	68
Добрыня Никитичъ	70
Два стиха	73
Стихъ о грѣшницѣ	74
Объ историческомъ значеніи русскихъ пѣсенъ	76
Сказка и миѳъ	87
Пословицы, заговоры, загадки и примѣты	96
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:	
Развитіе языческихъ вѣрованій. *Аѳанасьева*	111
О славянской миѳологіи. *Ербена*	124
Богослужебные обряды Славянъ-язычниковъ. *Срезневскаго*	142
Распространеніе христіанства. *Преосв. Макарія*	153
О борьбѣ христіанства съ язычествомъ. *Знаменскаго*	159

II. Состояніе образованія.

1) Взглядъ на ученіе книжное.

	Стр.
А. Памятники письменные:	
Кириллъ и Меѳодій	179
О письменахъ черноризца Храбра	181
Ярославъ любитель книгъ	185
Послѣсловія рукописей	186
Предисловіе къ житію Ѳеодосія	188
Надпись на евангеліи	190
Послѣсловіе евангелія	191
Гаданье на книгѣ	—
Владиміръ волынскій	—

	Стр.
Древняя тайнопись	194
Послѣсловіе Лаврентьевской лѣтописи	196
Запись на книгѣ	197
Слово о четьи книгъ	198

2. Взглядъ на явленія природы.

	Стр.
Знаменія въ XI в.	169
Знаменіе въ Кіевопечерскомъ мон.	202
Сѣверныя сіянія	204
Солнечныя затмѣнія	205
Землетрясенія	207
Гаданія по явленіямъ природы	209
Безведріе	—
Голодъ	211
Кометы	213
Пожары	214
Дивныя явленія	217
Моръ	219
Вихрь, дождь, громъ	221
Сказаніе о трусѣ	223
Б. Преданія и легенды:	
Пророчество Варлаама о снѣгѣ	227
Изъ бесѣды Андрея съ Епифаніемъ	229
О сотвореніи солнца	231
Суевѣрія и примѣты	232

3. Византійское и славянское вліяніе.

	Стр.
А. Памятники письменные:	
О различныхъ мѣсяцахъ	235
О злыхъ женахъ	—
О Югрѣ и дикихъ народахъ	242
Изъ слова Кирилла Туровскаго	243
Слово Даніила Заточника	247
Хожденіе Богородицы по мукамъ	257
Слово о мытарствахъ	261
Посланіе Іакова болгарскаго м-ту Кириллу	267
Хожденія въ Царьградъ	269
Посланіе о раѣ	276
Перечень ложныхъ книгъ	281
Имена ангеловъ	285
Сказаніе о сотвореніи Адама	285
Лживыя молитвы и заговоры	289
О сотвореніи міра	291
Б. Памятники народной поэзіи:	
Легенда о Пятницѣ	293
Легенда о Ноѣ	294
Изъ повѣсти: »Александрія«	298
Стихъ объ Іоасафѣ	302
Стихъ о страшномъ судѣ	304
Стихъ о Ѳедорѣ Тиронѣ	306
О Голубиной книгѣ	310
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:	
Историческіе очерки міросозерцанія. *Щапова*	315
Характеръ древне-русской образованности. *П. Кирѣевскаго*	332
О Книжной литературѣ. *Пыпина*	352

III. Значеніе христіанства въ развитіи древне-русской жизни.

	Стр.
А. Памятники письменные:	
Изъ житія Ѳеодосія	365
Кіевопечерскіе иноки	379
Духовная Антонія	385
Житіе Антонія	386
Изъ житія Агапита	399
Житіе Авраамія	401
Объ Алексѣѣ м-тѣ	413

	Стр.
Житіе Стефана Пермскаго	423
Плачь о смерти Стефана	425
Изъ житія Сергія	429
Посланіе Кирилла Бѣлозерскаго	434
Другое посланіе его же	438
Вліяніе новгородскаго владыки	441
Дѣйствія м. Фотія	444
Дѣйствія Іоны	446
Посланіе духовенства Димитрію Юрьевичу	449
Б. Памятники народной поэзіи.—Былина:	
О Василіѣ Буслаевѣ	463
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:	
Нравственный характеръ древне-русскаго человѣка. *Соловьева*	467
Вліяніе христіанства на народъ	472
Государственное значеніе православія. *Кавелина*	488

IV. Управленіе древней Руси.

1. Власть духовная.

А. Памятники письменные:	
О Латинахъ	493
Слово Ѳеодосія	495
Избраніе владыки	499
Посланіе Симона къ Поликарпу	500
Посланіе патріарха Германа	506
Посольство папы къ Даніилу	508
Изъ правила м-та Кирилла	509
Изъ поученія его же	513
Ярлыкъ Узбека	515
Ярлыкъ Тайдулы	520
Дѣйствія м-та Ѳеогноста	521
Грамота Ѳеогноста	524
Повѣсть о Митяи	525
Уставная Діонисія	533
Избраніе архіепископа	537
Изъ посланія патріарха Антонія	538
Настольная м-та Кипріана	548
Грамота Кипріана	550
Отдѣленіе кіевской митрополіи	551
Посланіе м-та Фотія	552
Поученіе владыки Семіона	554
Благословенная грамота Павлу Обнорскому	555
О м-тѣ Сидорѣ	556
Б. Легенда:	
О построеніи Варяжской божницы	563

2. Власть свѣтская.

А. Памятники письменные:	
Отношеніе Владиміра къ дружинѣ	565
Отношеніе Новгорода къ князю	567
Убіеніе Игоря 1147 г.	—
Убіеніе Андрея Боголюбскаго	571
Обращеніе къ князьямъ	579
Романъ Галицкій	—
Борьба Мстислава съ боярами	580
Борьба Даніила съ боярами	583
Борьба Пскова съ княземъ	589
Борьба Новгорода съ княземъ	591
Волненіе въ Новгородѣ	592
Договорная Новгорода съ кн. Ярославомъ	593
Изгнаніе князя изъ Новгорода	595
Борьба Новгорода съ тверскимъ княземъ	597
Духовная І. Д. Калиты	598
Возстаніе въ Торжкѣ	601
Лука Ворѳоломѣевъ и сбойчатые люди	602
Слово о князѣхъ	604

	Стр.
Договорная Василія Дим. съ кн. Владиміромъ	604
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:	
Отношеніе епископовъ къ князьямъ и народу. *Макарія*	607
Замыслы папы. *Филарета*	615
Отношеніе приднѣпровскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ. *И. Бѣляева*	619
Дружина княжеская. *Соловьева*	624
Вѣче и князь. *Сергѣевича*	631

V. Законы и суды.

1. По дѣламъ духовнымъ.

	Стр.
А. Памятники письменные:	
Уставъ св. Владиміра	661
Уставъ Ярослава	663
Уставъ Всеволода	669
Уставная церкви Іоанна на Опокахъ	674
Уставная смоленской епископіи	676
Ярлыкъ Тайдулы до 1357 г.	681
Ярлыкъ Атюляка	682
Грамота Кипріана Псковичамъ	684
Уставная в. к. Василія Дим. и м-та Кипріана	685
Грамота архіеп. Іоны	688
Б. Преданіе:	
Видѣніе Спасова образа	689

2. По дѣламъ свѣтскимъ.

	Стр.
А. Памятники письменные:	
Правда русская	691
Завѣщаніе Владиміра галицкаго	695
Духовная Климента	696
Рядная Тѳшаты	698
Жалованная Калиты	699
Изъ Вислицкаго статута	—
Купчія	706
Духовная в. кн. Іоанна 1356 г.	707
Договорная Д. Ив. Донскаго и Владиміра Андр. съ Михаиломъ Александров.	711
Кабальная	716
Уставная	719
Жалованная новгородская	721
Изъ Псковской судной грамоты	722

3. О недостаткахъ древняго судопроизводства.

	Стр.
Изъ посланія м. Никифора къ Мономаху	735
Бесѣда еп. Симеона съ кн. Константиномъ	741
Б. Памятники народной поэзіи:	
Повѣсть о Шемякиномъ судѣ	741

4. Памятники, касающіеся сношеній Руси съ иностранцами.

	Стр.
Договоръ Игоря	745
Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами	751
Договоръ Мстислава смоленскаго съ Нѣмцами	752
Грамота смоленскаго кн. Ѳеодора къ рижскому епископу	759
Договоръ смоленскаго кн. Ивана съ рижскимъ Гермейстеромъ	760

Стр.

Договорная Полоцка съ Ливонс. орденомъ . . . 760
Полоцкая грамота Ливонскому ордену 762
Договорная Казиміра со Псковомъ . 763
Договорная в. кн. Василія съ Казиміромъ 765
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:

Стр.

Значеніе Божьихъ судовъ по рус. праву. *А. Лохвицкаго* 771
О юридическомъ значеніи духовенства. *Н. Калачова.* 787
О Магдебургскомъ правѣ. *Мацѣевскаго.* 802

VI. Общественная жизнь, нравы и обычаи.

А. Памятники письменные:

Извѣстія о Русскихъ 922 г. . . . 817
Поученіе Луки Жидяты 821
Поученіе Ѳеодосія. 823
Изъ посланія м. Іоанна 825
Паломникъ Данііла 829
Поученіе Владиміра Мономаха до 1125 г. 851
Каноническіе вопросы Кирика . . . 857
Споръ о постѣ. 864
Раскаяніе Игоря въ плѣну 865
Изъ слова о богатомъ и убогомъ . . 866
Похвалы княгинямъ. 868
Похвалы князьямъ 870
Похвалы епископамъ 872
Слово Серапіона о кончинѣ міра . . 875
Его же слово о мятежи житія сего 876
Поученіе м. Петра 877
Грабежъ на пожарахъ. 882
Изъ поученія до 1350 г. 884
Моръ 886
Ушкуйники 890
Поученіе отъ всѣхъ книгъ 892
Слово о пьянствѣ 896
Слово о челяди 897
Идеалъ князя 898
Убіеніе Юліаніи Вяземской 899
О началѣ Колочскаго монастыря . . 900
Исповѣданіе архіеписк. Ѳеодосія . . 904
Б. Памятники народной поэзіи:
Объ образѣ Спаса преданіе 907
Сказаніе о Михалицкомъ монастырѣ. 908
Стихъ о страшномъ судѣ 909
О Петрѣ и Ѳевроніи 911
Данила и Василиса. 919
Добрыня Никитичъ 923
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:
Характеръ Балтійскихъ Славянъ. *Гильфердинга* 929
Религіозные обычаи. *Филарета* . . 944
Несвободныя состоянія въ древней Россіи. *Чичерина* 952

VII. Промышленность и торговля

А. Памятники письменные:

Грамота Мстислава 989
Уставъ Святослава 991
Надпись на крестѣ Евфросиніи . . 992
Защита торговцевъ 993
Владимірскія церкви 995
Вкладная Варлаама 997
Данная Васильевскому монаст. . . 998
Убранство войска Данііла 999
Украшеніе г. Холма. 1000
Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами. 1001
Грамота кн. Андрея на Двину . . 1003
Грамота Рижанъ . . . . . —
Грамота архіеп. Ѳеоктиста 1008
Грамота Ганзейскому союзу. . . . —

	Стр.
Договорная Новгорода съ кн. Михаиломъ	1009
Торговый договоръ Полоцка съ Ригой	1011
Грамота Калиты на Двину	1012
Жалованная сокольникамъ	1013
Грамота Кестутія и Любарта	—
Жалованная Ярославскому мон.	1014
Закладная Власья	1015
Духовная игумена Василія	1016
Три купчія	1017
Жалованная Отрочу монаст.	1019
Жалованная Евсевку	1021
Духовная Остафья	—
Жалованная Андрею Фрязину	1025
Духовная Димитрія Донскаго	—
Уставная Кипріана	1033
Жалованная Спасскому монаст.	1035
Жалованная Толгскому монаст.	—
Обводная запись	1036
Купчая Червонно-русская	1037
Жалованная Солотчинскому мон.	1038
Жалованная Савво-сторожевскому мон	—
Договорная Полоцка съ Ригой	1041
Таможенная Молдавскаго господаря	1043

	Стр.
Неурожай въ 1422 г.	1047
Жалованная Троицкому Сергіеву мон.	1048
Ввозныя послушныя грамоты	1049
Заемная и закладная	1050
Данная Московс. Успенскому собору	1051
Показаніе Микулинича	1052
Денежное дѣло въ Новгородѣ	—
Жалованная Чухломскому мон.	1054
Купчая Кирилова мон.	1056
Б. Памятники народной поэзіи:	
Сказаніе о Щиловѣ мон.	1055
Стихъ о Егоріѣ	1059
Олегъ Святославичъ	1065
Микула Селяниновичъ	1067
Садко богатый	1070
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:	
Торговля древней Руси. *Карамзина*	1073
Объ имуществахъ рус. духовенства. *Вл. Милютина*	1076
О поземельномъ владѣніи. *Н. Бѣляева*	1102

VIII. Областная борьба и возвышеніе Москвы.

А. Памятники письменные:	
Племена славянскія	1123
О народѣ русскомъ изъ Синопсиса	1127
Смерть Игоря и месть Ольги	1132
Убіеніе Бориса и Глѣба	1137
Ослѣпленіе Василька	1142
Борьба между князьями 1146 г.	1155
Переговоры съ Володимеркомъ	1159
Борьба Новгородцевъ съ Суздальцами	1162
Междоусобія въ Рязани	1166
Борьба города Владиміра съ Рязанью 1207	1168
Липицкая битва	1171
Междоусобія во Владимірѣ	1182
Договорная Новгорода съ вел. кн. тверскимъ Александромъ Михайловичемъ 1327 г.	1184
Отношенія между Новгородомъ и Псковомъ	1186
Борьба Москвы съ Рязанью 1371	1187
Борьба Новгорода съ Тверью 1372.	1188
Борьба Москвы съ Тверью 1375.	1191
Договорная в. кн. рязанскаго Олега Ив. съ в. кн. Дмитріемъ Ив. и братомъ его кн. Владиміромъ Андреевичемъ 1381	1193
Подчиненіе Нижняго Новгорода Москвѣ	1196

	Стр.
Борьба Москвы съ В. Новгородомъ Подчиненіе Суздаля Москвѣ	1204
Изыманіе московскаго князя въ Троицкомъ мон. 1446 г.	1205
Посланіе Іоны Вятчанамъ	1209
Усмиреніе Новгорода московскимъ княземъ	1211
Б. Народныя преданія:	
Сказаніе о началѣ Москвы	1213
Пророчество о Москвѣ святителя Петра	1219
Былина о Василіѣ Буслаевѣ	1220
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:	
Взглядъ на древне-русскую исторію. *Н. Полевого*	1223
Единство русской земли при областной раздробленности. *К. Аксакова*	1234

IX. Борьба Руси съ разными племенами и народами.

1. Степняки.

А. Памятники письменные:	
Авары, Хозары и Печенѣги	1243
Набѣгъ Печенѣговъ 992 г.	1246
Осада Бѣлгорода	1248
Косоги	1250
Половцы	—
Борьба съ половцами	1251
Нашествіе Боняка	1255
Походъ Игоря на Половцевъ	1256
Б. Памятники народной поэзіи:	
Слово о полку Игоревѣ	1265
Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ	1278

2. Волжскіе Болгары.

А. Памятники письменные:	
Сношенія и борьба съ Болгарами	1285
Побѣды надъ Болгарами	1287
Отношенія къ Болгарамъ въ XIII в.	1291
Битва съ Болгарами и казанскими Татарами	1293

3. Татары.

Битва при Калкѣ	1215
Нашествіе Батыя	1301
Побоище Батыево	1307
Сказаніе о татарахъ. *Плано-Карпини*	1312
Кончина кн. Михаила въ Ордѣ	1316
Даніилъ Галицкій въ Ордѣ	1322
Возстаніе противъ Татаръ 1262 г.	1324
Убіеніе кн. Романа	1325
Житіе Петра ордынскаго	1326
Сказаніе о Михаилѣ тверскомъ	1337
Житіе Александра тверскаго	1349
Битва съ Арапшей	1352
Слово о Задонщинѣ	1354
Нашествіе Тохтамыша	1361
Крещеніе Татаръ 1390 г.	1373
Нашествіе Тамерлана	1374
Нашествіе Едигея	1380
Посланіе Едигея	1385
Плѣненіе г. Владиміра Талычемъ	1387
Б. Памятники народной поэзіи:	
Отъ чего перевелись витязи на св. Руси	1387
Щелканъ Дудентьевичъ	1389
Илья и Батый	1391
Изъ пѣснопѣній въ честь Меркурія	1396
Легенда о Егоріѣ и Татарахъ	1398

4. Племена Финскія.

	Стр.		Стр.
Борьба съ Финнами въ XI и XII в.	1401	Борьба съ ними въ XIV в.	1407
Борьба съ ними въ XIII	1404	Мордва	1408

5. Нѣмцы и Шведы.

Отношеніе Новгорода къ Нѣмцамъ и Шведамъ	1411	Борьба съ Шведами въ XIV в.	1425
Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ	1412	Борьба съ Нѣмцами	1427
Борьба съ Шведами	1421	О королѣ Магнусѣ	1428
Договоръ Новгорода съ Шведами 1323 г.	1423	Рукописаніе Магнуша	1430
		Борьба съ Нѣмцами	1432
		О томъ же	1434

6. Латышскія племена.

Ятвяги	1437	Подчиненіе Смоленска Литвѣ	1459
Отношенія Руси къ Ятвягамъ	1441	Нашествіе Витовта на Псковъ	1460
Литовскія вѣрованія	1443	Тоже	1462
Борьба съ Литвой	1445	*В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:*	
Сказанія о кн. Довмонтѣ	1446	Слѣдствія татарскаго нашествія. *В. Стоюнина*	1465
Гедиминъ	1450	Куликовская битва. *Н. Костомарова*	1474
Казиміръ	1451	О литовскомъ княжествѣ. *Коялловича*	1494
Походъ Ольгерда на Новгородъ	1452		
Первый походъ его къ Москвѣ	1453		
Второй походъ	1455		
Битва подъ Мстиславлемъ	1456		
Листъ перемирный тверскаго кн. Бориса съ Витовтомъ	1457		

Указатель древнихъ памятниковъ въ хронологическомъ порядкѣ 1509

Указатель памятниковъ по родамъ и видамъ 1511

I. ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТІАНСТВО ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

1. Нравы и обычаи Славянъ.

Имяху бо обычаи свои *(Славяне)* и законъ отець своихъ и преданья, кождо *(каждое племя)* свой нравъ.

Поляне (*Кіевляне*) бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыденье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыденье имѣху; брачныи обычаи имяху; не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътря приношаху по ней, что вдадуче [1]. А *Древляне* живяху звериньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но *умыкиваху* [2] у воды дѣвиця. И *Радимичи*, и *Вятичи*, и *Сѣверъ* (Сѣверяне) [3] одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще вся нечисто; срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся (*соглашался*); имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху *трызну* [1] надъ нимъ, и по семъ творяху кладу (*костеръ дровъ*) велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а по семъ собравше кости, вложаху въ судину (*посуду*) малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая *Кривичи*, прочіи погани, не вѣдуще закона божья, но творяще сами собѣ законъ...

(Лаврент. списокъ лѣтописи, помѣщенный въ Пол. Собр. Рус. Лѣтоп., изд. Археогр. Ком. т. I, стр. 6).

См. также „Лѣтопись Несторова по древнѣйш. сп. мниха Лаврентія,“ изд. *Профес. Тимковскаго*. М. 1824, списокъ Радзивиловскій въ Рос. Историч. Библ., изд. Акад. Н. I. 1767. Софійс. Времен. въ Пол. С. Лѣт. V. 81—155. Воскресенс. списокъ. Тамъ же т. VII, 260—345.

Лаврентьевская лѣтопись получила названіе свое отъ имени писца монаха Лаврентія, который переписалъ ее въ 1377 г., и этотъ списокъ досель считается древнѣйшимъ. Въ немъ заключается первоначальная лѣтопись, которая приписывается преп. Нестору (до

(1) Т. е. съ вечера приводили невѣсту, а на другой день приносили приданое. Похвала лѣтописца обычаямъ Полянъ или Кіевлянъ и униженіе другихъ племенъ справедливо считаются пристрастными, п. ч. лѣтопись писана въ Кіевѣ.

(2) *Умыкать*—умчать, увести, похитить.

(3) О разныхъ племенахъ Славянскихъ см. въ этой Христоматіи далѣе.

(1) *Тризна*—языческіе похоронные и поминальные обряды.

1110 г.) и лѣтопись Суздальская (съ 1112 до 1305 г.), сохранившая преимущественно событія Ростовской, Владимірской и Суздальской областей. Временникъ Нестора, современный Зонарю и Косьмѣ Пражскому, и предварившій Гельмольда и Кадлубека, составляетъ первоначальный памятникъ отечественнаго бытописанія, по справедливости пользующійся всемірною извѣстностью. Онъ проливаетъ свѣтъ на глубокій сѣверъ IX, X и XI столѣтій, увѣковѣчиваетъ бытіе Руси непреложностью сказаній о ея происхожденіи и сообщаетъ свѣдѣнія о дѣяніяхъ древнихъ князей, на пространствѣ вѣковъ, непосредственно слѣдовавшихъ за эпохою государственнаго возрожденія. Это—священная книга народа.

Лѣтопись составлена изъ народныхъ преданій, статей греческихъ хроникъ, отдѣльныхъ повѣстей о частныхъ лицахъ, напр. о Кириллѣ и Меѳодіѣ, Борисѣ и Глѣбѣ, ослѣпленіи Василька, изъ поученій и лѣтописныхъ замѣтокъ современниковъ, которыя можно видѣть до 986 и 1054 г. (Лавр. 8).

О русскихъ лѣтописяхъ можно читать слѣд. статьи и сочиненія: Несторъ, рус. лѣтописи на древне-словенс. яз. *Авг. Шлецера*, въ перев. Языкова 1809—1819, 3 ч. Изслѣдов. замѣч. и лекціи *М. П. Погодина* 1, 91—97; IV, 1—70. Оборона лѣтоп. Нестора *П. Буткова*. Спб. 1840. О Несторѣ и его продолжателяхъ. *Н. Б—ва*. Вѣстн. Евр. 1810, ч. 53, № 20, стр. 279; ч. 53. Сынъ Отеч. 1834, CLXVIII; 1835, CLXIX и CLXX. Вѣстн. Евр. 1811, ч. 59, № 18, стр. 19, 106; 1809, ч. 48, № 18, 133. О мнимой древности, первобытномъ состояніи и источникахъ нашей лѣтоп. *С. Строева* Спб. 1834. О лѣтописяхъ статьи во Временникѣ, кн. 1. 2. 3. 5. 7. 13. Историко-критич. разсужд. о началѣ рус. лѣтописей. *М. П. Погодина*. М. 1839. Рус. Историч. Сбори. IV. О рус. лѣтоп. и лѣтописателяхъ до 1240 г. *В. Перевощикова*. Спб. 1836. О лѣтописяхъ *Польнова*. Уч. Зап. Акад. Н. 1, 59. Ж. Мин. Народ. Просв. XVIII. 1. Библіографич. обзоръ рус. лѣт. *Польнова*. Спб. 1850. О Несторѣ. *П. С. Казанскаго*. Отч. Зап. 1851, LXXIV, 8, с. 80. О значеніи рус. лѣтоп. въ духовн. развитіи народа. *Клеванова*. Чт. общ. 1848, кн. I. О древней лѣтописи, какъ памятн. литературномъ. *М. И. Сухомлинова*. Уч. Зап. 2 отд. Акад. III. Ист. Рос. *С. М. Соловьева*. III. 116. 133. IV, 371—84. Замѣчанія *И. И. Срезневскаго*: Изв. Акад. II, 23. 26. 77. О южно-рус. лѣтоп. издан. Н. Бѣлозерскимъ. *Н. И. Костомарова*. От. Зап. 1857, CX, II. 114—23. Рус. Бесѣда 1857, III. 45. Лекціи по Рус. Ист. *Костомарова*. Спб. 1861. Взглядъ на лѣтописи. Прав. Собес. 1859, II, 45. 414; 1860, I, 385; II, 46. 176. Духъ Христіан. 1861, № 2. 3. Чт. общ. Ист. Годъ 2-й, V. О преданіяхъ въ древне-рус лѣтоп. *Сухомлинова*. Основа. 1861, № 7. О составѣ рус. лѣтоп. до конца XIV в. *Бестужева—Рюмина*. Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1868, IV кн. и отдѣльно. По вопросу о первыхъ рус. лѣтописцахъ. *А. Разсудова*. Моск. Универс. изв. 1868, № 9.

2. Извѣстія о Славянахъ начала X вѣка.

Славяне не имѣютъ ни виноградниковъ, ни пашень. Изъ дерева выдѣлываютъ они родъ кувшиновъ, въ которыхъ находятся у нихъ и ульи для пчелъ и сберегается медъ пчелиный. Зовутся эти кувшины *улилщ* и заключаютъ въ себѣ каждый около 10 кружекъ меду. Разведеніемъ свиней занимаются они, равно какъ другіе овцеводствомъ (1). Когда умираетъ кто-либо изъ нихъ, они сожигаютъ трупъ его. Женщины ихъ, когда случится у нихъ покойникъ, царапаютъ себѣ ножемъ руки и лица. На другой день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ за тѣмъ на холмъ. Чрезъ годъ, по смерти покойника, берутъ кувшиновъ 20 меду, иногда нѣсколько больше, а иногда меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ, гдѣ родственники покойнаго собираются, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся. Если у покойника было 3 жены, то та изъ нихъ, которая утверждаетъ, что она особенно любила его, приноситъ къ трупу его 2 столба и вбиваетъ ихъ стоймя въ землю, потомъ кладетъ третій столбъ поперекъ, привязываетъ посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конецъ этой веревки завязываетъ вокругъ своей шеи: тогда скамью вытаскиваютъ изъ подъ нея, и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ. Послѣ этого трупъ ея бросаютъ въ огонь, гдѣ онъ и сгараетъ.

Всѣ Славяне—огнепоклонники. Хлѣбъ наиболѣе ими воздѣлываемый—просо. Въ

(1) Мусульманина, которому запрещала религія употребленіе свинины, поражало это обстоятельство.

пору жатвы кладутъ они просяныя зерна въ ковшъ, поднймаютъ его къ небу и говорятъ: ,,Господи, ты, который даешь намъ пищу, снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ!“ Есть у нихъ разнаго рода лютни, гусли и свирѣли; послѣднія длиною въ два локтя, лютня же ихъ осмиструнная. Хмѣльной напитокъ приготовляютъ изъ меду. При сожиганіи покойниковъ предаются шумному веселью, выражая тѣмъ радость свою, что Богъ оказалъ милость покойному, взявъ его къ себѣ. Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыхъ лошадей имѣетъ только одинъ человѣкъ (?). Вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другаго оружія не имѣютъ...

Въ землѣ Славянъ холодъ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, который покрываетъ деревянною остроконечною крышею, какія видимъ у христіанскихъ церквей, и на крышу эту накладываютъ земли. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ, и взявъ нѣсколько дровъ и камней, раскаляютъ послѣдніе на огнѣ до красна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливаютъ ихъ водой, отчего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жильѣ остаются до самой весны...(1)

Когда у кого изъ Руси родится сынъ, отецъ новорожденнаго беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его предъ дитятею и говоритъ: ,,Не оставлю въ наслѣдство тебѣ никакаго имущества: будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечемъ...“ Единственный промыселъ ихъ— торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые и продаютъ они жела-

(1) Очевидно, здѣсь описываются землянки, которыя устроивали наши предки для бань, а иногда и для жилья. См. ниже преданіе объ Андреѣ Первозванномъ.

лающимъ; плату же получаемую деньгами, завязываютъ накрѣпко въ пояса свои. Съ рабами обращаются хорошо... Гостямъ оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто бываетъ у нихъ, не позволяя никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его... Когда кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другаго, то зоветъ его на судъ къ царю, предъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя не довольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію; чей мечь острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту родственники (обѣихъ тяжущихся сторонъ) приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ.

Есть у нихъ, изъ среды ихъ, *врачи (жрецы)*, имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву творцу ихъ, что ни вздумается имъ: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ,—не исполнить приказанія его нельзя никоимъ образомъ. Взявъ человѣка или животное, врачъ накидываетъ ему петлю на шею, навѣшиваетъ жертву на бревно и жметъ, пока она не задохнется. Тогда говоритъ: ,,вотъ это—жертва Богу...“ Когда умираетъ у нихъ кто-либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, со-

суды съ напитками и чеканеную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живою и любимую жену покойника. Затѣмъ отверзтіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи.

(Извѣстія арабс. писателя Ибнъ-Даста. Изд. Д. А. Хвольсона 1869 г. стр. 28—40).

Обратить вниманіе на языческій бытъ Славянъ.— Съ другими арабскими писателями о Россіи можно познакомиться изъ сочиненія *Френа* Ibn— Foszlans und anderer Araber Berichte... Спб. 1823; также *Шармуа* Memoires de l'Akademie Imper. des Sciens de St. Peterb. 1834, VI. 317; *Аделунга* Объ иностранныхъ путешественникахъ по Россіи М. 1866.

3. Объ Андреѣ Первозванномъ.

А Днѣпръ втѣчеть въ Понетьское море жереломъ (1), еже море словеть Русское, по нему же училъ св. Оньдрѣй, братъ Петровъ. Оньдрѣю учащю въ Синопіи и пришедшю ему въ Корсунь (*Херсонъ*), увидѣ, яко изъ Корсуня близь устье днѣпрьское, въсхотѣ поити въ Римъ, и приде въ устье днѣпрьское; оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ (*вверхъ*) и по приключаю (*случаю*) приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: ,,видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяеть благодать божья, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути имать.'' Вшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помоливъся Богу и сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Кіевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идѣже нынѣ Новъгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычаи имъ, и какъ ся мыють, хвощутся (*парятся вѣникомъ*), и удивися имъ. Иде въ Варяги и приде въ Римъ, исповѣда, елико (*сколько*) научи и елико видѣ и рѣче имъ: ,,дивно видѣхъ Словеньскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережьгутъ ѣ рамяно (1), совлокуться и будуть нази, и облѣются квасомъ усніянымъ (2), и возмуть на ся (*себя*) прутье младое, бьются сами и того ся добьють, егда влѣзуть ли (*еле*) живи, и облѣются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни немучими никимъже, но сами ся мучать, и то творять не мовенье собѣ, а мученье.'' Тѣ слышаще дивляхуся; Оньдрѣй же бывъ въ Римѣ, приде съ Синопію.

(П. Собр. Лѣт. 1, 3—4).

(1) *Понетьское* — Черное море. *Жереломъ* — жерломъ, устьемъ.

Объ апостолѣ Андреѣ см. «Изслѣд. объ ист. и древн. Херсонеса Таврич.» Кене. Спб. 1848.

4. Крещеніе св. Ольги и характеръ Святослава.

а. Въ лѣто 6456. Въ лѣто 6457. Въ лѣто 6458. Въ лѣто 6459. Въ лѣто 6460. Въ лѣто 6461. Въ лѣто 6462. Въ лѣто 6463 (3) (955). Иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь имянемъ Цѣмьскій; и ириде къ нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъ ся царь разуму ея, бесѣдова къ ней и рекъ ей: ,,подобна еси царствовати въ градѣ съ нами.'' Она же разумѣвши рече ко царю: ,,азъ погана есмь (*язычница*), да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ни, то не крещюся,'' и крести ю царь съ патреархомъ. Просвѣщена же бывъши, ра-

(1) Накалятъ ихъ до красна.

(2) *Усніе* — кожа; квасомъ кислымъ, которымъ отквашиваютъ овчины.

(3) Такая форма означенія годовъ доказываетъ, что первоначально дѣлали таблицы годовъ и подъ ними отмѣчали достойное памяти, пропуская годы, когда не случилось ничего замѣчательнаго.

довашеся душею и тѣломъ; и поучи ю патреархъ о вѣрѣ, рече ей: „благословена ты въ женахъ рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави; благословити тя хотять сынове рустіи въ послѣдній родъ внукъ твоихъ.“ И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста: она же поклонивши главу, стояше аки губа напаяема внимающи ученья; поклонившися патреарху, глаголющи: »молитвами твоими, владыко, да схранена буду отъ сѣти непріязньны.« Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати великаго Костянтина. Благослови ю патреархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь и рече ей: »хощю тя пояти собѣ женѣ.« Она же рече: »како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дъщерью? а въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси.« И рече царь: »переклюкала (*перехитрила*) мя еси, Ольга;« и дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патреарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: »людье мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюлъ отъ всякого зла.« И рече патреархъ: »чадо вѣрное! во Христа крестилася еси и во Христа облечеся. Христосъ имать схранити тя; якоже схрани Еноха въ первыя роды, и потомъ Ноя въ ковчезѣ, Аврама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисѣя отъ Фараона, Давыда отъ Саула, 3 отроци отъ пещи, Данила отъ звѣрій, тако и тя избавить отъ непріязни и отъ сѣтій его;« благослови ю патреархъ, и иде съ миромъ въ свою землю и приде Кіеву. Се же бысть, якоже при Соломанѣ, приде царица Еѳіопьская къ Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамянья: такоже и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости божьи, но она человѣчьски, а си божья. Ищющи бо мудрости обрящють. Премудрость на исходищихъ поется, на путехъ же деръзновенье водить, на краихъ же забральныхъ (*на крьпостяхъ*) проповѣдаеть, во вратѣхъ же градныхъ дерзающи глаголеть; елико бо лѣтъ незлобивіи держатся по правду, не постыдятся. Си бо отъ възраста блаженая Ольга искаше мудростью все въ свѣтѣ семъ, налѣзе (*нашла*) биссеръ многоцѣньныхъ, еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: желанье благовѣрныхъ наслажаетъ душю; и приложиши сердце твое въ разумъ; азъ любящая мя люблю, и ищущіи мене обрящють мя. Господь рече: приходящаго ко мнѣ не иждену вонъ. Си же Ольга приде Кіеву и присла къ ней царь гречьскій, глаголя: »яко много дарихъ тя; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвращюся въ Русь, многи дары пришлю ти, челядь, воскъ и скъру (1), и вои въ помощь.« Отвѣщавши Ольга и рече къ сломъ: »аще ты,« рьци, »такоже постоиши у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду (2), то тогда ти дамъ« — и отпусти слы (*послы*) съ рекъши.

Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть и мати креститися, и не брежаше того ни во уши пріимати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестьянска уродьство есть; не смыслиша бо, ни разумѣша во тьмѣ ходящіи, и не вѣдять славы господня, одоблѣша бо сердца ихъ, ушима тяжько слышати, очима видѣти. Рече бо Соломанъ: дѣла нечестивыхъ далече отъ разума; понеже звахъ вы и не послушасте мене, прострохъ словеса и не внимасте, но отметасте моя съвѣты, моихъ же обличеній не внимасте; възненавидѣша бо пре-

(1) *Челядь* — рабовъ, *скъру* — шкуры, мѣха, оттуда сл. *скорнякъ*.
(2) *Суда*—гавань цареградская.

мудрость, а страха господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати съвѣтъ, подражаху же мои обличенья. Якоже бо Ольга часто глаголашеть: »азъ, сыну мой, Бога познавъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь.« Онъ же не внимаше того, глаголя: »како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ? а дружина сему смѣятися начнуть.« Она же рече ему: »аще ты крестишися, вси имуть тоже створити.« Онъ же не послуша матере, творяше норовы (*обычаи*) поганьскія, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, въ бѣду впадаеть; яко же рече: аще кто отца, ли матере не постушаеть, но смерть пріиметъ. Се же ктому гнѣвашеся на матерь. Соломанъ бо рече: кажай злыя пріемлеть собѣ досаженье, обличаяй нечестиваго поречеть собе; обличенья бо нечестивымъ мозолье суть; не обличай злыхъ, да не възненавидять тебе. Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рькущи: »воля божья да будеть; аще Богъ хощеть помиловати рода моего и землѣ Рускіѣ, да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу; якоже и мнѣ Богъ дарова.« И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его.

6. Въ лѣто 6464. Въ лѣто 6465. Въ лѣто 6466. Въ лѣто 6467. Въ лѣто 6468. Въ лѣто 6469. Въ лѣто 6470. Въ лѣто 6471. Въ лѣто 6472 (964). Князю Святославу възрастѣшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ (*леопардъ*), войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ (*войлокъ*) постлавъ и сѣдло въ головахъ: такоже и прочіи вои его вси бяху. Посылаше къ странамъ глаголя: »хочю на вы ити« ...

в. Въ лѣто 6477 (969). Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: »нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ (*Венгровъ*) сребро и комони (*кони*), изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь.« Рече ему Волга: «видиши мя больное сущю, камо (*куда*) хощеши отъ мене ити?» бѣ бо разболѣлася уже, рече же ему: »погребъ (*схоронивъ*) мя, иди же аможе (*куда*) хочеши.« По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великимъ, несоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ (1), сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущія крестьяньстѣй земли, аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся аки бисеръ въ (*грязи*) калѣ; кальни бо бѣша, грѣхъ не омовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся грѣховныя одежа ветхаго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Христосъ...

(*П. Собр. Лът. 1, 25—29).*

5. Идолы языческіе.

И нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ (980), и постави кумиры (*идолы*) на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ (2), и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. Жря-

(1) Языческихъ похоронныхъ и поминальныхъ обрядовъ не дѣлать, п. ч. имѣла священника.

(2) Изъ этого *уса злата* позднѣе лѣтописцы, Герберштейнъ и польскіе историки сдѣлали бога *Услада.*

ху (*приносили жертвы*) имъ, наричюще я богы, привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами (*жертвами*) своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмъ — отъ. . . Володимеръ же посади Добрыну уя (*дядю*) своего въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородстіи аки Богу.

(*Лавр. 34*).

6. Русскіе первомученики.

В лѣто 6491 (983). Иде Володимеръ на Явтяги, и побѣди Явтяги и взя землю ихъ, и иде Киеву, и творяще потребу кумиромъ с людми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ (*бросаемъ*) жребии на отрока и дѣвицю; на негоже падеть, того зарѣжемъ богомъ. Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви Святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ: бѣ же Варягъ то пришелъ изъ Грекъ, держаше вѣру хрестеяньску, и бѣ оу него сынъ красенъ (*красивъ*) лицемъ и душею, на сего паде жребии по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имыи надо всѣми, и се бяшеть ему аки тернъ в сердци, тѣщашеся (*старался*) потребити оканьныи наоусти (*подучилъ*) люди. Рѣша пришедше послании к нему: яко паде жребии на сынъ твои, изволиша бо и бози собѣ; да створимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: »не суть бо бози, но древо; днесь есть, а оутро изъгнееть; не ядять бо, ни пьютъ, ни молвять, но суть дѣлани руками в деревѣ; а Богъ есть единъ, емуже служать Грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, далъ есть ему жіть на земли: а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ.« Они же шедше повѣдаша людемъ; они же вземше оружье, поидоша нань, и розъяша дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: вдаи сына своего, да вдамы богомъ. Онъ же рече: »аще суть бози, то единого собе послютъ бога, да имуть сынъ мои; а вы чему претребуете?« И кликнуша и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша я, и не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда человѣци невѣголоси (*невѣжи*) и погани; дьяволъ радовашеся сему, невѣдыи, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ хрестеяньскии, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и в онѣхъ странахъ; сде же мняшеся оканьныи: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли. Невѣдыи пророка глаголюща: и нарекъ не дюди моя люди моя; о апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и в конецъ вселенныя глаголи ихъ. Аще и тѣломъ апостоли не суть сде были, но оученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣи в церквахъ. Имьже оученьемъ побежаемъ противнаго врага, попирающе подъ нози; якоже попраста и си, приемше вѣнецъ небесныи съ святыми мученики и праведники.

(*Изд. Тимков. 50—51. П. Собр. Лът. 1, 35*).

7. Испытаніе вѣры.

В лѣто 6494 (986). Придоша Болгары вѣры Бохмичѣ (1), глаголюще (*Владиміру*): яко ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣсі закона; но вѣруи в законъ нашъ, и поклонися Бохмиту. И рече Володимеръ: како есть вѣра ваша? Они же рѣша: вѣруемъ Богу, а Бохмитъ ны оучитъ, глаголя: свинины не ясти,

(1) Магометовой, мусульманской.

вина не пити; дасть Бохмитъ комуждо по семидесятъ женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будеть ему жена; Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены, послушаше сладко; но се ему бѣ нелюбо, и о неяденьи мясъ свиныхъ, а о питьи отинудь; рька: *Руси есть веселье питье, не можемъ без того быти*. Потомъ же придоша Нѣмьци глаголюще: придохомъ послании отъ папежа (*папы*); и рѣша ему: реклъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся и Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть. Володимеръ же рече: кака заповѣдь ваша? они рѣша: пощенье по силѣ; аще кто пьеть или ясть, то все въ славу божью, рече оучитель нашь Павелъ. Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: *идьте опять, яко отці наши сего не прияли суть*. Се слышавше Жидове Козарьстии придоша, рекуще: слышахомъ, яко приходиша Болгаре и Хрестеяне, оучаще тя ктоже (*каждый*) вѣрѣ своеи; Хрестеяне бо вѣрують, егоже мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу авраамову, исакову, яковлю. И рече Волидимеръ: что есть законъ вашь? они же рѣша: обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити. Он же рече: *то гдь есть земля ваша?* они же рѣша: въ Ерусалимѣ. Онъ же рече: *то тамо ли есть?* они же рѣша: разъгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Хрестеяномъ. Он же рече: *то како вы иныхъ оучите, а сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите прияти?*

Посемь же присласа Грьци къ Володимеру Философа, глаголюще сице: слышахомъ, яко приходили суть Болгаре, оучаще тя прияти вѣру свою, ихъже вѣра оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человѣкъ, оуподобльшеся Содому и Гомору... Слышахом же и се, яко приходиша отъ Рима поучить васъ к вѣрѣ своеи, ихъже вѣра маломъ с нами разъвращена (*малымъ отъ нашей разнится*); служать бо опрѣсноки, рекше (*т. е.*) оплатки, ихъже Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити... Рече же Володимеръ: придоша ко мнѣ Жидове, глаголюще: *яко Нѣмци и Грьци вѣрують, и егоже мы распяхомъ*. Философъ же рече: въистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко Богу родитися, а друзии, распяту быти, и погребену, а 3-й день воскреснути и на небеса взити; они же пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбыться пророченье сихъ съниде на землю, и распятье прия, и въскресъ, на небеса взиде: на сихъ же ожидаше покаянья за 46 лѣтъ, и не покаяшася и посла на ня Римляны, грады ихъ разбиша, и самы расточиша по странамъ, и работають въ странахъ. Рече же Володимеръ: *то что ради сниде Богъ на землю, и страсть такою прия?* отвѣщав же Философъ рече: аще хощеши послушати, да скажу ти из начала, чьсо ради сниде Богъ на землю. Володимеръ же рече: послушаю радъ (1).

В лѣто 987. Созва Володимеръ боляры своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: приими законъ нашь; посем же приходиша Нѣмци и ти хваляху законъ свои; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хуляще вси законы, свои же хваляще и много глаголаша ска-

(1) Далѣе въ лѣтописи изложена свящ. исторія отъ сотворенія міра, какъ написана въ *Палеѣ*, книгѣ древностей, отъ греч. *палеосъ*—древній.

зающе отъ начала миру, о бытьи всего мира; суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ, и другии свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть *(де)*, в нашю вѣру ступить, то паки, оумеръ, станеть и не оумреті ему в вѣки; аще ли въ інъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти: да что оума придасте? что отвѣщаете? И рѣша бояре и старци: *вьси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить;* аще хощеши испытати гораздо, то имаши оу собе мужи; пославъ испытати когождо ихъ службу, и како служить Богу. И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены числомъ 10, и рѣша имъ: идѣте первое в Болгары, и испытаите первое вѣру ихъ. Они же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланяньe в ропати *(капищѣ)*; придоша в землю свою, и рече имъ Володимеръ: идѣте паки в Нѣмци, и съглядаите такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки. Они же придоша в Нѣмци, съглядавше церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша, они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ во тот же день. Наоутрия посла къ патреарху, глаголя сице: придоша Русь пытающе вѣры нашея, да пристрои церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительския ризы, да видять славу Бога нашего. Си слышавъ патреархъ, повелѣ создать крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними въ церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, предстоянье дьаконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывше, оудивившесь, похвалиша службу ихъ. И призваша є царн Василии и Костянтинъ, рѣста имъ: идѣте в землю вашю, и отпустиша я с дары велики и съ честью. Они же придоша в землю свою, и созва князь боляры своя и старца. Рече Володимеръ: се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее, и рече: скажите предъ дружиною. Они же рѣша: *яко* ходихомъ в Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рѣкше в *ропати*, стояще *бес пояса*; поклонився, сяде и глядить сѣмо и онамо яко бѣшенъ, бо нѣсть веселья в нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добро законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли; нѣсть бо на земли такаго вида, ли красоты такоя, и недооумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ (*тамъ*) Богъ с человѣки пребываеть, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы оубо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще оукусить сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не имамы сде быти.« Отвѣщавше же боляре рекоша: *аще бы лихъ законъ гречьскии, то не бы баба твоя приятла Ольга, яже бѣ мудрѣиши всѣхъ человѣкъ.* Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: кде крещенье пріиметъ? они же рекоша: гдѣ ти любо.

(*Изд. Тимковс. 52. 55. 72—74. П. Собр Лѣт. 1, 36—46*).

8. Крещеніе Руси 988 г.

Володимеръ же посемъ поемъ царицю (1) и Настаса, и попы корсуньски с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на бла-

(1) Анну, сестру царя греческаго, за мужъ за себя.

гословенье себѣ. Постави же церковь в Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу (1), яже церкви стоить и до сего дне. Взя же, ида (*идя*), мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, якоже невѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля (2), а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи (*ниспровергнуть*), овы осѣчи, а другия огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручаи, а 12 мужа пристави тети жезлиемъ (*бить палками*). Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше симъ образомъ человѣкы, да възмездье прииметь отъ человѣкъ, а поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: аще кде пристанеть вы, то отрѣваите его отъ берега, дондеже порогы проидеть; то тогда охабитеся (*бросьте*) его, они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ....

Посемь же Володимиръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли оубогъ, или нищь, ли работникъ,—противенъ мнѣ да будеть. Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголяще: *аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли.* Наоутрия же изиде Володимиръ с попы царицины и с корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся бещисла люди; влѣзоша в воду и стояху

(1) *Приспа,* т. е. насыпь, которую дѣлали Русскіе при осадѣ Корсуня, а Греки по ночамъ *крали.*

(2) *Дѣля* — ради царицы, т. е. Анны, на которой женился Владиміръ; за нее и возвратилъ онъ Корсунь въ видѣ *вѣна* (выкупа за невѣсту).

овы до шие, а друзи до персии (*груди*), младии же отъ берега, друзии же млади держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си вѣдѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня гляголаше: оувы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть оученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, иже служаху мнѣ; и се оуже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ (*невѣждъ*), а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ; не имамъ оуже царствовати въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя; Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, рече: »Боже створивыи небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, Господи, оувѣдѣти тобе истиньнаго Бога, якоже оувѣдѣша страны хрестьянскыя; оутверди и вѣру в нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его.« И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумири; и постави перковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати оу нарочитое чади (1) дѣти, и даяти нача на оученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся оутвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся. Сим же раздаяномъ на оученье книгамъ, събысться пророчество на Руссьтѣи земли, глаголющее: во оны дние оуслышать глусіи словеса книжная, и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ.

(1) Знатныхъ людей.

Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по божью строю, и по милости своеи помилова Богъ, якоже рече пророкъ: помилую, егоже аще помилую. Помилова бо ны пакы банею бытья и обновленьемъ духа, по изволенью божью, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, иже възлюби новыя люди, Руськую землю, просвяти ю крещеньемъ святымъ.

(*Изд. Тимков. 81—83. П. Собр. Лѣт. 1, 50—51. Здѣсь заимствовано изъ Христоматіи Ореста Ѳ. Миллера*)

9. Новгородскій Перунъ.

Въ лѣто 6496 (988) пріиде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перупа посѣче, что въ Вел. Новѣградѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи въ Волховъ; и повязавше ужи (*веревками*), влечаху и по калу, біюще жезліемъ и пхающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: „о горе мнѣ! охъ! достахся немилостивымъ судіямъ симъ“ — и вринуша (*бросили*) его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ великій мостъ, верже палицу (*палку*) свою на мостъ, ею же безумніи убивающеся утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же не переняти его. И иде Пидблянинъ рано на рѣку, хотя горньци (*горшки*) везти въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, *къ бервы* (1), и отрину его шестомъ, и рѣче ему: Перунище! досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ прочь плови—и плы изъ свѣта *некощное* (въ преисподнее окно), сирѣчь во тму кромѣшную.

(*Новгородс. III лѣт. въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. III, стр.207*).

(1) Berme, Brāme — закраина. Линде Słownik 1, 71 и Словарь Даля.

Новгородскихъ лѣтописей напечатано въ Полн. Собраніи Археогр. Ком. 4. Самая важная изъ нихъ 1-я лѣтопись, которая отличается болѣе древнимъ составомъ, чѣмъ другія лѣтописи, и необыкновенной силой, сжатостью и энергіей выраженія. Она дошла до насъ въ спискѣ XIV в.

Всѣ Новгородскія лѣтописи изображаютъ древнее гражданское устройство Новгорода, дѣла церковныя, отличавшіяся своеобразными чертами, союзы и раздоры Новгородцевъ съ князьями, войны съ Чудью, Шведами, Литвою, Ливонскими рыцарями и русскими областями, раннюю торговлю съ Европою (Даніей, Готландомъ, Ганзою), внутреннія мятежи, народныя бѣдствія, напр. голодъ, моръ, пожары и проч. Достовѣрность содержанія лѣтописей проистекаетъ изъ самаго свойства матеріаловъ, состоящихъ или изъ сказаній, основанныхъ на свѣжемъ преданіи, или изъ правительственныхъ актовъ, или изъ замѣтокъ людей, бывшихъ очевидцами описанныхъ въ нихъ событій. Начало Новгородскихъ лѣтописей положено весьма рано, именно не позже 1-й половины XI вѣка (II Новгор. 121; III Новг. 210).

См. о писателѣ 1-й Новг. лѣтоп. *Прозоровскаго*. Ж. Мин. Нар. Просв. 1825, № 7; *Срезневскаго*. Из. Акад, 2-го отд. II; *Погодина* о Новгор. лѣт. Тамъ же, VI.

10. Крещеніе Новгородцевъ.

Въ Новѣградѣ людіе увидавше (990), еже Добрыня идетъ крестится, учиниша вече, и закляшася всѣ, не пустити во градѣ, и не дати идолы опровергнути, и егда пріидохомъ, они разметавше мостъ великій, изыдоша со оружіемъ, и аще Добрыня прельщеніемъ и лагодными словы увѣщевая ихъ, обаче они не слышати хотяху, и вывесше два порока великіе сомножествомъ каменія поставиша на мосту, яко на сущіе враги своя, выштій же надъ жрецы Славянъ Богомилъ, сладкорѣчія ради нареченъ *Соловей*, вельми претя люду покоритися. Мы же стояхомъ на торговой странѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учахомъ люди елико можахомъ; но гиблющимъ въ нечестіи слово крестное, яко апостолъ реклъ, явися безуміемъ и обманомъ. И тако пребыхомъ два дни, нѣколико сотъ крестя. Тогда ты-

сяцкій новогородскій Угоняй, ѣздя всюду вопилъ: лучше намъ помрети, неже боги наша дати на поруганіе. Народъ же оныя страны разсвирѣпѣвъ, домъ Добрынинъ раззориша, имѣніе разграбиша, жену и нѣкіихъ отъ сродникъ его избиша. Тысяцкій же Владимировъ Путята, яко мужъ смысленный и храбрый уготовавъ лодія, избравъ отъ Ростовцевъ пять сотъ мужей, нощію перевезеся выше града на ону страну, и вшедъ во градъ никому же пострегшу; вси бо видѣвши чаяху своихъ воевъ быти. Онъ же дошедъ до двора Угоняева, онаго и другихъ преднихъ мужей ятъ, и абіе посла къ Добрынѣ за рѣку. Людіе же страны оныя услышавше сіе, собрашася до пяти тысящь, оступиша Путяту и бысть между ими сѣча зла. Нѣкіе шедше церковь Преображенія господня разметаша, и домы христіанъ грабляху. Па разсвѣтаніи Добрыня со всѣми сущими при немъ приспѣ, и повелѣ у брега нѣкіе домы зажещи, чимъ люди устрашены бывше, бѣжаху огнь тушити, и абіе преста сѣчь. Тогда предніи мужи пришедши къ Добрынѣ, просиша мира.

Добрыня же, собра вои, запрети грабленіе и абіе идолы сокруши, древянніи сожгоша а каменніи изломавъ въ рѣку ввергоша, и бысть нечестивымъ печаль велика. Мужіе и жены видѣвше тое съ воплемъ великимъ и слезами просяще за ны, яко за сущіе ихъ боги. Добрыня же насмѣхаяся имъ вѣща: *что безумніи сожалѣете о тѣхъ, которіе себя оборонить не могутъ! кую пользу вы отъ нихъ чаять можете!*—и посла всюду объявляя, чтобы шли ко крещенію. Воробей же посадникъ, сынъ Стояновъ, иже при Владимирѣ воспитанъ, и бѣ вельми сладкорѣчивъ, сей иде на торжище, и паче всѣхъ увѣща. Идоша мнози, а нехотящихъ креститися, воини влачаху и крещаху, мужи выше моста, а женъ ниже моста. Тогда мнозіи некрещенніи повѣдаху о себѣ крещенными быти, того ради

повелѣхомъ всѣмъ крещеннымъ кресты на шеѣ, ово деревянны, ово мѣдяны, и каперовы (сіе видится греческое *оловянны* испорчено) на выю возлогати, а иже того не имутъ, не вѣрити и крестити, и абіе разметанную церковь паки сооружимъ, и тако крестя Путята, иде ко Кіеву. Сего дѣля людіе поносятъ Новгородцевъ: *Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ.*

(*Ист. Рос. Татищева. 1, 38—40*).

Этотъ отрывокъ заимствованъ изъ лѣтописи Якимовской, сохранившейся въ сводной лѣтописи Татищева. Названіе она получила отъ перваго архіепископа новогородскаго Іоакима. Долгое время ученые отвергали ея подлинность и обвиняли Татищева, будто онъ самъ написалъ эту лѣтопись; но въ послѣднее время изслѣдованія показали, что Татищевъ имѣлъ подъ руками списокъ Якимовской лѣтописи, хотя это не даетъ права приписывать составленіе ея Іоакиму и вѣрить ея показаніямъ безусловно: ихъ можно принимать какъ народныя преданія.

См. Изслѣдов. о Хронографахъ. Н. А. *Иванова.* Изслѣд. о Якимовс. лѣтоп. Н. А *Лавровскаго.* Уч. Зап. Акад. 2 отд. II, вып. 1. В. Н. Татищевъ и его время. Н. А. *Попова.* Архивъ Колачова 2, 1, III, 15—40. Труды Кіевс. Акад. 1862, N. 2, 197—228.

11. Слово о законѣ и благодати митроп. Иларіона 1051.

Благословенъ Господь Богъ израилевъ, Богъ христианескъ, яко посѣти и створи избавленіе людемъ своимъ, яко не презрѣ твари своея до конца идолскимъ мраченіемъ гибнути, но оправді прежде племя авраамле, скрижалми и закономъ; послѣдѣ же Сыномъ своимъ вся языки спасе, еуангелиемъ, и крещеніемъ, и вводя въ обновленіе бытіа, в жизнь вѣчную.

Да хвалимъ убо и прославляимъ хвалимаго отъ ангелъ безпрестани, кланяются херувими и серафими, яко призря призрѣ на люди своя, и не солъ (*не*

посолъ), ни вѣстникъ, но Самъ спасе ны; не привидѣниемъ, пришедъ на землю, но истинно пострадавъ за ны, къ живущимъ бо на земли человѣкомъ, и в плоти одѣвся прииде, къ сущимъ же въ адѣ распятиемъ и в гробѣ положениемъ сниде. Да обои—и живии, и мертвии—познають посѣщение свое и божие прихожение, и разумѣютъ, яко есть живыимъ и мертвымъ, крѣпокъ и силенъ Богъ. Кто бо велий, яко Богъ нашъ! тъ единъ творяй чюдеса, положивый законъ, на проуготование истины и благодати, да в немъ обыкнетъ человѣческое естество, отъ многобожества идольскааго укланяяся, въ единого Бога вѣровати. Да яко сосудъ скверненъ человѣчество помъвенъ водою закономъ и обрѣзаниемъ прииметъ млѣко; благодати и крещенья законъ бо, предтеча бѣ и слуга будущому вѣку, жизни нетленнѣй: яко законъ привождааше взаконныа къ благодѣтному крещенью; крещеніе же прѣпущаетъ сыны своя на вѣчную жизнь... И что успѣ законъ, что ли благодать прѣжде закона, ти потомъ благодати; прѣжѣ стѣнь, ти потомъ истина, образъ же закону и благодати— Агарь и Сарра, работнаа Агарь и свободнаа Сарра; работнаа прѣже, ти потомъ свободнаа,—да разумѣетъ иже чтетъ... ...Кое бо причастие, стѣни съ истиною? и юдейству съ христіанствомъ? Отгнана бысть Агарь раба, съ сыномъ ея Измаиломъ, и Исакъ сынъ свободныа наслѣдникъ бысть отцю своему Аврааму; и отгнани быша Июдеи, и расточени по странамъ,—и чада благодатьная христиани — наслѣдници быша Господу и Отцу. Отъиде бо свѣтъ луны, солнцю въсиавшу, тако и законъ благодати явлшися, и студенство ночное погыбе, солнечнѣй теплотѣ землю сърѣвши; и уже не гроздиться в законѣ человѣчество, но въ благодати пространно ходить. Иудеі бо прі свѣщи законнѣй дѣлаху свое оправдание; христиани же, при благодатьнѣмъ солнци свое спасение зижутъ... законъ бо прежде взнеся вмалѣ, и отъиде. Вѣра же христианьскаа послѣждь явлшись болши прьвыя бысть, и расплодись на множьство языки, и христова благодать всю землю исполни и, яко вода морьскаа, покры ея обетшавшу завистью июдеискою, и по пророчеству Исаіну: ветха мимо идоша и новая вамъ възвѣщаю.... Сего ради приходя Іисусъ къ Іерусалиму, видѣвъ градъ, прослезися о немъ, глаголя: яко аще бы разумѣлъ ты в день твой сь, яже к миру твоему, нынѣ же съкрыся отъ очію моею, яко приидутъ днье на тя, и обложатъ врази твои острогъ (*крѣпость*) о тебѣ, и обиидутъ тя всюду, и разбіют тя и чада твоя в тобѣ, понеже не разумѣ посѣщения твоего... Се оставляетъ домъ вашъ пустъ, яко же и бысть. Пришедъ бо Римляне, плѣниша Іерусалимъ, і разбиша и до основания его,—и іюдеиство оттолѣ погыбе, и законъ посемъ, яко вечерняя заря погасе; и разсѣяни быша Июдеи по странамъ, да не вкупѣ злое пребываетъ. Прииде бо Спасъ, и неприятъ бысть отъ Израиля, и по еуангельскому слову: въ своя прииде, и свои его не прияша, отъ языкъ же пріятъ бысть, яко же рѣче Ияковъ: и тъ (*той*) чаание языкомъ. Ибо и в рожении его волсви отъ языкъ прѣжде поклонишася ему, а Июдеі искахуть его убити, его же ради и младенца избіша; и събысться слово Спасово: яко мнози отъ востокъ и западъ приідутъ и возлягутъ съ Авраамомъ, Исакомъ и Яковомъ во царствіі небеснѣмь; а сынове царствиа изгнани будутъ во тму кромѣшнюю...

Не могше бо закона стѣня удржати; но многажды идоломъ ся покланявше, како истинныя благодати удръжать учение! Но, ново учение, новы мѣхы—новы языкы, новое и сблюдеться, яко же и есть. Вѣра бо благодатная по всей земли распрострѣся и до нашего языка русьскаго доиде, и законное езеро пресше.

Іуангельскый же источникъ наводнився, и всю землю покрывъ, и до насъ продіявся. Се бо уже и мы съ всѣми христианми славимъ св. Троицу, а Иудея молчитъ; Христосъ славимъ бываетъ, а Іюдей мьноми *(нѣмы?)* языцы привидени, а Іюдеи отриновени.... И уже не идолослужителе зовемся, христіанами; не и еще безнадежници, но уповающе жизнь вѣчную; и уже не капищь съграждаемъ, но христовы церкви зиждемъ; уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христосъ за ны закалаемъ бываетъ, и дробимъ в жертву Богу и Отцу; и уже не жертвенныа кровѣ вкушающе погибаемъ, но Христовы пречистыя крове вкушающе спасаемся. Вся страны благый Богъ помилова, и насъ не презрѣ: въсхотѣ—и спасъ ны, и в разумъ истинный приведе. Пустѣ бо и преисъхши, земли нашей сущи, внезаапу потече источникъ еуангельскый, напаяя всю землю нашу, якоже рече Исаия: и будетъ безводнаа въ блата, и в земли жадней источникъ воды будетъ; и бывшимъ намъ слѣпымъ, истиннаго свѣта невидящемъ, но въ льсти идольстѣй блудящемъ, ксему же и глухому отъ спасеннаго ученьа,—помилова ны Богъ и въсиявъ на насъ свѣтъ разума, еже познати Его.... Къ сему же и гугнахомъ языки нашиими, моляще идолы, а не Бога своего и творца. Посѣти насъ человѣколюбие божие, и уже не послѣдуемъ бѣсомъ, но ясно славимъ Христа Бога нашего, по пророчеству: тогда скочитъ яко елень хромый, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. И прѣжѣ бывшимъ намъ, акы звѣремъ и скотомъ, неразумѣющемъ десницѣ и шуйцѣ, и земленыхъ прилежащемъ, и ни мала отъ небесныихъ попекущемся, посла и к намъ Господь заповѣди, ведуща в жизнь вѣчную... И тако странни суще, людіе божии нарекохомся— и друзи божии нарекохомся, а не іюдейскы хулимъ, но христьяньскы благословимъ; не совѣта творимъ, якоже распяти, но яко распятому поклонитися; не распинаемъ Спаса, но руки к нему въздѣваемъ; не прободаемъ ребръ, но отъ нихъ пиемъ источникъ нетлѣния; не тридесять сребра взимаемъ на немъ, но другъ друга и весь животъ тому прѣдающе; не таимъ воскресенія, но во всѣхъ домахъ своихъ зовемъ: Христосъ воскресе із мертвыхъ! Не глаголемъ, яко украденъ бысть, но яко възнесеся, идѣже и бѣ; не невѣруемъ, но яко Петръ к нему глаголемъ: ты еси Христосъ, сынъ Бога живаго,—съ Фомою: Господь нашъ и Богъ, ты еси,—с разбойникомъ: помяни ны Господи, егда придеши во царствѣ еси!..

Хвалитъ же похвалными гласы римьская страна Петра и Павла, има же вѣроваша въ Іисуса Христа Сына божія, Асіа и Ефесъ, Патьмъ—Іоана Богослова, Индіа—Фому, Егупетъ—Марка; вся страны, гради, и людіе чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша православнѣй вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей малыми похвалами, великая і дивнаа створшаго, нашего учителя и наставника, великаго *кагана* (князя) нашея земля—Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храбрьствомъ прослуша (*прослылъ*) въ странахъ многихъ, и непоминаються нынѣ и словутъ. Не в худѣ бо, и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но в Руской, яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земля. Сій славный, отъ славныхъ рождейся, благородный отъ благородныхъ, каганъ нашь Владимеръ и въздрастъ (*выросъ*), и укрѣпивъ, отъ дѣтьскыа младости, паче възмуждавъ крѣпостію, и силою свершаяся мужьствомъ же и смысломъ прѣдспѣя, и единодержець бывъ земли своей, покоривъ подъ ся округныя (*окрестныя*) страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ. И тако ему живущу в дні своя, и землю свою насущу правдою, мужьствомъ же и смысломъ, прииде нань посѣщение Вышняаго,

призрѣ нань всемилостивное око благааго Бога, и въсия разумъ в сердци его, яко разумѣти суету идольскыа лести, и взыскати единаго Бога, створившаго всю тварь видимую и невидимую. Паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрнѣй земли гречьстѣй, христолюбивѣй же и силнѣй вѣрою, како единого Бога въ трехъ (*лицахъ*) чтутъ и кланяються, каковии дѣються силы, и чюдеса и знамениа, како церкви людии исполнены, како веси (*села*) и гради благовѣрнии вьси молитвахъ прилежатъ, вси готови предстоять,—и си слышавъ, възжела сердцемъ, и взгорѣся духомъ, якоже быти ему крьстьянину и земли естъ, еже и бысть, Богу тако изволившу и взлюбившу человѣческое естество. Съвлечеся убо каганъ и с ризами ветхаго человѣка, сложи тлѣнныа, оттрясе прахъ невѣрствиа, и вшедъ в святую купѣль, породися отъ Духа и воды, въ Христа крестися, въ Христа облечеся, и изыде отъ купѣли, бѣлообразуяся; сынъ бывъ нетлѣньа, имя приимь вѣчно и імянито в роды и роды, Василій (1), имже написася в книги животныа в вышни градъ, і нетлѣнныі Ерусалимъ. Семужь бывшу не доселѣ стави подвига благовѣрья, ни о томъ токмо яви сущую в немъ к Богу любовь, но подвижися паче и заповѣда по всей земли своей: крестити въ имя Отца и Сына и св. Духа, и ясно и велегласно—въ всѣхъ градѣхъ славитися святѣі Троицѣ и всѣмъ быти крестьниномъ, малыимъ і великиимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ і старыимъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть ни единого же противящеся, благочестному его повелѣнию; *да аще кто и не любовью, но страхомъ повельвшаго крещахуся*; понеже бѣ благовѣрие его съ властью съпряжено, и въ едино время вся земля наша въслави Христа съ Отцемъ и съ св. Духомъ.

Тогда начатъ мракъ идольскый отъ насъ

(1) Въ крещенiи Владiмiру дано имя Василій.

отходити, и заря благовѣриа явившасъ; тогда тма бѣсовскаго служенья погыбе, и солнце еуангельское землю нашу осия; капища раздрушишася и церкви поставляються; идоли скрушаються и іконы святыхъ являхуся, бѣси побѣгааху; крестъ грады освѣщааше, и пастыри словесныхъ овець христовъ сташа, епископи и презвутери, и диаконй бескверную жертву възносяще, и вьсь клиросъ украсиша в лѣпоту и одѣша св. церкви. Апостольская труба и еуангельскыі громъ вси грады огласи, темианъ (1) Богу въспущаемъ, въздухъ освяти; монастыреве на горахъ сташа; мужи и жены, малиі и велиі, вси людье, испльнше св. церкви, въславиша, глаголюще: Единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ славу Богу Отцу аминь. Христосъ побѣди, Христосъ одолѣ, Христосъ въсцарися, Христосъ прославися! Велиі еси Господи, и чюдна дѣла твоя, Боже нашъ, слава тобѣ!

Тебе же како похвалимъ, отче честный і славный в землеыхъ владыкахъ, премужьственный Василье, како добротѣ ти (*твоей*) почюдимся, крѣности же и сілѣ! Како ти благодарение въздадимъ, яко тобою познахомъ Господа и лести идолскыа избыхомъ, яко твоимъ повелѣниемъ Христосъ по всей земли славиться! Ли (*или*) что ти приречемъ, христолюбче, друже правдѣ, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо, како вѣрова, како разгорѣся в любовь христову, како вниде в тя разумъ, выше разума земльныихъ мудрець, еже взлюбити невидимаго и о небесныхъ подвігнутися, како взлюбі ты Христа, како прѣдася ему! Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь намъ, учителю нашь, откуда ти припахну воня св. Духа, откуду испи памяти будущая жизни сладкую чашу, откуду вкуси и видѣ, яко благъ Господь? Не видѣлъ еси Христа, не ходилъ еси по немъ,—како ученикъ его обрѣтеся, и не-

(1) Θυμίαμ, ладонъ.

видѣвше его вѣроваша? По истинѣ сѫбыстся на тобѣ блаженьство Господа Іисуса, реченное къ Фомѣ: блажени не видѣвше —и вѣроваша. Тѣмже съ дръзновениемъ несуменно зовемъ ти: О блаженіче, самому тя Спасу нарекшу; блаженъ еси, яко вѣрова к нему і не сѫблазнися о немъ, по словеси его не ложному: блаженъ есть, иже не соблазниться* мнѣ. Вѣдущеи бо законъ и пророки распяша и, ты же ни закона, ни пророкъ почитавъ, распятому поклонися. Како ті сердце разверзеся, какъ вниде в тя страхъ божій и како прилѣпися любве Его! Не видѣ апостола пришедши в землю твою, нищетою своею и наготою, и гладомъ и жаждею, сердце твое клоняща на смѣрение. Не видѣ бѣсъ изгонящь именемъ христовымъ, болящуихъ здравствующь, огня на хладъ прелагаема, мертвыихъ встающе. Сихъ всѣхъ не видѣвъ, како убо вѣрова? Дивно чюдо! Иніі царіе и властеле видяще вся си бывающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваша, но паче на страсти и муки прѣдаша ихъ. Ты же, о блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу, токмо отъ благааго помысла и остроумия разумѣвъ, яко есть Богъ единъ творець, видимымъ и невидимымъ, небеснымъ и земнымъ, и яко посла въ миръ спасенье взлюбленнаго своего Сына; с сими и помыслы вниде в святую купѣль; и еже инѣмъ уродство мниться, тебѣ—сила намѣнися. Къ сему же кто исповѣсть многыя твоя нощныя милостыня, и деньныя щедроты, яже къ убогыимъ творяше, къ сирыимъ же и болящіимъ, къ жадныимъ, къ вдовамъ и ко всѣмъ трѣбующимъ милости! Слышалъ бо бѣ глаголъ господень, Даніломъ Навуходоносору царю: свѣтъ твой да будетъ ти вгоденъ, грѣхи твоя милостинями очисти, и неправды твоя щедротами нищиихъ. Еже слышавъ ты, о честниче (*о честный*), дѣломъ сконча слышанное просящиимъ подавая, нагыя одѣвая жадныа и алчныа насыщая, болящиимъ велико утѣшение посылаа должныа искупая, работнаа свобождаа: твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ помнемы суть, и предъ Богомъ и ангелы его; ея же ради добропрелюбныа прѣдь Богомъ милостиня, много дръзновение имѣеши къ Нему, яко присный христовъ рабъ. Помогаетъ ми слово написано: милость хвалится на судѣ; милостыни мужу аки печать с нимъ; всесилнаго и милосердаго Бога глаголъ: блажени милостивіі, яко ти помиловани будутъ. Ино же апостолское послушьство приведемъ о тебѣ отъ святыхъ писаніи, рѣченое отъ Іакова: яко обративый грѣшніка отъ заблужденіа пути его, спасеть душу отъ смерти, и покрыеть множьство грѣховъ. Да аще єдіного человѣка обратившу, толико безмездие отъ благаго Бога; то каково убо спасение обрѣте, о Василие, колико брѣмя грѣховно расыпа,—не єдиного обративъ человѣка отъ заблуженіа идольския лсти, ни десяти, ни града, но всю область свою. Показаетъ ны и увѣряетъ самъ Спасъ Христосъ, какоя тя славы и чьсти сподобилъ есть на небесѣхъ, глаголя: иже исповѣсь мя прѣдъ человѣкы, ісповѣмъ і и азъ прѣдъ Отцѣмъ Моимь, иже есть на небесѣхъ. Колико ты похваленъ имаши быти, не токмо ісповѣдавъ, яко Сынъ божій есть Христосъ, но и вѣру уставль, по всей земли сей, и церквы христовы поставль, и служителя его введе, подобниче великаго Коньстянтина, равноумне, равнохристолюбче равночьстітелю служителемъ его, Онъ съ св. отци Никеіскаго сбора законъ человѣкомъ полагааше; ты же съ новыими отци нашими епископы снимаяся чясто, съ многимъ смѣрениемъ съвѣщаваашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ новопознавшіихъ законъ уставити. Онъ въ Елинѣхъ и в Римлянѣхъ царство Богу покори; ты же, о блаженниче, подобно: уже бо и въ онѣхъ и в насъ Христосъ царемъ зовется. Онъ, съ материю своею Еленою, крестъ отъ Ерусалима принесша и по всему миру своему

разъславша, вѣру утвердиша; ты же убо подобенъ тѣма, принесе крестъ отъ новаго Іерусалима, Коньстянтіня града, и сего на землѣ своей поставивъ утверди. Его убо подобникъ сы с тѣм же единая славы и чьсти обещника створи Господь на небесѣхъ, благовѣрья твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ.

Добръ послухъ (*свидьтель*) благовѣрью твоему, о блаженниче, святаа церквы св. Богородица Марья, юже създа на правовѣрнѣй основѣ, идеже мужьственное твое тѣло лежитъ, ожидая трубы ангеловы. Добръ зѣло послухъ, сынъ твой Георгиі, его же створі Господь намѣстника по тебѣ твоему владычьству, не рушаша твои уставъ, но утвержающа; ни умаляюща твоему благовѣрию положенья, но паче прилагающа; не казяща, но учиняюща,—иже недокончаная твоя наканчавая, аки Соломонъ Давиду, иже домъ божий великъ святый въ премудрости създа, на святость и украшение граду твоему, иже всякою красотою украси, златомъ и сребромъ и каменіемъ драгыимъ, и съсуды честными, яже церкви дивна и славна всѣмъ округныимъ странамъ, якоже ина не обрящется въ всемъ полунощи земнѣмъ, отъ встока дъ запада. И славный градъ твой Кыевъ величьствомъ, яко вѣнцемъ, обложилъ, предалъ люди твоя и градъ всеславнѣй, скорѣй на помощь христіаномъ, святѣй Богародици, ей же и церковь на великыихъ вратѣхъ създа въ имя первааго господскааго праздника св. Благовѣщеніа, да еже цѣлованіе архангелъ дастъ Дѣвицы, будетъ и граду сему. Къ оной бо: радуйся, обрадованная, Господь съ тобою! Къ граду же: радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою!

Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умрети, вѣровавшу въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, взведи очи, да видиши, какоя ти чьсти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Встани, виждь чадо свое Георгіа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, его же Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красящааго столъ земля твоей, и возрадуйся, възвеселися. Къ сему же виждь и благовѣрную споху твою Ерину, виждь вънукы твоа и правнукы, како живуть, како храними суть Господемъ, како благовѣріе держать по преданію твоему, како въ святыа церкви чястять ([1]), како славять Христа, како покланяются имени Его. Виждь же и градъ величьствомъ сіяющь, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами святыихъ освѣщаемь блистающеся, и тиміаномъ объухаемь (*благоухающь*) и хвалами и божественами пѣніи святыими оглашаемь. И си вся видѣвъ, възрадуйся, и възвеселися, и похвали благаго Бога, всѣмъ симъ строителя ([2]).

(*Чтен. общ. Ист. 1848 г. № 7*).

Слово Иларіона, свидьтельствуя объ умь и образованности его, важно по изображенію заслугъ св. Владиміра и описанію Руси въ религіозномъ отношеніи. О. И. Бодянскій справедливо замьтилъ: «Слово Иларіона, кромь указанныхъ уже достоинствъ его первымъ издателемъ, т. е. глубокаго познанія догматовъ вѣры, обширной начитанности въ св. писаніи, знанія исторіи церкви, сильнаго христіанскаго чувства, свѣтлаго ума, живаго воображенія, умѣнья пользоваться словами ветхаго и новаго завѣтовъ, (что, между прочимъ, указываетъ на существованіе у насъ уже въ то время всей Библіи въ переводѣ), правильности расположенія мыслей, остроумныхъ сравненій и оборотовъ рѣчи, силы и обилія слова, короче—достоинствъ вообще великаго духовнаго оратора, —въ особенности драгоцѣнно для насъ взглядомъ его на юное христіанство у нашихъ предковъ, отношеніемъ крещенія Руси къ прочимъ хри-

([1]) Учащаютъ, часто ходятъ.

([2]) Эту похвалу Иларіона Волынскій лѣтописецъ приспособляетъ къ умершему князю Владиміру Васильковичу и преемнику его брату Мстиславу, съ небольшими измѣненіями. (*См. Ипат. лѣт. стр. 221, 222*). Въ заключеніе слова помѣщена молитва, въ которой Иларіонъ обращается къ Богу отъ лица всей Русской земли. (*Ист. Рус. Ц. Макарія 1, пр. 222*).

стіанскимъ странамъ и царству благодати, равно какъ и сужденіемъ о виновникѣ всего этого... Признаюсь, я во всей нашей словесности, древней и новой, ничего не знаю, чтобы лучше, вѣрнѣе и живѣе, съ такою правдой исторической, чувствомъ сердечнымъ, прелестью и свѣжестью выраженій и поэтическимъ колоритомъ, изображало намъ нашего Владиміра Великаго; это, по справедливому замѣчанію народа, дѣйствительно красное солнышко Руси. Видно въ каждомъ словѣ, что говоритъ человѣкъ по собственному наглядному опыту, коротко знакомый съ своимъ любимцемъ, слѣдившій долго и съ любовью за нимъ, который всматривался и вдумывался въ подвиги своего единодержца Рускія земли, и когда его не стало, въ одинъ разъ всѣ долголѣтнія думы и чувства сердца высказалъ въ своей огненной рѣчи, запечатлѣлъ въ образѣ, которымъ этотъ чудный и святой государь является глазамъ самаго позднаго потомства какъ бы присущимъ, живымъ. Такъ живописуютъ одни, лишь великіе художники.«

См. Прибав. къ Твор. св. От. 1844, № 2 и 3, стр. 223—252. Ист рус. ц. *преосв. Макарія* I, 90—100. Разборъ слова у *С. П. Шевырева* въ Ист. рус. Литер. I.

Житіе и похвала св. Ольгѣ и Владиміру мниха Іакова. Хр. Чт. 1849, II, 317—329. 336. Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 79, VI. 25. О мнихѣ Іаковѣ *Погодина*. Изв. Акад. I. 326—334. *Макарія*. Тамъ же: II, 145—157.

12. О волхвахъ.

Въ лѣто 6579 (1071). Воеваша Половци у Ростовьця и у Неятина... Въ си времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Дѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи (*невѣжи*) послушаху, вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему: ,,бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ.“ Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подътокше на зло вводять, посемъ же насмисаются ввергъше и въ пропасть смертную, научивше глаголати; якоже се скажемъ бѣсовьское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области, встаста два волъхва отъ Ярославля, глаголюща: ,,яко вѣ свѣвѣ (*узнали*), кто обилье держитъ;“ и поидоста по Волзѣ, кдѣ придуть въ погостѣ, туже нарицаху лучьшіѣ жены, глаголюща, яко си жито держитъ, а си медъ, а си рыбы, а си скору (*мѣха, шкуры*). И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, выимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нее людій нѣ 300. Въ се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину: повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника (*колдуна*) избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ и пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ, чья еста смедра (*люди простые*), и увѣдѣвъ, яко своего князя, послався къ нимъ иже около ею суть, рѣче имъ: ,,выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя;“ они же сего не послушаша. Янъ же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: ,,не ходи безъ оружья, осоромять тя;“ онъ же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимъ, и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу, Яневи же идушю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: ,,вида идеши на смерть, не ходи;“ оному повелѣвшю обити я, къ прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ. Янъ же оборотя топоръ удари и тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я; они же бѣжаша въ лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янъ же вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: ,,аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто.“ Бѣлозерци же шедше яша я, и приведоша къ Яневи, и рече има: ,,что ради погубиста толико человѣкъ?“ Онѣма же рекшема: ,,яко ти держать обилье, да аще истре-

бивѣ сихъ, будетъ гобино (*изобиліе*); аще ли хощеши, то передъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что.“ Янъ же рече: „но истинѣ лжа то: створилъ Богъ человѣка отъ землѣ, оставленъ костьми и жылами отъ крове, нѣсть въ немъ ничтоже; и не вѣсть ничтоже, но токмо единъ Богъ вѣсть.“ Она же рекоста „вѣ вѣвѣ (*мы знаемъ*), како есть человѣкъ створенъ.“ Онъ же рече: „како?“ Она же рекоста: „Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отерься ветъхомъ (*ветошкой*), и верже съ небесе на землю: и распрѣся (*заспорилъ*) сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю въ нѣ вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу.“ Рече има Янъ: „по истинѣ прельстилъ васъ есть бѣсъ; коему Богу вѣруета?“ Она же рекоста: „антихристу.“ Онъ же рече има: „то кдѣ есть?“ Она же рекоста: „сѣдить въ безднѣ.“ Рече има Янъ: „какый то богъ, сѣдя въ безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси, сѣдя на престолѣ славимъ отъ ангелъ, иже предстоять ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти; сихъ бо ангелъ сверженъ бысть егоже вы глаголета антихрестъ, за величанье его низъверженъ бысть съ небесе, и есть въ безднѣ, якоже то вы глаголета, жда, егда придеть Богъ съ небесе, сего имъ антихриста свяжетъ узами и посадить и емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣруютъ: вама же и здѣ муку пріяти отъ мене и по смерти тамо.“ Онѣма же рекшема: „нама бози повѣдаютъ: не можеши нама створити ничтоже.“ Онъ же рече има: „лжють вама бози.“ Она же рекоста: „нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже.“ Янъ же повелѣ бити я, и потергати (*дергать*) брадѣ ею. Сима же тепенома (*битымъ*), и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янъ: „что вама бози молвять?“ Онѣма же рекшема: „стати намъ предъ Святославомъ.“ И повелѣ Янъ вложити рубль (*отрубокъ*) въ уста има, и привязати я къ упругу (*дуга въ лодкы*), и пусти предъ собою лодьѣ, и самъ по нихъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янъ: „что вамъ бози молвять?“ Она же реста: „сице нама бози молвять, не быти нама живымъ отъ тобе.“ И рече има Янъ: „то ти вама право повѣдали.“ Она же рекоста: „но аще наю (*насъ*) пустиши, много ти добра будетъ; аще ли наю погубиши, многу печаль пріимеши и зло.“ Онъ же рече има: „аще ваю пущю, то зло ми будеть отъ Бога.“ И рече Янъ повозникомъ: „ци (*или*) кому васъ кто родинъ (*родственникъ*) убьенъ отъ сею?“ Они же рѣша: „мнѣ мати, другому сестра, иному роженье (*дѣти*).“ Онъ же рече имъ: „мьстите своихъ.“ Они же поимше, убиша я и повѣсиша е на дубѣ: отмьстье пріимша отъ Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, въ другую нощь медвѣдь възлѣзъ, угрызъ ею и спѣсть; и тако погыбнуста наущеньемъ бѣсовьскымъ, инѣмъ вѣдуща, а своее пагубы не вѣдуча. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, идеже ятома (*взятымъ*) има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: „не умрети нама,“ оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовьское наученье; бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьское, но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничтоже, суть бо немощни и худи взоромъ. Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о мраченьи ихъ. Въ си бо времена, въ лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдь, и приде къ кудеснику (*колдуну*), хотя волхованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ (*оцьпеньлъ*), и шибе имъ

бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородьцю: „бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся.“ Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ поставі кромѣ (*внѣ*) храмины тое; онъ же нача опять призывати бѣсы, бѣси же метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемъ же поча прашати его: „что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста?“ Онъ же рече: „то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся.“ Онъ же рече: „то кади (*какіе*) суть бози ваши кдѣ живуть?“ Онъ же рече: „въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходять же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людій, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираеть, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну.“ Якоже и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще мукы вѣчныя, а праведници въ небеснѣмъ жилищѣ водваряются со ангелы. Сиця (*такова*) ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь; тѣмъ же прелщаютъ человѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ несвершенымъ вѣрою, являющеся во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наученьемъ бѣсовьскымъ. Паче же женами бѣсовьская вълшвенья бываютъ, искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа; тако въ си роди (*въ это время*), много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовьскыми козньми. Но и мужи прелщени бываютъ отъ бѣсовъ невѣрніи; яко се въ первыя роды при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, иже творяше волшьствомъ псомъ глаголати человѣчьскы, и самъ премѣняшеться, ово старъ, ово молодъ, ово ли и иного премѣняше во иного образъ, въ мечтаньи сице творяше: Анни и Мамврій волъшвеньемъ чюдеса творяшеть противу Моисіови, но вскорѣ не възмогоста противу Моисіови; но и Конобъ творяше мечтанье бѣсовьско, яко и по водамъ ходити, ина мечтанья творяше, бѣсомъ лстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ. Сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголеть бо людемъ, творяся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града; глаголашеть бо, яко „все вѣдаю,“ и хуля вѣру хрестьяньскую, глаголашеть бо: „яко переиду по Волхову предъ всѣми.“ И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: „иже хощеть вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть.“ И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежъ великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ скутомъ (*подъ полою*), приде къ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера?“ Онъ же рече: „все вѣдаю.“ И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что хочеть быти днесь?“ „Чюдеса велика створю“ рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, ростя (*разрубивъ*) и, и паде мертвъ, и людье разидошася; онъ же погыбе тѣломъ и душею, предався дьяволу...

Въ лѣто 6599 волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

(*П. Собр. Лѣт. 1, 75—78. 92*).

О Волхвахъ см. *Руднева* »Разсужд. о ересяхъ и расколахъ» Ж. М. Н. Просв. ч. XIV, стр. 213.

13. Поученіе о казняхъ божіихъ преп. Ѳеодосія Печерскаго 1068—1073 г.

Наводитъ Богъ, по гнѣву своему, казнь каку любо, или поганыа, зане не встягнемся к Богу; а усобнаа рать бываеть отъ соблажненія діаволя и отъ злыхъ человѣкъ. Богъ бо не хощетъ зла человѣкомъ, но блага, а діяволъ радуется все-

му злому, творимому въ человѣцѣхъ: искони бо той есть врагъ намъ, хощетъ убійства и кровопролитья, подвизаа на свары и убійства, и зависти, и братонена-видѣнія, и клеветы. Странѣ убо съгрѣшивши коей либо, казнить Богъ смертью, или гладомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или бездождіемъ, и инѣми различными казньми. Аще ли покаявшеся будемъ, в немже ны Богъ велить быти, — глаголеть бо намъ пророкомъ: *обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ* (Іоил. 2, 12),— въ семъ волю божію творяще, да аще быхомъ в заповѣдѣхъ божіихъ пребыли: то и сдѣ, ходяще, пріимемъ блага земнаа, и по отшествіи сего свѣта — жизнь вѣчную. Но мы присно, аки свиния в калѣ (*грязи*) грѣховнѣмъ валяясь, грѣхи къ грѣхомъ прилагающе, во всемъ гнѣваще Бога; злое предъ очима его творяще по вся дни. Того ради пророкомъ глаголеть к намъ: разумѣхъ, рече, яко жестоціи, каменосердіи, лѣниви есте творити волю; того ради удержахъ отъ васъ дождь, и предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, и исше земля нивъ вашихъ, и поразихъ вы различными казньми; то и тако не обратистеся ко мнѣ. Сего ради виногради ваша и древа всякаа, носящаа плодъ, и нивы, и все истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могу истерти; но посылаю на вы помалу различныя напасти, нѣкли покаявшеся встягнетеся отъ злобъ вашихъ... Се слышаще, подвигнемся на добро; взыщите судъ, избавите обидимаго, и на покаяніе пріидѣте, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовію приплетемся Господеви, постомъ, рыданіемъ и слезами омывающе прегрѣшенія наша, не словомъ нарицающеся христіане, а погански живуще. Се бо не погански ли творимъ? Аще кто усрящетъ черньца или черницю, то възвращаются, ли свинію, ли конь лысъ: то се не погански ли есть? Се бо, по дьяволю наученью, кобь держать. Друзіи зачиханью вѣруютъ, яже бываетъ многажды на здравіе главѣ; но сими діаволъ лстить и другими нравы, и всяческими лестми превабляемы отъ Бога, влъхвованіемъ, чародѣяніемъ, запоистомъ, рѣзоиманіемъ, (*процентами*) приклады, татбою, и лжею, завистію, клеветою, зубами (*дракой*), скоморохи (1), гусльми, сопѣлми и всякими играми, и дѣлесы неподобными. Видимъ бо и ина злаа дѣла: вси дръзливы (*падки*) на піанство, и на игры злыя, ихъже нѣсть лзѣ христіаномъ тако творити. И се пакы, егда стоимъ въ церкви: то како смѣемь смѣатися, или шепотъ творити? Припадает бо окаанный діаволъ и влагаетъ въ ухо наше смѣхъ, и шепотъ, и ина неподобная творити, въ церкви стояще предъ небеснымъ Царемъ: какіа мукы нѣсть мы достойни? Ты же, брате, стоа въ церкви и видиши кого неподобно стоаща, възбрани ему и поноси ему тяжцѣ. Молю вы, братіе, съ страхомъ и любовію другъ другу стоимъ на молитвѣ, и во истину молящеся, речемъ: »да ся исправить молитва моа, яко кадило предъ тобою, въздѣніе руку моею жертва вечерняа.« Да аще руцѣ твои ничтоже имата грабленія: добрѣ то глаголеши, река: »въздѣніе руку моею.« Оглядай убо руцѣ си и испытай о нею, да аще ничтоже имата грабленія и нечистаго рѣзоиманья. Аще ли еси грабилъ, или прикладыималъ, или корчемный прикупъ, или кого чѣмъ приобидѣлъ еси, еже святое писаніе отрекло; то не глаголи, не възвышай руки си, дондеже очистишися отъ всего зла. Аще бо възмеши въздѣти руцѣ попущеніемъ божіемъ: то молитва ти будетъ гнусна и непріятна Богу. Но слыша Господа, глаголюща пророкомъ: егда руцѣ твои простреши ко мнѣ, отвращю очи свои отъ васъ и аще умножиши молитву,

(1) О скоморохахъ. *И. Д. Бѣляева.* См. Времен. общ. ист. кн. XX, 69—92.

не послушаю тебѣ, глаголеть Господь, руцѣ твои исполнь неправды. И се, възлюбленнаа чада, будете вѣдуще: святіи отци наши уставили постныа дни, по наученію господню и по заповѣди святыхъ апостолъ, святыя праздникы праздновати духовно заповѣдаша, а не тѣлесно, не чреву работающе безгоднымъ (*безвременнымъ*) пьянствомъ, но Богу молящеся о своихъ съгрѣшеніихъ, немощныа накормляюще с собою в подобно время, тѣло кормяще земнымъ брашномъ, а душю духовнымъ. Тоже брашно в судѣхъ (*сосудахъ*) книжныхъ с небесе снесено, иже глаголется, хлѣбъ аггельскій ясть человѣкъ, брашно посла имъ до изобиліа, рекше—писаніе святыхъ книгъ... На праздники же великіа пировъ не творити, піанства бѣгати, испити мало и блюсти душа своя, и стеречи часа, в онъже Богу молитися трезвымъ умомъ, а не пьянымъ, якоже Петръ апостолъ рече: братія, будите трезви, якоже супостатъ вашь діаволъ ищетъ піаныхъ, да я пожретъ. О горе, паки реку, о горе пребывающимъ въ піанствѣ! Піанствомъ аггела хранителя своего отгонимъ отъ себе, и злаго бѣса привлачимъ к себѣ, и Святаго Духа далече есмы піанства ради, и близь ада, и слова божіа не имуще въ устѣхъ своихъ, гнили ради піаньственыа. Бѣси бо ради бываютъ о нашемъ піанствѣ, и радующеся приносятъ къ діаволу жертву пьянственую отъ піаниць; діаволъ же, радуясь, глаголеть: яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвахъ поганыхъ языкъ, якоже о пьянствѣ христіаныхъ; всяка бо дѣла моего хотѣнія въ пьяницахъ суть. Писано бо есть: яко и поганыа набдитъ Богъ, а піаниць ненавидитъ и отвращается отъ нихъ. Но толико супостатъ нашь радуется о нашемъ піанствѣ, а искони бо не хощетъ добра роду человѣчю, и глаголетъ: яко мои суть пьяніи, а трезвіи суть божіи. И посылаетъ діаволъ бѣсы, рекъ: идѣте, поучайте христіаны на піанство и на всяку дѣтель моего хотѣнія. Аггели же святіи, приходяще, повѣдали се святымъ отцамъ с печалію великою, да быша писаніемъ отлучили христіанъ отъ піанства, а не отъ питьа: ино бо піанство есть злое, а ино питье в мѣру, и в законъ, и в подобно время, и въ славу божію. Святіи же отци, написавше честное сіе святое правовѣрное ученіе, предаша христіаномъ, на провоженіе жизни сеа, и на причастіе вѣчныа жизни, да кто послушаетъ сего правила св. отець и поживетъ лѣта своа, творя волю божію,—житель будетъ вѣчныа жизни; не послушавшій сихъ книгъ, осужденъ будетъ съ діаволомъ в муку вѣчную.

Се слышаще, братіе, подвигнемся работати Господеви, и заповѣди Его творити, и в законѣ Его поживемь вся дни живота нашего, о Христѣ Іисусѣ, Ему же слава съ Отцемъ и Св. Духомъ и ныня и присно.

(*Учен. Зап. 2 отд. Акад. Н. т. II, вып. 2*).

Это слово »о водѣ и о казняхъ божіихъ,« приписываемое Ѳеодосію, извлечено изъ греческаго Златоструя (*О малоизв. и неизв. памятн. Срезневскаго, III, 34—43*). Но по всей вѣроятности, оно приспособлено къ русской жизни. Въ первоначальной лѣтописи слово это передается нѣсколько иначе (*П. С. Л., 1 73*).

Поученія Ѳеодосія имѣютъ характеръ преимущественно обличительный: съ одной стороны языческія вѣрованія, оставшіяся въ жизни народной, съ другой — грубые нравы, не сдерживаемые нравственнымъ закономъ, а главнымъ образомъ недостатки монастырской жизни,—вызывали на обличеніе любвеобильнаго пастыря. По этому сочиненія Ѳеодосія написаны не на отвлеченныя произвольныя задачи, но рисуютъ состояніе современнаго ему общества и выражаютъ практическое направленіе—привить семена нравственности к народу, монахамъ и князьямъ. Краткость и изящная простота формы составляютъ отличительную черту поученій этого замѣчательнаго древне-русскаго подвижника.

О сочиненіяхъ Ѳеодосія см. Уч. Зап. 2 отд. Акад. Н т. II, в. 2. Москвит. 1850,

N. 23. Поуч. объ-умѣренности въ застольномъ питьѣ. Прав. Собес. 1858. III, 255. Другія поученія и житіе Ѳеодосія см. ниже.

14. Изъ слова Григорія Богослова до 1100 г.

...Овъ (*иной*) путь съмѣреномъ уклони и прѣврати на неправьдьныя правьду. Овъ възненавидѣ въ вратѣхъ обличающа, и слово божие възненавидѣ. Овъ пожьре (*жертву принесъ*) неводу своему имѣшю много. Овъ трѣбу (*жертву*) сътвори на студеньци (*колодци*), дъжда искы отъ него, забывъ, яко Богъ съ небесе дъждь даетъ. Овъ несущимъ Богомъ жьреть, и Бога створьшаго небо и землю раздражаеть. Овъ рѣку богыню нарицаеть, и звѣрь живущь въ ней яко Бога нарицая, трѣбу творить—овъ Дыю, а другыи Дивии. А инъ градъ чьтеть (1). Овъ же дьрьнъ *вскрущь*, на главѣ покладая, присягу творить (2); овъ присягы костьми человѣчами творить. Овъ *кобеня* птичь (*ворожбу по птицамъ*) смотрить (3). Овъ сърѣтенья сумьниться (4). Овъ мущьнъ (?) скотъ творя убияеть. Овъ въ неделю и въ святыя дьни дѣлаеть, прибытъкъ себѣ творя (*на*) свою погыбѣль, да елико вьсею недѣлею съдѣлаеть тѣмъ дьнѣмь погубить. Овъ на мощьхъ лъжею присязаеть.

(*Изд. Ак. Н. 2-го отд. 1855 г.*)

(1) Въ этомъ словѣ преслѣдуется языческое поклоненіе студенцамъ и колодезямъ, Дію или Зевсу, Діи или Дивіи (Діанѣ? Въ Сл. о пол. упоминается *Дивъ*), обоготвореніе рѣкъ, и звѣря или животнаго рѣчнаго. Въ поученіи Серапіона означено, что водяному божеству бросали людей во время голода. См. ниже.

(2) Здѣсь разумѣется дерновая присяга; по скандинавскому обычаю, во время клятвы клали кусокъ дерна на голову (воскручали?); тоже было и въ Россіи.

(3) Говорится о гаданіяхъ и предсказаніяхъ по птицамъ.

(4) Т. е. вѣрить во стрѣчу, что бываетъ счастливая и несчастная (*Лавр. 73*).

15. Языческія божества.

Пришедшю ми въ Ладогу (1141), повѣдаша ми Ладожане: яко сдѣ есть, егда будеть туча велика, и находить дѣти наши глазкы стекляныи, и малыи и великыи, провертаны, а другые подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода, отъ нихъ же взяхъ болѣ ста; суть же различна. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: се не дивно; и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь (1), яко видивши сами на полунощныхъ (*въ сѣверныхъ*) странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица (*бѣлка, векша*) млада, акы *топерво* (2) рожена, и възрастши и расходится по земли, и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали въ ней, и възрастають и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ (*свидѣтель*) посадникъ Павелъ ладожский и вси Ладожане. Аще ли кто сему вѣры не иметь, да прочтеть Хронографа (3): Въ царство право (*Прова*), дожгьцю бывшю и тучи велиціи, пшеница съ водою многою смѣшена спаде, юже собравше насыпаша сусѣкы (*закрома*) велія; такоже при Аврильянѣ крохти сребреныя спадоша, а въ Африкѣ тріе камени спадоша превелици. И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царьствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія (*Гермесъ*), по немъ Феоста (*Гефестъ*), иже и *Соварога* нарекоша Египтяне; царствующю сему Феостѣ въ Егип-

(1) Эти страны лежали на сѣверѣ Азіи между Уральскими горами и р. Обью.

(2) Какъ сейчасъ.

(3) Тожѣ, что Лѣтописецъ. Временникъ отъ *хронось*—время, *графо*—пишу.

тѣ, въ время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье, преже бо того палицами (*палками*) и каменіемъ бьяхуся (1). Тъи же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужь посягати и ходити говѣюши, а иже прелюбы дѣюши, казнити повелѣваше, сего ради прозваша и Богъ Сварогъ: преже бо сего жены блудяху, къ нему же хотяше, и бяху акы скотъ блудяще; аще родяшеть дѣтищь, который ей любъ бываше, дашеть: се твое дѣтя; онъ же створяше празднество и пріимаше. Феостъ же сій законъ разсыпа, и встави (*устави*) единому мужю едину жену имѣти, и женѣ за одинъ мужь посягати; аще ли кто преступить, да ввергнуть и въ пещь огнену. Сего ради прозваша и Сварогомъ и блажиша и Египтяне (2). И по семъ царствова сынъ его, именемъ *Солнце*, его же наричють *Дажьбогъ*, семъ тысящь и 400 и семьдесять дній, яко быти лѣтома двемадесятьмати по лунѣ, видяху бо Египтяне иніи чисти, ови во лунѣ чтяху, а друзіи... деньми лѣтъ чтяху, двою бо на десять мѣсяцю число потомъ увѣдаша, отнелѣ же начаша человѣци дань давати царямъ. *Солнце-царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ*, бѣ бо мужь силенъ, слышавше нѣ отъ кого жену нѣкую отъ Египтянинъ богату и всажену сущю, и нѣкоему въсхотѣвшю блудити съ нею, искаше ея яти ю хотя, и не хотя отца своего закона разсыпати Сварожа, поемъ со собою мужь нѣколко своихъ, разумѣвъ годину (*время*), егда прелюбы дѣеть, нощью припаде на ню, не удоси (*не нашелъ*) мужа съ нею, а ону обрѣте лежащю съ инѣмъ, съ нимъ же хотяще, емъ же ю и мучи и пусти ю водити по земли въ коризнѣ (*въ укоризнь, со срамомъ*), а того любодѣйца всѣкну; и бысть чисто житье по всей земли Египетьской и хвалити начаша.

(1) Здѣсь, какъ не рѣдко и въ другихъ патятникахъ старины, миѳологія греческая смѣшивается съ славянскою.

(2) О Сварогѣ, богѣ языческихъ Славянъ, Шафарика, см. Чт. общ. ист. 1846 г. № 1. Смѣсь. 30—34.

(*Ипатьевс. списокъ въ Пол. Собр. Лѣт. т. II, стр. 4—5*).

Александръ Македонскій, въ сказаніи о его жизни или въ переводной повѣсти *Александріи*, названъ »сыномъ божіимъ Перуна велика,« вмѣсто наименованія сыномъ Юпитера Аммона *(Лѣт. Переясл.—Суздал. М. 1851. XVI)*. О замѣнѣ Гефеста—Сварогомъ, Солнца—Дажьбогомъ см. тамъ же.

Ипатьевская лѣтопись названа такъ потому, что списокъ рукописи (конца XIV или начала XV в.) принадлежалъ костромскому Ипатьевскому монастырю; теперь хранится въ библіотекѣ Академіи наукъ. Эта лѣтопись въ составѣ своемъ раздѣляется на двѣ части. Первая (стр. 1—155) содержитъ въ себѣ Временникъ Нестора съ продолженіемъ, подъ которымъ разумѣется лѣтопись о кіевскомъ и другихъ Юговосточныхъ русскихъ княжествахъ, до 1200 года; въ началѣ она сходна съ Лаврентьевскою, но съ половины XII вѣка изложеніемъ своимъ отъ нея разнится. Во второй части (стр. 155—226) заключается лѣтопись о Западно-Русскихъ княжествахъ, извѣстная подъ именемъ Волынской или Галицкой, доходящая до 1292 года. Замѣчательно, что Лаврентіевскій списокъ, кромѣ Временника Нестора, вполнѣ помѣщеннаго въ первыхъ его тетрадяхъ, писанныхъ крупнымъ уставомъ, и окончанія, содержащаго въ себѣ сказанія о суздальскомъ и другихъ Сѣверныхъ княжествахъ, есть также сокращенная Ипатьевская лѣтопись, изъ чего явствуетъ, что послѣдняя, несмотря на новость списка, есть древнѣйшій и единственный памятникъ, сохранившій отъ забвенія дѣянія нашихъ предковъ, въ періодѣ самобытности Руси, до покоренія ея Монголами и Литвою. Языкъ Ипатьевской лѣтописи есть церковно-славянскій въ примѣсью русскаго; но въ рѣчахъ князей и другихъ лицъ сохранился образецъ чистаго южно-русскаго народнаго языка, процвѣтавшаго до XIV стол. и увѣковѣченнаго между прочимъ въ »Словѣ о полку Игоревомъ,« которое нельзя смѣшивать ни съ сѣвернымъ (новгородскимъ), ни съ позднѣйшими русскими, Восточнымъ и Западнымъ, нарѣчіями. Въ 1-й части хронологія несходна съ другими лѣтописями, что должно приписать двумъ причинамъ: запутанности лѣтосчисленія съ марта и сентября и неисправности списковъ; во 2-й же части, по словамъ Карамзина, годы во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ не правильны и отмѣчены переписчикомъ гадательно. (П. С. Лѣт. т. II, предисл.)

16. Слово блаженнаго Серапіона о маловѣрьи до 1275 г.

Печаль многу имамъ въ сердци о васъ, чада: никакоже не премѣните отъ злобы обычая своего; вся злая творите въ ненависть Богу на пагубу души своей. Правду есте оставили, любве не имате, зависть и лесть жируетъ (*живетъ*) въ васъ и вознесеся умъ вашъ. Обычаи поганскіи имате, во хламъ (*волхвамъ*) вѣру имете и пожигаете огнемъ не повинныя человѣки. Гдѣ се есть въ писаньи, еже человѣкомъ владѣть обильемъ или скудостью, подавати или дождь или теплоту. О неразумніи, вся Богъ творитъ, якоже хощетъ, бѣды и скудость (*голодъ*) посылаетъ за грѣхи наши и наказая насъ, приводя на покаянье. О маловѣрніи, слышасте казни отъ Бога: въ первыхъ родѣхъ потопа на гиганты, огнемъ пожжени, а Садомляне огнемъ же сожжени, а при Фараонѣ 10 казней на Египетъ, при Ханаани—каменье огненное съ небесѣ пусти, при Судьяхъ—рати наведе, при Давидѣ—моръ на люди, при Титѣ—плѣнъ на Ерусалимъ, потомъ трясенье земли и паденьемъ града. И въ наша лѣта, чего не видѣхомъ зла, многи бѣды и скорби, рати, голодъ, отъ поганыхъ (*отъ Татаръ*) насилье; но никакоже премѣнимся отъ злыхъ обычай нашихъ. Нынѣ же гнѣвъ божій видяще и заповѣдаете хто буде удавленика или утопленика погреблъ, не погубите люди сихъ, выгребите (1). О безумье злое, о маловѣрье! Полни есмы зла исполнени, о томъ не каемся. Потопъ бысть при Нои не про удавленаго, ни про утопленика, но за людскія неправды, и иныя казни безчисленыя. Драчьградъ 4000 лѣтъ стоялъ, отъ моря потопленъ бысть и нынѣ въ мори (1); въ Лясѣхъ (*въ Польшѣ*) отъ умноженья дождя 600 люди потопло, а иніи въ Перемышли градѣ 200 потопоша и гладъ былъ 4 лѣта тамо жъ. Се все бысть въ сія лѣта за грѣхи наша. О человѣци, се ли ваше покаянье, симъ ли Бога умолите, что утопла или удавленика выгрести, симъ ли божію казнь хощете утишити. Лучше, братья, престанемъ отъ зла, лишимся всѣхъ дѣлъ злыхъ, разбоя, грабленья, пьянства, скупости, лихвы, обиды, татбы, лжива послушьства, гнѣва, ярости, злопоминанья, лжи, клеветы, рѣзоиманья (*роста, процентовъ*). Азъ бо, грѣшный, всегда учю вы, чада, велю вамъ каятися; вы же не престанете отъ злыхъ дѣлъ. Егда кая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то болѣ прогнѣваемъ, извѣты кладуче: (2) того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито не родится,—и бываете строители божіей твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите? Поганіи (*язычники*) бо, закона божія не вѣдуще, не убиваютъ единовѣрникъ своихъ, ни ограбляють, ни обадятъ (*не обманываютъ*), ни поклеплютъ, ни украдутъ, ни запрутся чужаго, всякъ поганый брата своего; (но) кого въ нихъ постигнетъ бѣда, то искупять его и на промыслъ дадутъ ему, а найденыя—въ торгу проявляютъ. А мы творимся вѣрніи, во имя божіе крещени есмы и заповѣди его слышаще всегда,—неправды есмы исполнени и зависти, немилосердья; братью свою ограбляемъ, убиваемъ, въ погань продаемъ, обадами, завистью,—аще бы мощно, снѣли бы другъ друга, но вся Богъ боронитъ. Аще вельможа или простый, то весь (всякій) добытка желаетъ, како бы обидѣть кого. Окаянне, кого снѣдаеши? Не такой же ли человѣкъ, якоже и ты? Не звѣрь есть, ни иновѣрець. Почто плачь и

(1) Суевѣрный обычай откапывать утопленика или удавленика доселѣ окончательно не искоренился въ русскомъ простонародьи.

(1) Преданіе.
(2) Ложно говорище.

клятву на ся влечеши? Или безсмертенъ еси, не чаеши ли суда божія, ни воздаянья комуждо по дѣломъ его? Отъ сна бо вставъ не на молбу умъ прилагаеши, но како бы кого озлобити, лжами премочи кого. Аще не останете сихъ, то горшая бѣды почаете посемъ; но моляся вамъ глаголю: пріимемъ покаянье отъ сердца, да Богъ оставитъ гнѣвъ свой и обратимся отъ всѣхъ дѣлъ злыхъ, да Господь Богъ обратится къ намъ. Се вѣдѣ, азъ поучаю вы, яко за моя грѣхи бѣды сія дѣются; придѣте же со мною на покаянье, да умолимъ Бога, вѣдѣ убо, аще ся покаевѣ, будемъ помиловани; аще ли не останетесь безумья и неправды, то узрите горшая напослѣдь.

(*Поѣздка Шевырева въ Бѣлоз. мон. II, 36*).

Тоже слово съ измѣненіями см. въ Приб. къ твор. св. Отцевъ 1843, кн. 3.

Еще слово Серапіона въ Ж. М. Н. Просв. ч. 39, VI, 42. О писателѣ см. Лѣт. Литер. 1859, I. Сюда же относится „Поученье къ духовн. сыну“ Зарубскаго черноризца Георгія XIII в. Здѣсь излагаются нравств. наставленія и сильно вооружается писатель противъ лихаго скомороха, гудца и свирца (свирельника?), что ихъ водятъ въ дома *ялма ради*: «поганско то есть, а не крестьянско.« (*О малоизв. и неизв. памят. Срезневскаю 1, 54—57. См. также Слово Кирилла о злыхъ духъхъ по сп. XV в. Москвит. 1844, I. 241).*

17. Слово пророка Исаіи, истолковано св. I. Златоустомъ. (1)

...*Рече Господь: наслѣдятъ гору святую мою избранніи мои, раби мои.* Раби суть то, иже служатъ Богу и волю его творятъ, а не Роду, ни Рожаницамъ, ни кумиромъ суетнымъ: то суть слуги божіа, иже приносятъ честную жрътву живу Богу въ крѣпости сердца своего съ разумомъ добраго ученіа. *И будутъ въ лузѣ* (на лугу) *ограды овцамъ.* Лугъ паречется рай, а ограды райская мѣста, а овцѣ—вѣрніи людіе, иже работаютъ Богу, а не Рожаницамъ. *И дебрь Охорьска въ покой воломъ.* Дебрь есть вышняго Іерусалима пажить, а волове—кротціи епископи и попове, иже ходя по цръковному ученію и инѣхъ добрѣ учаще, иже възыскаютъ врѣмена и не оставляютъ святыя горы. *Вы же оставльше мя и забывающе гору святую мою и готовающе трапезу* Роду и Рожаницамъ, *напълньюще бъсомъ чрѣпаніа. Азъ прѣдамъ вы на оружіе и въси заколеніемъ падете.* Заколеніе есть смерть, а оружіе—мука вѣчная. *Яко възвахъ вы,—не отзвастеся, глаголахъ—и не слышасте, и творите злое прѣдъ мною, ихже не хощу,—то избрасте. Сего ради тако глаголеть Господь: се работающіи ми ясти начнутъ, вы же възалчете;* но тою сыти есте трапезою, яже готовасте Рожаницамъ. *Се работающіи ми пити начнутъ, вы же вѣжадаете;* но то пійте, иже то исполниваете чрѣпаніа бѣсомъ. *Се работающеи мнѣ възвеселятся, вы же постыдитеся. Се работающіи ми възрадуются въ веселіи сердца, вы же,* работающеи бѣсомъ и служащеи идоломъ и ставляюще трапезу Роду и Рожаницамъ, *възопіете въ болезни сердца вашего и отъ скрушеніа духа въсплачетеся.* (1) Тому же ся събыти нѣсть зде, но въ ономъ вѣцѣ: остависте бо утѣшеніе ваше и покой будущаго вѣка избраннымъ моимь, васъ же убіеть Господь Богъ; а работающіи ми благословятся, поють Богу истинному, а вы поете пѣсни бѣсовьскыя идоломъ, Роду и Рожаницамъ. Въ велику пагубу вводитъ невѣжество книжное. Велико зло, еже не разумѣти почитаемаго, и велико зло, еже не слышати разумнѣйша себе, или разумѣя честна, не творити воля бо-

(1) Слово это постоянно входитъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Златоустовъ.*

(1) Прор. Исаіи гл. 65, ст. 9—14.

жіа по писанному закону. Се же, чада, слышащеи останѣте ся пустошнаго того твореніа и службы тоя сатанины, наставленіе (*и ставленія*) трапезы тоя кумирьскыя, нареченыя Роду и Рожаницамъ. Братіа, творите воля божія, якоже ны учатъ книгы пророчскыя и апостольскыя и отчьскыя, да пріимемь оставленіе грѣхомъ и получимъ жизнь вѣчную о Христѣ Ісусѣ Господи нашемъ, ему жъ слава въ вѣкы, аминь.

(*По ркп. Спб. Публ. Библ. Q. отд. I. № 18. См. Архивъ историко-юридич. свѣд. 2, 1. отд. 1. 100—101; II, отд. VI, 66*).

18. Изъ слова Григорія Богослова XIV в.

Еллины дѣлаютъ »требокладенье (*жертвоприношеніе*) грому и молъньи и Вилу, богу вавилоньскому, его же разби Данило пророкъ; тѣмъ же богамъ требу кладуть и творятъ. И словеньскый языкъ Виламъ (1) и Мокошьи, Дивѣ (2), Перуну, Хърсу, Роду и Рожаници (3), Упиремъ и Берегынямъ (4) и Пепеплуту,— и вертячеся пьютъ ему въ розѣхъ (5), и огневи Сварожицю молятся и навьмь (*мертвымъ*) мъвь творять и въ тѣстѣ мосты дѣлають и колодязѣ и ина многая...

(1) *Вилы*—русалки, въ другомъ сп. смѣшаны съ вавилонскимъ *Виломъ*.

(2) *Дива*—вѣроятно, *Дія, Діана*.

(3) *Рожаница* — богиня судьбы, надѣляющая счастьемъ при рожденіи человѣка. О Рожаницахъ упоминается въ ркп. 1271 г., гдѣ сказано, что люди приготовляли счастью (случаю) раствореніе или *чьртаніе*, т. е. разбавленное питье. О *Родѣ* говорится въ Вопросахъ Кирика и въ Словѣ Заточника.

(4) *Упирь*—вампиръ, волкодлакъ, перемѣтчикъ. *Берегиня*—водяное существо, русалка.

(5) Т. е. изъ роговъ, которые въ древнее время служили вмѣсто стакановъ

Начаша Елини ставити трапезу Роду и Рожаницямъ, таже Римляне, даже и до Словенъ доиде. Се же Словене начали тряпезу ставити Роду и Роженицамъ, пе реже Перуна бога ихъ, а преже того клали требы Упиремь и Берегынямъ. По святѣмъ же крещеніи Перуна отринуша, а по Христа Бога яшася; въ и нынѣ по Украйнамъ ихъ молятся проклятому богу ихъ Перуну, Хърсу и Мокоши и Виламъ; нъ то творять акы отай, сего же не могутъ ся лишити, наченше въ поганствѣ (1), даже и доселѣ проклятаго того ставления вторыя тряпезы Роду и Рожаницамъ (2) на прѣльсть вѣрнымъ хрестьяномъ и на хулу святому крещенію и на гнѣвъ Богу. По святѣмь крещеніи череву работни попове уставиша трепарь прикладати Рожства Богородици къ Рожаничьнѣ тряпезѣ отклады дѣююче (3). Таковии нарицаются кармогузьци (*обжоры?*), а не раби божьи. И недѣли день и кланяются написавше жену въ человѣчьскъ образъ тварь“ (4).

(*Лът. рус. лит. Тихонрав. IV, 100—101; также 97*).

19. Изъ слова отъ св. евангелья XIV в.

...Тѣлеснии грѣси инаци и душевнии инаци... Тѣлеснии же суть грѣси: убиіства, чародѣіства, *потвори*, волшьба,

(1) Со времени язычества.

(2) *Вторая трапеза*—secunda mensa, состоящая изъ плодовъ и вина.

(3) Преп. Ѳеодосій преслѣдовалъ сильно этотъ обычай въ словѣ »О тропаряхъ и пьянствѣ.«

(4) Въ Кормчей 1280 г. въ правилахъ VI вселенскаго собора упоминаются коляды (calendae?), Рожаницы, облакопрогонники и преслѣдуются игры, переряживанья и обычай—скакать черезъ зажженный костеръ (*Истор. Христ. Буслаева. 381—382*).

наужи (1), идоломоленіе, трѣбы идоломъ бесомъ, по мьзде лихоимание, еже есть всему злу мати, пиянство и всего нужно писати. А се душевнии грѣси: хула, злии помышли, ереси, злопоминание, зависть, клевѣта, ненависть, прозорьство, *(презрѣніе?)*, уныние, отчаяние, неупование еже къ Богу, иновѣрье, еже чюжю вѣру хвалити и примѣшатися къ иной вѣрѣ, и лгати, не право глаголати, росокы дѣяти, облыговати правыя и клятися и инаго клатвы догонити (*принуждать*) и ротѣ (*къ присягѣ*) водити и къ иной вѣрѣ поганой приступати и по кривѣмь прю дѣяти (*защищать неправаго*) и учитися остроиомии (*астрологы*) и вѣровати в метание (*мечтаніе, сонъ?*) и въ лживая писания и въ елиньскыя книгы, кощуны и въ баснотворья и устрящю и въ чехъ и въ Мокошь и въ сносудець (*въ сновидѣнія*), птиции чарове, въ громникъ и в колядникъ и въ всь мартолои проклятыи, и иже творять злы дни и часы да будеть ньрсть (*прокляти*)... Се же мало написахомъ о тѣлесныхъ грѣсѣхъ и о душевныхъ: нужа бо есть много писати, да сами паки расъсмотрите.

(Лът. литер. Тихонр. IV, отд. III, стр. 105 — 106. Ркп. Соф. библ. № 1262).

20. Слово Христолюбца ревнителя по правой вѣрѣ, около 1400 г.(2).

Яко Илья Фезвитянинъ (3), заклавы ереа жерца идольскія числомъ 300, и рече: ревноуя поревновахъ по Господѣ вседержители. Тако и сей не мога терпѣти хрестьянъ *двоевѣрно* живущихъ,—и вѣруютъ въ Перуна, и въ Хорса, и въ Мокошь, и въ Сима и Рьгла, и въ Вилы, ихъ же числомъ тридевять сестрѣниць, глаголять невѣгласи и мнять богинями, и та подкладывахуть имъ теребы, и куры имъ рѣжють, и огневѣ моляться, зовуще его *Сварожичемъ* (1) и *чесновитокъ (творять?)*; (2) богомъ же его творять. Егда же у кого будеть пиръ, тогда же кладуть въ ведра и въ чащи и пьють о идолѣхъ своихъ, веселящися; не хужьши суть еретиковъ, ни жидовъ, иже в вере и во крещеньи тако творять, не токмо невѣжи, но и вѣжи (*просвѣщенные*), попове и книжници. Аще ли не творять того вѣжи, да пьють и ядять моленое (*жертвенное*) то брашно. Аще ли не пьють, ни ядять, да видять дѣянія ихъ злая; яще ли не видять, да слышать—и не хотять ихъ поучити. О таковыхъ бо пророкъ речеть: »окамешѣ сердце людій сихъ, оушима тяжко слышать, очи свои смѣжиша..« Самъ Господь рече: »мнози пастуси погубиша виноградъ мой.« Пастуси суть книжници, а виноградъ—вѣра: человѣци въ вѣрѣ погибають лихими пастуси. Учители безумнымъ, аще не лишаться (*не отстанутъ*) проклятаго моленья и службы дьяволя, то достойни огню негасимому. Си же учители будуть имъ подгнѣтати, аще ихъ необратять отъ дѣла того сотонина. Глаголеть бо пророкъ отъ лица невѣрныхъ людій, приходящихъ во крещенье и оученью добрыхъ дѣлъ: »да обратять ны боящися тобе, и вѣдуще свидѣнья твоя«... Рече Господь: »иже добре научитъ хто, то великъ на-

(1) *Наузы*—волшебныя навязки, амулеты. *Потвори*—претворенія, или волшебныя измѣненія людей и явленій (оборотни).

(2) Слово это помѣщено въ *Златой чепи* и въ *Паисіевск. Сборникѣ* XIV в. Содержаніе Сборника представлено Шевыревымъ. *Поѣздка въ Бѣлозерс. мон. II, 32—39.* Содержаніе Чепи въ *Чт. общ. ист. 1846, № 2. Смѣсь 46.*

(3) Илья пророкъ изъ города Θесвы.

(1) Т. е. сыномъ Сварога. См. выше Ипат. лѣт.

(2) Доселѣ въ Галиціи соблюдается въ праздникъ Коляды обрядъ чеснока. Быть рус. народа. Терещенко. Опис. празд. коляды.

речется во царствіи небеснѣмъ.« Павелъ рече къ Римляномъ: »аще многи наставники имате о Христѣ, но не многи отцѣ, о Христѣ бо Іисусѣ азъ вы родихъ еуангеліемъ. Молю же вы ся, подобници *(подобны)* мнѣ будите, и попове и книжници.» Будете же вы подобни Павлу великому учителю, оучите же люди на добро и обращайте ихъ ото лести дьяволя къ вѣрѣ истиннѣй, служити истинному Богу, да і вы речете предь Богомъ пророчимъ гласомъ: »се азъ и дѣти моя, яже ми далъ еси, Господи, и азъ народихъ оученьемъ.« Того ради пьете, ясте и дары емлете отъ нихъ. Аще ли не хощете оучити ихъ, то не примѣшайтеся имъ по еуангельскому слову: »аще имаши око свое лукаво, то исткни є вонъ, аще ли руку, то отсѣцы ю,—лучше бо одинъ оудъ погибнеть, нежели все тѣло.« Не можетъ бо погибнуть праведникъ про беззаконника. Кое причастье Христу съ бѣсомъ? Тако и служащихъ Богу кое причастье къ служащимъ бѣсомъ і оугодья дьяволя творяшимъ? Павелъ бо Коренфѣемъ рече: »братья, писахъ вамъ въ посланьяхъ, не примѣшайтеся къ рѣзоимцемъ (1), ни грабителемъ, ни коръчмитомъ (2) і къ служащимъ кумірамъ, но должни есте отъ міра сего изыти, рекше оумрети. Нынѣ же писахъ вамъ, съ таковымъ ни пити, ни ясти, не въ законъ, но въ упой и быша пьяни, і восташа играти,—и того дни погибе ихъ 620 за свое не истовое пьянство.« Того ради не подобаетъ крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, пѣсни мирьскія, и жертвы идольскія; еже молять ся огневѣ подъ овиномъ, и Виламъ, и Мокоши, и Симу, и Рьглу, и Перуну, и Роду и Рожаницѣ, и всѣмъ тѣмъ, иже сутъ тѣмъ подобни (1). Се же оученіе намъ вписася въ конець вѣка. Да не во лжи будемъ рекли, крещающеся, отрицаемся сотоны и всѣхъ дѣлъ его и всѣхъ ангелъ его, и всего студа его, да обѣщахомся Христови. Да аще ся обѣщахомъ Христови; то чему ему не служимъ, но бѣсомъ служимъ, и вся угодья имъ творимъ на пагубу душамъ своимъ. Не тако же зло творимъ просто, но и мѣшаемъ нѣкія чистыя молитвы со проклятымъ моленьемъ идольскимъ, иже ставять лише кутья ины тряпезы, законнаго обѣда, иже нарицается беззаконная тряпеза, мѣнимая *(приносимая)* Роду и Рожаницамъ и въ прогнѣванье Богу. Самъ бо Господь речеть: не всякъ внидеть во царствіе мое, рекъ ми— Господи, Господи, но творяй волю отца моего“ (2). Павелъ рече: видѣхъ облакъ кровавъ распростертъ надъ всѣмъ міромъ и вопросихъ, глаголя: Господи, что се есть? И рече ми: се есть молитва человѣческая, смѣшена съ безаконьемъ; того ради Господь речеть: „не можеть рабъ работати двѣма господинома; одиного возлюбить, а другаго возненавидить. Тако и мы, братья, возненавидимъ дьяволя, а Христа возлюбимъ,— вонь бо крестихомся, вонь облекохомся; его хлѣбъ ямы и чашу его піемы; оумираемъ, здрави бываемъ о немъ. Рече: слава тебѣ о всемъ, данымъ намъ тобою, не токмо здѣ, но и въ будущемъ вѣце. Рече же Павелъ: то оубо требы

(1) Берущимъ лихву, проценты.

(2) Обмѣривающимъ при продажѣ вина или мѣшающимъ вино съ водою.

(1) Въ другомъ спискѣ это мѣсто читается такъ: »Того ради не подобаетъ хрьстьяномъ въ пирехъ и на свадьбахъ бѣсовьскихъ игръ играти; аще ли то не бракъ наричется, нъ (но) идолослужение, иже есть пляска, гудьба (*игра на музыкальныхъ инструментахъ*), пѣсни бѣсовскыя, сопѣли, бубьни и вся жертва идольска. Иже молятся огневи, Виламъ, Мокошьи, Симу, Рьглу, Перуну, Хърсу, Роду и Рожаницямъ и всѣмъ проклятымъ богомъ ихъ.» *Ркп. Соф. библ конца XV в. № 1285.*

(2) Далѣе мѣсто взято изъ апокрифическаго сказанія: »Хожденіе апостола Павла по мукамъ.« *Пам. отречен литер. II, 43.*

кладуть страны бѣсомъ, а не Богу. Не велю же вамъ общникомъ быти бѣсомъ, и не можете бо пити чаши господня, и не можете бо причаститися трапезѣ господни, да не разгнѣваемъ Бога. Аще кто повѣсть вамъ, яко се требно (*жертвенное*) куміромъ, не ядите того; аще ль пьете, или ясте, то все въ славу Богу творите: господня бо земля и конци ея.... Братія, не велю же вамъ не вѣдати бесѣды сія, но инѣмъ будите на пользу хотящимъ спастися. Истерьгнитеся отъ сѣти дьяволя. Да пріидемъ къ пречистому свѣту Господа нашего Іисуса Христа. Беззаконнымъ непокоривымъ, противящимся здравому ученью, нечестивымъ, хулящимъ отца и матерь, славы божія не наслѣдовати.

(*Лѣтоп. литер. Тихонравова. IV, 93*).

21. Изъ слова, приписываемаго Златоусту до 1400 г. (1).

Горе вамъ, вожевѣ слѣпіи: ни сами въходите, но и хотящимъ внити не даете. Человѣчи забывше страха божия небреженіемъ и крѣщения отвѣргошася, и приступиша къ идоломъ, и начаша жрети молнии и грому, и солнцю и лунѣ. А друзии Перену, Хурсу, Виламъ и Мокоши, Упиремъ и Берегынямъ, ихже нарицають три—9 сестриниць; а инии въ Сварожитца вѣрують, и въ Артемиду, имже невеглаши (*невѣжи*) человѣчи молятся, и куры имъ режуть. О убогая курята! оже не на честь святымъ породишася, ни на честь вѣрнымъ человѣкомъ; но на жертву идоломъ режются,—и то *блутивше* сами ядять, и инѣми въ водахъ потопляеми суть. А друзии къ кладязѣмъ приходяще моляться, и въ воду мечють велеару (*сатанѣ*) жертву приносяще. А друзии огнѣви и камению и рѣкамъ, и источникомъ, и Берегынямъ, и въ дрова; не токмо же преже в поганьствѣ (1), но мнози и нынѣ то творятъ; а крестьяны ся наричающе, мосты и просвѣты, и бдѣлники, и чересъ огнь скачють, мнящеся (*кажутся*) крестьяны, а поганьская дѣла творять; навѣмъ мовь творять (*окликаютъ мертвыхъ*) и попелъ посреде сыплють, и проповедающе мясо и молоко, и масла и яица, и вся потребная бесомъ; и на пець й льюще въ бани, мытися имъ велятъ. Чехолъ и убрусъ (*платокъ*) вѣшающе въ молвици, (*въ мовници, т. е. въ банѣ*). Беси же злоумию ихъ смѣющеся поропрѣщются (*пройдутся*) в пепелу томь, и следъ свои показують, на прелщение имъ; они же видѣвше то отходятъ, поведающе другъ другу, и то все проповѣданье сами ядять и пиють, ихже не достоитъ ни псомъ ясти. О злая діяволя прельсть, иже ни погани того не творять! А друзии вѣрують въ Стрибога, Дажьбога (2), и Переплута, иже вѣртячеся ему пиють въ розѣхъ, забывше Бога, створившаго небо и землю, моря и рекы и источникы,—и тако веселящеся о идолѣхъ своихъ.... Словомь бо и слытьемъ (*слывутъ*) мнози суть крестьяни, а образомь мало ихъ; образомь же аки и ученики христови, а деломъ предатели; словѣсемь богобоязниви, а деломь нечестивии; словѣсемь милосерди, а образомь

---

1) Полное заглавіе памятника слѣдующее: »Слово св. отца нашего І. Златоустаго, архіеп. Костянтина града, о томъ, како пьрвое погании вѣровали въ идолы, и требы имъ клали, и имена имъ нарекали, яже и нынѣ мнози тако творять и въ крестьяньстве суще; а не вѣдають, что есть крестьяньство.« *Изъ Златой Чепи.*

(1) Въ Златой Чепи XIV в. упоминается о вѣрѣ народа въ домоваго или »бѣса хоморожителя.« *Очерки древн. Буслаева. II, 125. Опис. Рум. Муз. Востокова 552.*

(2) Стрибогъ и Дажьбогъ упоминаются въ *Сл. о Пол. Игор.*

Елини (*язычники*); нарокомъ (*по названью, наречению*) крестьяни, а деломь страньници: съсмѣсишабося съ странами и навыкоша дѣла ихъ. По истинѣ въ насъ ся сконца пророчество: каци бо суть крестьяни, а послушающе кощюнъ елинскыхъ и баснии жидовьскихъ, и рождество (*рожаницу*) и почитании звездъныхъ, и птица гласа (1), и чаровѣ, и волхвования, и заскопия деннии, и лѣтъ и сновъ, и надъ источникы свѣща вжагающа, и кумирьскую жертву ядять, и кровь и удавленину, и звѣремъ уядено, и птицами угнѣтено. Многа ина подобная симъ: како крестьяни нарещися имуть, а сице творяще? Кимьли (*какимъ*) дьрзновениемь смѣють наричатися крестьяни? Како ли смѣють къ святымъ таинамъ прити? а горше суще Елинъ. Послушаите бо паки: каци (*какіе*) убо крестьяни, а поганыхъ образъ носяще и прокужающе (*намазывающе, надьвающе маску*) лице, или утварь (*нарядъ*) женьскую на мужехъ си творяще? И нѣсть имъ никоея же пользы наричатися крестьяномъ..... Разумѣите же вси възлюблнии, яко малыми словесы всѣхъ сихъ отвѣргохомся глаголюще: »Отмѣтаемся сотоны и всѣхъ дѣлъ его,« и рече же при всѣхъ да помышли, что всѣхъ дѣлъ его да блюди и помышли кому ся обеща? ни ангелу земному, ни царю, ни князю вѣка сего; но царю царствующимъ, и князю князьствующимъ, — тому же ся и обеща и исповеда предъ многыми послухы, да уже в руку его ты и словеса твоя. Или к тому жди его приходяща съ небеси ждеши его? несущая написаныя книгы твоя, имже почестися есть предъ ангелы и человѣкы. Тѣмже, брате, сохранися, поне нынѣ отъ погаными странъ писания.... Мнози учители изгыбели, и еще умножитися имуть.

(*Лѣтопис. литерат. Тихонравова. IV, стр. 105 — 110 въ концѣ*).

(1) Т. е. гадаютъ и дѣлаютъ предсказанія по крику птицъ. Доселѣ еще сохранилось много примѣтъ: если ворона кричитъ — дождь будетъ, воронъ каркаетъ — къ покойнику или другому несчастью и т. п.

22 Тоже слово измѣненное.

Слышите убо: мнози суть слытьемъ (*на словахъ*) крестьяни, а обычаемъ и делы аки погани невѣрнии; навыкоша бо елиньскы дѣяти. О насъ бо сконцася пророчество: како есте вѣрнии, обыкше кощюны и елиньскыя басни жидовьскыя, и у родословья (*рожаницы?*) и глумление на улицахъ, и на беседахъ рада, (*родъ?*), чары же и волхвование, и сновe и кровиядение и давленины, инна неподобная многа дѣюще. Како крестьяни есте, аще си творите, и како святыя таины смѣете принимати, а горша будуще Елинъ? Павыкосте бо поганьская дѣла творити: плясание, плескание руку сотонину, пѣсни, пияньство, блудня, гнѣвъ, зависть и иная же, нѣсть аже ни глаголати ихъ здѣ. Творяи бо сия, како крестьяни есте, а горее невѣрныхъ?..... Многи бо вѣрнии творятся, а не вѣдають что есть крестьянство, како есть въ вѣрѣ и въ законѣ взаконено. Но вижю убо не уныя токмо неистовы что и неразумны, но и старыя, о нихъ же вельми тужю, егда на бесѣдахъ и на улицахъ града вижю мужа отъ сединъ честна, а злая и неподобная вѣстующа (*разсказывающаго*), или на позоры или въ пиръ дѣти съ собою влекуща. О вернии, како ся на погыбель деете! скверненно бо се и зло. Отець свои чада ведеть на зло дѣло. А крестьяномъ бы подобно закону божию своя дѣти учити, а не пагубѣ. Аще же кто въспросить бесъстудныхъ (*безсовѣстныхъ*) тѣхъ старечь, како пророчи и апостоли положили, и колико апо-

столъ и пророкъ,—не вѣдять убо и не умѣють о томъ что рещи. Аще ли о конехъ или о птичахъ, или о иномъ о чемь; то философи, хитреци. Еще же и се глаголють: въ глумлении (*весельи, смѣхѣ*) нѣ грѣха. О человѣче, далъ ти Богъ пожити время, да ему угодиши и волю его створиши и правду дѣяи; а ты же на пияньство, и на блудню, и на вся злая вдався..... Аще здѣ учение слово продолжать, то мнози (*въ церкви*) аки у некоего зла с нужею предъстоять; або будеть на бесѣдѣ града, или на улици, или на игрищи,—то ту пребудете и дале. А будеть пити, то и нощи не спать, пагубная дѣяи. Како вы крестьяни есте, а се твореще, а горее поганыхъ? Сотонино бо замышление, тои бо и позоры научилъ есть, смѣхотворца, и кощюньники, и игрьца, да тыхъ злыми дѣлы и зрящая ихъ погубить. Како бо позорующая не тоеже ли творять. Аще пустошникъ (1) глумяся что изорчеть, тогда сии боле насмѣються, егоже бы деля злословнаго кощюньника бияще отгнати. Но сии зряще чюдятся, ти учаться злу, друзии же мзды игречемъ дають (2). Да темъ болии огнь на свою главу вжагають. Но аще бы ни зрели, ни дивилися имъ; то оставили бы тиі пустования. Но не токмо дивятся зряще, но и словеси ихъ извыкли. Да егда зберутся в пиру или инде гдѣ, то подобно бы крестьяномъ глаголати было о пророчьстве, о учении святыхъ, то сии в того мѣсто вѣщають,—се глаголють: онсии скоморохъ, или онъ игречо. Да тѣмь многы собе пути готовять, вѣдущѣ в муку вѣчную. Се бо нѣсть крестьянско, аще игръ и бесѣды дѣемъ, и кощюны и злы грѣхы, смѣхы и блудъ творимъ, а не-

(1) Пустой человѣкъ. Здѣсь преслѣдуются позоры или зрѣлища скомороховъ, которые были игрецами — актерами и гудцами — музыкантами, веселыми пѣсенниками и разсказчиками, смѣхотворцами.

(2) Временникъ, кн. XX.

правды не останемся и прочихъ злобъ. Но се есть тѣхъ дѣло, иже диаволи суть угодниви, имже нѣсть чаяния жизни; но с бесы осужени будуть в неугашимыи огнь...

(*Лѣтоп. литер. Тихоправова, IV. стр. 110—112*).

23. Слово св. отца Моисея о ротахъ и о клятвахъ ок. 1400 г.

Пророкъ глаголеть: яко того ради затворися небо—не пустити дождя на землю, зане кленуться человѣци Богомъ и его святыми, и другъ друга догоняеть клятвы, и св. церковь, невѣсту христову, ротою (*клятвою*) скверняще; приходяше закалаютъ Сына предъ Матерью, слуги же тоя матерь рожешагося по духу брата своего св. крещеньемъ, пьютъ кровь заколенаго Сына Матере тоя. И того ради вся силы небесныя трепещютъ со страхомъ, зане же не велить Господь Богъ догонити (*доходить*) до клятвы и роты. По истинѣ бо Спасъ нашь Христосъ рече: человѣци си токмо ротою мя знаютъ; сего ради съ небесѣ съходяще серпъ огненъ пророкъ Захарья видѣ идущь на землю, в долготу 50 локотъ, а в ширину 9 локотъ; и о семъ молящеся Богу, да проявить ему. И сниде к нему гласъ глаголющь: се есть серпъ гнѣвъ божий, исходящьи на тѣхъ, иже ся на кривѣ ротятъ (1), да поженеть я, и ихъ огню негасимому предаеть. Семуже другая вина подобна тому—жертву приносять бѣсомъ, недуги (*болѣзни*) лѣчатъ чарами, и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго трясцю (*лихорадку*) мняться прогоняюще нѣкими ложными писмяны про-

(1) Криво, ложно клянутся.

клятыхъ бѣсовъ еленьскихъ (1); пиша имяна на яблоцѣхъ, покладаютъ на святѣй трапезѣ в годъ лоторгѣгрѣи (*во время литураи, службы*), и тогда ужаснутьсѧ со страхомъ ангельская воиньства. И того ради разъгнѣвленъ Господь Богъ, не пущаетъ дождя на землю, овогда же пожаромъ, и ратми (*войнами*) частыми, и прочими бѣдами многими казни намъ посылаетъ,—да мы предстанемъ отъ злобъ, и на покаяньс обратимься; но мы одинако пребываемъ, не останущеся грѣхъ, яко велми претитъ Господь святыми своими и не велитъ чарамъ недухъ лѣчити, и ни наузы, ни бѣсъ искати, ни въ стрѣчю вѣровати, ни в ловы идуще, или на куплю отходящи, или отъ князя милости хотяще сихъ искати (2). Аще ли кто отъ хрестьянъ волъхвуя и кобленья (*чародѣянія*) творяще, горше поганыхъ (*язычниковъ*) осудяться таковии, аще покаянья о томъ не приимуть, ни останутьсѧ.

(*Изв. Акад. Н. Х. стр. 703—704*).

24. О идолахъ рускихъ.

Здѣ нѣчто скажемъ о богахъ рускихъ, не яко достойни суть воспоминанія, но да увидимъ, каковою слѣпотою тогда діаволъ помрачилъ бяше человѣки и въ таковое безуміе приведе, яко не токмо не знаху истиннаго Бога, но еще приведе ихъ въ се, яко худымъ и бездушнымъ вещемъ и стихіямъ богоподобную честь воздаваху. Во 1, *Перкопосъ*, си есть Перунъ, бяше у нихъ старѣйшый богъ, созданъ на подобіе человѣче, ему же въ рукахъ бяше камень многоцѣнный аки огнь, ему же яко Богу жертву приношаху и огнь неугаюсающій зъ дубового древія непрестанно паляху; аще ли бы случилося за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснути, таковаго іерея безъ всякаго извѣта (*пощады*) и милости убиваху. 2, *Волосъ*, богъ скотій, бяше у нихъ во великой чести. 3, *Позвиздъ*, Ляхи его нарицаху Похвистъ, сего вѣрили быти бога аеру, си есть воздуху, а иныя погоды и непогоды, иныи его вихромъ нарицаху, и сему Позвизду, или вихру, яко богу кланяющеся моляхуся. 4, *Ладо* (си есть Pluton), богъ пекелный (*адскій*); сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія, якоже Еллины Бахуса; сему жертвы приношаху хотящіи женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ, сего *Ладона*, бѣса, по нѣкакихъ странахъ, и донынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, и руками о руки или о столъ плещуще—*Ладо, Ладо*, преплетающе пѣсни своя, многажды поминаютъ. 5, *Купало*, якоже мню, бяше богъ обилія, якоже у Елинъ Цересъ (*Церера*), ему же безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу, бѣсу, еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ, наченше іюня 23 дня, въ навечеріе рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь, обоего полу, и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомого зелія (*травы*), или коренія, и препоясавшеся быліемъ возгнѣтаютъ огнь, индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеся за руцѣ около обращаются окрестъ онаго огня, поюще своя пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ чрезъ оный огнь прескакаютъ, оному бѣсу жертву себе приносяще. 6, *Колѧда*, ему же праздн-

(1) Здѣсь не мѣшаетъ вспомнить ложное сказаніе о св. Сисиніѣ и о 12 трисавицахъ. *І. Екзархъ Болгарск. Калайдовича.* стр. 240.

(2) Т. е. заговоры, когда идетъ кто на охоту, на торгъ или въ судъ къ князю.

никъ прескверный бяше дек. 24. Сего ради и нынѣ, аще и благодать Христовымъ Рождествомъ осія насъ и идолы погибоша, но единоче (*однако*) діаволъ еще и доселѣ во безумныхъ память свою удержа: сему бѣсу въ память простая чадь сходятся въ навечеріе Рождества Христова, и поютъ пѣсни нѣкія, въ пихъ же аще и о Рождествѣ Христовомъ поминаютъ, но болѣе Коляду бѣса величаютъ. И негодѣ бысть безумнымъ людемъ сихъ боговъ: не довѣряху бо имъ, ниже смѣяху положити на нихъ совершенную надежду, и въ лѣпоту не бысть бо на кого уповати; но имѣяху еще и болѣй боговъ, си есть: *Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла, Мокоша*, иныи же кладяземъ, езеромъ, рощеніямъ жертвы приношаху. Отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ: во день пресвѣтлого Воскресенія Христова, собравшеся юніи и играюще, вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си есть бѣсовъ, яко вометаемыи въ воду, или о древо, или о камень, въ водѣ разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою обливаютъ, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяютъ.

(Пол. Собр. Лѣт. II, 256—257).

Этотъ отрывокъ заимствованъ изъ Густынской лѣтописи, которая такъ названа по монастырю, которому принадлежала рукопись. Эта лѣтопись составлена въ 1670 г. на основаніи польскихъ хроникъ Стрыйковскаго, Кромера и другихъ. Въ нее занесены позднѣйшіе взгляды и разные не вѣроятные разсказы о дивныхъ явленіяхъ. По всему этому Густынская лѣтопись болье другихъ нуждается въ строгой критикѣ.

Кромѣ указанныхъ памятниковъ, о языческихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ можно еще читать въ слѣд. статьяхъ этой христоматіи: *въ Церковн. Уставѣ* св. Владиміра преслѣдуются умычка и обычай крапить сыръ иро пѣвку; а *въ Уставѣ Ярослава*—игрища. *Лука Жидята* и *м-тъ Іоаннъ* (до 1089 г.)

вооружаются противъ сквернословія и срамословія; послѣдній говоритъ, что ядятъ удавленину и не зарѣзанную дичь и кровь, не соблюдаютъ постовъ, живутъ безъ вѣнчанія, имѣютъ по двѣ жены, вѣрятъ волхвамъ и чародѣямъ, приносятъ жертвы болотамъ и колодезямъ, ходятъ на игры и т. п. Въ *Вопросахъ Кирика* читаемъ о жертвоприношеніяхъ богамъ языческимъ, о приносахъ больныхъ дѣтей къ волхвамъ для излѣченія. *Хожд. Богородицы по мукамъ* говоритъ о поклоненіи Хорсу и другимъ языч. богамъ. Въ поученіи *Кирилла Туровскаго* есть выраженіе, что не нарекутся уже богомъ стихіи, кончилось идолослуженіе и закланія младенцевъ бѣсамъ. Относительно жертвоприношенія водяному божеству, можно напомнить былину о Садкѣ богатомъ и замѣтки въ Рус. Бесѣдѣ, какъ пчеловоды *топили перваго роя*, совершая жертву водяному на богатство дому и на удачный разводъ пчелы *(1860, I. 1, 82. См. Густынс. л. 257). М-тъ Кириллъ* (1274) вооружался противъ позоровъ бѣсовскихъ — свистанія, воплей, кулачной борьбы и убійства. *Въ словѣ о мытарствахъ* упоминается о игрищахъ, наузахъ, чародѣйствѣ, вѣрѣ во встрѣчу, въ птичій грай и ворожбу, сказыванія басенъ, игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ. См. также *Вопросы І. Богослова и легенду о Февроніи Муромской.*

25. Идолище поганое.

Пріѣжалъ идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Со грозою, со страхомъ со великіимъ
Ко тому ко князю ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника...
Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся, да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
»Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
»На бою мнѣ-ка смерть не написана,
«Поѣду я въ раздольице чисто́ поле
И убью-то я идолища поганаго.»
Обулъ Илья лапотики шелко́вые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли греческой
И пошелъ онъ ко идолищу ко поганому,
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатнія
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя,
Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
»Хоть иду-то я къ идолищу поганому,
»Ежели будетъ не пора мнѣ-ка, не времячко,
»И съ чѣмъ мнѣ съ идолищемъ будетъ поправиться?»
На ту пору на то времячко
Идетъ ему въ стрѣчу каличище Иванище,

Несетъ на рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
•Ай же ты, каличище Иванище!
»Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—
»Сходить мнѣ къ идолищу къ поганому?»
Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырскоей.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
»Ай же ты каличище Иванище!
•Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
•Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,
»Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется.«
Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище—заворыдалъ.
Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
Говорилъ ему идолище поганое:
•Ай же ты калика перехожая!
»Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?»
Говоритъ ему Илья таковы слова:
»Толь великъ Илья, какъ и я,»
Говоритъ ему идолище поганое:
»По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
»По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?«
Говоритъ Илья таковы слова:
«По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
•По стольку пьетъ Илья, какъ и я.«
Говоритъ ему идолище поганое:
•Экой вашъ богатырь Илья:
»Я вотъ по семи ведръ пива пью,
»По семи пудъ хлѣба кушаю.«
Говорилъ ему Илья таковы слова:
•У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
»У него была корова дучая:
»Она много пила и ѣла, и лопнула.«
Это идолищу не слюбилося:
Схватилъ своё кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,
Пролетѣлъ онъ на воиную сторону съ проституёчкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпку земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ идолище поганое,
И разстекъ онъ идолище на полы.

(Пѣсни Рыбникова. I. 85—87).

26. Добрыня Никитичъ.

Доселѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жилъ въ Рязани тутъ богатый гость,
А гостя-то звали Никитою;
Живучи-то Никита состарѣлся, переставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставались житье—бытье, богатество,
Осталась его матера жена
Амелѳа Тимофеевна,
Осталось чадо милое
Добрынюшка Никитичъ младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться.
А грамота Никитичу въ наукъ пошла.
Присадила его матушка перомъ писать.
А будетъ Добрынюшка въ 12 лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хороброю,
Во тѣ жары во петровскіе;
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня матушка купатися,
Купатися на Израй-рѣку.«
Она вдова многоразумная,
Добрынѣ матушка наказывала,
Тихонько ему благословенье даетъ:
•Гой еси ты, чадо милое,
А и Добрыня Никитичъ младъ!
Пойдешь ты Добрыня на Израй-рѣку,
На Израѣ-рѣкѣ станешь купатися,—
Израй-рѣка она быстрая (1);
А быстрая она сердитая:
Не плавай, Добрыня, за перву струю,
Не плавай ты, Никитичъ, за другу струю.«
Добрыня-то матушки не слушался:
Надѣлъ на себя шляпу земли греческой,
Надъ собой онъ невзгоды не вѣдаетъ,
Пришелъ онъ на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинушкѣ хоробрыя;
«А и гой еси вы, молодцы удалые!
Не мнѣ вода грѣть, не тѣшити ее (2).»
А всѣ молодцы разболокалися (3)
И тутъ Добрыня Никитичъ младъ.
Никто молодцы не смѣетъ, никто нейдетъ,—
А Добрынюшка Никитичъ младъ,
Перекрестясь въ Израй-рѣку пошелъ.

---

(1) Въ другихъ спискахъ рѣка называется или *Сафать-рѣкой* или *Пучай-рѣкой*, и все это мѣсто читается такъ:

Добрынюшкѣ матушка говорила:
«Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
На тую гору Сорочинскую,
Топтать-то молодыхъ змѣенышей,
Выручать-то полоновъ русскихъ.
Не купись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ,
Пучай-рѣка есть свирѣпая:
Середня струйка, какъ огонь, свѣчетъ.«

(2) Т. е. не мнѣ первому идти въ воду.
(3) Разоблачались, раздѣвались.

А поплылъ Добрынюшка за перву струю;
А двѣ-то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры бѣлокаменны;
Ни отколь взялся тутъ лютый звѣрь,
Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича,
А самъ-то говоритъ Горынчище,
А самъ онъ змѣй приговариваетъ:
»А стары люди пророчили,
Что быть змѣю убитому
Отъ молодца Добрыни Никитича,
А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ.«
Взмолился Добрыня Никитичъ младъ:
«А и гой еси, змѣище Горынчище!
Не честь хвала молодецкая—
На нагое тѣло напущаешься!«
И тутъ змѣй Горынчище .....
Мимо его пролетѣлъ.
А стали его ноги рѣзвыя,
А молода Добрынюшки Никитѣевича,
А грабится онъ ко желту песку,
А выбѣжалъ добрый молодецъ,
Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
Налетѣлъ на его змѣй Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалитъ, хоботомъ ушибитъ:
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли греческой
Со тѣми пески жолтыми
Ко лютому змѣю Горынчищу:
Глаза запоропилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ змѣй Горынчище
Во ту во матушку во Израй-рѣку...
Когда ли змѣй исправится!
Въ то время и во тотъ же часъ
Схватилъ Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
А вытащилъ змѣя на берегъ,
Его повѣсилъ на осину на согнутую;
»Сушися ты, змѣй Горынчище,
На той-то осинѣ на согнутой!«
А и поплылъ Добрынюшка
Ко славной матушкѣ по Израй-рѣкѣ,
А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ змѣй Горынчище,
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ,
А всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ;
Пашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго змѣища Горынчища
Пашелъ онъ много злата серебра,
Пашелъ онъ въ палатахъ у змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну,—
Выводитъ изъ пещеры бѣлокаменны,
И собралъ злата—серебра,
Пошелъ къ матушкѣ родимыя своей:
А матушка дома не годилася (1),
Сидитъ у князя Владимира;
Пришелъ-де онъ во хоромы свои,
И спряталъ онъ свою тетушку,

(1) Не случилась, отъ сл. годъ, время

И пошелъ ко князю явитися.
Владиміръ князь запечалился,
Сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ.
Пришелъ Добрынюшка
Къ великому князю Владиміру,
Онъ Спасову образу молится,
Владиміру князю поклоняется.
Скочилъ Владиміръ на рѣзвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича,
Цѣловалъ его во уста сахарныя;
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за бѣлы руки,
Пѣловала его во уста сахарныя,—
И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
А стали у Добрыни выспрашивати:
А гдѣ побывалъ, гдѣ ночевалъ?
Говоритъ Добрыня таково слово:
»Ты гой еси, мой сударь дядюшка (1),
Князь Владимеръ солнце кіевско!
А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
У лютаго змѣища Горынчища,
А всю породу змѣиную я убилъ
И дѣтей всѣхъ погубилъ,
Родимую тетушку повыручилъ.«
А скоро послы побѣжали по ее,
Ведутъ родимую его тетушку,
Повели ко князю во свѣтлу гридню.
Владиміръ князь свѣтелъ, радошенъ,—
Пошла-то у нихъ пиръ-радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
А для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

(Древ. рос. стих. 345—354).

Въ формѣ уродливыхъ великановъ и животныхъ Русскіе представляли не рѣдко враждебные народы *(Очерки Буслаева. II, 27)*.

Былевой богатырскій кругъ распадается у насъ на двѣ рѣзко-различающіяся между собою ступени. Къ первой принадлежатъ богатыри—старшіе. Они еще очень походятъ на существа сверхъестественныя; нѣкоторые изъ нихъ надѣлены, между прочимъ, способностію обращаться въ животныхъ (оборотни); силы этихъ богатырей до того чрезмѣрны, что не рѣдко становятся имъ самимъ въ тяготу. Эти богатыри (первоначально боги), соотвѣтственно греческимъ титанамъ, отличаются силами исполинскими и часто разрушительными. Вторую ступень занимаютъ такіе богатыри, которые уже ближе къ людямъ и не мѣняютъ никогда человѣческаго образа; силы еще и у нихъ громадны, но уже въ меньшей степени, и служатъ имъ въ прокъ, употребляются ими по большой части съ благою человѣческою цѣлью. Это—богатыри младшіе; собственно они-то, по народному вѣрованію, и жили во времена Владиміра, и въ пѣсняхъ объ-нихъ уже постоянно является и онъ самъ.

(1) Добрыня былъ дядей Владиміра, а не наоборотъ.

Такимъ образомъ въ богатырскій ихъ кругъ входитъ уже непремѣннымъ членомъ лицо историческое и тутъ, какъ и вездѣ въ народной поэзіи, одна ступень развитія не разграничивается рѣзко съ другою, и онѣ заходятъ одна въ другую, какъ звенья въ цѣпи.

Богатыри постоянно представляются въ борьбѣ съ разными немирными существами. Борьба—ихъ доля; иному и не хочется, да надобно—не переводятся въ концѣ злыя чудища, Соловьи-разбойники, да Тугарины Зміевичи, живучіи они, окаянные, и налетаютъ бѣдою на Русскую землю. Чудища эти, сперва имѣвшія миѳическое значеніе, впослѣдствіи стали обозначать и враговъ Руси: Добрыня выводитъ изъ пещеры змѣя Горынича полоны русскіе. Налетали на землю Русскую то Печенѣги, то Половцы: богатыри были необходимы и борьба неизбѣжна. Такъ миѳъ съ теченіемъ времени затемнялся все болѣе и болѣе очеловѣчиваясь; самыя чудища, получая значеніе историческихъ враговъ Русской земли, какъ бы вступали въ человѣческій кругъ, иной же разъ замѣнялись прямо человѣческими образами разбойниковъ, воинской силы и т. п. Съ принятіемъ христіанства завязалась борьба его съ язычествомъ,—и эту борьбу не упустила изъ виду былина объ идолищѣ поганомъ. Этимъ именемъ, придуманнымъ, очевидно, уже въ христіанскія времена, для презрительнаго обозначенія имъ враждебнаго языческаго начала,—этимъ именемъ только прикрывается древнѣйшее, миѳическое чудовищное значеніе этого существа, въ сущности тожественное съ Соловьемъ-разбойникомъ и т. п. Это та же первоначально физически темная сила, которая нападала на ясное солнышко, и только позже стала, въ качествѣ собирательнаго лица съ бытовымъ значеніемъ, нападать на солнце Русской земли—св. Владиміра. Такимъ образомъ борьба богатырей въ былинахъ ведется и съ внѣшними врагами и съ внутренними—язычниками и разбойниками, которые при Владимірѣ были одно и тоже: не желая новыхъ христіанскихъ порядковъ, становились открытыми врагами государственными—разбойниками. Но особенно замѣчательны двѣ былины, когда Илья Муромецъ спасаетъ отъ идолища не Русскую землю, а Царьградъ, средоточіе православнаго христіанства (Опытъ историч. обозр. рус. словесн. О Ѳ Миллера. Спб. 1866. стр. 203—228).

См. Русскій богатырскій эпосъ: Ѳ. Ив. Буслаева. Рус. Вѣсти. 1862 г. № 3. 9. 10.

27. а, Намекъ на жертвоприношеніе.

Уродилась Коляда
На канунѣ Рождества
За рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе (1),
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни каледушки,
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

б, Изъ стиха о страшномъ судѣ.

Вступилась расплакалась
Матушка сыра земля
Передъ Господомъ Богомъ:
«Тяжелъ то мнѣ, тяжелъ, Господи, вольный свѣтъ;
Тяжелъ много грѣшниковъ, болѣ беззаконниковъ.»
Речетъ же самъ Господь сырой землѣ:
—Потерпи же ты, матушка сыра земля!
Не придутъ ли рабы грѣшники
Къ самому Богу съ чистымъ покаяніемъ?
Ежели придутъ, прибавлю я имъ свѣту вольнаго,
Царство небесное.
Ежели не придутъ ко мнѣ къ Богу,
Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
Прибавлю я имъ муки вѣчныя (2).

(*Ист. р. слов. С. Шевырева. I, стр. 245*)

28. Стихъ о великой грѣшницѣ.

По морю по синему, по Хвалынскому
Тутъ ишли, пробѣгали черезъ корабли,
Во этыхъ кораблях св. ангели сидятъ;
На серѣчу имъ самъ Іисусъ Христосъ;
Самъ небесный царь.
Сталъ онъ въ ангелахъ выспрашивать и выспытывать:
«Св. ангели, архангели,
Гдѣ вы хаживали, гдѣ вы гуливали?»
—Самъ Іисусъ Христосъ, самъ небесный царь!

(1) Доселѣ въ тамбовс. губ. по селамъ въ ночь на Рождество и преимущественно во время утрени на многихъ дворахъ сгребаютъ въ кучи навозъ и солому и зажигаютъ ихъ. Это называется—*пурынь жечь*.

(2) Обратить вниманіе на олицетвореніе земли.

Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
Много слышали, много видѣли,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
Разставши душа, сама прочь пошла
И отошедши душа, взворотилася,
Со своимъ съ бѣломъ тѣломъ попростилася:
Ты прости тѣло бѣлое мое,
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червямъ тѣло на источеніе,
Вы кости земли на преданіе,
А я, душа, къ самому Христу на спокаяніе.—
На стрѣчу души самъ Іисусъ Христосъ:
Почему же ты, душа, грѣхи угадываешь?
Потому я, душа, грѣхи угадываю,
Что я жила на вольномъ на свѣту,
—Середы и пятницы не пащивалась,
Великаго говѣнія не гавливалась,
—Заутрени, вечерни просыпывала я,
Въ воскресный день обѣдни прогуливала,
—Въ полюшкахъ душа много хаживала,
Не по праведну землю раздѣливала:
Я межку черезъ межу перекладывала,
Съ чужой нивы земли украдывала.
Во этихъ грѣхахъ Богу не каялась,
И отцу духовному не сказывала [1],
Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
—Еще душа Богу согрѣшила:
Не по праведну покосы я раздѣливала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала:
—Еще душа Богу согрѣшила:
Въ соломахъ я *заломы заламывала*,
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала [2].
—Еще душа Богу согрѣшила:
Я въ полѣхъ душа много хаживала,
Проворы [3] въ поляхъ поразкладывала,
Скотину въ поле понапущивала,
Сусѣдній хлѣбъ повыстравливала,

([1]) Эти два стиха повторяются послѣ описанія каждаго грѣха!

([2]) *Заломомъ* называется особый видъ колдовства: связываютъ на корню узломъ рожь или на чью-нибудь голову, или чтобъ вынуть *спорынью* изъ хлѣба. Точно также крадутъ землю съ чужой нивы для этой послѣдней цѣли; стихъ упоминаетъ объ этой ворожбѣ выше.

([3]) Отъ сл. *воръ*, *воронъ*—загородки изъ жердей.

([4]) Это дѣлаютъ, по суевѣрному взляду, чтобы корова не давала молока, или чтобы молоко испортилось у ней. Вмѣсто корня употребляютъ осиновый сучокъ; а въ одномъ стихѣ такимъ образомъ говорится объ этой порчѣ:

Четвертая душа согрѣшила—
Въ чистомъ полѣ корову закликала,
У коровки молочко отымала,
Во сыру землю выливала,
Горькую осину забивала,
Горькую осину засушила.

Калѣки, вып. 6 стр 165.

Я добрыхъ людей оголаживала.
—Еще душа Богу согрѣшила:
Смалешеньку дитя своего проклинывала,
Во бѣлыхъ во грудяхъ его я засыпывала,
Въ утробы младенца запорчивала.
—Еще душа Богу согрѣшила:
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала.
—По улицамъ душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу—слышала,
Хоть не видѣла, скажу—видѣла.
—По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьми оборачивала.
—По игрищамъ душа много хаживала,
Подъ всякія игры много плясывала,
Самаго сатану воспотѣшивала;
Въ святихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Напилася душа зелепаго вина,
Отъ зеленаго вина душа пьяна была;
Померла эта душа безъ покаянья,
Безъ того ли безъ попа, безъ духовнаго.
Провалилася душа въ преисподій адъ,
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое великое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

(Сборн. Якушкина 39—41 Сборникъ Варенцова 144—148).

Въ этомъ духовномъ стихѣ душа грѣшная кается въ чародѣйской силѣ, которая, разумѣется, существовала только въ воображеніи народа. Вообще по характеру самыхъ грѣховъ можно заключать, что стихъ этотъ сложился у насъ въ первые вѣка по принятіи христіанства. Плаваніе ангеловъ здѣсь сохранилось, по всей вѣроятности, отъ старины миѳической и они явились въ христіанствѣ и замѣнили какихъ—нибудь языческихъ перевозчиковъ душъ черезъ море, подобныхъ греческому Харону. Самые грѣхи суть ни больше, ни меньше, какъ обряды языческіе, которые продолжали совершать и въ христіанствѣ подъ именемъ колдовства и чародѣйства.

29. Объ историческомъ значеніи русскихъ пѣсенъ.

Устная словесность, которою не обдѣленъ рѣшительно ни одинъ народъ, у народовъ, отличающихся своей развитостью, вполнѣ историческихъ, является важною потому, что въ ней замѣчаются корни всего ихъ дальнѣйшаго нравственнаго развитія. Уже до появленія первыхъ признаковъ письменности, устная словесность успѣваетъ прожить не одинъ весьма дол-

гій періодъ... Устная поэзія неподвижна только въ сравненіи съ тою быстротою движенія, какою отличается вполнѣ развитая литература. Вслѣдствіе такой быстроты, идеи и идеалы, увлекавшіе одно поколѣніе, могутъ уже оставлять равнодушными людей поколѣнія слѣдующаго. При такой быстротѣ періоды такъ и смѣняютъ другъ друга; они срокомъ своимъ коротки, и въ тоже самое время обширны по содержанію. Напротивъ того, при той не значительной, едва замѣтной степени подвижности, какая однако же ощущается и въ устной словесности, періоды длятся цѣлыми вѣками, и въ тоже самое время содержаніе ихъ весьма ограничено. Тѣмъ не менѣе цѣлые періоды и словесностью устною—не столько *переживаются*, сколько такъ сказать *проживаются*. Другими словами: старое изъ устной словесности вполнѣ никогда не уходитъ, хотя это и не мѣшаетъ мало по малу входить въ нее новому.

При такой, такъ сказать, *живучести старины* въ народной словесности, въ ней до сихъ поръ уцѣлѣли остатки даже самой отдаленной поры *миѳической*. Уцѣлѣвъ подъ позднѣйшею христіанскою оболочкой, они могутъ быть выдвинуты изъ подъ нея, соединены, сопоставлены, и изъ нихъ можетъ снова сложиться передъ нами нѣчто цѣлое...

Первою по времени формою народной поэзіи является пѣсня *миѳическо-обрядовая*. Только позже отдѣляется отъ обряда миѳическое повѣствованіе, и возникаютъ различные виды уже собственно *эпоса*—сказка, загадка и т. п. Первоначально же смутные зародыши и лирики, и эпоса, и драмы сливались въ служеніи одной цѣли—спасительно-дѣйствующему *обряду*. Тутъ именно была опредѣленная цѣль, и цѣль еще практическая, житейская. Человѣкъ признавалъ себя совершенно зависящимъ отъ явленій природы;—нужно было подумать о томъ,

чтобы исходъ ихъ постоянно былъ благопріятенъ для человѣка. Дѣло въ томъ, что въ этихъ явленіяхъ видѣлъ человѣкъ настоящія *дѣйствія*, въ этихъ дѣйствіяхъ—*настоящія живыя силы*, или лучше сказать, *существа*...

Съ сознаніемъ торжествующей, перевѣшивающей силы свѣта явилось и благоговѣніе передъ нею, и теплая къ ней благодарность—за то, что давала она человѣку. Только съ этихъ поръ могло явиться понятіе о благоволеніи божествъ къ людямъ, о тѣсной пріязненной связи между небеснымъ и человѣческимъ міромъ. Только съ этихъ поръ *въ миѳологіи* зарождается и *религія*, которая именно и основывается на такой связи. Только съ этихъ поръ прежнее обращеніе чувствъ къ свѣтлымъ силамъ становится *молитвеннымъ* обращеніемъ къ нимъ, изъ прежняго соединенія пѣсенъ съ обрядами возникаетъ *богослуженіе*.

Относясь къ благотворнымъ явленіямъ свѣта, возвеличивая ихъ торжество надъ силами тьмы, оно особенное значеніе должно было получать въ извѣстные сроки, когда яснѣе сказывалось и послѣдовательно возрастало это торжество. Каждому новому успѣху въ годичной борьбѣ свѣта съ непріязненной тьмой долженъ былъ посвятиться особенный праздникъ, а всѣ они вмѣстѣ составили цѣлый годичный праздничный кругъ, съ особыми пѣснями и обрядами для каждаго составнаго его звена. Вотъ изъ этихъ—то праздничныхъ пѣсень и дошли до насъ нѣкоторыя, до сихъ поръ воспѣваемыя народомъ, только относимыя уже къ праздникамъ христіанскимъ, по времени ихъ справленія, сотвѣтствующимъ прежнимъ языческимъ празднествамъ.

Началомъ праздничнаго языческаго года можно считать время, непосредственно слѣдовавшее за зимнимъ солоноворотомъ, т. е. то, когда, послѣ рѣшительнаго преобладанія *ночи*, снова начинаетъ при—

бывать *день*. Какъ ни незначительно еще прибываніе свѣта въ концѣ декабря, въ это время праздновали уже возвращеніе свѣтлыхъ явленій желаннаго лѣта, и вотъ языческій праздникъ *рожденія свѣта физическаго* и замѣстился впослѣдствіи *духовнымъ* праздникомъ *христіанскаго Рождества*...

Названіе, придававшееся пѣснямъ, распѣваемымъ о Рождествѣ—*колядки*, въ самыхъ же пѣсняхъ упоминается не рѣдко *Коляда*, какъ бы имя собственное. Въ прежнее время видѣли въ немъ *особое божество*, не смотря на то, что такое имя не встрѣчается въ числѣ Владиміровыхъ боговъ у Нестора, а упоминается только у Димитрія Ростовскаго въ позднѣйшемъ чети-минеѣ житіи Владиміра (Снегирева «Рус. простонародн. праздн. и обряды» II, 28. Сравни Hanus, Bajeslowny Kalendarz Slowanski 49). По смыслу колядскихъ пѣсень выходитъ, что *Коляда* (отъ сл. *коло*—символъ солнца)—это было имя свѣтлаго солнечнаго божества, т. е. одно изъ многаго множества его именъ, соотвѣтствовавшаго многому множеству его образовъ... Въ одной великорусской пѣснѣ небесныя свѣтила уподобляются: мѣсяцъ—хозяину, солнце—хозяйкѣ, частыя звѣзды—дѣтямъ ихъ. Это примѣненіе, конечно, явилось позже, а первоначально мѣсяцъ, солнце и звѣзды были тутъ сами по себѣ, какъ совершенно самостоятельная *семья небесная*... Это рѣшительно подтверждается сходными пѣснями изъ другихъ краевъ. Такъ въ одной карпато-русинской не хозяюшкѣ, хозяину и ихъ дѣтямъ уподобляются свѣтлыя явленія неба, а *Богу, Сыну божьему и божьимъ дѣткамъ*...

На служеніе богу—громовнику (во время святокъ или колядокъ) указываетъ пѣсня, въ которой описывается принесеніе въ жертву козла. Что тутъ именно принесеніе жертвы—это ясно уже изъ самаго мѣста дѣйствія—за быстрой рѣкой въ дремучихъ лѣсахъ: у Славянъ, за неимѣніемъ храмовъ, мѣстами богослуженія служили лѣса и берега рѣкъ, почитавшіеся обиталищами божествъ и проч...

Такимъ образомъ праздникъ Коляды былъ праздникомъ возвращенія всѣхъ вообще явленій, господствующихъ въ лѣтнюю пору, т. е. праздникомъ вообще *поворота на лѣто*...

Канунъ нашего теперешняго новаго года ознаменовывается своими особыми пѣснями, въ которыхъ воспѣвается какой-то добрый молодецъ *Овсень* (Ясень). Его, какъ и Коляду, приходится считать однимъ изъ множества образовъ солнечнаго божества. Самое имя его заключаетъ въ себѣ понятіе о *ясности*, этомъ основномъ свойствѣ солнца... Васильевымъ этотъ вечеръ называется уже отъ христіанскаго празднованія въ день новаго года памяти св. Василія Великаго. Въ малороссійской пѣснѣ, относящейся къ этому вечеру, на Василья ходитъ Илья;—христіанскимъ же именемъ замѣнился въ народныхъ преданіяхъ языческій богъ громовникъ, что произошло вслѣдствіе представленія себѣ этого бога раскатывающимся по небу въ колесницѣ, которой народъ и уподобилъ огненную колесницу Ильи пророка. Въ нашей пѣснѣ такимъ образомъ ходящимъ на Васильевъ день первоначально являлся Перунъ, слѣдствіемъ же его появленія становится въ пѣснѣ зарожденіе пшеницы и всякаго хлѣба. Мальчики, ходящіе съ такими пѣснями по домамъ, посыпаютъ при этомъ изъ рукава различными зернами, что соблюдается до сихъ поръ у различныхъ Славянъ....

Къ красному солнцу имѣлъ отношеніе народный праздникъ, справляемый въ Ѳомино воскресенье и на возвышенностяхъ, отчего праздникъ—и называется *Красной горкой*. Съ этого дня начинается рядъ хороводовъ и продолжается до конца іюня. Самое наименованіе *хоровода* можно свя-

зывать съ *Хорсомъ*—однимъ изъ названій солнечнаго божества (1).

Съ хороводами соединяется множество пѣсень, относящихся большею частію уже къ позднѣйшему времени и имѣющихъ предметомъ любовь или различныя отношенія семейной жизни. Но между этими пѣснями попадается въ различныхъ варьянтахъ одна, въ которой повѣствуется о какомъ—то *свѣтломъ* князѣ, ищущемъ своей *свѣтлой* княгини. Чтобы добыть ее, онъ сѣчетъ и рубитъ своимъ мечемъ ворота,—черта уже рѣшительно выходящая за предѣлы обычнаго народнаго быта. Такаго рода воинственное добываніе невѣстъ очень часто попадается въ сказкахъ, и тамъ оно объясняется миѳически. Между тѣмъ нашей пѣснѣ, которой содержаніе при томъ и разыгрывается, соотвѣтствуетъ у Сербовъ, Чеховъ и Моравянъ такъ называемое *хожденіе краля и кралицы*. Въ нашемъ свѣтломъ князѣ, сербскомъ кралѣ слѣдуетъ видѣть или бога—громовника, разсѣкающаго облака и выводящаго изъ-за нихъ дѣву—солнце; или же солнечнаго молодца, пробивающаго своими лучами зимній покровъ земли, отворяющаго себѣ входъ къ ней, и вступающаго въ бракъ съ освобожденною имъ землею.

Съ наступленіемъ весенняго времени желанными становятся плодотворно дѣйствующіе на землю дожди. Весной его усиленно призываютъ—въ настоящее время уже только дѣти, обѣщающія выставить ему на дубокъ горшокъ борщу, въ чемъ сохранился, какъ надобно думать, намекъ на приносившуюся дождю жертву...

Но вотъ наступаетъ *Егорьевъ день*, о которомъ говоритъ чешская пѣсня, какъ о настоящемъ вѣнцѣ весенняго празднованія. Въ русскихъ пѣсняхъ Егорій величается *Храбрымъ*,—чѣмъ указывается на побѣду его надъ змѣемъ и спасеніе отъ него царевны. Подвигъ этотъ существуетъ въ миѳологіи всѣхъ народовъ, и то обстоятельство, что его приписали почти всюду св. Георгію, прямо указываетъ на замѣну этимъ послѣднимъ древняго языческаго божества;—какаго именно, солнечнаго или громоваго, этого навѣрное рѣшить еще нельзя. И то, и другое божество представлялось благопріятствующимъ какъ скотоводству, такъ и земледѣлію; а такимъ представляется и Егорій въ величающихъ его праздничныхъ пѣсняхъ. Отсюда и обычай въ Егорьевъ день выгонять стада въ поле. Въ Болгаріи при этомъ до сихъ поръ еще совершается какъ бы цѣлое жертвоприношеніе,—а именно съ торжественными обрядами закалаются *старикамы* бараны, дѣвушки же подбираютъ траву, на которую льется ихъ кровь...

Съ приближеніемъ лѣта наступаютъ новые праздники, сопоставляемые въ великорусской пѣснѣ:

Первый праздникъ—Семикъ честной,
Другой праздникъ—Троицынъ день,
А третій праздникъ—Купальница.

Семикомъ завершается рядъ весеннихъ праздниковъ. Въ эту пору года даже въ суровомъ климатѣ уже окончательно распускаются—по крайней мѣрѣ *березки*; обряды совершаются съ деревьями и цвѣтами. Въ пѣсняхъ, сопровождающихъ эти обряды, обращаются къ березамъ, какъ къ живымъ существамъ; упоминаются въ нихъ и небесныя существа, способствующія растительности, каковы *туча и громъ*, собирающіеся гулять вмѣстѣ; упоминаются наконецъ два человѣкообразныя существа, молодецъ и дѣвица, которые уже не просто гуляютъ, а борются. Быть можетъ, это — только новые образы для тѣхъ же небесныхъ существъ, какъ можно судить по одной сербской пѣснѣ, въ которой *дѣвица—молнія* борется съ

(1) Архивъ Колачова 1, 32. Ж. Мин. Н. Просв. 1841, Февр. 1846, Іюль. Чт. Общ. Ист. 1846 № 2.

молодцемъ — громомъ и побѣждаетъ его (1).

Въ семицкихъ пѣсняхъ миѳы уже являются значительно затемненными; то же еще болѣе относится къ пѣснямъ, поющимся на Троицу и на Петровъ день...

Праздникъ Ивана—Купалы установленъ въ честь солнечнаго существа; это доказывается многими обрядами Ивановой ночи, сходными у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Между ними особенно замѣчательно скатываніе съ горы зажженнаго колеса. Если оно и вообще служило подобіемъ солнца, то тѣмъ болѣе это достигалось *горѣніемъ* колеса... Съ первыми признаками умаленія дня народъ уже предвидитъ постепенное приближеніе зимы, и потому самыя пѣсни имѣютъ нацѣвъ унылый... Купальскія пѣсни отличаются темнотою и сходятся въ томъ, что въ нихъ указывается на что-то трагическое; имѣется еще рядъ пѣсень, столько же не ясныхъ, но указывающихъ на брачныя отношенія....

Наступаетъ іюль съ его усиленными жарами, но и со свѣтомъ, все болѣе и болѣе убывающимъ, сулящимъ впереди—зиму. Самый жаръ этого времени,—жгучій, часто губительный жаръ, а уже не то благотворное, живительное тепло, которое *растворяетъ* и дѣлаетъ плодотворною землю. И чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ скорѣе и самый жаръ сулитъ уже впереди—желтый листъ, этотъ признакъ умиранья природы, провозвѣстникъ зимы. Понятно послѣ этого, почему живое воображенье народа замѣчаетъ уже съ этой поры—поворотъ на зиму. По народному дневнику, 20 іюля уже первый *осенній праздникъ*. Но служа только переходомъ къ осени, онъ еще ознаменовывается лѣтнимъ явленіемъ—громомъ, долженствующимъ проявиться во всей своей силѣ—какъ бы на прощаніе. Онъ, по народному вѣрованію, не можетъ не быть въ этотъ день;—потому что это былъ день, когда то посвященный Перуну, богу грома и молніи, въ настоящее время скрывающемуся подъ именемъ *Ильи-громовника*. Одинъ изъ величайшихъ народныхъ праздниковъ, Ильинъ день, при всемъ томъ уже не отличается какими—либо особыми пѣснями. Такія пѣсни слышатся за то въ августѣ, въ самомъ началѣ котораго, замѣчая уже быстрое убываніе дня, стерегутъ солнышко на закатѣ и обращаются къ нему съ мольбою подождать. Особыми пѣснями ознаменовывается жатва, начало и конецъ которой отличаются и обрядами особаго рода. Жатва, это собираніе даровъ благодатнаго лѣта, не могла не представляться дѣломъ священнымъ. И теперь еще въ Малороссіи мѣстами ее долженъ начинать священникъ, въ языческія же времена она, надо думать, начиналась старѣйшиною. Въ другихъ мѣстахъ зачинщицею жатвы должна еще и теперь быть женщина, отличающаяся безукоризненностью своей жизни. Въ Малороссіи употребительно убираніе послѣдняго сжатаго снопа въ сарафанъ и отнесеніе его на хозяйскій дворъ, гдѣ принимаютъ его съ почетомъ. При этомъ поются пѣсни, воспѣвающія хозяина; первоначально же въ нихъ, повидимому, воспѣвалось какое—то свѣтлое божество.

Съ окончательнымъ наступленіемъ осени многое мѣняется въ народномъ быту. И трудъ, и веселье происходятъ уже не на вольномъ воздухѣ, а въ избѣ. И тутъ раздается пѣсня, никогда и нигдѣ не покидающая народа,—но это уже пѣсня съ позднѣйшимъ характеромъ, не носящая миѳическо-обрядоваго характера. И въ промежуткѣ времени отъ начала осени до Коляды имѣются свои праздники, но уже не имѣется собственно къ нимъ относящихся обрядовыхъ пѣсень, и миѳическій смыслъ въ нихъ уже меньше замѣтенъ..

(1) Сербскія пѣсни Вука Караджича. 1, 151—152.

Что же касается до свадебныхъ русскихъ пѣсень, то въ нихъ находится множество языческихъ воззрѣній. Въ этихъ пѣсняхъ свекоръ съ дѣтьми уподобляется свѣтлому мѣсяцу со звѣздами, свекровь же съ ея дочерьми — красному солнышку съ яркими его лучами. Если же припомнить миѳическія отношенія мѣсяца къ солнцу, какъ мужа къ женѣ, и миѳическое значеніе звѣздъ, какъ дѣтей ихъ, то не трудно будетъ понять, что въ нашей пѣснѣ земная семья служитъ какъ бы отраженьемъ семьи небесной....

Уподобленіе брачныхъ отношеній между людьми брачному союзу между богами замѣтно и въ томъ, что въ одной болгарской свадебной пѣснѣ говорится объ огненномъ змѣѣ, уносящемъ свою вѣрную любу; а въ немъ слѣдуетъ видѣть божество молніи, оплодотворяющее весеннюю землю–дѣву. Замѣчательно, что въ другой болгарской пѣснѣ говорится объ отправленіи юнака въ походъ на другой же день свадьбы, при чемъ онъ даетъ позволеніе своей молодой женѣ, ежели въ теченіе 10 лѣтъ она его не дождется обратно, выбрать себѣ другаго мужа. Въ нашихъ народныхъ былинахъ тоже самое повѣствуется о Добрынѣ Никитичѣ; въ основѣ же этого сказанія заключается миѳъ — о бракѣ и продолжительномъ удаленіи вслѣдъ за тѣмъ *свѣтлаго лѣтняго божества*....

Отъ мысли о томъ, что земной, человѣческій бракъ есть только отраженіе брака божескаго, небеснаго, уже не далекъ переходъ къ представленію себѣ боговъ первоначальными учредителями и дальнѣйшими покровителями и оберегателями неразрывности брака. А какъ на миѳическомъ языкѣ неразрывнымъ считается только то, что *выковано*, то и брачныя узы стали *коваться*, — но кому же было приписать это дѣло, какъ не тому же небесному кователю, изначальному производителю молніи? Подобно *первому плугу*, и *первый брачный вѣнецъ* былъ приписанъ его божественному искуству... И вотъ уже въ святочныхъ пѣсняхъ сопровождаются гаданья о суженомъ, обращаются къ кузнецу съ просьбою сковать золотой венецъ, а изъ остатковъ обручальный перстень и булавку для притыканья брачнаго покрывала. А что подъ этимъ кузнецомъ разумѣется именно ковачь небесный, то это доказывается призываніемъ на свадьбу Кузьмы–Демьяна, этихъ христіанскихъ святыхъ, слившихся у народа какъ бы въ одно лицо, и лицо съ характеромъ именно кователя, только носящаго христіанскія имена, а по основѣ своей — миѳическаго. Наконецъ въ одной пѣснѣ приглашаютъ на свадьбу *женьку* и просятъ его *сковать* свадьбу такъ, чтобы вѣтеръ не рязвѣялъ, ни дождикъ не размочилъ, ни солнце не изсушило.

Всѣ эти миѳическо–свадебныя пѣсни въ высшей степени важны. Если въ нихъ человѣческій бракъ является установленнымъ самими богами по образцу брачныхъ отношеній, существующихъ въ ихъ небесномъ мірѣ, то послѣ этого не трудно понять, что на самомъ дѣлѣ происходило скорѣе нѣчто совершенно обратное. Такъ какъ человѣкъ переносилъ вообще въ міръ боговъ все, совершавшееся въ его собственномъ мірѣ, то и брачныя отношенія могли быть туда только *перенесены*, — а для этого надобно прежде всего, чтобы бракъ, какъ постоянный, священный союзъ, установился въ быту человѣка. Отсюда же слѣдуетъ заключить, что уже въ пору миѳическую (на высшей ступени развитія миѳологіи), и отъ древнѣйшаго *умыканія*, и отъ немного позднѣйшей *купли* невѣсты былъ совершенъ переходъ къ добровольнымъ, основаннымъ на взаимности любви, отношеніямъ между женою и мужемъ.

(*Опытъ исторіи. обозрѣнія рус. словесности. О. Ѳ. Миллера. Спб.*

1866. ч. 1, вып. I. стр. 21—61, 122—125).

Образчики пѣсень и сказокъ можно читать въ Христоматіи *О. Миллера.* Спб. 1866 г.

30. Сказка и миѳъ.

До послѣдняго времени существовалъ нѣсколько странный взглядъ на народныя сказки. Въ основѣ сказочныхъ повѣствованій и въ ихъ чудесной обстановкѣ, видѣли праздную игру ума и произволъ фантазіи, увлекающейся за предѣлы вѣроятности и дѣйствительности. Сказка—складка, пѣсня — быль, говорила старая пословица, стараясь провести рѣзкую границу между эпосомъ сказочнымъ и эпосомъ историческимъ. Извращая дѣйствительный смыслъ этой пословицы, принимали сказку за чистую ложь, за поэтическій обманъ, имѣющій единою цѣлью занять свободный досугъ небывалыми и невозможными вымыслами. Несостоятельность такаго воззрѣнія уже давно бросалась въ глаза. Трудно было объяснить, какимъ образомъ народъ, вымышляя фантастическія лица, ставя ихъ въ извѣстныя положенія и надѣляя ихъ разными волшебными диковинками, могъ постоянно и до такой степени оставаться вѣренъ самому себѣ, и на всемъ протяженіи населенной имъ страны повторять одни и тѣже представленія. Еще удивительнѣе, что цѣлыя массы родственныхъ народовъ сохранили тожественныя сказанія,—сходство которыхъ, не смотря на устную передачу ихъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, несмотря на позднѣйшія примѣси и на разнообразіе мѣстныхъ и историческихъ условій, обнаруживается не только въ главныхъ основахъ преданія, но и во всѣхъ подробностяхъ и въ самыхъ пріемахъ. Что творится произволомъ ничѣмъ не сдержанной фантазіи, то не въ состояніи произвести такого полнаго согласія и не могло бы уцѣлѣть въ такой свѣжести; творчество не остановилось бы на скучномъ, тожественномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же чудесъ, а стало бы выдумывать новыя. Доказательствомъ служатъ всѣ искуственныя поддѣлки подъ народные разсказы, поддѣлки въ которыхъ чудесное близко граничитъ съ нелѣпицей и безсмысліемъ. И къ чему народъ сталъ бы беречь, какъ драгоцѣнное наслѣдіе старины,—то, въ чемъ самъ бы видѣлъ только вздорную забаву? Нѣтъ, сказка не пустая складка; въ ней, какъ и вообще во всѣхъ созданіяхъ цѣлаго народа, не могло быть и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни нарочно-сочиненной лжи, ни намѣреннаго уклоненія отъ дѣйствительнаго міра. Точно также старинная пѣсня не всегда быль; она большею частію только переноситъ сказочныя преданія на историческую почву, связываетъ ихъ съ извѣстными событіями народной жизни и прославившимися личностями, и чрезъ то вставляетъ стародавнее содержаніе въ новую рамку и придаетъ ему значеніе дѣйствительно-прожитой былины. Сказка же чужда всего историческаго; у ней другая задача, другія цѣли. Предметомъ ея повѣствованій былъ ни человѣкъ, ни общественныя тревоги и подвиги, а разнообразныя явленія всей обоготворенной природы, и потому въ собственномъ смыслѣ она нисколько не выходитъ за предѣлы естественности, и если поражаетъ насъ своею невѣроятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь съ древними преданіями и ихъ живое пониманіе.

Происхожденіе тѣхъ баснословныхъ представленій и образовъ, изъ которыхъ создались народныя сказки, тѣсно связано съ происхожденіемъ самаго языка и начальныхъ воззрѣній человѣка на природу. Первобытные языки, какъ убѣдительно доказано новѣйшими филологическими ра-

зысканіями, были исполнены метафоръ, и это условливалось самою сущностью человѣческаго слова. Въ эпоху своего созданія, слово являлось не техническимъ обозначеніемъ извѣстнаго понятія, а живописующимъ, наглядным эпитетомъ, выражающимъ ту или другую особенность видимаго предмета и явленія, оно не въ состояніи было уловить всего объема передаваемаго имъ понятія, а указывало на одну изъ болѣе рѣзкихъ, болѣе кидающихся въ глаза его сторонъ. Отсюда во 1., возникла потребность въ сопоставленіи многихъ словъ, выражающихъ различныя качества одного и того же предмета, чтобы такимъ образомъ яснѣе описать его съ различныхъ сторонъ; во 2, родилось неудержимое стремленіе сближать видимые предметы и явленія по нѣкоторымъ сходнымъ ихъ признакамъ, давать имъ одинаковыя названія, и одно понятіе объяснять чрезъ посредство другаго. Если это и лишало первобытные языки строгой опредѣленности, за то щедро надѣляло ихъ поэтическимъ колоритомъ. Всякій предметъ рисовался въ его наиболѣе характерныхъ свойствахъ или въ самомъ дѣйствіи— не какъ отвлеченная мысль, а какъ живой образъ. Такъ какъ весь интересъ младенческихъ народовъ сосредоточивался на матери-природѣ, отъ которой зависѣло все ихъ благосостояніе, то понятно, что она по преимуществу сдѣлалась предметомъ обожанія и наблюденій. Обоготворяя природу, признавая въ ней живое существо, человѣкъ всѣ свои первыя воззрѣнія на ея силы и явленія, или прямѣе— всѣ свои вѣрованія необходимо выразилъ въ поэтическихъ описаніяхъ, гдѣ большая часть представленій были чистыя метафоры; иначе онъ и не могъ выразиться. Словомъ, миѳъ и поэзія были одно и тоже. Метафорическій языкъ, общедоступный вначалѣ, съ теченіемъ времени, при забвеніи коренаго значенія словъ и при возникшемъ стремленіи усвоить за каждымъ словомъ одно опредѣленное понятіе, — становится *загадочнымъ*. До сихъ поръ поэты называютъ молодой мѣсяцъ золотымъ серпомъ, полную луну — ночною лампадою, солнце— всемірнымъ окомъ, озирающимъ съ высоты пространную землю; но всѣ эти выраженія намъ понятны и произнося ихъ, мы нисколько не думаемъ, что они были извѣстны въ самую раннюю эпоху жизни человѣчества и породили множество миѳическихъ сказаній, которыя непремѣнно покажутся намъ страннымъ вымысломъ, если мы не обратимъ вниманія на источникъ ихъ происхожденія. А сколько такихъ метафоръ, которыя давнымъ-давно отжили свой вѣкъ, хотя порожденныя ими басни доселѣ живутъ въ памяти различныхъ народовъ. Если разоблачить всѣ метафорическіе образы, встрѣчающіеся въ народномъ эпосѣ, то все фантастическое, все загадочное въ немъ объяснится само собою; и надобно замѣтить, что въ послѣднее время, при тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, какіе сдѣлала наука языкознанія, ученые уже начинаютъ выступать на эту настоящую дорогу.

Съ такой точки зрѣнія обратимъ мы вниманіе на нѣкоторыя русскія сказки, и прежде всего остановимся на преданьи *объ окамененномъ царствѣ*.

Преданіе это составляетъ общее достояніе всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. (См. Народ. рус. сказки, вып. V, № 40 и 42, вып. VII, № 2). Обыкновенно разсказывается, что прекрасная королева отъ укола веретеномъ или шпилькой засыпаетъ непробуднымъ сномъ, за нею засыпаютъ всѣ придворные, всѣ животные и все царство какъ-будто окаменѣваетъ. Случайно наталкивается на замокъ король, видитъ спящую красавицу, цѣлуетъ ее—и она пробуждается, а за нею все царство. Король и королева обыкновенно вѣнчаются.

Во всѣхъ видоизмѣненіяхъ, сказка о спящемъ или окаменѣнномъ царствѣ выражаетъ одну идею: зимній сонъ природы и ея весеннее пробужденіе, когда богиня земля вступаетъ въ бракъ съ юнымъ свѣтоноснымъ женихомъ — солнцемъ и начинаетъ свои роды. Зимній сонъ или зимняя смерть природы (миѳъ роднитъ эти понятія и называетъ Сонъ и Смерть братьями) уподобляется окаменѣнію, т. ч. скованная морозомъ земля твердѣетъ, какъ камень. Временное усыпленіе природы, по указанію народныхъ памятниковъ, происходитъ отъ губительнаго укола зимы; по русскому выраженію, зима на Николу *съ гвоздемъ* ходитъ. Воплощая естественныя явленія въ живые образы, греческій миѳъ эту гибель плодородныхъ силъ природы выразилъ въ сказаніи о красавцѣ Адонисѣ, который былъ сраженъ *зубомъ* или *клыкомъ* вепря (зооморфическое олицетвореніе зимы). Когда Адонисъ умеръ, Афродита умолила Зевса дозволить, чтобы онъ, оставаясь полгода въ подземномъ царствѣ тѣней, другую половину года проводилъ въ обители свѣтлыхъ боговъ. Съ тѣхъ поръ Адонисъ попеременно переходитъ изъ объятій Венеры въ объятія подземной богини Прозерпины. Это—представленіе круговаго оборота, замѣчаемаго въ жизни природы, поэтическая картина ея цвѣтенія и увяданія. Зимній сонъ природы,—сонъ долгій и непремѣнно продолжающійся до извѣстнаго срока; отсюда понятно, по чему сильно-могучіе богатыри русскихъ сказокъ, вслѣдъ за необычайными подвигами, повергаются въ непробудный, такъ называемый богатырскій сонъ, который длится нѣсколько сутокъ, недѣль и мѣсяцевъ. Любопытно свидѣтельство одной сказки (вып. VIII, № 12), что какъ скоро добрый молодецъ впалъ въ такой сонъ, то на всѣхъ деревьяхъ стали увядать верхушки. Поэтическій языкъ доселѣ удерживаетъ метафору, по выраженію которой весеннее солнце *горячо лобзаетъ* землю и она, словно невѣста передъ вѣнцомъ, убирается въ яркую зелень и цвѣты....

Прекрасная царевна— солнце въ одной изъ русскихъ сказокъ является подъ именемъ *Марьи-Моревны* (дочь моря). Содержаніе сказки таково: прилетаютъ Соколъ, Орелъ и Воронъ, сватаются за трехъ царевенъ и уносятъ ихъ въ свои далекія царства. Эти птицы олицетворяютъ въ своихъ образахъ естественныя явленія природы, неразлучныя съ лѣтними грозами; самый прилетъ ихъ сопровождается темными тучами, вихремъ и молніей. Бурное дыханіе вѣтровъ издревле уподоблялось птичьему полету, и миѳъ иначе не представляетъ вихри и вѣтры,— какъ существами крылатыми. Орелъ (носитель Зевсовыхъ громовъ) воздымаетъ бурю и съ помощію своихъ товарищей оживляетъ убитаго царевича: Воронъ приноситъ цѣлящей, а Соколъ живой воды (*дождь*). Въ другихъ сказкахъ, вмѣсто этихъ чудесныхъ птицъ, прямо выведены силы природы подъ собственными своими названіями: *Вѣтеръ*, *Градъ* или *Дождь* и *Громъ*, которые тоже женятся на трехъ царевнахъ—сестрахъ. Эти дѣвицы суть небесныя свѣтила: закрытіе блестящихъ звѣздъ, луны и солнца на языкѣ метафорическомъ называлось похищеніемъ красавицъ драконами, великанами, добрыми молодцами—Орломъ, Соколомъ и Ворономъ. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ уносимыя вихремъ дѣвицы прямо называются *Луной и Звѣздой*.

Выдавъ своихъ сестеръ за Орла, Сокола и Ворона, царевичъ идетъ посмотрѣть на ихъ житье-бытье, и на пути женится на Марьѣ-Моревнѣ; но бракъ ихъ не продолжителенъ: Марью-Моревну уноситъ *Змѣй*, или по другимъ сказкамъ—*Кощей Безсмертный*. Змѣй или царь морской—дожденосная туча, помрачающая солнечный свѣтъ; онъ виситъ въ

запертой комнатѣ на желѣзныхъ цѣпяхъ, что означаетъ тучу, окованную зимнимъ холодомъ, и тогда только срывается, когда напьется вдоволь воды (*живая вода*). Согласно съ этимъ представленіемъ Змѣя въ зимнихъ оковахъ, ему дается названіе Кощея (отъ слова *кость, костеньть*— застыть, цѣпенѣть; *Баба-Яга* тоже *Костяная* нога).

Царевичу удалось увезти изъ заключенія Марью-Моревну; но Змѣй нагоняетъ, отнимаетъ бѣглянку и запираетъ въ свой городъ или гору. Царевичъ рѣшается добыть коня сильнѣе и быстрѣе Змѣинаго, и за трудную службу у Бабы-Яги ему удается достигнуть своей цѣли. Онъ опять увозитъ Марью-Моревну. Змѣй бросается въ погоню, но богатырскій конь царевича убиваетъ его ударомъ своего копыта. Царевичъ есть самъ Перунъ, разбивающій тучи и чрезъ то выводящій солнце изъ за темныхъ Змѣиныхъ горъ; конь его соотвѣтствуетъ греческому Пегасу: какъ тотъ ударомъ копыта творилъ новые живые источники, такъ этотъ убиваетъ копытомъ Змѣя, т. е. уничтожаетъ тучу, заставляя ее пролиться обильнымъ дождемъ.

Добываніе *живой воды* составляетъ одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ народнаго эпоса (вып. *№ 4* и 5). Старая вѣдьма Зима, представляемая въ сказкахъ злою мачихой (1), скрадываетъ съ неба дожди и губитъ плодородіе; сами Змѣи и Великаны, согласно усвоенному имъ демоническому характеру, представляются задерживающими дождевые ливни—до тѣхъ поръ, пока не будутъ побѣждены всесокрушительнымъ оружіемъ Перуна. „Егда дождь идетъ, говоритъ апокрифъ, тогда дьяволъ станетъ предъ дождемъ — да не грядетъ на землю; того ради ангелъ господень гонитъ его. Громъ есть оружіе ангельское.“ (Пам. отреч. лит. Тихонравова II, 455). Драконы и Великаны охраняютъ живую воду и моложавыя яблоки, которыя даютъ крѣпость и здоровье старику и жизнь мертвому,—и богъ громовержецъ ведетъ постоянную борьбу съ этими демоническими существами, похитителями дождевой животворной влаги.

Быстрота полета бурной грозовой тучи заставила фантазію сблизить ее съ быстроногимъ конемъ, а проливаемые ею потоки съ дойною коровою; самый дождь на метафорическомъ языкѣ назывался молокомъ. Буря-богатырь, коровьинъ сынъ нашей сказки, есть собственно сынъ тучи, т. е. молнія или божество грома — славянскій Перунъ; понятно, что удары его должны быть неотразимы. Перунъ (Торъ) велъ постоянную борьбу съ великанами тучами и разбивалъ ихъ своею боевою палицей и мѣткими стрѣлами; точно тоже свидѣтельствуетъ сказка объ Иванѣ— коровьемъ сынѣ, заставляя его побивать многоглавыхъ, сыплющихъ искры Змѣевъ. Чудовищные Змѣи, владѣтели *сильной* воды (дождя), и въ пылу битвы бросаются испить этого нектара, чтобы укрѣпить себя для новой схватки. Такъ появленіе сіяющаго солнца изъ-за темныхъ тучь народный эпосъ представляетъ освобожденіемъ изъ-подъ власти чудовищныхъ Змѣевъ похищенной ими красавицы.

Дѣва—солнце, обезсиленная вѣдьмою Зимою и помраченная туманами или злымъ Змѣемъ—тучею, утрачиваетъ на извѣстное время и свой блескъ и свою красоту, и въ этомъ смыслѣ подчиняется вліянію колдовства. *Заколдованная* или *очарованная* царица-красавица, царствомъ которой овладѣваетъ нечистая сила, теря-

---

(1) Въ ркп. такъ описывается зима: »Зима подобна есть женѣ *мачесть*, злѣ и неустроенѣ, не жалостливѣ и арѣи (ярой) и немилостивѣй; егда добра, и тогда знобитъ; егда милуетъ, но и тогда казнитъ, знобитъ и гладомъ моритъ и мучитъ грѣхъ ради нашихъ. Сицева есть зима, сицева и мачеха.« *Сборн. Соловец. библ. № 860, л. 27 въ конць.*

етъ свой ясный, бѣлоснѣжный цвѣтъ и дѣлается черною, а бѣлые кони, на которыхъ выѣзжаетъ ея колесница, превращаются въ вороныхъ. Но по мѣрѣ того, какъ приближается срокъ ея избавленія, чернота все болѣе и болѣе умаляется: и царевна, и кони становятся бѣлыми — сначала до пояса, потомъ до колѣнъ, а наконецъ и совсѣмъ освобождаются отъ вліянія нечистой силы.

Вѣчныя, нескончаемыя битвы Перуна съ тучами представлялись въ разнообразныхъ поэтическихъ образахъ, запечатлѣнныхъ глубочайшею древностью...

Солнце, удаляющееся на зиму, не всегда представляется въ сказкахъ царевною заколдованною или насильно-похищаемою злымъ демономъ. Цѣлый разрядъ сказокъ говоритъ объ измѣнѣ красавицы — жены своему мужу-богатырю; она отдается другому враждебному королю, уходитъ съ нимъ въ далекое государство и уноситъ съ собою разныя диковинки, символы лѣтней природы; чтобы возвратить все это, покинутый мужъ долженъ бороться съ величайшими затрудненіями, но въ свое время онъ все-таки одолѣваетъ ихъ и получаетъ обратно и жену и диковинныя вещи. Въ основѣ этого преданія скрывается мысль о временномъ союзѣ красавицы-солнца съ лѣтнею природою, о переходѣ ея во власть враждебной зимы, когда она какъ бы измѣняетъ своему законному супругу и предается коварному обольстителю, и о возстановленіи съ новой весною прежняго благодатнаго брака...

Поэзія и миѳологія найдетъ въ сказочномъ эпосѣ прекрасные и обильные матеріалы. Вѣщіе звѣри, птицы, деревья и травы, разнообразныя превращенія, волшебныя диковинки, змѣи, великаны и карлики — все это имѣетъ свое значеніе, свой смыслъ. Добрый молодецъ съ солнцемъ во лбу напоминаетъ Одина, а герой, у котораго по всему тѣлу часты звѣзды, — многоочитаго Аргуса; сказка о Снѣгуркѣ родственна съ германскими представленіями о королѣ Снѣгѣ и его дочеряхъ; сказка о богатыряхъ безногомъ и слѣпомъ передаетъ тотъ же сюжетъ, который въ такихъ поэтическихъ краскахъ и въ такой суровой драматической обстановкѣ развитъ въ поэмѣ о Нибелунгахъ и проч...

(Изъ статьи: „Сказка и миѳъ“ А. Аѳанасьева. Филолог. зап. изд. Хованскимъ. 1864 г. Воронежъ. Вып. I и II, стр. 1—68).

Къ этому нужно добавить, что сказка, какъ и всякое народное произведеніе, подвергалась вліянію времени и новыхъ воззрѣній. Такъ подъ вліяніемъ христіанства миѳическія существа стали замѣняться лицами дѣйствительными, которымъ приписывается сверхъестественная сила или олицетвореніемъ разныхъ добродѣтелей и пороковъ, — и сказка стала принимать легендарный характеръ. На примѣръ, въ одной русской сказкѣ являются дѣйствующими лицами „Правда и Кривда;“ а въ сербской сказкѣ того же склада сохранился древній миѳическій характеръ: тамъ вмѣсто Правды и Кривды являются дѣйствующими лицами Вилы, а въ норвежской — звѣри, волкъ, медвѣдь, лиса, заяцъ. На нѣкоторыхъ сказкахъ отразились черты воззрѣній и обычаевъ позднѣйшаго времени и на мѣсто старинныхъ таинственныхъ явленій разсказываются обыкновенные житейскіе случаи съ раціональными объясненіями.

Рус. сказки изданы *А. Н. Аѳанасьевымъ* въ 8 выпускахъ съ 1855 г. О рус народ. сказкахъ *А. Н. Пыпина*. От. Зап. 1856, N. 4 и 5.

31. Пословицы, заговоры, загадки и приметы.

Пословицы суть краткія изреченія, въ которыхъ выражаются вѣрованія и убѣжденія народа, его бытъ и нравственные интересы; какъ плодъ здраваго смысла и многовѣковой опытности, онѣ пользуются большимъ почетомъ въ народѣ. Но для насъ важно то, что въ пословицахъ отражаются черты старинныхъ воззрѣній и быта, которыя даютъ возможность уяснить многія стороны давно угас-

шей до-исторической жизни. Рядомъ съ пословицей, въ которой видны слѣды *миѳическаго міросозерцанія*, занимаетъ мѣсто пословица *историческая*, указывающая на дѣйствительныя лица и событія,—и пословица *христіанская*, слагавшаяся подъ вліяніемъ библейскихъ сказаній и поученій Отцевъ церкви.

1, Въ нѣкоторыхъ пословицахъ, образовавшихся въ темную языческую пору, отразились старинныя воззрѣнія нашихъ предковъ: »Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ.« Здѣсь высказывается понятіе язычника о свѣтилѣ, какъ о живомъ существѣ изъ породы божествъ; а въ Галиціи сохранились пословицы, свидѣтельствующія о поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ: »Перед богом сонцем, судице царице,« — »Мѣсяць наш божок; а ктож нам буде боговати, як его не стане?« Намекъ на миѳическое значеніе Коляды заключается въ пословицѣ: »Полно коляду томить.« О погребальныхъ языческихъ поминкахъ или тризнѣ, сопровождавшейся пирами, играми и битвой, упомянуто въ пословицѣ: »По дѣдѣ *сшибокъ* (бой), а по бабкѣ щипокъ.« Принимая во вниманіе подобныя пословицы, мы можемъ прослѣдить, какъ въ этихъ изреченіяхъ отразился бытъ русскихъ Славянъ, когда они вели еще охотничій и пастушескій образъ жизни, потомъ когда стали заниматься земледѣліемъ.

а) Когда наши предки вели жизнь звѣролововъ и пастуховъ и жили въ лѣсу, *яко всякій звѣрь, ядуще вся не чисто*; тогда они покланялись деревьямъ, и были у нихъ заповѣдныя священныя рощи, *божелѣсья*, въ которыхъ приносили жертвы (1). Въ Житіи муромскаго князя Константина говорится: »*Дуплинамъ* древянымъ, вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе, и симъ покланяющеся.« (И. гос. рос. I, пр. 216). Это согласно съ пословицей, которая представляетъ дупло жилищемъ бѣса: »Изъ пустаго *дупла* или сычь или сова, или самъ сатана,« — »Тетка родила, жилъ въ лѣсу, молился пнямъ.« Къ этому же времени надобно отнести обоготвореніе овраговъ и болотъ; пословицы говорятъ: »Горы да овраги—чортово житье« (житье Змѣя Горынчища), — »Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ жить.« Тутъ можно припомнить разсказъ о томъ, какъ архангелъ погналъ копьемъ бѣсовъ съ неба, и они остались на житье, какой куда упалъ.

Жертвоприношеніе болѣе въ ходу у пастуховъ, чѣмъ у земледѣльческихъ народовъ языческихъ; по этому къ первой порѣ относятся пословицы въ родѣ такихъ: »*Моленой* боранъ отлучился, инъ гулящій прилучился.« Слово *молить* значило встарь тоже, что приносить въ жертву. »Обреченная (т. е. въ жертву) скотина—не животина.« Брачные языческіе обряды совершались у воды или подъ деревьями; въ былинѣ говорится объ одной парѣ въ эпоху богатырской жизни: »Тутъ они обручалися, кругъ ракитова куста вѣнчалися« (Пѣс. Кирши 96). Съ ракитовымъ кустомъ связывалась мысль о женидьбѣ:

Ракитовый кустикъ
Зеленый кудреватый,—
Да кто у насъ холостъ
Да кто не женатый?

По этому въ пословицѣ намекается на старинный брачный обычай: »Вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли.«

Камни и дубина, лукъ и стрѣлы составляли необходимую принадлежность охотниковъ; борьба ихъ со звѣрями развила воинственный бытъ, по словамъ лѣтописца: »живуще скотьски: убиваху другъ друга.« Вооруженіями язычники надѣляли и

(1) По свидѣтельству Макарова, въ Тульс. и Рязанс. губ. еще въ 1792 г. призывали въ лѣсъ *заказчиковъ* для совершенія обрядовъ. Завиваніе вѣнковъ въ Троицынъ день ведетъ начало отъ язычества, когда въ лѣсу были праздники.

боговъ своихъ: Перунъ бросалъ съ неба камни и стрѣлы; сохранилась пословица, напоминающая эти понятія: »Ѣдетъ божокъ *съ перищемъ*, стучитъ колесомъ.« Онъ стучитъ своей телѣгой и производитъ громъ, а стрѣлою бьетъ злое существо; пословица, вытекающая изъ этого способа представленія, гласитъ: »Завертѣлся, какъ дьяволъ передъ громомъ.« Лукъ, мечь, копье служили признакомъ раздора; въ это-то время народъ познакомился съ ковкой металловъ. Самыя изображенія поэтическія рисуютъ народъ боевыми красками: »Подъ трубами повити, подъ шеломы взлелѣяны, конець копья въскорѣмлени.« Какъ постоянный товарищъ бойца, конь надѣляется умомъ и всѣми понятіями человѣка, даже предсказываетъ будущее. Преданія объ-охотѣ такъ живы были еще во времена первыхъ русскихъ князей, что ловля птицъ и звѣрей поддерживается сильно законодательствомъ, и эпическія выраженія заимствуются изъ быта пастушьяго и охотничьяго, наприм. въ Словѣ о полку Игоря и въ Волынской лѣтописи. Древляне говорятъ Ольгѣ: »аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его.« Въ первобытное время въ лѣсной глуши народъ невольно присматривался къ свойствамъ характера животныхъ и придавалъ имъ людской взглядъ и смыслъ: »Волкомъ родясь лисицей не бывать.« Отсюда вытекало миѳическое воззрѣніе на птицъ и звѣрей, на ихъ нравы и обычаи, оттого первоначально образовались разсказы, или сказки о животныхъ, въ эпоху охотничью и пастушескую. Отъ этого же времени сохранилось повѣрье въ оборотней, которые выходятъ изъ могилъ и путешествуютъ подъ видомъ волка или свиньи; на это понятіе указываетъ пословица: »Колъ бы тебѣ осиновый въ землю.« Это первое средство—остановить ночныя похожденія оборотней. Оттуда же ведетъ свое начало суевѣріе, что волки скрадываютъ съ неба свѣтила и оттого бываютъ затмѣнія: »Невѣгласи глаголютъ снѣдаему сущу,« или какъ говоритъ пословица: »Сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловитъ.« Извѣстную пословицу: »Съ волками жить по волчьи выть« — прежде понимаемую буквально, надо объяснять въ духѣ времени: выли для привлеченія звѣрей на охотѣ, но потомъ придали этому обстоятельству значеніе гаданья и предсказанья, какъ дѣлалъ половчанинъ Бонякъ: »И волкъ отвыся ему« (Лавр. 115). Переходъ изъ лѣсной глуши на поле и отъ быта звѣроловнаго къ земледѣльческому, по понятіямъ крестьянъ, облегчилъ св. Егорій, который устроялъ землю, велѣлъ непроходимымъ лѣсамъ разступиться, стадамъ звѣрей разойтись, ѣсть и пить повелѣнное; онъ называется богомъ волковъ: »Что у волка въ зубахъ то Егорій далъ,« — »Егорій да Власъ— всему богатству глазъ.« Понятно, что Власъ, какъ покровитель стадъ, и Егорій—устроитель дикой земли, сберегали, по понятіямъ крестьянъ, *скотъ*, *обиліе*, *животъ*, въ которыхъ было все ихъ богатство.

Въ періодъ звѣроловства одеждой служили кожи, а для домашняго обихода — большею частью кора деревъ, которыхъ такъ было много, и потому лыко было въ большомъ ходу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Но на юго-западѣ Руси рано уничтожились лѣса и оставалось степное пространство, которое необходимо измѣняло условія экономическаго быта населенія. Поэтому въ Малороссіи составилась поговорка о Москаляхъ: »Лыкомъ вязане, у лыкахъ ходыть, пидъ лыкомъ спыть.«

б) Въ пору развитія земледѣлія образовалось обоготвореніе земли; она стала *матерью* и *кормилицей*, такъ что доселѣ въ Галиціи называютъ землю *святою*. Въ Вятской губерніи на Троицу бываетъ мать-земля именинница и, по понятіямъ крестьянъ, грѣхъ въ этотъ

день копать ямки или вколачивать что-нибудь въ землю. Мѣсто звѣриныхъ кожъ у земледѣльца заняли ленъ и пенька; самыя божества буйнаго воинскаго времени принимали осѣдлый мирный характеръ, стали покровительствовать земледѣлію и занимались пряжей, какъ валькиріи, или выходили на поле съ серпомъ, какъ чешскія полудницы. Но, конечно, это случилось не вдругъ: какъ люди не скоро оставили прежнія боевыя наклонности, такъ и языческіе боги; вѣроятно, память объ этой дикой борьбѣ новаго поколѣнія съ старымъ сберегла пословица: »Отъ кикиморы рубашки не дождешься.« Самыя краски эпическій поэтъ этого времени беретъ уже изъ быта земледѣльческаго даже для изображенія войны: »земля сѣялась и росла усобицами, поливалась кровью; жизнь людей пожинали враги и клали на току какъ колосья, молотили цѣпами булатными и вѣяли душу отъ тѣла.« (Сл. о пол.).

Въ осѣдлую пору явилось обоготвореніе огня и домашняго очага, который способствуетъ приготовленію пищи и согрѣваетъ, спасая отъ двухъ страшныхъ не пріязненныхъ враговъ—голода и холода. Сербская пословица говоритъ: «Безъ стара панья сиротно огниште« Въ это время огнище и печь служили для жертвоприношенія: »И огневи молятся подъ овиномъ;« къ той же порѣ относится обоготвореніе домоваго, какъ покровителя дома и семейнаго очага. Онъ обыкновенно сидитъ на печкѣ, за печкой или подъ печкой и до такой степени привязанъ къ своему пепелищу, что стонетъ, если предвидитъ перемѣну въ домѣ, и не уйдетъ съ стараго мѣста, если хозяинъ забудетъ его позвать въ новый домъ. Понятіе объ этомъ бытѣ удержалось въ пословицахъ: »На печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился,« — »Церкви не овины, въ нихъ образа все едины.« Да и самая печь *(пещь)*, была сначала ямой, оттуда слово: *пещера*.

Въ періодъ земледѣльческій упрочились семейныя связи: слово — *дымъ* сталъ употребляться вмѣсто *домъ*, — »и вдаша отъ дыма мечь.« Пословица говоритъ: »Вспомнишь ты дымную шапку,« т. е. старшаго, опытнаго; съ уваженіемъ старшихъ, которые передавали молодежи много разсказовъ изъ старинной жизни своей и другихъ людей, возникло уваженіе къ преданію и старинѣ. По разсказамъ, тогда и люди были умнѣй и права и жизнь отличались всѣмъ лучшимъ: »Что изстари ведется, то не минется.« Выходъ изъ семьи тяжелъ былъ въ то время, когда еще связи общежитія не установились, особенно на всю жизнь, какъ напр. за мужъ; поэтому говорятъ дѣвицѣ: »Не вздыхай тяжело, не отдадимъ далеко, хоть за Ѳоку да подлѣ боку.« Значитъ, сосѣди служили первыми хорошими знакомыми; »а чужая сторона горемъ огорожена и слезами поливана,« какъ поютъ дѣвушки на дѣвишникахъ.

Съ образованіемъ сельскаго союза, власть и судъ переходятъ ко всѣмъ старшимъ и дѣла рѣшаются общественнымъ приговоромъ: »Братчина судитъ, ватага рядитъ,« — »Братчина судитъ какъ судья.« Обстановка суда съ разными формальными уловками, судебными испытаніями водой и раскаленнымъ желѣзомъ, рисуется въ слѣдующихъ пословицахъ: »Хотя солгать да было бы на кого послаться,« — »Свидѣтеля за волосы тянутъ,« — »Желѣза и змѣя боится.« Такъ какъ въ прежнее время лежало много свободной земли и другихъ угодій, то собственностью каждаго было, что онъ посѣялъ и занялъ: »Чье море, того и край« (сербс. послов.), — »Чья земля, того и хлѣбъ.«

По переходѣ въ христіанство, народъ сталъ смотрѣть на прежнихъ боговъ враждебно и замѣнилъ ихъ бѣсами: »Взялъ боженьку за ноженку да и объ полъ.« Домовой, котораго жилье было подъ порогомъ, пре-

вратился въ чорта,—и доселѣ на этомъ основаніи ведется старинная примѣта, что здороваться черезъ порогъ не хорошо.

2) Историческія пословицы очень мѣтко рисуютъ дѣйствительныя событія и лица, а чрезъ это указываютъ характеристическія стороны извѣстнаго явленія или дѣйствія и выражаютъ воззрѣнія на нихъ современниковъ. Такъ можно указать на пословицы, занесенныя въ лѣтопись; о гибели Аваровъ сложилась поговорка: »Погибоша, аки Обрѣ;« неудача Радимичей на рѣкѣ Пищанѣ въ битвѣ съ воеводой великаго князя Владиміра, по прозванью—Волчій Хвостъ, послужила къ составленію насмѣшливой притчи: »Радимичи волчья хвоста бѣгаютъ.« Отношенія дружины къ князю и народу изображаетъ Даніилъ Заточникъ въ пословицахъ: »Мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти,« — »Тіунъ (княжій) яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры: аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устеречися жженія портъ,« — »Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ—и малаго стола лишенъ будетъ.« Отвращеніе къ татарскому порабощенію Россіи высказалось въ пословицахъ: »Не во́ время гость хуже Татарина,« — »Тутъ словно Мамай воевалъ.« О Ермакѣ Тимофеевичѣ и его немногихъ сподвижникахъ, а потомъ уже вообще объ уральскихъ казакахъ, говорится: »Семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ.« Такъ какъ въ Россіи болѣе двухъ сотъ лѣтъ были весьма значительные разбои, особенно на Волгѣ и ея притокахъ; то на этотъ счетъ дошло до насъ много самыхъ мѣткихъ пословицъ: »Это не покоръ, что за поясомъ топоръ, скажутъ — плотникъ, а не воръ,« — »На Волгѣ жить—ворами (грабителями) слыть,« — »Ахтуба пуста, а безъ караула не гуляй,« — »Кому лопата а намъ ломъ; кому острогъ, а намъ домъ,« — »Вору висѣлица—неизмѣнный другъ.« О братчинахъ сохранилась пословица: »Съ нимъ пива не сваришь.« Особенно важны для изучающаго историческую жизнь своего отечества, тѣ присловья и мѣткія изреченія, въ которыхъ населеніе одной мѣстности характеризуетъ жителей другой области. Большая часть изъ нихъ сложились исторически; такъ наприм. первоначальное населеніе Орловской губерніи было пограничнымъ, собралось оно изъ бѣглыхъ и удальцовъ и постоянно рубилось съ крымскими Татарами; по этому и говорятъ пословицы: »Орловцы — проломленныя головы,« — »Орелъ да Кромы старинные воры,« — »Ливны—всѣмъ ворамъ дивны, а Елецъ — всѣмъ ворамъ отецъ.«

3) Что же касается до пословицъ христіанскихъ, то ихъ можно читать въ Словѣ Даніила Заточника; а подробный разборъ былъ бы здѣсь не у мѣста. Переходя изъ устъ въ уста, пословицы въ позднее время мало по малу принимаютъ направленіе сатирическое, а чрезъ это болѣе и болѣе сглаживаются съ нихъ старинныя черты, такъ дорогія для историка.

Заговоры и заклятія, какъ и пословицы, ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой языческой старины и первоначально служили мольбами при жертвоприношеніяхъ и сопровождались обрядовыми дѣйствіями. Но потомъ эти прославленія божествъ и выраженія прошеній постепенно теряли свой смыслъ и низошли до заклятія и наговора. Такъ клятва передъ Перуномъ: »да будемъ золоти яко золото« — для насъ непонятна; но произносившіе ее имѣли въ виду страшную болѣзнь проказу, которая за неправду, сожигая тѣло, сообщаетъ ему желтый цвѣтъ похожій на золото. Одна изъ дочерей Иродовыхъ, лихорадка желчная, называется желтѣя, желтуха, *златеница*. Заклятія солнцемъ сохранились отъ времени его обожанія; въ Нижегородской губерніи божатся въ подтвержденіе истины показаній: »Вотъ

тебѣ красное солнышко!« —А въ Галиціи говорятъ: »Солнце бы тебя побило!« Въ Словѣ о полку Ярославна обращается съ мольбой къ солнцу, водѣ и вѣтру, называя каждую стихію *господиномъ*. И рѣдкій заговоръ не заключаетъ въ себѣ припоминанія свѣтилъ небесныхъ, зори, воды, вѣтра и другихъ предметовъ языческаго обожанія природы. Съ этой точки зрѣнія многіе заговоры, повидимому безсмысленные, помогутъ выяснить религіозныя воззрѣнія древняго русскаго человѣка. Такъ въ заговорѣ одной рукописи говорится: »Выстахомъ заутра и помолихсе Господу Богу и *дыннце*« (1),—ясный признакъ языческаго поклоненія свѣтиламъ. »Зоря–зарница, красная дѣвица, швея–мастерица!« Въ другихъ заговорахъ есть такаго рода обращенія: »Матушка вода, обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣлъ горючь камень своей быстриной и золотой струей!« — »Ты небо, слышишь! Ты небо видишь!« — »Ахти мати, бѣлая печь! Не знаешь ты себѣ ни скорби, ни болѣзни, ни щипоты, ни ломоты« ... — »Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки! Сойди ты мѣсяцъ, сними мою скорбь зубную, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча.« Есть также обращенія къ Огню-полымю и къ Вѣтру буйному.

Приведемъ одинъ заговоръ вполнѣ, въ которомъ перемѣшиваются языческія понятія съ христіанскими. »Господи І. Хр. Сыне божій, помилуй насъ. Аминь. Стану я, рабъ божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле на востокъ, въ восточную сторону, подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, къ окіану

(1) Архивъ истор. юрид. кн. 2. пол. 2, отд. VI, 50.

морю. У окіана моря на крутомъ берегу лежитъ Латырь камень, на Латырѣ камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болѣзни, порѣзи и посѣки отъ удару и отъ укладу и булату унимала, и запирала. Какъ изъ Латыря камня не воды, такожде изъ раба божія ни руды, ни садели, ни болѣзни; изъ курицы не молока, изъ пѣтуха ни яйца, ни изъ раба божія N ни руды; какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде бы у раба божія N твердо утвердились (?). Рука заключись въ море, ключи въ небесахъ, замки достану; эти ключи и замки св. молитвами запру и укрѣплю, посѣки и удары, во вѣки вѣковъ. Аминь.« Обратимъ вниманіе, какое значеніе въ этомъ заговорѣ и во многихъ другихъ имѣютъ *частыя звѣзды*; ихъ Славяне даже призываютъ иногда сойти съ неба: »Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную.« — »Мѣсяцъ ты красный, звѣзды вы ясныя, солнышко ты привольное! сойдите, уймите раба божія отъ запоя!« Вѣрованіе въ Рожаницъ или богинь судьбы, которыя какъ Парки надѣляли человѣка при рожденіи дарами счастія и благами жизни, соединялось съ вѣрованіемъ въ счастливую звѣзду. Въ одной пѣснѣ молодецъ спрашиваетъ:

Ты скажи, скажи моя матушка родима:
Подъ которой ты меня звѣздою породила,
Ты какимъ же меня счастьемъ надѣлила?

Василій Буслаевъ говоритъ въ былинѣ: »Не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую.« Такая вѣра въ предопредѣленія судьбы только и могла создать подобныя пословицы: »Такъ ему на роду написано,« — »Не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ,« — »Суженаго конемъ не объѣдешь,« — »Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божія не минути.« Вѣрованіе во влія-

ніе звѣздъ на судьбу людей привело къ мысли, что какъ скоро падаетъ звѣзда, такъ умираетъ человѣкъ:

Упадаетъ звѣзда подпебесная,
Угасаетъ свѣча воску ярова:
Не становится у насъ млада царевича.

Языческія моленія обращались въ кругу обыденныхъ нуждъ житейскихъ; нездоровые испрашивали себѣ облегченія; лѣченіе сопровождалось навязками— *наузами*, чтеніемъ молитвъ надъ водой; давали больнымъ священную глину и угли отъ жертвенника, соль, хлѣбъ и другія жертвенныя принадлежности. Замѣчательно, что всѣ эти аттрибуты не рѣдко сопровождаютъ заговариванья и доселѣ, но, разумѣется, употребляются безъ всякаго сознанія ихъ значенія. Какъ прежде хорошо знали заклинательныя и умилостивительныя молитвы приносившіе жертву, и они только давали силу разнымъ вещамъ; такъ впослѣдствіи составилось понятіе о знахаряхъ, вѣдунахъ и колдуньяхъ, какъ о лицахъ, близкихъ съ нечистой силой. Другіе заговоры имѣютъ цѣлью сохраненіе семьи и имущества отъ грозы, нападенія звѣрей, потопленія, отъ лука и меча вражескаго, отъ лихаго глаза, налета саранчи на хлѣбъ и т. п. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Курской губерніи употреблялся еще обрядъ умилостивленія мороза въ такомъ родѣ. Варили ячный кисель на молокѣ, ставили на окно и приговаривали: »Эй морозъ! иди къ намъ кисель ѣсть; не тронь нашихъ жита–пшеницы.«

Въ связи съ пословицей въ древнее время находилась *загадка*. Обѣ онѣ составляли часть поучительнаго наставленія, дидактическаго эпоса, и передавали изъ рода въ родъ познанія о мірѣ и жизни. Въ загадкахъ выразилось неодолимое стремленіе пытливаго ума неразвитаго язычника удовлетворить любознательности, рѣшать вопросы о загадочныхъ силахъ и явленіяхъ природы.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ сначала предоставлялось божествамъ въ родѣ Одина и мудрыхъ Вилъ, а потомъ вѣщимъ дѣвицамъ, напримѣръ, Февроніи Муромской (См. ея житіе ниже). Въ одной пѣснѣ Симбирской губерніи также рѣшаетъ замысловатыя загадки семилѣтняя дѣвица:

Какъ по лугу 2 по зеленому
Идетъ дѣвка 2 семилѣтка;
За ней парень 2 бѣлкудрявый:
»Постой дѣвка 2 семилѣтка!«
Загану я 2 три загадки,
Изволь дѣвка 2 разгадати:
Да что ростетъ 2 безъ кореньевъ?
—Ростетъ камень 2 безъ кореньевъ.
»Да что цвѣтетъ 2 безо цвѣту?«
—Цвѣтетъ сосна 2 безо цвѣту.
»Да что шумитъ 2 безо вѣтру?«
—Шумитъ вода 2 безо вѣтру.

Потомъ загадка испытала на себѣ вліяніе христіанства. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ рѣшаются важнѣйшія задачи старины, имѣющія основу въ древнихъ космогоническихъ воззрѣніяхъ. (См. стихъ ниже). Впослѣдствіи какъ языческій обрядъ перешелъ въ игры, такъ и загадка съ своимъ стариннымъ міросозерцаніемъ стала художественною забавою и игрою словъ.

Загадка имѣетъ родство *съ приметами*, выражая языческую мудрость давнишняго времени. Въ нѣкоторыя пословицы и загадки привходятъ прямо примѣты: »Ржетъ конь къ печали, ногою топаетъ къ погонкѣ.« Извѣстно, что въ воинскую пору конь былъ товарищемъ, соратникомъ бойца и отличался вѣщими предсказаніями, какъ говоритъ пѣсня о Маркѣ Кралевичѣ (См. Пушкина: »Что ты ржешь, мой конь ретивый«). При сочувствіи къ природѣ и обоготвореніи ея силъ, Славянинъ чутко прислушивался къ ея звукамъ, присматривался къ перемѣнамъ и дѣйствіямъ въ жизни животныхъ, къ явленіямъ въ средѣ стихійной борьбы и т. д. По разнымъ отступленіямъ отъ обычнаго

теченія вещей онъ заключалъ о волѣ боговъ, выражающихъ ее человѣку чрезъ видоизмѣненія природы. Такъ воронъ предвѣщаетъ бѣду; лебедь летитъ къ теплу, а гусь—къ холоду; стѣна трещитъ къ покойнику; соль разсыпается къ ссорѣ; если на крещенье на небѣ звѣзды, куры будутъ нески и горохъ родится, а будетъ наволочь — коровы молочны. Эти примѣты служили руководящей нитью въ практическомъ быту, и кто больше умѣлъ разрѣшать эти загадки природы, тотъ былъ мудрецомъ. (См. I. Екз. Болгар. 211—212 и ниже о примѣтахъ).

Такъ пословица, вмѣстѣ съ заговоромъ загадкой, всякимъ стариннымъ изреченіемъ и примѣтой, составляетъ часть эпическаго воззрѣнія нашихъ предковъ. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, она донесла до насъ изъ отдаленныхъ временъ черты и краски языческаго міросозерцанія, нравовъ, и обычаевъ, складъ характера и быта. Изучая народную поэзію, мы можемъ возстановить до нѣкоторой степени ходъ и направленіе темной жизни нашихъ предковъ. Въ народѣ живетъ множество суевѣрныхъ понятій, игръ и увеселеній, которыя вытекли изъ языческаго взгляда и утратили свой смыслъ; поэтому для разъясненія до-исторической судьбы русскаго народа необходимо изучать его этнографію.

(Составлено по статьѣ Ѳ. И. Буслаева: „Русскія пословицы и поговорки.“ Архивъ истор.-юрид. кн. 2, пол. 2, отд. IV, 1—176. См. Ист. рус. слов. Галахова. 1863 г. I, 6—29).

Указатель статей: Поэтич. воззрѣнія Славянъ на природу. *А. Н. Аѳанасьева.* 3 тома, 1866—9. О мифич. значеніи обрядовъ и повѣрій. *А. А. Потебни.* Чт. общ. 1865, II, 1—84, III, 85—232. IV, 233—310 и отдѣльно. М. 1865. Очерки *Буслаева.* Спб. 1861, два тома. Рус. богатыр. эпосъ. *Буслаева.* Рус. Вѣстн. 1862. Пѣсни историко-миѳическія. Рус. Бес. 1860. I, 1, 42—47, 82, 99, 165—167. Собр. пѣсенъ. *К. Калайдовича,* 1818 г. Пѣсни, собр. *П. И. Якушкинымъ.* Лѣт. рус. литер. 1859, 2, 17 — 20. Отеч. Зап. 1859 и отдѣльно 1865. Рус. простонародн. праздники и обряды. *Снегирева,* М. 1848. Сказанія рус. народа. *Сахарова.* Спб. 1841—46 г. Бытъ рус. народа. *Терещенко.* Спб. 1848 г. Разборъ этой книги въ Современ. т. XI, крит. 1—48, 85—139; XII, 95—138, также въ Полн. собр. соч. *К. Д. Кавелина* т. IV. Записки рус. Этнограф. общ. Спб. 1867. Годъ рус. земледѣльца. *Селиванова.* Рус. Бес. 1857. кн. I—IV, отд. 4. О сагахъ въ отношеніи ихъ къ древ. Рус. Исторіи. *С. Руссова.* Спб. 1834. О сагахъ см. Моск. Телеграфъ 1825, VII, 221 - 230; XV, 208—213; XVIII, 57—60. Библ. для чт. 1834. I, 1—38; II, 1—72. 1836, XIX, 20—32. Ж. М. Н. Просв. ч. 80, VI, 34. Словарь рус. суевѣрій М. 1782 г. Тоже почти: »Преданія о народ. рус. суевѣріяхъ.« 1861. Великорусскіе сказки *Худякова.* М. 1860—2, Малорос. пѣсни. *Максимовича.* М. 1827. Кіевъ 1847. Пѣсни собран. *Рыбниковымъ.* 4 тома. 1861—67. Этнографическій вѣстникъ. Народныя южно-рус. пѣсни. *А. Метлинскаго.* Кіевъ 1835. Письмо Буслаева къ Соловьеву. Ист. Рос. II, въ прилож. Замѣчанія о праздн. у Малорос. *Сементовскаго.* Маякъ 1843, т. XI. Молодикъ. Украинс. Сборн. на 1843 г. Х. Памятн. народн. быта Болгаръ съ 1862 г. *Каравелова.* Bàjeslownij Kalendàr Slovansky. *Гануша.* Прага 1860. Lud Ukrainsky. *Новосельскаго.* Болгарскія повѣрья. Ж. М. Н. Пр. ч. 52, II. стр. 204. Литер. прибавл. къ Ж. М. Н. Пр. 1846, 65. Объ историч. знач. рус. народной поэзіи. *Костомарова.* Харьк. 1843. Литовскія народныя пѣсни. *Юшкевича.* Спб. 1867. Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собр. *Е. П.* Спб. 1854. Народн. пѣсни Вологодс., Олонец. губ. собр. *Студитскимъ.* Спб. 1841. Народныя сказки, собр. сельскими учителями. Изд. *Эрленвейна.* М. 1863. Обычаи, повѣрья и проч. Малороссіянъ. *Маркевича.* Кіевъ 1860. Пісні, думкі и шумкі на Подолі... *Коцѣпінъскаго.* Кіевъ 1862. Пословицы русскаго народа Дали. М. 1862. Пѣсни крестьянъ Владимірс. и Костромс. губ. *Смирнова.* М. 1847. Пѣсни рус. народа, собр. *Сахаровымъ.* Спб. 1838—9. Пѣсни, собр. *П. В. Кирѣевскимъ.* М. 1860—68. Русскіе въ своихъ пословицахъ *Н. Снегирева.* М. 1832. Сборникъ Донскихъ народныхъ пѣсенъ. *А. Савельева.* спб. 1866. Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края. *Варенцова.* Спб. 1862. Сборникъ рус. духовн. стиховъ. *Ѣжове.* Спб. 1860. Собр. малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. *Едличка* Спб. 1861. Уральцы *І. Желѣзнова.* М. 1859. Этнографич. Сборникъ. Спб. 1853—1862, 1864.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

32. Развитіе языческихъ вѣрованій.

Языческія вѣрованія у всѣхъ народовъ имѣютъ свою исторію; они создаются не вдругъ, а постепенно съ развитіемъ народной жизни, съ медленнымъ усвоеніемъ уму и памяти внѣшнихъ явленій природы. Первоначально религіозныя языческія вѣрованія создаются одинаковымъ образомъ у всѣхъ различныхъ народовъ, потому что все основывается на не посредственныхъ чисто естественныхъ условіяхъ. Впослѣдствіи приходятъ рѣзкія отличія ради мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліяній и событій. Безъ сомнѣнія, излагая народныя вѣрованія въ процессѣ ихъ созданія, надобно будетъ основываться на логическихъ законахъ всякаго развитія, ибо осязательнаго указанія хронологическаго не имѣемъ. Но это не должно устрашать: самый характеръ того или другаго преданія и повѣрья укажетъ на ближайшее или отдаленнѣйшее время его появленія. Всякое развитіе начинается ab ovo: какъ изъ непримѣтнаго зародыша выростаетъ цѣлый организмъ, такъ изъ едва сознаваемыхъ зачатковъ какой-либо идеи образуется полная система. Обращаясь къ славянскому язычеству, замѣчаемъ, что вопросъ религіи воплощалъ въ себѣ всѣ успѣхи народнаго развитія въ его стремленіи отъ непосредственности къ жизни ума и чувства. Первый шагъ этого развитія долженъ былъ состоять въ смутно-зародившейся въ человѣкѣ мысли объ отношеніяхъ его къ міру окружающему. Славянинъ почувствовалъ, что есть что-то могучее, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣливши себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишить пищи. Природа явилась человѣку и могучею силою, требующею полнаго и безотчетнаго подчиненія, и матерью, которая вскормила его собственною грудью. Онъ призналъ ее за нѣчто высочайшее и повергся предъ нею съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣнія. Человѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улыбалось блестящей, красивой формѣ и впервые чувствовало боязнь при взглядѣ на что-нибудь безобразное или ему чуждое. Для него еще не существовалъ анализъ. Вся природа представлялась цѣльною, единою; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ; слово »божество,« вылетѣвшее изъ устъ человѣка, обняло собою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Отсюда понятно, что языческая миѳологія начинается съ единобожія, но единственно вслѣдствіе отсутствія анализа: божествомъ является недѣлимая природа. Слѣдовательно отъ этого представленія еще далеко до единобожія, признаваемаго при конечномъ развитіи язычества, вслѣдствіе вліянія философскаго. Съ большими успѣхами ума, условливаемыми наблюдательностію и новостью впечатлѣній, человѣкъ начинаетъ знакомиться съ многоразличіемъ явленій природы, умъ вызывается къ работѣ и понятіе о божествѣ дробится. Слѣдовательно, въ эпоху первоначальнаго язычества, многобожіе указываетъ на большую или меньшую развитость народа. Исчерпавши источникъ познанія, заключенный въ живомъ наблюденіи явленій природы, умъ человѣческій обращается въ область чистаго мышленія, и тогда начинается отрицаніе многобожія.

Въ періодъ своего младенчества Славя-

нинъ былъ погруженъ въ жизнь не посредственную; онъ любилъ природу съ дѣтскимъ простодушіемъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея явленіями, которыми опредѣлялись его естественныя нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, сочувствующее человѣку; въ ней видѣлъ онъ родное...

Когда настала пора анализа, тогда болѣе уловимыя для впечатлѣнія силы природы отдѣлялись прежде и обоготворялись въ особенныхъ божествахъ. При такомъ раздробленіи общее понятіе о божествѣ, воплотившее въ себѣ всю природу, какъ единую, мало помалу затѣмнялось, потому что съ нимъ не соединялась опредѣленная субстанція. Могущество, старѣйшинство, благотворное вліяніе, соединившіяся съ этимъ понятіемъ, переносились на другихъ главныхъ боговъ. Вотъ почему тамъ, гдѣ еще не утратилось со всѣмъ преданіе о божествѣ, какъ общемъ, безъ всякаго опредѣленія его существа, тамъ смѣло можно говорить о неразвитости язычества. Такое преданіе встрѣчаемъ мы у Славянъ: въ договорѣ Игоря съ Греками читаемъ: »да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна;« »да будетъ онъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна;« то же преданіе занесено въ записки Прокопія и Гельмольда. Этого-то »бога« могли называть старымъ, великимъ (*т. е. старшимъ*), прабогомъ (*сличи—прадѣдъ*); слѣдовательно его ставили въ родоначальники боговъ, за которыми потому оставляли названіе прибоговъ. Послѣ это старѣйшинство было перенесено на Сварога (отъ санкрит. *сварга*: *свар*—небо, *га*—хожденіе—небесный, солнечный, путь). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ умъ человѣческій подмѣчалъ различныя проявленія элемента свѣта и тепла, понимаемаго имъ въ началѣ цѣлостно. Такое дѣленіе, вносимое познающею способностью, не противорѣчило поэтическому чувству, которое все облекаетъ въ живой образъ. Дѣло

ума поэтически выразилось въ естественной формѣ рожденія новыхъ божествъ отъ Сварога. Здѣсь первый актъ обожествленія человѣческой субстанціи. Одни только отношенія и зналъ и понималъ человѣкъ; въ нихъ онъ самъ обращался и ихъ перенесъ на божества, какъ отношенія, воспитывающія въ человѣкѣ нравственное чувство. Изъ классическаго мѣста Ипатьевской лѣтописи, указаннаго Шафарикомъ, ясно видно, что у Сварога былъ сынъ Дажь-богъ—солнце, отъ *дагъ*-день, дневной свѣтъ; *дажь*—прилагательное притяжательное. У Сварога былъ и другой сынъ; въ Словѣ Христолюбца читаемъ: »и огневи молятся, зовутъ Сварожицемъ.« Отечественная форма прямо указываетъ, что огонь Сварожичь былъ сынъ Сварога, братъ Дажьбога. И такъ небо родило свѣтъ солнечный (*небесный*) и огонь. Всѣми археологами Перунъ былъ принимаемъ за божество молніи, что подтверждаетъ и филологія. Сварогъ есть общій источникъ небеснаго свѣта, Дажьбогъ—свѣтъ солнечный, Перунъ—свѣтъ молніи; какъ Дажьбогъ различенъ отъ Сварога такъ и Перунъ: и тотъ и другой особенныя проявленія силъ природы (1).

Но въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ былъ Перунъ къ прочимъ свѣтлымъ божествамъ, рѣшить трудно, ибо опредѣлительныхъ свидѣтельствъ нѣтъ. По преданію, Сварогъ, оставаясь въ вѣчномъ покоѣ, предоставляетъ творчество и управленіе міра своему роду. Творческая оплодотворяющая сила бога приписана Славяниномъ Дажьбогу, безъ животворящихъ лучей котораго не возможно никакое развитіе: холодъ и мракъ убиваютъ жизнь. Отдѣляемыми отъ себя лучами солнце ожи-

(1) О невѣрности отождествленія г. Соловьевымъ Перуна съ Сварогомъ говоритъ и г. Шепингъ въ своей рецензіи въ Москвит. 1850 г. № 7 стр. 86—87.

вляетъ природу и даетъ ей возможность производить. Когда восходитъ солнце, то отъ лучей его разбѣгается мракъ; темную, нечистую силу божества, по повѣріямъ, разитъ молнія. Какъ лучамъ солнца приписывается сила, возбуждающая плодородіе, такъ та же сила приписана и молніи. Сербская пѣсня говоритъ о гармоніи, данной міру молніею; а хорутанское преданіе свидѣтельствуетъ, что на землѣ началась жизнь только съ того времени, какъ внутри ея загорѣлся огонь. У насъ вѣрятъ, что первый весенній громъ оживляетъ природу послѣ зимняго сна; только съ того времени деревья начинаютъ распускаться. Когда раздается ударъ перваго грома, то всѣ спѣшатъ умыться водою, которая въ это время молодитъ и краситъ лицо, даетъ здоровье и счастіе. Тоже говорятъ и о первомъ весеннемъ дождѣ...

Славянинъ не могъ не обратить вниманія на различіе проявленій свѣта въ лунѣ, звѣздахъ, зарѣ и радугѣ, и всѣ эти проявленія свѣтлой силы обоготворилъ въ особенныхъ божествахъ. Въ преданіяхъ западныхъ Славянъ находимъ прямыя указанія на родственныя связи этихъ божествъ: князь *(старшій)*—солнце имѣетъ двѣнадцать сыновей, которые живутъ на звѣздахъ. Солнце, какъ источникъ жизни, представляется молодымъ и прекраснымъ юношею; оно сидитъ на золотомъ престолѣ и ѣздитъ въ колесницѣ, запряженной бѣлыми лошадьми, ему прислуживаютъ двѣ солнцевы дѣвы: заря утренняя и заря вечерняя, которыя всегда сопровождаютъ солнце. Въ одной русской пѣснѣ заря названа сестрой солнца:

Заря-ль моя зоринька,
Заря, солнцева сестрица!

Утренняя заря выводитъ бѣлыхъ коней Дажьбога; потому въ Каринтіи ее называютъ дѣжницею, т. е. утренница—слово, близкое съ денницей *(Венерой)*. Эта звѣзда въ сербской пѣснѣ также называется сестрой солнца. Изъ того повѣрія, что сыновья солнца жили на звѣздахъ, можно представлять звѣзды дѣтьми Дажьбога; отчасти это подтверждается нашими колядками, въ которыхъ отецъ *(домовладыка)* сравнивается съ мѣсяцемъ, жена его съ солнцемъ, дѣти съ звѣздами. По литовскимъ преданіямъ, звѣзды родились отъ божественной четы солнца и мѣсяца.

Та же оплодотворяющая сила, которую народная фантазія отнесла къ Дажьбогу и Перуну, приписывается преданіями и звѣздамъ... Оплодотворяющее вліяніе звѣздъ, вѣроятно, простиралось не на однихъ овецъ, а на всѣхъ животныхъ. Этимъ преданіемъ Велесъ *(Волосъ)* получаетъ тѣсную связь съ божествомъ свѣта и тепла. Г. Срезневскій въ своей статьѣ »Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ,« утверждаетъ эту связь самыми положительными доказательствами. Г. Соловьевъ напрасно видитъ въ божествѣ Велеса финское вліяніе. Изъ сравненія Святославова договора съ Греками и Несторова показанія объ языческихъ божествахъ отчасти видно тождество Велеса съ Дажьбогомъ; у Нестора второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Хорсъ и вовсе нѣтъ имени Велеса; въ договорѣ же второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Волосъ. На то же тождество указываетъ и названіе Бояна Велесовымъ внукомъ, ибо дѣломъ всѣхъ людей преданіе называетъ Дажьбога. Вопросъ этотъ заслуживаетъ особеннаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія *(О Велесѣ въ Соврем. 1852 г. № 10, крит., стр. 24—25)*.

Не менѣе трудный вопросъ представляется при разсмотрѣніи родственныхъ отношеній солнца къ мѣсяцу. Въ одной сербской пѣснѣ солнцева сестра называется »мјесечева първобрату чеда,« т. е. племянница мѣсяца, слѣдовательно мѣсяцъ является дядею солнцу; въ другихъ же пѣсняхъ онъ называется братомъ солнца. Но изъ нашихъ колядокъ можно заключить, что мѣсяцъ почитается мужемъ

солнца, которое представлялось въ женскомъ полѣ; такому олицетворенію солнца въ образѣ женщины соотвѣтствуютъ и нѣкоторыя народныя преданія. Поворачивая на лѣто, солнце наряжается въ праздничный сарафанъ и кокошникъ; на Ивановъ день оно выѣзжаетъ на встрѣчу къ своему супругу мѣсяцу, пляшетъ и разсыпаетъ по небу плодотворныя лучи; когда съ окончаніемъ лѣта погребаютъ Ладу (*имя придаваемое солнцу*), то куклу, ее представляющую, одѣваютъ въ женскій нарядъ. Г. Буслаевъ прекрасно доказываетъ, что самое слово »солнце,« въ первоначальной своей формѣ, было женскаго рода. Это представленіе имѣло связь съ большею непосредственностію человѣка, который силу творческую видѣлъ и признавалъ только въ актѣ рожденія. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ Славянинъ убѣдился, что солнце не само рождаетъ, но что воздѣйствіемъ своихъ лучей оно оплодотворяетъ мать сырую-землю, которая все производитъ изъ своихъ нѣдръ. Тогда-то солнце женскій полъ перемѣнило на мужескій. Такимъ образомъ въ нашихъ преданіяхъ о солнцѣ и мѣсяцѣ уцѣлѣли гораздо древнѣйшія вѣрованія язычества, нежели у западныхъ Славянъ...

Въ такихъ образахъ Славянинъ поклонялся творческой силѣ жизни, которая для живаго существа есть благо, добро, красота. Человѣку естественно чувствовать привязанность къ жизни и страхъ смерти. Обоготворивъ, какъ благо, все связанное съ развитіемъ и жизнію, Славянинъ долженъ былъ инстиктивно отступить съ боязнью отъ всего, что было противно развитію жизни. Это противоположное начало должно было высказаться въ явленіяхъ, совершенно отличныхъ отъ явленій, признанныхъ благими и прекрасными: въ этомъ случаѣ также должна была сказаться внѣшная, физическая природа. Когда скрывается благотворный свѣтъ солнца—наступаетъ темнота: иногда свѣтъ этотъ потемняется и днемъ туманомъ и тучами. Съ элементомъ свѣта сливается элементъ теплоты, отсутствіе котораго производитъ враждебный человѣку холодъ. Мракъ отнимаетъ способность видѣть и различать вѣчную дѣятельность природы; съ нимъ соединяется сонъ, образъ смерти; вѣчная тьма вредна произрастительности. Холодъ убиваетъ развитіе и жизнь во всѣхъ царствахъ природы, если не будетъ отстранено это гибельное вліяніе; онъ вызываетъ человѣка на непріятный трудъ строить жилища, заготовлять пищу и теплую одежду. Человѣкъ долженъ поселиться у домашняго очага. Вотъ почему эти физическія явленія (*мракъ и холодъ*) для Славянина были выраженіемъ силы недоброй, нечистой (*чистый—свѣтлый, очищеніе въ религіозномъ смыслѣ*). Будучи младенцемъ, находясь въ полной власти природы, Славянинъ обоготворилъ и эту силу, какъ высшую, неотвратимую; за темнотою до сихъ поръ остается въ народѣ понятіе чего-то таинственно страшнаго. Такъ возникъ дуализмъ: въ началѣ онъ истекалъ не изъ нравственной основы человѣка, а изъ естественныхъ физическихъ условій и ихъ различнаго воздѣйствія на живой организмъ. Нравственныя основанія приходятъ послѣ и прикрѣпляются уже къ готовымъ положеніямъ дуализма. Первоначально все понимается съ внѣшней матеріальной стороны. У западныхъ Славянъ такой дуализмъ прямо выразился въ божествахъ: Бѣлбогъ (*бѣлый-свѣтлый*) и Чернобогъ. Подобное выраженіе дуализма существовало и у Славянъ восточныхъ, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ географическія названія урочищъ и городищъ, собранныя Ходаковскимъ. У Бѣлоруссовъ преданіе о Бѣлбогѣ сохранилось въ разсказахъ о миѳическомъ лицѣ Бѣлунѣ (*Смот. Приб. къ Жур. М. Н. Пр., 1846 г. кн. I, стр.* 7—

8). Филологія превосходно подтверждаетъ существованіе у Славянъ дуализма. Слова, означающія блескъ и свѣтъ, выражаютъ понятія блага, счастія и красоты, тогда какъ слова, означающія темноту, выражаютъ понятія зла, бѣдствія, безобразія; такъ: красный (*красное солнышко, красная дѣвица, красный молодецъ*), прекрасный, краса, красота; черный—черная душа; черти всегда представляются черными и безобразными. Со свѣтлыми, бѣлыми божествами Славянинъ сознавалъ свое родство, ибо отъ нихъ ниспосылается человѣку жизнь, между тѣмъ какъ боги темные, нечистые все мертвятъ и убиваютъ. Боги свѣта и тепла, какъ представители жизни, были олицетворены народною фантазіею въ юныхъ прекрасныхъ образахъ; съ ними соединялось понятіе о высшей справедливости и благѣ. Во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ »солнце« значитъ счастіе; къ свѣтиламъ дня и ночи обращены всѣ заговоры съ мольбою о помощи. Подобное обращеніе къ солнцу высказывается и въ словахъ Ярославны и въ слѣдующемъ причитаніи, сохранившемся въ устахъ нашего народа:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ,
Пить—ѣсть просятъ.

Напротивъ съ темною и холодною силою природы, съ черными божествами, было соединено все старое, безобразное, злое. Отсюда объясняется и филологическая связь всѣхъ понятій, означающихъ что-либо непріятное или враждебное человѣку, сличи слова: мракъ, мразъ, (*морозъ*), моръ, морена, смерть, мерзость, хмара (*туча*), марать, смрадъ, смердѣть. Главнымъ олицетвореніемъ нечистой силы была Морена (*смерть—отъ моръ, морить*), имя, до сихъ поръ упоминаемое въ малороссійскихъ пѣсняхъ. Понятно, почему смерть на лубочныхъ картинахъ представляется черною и уродливою; почему моры и болѣзни олицетворены народною фантазіею въ безобразныхъ формахъ, почему наконецъ нѣкоторые недуги почитаются испорченностію, насланною при помощи нечистой силы, а животныя, родившіяся съ какимъ-нибудь порокомъ, признаются порожденіемъ той же силы и потому—нечистыми.

Божества свѣтлыя и темныя имѣли свои особенныя жилища, соотвѣтственно своему различному характеру, и находились между собою въ постоянной борьбѣ...

Жилище свѣтлыхъ боговъ, по преданію западныхъ Славянъ, полагается на востокѣ, откуда восходитъ солнце. Здѣсь-то вмѣстѣ съ своимъ родомъ живетъ оно въ чертогахъ и отсюда отправляется гулять по небу. Здѣсь страна вѣчнаго лѣта. Противоположно жилищу свѣтлыхъ боговъ, жилище нечистой силы представляется въ безплодныхъ горахъ, гдѣ царствуютъ вѣчный холодъ и вѣчная тьма. Можно думать не безъ основанія, что язычники полагали страну нечистой силы на западѣ; въ одномъ словѣ Туровскаго сказано: »мука далеко лежитъ на западѣ.« Преданія говорятъ, что лихоманки (*лихорадки*) жили въ снѣжныхъ горахъ, а морозы на лѣто заключались въ желѣзныя горы; всѣ олицетворенія нечистой силы представляются замороженными...

Между божествами свѣта и тьмы, тепла и холода, происходитъ вѣчная нескончаемая борьба, потому что обоготворенныя въ нихъ естественныя явленія не совмѣстны и взаимно другъ друга исключаютъ. У Словаковъ сохранилось слѣдующее знаменательное преданіе: когда солнце выходитъ изъ своихъ чертоговъ гулять по свѣту, то нечистая сила собирается и ожидаетъ его возвращенія, надѣясь захватить нечаянно свѣтило дня и умертвить его. Но при одномъ приближеніи солнца она разбѣгается, чувствуя свое безсиліе. Въ этой эпической формѣ раз-

сказано, какъ первые солнечные лучи, прорѣзавшіе горизонтъ, прогоняютъ мракъ; будто испуганный онъ прячется въ разсѣлины скалъ, бѣжитъ къ подошвамъ горъ и остановливается только въ глубинѣ пещеръ и въ безднахъ, куда не достигаютъ лучи солнца. Каждый день повторяется борьба, и каждый день побѣждаетъ солнце. Въ день святаго Иліи, Перунъ поражаетъ нечистую силу, крестьяне ожидаютъ въ это время дождя и тучь. Такимъ образомъ молнія (*Перунъ*) разбиваетъ тучи, затемняющія небо и благотворныя лучи солнца.... Оттого всякое затмѣніе солнца, особенно во время необыкновенное, почиталось худымъ предзнаменованіемъ. »Погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголятъ невѣгласи снѣдаемо солнце.« Божествамъ свѣтлымъ былъ посвященъ пѣтухъ, предвѣщающій утро; вотъ почему крикъ его былъ страшенъ нечистой силѣ, которая убѣгаетъ тотчасъ, какъ закричитъ пѣтухъ. Дѣятельность нечистой силы соединяется преданіями съ ночью и зимой; напротивъ того свѣтлыя божества любятъ день и лѣто. 9 ноября зима вступаетъ на ноги, нечистая сила выходитъ изъ ада и своимъ выхожденіемъ производитъ холода, мятели, вьюги, оковывающіе природу; отъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ морозы. 12 декабря »солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ.« Начинаются самые сильные холода, истребляющіе сады, огороды и хлѣба: являются простудныя болѣзни, и нечистая сила, вылетающая на бѣлый свѣтъ, связывается съ вѣдьмами, бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ, отъ чего бываетъ трескъ и мятель, морозъ и холодный вѣтеръ. Пятаго января на всѣхъ окнахъ и дверяхъ чертятъ противъ нечистой силы кресты, ходя съ двумя пирогами. Пироги говорятъ о жертвѣ; извѣстно, что жертвы приносились и нечистой силѣ: такъ предъ великимъ днемъ даютъ морозу ложку киселя, чтобы не билъ льну, конопле́й и овса. Нечистая сила любитъ темноту и во время пребыванія своего на землѣ, поселяется въ мрачныхъ лѣсахъ и болотахъ: »въ тихомъ омутѣ (*мутный, темный*) черти водятся.« Всѣ чары, при совершеніи которыхъ призывается нечистая сила, и собираніе чародѣйственныхъ травъ совершаются ночью. Вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ нечистой силы считаютъ начерченый кругъ, какъ знаменіе образа небесныхъ свѣтилъ и ихъ оборота. Обрядъ »опахыванья« состоитъ въ начертаніи около села круга, потому что чрезъ эту черту не можетъ перейдти смерть. И такъ нечистая сила обнимаетъ всѣ явленія смерти, мрака, холода...

Мы разсмотрѣли обожаніе одной стихіи свѣта и связаннаго съ нимъ тепла; но Славяне обожали и другія стихіи: землю, и воздухъ, и воду, которую признавали искони-сущею и изъ которой родилась земля. На все это преданія представляютъ несомнѣнныя доказательства. Эти преданія собраны съ сочиненіи г. Срезневскаго »О богослуженіи языческихъ Славянъ.« Мы припомнимъ только, что преданія наши говорятъ о водяныхъ и морскомъ чудѣ, что Стрибогъ (*Стри* на моравскомъ языкѣ значитъ воздухъ) былъ дѣдъ вѣтровъ, что мать сыра— земля обожалась: къ ней обращался Славянинъ въ августѣ, заговаривая жниву отъ враждебной нечистой силы: »Мать сыра— земля! уйми ты всякую гадину нечистую отъ приворота, оборота и лихаго дѣла« и пр... Земля, воздухъ и вода, какъ стихіи, вліяющія на развитіе жизни обоготворились Славяниномъ, но не могли стать въ основаніе его религіозной системы. Причина та, что главное условіе жизни находится внѣ ихъ— въ элементѣ свѣта и тепла. Только дѣйствіемъ благотворныхъ весеннихъ лучей солнца, земля получаетъ силу производительности, вода сбрасываетъ ледяныя оковы и воздухъ наполняется живи-

тельною теплотою. Съ отсутствіемъ этихъ лучей земля застываетъ, воды сковываются льдами, воздухъ сгущается и начинаются вихри и мятели. Зима мертвитъ природу во всѣхъ ея стихіяхъ, а весна ея возраждаетъ. Оттого основнымъ исходнымъ началомъ славянской религіи былъ элементъ свѣта и тепла; для выраженія этого поклоненія народная фантазія создала столько божественныхъ образовъ. Обоготвореніе другихъ стихій развивалось по мѣрѣ участія ихъ въ творчествѣ и по степени ближайшей или отдаленнѣйшей связи съ свѣтомъ и теплотою. Такъ вѣтры зимніе почитались порожденіемъ нечистой силы, которая бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ. Напротивъ лѣтніе и весенніе вѣтры сопровождаютъ молнію и громъ, прогоняютъ вредныя испаренія и очищаютъ атмосферу, они приносятъ весною семена на землю изъ страны вѣчнаго лѣта; они навѣваютъ въ грудь человѣка любовь; наконецъ ими доносится и молнія, все оплодотворяющая въ природѣ. Дождь и росы по связи перваго съ громомъ, а послѣднихъ съ зарями, получили особенно важное значеніе въ обрядахъ; снѣгу мартовскому приписали благотворную силу и проч. Такимъ образомъ обожаніе свѣта и теплоты проникало всѣ повѣрья и всѣ образы славянскаго язычества.

Стихіи обожались въ началѣ какъ не посредственныя явленія природы; но впослѣдствіи они принимаютъ человѣческіе образы. Такое перенесеніе человѣческой субстанціи на божества было плодомъ долгаго развитія. Нѣкоторыя силы природы не достигли полнаго олицетворенія, что опять указываетъ на неразвитость нашей миѳологіи. Кромѣ указанныхъ выше божествъ, Несторъ упоминаетъ еще о кумірахъ Мокоша и Симаргла (*Сима и Регла*), о которыхъ въ настоящее время нельзя предложить ничего вѣрнаго...

Перейдемъ въ избу Славянина; сюда

перенесъ онъ тоже обожаніе стихійныхъ божествъ. Очагъ, доставлявшій человѣку свѣтъ и тепло, обожался какъ пенатъ, охранявшій домашнее счастіе; съ развитіемъ язычества это божество олицетворено въ дѣдушкѣ домовомъ, что подтверждается обрядомъ при переходѣ на новоселье. Въ Польшѣ домовой называется »Выгорище,« а у Бѣлоруссовъ—»Подпечка.« Въ домовомъ выразилось идеальное представленіе русскаго хозяина, домовладѣтеля. По повѣрью должно отличать своего домоваго отъ чужаго; послѣдній—лихой, тогда какъ первый—добрый. Оттого въ заговорахъ испрашивается защита »отъ чужаго домоваго,« а при переходѣ въ новый домъ перезываютъ съ собою стараго домоваго, чтобы чужой не раззорилъ двора. По связи съ огнемъ домовой живетъ за печкою, и ему приносили въ жертву пѣтуха. Поклоненіе источникамъ и рѣкамъ особенно наглядно выразилось въ образѣ дѣдушки-водянаго, которому былъ посвященъ гусь. Своего водянаго тоже должно отличать отъ чужаго. Преданіе о водяномъ тѣсно связывается съ вѣрованіемъ въ русалокъ и мавокъ. О русалкахъ въ статьѣ г. Соловьева находимъ превосходное изслѣдованіе (*въ Архивѣ Колачова*). Жаль только, что онъ не постарался опредѣлить, что въ данныхъ повѣрьяхъ древнѣйшее и что принадлежитъ позднѣйшимъ олицетвореніямъ. Догматизмъ здѣсь особенно былъ не у мѣста.

(*А. Н. Аѳанасьева. Арх. Колач. II*).

33. О Славянской миѳологіи.

...Дѣло несомнѣнное, что всѣ Славяне въ своихъ языческихъ вѣрованіяхъ вышли изъ одного начала, именно—обожанія видимыхъ силъ природы и признанія единаго небеснаго Бога (*называемаго также Сварогомъ*); но столь же вѣрно и то, что въ дальнѣйшемъ развитіи ми-

ологіи не всѣ они слѣдовали одному пути и не всѣ ушли одинаково далеко. Это развитіе должно было зависѣть отъ обстоятельствъ, и въ особенности отъ того, съ какими народами соприкасалась та или другая славянская вѣтвь... Славяне балтійскіе олицетворяли въ богахъ силы природы; боговъ они изображали въ кумірахъ, кумірамъ воздвигали храмы, для присмотра за храмами и служенія богамъ назначали особыхъ жрецовъ, которые совершали богослуженія по извѣстному чину, съ извѣстными обрядами; наконецъ на содержаніе жрецовъ и на богослуженіе опредѣлили доходы, частію постоянные, частію случайные,—и это іерархическое устройство съ теченіемъ времени, усилилось до такой степени, что князь или воевода (rex) сдѣлался просто исполнителемъ жреческой воли (1)...

До такой крайности богослужебное устройство не достигло нигдѣ у другихъ славянскихъ племенъ. Племена эти не стояли на одинаковой степени въ отношеніи къ господству куміровъ и храмовъ въ ихъ языческой религіи. Русскіе Славяне лишь подъ вліяніемъ Варяговъ пришли къ мысли изображать своихъ боговъ въ истуканахъ, и первые истуканы поставлены были Владиміромъ, княземъ кіевскимъ, на холмѣ Перуну, Хорсу, Дажьбогу и др., и подобнымъ образомъ Добрынею въ Новгородѣ— Перуну надъ Волховомъ рѣкою. Однако, при этомъ же Владимірѣ уже являются на Руси храмы, вѣроятно, имъ же сооруженные, въ которыхъ онъ, по словамъ саги объ Олавѣ Тригвесонѣ, самъ приносилъ жертвы. О другихъ храмахъ на Руси есть только намеки въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ. Еще менѣе находимъ указаній у чешскихъ Славянъ. Въ Краледворской рукописи въ пѣснѣ »Зъ чрьна лѣса« говорится: »Гдѣ батюшка давалъ кормъ (*жертвы*) богамъ, куда онъ хаживалъ къ нимъ на возглашеніе, тамъ порубили всѣ деревья и *разрушили всѣхъ боговъ*.« Козьма Пражскій, по случаю разсказа о княжнѣ Тетѣ, обращается къ своему времени (ум. въ 1125) и говоритъ: »И доселѣ между многими изъ поселянъ, точно между язычниками, иной чтитъ источники или огни, иной обожаетъ лѣса и деревья, либо каменья, иной приноситъ жертвы горамъ или холмамъ, иной кланяется *идоламъ* глухимъ и нѣмымъ, *которые самъ себѣ сдѣлалъ*, моля, чтобы они правили домомъ его и имъ самимъ« (стр. 10). Но эти слова Козьмы относятся, очевидно, только къ домашнимъ, частнымъ божкамъ, которыхъ у Чеховъ называли *Скритками* и *Шетками*, у Русскихъ—домовыми и т. п...

Ни въ одномъ изъ достовѣрныхъ источниковъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы у Чеховъ и Моравянъ были когда-либо общественные, чтимые всенародно, куміры или храмы боговъ языческихъ, какъ Перунъ кіевскій, Святовитъ арконскій и др. Нужно при этомъ взять во вниманіе, что Франки и Нѣмцы уже съ начала IX стол., когда язычество находилось у Чеховъ и Моравянъ въ полной силѣ, стали къ нимъ не однократно вторгаться, и что борьба ихъ съ этими Славянами, равно какъ съ балтійскими, имѣла, кромѣ государственной, также и вѣросповѣдную цѣль, истребленіе у нихъ язычества; и, не смотря на это, въ ихъ лѣтописяхъ мы не находимъ нигдѣ извѣстія, чтобы они встрѣтили или разрушили въ Чешской и Моравской землѣ какой-либо языческій храмъ, какой-либо идолъ...

Какъ на Руси (1), такъ и здѣсь, въ Чехіи и Моравіи, нѣтъ никакаго слѣда

(1) См. Ист. балтійс. Славянъ. *А. Ѳ. Гильфердинга*. М. 1855 г.

(1) Объ-отсутствіи у нашихъ предковъ языческихъ храмовъ и жрецовъ весьма вѣрно разсуждалъ еще *митроп. Платонъ* въ своей »Краткой церков. рос. исторіи.«

особаго сословія, назначеннаго для богослуженія, для исполненія языческихъ обрядовъ, нѣтъ никакаго упоминовенія о жрецахъ. Въ пѣснѣ объ Некланѣ Войміръ самъ, на вершинѣ скалы, зажигаетъ жертву богамъ спасамъ; Забой зоветъ витязя Славоя принести множество жертвъ и т. д. Не забудьте, что пѣснь принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, половинѣ IX в., когда язычество уже вело у Чеховъ отчаянную, предсмертную борьбу за свое существованіе: потому нельзя предполагать, чтобы въ послѣдствіи еще, при самомъ паденіи язычества, Чехи принялись строить храмы и учреждать жреческое сословіе. И такъ, съ полною увѣренностію можно сказать, что чешскіе Славяне никогда не имѣли жрецовъ, а тѣмъ менѣе такихъ, какіе образовались у Славянъ балтійскихъ. Гдѣ не было общественныхъ куміровъ и храмовъ, тамъ не было никакой нужды въ жрецахъ. Въ этомъ-то именно я вижу одну изъ главныхъ причинъ, почему всѣ славянскія племена, за исключеніемъ балтійскихъ, вездѣ свободно и охотно принимали христіанскую вѣру, какъ скоро проповѣдники ея приходили вѣстниками мира, а не съ оружіемъ въ рукѣ. Ибо не было никого, кто бы терялъ отъ принятія новой вѣры, какъ теряли жрецы у балтійскихъ Славянъ, (а также у Пруссовъ и Литвы), которые лишались чрезъ это своихъ доходовъ и богатствъ, своего значенія, словомъ—всего своего существованія, и потому употребляли всевозможныя средства, дабы отвратить отъ себя гибель, подстрѣкали народъ къ сопротивленію, къ кровавымъ и истребительнымъ войнамъ и, не щадя даже мирныхъ проповѣдниковъ евангелія, убивали ихъ и приносили въ жертву своимъ богамъ, вѣрнѣе сказать—своимъ выгодамъ...

Иные предполагаютъ, что двѣ премудрыя дѣвы выученныя вѣщаніямъ, которыхъ изображаетъ древнѣйшая чешская пѣснь о Любушиномъ судѣ, были жрицы, или какія-нибудь другія служительницы языческихъ боговъ... Дѣвы тутъ простыя служительницы суда, *судныя дѣвы*, какъ пѣснь ихъ дѣйствительно называетъ; онѣ тутъ для того, чтобы своею вѣщею мудростью извлечь, въ случаѣ нужды, изъ огня и воды обличеніе виновнаго (*на Судѣ Божіемъ*), дабы, согласно съ этимъ, княжна, съ своими *лехами* и *владыками*, произнесла приговоръ *по закону вѣкожизныхъ боговъ*.«

...Замѣчательнѣйшее и важнѣйшее свидѣтельство находится въ житіи Оттона Бамбергскаго, и относится къ поклоненію *Триглаву* въ Щетинѣ (Stetin). Въ этомъ городѣ было 3 холма; средній и самый высокій былъ посвященъ верховному богу языческому—Триглаву. Жрецы языческіе говорили, что ихъ верховный богъ (истуканъ) для того имѣетъ три головы, дабы знали, что онъ печется о трехъ царствахъ, небесномъ, земномъ и преисподнемъ... По другому извѣстію въ Щетинѣ находились 4 *контины* или храма, и въ одной изъ этихъ континъ, самой лучшей, изукрашенной рѣзьбою и разноцвѣтною живописью всѣмъ на удивленіе, стоялъ истуканъ Триглава, у котораго, говорятъ, головы были посеребрены. При этомъ храмѣ содержался конь Триглавовъ, огромный и необыкновенно тучный, вороной и весьма ретивый. Его не заставляли работать, и ни кто на него не садился, ибо онъ посвященъ божеству; одинъ изъ четырехъ жрецовъ, приставленныхъ при тѣхъ храмахъ, долженъ былъ тщательно ходить за нимъ. Его сѣдло, богато украшенное золотомъ и серебромъ, висѣло въ храмѣ Триглава. Когда хотѣли идти въ поле противъ непріятеля, или отправлялись на грабежъ, то посредствомъ коня гадали объ-успѣхѣ предпріятія. Именно, жрецъ, которому конь былъ порученъ, водилъ его 3 раза черезъ 9 положенныхъ на землѣ копій взадъ и впередъ, и смотрѣлъ, задѣнетъ ли онъ копья

ногами или нѣтъ: удача предвѣщалась тогда, когда копья оставались нетронутыми.

Въ Волинѣ идолъ Триглава былъ золотой и имѣлъ также храмъ, и жрецовъ; на стѣнѣ храма висѣло также сѣдло, которое было очень старо и готово было разрушиться. Какъ Щетинъ имѣлъ свои три освященные холма, въ знакъ мѣстопребыванія здѣсь Триглава, такъ точно и Волинъ, бывшій по свидѣтельству Адама Бременскаго, обширнѣйшимъ и славнѣйшимъ городомъ въ цѣлой Европѣ, имѣлъ у себя три символическихъ предмета; это троякій цвѣтъ моря, окружающаго островъ, именно: зеленый, бѣлый и черный—цвѣтъ неба, земли и преисподней, означающій 3 области Триглава. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что поклоненіе Триглаву волинскому имѣло тотъ же смыслъ, на который указывали жрецы щетинскіе.

У Славянъ балтійскихъ было еще больше кумировъ Триглава. Объ этомъ говоритъ Гельмольдъ (1, 83), и есть ясное свидѣтельство, что эти Славяне, какъ и въ Волинѣ, когда имъ запрещено было поклоненіе Триглаву, скрывали его кумиры въ пещерахъ и дуплахъ, а потомъ опять вынимали ихъ, возвращаясь къ своему богослуженію. Славяне бранибор-скіе тоже почитали триглаваго бога въ главномъ городѣ земли своей, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись Пулкавы подъ 1156 г. (1). И еще въ началѣ XVI в. въ этой землѣ, равно какъ и въ сосѣдней сторонѣ—Мишенской (Meissen), указывали въ различныхъ мѣстахъ каменные истуканы, изъ которыхъ каждый имѣлъ, правда, одну голову, но съ тремя лицами.—Имя горы Триглавъ въ Крайнѣ (Terglou) и названіе, существовавшаго когда-то въ Славоніи, города Троеглава—тоже напоминаютъ бога Триглава, какъ деревенька Тригловъ близъ Грейфенберга въ Поморьѣ...

Сербская пѣсня о Балачкѣ, треглавомъ воеводѣ »Ледяна города Латинскаго,«—чешско-словенское преданіе о стеклянной т. е. ледяной горѣ (подземной области), гдѣ треглавый драконъ держитъ въ плѣну трехъ королевенъ,—чешская сказка, въ которой колдунъ, живущій въ желѣзномъ замкѣ съ тремя желѣзными обручами на тѣлѣ, скрывающій королевну въ воздухѣ, землѣ и водѣ,—и еще многія другія сказанія и повѣсти народныя суть только варіаціи на одну и ту же тему. Этотъ непріятель,—драконъ, желѣзный быкъ, колдунъ, исполинъ (Obr), водяной и т. д. есть лютые морозы, или, по мѣстному положенію, такое дождливое время зимнее, находясь въ которомъ природа, эта дѣвица, стѣснена, угнетена и погружена какъ будто въ смертельный сонъ. А такъ какъ жизнь природы, какъ и трехъ дѣвицъ въ сказаніяхъ, совершается въ трехъ стихіяхъ, въ воздухѣ (на небѣ), на землѣ и въ водѣ (въ преисподней), по этому и зимнее время въ своемъ олицетвореніи является, какъ три врага, три дракона и т. д. Но для означенія единства вещи представляется одинъ треглавый драконъ, трехглавый Балачекъ, колдунъ съ тремя обручами и проч...

Этотъ-то князь смерти и мрака, врагъ природы, настоящій, дѣйствительный *Чернобогъ* находитъ себѣ противника и борца, а природа своего отмстителя и освободителя въ молодомъ, (какъ передается въ народныхъ разсказахъ), ясномъ королевичѣ, въ солнцѣ—*Бѣлбогъ*, который со времени своего новаго нарожденья, т. е. поворота (солоноворота), воюетъ съ этимъ непріятелемъ и наконецъ побѣждаетъ его. А такъ какъ этотъ злой богъ, эта »змѣя лютая,« которую по древнѣйшей чешской пѣснѣ, уничтожилъ Трутъ, является въ трехъ стихіяхъ природы, то и противникъ его, добрый богъ, является часто въ трехъ

(1) Monum. hist. Boh. III, 167.

лицахъ. Противъ триглаваго Чернобога стоитъ триглавый Бѣлбогъ, это—*пресвѣтлое солнце*, къ которому обращается Ярославна въ Словѣ о полку Игоревѣ. Онъ же есть и Триглавъ балтійскихъ Славянъ, высшій языческій богъ ихъ, добраго свойства, который, какъ боецъ, конечно, имѣлъ также своего коня, подобно Святовиту арконскому (орекундскому); только его конь былъ черный, въ знакъ того, что его дѣло совершается зимою, въ желѣзномъ или ледяномъ городѣ, въ подземной области, въ водной стихіи и т. д. Триглавъ добрый былъ, конечно, такимъ же *вѣщимъ* богомъ, какъ и Святовитъ орекундскій, и въ самомъ дѣлѣ, къ нему именно должны относиться предсказанія и гаданія, до нынѣ совершающіяся послѣ солноворота въ рождественскіе святки. Въ это время природа, исторгнутая изъ власти Чернобога и пробужденная къ жизни, скрываетъ уже въ себѣ зародыши всяческихъ плодовъ и даровъ, всяческихъ событій на цѣлый слѣдующій годъ. Тутъ уже напередъ опредѣляется, что должно случиться въ наступающемъ году, и каждому заранѣе опредѣлено, что его ожидаетъ. Человѣкъ, не въ состояніи будучи терпѣливо дожидаться, что ему принесетъ этотъ годъ, хотѣлъ еще заранѣе узнать свою участь, и употреблялъ для этого различные способы, особенно же такіе, которые какъ-нибудь касались Трибога, такъ, какъ бы это божество тѣшилось ими и ихъ одобряло... Замѣчательно, что способъ гаданья, употреблявшійся у балтійскихъ Славянъ, до сихъ поръ еще употребляется русскими дѣвушками, которыя водятъ коня чрезъ оглобли телѣги: если онъ заденетъ за оглоблю, то у дѣвушки будетъ злой суженый, а если нѣтъ, то мужъ ея будетъ добрый и тихій (*Сказ. Сахарова 1, 2, 67*).

Сравнивая щетинскаго Триглава съ орекундскимъ Святовитомъ, мы найдемъ въ нихъ очень много родственнаго, и. ч. въ основаніи того и другаго одно существо—солнце. Но если обратимъ вниманіе на ихъ свойства, выражающіяся въ числѣ главъ, то найдемъ и существенную разницу. Триглавъ, владѣющій воздухомъ, землей и водой, представляется богомъ пространства; напротивъ Святовитъ своими четырьмя главами указываетъ намъ, что онъ—повелитель, не столько четырехъ странъ свѣта, сколько четырехъ частей года, т. е. вообще—богъ времени... Массуди, въ своихъ путешествіяхъ по славянскимъ землямъ, видѣлъ гдѣ-то при морѣ, въ нагорномъ храмѣ, кумиръ этого бога, котораго члены были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней четырехъ родовъ: изъ зеленаго хризолита, изъ краснаго рубина, желтаго карнеола и бѣлаго кристалла, голова же была изъ краснаго золота (320—321). Эти цвѣта суть тѣ же самые и идутъ въ томъ же порядкѣ, какъ цвѣта четырехъ временъ года: зеленый означаетъ весну, красный—лѣто, желтый—осень, бѣлый—зиму, а золотая голова надъ ними—солнце, производящее всѣ годовыя перемѣны (1).

Изъ многихъ сказаній о Триглавѣ—зломъ богѣ, и о побѣдѣ надъ нимъ, обращаетъ на себя вниманіе извѣстная сербская повѣсть о королевичѣ Троянѣ, который не могъ снести солнечнаго свѣта; когда однажды, противъ воли, онъ слишкомъ замѣшкался на своей ночной прогулкѣ, то, не будучи въ состояніи укрыться отъ лучей солнечныхъ, растаялъ. Уже самое имя *Троянъ* (тройной, трое-личный) заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, что и Триглавъ; къ этому присоединимъ еще то, что въ немъ олицетворено зимнее время, мракъ, ледъ и снѣгъ, которые таютъ и изчезаютъ, какъ скоро упадутъ на нихъ лучи солнца... Вмѣстѣ съ

(1) См. Časopis českého Museja. 1849. 170.

ясными днями, которые наступаютъ послѣ солноворота (solstitium), жестокость зимы съ этого времени еще усиливается, и отсюда пошло сказаніе, что солнце борется съ зимою, Бѣлбогъ—съ Чернобогомъ.

Русскому простонародному слову—*солноворотъ* я приравниваю по смыслу старо-чешское имя—*Ситиватъ* (отъ слова sijati, siti—свѣтлый), т. е. поворотъ свѣтила. Самое имя Ситиватъ находимъ въ одномъ актѣ фульдскаго монастыря 874 г. въ мѣстномъ названіи *Zitemorotenstenni (Silivratenstein), Ситиватовъ камень.* Подобнымъ образомъ въ русскихъ лѣтописяхъ находимъ *Корочуновъ камень*—камень бога Крачуна, *Волосовъ камень*—камень бога Велеса; въ Краледворской ркп. также говорится о скалѣ, посвященной богамъ, на вершинѣ которой Войміръ принесъ жертву. По этому справедливо, кажется, можно заключить, что *Sitivratenstein* назывался камень, посвященный богу Ситиврату, солновороту... Вацерадъ (въ XII в.) написалъ надъ текстомъ: Picus, Saturni filius — *Сорока Ситиватовъ сынъ.* По древне-итальянскому сказанію, Picus былъ лѣсной, вѣщій богъ, сынъ Сатурна и отецъ Фавновъ, котораго, говорятъ, Цирцея, за презрѣніе имъ ея любви, превратила въ птицу, названную по немъ *Picus*—сорока, Stracek или Strakopot. По этому-то сорока у древне-итальянскихъ народовъ считалась вѣщею птицей... Существенные признаки, согласно указываемые въ этой птицѣ древними народными преданіями и загадками славянскими, суть ея цвѣта: бѣлый, зеленый и черный (загадка чешск: »Стоитъ въ росѣ, какъ дѣвица, бѣла какъ снѣгъ, зелена какъ дятлина, черна какъ уголь). Это тѣ же самые цвѣта, которые, какъ особенная замѣчательность, были указываемы Адаму Бременскому на островѣ, окружавшемъ Волинъ, и по значенію которыхъ тамъ было мѣстопребываніе Триглава. Такъ какъ Триглавъ, богъ неба, земли и преисподней, или—воздуха, земли и воды, означался тѣми же цвѣтами, которые носитъ и сорока, то по этому самому Славяне-язычники могли почитать эту птицу, какъ явленіе или воплощеніе ихъ высшаго Бога. По этому сорока у нихъ была вѣщей птицей, какъ и самъ Триглавъ, и такъ осталось у нихъ въ народныхъ повѣрьяхъ до сихъ поръ: »сорока стрекочетъ—будутъ гости.« И такъ какъ время борьбы солнца съ морозомъ, этотъ Триглавъ—Бѣлбогъ, является послѣ солноворота, какъ будто онъ отъ солноворота родился, то Ситиватъ—солноворотъ по праву можетъ въ сказаніяхъ славянскихъ называться отцемъ Триглава—Бѣлбога, а слѣдовательно и сорока, какъ воплощенный Триглавъ—есть сынъ Ситиватовъ. Ситиватъ уравнивается съ Сатурномъ и въ томъ, что праздники тому и другому приходились въ одно время года: солноворотъ начинался съ 12 декабря и празднованіе въ честь его было около святокъ, а Сатурналіи совершались 17 декабря.

Саксонскій Сатурнъ, по лѣтописи XI в., назывался въ простомъ народѣ *Krodo*; а Вацерадъ имя *Krt* объясняетъ какъ имя дѣда Радегостова и Радегостомъ называетъ Меркурія, внука Сатурнова, слѣдовательно и онъ признаетъ Кръта за Сатурна. Имя *Krt* издавна, въ до-историческую эпоху, было любимымъ именемъ личнымъ у Чеховъ и Моравовъ... Въ 1591 г. Штельцаръ Желетавскій возставалъ противъ священниковъ, которые не иначе давали имя мальчику 6 января, какъ Krten (Krtenъ, Krtny). Причина, по чему оно приложено къ празднику *Крещенія* господня, которое приходится во время зимняго солноворота, заключается не столько въ случайномъ сходствѣ словъ Krten и *Krsten* (Krten), сколько потому, что слово Krt пришлось теперь въ пору по самому первоначальному своему значенію. Какъ имя народнаго язычес-

каго бога, оно значитъ производителя, *живителя*, виновника свѣта и жизни, а это свойство Ситивратово. Въ Тульской губерніи есть повѣрье, что со дня Крещенья появляется огненный змѣй и навѣщаетъ красныхъ дѣвушекъ. Смыслъ этой аллегоріи, кажется довольно ясенъ: огненный змѣй, появляющійся въ это время, есть солнечный свѣтъ (Ситивратъ, Кръ̀тъ), а красная дѣвица, которую онъ навѣщаетъ каждый годъ,—есть вся земля господня. У западныхъ Славянъ распространено повѣрье объ удивительномъ существѣ домашнемъ, которое также въ родѣ огненнаго змѣя, прилетаетъ черезъ трубу и приноситъ своему хозяеву всякаго хлѣба и другихъ плодовъ земныхъ, а иногда и разныя сокровища. Чешское названіе его Křeť, словенс. Skrat, латышс. Krat... Такимъ образомъ и этотъ огненный змѣй въ основаніи своемъ имѣетъ не что иное, какъ зимній солноворотъ, начало солнечной части года, которая заботливому хозяину приноситъ урожай плодовъ земныхъ и вообще умноженіе имѣнія (1). Это русскій дѣдушка, Домовой, Сусѣдко. Изображался Krt въ маленькихъ бронзовыхъ статуйкахъ величиною съ палецъ, отъ чего Чехи называли его Paleček (Рус. Мальчикъ—съ пальчикъ).

Если въ сл. *Krt* смягчить первый звукъ *k*, переходящій въ *c*, то выдетъ *Crt* (чертъ), изъ зиждителя Бѣлбога—Чернобогъ, существо отрицательное,—какъ тьма есть отрицаніе свѣта, зима отрицаніе лѣта, и эти двѣ противоположности знаменуются словами *Кртъ* и *Чртъ*... Отрицательное свойство Черта и борьба его съ божествомъ свѣта, нигдѣ не выражается съ такой очевидностью, какъ въ славянскихъ преданіяхъ о твореніи міра и о похищеніи съ неба солнца Чертомъ и отнятіе его ангеломъ... Разсказъ о томъ какъ Чертъ плюнулъ на землю, и изъ слюны его родилась сорока, означаетъ, безъ сомнѣнія, что зима, темная половина солноворота, выпустила изъ себя назадъ солнце—тресвѣтлаго владыку воздуха, земли и воды—Триглава. Съ этимъ разсказомъ о сотвореніи сороки изъ слюны Черта, по всему вѣроятію, находится въ связи господствующее между южными Чехами повѣрье, будто эта птица есть Чертъ (а въ Рос. вѣдьма), и отъ того никто не ѣстъ ея мяса.

Чешское и польское преданіе о *Кроκѣ* или *Кракѣ* имѣетъ связь съ языческими вѣрованіями въ Трибога: Кракъ былъ мудрый и справедливый судья и правитель народа, по сказанію Козьмы Пражскаго, имѣлъ трехъ дочерей—прорицательницъ, а по хроникамъ Кадлубка и Богухвала—двухъ сыновей и прекрасную дочь—Ванду (вода), которая посвятила себя богамъ и бросилась въ Вислу. Послѣ нея, говорятъ, правилъ землею воевода съ 12 владыками или судьями. Славяне имѣли понятіе изстари о 12 знакахъ зодіака, который Вацерадъ въ началѣ XIII в. назвалъ *Svor*, а чешскій переводчикъ 1411 г.—*кругомъ звѣринымъ*. Если прибавить къ сл. Svor образовательный слогъ *oh* (напр. пиръ—*пирогъ*), то получимъ названіе *Svaroh*. Именемъ *Сварогъ* языческіе Славяне означали бога небесъ, или точнѣе—бога небеснаго круга, состоящаго изъ 12 знаковъ; а сыномъ этого бога называли *солнце*, которое совершаетъ въ небесномъ кругу обычный ходъ свой. Чешскій Премыслъ, мужъ вѣщей Любуши, дочери Крока, пашущій новину въ 12 шаговъ, есть не что иное, какъ Сварожичъ—солнце, идущее на пути своемъ по 12 знакамъ небеснымъ. Тоже самое значеніе первоначально имѣетъ и польскій воевода, окруженный 12 владыками...

Своръ или кругъ 12 небесныхъ знаковъ дѣлится на двѣ равныя части или

(1) Кладъ также прилетаетъ черезъ трубу и разсыпается деньгами. *См. Зап. рус. Геор. общ. 1867 г. I. 727.*

полукружія, а взаимною связью между ними служатъ зимнее и лѣтнее солнцестоянія: одна половина круга, гдѣ солнце, вновь родившись, идетъ на высоту и побѣждаетъ своихъ противниковъ — тьму и смерть; а другая половина, гдѣ оно снова поникаетъ, склоняется къ своей смерти, уступая побѣду и владычество своему противнику, или говоря проще: одна половина, когда дни прибываютъ, а ночи убываютъ, а другая когда ночи прибываютъ, а дни убываютъ. Такимъ образомъ въ этомъ кругу господствуютъ вмѣстѣ двѣ силы, одна другой противныя, но всегда нераздѣльныя: свѣтъ и тьма, лѣто и зима, жизнь и смерть, Бѣлбогъ и Чернобогъ, Кртъ и Чртъ, добро и зло—безпрестанно слѣдуя одно за другимъ и попеременно побѣждая одно другаго...

Оба эти владыки небеснаго круга, добрый и злой, Бѣлбогъ и Чернобогъ, солнце и противникъ его, являются въ трехъ лицахъ Триглава; троицѣ доброй соотвѣтствуетъ троица злая—Триглаву Бѣлбога—Триглавъ Чернобогъ; троичность эта въ обоихъ случаяхъ знаменуетъ собою троякое владычество: на небѣ, на землѣ и на водѣ. Въ чешско-польской баснѣ о Кракѣ эта троичность является лишь относительно добраго бога: чешскій Кракъ троится въ своихъ дочеряхъ, изъ которыхъ послѣдняя Любуша достигаетъ совершенства отца и судитъ двухъ братьевъ; польскій Кракъ тоже троится въ своихъ дѣтяхъ и младшая дочь Ванда является опять съ троякимъ значеніемъ, ибо называется владычицею неба, земли и воды; сама она переходитъ въ третье, водное царство, бросается въ *воду*, что значитъ и ея имя *Ванда* (1). Во всѣхъ славянскихъ народныхъ сказкахъ изъ трехъ сыновей или дочерей оба старшіе всегда представляются бездарными и негодными, и лишь третій, знаменующій собою владыку водъ, достигаетъ совершенства и заступаетъ собою мѣсто отца: такъ точно изъ воднаго царства, послѣ зимы, ежегодно возникаетъ властелинъ всѣхъ трехъ царствъ, солнце тресвѣтлое, Триглавъ Бѣлбогъ. Изъ всего доселѣ сказаннаго о Кракѣ и его потомствѣ видно, что это чешско-польское преданіе имѣетъ вполнѣ миѳологическое значеніе...

(1) *Шафарика, «Славянс. древн.»* 725.

Въ одной греческой баснѣ о происхожденіи Скиѳовъ разсказывается, что Геркулесъ, угнавъ стада Геріона, пришелъ въ землю, которая названа была потомъ Скиѳскою. Тамъ застигла его зима. Завернувшись въ львиную шкуру свою, онъ заснулъ, а тѣмъ временемъ изчезли кони съ его пастбища. ...Солнце на пути своемъ по 12 значному небесному кругу, въ греческихъ миѳахъ, знаменуется Геркулесомъ и его 12 подвигами, изъ коихъ одинъ состоитъ въ отгнаніи стадъ Геріона и въ его убіеніи. Триглавый Геріонъ есть тоже, что славянскій Триглавъ Чернобогъ, т. е. зимнее время, когда солнце, какъ бы ослабѣвъ и умалившись въ силѣ своей, останавливается. Это—Геркулесъ спитъ, его кони уведены Ехидной, время переходное, состояніе вполовину зимнее (полозмѣи) и въ половину лѣтнее (полдѣвицы). Какъ скоро проходитъ такое время—Геркулесъ пробуждается, возродившись отъ Ехидны, и снова воспринимаетъ свою тройственность (Триглавъ Бѣлбогъ), т. е. производитъ отъ Ехидны троихъ сыновей. Въ третьемъ, младшемъ изъ этихъ сыновей, Скиѳѣ, который напрягаетъ отцовскій лукъ и опоясываетъ его поясъ, обновляется самъ Геркулесъ. Поясомъ геркулесовымъ опять знаменуется небесный кругъ—Зодіакъ, а золотая чашка (символъ солнца), которою покрываются соединенные концы пояса, означаетъ то время, когда солнце находится на пути къ своему возрожденію,—время зимняго солноворота...

Много можно насчитать мѣстъ въ сла-

вянскихъ земляхъ, получившихъ названіе отъ Крака. Нѣмецкіе слово-толкователи объясняютъ сл. *Кракъ* словомъ *карликъ* или малорослый, и въ этомъ объясненіи сходятся съ чешскимъ Краткомъ, уменьшительною формою бога Крета или Кръта, который по происхожденію и по смыслу слова, есть то же, что Кракъ. Богухвалъ считаетъ имя Крака за одно съ польскимъ »kruk« — воронъ, и объясненіе это хотя и безсознательное, оказывается справедливымъ въ томъ отношеніи, что оба эти слова происходятъ отъ одного корня (*крю*), и что въ басняхъ и повѣрьяхъ какъ у Славянъ, такъ и у другихъ одноплеменныхъ народовъ, воронъ дѣйствительно всегда сближается съ новорожденнымъ солнцемъ, славянскимъ Кракомъ. Воронъ приноситъ живую и мертвую воду, подъ которыми разумѣется вода текучая и ледъ; а воскрешающее и оживляющее дѣйствіе выражаетъ собою, конечно, сущность Крака, который изъ зимы рождаетъ лѣто, изъ тьмы свѣтъ, изъ смерти жизнь... И въ греческой миѳологіи воронъ—любимая птица Аполлона, бога солнечнаго, который также посылаетъ его принести себѣ изъ колодца свѣжей, т. е. живой воды. Нѣмецкій Водень, по описанію младшей Эдды, сидитъ на престолѣ, съ двумя волками у ногъ своихъ и съ двумя воронами на плечахъ; про него разсказывается, что онъ ежедневно посылаетъ отъ себя этихъ вороновъ узнавать, что дѣлается на свѣтѣ. По объясненію нѣмецкихъ ученыхъ, волки означаютъ смерть, всегубительное время, а вороны—возрожденіе, новую жизнь. Хотя, можетъ быть, въ этомъ объясненіи есть нѣкоторая изысканность, но въ выводѣ своемъ оно вѣрно. Одно изъ прозвищъ Водена, Solnir или Solfadir, богъ или отецъ зимняго солноворота; а животныя, при немъ находящіяся, опять означаютъ не что иное, какъ, съ одной стороны, минувшую зиму, смерть (волки), а съ другой наступающую жизнь, весну (вороны).

Этотъ же переходъ отъ зимней половины года къ лѣтней, изображаемый въ нѣмецкомъ миѳѣ волкомъ и ворономъ, въ скиѳской баснѣ (греч. извода) является подъ видомъ Ехидны, полузмѣи, полудѣвицы; въ нѣмецкой баснѣ Ехидну замѣняетъ богиня *Гель*, у которой половина лица бѣлаго и половина чернаго. Позднѣйшая басня развила лишь одну черную сторону Гели и сдѣлала изъ нее страшную богиню смерти и преисподней: она пожираетъ людей, питается ихъ мозгомъ. Равнымъ образомъ и древне-итальянскій Янусъ выражаетъ переходное свое значеніе двумя лицами на одной головѣ: на одной сторонѣ старое лицо, а на другой молодое...

И у Славянъ было свое божество, въ которомъ простымъ и естественнымъ образомъ олицетворялся этотъ переходъ зимы въ лѣто. Арабскій писатель X вѣка, Массуди видѣлъ у Славянъ (балтійскихъ?) храмъ на черной горѣ; около храма были чудотворныя воды различныхъ цвѣтовъ и разнаго вкуса, и цѣлебная сила этихъ водъ была всѣмъ вообще извѣстна. Въ этомъ храмѣ находился большой истуканъ представляющій Сатурна въ образѣ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ или разбивалъ могильныя кости мертвыхъ. Подъ правою ногою истукана изображены были разнаго рода муравьи, а подъ лѣвою черные вороны и другія подобныя птицы (1). Черными птицами, вѣроятно, означалось зимнее время, а лѣтними насѣкомыми подъ правою ногою—время лѣтнее, и мы тутъ опять встрѣчаетъ двойное бытіе, зимнее и лѣтнее, черное и свѣтлое, смерть и жизнь,—что вполнѣ соотвѣтствуетъ двуглавому Янусу и двуцвѣтной Гелѣ... Богъ ста-

(1) Mémoires de l'Acad. S. P. burg. V-ème serie, II, 320—1.

рецъ, попирающій въ шествіи своемъ воздушныхъ и земляныхъ животныхъ и разрывающій могилы умершихъ, олицетворяетъ собою всегубительное время: это настоящій Сатурнъ въ позднѣйшемъ смыслѣ этого имени, истинное изображеніе славянскаго бога смерти. Мѣсто его, какъ бога природы, въ кругу годовомъ между зимою и лѣтомъ, соотвѣтствуетъ зимнему солновороту. По всей вѣроятности, имя этого бога—*Корочунъ* (у Карпаторус. *Керечунъ*, сочельникъ — *керечунь вечеръ*; у Болг. и Словенц. *Крачунъ*), который выражаетъ темную сторону времени, а *Кракъ* — свѣтлую; названіе его происходитъ не отъ слова *краткій*—отъ малыхъ зимнихъ дней, а отъ слова *крьти*— творить. По этому *Крачунъ* есть возбудитель творческой дѣятельности, знаменуемой словомъ *Кракъ*, и отецъ Крака или творящаго солнца. У Чеховъ и на Моравѣ, вмѣсто названія Крачуна, богъ смерти означается словомъ *Костомлатъ*, что согласно съ описаніемъ бога Массуди. Такимъ образомъ Крачунъ, какъ отецъ солнца, отождествляется съ Сварогомъ, богомъ небеснаго круга,— только Сварогъ представляетъ собою нераздѣльный цѣлый кругъ, а съ понятіемъ о Крачунѣ связано раздѣленіе круга на двѣ половины, лѣтнюю и зимнюю; Крачунъ есть посредникъ между ними. Въ этомъ же значеніи посредника между зимою и лѣтомъ, между тьмою и свѣтомъ, между смертью и жизнью, и Ситиватъ есть отецъ солнца, слѣдовательно одной и той же самой сущности съ Крачуномъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, что Славяне не имѣли одного имени для означенія зимняго солноворота.

...О Ситиватѣ нѣтъ никакаго указанія, чтобы онъ, подобно Карачуну, съ теченіемъ времени, также получилъ одностороннее значеніе бога смерти; напротивъ онъ, какъ отецъ Триглава Бѣлбога, сталъ богомъ свѣта и жизни, и вполнѣ принялъ значеніе древне-итальянскаго свѣтлаго бога Сатурна. Въ этомъ смыслѣ Ситиватъ представляетъ тожество съ Кртомъ или Кракомъ; это божество новорожденнаго солнца, Сварожича и, будучи властителемъ воздуха, земли и воды, *тресвѣтлымъ солнцемъ*, облекается въ образы Триглава Бѣлбога, трехцвѣтной сороки (сына Ситиватова), трехъ дѣтей краковыхъ и т. д.

Все сказанное нами о миѳологическомъ значеніи лѣтняго годоваго полукружія, можетъ быть отнесено, въ обратномъ или отрицательномъ смыслѣ, и къ зимнему полукружію. По относительно этихъ явленій славянская миѳологія, сравнительно съ предыдущимъ, гораздо бѣднѣе и уступаетъ миѳологіи другихъ народовъ, напр. нѣмецкихъ. Отъ лѣтняго солнцестоянія родится царь смерти и тьмы: Чернобогъ, Чертъ, Змій, Водникъ и т. д.; онъ начинаетъ бороться съ богомъ свѣта; онъ причиняетъ общее умаленіе свѣта какъ физическаго, такъ и нравственнаго; онъ приводитъ съ собою злой вѣкъ. За тѣмъ этотъ богъ вытѣсняетъ добраго бога изъ трехъ его царствъ, самъ становится тройнымъ богомъ, облекается въ образы Триглава–Чернобога, триглаваго Балачка или Змія, въ образъ Чернокнижника съ тремя желѣзными обручами вокругъ себя и т. д., и окончательно одолѣваетъ Бѣлбога.

(Изъ статьи Карла Яромира Ербена. Рус. Бес. 1857, IV, 11. 71—128).

Г. Ербенъ, одинъ изъ лучшихъ представителей чешской словесности и науки: онъ и поэтъ, и изслѣдователь народной старины, и трудолюбивый издатель историческихъ документовъ.

34. Богослужебные обряды Славянъ-язычниковъ.

Чувствуя силу природы, Славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ боже-

ство и по ея дѣйствіямъ, были ли они благодѣтельны для него или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ.

Особенно было распространено поклоненіе божествамъ воды и огня. Славяне, поклоняясь водянымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п., очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою, приносили водянымъ божествамъ въ жертву цвѣточные вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ, какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судіями. Водянымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностью можно заключить, что святилищами служенія водянымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ, священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила учавствовала при сотвореніи міра. Огонь, какъ первозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ, очищенія и гаданія. Ему молились на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, человѣку не ясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы: Коляда и Купало; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ: четвергъ и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и по этому не могли не быть почитаемы, какъ священныя мѣста богослуженія. »Не нарицайте себѣ бога въ камнѣ,« говорилъ русскій проповѣдникъ XII стол. Кириллъ, увѣщевая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. Божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее; и вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполинахъ и проч.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали Славяне и сохранили отчасти до нынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ Славянъ.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ, и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благости божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло по

вѣрованію Славянъ жизнію каждаго человѣка. Славяне вѣровали въ двѣ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ роженицами, и разсказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу, которая предсказываетъ ему судьбу его. Русскіе Славяне вѣрили также въ эти существа, называя ихъ *рожаницами*. »Молятся и роду и рожаницамъ,« говоритъ одинъ христіанскій обличитель языческихъ вѣрованій. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Русскіе говорятъ: »чему быть, тому не миновать; суженаго конемъ не объѣдешь« или, какъ выражались прежде: »ни хитру, ни горазду суда божія не минути.« Сербы говорятъ: отъ божіей воли нельзя никуда уйдти. Славяне вѣрили, что боги и въ милости и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленій, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждать ли ему удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у Славянъ. »Вѣруемъ,« говоритъ Кириллъ, »въ дятловъ, въ воронъ и синицъ. Когда идемъ куда и если которая впереди заиграетъ, то мы останавливаемся и слушаемъ: правая ли играетъ или лѣвая? если играетъ по нашей мысли, то мы говоримъ себѣ: добро намъ эта птица, доброе предвѣщаетъ она намъ. Если что на дорогѣ случится дурного, то говоримъ окружающимъ насъ: а что не воротиться ли? Когда отправляемся куда, заходимъ къ волхвамъ, вѣруемъ въ нихъ,— въ встрѣчу, а когда идемъ въ долгій путь, мы слушаемъ птицу!«

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва,—все—и жизнь, и счастіе, и несчастіе человѣка; богами насылались бѣдствія подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр. О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства и въ свидѣтельствахъ современниковъ, и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Сожженіе мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещей, но животныхъ и людей, или же погребеніе съ мертвыми всего, что было ими любимо въ жизни, предполагаютъ, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали бы пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселые пиры: ихъ бы не могло быть, если бы у остававшихся въ живыхъ не было надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни. Славяне представляли себѣ рай чудеснымъ садомъ, и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ разсказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ, — садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю, — жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и таже участь, что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своей неправотою. Славяне боялись мукъ въ неугасаемомъ огнѣ пекла, вѣрованіе въ которое, вмѣстѣ съ самимъ словомъ, принадлежитъ до сихъ поръ большей части Славянъ. Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ

злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Не смотря впрочемъ на эти опасенія Славянина–язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощеніе за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія, она оживлялась мыслію о благости боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ поминовенія, молитвами и жертвами другихъ. Служеніе богамъ совершалось или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, не рѣдко дуплистымъ, такъ, что иногда мѣсто святилища было отгорожено копьями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви, или около куста, или же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

Въ мѣстахъ освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицемъ самаго божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, молельщики выражали свое благоговеніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленныя. Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ молитвъ славословія дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Въ русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранился припѣвъ: »слава Богу на небѣ, слава!« Въ южно-русскихъ пѣсняхъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ: »славенъ есь, гей, славенъ есь, нашъ милый Боже, на высокости!« или: »благословенъ еси, Господь, благословивъ сыновъ своихъ.« Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ пѣсни »за славу божію.« У Хорватовъ сохранилась славословная пѣсня въ честь бога Ладо: »Лепи Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушаі насъ, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наша кланьямо ти! Ладо, слушаі насъ, Ладо!« Въ молитвахъ просительныхъ, Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое житье, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторяются и до сихъ поръ разныя пожеланія, обращенныя къ Богу. Въ русскихъ пѣсняхъ слышны: »дай Боже« или »роди Боже!« напр: »Дай, дай, Боже, тебѣ хозяину съ борзыхъ коней сыновей женить,— дай, дай, Боже, тебѣ хозяюшкѣ съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать«, или: »Роди, Боже, жито, пшеницу, усяку пашницю, у поли ядро, а въ доми добро.« Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: »Подуй же, подуй, Господи, и съ духомъ святымъ по землѣ.« Въ польскихъ колядкахъ поется: »чтобы водилась пшеница и горохъ во дворѣ, въ избѣ, дай тебѣ, Господи, Боже!« Словаки припѣваютъ въ колядкахъ: »дай, Боже, счастья, дай, Боже, долю!« или: »пусть васъ панъ Богъ обогатитъ!« или: »сіяй, сіяй, Боже!« Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянинъ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣяніе и помощь во всѣхъ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Молитвы пѣлись, хоть и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ чешскихъ пѣсняхъ »возглашать любимыя слова« (hlasati milich slov) и просто »возглашать« (hlasati) значитъ

молиться; вотъ почему тамъ же читаемъ, что Войміръ, обращаясь къ богамъ, »воскликнулъ со скалы« (vzuolas skali). »Не слѣдуетъ христіанамъ совершать бѣсовскія игры,« говоритъ одинъ обличитель остатковъ язычества у Русскихъ, »плясьбу, гудьбу, пѣсни бѣсовскія и жертвы идольскія.« Вообще пѣніе было принадлежностью языческой религіи Славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что »пѣвца добра милуютъ боги« и что пѣвецъ Баянъ былъ внукомъ бога солнца Велеса.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшащемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго. Возношенія чаще всего были огнемъ и яствами. Обычай разложенія огня сохранился до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несовсѣмъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды или новогодія и въ праздникъ Купалы или Креса въ половинѣ года. Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію лѣтописцевъ, пламя возношенія горѣло постоянно: »ему какъ Богу жертву приносили и огонь неугасающій съ дубоваго дерева непрестанно палили.« Возношенія яствами были также обыкновенны: »ты, Перунище, до сыта ѣлъ и пилъ, а теперь плыви дальше,« говорилъ Перуну одинъ изъ его прежнихъ почитателей. »Кладутъ имъ требы, короваи имъ ломятъ, моленое то брашно даютъ и ядятъ, ставятъ кумірамъ трапезы котѣйныя,« сообщаетъ одно обличительное русское слово. У балтійскихъ Славянъ на островѣ Ранѣ (Рюгенѣ) былъ такой обычай: пекли пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ: видятъ ли они его. Когда они говорили, что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастію народа и обилію слѣдующей жатвы. Этотъ обычай до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На щедрый или богатый вечеръ (31 декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладономъ, проситъ мужа исполнить законъ. Отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за кучей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: »де жь нашъ батько?« онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: »Хиба-жь вы мене не бачите!« — и на отзывъ ихъ: »не бачимо тату!« говоритъ имъ: »дай же, Боже, щобъ и на той рикъ не побачили!« Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ. Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Жертвы закланія возносимы были ежегодно

въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Что должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ гаданіемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напримѣръ: быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвъ совершались гаданія, и при этомъ жрецъ для того, чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ (*у балтійскихъ Славянъ*). По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо какъ яства на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. Видно также, что жертвы могли приноситься и злому богу, враждебному людямъ или же тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Во всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двоякій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ-нибудь большимъ. Жертвы сожженія имѣли преимущественно характеръ дара богамъ; они были вообще въ большомъ обычаѣ у Славянъ. Самое слово жертва или жаризна, происходитъ отъ *жрети*—сожигать. Было у Славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у Русскихъ, Поляковъ и балтійскихъ Славянъ; можно догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ славянскимъ народамъ. »Русскіе во время язычества,« говоритъ ихъ лѣтописецъ, »приводили дочерей своихъ и сыновей, приносили жертвы бѣсамъ, оскверняли землю требами своими и осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ.«

Гаданія составляли столь же необходимую принадлежность богослуженія славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою: раскрыть ему свою волю и его будущее, подать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, оградить его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее. Гадая о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество, во 1-хъ о томъ, быть ли чему или не быть, дѣлать ли ему что или не дѣлать, — во 2-хъ о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то и было гаданьемъ по жребію. Распространенное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа славянскаго очень важную часть суевѣрій. Гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось по нынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ деревняхъ на мірской сходкѣ по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ избирали по жребію жениховъ для дѣвушекъ, и старожилы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали

съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно *Судъ божій*. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребій имѣлъ религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя: походы и битвы, сухопутные и морскіе; гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ.

(Святилища и обряды языч. богослуж. древн. Славянъ, И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1846. Спб. 1848 г.).

35. Распространеніе христіанства.

Послѣ Новгорода святитель Михаилъ посѣтилъ (въ 991) съ своею проповѣдію область ростовскую, сопровождаемый четырьмя епископами, Добрынею и Анастасомъ. Ревностные благовѣстники крестили здѣсь безчисленное множество людей, воздвигли многія церкви, рукоположили пресвитеровъ и діаконовъ, устроили клиръ, но не искоренили язычества. Въ самомъ Ростовѣ, куда въ слѣдующемъ году поставленъ былъ особый епископъ Ѳеодоръ, многіе еще не принимали крещенія и были столько упорны и непріязненны къ архипастырю, что онъ, изнемогши въ борьбѣ съ ихъ злобою, нашелся вынужденнымъ покинуть Ростовъ и скончался, вѣроятно въ Суздалѣ, гдѣ доселѣ почиваютъ его св. мощи. Преемникъ Ѳеодора Иларіонъ, прибывшій изъ Константинополя, такъ же послѣ напрасныхъ усилій покорить упорныхъ вѣрѣ, оставилъ каѳедру и возвратился въ отечество. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно допустить, что въ это время явился въ Ростовѣ съ проповѣдію св. Авраамій ростовскій. Въ житіи его, которое встрѣчается въ разныхъ спискахъ, ясно говорится, что онъ дѣйствовалъ въ Ростовѣ во дни ростовскаго князя Бориса, когда въ Ростовѣ были еще какіе-то низшіе *князи*, какъ бывало и въ другихъ городахъ при началѣ Русскаго государства; дѣйствовалъ при первомъ ростовскомъ епископѣ Ѳеодорѣ и преемникѣ его Иларіонѣ и имѣлъ сношеніе съ самимъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ; говорится также, что когда Авраамій поселился близъ Ростова, тамъ еще цѣлый конецъ Чудскій поклонялся каменному идолу Велесу, и что преподобный, съ помощію явившагося ему Іоанна Богослова, сокрушилъ этого идола, и хотя много потерпѣлъ отъ невѣрныхъ, но своими молитвами, наставленіями, терпѣніемъ и благоразуміемъ мало-помалу привлекъ всѣхъ ихъ ко Христу отъ мала до велика. Правда, въ настоящемъ житіи Авраамія встрѣчаются значительныя несообразности, которыя и расположили нѣкоторыхъ относить время подвиговъ его то къ первой, то даже ко второй половинѣ XII вѣка.... Но не трудно понять, какъ могли вкрасться въ житіе Авраамія несообразности: оно составлено, судя по содержанію его, послѣ прославленія преподобнаго, т. е. послѣ открытія мощей его, которое послѣдовало уже во дни великаго князя владимірскаго Всеволода Юрьевича, внука Мономахова (1176—1212)....

Считая только болѣе вѣроятнымъ, а отнюдь не несомнѣннымъ, что Авраамій жилъ при самомъ началѣ у насъ христіанства, мы должны допустить, или онъ обратилъ къ св. вѣрѣ не всѣхъ жителей Ростова, или многіе изъ нихъ вскорѣ снова впали въ язычество: потому что, во второй половинѣ XI вѣка, третьему ростовскому епископу Леонтію пришлось еще много бороться здѣсь съ закоренѣлыми язычниками....

Св. Леонтій еп. ростовскій былъ, по выраженію св. Симона, еп. владимірскаго—*первопрестольникъ* въ томъ смыслѣ, что первый изъ кіевопечерскихъ иноковъ возведенъ былъ на епископскій престолъ; слѣдовательно возведенъ не позже 1051 г., когда удостоился епископскаго сана и вторый изъ постриженниковъ преп. Антонія—Иларіонъ, митрополитъ кіевскій (1). Прибывъ въ Ростовъ, Леонтій хотя еще нашелъ въ немъ слѣды христіанства послѣ первыхъ двухъ ростовскихъ епископовъ Ѳеодора и Иларіона, которые впрочемъ вынуждены были удалиться изъ города отъ гоненія язычниковъ и особенно послѣ св. Авраамія ростовскаго, успѣвшаго крестить многихъ изъ нихъ, и даже основать близъ города монастырь, но нашелъ также глубокіе слѣды язычества,—почему прежде всего рѣшился на подвигъ апостольскій. Чтобы успѣшнѣе достигнуть цѣли, святитель, благовѣствуя всѣмъ, но встрѣчая упорное противленіе со стороны старцевъ и мужей, обратилъ особенное вниманіе на дѣтей, собиралъ ихъ въ церковь, самъ наставлялъ въ истинахъ спасительной вѣры и крестилъ. Закоренѣлые въ язычествѣ родители тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ устремлялись на него и подвергали его мученіямъ и побоямъ; но мученикъ христовъ не ослабѣвалъ въ своемъ трудѣ, пока не просвѣтилъ вѣрою самыхъ своихъ враговъ. Однажды, когда они съ оружіемъ и дреколіемъ собрались вокругъ церкви, гдѣ онъ поучалъ дѣтей, положили между собою не только изгнать его изъ города, но и умертвить,—Леонтій, облекшись во всѣ святительскія одежды, съ крестомъ въ рукахъ и сопутствуемый освященнымъ соборомъ также въ полномъ облаченіи—явился предъ ними, и язычники, пораженные

(1) Житіе Леонтія ростовс. въ Правосл. Собес. 1858. I. 297. 420.

чуднымъ видѣніемъ, повергнулись всѣ на землю, какъ бы мертвые. Леонтій простеръ къ нимъ слово, исполненное духа и силы: они увѣровали во Христа и крестились. Съ того времени своимъ ученіемъ и чудесами Леонтій привлекъ ко Христу всѣхъ жителей Ростова, и хотя скончался въ мирѣ (прежде 1077 г.), но тѣмъ не менѣе заслужилъ вѣнецъ мученическій, вслѣдъ за двумя Варягами, пострадавшими у насъ еще прежде за имя христово. Мощи святителя обрѣтены нетлѣнными въ 1164 г., мая 23 и почиваютъ въ ростовской соборной церкви.

Св. Исаія, епископъ ростовскій, родился въ области кіевской; принялъ постриженіе въ Печерскомъ монастырѣ во дни преп. Антонія и Ѳеодосія; за высокіе подвиги благочестія избранъ (въ 1062 г.) во игумена, устроеннаго великимъ княземъ Изяславомъ Дмитріевскаго монастыря, а потомъ (въ 1077 г.) возведенъ на каѳедру ростовской епархіи. Здѣсь ожидали святителя великіе труды: въ самомъ Ростовѣ были христіане, большею частію только новопросвѣщенные, которыхъ надлежало утверждать въ вѣрѣ и укрѣплять; а въ предѣлахъ епархіи ростовской находилось еще весьма много язычниковъ. И св. Исаія, ревностно назидая словомъ спасенія жителей Ростова, обтекалъ прочіе грады и веси области ростовской и суздальской, невѣрныхъ увѣщевалъ вѣровать во св. Троицу и крестилъ, а вѣрныхъ убѣждалъ быть твердыми и не поколебимыми въ вѣрѣ; гдѣ находилъ идоловъ, предавалъ ихъ огню, и сопутствуя себѣ дѣлами милосердія, повсюду привлекалъ къ себѣ сердца своихъ духовныхъ чадъ. Этотъ благовѣстникъ, котораго еще при жизни Господь удостоилъ дара чудотвореній, окончательно насадилъ христіанство въ ростовскомъ краѣ и, по смерти своей (въ 1090 г.), къ концу XI в. чтимъ уже былъ своею паствою въ ликѣ святыхъ. Нетлѣнныя мощи его обрѣтены въ 1164 г. мая

23, и почиваютъ въ ростовской соборной церкви.

Кромѣ Ростова и ростовской области, св. церковь распространилась въ этотъ періодъ еще въ Муромѣ, въ странѣ Вятичей и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ нашего отечества въ сѣверу и юго-востоку.

Просвѣтителемъ Мурома былъ св. благовѣрный князь муромскій Константинъ (1). Въ житіи его, которое одно сохранило намъ преданія объ этомъ событіи, говорится, что послѣ перваго муромскаго князя, св. мученика Глѣба, который не успѣлъ насадить въ Муромѣ христіанство частію по сопротивленію жителей, а частію и по краткости своего здѣсь пребыванія, Муромцы оставались язычниками до тѣхъ поръ, пока другой благовѣрный князь Константинъ Святославичъ не испросилъ у отца своего въ удѣлъ себѣ Мурома, желая не только господствовать въ немъ, но и просвѣтить его св. вѣрою. Святославъ долго не соглашался на просьбу сына, опасаясь, чтобы невѣрные не умертвили его, или не прогнали отъ себя. Наконецъ согласился, и отпустилъ съ нимъ жену его Ирину и чадъ Михаила и Ѳеодора, такъ же нужное число духовенства, воеводъ, воиновъ и другихъ людей, съ ихъ семействами и имуществами. Приближаясь къ Мурому, Константинъ послалъ напередъ сына своего Михаила съ нѣсколькими людьми для убѣжденія Муромцевъ покориться отцу его безъ кровопролитія. Но упорные и коварные язычники умертвили посланнаго имъ князя, выбросили тѣло его вонъ изъ города. Тогда Константинъ приступилъ къ Мурому съ войскомъ. Муромцы хотѣли сначала сразиться съ нимъ, потомъ заключились въ городѣ и выслали сказать князю, что они согласны принять его къ себѣ на княженье, но не желаютъ принимать новой вѣры. Константинъ вошелъ въ городъ, утвердился въ немъ со всѣми своими спутниками и началъ строить церкви. Первая, построенная имъ церковь, въ которой онъ положилъ и тѣло убіеннаго сына своего Михаила, была церковь во имя Благовѣщенія пресв. Богородицы; вторая —во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Объ обращеніи Муромцевъ князь усердно молился Богу и въ то же время призывалъ къ себѣ старѣйшинъ города, бесѣдовалъ съ ними о вѣрѣ, убѣждалъ ихъ принять св. крещеніе, то ласками, то дарами, то обѣщаніемъ различныхъ льготъ для жителей; но все напрасно. Язычники враждовали за это на князя, и однажды, положивъ между собою клятву убить его или изгнать изъ города, собрались всѣ съ оружіемъ и дреколіемъ ко двору княжескому. Христіане устрашились и нѣкоторые, заключившись въ домахъ своихъ, стали приготовлять оружіе; но благов. князь Константинъ, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, духовенствомъ и многими другими христіанами, обратился съ молитвою къ Богу. По окончаніи молитвы одинъ, съ иконою пресв. Богородицы въ рукахъ, явился предъ безчисленнымъ сборищемъ бунтовщиковъ, и язычники, пораженные ужасомъ, пали всѣ на землю и единогласно просили себѣ крещенія. Обрадованный князь, воздавъ благодареніе Господу и Его пречистой Матери, повелѣлъ въ опредѣленный день всѣмъ невѣрнымъ явиться на рѣку Оку, и тамъ совершилось торжественно крещеніе Муромцевъ точно такъ же, какъ совершилось нѣкогда крещеніе Кіевлянъ въ Днѣпрѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ благов. князь Константинъ скончался и погребенъ вмѣстѣ съ дѣтьми своими Михаиломъ и Ѳеодоромъ въ первосозданной имъ Благовѣщенской церкви. Св. мощи ихъ открыты въ 1533 г. и

(1) Вообще вся эта статья преосв. Макарія составлена на основаніи житій святыхъ позднаго состава, и содержаніе ея нельзя считать совершенно достовѣрнымъ.

почиваютъ въ одной изъ ракъ въ муромскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

(Ист. Рус. Цер. преосв. Макарія I, 6—9. II, 15—19).

36. О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи.

Славяно-русское язычество еще не успѣло совершенно развиться, когда начала распространяться въ Россіи христіанская вѣра. Оно застигнуто было послѣднею на переходной степени отъ непосредственнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы къ олицетворенію этихъ силъ и явленій, въ образахъ личныхъ божествъ, отъ первичнаго домашняго служенія богамъ,—къ служенію имъ общественному съ храмами, опредѣленною обрядностію и сословіемъ жрецовъ.

Славянинъ успѣлъ выработать въ сознаніи своемъ образы, личности только для низшихъ боговъ, олицетворявшихъ русскую природу съ ея широкими рѣками и непроглядными лѣсами, водяныхъ, русалокъ и лѣшихъ, также для домовыхъ, божествъ семьи и домашняго крова. Эти только божества являются намъ съ рѣзко обрисованными личностями, съ вполнѣ развитою личною жизнію. Имена высшихъ божествъ—Сварога, Перуна, Дажбога—не возбуждаютъ въ умѣ никакого опредѣленнаго представленія. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ ихъ характерѣ, ни объ ихъ личной жизни; въ народѣ они совершенно забыты. Если ясность и подробность, съ какими въ народѣ хранится память о низшихъ богахъ, показываютъ удивительную живучесть вѣрованія, даютъ право заключать о древности и большемъ развитіи этого вѣрованія въ язычествѣ; то наоборотъ забвеніе высшихъ божествъ обнаруживаетъ, что вѣра въ нихъ была сравнительно молода, не успѣла пустить крѣпкихъ корней въ сознаніи народа. Такъ по наружному виду дерева можно догадываться о глубинѣ и крѣпости его корней. Созданіе личностей для высшихъ божествъ требовало большаго отвлеченія, мало доступнаго для дѣтской фантазіи и мысли народа

За областью поэтическихъ сказаній о лѣшихъ, водяныхъ, русалкахъ, домовыхъ открывается первобытное поле непосредственнаго служенія предметамъ и явленіямъ природы. »Можно положительно сказать, говоритъ г. Шеппингъ въ своихъ очеркахъ славяно-русской миѳологіи, что имена и личности божествъ играютъ самую второстепенную роль въ нашей русской миѳологіи. Обоготвореніе же природы и жизни во всѣхъ ихъ многоразличныхъ проявленіяхъ,—вотъ главнѣйшая основа всѣхъ вѣрованій нашего язычества. Пѣсни, загадки, пословицы и изреченія всякаго рода, обычныя сравненія и качественные эпитеты носятъ еще доселѣ въ языкѣ нашемъ глубокіе слѣды этого наблюдательнаго благоговѣнія человѣка передъ вѣчными законами природы и жизни.«

Въ сохранившихся доселѣ остаткахъ языческаго богослуженія непосредственное поклоненіе природѣ видимо преобладаетъ надъ олицетвореніями этихъ предметовъ, надъ аллегорическою обрядностію, изъ которой въ развитыхъ вѣрахъ древняго міра выродились, такъ называемыя, языческія мистеріи. Жертвы и молитвы относились непосредственно къ солнцу, лунѣ, звѣздамъ, огню, дереву и т. д. Олицетворенія носятъ еще первичный, наивный характеръ; вотъ народъ нарядилъ въ сарафанъ или зипунъ первый снопъ и представилъ его ликующимъ имянинникомъ; вотъ топятъ соломенную чучелу зимы, составляется хороводъ около троицкой березки—Лады, является на улицѣ комическій старикъ-представитель Ярилы или съ гамомъ ѣдетъ на дровняхъ пьяная ма-

сляница съ полштофомъ въ рукахъ. Съ другой стороны, всѣ подобные обряды измѣняются по мѣсту, времени, по расположенію духа толпы, зависятъ отъ произвола; они еще не успѣли окаменѣть, сдѣлаться условными, постоянными и необходимыми, чѣмъ отличаются обряды вполнѣ опредѣлившейся вѣры. Въ одномъ напримѣръ мѣстѣ весенній хороводъ кружится около березки, въ другомъ около разряженной чучелы, въ третьемъ около дѣвушки. Одинъ и тотъ же предметъ празднованія выражается въ различныхъ образахъ въ началѣ, срединѣ и концѣ праздника. Все это показываетъ, что богослуженіе только лишь стало освобождаться отъ своего первичнаго, непосредственнаго характера, допускало произволъ, зависѣло отъ временнаго, случайнаго удобства и вдохновенія.

Очень естественно, что у нашихъ предковъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ; это, кажется, нужно почитать вполнѣ доказаннымъ положеніемъ нашей исторіи. Храмы и жрецы являются съ развитіемъ общественнаго богослуженія. Но у насъ самая жизнь въ языческое время не развилась до общественности. Когда каждый жилъ замкнуто съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ, то необходимо преобладало домашнее богослуженіе. Каждая семья молилась отдѣльно; жрецомъ былъ большакъ семейства; изба была самымъ обычнымъ храмомъ. Вотъ почему въ нашей миѳологіи болѣе всего развитъ миѳъ о домовомъ, вотъ почему также гораздо болѣе сохранилось у насъ языческихъ обрядовъ зимняго, чѣмъ лѣтняго полугодія; зима проводится въ избѣ, среди семьи; лѣтомъ крестьянинъ живетъ въ полѣ. Семейственность составляетъ самую отличительную черту русскаго язычества. Общественное богослуженіе было еще въ зародышѣ. Нѣсколько семействъ, даже деревень собирались на игрище »межи селы« и совершали здѣсь свои обрядовыя игры и пиры. Эти сборища стали пріурочиваться къ опредѣленнымъ мѣстамъ, рѣкѣ, озеру, лѣсу и пр. и наложили на послѣднія печать особенной святыни. Явились боголѣсья, священныя дубровы, камни, криницы, ручьи и озера, которыя доселѣ пользуются суевѣрнымъ почтеніемъ. Всѣ подобныя водныя, лѣсныя, горныя урочища несомнѣнно были колыбелью общественнаго богослуженія; при дальнѣйшемъ развитіи язычества мы увидѣли бы на нихъ языческіе храмы. Наиболѣе замѣчательными начатками опредѣленныхъ мѣстъ богослуженія, начатками храмовъ, служатъ городища.

Кто же совершалъ богослуженіе, когда семьи собирались вмѣстѣ, когда въ общемъ собраніи ихъ терялось значеніе частныхъ большаковъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ русскій хороводъ, обрядовыя игры и русская братчина; въ богослуженіи общественномъ участвовали всѣ одинаково. Только въ немногихъ случаяхъ нуженъ былъ представитель общины: когда напримѣръ нужно было завести пѣсню, руководить хороводомъ или игрою, распорядиться общественными приношеніями или пиромъ. Тогда выступало выборное начало. Выборъ обыкновенно падалъ или на дѣвушку или на старца патріарха селенія, главаря, большака цѣлой общины. Это были жрецы тоже, если можно такъ выразиться, въ зародышѣ. Такое же значеніе имѣли при общественномъ богослуженіи пѣвцы, гудцы и прегудницы, гусляры, плясцы и т. п. люди, которые во времена христіанскія извѣстны подъ именемъ *скомороховъ* (*Времен. кн.* XX).

Болѣе всѣхъ этихъ представителей общины жреческій характеръ выразился въ классѣ волхвовъ, вѣдуновъ и вѣдьмъ, которые служили переходною ступенью къ образованію настоящаго жреческаго класса. Каждая вѣра, какъ бы она ни была въ началѣ жизненна и свободна въ своихъ проявленіяхъ, вслѣдствіе односторонне-благовѣйнаго отношенія къ ней людей,

закаменѣваетъ въ своихъ формахъ и низводится въ обрядность все болѣе и болѣе, по мѣрѣ продолжительности своего существованія. Священное дѣйствіе, въ началѣ свободное, основанное на движеніи благочестиваго чувства одного лица, обращается въ обязательный обрядъ. Благочестивая пѣснь, излившаяся изъ сердца одного вѣрующаго, естественное обращеніе его къ божеству съ словами молитвы превращаются наконецъ въ такую молитву, изъ которой слова не выкинешь, въ заговоръ и заклятіе. Въ самыхъ словахъ, въ ихъ томъ или другомъ сочетаніи поставляется сила молитвы, преклоняющая боговъ къ милости и исполненію желанія. Чѣмъ дальше идетъ развитіе общественнаго богослуженія, тѣмъ болѣе развивается эта обрядность его. Не всякій, даже старецъ, можетъ уже прочитать молитву, употребить именно тѣ слова, какія нужно, и въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ опредѣлено; не всякій способенъ выполнить и всѣ подробности обрядоваго дѣйствія. Все это можетъ сдѣлать только человѣкъ, исключительно посвятившій себя свящ. вѣдѣнію—вѣдунъ, волхвъ. Ему извѣстны всѣ тайны вѣры и его призываютъ на помощь во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, гдѣ недостаточною кажется обыкновенная молитва. Но волхвъ все-таки далеко не жрецъ. Чтобы получить послѣднее значеніе, ему нужно сдѣлаться постояннымъ и необходимымъ посредникомъ между людьми и богами.

Съ такимъ запасомъ вѣрованій и съ такимъ богослуженіемъ имѣли войти Славяне въ семью христіанскихъ народовъ. Нельзя не видѣть, какъ бѣденъ былъ этотъ запасъ, какъ скудна была его обстановка и какъ слабы были силы этого дѣтскаго міросозерцанія въ сравненіи съ силами и средствами новой вѣры. О внѣшней борьбѣ между старою и новою вѣрою не можетъ быть и рѣчи. Христіанскіе пастыри не встрѣтили себѣ противниковъ, равныхъ по силамъ и внѣшнему положенію

въ обществѣ, жрецовъ, которые служатъ всегда носителями религіознаго сознанія народа. А безъ нихъ народъ могъ выставить только безсознательное отрицательное противодѣйствіе новой вѣрѣ, во имя народной старины, противодѣйствіе подземное, не обнаруживавшееся въ видѣ внѣшней борьбы. Христіанскія церкви строились на пустомъ мѣстѣ; не нужно было разчищать для нихъ мѣсто чрезъ разрушеніе языческихъ капищъ. Христіанское богослуженіе было первымъ вполнѣ развитымъ общественнымъ богослуженіемъ на Руси. Своимъ благолѣпіемъ оно совершенно затмило убогія языческія сборища »межи селы« съ ихъ естественною обстановкою и хороводами; эти сборища сразу явились предъ нимъ одною игрою. Раскрытое, объясненное и снабженное всѣми средствами византійскаго образованія, православіе встрѣтилось у насъ съ бѣднымъ и совершенно неопредѣленнымъ языческимъ міросозерцаніемъ. Не пускаясь еще въ обстоятельное изслѣдованіе дѣла, можемъ напередъ сказать, что всѣ Сварогн, Перуны, Дажбогн будутъ забыты при новыхъ вѣрованіяхъ, но что напротивъ низшіе собирательныя духи, домовые, водяные, лѣшіе, русалки, кикиморы и пр., останутся цѣликомъ въ народныхъ повѣрьяхъ, что новая вѣра скоро не подавитъ это благоговѣйное служеніе природѣ. Можемъ напередъ также сказать, что языческая вѣра скоро уступитъ христіанству и своихъ куміровъ, и свои богослужебныя собранія, всю свою общественную сторону, но не уступитъ ему другой стороны—внутренней, привычныхъ взглядовъ на вещи, всѣхъ своихъ принадлежностей, которыя были внѣ ея общественнаго значенія. Будучи вѣрою частныхъ лицъ, семьи, дома, оно крѣпко засядетъ въ избѣ и отсюда его уже не выживутъ скоро никакія мѣры духовной и свѣтской власти, кромѣ просвѣщенія. Эти мѣры могутъ выгнать его только съ улицы, съ

поля, изъ священнаго боголѣсья, но оно особенно и не нуждалось въ этихъ священныхъ мѣстахъ...

Въ первоначальной исторіи христіанства на Руси, очень выразительно то обстоятельство, что народъ принималъ его съ покорностію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была сильна княжеская власть; гдѣ она была слаба, тамъ мы и въ XII вѣкѣ видимъ, съ одной стороны, проповѣдниковъ —мучениковъ, а съ другой—толпы волхвовъ. Очень естественно, что новопросвѣщенная власть усердно помогала дѣятельности пастырей церкви. При этомъ не надобно упускать изъ виду того, что іерархія, явившись на Руси, какъ священно-началіе церкви христовой, приняла государство подъ свое руководство; она воспитывала верховную власть въ благочестивыхъ началахъ, внушала князю, что онъ »поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованіе« *(Лавр. 54)*, т. е. распространяла его власть, кромѣ юридической области, еще на нравственную жизнь...

Дѣйствуя совокупными силами, князя и пастыри церкви толпами собирали народъ позорить языческихъ боговъ и креститься, воздвигали множество церквей, выписывали новыхъ священно-служителей изъ Византіи и Болгаріи, переводили священныя книги, заставляли новообращенныхъ ходить къ богослуженію, учить христіанскія молитвы, даже греческое »киріелейсонъ.« Но чѣмъ быстрѣе шло это дѣло, чѣмъ покорнѣе слушался народъ своихъ властей, тѣмъ было хуже. При той быстротѣ, съ какою возрастало число обращенныхъ, нельзя и предполагать нравственнаго перевоспитанія новопросвѣщеннаго общества. Подъ христіанскою внѣшностію во всей своей свѣжести оставалось старое язычество. Это было даже не двоевѣріе, потому что двоевѣріе, смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, предполагаетъ уже нѣкоторую степень усвоенія новаго ученія, переработку его на народный ладъ. Оно составляетъ уже дальнѣйшую степень въ исторіи христіанства; съ него начинается постепенный ходъ внутренняго перевоспитанія народа...

Поученія пастырей церкви до XIV в. прямо направлены противъ язычества, обнаруживаютъ самостоятельность его, существованіе его на ряду съ христіанствомъ.

Новая вѣра не вытѣснила еще старую, даже не измѣнила ее; обѣ онѣ соединялись между собою чисто механически, а не органически. Народъ ясно помнилъ свою прежнюю догматику и обрядность; и ту и другую поученія представляютъ еще въ животрепещущихъ образахъ. Послѣ XIV вѣка язычество видимо стушевалось; его догматика забывается; въ поученіяхъ является на первомъ планѣ обличеніе не мнѣа, а языческой обрядности, которая пережила мнѣа, но безъ него и сама поблѣднѣла и потеряла свой смыслъ. Послѣ грубаго двоевѣрія постепенно является другое двоевѣріе, состоявшее не въ механическомъ, а въ органическомъ соединеніи двухъ вѣръ, при чемъ язычество поглощалось христіанствомъ и примѣшивало къ нему своеобразный народный оттѣнокъ.

...Съ новымъ Богомъ народу хотѣлось удержать и своихъ прежнихъ доморощенныхъ боговъ. Онъ исполнялъ это желаніе всегда и вездѣ, когда и гдѣ было можно, гдѣ князь и духовенство не могли замѣтить его служенія по старой вѣрѣ, куда не могли проникать мѣры той и другой власти.

Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ, Славянинъ полуязычникъ отправлялся въ священную дуброву, къ озеру, рѣкѣ, къ студенцу, къ старому дуплистому дубу, березѣ, къ священному камню или подъ овинъ и творилъ тутъ свою убогую молитву по обычаю отцевъ и дѣдовъ. Онъ поклонялся и приносилъ жертвы бѣсамъ—Перуну, Хорсу,

Мокошу, Велесу, Дажбогу и др., пѣлъ свои старинныя пѣсни, въ которыхъ призывалъ солнце красное, младъ свѣтелъ мѣсяцъ, звѣзды частыя; въ домахъ съ иконами стояли божки языческіе; да онъ и церковь звалъ »божницею,« христіанскія святыни ставилъ на одну доску съ языческими. Среди семьи совершались всѣ старинные богослужебные обряды, ставились законные обѣды Роду и Рожаницамъ, домовому и проч. Составлялись и языческія торжества: то сойдутся люди на жальникъ для котейной трапезы и тризны по умершимъ, то тихонько отъ строгаго церковнаго и гражданскаго надзора соберутся на старинныя игрища межи селы, гдѣ возобновятся всѣ языческія безчинія и разгулъ. Но общественное богослуженіе строго преслѣдовалось, и язычество поневолѣ должно было ограничиваться предѣлами одной избы, одного семейнаго быта. Здѣсь царила чистѣйшая старина. Долго церковъ не могла завязать самаго основнаго узла законной семейной жизни—правильнаго брака. Въ простонародьѣ было искреннее убѣжденіе, что церковный бракъ существуетъ только для князей и бояръ. Свидѣтельство на это имѣемъ въ церковномъ Правилѣ митрополита Іоанна (XI вѣка). Не только были въ свѣжей памяти, но и на самомъ дѣлѣ происходили умыканія невѣстъ, браки съ языческимъ обычаемъ плесканія, съ пѣснями въ честь Лады или съ обхожденіемъ въ лѣсу около ракитова куста, около священнаго озера. Наши былины постоянно говорятъ, что богатыри, кромѣ вѣнчанія церковнаго, обходили вкругъ ракитоваго куста. Тоже правило XI вѣка свидѣтельствуетъ, что мужъ держалъ по двѣ жены и больше, прогонялъ одну и бралъ другую.

Славянинъ полуязычникъ повиновался духовенству, потому что за духовенство былъ князь; но онъ не любилъ священника, бѣжалъ отъ него, чувствуя за собою много языческихъ грѣховъ, и встрѣчу съ духовнымъ лицемъ почиталъ дурною для себя. Въ тоже время въ обществѣ большимъ уваженіемъ пользовались волхвы и кудесники—эти начатки языческаго жречества. Ихъ призывали на родины сотворить трапезу Роду, наречь имя младенцу, избавить его наговорами отъ порчи, глаза и притки, навязать ему чародѣйскій наузъ, совершить обрядъ постриговъ и проч. На свадьбахъ имъ давалось первое мѣсто. Къ нимъ обращались во всѣхъ важныхъ случаяхъ домашней жизни, по случаю чьей-нибудь болѣзни, пропажи, семейнаго раздора и т. п. Въ общественныхъ бѣдствіяхъ тоже: произойдетъ засуха, случится наводненіе, появится зараза, народъ думалъ, что все это дѣло колдовства чародѣевъ и обращался къ нимъ съ мольбою о помощи. Не только по деревнямъ и селамъ, но и по городамъ ходили толпы вѣщихъ мужиковъ и бабъ, особенно старухъ, которыя были окружены языческою таинственностію и держали въ рукахъ суевѣрное народонаселеніе древней Руси. Лѣтопись показываетъ, что къ волхвамъ ходили не только простая чадь, но и князья. Знаменитый Всеславъ полоцкій, герой былинъ, оборотень »Слова о полку Игоревѣ,« былъ рожденъ и воспитанъ среди волхвованія.

Если припомнимъ, какое значеніе волхвы имѣли въ язычествѣ, то всѣ эти знаки общаго уваженія къ нимъ и ихъ вѣса въ обществѣ опредѣлятъ для насъ степень распространенія христіанскихъ понятій и укоренѣнія ихъ въ народномъ сознаніи. Волхвъ былъ противоположность священника, онъ былъ представитель язычества, какъ священникъ христіанства. Торжество того или другаго было торжествомъ той или другой вѣры. Какъ служители языческихъ боговъ, какъ главные хранители суевѣрныхъ обычаевъ и священныхъ знаній стараго времени, волхвы даже вступали въ открытую борьбу съ христіанствомъ; они ходили всюду съ

своею языческою проповѣдью и волновали чернь. Проповѣдь ихъ тѣмъ болѣе была сильна, что они почти всегда появлялись въ то время, когда народъ, еще не утвержденный въ христіанствѣ, былъ особенно расположенъ слушать ихъ, въ моровую язву, въ голодъ, въ засухи, въ годины разнаго рода народныхъ бѣдствій. Народъ толпами ходилъ за ними, видя въ нихъ представителей боговъ. Не передавая подробныхъ лѣтописныхъ извѣстій о волхвахъ, укажемъ на одно наиболѣе выразительное явленіе, опредѣляющее степень распространенности христіанства между разными слоями общества. Въ XI вѣкѣ волхвъ явился въ Новгородѣ; когда епископъ съ крестомъ въ рукахъ вышелъ на вѣче, на его сторону стали только князь съ дружиною, весь народъ сталъ на сторонѣ волхва. Если такъ было въ одномъ изъ главныхъ и образованнѣйшихъ городовъ; то что сказать о селахъ, деревняхъ, починкахъ, разбросанныхъ въ разсыпку по разнымъ захолустьямъ Русской земли, въ лѣсахъ и степяхъ, вдали отъ правительственныхъ и церковныхъ центровъ?... На такую грубую почву пало сѣмя христіанства. Около него росли старыя сорныя травы, пробиваясь по всѣмъ мѣстамъ вновь воздѣлываемаго поля, гдѣ наскоро пропустили клочки первые ратаи—правительство и духовенство. Христіанству нуженъ былъ усиленный ростъ, чтобы заглушить эти сорныя травы. Съ самаго начала принятія новой вѣры идетъ непрерывное противодѣйствіе ей со стороны вѣковыхъ привычекъ и старинныхъ народныхъ вѣрованій, наслѣдованныхъ отъ отцевъ и дѣдовъ...

Веселое, хороводное и пѣсенное богослуженіе язычества увлекало новообращенныхъ христіанъ; изъ церкви народъ съ удовольствіемъ бѣжалъ на свои игрища. Обличенія въ холодности къ богослуженію, происходящей не отъ лѣности, а именно отъ языческаго расположенія духа, составляютъ поэтому главную тему поученій нашихъ древнихъ іерарховъ.

Древніе пастыри наши хорошо понимали, какъ вредна для христіанства эта любовь народа къ своимъ игрищамъ и пѣснямъ и что она значитъ. Пѣть пѣсни, участвовать въ игрищахъ прямо почиталось дѣломъ языческимъ... Народъ, сохраняя еще свѣжее языческое чувство, охотнѣе стремился на языческія празднества, чѣмъ въ христіанскій храмъ...

Народныя игрища были совершенно языческаго духа. Всѣ эти купальскія, семицкія, радонецкія и т. п. торжества съ бубнами, сопѣлями, пѣснями и плясаніемъ были вовсе не то, что нынѣ; они имѣли еще смыслъ (языческій), теперь уже забытый... »Ноузъ, ношеніе, кощуны, идолослуженіе, моленія кладезная и рѣчная, пѣсни *бѣсовскія*, плясаніе, бубны и сопѣли, козицы (качицы—троицкія качели), *игранія бѣсовская*.« И проводились эти празднества по-язычески. Поученія съ отвращеніемъ описываютъ пьяный и грязный разгулъ, который производился на нихъ и перешелъ цѣликомъ изъ языческаго времени. Здѣсь происходили сцены разврата, который прежде имѣлъ другое значеніе— законнаго брака, а теперь сталъ совершенно въ разрѣзъ съ заботливостію церкви объ устроеніи домашняго быта посредствомъ христіанскаго брака. Разсказавъ о языческомъ обрядѣ умыканія дѣвицъ, пр. Несторъ непосредственно затѣмъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Руси этотъ обрядъ совершался еще и въ его время. Объ умыканіи говорится въ церковныхъ Уставахъ Владиміра и Ярослава, въ церковномъ Правилѣ митрополита Іоанна II.

Особенно свѣжи были остатки язычества въ менѣе открытыхъ и многолюдныхъ собраніяхъ около священныхъ деревъ, камней, водъ. Въ уставѣ Владиміра къ церковному суду отнесено: »кто подъ овиномъ молится, или во ржи, или

подъ рощеніемъ, (*въ лѣсу*) или у воды.« Тоже повторяютъ Уставъ Всеволода и церковное Правило митрополита Іоанна. Въ этихъ укромныхъ мѣстахъ менѣе мѣшалъ язычнику строгій церковный надзоръ. Русскій переводчикъ твореній св. Григорія Богослова вставилъ отъ себя въ текстъ слова его на Богоявленіе господне замѣчаніе, которое обнаруживаетъ въ людяхъ его времени еще самую живую вѣру въ олицетворенія силъ и явленій природы (1). Подобныя свидѣтельства ясно обнаруживаютъ предъ нами ту почву, на которой стоялъ народъ въ первые вѣка христіанства. Другія поученія еще болѣе разъясняютъ дѣло, представляя въ своихъ обличеніяхъ живую олицетворенность силъ и явленій природы въ знакомыхъ образахъ прямо подъ именами Перуновъ, Хорсовъ, Дажбоговъ и пр., свѣжую память о старинныхъ миѳахъ...

Поученія обличаютъ преимущественно общественныя игры, пѣсни, пляски, развратъ. Въ празднествахъ, имѣвшихъ семейный характеръ, они подмѣтили почти только такіе обряды, которые выходили изъ предѣловъ семьи и избы, напримѣръ въ праздникѣ Коляды — собираніе припасовъ для общей жертвы, переряживаніе, попойки. Во внутренній міръ семьи, этотъ міръ суевѣрій тайныхъ, неоткрытыхъ, какъ видится, не могла совершенно проникнуть наша первобытная церковь. Поученія мало знаютъ даже о главномъ божествѣ дома—домовомъ (2). Церковь могла слѣдить только за взаимными отношеніями членовъ семьи и устроивать ихъ по началамъ христіанскаго брака.

(1) Библіогр. листы Кеппена. Спб. 1825 г. № 7, стр. 88.

(2) Встрѣчается голословное упоминаніе »бѣса хороможителя« въ Златой Чепи XIV в. (*Очерки Бусл. 11, 125*) и указаніе на обрядъ въ честь домоваго при новосельи: »въ новоселіи идетъ съ кошкою черною и съ курою чернымъ« (*Опис. Рум. Муз. Востокова, 552*).

Изъ всѣхъ отраслей семейнаго богослуженія церковь болѣе всего знала о служеніи Роду и Рожаницамъ, и то также преимущественно съ его внѣшней стороны, насколько это служеніе выступало изъ недоступныхъ предѣловъ семьи. Вѣрованіе въ Родъ и Рожаницъ получило особенно широкое развитіе у славянскихъ племенъ и долго крѣпилось противъ христіанства. Наши обличенія особенно много и долго останавливаются на немъ...

На югѣ и въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, гдѣ дѣло новаго образованія шло успѣшнѣе, языческіе боги были забыты еще въ XII и XIII вѣкахъ. Не то было въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Руси... На украйнахъ, по свидѣтельству извѣстнаго намъ слова св. Григорія, еще продолжали тайкомъ молиться и Перуну, и Хорсу, и Мокошу, и Виламъ, продолжали ставить и беззаконную трапезу Роду и Рожаницамъ, на великую прелесть вѣрнымъ христіанамъ. Свѣжая память старой миѳологіи по украйнамъ поддерживала знаніе этой миѳологіи и въ другихъ мѣстахъ; но потомъ эта память начала темнѣть и тамъ. Обличенія начинаютъ толковать просто объ идолослуженіи вообще и о разныхъ языческихъ обрядахъ безъ яснаго пониманія ихъ первоначальнаго смысла. Мы еще встрѣчаемъ имена боговъ, но онѣ уже смѣшиваются съ именами греческой миѳологіи и одно замѣняетъ другое, кромѣ того искажаются такъ, что ихъ и узнать нельзя; напримѣръ имя Хорса превращается въ Нахора...

Около XIV вѣка борьба христіанства съ язычествомъ на Руси замѣтно принимаетъ новое направленіе; она главнымъ образомъ устремляется противъ остатковъ языческаго богослуженія, которое будило еще отжившія вѣрованія, хотя уже не могло вполнѣ осмыслиться ими. Все, что сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богопочтенія, болѣе и болѣе

принимало значеніе суевѣрія, и, теряя свой старинный смыслъ, примыкало къ христіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья. Закоренѣлая привычка смѣшивала принадлежности старыхъ боговъ съ принадлежностями христіанскихъ святыхъ, обряды идольскихъ торжествъ съ торжествами церкви. Не возможно было искоренить однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и что вошло въ самую народность Славянъ русскихъ. Даже христіанскія торжества церкви получили языческія названія, напримѣръ Русальная недѣля, Купало, Коляда и проч. Христіанство затмило боговъ, превратило ихъ во второстепенныя существа, большею частію въ демоновъ, но служеніе имъ долго сквозило и доселѣ отчасти сквозитъ среди христіанскихъ обрядовъ. Въ старинныхъ пѣсняхъ, которыми сопровождаются народные праздники, слышимъ припѣвы, въ которыхъ уродливо сопоставляются Богородица и Троица съ Дидомъ, Ладою. Христіанскій праздникъ переходилъ въ открытый языческій разгулъ съ языческими обрядами, которыхъ нельзя было не узнать, хотя память объ ихъ значеніи и была затеряна; пастыри церкви прямо называютъ ихъ невѣрными, погаными, идольскими, еллинскими. А тамъ, за предѣлами общественныхъ праздниковъ, таился цѣлый міръ тайныхъ суевѣрій, вѣрованій въ собирательныхъ духовъ водяныхъ, лѣшихъ, домовыхъ, особое потаенное богослуженіе дома и семьи съ множествомъ суевѣрій, примѣтъ и обрядовъ...

Во главѣ языческаго общественнаго богослуженія, какъ мы знаемъ, стояли волхвы, потомъ гудцы, прегудницы, пѣсельники, плясцы и другіе люди, необходимые при совершеніи обрядовъ и распоряженій праздничнымъ торжествомъ. Какъ представители язычества, волхвы въ началѣ дѣлали открытыя возстанія противъ христіанства. Съ XIII вѣка мы не видимъ уже этихъ возстаній,—знакъ, что христіанство успѣло занять господствующее положеніе среди народа. Но еще долго спустя послѣ этого они продолжали удерживать за собою прежнее значеніе и пользовались благоговѣйнымъ уваженіемъ народа въ разныхъ мѣстностяхъ..... Такъ въ 1410 году м. Фотій писалъ къ новгородскому духовенству: »учите своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примолвленья, ни зелія, ни вороженья и елика такова, занеже съ того гнѣвъ божій приходитъ; и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы перестали и каялись бы, а не имутъ слушати, не благословляйте ихъ, христіаномъ заказывайте, чтобы не держали ихъ между себе нигдѣ, гнали бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ такожде отъ церкви отлучайте« *(А. Экс. I, № 369)*.

Прежде колдунъ, волхвъ призывался въ качествѣ служителя боговъ; его дѣйствія имѣли значеніе религіознаго врачеванія, очищенія, благословенія, молитвы и заклятія боговъ. Но когда язычество стало падать, когда въ народѣ стала усвоиваться общая мысль проповѣдниковъ, что старая вѣра есть служеніе бѣсамъ и бѣсовское изобрѣтеніе, къ числу бѣсовскихъ козней, злыхъ обаяній, пагубныхъ чаръ отнесены были, разумѣется, и дѣйствія волхвовъ. На волхва, вѣдуна и вѣдьму народъ взглянулъ, какъ на существа злобныя, исполненныя грѣха, которыя продали бѣсу свою душу, дѣйствуютъ по его волѣ и его силою, какъ на рабовъ его. Всѣ принадлежности ихъ получили худое, черное значеніе; у нихъ черная кошка, черная собака, черная книга, по которой они волхвуютъ среди черной ночи. Они дѣлаютъ одно только зло и людямъ и животнымъ, своими заговорами насылаютъ болѣзни, скрадываютъ дождь, ро-

су, свѣтъ, производятъ голодъ, безплодіе, вредятъ всѣмъ и всему (1)...

Наряду съ волхвами почти одинаково преслѣдовались другіе представители общественной стороны язычества, — скоморохи...

Пересматривая увѣщенія и запрещенія, мы легко можемъ судить о слѣдствіяхъ ихъ. Всѣ они, равно какъ и полицейскія мѣры правительства, бьютъ именно на ту сторону язычества, которая была особенно слаба и не развита, которая вовсе не составляла его сущности, на внѣшнюю общественную его сторону. Мы видѣли, что она только еще устанавливалась, только еще выходила съ опредѣленными очерками изъ области народной поэзіи и народныхъ увеселеній на игрищахъ межы селы; очень не мудрено, что ее легко было опять обратить въ ея первобытное состояніе, въ ту же область поэзіи и увеселеній. Но ни мѣры правительства, ни дѣятельность церкви не коснулись или слегка, тоже только снаружи, коснулись сущности языческаго міросозерцанія. Славянинъ и не нуждался особенно въ обрядахъ, которые преслѣдовались; его боги жили около него, на его печкѣ, подъ порогомъ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ рыбу, въ студенцѣ, изъ котораго пилъ, въ лѣсу, гдѣ онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косою и сохою; сила этихъ боговъ, ихъ дѣйствія и знаменія сопровождали его на каждомъ шагу въ его немудреной жизни и каждый шагъ, каждое занятіе, каждый предметъ его домашняго обихода были окружены множествомъ обрядовъ, примѣтъ, суевѣрій. Вотъ гдѣ была суть его религіи, а сюда-то и не проникали внѣшнія мѣры противъ язычества. Отлученія и обличенія церкви, батоги и опалы государства проносились въ воздухѣ, не задѣвая этого темнаго мірка политическихъ убѣжденій и суевѣрнаго, таинственнаго взгляда на природу и жизнь. Этотъ темный міръ требовалъ не угрозъ, обличеній и наказаній, а свѣта, христіанскаго просвѣщенія.

Древніе просвѣтители народа, разрушая кумиры и требища, старались строить на ихъ мѣстахъ христіанскіе храмы; новая святыня ставилась на развалинахъ старой. Нужно разширить смыслъ этого выразительнаго явленія въ исторіи христіанства. Только тамъ уничтожалось язычество, гдѣ христіанство его замѣняло, гдѣ старыя вѣрованія и обряды замѣнялись новыми. Гдѣ подобной замѣны не было, гдѣ новыя понятія не усвоивались народомъ, язычество оставалось цѣликомъ. Какъ ни величественно возвышалось новое зданіе христіанства на старой почвѣ, не очищенной образованіемъ, эта почва всегда подновляла и оживляла свои обычныя произрастанія, и пробивались они изъ подъ давящаго ихъ зданія во всѣ стороны, лѣзли во всѣ его щели и не замазанныя мѣста.

У насъ не было главнаго средства противъ язычества — христіанскаго просвѣщенія, которое могло бы преобразовать суевѣрныя понятія народа. Какъ бы мы ни старались доказывать обиліе духовнаго просвѣщенія въ древней Руси множествомъ просвѣтительныхъ твореній, трогательною заботливостію о томъ церкви, современное намъ состояніе большинства русскихъ людей выразительно обозначаетъ темный историческій путь, по которому шелъ народъ. Не касаясь исторіи собственно простаго народа, заглянемъ лишь въ исторію его ближайшихъ просвѣтителей — низшаго духовенства. Мы видимъ въ низшемъ духовенствѣ главную просвѣтительную силу для народа, которая находилась въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ. Въ вопросѣ о народномъ образованіи нужно

(1) Развитіе этихъ мыслей см. въ Альман. „Комета,“ въ статьѣ г. Аѳанасьева „О вѣдунѣ и вѣдьмѣ.“

брать во вниманіе именно эту силу, а не высшую іерархію, которая вращалась среди высшихъ классовъ и во всѣ времена была болѣе или менѣе далека отъ народа, имѣла мало просвѣтительнаго вліянія даже на низшее духовенство.

Низшее духовенство было плоть отъ плоти и кость отъ костей простонародья. Когда приходская сходка разсуждала о томъ, кого послать ко владыкѣ для посвященія въ попы, ея выборъ падалъ, разумѣется, на лучшаго человѣка, болѣе сроднаго съ избирательною общиною по духу, грамотѣя, извѣстнаго по всему околодку. Это былъ не просвѣтитель народа, который распространялъ бы около себя новыя лучшія понятія, а скорѣе представитель тѣхъ вѣрованій и понятій, которыя были распространены въ массѣ и которыя онъ усвоилъ лучше всѣхъ.

(Изъ статьи П. В. Знаменскаго. Правосл. Собесѣдн. 1865 г. кн. 8).

Статьи по рус. миѳологіи можно читать слѣд: Перунъ. *П. Калайдовича.* Вѣстн. Евр. 1807, ч. 36, № 24, стр. 267. О Велесѣ. *Волкова,* ч. 107 № 19, стр. 174. Замѣч. на эту статью, ч. 108, № 21, стр. 38. О язьч. религіи древ. Польши. *Бандтке.* 1826 ч. 146, № 7, стр. 191; 1827 ч. 152, № 5, стр. 27. О Чернобогѣ. *Прейса.* Ж. Мин. Н. Прос. ч. XVIII, 1. 227. *Его же* о миѳологіи, ч. XXIX, IV, 32. Купало, ч. XXXI, II, 1. Волосъ ч. XL, II, 17. Обожаніе солнца. *Срезневскаго.* Хорсъ и Дажбогъ. *Бодянскаго.* ч. LI, II, 36. О кумірахъ, ч. LXXI, VII, 32; LXXII VI, 26. LXXIII, VII, 22. Язьч. преданія Польши и Литвы. Сынъ Отеч. 1842, VII, 1. Объ идолахъ кіевскихъ. *От. Руссова.* Тамъ же 1824, XCVIII, 145—161. О литовск. миѳологіи, тамъ же 1836, CLXXVI, 166; CLXXVII, 90. 1837, CLXXXV, 298. 1838, VI, 51. Сѣверн. Архивъ ч. 1. № 3. стр. 291. ч. 4, № 24, стр. 463 ч. 9, № 3, 131. № 4, 191. О тожествѣ миѳологіи скандинавской, финской, славянорус. Библ. для чт. 1842, LV, 33—64. О рус. народ. миѳахъ и сагахъ. *Н. Ив. Надеждина.* Рус. Бес. 1857, кн. III и IV, смѣсь. О времени язычника Владиміра. Рус. Бес. 1856, кн. 1, от. 2. Очеркъ нравовъ и язьч. религіи Славянъ. *С. М. Соловьева.* Архивъ историко-юрид. свѣд. кн. 1, отд. 1, 1—54. О язьч. взглядахъ и обычаяхъ. *Ѳ. И. Буслаева.* Тамъ же I, IV, 1—48. Домовой. *А. Н. Аѳанасьева,* т-же VI, 13—29. О Роженицахъ, *Срезневскаго и Аѳанасьева,* т-же кн. II, полов. 1. отд. 1, 35—96, 123—142. Зоморфич. божества. *Аѳанасьева.* Отеч. Зап. 1852 LXXX, II, 1, 95. LXXXI, II, 1. *Его же* Религіозно-язьч. значеніе избы Славянина, 1851, LXXVI II. 53. Истуканъ Святовида, найденный въ Подоліи, О. З. 1851, LXXVII, VIII, 66. Мифы славянс. язьч. *Шеппина* 1850 г. Критич. разборъ въ От. Зап. 1850, LXVIII, V, 17. Дажьбогъ. Рус. Ист. Сбор. VII. 150. О Рожаницахъ. Времени. 9, 25. Письмо *Буслаева,* въ прилож ко 2 т. Ист. рос. *Соловьева.* О языческихъ суевѣріяхъ. Москвит. 1851, II, № 5. Свѣтовидъ. *Шеппина.* Времен. кн. 13. Смѣсь 1. О Русалкахъ. *Шафарика.* Casopis Ceskeho Muzeum 1863, 257. Колядa. *С. Микуцкаго.* Виленс. Вѣстн. 1860. № 37. О Купалѣ и Колядѣ. П. Собр. Соч. *К. С. Аксакова.* 1861. 1, 325. Славянс. миѳологія. Журн. *Ваза,* 1861, № 9 и 10. Объ источникахъ и формахъ рус. баснословія. *Д. Щепкина.* М. 1859. О миѳич. вѣрованіяхъ. *П. А. Лавровскаго.* Спб. 1862; (извлечено изъ Учен. Зап. II отд. Акад. Н.). Славянс. и рос. миѳологія, *Касаірова.* М. 1810. Краткое обозрѣніе миѳологіи Славянъ. рос. *П. Строева.* М. 1845. Опис. древ. славянс. баснословія. *М. Попова* Спб. 1768. Древ. религія Славянъ. *Г. Глинки.* Митава 1804. Словарь рус. суевѣрій. *М. Чулкова.* Спб. 1782. Тоже съ дополненіями: „Абевега рус. суевѣрій". М. 1786. Опытъ о идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ во времена язычества. *С. Руссова.* Спб. 1824. О статуѣ Чернобога въ Бамбергѣ. *Шафарика.* Рус. Ист. Сборн. т. 1. кн. 1. 1—30. О значеніи кумировъ при св. Владимірѣ поставл. Москвит. 1851, IX и X. 99—120; XI, 105—115. Свидѣтельство Паисіевс. Сборн. о язьч. суевѣріяхъ рус. *Срезневскаго.* Тамъ же 1851, V, 52—64. О двухъ серебряныхъ идолахъ, вырытыхъ въ Черниговѣ въ 1702 г. Тамъ же 1846, IV, 200. Начертаніе славянс. миѳологіи. *М. Касторскаго.* Спб. 1841. Восточн. изв. о Руссахъ. *Френа,* Сѣвер. Арх. 1826, 22. Сказанія иностр. о бытѣ и нравахъ Славянъ. *В. Макушева.* Спб. 1861. Архитектура храмовъ языческ. Славянъ. *Срезневскаго.* Чт. общ. ист. 1846, № 3, смѣсь 44—54. Погребальные обряды у древнихъ Славянъ. *А. А. Котляревскаго.* М. 1867 г. Славянс. миѳологія *Н. Ив. Костомарова.* Кіевъ 1847. Извлеченія изъ Краледворс. ркп. касательно религіозн. вѣрованій и обрядовъ. Ж. М. Н. Пр. 1840, №12. Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-рус. сказаніяхъ о мірѣ. Прав. Собес. 1861. 1, 249.

II. СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ.

1) ВЗГЛЯДЪ НА УЧЕНІЕ КНИЖНОЕ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

37. Кириллъ и Меѳодій.

Словѣномъ жиоущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу глаголюще: земля наша крещена, и нѣсть оу насъ оучителя, иже бы ны наказалъ (*наставилъ*) и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни гречьску языку, ни латыньску; они бо ны онако оучатъ, а они бо ны и онако, (*одни такъ, другіе иначе*), тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны оучителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ. Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся словѣньскихъ князь, и рѣша философи: есть мужь в Селуни, именемъ Левъ; суть оу него сынове разумиви языку словѣньску, хитра два сына оу него философа. Се слышавъ царь, посла по ня в Селунь ко Львови, глаголя: посли к намъ въскорѣ сына своя Мефодия и Костянтина. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи оучітеля собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати св. книги; сего бо желають. Оумолена быста царемъ, и послаша я въ Словѣньскую землю къ Ростіславу, и Святополку, и Коцьлови. Сима же пришедъшема, начаста съставливати писмена азъбуковьная словѣньски, и преложиста апостолъ и еуангелье. Ради быша Словѣни, яко слышаша величья божья своимъ языкомь; посемже преложиста псалтырь и охтаикъ и прочая книги. Нѣцы же начаша хулити словѣнскія книги, глаголюще: яко не достоить никоторому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ Еврѣи, и Грекъ, Латинъ, по Пилатоову писанью, еже на крестѣ господни написа. Се же слышавъ папежь римьскии, похули тѣхъ, иже роньщють на книги словѣньския, река: да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци; другое же: вси възъглаголють языки величья божья, яко же дасть имъ св. Духъ отвѣщевати, да аще хто хулить словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ отъ церкве, дондеже ся исправять; ти бо суть волци, а не овца, яже достоить отъ плода знати я, хранитися ихъ: вы же чада божья, послушаите оученья, и не отрините наказанья церковнаго, якоже вы наказалъ Мефодии оучитель вашъ. Костянтинъ же възратився въспять, и иде оучить бол-

гарьскаго языка, а Мефодии оста в Моравѣ. Посем же Коцелъ князь постави Мефодья епископа въ Пании на столѣ св. Онъдроника апостола, единого отъ 40 оученика св. апостола Павла. Мефодии же посади два попа скорописца зѣло, и приложи вся книги исполнь отъ гречьска языка въ словенескъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 9-ю день октября мѣсяца. Оконьчавъ же достойно хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать епископу Мефодью.

(Лѣтоп. Нестора, по изд. Тимковскаго, 16—17. П. Собр. Лѣтоп. I, 11—12).

38. О письменехъ чрънориза Храбра, половины X вѣка.

Прѣжде убо Словѣне не имѣху книгъ, но чрътами и рѣзами чьтяху и гадаху, погани (*язычници*) суще. Кръстившежеся, римъскыми и гръчьскыми писмены нуждаахуся, словѣньскы рѣчь безь устроена; но како можеть ся писати добрѣ гръчьскыми писмены: Богъ, или животъ, или зѣло, или церковь, или чаание, или широта, или ядь, или удъ, или юность, или языкъ (*здѣсь должно быть правописаніе юсовое*), и инаа подобнаа симь. И тако бѣшя многа лѣта. Потомже человѣколюбець Богъ, строяи всѣ (*вся на пользу*), и не оставлѣя человѣча рода безь разума, но вься къ разуму приводя и спасению, помиловавь родъ человѣчь, посла имь св. Костантина философа, нарицаемаго (*во мнишскомъ чину*) Кирила, мужа праведна и истинна, и сътвори имъ 30 писмена и 8, ова убо по чину гръчьскыхъ писменъ, ова же по словѣньстѣи рѣчи. Отъ пръваго же наченъ по Гръчьску: они убо *алфа*, а сьи *азъ*, отъ аза начять обое; и якоже они подобльшеся жидовьскымь писменемь сътворишя, тако и сьи гръчьскымъ. Жидове бо пръвое писмя имуть *алефь*, еже ся сказаеть учинение съверъшающе, въводиму дѣтищу, и глаголяще: *учися*, еже есть алефь; и Гръци подобящеся тому *алфа* рѣша. И сподобися речение сказаниа жидовьска Гръчьску языку. Да речеть дѣтищу въ ученіа мѣсто, *ищи*: алфа бо—ищи ся речеть гръчьскомь языкомъ. Тѣмъ бо подобяся св. Кирилъ створи пръвое писмя *азъ*. Но яко и пръвому сущу писмени азъ, и отъ Бога дану роду Словѣнъскому на отвръстие устъ, въ разумъ учащимъся буквамъ, великомь раздвижениемь устъ възгласится, а она писмена маломъ раздвижениемь устъ възгласятся исповѣдаются. Се же суть писмена словѣньскаа, сице а подобаеть писати и глаголати: *а, б, в, г*....

Друзии же глаголють: »почто есть 38 писменъ створилъ? а можеть ся и меньшимь того писати, якоже и Гръци 24 пишуть.« И не вѣдять колицѣмь пишуть Гръци; есть бо убо 24 писменъ, но не наплънѣются тѣми книгы, но приложили суть двогласныхъ 11 и въ чисменехъ же (*въ числѣхъ же*) 3, 6-е и 9-десятное и 9-сътное, и събираются ихъ 38. Тѣмже потому подобно и въ тьжде образъ створи св. Кирилъ 38 писменъ.

Друзии же глаголють: »чесому суть Словѣньскы книгы? ни того бо есть Богъ створилъ, ни то аггели, ни суть ижде конни (*законни*), якоже жидовьскы и римьскы и еллиньскы, ижде отъ кона (*отъ закона*) суть и прияты суть Богомъ.«

А друзии мнять, яко Богъ намъ есть створилъ писмена, и не вѣдятся, что глаголюще окааннии. И яко трими языкы есть Богъ повелѣлъ книгамъ быти, якоже въ евангели пишеть: »и бѣ дъска написана жидовьскы и римьскы и еллиньскы, а словеньскы нѣсть ту; тѣмже нѣ суть словѣньскыхъ книгы отъ Бога. Къ тѣмь что глаголемь, или что речемь къ

тацѣмь безумнымъ? Обаче речемъ отъ св. книгъ, якоже научихомся: яко всѣ по ряду бываютъ отъ Бога, а не отъ инаго. Нѣсть бо Богъ створилъ жидовьска языка прѣжде, ни римьска, ни еллиньска, ни сирьскы, имже и Адамъ глагола, и отъ Адама до потопа, и отъ потопа, дондеже Богъ раздѣли языки при стльпотвореніи, якоже пишетъ: »размѣшеном же бывшемь языкомъ.« И якоже ся языци размѣсиша, тако и нрави, и обычае, и устави, и закони и хытрости на (*коижде*) языкы. Египтѣном же землемѣрение; а Перьсомъ и Халдеомъ и Асиреомъ звѣздочьтение, влъшвение, врачевание, чарованиа и всѣ хытрость человѣча; жидовом же св. книгы, въ нихже есть писано, яко Богъ створи и землю, и всѣ яже на неи, и человѣка, и всѣ по ряду, якоже пишетъ; Еллиномъ Граматикия, Риторикия, Философия. Но прѣжде сего Еллини не имѣху своимъ языкомь писмей, но финичьскыми писмены писаху свою си рѣчь, и тако бѣша многа лѣта. Панамидь же (*Паламидъ*) послѣжде пришедъ, наченъ отъ *алфы* и *виты*, 16 писменъ тъкмо Еллиномъ обрѣте, приложи (ли) же имъ Кадьмъ Милисіи (*и Миликій*) писмена 3, (*и составившася 19 писменъ*); тѣмже многа лѣта 19 писааху. И потомъ Симонидъ обрѣтъ, приложи двѣ писмени, Епихаріи же Сказатель 3 писмена обрѣте; и събрася ихъ 24. По мнозѣх же лѣтѣхъ Дионисъ Граматикъ 6 двогласныхъ обрѣте, потомже другыи 5, и другыи 3 чисменитаа; и тако мнози многыми лѣты едва събрашя 38 писменъ. Потомъ же многомъ лѣтомъ минувшемъ, Божиемъ повелѣниемь, обрѣтеся 70 мужъ, иже прѣложишя отъ жидовьскаа (*языка книги*) на гръчьскый языкъ. А словѣнскыя книгы единъ св. Костантинъ, нарицаемыи Кирилъ, и писмена створи и книгы прѣложи въ малѣхы лѣтѣхь (*отъ греческихъ на словеньскій языкъ*), а они мнози многы лѣты 7 ихъ писмена устроили, а 70 прѣложение (*седми мужми писмена устроиша, а 70 мужей книги преведоша*): тѣмже словѣньскаа писмена святѣиши суть и чьстнѣиша, свять бо мужъ створилъ я есть, а гръчьскаа Еллини погани.

Аще ли кто речеть: »яко нѣсть устроилъ добрѣ, понеже ся постраяють и еще.« Отвѣтъ речемь симь: и гръчьскы такожде многажди суть постраяли, Акилла и Симмахъ, и потомъ ини мнози; удобѣе бо есть послѣжде потворити, неже пръвое створити.

Аще бо въпросиши книгьчия (*книжника*) гръчьскыя, глаголя: »кто вы есть писмена створилъ, или книгы прѣложилъ, или въ кое время?« —то рѣдціи отъ нихъ вѣдять. Аще ли въпросиши словѣньскыя букаря (*букварей*), глаголя: »кто вы писмена створилъ есть, или книгы прѣложилъ?« —то вьси вѣдять, и отвѣщавше рекуть: св. Костантинъ философъ, нарицаемыи Кирълъ, тъи намъ писмена створи и книгы прѣложи, и Меѳодие братъ его (*епископъ моравъскій*). И аще въпросиши—въ кое время?—то вѣдять и рекуть: яко въ врѣмена Михаила царя гръчьскаго (*по седмомъ соборѣ въ 44 лѣто*), и Бориса князя Блъгарьскаго, и Растица князя Моравъска и Коцелѣ князя Блатеньска, въ лѣта же отъ създаниа въсего мира 6363. Суть же и ини отвѣти, яже и инде речемъ, а нинѣ нѣстъ врѣмя (1). Такъ (*таковъ есть*) разумъ, братие, Богъ есть далъ Словѣномъ, ему же слава и чьсть и дръжава и поклонѣние, нинѣ и присно и въ бесконечныя вѣкы, аминь.

(Іоаннъ Экзархъ Болгарс. Изслѣд. К. Калайдовича. М. 1824 г, стр. 189—192).

---

(1) Но изъ писаній черноризца Храбра доселѣ извѣстны только эти »Отвѣти о писменехъ.«

39. Ярославъ любитель книгъ.

Въ лѣто 6545 (1037). Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь св. Софья, митрополью, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ св. Богородицѣ Благовѣщенье, посемъ св. Георгія манастырь и св. Ирины. И при семъ нача вѣра хрестьяньская плодитися и расширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая è (*ихъ*) часто въ нощи и въ дне; и собра письцѣ многы и прекладаше (*переводилъ*) отъ Грекъ на словѣньское писмо и списаша книгы многы, и сниска (*розыскалъ*), ими же поучащеся вѣрніи людье, наслажаются ученья божественнаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть (*распашетъ*) другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищю бескудну (*вдоволь*): тако и сь отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми (*наставляемы*) и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хваля è глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ, азъ призвахъ страхъ господень; мои съвѣти, моя мудрость, мое утвержденье, моя крѣпость, мною цареве царствують, а силніи пишють правду, мною вельможи величаются и мучители держать землю; азъ любящая мя люблю, ищющи мене обряшуть благодать (*Притчи Солом. VIII, 12, 14—17*). Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую ползу души своей; иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостольская, житья св. отець, въспріемлеть душа велику ползу. Ярославъ же се, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ положи въ церкви св. Софьи, юже созда самъ, украси ю златомъ и сребромъ и съсуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутери, людье хрестьяньстіи. Радоваше ся Ярославъ, видя множьство церквій и люди хрестьяны зѣло; а врагъ сѣтоваше ться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьяньскыми.

(*Лавр. 65—6*).

40. Послѣсловія XI в.

А.—Остромирова Евангелія 1056—7.

Слава тебѣ, Господи, царю небесьныи, яко съподоби мя написати еуанглие се: почахъ же è писати въ лѣто 6564, а коньчахъ è въ лѣто 6565. Написахъ же еуангелие се рабоу божию, нареченоу сущоу въ крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ, близокоу сущоу Изяславоу кънязоу, тогда прѣдрьжащоу обѣ власти— и отца своего Ярослава, и брата своего Володимира; самъ же Изяславъ кънязь правляаше столъ отца своего Ярослава Кыевѣ, а брата своего столъ поручи правити близокоу своемоу Остромиру Новѣ-

городѣ. Мъногa же лѣта даруи Богъ сътяжавъшоумоу еуангелие се на оутѣшеніе мъногамъ душамъ крестияньскамъ. Даи емоу Господь Богъ благословение святыхъ евангелистъ Иоана, Матеа, Лоукы, Марка и, св. праотець Авраама и Исаака и Іякова, самомоу емоу и подроужию его Ѳеофанѣ и чядомъ ею (*ихъ*) и подроужиемъ чядъ ею. Съдравьствоуите же мъногa лѣта съдрьжаще пороучение свое. Аминъ.

Азъ Григории дияконъ написахъ еуангелие се, да иже горазнѣе сего напише, то не мози зазьрѣти мьнѣ грѣшьникоу. Почахъ же писати мѣсяца октября 21 на память Иларіона, а оконьчахъ мѣсяца маия въ 12, на память Епифана. Молю же вьсѣхъ почитающихъ, не мозѣте кляти, нъ исправльше почитаите; тако бо и св. апостолъ Паулъ глаголеть: благословите, а не кльнѣте. Аминъ.

(*Историч. Христом. Буслаева. 1—2*).

Б.—Святославова Изборника 1073.

А коньць вьсѣмъ книгамъ: оже ти собѣ не любо, то того и дроугоу не твори.

Въ лѣто 6581 написа Іоанъ диакъ изборьникъ сь (*сей*) великоумоу князю Святославоу. Великый въ князьхъ князь Святославъ вьжделаниемъ вѣло вьжделавъ дрьждаливый владыка обавити покрьвеныя разоумы въ глоубинѣ многостръпътьныхъ сихъ книгъ премудрааго Василя въ разумѣхъ повелѣ мнѣ немоудроувѣдну прѣмѣноу сътвориті рѣчи инако набъдяште тождьство разоумъ его, яже акы бъчела любодѣльна съ вьсякого цвѣта псаніоу събьравъ акы въ единъ сътъ въ велѣмысльное срьдьце свое проливаеть акы сътъ сладъкъ изъ оустъ своихъ прѣдъ боляры на въразуминие тѣхъ, мыслемъ являяся имъ новый Птолемей не вѣрою, но желаниемъ паче и събора дѣля многочьстныихъ божьствьныихъ кънигъ вьсѣхъ ими же и своя полаты испълънѣ вѣчьную си память сътвори еже памяти вину въсприяти буди христолюбивѣй его души въ отъмьштение вѣнцемъ блаженыихъ и святыихъ мужь въ непрѣбрьдомый вѣкъ вѣкомъ.

(*Христом. Буслаева 261—2*).

41. Предисловіе къ житію препод. Ѳеодосія Печерскаго до 1093.

Благодарю тя, владыко мой, Господи І. Христе, яко сподобилъ мя еси недостойнаго съповѣдателя (*повѣствователя*) быти святыимъ твоимъ въгодьникомъ; се бо испрьва писавшю ми о житии и убиении и о чюдесѣхъ святою и блаженою страстотрьпицю, Бориса и Глѣба, понудихся и на другое исповѣдание прияти, еже выше е (*есть*) моея силы, ему же и не бѣхъ достоенъ, грубъ сы и не разумиченъ, къ симъ же яко и не бѣхъ ученъ никоеи же хитрости. Нъ въспомянухѣ, Господи, слово твое, рекъшее: аще имате вѣру, яко и зърно горущьно, и речете горѣ сеи: *преиди и вьрьзися въ море, и абие послушаеть васъ*; си на умѣ азъ грѣшный, Нестеръ, приимъ и оградився вѣрою и упованиемъ, яко вься възможьна отъ тебе суть, начатъкъ слову съписания положихъ, еже о житии преподобнааго отца нашего Ѳеодосия, бывъша игумена манастыря сего, святыя владичицѣ нашея Богородицѣ, его же и день успѣние нынѣ праздьнующе (*3 мая*), память творимъ. Се же якоже, о братие, въспоминающю ми житие преподобнааго, не сущу же съписану ни отъ кого же, печалию по вься дни съдрьжимъ бѣхъ и моляхъся Богу, да сподобить мя вься по ряду съписати о житии богоносьнааго отца нашего Ѳеодосия, да и по насъ сущи черноризьци, приимше писание, почитающе ти видяще

мужа доблесть, въсхвалять Бога и угодника его прославляюще, на прочия подвигы укрѣпляються; наипаче же, яко и въ странѣ сеи такъ сии мужь явися и угодьникъ божии. О семь бо и самъ Господь прорече: *яко мнози придуть отъ въстокъ и западъ, и възлягуть съ Авраамъмь и Ияковъмь въ царствии небесьнѣмь;* и пакы: *мнози будуть послѣдьнии прьвии.* Ибо сии послѣднии вящии прьвыхъ отець явися, житиемь бо подражая святааго и пьрваго начальника чьрньчьскуму образу, великого мьню Антония; и се же чюдьнѣе, яко же пишеть въ отьчьскыихъ кънигахъ, славу быти послѣднюму роду, сего же Христосъ въ послѣдниимь родѣ семь такого себѣ съдѣльника показа и пастуха инокыимъ. Бѣ бо измолода житиемь чистъмь украшенъ, добрыими дѣлесы, вѣрою же и съмыслъмь паче, его же нынѣ отъсюду уже начьну съповѣдати, еже отъ уны вырсты житие блаженааго Ѳеодосия; нъ послушаите, братие, съ вьсяцѣмь прилежаниемь, испѣлнь бо есть пользы слово се вьсѣмь послушающимъ. Молю же вы, о възлюблении, да не зазьрите пакы грубости моеи, съдрьжимъ бо сыи любовию, еже къ преподобьнуму, чего ради укусихъся съписати вься си, яже о святѣмь; къ симъ же и блюдыи, да не къ мнѣ речено будеть: *зълыи рабе льнивыи, подобаше ти дати сребро мое тръжьникомъ, и азъ пришьдъ, быхъ съ лихъвою истязалъ е.* Тѣмь же яко же и нѣсть лѣпо, братіе, таити чюдесъ блаженни, наипаче Богу рекъшуму ученикомъ своимъ: *яко еже глаголю вамъ въ тьмь, повѣдите на свѣтѣ, и еже въ уши слышасте, проповѣдите въ домѣхъ;* си на успѣхъ и на устроение бесѣдующимъ списати хощю, и о сихъ Бога славяще, мьзды отданіе приимете. Хотящю же ми исповѣдати начати, преже молюся Госпоодеви, глаголя сице: »Владыко мои, Господи, вьседръжителю, благымъ подателю, отче Господа нашего Іис. Христа, приими на помощь мнѣ, и просвѣти сердце мое на разумѣние заповѣдии твоихъ и отъврьзи устьнѣ мои на исповѣдание чюдесъ твоихъ и на похваление св. въгодника твоего, да прославиться имя твое, яко ты еси помощьникъ всѣмъ, уповающимъ на Тя въ вѣкы! Амин.«

(По списку XII в. Чт. общ. ист. 1858, кн. 3. III, 1—2).

Обратить вниманіе, съ какимъ страхомъ и благоговѣйнымъ чувствомъ приступали къ составленію житій святыхъ, какъ и вообще другихъ сочиненій духовнаго содержанія.

42. Надпись на евангелии послѣ 1125.

Азъ рабъ божии, недостоиныи, худыи, грѣшьныи, съпьсахъ памяти дѣля царю нашему и людемъ о съконьчаньи єуангелия, еже бяшеть казалъ Мьстиславъ кънязь худому Наславу, и возивъ Царюгороду, и учиних химипетъ (*переплетъ*), божиею же волею възратихъся исъ Царягорода, исъправихъ вьсе злато и сребро и драгыи камень, пришедъ Кыеву и съконьчася вьсе дѣло м. августа въ 20. Цѣну же евангелия сего единъ Богъ вѣдае.

Азъ же худыи Наславъ много труда подъяхъ и печали, нъ Богъ утѣши мя добраго кънязя молитвою... и даи Богъ его молитву... и мънѣ худому Наславу, правящи его орудия въ правьду и обрѣсти честь и милость отъ Бога и отъ своего царя и отъ братие.

(Изв. Акад. Н. X, стр. 90).

Здѣсь весьма характеристично изображается украшеніе книгъ, какъ дѣло святое. Наши предки смотрѣли на книги не какъ на средство пріобрѣтенія познаній и духовнаго просвѣщенія; но какъ на средство спасенія.

43. Послѣсловіе евангелія 1164.

Въ лѣто 6672 написаны быша книгы сія м, августа въ 20 день мною, грѣшнымъ рабомъ и дьякомъ святыхъ апостолъ, Константиномъ, а мірскы Добрило, Семеону попови св. Іоанна Предтеча. А братья и отци, аже вы гдѣ криво, а исправивъше чьтѣте же, а не кльнѣте. Яко же радуеться женихъ о невѣстѣ, тако радуеться писець, видя послѣдній листъ.

(*Іоаннъ Экзархъ. 28. 31. 107. 110. Востокова Опис. Рум. Музея, стр. 171.*)

44 Гаданье на книгѣ ок. 1276.

Вложи Богъ въ сьрдце мысль благу Володимерови (*Васильковичу*), нача собѣ думати, абы гдѣ за Берестьемъ поставити городъ. И взя книгы пророчьскыя, да тако собѣ въ сьрдци мысля рече; «Господи Боже сильныи и всемогыи (*всемогущій*), вся съзидая и разстраяя, што ми, Господи, проявишь грѣшьному рабу своему—и на томъ стану.» Розъгънувъ же книгы, и выняся ему пророчьство Исаино; *Духъ Господьнь на мнѣ...* (гл. 51, 1—4), Князь же Володимеръ отъ сего пророчьства уразумѣ милость божию до себѣ, и нача искати мѣста, абы гдѣ поставити городъ. Си же земля опустѣла по 80 лѣтѣхъ по Романѣ.

(*Ипат. 206.*)

О гаданіи на псалтыри упомянуто въ Поученіи Мономаха. См. Употребленіе псалтыри въ древн. быту рус. народа. Правосл. Собес. 1857, IV. 814. О гаданіи на псалтыри. *Срезневскаго.* О малоизв. и ненизв. памятн. IV, 34—37.

45. Владиміръ Васильковичь волынскій.

Князь Володимеръ (до 1288 г.) въ княженіи своемъ многы городы сруби

по отци своемъ: сруби *Берестій* и за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемѣмъ Льстнѣ, и нарече имя ему *Каменець*, зане бысть камена земля. Създа же въ немъ столпъ каменъ, высотою 17 саженъ, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань; и церковь постави Благовѣщенія св. Богородица, и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныа сребрены, и еуангеліе опракосъ оковано сребромъ, апостолъ опракосъ, и парамья, и съборникъ (1) отца своего туго жъ положи, и крестъ въздвизалный положи. Тако же и у Бѣлску поустрои церковь иконами и книгами. У Володимери же списа (*росписалъ*) св. Дмитреа всего, и съсуды служебные сребреные скова, и икону пречистыа Богородица окова сребромъ съ каменіемъ дорогымъ, и завѣсы золотомъ шиты, а другые оксамитные съ дробницею (*металличвскимы укрушеніями*), и всѣми узорочіи (*узорами, ѣдкостями*) украси ю. У епископьи же, у святоа Богородица образъ Спаса великаго окова сребромъ, еуангеліе списавъ и окова сребромъ и да (*далъ*) св. Богородици, и апостолъ списа апракосъ св. Богородици да и съсуды служебные жьженого (*червоннаго?*) золота съ каменіемъ драгымъ Богородици же да, образъ Спасовъ золотомъ съ драгымъ каменіемъ оковавъ постави у св. Богородица, въ память събѣ. Въ монастырь свой апостолы да еуангеліе апракосъ (2), и апостолъ самъ списавъ, и съборникъ великый

(1) Сборникъ—книга, въ которой помѣщены статьи изъ различныхъ писателей и о разныхъ предметахъ.

(2) Евангеліе и апостолъ назывались *Апракосъ* тѣ, которые расположены были по порядку богуслужебныхъ чтеній; обыкновенное же евангеліе *Тетръ* (четвероевангеліе) расположено по порядку евангелистовъ и главъ.

отца своего туто же положи, и крестъ възвизалный и молитвенникъ да. Въ епископью перемышлскую да еуангеліе апракосъ, оковано сребромъ съ земчюгомъ, самъ же съписалъ бяше; а до Чернѣгова пославъ въ епископью еуангеліе апракосъ золотомъ писано, а оковано сребромъ съ земчюгомъ, и среди его Спасъ съ финиптомъ (*финифтью*); въ луцкую епископью да крестъ великъ сребрянъ позлотистъ, съ честнымъ деревомъ. Созда же и церквы многы: въ Любомли же постави церковь камену св. и великого мученика христова Георгіа, украси ю иконами коваными, и съсуды служебные сребряны скова, и платци (*платки, воздухи*) оксамитны (*золотнаго бархата*) шиты золотомъ съ жемчюгомъ, херувимъ и серафимъ, и иньдитья (*напрестольная одежда*) золотомъ шита вся, а другаа паволокы бѣлчатое (*шелковая ткань*), а въ малою олтару обѣ иньдитьи бѣлчатое же паволокы; еуангеліе списа апракосъ, окова е все златомъ и каменіемъ дорогымъ съ жемчюгомъ, и деисусъ на немъ скованъ отъ злата, цяты, (*бляшки, подвѣски*) великы съ финиптомъ, чюдно видѣніемъ, а другое еуангеліе апракосъ же волочено оловиромъ (*багряной тканью*), и цяту възложи на не съ финиптомъ, а на ней святаа мученика Глѣбъ и Борисъ, апостолъ апракосъ, прологы списа 12 мѣсяца ([1]), изложено житіа св. отецъ и дѣаніа св. мученикъ, како вѣнчашася своею кровію за Христа, и мѣнеи 12 списа, и тріоди, и охтай (*октоихъ*) и ермолой (*ермологій*); списа же и служебникъ св. Георгію, и молитвы вечерніи и утрьніи списа, особь молитвеника, молитвеникъ же купилъ въ протопопиное (*для протопопа?*) и да въ немъ 8 гривенъ кунъ, и да св.

([1]) Сказанія о святыхъ на каждый день года въ родѣ четьминей.

Георгію; кадилници двѣ, одина сребрена а другаа мѣденаа, и крестъ възвизалный да св. Георгію; икону же списа намѣстную св. Георгіа, и гривну (*цѣпь*) златую възложи на нь съ женчюгомъ, и св. Богородицю списа на золотѣ же мѣстную, и възложи на ню монисто (*ожерелье*) золото съ каменіемъ дорогымъ; и двери соліа мѣдяные; почалъ же бяше писати ю и списа всѣ три олтарѣ, и шія (*подъ куполомъ*) вся съписана бысть, но не скончана, зайде бо и болѣсть; поліа же и колоколы дивны слышаніемъ (*звукомъ*), такыхъ же не бысть въ всей земли. Въ Берестіи же създа стлъпъ каменъ, высотою яко и каменецькый; постави же и церковъ св. Петра, и еуангеліе да апракосъ оковано сребромъ, и служебны съсуды скованы сребряны, и кадилница сребрена, и крестъ възвизалный туто положи; и инаа многаа добродѣаніа съдѣа въ животѣ своемъ, яже словуть по всѣмъ землямъ. Туто же положимъ конецъ Вълодимерову княженію.

(*Ипат. 222—3*).

46. Древняя тайнопись:

а) Надпись на прологѣ 1229 г.

Мацъ щылкь томашсь нменсышви нугипу ромьлтую като хе и ниледь топгашви тъпичу лию, арипъ. Это значитъ: »радъ бысть корабль, преплывши пучину морьскую, тако же и писець кончавши книгу сию «

Такая тайнопись доселѣ употребляется въ духовныхъ училищахъ и называется *тарабарскою грамотою*. Здѣсь буквы замѣняются одна другою въ такомъ видѣ:

б	*в*	*г*	*д*	*ж*	*з*	*к*	*л*	*м*	*н*
щ	ш	ч	ц	х	ф	ш	с	р	п

Гласныя, а также Ъ и Ь остаются безъ перемѣны.

(*Изв. Акад. т. X, стр. 182*).

б) Запись на рукописи 1307 г.

Си же апостолъ книгы вда святому Пянтелеимону Изосимъ игуменъ сего же манастыря. Сего же лѣта бысть бой на Русьской земли: Михаилъ съ Юрьемъ о княженье новгородьское. *При сихъ князехъ сѣяшется и ростяте усобицами, гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы* (раздоры) *и вѣци скоротишася человѣкомъ*. А псалъ вв. нк. кк. дд. вв. ъ. рекше: *Давыдъ, Органъ, Мысль, Истина, Д*(обро?)—*Ъ*... (Конецъ отрѣзанъ въ рукописи). 5 з. з. ззз. (К). Море. пять земель, двѣ тмѣ... море, — мудры разумѣеть. Имя писца оказывается *Домидъ*.

Это выходитъ такимъ образомъ: вв (2+2=4=*д*), нк (50+20=70=*о*), кк (20+20=40=*м*), дд (4+4=8=*и*), вв (=2+2=4=*д*) *ъ*, т. е. *Домидъ*. Другая надпись называется *краегранесіемъ* и означаетъ тоже: она напоминаетъ акростихъ. Выраженіе, напечатанное курсивомъ, заимствовано писцомъ изъ Слова о полку Игоревѣ.

(Изв. Акад. Н. X, 280—281).

в) Надпись на колоколѣ соборной юрьевской церкви во Львовѣ 1341 г.

ЭХ | ЭП
ПЯ | ІН

Въ лѣто 6849 сольянъ бысть колоколъ сиі святому Юрью при князи Дмитриі игуменомъ Евьфимьемъ. *Ъвокя аракс ъласип а.*

Это надобно читать наоборотъ и выходитъ: *А писалъ Скара Яковъ.*

(Изв. Акад. X, 297).

На рукописи Евангельскихъ чтеній 1355 года писецъ Леонидъ замѣтилъ: »Лихое перо, невольно имъ писати« *(Изв. Акад. X, 311).*

г) Запись на евангеліи 1355 г

Въ лѣто 6863 написано бысть еуангліе се, повелѣніемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Моисея, а рукою многогрѣшныхъ КІ. ГВ. О. КЛ. ДД. ВВ. А. ЕЕ. ВА. ПН. ДД. АВ. МЛ. ПН. Ь. Я. (т. е. Леонида и Григорья). Аще будемъ грубо написали, или кдѣ преступилѣ, или въ глаголаніи съ другомъ, или въ дреманіи, а вы преподобніи отци игумены и попове собою исправяче чтите, а насъ грѣшныхъ не покленѣте, Бога дѣля, занеже зла священничьская клятва, а добро есть благословеніе. А. КК. ДД. ЛК. Ъ. П. ВАВ. НН. Ь. ГВ. ІК. Ѣ. ДД. РР. А. ЛЧ. Ъ. (т. е. *Аминъ, керье лѣисонъ* = Господи помилуй).

(Чт. общ. ист. 1867 г. кн. 2, III, 9).

Эта тайнопись самая не хитрая: здѣсь буквы указываются счетомъ, напримѣръ *л* означается 30 (*к*=20 и *і*=10), *и* (8) сложено изъ двухъ 4, т. е. дд и т. д. Такая же тайнопись разобрана выше.

47. Послѣсловіе Лаврентьевской лѣтописи 1373 г.

Радуется купець прикупъ створивъ (*барышъ получивъ*), и кормьчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ божій Лаврентей мнихъ. Началъ есмъ писати книги сія, глаголемый Лѣтописець, м. генваря въ 14, на память св. Отець нашихъ аввадъ, въ Синаи и въ Раифѣ избьеныхъ, князю вел. Дмитрію Костянтиновичю, а по благословенью священьнаго епископа Діонисья, и кончалъ есмъ м. марта въ 20, на память св. Отець нашихъ иже въ монастыри св. Савы избьеныхъ отъ Срацинъ, въ лѣто 6885, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князи в. Дмитріи Костянтиновичи, и при епископѣ нашемъ христолюбивѣмъ священномъ Діонисьѣ суждальскомъ и новгородьскомъ и городьскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже ся

гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: *не клените, но благословите.* А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашъ, Сынъ Бога живаго, ему же слава и держава и честь и покланьнье со Отцемъ и съ пресв. Духомъ, и ныня и присно въ вѣкы, аминь.

(*Лавр. I, 209*).

48. Запись на книгѣ Евангельскихъ чтеній XIV вѣка.

Поклонъ отъ Фрола господину игумену Микитѣ. Доправи ми, господине, Бога дѣля книгы си на Двіну къ св. Михаилу; книгы же си дадять Григорію Сѣрину. А ты, господине, Григории възми собѣ у игумена Акакіа 5 сорочекъ, а евангелие даи ему; а мнѣ дали Степанъ да Василии два сорока; а ты, господине Григории, возми 5 сороковъ, — и всего будетъ 7 сороковъ. А рядъ мои: отъ писмени взяти 6 сороковъ *да телятины* (за пергаменъ) ми было взяти, за телятины же сорочекъ, а 6 отъ писмени. А се ж вамъ книгы. А язъ вамъ бию челомъ своимъ старѣишим Степану и Василию, Григору.

Изъ этой записи видно, что игуменъ двинскаго Арханг. монастыря Акакій поручалъ монаст. старостѣ Степану и Василію заказать списокъ евангелія. Дѣло это принялъ на себя Фролъ и получилъ въ задатокъ два сорочка, но поручилъ писать другому лицу. Книгу онъ отправилъ къ игумену Никитѣ, чтобы тотъ переслалъ ее въ Архангельскъ къ его знакомому Григорію Сѣрину; а этого просилъ передать Акакію и взять съ него 5 сороковъ — 4 за писанье, а еще сорочекъ за пергаменъ. Очень любопытна форма этой записи къ разнымъ лицамъ; а еще любопытнѣе запись, какъ одно изъ очень не многихъ показаній о цѣнности книгъ на Руси въ древности.

По выводу И. И. Срезневскаго, Фролъ получилъ за написаніе евангелія около 50 к. сер. за листокъ, т. е. около 80 нынѣшнихъ рублей; за пергаменъ 12 р. 60 коп. Вся книга стоила безъ переплета приблизительно около 92 р. 60 к. Съ переплетомъ цѣнность ея доходила вѣроятно до 100 руб. на наши деньги по ихъ нынѣшней цѣнности.

(*Свѣд. и зам. о малоизв. и неизв. пам. И. И. Срезневскаго. 1867 г. Спб. вып. II, стр. 91—96*).

49. Слово нѣкоего калугера о четьи книгъ (1).

Добро есть, братие, почитанье книжьное, паче вьсякому хрьстьяну; блажени бо, рече, испытаюштии съвѣдѣния его вьсьмь сердцьмь възиштють его. Чьто бо рече испытаюштеи съвѣдѣния его? Егда чьтеши книгы, не тъштися бързо иштисти (*быстро прочитать*) до другыя главизны, нъ поразумѣи, чьто глаголють книгы и словеса та, — и тришьды обращтяяся о единой главизнѣ; рече бо: въ сьрдьци моемь съкрыхъ словеса твоя, да не съгрѣшю тебѣ. Не рече: усты тъчью изглаголаахъ, нъ и въ сьрьдци съкрыхъ, да не съгрѣшю тебѣ, — и поразумѣвая убо истиньнѣ писания правимь есть ими. Реку же: узда коневи правитель есть и въздержание, правьдьнику же книгы я. Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдникъ бес почитания книжьнаго, — и якоже плѣньникомъ умъ стоить у родитель своихъ, тако и правьдьнику о почитаньи книжьнѣмь. Красота воину оружие — и кораблю вѣтрила; тако и правьдьнику почитание книжьное. Открыи бо, рече, очи мои, да разумѣю чудеса отъ закона твое-

(1) По мнѣнію Буслаева это слово, вѣроятно, славянское. *Историч. Христ.* 300. *Калугеръ* — добрый старецъ.

го; очи бо глаголеть (размыслъ сердечьный и прочее. Не съкрыи отъ мене заповѣдии твоихъ; разумѣи, яко не отъ очию скрыи, нъ отъ разума и сердца; тѣмь же и похули непоучающштаяся, глаголя: прокляти уклоняюштеися отъ заповѣдии твоихъ. Тѣмъ же и самъ ся похвали, глаголя: Коль складка словеса твоя, паче меда устомъ моимъ, и законъ устъ твоихъ паче тысяштя злата и сребра,—и въспѣтъ глаголя: Въздрадуюся азъ о словесьхъ твоихъ, яко обрѣтая користь мъногу. Користь бо нарече словеса божия, глаголя: Яко обрѣтохъ недостоинъ сы такъ даръ, еже ми ся поучати словесьмъ твоимъ дьнь и ношть. То мы, братия, поразумѣимъ и послушаимъ разумьныма ушима і поразумѣимъ силу и поучение святыхъ книгъ. По слушаи ты житья св. Василия и св. Іоанна Златоустааго, и св. Кирила Філософа и инѣхъ многъ святыихъ,—како ти съпьрва повѣдають о нихъ рекуште: из млада прилежаху святыхъ книгъ; то же и на ина добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начятъкъ добрыимъ дѣломъ поучение святыихъ книгъ, да тѣми, братия, и сими подвигнѣмься на путь жития ихъ, и поучаимъся въ ину книжьныимъ словесьмъ, творяще волю ихъ, якоже велять, да и вѣчныя жизни достоини будемъ, въ вѣкы аминь.

(*Изв. Акад. Н. X. 426—427*).

Въ этомъ словѣ прекрасно выражается взглядъ древняго книжника на занятіе чтеніемъ, какъ на дѣло нравственное, которое было началомъ истиннаго христіанскаго пути и достиженія праведности для святыхъ. Книги всѣ разумѣются святыя и божественныя. См. Списываньe книгъ въ древнія времена. Прав. Собес. 1862, I. 131. 350. О древнерус. училищахъ *Н. Лавровскаго*, Харьковъ 1854. Древнія рус. книги. *Срезневскаго*. Христ. Древн. и Археологія, 1864 № 2 и 3. Замѣтки по исторіи книжнаго просвѣщ. *Григорьева* Эпоха 1864.

Съ принятіемъ христіанства проникла къ намъ цѣлая почти готовая литература преимущественно духовнаго содержанія. Образовалась эта литература у сопленменныхъ намъ Болгаръ, особенно въ вѣкъ славнаго царя Симеона (889—927). Неоцѣненное преимущество составляла для насъ возможность познакомиться сразу на языкѣ намъ понятномъ и съ самымъ священнымъ писаніемъ, и съ лучшими его толкователями. Это должно было чрезвычайно облегчить распространеніе у насъ христіанства, которое съ другой стороны находило благодарную почву во многихъ сторонахъ славянскаго быта и нравовъ.

Книги приносились къ намъ вѣроятно мало по малу, а у насъ ихъ усердно списывали и распространяли. Немедленно послѣ крещенія Руси, Владиміръ позаботился о томъ, чтобы родители отдавали дѣтей «на ученіе книжное;» учили конечно священники, присланные къ намъ греческимъ духовенствомъ, а въ числѣ ихъ, по всей вѣроятности, было много Болгаръ. Первые обученные грамотѣ, сами становились священниками, а потомъ учили другихъ. Примѣру Владиміра, «любившаго словеса книжная», слѣдовали многіе изъ его сыновей, особенно же Борисъ и Ярославъ. Послѣдній положилъ начало книгохранилищу при Кіево-софійскомъ соборѣ. Въ первое время, по всей вѣроятности, учили грамотѣ только будущихъ священниковъ (Опытъ исторіи обозр. рус. словесн. О. Миллера, Спб. 1866. 242—244).

---

2) ВЗГЛЯДЪ НА ЯВЛЕНІЯ ПРИРОДЫ.

50. Знаменія въ XI в.

Въ лѣто 6570. Въ лѣто 6571 (1063) Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша й въ церкви св. Георгія. Въ се же лѣто Новѣгородъ иде Волховъ вспять, дній 5; се же знаменье (*явленіе*) не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ...

Въ лѣто 6572. Всеславъ рать почалъ. Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, въсходящи съ вечера по заходѣ солнѣчнѣмъ, и пребысть за 7

дній. Се же проявляше не на добро: посемъ бо быша усобицѣ много и нашествіе поганыхъ (*Половцевъ*) на Русьскую землю; си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровопролитье. Въ си же времена бысть дѣтищь вверьженъ въ Свѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ (*смѣялись, дивились*) до вечера, и пакы ввергоша и въ воду, бяшеть бо сиць: на лици ему срамнiи удове, иного нелзѣ казати срама ради. Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же невѣгласи (*невѣжи*) глаголють снѣдаему сущю. Се же бывають сица (*такія*) знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ. Яко же древле, при Антіосѣ, въ Іерусалимѣ, случися внезапу по всему граду за 40 дній являтися на вздусѣ на коняхъ рящющимъ (*скачущимъ*), въ оружьи, златы имуща одежѣ, и полкы обоявляемы, и оружьемъ двизающимся; се же проявляше нахоженье Антіохово на Іерусалимъ. Посемъ же при Неронѣ царѣ въ томъ же Іерусалимѣ возсія звѣзда, на образъ копiйный, надъ градомъ; се же проявляше нахоженье рати отъ Римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ царѣ, звѣзда возсія на западѣ, испущающи луча, юже прозываху *блистанiцю*, и бысть блистающи дній 20, посемъ же бысть звѣздамъ теченье, съ вечера до заутря, яко мнѣти всѣмъ, яко падають звѣзды, и накы солнце безъ лучь сьяше; се же проявляше крамолы (*драки*), недузи, человѣкомъ умертвіе бяще. Пакы же при Маврикіи царѣ бысть сице: жена дѣтищь роди безъ очью и безъ руку, въ чересла (*къ чреву*) бѣ ему рыбiй хвостъ приросль; и песъ родися шестоногъ; въ Африкіи же 2 дѣтища родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другый о двою главу. Посемъ же бысть при Костянтинѣ иконоборцѣ, сына Леонова, теченье звѣздное бысть на небѣ, отторгаху бо ся на землю, яко видящимъ мнѣти кончину; тогда же вѣздухъ възляся повелику. Въ Суріи (*въ Сиріи*) же бысть трусъ (*землетрясеніе*) великъ, земли разсѣдшися трiй поприщь (*на 3 версты*), изиде дивно изъ землѣ мъска (*лошакъ*), человѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи нашьье языка (*нашествіе иноплеменныхъ*); еже и бысть: наидоша бо Срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ (*другимъ*) чимъ, не благо бывають: но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють.

(*Лавр. 70—71*).

См. въ 1-мъ отд. статью: »Языческія божества«. Какъ тамъ, такъ и здѣсь лѣтописецъ объясняетъ разныя явленія по византійскимъ хроникамъ.

51. Знаменіе въ Кіевопечерскомъ монастырѣ.

Томъ же лѣтѣ (1110) бысть знаменье въ Печерстѣмъ монастырѣ, въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ отъ земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погремѣ въ часъ 1 нощи; и весь миръ видѣ. Се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Ѳеодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ, акы ко встоку лиць, и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненымъ, ово же пламенемъ, яко же рече Давыдъ: «творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящь». И шлеми суть повѣлѣньемъ божьимъ, аможе хощеть Владыка и Творець всѣхъ. Ангелъ бо приходить, кдѣ благая мѣста и молитвенiи домове, и ту показають нѣчто мало видѣнья своего, яко мощно видѣти человѣкомъ; не мощно бо зрѣти человѣкомъ естьства ангельскаго,

яко и Моисн великый не взможе видѣти ангельскаго естьства, водяшеть бо я въ день столбъ облаченъ, а въ нощи столпъ огненъ; то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше предъ ними въ нощи и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть; на 2-е бо лѣто не се ли ангелъ вожь бысть на иноплеменникы и супостаты, якоже рече: ангелъ предъ тобою предъидеть,—и пакы: ангелъ твой буди съ тобою? Якоже пишетъ *премудрый Епифаній:* къ коей же твари ангелъ приставленъ: ангелъ облакомъ и мъгламъ, и снѣгу и граду и мразу, ангелъ гласомъ и громомъ, ангелъ зимы и зноеви, и осени и весны и лѣта, всему духу твари его на земли, и тайныя бездны, и суть скровены подъ землею, и преисподни тмы, и сущи во безднахъ, бывшія древле верху земля, отъ нея же тмы, вечеръ и нощь, и свѣтъ и день, ко всимъ тваремъ ангели приставлени. Такоже ангелъ приставленъ къ которой убо земли, да соблюдають куюжьдо землю, аще суть и погани; аще божій гнѣвъ будеть на кую-любо землю бранью ити, то оной землѣ ангелъ не воспротивится повелѣнью божью. Яко и се бяше и на ны навелъ Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганыя, и побѣжахуть ны повелѣньемъ божьимъ: они бо бяху водими ангеломъ, по повелѣнью божью. Аще ли кто речеть, яко ангела нѣсть у поганыхъ, да слышить, яко Олександру Македоньскому ополчившу на Дарья и пошедшю ему и побѣдившю землю всю отъ въстокъ и до западъ, и поби землю Египетьскую, и поби Арама, и приде въ островы морьскыя; и врати лице свое взыти въ Ерусалимъ, побѣдити Жиды, занеже бяху мирни со Дарьемъ, и поиде со всими вои его, и ста на товарищи и почи. И приспѣ ночь, и лежа на ложи своемъ посредѣ шатра, отверзъ очи свои, види мужа стояща надъ нимъ, и мечь нагъ

въ руцѣ его, и обличіе меча его, яко молонін, и запряже мечемъ своимъ на главу цареву. И ужасеся царь вельми и рече: не бій мене!—И рече ему ангелъ: »посла мя Богъ уимати царѣ великіи предъ тобою и люди многи, азъ же хожю предъ тобою, помогая ти; а нынѣ вѣдай, яко умереши, понеже помыслилъ еси взити въ Ерусалимъ, зло створити ерѣемъ божьимъ и къ людемъ его«. И рече царь: молю тя, о господи, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего; аче не любо ти, а ворочуся дому моему.— И рече ангелъ: »не бойся, иди путемъ твоимъ къ Іерусалиму, и узриши ту въ Іерусалими мужа въ обличеньи моемъ, борзо пади на лици своемъ и поклонися мужю тому, и все, еже речеть къ тобѣ, створи, не преступи рѣчи ему; въ онь же день преступиши рѣчь его, и умреши«. И въставъ царь, иде въ Ерусалимъ, и пришедъ въспроси ерѣевъ: иду ли на Дарья? И показаша ему книги Данила пророка, и рекоша ему: »ты еси козелъ, а онъ овенъ, и потолчеши и возмеши царство его«. Се убо не ангелъ ли вожаше Олександра? Не поганъ ли побѣжаше, и вси Елини кумиръслужебници? Тако и си погании попущени грѣхъ ради нашихъ. Се же вѣдомо буди, яко въ хрестьянехъ не единъ ангелъ, но елико крестишася, паче же къ благовѣрнымъ княземъ нашимъ; но противу божью повелѣнью не могутъ противитися, но молять Бога прилѣжно за хрестьяньскыя люди.

(П. Собр. Лѣт. 1, 121—122).

Здѣсь опять явленія объясняются по мнѣніямъ ученыхъ богослововъ византійскихъ.

52. Сѣверныя сіянія:

а) Въ 1102 лѣто бысть знаменье на небеси, м. генваря въ 29 день, по 3 дни: акы пожарная заря отъ востока и

уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы отъ луны полны свѣтящься. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ, м. февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнци: огородилося бяше солнце въ 3 дугы (*полукруга*), и быша другыя дугы хребты къ собѣ (*выпуклостями другъ къ другу*). И сія видяще знаменья, благовѣрнии человѣци со въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменьи си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро.

(*П. С. Лѣт. I, 117*).

б) Тое же зимы (1203) знаменія бысть многа на небеси, едино же отъ нихъ скажемъ: бысть во едину нощь, въ 5 часъ нощи, потече небо все и бысть чермно (*красно*) по земли же и по хоромомъ снѣгъ, мнѣти же всѣмъ человѣкомъ зряче, аки кровь прольяна на снѣгу; и видѣша же нѣцыи теченіе звѣздное бысть на небеси, отторгаху бо ся звѣзды на землю, мнѣти видящимъ я яко кончину (*міра*). Знаменья бо въ небеси, или въ здѣздахъ, или въ солнци, или въ лунѣ, или етеромъ (*иными*) чимъ, не на добро бывають: но знаменія сица на зло бывають, или проявляють рати, или гладъ, или смерти проявляють.

(*П. С. Лѣт. I, 176*).

53. Солнечныя затмѣнія:

а) Того же лѣта (1187) бысть знаменіе м. сентября 15: тма бысть по всей землѣ, якоже дивитися всимъ человѣкомъ, солнце бо погибе, а небо погорѣ облакы огнезрачными. Таковая бо знаменія не на добро бывають: въ той бо день того мѣсяца взятъ бысть Ерусалимъ безбожными Срацины; знаменія же та не по всей землѣ бывають, но на ню же страну Владыка что хощеть навести. Тогда бо глаголахуть тму бывшюю въ Галичи, яко и звѣзды видити середи дни, солнцю померькшю; въ кіевьской сторонѣ никто же не види въ тъ часъ. Мы же о семъ поглаголемъ. Аще во дни наша преда Господь градъ Ерусалимъ святы безаконьнымъ тѣмъ Агаряномъ; да кто свѣсть умъ господень, кто ли свѣсть тайная его створеная? Обрѣтаемъ бо въ Судійскихъ книгахъ, яко Ильи жерцю судящю во дни оны во Израили, и возъидоша иноплеменници на Ерусалимъ, и вземши дщицю скрижали Завѣта господня, уполчившеся и возъидоша на бой во срѣтеніе имъ: Богу же тако попустившю гнѣвъ свой на Израиля, и побѣжени бывше Израилтяни отъ иноплеменьникъ и святыню Завѣта господня плѣниша и нѣ по колицѣхъ лѣтъ, якоже исповѣдають Царскыя книгы, опять возвратить Господь скрижали Завѣта господня во Іерусалимъ, предъ ними же Богоотець Давыдъ веселія исполнися, скакаше играя. Намъ же укоренымъ сущимъ, поношеніе пріемлющимъ отъ безаконыхъ тѣхъ Агарянъ, а чающе есмы божія благодати и лика преславна.

(*Ипат. 135*).

По астрономическимъ таблицамъ, солнечное затмѣніе въ 1187 г. было 4 сентября, когда взятъ былъ Арабами у крестоносцевъ г. Аскалонъ, а Іерусалимъ отнятъ былъ 2 окт. Слѣдоват. лѣтопись отмѣтила и день взятія Іерусалима и день затмѣнія невѣрно.

б) Тое же зимы (1206) бысть знаменье на небеси въ солнци, м. февраля въ 28 день, въ среду сырное недѣли, и стоя отъ полудне до мефимона (1), осталo бо ся его бяше акы мѣсяць въ настатьи (*въ началѣ*) 1 дне; мнози бо вѣрнии человѣци зряще моляхуся Богу,

(1) *Мефимоны*, ефимоны—ирмосы на вечерни.

дабы Богъ обратилъ знаменье то на добро.

(П. С. Лѣт. I, 180—181).

О солнечныхъ затмѣніяхъ, П. И. Мельникова. Отеч. Зап. 1842 г. № 6 XXII, II, 47. Взглядъ лѣтописцевъ на событія міра. Прав. Собес, 1859.

54. Землетрясенія.

а) Тое же зимы (1195), по Ѳедоровѣ недѣлѣ во вторникъ, въ 9 часъ, потрясеся земля по всей области кіевьской и по Кыеву: церькви каменыя и деревяныя колебахуся, и вси людіе видяще отъ страха не можаху стояти, овіи падаху ници, иніи же трепетаху. И рекоша игумени блаженіи: »се Богъ проявилъ есть показая силу свою за грѣхи наша, да быхомся остали отъ злаго пути своего;» иніи же молвяхуть другъ ко другу: »сіи знаменіи не на добро бывають, но на паденіе многимъ, и на кровопролитье, и на мятежь многъ въ Руской землѣ,« — еже и сбысться.

(Ипат. 147).

б) Того же лѣта (1230), м. мая въ 3 день, на память св. Ѳодосья игумена Печерьскаго, въ пятокъ, во время св. литургія чтому св. еуангелью въ церкви сборнѣй св. Богородица въ Володимери, потрясеся земля, и церквы и трапеза, и иконы подвижшася по стѣнамъ, и паникадило съ свѣщами и свѣтилна поколебашася, и людье мвози изумѣшася, и мняхутся тако, яко голова обишла коего ихъ (1), и яко другъ къ другу и глаголаху, не вси бо разумѣваху дивнаго того чюдесе; бысть же се въ многихъ церквахъ и въ домѣхъ господьскихъ. Бысть же се и во иныхъ городѣхъ, и въ Кіевѣ градѣ велми болма того бысть потрясенье, а въ манастыри Печерьскомъ церквы св Богородица каменая на 4 части раступися, ту сущю м-ту Кирилу и кн. Володимеру, и бояромъ и Кіяномъ множеству и людемъ сшедшимся, празникъ бо бяше отъ дне св. отца Ѳеодосья; ту и тряпезницею потрясе каменою, снесену бывшю корму и питью, все то потре каменье дробное (*мелкое*), сверху падая, и столы и скамьи, но обаче вся тряпезница не падеся, ни верхъ ея. Такоже и въ Переяславли рускомъ церкви св. Михаила каменая рассѣдеся на двое и паде переводъ (*сводъ*) съ кровлею 3 хъ комаръ, и потроша иконы и паникадила свѣчами и свѣтилна. То же все бысть по всей земли одиного дни, одиного часа, въ годъ (*во время*) св. литургія, м. мая въ 3 день, въ пятокъ 4 й недѣли по пасцѣ. Тако слышахомъ у самовидѣць, бывшихъ тамо въ то время. Того же м. мая въ 10 день, въ пятокъ 5 недѣли по пасцѣ, нѣціи видѣша рано, въсходящю солнцю бысть ня 3 углы, яко и коврига, потомъ мнѣи (*меньше*) бысть аки звѣзда, тако и погибе, потомъ мало опять взиде въ своемъ чину. Того же мѣсяца въ 14 день, во вторникъ 6 недѣли по пасцѣ, въ торговъ годъ, солнце нача погыбати, зрящимъ всѣмъ людемъ, мало остася его и бысть аки мѣсяць 3 дни, и нача опять полнитися, и мнози мняху мѣсяць идуще чрезъ небо, зане бяшеть межимѣсячье то (*ущербъ*), а друзіи мняхуть солнце идуще въспять, понеже оболоци маліи, частіи, съ полунощныя страны борзо бѣжаху на солнце, на полуденну страну (*съ сьвѣра на югъ*). Того же дни и часа бысть тако и того грознѣе въ Кыевѣ, всѣмъ зрящимъ, бывшю солнцю мѣсяцемъ, явишася столпове черлени, зелени, синіи, обаполы (*съ обѣихъ сторонъ*) солнца; таче (*потомъ*) сниде огнь съ небеси, аки облакъ великъ надъ ручай Лыбедь, людемъ всѣмъ отчаявшимъ-

(1) Дивились и думали, что это головокруженье.

ся своего житья, мняще уже кончину сущю, цѣлующе другъ друга, прощенье имаху, плачюще горко, воспиша (*возопиша*) къ Богови слезами: и милостью своею Богъ преведе страшный тотъ огнь черезъ весь градъ безъ пакостя, и паде въ Днѣпръ рѣку, ту и погибе. Тако сказаша намъ самовидци, бывши тамъ.

(*П. С. Лѣт.* I, *193*).

55. Гаданія по явленіямъ природы.

Ростиславъ (въ 1249 г.) взялъ въ помощь Ляховъ и осадилъ Ярославль въ Волынской землѣ. Хвалящю же ся ему предъ вои своими и рекущу: »аще быхъ извѣдалъ, кдѣ Данила и Василка, ѣхалъ быхъ на ня, аще бы ми съ 10-ю воинъ, ѣхалъ бы на ня;« гордящу же ся ему, и створи игру предъ градомъ, и сразивъшуся ему съ Воршемъ, и падеся подъ нимъ конь и вырази собѣ плече, и не на добро случися ему знаменіе. Слышавъ же Данило и Василко ратное пришествіе его, помолистася Богу, начаста сбирати воѣ. Не дошедшимъ же воемъ рѣкы Сяну, сосѣдшимъ же на поли воружиться, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ криломы своими и воспрометающимъся на воздусѣ, якоже иногда и николиже не бѣ; и се знаменіе на добро бысть... Яви же Богъ милость свою и дасть побѣду Данилу наканунъ великую мученику Фрола и Лавра.

(*Ипат. 183—184*).

56. Бездождіе.

Тои же осени (1228) въ Новгородѣ нанде дъжгъ великъ и день и ночь, на

Госпожинъ день (1), оли и до Никулина дни не видѣхомъ свѣтла дни; ни сѣна людьмъ бяше лзѣ добыти, ни нивъ дѣлати Тъгда же окаяньныи діяволъ, испьрва не хотяи добра роду человѣчю и завидѣвъ ему, зане прогоняшеть его пощьнымъ стояніемъ, пѣніемъ и молитвами, и въздвиже на Арсенія, мужа кротка и смѣрена крамолу велику, простую чядь; и створше вѣче на Ярославли дворѣ, и поидоша на владыцьнь дворъ, рекуче: *»того дѣля стоитъ тепло дъло,*—выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, а самъ сѣлъ давъ мьзду князю;« —и аки злодѣя пьхающе за воротъ выгнаша, малѣ ублюде Богъ отъ смрьти, затворися въ церкви святѣи Софіи, иде на Хутино; а заутра введоша опять Антонія архепископа, и посадиша съ нимъ 2 мужь, Якуна Моисѣевица, Микифора Щитника,—и не досыти бы зла, нъ еще болѣ того: възмятеся всь городъ, и поидоша съ вѣца въ оружіи на тысячьского Вяцеслава, и розграбиша дворъ его, и брата его Богуслава, и Андреичевъ владыцня стольника, и Давыдковъ Софійскаго, и Судимировъ; а на Душильця на Липьньскаго старосту тамо послаша грабить, а самаго хотѣша повѣсити, нъ ускоци (*убьжалъ*) къ Ярославу, а жену его яша, рекуче: »яко ти на зло князя водять,«—и бысть мятежь въ городѣ великъ.

(*I Новг. 43—44*).

Подобное же происшествіе было во Псковѣ 1407. Витовтъ воевалъ волости псковскія, а Новгородцы не помогли своимъ братьямъ; къ тому же насталъ моръ; время было притужное: »А тогда бяше моръ во Псковѣ великъ; и тогда отрекошася Псковичи князю Даниду Александровичу: *тебе ради моръ сей у насъ*,—и выѣха князь Данило изо Пскова (*I Псковс. 198*). *См. ниже.*

(1) *Госпожинъ* день—Успенье; постъ успенскій доселѣ въ простонародьи называется *Спожинками* и, вѣроятно, приспособлено названіе къ слову — *пожни*, спожатому хлѣбу.

57. Голодъ въ Новгородѣ.

Въ лѣто 6738 (1230). Богъ видя наша безаконія, и братоненавидѣніе, и непокореніе другъ къ другу, и зависть, и крестомъ вѣрящеся въ лжю; его же ангели не могутъ зрѣти и многоочитіи крылы закрываються, того же мы въ рукахъ дьржаще скверными усты цѣлуемъ; и за то Богъ на насъ поганыя наведе и землю нашю пусту положиша, а иное сами не блюдуче безъ милости истеряхомъ свою власть (*область*), и тако бысть пусто; и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ. Изби мразъ на Въздвиженіе честнаго хреста обилье (*озимое*) по волости нашеи, и оттолѣ горе уставися велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривенъ, а въ дворѣхъ по полъ-30, а пшеницѣ по 40 гривенъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривенъ, и разъидеся градъ нашь и волость наша, и полни быша чюжія грады и страны братьѣ нашеи и сестръ, а останькъ почаша мерети. И кто не прослзиться о семъ, видяще мьртвьця по улицамъ лежаща и младенця отъ пьсъ изъѣдаемы? И възложи Богъ въ сердце благое створити архепископу Спуридону, и постави скуделницю у св. апостолъ въ ямѣ на Прусьскои улици, и приставі мужа блага смѣрена, именьмъ Станила, возити мьртвьця на кони кдѣ обидуце по городу; и тако безпрестани по вся дни влачаше, и наполни до вьрха, иже бысть въ неи числомъ 3000 и 30. На ту же зиму поиде княжиць Ростиславъ съ посадникомъ Вънѣдомъ на Тържькъ, м. декабря въ 8, въ недѣлю. А заутра убиша Смена Борисовиця въ 9, а домъ его всь розграбиша и села, а жену его яша, а самого погребоша у святого Гюргя въ манастыри; такоже и Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и Борисовъ тысячьскаго, и Творимиричь, иныхъ много дворовъ... Тои же зимѣ въведоша съ Хутина отъ св. Спаса Арсенія игумена, мужя кротка и смѣрена, князь Ярославъ, владыка Спуридонъ и всь Новгородъ, и даша игуменьство у св. Георгія; а Саву лишиша, посадиша и въ келіи, и разболѣся, лежавъ 6 недѣль и преставися марта въ 15, въ суботу, предъ обѣдьнею, и тако погребенъ бысть игуменомъ Арсеніемъ и всею братьею, а дан Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимовею понаманарю: бяшеть бо мужь благъ, кротькь, съмѣренъ и незлобивъ, покои Богъ душю его съ всѣми правьдными въ царствіи небесѣмъ! —Мы же на преднее възвратимся, на горкую и бѣдную память тоя весны. Что бо рещи, или что глаголати о бывшеи на насъ отъ Бога казни? яко иніи простая чадь рѣзаху люди живыя и ядяху, а иніи мьртвая мяса и трупіе обрѣзающе ядяху, а друзіи конину, цсину, кошкы, иніи же мъхъ ядяху, ушь, сосну, кору липову и листь ильмъ, кто что замысля. А иніи цакы зліи человѣци почаша добрыхъ людіи домы зажигати, кдѣ чююче рожь и тако разграбляхуть имѣніе ихъ, въ тѣхъ осочивъше (*нашли*) тако творяще овъихъ огньмь изжгоша, а другыхъ осѣкоша, иныхъ извѣшаща. Въ покаанія мѣсто злое и горціищи того быхомъ на здо, а видящи предъ очима нашима гнѣвъ божіи: мьртвьци по уличамъ и по търгу и по мосту по Великому, отъ пьсь изъѣдаемы, оже не можаху погребати. И поставиша другую скудьлиицю на поли, коньць Чюдиньчевѣ улици, и бысть та пълна, въ неи же числа нѣсть; а 3-ю поставиша на Колѣни, за св. Рожьствомъ, и та же бысть пълна, въ неи же числа нѣсть. То же бы намъ все видяще предъ очима, лучьшимъ быти, мы же быхомъ пущьши: братъ брату не съжаляшеться, ни отечь сынови, ни мати дъчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба; не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на

уличи скърбь другъ съ другомъ, дома тъска, зряще дѣтіи плачюще хлѣба, а другая умирающа. И куплямомъ по гривнѣ хлѣбъ и поболшю, а ржи 4-ю часть кади куплямомъ по гривнѣ серебра; и дайху отци и матери дѣти свое одьрень изъ хлѣба гостьмъ. Се же горе бысть не въ нашеи земли во одиноѣ, въ по всеи области Русьстѣи, кромѣ Кыева одиного. И тако ны Богъ въздаа по дѣломъ нашимъ.

(*I Новг. 46—47*).

58. Кометы.

а) Въ лѣто 6772 (1264). Явися звѣзда страшная, свѣтящи презъ мѣсяцей 3, луча ку полудню испущающи; и потомъ бысть великій моръ въ скотѣхъ.

(*Густ. 343*).

б) Въ лѣто 6773 (1265). Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая, образомъ страшнымъ, испущающе отъ себе лучѣ великы, си же звѣзда нарѣчается власатая; отъ видѣнія же сея звѣзды страхъ обья вся человѣкы и ужасть; хитреци же смотрѣвше тако рекоша: »оже мятежь великъ будеть въ земли.« но Богъ спасе своею волею, и не бысть ничтоже.

(*Ипат. 202*).

О явленіи кометы см. еще »Повѣсть о нашествіи Тохтамыша.«

в) Въ великое говѣніе м. марта (1402) являшеся нѣкое знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю на западѣ звѣзда немала, аки копейнымъ образомъ, верху же ея аки лучь сіяше, иже на востоцѣ восходящи и на западѣ лѣтнемъ являшеся, юже видѣхомъ весь той мѣсяць тако восходящю. Се же является грѣхъ ради нашихъ, пробразуеть и претитъ и велитъ намъ покаатися отъ грѣхъ нашихъ; убосмѣю рѣщи сбывается слово еуангельское, якоже самъ Спасъ въ еуангелии рече: »въ послѣдняя дни будуть знаменія велика на небеси, въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ, услышати же имать слухъ рати и нестроеніе и слышанія брани, въстанетъ бо языкъ на языкъ, и страна на страну, и царѣство на царство, и будуть гладове и мятежи и пагубы, и трусы (*землетрясенія*) велицѣи по мѣстомъ, и страхованія въ морѣ, все же начало болѣзнемъ, предасть же братъ брата на смерть и отець чадо, и возстанутъ чада на родителя своя и убьютъ я, и другъ друга предасть и возненавидитъ и прельститъ, и за умноженіе безаконія изсякнетъ любы многыхъ; будетъ бо тогда печаль велика и скорбь человѣкомъ, и туга (*тужба, горе*) языкомъ, и гнѣвъ на людехъ и страхъ повсюду.« Да еже то въ еуангелии прежде Спасъ нашъ глаголаше, то нынѣ въ *послѣдняя времена* все сбывается, а реченная знаменія на небеси въ солнци и въ лунѣ и во звѣздахъ являющеся.

(*П. Собр. Лѣт. IV, стр. 105*).

59. Пожары въ Новгородѣ.

а) Въ лѣто 6807 (1299), м. апрѣля 18, въ суботу вел., въ 1 часъ ночи, загорѣся на Варяжьскои улици, и створися горе велико, по нашимъ грѣхомъ: въздвижеся буря съ вихромъ, и тако бысть силенъ огнь въборзѣ, кто мало что похвативъ выбѣжа изъ своего двора, а иное все огнь взя. И вержеся огнь изъ Нѣмечьского двора въ Неревьскыи конець, загорѣся на Холопьи улици, а тамо сильнѣе огнь, а Неревляне на оной сторонѣ, а мостъ Великыи огнь заялъ; и тако створися пагуба велика, олна на свѣтѣ (*при*

разсѣяти). Богъ и добріи люди уяша. А злiи человѣцы падоша на грабежи, что въ церквахъ все разграбиша, Бога не боячеся, а вѣдуче казнь божію, въ покаянія мѣсто горшее зло створиша, въ св. Иванѣ (*въ церкви*) надъ товаромъ сторожа убиша, а въ св. Яковѣ сторожь сгорѣ. На торговомъ полу 12 церквіи сгорѣ, иконъ не всѣхъ успѣша выносити, ни книгъ,—а въ Христовѣ церкви нѣколико головъ сгорѣ, и два попа сгорѣша, въ Неревьскомъ концы 10 церквіи сгорѣ и многа узорочья въ церквахъ, и мужь добръ сгорѣ Елеферій Лазоревичь. И бысть заутра печаль и сѣтованіе, въ радости мѣсто: то же все бысть грѣхъ дѣля нашихъ; сбысться пророчество Исаія пророка, еже рече: *преложю праздники ваша въ плачь, и игрища ваша въ сѣтованіе*. То же, братіе, Богъ казнить за грѣхы наша, кажа насъ на покаяніе, да быхомъ ся остали отъ злобъ своихъ; аще сьгрѣшихомъ, нъ не отчаемся твоеа милости, твоя бо есть, Господи, власть казнити и пакы миловати,—казнивъ, Господи, помилуи ны!

(*I Новг. 66—67*).

б) Въ лѣто 6848 (1340 г.) м. іюня въ 7 загорѣся на Щерковѣ улици, въ полъдни, и погорѣ Неревьскій конецъ до св. Якова, а сѣмо и до Чюдинцѣвы улици, и дворъ владычень, и св. Софѣя, церкви и дворы въ дѣтинци (*въ крѣпости*) и Людинъ конецъ до св. Алексія, а сѣмо и до Пруской улицѣ, лютъ бѣ пожаръ съ бурею и съ вихромъ, по водѣ огнь ходя горяше, много людей потопе на Волховѣ, и переверженся чрезъ Волховъ на ону страну, и погорѣ вся сторона отъ Ѳедорова ручья въ Славно и до поля, до вечерній, и церкви каменыи и деревяныи; изъ многихъ церквій не успѣша выносити ни иконъ, ни книгъ, ни изъ домовъ, а хотя кто что вынеслъ на поле, или на огороды, или въ греблю или въ лодьи и въ учаны (*большія судна*), то все поломянемъ взялось, а иное злiи человѣци пограбиша. Не токмо же то у своей братьи хрестьянъ, а иныхъ надъ своимъ товаромъ побиша, а товары собѣ поимаша, и въ св. церквахъ, идѣже бы всякому хрестьяняну хотя бы и свой домъ повергя (*бросить*), а церкви постеречи. Но мы паки Бога не боящеся, ни чающе въскресенія мертвымъ, ни суда божія, ни въздапія по дѣломъ, а видяще казнь божію надъ нами, въ покаянія мѣсто горшее творимъ: церковь Святыхъ 40 (*мучениковъ*), яже бѣ устроена иконами и писменемъ (*росписана*) и кованіемъ и крутою (*металлическими украшеніями*), запершеся въ церкви товаръ (*пожитки*) весь разграбиша, а иконъ и книгъ не даша носити, а сами избѣгоша изъ церкви, все сгорѣ, и сторожа два убиша, а у св. Богородици въ торгу попъ сгорѣ, а церковь вся погорѣ, иконы и книги, сего же ни власѣ огнь не прикоснуся, а товаръ весь пограбиша, а въ св. Пятницѣ сторожъ съ сыномъ сгорѣ, и церковь та падеся, и другая Борисъ и Глѣбъ на Подолѣ, а всѣхъ церквей погорѣ 50, а людей 70 душь сгорѣ въ домѣхъ, а Великій мостъ (1) сгорѣ весь по воду. А Смоленьскъ погорѣ на Спасовъ день (*1-го августа*).

(*П. С. Лѣт. IV, 54*).

в) Того же лѣта (1442) бысть пожаръ въ Плотническомъ концѣ: загорѣся отъ Щитной улици маія въ 4, и погорѣ половина Конюховы ул. и Запольская вся, и за городъ перешедъ погорѣ. И пакы, того же мѣсяца въ 11, на память священномуч. Мокіа, загорѣся на Подолѣ, и бысть пожаръ лютъ и пакости людемъ

(1) Мостъ великій устроенъ былъ въ Новгородѣ черезъ р. Волховъ.

много, и церквей каменыхъ огорѣ 12, а христіанскыхъ душъ, Богъ вѣсть, колико сгорѣ, и Конець весь погорѣ до св. Георгія, и ту преста на Лубяници. И по малѣ времяни, того же мѣсяца, погорѣ Заполіе Микитины ул.; и бысть пакость велика людемъ, кои вносилися къ нимъ съ животы своими. Сіи пожары бываютъ грѣхъ ради нашихъ, да ся быхомъ покаали отъ злобъ своихъ. Въ тоже время людіе, отъ скорби тоа великія пожарныя, похвативше люди, глаголюще отъ ярости смущени: »втайнѣ ходите и людемъ не являетеся, и зажигаете градъ, и люди губите«,—право ли есть глаголющее? Богъ вѣсть испытанія человѣчьска.

(*I Новг. 114*).

60. Разныя дивныя явленія и случаи.

а) Въ лѣто 6777 (1269). Дивы великіе являхутся: видяху люди на небѣ войска ве зброяхъ, и раздѣлены на два полка, и едны зъ другими біяхуся; потомъ, не далече отъ Кракова, една пани Вербославская Малгората еднымъ роженьемъ породи дѣтей живыхъ 36, генваря 21. Въ тоже лѣто, декаврія 6, въ нощи, явися свѣтъ на небѣ крестообразно, яко не токмо градъ, но и оную всю страну просвѣти. Въ тое жъ лѣто, во 8 день по Рожд., въ Калишу родися телецъ со седмію ногъ телчихъ и двома песіими главами, едина по обычаю напреди, а другая меншая надъ опашію: сего трупу никтоже отъ животныхъ не хотяше ясти, ни птица, ни пси, ни волци; на Шлонску (*въ Сгилезіи*) зась дождъ кровавый идяше, а потомъ зась бысть дождъ великъ и поводь, яко и села и людей вода забираше.

б) Въ лѣто 6783 (1275). Родися въ Краковѣ дѣтище со зубами, иже глаголаше абіе, егда же окрещенно бысть, испадоша ему зубы и преста глаголати; второе же дѣтище родися, иже по шестію мѣсяць своего рождества яснымъ языкомъ глаголаше и пророчествоваше нашествіе Татаръ,, приложи же и се, яко и оно имать пострадати отъ Татаръ, еже и сбобысться.

в) Въ сіе лѣто (1277) видѣша на небѣ свѣтъ, аки бы небо отверзто. Въ сіе лѣто уловища рыбитвы диво бѣсовское, страшное, въ езерѣ, въ повѣтѣ краковскомъ, иже имѣяше главу козію зъ рогами, а очи аки свѣщи свѣтяхуся ему; людей же тамо бѣ множество, иже се видѣвше убояшася, отъ страха всѣ побѣгоша, сіе же диво такожде побѣже подъ ледъ рычащи.

г) Въ лѣто 6847 (1339). Една пани уродила разомъ дѣтей 12,—11 померли заразъ, а единъ выховался и былъ потомъ бискупъ.

(*Густынс. 344. 345. 349*).

д) Той же весны (1360), въ великое говѣнье, аки огненныя зари явишася, отъ востока восходя чрезъ небо. И бысть мятежь силенъ въ ордѣ; мнози цари, и царевичи, и рядци, изсѣкошася межи собою.

(*II Новг. 132*).

е) Того же лѣта (1406) погибе мѣсяць передъ раннею зарею, и бысть яко кровь на мѣстѣ его, и заиде не исполнився. Того же лѣта, по Петровѣ дни, въ Нижнемъ Повѣгородѣ бысть буря велика, и вихоръ вземъ человѣка на лошади и съ колесницею понесъ, дондеже невидимъ бысть; на другій же день обрѣтоша на другой странѣ рѣки великія Волги колесницу его на древѣ высоцѣ висящу, а человѣкъ безъ вѣсти.

(*П. С. Лѣт. VI. 133*).

ж) Той же осени (1430) вода бысть мала вельми, и земля и лѣсы горяху, и дымъ многъ вельми, иногда другъ друга не видѣти; и съ того дыма мряху рыбы и птица, а рыба дымомъ воняше и по два года.

(*I Новг. 111*)

з) Того же лѣта (1440) бысть знаменіе въ Вороночи: отъ иконы св. Николы изъ лѣваго ока, изъ суха древа, истече кровь напрасно, на заутрени въ Спасъ день; и послаша по икону събора 3-го два попа, Ивана да Семена, и привезена бысть икона во Псковъ на Усѣкновенье главы Іоана Предотеча, и усрѣтоша икону вся 3 събора и архимандритъ Геласій и вся священники, молящеся Богу, и бысть страхъ великъ крестіаномъ о чюдеси св. Николы.

(*П. С. Лѣт. IV, 211*).

и) Да и сіе не забвено будеть въ послѣднихъ родѣхъ: 1447 г. генваря 3, бысть облакъ тученосенъ и съ дожгемъ, и паде вкупѣ пшеница и рожь и жито на полѣ и на лѣсѣ, отъ града за 5 верстъ, въдалѣ отъ Волховца и до Мьстѣ рѣки на 15 верстъ; людіе събравше, елико кто изобрѣте, и принесоша въ градъ, граждани же стекошася видѣти сіе преславное чюдо, откуду и како бысть.

(*П. Собр. Лѣт. IV, 125*).

61. Моръ.

а) Въ 1352 г. моръ былъ во Псковѣ чрезъ все лѣто: почалося изъ весны на цвѣтной (*вербной*) недѣли, тоже и до самыя осени, уже предъ зимою преста. Того же лѣта Псковичи поставиша церковь св. Богородица честному ея Покрову за стѣною, въ странѣ св. Дмитрея. Тогда же архіеп. Василей пріѣздилъ во Псковъ не въ свои лѣта, ни во свою череду, но тако, хотя благословити дѣтей своихъ Псковичь и поповъ; и обоиде весь градъ съ кресты, и съ всѣмъ священнымъ съборомъ и съ всѣмъ крилосомъ, и съ мощми святыхъ, и съ пѣніями и съ молитвами и слезами, молящеся Господу Ісусу Христу и пречистѣй его Матери, св. госпожѣ Богородици, о заступленіи града и о всѣхъ людехъ живущихъ въ немъ о Христѣ въ вѣрѣ крестіанстѣй, дабы Господь преставилъ (*остановилъ*) многоналежащую тогда смерть на людехъ; такоже и весь народъ и люди, мужи и жены, отъ мала и до велика вси вослѣдствующе со многими слезами звааху: *Господи помилуй*! Архіепископъ же Василей мало дній ту побывъ, поѣха паки изо Пскова здравъ, бысть ему на пути наборзѣ (*быстро*) разболѣся, мало поболѣвъ преставися на рѣцѣ на Узѣ. Сана свѣтлостью не умолена бываетъ смерть: на всѣхъ вынизаетъ многоядныя своя зубы. Нѣкоторіи же рѣша: »той моръ изъ Индѣйской земли, отъ Солнца—града«.

(*Пол. Собр. Лѣт. IV, 191*).

По представленіямъ народнымъ, навѣяннымъ византійскими сказаніями, солнце имѣетъ свой городъ, который находится въ странѣ Врахмановъ (*Брахмановъ*), т. е. въ Индіи, гдѣ живутъ разные уродливые народы. Оттуда—то приноситъ вѣтеръ разныя смертельныя болѣзни.

б) Псковичи послаша послы своя (1407) въ В. Новгородъ и биша челомъ, абы помогли на Нѣмець,—и не помогоша. И потомъ биша челомъ кн. в. Василію Дмитріевичю, абы помоглъ бѣднымъ Псковичемъ въ тошна времени: и князь вел. разверже миръ съ своимъ тестемъ, съ кн. Витовтомъ, псковскыя ради обиды. И бяше тогда въ Псковѣ моръ непрестаненъ; и выпроводиша кн. Данила Александровича, глаголюще: »тебѣ ради моръ сій есть въ насъ«,—и

поѣха изо Пскова въ Новгородъ, въ самый николинъ день во осень. И послаша Псковичи послы своя къ в. кн. Василью Дмитріевичю, и испросиша собе князя, брата князя вел. меньшаго Костянтина; и пріѣха кн. Костянтинъ, во вторникъ на вербной недѣли. И кн. Костянтинъ съ Псковичами смысливше и помолившеся Богу, създаша церковь въ имя св. отца Аѳанасіа, въ единъ день, въ недѣлю (*въ воскресенье*) и освящаша и службу свершиша, м. марта въ 29 день.

(*П. С. Лѣт. V, 19—20*).

62. Вихрь, дождь, громъ.

а) Того же лѣта (1419), априля 9, въ недѣлю при вечери, буря бысть велика вѣтрена, съ вихромъ, и туча и дожди умножени со градомъ, и источници потекоша водъ, аки рѣка силная и молніи блистаніа и громъ страшный; и отъ того страха потрясеся земля, а людіе ницъ падоша, а пономарь церковный бысть мертвъ; и во дву церквахъ, во св. Богородици на градныхъ воротѣхъ и св. цари Константитѣ на Росткинѣ улици, иконы ополѣша отъ огня небеснаго. Якоже рече писаніе о громѣхъ и о молніяхъ: »аще отъ сраженія облакомъ точію молнія будеть, нѣсть вреждающи, но абіе мимоходить и изгинеть; аще ли съ ударяющимся облакомъ, и къ симъ снидеть небесный блескъ огненъ, пламенновиденъ, и съвокупится съ молніею, исходима долу (*внизъ*) творить сгорѣніе, его же налучить; се же наречется пожаръ.« Не всѣхъ бо Владыка казнить, смертью тою напрасною осуждаеть. Якоже бо и во единой болници мнози на одрѣ лежать, да иніи отъ нихъ въставляются, друзіи же отъ нихъ различными суды кончаются: тако же бо и о громогласнѣмъ томъ шибеніи, отъ материхъ ядръ младенца извергъ снабжаеть, другоіи же отъ рукъ материхъ истергъ младенець суду предаеть, матерь же младенца снабжаеть; то кто изглаголеть силы господня, како ли увѣсться смотрѣніе? Невидимъ есть громъ, ни рукъ человѣческъ имѣеть, прерѣвая, превращая и растерзая подруга отъ ужикъ своихъ и чадо отъ родитель своихъ; но токмо повелѣніе владычне съ страхомъ творить, но прещеніемъ тѣмъ на молитву въставляеть.

(*П. С. Лѣт. III, 138; IV, 118—119*).

б) Въ лѣто 6929 (1421). Въ Новѣгородѣ поводь велика бысть въ Волховѣ, и снесе 20 городень Великого мосту, и бурѣ велицѣ бывши и разбиша отъ воды и уличніи мости, и храми мнози отъ основанія исторженя быша, мнози же воды ради на верхъ хоромъ живяше; а монастыревъ 19 обіятъ вода, яко ни пѣнію быти въ нихъ, и толицѣ скорби бывше, *яко уже людямъ чающимъ потопу нашедшу на нихъ*. И еще же паки и туча велика взиде, маія 19, съ полудени, съ громомъ страшнымъ и съ шумомъ великимъ, въ полунощи молньи блистающи и яко прозрѣти не мочно бѣ, яко бо чающимъ людемъ сожженнымъ быти отъ огня оного; понеже бо и туча она пришедше надъ градомъ ста, измѣнися отъ дожденосія огненное видѣніе, людіе же всяко чающи пламени быти и дожигающи грѣшники, и ужасошася и начаша вопити: *Господи помилуй*, и прочее многое моленье, и обѣты приношоху Господеви и преч. Его Матери и всѣмъ святымъ, понеже бо каменіе изо облака являшеся. Архіепископъ же Семенъ съ чиномъ священымъ и вси богобоязніи людіе, вшедъ въ церковь Премудрости божія, ниць падше со многими слезами изъ глубины сердца со воздыханьми молящеся, такоже и по прочимъ церквамъ

священници и людіе творяху, и тако преиде нощь та страхомъ онѣмъ; пришедшу же дню и бысть тишина, и туча она бысть не видима, и едва людіе въ себе пріидоша отъ страха оного.

(П. Собр. Лѣт. VI, 141—142).

См. еще IV, 207 подъ 1433 г.

в) Того же лѣта (1450) бысть чюдо страшно во градѣ Москвѣ: м. августа 5 день, канунъ дни Спасова, предъ вечернею за единъ часъ, внезапу пріиде туча со въстока на градъ, и бысть громъ страшенъ; по разгнѣванію Господа Саваоѳа, по умноженію грѣхъ хрестіяньскыхъ, прострѣли громъ верхъ у церкви у каменыя св. Михаила архангела на площади, и поиде стрѣла въ церкви, и бысть чудо страшно, яко не мощно сказати, како ходила по церкви. Того же м. августа 13 день, пріиде туча отъ западныя страны на градъ Москву и вѣтръ великъ зѣло, и сломило крестъ у церкви св. архангела Михаила на площади.

(П. С. Лѣт. V, 270).

63. Сказаніе о трусѣ.

(Твореніе Родіона Кожуха, дьяка митрополича).

Въ лѣто 6968 (1460) іюня 14. Нынѣ убо въ лѣта живота нашего прояви Богъ людемъ своимъ дивное и страшное чюдо, въ день памяти св. пророка Іелисея. Мы убо и донынѣ знаменія преже сего бывшаго въ писаніи св. книгъ прочитахомъ, а видѣніемъ таковаго страха во многопрешедшая лѣта никогда же узрѣхомъ, яко днесь очима нашима страшнаго сего труса бывшая видѣхомъ и ушеса наша исполнишася трепета сердець нашихъ, таковая отъ небесъ пришедша грозная слышаша. Бысть бо веліе знаменіе во градѣ Москвѣ сицево. Преже взыде подъ небесы туча на облацѣхъ и всѣмъ зрѣти, яко обычнѣ шествоваше воздухи носимо, и тако поиде отъ юга совокупляяся облакы *по аеру воздуха* (sic!) парящаго, по пророческому словеси: »сбирая яко въ мѣхъ воды морскія и полагая во скровищахъ бездны«; и тако поиде ко въстоку солнечному на облацѣхъ, и яко уже совокупивъ свое величество, исполнены водоточнаго естества, и тако распростанися надо многими мѣсты, и бысть видѣніетъ туча грозна и велика велми. И паки скоро шествіе свое возврати отъ востока къ западу, якоже скорость молоньи, и проліяше дождь великъ на градъ Москву, на многіе села и мѣста далече отъ града; возвѣяше въ ней вихоръ, вѣтръ силенъ вельми, и по граду много св. церквей и покровеніе ихъ снесе, а на стѣнахъ града кровы разлома, въ долу поверже силнымъ возвѣяніемъ вихра паряща по аеру, и безчисленое храминъ множество верхи ихъ сбиваше и на земли яко прахъ поверже, а иніи храмины до основанія земли разоришася; а по селомъ и по многимъ мѣстомъ града того многи храмы св. церквей разнесе, а живущихъ людей въ весѣхъ многи домы восхищая разметаше, твердо укрѣпленая человѣческая зданія, яко нивочтоже вмѣнивъ разшибаше; сице же и древесъ неизглаголанное множество на лици поля падошася по многимъ мѣстомъ окрестъ града, исторзаемы и преломляемы возвѣяніемъ нужнаго и скороминувшаго оного вихра, яко же въ писаніи о семъ глаголетъ: »стрясе землю и смяте ю«. Къ сему же пришедшему на нь вихру, и молоніямъ тогда блистаніе веліе бяше и громъ тутняше, но не толикъ и страшенъ, яко вихръ онъ возвѣяше велми. Якоже рече Господь: »не сія ли вся собрашася у мене, и запечатлѣшася во скровищѣхъ моихъ?« И сія рече: »по-

острю мечь мой яко молнію и воздамъ месть врагомъ моимъ, во время соблазна ихъ; азъ, рече, убію и жити сотворю, и нѣсть иже изметъ отъ руку моею«. Того ради Богомъ посланнаго великаго страха, пришедшаго на ны, мнози во градѣхъ и въ селѣхъ людіе въ той часъ живота своего отчаяшася, и другъ отъ друга прощенія прошаху, и слезы проливающе со воздыханіемъ къ Богу и моленія приносяще ползовахуся, и тако многими скорбьми и сѣтованіемъ въ то время одержими бывше, мироносиць гласъ воспріемши, ркуще: »Господи! утоли наше рыданіе слезное«; и тако плачющеся чающе уже конечнѣ своего живота лишитися. Мнози убо свидѣтельствоваху огнь въ тучи той видѣвши яко пламень распыхаяся отъ великіа ярости вихра, но нигдѣ же чему коснуся божіимъ запрещеніемъ. Тако же и въ селѣхъ отъ древесъ преломляемыхъ, отъ храминъ разрушеныхъ, отъ верховъ имъ разсыпаныхъ, ничѣмъ же не вреди никого же отъ всѣхъ человѣкъ народа, ниже скота ихъ; но вся Богъ соблюде цѣлы отъ смерти, ничѣмъ не врежены, развіе храмовъ разрушеныхъ и потребныхъ въ нихъ; а пахатное жито сѣмена на лици поля со землею смяте. И тако молитвами великихъ нашихъ святителей и чюдотворець, предстоящихъ престолу божію, Николы великаго, и Петра м-та, и Алексѣя снастольника его, и Леонтіа еп. ростовскаго, и св. чудотворець препод. Сергіа и Варлама и Кирила молитвами и предстояніемъ ихъ къ Богу, благовѣріемъ князей вел. Василья и Ивана сына его, такоже и архіепископа нашего Іоны м-та молитвою и всѣхъ православныхъ, вскорѣ сотвори Господь милость свою на боящихся его и пощадѣ насъ. Якоже нѣкогда пощадѣ о Ниневгіи градѣ велицѣмъ и обратися отъ злобъ своихъ, еже, рече, восхотѣ сотворити имъ и не сотвори: и нынѣ такоже въ малѣ часѣ переведе черезъ градъ великую тучю, и того нужнѣ волнуемаго на ны вихра укроти, и тишину воздуха всячески намъ дарова; по пророческому, яко же рече: »не до конца прогнѣвается, ни въ вѣки враждуетъ Господь, ни по безаконію нашему сотвори намъ, ни по грѣхомъ нашимъ воздасть; но утверди Господь милость свою на боящихся его.« Того ради сицевая страшная намъ знаменіа являя, наказая ны, хотя ны отлучити отъ грѣхъ, да не до конца увязнемъ въ сѣтѣхъ козней дьяволя ловленія; яко же рече Господь: »обратитеся ко мнѣ, сынове человѣчестіи, и покажу на васъ милость свою и возвращу ярость свою отъ васъ; зане яко тысяща лѣтъ предъ очима его, яко день вчерашній, иже мимо идетъ; лѣта же наша яко паучина паучахся съ трудомъ и болѣзнію въ животѣ нашемъ.« И тако мало дній препроводивше въ будущая онамо преходимъ; иже здѣ богоугоднѣ пожившеи, то и онамо отъ Бога благая воспріимутъ, а творящеи злая въ муку послани будутъ. Того ради, братіа, видѣвше таковая намъ страшная знаменіа бываемая, да разумѣемъ яко Богомъ сицевая послана суть; мы же видѣвши сіа воспрянемъ яко отъ сна убудившеся отъ помраченій грѣховныхъ, и умягчимъ нивы сердець нашихъ, и притецемъ къ Богу, со умиленіемъ припадающе и со слезами вопіюще, милости просимъ, покаянія о грѣсѣхъ положивше спасеніе получимъ, сердечнѣи слезы проліявше грѣховъ очистимся, милостыню подавше спасеніе получимъ; и таковая убо сотворше, добрѣ благыхъ отъ Господа насладимся, небесная селеніа воспріиземъ, во святыхъ кровѣхъ упокоимся, идѣже праведни почиваютъ. Аще ли же таковаго на ны отъ Бога посланнаго великаго и страшнаго труса, еже вмалѣ отъ глубокихъ сокровищъ своихъ показа намъ отригновеніемъ оного духа, паряющаго по воздуху, и толики отъ него страсти бывшаа презримъ; то како не прогнѣваемъ своего

Владыкы и зижителя всей твари? Якоже Притечникъ рече: »Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать«; чго же ли смиреніе? не обѣщаніе ли отъ злыхъ, еже творити молитва съ покаяніемъ и со умиленіемъ къ Богу? по апостолу, яко же рече: »да отъ злыхъ избѣгше съ правдою поживемъ, чающе блажена упованіа; страшно бо есть впасти въ руцѣ Богу живу, не имущу кому благыхъ дѣлъ«. Того ради покаемся отъ злыхъ, и тако помолшеся умилостивимъ своего Владыку, да ны, прогнѣвавшая рабы, избавитъ отъ толика страшнаго труса, отъ глада же и губителства, и отъ нашествія иноплеменныхъ, и отъ междуусобныя брани, и отъ всякія нужа, и отъ всякого зла; Богу нашему слава въ вѣки, аминь.

(*Н. Єобр. Лѣт. VI, 182—184; VIII, 148—149*).

Это твореніе московскаго дьяка Кожуха служитъ характеристическимъ образцомъ краснорѣчія XV в. Тогда простой, краткій и сильный языкъ считался низкимъ: витіеватость же, напыщенная украшенность и растянутость составляли отличительныя черты высокихъ твореній.

Б. ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ.

64. Пророчество св. Варлаама о снѣгѣ и о мразѣ.

Егда бяше въ животѣ препод. Варлаамъ, и приѣде св. Варлаамъ в вел. Новъградъ ко архиеп. Антонію благословитися. Архиепископъ же заповѣда препод. Варлаамоу паки с недѣлю помедливъ приѣхать к себѣ нѣ о какихъ духовныхъ дѣлехъ побесѣдовати. Св. же Варлаамъ рече ко архиепископоу: »аще Господь повелитъ, господине св. владыко Антоніе, буду оу твоеи святыни благословитися на перъвой недѣлѣ петрова постоу в пятокъ на санехъ.« Святитель же, слышавъ от оустъ св. Варлаама, в сумнѣніи бысть, что хощетъ святый в пятокъ перъвыя недѣлѣ петрова посту приѣхати на санѣхъ. Стыдяше же (ся) вопросити святаго о вещи. Бысть же по пророчествоу св. Варлаама в петровъ постъ на перъвои недѣлѣ к пятку на нощь паде снѣгъ великъ въ поясъ человѣка, или болши, и мразъ великъ. Того дни на оутріи приѣде св. Варлаамъ в вел. Новъградъ ко архиеп. Антонію на санѣхъ. Архиепископъ же нача тужити о хлѣбѣ, яко рожъ въ цвѣтѣ прибило. Св. же Варлаамъ нача утѣшати святителя душеполезными словесы: »Не скоробѣ (ти), но паче благодарити Господа нашего Іис. Христа и пречис. его Матерь Богородицу и всѣхъ св. великихъ чюдотворцевъ, яко призрѣлъ Господь Богъ на насъ милость свою; аще, св. владыко Антоніе, не послалъ бы Господь Богъ снѣгу и мразу, погыбнути было людемъ от глада: хотяще Господь Богъ за умноженіе грѣхъ нашихъ попустити гладъ, и молитвъ ради преч. Богородица и всѣхъ св. великихъ чюдотворцевъ дарова Господь Богъ снѣгъ и мразъ, да в коренѣ ржаномъ во всякомъ обиліи черви изомроша, и единъ день пребуде снѣгъ на земли, и божиимъ промысломъ и повелѣніемъ будетъ теплота, и той снѣгъ за дождевую тучу одпоитъ землю и плоды всякия земныя.« Еже и бысть по пророчеству св. Варлаама. Святитель же архиеп. Антоніи, сия слышавъ глаголы от св. Варлаама, велми оужасеся о предивномъ божии милосердии и о неизрѣченныхъ божихъ судбахъ, начатъ славити Бога. И посла святитель св. владыка Антоній на поле слугъ своихъ от предстоящихъ ту въ келии его, да исторгнуть класы ржаные и с корнемъ. Шедъше посланніи на ржаное поле, исторгнуша класы ржаные и с корнемъ, принесоша тоу въ келию предъ архиепископа Антонія. И видѣ Антоній в корени ржаномъ много множество червей и измершихъ от снѣга и от мраза, прославиша Бога о бывшей божіи милости. По пророчеству же св. Варлаама, на оутре, еже в суботу, и въ недѣлю, теплота велика бысть, и растая снѣгъ и оупои землю, и оувлажи яко же дождевноую тучю. Божиимъ промысломъ и повелѣніемъ, рожъ тогда цвѣла, а цвѣтоу не прибило мразомъ, молитвами пречистыя Богородица и великыхъ чюдотворцевъ, и молитвами св. Варлаама чюдотворца. Святитель

же видѣвъ збывшееся пророчество св. Варлаама, того же лѣта оугобзеніе велико бысть всѣмъ плодомъ земнымъ, молитвами пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ ради великыхъ чюдотворцевъ, и молитвами св. Варлаама чюдотворца.

(Пам. стар. рус. лит. I, 277—278).

65. Изъ бесѣды св. Андрея съ Епифаніемъ.

Вода, яже изъ облака исходитъ дождьми, съ небеси ли исходитъ ци *(или?)* отъинудь въ облакы входитъ?—Андрей рече: дугу мою поставлю, рече Богъ, на облацѣхъ. Да и дуга бо повелѣніемъ божіимъ собираетъ морскую воду, какъ въ мѣхи, и наливаетъ облачной воды; да егда повелитъ Богъ вдати дождь на землю, восходитъ шумъ изъ трубы дужной, а той духъ есть буренъ вельми и смущаяяся; да какъ духъ начнетъ раздирати облаки, уготовати путь водѣ и проливати ю въ ширину вданому тому облаку, да тѣмъ путемъ великимъ скрежетъ сотворится: сей скрежетъ человѣцы навыкли называть *громомъ*, понеже скрежетъ облакы, готовя путь, да быша пріяли воду, да егда пріидетъ духъ правый громный и отпуститъ облаки, тогда паки входитъ другій духъ воду кропя, скрежеща и гремя, наполняя облаки водой, яко же и губу. И посемъ отверзается другое сокровище одержащее ихъ и воду, и прежъ пойдетъ духъ сущій въ немь съ громомъ, пути творя водамъ, хотящимъ пріяти на облацѣхъ, да тако пущаетъ, отверзаетъ сокровище водокровно: служба бываетъ, громови громятъ; громъ бо приходитъ предъ водою, множицею же и безъ грома бываетъ дождь. Но не о себѣ сами ти облаци дожди даютъ, а владыка Богъ ангелъ къ нимъ приставилъ есть, да ихъ направляютъ и на всю тварь небесную. Епифаній рече: откуду исходитъ молнія?—Андрей рече: трубы облачныя собираютъ отъ моря и отъ рѣкъ воды и отъ озеръ, и напившеся восходятъ изливаютъ изъ себе воду ту, а входяще скорбныя бѣдныя пріемлютъ ю въ сокровенныя бездны: да егда наполнятся отъ нея, тогда проливаются на землю и вся наполняютъ и отходятъ на страну свою и на мѣста своя и пребываютъ недвигающеся. Потомъ же рече: молнія есть утвержденіе, есть сокровище тмѣ и содержитъ въ себѣ воду ту, поядаетъ ее всю соль и всю скверну, аще есть нечиста или морская вода, во облацѣхъ тѣхъ, и сходитъ ангелъ господень явѣ, древомъ чеснаго креста разслаждаетъ и очищаетъ воды ты, та же потомъ молнія приходитъ предъ громомъ, устрояюще путь сущій во облацѣхъ на низу земли и прежъ очищаетъ и приготовляетъ. Да аще случится бездождіе, то облацы рѣдцы слагаетъ на направо, множицею же аще будетъ пообилу *(обильное)* исхожденіе ея, да свѣтящи ходитъ до земли свѣтящися облистающися, всему же ся прикоснетъ, а ужиганія бо силу имать въ себе силу большую земнаго огня, хладнѣй же небеснаго неугасимаго огня, якоже Богъ сію молнію сотворивъ на потребу громови; не мое есть сіе слово едино,—и пророковъ псаломъ 134 се же глаголетъ о ней: »молнію въ дождь сотвори Богъ,« — и паки другій пророкъ глаголетъ: »молнія, рече, направляя воды подремлею (*погреманіемъ*), разсѣкая капля по облакомъ.« — Дождь есть же молніинъ родъ отъ небеснаго огня, якоже солнце имѣетъ заря сіяніе есть сущему верху на тверди, на ны же огнь разумѣй таковъ существомъ, его же Илія пророкъ молитвою сведе на полѣна и на жертву волову и на іерея посрамленія на вся сили Езавелевы; и того огня сіяніе молнія есть, иже спаде съ небесъ молитвами пророка. Полизахляса и полѣна, воду и землю, его же силу видѣвши вси возопиша: *единъ Богъ Израилевъ, а иного нѣсть*. ... Епифаній рече: по правилу ли се нѣцы глаголютъ, яко Илія пророкъ на колесницѣ ѣздя гремитъ и молнію пущаетъ по облакомъ и гонитъ змія? — Святый рече: не буди, чадо, того сему тако быть. Велико бо безуміе се есть, еже и слухомъ примати слышати: человѣцы убо умомъ суще не полни первіе, и тако по своему безумію прельщеніи и тако написаша се. Ино глаголаше, яко Христосъ врабія дѣлаша каломъ предъ Жидами, и дунувъ на ня пущаше, — и леташе; и паки глаголаху, яко снѣгъ мука есть бѣла; да якоже се лжа, тако и то есть лжа, — естествомъ написали, но всякому человѣку достоитъ отнюдъ не слышати ихъ всякому хрестіянину. Много бо лжуще лишеницы написали: Илія бо на небеса не взыде; не буди того, ни на колесницы сѣдитъ и благодать имѣетъ на дожди, да ся помолитъ Бога, да въ годину бездождія милосердовавъ дастъ дождь жаждущимъ людемъ, а на небо не вшелъ есть никтоже, но единъ Сынъ божій, иже есть на небеси; а Илія живъ есть, но есть на земли во плоти своей, — никто же его не знаетъ. Живъ есть и Енохъ, посредѣ людей ходитъ и никтоже его не знаетъ и не вѣсто *(не вѣдомо)*; но едини суще достойни прилѣпляющіися Богу по правѣ. Живъ есть и Іоаннъ Богословъ и есть въ мірѣ семъ, якоже жемчюгъ посредѣ кала, и оставленъ есть на земли во плоти вмѣсто Іис. Христа... Да тріе сіи живи суть до кончины вѣка сего, со антихристомъ борющеся и обличатъ и тако мученія вѣнцы пріимутъ отъ Христа Бога. А иже молнія ждетъ, сія не прю, *(объ этомъ не спорю)*: право бо то есть, но не св. Илія пущаетъ молнію, не буди того; но ангелъ господень приставленъ есть на се... И егда (дьяволъ въ образѣ змѣя) изыдетъ изъ гнѣзда своего, хотя вредити или погубити

человѣка, да видитъ его Богъ съ высоты своея, не хотя насильнику проклятому воли ему дати надъ родомъ симъ человѣческимъ, велитъ ангелу *абию*(?), гремѣти начнетъ на змію и посылаетъ молнину трубу и пождетъ его; діаволъ же ихъ есть змія защитити его хотя, взимаетъ его и бѣжитъ съ нимъ, боися молніи. Бѣгая же дабы ся и человѣку прилѣпитися, да не того же ради избавится онъ; но вѣдая Богъ мысль, проси я того знаменія, далъ есть ангелу молнину, рекъ: либо другъ, либо врагъ, сирѣчь—либо аще инъ св. человѣку прибѣгнетъ, да зажжетъ и того съ нимъ; да я святому, гдѣ его постигнетъ, либо у древа, либо на полѣ, либо во храмѣ, либо въ кораблѣ, или къ человѣку прибѣгнетъ,—ту его поразивъ сожжетъ, а тѣло зміево невидимаго змія, оного сатану пожигая молніею соузы нерѣшимыми свяжетъ до скончанія праваго возданія.

(Ркп. Казанс. Духовн. Акад. №№ 219 и 813, л. 544).

Также ркп. профессора Казанскаго Университета *Н. Н. Булича, л.* 40—42. Въ заглавіи этой ркп. вмѣсто Епифанія означено — *Евимія*. Ркп. вѣка XVIII в., но весьма вѣрна древнему тексту.

66. О солнцѣ, како сотворено повелѣніемъ божіимъ.

(Изъ книги Граѳографы).

Величество солнца больше 30 поприщъ, видимо же мало есть, понеже отъ земли отстоитъ высоко. Одежда и вѣнецъ царскій на немъ, а ангеловъ господнихъ 15 тысящъ, по вся дни ходяху съ нимъ. И егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы господни совлекаютъ съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престолѣ господни; а у солнца останутся по три ангела и снабдѣваютъ солнце. И далъ Богъ 100 ангеловъ облачати солнце въ царскую одежду и вѣнецъ, и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огненныя птицы, нарицаемыя *фениксы* и *ксалавъ*, летаютъ предъ солнцемъ и омакаютъ крыліи свои въ водѣ окіянстей, и кропятъ ими солнце, да не попалитъ лучами своими. Отъ огня солнечнаго и тѣмъ птицамъ періе обгараетъ, и бываютъ голи, яко окроплени и паки куплются въ окіанѣ, и обновляются. Того ради и *петель* пророкъ нарицается, имѣетъ подъ крылами своима перо бѣло инехъ птицъ. И егда солнце (зайдетъ?) на западъ, тогда у петеля посвербитъ перо, когда же двигнутъ ангели господни одежду и вѣнецъ отъ престола господня, тогда пробуждается петель, поднимаетъ гласъ свой и плещетъ крылама своима: 1) проповѣдуетъ мірови воскресеніе и ангелъ правдѣ, 2) подай, свѣтодавче Христе, и посли свѣтъ твой всему міру, 3) Христосъ животъ есть и вся совѣршаетъ, и такъ петель пѣснить до свѣта, творца своего величаетъ, праведнымъ радость возвѣщаетъ. Аминь.

(Пѣсни Рыбникова. IV, 184—185).

См. Очерки Буслаева I, 501—502.

67. Суевѣрія и примѣты.

При исчисленіи гадательныхъ и астрологическихъ книгъ, также суевѣрій народныхъ, русскіе грамотники могли руководиться статьями греческаго происхожденія. Въ Рязанской кормчей 1284 г. многія статьи направлены противъ волховвъ и обавниковъ, чародѣевъ и узольниковъ, преслѣдуются срамныя пированія, какъ еллинская прелесть, скоморохи, вожденіе медвѣдей на глумленіе, каланды, которыя смѣшали съ Колядой, «иже въ получай (въ случай, въ судьбу) вѣруютъ и въ родословіе, рекше въ Рожаница.» Въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV в. въ правилѣ Греческаго собора сказано: «Аще кто обрящетъ колесницы гонець (актеръ?), или сопѣльникъ, или плясець, или (и)подрумникъ, любя рекше игрища, или игрець, или корчемникъ, или вербогонивець, или чародѣець, или обавникъ, или чарамъ учитель, или наузотворець, или звѣздочетець, или волховвъ, или ускопець, или громникъ, или коляднякъ чтець, или метаньеимець, или розломечець, или въ стрячю вѣруя,—да останутъ ся того, или да отлучатъ ся отъ церкви.» На основаніи подобныхъ правилъ въ статью о ложныхъ книгахъ постоянно заносили указанія на различныя чисто-русскія суевѣрія и так. обр. составился ихъ длинный перечень, который служитъ богатымъ матеріаломъ для изученія воззрѣній нашихъ предковъ на міръ и жизнь. Представляемъ полный списокъ суевѣрій:

А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пагубу. Первая книга *Мартолой*, рекше *Острологъ*; вторая книга *Астрономья*; третьяя *Земледѣліе*; четвертая *Чаровникъ*,— въ нихъ же суть 12 главизнъ, стихи, двоюнадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ;— се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятломъ, — и совою, — рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ; и волкомъ, летаютъ зміемъ, и рыщутъ рысію и медвѣдемъ; 5) *Громникъ*; 6) *Молніянникъ*, 7) Мѣсяць окружится; 8) *Коледникъ*, 9) *Метаніе*, 10) *Мысленикъ*, 11) *Сносудецъ*, 12) *Волховникъ*, — волхвующе птицами и звѣрями, еже есть се:

храмъ *(храмина, домъ)* трещитъ, ухозвонъ, воронограй, курокликъ, окомигъ, огнь бучитъ песъ выетъ, мышепискъ, мышь порты *(бѣлье)* грызетъ, жаба воркочетъ *(квочетъ)*; кошка въ окнѣ, мышца подрожатъ, сонъ страшенъ, слѣпца стрѣтятъ, изгоритъ нѣчто, огнь пищитъ, искра изъ огня прянетъ, кошка мявкаетъ, падетъ человѣкъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ на волъ *(восходитъ)*, поточникъ различныхъ птицъ, пчела *(поетъ)*, рыба *(вострепещетъ)*, трава шумитъ, древо о древо скрыпитъ, листъ шумитъ, сорока пощекочетъ, дятель, желна, волкъ воетъ, гость *(хоресть)* пріидетъ, стѣнощелкъ, лопаточникъ *(полатничикъ)* и прочая волхвованія различная (1).

Путникъ, книга, въ ней же есть написано о стрѣчахъ и коби всякыя еретическыя, о часѣхъ злыхъ и добрыхъ, еже есть Богомъ

(1) Весьма интересны объясненія и прибавки въ спискѣ XVIII в.: ...»И пса слушають, и кошки мявкають, или гусь кокочетъ, или утица кряхнетъ, и петелъ стоя поетъ, и курица поетъ—худо будетъ; конь ржетъ, волъ реветъ, и мышъ порты грызетъ, и хорь порты портитъ, и тараканов много —богату быти, и сверьщковъ — такожде, и мышъ въ жнивѣ высоко гнѣздо совіетъ,—и снѣгъ великъ будетъ и погода будетъ; кости болятъ и подколѣнки свербятъ—путь будетъ; и длани свербятъ—пѣнязи имать; очи свербятъ—плакати будутъ; и встрѣча добрая и злая —и скотьская, и птичія, и звѣриная, и человѣческая; изба хруститъ, огнь бучитъ, и искра прянетъ и дымъ высоко въ избѣ ходитъ— къ погодію; и берегъ подымается и море дичится, и вѣтры сухіе или мокрые тянутъ, и облаки дождевыя и снѣжныя и вѣтренныя, и громъ гремитъ, и буря вѣетъ, и лѣсъ шумитъ, и древо о древо скрыпаетъ; и волки воютъ, и бѣлки скачутъ— моръ будетъ и война встанетъ, и вода пребудетъ, и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ или умножится, и зори смотрятъ, небо *дреселуетъ*—ведро будетъ; и пчелы шумятъ—рой будетъ; и у яблони хвостики колотятъ, да яблоки будутъ велики.... Сіе творяще да будутъ проклати« (*Опис. Рум. Муз. 551—552*). Словомъ—*дреселуетъ* въ Костромс. губер. означаютъ волненіе воздуха, которое бываетъ среди самаго жаркаго лѣтняго дня, и считаютъ это явленіе предвѣстіемъ надолго установившейся хорошей погоды. Въ одной церковной пѣснѣ сказано: »Чернитуетъ бо ся небо дреселуяся.« *(Замѣчаніе А. М. Груздева).*

отречено, о днѣхъ лунныхъ (*лукавыхъ*), что въ первый день луны небесныя сотвори Богъ Адама, — еретикы написано. А не въ первый день луны створи Богъ Адама, — понеже солнце и луну и звѣзды небесныя сотвори Богъ въ четвертый день въ среду, Адама же сотвори Богъ въ шестый день въ пятокъ. Како хощеши, невѣгласе, во единъ день рожденіе Адамле съ луною исповѣдати, преже солнца и луны; (почто неразумне) вѣруеши еретическимъ лжамъ, а оставя божіе писаніе, иже ти (еретицы) всю тридесять дни на лжу списаша? Такоже и прочая коби о мученицѣхъ и о благовѣщеніи, еже суть книгы еретическыя, — Рафли и Алманаки, Звѣздочетецъ, о 12 звѣздъ, другій Звѣздочетецъ, ему же имя Шестодневецъ, въ нихъ же безумніи людіе вѣрующе, волхвуютъ, ищуще дній рожденія своего, сановъ полученія (*самомъ почтенія*), и урока житію, и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей и казней (*счастія*) въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслѣхъ, (и въ службахъ, и временъ) ищутъ своимъ безуміемъ, оставя божію помощь, и призываютъ бѣсовъ на помощь, а не вѣдуще божіихъ судебъ, яко нѣсть се божіе повелѣніе, ни отъ св. апостолъ св. отцемъ предано, но Богомъ ненавистно и мерзко Богу бысть, второе идоловѣріе, отъ бѣсовъ еретики насѣяно невѣжамъ, на пагубу душямъ, аки плевелъ посреди пшеница, раздизающе пламень вѣчныхъ мукъ, по Господню словеси, еже рече: »червь ихъ не умретъ, и огнь ихъ не угаснетъ.«

(*Лът. зан. Археогр. ком. 1861. вып. 1; изсл. 28—44, 52—3*).

См. І. Экз. Болгар. 208—212; Обозр. Кормч. Розенкампфа, изд. 2. Спб. 1839 г., 186 — 190; Рус. раск. старобр. Щапова, 449—452.

Взглядъ на землю, какъ на живое существо въ Словѣ Сераѳіона. О дуалистич. созданіи міра: въ статьѣ »О Волхвахъ.« Также: Лѣтоп. рус. литер. 1859, II, 100. Рус. Бес. 1857. IV, 2, 101—103. Паденіе бѣсовъ съ неба въ разныя мѣста: Прав. Собес. 1859, февр. 250. Отписки и заговоры. Слово Моисея о ротахъ. Голодъ отъ волхвованья, откапыванье изъ земли утопленика и удавленика: »Слово Сераѳіона«. Мысль о кончинѣ міра: Сл. Кирилла 1274, Сл. Сераѳіона.

3) ВИЗАНТІЙСКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ ВЛІЯНІЕ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

68. Изъ Сборника Святослава 1073.

Мѣсяци по Римлянемъ, о различныихъ мѣсяциихъ. *1*) марта 31 сладъко яждь и пий, *2*) априля 30 рѣпы не ѣжь, *3*) маия 31 поросяте не яждь, *4*) іоуня 30 въ чясъ вторый пий воды мало, *5*) іоулия . . *6*) авгоуста слѣза не яждь, *7*) сетемвра 30 млѣка не яждь, *8*) октября 31 не яждь оцьтяна, *9*) октября 30 не мыйся чясто, *10*) декабра 31 капоусты не яждь, *11*) иеноуара 31 въ часъ 2-й пий вина цѣла мало, *12*) феуроуаря 28 сеукла не яжь.

(*Христ. Буслаева 265*)

Оцьтъ—уксусъ, *оцьтяна*—кислаго. *Цѣла*—цѣльнаго, безъ прибавки воды. *Сеуклъ*, сеутлъ, греч. *сеутлон*—свекла. Описаніе сборника Святослава 1073 г. помѣщено въ „Опис ркп. Рум. Муз.“ А. Х. Востокова. „О дняхъ и часахъ добрыхъ и злыхъ“ см. Памятн. отречен. р. литер. *Тихонрахова*. II, стр. 382—395 по. ркп. XV в.

Замѣчательно, что совѣты Изборника Святослава занесены въ Лѣчебникъ XVII в. почти буквально (*Ркп. Соловец. библ. № 28, л. 53*).

69. О злыхъ женахъ.

а) Чьсо ради рече апостолъ, учити женѣ не велю.

Имь же учи единою зълѣ (*на зло*) Адама: прѣжде бо прѣслушания равночьстьна бѣ мужу жена небонъ ими же бесѣдова Богъ глаголы о съзъдании мужьсцѣ, яко же бо и о томь рече: створимъ человѣка по образу и по подобию нашему, а не рече: да будеть человѣкъ; такоже и о тои не рече: да будеть жена, нъ (*но*) и съде створимъ ему помоштьницю по нему. Но грѣсѣ же:—къ мужу твоему обращение твое и тъ (*той*) тобою обладаеть, створихъ тя, рече, равночьстьну и не потребова добрѣ властию да прѣступи на повинование не сътрьпѣ свободы, то приими работу, не умѣ власти, то буди убо обладома и мужя позна и господина, и тъ да господьствуеть ти: къ мужу твоему обращение твое, рекъше: подъбѣжище твое, пристаниште твое, безблазие твое,—да сего ради убо женѣ учити не велю рече ни власти мужьмь, нѣбонъ учи единою и господьствова и въсе разврати, нъ быти въ млъчании глаголеть же и вину. Адамъ бо, рече, не прѣльщенъ бы, жена же прѣльщена въ прѣступѣ (*въ преступленіи*) бысть, сего ради и отъ учительскааго съврьже прѣстола, иже бо учити не вѣсть, то да выкнеть (1), аште ли не хощтеть учитися, нъ учити, то и себе и учяштаяся припогуба (*погубитъ*) е еже убо и о женѣ тъгда бысть, да сего дѣля рече: жена въ млъчании да выкнеть въ вьсякомь повиновении; неповиновение бо ея и прѣзорьство (*презрѣніе, дерзость*) всемирную бо пагубу и погрязение наведе, рече бо мудрыи: отъ жены начало вьсему грѣху и тою умираемъ вси. Глаголеть же и притъчьникъ: многы язвивъши съврьже и бе числа суть, яже измори, тѣмь же учить, рекый: не послушай зълы жены, медъ бо каплеть отъ устъ жены блудьны, иже въ мало врѣмя осладить твои грътанъ, послѣжде же горьчяе злъчи (*желчи*) обряштеши и обо-

(1) Въ молчаніи пребываетъ, навыкаетъ.

стренѣе паче ножя обоюду остра и жена чьстьныихъ мужь улавляе душа и вькрилена есть и блудьна въ дому не млъчите нозѣ еѣ, время бо нѣколико вънѣ плавае, врѣмя же въ стьгнахъ въ вьсѣхъ ягльхъ лаеьть и путье адови—пути ея, съводяште въ кровишта съмрьти, и не вѣсть студа, сѣде бо въ двьрьхъ своего дому на одрѣ явѣ въ стьгнахъ призываюшти мимоходы, и адъ и похоть женьска—и гроза и земля ненасыташтися воды, и огнь и вода,—не рече та: довъле, и такъ путь жены любодѣица, яже егда сътвори отъмывъшися, ничто же ся мьни сътворьши бесъчиньна; и уне жити въ землѣ пустѣ или съ женою язычьною и которивою, и акы чрвь въ дрѣвѣ, тако же мужя погубить жена злодѣиця,—и яко же капля изгонять человѣка, такоже и жена язычьна отъ хлѣвины его; и яко усерязь златъ въ ноздрьхъ свинии, тако же и женѣ злосъмыслънѣ краса,—и съборьникъ обрѣтая рече: горчяе паче съмрьти жену, яже есть ловъ и сѣть сръдечьная узы въ руку ея и благыи прѣдъ лицьмь е божиемь избудеть ея, съгрѣшаяи же увязнеть въ неи и человѣка единаго отъ тысяшть обрѣтохъ блага, жены же въ вьсѣхъ тѣхъ (*тьмахъ?*) не обрѣтохъ, тако же убо и Сирахъ учить глаголя: не дажь женѣ наступити на силу свою и уньши злоба мужьска и еже добро творящи жена и всяку язву, а не язву срьдечьную и всяку злобу, а не злобу женьску, выше главы змиины мьнять злобы выше злобы женьскы, и жити съ львъмъ и съ змыемь изволи нлі жити съ женою зълою; золоба бо женьска прѣмѣнить очи свои и посупить лице свое, акы медвѣдица и акы въсходъ пѣсьчьнъ подъ ногами старьцю, тако же жена мужу млъчаливу и волуи и ярьмъ зыбяся жена зла, дрьжаися по ну акы дрьжася по скаръпию; и не упадаися на доброту женьску и жены не въжделаи; и не дажь водѣ исхода, ни женѣ зълѣ дрьзновения на ся; аште ходить подъ руку твоею, отъ плоти своея отъсѣци я, и гнѣвъ великъ жена пьяна, и студа своего не прикрыеть, и акы жаждя путьникъ уста отъврьзе и отъ всякоя воды ближьнея испысть и у всякого колу сядеть и противу стрѣлѣ отъврьзеть тулъ, и блудъ женьскъ въ възирании очьнѣмь и въ вѣждахъ ея познана будеть; и аште дъштери имаши, блюди тѣлесъ ихъ и не утиши лица своего къ нимъ о дъштери своеи утврьди хранение, да не обряште просторъ и вълѣзе въ прокуду, и сътворить тя смѣху врагомъ и потяжьбу въ градѣ и остramить тя въ множьствѣ народъ; и жена зъла чьсть зла мужу грѣшьну дасться, да въ лѣпоту бо глаголааше Богъ къ неи по прѣступѣ: множя умножу печали твоя, многы бо печали и стенания и болѣзни и тугы, намъ бысть податьница; тѣмъ же рече въ печали родиши чадо и къ мужу твоему обращение твое и тъ да обладаеть тобою. И сего дѣля законъ полагаеть апостолъ рекыи: жены своимъ мужемъ повинуитеся, акы господеви, яко глава есть женѣ мужь, яко Христосъ глава есть церкви, да яко же церквы повинуется Христу, тако же и жены мужемъ своимъ и сьжде и хошту вы да вѣсте яко вьсякому мужу бо нѣсть длъжьнъ покрывати главы, образъ и слава божия сы, жена же слава мужеви есть, не бо есть мужь отъ жены, нъ жена отъ мужя, не бо съзьданъ бы мужъ жены дѣля, нъ жена мужа дѣля, и жены ваша въ съборищти да млъчать, не бо есть повѣлено имъ глаголати, яко же и законъ глаголеть: аште ли что хотять навыкнути, въ дому своихъ мужъ да въпрашають: гнусно бо есть женѣ въ съборѣ бесѣдовати...

б) Тогожде отъ того еже о Иродиадѣ.

Никыи же убо звѣрь тъчьнъ (*подобень*) женѣ злѣ и язычьнѣ, чьто бо есть

льва лютѣе въ четвьрьножинаахъ, чьто ли буя е змья плѣжуштиихъ, нъ ничьто же тѣхъ развѣ зълы жены; а яко же львъ и змья хужде есть въ зълѣ съвѣдѣтельствуеть мудрыи глаголя: жити съ львъмь и съ змыемь изволи, неже съ женою злою, небонъ и льви Данила въ ямѣ усумнѣшася, Науѳѣя же Иезавель уби; китъ же въ утробѣ Иону съхрани, Далида же Самъпсона остригъши иноплеменникомъ прѣда; змия же и аспиды и и рогатьци Иоанна въ пустыни въстрепеташа, Иродьясъ же на обѣдѣ и усѣкну; врани Илью въ пустыни прѣкръмиша, Иезавель же по благодѣти дъждевьнѣй на убои гоняше и, и убоявъся бѣжя въ пустыню, путь четыридесяти дьнии и уставъ прошяше съмрьти, рекый: Господи Боже, довлѣеть ныня убо, изьми душю мою, яко не унии есмь отецъ моихъ. Ухъ мнѣ, пророкъ убояся жены, иже бо въсего мира дъждь въ языцѣ ношаше, иже огнь съ небесе словъмь съведе и молитвою мрьтвьца въскрѣсивъ, жены убояся! Ни едина бо злоба нѣсть тъчьна (*равна*) женѣ зълѣ, съвѣдѣтельствуеть ми и словьмь мудрый, рекыи: нѣсть главы выше главы змиины, и нѣсть злобы выше зъли женьскы. О зълое же дияволе и острое оружие! Женою бо испрьва Адама въ породѣ потопи, женою Иосифа затвори въ тьмьници, женою Давыда на Урино убиство възбѣси, женою прѣмудрааго Соломона на прѣступление разврати, женою Сампсона ослѣпи, женою Илью прогъна и Прѣдтечю христова усѣкну, женою вся заколаеть, вся корить, вься убиваеть вься хулить, вься потязаеть (*ругаетъ*); жена бо безстудьна ничьсо же не сумниться, ни пророка стыдиться, ни святителя срамляеться, ни сѣдинъ чьтеть. О зло, зла зълѣе жена зъла! Аште убо и убога есть, то зълью (*зломъ*) богата еесть; аште ли и богатьство имать золобѣ ея помогаюште, сугубо зло: не сътрьпи животъ, нецѣлѣюштии недугъ, не укротимыи звѣрь. Азъ бо видѣхъ и аспиды кротимы украштатися, и львы и тигры и рыси ласкаемы кротяштся, жена же зъла и корима бѣсится и квочима вышиться. Аще и мужа има князя, ношть и день словесы и поуштающі на убиство: острить акы Иродовая Ирода; аште ли имать убога мужя, на гнѣвы и на которы (*ссоры*) и подвизае: аште и въдова есть, сама собою вся корить, вся потязаеть страхъмь бо божиемь не въсъхлаштаеть (*не обуздываетъ*) си языка, ни на будуштее судище възираеть, ни къ Богу възводи очью, ни любьнааго вѣсть закона хранити. Ни что же бо есть женѣ зълѣ прѣдати мужя своего на съмрьть, небонъ и праведнаго Иова своя жена на съмрьть предаяаша рекушти: »рекъ нѣчто слово къ Господу, и умьри«. О, изволения зла! О разума не прѣподобьна! Не помилова видяшти своего мужя утробу отъ възгараюштиихъся прыштий, акы на угльхъ лежаштю и вся плъти его чрьвьми изѣдаему, не прѣклонися на милость, видяштї и всего всячески стенушта и тужяшта и часто изъ боку гнои испуштаяшта, не умягчися на милосердье, видяшти нынѣ на гнои лежяшта нага и гниюшта, иже бо нѣкъгда въ цѣсарьствѣ и багърѣници, не поману бывъшая прьвѣе къ нему любъве и обычая, и елико же его дѣльма велика бѣ и славьна, нъ рекъ что слово къ Господу умрьти. О благодѣти женьска, о утѣшение болезньмъ, и любъве супруга! То не довлѣяше ли ему малогодная болѣзнь, нъ вѣчьную ему подаяше хулы дѣля муку. Хоштеши ли и другую видѣти зълыя сея супружьню жену? Съмотри ми Далиды, како своего мужя остригъши и съвязавъши, иноплеменьникомъ прѣда свои удъ, своего мужя, его же грѣаше, его же ласкаше, его же облобызаше, его же паче себе любяшти лицемѣроваше, его же вьчера любляше, дьньсь прѣльштааше, его же вьчера грѣяше любяшти: то еда не

бѣ красьнъ, то кто его бѣ краснѣи, иже и седьмь плениць на главѣ ношааше, седмеросвѣтильныи благодати образъ нося, или еда не бѣ добръ, то кто его бѣ добрѣи, иже и льва единъ на пути срѣтъ уби, и единою челюстью осьлею тысяшту иноплеменьникъ поби, нъ и тольми бѣаше святъ, якоже въжаждавшю ему дрѣвле въ оскудѣнии воды помолитися и отъ дрьжимыя въ руцѣ челюсти мрьтвѣ воду источити и отътуду почьрпати. Тоже такого красьна и такого добля, такого свята, своя жена акы ратьника съвязавъши иноплеменьникомъ прѣда, его же ослѣпивъше имѣяху игрище, ему же ни льви, ни иноплеменници противитися можяху,—сего своя жена погуби. Отъкуду же то възможе? Отъ мужьня благостыня: таину бо силы его ноштью льстью украдъши, акы нага закла. Сего дѣля запрештаеть ти пророкъ, рекыи: отъ съложя (*ложа*) своего съхранися повѣдати еи что. Кыи бо, повѣжды ми, звѣрь на своего мужя толико възглагола, кая змья тако своего съпруга погубити хоштеть, кая ли львица мужя на заклание прѣдеть!—Да, въистину нѣсть золоби, паче злоби женьскы, да иже убо злу жену да вѣсть уже безаконии своихъ приямляся мьзды. Рече бо мудрыи: жена лукава мужю грѣшьну дасться.

(*Изъ Сборника Святослава. Изв. Акад. Н. X, 220—226*).

Подобныя разсужденія о злыхъ женахъ служили издавна образцами для русскихъ грамотьевъ; такъ апокрифическое слово Златоуста расплодило множество статей противъ злыхъ женъ. Даніилъ заточникъ въ своихъ злобныхъ выходкахъ противъ женщинъ пользовался какъ идеей, такъ и выраженіями греческихъ писателей и часто выписывалъ изъ статьи, подобной Сборнику Святослава, буквально. Слова о злыхъ женахъ во множествѣ появились въ »Пчелахъ« съ различными измѣненіями и варіяціями на одну и ту же тему. И потому мы жестоко бы ошиблись, если бы стали рисовать картину дѣйствительной жизни и характера древней русской женщины по книжнымъ аскетическимъ отвлеченнымъ разсужденіямъ, принесеннымъ изъ Греціи, хотя не отвергаемъ, что онѣ имѣли впослѣдствіи долю вліянія на положеніе женщины.

Слични эти выписки съ разсужденіемъ Даніила заточника о злыхъ женахъ; также съ выдержками изъ книги »Пчела.« Москвит. 1856, № 8, стр. 410—14. Рус. Бес. 1856, кн. 2. »Пчела« издана въ 25 кн. Временника. О ней см. въ Изв. Акад. II, 222—34 статью *М. И. Сухомлинова*. О женахъ злыхъ, тамъ же IV, 126 и дал. Архивъ *Н. В. Калачова* II, 2. 44. См. также посл. Іакова къ в. кн. Изяславу. Ист. Р. Ц. *Макарія* II, пр. 254.

70. О Югрѣ и дикихъ народахъ.

Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ (1092), яже сказа ми Гюрятя (*Юрій*) Роговичь Новгородець, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ (*въ съверныхъ*) странахъ. Югра же рекоша отроку моему: »дивьно мы находихомъ чюдо, его же нѣсмы слышали преже сихъ лѣтъ; се же третьее лѣто поча быти: суть горы зайдуче луку моря (1), имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но покажуть на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда, есть же и подаль на полунощіи«. Мнѣ же рекшю къ Гурятѣ: си суть людье заклепеніи Александромъ Македоньскымъ царемъ. Якоже сказаеть о нихъ Меѳодій Патаріискый: и взиде на восточныя страны до моря, наричемое *Солнче мьсто*,

(1) Отъ формы лука—изгибъ, излучина, заливъ морской.

и видѣ ту человѣкы нечистыя, отъ племене Афетова; ихъ же нечистоту видѣхъ: ядяху скверну всяку, комары и мухы, коткы, змiѣ, и мертвець не погребаху, но ядяху и женьскыя изворогы (*изверженiя*) и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокiя; и Богу повелѣвшю, ступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогутъ и жещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь (*возметъ*); въ послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыня Етривьскыя, изидуть и си скверніи языкы, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнiю божiю.

(*П. С. Лът. I, 117*).

Лѣтописецъ дѣлаетъ объясненiе на основанiи византiйскихъ источниковъ. См. также разсказъ Павла посадника ладожскаго, набѣгъ Половцевъ 1096 г. и нашествiе Батыево.

71. Изъ слова Кирилла Туровскаго въ новую недѣлю по пасхѣ до 1174.

Велика учителя и мудра сказателя требуетъ церкви на украшенiе праздника. Мы же нищи есмы словомь и мутни умомъ, не имуще огня св. Духа, наслажденiе душеполезныхъ словесъ; обаче любве ради сущихъ со мною братiй, мало нѣчто скажемъ о поновленiи воскресенiа христова. Въ минувшую бо недѣлю св. пасхы удивленiе бѣ небеси и устрашенiе преисподнимь, обновленiе твари и избавленiе мiру, разрушенiе адово и попранiе смерти, воскресенiе мертвымъ и погубленiе прелестныа власти дiаволя, спасенiе же человѣческому роду христовымъ

въскресенiемъ; обнищанiе ветхому закону и порабощенiе суботѣ, обогащенiе христовѣ церкви и въцареніе недѣли. Въ минувшую недѣлю всему премѣненiе бысть; сътворибося небомъ земля, очищена Богомъ отъ бѣсовскыхъ скверънъ, и ангели съ женами раболѣпно въскресенiю служааху. Обновися тварь, *уже бо не нарекуются богомь стихiа, ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса; отселѣ бо не пріемлеть требы адъ закалаемыхъ отци младенець, ни смерть почьсти, преста бо идолослуженiе и погубися бѣсовское насилiе крестнымь таинствомь*, и не токмо спасеся человѣчь родъ, но и освятися христовою вѣрою. Ветхiй же законъ отвудь обнища, отвръженiемъ телчаа крови и козлихъ жьртвъ, единь бо Христосъ собою самъ къ Отцу за всѣхъ жьртву принесе; тѣмъ и праздникъ суботѣ преста, а недѣли (*воскресенью*) благодать дана бысть въскресенiа ради, и царствуеть уже въ днехъ недѣля, яко въ ту въскресе Христосъ изъ мертвыхъ. Вѣнчаимъ царицю днемъ, братiе, и дары честны съ вѣрою той принесемъ, дадимъ по силѣ, якоже мяжемь: овъ (*одинъ*) милостыню, безлобiе и любовь, другiи дѣвьство чисто и вѣру праву и смиреніе нелицемѣрно, инъ псаломское пѣніе, апостольское ученiе и молитву съ въздыханiемъ предъ Богомъ... Днесь ветхаа конець пріашя, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныхъ облакъ, яко вретища (*грубой одежды*) съвлекъшися и свѣтлымъ въздухомъ славу господню исповѣдаютъ; не сiю, глаголю, видимаа небеса, нъ разумнаа; апостолы, иже днесь на Сiонѣ вшедша къ нимъ познавше Господа, и всю пѣчаль забывше и скрѣбь iудейска страха отвръше св. Духомь осѣнившеся, въскресенiе христово ясно проповѣдаютъ. Ныня солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣ-

ваеть, взиде бо намъ отъ гроба праведное солнце—Христосъ и вся вѣрующая ему спасаеть. Ныня луна съ вышьняго съступивъши степени, болшему свѣтилу честь подаваеть; уже ветхый законъ, по писанію, съ суботами преста и пророкы христову закону съ недѣлею честь подають. Ныня зима грѣховная покаяніемь престала есть и ледъ невѣрія благоразумiемь растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобзуютъ и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаеть. Весна убо красная вѣра есть христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьское пакы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобзуютъ: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово божіе пріимши, и страхомь его присно болящи, духъ спасенія ражаеть. Ныня новорожаеміи агньци и унци (*ягнята и телята*) быстро путь перуще, скачють, и скоро къ матеремъ възращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще (*играя на свирели*), веселiемь Христа хвалять. Агнеца, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди, а унца кумирослужителя невѣрныхъ странъ, иже христовомь вѣчеловѣченіемь и апостольскымъ ученіемъ и чюдесы, скоро по законъ емъшеся, къ св. церкви възвратившеся, млеко ученія сеуть; да и учители христова стада о всѣхъ молящеся, Христа Бога славять, вся волкы и агньца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли (*отпрыски*) испущають и цвѣты благоуханія процвитають, и се уже огради сладкую подаваютъ воню (*запахъ пріятный*), и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавца Христа призываютъ. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися христова вѣра въ нашемь невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣева, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають; да и святители о церкви тружающеся отъ Христа мьзды (*награды*) ожидають. Ныня ратаи (*пахари*) слова, словесная унца къ духовному ярму приводяще, и крестьное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаянія почерпающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесь ветхая конець пріяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають и рыбари, глубину божія въчеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежу ловитвы обрѣтають, рѣками бо, рече пророкъ, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бчела (*пчела*) свою мудрость показающи, вся удивляеть;—якоже бо они въ пустыняхъ самокърміемь живуще, ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты излегающи, медвеныя сты стваряеть, да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться. Днесь новымъ людемъ въскресенія христова поновленія праздникъ, и вся новая Богови приносяться: отъ языкъ вѣра, отъ крестьянъ требы (*жертвы*), отъ іерей—св. жертвы, отъ міродержитель (*отъ властей*)—боголюбныя милостыня, отъ велможь—церковьное пепеченіе, отъ праведникъ—смиреномудріе, отъ грѣшьникъ—истиньное покаяніе, отъ нечьстивыхъ—обращеніе къ Богу, отъ ненавидящіихъся—духовная любы.

(*Пам. XII в. 18—24*).

Сочиненія Кирилла Туровскаго важны для изученія чуждаго вліянія, до какой степени онъ подражалъ византійскимъ образцамъ, какъ творенія св. Отцовъ увлекали талантливыхъ проповѣдниковъ отъ оригинальности, потребностей времени, мѣста и т. п.

Поученія Кирилла Туровскаго поражаютъ обиліемъ переносныхъ иносказательныхъ объясненій, не рѣдко произвольныхъ и принужден-

ныхъ; въ нихъ много искусственности и изысканности, которыя, можетъ быть, происходили изъ подражанія византійскимъ образцамъ, а нѣкоторыя поученія даже на половину взяты изъ пролога, какъ доказалъ В. М. Ундольскій. Проповѣдникъ объясняетъ простыя вещи напыщенно, витіевато, прибѣгаетъ къ символамъ и уподобленіямъ, дополняетъ фантастическими подробностями сказанія евангельскія и вообще всѣ его сочиненія отличаются средневѣковою туманностью и неопредѣленностью теоретическихъ разсужденій. По этому современные слушатели и читатели не могли вывести для себя изъ поученій Кирилла никакихъ нравственныхъ практическихъ примѣненій и заключеній, хотя всѣ его сочиненія запечатлѣны яркими чертами литературнаго дарованія и теологической оригинальности.

Изъ сочиненій Кирилла Туровскаго извѣстны: 1, Десять воскресныхъ словъ отъ вербнаго воскресенья до троицы или пятидесятницы; 2, Слово на вознесеніе; 3, Слово о премудрости; 4, Сказаніе о черноризцѣмъ чину; 5, Наказанье къ братьи; 6, Притча о тѣлѣ человѣчестѣ и о души (*Изв. Акад. II, 309*); 7, Два посланія къ Василію игумену Печерскому (*Пам. XII в. 117. Приб. къ Твор. св. Отц. X, 346*); 8, Молитвы на всю седмицу (*Изд. въ Правосл. Собес. 1857 г. I. 212. II, 273. Изв. Акад. V, 249—255. 306. Ист. Рус. Ц. III, 310 — 319*); 9, Каноиъ молебный (*Изв. Акад. V, 255—257*); 10, Исповѣданіе (*Изв. Акад. V, 307*). См. изд. *Сухомлинова:* Ркп. гр. Уварова, т. II. Изв. Акад. X, 225; Ист. Рус. Ц. III, 99—149; Вѣст. Евр. 1822, ч. 121, № 1, 44. № 2, 130.

72. Слово Даніила заточника до 1199 г.

Вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити во сребренные органы, и возвѣемъ мудрости своея. *Боже, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? Возстани слава моя, возстани въ псалтыри и въ гуслехъ; возстану рано, исповѣмтися.* Да разверзу во притчахъ гаданіе мое; провѣщаю во языцѣхъ славу мою. Сердце бо смысленнаго укрѣпляется въ тѣлеси его мудростію. *Бысть языкъ мой яко трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость*; сего ради покушахся напи-

сати всякъ союзъ сердца моего, и разбихъ злѣ, аки древняя младенца о камень. Но боюся, господине, похуленія твоего на мя; азъ бо есмь яко та смоковница проклятая, не имѣя плода покаянію: имѣю бо сердце, аки лице безъ очію, и бысть умъ мой, яко нощный вранъ на нарищи, и разсыпася животъ мой, аки ханаонски царь буестію, и покры мя нищета аки Чермное море Фараона. Се же бѣхъ написахъ, бѣжахъ отъ лица художьства моего, аки Агаря рабыня отъ Сарры госпожи своея. Но вѣдѣхъ, господине княже, твое добросердіе къ себѣ, и притекохъ ко обычной твоей любве, глаголетъ бо писаніе: *просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да нелишенъ будеши царства небеснаго; писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, той тя пропитаетъ во вѣкы.* Азъ бо есмь, княже господине, яко трава блещанна, растуще за стѣнію, на нюже ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ: тако и азъ, княже господине, всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея, яко оплотомъ твердымъ. Но не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость божію; тако и мы, княже господине, желаемъ твоея милости: зане, господине, *кому любовь, а мнѣ горе лютое; кому Бѣлоозеро, а мнѣ черные смолы: кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки; кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали, зане не процвѣте часть моя* (1). Дру-

(1) Въ ред. XIII в. этому мѣсту соотвѣтствуетъ слѣд.: »Не остави мене, яко отецъ мой и мати моя остависта мя. А ты, господине, пріими милостію своею. Кому ти есть *Переславль*, а мнѣ *Гореславль*, зане часть не прорасте въ немъ.« (Рус. Бес. 1856, II, 109).

зи же мои и ближніи мои и тіи отвергошася мене: зане не поставихъ предъ ними трапезы многоразличныхъ брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, а погнетающе руки въ солило, а при напасти аки врази обрѣтаются, и пакы помогающіе подразити (*подбить*) нози мои: очима бо плачютъ со мною, а сердцемъ смѣютмися Тѣмже не иму другу вѣры, не надѣюся на брата. Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпши бы ми смерть, а не курское княженіе. Такоже и мужеви: лѣпше бы ми смерть, нежели продолженъ животъ въ нищетѣ, яко же бо Соломонъ рече: ни богатства, ни убожества не дай ми, Господи; аще ли буду богатъ, гордость воспріиму; ащели буду убогъ, помышляю на татьбу и на разбои. Тѣмже вопію къ тебѣ, княже мой, господине мой, одержимъ есмь нищетою: *помилуй мя, сыне великаго царя Владимера* (1). Да не восплачуся рыдая, яко Адамъ раю. Пусти тучю художьства моего на землю: зане, княже господине, богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть, и въ чюжой землѣ друзи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нань кликнутъ и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна.

Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенету, яко птицу отъ кляпцы (*клѣтки*), яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ львовыхъ. Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ; такоже и азъ всѣми обидимъ есмь, зане не ограженъ есмь страхомъ грозы твоея.

(1) Въ ред. XIII в. »помяни мя, сыне великаго царя Всеволода « Въ другомъ мѣстѣ: »возглаголемъ къ господину своему всемилостивому князю Ярославу Всеволодовичу,« какъ и въ заглавіи: »Данила заточника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичу.« (Рус. Бес. 1856, II, 101, 102, 110).

Якоже бо олово гинетъ, часто разваряемо; тако и человѣкъ пріемлетъ многія бѣды. Никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. Молеве ризы изъѣдаютъ, а человѣка—печаль; печалну мужу засушутъ кости. Аще кто человѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ во знойный день. Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери, тако и и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможь погружаеми. Княже господине! яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой государевъ, якоже прекрасный рай, плодовитъ. Азъ же худый добрѣ дивляюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща, или піеши сладкое питіе; а мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша отъ мѣста завѣтреня. Егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевыми яко стрѣлами сердце пронизающе. Да не буди, княже, рука твоя согбена на поданіе убогимъ; ни чашею бо моря расчерпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощити. Якоже бо неводъ не удержитъ воды, но точію едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но роздай людемъ. Паволока, испещрена многими шелки, красно лице являетъ: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ; якоже рече Соломонъ: *Слава царю во*

мнозѣхъ языцѣхъ; тако и тебѣ, княже, слава и побѣда велика во мнозѣхъ людѣхъ. Якоже бо похвалися Езикѣй царь посломъ царя Вавилоньскаго, и показаша имъ множество злата и сребра; они же рѣша ему: нашъ царь богатѣе тебя, не множествомъ злата, но множествомъ воя, занеже мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти (1). Якоже рече Святославъ князь Игоревъ, идый на царя съ малою дружиною и рече имъ: братіе! намъ ли отъ града погибнути, или граду отъ насъ плѣнену быти? Якоже Богъ повелитъ, тако и будетъ: »Поженетъ бо единъ сто, а отъ ста двигнется тысяща; надѣяйся на Господа, яко гора Сіонъ не подвижется во вѣкы.« Диво ли за буяномъ кони паствити, а за добрымъ князем—воевати. Многажды бо безнарядіемъ полцы погибаютъ. Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ: тако и добрыя полки безъ добраго князя погибаютъ. Гусли бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою (2): зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ; слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ. Добру бо господину служа, дослужится свободы; а злу господину служа, дослужится болшіа работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще сквозь дубравы, напояюще не токмо человѣцы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имущь каменны: не лзя пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезь сладокъ; а скупъ бояринъ, аки кладезь солонъ. Не имѣй себѣ двора близь княжа двора; не держи села близъ княжа села; тіунъ бо его, яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ.

Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богата безумна, несмысленна: нищь бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки поволочитое сголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ (1); якоже рече Давидъ: »сладка словеса твоя паче меда устомъ моимъ;« Соломонъ рече: »словеса добра напояютъ душу, покрываетъ же печаль сердце безумному.« Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна по-

---

(1) Въ ред. XIII в. прибавлено: »Вода мать рыбамъ, а ты, княже, людемъ своимъ. Весна украшаетъ землю цвѣты, а ты, княже, насъ украшаеши милостію своею. Се былъ есмь въ велицѣй нужи, подъ работнымъ яремомъ пострадалъ. Все тое искусихъ, яко зло есть. Луче бы ми видѣти нога своя въ лычницы въ дому твоемъ, нежели въ червленѣ сапозѣ въ боярстемъ дворѣ. Луче бы ми тебѣ въ трудѣ служити, нежели въ багряницѣ въ боярстемъ творѣ. Нелѣпо бо усерязь златъ въ поздри свинніи, ни на холопехъ добрый портъ. Аще бы котлу золоты колца во ушію; но дну его не избыти черности, и жженія его; тако же и холопу. Аще паче мѣры гордѣлъ и буялъ, то укора ему своего не избыти—холопія имени. Луче бы ми вода пити въ дому твоемъ, нежели пити медъ въ боярстемъ дворѣ. Луче бы ми воробей испеченъ пріимати отъ руки твоея, нежели плечи бараня отъ руки злыхъ государь. Многажды бо ми ся обретаетъ работный хлѣбъ аки пелынь во устахъ моихъ. И питіе съ плачемъ растворяхъ (Рус. Бес. 106—107).

(2) Въ ред. XIII в. »Княже мой господине! Орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами, а левъ надъ звѣрми, *а ты, княже, надъ Переяславцы*. Левъ рыкнетъ, кто не устрашится,—а ты, княже, речеши, кто не убоится? Яко жь бо змій страшенъ свистаніемъ своимъ, тако и ты, княже нашъ, грозенъ множествомъ сильныхъ вой. Злато—красота женамъ, а ты княже, людемъ своимъ.« (Рус. Бес. 114).

(1) Въ ред. XIII в. »Княже мой господине! Азъ бо аще не во Аѳинехъ растохъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая аки пчела по книгамъ, по различнымъ цвѣтамъ. Оттуду избираю сладость словесную. Совокупляя мудрость яко въ мѣхъ воду морскую.« (Рус. Бес., 109).

сылай, самъ не лѣнися по немъ итти. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго дому пировнаго. Лѣпши слышати прѣніе умныхъ, нежели безумныхъ наказаніе. Дай премудру вину, премудрѣе будетъ. Не сѣй бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ: безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рожаютъ. Какъ во утѣлъ мѣхъ воду лити, такъ безумна учити; псомъ и свиніямъ не надобно злато, ни сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати. Дѣти бѣгаютъ урода (1), а Господь—пьянаго человѣка. Коли пожретъ синица орла, коли каменіе восплываетъ по водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти,—тогда безумный уму научится. Или ми речеши: отъ безумія ми еси молвилъ: то не видалъ есми неба полстяна, ни звѣздъ лутовяныхъ, ни безумна мудрость глаголюща. Или ми речеши: солга ми еси аки песъ,—добраго бо пса князи и бояре любятъ. Или ми речеши: солгалъ ми еси аки тать; аще быхъ умѣлъ украсти, толико бы не скорбѣхъ. Погубляетъ мужъ мужество свое татьбою.... Княже мой господине! не море топитъ корабли, но вѣтри; и не огнь творитъ разжженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: такоже и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ.

Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нотопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена

(1) *Родъ*—мифическое существо, которое противополагается истинному Богу. (Хр. Бусл. 641). См. № 17 этой Христом.

владѣетъ; не работа въ работахъ—подъ жонками возъ возити. Дивѣе дива, кто поимаетъ жену злообразну, прибытка ради. Нѣкогда же видѣхъ жену злообразну приничюще къ зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей: не зри въ зерцало, видѣвше лѣпость лица своего, зане большую печаль пріимеши себѣ. Или речеши: женися у богатаго тестя, чти дѣля, а ту пей, и яжь, и веселися въ великой радости и любви; то лѣпше волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волъ бо не молвитъ, ни зла мыслитъ; а злая жена біема бѣсится, а кротима высится, въ богачествѣ гордится, а во убожествѣ иныхъ осуждаетъ (1). Что есть жена злая? гостница неусыпаемая, купница бѣсовская. Что есть жена зла? мірскы мятежь, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовскаа мытница, поборница грѣху, засада спасенію. Аще который мужъ имѣетъ смотрѣти на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣлъ ея не испытаетъ: то дай Богъ ему трясцею (*лихорадкой*) болѣти. Но по сему разсмотрите злу жену, иже речетъ мужу своему: господине мой, свѣте очію моею! азъ на тя не могу зрѣти; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обоумираю, и воздрожатъ мя уды тѣла моего. Послушайте жены слова апостола Павла, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своей. Жены же у цер-

(1) Въ ред. XIII в. за этимъ слѣдуетъ: »Или речеши, княже, пострижися въ черницы. Не видалъ есми мертвеца на свиніяхъ ѣздячи, ни черта на бабѣ, ни ѣдалъ есмь отъ ивія смокви. Луче ми есть тако скончати животъ свой, нежели воспріимши ангельскій образъ, Богу солгати. Лжи бо, рече, мирови, а не Богу. Богу нельзя лгать, ни великимъ играти. Мнози бо отшедше мира сего, паки возвращаются, аки пси на своя блевотины, на мирское гоненіе. Обиходять села и домы славныхъ мира сего, яко пси ласкосердіи; идѣ жь брацы и пирове,— ту черницы и черницы, и беззаконніи, отеческій имѣя на собѣ санъ, а обычаемъ золъ.« (Рус. Бус. 118—119).

кви стоятъ молящеся Богу и святѣй Богородицы; а чему ся хотите учити, и вы учитеся въ домѣхъ, у мужей своихъ, а вы мужи по закону держите жены своя, поне борзо обрѣсти добрыхъ женъ. Жена добра вѣнецъ мужу своему и безпечаліе; а зла жена—люта печаль, изотщаніе дому. Червь бо древо тлитъ, а зла жена домъ мужа своего теряетъ. Лутчи есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Лѣпши есть камень долотити, нежели зла жена учити, или желѣзо варити:—желѣзо уваришь, а злы жены не научишь; злая бо жена ни ученія слушаетъ, ни Бога ся боитъ, ни людей стыдится, но вся укоряетъ и вся осужаетъ. Что лва злѣе въ четвероногыхъ? и что зміи лютѣйши въ ползущихъ по земли? всего того злая жена злѣе. Нѣсть на земли болши женскія злобы: женою бо сперва прадѣдъ нашъ Адамъ изгнанъ бысть изъ рая; жены ради Іосифъ прекрасный въ темницѣ затворенъ бысть; жены ради пророка Данила въ ровъ вверже, и львы ему нози лизаху. О злое орудіе, остро діяволе! Нѣкоемуже умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начатъ дѣти продавати, людіе же рѣша ему: чему продаешь дѣти? онъ же рече имъ: аще ли будутъ родилися въ матерь, и они возрастьше, меня продадутъ (1).

Еще возвратимся на переднія словеса. Азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философъ научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многымъ книгамъ, собирая сладость словесную и разумъ, совокупихъ яко мѣхъ воды морскія, а не отъ своего разума, но отъ божія промысла. Сіи суть словеса, да не уже много глаголю.

(1) Въ ред. XIII в. нападокъ на *злыхъ женъ* менѣе.

Здѣсь въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: »Сіи словеса азъ Данилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣозерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустивъ въ озеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ся пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горкаго заточенія.« Очевидно, эта вставка позднаго времени.

Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утелъ, роняя богатество убогимъ; да не уподоблюся жерновамъ, яко тѣ многія люди насыщаютъ, а сами себе не могутъ насытитися; да не возненавидѣнъ буду міру со многою бесѣдою, яко же бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидима бываетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: рѣчь продолжена не добро, продолжена паволока. Господи, дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся человѣки подъ руку его! Лютѣ бѣснующемуся дати ножь, а лукавому власть. Паче всего ненавижь сторонника перетерплива, Аминь.

(Пам. XII в. стр. 229—240).

См. Рус. Бес. 1856, кн. 2, 90. Сказ. Рус. Нар. *Сахарова*, I, IV. 59—60. Изв. Акад. Н. X, 111, 263—272. Отеч. Запис. 1842 г. т. XXII. Смѣсь. 57—59.

Выписки изъ Слова въ сравненіи съ подобными мѣстами другихъ древнихъ памятниковъ, равно какъ и замѣчанія объ-этомъ произведеніи, см. въ Москвит. 1856 г. №№ 7 и 8. *П. Безсонова. Г. Сахарова* первый открылъ сходство Слова съ Пчелою. (Москвит. 1843 г. *№* 9, стр. 149—155). Затѣмъ *М. И. Сухомлинов* представилъ способъ составленій древнихъ произведеній вообще, словъ, Пчелъ и другихъ памятниковъ стирины. (Извѣст. Акад. Н. 1853 г. стр. 222—234. 1854—55 г. стр. 159—220). См. извлеченія изъ книги »Златоустъ« *Забѣлина*. Архивъ историко-юрид. Колачова II. 2.

Слово Данила составлено почти все изъ различныхъ изреченій свящ. писанія, лѣтописи, изъ пословицъ и другихъ источниковъ, какъ самъ писатель говоритъ, что онъ отвсюду выбиралъ изъ книгъ, какъ пчела соки изъ цвѣтовъ. Въ Словѣ весьма мало историческаго элемента, скорѣе можно отыскать въ немъ

линныя черты и выраженіе вкуса грамотника XII в. Составъ Слова похожъ на многія древнія произведенія книжниковъ, которые заимствовали изъ книгъ все, что имъ нравилось, и соединяли въ одно цѣлое. Поэтому Слово заточника имѣетъ сходство съ древними поученіями—«О злыхъ женахъ,» поученіемъ Кирилла философа, съ статьями Пчелы и т. под. Слово имѣло много читателей особенно потому, что оно отличается своими рѣзкими выходками противъ нѣкоторыхъ общественныхъ злоупотребленій, жертвою которыхъ былъ самъ писатель. Неизвѣстно, кто такой былъ Даніилъ и за что былъ сосланъ на Лаче озеро (Олонец. губ.), но имя и мѣсто ссылки занесено въ лѣтопись подъ 1378 г. Неизвѣстно также, кто былъ виновникомъ несчастія этого мудреца древности. »Если жалка была самая дѣйствительность, говоритъ проф. Буслаевъ о старинной жизни, то утѣшимся покрайней мѣрѣ тѣмъ, что лучшіе люди той эпохи, хотя смутно, но все же сознавали тягостный гнетъ ея. Надобно однако замѣтить, что по недостатку ли яснаго уразумѣнія своихъ общественныхъ отношеній, или вслѣдствіе твердой вѣры въ лучшую будущность, не доходили они въ своемъ унынiи до отчаянія; и какъ горькому заточнику, и на берегахъ дикаго озера, утѣшительно мерцалъ отъ далекаго Переяславля свѣтъ примиренія, милости и правды, такъ и читатели его краснорѣчивыя плача были вполнѣ увѣрены, что рано или поздно недоразумѣнія прекратятся, правда восторжествуетъ, и заточникъ будетъ помилованъ и примиренъ съ жизнію, хотя бы и помощію какого нибудь чуда. Потому—то писцы, для собственнаго своего утѣшенія, внесли въ позднѣйшую редакцію Слова замысловатую повѣсть о томъ, какъ заточникъ запечаталъ свое моленіе въ воскъ и бросилъ въ озеро«... (Древне-рус. литер. и искус. Рус. В. 1857 г. кн. 16).

73. Хожденіе пресв. Богородицы по мукамъ XII в.

1. Хотѣ св. Богородица помолитися къ Господу Богу нашему на горѣ Еліоньстѣй, *во имя Отца и Сына и св. Духа*, да снидетъ архангелъ Михаилъ и 400 ангелъ съ нимъ: 100 отъ востока, 100 отъ запада, 100 отъ полудня (*съ юга*), 100 отъ полунощь (*съ сѣвера*)... 2. Богородица хотящи дабы видѣла, како ся душа мучать (*въ аду*); и рече Михаилу архистратигу: »Исповѣжь ми, яже суть на земли всяческая?« И рече къ ней Михаилъ: якоже речеши, благодатная, азъ всяческая тебѣ исповѣмъ. И рече къ нему св. Богородица: »Колико есть мукъ, идѣ же мучится родъ христіанскій?« И рече къ ней архистратигъ: неизрекомыи суть мукы. Рече же къ нему благодатная: »Исповѣжь ми на небеси и на земли.« 3. Тогда повелѣ архистратигъ явитися ангеломъ отъ полудне, и отверзеся адъ. И видѣ въ адѣ мучащаяся и бяше ту множество мужь и женъ, и вопль многъ бяше. И вопроси благодатная архистратига: »Кто си суть?« И рече архистратигъ: сіи суть, иже не вѣроваша въ Отца и Сына и св. Духа, нъ забыша Бога, и вѣроваша, юже ны бѣ тварь Богъ на работу створилъ, то они все богы прозваша—солнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады, *тосетьные и человѣчьска мена та утрiя* (?). Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша, бѣсомъ злыимъ вѣроваша, до и доселѣ мракъмь злыимъ одьржими суть, того ради сде тако мучаться... 5. И рече къ неи архистратигъ: кудѣ хощеши, благодатьная, да изидемъ—на полудние или на полунощь? И рече благодатная: »да изидемъ на полудние.« И тъгда обратившася хѣровими и серафими и 400 ангелъ изведоша Богородицю на полудне... 6. И увидѣ св. Богородиця мужа висяща за нозѣ, и чьрвье ядяху его, — и въпроси ангела: »кто сь есть что ли грѣхъ створилъ есть?« И рече къ неи архистратигъ: сь есть иже приклады (*проценты*) имаше на злато свое и на сребро, да за то на вѣкы мучиться. И видѣ жену висящю по зубы, и различныя змія исхождаху из устъ ея и ядяху тѣло ея,—и видѣвъши Пресвятая въпро-

(1) Загадіе этой визант. поэмы слѣд.: »Слово пресв. Богородицы велми душеполезно — *О покои всего мира*. Господи, благослови отче.«

си ангела: »что есть жена си, что ли грѣхъ ея?» И отвѣща архистратигъ и рече: та есть, господже, еже хожаше по ближьняя своя и по сусѣдомъ послушающи что глаголють, и слагающи словеса неприязнина, съважающи на сваръ (1), да того ради сице мучиться. И рече св. Богородица: »добръ бы было человѣку тому, да ся бы не рожалъ (2)...« 9. И увидѣ Святая древо желѣзно, имѣющь отрасли и вѣтвие желѣзно, и вьршие вѣтвия того имѣяше уды (*крючья*) желѣзны, и бяше ту висящихъ множьство мужь и женъ за языкы. И видѣвши Святая прослзися, и въпроси Михаила: »кто си суть, что ли съгрѣшение ихъ?« И рече архистратигъ: сѣ суть клеветьници, съвадьници и еже разлучиша брата отъ брата и мужѣ отъ женъ своихъ. И рече Михаилъ: послушай, Пресвятая, да ти азъ окажю о сихъ,—аще кто хотяше креститися, или покаятися грѣхъ своихъ; то ти разглаголаху и не поучаху спасению, да того ради тако ся мучать съдѣ на вѣкы... 14. И видѣ Пресвятая жены висяща за вся ногти, и пламени исхожаше изъ устъ ихъ и опаляше вся, и змія исхожаше изъ пламени того, и прилѣпляху къ нимъ и вопіяху, глаголаше: помилуйте насъ, яко мы едины мучимся паче всѣхъ мукъ. И рече Святая прослезившися: »Что есть согрѣшеніе тѣхъ?« И рече архистратигъ: то суть попадьи, иже поповъ своихъ не почьтоша, и по смерти ихъ идоша за мужь, да того ради мучаться. И рече пресв. Богородица: »помилуи, владыко, грѣшьныя, яко ти еуангелие твое приняша, и законъ твои съхраниша;« тъгда рече къ неи Господь: послушаи, Пресвятая, аще кто тѣхъ сътвори зло не покаяся, ни отъ работы да добрѣ глаголеши, якоже закону твоему поучишася, и пакы сътвориша зло, егда не отдаша злаго; азъ что да реку, яко есть речено: »дасть тѣмь противу злобѣ ихъ.« Тъгда и вси святіи слышавъше владыку, не смѣша что отвѣщати.

(*Изв. Акад. Н. X, стр. 551—573*).

Тамъ это слово напечатано съ греческимъ подлинникомъ. Хожденіе Богородицы по мукамъ доселѣ ходитъ въ простонародьи въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ.

Отреченныя книги стали входить въ Россію очень рано: такъ *Аѳанасіевы отвѣты* и *Слово Меѳодія Патарскаго* помѣщены въ Изборникѣ 1073 г.; въ рукахъ Кирика была книга, гдѣ говорилось, что 10 литургій, заказанныхъ въ видѣ епитиміи, избавляютъ отъ грѣховъ за 4 мѣсяца, 20—покрываютъ 8 мѣсяцевъ, а 30 цѣлый годъ; Кирикъ говорилъ Нифонту, что онъ читалъ тетрадку, въ которой значилось: »Аще зачнется дѣтище подъ пятницу»..., а эти слова находятся въ апокрифич. статьѣ о 12 пятницахъ. (Памятн. отреч. литер. Тихонравова, II, 338). У Аврамія смоленскаго была книга *Глубины* (до 1206). Отрывокъ изъ апокрифич. *Слова I. Богослова* »О покои Богородицы« 12 в. съ греч. подлин. см. Срезневскаго »О малоизв. и неизвѣстн. памятн.« IV, 61. О ложныхъ книгахъ замѣчено въ Сл. Кирилла до 1280; Завѣты 12 патріарховъ находятся въ Палеѣ до 1240; *Сказаніе Афродитіана* есть въ спискѣ ркп. XIII в. Въ Сильвестровс. Сборн. до 1350 г. помѣщены: *Откровеніе Авраама* и *Посланіе Пилата къ Тиверію*.

О другихъ ложныхъ книгахъ см. Памятн. отр. рус. литер. *Тихонравова*. Спб. 1863. два тома. *Его же* Лѣтоп. рус. литерат. 1859. 1. Моск. Вѣд. 1859, № 232. Памятн. старин. рус. лит. изд. *Кушелева-Безбородко*. О древне-рус. литер. *Пыпина*. От. Зап. 1857, № XI. Очерки *Буслаева*. I. 480—504. Историч. Христом. его же 533. 543—4. *Гильфердинга* о Богомилахъ. Рус. Бес. 1859. № 4, 117—130. *Срезневскаго* О малоизв. и неизв. памятн. II, 65, IV, 53. I. Екзархъ Болгарскій *Калайдовича* 202—212. Опис. Румянц. Музея № 449. Апокрифич. сочиненія въ древнерус. письменности *И. Я. Порфирьева*. Правосл. Собес. 1869 г. Евангеліе Никодима. Тамъ же 1860 г. О средѣ и пяткѣ. Тамъ же 1859 г. кн. 2.

(1) Сплетничала, чтобы раздоръ произвести между ближними.

(2) Лучше бы тому человѣку не родиться.

74. Слово о мытарствахъ (1).

Понеже тайна си не всѣми откровена бысть, и многими человѣкы не вѣдома, но якоже Кирилъ философъ рече: не того ради сътворени быхомъ, да ямы и піемъ и въ одежи различныя облечемся; но да угодимъ Богови и будущая и благая получимъ. Но понеже испытаніемъ божественныхъ писаній заблудихомъ отъ истиннаго пути, ни помышляемъ, како ны есть постигъ Богъ и създалъ, въ утробѣ матерній душю вложилъ, и паки и оттуду ны изведе. Егда убо, рече, всякъ младенецъ крещаемъ бываетъ, тогда посылается отъ Бога аггелъ на храненіе въ все житіе человѣческое: лукаваго сатаны аггелъ даемь бываетъ, егда въ смысль, въ разумъ будеть о всемь добрѣ и о злѣ. Егда же начнеть въ правдѣ пребывати человѣкъ, то пріемлеть старѣйшиньство надъ нимь божій аггелъ, и съхраняеть й отъ всякого лукавьства дьяволя въ нощи и во дни. Имать же съвѣщаніе въ себѣ душа та съ аггеломъ, написаеть аггель вся благая дѣла ея отъ юности и до старости. Егда паки начнеть человѣкъ пребывати въ злыхъ дѣлѣхъ, тогда пріемлеть власть и старѣйшиньство лукавый аггелъ сатанинь надъ таковымь человѣкомь, и въ слѣдъ его ходя, вся грѣхы написаеть нощныя и дневныя; аггелъ же господень плачется таковаго человѣка. Ащели покается, то пріиметь аггелъ божій старѣйшиньство и власть; тогда аггелъ сатининъ плачеться его. Пакы же суть мнози и не вѣрующе, ни послушати хотяще, яко испытаема суть душа человѣкомъ по смерти, егдаже исходить отъ тѣла. Понеже поставилъ есть Богъ испытанія всякому человѣку. Первое испытаніе, егда хощеть разлучитися душа отъ тѣлеси. Преже бо пріидуть бѣси и представятъ ея вся дѣла, яже будетъ сътрѣшила отъ юности и до старости; отвивающе харатейные свиткы, и начнуть обличати душю, исповѣдающе грѣхи ея, яже въ всемь житіи сътрѣши, ркуще ей: ци забыла еси, яже сътрѣши въ всемь житіи; но мы ихъ не забыхомъ, и списахомъ ясно. Посемь предстанета два аггела, посланная по душю отъ Бога. Егда же узритъ ею душа, ужаснется, образъ весь и лѣпота (*красота*) и лице измѣнится, руцѣ и нозѣ премолкнета и слуха съ нима, и языкъ молчаніемъ затворится, и будеть весь унылъ, и дряхлъ, и скорбень, и за симь явится смерть. И тако, и нужею страшною душа отъ тѣлеси изидетъ, и станеть одержима душа, зрящи на свое тѣло; якоже бо кто изъволкся изъ ризы своея, и потомъ сталъ бы, зря ея: тако станетъ душа на свое тѣло зрящи, отъ него же изыде, умилно къ аггеломъ взирающи, и видѣ дѣла своя предъ собою поставлена, или добрая, или злая, и яко въ всѣхъ извѣщаема.

И посемь вземши душю, понесуть ю на въздухъ, къ второму испытанію, идѣже есть 20 мытарствъ, Богомъ поставлена на въздусѣхъ предъ враты небесными, на испытаніе всякой души, исходящей же отъ тѣлеси, грядущей къ небеси.

1-е мытарьство: оболганіе, елико будемъ лгали, отъ юности и до старости; 2, оклевтаніе, елико человѣци оклеветахомъ; 3, зависть, елико завидѣхомъ кому; 4, иже когда будемъ гнѣвь на кого долго имѣли; 5, ярость съ гнѣвомъ, или на чада, или на рабы, или на всякого человѣка; 6, гордость, елико разгордѣхомъ; 7, буе слово, срамословіе, бестудная словеса и плясаніе, еже въ пиру и на свадбахъ, и въ навечерницахъ, и на игрищахъ и на улицахъ; 8, рѣзоиманіе и грабленіе, насилное мьздоиманіе; 9,

(1) Слово это прежде приписывалось Кириллу Туровскому, но кажется принадлежитъ Кириллу философу (Макар. Ист. Р. Церкви, ч. III, стр. 146), и подверглось позднѣйшей передѣлкѣ. Буслаевъ и Шевыревъ полагаютъ, что слово это можно скорѣе приписать Аврааміо смоленскому. (Очерки рус. нар. слов. II, 119; Изв. Акад. VIII, 326. IX, 182).

иже тщеславіе когда сътворихомъ, хвалы ради и славы человѣческыя; 10, златолюбіе и сребролюбіе; 11, пьянство и запойство; и всѣ чаши наши изочтени суть отъ бѣсовъ въ запойствѣ; 12, злопоминаніе, елико зло поминахомъ когда, глаголющи: не забуду ти ни до смерти; 13, чародѣйство и волхованіе, наузы (*навязки*); 14, объяденіе и раннее яденіе и питіе, отъ юности наша и до старости; 15, всяка ересь, вѣруютъ въ стрѣчю, въ полазъ и въ птичьи грай, ворожю, и еже басни баютъ и въ гусли гудутъ; и еже уніи блудъ творятъ; 16, прелюбодѣяніе, еже мужи отъ жень своихъ блудъ творятъ, а жены иже отъ своихъ мужь съ чюжими мужи; 17, убойство и всякоя раны, или бьеніи и рванія за власы до крове; 18, тадба и всякое краденіе; 19, всякъ блудъ; 20, скупость, немилосердіе.

Сдѣ бо обличаютъ бѣси душу, аще будемь коли брату досадили, или нищему, или изгнали изъ дому своего, или грозилися на кого: то ту обличающе ны бѣси, препирающе. Аще бо и вся заповѣди божія исправите, а будемь немилостиви, и на нищія немилосердіи, или на рабы своя, не подающа имъ доволнаго одѣянія, пища, дѣломъ же насиляюще, инѣми бѣдами; то о всѣхъ сихъ испытаема будетъ душа, истязаема отъ въздушныхъ бѣсовъ.

Да аще имать душа добрая дѣла, истинное покаяніе, о томъ испытающе вся си, преходитъ; и потомъ въходить въ врата небеснаа, радующеся, яко избывши лукавыхъ въздушныхъ бѣсовъ. И потомъ устрѣтають друзіи аггели, посылаеми по душа инѣхь человѣкъ, веселящеся, радуются о ней, яко избѣже лукавьныхъ бѣсовъ, и цѣлуютъ обьимающе. Потомь принесени быша къ престолу Бога вседержителя, и поклонится подножію Господа; и потомъ предасть ю Михаилу, завѣща: иди, душю сію веди, и покажи ей

обители святыхъ и небесный полаты райскія, душа праведныхъ сущая въ раи, и душа грѣшъныхъ сущая на муку грѣшныхъ, въ нихже имуть быти мучими въ день великый суда. И носима бываеть преже по поднебесіи, показаетъ ей полаты святыхъ градъ, горній Іерусалимь, его же самь Господь по вознесеніи създа; потомъ внесома бываеть въ рай къ праведнымъ душаимъ, и исходяще же душа праведны, и срѣтають обьнимающе, и цѣлуютъ ю; и потомъ сведеть ю въ пропасть, идѣже затворены суть душа грѣшныхъ отъ вѣка, показаеть ей мѣста, идѣже имъ мучитися, понеже мука далече міра есть на западѣ (1). Сиже вся мѣста обходить душа праведнаго за 40 дни, и потомъ внесома будетъ въ рай, мѣсто покойно до послѣдняго въскрешенія.

Всѣхъ же грѣшныхъ душа, егда изиде изъ тѣлеси, предстануть ей аггели бѣсовьстіи, принесуть предъ ню вся ея съгрѣшенія, якоже будеть сътворила отъ юности и до старости, написаны въ свитцѣхъ; и начнуть, отвивающи, обличати ю.

Да нелзѣ се ихъ запрети (*оспорить*), понеже лѣта и мѣсяци, и времена, и дни, и часы и праздници съ памятью имуть исписаны, съгрѣшихомъ когда, или въ кое лѣто, и въ которы мѣсяць, или въ кое время и въ часъ, или въ который праздникъ, или до обѣда, или по обѣдѣхъ, или въ день и въ нощь. Да аще исповѣдалъ я будеть отцу духовному, и каявся пакы ся не възратиль къ нимъ будеть, то обрѣтаютъ я заглажены, понеже невидомь заглажаеть у нихъ Духъ св.; бѣси же вѣдають, яко истиннымъ покаяніемъ загладишася, и скорбятъ не улучивше. Аще ли будетъ утаилъ своя грѣхы; а не исповѣдалъ отцу, то не заглажени тѣхъ

(1) Представленіе о томъ, что душѣ показываютъ адъ и рай чисто народное, которое не изгладилось доселѣ.— Адъ на западѣ, на востокѣ рай.

свитци обрѣтаются. Аще ли будетъ исповѣдалъ отцу, отець же, дара дѣля, не положилъ ему будетъ опитемьи за ты грѣхи, рекше на добрая дѣла не наказалъ, на молитвы, на поклоненіе, на пость, на милостыню, на прочая добрая дѣтели не научилъ, ни въстягнулъ, дабы не сътворилъ зла ни сгрѣшилъ; то таковаго грѣси не заглажени обрѣтаются въ свитцѣхъ бѣсовьскыхъ; но всѣ ясно съ памятью исписаны; то оба таковая пріимета бесконечную муку, понеже онъ вѣдая грѣхи его, не положилъ ему опитеміи за то, а сій также вѣдають, изиска себѣ потаковника, и покаяся у таковаго, и оба осудитася (1). И потомъ всхитима бываетъ душа лукавыми бѣсы и бьема лютѣ, не дадущи й ни до перваго мытарьства взити, и затворима бываетъ въ адѣ и въ тмѣ и въ сѣни смертнѣй, идѣже душа грѣшныхъ отъ вѣка суть держими; ту сѣдятъ плачюшеся, ожидающе дне великаго, суднаго. Но на преже глаголанная взидемь, понеже мнози съблажняются, рькуще: якоже нѣсть святыхъ на земли, и тако глаголюще мнози заблудившеся погибоша, й мнози иныя въ слабость введоша; они же слышаша, й на нихъ взирающе, ступишася съ истиннаго пути и заблудишася, послушающе таковыхъ невѣгласъ (*невѣждъ*), понеже нецѣдѣніе злое есть съгрѣшеніе. Аще ли быша пытали божіихъ евангелій св. книгъ, яже божіи усты речены быша: не прейде родъ сій, дондеже вся си будуть; право глаголю вамь, небо и земля мимо идеть, а словеса моя не имуть прейти, ни измѣнятся... Павелъ апостолъ рече: не вси убо умремъ; вси же измѣнимся въ мегновеніи ока, рекше—вборзѣ. Егда же вси человѣци изомруть, тогда останутся мнози праведници живи, храними Богомь, не разлучившимся души съ тѣломъ. И ини мнозіи о семъ пророкоша; аще бо кто пытати въсхощеть о семъ, то обрящеть.

И се уже видимъ конець міру приближающеся, урокъ житію скончевашеся, уже бо мало нашего живота и вѣка: вся же, яко Господь рече, испыташеся, въстати имать языкъ на языкъ, царство на царство, и страна на страну, и царь на царя, князь на князя, епископь на епископа, чернець на черньца, и братъ на брата, и будуть глади й пагубы и труси по мѣстомъ: вся же та въ начало болѣзнемь. По скончаніи же томъ, солнце й мѣсяць померчета, небеса съвьются въ свитокъ, й силы небесныя явятся, й посемь Сынъ божій съ славою пріидетъ, хотя судити всему міру. Скончавшуся року житія, оставшимжеся 3 лѣтомъ седмыя тысящи, будеть въ 3 лѣта царство антихристово; по скончаніи же 3 лѣтъ царства его, послеть Господь Михаила и Гавріила, въструбита въ рога овня, й въ мгновеніи ока въскреснуть мертвіи; и праведници же въскреснуть преже, свѣтліи по добродѣтели ихъ, послѣди же грѣшници, омрачени по злымъ ихъ дѣломь. Посемь огнь неугасимый потечеть отъ въстока до запада, поядая горы, и каменіе и древа, и море изсушая, твердь же яко береско свертится, и вся видимая сущія вещи, развѣе человѣкъ, вся отъ ярости огненыя, яко воскъ истають, и згоритъ вся земля; и сквозь ити сій огнь неугасимый подобаетъ всему человѣческому роду проити. Не будетъ гдѣ убѣжати и ни съкрытися, но будетъ болѣзнь и скорбь, не имущи ни единой же утѣхи, паче же грѣшнымъ не покаявшимся, ни единоя скорби имѣвшимъ о души своей, но точію въ покои и мнозѣй пищѣ и въ питіи, и въ прочихь инѣхъ грѣсѣхъ лѣта своя скончаша; да тѣмь явится имъ ярость божія, полна гнѣва и яру, бѣду отмщенія носящи; не явить бо си имъ яко тремъ отрокомъ, хладъ: хладъ праведнымъ же, а не огнь. Въ

(1) Мнѣніе объ-епитеміи замѣчательно, что она заглаживаетъ грѣхи.

сихже суть нѣкоторіи, мала имущи съгрѣшенія, и не исправлена яко человѣци, понеже есть Богъ единъ безъ грѣха, иже плоть взя нашего ради спасенія, да самъ огнемъ искусивъ, очистить я, и просвѣтятся тѣлеса имъ, яко солнце по добродѣтели ихъ: праведнымъ даеть свѣть, а грѣшнымъ же опаленіе и омраченіе. Прешедшимъ же имъ огненую сію рѣку, огньная си рѣка, по божію повелѣнью, послуживши, отшедши къ западу, учинится озеро огненое, на мученіе грѣшнымъ. Посемъ будеть земля нова и равна, якоже бѣ искони, и бѣла паче снѣга; и потомъ повелѣніемъ божіимъ премѣнится, и будеть яко злато, изидеть изъ нея трава и цвѣтіи многоразличніи и неувядающи никогда же, понеже суть духовни, и посемъ възрастуть древа, не яко видимая си суще, но высотою и лѣпотою, величествомъ невъзможно есть изъглаголати усты человѣческыми, понеже суть духовна, о Христѣ Ісусѣ о Господѣ нашемъ.

(*Памятн. XII в., стр. 92—101*).

Въ началѣ »Слово о мытарствахъ« имѣетъ большое сходство съ апокрифическимъ сказаніемъ о »Хожденіи ап. Павла по мукамъ« (*Памятн. отр. рус. литер. II, 40 и дал.*); потомъ съ стихомъ »О страшномъ судѣ.« О вліяніи житія св. Василія Новаго на сочинителя »Слова о мытарствахъ« см. въ Очеркахъ Буслаева, II, 139. О мытарствахъ говорится въ »Житіи Авраамія смоленскаго« и въ »Житіи Антонія Римлянина.«

Къ числу подражательныхъ сочиненій относится »Поученіе Владиміра Мономаха;« но такъ какъ въ немъ находится много данныхъ для изученія княжескаго быта XI—XII в., — поэтому оно отнесено въ отдѣлъ статей объ »Обществ. жизни.«

75. Посланіе Іакова Святослава болгарскаго Деспота м-ту Кириллу до 1262.

Богомъ избраному пастырю и учителю словесного стада правовѣрныя вѣры нашея, отцу ми по духу, святому прѣосвященному архіепископу Курилу прѣславнаго града Кыева, учителю же всеи Русии, и свѣтильнику црьквамъ богоспасаемаго града Кыева. И о семъ благодари господьство ми прѣподобьствие твое, еже о Христѣ, приявъ азъ писание святаго ти владычьства, благодарихъ святую ти молитву, прѣосвященный архіепископе всея Русьскыя земля, благодрьжавнаго родия моего, ихъ же отрасль и корень азъ быхъ святыхъ прѣотець моихъ. Пишу тобѣ, възлюбленыи Богомъ, архіепископе Кирилле, протооброню, да ся словомъ твоимъ вселенаа Русьскаа просвѣтить, а писаниемъ сию Зонару (*Кормчую*) до ся нигдѣ не прѣпишеть, понеже тако подобно есть сеи Зонарѣ во всякомъ царствѣ единои быти на съборѣ, якоже святии отьци уставишя и упрѣдаша намъ. Того ради азъ испросивъ патриарха и прѣпустихъ за святопочивъшихъ родителии моихъ и за помина ради душя своя (1)...

Написана же бысть сия Зонара въ лѣто 6770-е, 5 индикта, въ дьни благовѣрнаго царя Костянтина прѣдрьжяща столъ блъгарьскыи, повелѣниемъ же и по цѣнѣ великаго господина Якова Святислава деспотѣ блъгаръскаго. Мы же раздѣливъше на 3 чясти исписахомъ за 50 днии, почавъше мѣсяца ноября 10 дьне, кончана же бысть мѣсяца генваря 7 дьнь. Азъ же худоумъныи многогрѣшьныи Іоанъ, зовомъ Драгословъ, молю сльзъно: отьци и братиа, чьтящии и прѣписающии, легко исправляюще чьтѣте, а не злословите, понеже не бѣхъ до тамо писець.

(*Изв. Акад. Н. X, 203—4*).

(1) Въ XII в. Зонара сдѣлалъ систематическій сводъ, въ которомъ сливаются свѣтскій и духовный элементы законовъ и составляютъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ Кормчей, которая и называется здѣсь *Зонарой*.

76. Хожденія въ Царьградъ.

а) Стефана Новгородца послѣ 1347.

Въ недѣлю страстную пріидохомъ въ Царьградъ и идохомъ къ св. Софіи. И видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чуденъ вельми, толстотою и высотою и красотою издалеча смотря видѣти его, и наверху его сидитъ Юстиніанъ великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ одѣянъ срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя прострѣ буйно наполдни, на Срацынскую землю къ Іерусалиму. Суть же много и иніихъ столповъ по граду стоятъ отъ камени мрамора, много же на нихъ писанія, отъ верху и до долу, писано рытіею (*рѣзьбой*) великою, и словеси всѣ позлощены быша, а иніи черны. Много бо есть дивитися и умъ сказати не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто не имѣетъ!

А отъ столпа Юстиніанова внити въ двери св. Софіи; въ первыя двери поступивъ мало, идти въ другія, и третьи, и четвертыя, и пятыя, и въ шестыя тоже, а въ седмыя двери внити въ св. Софію, въ велику церковь. И пошедъ мало обратитись назадъ, и возрѣвъ горѣ на двери, видѣти: ту стоитъ икона св. Спасъ, и о той иконѣ рѣчь въ книгахъ пишется, и того всего не мочно исписати. Ту бо погани иконоборцы лѣстницу приставили восхотѣвъ содрати вѣнецъ златый, и св. Ѳеодосія опроверже лѣстницу, и разби поганина, и ту святую заклаша рогомъ козьимъ. И отъ того мимо пошедъ, видѣхомъ множество народа цѣлующе съ умиленіемъ Страсти господни, и возрадовахомся вельми; зане бо безъ слезъ не мочно пріидти къ Страстямъ господнимъ. И ту видѣ насъ царевъ бояринъ, ему же имя простое: Ботарь, и той видя тѣсноту и нужду нашу, допроводи ны къ Страстямъ господнимъ, Бога дѣля, и ту мы цѣловахомъ грѣшніи. Потомъ идохомъ, поступивше мало на сторону, и увидѣхомъ ту на стѣнѣ Спасъ мусіею утвореnъ (*мозаикой устроенъ*), и вода святая отъ язвъ гвоздиныхъ отъ ногу его идетъ, и ту цѣловахомъ грѣшніи, и помазаны единъ отъ іермонаховъ масломъ и напои водою святою. И ту стоятъ многи столпове отъ камени краснаго мрамора, оковани чудно, въ нихъ же лежатъ мощи св., ту люди прикасаются, и иже кто болитъ, и абіе съ вѣрою здравіе пріемлетъ. И ту виде насъ св. патріархъ Царяграда, ему же имя Исидоръ, а на патріаршество призванны и благословихомся и цѣловахомъ въ руку, и бесѣдова съ нами, понеже бо вельми любитъ Русь. О великое чудо! колико смиренія бысть ему, иже бесѣдова съ страники ны грѣшніи; не нашъ бо обычай имѣетъ.

И ту близъ трепеза каменна: св. Авраамъ, ему же Богъ въ Троицѣ явися подъ дубомъ Мамврійскимъ. Мы же грѣшніи видѣхомъ той дубъ Мамврійскій, егда быхомъ въ Іерусалимѣ и окрестъ его, а листвіе зеленые уродилися у дуба того и стоятъ и зимѣ и лѣтѣ, глаголютъ бо, яко будутъ стоять до скончанія вѣка, огороженъ каменемъ высоко, и Срацыны стерегутъ его. Ту же одръ лежитъ желѣзный, на немъ же св. мученикъ мучили, на огнь поставивши; у тогожъ одра множество людей приходятъ и пріемлютъ изцѣленіе, и мы грѣшніи цѣловахомъ его. И ту стоятъ столпове отъ камени багряна, красны вельми, пропестріе аспиду подобно, видѣти человѣку лица своего образъ, аки въ зерцало, отъ великаго Рима привезены бо суть. Имать же св. Софія множество кладязей съ сладкими водами, опричь тѣхъ, иже въ стѣнахъ церковныхъ и промежъ стѣнъ, и не познать ихъ ровно съ дномъ, рекше помостомъ церковнымъ. Надъ тѣми бо кладези вбиты суть кольцы желѣзныя во мраморъ,

а мраморъ ся зоветъ камень гладокъ. Тако жъ и кандилъ развѣшено многое множество несчетно въ св. Софіи; иная жъ въ предѣлахъ и каморахъ, а иніи въ стѣнахъ и промежъ стѣнъ, и въ улицахъ церковныхъ, идѣ же иконы великія стоятъ, и ту кандила съ масломъ древянымъ горятъ, и ту мы грѣшніи приходихомъ со слезами и съ радостію, по силѣ свѣщи подавахомъ, тако жъ и у мощей святыхъ...

Идучи жъ отъ св. Софіи мимо столповъ Юстиніановыхъ, и мимо малыхъ трехъ и мимо св. Ѳеодора, на гору поидти великою улицею, *Царевымъ путьмъ*, прошедъ недалѣчь добраго перестрѣла, ту стоитъ столпъ правовѣрнаго царя Константина, отъ багряна камени створень отъ Рима привезенъ; на верху его вдѣланъ крестъ; въ томъ же столпѣ лежатъ 12 кошъ укругъ; тужъ и сѣкира Ноева лежитъ; ту патріархъ дѣто провождаетъ. И оттолѣ идохомъ назадъ къ св. Софіи. Ту бо близъ двѣ церкви великія стоятъ: Ирина великая церковь, а оттолѣ недалече св. Богородицы монастырь женскій; ту лежитъ св. Евдокія. И оттуду на подолъ къ морю идучи, есть холмъ св. великомуч. Георгія, рекше: *непобѣдимая сила*; ту стоятъ Страсти господни, замчены и запечатаны церковною печатію. На страстной недѣлѣ царь самъ съ патріархомъ отпечатываютъ и цѣлуютъ, а потомъ невозможно видѣть никому же. Ту лежитъ тѣло св. Анны, и цѣловахомъ грѣшніи, и ту за стѣною, надъ моремъ, явися Христосъ самъ, и ту церьковь наречутъ: *Христосъ*. Стоятъ множесто болящихъ, и отъ всѣхъ градовъ привозятъ—и пріемлютъ изцѣленія: и ту лежитъ св. Аверкій, и цѣловахомъ тѣло его. То бо все мѣсто подобно есть Соломоновой купѣли, иже въ Іерусалимѣ. И оттолѣ идохомъ въ монастырь Панагранъ; ту лежитъ глава св. Василія. И оттолѣ недалече монастырь Панданасый: ту бо лежатъ замчены Страсти господни на двое раздѣлены. И оттолѣ идохомъ во вторникъ къ св. Богородицѣ поклонитися выходней иконѣ; ту бо икону евангелистъ Лука написа, понарови самую госпожу дѣву Богородицу, еще сущей живу; ту бо икону во всякій вторникъ выносятъ. Чудно вельми зрѣти, како сходится народъ а людіе изъ иныхъ городовъ! Икона жъ та велика вельми, окована гораздо, и пѣвцы предъ нею поютъ красно, а народи вси зовутъ: *Киріе елейсонъ!* съ плачемъ. Единому человѣку на плеча вставятъ раму, а онъ руцѣ распростретъ, аки распятъ, также и очи ему запровержутъ, видѣти грозно, по ходбищу мещетъ его семо и овамо, вельми силно повертываетъ имъ, а онъ не помнится, куда его икона носитъ. Потомъ 2-й подходитъ, и той такожъ, тажъ 3-й и 4-й подхватываютъ, и тіи вси тако жъ. А они поютъ пѣніе съ дьяки великое, и народъ зоветъ: Господи помилуй! съ плачемъ. Два діакона держатъ рипиды, а иные кивотъ предъ иконою. Дивное видѣніе! 3 человѣка вставятъ на плеча единому человѣку, а онъ аки простъ ходитъ, изволеніемъ божіимъ...

Та жъ идохомъ къ Ѳеодору въ Студійскій монастырь. Много бо суть видѣхомъ въ Царѣградѣ видѣнія, еже не мочно всего написати. Толико бо Богъ прославилъ св. мѣста, еже не мочно разстатися. Въ монастырѣ Студійскомъ быхомъ и цѣловахомъ тѣло св. Саввы. И церковь та велика вельми, и высоко палатою сведена; икона въ ней аки солнце сіяетъ, вельми украшена златомъ, много дивитися, аки жемчугомъ исажена, и писду тако не мочно вписати... Тако жъ и трапеза устроена, идѣ же братія ѣдятъ, вельми чудно, паче всѣхъ монастырей, а стоитъ на краю, близъ Златыхъ вратъ. Ту лежитъ Ѳеодоръ Студійскій. Изъ того бо монастыря въ Русь

посылали много книгъ: уставъ, тріоди и иныя книги...

И на утріе въ пятокъ, идохомъ съ други моими по св. монастырямъ и обрѣтохомъ на пути Ивана и Добрилу, своихъ Новгородцевъ, и возрадовахомся зѣло, ижъ нѣколи бѣ мочно было свидѣтися, зане бо безъ вѣсти пропали, и нынѣ живутъ тутo, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ св. писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію. И идохомъ съ ними къ св. Ивану Дамаскину, въ монастырь женскій. А оттолѣ идохомъ въ монастырь Ивана Предтеча, зовутъ: Ивана Бога богатымъ; и та церковь вельми удивлена мусіею, и ту цѣловахомъ руку св. Іоанна Ктитора, иже устрои церковь, иконы окова златомъ и съ драгимъ каменіемъ и жемчугомъ. И глаголютъ бо нѣцыи, что та рука Ивана Предтеча; но нѣсть тако, не Предтечева рука, ижъ у прекрасной Богородицѣ, близъ Студійскаго монастыря, та есть рука св. Ивана Предтеча правая, а лѣвая на Іорданѣ...

Сподоби ны Богъ видѣти вся въ добрѣ, еже ся надѣяхомъ, а въ Царьградъ бо аки въ дубровy вити, и безъ добра вожа (*вожака*) не возможно ходити, а скупо или убого не можетъ видѣти, ни цѣловати единаго святаго, развѣ на праздникъ котораго святаго будетъ и тогды видѣти и цѣловати.

(*Сказ. рус. народа, Сахарова II, 8, стр. 51—55*).

б) Хожденіе въ Царьградъ дьяка Александра 1395.

При патріарси Антоніи, при цари Мануилѣ, се азъ діакъ Александръ приходихомъ куплею въ Царьградъ и пріидохомъ поклонитися въ св. Софѣю. Величество ея или красоту не мощно исповѣдати: входя въ великія двери, на правой сторонѣ стоитъ икона св. Богородици, что гласъ отъ нея изшелъ Маріи Египетской въ Іерусалимѣ, а великія двери отъ Ноева ковчега, на лѣвой сторонѣ преобразился Спасъ на мраморѣ; внутрь церкви трапеза Авраямля, на ней же явился Спасъ въ Троици Аврааму подъ дубомъ Мамврійскимъ; близъ того одръ желѣзенъ, на немъ же жьгли св. мученикъ, мощи св. патріарха Арсенія; во алтарѣ есть камень, на немъ же сѣдѣлъ Спасъ, бесѣдуя женѣ Самаряныни при кладязѣ Іяковлѣ. А въ монастырь въ *Манъянѣ* Страсти спасовы вси и багряница, кровь, копье, трость, губа, и отъ брады св. мощей множество въ томъ монастыри. Назади того монастыря церковь св. Спасъ: мощи св. Аверкія и вода цѣлебная тутo есть. Близъ того монастырь женьскій: ту глава св. Василья Кесарійскаго. Въ *Одигитріи* икона св. Богородици: выходитъ въ всякой вторникъ и творитъ чюдеса, и кто съ вѣрою приходитъ, здравіе получаетъ; писалъ же сію икону Лука евангелистъ; нѣкогда бысть иконобореніе, и съхраниша сію икону въ *Пантократори* манастыри въ стѣнѣ, зажегше кандило предъ нею, и тоже кандило 60 лѣтъ не угасло предъ нею. Въ Апостольской церкви отъ мощей св. апостолъ, во алтари зазданы мощи св. великаго Спиридона, мощи св. Полуекта, гробъ св. Іоанна Златоустаго, гробъ Костянтина царя и матере его Елены, столпъ есть мраморянъ, у него же привязанъ былъ Спасъ, коли мучили его Жидова; тутo есть камень, у него же плакалъ Петръ апостолъ о отверженіи Господни и алекторъ (*куръ*) его възгласилъ. А въ *Пантократори* монастыри: доска Спасова, на ней же несли его къ гробу, корчага во олтари, что воду въ вино претворилъ Спасъ въ Канахъ Галилейскихъ, глава св. Флора и Лавра, глава св. Іякова Перьскаго, близъ того Ѳеодосья дѣвица въ тѣлѣ. Въ *Панмакаристѣ* въ монастырѣ: глава св. Игнатья Богоносца. Въ *Подромѣ* въ монастыри,

иже именуется »Богомъ богатый«: отъ мощей св. Іоанна Предтечи, леонтей Спасовъ, кровь, рука св. Іоанна Постника, глава св. Внифантія, отъ мощей св. Пантелеймона; у сего монастыря нѣсть ни селъ, ни виноградовъ, но милостію божіею всѣхъ монастырей богатѣе. Близъ того монастырь женьскій св. *Никола*: и отъ мощей туто есть, въ хорѣ мощи св. Михаила Сигела (*Синкелла*). Въ *Лахернѣ*: риза св. Богородици и отъ пояса ея; нѣкогда бысть иконоборенїе въ Цариградѣ, пріидоша и по суху и по морю, Сергій же патріархъ омочи въ морѣ сію ризу св. Богородици и море вскипѣ, и ратніи побѣгоша; ту есть икона св. Богородици, юже видѣ св. Андрѣй на воздусѣ за міръ молящуся. Близъ того монастырь св. *Козмы* и *Дамьяна*: и отъ мощей главѣ ихъ обѣ. Въ монастыри св. пророка Данила: пророкъ Данилъ въ гробѣ, св. великій Никита въ гробѣ, Романъ пѣвецъ въ гробѣ. Въ *Пелеврептѣ* монастыри: рука правая св. І. Крестителя господня, глава великаго Григорья, отъ мощій Семіона Богопріимца, и отъ мощей 10 мученикъ, и иныхъ св. мощей много, есть икона св. Богородици, что покололь Жидовинъ въ шахматной игрѣ, и изошла кровь и нынѣ знати кровь. Въ *Студіи* въ монастыри Ѳеодора: муро св. вел. муч. Дмитрія, и отъ мощей святыхъ много. Въ монастыри *Царициномъ*, иже именуется *Курьмарта*: отъ мощей св. Іоаннна милостиваго, Марія Клеопова апостолова сестра, св. Орина, Ѳеодосья мученица, что рогомъ козлимъ заклали ю въ св. Софьи. Близъ Костянтинова двора царева есть монастырь св. *Серґіа* и *Вакха*: отъ мощей ею обѣ главѣ; близъ того игрища идѣже ядъ змінъ запечатанъ въ трехъ мѣдяныхъ зміяхъ, и иныхъ дивесъ (*чудесъ*) много туто сътворено Львомъ Премудрымъ царемъ. Въ монастыри св. *Лазаря*: Лазарь святый и сестрѣ его обѣ, Мареа и Марія зазданы во олтарѣ. Сія же св. монастыри или св. мощи, или чюдотворенія, ово видихомъ, иная же не видихомъ, не мощно бо есть исходити св. монастырей, или св. мощей, или писати, тысяща тысящами; и нынѣ есть св. мощей или чюдотвореніе много—не мощно бо исповѣдати.

(*П. С. Лѣт. IV, 357—358*).

При чтеніи путешествій, обратить вниманіе, какъ Византія дѣйствовала на русскихъ путешественниковъ чудесами своей святыни и искусства.

78. Посланіе о раѣ ок. 1347.

Василіе, милостію божіею архіепискупъ Новагорода, священному епископу Ѳеодору тфѣрскому, еже о Господѣ брату, благодать и миръ отъ Бога Отца вседержителя твоему священьству и всему священному собору, игуменомъ, іереомъ и дѣтемъ твоимъ. Понеже увѣда смиреніе наше и св. съборъ священный, игумены, іереи, что ся учинило у васъ во Тфѣри промежи вами, въ тѣхъ людехъ божіихъ, поспѣшеніемъ и по совѣту діяволю и лихихъ людей, якоже бо слышахомъ распрю, бывшую въ васъ о ономъ честномъ раю; и пребыхъ много дній во взисканіи исправленія божественаго закона, тѣмъ еже изискахъ и се пишю къ тебѣ, понеже, брате, по божію повелѣнію, должни есмы другъ другу покаянія творити о исправленыхъ намъ божественыхъ писаній, отъ св. апостолъ, и великихъ святитель, якоже бо тѣ св. апостоли беспрестани посланія твориху другъ ко другу, такоже и намъ подобно есть; въ нихъ бо мѣсто поставлени есмы, кто во что позванъ, тотъ въ томъ да пребываетъ. Слышахъ, брате, что повѣстуеши: »рай погыблъ, въ немъ же былъ Адамъ;« ино, брате, о того есмя погибели не слыхали, ни въ писаніи кдѣ обрѣли о томъ св. раю, но вси вѣдаемъ отъ св. писанія, что насади Богъ

рай на въстоцѣ въ Едемѣ, и въведе в онь человѣка и заповѣда ему, рекъ: »аще сблюдеши слово мое, живъ будеши; аще ли преступиши, смертію да умреши и въ ту же землю внидеши, отъ нея же взятъ еси.« Онъ же преступи заповѣдь божію и изгнанъ бысть изъ рая, и плачася горко вопія: о раю пресвятый, иже мене ради насажденый и Евгы ради затвореный! помоли тебе створшаго и мене создавшаго, да некли твоихъ цвѣтець насыщюся (1).

Тѣмъ къ нему Спасъ глаголя: моего созданія не хощю погубити, но хощю спасти и въ разумъ истинный привести; обѣща ему паки внити въ рай. Въ пареміи (2) же именуются 4 рѣкы идуть изъ рая: Тигръ, Нилъ, Фисонъ, Ефратъ со въстока, Нилъ же подъ Египтомъ, ловять на немъ *силологи(?)*, течеть же съ высокихъ горъ, иже суть отъ земля и до небеси, а мѣсто непроходимо есть человѣкомъ, а верху его Рахмане (3) живуть А се, братє въ прилозѣ (*прологѣ*) всѣмъ явѣ есть, въ чюдесехъ св. архангела Михаила, что возма праведнаго Еноха въ раю посадилъ честнѣмъ; а се Илья св. въ рай же сѣдить, находилъ его и Агапій св. и часть хлѣба взялъ, а св. Макарій за 20 поприщь жилъ отъ св. рая; а Ефросимъ св. былъ въ раю и 3 яблока принесъ изъ рая и далъ игумену своему Василію, отъ нихъ же исцѣленія многа быша. И нынѣ, братє, мнится ти мысленый, но все мыслено мнится видѣніемъ, а еже рече Христосъ въ єуангеліи о второмъ пришествіи, и то ли мыслено сказаете? Сущимъ одесную себе рчеть: »пріидите благословеніи Отца моего, наслѣдуйте уготованое вамъ царствіе преже сложенія міру;« и сущимъ ошюю себе рчеть: »отъидѣте отъ мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованый діяволу и ангеломъ его;« не вамъ бо, рече, уготовахъ мукы, но діяволу и ангеломъ его. О тѣхъ двою мѣсту І. Златоустъ рече: »насади Богъ рай на въстоцѣ, а на западѣ мукы уготова; якоже бо въ царевѣ дворѣ утѣха и веселіе, а внѣ двора темница.« А се священномуч. Патрекѣй глаголеть: »двѣ мѣстѣ уготова, едино исполнено благихъ, а другое тмы и огня исполнено.« То же, братє, не речено Богомъ видѣти св. рая человѣкомъ, а муки и нынѣ суть на западѣ; много дѣтей моихъ Новогородцевъ видоки (*свидьтели*) тому: на дышющемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка молненая *Моргъ*, и что вода въходить въ преисподняя и паки исходить трижда днемъ. И та вся мѣста мучимая не погибоша, а мѣсто се святое како погибе, повѣжь ми, братє, въ немъ же есть пречистая Богородица и множество святыхъ, еже по воскресеніи господни явившася многымъ въ Іерусалимѣ и паки внидоша въ рай? Речено бо имъ есть: уже пламенное оружіе не хранить вратъ Едемьскыхъ; пріиде бо Спасъ мой, вопія вѣрнымъ: внидете паки въ рай. А се, братє, въ Блаженнѣ молвить: снѣди ради древняя изведе изъ рая врагъ Адама, крестомъ же разбойника Христосъ в онь введе. Егда же приближися преставленіе владычица нашея Богородица, ангелъ вравіе (*масличную?*) принесе вѣтвь изъ рая, являя гдѣ ей быти; а еже рай мысленый есть, то почто принесе вѣтвь сію ангелъ, а не мыслену есть? Апостоли видѣша, множество и невѣрныхъ Жидовъ вѣтвь ту видѣша. Ни едино же, братє, дѣло божіе тлѣнно есть, но вся дѣла божія нетлѣнна суть. Самовидець есмь сему, братє, егда Христосъ идый въ Іерусалимъ

(1) Это мѣсто есть въ духовномъ стихѣ: »О раю, мой раю, прекрасный мой раю.« (Сборн. Кирѣевс. въ Чт. общ. ист. № XIII), и взято изъ апокрифа: »Плачь Адама.«

(2) *Пареміи*—выбранныя мѣста ветхаго завѣта для богослужебнаго чтенія.

(3) *Брамины, брахманы* — Индійцы, которые считались счастливыми изъ смертныхъ.

на страсть волную, и затвори своима рукама врата градная, и до сего дни неотворими суть; а егда постися Христосъ надъ Ерданомъ, своима очима видѣлъ есмь постницю его, и сто финикъ Христосъ посадилъ, недвижими суть и донынѣ, не погибли, ни погнили. Или, брате, имешь себѣ мыслити, аще насади Богъ на въстоцѣ рай, почто обрѣтеся въ Іерусалимѣ тѣло Адамле? то не вѣси ли, брате, службу ангельскую, коль скоро свершаютъ, безъ износимыхъ рѣчей служатъ Богу, въ мгновеніи ока землю прерищютъ и небеса преходятъ? мощно бѣ есть Богови единѣмъ словомъ Адама изъ рая въ Ерусалимѣ поставити, и херувиму повелѣ хранити врата Едемьская, и по воскресеніи своемъ повелѣ Адаму въ рай внити и множество святыхъ съ нимъ, слово и дѣло есть въскорѣ. А то мѣсто св. рая находилъ Мойславъ Новогородець и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ 3 юмы (*судна*), и одина отъ нихъ погибла много блудивъ, а 2 ихъ потомъ долго носило море вѣгромъ, и принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ Деисусъ лазоремъ чюднымъ и велми издивленъ паче мѣры, яко не человѣчьскыма рукама творенъ, но божіею благодатію; и свѣтъ бысть въ мѣстѣ томъ самосіяненъ, яко не мощи человѣку исповѣдати: и пребыша долго время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша, но свѣтъ бысть многочастный, свѣтлуяся паче солнца; а на горахъ тѣхъ ликованія многа слышахуть, и веселія гласы вѣщающа. И повелѣша единому другу своему взити по шеглѣ (*по мачтѣ*) на гору ту, видѣти свѣтъ и ликованія гласы; и бысть яко взиде на гору ту, и абіе въсплеснувъ рукама и засмѣяся, и побѣже отъ друговъ своихъ къ сущему гласу. Они же велми удивлешеся, и другаго посласта, запретивъ ему, да обратився скажеть имъ, что есть бывшее на горѣ; и той такоже сътвори, нимала възвратися къ своимъ, но съ великою радостію побѣже отъ нихъ. Они же страха наполнишася, и начаша размышляти къ себѣ, глаголюще: »аще ли и смерть случится, но видѣли бѣхомъ свѣтлость мѣста сего«—и послаша третіяго на гору, привязавъ ужищемъ (*веревкой*) за ногу его; такоже и той створити хотѣ, въсплескавъ радостно и побѣже, въ радости забывъ ужища на нозѣ своей, они же сдернуша его ужищемъ, и въ томъ часѣ обрѣтеся мертвъ. Они же побѣгоша вспять: не дано есть имъ далѣ того видѣти свѣтлости тоя неизреченныя, и веселія и ликованія тамо слышащаго; а тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добры здорови. А что, брате, молвишь рай мысленъ, ино, брате, такъ то и есть, мысленый и будеть, а саженъ (*насажденный*) не погиблъ и нынѣ есть, а на немъ свѣтъ самосіяненъ, а твердь запята есть до горъ тѣхъ раевыхъ; а мысленный рай то есть, брате, егда вся земля искушена огнемъ будеть, по апостольску словеси: чаемъ небесъ новыхъ и земли новые, егда истинный свѣтъ Христосъ снидеть на землю. Размысли себѣ, брате, коль свѣтелъ свѣтъ именуется въ Бытіи запятый твердію, паче же много дивнѣе и свѣтлѣе свѣтъ—Христосъ истинный есть, а съ нимъ 9 чиновъ свѣти суть служатъ ему: 1, чинъ Ангели, 2, Архангели, 3, Начала, 4, Власти, 5, Силы, 6, Престоли, 7, Господьства, 8, Херувими многоочитіи, 9, Серафими шестокрилатіи. Егда Господь нашъ явится въ свѣтлости божества своего на земли и силы небесныя двигнутся, ангели престануть отъ дѣлъ своихъ, и явять свѣтлость свою сътвореную отъ Бога; то есть, брате, мысленый рай, егда вся земля просвѣщена будеть свѣтомъ, неизреченнымъ, исполнена радости и веселія, якоже апостолъ Павелъ глаголеть, егда въсхищенъ бысть до третіяго небеси: »око не видѣ, ни ухо не слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ

его.» О семъ раю мысленомъ Христосъ рече: «суть етери (*нькоторые*) отъ здѣ стоящихъ, иже не имуть вкусити смерти, дондеже узрять царствіе божіе пришедшее въ силѣ.» То суть, брате, видѣвше царствіе божіе Моисій и Илія, Петръ и Яковъ и Іоанъ на Ѳаворьстѣи горѣ. Якоже видѣвше ученици его, удариша собою о перстную землю, не могуще видѣти свѣтлости божества его; не възможно бо его, брате, ни святымъ видѣти, мысленаго рая, въ плоти суще, того ради си святіи видѣвше не могоша стояти, ницъ на землю падоша.

(*П. С. Лѣт. VI, 87—89*).

См. также *Степен. книги I, 480 — 484.* Владыка Василій, очевидно, воспользовался апокрифомъ »О трехъ мнихахъ, како находили Макарія у рая« (*Пам. старин. литер. 3, 137 — 139. Пам. отреч. рус. литер Тихонравова 1863 т. II. 59*); также имѣлъ онъ подъ руками отреченное »Слово объ Адамѣ.«

79. Перечень ложныхъ книгъ XIV в.

Яко ни мирьскихъ съставленыхъ псалмовъ глаголеть церкви, ни не исправленыхъ книгъ чтеть, но токмо исправленыя новаго и ветхаго завѣта, а иже кто лженаписаныя и неисправленыя книгы полагаеть въ церкви, акы святы, да извержется, а книгы да сожгутся.

Неисправленныя же книгы се суть имена имъ: Адамъ. Енохъ. Ламехъ. Патриарси. Молитва Иосифова. Псалми Соломони. Пѣсни Давидови. Обавления Илиина. Обавления Софоньина. Обавления Петрова. Обиходи апостольстии. Варнавле послание. Въпроси Іоанна Ѳеолога, еже въпраша Аврама праотца на горѣ Елеонстѣй. Того же въпроси къ Господу: слыши, праведный Іоанне, еже есть баснемъ законъ. Въпроси Варѳоломеовы къ Богородици: лежная писания. Еуангелие отъ Варнавы. Еуангелие отъ Ѳомы: еретици списали. Видѣние Павла апостола, еже епистольею именують. Паралипомена Иеремѣина о пленѣньи, что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Іеремѣи. Житие апостола Петра, что рыбы по суху ходили. Дѣтьство Христово, что Господа отрочатемъ продаялъ: еретикъ писалъ. Два на 10 яковлича, глаголемая лѣствица. Іепистолья о недѣли. По мукамъ хожение Богородици. Имена аггеломъ. Прѣние діаволе съ Христомъ. Недугъ естественый, его же трясавицами именують, яко же баеть Еремия попъ болгарскый; глаголеть бо оканныі сице: яко сѣдящу св. отцю Сисѣнью на горѣ Синаистѣи и ангела Сихаила именуеть, еже на соблазнъ мнозѣмъ; и седмь трясавиць Иродовы дщери басньствоваше злыи, иже ни еуангелисти и ни единъ же отъ св. седми (*соборъ?*) именоваше. Но едина испрошыия главу Предтечеву усѣщи, о ней же явѣ есть, яко Филипова дщи (*дочь*) бѣ, а не Иродова; великый же Сисѣний патриархъ Костянтиня града въ своихъ ему словесѣхъ глаголаше сице: не мните мя оного Сисѣния лживаго, его же написа Иеремия попъ, неразумнымъ на соблазнъ. О древѣ крѣстнѣмъ—извѣщеніе св. Троица, и о Господѣ нашемъ І. Христѣ, како в попы ставленъ: тоже Иеремя что си изолга. О Соломони цари и о китоврасѣ басни и кощуны. О службѣ таинъ Христовъ, что опоздять обѣдню, рекше врата затворятся, и о семъ попа кленуть: еретикъ писалъ (1).

Суть же и мученическая словеса криво складена, не тако, якоже о нихъ истина ле-

(1) Въ словѣ Ефрема (*Памс. Сборн. XIV в.*) къ числу отреченныхъ книгъ отнесены: астрономія, звѣздочетья, сонникъ, волховникъ, птичнѣ чаровѣ, землемѣрье, чаромѣрье, стѣнемъ знаменье, лунное и солнечная, яко 3 бываютъ солнца, зелейникъ, колядникъ, громникъ, благоуханья вона и т. п.

жить, яко се Георгиево мучение, рекше отъ Дадияна мученъ бысть. Никитино мучение именующимъ его, яко царевъ сынъ, еже не бысть тако. Еупатиево мучение. Климента ангирьскаго и инѣхъ мнозѣхъ.

Суть же ложная писания, яко се худыи си номоканонци, у поповъ, по молитвеникомъ и лживыи молитвы, еже о трясавицахъ. Еретицы были, исказили предания св. апостолъ, пишуче на соблазнъ грубымъ ложная словеса. Ноли соборъ обыскалъ и ищистилъ и проклялъ.

(*Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861. I, 25—7*).

Подобный списокъ ложныхъ книгъ находится въ Изборникѣ Святослава 1073 г. и буквально переведенъ съ греческаго языка. Представленный здѣсь списокъ, который относятъ къ XIV в., сходенъ съ индексомъ, приписываемымъ патріарху константинопол. Никифору.

Ложныя или отреченныя книги представляютъ одно изъ важнѣйшихъ явленій старой русской письменности, отъ вѣрной оцѣнки котораго зависитъ рѣшеніе многихъ существенныхъ вопросовъ въ исторіи внутренняго развитія русскаго народа. Давно указанныя и запрещаемыя духовными учителями, они держались однако въ народѣ и вліяніе ихъ начинается съ первыхъ памятниковъ нашей литературы и отъ перваго знакомства съ Византіей. Въ тотъ средній періодъ древней Руси, въ которомъ до сихъ поръ остается столько темнаго для исторіи, обширный циклъ этой литературы является уже въ полномъ развитіи, — и его дѣйствіе на массу было такъ глубоко, что даже и теперь есть иногда полная возможность услѣдить послѣдніе отрывки древняго апокрифа или въ современномъ преданьѣ и суевѣріи народа, или въ рукописныхъ тетрадкахъ раскольниковъ. Главное содержаніе апокрифовъ, вращалось на ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ личностяхъ и событіяхъ, къ которымъ сведена была вся подноготная, занимавшая стариннаго простаго человѣка. Большая часть этихъ преданій явились въ первый разъ на Востокѣ и въ Византіи, и тамъ еще получили поэтическій народный оттѣнокъ, — сначала незамѣтный и проникавшій даже въ оффиціальныя произведенія церковныхъ отцовъ, но наконецъ развившійся до чисто фантастическаго характера, который и былъ потомъ причиною ихъ запрещенія. Апокрифъ сравнялся съ суевѣріемъ, даже съ ересью: въ апокрифѣ видѣли чуть не страшное »волхвованіе;« его стали считать дьявольскимъ писаніемъ, и въ разрядѣ апокрифа и въ самомъ дѣлѣ начали причислять волшебныя и гадательныя книги, астрологію и т. д. Этотъ взглядъ перешелъ и въ понятія нашихъ старинныхъ блюстителей и цензоровъ народной вѣры; по нашимъ памятникамъ, ложная книга была »вторымъ идолобѣсіемъ«... Не смотря на то, этимъ книгамъ, »насѣяннымъ отъ бѣса на пагубу душамъ,« — предстояло огромный успѣхъ въ нашей старой письменности. Апокрифы поэтически дополняли догматическую литературу; легко дѣйствуя своимъ сказочнымъ характеромъ на неразвитое воображеніе, они крѣпко засѣли въ понятіяхъ народа, мѣшались иногда съ старыми повѣрьями временъ язычества и породили сами цѣлую массу новыхъ народныхъ легендъ и суевѣрій. Старинный читатель находилъ въ нихъ отвѣты на пытливые запросы младенческой мысли — о твореніи міра, о судьбѣ человѣка, о будущей жизни, о природѣ и повседневной дѣйствительности человѣка; апокрифы какъ нельзя лучше приходились къ народнымъ представленіямъ, въ которыхъ фантастическое и волшебное мѣшалось съ самыми наивными и матеріальными подробностями и образами. Черезъ посредство »ложныхъ книгъ« до сихъ поръ можно объяснять этимъ литературнымъ путемъ многое изъ современныхъ понятій и суевѣрной миѳологіи народа. Русская древность опредѣлила объемъ этой литературы въ подробномъ указатель, извѣстномъ подъ именемъ статьи: О книгахъ истинныхъ и ложныхъ...

Вмѣстѣ съ первыми памятниками византійской литературы являются и списки книгъ истинныхъ — каноническихъ, и ложныхъ, т. е. апокрифическихъ писаній. Такъ, они находятся уже въ Святославовомъ сборникѣ (1073 г.) (1), пришедшемъ къ намъ черезъ Болгаръ изъ византійскаго источника. Но индексы византійскіе не были похожи на позднюю статью »О книгахъ истинныхъ и ложныхъ:« одни были явно чужіе, въ нихъ было только самое короткое обозначеніе древне-христіанскихъ каноническихъ книгъ и апокрифовъ; въ другой, кромѣ длиннаго перечисленія ихъ, мы находимъ и еще множество другихъ книгъ, легендъ, даже суевѣрій и народныхъ преданій, — что было явно приноровлено къ русскимъ нравамъ и къ содержанію рус-

(1) Статьи о ложныхъ книгахъ встрѣчаются въ кормчихъ XIII и XIV в. въ молитвенникѣ м. Кипріана до 1406 г.

ской письменности. Статья о ложныхъ книгахъ была такимъ образомъ уже чисто русскимъ произведеніемъ: она была адресована къ русскому православному читателю и направлена противъ русскихъ ложныхъ книгъ и народныхъ суевѣрій.

80. Имена ангеловъ.

А се имена аггельска, иже обладаютъ и виногради и градинами:

1, Име ему *Полутосъ*: напиши ему на кресте и постави по средѣ виноградъ, или нивъ, или градине (*въ огородѣ*),—и проженеть въсакого діявола отьтуду; св. Духъ умножить въ дому твоему жита и вина и въса блага въ обытели.

2, Аггель *Ефиимъ*, иже домови обладаеть въсакому христіанину, и пиши име ему на кресте и поставы въ дому твоему, и проженеть отъ дому того въсакого діавола,—и не прікоснетъсе николіже.

3, Аггель надъ водамі, имаи его въ памѣть и помоли его съхранить тебе отъ потопа воднаго.

4, Аггель *Михаиль*: егда спіши и пробудишесе, имей его въ памѣть и помолисе ему..... (*конца не достаетъ*).

(*Памятн. отречен. р. литер. Тихонравова. II, 345. Изъ сербской рук. XV в.*)

81. Сказаніе, како сотвори Богъ Адама.

.....Создати въ земли Мадіамстей человѣка, вземъ земли горсть ото осьми частей: 1) отъ земли—тѣло, 2) отъ камени—кости, 3) отъ моря—кровь, 4) отъ солнца—очи, 5) отъ облака—мысли, 6) отъ свѣта—свѣтъ, 7) отъ вѣтра—дыханіе, 8) отъ огня—оттепла. И поиде Господь Богъ очи имати отъ солнца, и остави Адама единаго лежаща на земли; прііиде же окаянный сотона ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и возгрями (*соплями*). И прііиде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити во Адама, и виде его мужа измазанна, и разгнѣвася Господь на діявола и нача глаголати: »окаянне діяволе, проклятый, не достоитъ ли твоя погибель? Что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость, измаза его? и проклятъ ты буди,«—и діяволъ исчезе, аки молнія, сквозь землю отъ лица господня. Господь же, снемъ съ него пакости сотонины, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и теслою (1) очисти его аки зерцало отъ всѣхъ скверънъ, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама, а самъ Господь отъиде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамлево. И прііиде вторые сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежаща, и убояся вельми сотона. Собака начала зло лаяти на діавола, окаянный же сотона, вземъ древо, и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ. И прііиде Іесусъ изъ горнево Іерусалима, и видѣ Адама древомъ исколота, и милосердова о немъ и рече сотонѣ: »проклятый діяволе, что сотворилъ человѣку сему, почто вложилъ недуги сія?« —Тогда отвѣща діяволъ, окаянный сотона Господу, глаголя: аще прііидетъ кая болѣзнь человѣку сему, да не постигнетъ, до скончанія всего тобя не помянетъ; аще ль поболитъ, кой недугъ въ немъ пострадаетъ, тогда всегда тебя имать на помощь призывати въ недузехъ сихъ. И отгна Господь діявола, и изчезе діяволъ, прогна (*въ*), аки тма свѣтомъ, и обороти вся недуги въ него (2).

---

(1) Скобелкою, *тесло* — полукруглое долото, насаженное на рукоятку въ родѣ топора.

(2) Т. е. всѣ недуги обращены были во внутрь человѣческаго тѣла, гдѣ они всегда скрываются,

И посла Господь ангела своего, повелѣ взяти *азъ* на востоцѣ, *добро* на западѣ, *мыслете* на сѣверѣ и (*z*) на юзѣ. И бысть человѣкъ въ душу живу, нарече имя ему *Адамъ*. А костей сотвори Богъ во Адамѣ 345, и бысть Адамъ царь всѣмъ землямъ и птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ и рыбамъ морскимъ и самовласть дасть ему Богъ. И рече Господь Адаму, глаголя: »тебѣ работаетъ солнце и луна и звѣзды, и птицы небесныя и рыбы морскія, и птицы и скоты и гади.—И насади Господь Богъ рай на востоцѣ и велѣ Адаму пребыти, а жена Адаму еще не сотворена бысть. И вложи Господи Богъ сонъ во Адама, и успе Адамъ, и взятъ его ребро лѣвое, и въ томъ ребрѣ протяже руцѣ и нозѣ и главу, и созда ему жену въ 6-й день, и показа ему Господь свою смерть и распятіе и воскресеніе, и провидѣ вознесеніе за полшесты (*за* $5^1/_2$) тысящь лѣтъ. И видѣ Адамъ Господа распята, а Петра въ Римѣ ходяща, а Павла въ Дамасцѣ учаща народъ и проповѣдующе твое (sic) воскресеніе, и вознесеся Господь.....

И воста Адамъ отъ сна своего и трепетенъ бысть во ужасѣ велицѣ о провидѣніи. И вожа (sic) Господь Адама въ рай ходяща и рече ему: »Адаме, Адаме, повѣжь ми.« Адамъ же убояся велми, не смѣя Богу повѣдати того видѣнія. И рече ему Господь Богъ: »Адаме, Адаме!« —Адамъ же рече ему: Господи владыко, тебе видѣхъ на крестѣ распята во Іерусалимѣ, а ученики твоя видѣ(хъ) ходяща Петра въ Римѣ, а Павла въ Дамасцѣ, проповѣдующе твое распятіе и воскресеніе. —И рече ему Господь: »подобаетъ ми тебе ради снити на землю и распяту быти и въ 3-й день воскреснути; а ты же не повѣдай никомуже видѣнія сего, дондеже увидиши мя въ раю сѣдяща одесную Отца, и ты о томъ поскорби, Адаме.«

И бысть Адамъ въ раи 7 дній, прообразуя Господь Богъ житіе человѣческое: 10 лѣтъ исполнится роженіе, 20 лѣтъ—юноша, 30 лѣтъ—свершеніе, 40 лѣтъ—средовѣчіе, 50 лѣтъ—сѣдина, 60 лѣтъ—старость, 70 лѣтъ—скончаніе.

И сотвори Господь Богъ всю тварь, море и рѣки и скоти своею хитростію, а та 7 дней противъ 7 тысящъ лѣтъ. И поставі Господь Богъ двѣ свѣтилѣ велицѣ на тверди небеснѣй—освѣтити землю и разлучи между днемъ и ноцію, да будетъ во знаменіи дне и лѣта, а будетъ просвѣщеніе на тверди небеснѣй: свѣтила великая въ начатокъ дни, второе свѣтило—въ начатокъ нощи. И звѣзды постави Господь Богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земли и обладати днемъ и ноцію и свѣтомъ. *И бысть вечеръ и бысть утро—день четвертый.*

Постави Господь Богъ планиты и облацы зарьныя и дуги на облацѣхъ, еже пущати дожди и громи, и молнія человѣкомъ всея земли просвѣщати древа плодовитая. И рече Господь Богъ: »изведу воды живыхъ во вѣки, птицъ перящеся по заводемъ (1) на тверди небеснѣй (?).« И бысть, яко сотвори Господь Богъ 4 киты великія, изведе отъ нихъ всяку птицу и всякъ гадъ на земли; и иныя благослови ясти, и глаголя: »раститеся и умножитеся и наполните (*землю*) и обладайте ею.« А в 7 бо дне(й) обходитъ кругъ, а 7 лѣтъ за всю 7000 лѣтъ, и 8-й тысящи нѣсть конца, еже есть безконечный. Въ недѣлю (*въ воскресенье*) воскресе Христосъ отъ мертвыхъ, и въ той же день Господь на облацѣхъ (*придетъ*) судити всему міру, иже не имать конца свѣта и воздастъ комуждо по дѣломъ его...

(*Памят. старин. литер. III, 12—14.*)

---

(1) Заводи—тихія мѣста въ рѣкѣ, заливы.

82. Живыя молитвы и заговоры.

1. Молитва апостола Павла, аще змія усѣкнетъ человѣка или скотину (1).

Возми сосудъ чистъ и влій воду чисту, молитву сію рекъ, напой болящаго и помажь мѣсто уяденное и исцѣлѣетъ. Аще ли далече больный, напой повѣдавшаго ти и помажь мѣсто уяденное, и исцѣлѣетъ вредженный.

Молитва. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ Павелъ, преже нареченный Савлъ, бысть гонитель и каменіемъ вся сосуды св. Духа побивахъ, а нынѣ рабъ и апостолъ христовъ: пловущу ми по морю къ странамъ ликинскимъ и, ко острову потщавшеся, изъидоша вси изъ корабля, изыдохъ и азъ, еже собрати рождія нѣкая. И скочивши отонуду, ехидна нѣкая обѣси ми ся на десной руцѣ. Азъ же, имѣя въ себѣ св. Духа, и отрясохъ ю на восходящій пламень, и сожжена бысть до конца, и ни единыя же покости пріяхъ отъ усѣкновенія ея, и въ сонъ преложихся. И явися во снѣ архангелъ Михаилъ и возгласи мя, глаголя: »Павле, рабе господень! востани и пріими книгу сію и обрящеши въ ней воображеніе написано не о единомъ страждущемъ, но о многихъ.« И возставъ, пріимъ книгу, обрѣтохъ въ ней написано сице: »Заклинаю васъ 400 и 90 и 5 и половину родъ звѣринъ, ползающихъ по земли, во имя Господа нашего І. Христа, сотворившаго небо и землю, и въ престолъ его неподвижимый и во огненную рѣку, исходящую отъ подножія Господа нашего І. Христа и во множество св. ангелъ его, пріимшихъ отъ него власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію, змію вредящую и василиска, и аспида, и змію облаковидную, змію огневидную, змію власяновидную, змію дубовсходную, змію врановидную, змію слѣпую, змію стрѣльную, змію черную, змію триглавную, змію, уядающую жены, ехидну морскую, имущую ядъ въ десной челюсти, еще же и скорпію, духновеніе діяволе.« Идѣже препнѣетъ апостола Павла преещеніе, еже проповѣдася, звѣри ради всяко всегда умретъ звѣрь, а врежены исцѣлѣетъ во славу божію. Аминь.

(1) Печатается по списку XVII в., но она находится въ сербск. требникѣ 1423 г.

2. Молитва отъ всякое болѣзни нечьстиваго духа и отъ глави (1).

Отче святы, въсемоги, прѣвечни Боже, отърини въсе болѣсти отъ чловѣка сего, отъ глави, отъ власи, отъ върха, отъ тѣмена, отъ очи, отъ уши, отъ вусть, отъ езика, отъ подъезика, отъ грьтани, отъ руцѣ, отъ прьсти, отъ срдце, отъ жіли, отъ телѣси въсего, отъ въсехъ съставѣхъ чльновнихъ, отъ внутрь, отъ езу, отъ гласа, отъ юности, отъ въсакого тела раба божіа *имер.* въ име Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

3. Молитва родильницѣ. Аще коли жена дѣтятемь болитъ, сію молитву напиши на бумазѣ, вели глаголати попу трижды надъ тою женою да вели обязати около главы ея (2).

»Господи благослови отче. Обрѣте Господь нашъ І. Христосъ надъ св. Іоаномъ Богословомъ и обрѣте жену *імрк* родящу и чревомъ болящую и не могущу родити еи, и рече Господь нашъ І. Христосъ св. Іоанну Богослову: иди, Іоанне, и рци ей во правое ухо: отъ Бога родимое и отъ Бога нитаемо, выиди младенець ко Христу,—Христосъ тя зоветъ, во имя Отца и

(1) Заимствована изъ сербской рукоп. XV в. Такая же заговорная молитва, только пространнѣе, находится въ Сборн. 1476 г.

(2) Эта молитва встрѣчается въ числѣ заговоровъ въ лѣчебникахъ XVII в.

Сына и св. Духа всегда и нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомъ. Аминь.«

Глаголи и се тому же: »Помяни Господи сыны Едомьскіа въ день Іерусалимль глаголющая—истощайте, истощайте.«

4. Молитва св. священномуч. Антипы зубная. Положити поклонъ 12, Господи помилуй 40 и положить челюсть на камени, глаголи молитву сію:

»Радуйся, стѣно и кореніе ея, измій Господи болѣзнь отъ моихъ челюстей и зубовъ моихъ, да не обрушатся стѣною въ вѣкъ, Христе Боже, и даждь помощь, Христе, и здравіе исцѣленіе главѣ и челюстемь рабу твоему *імрк*, молитвами св. священ. Антипы и св. Богородица и св. безмездникъ Козмы и Даміана и всѣхъ святыхъ твоихъ, нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомь. Аминь.«

Великому Антипѣ литургію створи и дай на службу по силѣ.

5. Молитва егда прется вода.

Обонъ полъ Іердана стоять трие аггели, мѣдна чрева имуще; единъ вяжеть і единъ рѣпить, третіи Бога молить, и сіе глаголеть: свять, свять, трисвятыи Господи, пусти проходъ, Ѳисонъ, Геонъ, Тигръ, Ефратъ, пусти проходъ да потечеть вода, куды есть текла, во имя Отца и Сына и св. Духа, нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомъ. Аминь (1).

(*Памятн. отреч. рус. литер. Тихонравова, II, 353—360*).

83. Сербско-болгарскій разсказъ о сотвореніи міра.

Прежь земли бысть Господь Саваоѳъ—въ трехъ комарехъ на воздусѣхъ. И помысли себѣ Господь Саваоѳъ, безначальный отецъ, и тако отригну отъ сердца и роди возлюбленнаго Сына божія Господа нашего І. Христа, изъ устъ своихъ Духъ свой св. испусти о голубинѣ образѣ. И рече Господь: буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ, на 70 тьмахъ (1) тысящь и будите озера и облаки и звѣзды и свѣтъ и вѣтръ, и дуну изъ нѣдръ своихъ, раи на востоцѣ насади; мразъ—отъ лица господня, а громъ—гласъ господень въ колесницѣ огненнѣй утвержденъ, а молніе—слово господне изъ устъ божіихъ исходитъ, а солнце—отъ нутреннія ризы господни, понеже Господь лицу своему. И рече Господь: буди тма столповъ на воздусѣхъ. И рече Господь: буди на земли море Тивиріадское, вода соленая. И сниде Господь по воздуху на море Тивиріадское и узрѣ Господь плавающаго на томъ морѣ гоголя, и ста надъ нимъ Господь и рече ему, гоголе, ты кто еси? И рече: сатана азъ есмь. И рече Господь сатанѣ: понурися (*нырни*) въ море, и вынь земли и камень, и преломи надвое, изъ лѣвыя руки дасть сатанѣ половину камени, удари Господь жезломъ на камень. И сотвори Богъ отъ искръ огненныхъ Михаила архангела и Гавріила—взлетѣли ангели. Сатана жъ изъ камени (*сотвори*) бѣсовскую безчисленную силу боговъ. И рече Господь: будите 33 кита на морѣ Тивиріадскомъ, и буди на тѣхъ китахъ земля.

(*Изъ сборника М. Сльпче, принадлежащаго В. И. Григоровичу. Ж. Мин. Н. Пр. 1863, кн. 3, IV. 91*).

Подобныя повѣсти о сотвореніи міра доселѣ разсказываются въ простонародьи какъ у насъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ (*Лит. литер. Тихонр. III*).

(1) Подобная молитва есть въ сербскомъ требникѣ 1423 г. Послѣднія три молитвы взяты изъ рукоп. 1476.

(1) *Тьма*—значитъ счетъ: 10,000.

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

84. Легенда о Пятницѣ.

Когда-то одна баба не почтила матушку Пятницу и начала прядево мыкать да вертѣть. Проп ряла она до обѣда, и вдругъ сонъ на нее нашелъ—такой могучій сонъ! Уснула она, вдругъ отворилась дверь и входитъ, вишь, матушка Пятница въочью всѣмъ, въ бѣломъ шушунѣ, да сердитая такая! и шмыгъ прямо къ бабѣ, що пряла-то. Набрала горсть кастрики съ пола, какая отлетала—то отъ мочекъ (*прядей льна или поскони*), и ну посыпать ей глаза, и ну посыпать! посыпала да и была такова; поминай, какъ звали! Ничего и не молвила, сердешная. Та баба какъ проснулась, такъ и взвыла благимъ матомъ отъ глазъ, и ни вѣдал, отъ чего они заболѣли. Другія бабы сидятъ въ ужасьи и учали вопить: ,,Ухъ ты, окаянная! Заслужила казнь лютую отъ матушки Пятницы'' — и сказали ей все що было. Та баба слушала—слушала и ну просить: ,,матушка Пятница! вмилуйся мнѣ, помилуй меня грѣшную: поставлю тебѣ свѣчку, и другу — недругу закажу обижать тебя, матушка!'' И що жъ ты думаешь? Ночью, вишь, опять приходила она и выбила изъ глазъ у той бабы кострику-то, и она опять встала. Грѣхъ великій обижать матушку Пятницу—прядево мыкать да прясть.

(*Записана въ Липецк. у. Тамб. губер. сельс. учит. Елисеемъ Сабуровымъ. У Аванасьева стр. 47*).

Почитаніе Пятницы ведетъ свое начало изстари: этотъ день посвящался богинѣ Венерѣ или Фреѣ, Пріи. Какъ у Славянъ, такъ и у Русскихъ доселѣ передаются разсказы о св. Пятницѣ, хотя первоначальный смыслъ ихъ утратился. (См. Арх. истор.-юр. кн. 2, пол. 2, отд. IV, 42—43. І. Экзархъ Болгар. 210. Моск. Вѣдом. 1851, № 75. Прав. Собес. 1859, № 2, 188. См. также »Легенды« *Аванасьева*, стр. 145—150).

Суевѣрный взглядъ сталъ находить объясненіе старыхъ преданій въ христіанской исторіи; въ одномъ духовномъ стихѣ передается эта легенда такъ:

Молился трудникъ во пустыни,
Не владѣлъ онъ ни руками, ни ногами,
Пришла Пятница Парасковія,
Трудника свѣчею освѣтила,
Трудника крестомъ оградила,
Божьи рѣчи говорила:
Поди же, трудникъ, на Россею,
Скажи трудникъ всему міру,
Чтобы матернымъ словомъ не бранились;
Отъ матерна слова погибаютъ;
Чтобъ родители дѣтей не проклинали
И жидовьемъ дѣтей не называли:
Жиды у Христа проклятые;
Чтобы мужнія жены честныя
Поимѣли три дни въ недѣлѣ:
Пятницу и середу почитали,
Въ воскресный бы день не работали,
Чтобъ въ середу золы не золили,
Чтобъ на чистую воду не пущали,
А въ пятницу пыли не пыллли (1),
Что въ пятницу Жиды Христа распинали,
Горячую кровь пропущали.

(*Калѣки, в. 6, стр. 164—165*).

85. Легенда о Ноѣ Праведномъ.

Въ древнее время былъ человѣкъ, имя ему Ной, праведенъ во всѣхъ человѣкахъ; люди же тогда жили въ великомъ согрѣшеніи. И восхотѣлъ Господь скверну человѣческихъ дѣлъ очистить и сотворить потопъ на землѣ. И послалъ къ нему, Ною Праведному, ангела своего, и повелѣлъ Ною сотворить ковчегъ. Ной же по ангелову благовѣстію созидалъ ковчегъ 13 мѣсяцевъ, а женѣ своей не сказывалъ, куда ходитъ и что дѣлаетъ.... Дьяволъ сказалъ женѣ Ноевой: жено! повѣдай мнѣ, куда ходитъ Ной, мужъ твой?— Она же сказала ему: ,,крѣпокъ мой мужъ, не говоритъ мнѣ своей тайны.'' Дьяволъ же сказалъ ей: жено! послушай меня, есть трава по рѣкамъ, вьется по деревьямъ, имя ей

(1) Чтобы не варили щелока и бѣлья не полоскали, чтобы ленъ не трепали, не мяли, не мыкали и не пряли, п. ч. отъ пыли при этой работѣ засаривается лице св. Пятницы.

хмѣль. И ты ступай, нарви травы той цвѣту, упарь и уквась ее, и тѣмъ его напой, и онъ повѣдаетъ тебѣ все, куда ходитъ и что дѣлаетъ. — И сошелъ Ной съ горы по обычаю, пищи ради, и сказалъ женѣ своей: „жено, дай мнѣ квасу; отъ работы своей сильно хочу испить.“ Жена же, наливъ чашу, подала ему. Ной выпилъ и похвалилъ, и сказалъ: „нѣтъ ли еще?“ Жена дала ему еще двѣ чаши. Испивши, Ной легъ опочить; а жена начала его ласковыми словами спрашивать: „куда господине мой, ходишь и что творишь?“ Ной и разсказалъ ей все... Наутро пошелъ въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ плакать. И явился ему ангелъ господенъ, и сказалъ ему: не велѣлъ я тебѣ повѣдать дѣла этого женѣ твоей; услышалъ про то дьяволъ и разорилъ твой ковчегъ.

(*Легенды, изд. А. Аванасьевымъ, стр. 181—183*).

См. еще 48—53. Рус. Вѣстн. 1856 г. № 13, стр. 21—23. Очеркъ литер. исторіи старин. пов. и сказокъ, А. Пыпина. 204—205.

Эта легенда цѣликомъ взята изъ апокрифическаго „Сказанія о Ноѣ“ (*Пам. стар. литер. III, 17—18*). Неизвѣстно, когда и гдѣ составилось это сказаніе, но оно передѣлано въ Россіи и получило мѣстный колоритъ. Такъ подъ травой, вьющейся около дерева, разумѣется хмѣль, вмѣсто винограда; а подъ питьемъ изъ этой травы—пиво или хмѣльная брага, вмѣсто виноградного вина.

О легендахъ:

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вслѣдствіе котораго получили онѣ названіе легендъ. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія; и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспринятыя юными новообращенными племенами, должны были найдти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ повѣствованій; такое заимствованіе событій и лицъ изъ библейской исторіи, самый взглядъ на все житейское, выработавшійся подъ вліяніемъ священныхъ книгъ и отчасти отразившійся въ народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный, духовный; пѣсня обратилась въ стихъ, сказка—въ легенду. Само собою разумѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ заимствованный матеріалъ передается далеко не въ совершенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе подчиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи доисторической и которыя повидимому такъ противоположны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совершаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ, перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не укажетъ не состоятельности подобной связи. Такъ возникли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія: такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ, съ примѣсью древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія нѣкоторыхъ угодниковъ атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому, хотя простолюдинъ смотритъ на легенду, какъ на что—то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышится иногда библейскій оборотъ, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религіозно-догматическаго откровенія народа въ его современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники глубокой старины, того давно прошедшаго времени, когда благочестивый лѣтописецъ, пораженный дѣйствительнымъ смѣшеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрядовъ съ языческими, назвалъ народъ нашъ двоевѣрнымъ.

Если они и уцѣлѣли въ устахъ народа до нашего времени, если и подверглись въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторые яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все—таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плодъ поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ миѳовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волкъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены вѣщимъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водвореніемъ новыхъ христіанскихъ началъ, народная фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человѣка и природы; она по старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлять ихъ умомъ и волею, и касаясь событій, описанныхъ въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Такъ, по народнымъ повѣрьямъ, собака первоначально была создана голою; но чортъ желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. Мышь прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; ужъ затыкаетъ эту дыру своей головой, за что Богъ позолотилъ ему головку. Когда родился Христосъ и начались гоненія Ирода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сѣномъ. Прожорливая лошадь всю ночь ѣла корму и безпрерывно открывала убѣжище Спасителя, а волъ не только переставъ ѣсть, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а вола благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается; оттого-то волъ употребляется человѣкомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ.

Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ Еврея. Толпа окружила его. Невѣрующій хозяинъ вздумалъ посмѣяться, и сказалъ Спасителю: „если ты Богъ, скажи намъ, что подъ этимъ корытомъ?“ — Свинья съ тремя поросятами, —отвѣчалъ Господь.

Какой ужасъ оковалъ предстоящихъ, когда вмѣсто спрятавшихся хозяйки и дѣтей выползла изъ подъ корыта большая свинья съ тремя поросятами. Вотъ почему Евреи не ѣдятъ свинины. — Медвѣдь, говорятъ поселяне, былъ прежде человѣкомъ; онъ и теперь пьетъ водку, ѣстъ хлѣбъ, ходитъ на заднихъ лапахъ, плящетъ и не имѣетъ хвоста....

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ событій и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлый рядъ происшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя пытливое вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разсказахъ не столько важна историческая правда передаваемаго событія, сколько правда гуманнаго христіанскаго одушевленія, проникающая собой все поэтическое созданіе.“ (Народ. рус. легенды, собр. А. Н. Аѳанасьевымъ. М. 1859 г. Въ предис. стр. V—XIV).

86. Изъ византійской повѣсти: »Александрія.«

Житіе и послѣдованіе достопѣтнимъ человѣкомъ и воиномъ оустрмляющимсе на брани, еже убо чтити и разумѣти и слышати блаженнаго мужа царя Александра, како вова и како назвасе царь вьсей земли подсолнѣчной. Начнемь уже о рожденіи и о съмерти его.

Бѣсть великой премудрости и храбрости и крѣпости утвердившихсе въ лѣто..... рождейся сынъ ему тогда и нарече име ему Александрь, еже по гречьскомь езику зоветсе *избранынь*, и по истиннѣ избрань и благъ вьсемь являшесе; не бѣ же ему отъ пятьскаго рожденія, ни отъ человѣческого утвора, но божіимь промысломь, иже вьсегда помогаше ему. Имаше къ вьсакому истинную любовь и езикъ непотворынь; податливь и милостивь къ всемь сьгрешающимъ, и правь судь имаше; сими 4-ми добродѣтелми четиремь краемь земле царь сомодрѣжаць назвасе, и сими добродѣтелми вьсакій царь свое царство требуе држати. И тако Александрь творо, великимь градовомь и странамь царь назвасе, колико ни умь человѣчь постигнути вьзможе, ни на разумь дойти Александрове добродѣтели, душевнѣй же и плтасцей.

Начнемь убо о рожденіи Александрове. Говоре сынъ Филиповъ бити ему, но небуди то, но Нектевана царя Египьтского сынъ есть, и Олимбіяди, жены Филиповы. Сій Нектеванъ, Египьтскимь странамь царь, вльховною хитростію и звѣздочьтіемь царь бѣше, къ бою и рати нейдеше, ни войскомь ни оружіямь противляшесе, но на помощь себе имаше вльховную хитрость, и вьсемь околнимь езикомь противляшесе и одолеваше. И вьси околніе царіе чуждахусе, что учинити лукавому сему вльху, Егупьтскому цару,—вьса бо благая земли нашей и богатьство вльховною хитростію вьзеть и къ своеи земли приложи, ми же страждемо; но обаче нетрпимь вѣщь сію вльховную, нь васи сѣбравшесе на землю Егупьтскую пойдемо, и Нектевана отъ царства изгнавше, и блага наша опеть къ себе вьземемо, а онъ есть бездѣтнь и без‘ наслѣдія вльховьнь и страшливь, и вьса земля та противитсе. Бѣху же сьвѣщали овіи езицы на Нектенава: Перси, Ивери и Арапи, и Аксіяни, Віопи, и Елапи, и иніе вьсточны езицы; и то видевь Егупьтскій царь краишній, царь именемъ Вѣрвѣрихъ, и вьсплакавсе, и рече: „о тешко тебе, великій въ градовехь Егупте, до небесъ вьзнесесе, и до ада..... сьниделн; рука твоя бѣ на вьсехъ, нынѣ же рука вьсехъ на те; здѣ сладости насытилсе еси, нынѣ же горкаго яда наситишисе, но идемь къ Нектенаву цару и исповѣмь ему бившее, понеже

неизчетенніе восточніе царіве и войске идутъ нань.“ И пришьдь, приступивь къ нему, и рече: ,,вѣсто ти буди цару, понеже вскоре свой животъ въ самрть премѣниши, Даріе бо царь Персидскій, кой бу такматсе (?) пріиде на межде земле твоее съ вьсѣми восточными войсками, и хощеть поразити Егупать тебе ради, но савькупи свою войску на бой, и изиди прѣма ихъ, нь никто же можеть одолѣти силной войсцѣ и храбромь витезомь ихь,“ — царь рече,—царь на царя и юнакь на юнака и коня, и тако чьсть и помощь имать; царство многими людми състоитсе, како и море мнозими влнами, и тако страшно являетсе плавающимь по немь. И то Нектенаву Верберихъ рече, и насмѣясе царь и рече: добро съствориль еси, понеже вьзвестиль еси мнѣ дошаствіе царя Дарія и другихъ восточныхъ царей на Егупать; мудрій страшливь небиваеть, раты многими людми небывають, но добримь и храбримь сердцемь; многаци единь волкь многи елень гонить, и единаго вька скоченіемь много стадь овьць разгонитсе, нь ти пойди и реченное ти отъ мене створи инихъ сьпоходи и мнѣ глась посилай. И се рекь Верверика отправи, сам‘ же писа книге по вьсехъ градовѣхъ и странахъ Егупатскихъ готовитисе на брань, битисе за землю и за царство свое; но гдѣ Богъ не хощеть, человѣкь не можеть. И сіе рекь, вьниде въ полату царску и волховно врачеваніе сътвори и злату руоумирію водѣ наполни, и отъ воска на водѣ двѣ войскѣ учини, сьпротивну войску свою, и хитростію сътвори битисе войскамь, и видѣ свою войску отъ Персійскей войске побіену, и виде царь бѣгущіе Егупьтскіе кормеще корабли ратніе и уважаху войску въ Егупьтѣ, и велми вьсплакасе и рече: о горе тебе, Егиите, во много лѣтехъ прославилсе еси съ царемь своимь Нектенавомь и въ единомь лѣте погибнете; несть бо на земли радости, иже непремѣнитсе въ жалость, ни слава, коя не погибаеть, но, о горе тѣмь, иже надѣютсе въ волшабную хитрость и помощь; прилично есть насланяющемсе на воду когда се опре, тогда въ воду погрезнеть. И въ безчастіе пріиде царь Нектенавь, и въ Египте не могаше бити, ни съ войскомь битисе, жалосте исполнивсе, браду и главу свою остругa, и въ полунощи ис‘ царскихъ полать избѣже и удалисе, въ незнане стране земле отійде, и пріиде въ Филипусь градь, идеже его ни кто же не знаяше, и седеше въ нѣкоемь мѣсте скровнѣ въ граду, и врача себе назоваше и майстора хитра отъ Егупьтскихъ звездочатьць.

О нашьдшихъ воискахъ на Евупть. Войску свою Египтене многу изгубише и къ дворомь царa своего Нектенава пріидоше и не обретоше его въ царскихъ полатахъ, и велми вьсплакашесе, и обретоше писаніе царево на одру его, глаголюще сице: ,,миліи мои Египтени, ала вашего не могохъ зрѣти, но отидохъ отъ васъ старъ въ ину землю до 30 лѣть, и по тридесетехъ летехъ паки пріиду къ вамь младь.“ И то писаніе вьзьмши Егуптене, изліяше у злату столпь вйсокь срѣде Египта поставише въ мѣсто цара, и въ руку его положены писаніе, его же самь писаль бѣше, и вьзложе вѣнець на главу его, сами же къ Пасидону богу своему притекоше, и за Нектенава царa своего молишесе и вьпрашаху его: гдѣ есть? Онъ же къ нимь въ снѣ явисе и рече имь: ,,до 30 лѣть имать пріити къ вамь младь, и мьчь не уломленъ десницы Перской притупить и враги ваше Перси подъ ноги положить.“

Въ Македоніи врагь великь бисть Нектенавь. Филиппъ же царь Македонскій имаше царицу, име ее бисть Олимбіада, и вьсегда скорбь имаше зане неплодна бѣше, но образомъ красна бѣше зѣло, и въ великой любве царь Филипь на воску, и призва царицу къ себе Олимбіяду и целова е вьсесрьдачно и рече ей: ,,милая моя Олимбіядо, аще не зачнеши отроче до пришьствія моего, не има дуже видѣти очи мои,“—и сіе рекь на войску отіиде. Олимбіяда же оскрбе и въ тузе велицей оста, не вѣде что сътворити. Една же отъ рабинь знаяше ю, понеже скорбить отрочети ради неимѣнія, и рече къ Алимбіяди царицы, госпожи своей: »не скорби, госпоже моя, есть въ нешемь граду человѣкь Егуптенинь, мужь хитръ словомь и дѣломь; мнитмисе, когда те види, сътворить ти сердцу хотеніе,“—сіе же слиша Олимбіада вьскорѣ за Нектенава посла.

Пріиде же Нектенавь къ царицы. И рече ему Олимбіада: ,,о человѣче Егуптенине, истинна ли есть, что азъ слышала о тебе, понеже хитростію твоею мошешь раздрешити утробу мою, и силному цару Филипу сердце обвеселити, и великую мою жалость на радость обратити; да аще се истинна будеть, твори несумненно еже вѣси, и великую честь и дарь отъ мене пріимеши, и великъ у Македоніи наречешисе.“

Нектенавь же видьвь Олимбіаду. И велми дивляшесе лѣпоте лица ее и очима взираше нань, и главу преклонивь стояше: она же помишляше еда хощеть вьскорѣ бѣседовати са нею, онъ же стое молче. И рече ему Олимбіада: ,,что ме трудиши, о человѣче, аще имаши силу творити, твори еже вѣси.“ Онъ же видѣвь красоту лица ее устрмлень бысть въ срдце любовію, и рече къ Алимбіадѣ:— вижду, прице, понеже бози хотеть бити съ тобою, Амона и Финеса; да аще припустиши къ себе, мати великому цару наречешисе.—

И се слиша Олимбіада и въздравовасе радостію великою зѣло, понеже своему сыну мати назоветсе, и повелѣ Олимбіада, да сътвореть ему камару малу близь полате царскіе, яко да казуеть ей дохожденіе бога Амона и Финеса. И приде Нектенавь къ ней самь въ образѣ бога Амона и рече:—таковь есть образь Амоновь:—глава орля, на ней рози вазилисковы, опашь аспидовь, ноги львови, крила грифова злата и червлена, — сице въобразисе Нектенавь и внійде къ Олимбідѣ, и бисть съ нею, и рече ей:—блаженна ти въ женахъ Олимбіядо, яко днесь зачеть сына, въсему свѣту царa.—И сіе рекъ изшьдь вънь, она же остальствина, — и пріиде заутра къ ней и рече ей:—храниссе въ чистотѣ, и тако приходить к' тебе богъ Амонь, и егда пріиде време родити ти, призови ме къ себѣ, и что ти азь реку створи. И сему тако бившу...

Приспѣвь часъ рожденія и приступи Нектенавъ къ царицы и рече ей:

Придржи въ себе не родити, дондеже благій часъ пріидеть, зане аще въ сій часъ... родиши, раба и непотребна человѣка, зане коло круга небеснаго въ лунѣ стоить; мало потерпи, дондеже небесніе планиты наустaвy стануть, и стіхіе преступленіе створеть, тогда родити хощеши царa царемь, зѣло мудра человѣка. Она же претрпѣвши се и роди сына великого Александра,....

(Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ рус. А. Н. Пыпина. По списку рк. Рум. Музея, № 175, л. 1 и дал. См. Уч. Зап. 2 отд. Акад. Н. IV, 303—306).

Наша ,,Александрія'' представляетъ особенный видъ того произведенія греческой литературы, которое обыкновенно приписывается псевдо-Каллисѳену, и которое, распространившись въ латинскихъ редакціяхъ во всей западной Европѣ среднихъ вѣковъ, сдѣлалось источникомъ множества поэтическихъ сказаній и романовъ, описывавшихъ подвиги и славу Александра Македонскаго. Переходя отъ одного народа къ другому, сказанія объ Александрѣ мѣнялись въ духѣ разныхъ національностей, и такимъ образомъ явились отдѣльныя ихъ редакціи, сходныя въ главныхъ фактахъ и отличныя въ подробностяхъ и колоритѣ событій и преданій; частные мивы получали большее развитіе и новый смыслъ или вставлялись цѣликомъ изъ другаго источника, хотя бы ихъ и не допускалъ первобытный видъ сказанія. Старинная русская повѣсть ведетъ начало отъ византійскихъ редакцій, а не отъ латинскихъ, какъ у Чеховъ и Поляковъ, и взята въ сербскомъ переводѣ, который считается весьма древнимъ. Повѣсть встрѣчается въ хроникѣ Георгія Аматрола и у Меѳодія Патарскаго, переводы которыхъ на Руси были извѣстны первоначальному лѣтописцу, и онъ упоминаетъ нѣсколько разъ о дикихъ людяхъ, заключенныхъ въ горѣ Александромъ Македонскимъ. Даніилъ Заточникъ

зналъ о храбрости Александровой. Большая извѣстность Александріи въ старинной русской литературѣ прямо опредѣляется большимъ количествомъ списковъ; изящество нѣкоторыхъ рукописей исторіи показываетъ, что она принадлежала къ числу любимаго чтенія. Повѣсть о разрушеніи Трои, занесенная въ сочиненіе византійца Малалы, извѣстнаго въ переводѣ славянскомъ, также знакома была нашимъ предкамъ; позднѣйшіе русскіе тексты сохраняютъ слѣды древняго южно-славянскаго подлинника. Византійскому источнику принадлежитъ знакомство Русскихъ съ Восточными сказаніями, которыя относятся чисто къ области фантазіи. Одинъ изъ этихъ памятниковъ *Синаирипъ царь Адоровъ и Надивскія страны* есть сказка изъ ,,Тысячи и одной ночи,'' сохранившаяся въ замѣчательномъ сборникѣ XIV или XV в., въ которомъ найдено Слово о полку Игоревѣ. Эта же сказка въ другихъ рукописяхъ озаглавливается: *Сказаніе объ Акирѣ премудромъ* (т. е. о Гейкарѣ, министрѣ Сенхериба, царя Ниневіи). Въ русскомъ переводѣ сохранились нѣкоторыя особенности южно-славянскаго подлинника; формы языка, отдѣльныя слова и обороты указываютъ на древность произведенія, быть можетъ современную Слову о полку Игоревѣ. Въ изложеніи уцѣлѣли слѣды и греческаго перевода арабской сказки, по которому эта послѣдняя стала извѣстна въ литературахъ южно-славянскихъ. Такая же передѣлка сказки арабской ,,Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита'' находилось въ томъ же Пушкинскомъ Сборникѣ и ,,Сказаніе о Индіи богатой,'' письмо пресвитера Іоанна къ императору Мануилу. Это средневѣковое преданіе о существованіи сильнаго христіанскаго государства въ Азіи, которымъ управлялъ царь и вмѣстѣ священникъ Іоаннъ, встрѣчается въ путевыхъ запискахъ Плано-Карпини, Рубриквиса и другихъ. ,,Повѣсть о Китоврасѣ,'' сказанія о Соломонѣ, легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ тоже перешли изъ Византіи чрезъ посредство Славянъ, кажется, ранѣе XV столѣтія.

Исторія Варлаама и Іоасафа—духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынникъ Варлаамъ (жившій въ III—IV ст. въ землѣ Сеннаарѣ въ Азіи) обратилъ въ христіанство индѣйскаго царевича Іоасафа, не смотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ, что камень изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою. Большая извѣстность этой исторіи послужила источникомъ для русскихъ духовныхъ стиховъ объ Осафѣ царевичѣ и о пустынѣ, (Чт. общ. 1848 г. 9,181).

87. Объ Іосафѣ царевичѣ.

Во дальней во долинѣ,
Тамъ стояла мать прекрасная пустыня;
Приходитъ ли во пустыню
Младой царевичъ Іосафій;

„Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Пріемли мене во пустыню,
Отъ юности прелестныя;
Научи меня, мать пустыня,
Какъ божью волю творити;
Достави меня, пустыня,
Къ своему ко небесному царствію.“

Отвѣщуетъ ему мать пустыня:
—Любезное мое чадо,
О младой царевичъ Іосафій!
На кого свое царство спокидаешь,
Кому владѣть твоимъ царствомъ,
Твоими бѣлыми каменными палатами,
Твоею казною золотою?—

Отвѣщуетъ ко пустынѣ
Младой царевичъ Іосафій:
„Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Не хочу я зрѣть на вольный свѣтъ,
На свои каменны бѣлы палаты
И на свою казну золотую.
Хочу я пребыть во пустынѣ,
Я радъ на тебя, мати, работати,
Земные поклоны исправляти,
До своего до смертнаго часу.“

Отвѣщуетъ ли мать пустыня
Ко младому царевичу Іосафію:
—Чадо ты мое, ты любезное,
Младой царевичъ Іосафій!
Какъ придетъ весна красная,
Всѣ луга, болота разольются,
Древы листомъ одѣнутся;
На древахъ запоетъ птица райская
Архангельскими голосами:
Но ты изъ пустыни вонъ изойдешь,
Меня мать прекрасную пустыню позабудешь.—

Отвѣщуетъ ли ко пустынѣ
Младой царевичъ Іосафій:
„Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Какъ придетъ весна, мать, красная,
Всѣ луга, болоты разольются,
И всѣ древа листомъ одѣнутся,
На древахъ запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами:
Но я изъ пустыни вонъ не изойду,
Тебя, мать прекрасная, не покину.“

Отвѣщуетъ ли мать пустыня
Ко младому царевичу Іосафію:
—Чадо ты мое, ты любезное,
О младой царевичъ Іосафій!
Дарую тебя златымъ вѣнцомъ;
Я вѣрныхъ дарую на спасеніе,
Безвѣрныхъ дарую на двѣ воли.—

Усѣ ангелы возрадовалися
И архангелы счудесалися
Премладому его смыслу,
Превеликому его разуму.

А мы запоемъ аллилуйя, аллилуйя,
О слава тебѣ, Христе Боже нашъ!

(*„Кальки“ Безсонова, вып. I, ст. 206—208).*

88. Стихъ о страшномъ судѣ.

Воскреснетъ небесный царь
И вознесется рука Его
Да на вышніи небеса!
Егда будетъ страшный судъ,
Вострубятъ въ трубы ангелы,
Въ трубы позлащенныя;
Ужахнется вся вселенная,
Померкнетъ красное солнышко,
Потемнѣетъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Падутъ звѣзды на землю,
Яко листвіе со древа,
Престолы поставятся,
Вси книги поразгибнутся:
Дѣла наши прочитаются,
Вси грѣхи объявятся.
Отъ востоку и до запада,
Съ восточныя со стороны
Идутъ души праведныя,
Идутъ все любимыя;
Стрѣчаетъ ихъ небесный царь
Съ милостью, со жалостью
И съ великою со любовію:
„Вы подите, праведные,
Подите мои, любимые,
Во мой во прекрасный рай,
Во царствіе небесное:
Весь вамъ рай радуется,
Царствіе вамъ ликуется!“

*(Вамъ райскія древи отверзаются
И прикрасень вамъ рай красуется!)*

Съ западныя стороны,
Съ полуночныя—темныя,
Идутъ души грѣшныя,
Идутъ всѣ беззаконныя;
Проречетъ имъ небесный царь
Съ грубостью, со яростью,
Со великою съ нелюбовію:
„Подите, грѣшные,
Зыдите, проклятые,
Къ сотоны—ко дьяволу,
Кому вы работали,
Во тьму во кромѣшную,
Въ пропасти глыбокія!“
Росплачутся грѣшные
Во многіе голосы:
„Увы, нашъ небесный царь,
Солнце наше красное!
Прими насъ въ прекрасный рай,
Во царствіе небесное!“
Проречетъ имъ небесный царь:

„Я теперь васъ, грѣшныихъ,
Всѣхъ къ себѣ на судъ дождалъ,
Всѣмъ вамъ по дѣламъ воздамъ:
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Іереямъ—священникамъ
И судіямъ неправеднымъ, —
Погреба имъ будутъ глыбокіе,
Мразы имъ будутъ лютые:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Мужамъ беззаконникамъ,
Инымъ будетъ грѣшницамъ,
Женамъ—беззаконницамъ
И младенческимъ душегубицамъ, —
Котлы имъ будутъ мѣдные,
Огни разноличные,
Змѣи груди ихи высосаемы,
И сердце вытягаемо:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Глумотворцамъ и просмѣшникамъ, —
Смола имъ кипучая
И зубная скрыжанія,
И плачь имъ непрестанный:
То имъ мука вѣчная
И житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Клеветникамъ и язычникамъ, —
Языкъ въ темя вытягнутъ
И за языки повѣшены
На удачъ желѣзныихъ (1):

(За языки повишоны
На крюки горячіи,
На древа каленыи).

То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Пьяницамъ и корчемникамъ, —
Чады имъ будутъ горькіе
И смрады имъ великіе:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Плясунамъ и волынщикамъ, —
За хребты они будутъ повѣшены
Надъ плитамъ надъ каленымъ
И на гвоздье желѣзное:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Сребролюбцамъ и грабителямъ, —
Червь имъ будетъ неусыпаемая:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!“

(1) *На крючьяхъ.* Сличи это выраженіе съ подобнымъ, встрѣчающимся въ „Хожд. Богородицы по мукамъ.“

Припадутъ вси грѣшные
Ко матушкѣ ко сырой землѣ,
Начнутъ оны горько плакати.
„Увы, отцы—матери!
Почто насъ породили,
На бѣлый свѣтъ попустили,
На добры дѣла не учили!?
Чего ради мы, грѣшные,
Маленьки не померли!?
Мы бы были ангелы,
Съ Богомъ за единое:
А теперь намъ, грѣшнымъ,
Дѣламъ нашимъ судъ пришелъ
Отъ царя небеснаго!“

(И погонятъ насъ, грѣшныихъ,
Въ западную сторону,
Во мьсто во адовое,
Во пропасть глубокую.
Не слышно отъ грѣшныихъ
Ни писку, ни вереску,
Отнынѣ и до-вѣку).

(*Кальки Безсонова, вып. 5, 176*).

Въ другихъ варіантахъ того же стиха много встрѣчается разнообразныхъ пріемовъ въ распредѣленіи сорта мученій извѣстнымъ грѣшникамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на русскіе стихи о страшномъ судѣ имѣло большое вліяніе „Хожденіе Богородицы по мукамъ.“ Оно же находится въ связи съ сюжетомъ картины „страшнаго суда,“ и съ содержаніемъ лубочной картинки „адское дерево,“ которая встрѣчается у раскольниковъ.

89. Стихъ о Ѳедорѣ Тиронѣ.

Царь Константинъ Самойловичъ молился у заутрени, чтобы Господь спасъ его отъ силы жидовской, которая облегла его городъ Ерусалимъ. Никто не берется защищать его, всѣ перетрусили угрозы; вдругъ вызывается двѣнадцатилѣтній сынъ царя *Ѳедоръ Тыриниѣ*, надѣясь на силу небесную. Рубился онъ три дня и три ночи и покорилъ силу жидовскую: крови такъ было много, что Ѳедоръ молился, чтобы разступилась мать сыра земля и пожрала кровь іудейскую. На радостяхъ отецъ съ сыномъ сѣли за скатерти за браныя, пьютъ—ѣдятъ, прохлаждаются. Родимая матушка Ѳедора, милуючи и жалѣючи добра коня, привязаннаго ко столбу точеному,

Отвязала отъ кольца позлаченаго,
Повела на сине море,
Поить, обмыть кровь юдейскую
И всее кровь жидовскую.
А гдѣ ни взялся змѣй огненный,

Двѣнадцати-крылыхъ хоботовъ,
Онъ прожралъ коня добраго,
Полонилъ его матушку
И унесъ его матушку
Во пещеры во змѣиныя,
Ко двѣнадцати змѣенышовъ.
А гдѣ не взялись два ангела божіихъ,
Рекли человѣчимъ да и голосомъ:
,,А младъ человѣкъ, Ѳедоръ Тирининъ!
Ты пьешь и ѣшь прохлаждаешься,
Надъ собой бѣды ты не знаешь:
Твою родимую матушку
Полонилъ змѣй огненный,
Прожралъ тваво коня добраго“... (1).
(При этой вѣсти Ѳедоръ Тиронъ)
Что въ устахъ было, то проглотилъ,
Что въ рукахъ, то такъ пустилъ;
Восходитъ скоро въ церьковь соборную,
Онъ беретъ съ собой слово божіе,
Святу-честну книгу евангелье,
Онъ беретъ съ собой сбрую ратную,
Копье булатное,
Саблю вострую, палицу желѣзную,
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы каленыя;
Онъ приходитъ къ морю синему,
Становился на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Онъ читаетъ слово божіе,
Святу честну книгу евангелье;
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слова не вымолвитъ.
Гдѣ ни возмется тамо китъ рыба,
Прорѣщитъ та китъ рыба
Человѣчимъ языкомъ.
,,А младый человѣкъ, Ѳедоръ Тиронъ!
Ты поди по мнѣ, по китѣ рыбѣ.
Яко по мосту, яко по суху,
Выручи свою родимую матушку
Изъ тое муки змѣиныя,
Отъ двѣнадцати отъ змѣенышей“.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Переходитъ море синее,
Становится на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Читаетъ слово божіе,
Святу-честну книгу евангелье,
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Завидѣла его родимая матушка
Изъ тое изъ муки изъ змѣиные,
Отъ двѣнадцати отъ змѣенышей,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
,,Ой, дитятко, съ тобою мы погибнули,
Родимое, съ тобой погибнули!“
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Самъ возговоритъ таково слово:
,,Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
Со мною слово божіе,
Со мною сбруя ратная, копье буматное,
Сабля вострая, палица желѣзная,

(1) *Кальки перехожіе. III, 526—530.*

Еше крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы каленыя.“
А молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы каленыя,
Онъ стрѣлялъ въ двѣнадцать змѣенышей,
Побивалъ двѣнадцать змѣенышей;
Выручилъ свою родимую матушку
Изъ тое изъ муки змѣиныя
Отъ двѣнадцати змѣенышей;
Онъ посадилъ ее на головку на тяжелую (1),
Понесъ ее къ морю синему.
Его родимая матушка
Назадъ себѣ оглянулася,
Завидѣла змѣя лютаго,
Люта змѣя, люта-огненна,
О двѣнадцати хоботовъ,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
,,Ой, дитятко, съ тобой мы погибнули,
Родимое, съ тобой погибнули!“
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговоритъ таково слово:
,,Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
Со мною слово божіе“.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы каленыя,
Онъ стрѣлялъ супротивъ змѣя лютаго,
Люта змѣя, люта огненна
О двѣнадцати хоботовъ,
Вышибалъ ему сердце со печенью;
Обливала его кровь змѣиная
Не по колѣно, не по поясъ,
По самы груди бѣлыя.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ и бьетъ копьемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
—,,Ужь ты матушка мать сыра земля
Раступися на четыре четверти,
На всѣ на четыре стороны!
Ты пожри въ себя кровь змѣиную!“
По божію изволенію
Разступалася мать сыра земля
На четыре на четверти;
Пожирала въ себя кровь змѣиную.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую,
Приходилъ ко синю морю,
Становился на крутомъ красномъ бережечкѣ,
Читаетъ слово божіе
Святу честну книгу евангелье;
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Гдѣ не возмется та же китъ рыба,
Прорѣщитъ китъ рыба
Человѣчимъ языкомъ:
,,А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Ты поди по мнѣ по китѣ рыбѣ,

(1) Можетъ быть ,,на головку— на темячко,“

Яко по мосту, яко по суху,
Повези свою родимую матушку,
Изъ тые изъ муки змѣиные."
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Переходитъ море синее,
Становится на крутомъ на красномъ бережечкѣ,
Самъ возговоритъ таково слово:
—„Государыня моя родимая матушка,
А что стоитъ мое похожденіе
Супротивъ твоего порожденія?"
Его родимая матушка
Горючимъ слезамъ заливалася,
Сама говорила таково слово:
„Ой горе, чадо милое!
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
Какъ твое то похожденіе,
Напаче моего порожденія" (1).

(*Изъ пьесъ Якушкина, стр. 56—59*).

См. апокрифич. житіе Ѳеодора въ Пам. старинн. литерат. 143—144.

Содержаніе русскихъ духовныхъ стиховъ, точно такъ же какъ и легендъ, чисто религіозное и было въ старое время плодомъ благочестія и христіанскаго любопытства народа. Они брались изъ разсказовъ свящ. писанія, церковныхъ преданій, принесенныхъ изъ Византіи, изъ отреченныхъ или апокрифическихъ книгъ, а также изъ преданій языческой старины. „Въ сѣверныхъ народахъ Европы, говоритъ А. Н. Пыпинъ, христіанство нашло сильный отзывъ (въ средніе вѣка); личности и событія свящ. исторіи заняли мѣсто языческой миѳологіи, хотя наивная безсознательность тогдашнихъ людей не рѣдко мѣшала языческое съ христіанскимъ и даже повторяла ту же языческую старину подъ новыми формами. ... Легенда отъ безпрестаннаго обращенія въ народѣ иногда смѣшивалась съ другими разсказами; въ ея христіанскіе разсказы вплетались разныя посторонніе черты изъ старыхъ миѳическихъ воспоминаній: къ библейскому сказанію о сотвореніи міра примѣшалась космогонія древнихъ, обрядовыхъ пѣсенъ въ исторію благочестивыхъ людей попали подробности изъ народныхъ сказокъ, въ преданья объ адѣ и раѣ вошли принадлежности новѣйшаго быта и т. д." Происхожденіе міра и конецъ его составляетъ одинъ изъ важныхъ предметовъ русскихъ духовныхъ стиховъ, а также жизнь Спасителя, дѣянія святыхъ мужей и воздаяніе на судѣ праведникамъ и грѣшникамъ.

(1) *Твое похожденіе*, т. е. то, что сдѣлалъ ты для меня, *напаче*, т. е. болѣе, выше тѣмъ *мое порожденіе*, чѣмъ-то, что я тебя родила.

90. О Голубиной книгѣ.

Восходила туча сильна грозная,
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадсяти сажень.
Ко той книгѣ ко божественной
Сходилися, съѣзжалися
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкіихъ,
Христіянъ православныихъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко божьей не прищатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь:
До божьей до книги онъ доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.
Еще приходилъ ко книгѣ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичь.
Возговорилъ Володиміръ князь:
„Ты премудрый царь Давыдъ Евсеевичь!
Скажи, сударь, проповѣдуй намъ,
Кто сію книгу написывалъ,
Голубину кто напечатывалъ?"
Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь:
„Писалъ сію книгу самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ царь небесный;
Читалъ сію книгу самъ Исай пророкъ,
Читалъ онъ книгу ровно три года,
Прочиталъ изъ книги ровно три листа."
—„Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичь!
Прочти, сударь, книгу божію,
Объяви, сударь, дѣла божіи,
Про наше житіе, про свято-русское,
Про наше житіе свѣту вольнаго:
Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное? и пр.
Отчего у насъ въ землѣ цари пошли,
Отчего зачались князья-бояры,
Отчего крестьяны православные?"
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь:
—Ой ты гой еси, Володиміръ князь,
Не могу я прочесть книгу божію,
Ужь мнѣ честь книгу,—не прочесть божью;
Эта книга не малая, книга великая,
На рукахъ держать,—не сдержать будетъ;
На налой положить божій,—не уложится,
Умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
И очамъ намъ книгу не оборити,
Великая книга Голубиная!

Я по старой по своей по памяти
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ;
У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда божія;
Солнце красное отъ лица божьяго,
Самого Христа царя небеснаго;
Младъ-свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его;
Звѣзды частыя отъ ризъ божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ господнихъ;
Зори утренни отъ очей господнихъ;
Вѣтры буйные отъ свята Духа;
Дробенъ дождекъ отъ слезъ Христа,
Самаго Христа, царя небеснаго.
У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Наши помыслы отъ облацъ небесныихъ,
У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря.
Оттого у насъ въ землѣ цари пошли
Отъ святой главы отъ адамовой;
Оттого зачались князья, бояры
Отъ святыхъ мощей отъ адамовыхъ,
Отъ того крестьяны православные
Отъ свята колѣна отъ адамова.
Возговоритъ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичь:
„Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичь!
Скажи ты намъ, проповѣдай:
Который царь надъ царями царь?
Кая земля всѣмъ землямъ мати?“ и пр.
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь;
—У насъ Бѣлый царь надъ царями царь.
Почему жь Бѣлый царь надъ царями царь?
И онъ держитъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную, богомольную;
Стоитъ за вѣру христіанскую,
За домъ пресвятыя Богородицы.
Потому Бѣлый царь надъ царями царь.
Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати;
На ней строятъ церкви апостольскія;
Они молятся Богу распятому,
Самому Христу царю небесному;
Потому свято-Русь земля всѣмъ землямъ мати!
А глава главамъ мати—глава адамова,
Потому что когда жиды Христа
Распинали на лобномъ мѣстѣ,
То крестъ поставили на святой главѣ адамовой.
Іерусалимъ городъ городамъ отецъ.
Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:
Во тѣмъ во градѣ во Іерусалимѣ
Тутъ у насъ среда землѣ (1).
Соборъ-церковь всѣмъ церквамъ мати.
Почему же соборъ-церковь церквамъ мати?

(1) См. путеш. *Данила*. Сличи также „Ложные и отр. книги рус. старины“ *А. Н. Пыпина* 177, и „Памятн. старин. Литер. вып. 3.

Стоитъ соборъ-церква посреди града Іерусалима;
Во той во церкви во соборней
Стоитъ престолъ божественный;
На томъ на престолѣ на божественномъ
Стоитъ гробница бѣла каменная,
Во той гробницѣ бѣлой каменной
Почиваютъ ризы самаго Христа,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Потому соборъ-церква церквамъ мати.
Ильмень озеро озерамъ мати;
Не тотъ Ильмень (1) который подъ Новымъ Градомъ,
Не тотъ Ильмень, который во Царѣ-градѣ.
А тотъ Ильмень, который въ Турецкой землѣ
Надъ начальнымъ градомъ Іерусалимомъ.
Почему жь Ильмень озеро озерамъ мати?
Выпадала съ его матушка Іордань рѣка,
Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
Почему Іордань всѣмъ рѣкамъ мати?
Окрестился въ ней самъ Исусъ Христосъ,
Со силою со небесною,
Со ангелами со хранителями,
Со Іоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ;
Потому Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
Ѳаворъ гора всѣмъ горамъ мати.
Почему Ѳаворъ гора горамъ мати?
Преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ, царь небесный, свѣтъ,
Съ Петромъ, со Іоанномъ, со Іаковомъ,
Съ двунадесятью апостолами,
Показалъ славу ученикамъ своимъ:
Потому Ѳаворъ гора горамъ мати.
Бѣлый латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
На бѣломъ латырѣ на камени,
Бесѣдовалъ да опочивъ державъ
Самъ Исусъ Христосъ царь небесный
Съ двунадесяти со апостоламъ,
Съ двунадесяти со учителямъ;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распущалъ онъ книгу Голубиную;
По всей земли, по вселенныя;
Потому латырь камень всѣмъ камнямъ мати (2).
Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати.
Почему то древо всѣмъ древамъ мати?
На тѣмъ древѣ на кипарисѣ
Объявился намъ животворящій крестъ,
На тѣмъ на крестѣ на животворящемъ
Распятъ былъ самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ, царь небесный свѣтъ;
Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати (3).

(1) *Ильмень* въ областномъ языкѣ употребляется въ общемъ значеніи озера, низменности, покрытой водою, высохшаго русла рѣки, съ остатками мелкихъ озеръ (Буслаева, Очерки нар. слов. т. I, стр. 460).

(2) Латырь—плектръ, янтарь. (Безсонова къ 4 вып. пѣсенъ Кирѣевскаго, стр. I—IX).

(3) *О кипарисѣ, какъ древѣ распятія* — въ апокрифахъ „*о крестномъ древѣ*.“ (Пыпина, Отреч. книги, стр. 82 и 85).

Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.
Почему плакунъ всѣмъ травамъ мати?
Когда жидовья Христа роспяли,
Святую кровь Его пролили,
Мать пречистая Богородица
По Исусу Христу сильно плакала,
По своемъ сыну по возлюбленномъ;
Ронила слезы пречистыи
На матушку на сыру землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыихъ
Зарождалася плакунъ трава;
Потому плакунъ трава травамъ мати.
Океанъ море всѣмъ морямъ мати.
Почему океанъ всѣмъ морямъ мати?
Посреди моря океанскаго
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента попа рымскаго;
На церкви главы мраморныя,
На главахъ кресты золотые.
Изъ той изъ церкви изъ соборной,
Изъ соборной, изъ богомольной,
Выходила царица небесная;
Изъ океана моря она омывалася,
На соборъ-церковь она Богу молилася,
Отъ того океанъ всемъ морямъ мати.
Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
Почему же китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати?
На трехъ рыбахъ земля основана.
Стоитъ китъ рыба—не сворохнется;
Когда жъ китъ рыба поворотится,
Тогда матъ земля восколыбнется,
Тогда бѣлый свѣтъ нашъ покончится;
Потому китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
Основана земля святыимъ Духомъ,
А содержана словомъ божіимъ.
Стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати.
Почему она всѣмъ птицамъ мати?
Живетъ стратимъ птица на океанѣ морѣ,
И дѣтей производитъ на океянѣ морѣ.
По божьему все повелѣнію,
Стратимъ птица востренется,
Океанъ море восколыхнется;
Топитъ она корабли гостиные
Со товарами драгоцѣнными;
Потому стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати (1).
У насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
Почему индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Ходитъ онъ по подземелью,
Прочищаетъ ручьи и проточины,
Куда звѣрь пройдетъ,
Тута ключь кипитъ,
Куда звѣрь тотъ поворотится,
Всѣ звѣри звѣрю поклонятся.
Живетъ онъ во святой горѣ,

(1) Въ другихъ варіантахъ *Страфиль* — греческое: *стронвос* — Страусъ, въ другомъ славянскомъ образѣ *ноги*, или *нога*, сербск. *ной*, птица „великая страховитая.“ (Калѣки Перехожіе, вып. 2, стр. 369).

Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ,
Куды хочетъ, идетъ по подземелью,
Какъ солнушко по поднебесью:
Потому же у насъ индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.—
Возговорилъ Володиміръ князь:
„Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичь!
Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось,
Мнѣ во снѣ много видѣлось:
Кабы съ той страны со восточной,
А съ другой страны со полуденной,
Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежду собой дрались билися,
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ.“
Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь:
—Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися;
Это кривда съ правдой сходилася,
Промежду собой бились-дрались,
Кривда правду одолѣть хочетъ;
Правда кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
Къ самому Христу, царю небесному;
А кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
По всей землѣ по свѣтъ-русской,
По всему народу христіанскому;
Отъ кривды земля восколебалася,
Отъ того народъ весь возмущается;
Отъ кривды сталъ народъ неправильный,
Неправильный сталъ, злопамятный:
Они другъ друга обмануть хотятъ,
Другъ друга поѣсть хотятъ.
Кто не будетъ кривдой жить,
Тотъ причаянный ко Господу,
Та душа и наслѣдуетъ
Себе царство небесное.—
Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Евсеевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

(*Христом. О. Ѳ. Миллера*).

Сравни стихъ съ іерусалимской бесѣдой. Пам. стар. литер. 2, 307—308.

„*Въ стихѣ о Голубиной книгѣ христіанскія имена и преданья смѣшиваются съ апокрифическими выдумками и языческими вѣрованьями отдаленной эпохи. Вмѣсто Владиміра въ другихъ варіантахъ этого произведенія является, то Волотъ Волотовичъ (т. е. доисторическій великанъ), то какой то Волотоманъ Волотомановичъ. Разговоръ Давида съ Владиміромъ ведется въ стилѣ древнѣйшихъ эпическихъ состязаній о мудрости и всякомъ знаніи. Большая часть странныхъ понятій въ этомъ стихѣ*

заимствованы изъ апокрифическаго сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ Бесѣды—будто бы—трехъ святителей. Понятія о чудесныхъ животныхъ взяты изъ средневѣковыхъ Бестіаріевъ, или сборниковъ о свойствахъ звѣрей, птицъ, рыбъ и пресмыкающихся.

Нѣкоторыя подробности восходятъ своимъ началомъ къ миѳической эпохѣ, каковы: о созданіи земли, воздуха, солнца и проч. изъ составныхъ частей какого-то миѳическаго существа, а также происхожденіе костей въ человѣкѣ отъ камней, крови отъ моря и т. д. Въ одномъ вариантѣ стиха о Голубиной книгѣ сохранилось преданье о происхожденіи сословій, напоминающее Индійскій миѳъ о происхожденіи кастъ изъ устъ, отъ рукъ и отъ ногъ Брамы и именно:

Зачадились (1) цари со царицами
Отъ честной главы отъ Адамовой;
Зачадились князья со боярами
Отъ честныхъ мощей (2) отъ Адамовыхъ;
Завелось крестьянство православное
Отъ того кольна отъ Адамова.

Вмѣсто звѣря Индрика въ другихъ варіантахъ: единорогъ и инрогъ, иногорогъ.

(Примѣч. проф. Буслаева. Христ. 1620—1621).

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

91. Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія.

.....Извѣстно, что церковные учители древней Руси строго преслѣдовали народныя миѳологическія воззрѣнія на природу, какъ *„бѣсовскія мечтанья,“* искореняли всѣ эти живые эпическіе образы народнаго міросозерцанія — естественныя выраженія младенческой фантазіи народа. На мѣсто того, они вкореняли въ народныя понятія или библейскія изображенія природы, библейскую физику, или мнѣнія и воззрѣнія отцевъ и учителей восточно—византійскихъ. Сами они, какъ воспитанники церковно—византійской школы, учились христіанскому міросозерцанію вполнѣ по библейскимъ и византійскимъ источникамъ. Древне—русскіе книжники, писатели и учители почерпали понятія о мірѣ, во 1-хъ изъ книги Бытія, псалмовъ Давида и вообще изъ книгъ библейскихъ; во 2-хъ изъ разныхъ греко—восточныхъ толкованій на книгу бытія Епифанія Кипрскаго, изъ Шестоднева Василія В., изъ передѣлки его Шестоднева Іоанна экзарха Болгарскаго, изъ толкованія Аѳанасія Александрійскаго на псалтирь, изъ твореній Григорія Богослова, изъ книги »Небеса« Іоанна Дамаскина; въ 3-хъ изъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ вполнѣ выразилось восточно—библейское міросозерцаніе; въ 4-хъ изъ византійскихъ космографій, хронографовъ, палей и т. п. Церковные писатели послѣдующихъ вѣковъ прибавляли къ этому нѣкоторые другіе, болѣе спеціальные источники. Такъ напр. Кириллъ Бѣлозерскій читалъ и списывалъ статьи изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ

---

(1) Т. зародились, отъ сл. *чадо*.
(2) Т. е. отъ тѣла.

устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ и проч. Въ 1385 году *(Татищ. Ист. Рос. IV, 313)* Димитрій Зографъ перевелъ съ греческаго на русскій языкъ сочиненіе Георгія Писида »Похвала Творцу міра,« книгу весьма обильную средневѣковыми и преимущественно восточными сказаніями и понятіями о природѣ, о разныхъ ея явленіяхъ и предметахъ.....

Стараясь уничтожить народную вѣру въ зооморфическую и антроморфическую олицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учители внушали народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы, Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Кипрскаго на книгу Бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и проч., переписывалось въ многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія... *(Сборн. Соловец. библ. при Казанск. Дух. Акад. № 993)*.* Такъ напр. читаемъ въ сборникѣ Епифанія сказаніе, какъ »Богъ сотвори отъ начала до седьмаго дни: въ 1-й день небеса вышняя и землю и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ и служащія предъ ними, суть сіи ангелы: ангелъ духомъ и бурѣ, ангелъ облакомъ и мглѣ и снѣгу, ангелъ студени и зною, и зимѣ и осени и всѣмъ духомъ, ангелъ земли, тьмѣ« и проч. (1).

(1) Епифаній, согласно съ мнѣніями другихъ греко-восточныхъ учителей, признавалъ также особыхъ ангеловъ, геніевъ народныхъ.

Мысль эта, развитая учителями греково-восточными и сообщенная въ ихъ твореніяхъ славяно-русской церковной письменности, съ самыхъ первыхъ вѣковъ стала догматомъ для нашихъ книжниковъ. Уже лѣтописецъ Несторъ съ полною вѣрою записалъ въ своей лѣтописи (6618 г.) знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ и по поводу его высказалъ свое убѣжденіе въ дѣйствительности присутствія ангеловъ въ природѣ.....

По русскимъ апокрифическимъ сказаніямъ, имѣющимъ связь съ византійско-гностическими апокрифами, во всѣхъ явленіяхъ и силахъ природы представляются дѣйствующими духи божіи — ангелы, напр. былъ особый, *»ангелъ въ солнцѣ.«* Непросвѣщенные грамотники еще болѣе утверждались въ такомъ убѣжденіи, если читали апокрифическую книгу *»о всей твари чтеніе,«* гдѣ сказано *»какъ 300 ангелъ солнце воротятъ.«* Въ глубокой древности образовалось, и доселѣ существуетъ между нашими поселянами, повѣрье, что *каждое свѣтило имѣетъ своего ангела: одинъ ангелъ носитъ по небу солнце, другіе луну и звѣзды.* Вечеромъ каждый ангелъ *зажигаетъ свою звѣзду какъ лампаду, а къ утру тушитъ ее* (1).

Вѣря въ ангельское міроправленіе, въ живое участіе ихъ въ жизни природы, народное эпическое міросозерцаніе представляло ихъ духами или силами, борющимися съ враждебными началами и силами миѳологическаго міросозерцанія. Это, по народному представленію, были добрые духи или начала, поборающія зловредныя силы и начала физической жизни (2). Въ такомъ значеніи, они, вмѣстѣ съ святы-

(1) См. Отеч. Зап. 1842 г. № 6, стр. 34. Архив. истор. юрид. Калачова 1854 г. кн. 1, VI, 8.

(2) Какъ у древнихъ Грековъ были особые поднебесные, воздушные духи, у Нѣмцевъ и Скандинавовъ — свои; такъ и по славянскимъ представленіямъ духи были и добрые и злые въ природѣ.

ми, изображаются въ народныхъ суевѣрныхъ наговорахъ или заговорахъ и заклятіяхъ новаго, христіанскаго цикла. Какъ въ языческихъ заговорахъ или наговорахъ и заклятіяхъ являются дѣйствующими исключительно религіозно-миѳическія олицетворенія Перуна, Дажьбога, Стрибога, солнце, луна, громъ, молнія, вѣтры, огонь, вода, роса утренняя и вечерняя, звѣзды и проч., такъ въ переходныхъ отъ язычества къ христіанству заговорахъ или наговорахъ новаго, *двоевѣрнаго* миѳически христіанскаго склада или цикла являются дѣйствующими силами главнымъ образомъ ангелы и святые. Старые язычески-миѳологическіе оттѣнки только подкрашиваютъ эти новые христіански-языческіе или *двоевѣрные* заговоры.....

Святые еще болѣе важную роль играли въ средневѣковомъ міросозерцаніи, чѣмъ ангелы. Они замѣнили въ народномъ міровоззрѣніи языческихъ героевъ и полубоговъ. Какъ въ западномъ средневѣковомъ міросозерцаніи пророкъ Илія, святые Георгій и Хризостомъ играли роль языческихъ героевъ, полубоговъ, побѣдителей и умертвителей дракона, другіе святые замѣнили языческихъ боговъ и богинь, напр. Frau Lutz (Sancta-Lucia) замѣнила *Берту*, Норвежскій св. Олафъ — *Тора*, Славянскій Sanct-Witus — *Святовида* и проч.; такъ и въ нашемъ міросозерцаніи и поэзіи съ такимъ же полумиѳическимъ характеромъ и значеніемъ является пророкъ Илія, Георгій Храбрый, Власій и другіе святые.

Извѣстно, какъ народъ нашъ донынѣ еще объясняетъ явленіе грома, молніи и дождя: то Илья пророкъ, говоритъ онъ, ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, разгоняетъ нечистую силу и проливаетъ дождь на землю. Такая христіанско-миѳологическая персонификація грома въ образѣ пророка Иліи, очевидно, стоитъ въ тѣсной, преемственной связи съ древне-языческимъ олицетвореніемъ грома и молніи въ образѣ Перуна громовержца.....

Слыша въ церкви, что Илія огненосный и тученосный на огненныхъ коняхъ шествіемъ по небесному кругу просвѣщается, что Илія Ѳесвитянинъ возгремѣлъ на огненной колесницѣ, что Илія тученосной облакъ дождь на землю низводитъ и проч.,—народъ, настроенный къ миѳической персонификаціи явленій природы, легко могъ понять буквально всѣ эти образныя выраженія церковныхъ книгъ, принять ихъ за физическую дѣйствительность. И такимъ образомъ Илья пророкъ сталъ въ его міросозерцаніи тѣмъ, чѣмъ прежде былъ Перунъ, огненосный и тученосный громовержецъ, небопарный орелъ, метавшій кремни и кремницы,— Перунъ, также разъѣзжавшій по небесному кругу на огненныхъ коняхъ и гремѣвшій своей огненной колесницей. ...

Какъ Илья пророкъ сталъ, на взглядъ народный, олицетвореніемъ грома, молніи и дождя, въ замѣнъ Перуна громовержца, такъ Іоаннъ креститель сталъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи олицетвореніемъ миѳическаго лѣтняго *огненнаго солоноворота*, на мѣсто двухъ языческихъ *Сварожичей—солнца и огня*... Представляя Ивановъ день какъ бы послѣднимъ, окончательнымъ и самымъ полнымъ проявленіемъ лѣтняго животворнаго вліянія солнца на земную природу,— спѣшили запастись знахарскими и лѣчебными травами и кореньями, спѣшили очиститься лѣтней водой, освященной Іоанномъ крестителемъ и солнцемъ.....

Какъ пророкъ Илія замѣнилъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи Перуна, а Іоаннъ Предтеча обоихъ Сварожичей—солнце и огонь, такъ Георгій храбрый въ народной эпической поэзіи носитъ мифическій характеръ героя— полубога, устроителя земли Русской. Церковь, введши праздникъ въ честь его 23 апрѣля, предлагала въ этотъ день житіе

его, повѣствовала о чудѣ, какъ онъ умертвилъ змія, дракона, и избавилъ отъ него дѣвицу, царскую дочь. Народъ, усвоивъ это церковное сказаніе, перенесъ его въ свою поэзію и передѣлалъ сообразно съ своими понятіями въ извѣстномъ духовномъ стихѣ »о Елисаветѣ прекрасной.« Въ самобытной народной поэзіи, именно въ *стихѣ о Егоріи Храбромъ*, герой землеустроитель изображается въ двоякомъ видѣ. Съ одной стороны, миѳическій образъ его, какъ героя полубога, носитъ ясные оттѣнки отдаленнаго миѳическаго »юнацкаго« эпоса, съ другой стороны, сквозь миѳическій ликъ Егорія храбраго проглядываютъ и нѣкоторыя черты историческаго народнаго эпоса и земскаго міроустройства (1)...

Простосердечная вѣра древнихъ русскихъ людей вызывала чудотворцевъ русскихъ съ того свѣта на борьбу съ лѣсными, горными и водяными духами и на помощь русскимъ святымъ призывала святыхъ греко-восточной церкви и саму Богородицу... Изображая однихъ святыхъ героями, полубогами, побѣдителями силы демоническія, миѳическія, демоновъ водныхъ, лѣсныхъ звѣрообразныхъ и т. п., дѣятельности другихъ святыхъ народное міросозерцаніе усвоило дѣйствія разныхъ производительныхъ силъ природы. Вѣра народная сближала ихъ съ жизнью природы, представляла ихъ непосредственными устроителями, управителями жизни физической, напр. произрастителями плодовъ земныхъ, хранителями скота, птицъ, пчелъ и проч.....

На долю русскаго народа выпалъ жребій совершить особенно великую и сильную борьбу съ природой. Колонизуя и разработывая огромныя пустынныя пространства сѣверо-востока, онъ проторгался сквозь лѣса непроходимые, сквозь тундры и болота, гдѣ почти на каждомъ шагу спотыкался и изнемогалъ, встрѣчался и боролся съ звѣрями, страдалъ отъ мороза, утопалъ въ рѣкахъ, въ большихъ озерахъ и проч. Онъ на льдахъ сѣвернаго океана искалъ добычи, отправлялся артелями на весноваше: тутъ, какъ видно изъ жизнеописаній сѣверно-поморскихъ святыхъ, онъ постоянно и страшно страдалъ отъ бурь морскихъ..... Страдалъ онъ и отъ непогодъ и суроваго сѣвернаго климата, »морозомъ побивавшаго его посѣвы почти во всякое лѣто« и проч. и проч. Слѣдовательно, ему нужны были, судя по его необыкновенной, богатырской, страдальческой работѣ въ борьбѣ съ природой, такія могучія силы, которыя бы сдерживали для него препятствія и вредныя дѣйствія природы. И вотъ, не зная силъ природы и не умѣя покорять ихъ, какъ покоряетъ теперь разумъ, онъ вѣрилъ въ силу чудесъ, въ помощь христіанскихъ чудотворцевъ. Вѣра въ чудотворное могущество святаго покорять силы природы, останавливать вловредныя дѣйствія ея стихій и явленій имѣла такимъ образомъ практическое основаніе. Чудо святаго въ области природы замѣняло для древняго русскаго человѣка разумное, научное покореніе въ пользу человѣка физическихъ силъ, явленій, стихій природы.....

Наконецъ, эта вѣра, это благоговѣніе къ чудотворцамъ сѣверо-восточнымъ были отчасти безсознательнымъ, младенческимъ выраженіемъ народной благодарности за вспомогательные подвиги ихъ въ борьбѣ съ незавоеванной еще тогда вполнѣ русскимъ народомъ сѣверо-восточной природой. Отшельники нерѣдко первые прокладывали дорогу колонизаціи и культурѣ рус-

(1) Въ слѣдствіе этой миѳологической двуличности, въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ богатырскаго эпоса, напр. въ записанной нами въ Казани, *святый Егорій* характеристично смѣшивается съ *Свято-горомъ* богатыремъ. *Свято-горъ*, вѣроятно, искаженное имя—*святый Егорій*. См. о Святогорѣ въ Сборникѣ Рыбникова.

ской земли... »Пустыня была непроходимая« (*большая часть московской области въ XIV в.*), писалъ напр. въ половинѣ XVII в. Троицкій келарь Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ сказанію о чудесахъ Сергія Радонежскаго,— »нынѣ же всѣмъ зримы окрестъ обители поля, мірскія села и деревни многолюдныя. Стези не быша тогда и непроходно бысть человѣческими стопами, нынѣ же пути дороги велія и проѣзды всякаго чина людямъ, днемъ и нощію безпрестанно идущимъ. Много же тогда гадовъ и ползущихъ зміевъ являхуся ему на устраненіе безстрастному его житію, нынѣ же окрестъ обители его, за 10 поприщь и вящшее ползущихъ зміевъ и ужевъ не бываетъ. И елико людей во обители и около обители въ слободахъ множашеся, толико по премногу вода и всякая потреба изобиловашеся. Тогда въ рощахъ тѣхъ и древесъ толико не бысть, елико нынѣ многолюдственное число человѣкъ въ свободахъ, на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи велицы быша« ..... (*Времен. X. Смѣсь*).

Древне-русскій человѣкъ, представляя, что въ области природы дѣйствуютъ не физическія силы, а силы святыхъ, что одинъ святой особенно дѣйствуетъ напр. стихіей огня или воды, другой поставленъ надъ растеніями, третій надъ тѣми или другими животными, четвертый изцѣляетъ болѣзни и что одинъ святой особенно исцѣляетъ ту, другой другую болѣзнь и проч., — древне-русскій простолюдинъ иногда наивно вопрошалъ явившагося ему во снѣ святаго: кому, какому святому молиться въ случаѣ какого-либо бѣдствія или матеріальной нужды; святой указывалъ, кого когда призывать. И такъ мало помалу составились особыя народныя, такъ сказать, святцы, по которымъ знали, какой именно святой чѣмъ въ природѣ обладаетъ, и что у какого святаго просить.....

Отъ временъ отдаленнаго пастушескаго быта до настоящаго времени, нашъ простой, сельскій народъ почти нисколько не подвинулся дальше первоначальнаго, узкаго, пастушески-земледѣльческаго и домашне-очаговаго воззрѣнія на вселенную. Деревенскій мужикъ нашъ, а также и необразованный купецъ и мѣщанинъ, сколько уменъ, находчивъ, хитеръ, ловко изворотливъ въ практикѣ житейской, особенно въ практикѣ мірской, закрѣпленной вѣковымъ смысломъ и опытомъ народнымъ, столько же, къ прискорбію, близорукъ, невѣжественъ и суевѣренъ въ міросозерцаніи,—въ чемъ, впрочемъ, вовсе не онъ одинъ виноватъ.....

Своеобразныя и заимствованныя народныя понятія о мірѣ особенно характеристично выразились въ разныхъ сказаніяхъ о началѣ и концѣ міра... По всѣмъ этимъ сказаніямъ, міръ творили Богъ и сатанаилъ или чортъ вмѣстѣ: сатана все больше портилъ и творилъ безобразныя созданія—гадовъ, мошекъ или неровности земныя—горы, и т. п.; а Богъ творилъ все высшее и прекрасное, все приводилъ въ порядокъ и гармонію. Міръ производится ими изъ горсти земли, или изъ песка, либо камня, взятаго со дна морскаго, и проч. Мы приведемъ простонародный русскій разсказъ *о сотвореніи міра*, изъ сборника г. Якушкина: «Сталъ Господи міръ творить, гдѣ народу жить. Распустилъ онъ море-окіянъ: надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чортъ, да и говоритъ Господи: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, окіянъ-море напустилъ; дай мнѣ хоть землю насѣять!»—«Сѣй!» сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый,—никакого толку!—«Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли.« Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли, вынырнулъ: глядь—всю землю водою размыло. Опустился въ дру-

гой,—тоже: въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и, по божьему повелѣнью, оставалась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку, и насѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, со всякими для человѣка угодьями.—«Будемъ съ тобою, Господи, братьями родными, сказалъ лукавый Господу:—ты будешь меньшой братъ, я большой!»—Господи усмѣхнулся. «Будемъ, Господи, братьями ровными».—Господи усмѣхнулся опять.—«Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшой!»—Возьми, говоритъ Господи, возьми меня за ручку повыше локотка: пожми ты ручку ту изъ всей силы».—Лукавый взялъ Господи за ручку выше локотка; жалъ ручку изо всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку: лукавый такъ и пристѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю.—Люди, да еще святые люди, нарицаются сыны божіи; а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья залѣсть». (*Лит. литер. II, 100*).

Вовсе не зная и не подозрѣвая въ мірѣ дѣятельности силъ, сопряженныхъ съ веществомъ и съ механизмомъ міросозданія,—Славяне-язычники повсюду въ природѣ видѣли дѣйствующими боговъ и другихъ высшихъ, сверхъестественныхъ существъ: въ небѣ видѣли напр. Сварога, въ солнцѣ—Хорса, Дажьбога, въ громѣ и молніи—Перуна, въ огнѣ—Сварожича, въ водѣ и воздухѣ—Вилъ и русалокъ, въ деревьяхъ—дивъ и т. д. Церковь, хотя съ большимъ и продолжительнымъ трудомъ, но мало по малу успѣла привить къ сохранившейся у Славянъ вѣрѣ въ единаго верховнаго бога природы вѣру въ библейско-христіанскаго Бога, какъ владыку и повелителя міра. Сама церковь вполнѣ усвоила это восточно-библейское міровоззрѣніе.

По этому міросозерцанію, весь міръ есть непосредственное проявленіе воли и дѣятельности Господа, грознаго владыки и повелителя вселенной. Не только все на земной планетѣ, но и весь звѣздный міръ представляются существующими для службы человѣку и для безусловнаго исполненія воли вездѣсущаго и всемогущаго владыки міросданія. Въ такомъ смыслѣ церковь передавала свое воззрѣніе на міръ массамъ русскаго народа... Такой взглядъ на міроправленіе проникъ и въ памятники народной письменности. Здѣсь вся природа представляется послушною служебницею, покорною рабою Господа вселенной, глубоко сочувствующею правосудію Его, соболѣзнующею о грѣхахъ людскихъ, готовою всѣми силами своими наказать людей за оскорбленіе Владыки міра...

Подъ вліяніемъ такихъ церковныхъ и апокрифическихъ богословскихъ воззрѣній на физическое міроправленіе, мало по малу глубоко укоренилась и въ народномъ міросозерцаніи вѣра въ міровую державу единаго Бога вселенной, вмѣсто владычества многочисленныхъ языческихъ боговъ природы. Солнце, мѣсяцъ, громъ, молнія, дождь, земля, самыя священныя божества въ циклѣ земледѣльческаго міровоззрѣнія, низошли съ высоты религіозно-языческой апотеозы, божественнаго міродержавія,—и уступили мѣсто единому Богу, творцу и вседержителю вселенной...

Въ нашемъ народномъ міросозерцаніи, суевѣрное ожиданіе кончины міра стоитъ въ связи съ языческими преданіями. Какъ произошелъ міръ, по языческой космогоніи, отъ *царя-огня* и *царицы-воды* и основался на *китахъ*, такъ и будущее разрушеніе его приписывается тому же огню подземному и миѳическому огнеродному чудовищу океана—киту великому...

Обозрѣвая полный историческій циклъ русскаго народнаго звѣзднаго міросо-

зерцанія, мы примѣчаемъ въ немъ два отличительныхъ направленія: граматничье, книжное, заимствованное, и собственно-народное, непосредственно-натуральное. Въ книжномъ или граматничьемъ міросозерцаніи преобладаетъ смѣсь еврейски-кабалистическихъ, аристотельскихъ и западныхъ схоластико и физико-геологическихъ воззрѣній на звѣздное небо. Въ собственно-народномъ воззрѣніи преобладаютъ непосредственно-наглядныя и миѳологическія представленія о небѣ и небесныхъ явленіяхъ...

Отъ тѣхъ временъ, когда небо представлялось божествомъ, или жилищемъ божества, сохранилось донынѣ существующее въ народной поэзіи представленіе свѣтилъ небесныхъ *очами неба* или *лицами* небеснаго Бога. Эпическое уподобленіе свѣтилъ небесныхъ глазамъ или представленіе ихъ очами неба—общее всѣмъ народамъ. Скандинавскіе поэты солнце, луну и звѣзды называютъ очами неба...

Изъ безчисленныхъ системъ звѣзднаго неба, народное міросозерцаніе подмѣтило весьма не много звѣздныхъ группъ. И тѣ оно подмѣтило крайне поверхностно и представляетъ баснословно, ни сколько не изображая ихъ истинной космической природы... Въ средніе вѣка, когда вообще въ небесныхъ свѣтилахъ видѣли знаменія земныхъ событій, наши предки назвали млечный путь, по нашествію Татаръ, *батыевымъ путемъ*, думая, что на небѣ, именно въ млечномъ пути отобразился страшный путь Батыя. Названіе это сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь...

Безъ разумнаго, научнаго знанія звѣзднаго неба, нашъ простой народъ неизбѣжно долженъ былъ, подобно всѣмъ націямъ, чуждымъ астрономическаго просвѣщенія, съ рабскимъ суевѣріемъ предаваться всякимъ предразсудочнымъ и невѣжественнымъ представленіямъ о вліяніи небесныхъ свѣтилъ на земную природу и организмъ человѣка...

Такіе предразсудки относительно луны изстари господствовали и доселѣ сохраняются и въ нашемъ народѣ, чуждомъ просвѣщенія. Первоначальнымъ источникомъ ихъ должно полагать языческую вѣру въ мѣсяцъ, какъ въ живое, божественное существо... Съ другой стороны русскіе народные граматики много предразсудочныхъ примѣтъ о лунѣ заимствовали изъ общихъ славянскихъ астрологическихъ источниковъ. Напримѣръ, у Сербовъ распространены были подробные громовники или «Сказанія о животѣ и о гаданіи», въ которыхъ по мѣсяцамъ раскрывается вліяніе луны на землю, на плодородіе, на здоровье людей, на погоду и проч. Эти суевѣрныя сказанія отъ Сербовъ перешли и къ Русскимъ...

У крестьянъ нашихъ отъ временъ языческаго міросозерцанія сохранилось много суевѣрныхъ примѣтъ относительно вліянія новолунія или полнолунія на разныя земледѣльческія работы. Возникши подъ вліяніемъ языческаго суевѣрнаго воззрѣнія на мѣсяцъ, какъ на живое, божественное существо, предразсудки эти, переходя изъ рода въ родъ, крѣпко держатся между крестьянами, единственно по совершенному незнанію физической сущности луны, вообще естественныхъ наукъ и, въ частности, метеорологіи...

Для непросвѣщенныхъ и суевѣрныхъ людей и народовъ, кажется, ничто на небѣ такъ не изумительно и не страшно, какъ затмѣнія солнца и луны. Ужь самый необычайный видъ этихъ явленій, одно неожиданное нарушеніе въ нихъ обычнаго цвѣта или диска солнца и луны возбуждали ужасъ въ суевѣрныхъ умахъ. Вотъ, напримѣръ, луна вступаетъ въ земную тѣнь, вдругъ часть ея помрачается и принимаетъ сѣрый цвѣтъ; луна болѣе и болѣе погружается въ земную тѣнь;

сѣрый цвѣтъ все переходитъ въ красный, наконецъ, наступаетъ полное затмѣніе, и весь лунный кругъ представляетъ особенно темно-красный цвѣтъ, происходящій отъ того, что разсѣянный свѣтъ освѣщенной земной атмосферы попадаетъ въ тѣнь. Суевѣріе видитъ въ этомъ темно-красномъ цвѣтѣ превращеніе луны въ кровь, и ужасается. Еще въ большій страхъ и изумленіе приходятъ суевѣрныя массы, когда бываютъ полныя затмѣнія солнца, то есть, когда земля проходитъ черезъ тѣнь луны, ядро лунной тѣни падаетъ прямо на извѣстныя мѣста земли, и солнечный кругъ совершенно закрывается луною. Тамъ, гдѣ бываетъ полное затмѣніе, распространяется особенная темнота, небо кажется сѣрымъ и замѣтны нѣкоторыя изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ. Черный лунный кругъ окруженъ широкимъ волнующимся сіяніемъ отъ котораго распространяются желтые лучи. Во время полнаго солнечнаго затмѣнія, все животное царство приходитъ въ тревожное состояніе: птицы кружатся, какъ испуганныя, собаки воютъ, лошади и другія животныя выказываютъ безпокойную боязливость. Неудивительно по этому, если это чрезвычайно рѣдкое явленіе всегда приводимо въ ужасъ и людей необразованныхъ и суевѣрныхъ.

Въ языческія времена, въ эпоху звѣроловнаго и пастушескаго быта, въ періодъ зооморфическаго міровоззрѣнія, суевѣрію Славянъ такъ же, какъ и другимъ невѣжественнымъ народамъ, мерещились на небѣ злыя существа—*волкодлаки*, которые будто бы и пожирали солнце и луну, и производили затмѣнія... Въ лѣтописи читаемъ: «погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголютъ невѣгласи: *снѣдаемо солнце*» (*Ипат. 7*). Лѣтописцамъ, вообще, затмѣнія казались *погибелью* или уничтоженіемъ солнца и луны; они постоянно отмѣчаютъ эти явленія такими словами: *погибе солнце*, *погибе мьсяць весь* или *бысть гибель луны*. Христіянское народное суевѣріе то относитъ затмѣній солнца и луны къ дѣйствіямъ Бога, то приписываетъ ихъ злымъ духамъ. Во всякомъ случаѣ они возбуждали ужасъ въ невѣжественномъ народѣ...

Какъ затмѣнія солнца и луны, такъ и всѣ другія, свѣтовыя видоизмѣненія небесныхъ тѣлъ невѣжественнымъ народамъ казались и кажутся не постижимыми, сверхъестественными знаменіями. Въ средніе вѣка, всѣ убѣждены были, не только простолюдины, но и церковные книжники, начиная отъ лѣтописца Нестора, что различныя измѣненія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ назначены быть знаменіями къ добру или къ худу. Тогда и на весь вообще физическій міръ, и на звѣздный въ особенности, смотрѣли, какъ на вѣщаго оракула судебъ земли и людей. Ко всякому звуку въ природѣ съ чуткимъ суевѣріемъ прислушивались, ко всякому явленію зорко и боязливо присматривались. Такое воззрѣніе на природу отчасти наслѣдовано было отъ языческаго, непосредственно-натуральнаго міросозерцанія. И оно особенно относилось къ чудесамъ неба... Наши старинные книжники видѣли на небѣ книгу судебъ міра и церкви, откровеніе гнѣва или милосердія небеснаго, отраженіе судебъ земли и земства. Суевѣрное церковно-народное міросозерцаніе придавало свѣтиламъ небеснымъ, ихъ различнымъ явленіямъ и видоизмѣненіямъ, такое могущественное, міроправительное значеніе въ дѣятельности земной природы и въ исторической жизни земства, что всѣ лѣтописи, съ XI до XVI в. и далѣе были вмѣстѣ лѣтописями физическихъ явленій и, въ частности, явленій звѣзднаго неба, затмѣній солнца и луны, явленій различныхъ новыхъ звѣздъ, кометъ, и проч...

Вѣрованіе во вліяніе звѣздъ на земную жизнь въ нашемъ простомъ народѣ ведет-

ся съ языческихъ временъ. Въ язычествѣ, напримѣръ, приписывалось звѣздамъ вліяніе на плодородіе овецъ... Что касается до рожденія и судьбы человѣка, то въ этомъ отношеніи суевѣріе это первоначально проистекало изъ началъ языческаго міросозерцанія, а потомъ подкрѣплялось иноземными астрологическими преданіями...

Какъ неподвижнымъ звѣздамъ народное суевѣрье усвояло вліяніе на рожденіе и характеръ людей, такъ въ *падающихъ звѣздахъ* видѣли знакъ чьей-либо смерти. Есть народный разсказъ о трехъ сестрахъ-вѣдьмахъ, которымъ послѣ смерти досталось весь вѣкъ *горѣть на небѣ тремя звѣздами*, близъ млечнаго пути: звѣзды эти называются *дѣвичьи зори*. Падающая звѣзда до сихъ поръ почитается въ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ селѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то умеръ!» или: «чья-то душа покатилась» *(Архивъ Калачова 1855, IV, 128)*. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Симбирской губ., падающія звѣзды почитаютъ также за огненныхъ змѣй или демоновъ, которые будто бы летаютъ къ людямъ и вселяются въ нихъ, отъ чего такъ много бѣснующихся *(Этнограф. сборникъ V, 9)*. Падающія звѣзды слывутъ также въ народѣ за признакъ лишенія дѣвицъ невинности. Надъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, въ той семьѣ, по повѣрью, дѣвица утратила дѣвственность ..

Явленіе кометъ, какъ извѣстно, также всегда было страшнымъ знаменіемъ для суевѣрія. Въ древней Руси, невѣжество видѣло въ кометахъ знаменіе политическихъ или общественныхъ несчастій. Напримѣръ, въ лѣтописяхъ часто встрѣчаемъ такія сказанія: «Въ лѣто 1382 бысть такое проявленіе: по многія нощи являшеся таковое знаменіе на небеси: на востокѣ, предъ раннею зарею, *звѣзда* нѣкая, аки *хвостата* и акоже *копьйнымъ образомъ* овогда вечерней зарѣ, овогда же и во утренней, тоже многажды бываше. Се же знаменіе проявляше злое пришествіе Тохтамышево на русскую землю и горькое поганыхъ татаръ нахожденіе на крестьяны»... Небо для нашего простаго народа—темна вода во облацѣхъ небесныхъ, необъятный предметъ грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ. Кромѣ суевѣрій славянской миѳологіи и средневѣковой астрологіи, въ народныхъ астрономическихъ заблужденіяхъ и суевѣріяхъ отразились въ грубыхъ формахъ византизмъ и финскія суевѣрія.

(Изъ сочин. А. П. Щапова. Жур. Мин. Народ. Пр., 1863 г. кн. 1—6 отд. IV).

92. Характеръ древне-русской образованности сравнительно съ западно-европейской.

...Въ то время, какъ римское богословіе развивалось посредствомъ схоластической философіи, писатели восточной церкви, не увлекаясь въ односторонность силлогистическихъ построеній, держались постоянно той полноты и цѣльности умозрѣнія, которыя составляютъ отличительный признакъ христіанскаго любомудрія. Ибо не надобно забывать, что все современное просвѣщеніе тогда сосредоточивалось въ Византіи. Древніе писатели христіанскіе и языческіе, и особенно писатели философы, были коротко знакомы образованнымъ Грекамъ,—и очевидные слѣды ихъ основательнаго изученія видны въ большей части духовныхъ твореній, до самой половины XV в., между тѣмъ какъ Западъ необразованный и, можно даже сказать, невѣжественный сравнительно съ Византіей, до самаго почти XIV в. обращался въ своемъ мышленіи почти единственно въ кругу однихъ латинскихъ писателей, за исключеніемъ только немногихъ грече-

ских. Только въ половинѣ XIV в. основана была первая ученая академія въ Италіи знаменитымъ монахомъ Варлаамомъ, учителемъ Петрарки,—тѣмъ самымъ несчастнымъ предателемъ православной церкви, который, заразившись западною увѣренностью въ своей логической разумности, отвергалъ нѣкоторые, непонятные ему, догматы христіанскаго ученія и былъ за то осужденъ Константинопольскимъ соборомъ и изгнанъ изъ Греціи съ безчестіемъ; но за то — тѣмъ съ большею честію принятъ въ Италіи.

Аристотель, безъ всякаго сомнѣнія, былъ лучше и основательнѣе извѣстенъ Грекамъ, чѣмъ Латинянамъ,—хотя, можетъ быть, безъ тѣхъ дополненій, которыми обогатили его арабскіе и латинскіе ученые, и которыя, до самаго паденія схоластическаго воспитанія въ Европѣ, составляли необходимое условіе всякого развитія ума на Западѣ. Однакоже въ греческихъ мыслителяхъ не только не видимъ мы особаго пристрастія къ Аристотелю, но напротивъ того, въ большой части изъ нихъ замѣчаемъ явное предпочтеніе Платона;—не потому, конечно, чтобы христіанскіе мыслители усвоивали себѣ языческія понятія того или другаго; но потому, вѣроятно, что самый способъ мышленія Платона представляетъ болѣе цѣльности въ умственныхъ движеніяхъ, болѣе теплоты и гармоніи въ умозрительной дѣятельности разума. Отъ того, почти тоже отношеніе, какое мы замѣчаемъ между двумя философами древности, существовало и между философіей латинскаго міра, какъ она выработывалась въ схоластикѣ, и тою духовною философіей, которую находимъ въ писателяхъ церкви восточной, особенно ясно выраженную въ св. отцахъ, жившихъ послѣ римскаго отпаденія.

Достойно замѣчанія, что эта духовная философія восточныхъ отцевъ церкви, писавшихъ послѣ X в., — философія прямо и чисто христіанская, глубокая, живая, возвышающая разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему, нравственно свободному умозрѣнію,—философія, которая даже и для невѣрующаго мыслителя могла бы быть поучительною, по удивительному богатству и глубинѣ и тонкости своихъ психологическихъ наблюденій,—не смотря однако же на всѣ свои достоинства (умозрительныя) была такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что не только никогда не была оцѣнена западными мыслителями; но, что еще увидительнѣе, до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною. По крайней мѣрѣ ни одинъ философъ, ни одинъ историкъ философіи, не упоминаетъ объ-ней,—хотя въ каждой исторіи философіи находимъ мы длинные трактаты о философіи индѣйской, китайской и персидской. Самыя творенія восточныхъ писателей оставались долго неизвѣстными въ Европѣ; многія до сихъ поръ еще остаются незнакомы имъ; другія хотя извѣстны, но оставлены безъ вниманія, ибо не были поняты; иныя изданы еще весьма недавно, и тоже не оцѣнены. — Нѣкоторые богословскіе писатели Запада, хотя и упоминали о нѣкоторыхъ особенностяхъ писателей восточныхъ, но такъ мало могли постигать эту особенность, что изъ ихъ словъ часто должно вывести заключеніе, прямо противоположное истинѣ.—Наконецъ ни въ одномъ почти изъ богословскихъ писателей Запада не замѣтно живаго слѣда того вліянія, которое необходимо должны бы были оставить на нихъ писанія восточной церкви, если бы они были извѣстны имъ хотя въ половину противъ того, какъ имъ извѣстны были писатели древне-языческіе: изъ этого должно исключить, можетъ быть, одного Ѳому Кемпійскаго,—или Герсона, если только книга, имъ приписываемая, принадлежитъ дѣйствительно имъ и не есть, какъ нѣкоторые полагаютъ, пере-

водъ съ греческаго, передѣланный нѣсколько по латинскимъ понятіямъ.

Конечно, въ писателяхъ восточной церкви, жившихъ послѣ отдѣленія римской, нельзя искать ничего новаго относительно христіанскаго ученія; ничего такаго, чтобы не находилось въ писателяхъ первыхъ вѣковъ Но въ томъ-то и заключается ихъ достоинство; — въ томъ-то и особенность ихъ, что они сохраняли и поддержали во всей чистотѣ и полнотѣ ученіе существенно христіанское, и—держась постоянно въ самомъ, такъ сказать, средоточіи истиннаго убѣжденія—отсюда могли яснѣе видѣть и законы ума человѣческаго, и путь, ведущій его къ истинному знанію, и внѣшніе признаки, и внутреннія пружины его разновидныхъ уклоненій.

Впрочемъ и древніе отцы церкви, жившіе еще до отдѣленія Рима и слѣдовательно равно признаваемые Востокомъ и Западомъ, не всегда одинаково понимались на Западѣ и на Востокѣ. — Это различіе могло произойти отъ того, что Востоку всегда были вполнѣ извѣстны *всѣ* писатели и учители вселенской церкви; западнымъ же ученымъ былъ знакомы преимущественно латинскіе и только нѣкоторые изъ греческихъ писателей, на которыхъ они тоже смотрѣли сквозь готовыя уже понятія, почерпнутыя ими у римскихъ учителей. Отъ того и въ новѣйшія времена, когда они уже короче познакомились съ греческою литературою, то все еще невольно продолжали смотрѣть на нее сквозь тоже ограниченное окно, если не съ цвѣтными, то съ тусклыми стеклами. Этимъ только можно объяснить себѣ, какимъ образомъ они могли такъ долго удерживаться въ односторонности своего разсудочнаго направленія, которое иначе должно бы было разрушиться отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ древнихъ отцовъ церкви. Сохраняя же свою односторонность, они или не замѣчали, или иногда даже вовсе не знали тѣхъ изъ древнихъ писателей, въ которыхъ особенно выражалась сторона, прямо противоположная этой ограниченности, и самодовольно отвергали ее подъ названіемъ *мистики!*

Отсюда, кромѣ различія понятій, на Востокѣ и Западѣ происходитъ еще различіе и въ самомъ способѣ мышленія богословско-философскомъ. Ибо, стремясь къ истинѣ умозрѣнія, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа; западные — болѣе о внѣшней связи понятій. Восточные, для достиженія полноты истины, ищутъ внутренней цѣльности разума: того, такъ сказать, средоточія умственныхъ силъ, гдѣ всѣ отдѣльныя дѣятельности духа сливаются въ одно живое и высшее единство. Западные напротивъ того, полагаютъ, что достиженіе полной истины возможно и для раздѣлившихся силъ ума, самодвижно дѣйствующихъ въ своей одинокой отдѣльности. Однимъ чувствомъ понимаютъ они нравственное; другимъ — изящное; полезное опять особымъ смысломъ. Истинное понимаютъ они отвлеченнымъ разсудкомъ, и ни одна способность не знаетъ, что дѣлаетъ другая, покуда ея дѣйствіе совершится. Каждый путь, какъ предполагаютъ они, ведетъ къ послѣдней цѣли, прежде чѣмъ всѣ пути сойдутся въ одно совокупное движеніе.—Безчувственный холодъ разсужденія и крайнее увлеченіе сердечныхъ движеній—почитаютъ они равно законными состояніями человѣка; и когда въ XIV в. узнали ученые Запада о стремленіи восточныхъ созерцателей: сохранять безмятежность внутренней цѣльности духа, — то издѣвались надъ этою мыслію, изобрѣтая для нее всякаго рода насмѣшливыя прозванія. Правда, они употребляютъ иногда тѣ же выраженія, какія и восточные, говоря «о внутреннемъ сосредоточеніи духа», о «собраніи ума въ себѣ» и т. д.; но подъ этими словами

обыкновенно разумѣютъ они другое: не сосредоточеніе, не собраніе, не цѣльность внутреннихъ силъ, а только ихъ крайнее напряженіе.—Вообще можно сказать, что центръ духовнаго бытія ими не ищется. Западный человѣкъ не понимаетъ той живой совокупности высшихъ умственныхъ силъ, гдѣ ни одна не движется безъ сочувствія другихъ; то равновѣсіе внутренней жизни, которое отличаетъ даже самыя наружныя движенія человѣка, воспитаннаго въ обычныхъ преданіяхъ православнаго міра: ибо есть въ его движеніяхъ,—даже въ самые крутые переломы жизни,—что—то глубоко спокойное, какая—то неискуственная мѣрность, достоинство и вмѣстѣ смиреніе, свидѣтельствующія о равновѣсіи духа, о глубинѣ и цѣльности обычнаго міросозерцанія. Европеецъ, напротивъ того, всегда готовый къ крайнимъ порывамъ, всегда суетливый,—когда не театральный,—всегда безпокойный въ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеніяхъ, только преднамѣреннымъ усиліемъ можетъ придать имъ искусственную соразмѣрность.

Ученія св. Отцовъ православной церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ сложился и воспитался коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта.

Обширная русская земля, даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества, всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ—бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія.

Изъ нихъ единообразно и единомысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно общее направленіе. Безразлично составляясь изъ всѣхъ классовъ народа, изъ высшихъ и низшихъ ступеней общества, духовенство въ свою очередь во всѣ классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпая ее прямо изъ первыхъ источниковъ, изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Царьградѣ, Сиріи и на св. Горѣ. И образованность эта такъ скоро возрасла въ Россіи и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспомнимъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII в. уже имѣли такія библіотеки, съ которыми многочисленностью томовъ едва могла равняться первая тогда на Западѣ библіотека парижская (1); что многіе изъ нихъ говорили на греческомъ и латинскомъ языкѣ такъ же свободно, какъ на русскомъ, а нѣкоторые знали притомъ и другіе языки европейскіе,—что въ уединенной тишинѣ монашескихъ келій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и переписывались—и до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ старинныхъ рукописяхъ словенскіе переводы тѣхъ отцовъ церкви, которыхъ глубокомысленныя писанія, исполненныя высшихъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, даже въ настоящее время едва ли каждому нѣмецкому профессору любомудрія придутся по силамъ мудрости. Наконецъ когда мы вспомнимъ, что эта

(1) Несторъ Шлецера, 1.

русская образованность была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита, и потому пустила такіе глубокіе корни въ жизнь русскую, что не смотря на то, что уже полтораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія; не смотря на то, что вся смыслящая часть народа своимъ воспитаніемъ и своими понятіями значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго русскаго быта, изгладивъ даже и память о немъ изъ сердца своего:—этотъ русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими, еще уцѣлѣлъ почти неизмѣнно въ нижнихъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ,—хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже не связанный господствомъ образующей мысли.

Какая же сила должна была существовать для того, чтобы произвести такое прочное дѣйствіе!—И эта твердость быта, слѣдствіе прежней образованности, замѣчается въ томъ самомъ народѣ, который такъ легко могъ измѣнить свою образованность языческую, когда принялъ христіанское ученіе.

Потому этотъ русскій бытъ и эта прежняя, въ немъ отзывающаяся, жизнь Россіи—драгоцѣнны для насъ особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепятственно на добровольно покорившіяся имъ племена словенскія. И не природныя какія-нибудь преимущества Словенскаго племени заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе: нѣтъ! племенныя особенности, какъ земля, на которую падаетъ умственное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; онѣ могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; могутъ наконецъ ему дать свободный ходъ на божьемъ свѣтѣ или заглушить его чужими растеніями; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени.

Какое бы ни было наше мнѣніе о пришествіи Варяговъ: добровольно ли вся русская земля призвала ихъ, или одна партія накликала на другую, но ни въ какомъ случаѣ это пришествіе не было нашествіемъ чужаго племени; ни въ какомъ случаѣ также оно не могло быть завоеваніемъ; ибо, если черезъ полтораста лѣтъ такъ легко можно было выслать ихъ изъ Россіи, или по крайней мѣрѣ значительную ихъ часть, то какъ же могли бы они такъ легко завоевать ее прежде? Какъ могли бы такъ безмятежно держаться въ ней противъ ея воли? (1). При нихъ спокойно и естественно совершалось образованіе ея общественныхъ и государственныхъ отношеній, безъ всякихъ насильственныхъ нововведеній, единственно въ слѣдствіе внутренняго устройства ея нравственныхъ понятій. Со введеніемъ же христіанства нравственныя понятія рус. человѣка измѣнились; а вмѣстѣ съ ними и его общежительныя отношенія, и потому все общественное устройство рус. земли должно было въ своемъ развитіи принять также направленіе христіанское.

Лучшимъ выраженіемъ той готовности, съ какою Русскій человѣкъ стремился съ самаго начала осуществить въ своей жизни всю полноту принятаго имъ новаго убѣжденія, можетъ служить первое, еще необдуманное желаніе св. Владиміра: прощать всѣмъ преступникамъ. Сама церковь первая остановила его отъ исполненія этого желанія, положивъ такъ. обр. различіе между обязанностями лично-духовными и свѣтски-правительственными. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила она, съ начала навсегда, твердыя границы между

(1) См. о древ. Рус. Исторіи П. В. Кирѣевскаго Москвит. 1845 г. № 3.

собою и государствомъ, между безусловною чистотою своихъ высшихъ началъ и житейскою смѣшанностію общественнаго устройства: всегда оставаясь внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недосягаемый свѣтлый идеалъ, къ которому они должны стремиться, и который самъ не смѣшивался съ ихъ земными пружинами. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, церковь православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею, или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски—правительственную, или еще менѣе,—искать формальнаго господства надъ правительственною властію. Государство, правда, стояло церковью: оно было тѣмъ крѣпче въ своихъ основахъ, тѣмъ связнѣе въ своемъ устройствѣ, тѣмъ цѣльнѣе въ своей внутренней жизни, чѣмъ болѣе проникалось ею. Но церковь никогда не стремилась быть государствомъ, какъ и государство въ свою очередь, смиренно сознавая свое мірское назначеніе, никогда не называло себя *святымъ*. Ибо, если рус. землю иногда называли: *св. Русь*, то это единственно съ мыслію о тѣхъ святыняхъ мощей и монастырей и храмовъ божіихъ, которые въ ней находились; а не потому, чтобы ея устройство представляло сопроницаніе церковности и свѣтскости, какъ устройство «Св. Римской Имперіи».

Управляя такимъ образомъ общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ, церковь не облекала характеромъ церковности мірскихъ устройствъ, подобныхъ рыцарско-монашескимъ орденамъ, инквизиціоннымъ судилищамъ и другимъ свѣтско-духовнымъ постановленіямъ Запада; но, проникая всѣ умственныя и нравственныя убѣжденія людей, она невидимо вела государство къ осуществленію высшихъ христіанскихъ началъ, никогда не мѣшая его естественному развитію. И духовное вліяніе церкви на это естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое историческое препятствіе не мѣшало внутреннимъ убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Неискаженная завоеваніемъ русская земля въ своемъ внутреннемъ устройствѣ не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ другъ другу племенъ, принужденныхъ въ постоянной враждѣ устроивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другаго; ни истекающей оттуда политической и нравственной борьбы; ни сословнаго презрѣнія, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, слѣдственно, и необходимаго порожденія этой борьбы: искуственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городскія и дружина земская, всѣ классы и виды населенія, были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинакою потребностью общаго блага. Могло быть разномысліе въ какомъ-нибудь частномъ обстоятельствѣ; но въ вопросахъ существенныхъ—слѣдовъ разномыслія почти не встрѣчается.

Такимъ образомъ русское общество выросло самобытно и естественно, подъ вліяніемъ одного внутренняго убѣжденія, церковью и бытовымъ преданіемъ воспитаннаго. По тому именно въ немъ не было и мечтательнаго равенства, какъ не было и стѣснительныхъ преимуществъ. Оно представляетъ не плоскость, а лѣстницу, на

которой было множество ступеней; но эти ступени не были вѣчно неподвижными, ибо устанавливались естественно, какъ необходимые сосуды общественнаго организма: а не насильственно, случайностями войны, и не преднамѣренно, по категоріямъ разума...

Воображая себѣ русское общество древнихъ временъ, не видишь ни замковъ, ни окружающей ихъ *подлой* черни; ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля. Видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли русской разселенныхъ и имѣющихъ, каждая на извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя, и составляющихъ, каждая свое особое согласіе, или свой маленькій міръ: эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія большія согласія, которыя въ свою очередь составляютъ согласія областныя и наконецъ племенныя, изъ которыхъ уже слагается одно общее, огромное согласіе всей русской земли, имѣющее надъ собою великаго князя всея Руси, на которомъ утверждается вся кровля общественнаго зданія, опираются всѣ связи его верховнаго устройства (1).

Вслѣдствіе такихъ естественныхъ, простыхъ и единодушныхъ отношеній, и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характеръ искусственной формальности; но, выходя изъ двухъ источниковъ: изъ бытоваго преданія и изъ внутренняго убѣжденія, они должны были въ своемъ духѣ, въ своемъ составѣ и въ своихъ примѣненіяхъ, носить характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды: предпочитая очевидность существенной справедливости — буквальному смыслу формы; святость преданія — логическому выводу;

(1) Этотъ взглядъ славянофиловъ до крайности развитъ впослѣдствіи А. П. Щаповымъ. См.

нравственность требованія — внѣшней пользѣ. Я говорю, разумѣется, не о томъ или другомъ законѣ отдѣльно; но о всей, такъ сказать, наклонности (тенденціи) древнерусскаго права. Внутренняя справедливость брала въ немъ перевѣсъ надъ внѣшнею формальностію.

Между тѣмъ, какъ римско-западная юриспруденція отвлеченно выводитъ логическія заключенія изъ каждаго законнаго условія, говоря: форма — *это самый законъ*, — и старается всѣ формы связать въ одну разумную систему, гдѣ бы каждая часть, по отвлеченно умственной необходимости, правильно развивалась изъ цѣлаго, и все вмѣстѣ составляло, нетолько разумное дѣло, но *самый написанный разумъ;* право обычное, напротивъ того, какъ оно было въ Россіи, выростая изъ жизни, совершенно чуждалось развитія отвлеченно-логическаго. Законъ въ Россіи не изобрѣтался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами; не обсуживался глубокомысленно и краснорѣчиво въ какомъ-нибудь законодательномъ собраніи, и не падалъ потомъ, какъ снѣгъ на голову, посреди всей удивленной толпы гражданъ, ломая у нихъ какой-нибудь уже заведенный порядокъ отношеній...

Въ итогѣ разницы характера просвѣщенія западно-европейскаго и древне-русскаго остаются слѣдующія черты: христіанство проникало въ умы западныхъ народовъ черезъ ученіе одной римской церкви, — въ Россіи оно зажигалось на свѣтильникахъ всей церкви православной; богословіе на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности, — въ православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ раздвоеніе силъ разума, здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ исканіе наружнаго, мертваго единства, — здѣсь стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ церковь смѣ-

шалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и сливая церковное и мірское значеніе въ одно устройство, смѣшаннаго характера, — въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мірскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты, — въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ, — здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познаванію; тамъ взаимное прорастаніе образованности языческой и христіанской, — здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія, — здѣсь изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій, — въ древней Россіи ихъ единодушная совокупность, при естественной разновидности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльныя государства, — здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность — первое основаніе гражданскихъ отношеній, — здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность формально-логическая, — здѣсь выходящая изъ быта; тамъ наклонность права къ справедливости внѣшней, — здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу, — здѣсь, вмѣсто наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія, — здѣсь они раждались естественно изъ быта; тамъ улучшенія всегда совершались насильственными перемѣнами, — здѣсь стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій, — здѣсь незыблемость основнаго убѣжденія; тамъ прихоть моды, — здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности, — здѣсь крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и искусственность жизни, — здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности, — здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа, при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ, — у Русскаго — глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія, при постоянной недовѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія. Однимъ словомъ — тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго; — въ Россіи, напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго...

Отъ чего же образованность русская не развилась полнѣе образованности европейской, прежде введенія въ Россію просвѣщенія западнаго? Отъ чего не опередила Россія Европу?...

Особенность Россіи заключалась въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое христіанское ученіе получило въ ней, — во всемъ объемѣ ея общественнаго и частнаго быта. Въ этомъ состояла главная сила ея образованности; но въ этомъ же таилась и главная опасность для ея развитія. Чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что человѣку легко было смѣшать ихъ значи-

тельность, и наружную форму уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ.

...Можетъ быть, начало этого неравновѣсія должно искать рано; но въ XVI в. оно уже становится видимымъ... Уваженіе къ преданію, которымъ стояла Россія, нечувствительно для нея самой, перешло въ уваженіе болѣе наружныхъ формъ его, чѣмъ его оживляющаго духа.— Оттуда произошла та односторонность въ русской образованности, которой рѣзкимъ послѣдствіемъ былъ Іоаннъ Грозный, и которая, черезъ вѣкъ послѣ, была причиною расколовъ, и потомъ своею ограниченностью должна была въ нѣкоторой части мыслящихъ людей произвести противоположную себѣ, другую односторонность: стремленіе къ формамъ чужимъ и къ чужому духу.

(*Изъ статьи П. В. Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи.“ Моск. Сборн. 1852 г. I, 1—68, Москвит. 1845 III, 11—52*).

Русскую исторію сначала разработывали Нѣмцы—Шлецеръ, Эверсъ, Миллеръ,—и внесли въ нее ходячія нѣмецкія теоріи, которымъ рабски слѣдовали русскіе историки и не смѣли подвергать ихъ собственному анализу. Формы государственной жизни служили главнымъ предметомъ историческихъ изслѣдованій: о народѣ многочисленномъ исторіки совсѣмъ забыли. К. С. Аксаковъ и вообще всѣ славянофилы являются первыми защитниками русскаго народа и противниками узкихъ нѣмецкихъ теорій (1). *Не принадлежа къ народу и не имѣя съ нимъ жизненной связи, Нѣмцы не могли истолковать правильно минувшую судьбу русской жизни. Изображеніе князей, войнъ, дипломатическихъ переговоровъ недостаточно для знанія русской исторіи, какъ твердили западные учителя. Намъ нужно знаніе народнаго быта, изученіе общественныхъ внутреннихъ причинъ явленій русской жизни. Соловьевъ, по словамъ Аксакова, сдѣлался послѣдователемъ Нѣмца Эверса, провозгласивъ въ наукѣ ученіе о родовомъ бытѣ и образовалъ свою ученую партію* (1). *Всѣ народы проходили чрезъ первоначальную степень родоваго быта, думаютъ послѣдователи Соловьева; но Аксаковъ доказалъ, что эта теорія о родовомъ бытѣ у русскихъ Славянъ, совершенно произвольна. Заслуга Аксакова очень значительна въ томъ отношеніи, что онъ убилъ фальшивую теорію родоваго быта и указалъ на основаніе быта общинное или вѣчевое. Народъ управлялся своимъ вѣчемъ и вмѣшивался въ княжескую борьбу въ крайнемъ случаѣ; дружина была стихіею чуждою народу. Главный недостатокъ воззрѣній славянофиловъ тотъ, что они представляли слишкомъ идеально древне-русскую жизнь и проводили рѣзкія черты тамъ, гдѣ ихъ небыло. Сознавая, какимъ явленіе должно быть, они мало обращали вниманія на то, что это явленіе было не такимъ на самомъ дѣлѣ, какъ они его представляютъ отвлеченно отъ жизни. Они черезчуръ увлекались московскимъ патріотизмомъ, въ противоположность теоріи западниковъ, превозносившихъ все не русское, и потому у нихъ картина древняго русскаго быта нарисована слишкомъ идеально, привлекательными чертами и въ грандіозныхъ размѣрахъ.*

О заслугахъ славянофиловъ вообще и въ частности о трудахъ К. С. Аксакова по русской исторіи см. рѣчь *Н. И. Костомарова.* Актъ спб. универс. 1861 г.; также въ Рус. Словѣ. 1861.

(1) Москвит. Сборн. 1852 г., т. I, стр. 49—140, въ статьѣ: »О древнемъ бытѣ у Славянъ и у русскихъ въ особенности.«

93. О книжной литературѣ.

Древній періодъ нашей письменности представляетъ много началъ, развитіе которыхъ могло бы дать средства къ самостоятельной и разнообразной дѣятельности въ литературѣ; характеръ первыхъ произведеній ея обнаруживаетъ благопріятныя условія, въ которыхъ народныя поэтическія стремленія не были заглушаемы вліяніемъ чужой литературы, и, напротивъ, очень ярко выражали свои права. Внѣшнія отношенія ставили правда русскихъ авторовъ въ зависимость отъ литературы византійской, наслѣдованную нами черезъ южно-славянское посредничество; но эта зависимость не была совершеннымъ подчиненіемъ, и ея дѣйствіе умѣрялось свѣжей привязан-

(1) Мнѣніе о родовомъ бытѣ принято было и проповѣдывано Кавелинымъ, Афанасьевымъ, Колачевымъ и друг.

ностью къ началамъ національнымъ. Тринадцатое столѣтіе открыло новый періодъ въ умственной и нравственной жизни древней Руси: внѣшнія несчастія, стѣсненіе самобытности должны были невыгодно отразиться и въ литературѣ, и дѣйствительно эпоха татарскаго владычества положила замѣтный отпечатокъ на ея памятникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многія произведенія до татарскаго періода или совершенно погибли, или остались уединенными свидѣтелями того, въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ направленіи могло совершаться прежде литературное движеніе. До насъ дошло только незначительное число рукописей этого времени; рукописи, а съ ними и самыя сочиненія, терялись отъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, такъ что о многихъ памятникахъ мы можемъ только догадываться; потому очень часто трудъ изслѣдователя древнѣйшей русской словесности состоитъ только въ томъ, чтобы возстановить по возможности ея фактическій составъ и объемъ.

Во внѣшней ея исторіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣсная связь ея съ византійской литературой среднихъ вѣковъ, связь, которая и по извѣстнымъ нынѣ памятникамъ можетъ быть опредѣлена довольно точно. Не говоря о множествѣ сочиненій духовнаго содержанія, принятыхъ нами вмѣстѣ съ христіанствомъ, и которыхъ весьма древніе списки уцѣлѣли до сихъ поръ,— переводы греческихъ хронографовъ начались почти одновременно съ первыми попытками русской литературной дѣятельности. Знаніе хронографовъ дало первому нашему лѣтописцу возможность представить въ началѣ своего труда короткій, но точный космографическій очеркъ; переводъ Малалы несомнѣнно принадлежитъ десятому вѣку, столько же древенъ и Амартолъ, слѣды котораго въ Несторѣ указывалъ еще Альтеръ (Philol. krit. Miscell. Wien 1799. 99—100). Въ историческихъ хронографахъ заключался переходъ къ произведеніямъ чисто-литературнаго характера, какія перешли къ намъ въ послѣдствіи также изъ византійскаго источника; но нѣкоторымъ, неяснымъ впрочемъ, намекамъ и эти послѣднія можно отнести къ отдаленной старинѣ. Были ли всѣ эти произведенія трудомъ собственно русскихъ переводчиковъ— другой вопросъ, покрайней мѣрѣ ихъ не прямо—русское происхожденіе не мѣшало ихъ дѣйствію на читателей и они помогали между тѣмъ расширенію русскаго литературнаго запаса.

Тотъ широкій путь, которымъ переходили къ русскимъ читателямъ византійскія произведенія, составляли болгарская и сербская письменность, во все время ихъ цвѣтущаго состоянія. Многое, на что у насъ смотрѣли иногда какъ на русское, было принадлежностію литературъ южно-славянскихъ; но переходя къ намъ, въ нихъ оно иногда не оставляло никакихъ слѣдовъ своего существованія. Памятники болгарскіе сохранились большею частію въ русскихъ спискахъ, передѣлывавшихъ особенности старо-славянскаго текста и только у насъ они получили въ послѣдствіи важное значеніе,—какъ древніе переводы византійцевъ для позднѣйшихъ составителей хронографовъ. Сближеніе словесности южно-славянской съ нашею, обусловливалось съ одной стороны единствомъ литературнаго языка, съ другой единствомъ исповѣданія и проистекавшими изъ него обстоятельствами. Взаимное общеніе народовъ приводило къ намъ духовныхъ учителей изъ Болгаріи и Сербіи; они приносили къ намъ памятники своей литературы, важные тѣмъ болѣе, что были очень понятны и для русскаго читателя. Въ числѣ главныхъ органовъ этого посредничества долго была Аѳонская гора; уже давно упоминаются путешествія русскихъ къ святогорскимъ обителямъ, и давно русскіе получили тамъ право гражданства. Тамъ составлялись переводы греческихъ писателей; тамъ писалось множество рукописей, которыя приносимы были потомъ въ Россію и расходились по всѣмъ ея краямъ. Въ послѣдствіи характеръ сношеній много измѣнился, когда съ паденіемъ Византіи и Аѳонская гора подвергалась преслѣдованію и угнетенію; и тогда однако она не переставала посвящать русскимъ плоды своей дѣятельности; въ XVI столѣтіи имя Максима Грека блистательнымъ образомъ напоминало объ Аѳонской горѣ. Наконецъ, аѳонскіе иноки приходили въ Россію всего больше въ надеждѣ на помощь и за милостынею отъ царя и народа. Еще раньше кончилось содѣйствіе нашему образованію со стороны Болгаръ и Сербовъ: съ паденіемъ политическимъ прекратилось у нихъ и развитіе литературное, такъ что наконецъ у нихъ непоявлялось ни своихъ новыхъ произведеній, ни переводовъ; литература сербскаго языка жила только въ Дубровницкихъ памятникахъ, явившихся независимо отъ старинной словесности Сербіи православной. Какъ бы въ замѣнъ прежняго, въ Болгаріи и Сербіи распространялись уже русскіе памятники, даже самые списки русской редакціи.

Несомнѣнны однако и прямыя отношенія нашей литературы съ византійскою. Переводы съ греческаго дѣлались и дома на Руси; языкъ этотъ былъ извѣстенъ многимъ, при томъ къ намъ постоянно собиралось много греческихъ выходцевъ. Лѣтопись отмѣчаетъ иногда самые переводы, какъ фактъ любопытный; такъ въ софійскомъ временникѣ упомянуто о переводѣ поэмы Георгія Писида—«Похвала къ Богу о сотвореніи всея твари.» Въ соединеніи съ тѣмъ, что досталось намъ изъ южно-

славянскаго источника, русская письменность обнаруживаетъ обширное знакомство съ разными отраслями византійской литературы, и теперь сохраняетъ многіе памятники этой послѣдней, не извѣстные въ греческомъ подлинникѣ; точно также она сберегала многіе южно-славянскіе переводы. При изученіи памятниковъ византійской повѣствовательной или поэтической литературы, извѣстной вообще очень мало, необходимо обратиться и къ старинной русской письменности, гдѣ иногда остается ихъ единственный слѣдъ....

У насъ были извѣстны и любимы очень многія изъ тѣхъ произведеній, которыя были знамениты въ средневѣковой литературѣ и принадлежали къ самымъ характеристическимъ явленіямъ ея. Старинная повѣсть наша представляетъ и другія любопытныя стороны. Прежде всего она имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; въ своемъ отношеніи къ читателю, она не имѣла тѣхъ интересовъ, какіе соединялись съ произведеніями историческими и чисто—назидательными,—при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій, она занимала своимъ болѣе или менѣе поэтическимъ содержаніемъ, и слѣдовательно отвѣчала только чисто литературнымъ потребностямъ читателей. Съ другой стороны повѣсть наша представляетъ не мало данныхъ по отношенію къ народной жизни и понятіямъ, которыя она въ себѣ отражала...

Какъ главную отрицательную черту надобно замѣтить особенную бѣдность произведеній самобытно-русскихъ въ этомъ большомъ собраніи разнообразныхъ сказаній, повѣстей, сказокъ и романовъ. Народный эпосъ не сдѣлался у насъ источникомъ для письменныхъ произведеній, какъ было у Чеховъ, имѣвшихъ судъ Любуши и Краледворскую рукопись. Напротивъ, наша народная словесность, какъ болгарская и сербская, издавна заключалась въ самой себѣ и начала отдѣльное существованіе. Слово о полку Игоревѣ становится явленіемъ, какъ произведеніе, нераздѣльно связанное съ народнымъ эпосомъ и по духу и по внѣшней отдѣлкѣ. Извѣстныя условія старинnаго образованія выдвинули на первый планъ историческую и духовную отрасль литературы, и это направленіе почти съ одинакой силой удерживалось во всемъ старомъ періодѣ. Строгая исключительность этого направленія не допустила свободнаго выраженія началъ народно-поэтическихъ: эти послѣднія слишкомъ сильно проникались всѣмъ богатствомъ народныхъ вѣрованій и вмѣстѣ съ ними вызвали противъ себя горячую и непрерывную полемику. Какъ древніе наши писатели вооружались противъ «пѣсенъ и игрищъ бѣсовскихъ», такъ XVII столѣтіе считало предосудительнымъ и потому запрещало «сказки сказывать небылыя и загадки загадывать.»

Восполненіемъ недостатка въ повѣсти русской, по содержанію и происхожденію, служила обширная и популярная литература иноземныхъ сказаній. Любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ и романическимъ разсказамъ находили пищу въ многочисленныхъ переводахъ, которыми словесность наша наводнена была съ древнѣйшаго времени. Отъ X до XVIII столѣтія, сначала старо-славянская, потомъ русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоятельными редакціями сказаній, расходившихся въ тоже время и въ западно-европейской литературѣ. Чтобы вѣрно понять, какая роль предназначена была этимъ переводамъ въ нашемъ популярномъ чтеніи древней эпохи, не должно забывать, что въ старину смотрѣли на переводъ вовсе не съ той точки зрѣнія, какъ смотрятъ теперь. И переводъ и передѣлка въ наше время не могутъ усвоить литературѣ чужаго произведенія и ничего не прибавляютъ къ собственнымъ ея результатамъ, потому что внутренній смыслъ переводнаго сочиненія остается по прежнему не сроденъ литературѣ. Въ старину, напротивъ, быть можетъ отъ не слишкомъ большей разборчивости читателей, чужое и переводное принимали, какъ свое оригинальное. О книгѣ судили по ближайшимъ чертамъ содержанія, и считая переводъ за русское сочиненіе, также легко и чисто-русское произведеніе приписывали чужимъ писателямъ: такъ многія русскія поучительныя слова отнесены, въ рукописяхъ, къ І. Златоусту. При этомъ взглядѣ переводъ терялъ и свою иноземную внѣшность: оставляя безъ измѣненія общія мысли, переводчикъ или лучше сказать передѣлыватель замѣнялъ частныя, національныя черты подлинника другими, взятыми изъ русскаго быта, потому, что хотѣлъ быть понятнѣе для читателей, или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло. Отъ того книга, передѣланная на русскіе нравы, теряла свою исключительную физіономію и находила больше сочувствія у читателей. То же явленіе, но иногда въ размѣрахъ гораздо большихъ, повторялось въ западныхъ литературахъ этого времени и вообще очень естественно въ литературѣ начинающейся, которая не имѣетъ понятія о литературной собственности и слѣдуетъ не хитрому правилу «брать свое добро тамъ, гдѣ находишь его.» Простодушіе, съ какимъ тогда поддѣлывали и травестировали чужое произведеніе, даетъ много цѣны этимъ новымъ вставкамъ и перемѣнамъ, потому что онѣ прямо взяты изъ той среды, къ которой авторъ ихъ принадлежалъ. Однако, здѣсь не было обыкновенно никакого преднамѣреннаго желанія передѣлывать; оно было бы выше понятій того времени, дѣло совершалось

само собой. Писанныя литературы всегда и вездѣ подвержены были вліянію интерполяціи: каждый усердный читатель дѣлалъ на поляхъ своей рукописи различныя замѣтки, прибавлялъ глоссы и синонимы, которые другой вносилъ въ самый текстъ, такъ что мало по малу начиналась сильная порча текста, отъ которой недалеко до передѣлки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвѣстнаго слова или названія; другой оставлялъ текстъ и удерживалъ комментарій, третій распространялъ его и т. д., и въ крайнемъ предѣлѣ интерполяціи переводное произведеніе получало уже новый колоритъ, приближавшій его къ національности переводчика, и до нѣкоторой степени могло замѣнить недостатокъ сочиненій оригинальныхъ.

Къ такому разряду переводовъ принадлежали первыя повѣсти, занесенныя къ намъ изъ византійской литературы и отличающія первый періодъ нашей письменности. Эта эпоха была у насъ временемъ тѣснаго общенія съ дѣятельностію южно-славянской. Русскіе пріобрѣтали по большей части готовыя сказанія, которыя появлялись сперва въ южно-славянской письменности и потомъ легко переходили въ русскую, при единствѣ литературнаго языка и одинаковости интересовъ образованія. Новые памятники болѣе и болѣе укрѣплялись на русской почвѣ, такъ что впослѣдствіи уже только на ней продолжали свое существованіе: многіе изъ памятниковъ южно-славянскихъ, извѣстные теперь по нашимъ древнимъ редакціямъ, до сихъ поръ еще не были встрѣчены въ рукописяхъ сербскихъ и болгарскихъ. Греческая литература легко могла удовлетворять потребностямъ старо-славянской письменности, потому что въ повѣствовательномъ отдѣлѣ ея сохранялось многое изъ классическаго наслѣдья, и, кромѣ того, находилось значительное собранье восточныхъ и западныхъ сказаній, повѣстей и легендъ. Она стояла тогда на границѣ между литературами западной Европы и востока: Византія, съ одной стороны, сообщала Арабамъ произведенія блестящаго времени греческой литературы—творенія Аристотеля, Эвклида, Гиппократа, Птоломея, Платона, съ другой сама знакомилась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ индѣйскимъ, доходившимъ до нея путемъ сирійскихъ, арабскихъ и персидскихъ переводовъ; по связямъ съ народами германскими и романскими, для нея доступны были и сказанья западно-европейскія. Южно-славянское посредничество принесло къ намъ многія повѣсти изъ этого источника: и сказанія классической древности, передѣланныя подъ вліяніемъ позднѣйшихъ понятій и одѣтыя въ средневѣковую одежду, какъ баснословная исторія Александра Македонскаго, приписываемая псевдо-Каллисѳену, повѣсть о троянской войнѣ и сказочныя произведенія востока, или извѣстныя и западной Европѣ въ новѣйшихъ обработкахъ, какъ знаменитая Калила-и-Димна, или Стефанитъ и Ихнилатъ, или же знакомыя только въ литературѣ византійской, какъ любопытная сказка изъ Тысячи и одной ночи, Синагрипъ и мудромъ его министрѣ; и произведенія, навѣянныя христіанскою жизнью, отчасти сохранившія легендарный характеръ, отчасти смѣшанныя съ другими формами повѣсти, какъ исторія Варлаама и Іосафата; и средневѣковыя преданья о чудныхъ странахъ, одинаково любимыя и въ Византіи и въ западной Европѣ, какъ преданье о царѣ-пресвитерѣ Іоаннѣ. По старинной повѣсти о Дѣяніи Девгеніевѣ можно заключать, что у насъ не были чужды и византійскія героическія сказанья, до сихъ поръ очень мало разработанныя: противоположность византійскаго міра съ азіатскимъ, какъ борьба западныхъ народовъ съ завоевателями Палестины, несомнѣнно должна была выразиться подобными сказаньями, не смотря на то, что по своему схоластическому направленію греческая литература византійской эпохи всего менѣе способна была къ чему-либо, похожему на героическій эпосъ. Наконецъ уже давно между произведеніями, явившимися въ южно-славянской письменности изъ Византіи, показываются тѣ народно-апокрифическія преданья, какія вообще играли очень важную роль въ средніе вѣка и у насъ получали развитіе довольно своеобразное. Ихъ извѣстность не ограничивалась и не обусловливалась только письменными памятниками: основанные первоначально на чужомъ преданьѣ, эти разсказы расходились не столько письменно, сколько путемъ устной передачи, и потому не мудрено, что въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ихъ по спискамъ позднимъ, онѣ обнаруживаютъ извѣстное родство съ формами и даже содержаніемъ чисто народнаго эпоса. Такъ наши повѣсти о Соломонѣ или отдѣльными подробностями или и въ цѣломъ составѣ повторяются въ народной словесности: одна изъ сербскихъ* сказокъ »о премудромъ Соломонѣ,« представляетъ неоспоримые слѣды единства съ нашимъ старинным намятникомъ.

Весьма отличительная черта болѣе древнихъ повѣстей нашихъ заключается именно въ томъ, что онѣ принимаемы были со всей свѣжестью интереса и приходились къ понятіямъ читателей: на нихъ уже скоро оказался русскій оттѣнокъ и потому въ ихъ заимствованномъ содержаніи можно иногда встрѣтиться съ такими же вѣрными замѣтками или упоминаніями о русскомъ бытѣ и съ выраженіемъ господствовавшихъ у насъ понятій, какъ въ русскихъ сочиненіяхъ того же времени. Впрочемъ, это можно сказать почти только о древнихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Произведенія письменности южно-славянской перестали приходить къ намъ, по крайней мѣрѣ въ прежнемъ количествѣ, уже около

XIV столѣтія: съ паденіемъ политической независимости южно-славянскихъ государствъ, упала и литературная дѣятельность; читалось и списывалось только то, что осталось отъ предыдущей эпохи. Русская письменность не могла вознаградить этого недостатка уже потому, что и въ ней время татарскаго владычества отозвалось замѣтнымъ усыпленіемъ и застоемъ. По этому XIV и XVI столѣтія нашей литературы представляютъ не только мало замѣчательнаго въ повѣствовательномъ родѣ, но даже и мало рукописей, посвященныхъ повѣсти и сказкѣ. Древнѣйшіе списки большею частію вовсе не дошли до нашего времени, и почти все содержаніе старинной повѣсти нашей извѣстно теперь изъ рукописей и сборниковъ XVII вѣка, обнаруживавшаго большую любовь къ этому чтенію. Съ этой поры открывается новый періодъ нашей повѣсти, оставаясь, какъ и прежде, переводною по преимуществу, она увеличивала свой объемъ и, усвоивая мало-по-малу чужіе разсказы, перешла и къ собственнымъ попыткамъ, болѣе или менѣе замѣчательнымъ. Но для нея былъ уже закрытъ источникъ, которымъ она пользовалась прежде, литература падшей Византіи не доставляла намъ своихъ памятниковъ, хотя пріѣзды ученыхъ Грековъ, приносившихъ съ собой разныя произведенія, не прекращались до Петра В. Въ замѣнъ того образовались новыя литературныя сношенія, сблизившія нашу повѣсть съ романтической поэзіей средневѣковой Европы..,

Западные памятники, хотя и очень охотно приняты были нашими читателями, но вообще не получали въ глазахъ ихъ такой цѣны, какую имѣли въ свое время сказанія византійской эпохи. Они любопытны, впрочемъ, иногда и по своей роли въ нашей словесности, и по отношенію къ средневѣковой романтической литературѣ. Большая часть и византійскихъ и западныхъ произведеній, извѣстныхъ у насъ въ старину, принадлежатъ къ тому кругу поэтическихъ созданій, которымъ ученые изслѣдователи романтическаго эпоса дали удачное названіе «странствующихъ» (**Wandernde Dichtungen**). При всемъ различіи своего происхожденія—восточнаго или западнаго азіатскаго или европейскаго, онѣ сходны были въ одномъ, своей всеобщей извѣстности. Это странствованіе поэтическихъ произведеній было до того обыкновеннымъ и почти необходимымъ явленіемъ, что каждое замѣчательное сказаніе или повѣсть расходились повсюду, и у разныхъ народовъ, видоизмѣняя свою физіономію, получали длинную литературную исторію, не лишенную характеристическихъ особенностей. Такъ было съ германскими и романскими сказаніями, которыя хотя и возникали въ отдѣльной національности, какъ саги о Дитрихѣ Бернскомъ, романы объ Артурѣ или Карлѣ В., но тѣмъ не менѣе становились общимъ достояніемъ народовъ западноевропейскихъ, отчасти по причинѣ ихъ тѣснаго политическаго сближенія, отчасти по единству ихъ нравственныхъ интересовъ, развившихся подъ одинаковыми условіями образованія. Тоже было и съ преданьями о событіяхъ и лицахъ классическаго міра, и разсказами, пришедшими изъ Византіи и съ Востока: баснословная исторія Александра, Троянскія сказанья, повѣсть о семи мудрецахъ, Калила-и-Димна, въ каждой западной литературѣ имѣли своихъ представителей и пользовались почетомъ. Множество мелкихъ разсказовъ, новеллы, анекдотическія повѣсти, отчасти принадлежавшіе народной словесности, распространялись также быстро и обширно, какъ и основные памятники романтическаго эпоса,.... Памятники русской старинной письменности еще на одну степень раздвигаютъ этотъ кругъ странствованій, открывая иногда до сихъ поръ неопредѣленные факты его исторіи. Такимъ образомъ, нашъ переводъ одной сказки изъ Тысячи и одной ночи, сдѣланный безъ сомнѣнія съ греческаго, указываетъ, что въ литературѣ византійской извѣстенъ былъ и этотъ знаменитый сборникъ вмѣстѣ съ другими сказочными сборниками Востока, и слѣдовательно даетъ: новое средство объяснять сходство, какое находятъ въ его содержаніи со многими изъ старинныхъ повѣстей западно-европейскихъ. «Дѣяніе Девгеніево,» переведенное въ древнюю эпоху нашей письменности, и кажется не извѣстное изъ греческихъ источниковъ, имѣетъ не малую цѣну для исторіи средневѣковаго эпоса въ литературѣ византійской, какъ остатокъ самобытнаго героическаго романа византійской эпохи. Подобнымъ образомъ, болѣе поздное русское сказанье, основанное на миѳахъ о Соломонѣ, подтверждаетъ родственность нѣкоторыхъ памятниковъ германскаго эпоса съ преданьями византійскими, сближая нѣмецкое стихотвореніе XV вѣка съ его предполагаемымъ греческимъ источникомъ.....

Народная поэзія не была въ нашей письменности корнемъ литературнаго развитія и даже не имѣла въ ней замѣтной роли; но, говоря о старинной повѣсти, нельзя незамѣтить нѣкоторыхъ, большею частью внѣшнихъ, отношеній и связей народной поэзіи, съ произведеніями книжными. Легко ожидать подобнаго явленія, если старинная повѣсть обращалась въ обширной массѣ разнородныхъ читателей, и, какъ мы видѣли, встрѣчала иногда живое сочувствіе. Достаточно нѣсколькихъ сближеній, чтобы убѣдиться, что, какъ элементы книжные входили въ содержаніе народнаго эпоса, такъ и въ сказаніяхъ переводныхъ, извѣстныхъ по старинныхъ сборникамъ, многое преобразовалось въ иныя формы отъ вліянія народно-поэтическаго взгляда.

Чужія повѣсти иногда особенно занимали читателей по какимъ нибудь чертамъ своего содержанія, безпрестанно переписывались и расходились въ новыхъ спискахъ. Извѣстно, какимъ удивительнымъ превращеніямъ подвергается иногда въ рукописныхъ литературахъ одно и тоже произведеніе: сравнивъ нѣсколько списковъ какой нибудь любимой встарину повѣсти, можно безъ труда видѣть, что все множество варіантовъ часто бываетъ только слѣдствіемъ обширнаго распространенія повѣсти, переходившей во всѣ стороны и во всѣ разряды читателей. Не говоря о томъ, что при подобномъ распространеніи внѣшнія подробности сглаживались подъ русскія формы, самое изложеніе много выигрывало въ пользу народности склада и языка. На этомъ и останавливались большею частью передовыя повѣсти. Но случалось, что эти травестированные разсказы смѣшивались съ оригинальными произведеніями народа и, не смотря на чужое происхожденіе, получали право гражданства въ нашемъ сказочномъ эпосѣ; герои переведенныхъ повѣстей изображались тѣми же красками, какъ богатыри сказокъ и былинъ. Такъ, по свидѣтельству знатоковъ, варіанты рукописныхъ сказаній о Соломонѣ повторяются въ малорусскихъ преданьяхъ; такъ итальянскій романъ XIII—XIV вѣка превратился въ русскую народную сказку о Бовѣ королевичѣ. Тѣмъ же путемъ произошли многіе изъ нашихъ народныхъ анекдотовъ, въ которыхъ хотѣли видѣть проявленіе русскаго юмора, и которые однако составляютъ принадлежность нѣмецкой или вообще западной анекдотической литературы среднихъ вѣковъ. Извѣстныя лубочныя изданія, съ XVII вѣка занимающія важное мѣсто въ народномъ чтеніи, представляютъ много заимствованныхъ разсказовъ, принадлежащихъ старинной рукописной повѣсти.

Съ другой стороны чисто-народныя произведенія подвергались книжному вліянію. Въ нихъ очень легко могли появиться отдѣльныя подробности чуждаго происхожденія; въ кругъ народныхъ знаній давно перешли новыя повѣрья о чудныхъ далекихъ странахъ, дивныхъ звѣряхъ и птицахъ, заключенныя сначала въ передовыхъ сборникахъ, въ родѣ средневѣковаго »физіолога«, и потомъ распространившіяся посредствомъ азбуковниковъ и имъ подобныхъ популярныхъ книгъ; отсюда они появлялись въ пѣснѣ, былинѣ, и можетъ быть въ сказкѣ. Такой переходъ миѳовъ во многихъ случаяхъ можно считать болѣе естественнымъ, чѣмъ живое преданіе, которому нерѣдко даютъ слишкомъ обширное значеніе. Иногда народная поэзія заимствовала и цѣлые сюжеты изъ книжныхъ преданій и повѣстей; это должно было произойти конечно тамъ, гдѣ сфера книжнаго знанія относилась къ живѣйшей струнѣ въ народныхъ понятіяхъ и могла по этому служить эпическимъ матеріаломъ, и отсюда явились оноэтизированные сюжеты духовныхъ стиховъ »объ Алексѣѣ божіемъ человѣкѣ,« о »Ѳедорѣ Тиронѣ,« о »Борисѣ и Глѣбѣ,« даже стихи о »Голубиной книгѣ,« о »Георгіи храбромъ« и другіе. Молитвы послѣднихъ не всегда принадлежатъ народной фантазіи, но давно ею воспринятые, они связаны съ національными миѳами и развиты наравнѣ съ ними. Не всѣ духовные стихи одинаково древни, но многіе принадлежатъ далекой старинѣ; стихъ о Голубиной книгѣ, одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній русской эпической поэзіи, въ XVII столѣтіи является уже какъ нѣчто законченное: очевидно, чтобы распространиться въ народѣ, отразить его понятія и принять самый складъ выраженія—преданіе, служащее основой стиха, должно было давно усвоиться народу. Наконецъ въ народной поэзіи обнаруживалось вліяніе и книжной повѣсти. Въ былинахъ съ героями Владимірова времени выставляются иногда богатыри переводныхъ сказаній, какъ обрусѣвшій »Полканъ-богатырь.« Народная сказка къ своему оригинальному содержанію примѣшивала частности, заимствованныя изъ того же источника: »мечъ-кладенецъ,« необходимый спутникъ сказочнаго героя, едвали не былъ чертой заимствованной, также какъ магнитная гора, притягивавшая далеко плывущіе корабли, или Ногай птица, выносящая сказочнаго царевича изъ подземной страны на св. Русь. Даже цѣлые эпизоды могли быть обработаны на основаніи чужихъ разсказовъ; къ числу заимствованныхъ относится, быть можетъ, наша сказка »о злой женѣ,« попавшей въ яму и напугавшей бѣса, очень извѣстная и въ средневѣковой западной повѣсти.

(*Очеркъ лит. исторіи старин. пов. и сказокъ рус. А. Н. Пыпина. Учен. зап. 2 отд. Акад. Н. IV, 2—10. 17—19. 22—25*).

Указатель сочиненій и статей: Хронографъ Георгія Амартола въ гречес. подлин. Изд. *Муральта*. Учен. зап. акад. О переводѣ Манассіиной лѣтоп. на славян. язык. М. 1842 Визант. историки, перевед. при Спб. Духовн. Акад. Спб. 1860—62. О жизни и трудахъ Константина Порфирор. *Зернина*. Хар. 1858. Василій Македонянъ. *Его же*. О родѣ греческихъ князей Комниныхъ. М. 1852. Очеркъ жизни патр. Фотія. М. 1858. Патріархъ Фотій. Вѣстн. Европ. 1868. 1 и 2. Какъ выражались отношенія Константинопол. церкви къ окрест. сѣвернымъ народамъ и особенно къ Болгарамъ въ X в. *В. И. Григоровича*. Одесса 1866. Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident von den ersten Anfangen bis zur jungsten Gegenvart. *Пихлера*, Мюнхенъ. 1865. Царь-

градъ и дворъ витантійскій въ X в. Легенда. Сынъ Отеч. 1839, XII. II. Латинс. императоры въ Константинополѣ. *П. Медовикова.* М. 1849. О состояніи витант. имперіи. *А. С. Хомякова.* Рус. Бес. 1860. II, 101. Голосъ Грека въ защиту Византіи. *Ю. С. Дестунниса.* Тамъ же 1859. Смѣсь 151. Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древ. времена Россіи. Прав. Собес. 1860, I. 181. Царствованіе Констант. Палеолога. Сынъ Отеч. 1821, LXXI. 193. Взятіе крестоносцами Царяграда 6712 г. Христом. *Буслаева,* 440. Осада и взятіе Византіи Турками. *М. Стасюлевича* Спб. 1854. Повѣсть о Цареградѣ. *Срезневскаго.* Спб. 1857, и въ Учен. зап. акад. Сказаніе о Цареградѣ. *В. Яковлева.* Спб. 1868. См. еще о Византіи въ Ж. Мин. Н. Пр. т. XVII, 499; XXI, отд 2. 13. 159; XXVIII, 149. XXIX, 137. XXXII, 69. XXXIII, 180; XXXIX, 38; LXX, 133.

О Кириллѣ и Меѳодіѣ. *М. П. Погодина.* Сѣверн. арх. ч. 19, № 4. с. 348. *Горскаго* въ Москвит. 1843. № 6, 405. 432. *Преосв. Филарета.* Чт. общ. 1846, *№* 4; 1847, *№* 5. *О. Бодянскаго.* Тамъ же 1863, 2, III. 1—224; 1864, 225; 1865, 2. 1—64. О времени происхожд. славянс. писменъ. *Его же* М. 1855. Кириллъ и Меѳодій. *П. А. Лавровскаго.* Хар. 1863. Кириллъ-Меѳодіевскій сборникъ *Погодина.* М. 1865. О Кириллѣ и Меѳодіи и тысячел. ихъ годовщ. *Гильфердинга.* М. 1862. Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. *Его же.* М. 1856—9. Славянс. древности. *Шафарика.* М. 1848. Ж. Минс. Н. Пр. 1843, № 6; 1858. *№* 5. Славяне. Народопис. *Его же.* Расцвѣтъ славянской письмен. въ Болгаріи. *Его же.* Чт. общ. 1848 *№* 7 и отдѣльно. О происхожденіи и родинѣ глаголитизма. *Его же.* Чт. общ. 1860, IV. Изв. акад. VII, 2; X, 5. Рус. Вѣст. 1856, № 5. Объ отношеніи языка славянс. къ языкамъ родствен. *Гильфердинга.* М. 1854 О вліяніи христіанства на славянск. языкъ. *Буслаева.* М. 1848. Опытъ историч. грамматики. *Его же.* М. 1863. Палеографич. и филологич. матеріалы для исторіи письменъ, славянс. *Его же.* М. 1855. Списокъ рус. памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечеств. палеографіи. *П. Кеппена.* М. 1822. О древнерус. языкѣ. *Погодина.* Изв. акад. V. Матеріалы для славянской палеографіи. *Пыпина.* Уч. зап. акад. II, вып. 2. Мысли объ исторіи рус. языка. *Срезневскаго.* Спб. 1850. Объ изученіи роднаго языка. *Его же.* Спб. 1860 — 61. Статьи, касающіеся древн. славянс. языка. Григоровича Каз. 1852. О народной поэзіи славянс. племенъ. *Бодянскаго.* М. 1837. Древн. памятн. рус. письма и языка. Спб. 1863. Объ историч. наслоеніи въ славянс. словообразованіи. *Дювернуа* М. 1867. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянс. народовъ до XIV в. *Мацѣевскаго.* Чт. общ. 1846. О Сербіи, въ ея отношеніяхъ къ сосѣдямъ, особенно къ Россіи. *Григоровича.* Каз. 1859. Ист. чешскаго королевства. *Томка.* Спб. 1860. Исторія Сербіи. *Ранке.* М. 1857. Ист. чешскаго народа въ краткихъ очеркахъ. *Гильфердинга.* Спб. 1860. Исторія польскаго народа *Шмидта.* Чтенія о славянской исторіи въ И. Спб. Универс. Спб. 1867. Вѣкъ болгарс. царя Симеона. *Палаузова.* Спб. 1852. Остатки Славянъ на южномъ берегу Балт. моря. *Гильфердинга.* Спб. 1862. О славянахъ въ малой Азіи и проч. *В. И. Ламанскаго.* Спб. 1859. Исторія славянс. литературъ. *А. Н. Пыпина* Спб. 1865. Св. великомуч. Димитрій Солунскій и Солунскіе Славяне. *Филарета.* М. 1848. Православіе у Чеховъ. *Новикова.* М. 1848. Борьба Славянъ съ Нѣмцами на балтійс. поморьѣ. *Гильфердинга.* Спб. 1861. Славянскій элементъ въ Греціи. *Палаузова.* М. 1850. Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, *Рачча.* Спб. 1795. Винодольскій законъ 1280 г. М. 1846. Славянс. заря. Вѣна. 1867. Богомилы, церьква Босаньска и крьстяни. *Петрановича.* У Задру. 1867. Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и Запад. Евр. въ концѣ XIV и началѣ XV в. *Надлера.* Хар. 1864. Исторія первоб. христ. церкви у Славянъ. *Мацѣевскаго.* Перев. Евецкаго. Варш. 1840. Святые южныхъ Славянъ. *Филарета.* Черниг. 1866.

III. ЗНАЧЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА ВЪ РАЗВИТІИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЖИЗНИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

94. Изъ житья преп. Ѳеодосія Печерскаго до 1093 (1).

...Отець нашь Ѳеодосии святыи побѣдоносць показася въ пещерѣ на злыя духы, по острижении *(въ монахини)* матере своея и по отъврьжении всякоя мирьскыя печали, большими труды паче наченъ подвизатися на рьвение божие. И бѣ видѣти свѣтила три суща въ пещерѣ, разгоняща тьму бѣсовскую молитвою и алканиемь, мѣню же преп. Антотония и блаженааго Ѳеодосия и великааго Никона; си бѣша въ пещерѣ, моляще Бога, и Богъ же бѣ съ ними: иде бо, рече, 2 или трие съвъкуплени въ имя мое, ту есмь посредѣ ихъ. Въ тоже время, иже бѣ прьвыи у князя въ болярѣхъ имьньмь Іоанъ, и того сынъ часто прихожаше къ преподобьнымъ, наслажаяся медоточьныихъ тѣхъ словесъ, иже исхожааху изъ устъ отець тѣхъ, и възлюби же я зѣло,—и яко въсхотѣти ему жити съ ними, и вься презрьти въ житии семь, славу и богатьство ни въ что же положивъ. Прикосну бо ся емь слово господне, рекшее: яко удобѣе есть вельбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, нежели богату въ царствие небесное вънити. Тъгда же повѣда единому Антонию мысль свою, глаголя: «хотѣлъ быхъ, отъче, аще Богу годьно, мнихъ быти и жити съ вами». Глагола ему старьць: благо хотѣние твое, чадо и помыслъ испълненъ благодати; нъ блюди, чадо, да не богатьство и слава мира сего възвратить тя въспять, Господу рекъшю: никто же възложь рукы своея на рало и зря вспять, управленъ есть въ цѣрствии небеснѣмь; тако и мнихъ, възвращаяся къ миру мыслию и пекыися о мирьскихъ, не имать управитися въ жизнь вѣчьную. И ина многа старьць бесѣдова къ отроку, и оному же сердце боле остряшеся на любъвь божию, и тъгда отыде въ домъ свои; и въ другыи же день одѣвъся въ одежю свѣтьлу и славьну, и тако въсѣдѣ на конь, поѣха къ старцю, и отроци бѣша окрестъ его ѣдуще, и другия коня ведуще предъ нимь въ твари *(въ сбруѣ)* и въ славѣ велицѣ приѣха къ пещерѣ отець тѣхъ,

(1) Это взято изъ списка XII в.; здѣсь Несторъ пишетъ, что мать Ѳеодосія разсказывала сама Келарю Ѳеодору, о дѣтствѣ и поступленіи въ монашество Ѳеодосія: „азъ же отъ него вся си слышавъ, оному съповѣдающю ми и списавъ.“ (*Зап. Акад. Н, II, 2, 131—140*). О дѣтствѣ Ѳеодосія См. тамъ же.

Онѣмъ же ишьдшимъ и поклонившимся ему, яко же есть лѣпо (*прилично*) вельможѣ, онъ же паки имъ поклонися до земля; потомъ же, снемъ съ себе одежю болярьскую, положи предъ старцемъ, такоже и коня, сущая въ твари, постави предъ нимъ, глаголя: «се вся, отче, красная прелесть мира сего суть, и яко хощеши, тако створи о нихъ, — азъ бо уже вся си презрѣвъ, хощу мнихъ быти, и съ вами жити въ пещерѣ сеи, и къ тому не имамъ възвратитися въ домъ свои». Таче (*потомъ*) старець къ нему:—блюди, чадо, кому обѣщаешися, чии воинъ хощеши быти, се бо невидимо предстоять ангели божии, приемлюще обѣщанья твоя; но егда како пришедшю отцю твоему съ многою властью изведетъ тя отсюду, намъ же не могущимъ помощи, ты же предъ Богомъ явишися яко ложь и отметникъ его.—Глагола ему отрокъ: «вѣрую Богу моему, отче, яко аще и мучити мя начнеть отець мои, не имамъ послушати его, еже възвратитися къ міру; молю же ти ся, отче, да въскорѣ острижеши мя». Тогда повелѣ прп. Антоній великому Никону, да острижетъ и и облечеть въ мнишьскую одежю; онъ же по обычаю молитвовавъ, и остриже и, и въ черны ризы облече, Варламъ тому имя нарекъ. Тогда же приде кажникъ (*скопецъ*) нѣкто отъ княжа дому, иже бѣ зѣло любимъ княземъ, придержа у него вся (1), и моляшеся старцю Антонью, хотя быти чернець; его же поучивъ старець еже о спасеньи душѣ, предасть Никону, да и того острижеть; онъ же того остригъ, облече въ мнишьскую одежю, Ефремъ имя того нарекъ. Нѣсть бо лѣпо таити, и еже нанесе врагъ скорбь на преподобныя ею (*ихъ*) ради... Увѣдѣ бо князь Изяславъ бывшее о болярынѣ и о кажницѣ его, разгнѣвася зѣло, тогда же повелѣ ту, абье шедше, единого отъ нихъ привести, дерзнувша таковая створити, иже ишедше, и великого Никона приведоша пред него. Тогда князь, възрѣвъ съ гнѣвомъ на Никона, глагола ему: «ты ли еси остриглъ болярина бес повелѣния моего?» Никонъ же отвѣща:— благодатию божиею азъ есми постриги и, повелѣньемъ царя небеснаго, Іисусъ Христа, призвавшаго и на таковы подвигъ. — Князь рече: «то или увѣщаи и въ домъ свои поити, или на поточенье послю тя и сущая съ тобою, и печеру вашю велю раскопати». Къ симъ же Никонъ отвѣща:—се, еже есть, владыко, угодно предъ очима твоима, тако створи, мнѣ же нѣсть отвращати воинъ отъ царя небеснаго.— Антонии же и иже съ нимъ, вземше одежа своя, и отъидоша отъ мѣста своего, хотяще отъити во ину область; князю же, еще сварящю (*ругающу*) Никона, и се единъ отъ отрокъ вшедъ повѣдаше, яко Антонии съ сущими съ нимь отходить отъ града сего въ ину область. Тъгда глагола ему жена его: «послушай, господи, (*господине*) и не гнѣваися, яко также бысть и въ странѣ нашеи, отбѣжавъшемъ нѣкоея бѣды ради чрньцемъ, много зъла створися въ земли тои ихъ ради, нъ блюди, господи, да не тако въ области твоеи будеть». Тоже слышавъ князь, убоявъся гнѣва божия, отпусти великааго Никона, повелѣвъ ему ити въ пещеру свою; по онѣхъ же посла, рекыи, да съ мольбою възвратяться въспять, иже едва по три дни увѣщани быша возвратитися въ свою пещеру. (*Послѣ того болярынъ Іоаннъ со многими отроками распудилъ стадо Христово и взялъ сына своего Варлаама силой домой; но онъ втопталъ въ грязь свѣтлыя одежды, 4 дня не пилъ ничего и не поддавался на ласки своей жены. Кіевопечерскіе иноки молились о немъ, и отецъ*

(1) т. е. былъ распорядителемъ или экономомъ.

сжалился надъ нимъ, отпустилъ его въ монастырь и провожали его рабы, жена, отецъ и мать съ великимъ плачемъ, какъ мертвеца, а братія радовалась великою радостью)...

Тъгда блаженыи отець нашъ Ѳеодосии поставленъ бысть презвутеръмь повелѣниемь преп. Антония, и бѣ по вся дни божьствьную службу съвьршая съ всякыимь съмѣрениемь: бяше бо кротокъ нравъмь и тихъ смыслъмь, и простъ умъмь, и духовьныя всея мудрости испълненъ, любовь же непорочьну имѣя къ всеи братии: бѣ бо уже съвъкупилося братия яко до пятинадесяте...

А еже испьрва житие ихъ въ пещерѣ, и елико скърби и печали прияша, тѣсноты ради мѣста того, Богу единому съвѣдущю, а устомъ человчьскомъ не мощно исповѣдати. Къ симъ же и ядь (*пища*) ихъ бѣ ржанъ хлѣбъ тъкмо ти (*да*) вода, въ суботу же ти въ недѣлю сочива вькушахуть, многашьды же и въ та дьни не обрѣшъшюся сочиву, зелие (*зелень, траву*) съваривъше едино, и то ядяху. Еще же и рукама своима дѣлахуть дѣло, ово ли копытьца (*чулки?*) плетущи и клобукы (*шапки*), и ина ручная дѣла строяще, и тако носяще въ градъ, продаяху, и тѣмь жито купяху, и се раздѣляхуть, да къждо въ нощи свою часть измѣляшеть на строение хлѣбомъ... и тако вькусивъше мало хлѣба и накы дѣлѣ ся своемъ къждо имяшеть, и тако по вся дни трудящеся, пребывахуть въ любви божии. Отець же нашь Ѳеодосии съмѣренъмь съмыслъмь и послушаиимь вься преспѣваше, тридъмь и подвизаниемь (*подвигомъ*) и дѣлъмь телѣсныимь, бяше бо и тѣлъмь благъ (*красивъ*) и крѣпъкъ, и съпоспѣшьствъмь всѣмъ служаше, и воду нося и дръва из лѣса на своею плещю, бъдя же по вся нощи въ славословлении божии; и братии же на опочители суще, блаженыи же възьмъ раздѣленое жито, и когождо часть измълъ, и поставляше на своемь мѣстѣ. Другоици же оводу (*сльпнямъ*) сущу многу и комаромъ въ нощи, излѣзъ надъ пещеру и обнаживъ тѣло свое до пояса, сѣдяше, прядыи вълну (*шерсть*) на съплетѣние копытьцемъ, и псалтырь же Давидову поя, отъ множьства же овода и комара все тѣло его покръвено будяше, и ядяхъ плъть его о немь, пиюще кръвь его; отець же нашъ пребываше неподвижимъ, ни въстая отъ мѣста того, дондеже годъ (*время*) будяше утрьнии, и тако преже всѣхъ обрѣташеся въ церкви, и ставъ на своемь мѣстѣ, непоступьнъ сы, ни мятыся умъмь, божествьное славословие съврьшаше, ти тако пакы и (*изъ*) церкве послѣ же всѣхъ излажааше (*выходилъ*): и сего ради вьси любляхути и зѣло, и яко отца имяхути и, зѣло дивящеся съмѣрению его и покорению.

Таче по сихъ божествьныи Варлаамъ, игуменъ сы братии въ пещерѣ, изведенъ бысть княжемь повелѣниемь въ манастырь св. муч. Димитрия, и ту игуменъмь поставленъ; тъгда же братия, ту сущая въ пещерѣ, събравъшеся изволениемь всѣхъ, възвѣстивъше преп. Антонию, блажен. отца нашего Ѳеодосия игумьнъмь себѣ нарекоша, яко и чьрньчьскую жизнь управивъша, и божия извѣсто (*знатно, хорошо*) заповѣди излиха (*отлично*) вѣдуща. Отець же нашь Ѳеодосии, аще и старѣишинство приимъ, не измѣни съмѣрения своего правила... Видя мѣсто скрьбно суще и тѣсно, и еще же скуддно при всѣмь, и братии множащися, церкви же мали сущи на съвъкупление имъ, и николи же въпаде о томь въ печаль, ни поскрбѣ отъмь, но по вся дьни братию всю утѣшая, учаше никако же попечися о плътьнѣмь (*о тѣлесномъ, матеріальномъ. Послѣ того на новомъ мѣстѣ, недалеко отъ пещеры, Ѳеодосій скоро создалъ церковь съ оградой, поставилъ много келій и переселилъ братію въ 1062 г.,*

выписалъ Студійскій уставъ изъ Цареграда и ввелъ его въ свой монастырь; помогалъ убогимъ и въ постъ затворялся въ пещеръ, поучивъ братію на исполненіе подвиговъ. Въ пещеръ онъ велъ сильную борьбу съ злыми духами и побьдилъ ихъ).

Имѣяше же обычаи сиць великыи отець нашь Ѳеодосии, яко же по вся нощи обиходити ему келиѣ мниховы вьсѣ, хотя увѣдѣти когождо ихъ како житие; егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тъгда ставъ, прославяше о немь Бога, егда же ли пакы кого слышаша бесѣдующа, дъва ли или трие съшедъшеся вькупѣ, тоже ту ударивъ своею рукою въ двьри, ти тако отъхожааше, назнаменавъ тѣмь свои приходъ. Таче въ утрѣи день, призвавъ я, нъ не ту абие обличааше ихъ, нъ яко же издалеча притъчами нагоня, глаголааше къ нимъ, хотя увѣдѣти, еже къ Богу тъщание ихъ. (*Далье слѣдуетъ, чему поучалъ братію Ѳеодосій*).

Тѣмь же слышаще князи и боляре доброе ихъ житие, прихожааху къ великуму Ѳеодосию, исповѣдающе тому грѣхы своя, ижѣ велику пользу приимъше отъ того отъхождааху, ти тако пакы приношаху ему нѣчьто мало отъ имѣнии своихъ на утѣшение братии, на строение монастырю своему, друзіи же и села въдаваюче на попечение имъ. Наипаче же зѣло любляше блаженааго христолюбивыи князь Изяславъ, предрьжаи тъгда столъ отца своего, и часто же и призываше къ собѣ, мъножицею же и самъ прихожааше, яко же и отътолѣ тако Богъ възвеличаше мѣсто то, умножая вьсѣхъ благыихъ въ немь молитвами въгодника своего.

(*Далье слѣдуетъ разсказъ, какъ пришелъ Изяславъ въ монастырь, ворота были заперты и привратникъ не отворилъ ему безъ повелѣнія Ѳеодосія,—какъ умеръ Варлаамъ,—какъ Никонъ умоленъ былъ отъ людей пойти въ Кіевъ изъ Тмутороканя просить сына святославова Глѣба княземъ на мьсто умершаго Ростислава,—какъ Ѳеодосій прежде всѣхъ изъ братій смиренно носилъ воду, рубилъ дрова для кухни, прялъ ниткы для переплета книгъ, изнурялъ себя бдѣніемъ, носилъ худыя одежды, такъ что несмысленные смѣялись надъ нимъ* и проч).

И се въ единъ день шедъшю великуму отцу нашему Ѳеодосью нѣкотораго ради орудия (*по нѣкоему дѣлу*) къ Христолюбьцю князю Изяславу, далече ему сущю отъ града, таче яко пришьдъ, и до вечера ему бывшю орудия ради, и повелѣ христолюбьць нощнааго ради посъпания ему, на возѣ допровадити до манастыря его. И яко бысть идыи путьмь и возяи (*везшій*) его видѣвъ и въ такои одѣжи сущаago, и мнѣвъ, яко единъ отъ убогыхъ есть, глагола ему: чьрноризьче! се бо ты по вся дни пораздьнъ еси, азъ же трудьнъ сы (*въ работѣ*), и се не могу на кони ѣхати, нъ сице сътворивъ: да азъ ти лягу на возѣ, ты же могыи на кони ѣхати, всяди на конь. То же блаженыи съ всякыимь съмѣрениемь въставъ, сѣде на кони, а оному же легъшю на возѣ, и идяше путьмь, радуяся и славя Бога, и егда же въздремаашеся, тъгда же съсѣдъ и текъ, идяше въскраи коня, дондеже утрудяашеся, ти тако пакы на конь въсядяше. Часто уже зорямъ въсходящемъ и вельможамъ ѣдущемъ къ князю, и издалеча познавъше блаженааго, и съсѣдъше съ конь, покланяхуся убо блаженуму отцю нашему Ѳеодосию; тъгда же глагола отроку: се уже, чадо, свѣтъ есть, въсяди на конь свои. Онъ же видѣвъ, еже тако вьси покланяхуться ему, и ужасеся въ умѣ и трепетьнъ сы, въста и въсѣде на конь, ти тако поиде путьмь, а преп. Ѳеодосию на возѣ сѣдящю, вси же боляре сърѣтъше покланяхуся ему. Таче дошьдъшю ему манастыря и се ишедъше

вься братия, поклонишася ему до земля, тоже отрокъ больми (*весьма, вельми*) ужашеся, помышляя въ себѣ, кто сь есть, еже тако вьси покланяються ему; и емъ и за руку, введе и въ трапезницю, таче повелѣ ему дати ѣсти и пити, елико хощеть, еще же и кунами тому давъ, отъпусти и. Си же съповѣда братии повозьникъ тъ, а блаженуму о семь никому же явивъшю. (*Потомъ излагаются поученія Ѳеодосія къ братіи, которую онъ укрѣпляль на брань противъ искушеній дьявольскихъ, говорится о расширеніи монастыря и нападеніи разбойниковъ, поученіи бояръ и князя).*

Къ сему же блаженому нѣколи приведоша разбоиникы съвязаны; ихъ же бѣша яли (*поймали*) въ единомь селѣ манастырьскѣ, хотяща красти; блаженыи же, видѣвъ я съвязаны и въ такои скърби суща съжали си зѣло, и прослъзився, повелѣ раздрѣшити я и дати же тѣмъ ясти и пити, и тако пакы тѣхъ учаше мъного, еже никогоже прѣобидѣти и никому же зъла сътворити, подасть же тѣмъ отъ имѣния довъльное, еже на потрѣбу, и тако тѣхъ съ миромь отъпусти, славяща Бога, якоже отътолѣ тѣмъ умилитися и никому же зъла сътворити, нъ своими дѣлы довольномъ быти. Таково бо бѣ милосердие великааго отця нашего Ѳеодосия: аще бо видяше нища или убога, въ скърьби суща и въ одежи худѣ, жаляше си его ради и вельми тужаше о семь, и съ плачьмь того миноваше; и сего ради сътвори дворъ близъ манастыря своего, и церквь възгради въ немь св. пьрьвомученика Стефана,—ту же повелѣ пребывати нищимъ, и слѣпыимъ, и хромыимъ, и трудоватыимъ, и отъ манастыря подаваше имъ, еже на потрѣбу, и отъ вьсего сущаго манастырьскаго десятую часть даяше имъ, и еще же и по вься суботы посылаше въ потребу возъ хлѣбъ сущимъ въ узахъ.

(*Потомъ говорится о прозорливости Ѳеодосія и милостыняхъ, которыя присылали въ монастырь христолюбцы, о чудесахъ его и видѣніяхъ избранныхъ*).—Се бо и сиць обычаи имяше блаженыи, яко же многашьды въ нощи въстая, и отаи въсѣхъ исхожааше къ Жидомъ, и тѣхъ, еже о Христѣ, прѣпирая, коря же и досажая тѣмъ, и яко отъметникы и безаконьникы тѣхъ нарицая, жадаше бо еже о Христовѣ исповѣдании убиенъ быти. (1)

Бысть в то время смятенье нѣкако отъ вселукаваго врага въ трехъ князехъ, братии сущимъ по плоти, на единого старишего брата, христолюбца, иже по истинѣ христолюбца, Изяслава. Тоже такоже прогнанъ бысть отъ града стольнаго. Онѣма пришедшима въ град отъ, посылаета же по блаженаго отца нашего Ѳеодосья, бѣдяща (*убѣждая*) того прити к нѣма на обѣдъ, причататися (*стать участникомъ*) неправеднѣмъ тѣмъ съвѣтѣ (*совѣтъ*). То же иже бѣ исполненъ Духа Св. преподобны—иже разумѣвъ, еже не праведному сущу изгнанью, еже о христолюбци, глаголеть посланому, яко не имамъ ити на тряпезу Езавелину и причаститися брашьна того, исполнь убо крови, убииства. И ина же многа укоризна глаголавъ, отпусти того, рекъ, яко да възвѣстиши вся си послався тя. Но обаче она аще слышаста сии, но не възмогоста прогнѣватися на нь; видяща бо праведнаго суща человѣка божия; ни паки же послушаста того, но устремистася на прогнанье брата своего; иже отъ всея тоя области отгнаста того, и тако възвратистася вспять, единому шедшю на столѣ томъ брата и отца своего,

(1) Здѣсь напечатанъ текстъ житія по самымъ древнимъ спискамъ. (*Чт. Общ. Ист. 1858, 3, III*). Далѣе представляется образчикъ изложенія житія по спискамъ болѣе позднимъ. (*Изъ житія Ѳеодосія отрывки см. въ Лавр. Лѣт. стр. 69, 79—80. 89—91. 121. 257. 265—7*). Объ основаніи Кіевопечерскаго монастыря. Тамъ же—67—9.

другому же възвратившуся въ область свою. Тогда же отець нашь Феодосии, наполнивсѧ Духа Св. нача того обличати, яко неправедно створивша, не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отца си, брата старишего прогнавше. То же тако обличаше того; овъгда *(иногда)* епистолья пиша, посылаше тому; овогда же велможамъ его приходящимъ к нему обличаше того о неправедѣмъ прогнании брата, веля тѣмъ повѣдати тому. Сеже послѣже вписа к нему епистолью велику зѣло, обличая того и глаголя: Гласъ крови брата твоего въпиетъ на тя къ Богу, яко Авелева на Каина. Инѣхъ многихъ древнихъ гонитель и убоиникъ братоненавидникъ приводя и притчами тому вся, еже о немъ, указавъ и тако вписавъ и посла. Яко то прочьте епистолью ту, разгрѣвася зѣло, яко левъ рикнувъ на праведнаго, и ударн тою о землю; якоже оттолѣ промчеся вѣсть, еже на поточенье осужену быти блаженому. То же братия в велицѣ печали бывше и моляхуть блаженаго остатися и не обличати его. То же тако же отъ боляръ мнози приходяще повѣдаху ему гнѣвъ княжь на того сущь и моляхут и не супротивитися ему. Се бо, глаголаху, на заточенье тя хочетъ послати. Си же слышавъ блаженыи, яко о заточеньи его рѣша, возрадовася духомъ и рече к тѣмъ: Се бо о семъ велми радуюся братие, яко ни что же ми блаже *(лучше)* въ житии семъ. Еда богатьства, имѣнья лишенье нудит мя, или дѣтии отлученье и селъ опечалует мя? Ничто же отъ таковыхъ принесохомъ в миръ ось; но нази родихомся; тако же подобаетъ намъ нагомъ преити отъ свѣта сего: тѣм же готовъ есмь или на поточенье, или на смерть. Оттолѣ начатъ того укаряти о братоненавиденьи; жадаше бо зѣло, еже поточену быти. Но обаче онъ, аще велми разгнѣвався бѣ на блаженаго, но не дерзну ни единаго же зла, ни скорбна створити тому; видяше бо мужа преподобнаго и праведна суща его: якоже прежѣ многаждыи его ради завидѣше брату своему, еже такова свѣтилника имать въ области своеи, якоже сповѣдаше слышавъ отъ того черноризецъ Павелъ, игуменъ сы отъ единого манастыря сущихъ въ области его. Блаженыи же отець нашь Феодосии много молимъ бывъ отъ братии и отъ велможъ, наипаче же разумѣвъ, яко ничто же успѣетъ тѣми словесы тому, останися (*оставилъ*) его; оттолѣ не укаряше его о томъ, помыслив же в себѣ, яко уне есть молбою того молити, дабы възвратилъ братъ си *(брата своего)* въ область свою.

Не по мнозѣхъ же днехъ разумѣвъ благыи князь преложенье блаженаго Феодосья отъ гнѣва, и утишенье же отъ обличенья того, възрадовася зѣло; издавнаго бо жадаше бесѣдовати с нимъ, духовныхъ словесъ его насытитися. Таче посылаетъ къ блаженому, аще повелитъ тому прити в манастырь свои, или ни. Оному повелѣвшю тому прити, то же сисъ радостью въставъ приде и с боляры в манастырь его. И великому Феодосью съ братиею пришедшу исъ церкви, по обычаю срѣтшу того, поклонимся, якоже дѣпо князю, и тому же цѣловавшу блаженаго, таче глаголаше ему: Се, отче, не дерзахъ прити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣваяся на мя, и не въпустиши насъ в манастырь. То же блаженыи отвѣща: что бо, благыи владыко! успѣетъ гнѣвъ нашь, еже на державу твою. Но се намъ подобаетъ обличити, и глаголати вамъ, еже на спасенье души; и вамъ лѣпо есть послушати того. Тако же вшедшима въ церковь, и бывши молитвѣ сѣдоста, блаженому Феодосью наченшу глаголати тому отъ святыхъ книгъ, и много указавшу ему о любви брата, и оному паки многу вину износящу на брата своего, и того ради не хотящу тому с тѣмъ мира створити. И тако паки по мнозѣ бесѣдѣ тои отыде князь въ домъ свои славя Бога,

яко сподобися с такимъ мужемъ бесѣдовать. И оттолѣ часто приходяше к нему духовнаго того брашна насыщаяся паче медвена ста. Се же суть словеса блаженаго, яже исходяхуть отъ медоточивыхъ устъ тѣхъ!

Многашедъ же великии Феодосии к тому ходяше; и тако въспоминаше тому страхъ божии, и любовь, еже къ брату. И единъ отъ дни шедшу къ тому благому богоносному отцю нашему Феодосью, яко вниде въ храмъ (*въ комнату*) идѣже бѣ князь, сѣде; и се видѣ многия играюща пред ним: овы гусленыя гласы испущающи, другия же органныя гласы поющи, инѣмъ пискы гласящимъ; и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко же обычаи есть предъ княземъ. Блажены же бѣ въкраи его сѣдяи и долу нича (*поникнувъ головой*). И яко мало въсклонився, и рече къ тому: то будетъ ли сице на ономъ свѣтѣ? То же ту абие съ словомъ блаженаго умилися, и малы прослезиси; поведѣ тѣмъ престати. И оттолѣ аще коли приставяще тыя играти, ти слышаше блаженаго пришедша, то повелѣваше тѣмъ престати отъ таковы игры. И многашедше паки егда взвѣстяхуть приходъ тому блаженаго, то же того тако срѣташе радуяся предъ дверми храму, и тако вхожаста оба въ храмъ. Се же якоже веселяся, и глаголаше преподобному: Се, отче! истину ти глаголю, яко аще быша ми възвѣстили отца въставшаго отъ мертвыхъ, не бых ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоемъ, не бых того тако боялъ, или сумнѣлъ, яко же преподобныя твоея душа. Блажены же: то же аще тако боишися мене, тогда створи волю мою, възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрныи отець твои предасть. Он же о семъ умолче, не моги что отвѣщати к симъ. Толми (*до такой степени*) бо бѣ врагъ (*дьяволъ*) ражеглъ (*его*) гнѣвомъ на брата своего, яко ни слухомъ хотяше того слышати.

Отець же нашъ Феодосии бѣ по вся дни и нощи моля Бога о христолюбцѣ Изяславѣ; еще же въ октении веля того поминати, яко столному тому князю и старишю всѣхъ, сего же, (т. е. *Святослава*) яко, рече, чресъ законъ сѣдшю на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастыри. О сем же едва умоленъ бывъ отъ братии, повелѣ того с нимъ (т. е. *обоихъ*) поминати; и обаче же первое христолюбца (*Изяслава*), тогда сего благаго (*Святослава*).

(*Христом. Галахова*, стр. 27—30).

Въ Лавр. л. (67—9) см. объ основаніи Кіево-печерскаго монастыря. Въ Степен. кн. (I, 167) и въ ркп. гр. Толстаго (Опис. 595) сохранилось сказаніе о нѣкоемъ славномъ разбойникѣ Могутѣ временѣ св. Владиміра: онъ раскаялся и спасся. Какъ образчикъ распространенія древнихъ житій въ XVI в., см. отрывокъ изъ житія св. Ольги (Ист. Рус. Ц. *Макарія*. I, пр. 153).

Житія святыхъ содержатъ богатыя и разнообразныя данныя для исторіи внутренней жизни нашихъ предковъ и много отличительныхъ особенностей областной жизни. Къ лѣтописнымъ извѣстіямъ прибавляютъ они подробныя объясненія и дополненія; касаются частной жизни лицъ и народа. Въ сказаніяхъ о русскихъ святыхъ можно познакомиться съ подробностями экономической жизни народа, не говоря уже о монастырской жизни и религіозно-практическомъ ея вліяніи на народъ. Но въ тоже время относительно житій надобно вообще замѣтить, что пользоваться ими для выводовъ о нашей отечественной жизни надо весьма осмотрительно. Вмѣстѣ съ другими родами произведеній, перешедшихъ къ намъ отъ южныхъ Славянъ и изъ Византіи, явились и житія святыхъ; и какъ во всѣхъ родахъ мы стали, весьма естественно, подражать образцамъ готовымъ, такъ и въ житія отечественныхъ святыхъ должны были вноситься черты, свойственныя житіямъ вообще. За древнею письменностью замѣчаются нѣкоторые пріемы, сходные съ пріемами народнаго эпоса: и въ ней не столько творится вновь, сколько передѣлывается изъ прежняго, изъ готоваго. Такъ и многія житія должны оказаться не болѣе, какъ перепѣваніемъ, варіировкою другихъ житій; чуждыя, византійскія служили основою нашимъ, и хотя при этомъ и передѣлывались, такъ сказать, на наши нравы, но во многихъ мѣстахъ должны были ясно сквозить и чуждые. Едвали не такъ оно въ первой половинѣ житія Ѳеодосіева—въ описаніи дѣтства его и молодости. О. Миллеръ.

95. Кіевопечерскіе иноки.

(Подъ 1074 г.). Бѣ же се дивно чюдо видѣти, братіе: съвокупи Богъ таки черноризьци въ обители Матери своея, аки свѣтила въ Русской земли сіяху, овіи бо бяху постници, овіи же на бдѣніе, иніи же на колѣнопреклоненіе, овіи же на пощеніе чрезъ день или чрезъ два дни, иніи же ядуще хлѣбъ съ водою, иніи же зеліе варено, друзіи же сыро. Въ любви пребывающе, меньшіи покаряющеся старѣйшимъ, не смѣюще предъ ними глаголати, но все съ покореніемъ и послушаніемъ великимъ; такоже и старѣйшіи имѣяху любовь къ меньшимъ, наказаху ихъ, утѣшающе аки чада своя възлюбленная. И аще который братъ впадаше нѣ въ кое (*въ нькое*) прегрѣшеніе, утѣшаху его и единого епитемью раздѣляху—любо тріе, любо четыре, за великую любовь: такова бо бяше любовь въ той святѣй братіи, въздержаніе и смиреніе. И аще нѣкій братъ отхожаше отъ монастыря, вся братія о томъ имѣяху печаль, носылаху по нь (*по нему, за нимъ*), и призываху въ монастырь брата; и шедше къ игумену вси поклоняхуся за брата, и умоляху игумена, и пріимаху брата въ монастырь съ радостію. Таковіи бо бяху тогда черноризьци, постници, въздержници, отъ нихъ же намѣню (*отмьчу*) нѣколико мужъ чюдныхъ. Яко се убо бысть первый *Даміанъ* прозвитеръ: бяше таковъ постникъ и вздержалникъ, яко развѣ хлѣба и воды ничегоже вкуси до смерти своея. Егда же приношаху дѣти болныя въ монастырь къ блаженому Ѳеодосію, повелѣваше сему Деміяну, да молитву створивъ помажеть й св. масломъ; и пріимахуть ицѣленія, ацимъ (*какимъ*) же недугомъ одержими бяху (1). Посемъ же разболѣвся, конець житію пріять: пріиде къ нему ангелъ во образѣ Ѳеодосіевѣ, обѣща ему царство небесное; посемъ приде Ѳеодосій съ братьею, и сѣдяху у него, онъ же игумену рече: »господи! не забывай, что ми еси въ нощи обѣщалъ«; разумѣвъ же Ѳеодосій, яко явленіе видѣ, и рече: »что ти обѣщахъ, буди ти«; онъ же предасть духъ, и тако честно похорониша тѣло его. Бѣ же и другій братъ, именемъ *Еремія*, иже помняше крещеніе Руси: сій прія даръ отъ провидѣнія прежебудущая; аще видяше кого въ помышленіи, обличаше и наказаше втайнѣ блюстися діявола; аще ли умыслить ити изъ монастыря, и пришедъ обличаше мысль его и утѣшаше брата, и аще что кому рече, сбывашеся глаголъ его.

Бѣ же инъ старець, именемъ *Матѳей*, прозорливъ. Стоящю ему въ церкви, и видѣ бѣса во образѣ Ляха *(Поляка)*, носяща цвѣтки въ приполцѣ (*въ полѣ*), иже глаголються лѣпки; обходя меташе на братью: ему же прилняше цвѣтокъ, мало постоявъ, разслабленъ бывъ, вину створе ея же ради изиде изъ церкве, и шедъ усняше; аще ли къ кому не прилняше цвѣтокъ, стояше крѣпко въ пѣтьи, дондеже отпоють утренюю; се видѣвъ старець, повѣдаше братьи своей. Паки же старець той же видѣвъ: отпѣвшю имъ заутренюю, идущимъ братьямъ въ келіи, се же опочиваше подъ биломъ (1), бяше бо келія его подалѣ церкве, и видѣ, и се аки толпа отъ воротъ, и единого сѣдяща на свиньи, и ины около его текуща; и рече имъ старець: »камо идете«? и рече бѣсъ: »по Михаля по Тоболковича«; старець же знаменася крестомъ, и приде въ келію свою; яко бысть свѣтъ, рече келейнику: »иди, впрашай, есть ли

(1) Этотъ замѣчательный разсказъ свидѣтельствуетъ, какое значеніе имѣли монастыри для бѣдныхъ больныхъ. *См. далѣе отрывокъ изъ житія Агапита.*

(1) Мѣсто, гдѣ били или звонили для собранія къ службѣ церковной.

Михаль въ келіи?« и рѣша: »давѣ (*давеча*) скочилъ черезъ столпіе (*ограду*) заутреніе«; повѣда же старець игумену и братіи видѣніе. При семъ старци Ѳеодосій преставися, и бысть Стефанъ игуменъ, и по Стефанѣ Никонъ. Сему старцю и еще сущю, стоящю ему на заутренѣй, возрѣвъ, видѣ бѣса на игуменѣ мѣстѣ сояща: и разумѣвъ старець, яко игуменъ не всталъ есть. Такоже ина многа провидяше видѣнія старець, и почи съ миромъ о господѣ.

Инъ чернець бяше, преже купець богатъ, родомъ Торопчанинъ, именемъ *Чернь*: всхотѣ быти мнихъ, раздая все имѣніе свое нищимъ, приде къ великому Антонію; Антоній же постриже его, и нарече имя ему *Исакій*. Се же Исакій облечеся во власяницю, и повелѣ купити козелъ и одрати и мѣхомъ, и взвлече на власяницю, и осше (*высохла*) около его кожа сыра; и затворися въ печерѣ въ единой улици, въ келейци малѣ, яко 4 локоть, и ту моляше Бога со слезами. Бѣ же ядь (*пища*) его проскура едина, и та же чрезъ день, и воды въ мѣру піяше; великій же Антоній приношаше ему пищю, подаваше оконцемъ, яко рука внидеть. И того створи 7 лѣтъ: на свѣтъ не выходя, на ребрехъ не лега, но сѣдя мало сна пріимаше. Единою по обычаю вечеръ нача кланятися, поя псалмы, доже до полуночія трудився сѣдяше, свѣчю погасивъ: внезапу свѣтъ восія въ печерѣ яко отъ солнца, и се 2 уноши явистася ему красна, блистающа лица ею (*ихъ*) аки солнце, глаголюща къ нему: »Исакіе! вѣ есвѣ (*мы есмы*) ангела, се Христосъ иде къ тобѣ со ангелы«. И вставъ Исакій, и видѣ толпу, и лица ихъ аки солнце, и единъ посредѣ ихъ сіяше, луча отъ него паче всѣхъ, и глаголаста уноши: »Исакіе! той есть Христосъ, падъ поклонися ему«; онъ же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти прекреститися, выступя поклонися аки Христу. Бѣси же кликнуша и рѣша: »нашъ еси, Исакій«, и введоша й въ келейцю малу, и посадиша й, и сѣдоша около его, полна келейца и улица печерная. И рече старѣйши ихъ: »возмѣте сопѣли и бубны и гусли (1), и ударяйте, ать ны (*пусть намъ*) спляшеть Исакій«; и удариша въ сопѣли и въ гусли и въ бубны, и почаша имъ играти, и утомивше й, оставиша лѣ (*еле*) жива, отъ идоша поругавшеся ему. Заутра же приспѣвшю укушенію хлѣба, приде Антоній по обычаю и глагола: »благослови, отче,« и не бѣ гласа и не бѣ отвѣта; и посла въ манастырь по Ѳеодосія и по братью, мнѣвъ, яко преставился есть. Откопавше взяша й мертваго, вынесше положиша й, и узрѣша яко живъ есть; и рече: »яко се имать быти отъ бѣсовскаго дѣйства«; и положиша й на одрѣ (*на кровати*), и служаше около его Антоній. Въ се же время приключися Изяславу прити изъ Ляховъ, и поча гнѣватиѣся Изяславъ на Антонія за Всеслава; присла Святославъ ночи, поя Антонія къ Чернигову. Антоній же пришедъ Чернигову, взлюби Болдины горы, ископавъ печеру, ту и вселися; и есть манастырь св. Богородица на Болдиныхъ горахъ и до сего дни. Ѳеодосій же увѣдавъ, яко Антоній шелъ есть Чернигову, шедъ съ братьею, взя Исакія и принесе къ собѣ въ келію, и служаше около его: бѣ бо раслабленъ умомъ и тѣломъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну (*бокъ*), ни встати, ни сѣсти, но лежаше на единой странѣ, подъ ся доливаше, и червіе киняхуся ему подъ бедру съ моченія и съ поливанія. Ѳеодосій же самъ своима рукама спрятываше й, служаше около его и омываше; се створи за 2 лѣта. Се же бысть

(1) *Бубенъ*—барабанъ, *сопѣли*—духовой музыкальный инструментъ, а *гусли* — струнный, вѣроятно въ родѣ балалайки.

чюдно и дивно: яко за два лѣта лежа сій, ни хлѣба вкуси, ни воды, никакого же брашна, ни овоща, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глухъ. Ѳеодосій же моляше Бога за нь, и молитву творяше надъ нимъ день и нощь; и на 3-ее лѣто проглагола, и прослыша, и на ноги поча встаяти и аки младенець ходити. И не брежаше въ церковь входити, нужею привлачахуть й къ церкви; и тако помалу поча ходити къ церкви. Посемъ поча ходити на тряпезу, и посажахуть й кромѣ (*отдѣльно*) братьи, положать предъ нимъ хлѣбъ, не емляше, но ли (*пока*) въ руцѣ вдадять; Ѳеодосій же рече: »положите предъ нимъ, ать самъ возметь«; не бреже недѣлю ясти, и помалу оглядався поча ясти, и тако научися ясти; и тако избави й Ѳеодосій отъ козни дьявола. Ѳеодосію же преставлешюся, бысть Стефанъ въ него мѣсто, Исакій же паки вспрія жестокое житіе и рече: »о дьяволе! прелстилъ мя еси, сѣдяща на единомъ мѣстѣ; уже не затворюся въ печерѣ, но побѣжю тя ходя въ манастыри;« и облечеся во власяницю, и на власяницю свиту вотоляну (*полотняную*), и поча уродьствовати, и нача въ поварни служити, варити на братью. На заутренюю преже всѣхъ входя, и стояше недвижимо, зимѣ же стояше въ прабошняхъ (*въ котахъ*) въ протоптаныхъ, дондеже примерзняше нози его къ камени; и по заутрени идяше въ поварню, приготовляше дрова и огнь и воду. Единъ же поваръ, также именемъ Исакій, рече посмихаяся: »Исакій! воно сѣдить воронъ, иди, имй (*поймай*)«; онъ же поклонився до земля, шедъ имъ ворона и принесе ему предо всѣми повары; и ужасошася, повѣдаша игумену и братьи, и почаша братья честити й. Онъ же не хотяше славы человѣческія, поча уродьствовати и пакостити игумену, и братьи, и мірскимъ человѣкомъ; нніи же біяхуть й. И поча по міру ходити, и вселися въ печеру, въ ней же преже былъ, и собра къ собѣ младыхъ и вскладываше на нихъ порты (*ризы*) чернечскіи, да овогда отъ игумена Никона раны пріимаше, овогда отъ родитель дѣтескъ; сѣ же все терпяше, раны, наготу и студень. Единою же вжегшю ему пещь въ печерѣ, поча палити утлизнами, оному же нѣчимъ заложити, вступи ногама на поломя, дондеже изгорѣ, и излѣзе. И ина многа повѣдають о немъ, другое и самъ видѣхъ. И тако взя побѣду на бѣсы, нивочтоже имяше устрашенія ихъ, яко мухъ, мечтанія ихъ. Бѣси же напасти ему дѣяху, глаголюще: »нашъ еси, Исакіе! се поклонился еси нашему старишинѣ«; онъ же рече имъ: »имамъ Іисуса Христа Бога и пречистую его Матерь и молитву Ѳеодосія и тако побѣжю злохитрія ваша и мечтанія«,—знаменашеся знаменіемъ крестнымъ, и тако изчезаху бѣси. Тогда въ нощи прихожаху бѣси съ мотыками и рыскари, (*съ скребками и лопатами*), глоголюще: »роскопаемъ печеру сію, и сего загребемъ сдѣ«; иніи же глоголаху: »бѣжи, Исакіе! хотять тя загрести«; онъ же рече: »аще бысте человѣци были, то въ день бысте являлися, но тма есте, во тмѣ ходите«,—и знаменашеся крестомъ и изчезаху. Паки же являхуся ему звѣриномъ образомъ, и зміевомъ и гадовымъ, всякимъ привидѣніемъ страшаще, и не взмогоша ему ничтоже сътворити, и вопіяху: »о Исакіе! одолѣ и побѣдилъ ны еси«; онъ же рече: »якоже бысте вы мене прелстили во образѣ христовѣ и ангелскомъ, недостойни суще проклятіи того видѣнія, нынѣ же являетеся звѣриномъ и гадовомъ, аци (*каковы*) же и есте«.— Оттолѣ не бысть ему пакости отъ бѣсовъ; якоже самъ повѣдаше: »яко се бысть ми за 3 лѣта брань«. Потомъ поча крѣпльше жити вздержаніемъ, пощеніемъ и бдѣніемъ, и въ такомъ житіи скончася: разболѣвся, внесоша й въ манастырь, до 8-го дне скончася о Госпо-

дѣ; игуменъ же и братья спрятавше тѣло его, погребоша. Таціи бяху (*таковы были*) черньци Ѳеодисіева манастыря, иже и по смерти сіяють яко свѣтила, и молять за сдѣ сущюю братью и за приносящая въ манастырь, въ немъ же и нынѣ добродѣтелнѣ живуть обще вси, въ пѣніи и въ молитвахъ, на славу всемогущему Богу, Ѳеодосіевыми молитвами, аминь.

(*Изъ Кіевопечерскаго Патерика. П. С. Лѣт. 1, 259—261. 81—85*).

Изслѣд. о Патерикѣ *Кубарева*. Ж. М. Н. Просв. 1838, № 10, н. XX, I, ч. XXVI, II, 121. О Патерикѣ Изв. Акад. V, 129 — 158. Чт. общ. 1846—47, кн. IV, отд. 4, 5—10; кн. IX, 1—40 1858, III. Труды Моск. общ. ист. I. Критич. разборъ Патерика *П. Казанскаго*. Времен. VII. См. Опис. Кіево-печерс. лавры. *М. Евгенія*. Кіевъ 1831.

96. Духовная Антонія до 1147.

Се язъ Антоній, хужши во мнисѣхъ, изыдохъ на мѣсто се, не пріяхъ ни имѣнія ото князя, ни отъ епископа, но токмо благословеніе отъ Никиты епископа, и паша по чюжей землѣ ни вдвое, ни во едино, ни себѣ покоя не дахъ, и братіи и сиротамъ, и здѣ крестьяномъ досажая: да то все управитъ Мати Божія, что есмь бѣды принялъ о мѣстѣ семъ. Се поручаю Богу и св. Богородицѣ и крестьяномъ, и даю въ свободу и поручаю мѣсто се на игуменство. Хто мое слово худое преступитъ, судитъ ему Богъ и св. Богородица, или Богъ отведетъ. А кого изберутъ братья и отъ братьи ниже хто въ мѣстѣ семъ терпитъ. А которой братъ нашъ да отъ мѣста сего начнетъ хотѣти игуменства или мздою или насильемъ, да будетъ проклятъ. Или ото князя начнетъ по насилью дѣяти кому или по мздѣ, да будетъ проклятъ. И се возвѣщаю: да егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ, далъ есмь на земли и на тони 70 гривенъ, на селѣ есмь далъ гривенъ 100. На Волховскомъ Тудорѣ съ женою и съ дѣтьми одерень, Волосъ (*Власъ*) съ женою и дѣтьми одерень, Василій съ женою и дѣтьми одерень. Аще сю грамоту кто преступитъ, да будетъ проклятъ тремі сты св. отецъ и осмьюнадесятъ и буди ему со Іюдою причастье.

(*Ист. Рус. Іерархіи III, 124—126*).

См. поздняго состава »Житіе Евфросиніи Полоцкой« Степен. книга I, 273; »Житіе Никиты Новгор.« Ист. Р. Ц. *Макарія* II, пр. 54—57. О житіи Леонтія Ростов. Тамже II, 59. Нифонтъ епис. Новгор. *П. Зернина*. Архивъ Калачова 2, 1, отд. III, 107—115. Рус. святые *Архіеп. Филарета*. Черниговъ. 1861. О житіяхъ Вологодс. святыхъ. Москвит. 1850. XX, 68; XXIII, 40; 1851, III, 227.

97. Житіе Антонія Римлянина до 1157 (*).

Сеи преподобныи и богоносныи отецъ нашъ Антоніе родися во градѣ въ великѣмъ Римѣ, иже отъ западныя части отъ Италіискіа земля, отъ латынска языка, отъ христіану родителю, и навыче вѣрѣ христіанстѣи, ея же деръжаста родителіе его втаинѣ, крыющеся в домѣхъ своихъ; понеже Римъ отпаде вѣры христіанскіа, и преложишася в латыню, конечнѣ отпаде от паны Формоса, даже и до днесь. И ина многа о отпаденіи римскомъ повѣда ми, и о богомерской ереси ихъ; но убо о семъ да премолчимъ, о преподобнѣмъ же да глаголемъ. Отецъ же его и мати, в добрѣ исповѣданіи, отъидоша к Богу, преподобныи же навыче грамотѣ и

(*) Это житіе представлено здѣсь въ сокращенномъ видѣ.

изъучи вся писаніа греческаго языка, и прилежно начатъ чести книги ветхаго и новаго завѣта и преданіе св. отецъ 7 соборовъ, еже изложиша и изъясниша вѣру христіанскую. и вожделѣ въспріяти иноческіи образъ. И помолився Богу, и раздая имѣніе родителеи своихъ нищимъ, а прочее отъ имѣніа своего положи въ сосудъ древянъ в дельву, рекще в бочку, и закопавъ и всякою крѣпостію утвердивъ, сокры, и вверже в море. Самъ же поиде от града в дальніе пустыни взыскати мниховъ живущихъ и тружающихся Бога ради, крыющеся отъ еретикъ, в пещерахъ и в разсѣлинахъ земныхъ. И божіимъ промысломъ вскорѣ изобрѣте мнихы, в пустыни живущихъ; в нихъже бѣ единъ имѣяше презвитерскій чинъ. Преподобныи же Антоніе много моляшеся имъ со слезами, дабы его присочетали къ своемъ Богомъ избранному стаду. *Ониже много его вопрошаху о христіанствѣ. и о среси римстѣи, боящеся искушеніа отъ отступникъ и отъ еретикъ.* Онъ же имъ христіанина себе исповѣдавъ, они же ему рекоша: чадо Антоніе, понеже юнъ еси и не можеши трьпѣти постническаго житія и трудовъ чернеческыхъ; понеже ему бывшу въ то время 18 лѣтъ, и ина многа ему повѣдаху узкаго и прискорбнаго шествія пути иноческаго трьпѣніа. Он же неослабно моляшеся имъ и кланяяся с великимъ умиленіемъ о воспріятіи мнишескаго образа, и едва получи желаніе свое, и постригоша его во иноческіи образъ; и пребысть же преподобныи с ними в пустыни тои 20 лѣтъ, тружаяся и постяся, и моляся Богу день и нощь. Бысть же, рече, вдалѣе насъ яко 30 поприщь в пустыни возграждена отъ ту живушихъ иноковъ церкви мала. во имя боголѣпнаго преображеніа Господа Бога и Спаса нашего І. Христа. Обычаи же бяше всѣмъ инокомъ ис пустыни сходящеся к велицѣи субботѣ.

...Ненавидяи же добра діаволъ воздвиже гоненіе конечное на христіаны, *послаша князи града того и богомерзкіи отступникъ папа римскіа области по пустынямъ, и начаша имати мнихы, и предаяху на мученіе; преподобнымъ же онѣмъ отцемъ богоизбраннаго Христова стада, отъ страха того разшедшимся по пустыни, и не возвѣдаша другъ друга.* Преподобныи же Антоніе начатъ жительство имѣти при мори в непроходныхъ мѣстѣхъ, толико на камени нощію и во дни безпрестанни стоя и моляся Богу, и никакогожъ покрова и хижа (*хижины*) неимѣя, точію мало пищи вкушая отъ недѣля до недѣля, еже принесе изъ пустыни своея. И пребысть ту на томъ камени преподобныи годищное время и мѣсяца два. и толико трудися къ Богу моляся в постѣ и во бдѣніи и молитвахъ и безъ пища пребывая, елико ангеломъ подобенъ бысть...

Бысть же въ лѣто 6614, м. сентября въ 5 день, на память св. пророка Захаріи, отца предтечева, восташа вѣтри велицы зело, и море восколебася, яко николиже быша тако, и волнамъ морскимъ до камени восходящимъ, на немъ же пребываше стоя и безпрестанни молитвы Богови возсылая, — и абіе внезапу, едина волна напрягшися, и подъ ятъ камень, на немъ же преподобныи стояше, и несе его на камени, якоже на корабли легцѣ, ни како же ничимъ не повреди ни устраши его. Преподобныи же стояше и безпрестанни моляся Богу... И не свѣмъ, рече, когда день, когда ли нощь, но свѣтомъ неприкосновеннымъ объятъ бысть, камени же текущю по водамъ, ни кормилца (*гребцовъ*) имущи, ни кормъчіа... И отъ Римскіа страны шествіе его бысть по теплому морю, изнегоже в рѣку Неву, и из Невы рѣкы въ Невое озеро, из Неваж озера вверхъ по рѣцѣ Волхову, противу быстринъ неизреченныхъ, даж и до В. Нова-града, до уреченнаго мѣста ка-

мень не приста нигдѣже. И приста камень, на немже преподобныи стоя и моляшеся, при брезѣ великіа рекы, нарицаемѣй Волхова, на мѣстѣ, идѣже нынѣ божіею благодатію и пречистыя Богородица и преподобнаго отца нашего Антонія молитвами обитель стоитъ. В таже времена бысть въ третюю стражу нощы, въ сельцы, еже именуемо Волховскомъ, начаша во градѣ звонити к заутреннему пѣнію, якоже обычаи есть, и услыша преподобныи звонъ великъ во градѣ, и ста на многъ часъ во страсѣ мнозѣ и в недоумѣніи, и отъ страха начатъ быти въ размышленіи, и во ужасѣ велицѣ, и чаяше яко ко граду Риму принесенъ бысть на камени.

Нощи же мимошедши, и дневному свѣту солнцу возсіявшу; преподобному же на камени стоящу, стекошася людіе къ нему, иже ту живуще, и зряще на преподобнаго дивящеся, и пріидоша к нему и начаша вопрошати о имени и о отечествѣ и отъ коея страны пріиде. Преподобному же ни мало русску языку умѣющу, и никотораго отвѣта недоумѣяше имъ сказати; но токмо кланяяся, самъ же с камени не поступи, и пребысть ту три дни и три нощи, на камени стоя и моляся Богу. Въ 4-й же день преподобныи помолися Богу на многъ часъ о увѣденіи града и о людехъ, и дабы ему послалъ Богъ таковаго человѣка, иже бы ему повѣдалъ о градѣ и о людехъ. И сниде преподобныи с камени и поиде во градъ, и обрѣте человѣка греческіа страны гостбу дѣюща, купецкіи чинъ имуща, иже умѣяше римскимъ и греческимъ и русскимъ языкомъ.

Узрѣвъ же преподобнаго, вопроси его о имени и о вѣрѣ; преподобныи же ему повѣдаше имя свое, и христіана себе нарече и грѣшна инока и недостойна ангельскаго иноческаго образа. Купецъ же онъ паде къ ногама святаго, прошаше благословеніа отъ него; преподобныи же

ему благословеніе дарова и о христѣ цѣлованіе. Вопросившу же его преподобному о градѣ семъ и о людехъ и о вѣрѣ и о св. божіихъ церквахъ; Готфинъ же преподобному повѣдаше вся по ряду...

Преподобныи же слыша отъ греченина сего повѣсти сія, возрадовася душею, и всесильному Богу веліе благодареніе воздаяше во умѣ своемъ. Вопроси же преподобныи греченина Готфина глаголя: еще мнѣ повѣсть, друже, колико разстояніе отъ града Рима до града сего, и въ колико время преходятъ людіе путь сеи? Онъ же рече: »дальшая страна есть, и нуженъ путь по морю и по суху, едва преходятъ въ полгодищное время, аще кому Богъ поспѣшитъ«. Преподобному же размышляющу и дивящуся въ себѣ о величіи Божіи, како в два дни и въ двѣ нощи толику долготу пути преиде, наипаче же, яко и выше естества на камени по водамъ,—и едва отъ слезъ удержашеся въ то время, и поклонися ему до земля, миръ и прощеніе ему даровавъ. И вниде преподобныи во градъ помолитися св. Софіи премудрости Божіей, и великаго святителя Никиту видѣти,—и видѣвъ церковное благолѣпіе и чинъ, и святительскіи санъ, вельми возрадовася душею, и помолився и обхождаше всюду, и пакы отыде на мѣсто свое. Святителю же Никитѣ въ то время никако неявися преподобныи, понеже еще ненавыче словенску и русску обычаю и языку. Начатъ же преподобныи молитися стоя на камени своемъ день и нощь, дабы ему Богъ открылъ русскіи языкъ, *и видѣвъ Господь Богъ преподобнаго подвиги и труды, и начаша приходити къ нему, иже ту близъ живущеи людіе и гражане, молитвы ради и благословеніа.* И божіимъ промысломъ, преподобныи вскорѣ отъ нихъ начатъ разумѣти, и глаголати русскимъ языкомъ; людемъ же вопрошающимъ его о отечествѣ, и коея земля рожденіе, и воспитаніе. и о

пришествіи его; преподобныи же ни како не повѣдаше о себѣ, токмо себе грѣшна именуя. По малѣ же времени доиде въ слухъ о немъ до святителя Никиты того же В. Новаграда; святитель же Никита посла по него и повелѣ его привести предъ себя. Преподобныи же во страсѣ велицѣ бывъ, еще же и радостію одержимъ бысть, и иде ко святителю въ велицѣ смиреніи. Святитель же введе его въ келію свою, и сотворивъ молитву преподобныи, и рече: аминь, и пріемлетъ благословеніе отъ святителя со страхомъ и съ любовію, яко отъ Божіа рукы. Святитель же Никита провидѣ ев. духомъ еже о преподобнемъ. и начатъ вопрошати его о отечествѣ. и о пришествіи его въ В. Новградъ: откуду и како пріиде? Преподобныи же святителю не хотя повѣдати тайны, славы ради человѣческіа, но токмо грѣшна себя именуя. Святитель же Никита с великимъ прещеніемъ, еще же и съ заклинаніемъ, вопрошая преподобнаго и рече: мнѣ ли брате не повѣси таины своея, а вѣси яко Богъ имать открыти нашему смиренію, яже о тебѣ, ты же судъ преслушаніа пріимеши отъ Бога. Преподобныи же падъ предъ святителемъ на лицы своемъ, и плакаше горько, и моля святителя, да не повѣсть таины сея никому же, дондеже преподобныи въ жизни сеи. И повѣда о себѣ таину на единѣ святителю Никитѣ вся поряду: о отечествіи своемъ, и о воспитаніи и о прихожденіи своемъ изъ Рима въ В.. Новградъ, яже исперва писана. Святитель же Никита сія слышавъ отъ преподобнаго, не мняше его яко человѣка, но яко ангела Божіа... И оба лежаста на земли, плакастася, помочая землю на многъ часъ, другъ у друга благословеніа просяще и молитвы...

Святитель же Никита много моляше преподобнаго, дабы избралъ себѣ мѣсто потребно у него. и пребывалъ съ нимъ до исхода душа своея; преподобныи же никако восхотѣ сего сотворити. и отвѣщавъ рече: Господа ради, святче Божій, не нуди мене: довлѣетъ бо ми на томъ мѣстѣ терпѣти, идѣже ми Богъ повелѣ. (*За тымъ идетъ разсказъ о посѣщеніи владыкой Антонія*).

Святитель же хотя поставити ему хижину близъ камени; преподобныи же сего никакоже восхотѣ, но всяку скорбь терпяше ради Бога. Святитель же Никита хотя истѣе увѣдѣти о чудеси, бояся искушеніа, начатъ, разводя на единѣ селянъ тѣхъ, вопрошати о явленіи преподобнаго; они же единодушно рѣша ему: во истину святче человѣкъ сіи Божіи по водамъ принесенъ бысть на камени...

Святитель же Никита (*по пріѣздѣ домой*) посылаетъ по посадниковъ, по Ивана и по Прокопіа, по Ивановыхъ дѣтеи посадничихъ, и рече имъ: »чада моя, послушаите мене; есть во отечествѣ нашемъ сельцо близъ града рекомое Волховско; Богъ изволи и пречистая Богородица на мѣстѣ томъ воздвигнутися храму пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества, и устроитися обители страннымъ симъ преподобнымъ Антоніемъ, и возшлется молитва къ Богу о спасеніи душъ вашихъ, и воспамяновеніе будетъ родителемъ вашимъ«. *Посадницы же съ любовію послушаша святителя. и отмьриша подъ церковь и подъ монастырь земли на вся страны по пятидесяти саженъ*; и повелѣ епископъ Никита возградити церковь древяну малу, и освяти ея, и едину келейду постави на прибѣжище мнихомъ.

По лѣтѣ же единомъ пришествія преподобнаго, близ камени преподобнаго, рыболовцы ловитву дѣюще, и объ всю нощь тружавшеся и неяша ничтоже: и отъ труда изнемогоша, и извлекоша мрежа своя на брегъ и в велицѣи скорби быша. Преподобныи же скончавъ молитву иде къ ловцомъ и глагола имъ: чадца моя, токмо имамъ гривенный слитокъ сребра (по-

неже въ то время у новгородскихъ людеи не бысть денегъ, но ліяша слитки сребряныя: ово в гривну, ово в полтину, ово в рубль. и тѣми куплю дѣяху), — и сію гривну слитокъ вдаю вамъ. Послушаите мене, ввержите мрежа своя въ великую сію рѣку Волховъ, и аще что имете, то вдамъ пречистыя Богородица. Они же не восхотѣша сего сотворити и отвѣщавше рѣша: объ всю нощь тружавшеся и ничтоже яхомъ (*вынули*), толико изнемогохомъ; преподобныи же съ прилежаніемъ моляше ихъ, дабы послушали его. Они же по повелѣнію преподобнаго ввергоша мрежа своя въ рѣку Волховъ, и извлекоша на брегъ множество много великыхъ рыбъ, молитвами святаго, едва не проторжеся мрежа, яко николиже тако яша; еще же извлекоша сосудъ древянъ делву, сиречь бочку, окована всюду обручьми желѣзными. Преподобныи же благословяше ловцовъ глаголя: чадца моя, вѣдите милость Божію, азъ же васъ благословляю и вдаю вамъ рыбу, себѣ жь сосудъ делву, сиречь бочку, понеже ми Богъ вручи на созданіе монастыря... И рекоша къ преподобному: »се мы наймомся у тебе рыбы ловити, а бочка наша есть«; еще же и жестокими словесы досаждающе укоряху преподобнаго. (*Пошли къ городскимъ судьямъ, чтобы они рѣшили споръ*). Старецъ же рече: »господіе мои, вопрошаите ловцовъ сихъ, что они имутъ вложеное въ бочку сію?« Ловцы же недоумѣющеся, что отвѣщати ктому; преподобныи же рече: »сія бочка нашея худости, вдана морстѣи водѣ въ Римѣ сущемъ отъ нашихъ грѣшныхъ рукъ; вложеное же въ бочку сосуди церковніи, златіи и сребряніи и хрустальніи, потири и блюда, и иная многа отъ священныхъ вещей церковныхъ, и злато и сребро отъ имѣніи родителеи моихъ. Вверженое же в море *сокровище сіе тоя ради вины, еже бы не осквернилися священніи сосуди отъ богомерзкихъ еретикъ, и отъ опрѣсночныхъ ихъ бѣсовскихъ жертвъ.* Подписи же на сосудехъ римскымъ языкомъ написаны«. Судіа же повелѣша разбити бочку, и обрѣтоша вся по словеси преподобнаго. и даша преподобному бочку и отпустиша его с миромъ, и ктому никтоже смѣяше вопросити его. Ловцы же отыдоша посрамлени. Преподобныи же Антоніе иде ко святителю Никитѣ, радуяся и благодаря Бога о обрѣтеніи бочки, и повѣда вся святителю...

Антоній полагаетъ сокровище свое во святительстѣи ризницы на соблюденіе, а самъ, вземъ благословеніе у святителя, и начатъ строити обитель. *И купи землю около монастыря у посадниковъ градскихъ, и съ живущими, иже на тои земли людьми прилучившимися,* и въ прочая лѣта, доколе Божіимъ строеніемъ миръ вселенныя стоитъ, *и при великои рѣцѣ Волховѣ рыбную ловитву купи на потребу монастырю,* — *и межинами отмежавъ, и писму вдавъ; и въ духовную свою грамату написавъ. И начатъ тружатися безпрестани, чрезъ весь день, и труды къ трудамъ прилагая, нощи же безъ сна пребывая, на камени стоя и моляся,* — *и видя его богоподобное ангельское житіе, кн. в. Мстиславъ, и святитель Никита, и вся старѣйшины града того и людіе начаша блажити и велію вѣру имѣти.* Таины же о пришествіи его не вѣдяше никтоже, развѣ епископъ Никита, и начаша прибиратися братія ко преподобному; онъ же съ любовію пріимаше. *Мнѣ же недостойному священноиноку Анорею Богъ сподобилъ воспріяти ангельскіи образъ во обители сеи,* — *и быхъ въ послушаніи и во ученіи преподобнаго.*

(*Потомъ построили каменную церковь, богато украсили ее, поставили трапезу, кельи и ограду монастырскую*)

Имьніа же преподобныя ни отъ когоже не воспріятъ, ни отъ князей, ни отъ епископа, ни отъ вельможъ градскихъ; но токмо благословеніе отъ чудотворца Никиты епископа. Но все строяше изъ бочки сея, еже из Рима Богъ постави водами въ великомъ Новѣградѣ, *и поты и труды своими,— и аще кто что принесетъ Бога ради потребная отъ имьніа своего, или пищу; преподобныи же тьмъ братію питая, еще же и сиротъ и вдовицъ убогихъ, и нищихъ питая. И потомъ преподобныи з братіею и с сиротами своими начатъ прилагати ко трудомъ труды.* Не по мнозѣ же времени святитель христовъ Никита епископъ начатъ изнемогати, и призва преподобнаго, и повѣда ему отшествіе свое отъ жизни сея, и много наказавъ его, отыде къ Богу. Преподобныи же въ велицѣи сборби и в слезахъ бысть о преставленіи святителя Никиты, понеже великъ духовный совѣтъ имѣяху между собою.

(Обитель стала распространяться, монахи умолили Антонія, чтобы онъ былъ у нихъ игуменомъ).

И поживе преподобныи во игуменствѣ лѣтъ 16, в добрѣ исправленіи упасе стадо христово.

И увѣде преподобныи о своемъ отшествіи къ Богу, *призвавъ мене священноиинока Андрея,* и нарече себе мене отца духовнаго и добрѣ исповѣдавъ со слезами, и повѣда моему окаянству преподобныя свое пришествіе изъ Рима, и о камени, и сосудѣ древяномъ, о делви, сиречь бочки, еже исперва написа. И повелѣ ми вся сія написати по представленіи своемъ и церкви Божіеи предати, чтущимъ и послушающимъ на пользу души и на исправленіе добрыхъ дѣлъ, въ славу и честь св. и живоначальнѣй Троицы Отцу и Сыну и св. Духу, и пречистѣй Богородицы. Мнѣ же о семъ въ

велицѣ удивленіи бывшу, и посемъ призва братію и рече имъ: »братія моя и спостницы! молю убо васъ, се нынѣ отхожу отъ жизни сея ко Господу Богу моему І. Христу, да молите за мя и пречистую Богородицу въ преставленіи моемъ. *Да измутъ ангели милостивіи душу мою* (1), и да избѣгну сѣтей вражіихъ отъ воздушныхъ мытарствъ вашими св. молитвами, понеже грѣшенъ есмь; вы же *изберите себе на игуменство отъ братіи* на мое мѣсто отца и учителя, и пребудите у него въ постѣ в молитвахъ и в трудѣхъ, во бдѣніи и в слезахъ. Еще же молю вы о немъ же изыдосте, о томъ и подвизаитеся и о своемъ спасеніи не нерадите, и миръ и любовь между собою имѣите. и милостыни прилежите, и страннолюбія не забываите, — и аще тако пребудите, обитель сія пречистыя Богородица никогда же не оскудѣетъ. Еще же молю вы, пребудите въ послушаніи ко игумену и ко отцемъ своимъ духовнымъ, ко старѣйшимъ братіи, писано бо есть: »блажени нищіи духомъ яко тѣхъ есть царство небесное« и проч. И ина многа наказавъ преподобныи братіи и поучивъ, яже ко спасенію; братія же видѣвше преподобнаго в послѣднемъ издыханіи, быша въ велицѣ умиленіи и в сѣтованіи, и в слезахъ многихъ, и рекоша: »о добрый нашъ пастырю и учителю! се нынѣ уже зримъ тя въ послѣднемъ издыханіи на кончинѣ вѣка, и нынѣ къ кому прибѣгнемъ и отъ кого насладимся медоточныхъ словесъ ученія, и кто попечется о нашихъ грѣшныхъ душахъ? Но молимъ тя, угодниче Спасовъ, аще обрящеши предъ Богомъ благодать и милость и по отшествіи своемъ отъ жизни сея моли о насъ неослабнѣ Бога и пречистую Богородицу«. Блаженныи же

(1) См. въ стихѣ о двухъ Лазарях и въ словѣ о мытарствах. Выше № 75.

глагола имъ: »чадца моя, се уже предаю васъ въ руцѣ Господни и пречистыя Богородицы, а о игуменѣ возложите на Господа Бога и пречистую Богородицу и на наше смиреніе: то уже *наставникомъ вамъ вмѣсто мене да будетъ отецъ мои духовныи священноинокъ Андреи*«. И тако предаетъ ему монастырь и братію ему, вручивъ глаголя: »се убо, брате Андрее, оставляю тя съ Богомъ строителя и кормника обители сеи святѣй и всю братью о Бозѣ собранную; но блюди, брате, прочее, да ничтоже оставится отъ монастырскихъ законъ, отъ св. апостолъ и пророкъ, и св. вселенскихъ соборъ...

Азъ же аще тѣлеснѣ отхожу отъ васъ, но духомъ съ вами неотступно пребуду, и о семъ разумно да будетъ вамъ, аще обрѣлъ буду благодать предъ Богомъ, то обитель сіа, по отшествіи моемъ умножится наипаче,—и соберутся братіи множество въ духовной любви, и умножится св. сія обитель всѣмъ обильствомъ духовнымъ, и въ тѣлесныхъ обидахъ не будете скорбни.« И тако учивъ ихъ довольно и духовнымъ лобзаніемъ цѣловавъ ихъ, и когождо по единому, и одаривъ ихъ молитвами и благословеніемъ печатлѣ, и впредь полагаетъ братіи заповѣдь: »*аще лучится избрати игумена, то избирати отъ братіи, иже кто на мѣстѣ семъ трьпитъ. и аще князь нашилетъ игумена, или епископъ, по насилію или по мздѣ, или которыи братъ нашъ отъ мѣста сего, а начнетъ хотѣти игуменства, кромѣ братскаго соборнаго изволенія, егоже не произволятъ братія на игуменство, тоиже мздою или насиліемъ отъ князя или отъ епископа поставленъ будетъ, тыхъ преподобныи проклятію предаетъ*«. Таже и о земли утверждая и глаголетъ: »о братія моя! егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ купилъ есмь село сіе и землю, и на рецѣ сеи рыбную ловитву, на строеніе монастырю, цѣною изъ пречистыя сосуда, сиречь изъ бочки,—и аще кто начнетъ обидѣти васъ, или наступати на сію землю, ино имъ судитъ мати Божія«. И давъ братіи послѣднее прощаніе и о Христѣ цѣлованіе, и ставъ на молитвѣ и воздвигъ руцѣ горѣ, и знамена вся животворящимъ крестомъ, перекрести лице свое, рекъ: »миръ всѣмъ«. И помолився на многъ часъ, аще убо и радостно тому бяше, еже разрѣшитися отъ плоти, и съ Христомъ быти; но показуя яко всѣмъ страшна чаша смертная, и многія же по воздухомъ истязателя имамы...

(*Прочитавъ молитву, чтобы Господь сподобилъ его пройти безвредно огненныя волны и глубины бездонныя и избавилъ отъ темныхъ князей тартара, Антоній*) повелѣ священноиноку Андрею, отцу своему духовному, себе покадити и отходная пѣти,—и возлегъ на одрѣ своемъ и отыде къ Богу—въ вѣчныи покои. И погребенъ бысть честно архіеп. Нифонтомъ съ священнымъ соборомъ и со множествомъ народа града того, со свѣщами и съ кадилы, со псалмы и пѣніи и пѣснями духовными въ лѣто 6655 (1147) м. августа въ 3 день, на память преп. и богоносныхъ отецъ нашихъ Исакіа далматіа и Фавста. И положено бысть честное тѣло его въ церкви преч. Богородицы, юже самъ созда. Поживе же съ пришествія своего до игуменства лѣтъ 14, въ игуменствѣ же бысть лѣтъ 16, и всѣхъ лѣтъ поживе во обители 30. и по благословенію препод. архіеп. Нифонта поставляетъ во игумены ученика преподобнаго священноиноинока Андрея. Сеи же Андреи повѣда архіеп. Нифонту и княземъ града того и всѣмъ людемъ, еже слыша отъ преподобнаго о чудесѣхъ сихъ; архіепископъ же и вси людіе вельми почудившеся и воздаша хвалу Богу и пречистѣи Богородицы, и великому чудотворцу Антонію; и оттолѣ

начать зватися Антоніи *Римлянинъ*. И повелѣ архіеп. Нифонтъ сіе житіе преподобнаго изложити и написати и церкви божіи предати, на утвержденіе вѣръ христіанствѣй и на спасеніе душамъ нашимъ; *а Римляномъ, еже отступиша отъ православныя греческія вѣры, и преложишася въ латынскую вѣру, на посрамленіе и на укоризну, и проклятіе*, въ славу же и честь животворящей Троицы, Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

(*Правосл. Собес. 1858 г. кн. 5*).

Это житіе написано въ XII в. ученикомъ Антонія—игуменомъ Андреемъ, но подверглось передѣлкѣ въ XVI в. См. *Очерки Бусаева II, 97—133*.

98. Изъ житія Агапитова ок. 1235.

Нѣкто отъ Киева постриженся именемъ Агапитъ при блаженѣмъ отци нашемъ Антоніи, иже послѣдьствовавше житія того ангельскаго, самовидець бывъ исправленіемъ его. Яко же бо онъ, великыи, покрывая свою святость, болныя цѣляше от своея яди, мняся тѣмъ зелье врачевьное подаяти, тако здрави бываху молитвою его: тако и сь блаженый Агапитъ, ревнуя святому старцю, помогаше больнымъ. Егда кто от братия разболяшеся, сии оставивъ кѣлию (не бѣ что крадомаго), пришедъ к болящему брату, и служаше ему, подъимая же и полагая того, на свою руку износя его, подавая тому отъ своея яди, еже варяше зелие; и тако здравъ бываше больныи молитвою его. Аще же ли продолжашеся недугъ болящему—сице Богу благоволящю, да и вѣру и молитву раба своего умножитъ—сии блаженыи Агапитъ неотступно пребываше у него непрестаньно молясь за нь, дондеже Господь здравие подасть болящему молитвы его ради. И сего ради прозванъ бысть *Лѣчець*. Сему Господь дарова дары исцѣления. И въ градѣ се слышано бысть: нѣкто въ манастыри лѣчецъ. И мнози приношаху к нему болящая, и здрави бываху.

Бысть же в сего блаженаго времѣ нѣкто, Орменинъ родомъ и вѣрою, хытръ же бѣ врачевати, яковъ же не бысть преже его, иже токмо видѣвъ болнаго познаваше и повѣдааше смерть его нарекъ день же и часъ, и никако же измѣниться слово его. Се уже никако же не врачюется. Отъ сихъ единъ болныи принесенъ бысть в печерьскыи манастырь, иже первыи бысть у князя у Всеволода, его же Орменинъ в нечаяние введе, прорекъ ему по осми днии смерть. Блаженыи же Агапитъ, давъ тому отъ зелия, еже самъ ѣдяше, здрава створи. И промчеся слово о немъ по всеи земли-русьскои. Орменинъ же утъченъ бысть завистною стрѣлою, нача укарятя блаженаго. Посла в манастырь нѣкого осужена на смерть, повелѣвъ дати ему смертнаго зелия, да пред нимъ вкусивъ, падъ умретъ. Блаженыи же сего умирающа, дасть ему манастырьскы яди, и сдрава створи молитвою своею отъ смерти избави повиньнаго. Отселѣ воружаться на нь иновѣрныи, научая тожевѣрникы своя, хотя уморити мниха смертнымъ зелиемъ. Блаженыи же пияше безо якости, ничто же зла приемля. Вѣсть бо Господь благочестивыя избавляти отъ смерти, Иже рече: Аще что и смертно испиютъ, ничто же ихъ не вредить; на недужныя рукы възложатъ, и сдрави будуть.

(*Изъ посланія Поликарпа къ Акиндину. Христом. Галахова. 57*).

Посланіе Поликарпа къ кіевопечерскому архимандриту Акиндину—служитъ какбы продолженіемъ посланія Симона къ Поликарпу, потому что Поликарпъ, дѣйствительно, продолжаетъ писать о томъ же предметѣ, о

которомъ писалъ и Симонъ,—о кіево-печерской обители, и повѣствуетъ именно о тѣхъ печерскихъ черноризцахъ, о которыхъ Симонъ еще не написалъ; а съ другой стороны,—и потому, что въ своихъ сказаніяхъ Поликарпъ почти исключительно пользуется тѣмъ, что слышалъ прежде изъ устъ Симона, изрѣдка только ссылаясь на неизвѣстное намъ житіе преп. Антонія. Слѣдовательно Поликарпу принадлежитъ это посланіе болѣе по формѣ, а содержаніемъ своимъ оно обязано преимущественно Симону. Трогательныя убѣжденія послѣдняго, вѣроятно, глубоко подѣйствовали на воспріимчивую душу юнаго Поликарпа; онъ остался жить въ печерской обители простымъ черноризцемъ, началъ повиноваться настоятелю своему Акиндину и по его желанію принялъ на себя и выполнилъ настоящій трудъ (ок. 1230) въ память и наученіе будущимъ инокамъ.... Какъ памятникъ литературный, это посланіе уступаетъ въ достоинствѣ посланію св. Симона. Разсказъ у Поликарпа также простъ, естественъ, но менѣе проникнутъ теплотою чувства и болѣе растянутъ; слогъ не столько точенъ и правиленъ и замѣтно отражаетъ многословіемъ; самыя мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда Поликарпъ позволяетъ себѣ говорить отъ своего лица, менѣе зрѣлы и послѣдовательны, нежели у св. Симона. Но какъ сочиненіе историческое, судя по источникамъ, какими пользовался Поликарпъ, посланіе его можетъ быть поставлено совершенно наравнѣ съ посланіемъ св. Симона, и при единствѣ предмета и самыхъ источниковъ, оба посланія представляются какбы двумя частями одного цѣлаго: они—то, какъ извѣстно, и послужили главною основою для кіево-печерскаго Патерика (*Ист. Р. Ц. Макарія, т. III, стр. 162—3, 167*).

99. Житіе Авраамія Смоленскаго до 1240 (1).

...Владыко мой, Вседержителю, благимъ подателю, Отче Господа нашего І. Христа! приди на помощь мнѣ и просвѣти сердце мое на разумѣние заповѣдей твоихъ, и отверзи устнѣ мои на исповѣданіе устенъ твоихъ и чюдесъ, и на похваленне св. твоего угодника, и да прославится имя твое, яки ты еси помощникъ всѣмъ уповающимъ на тя въ вѣкы.

Бѣ сей блаженый Аврамей отъ вѣрну родителю рожься, бѣста та въ законѣ господни, добрѣ живущи въ законѣ благочестно; бѣ же отець его всѣми чтимъ и любимъ, отъ князи честь пріемля: бѣ бо въ истину отъ всѣхъ опознанъ, яко и правдою украшенъ и многимъ въ бѣдахъ помогая, милостивъ и тихъ къ всѣмъ, къ молитвѣ и къ церквамъ прилежа. Такоже и мати его всѣмъ благочестиемъ украшена, таже не яко неплоды бѣста, двѣмадесять дщерема отъ него рожешимся, и не бѣ има отрочати, и се бысть има отъ божия строенія: многимъ желаніемъ моляста Бога подати има отроча, многы же обѣты и милостыни церквамъ и манастыремъ дающе,—и послуша ею Богъ и дастъ има отроча. Еще бо ему носиму въ утробѣ матернѣ, обита Христова Благодать в немъ и възванъ бысть святыи, яко преже Самуилъ; и совершившимся днемъ рожения, родиста блажена дѣтища... И егда же бѣ отрочатемъ въ взрастъ смысла пришедшю, родителя его даста книгамъ учити: не бо унываша отроча, яко прочая дѣти; но и скорымъ прилежаниемъ извыча; къ сему же на игры съ прочими съ инѣми не съхожаша, но на божественная и на церковная пѣния и почитания преже инѣхъ притекая, яко о семъ родителема радоватися, а инѣмъ чюдитися таковому дѣтища разуму. Господня бо бѣ благодать на немъ, просвѣщающа разумъ его и наставляюща на путь заповѣдии Христовыхъ. Егда же въ большии възрасть прииде, всею тѣлесною красотою и добротою, яко свѣтъ сияше; родителема же его къ браку понужающимъ, но той самъ не восхотѣ, наипаче поучивъ его и наказавъ презрѣти и възненавидѣти житейскую сию славу, прелесть мира сего, и въсприятъ мнище-

(1) Память Авраамія празднуется авг. 21. Житіе написано ученикомъ его Ефремомъ; здѣсь напечатано по позднему списку. Разсказъ вялъ и безжизненъ, можетъ быть, потому, что распространенъ позже. Я сократилъ его.

ский чинъ. Тѣма же отшедшима жития сего к Богу, онъ же по велику обрадовася, и дасть Богу славу тако извольшему; богатество же, еже остависта родителя его, убогимъ раздаде, вдовицамъ и сиротамъ и черноризцамъ... Богодухновенныя же книги и святыхъ жития почитая и какобы ихъ жития и труды и подвигъ въсприяти; измѣнися свѣтлыхъ ризъ и въ худыя облечеся и хожаше, яко единъ отъ нищихъ, на уродство ся преложи. и расмотряя и прося и моляся Богу, како бы спастися и въ кое мѣсто прити. И оставивъ всѣхъ, Богу наставляющу, отшедъ отъ града далече 5 поприщь, острыжеся ту, якоже мнози вѣдять св. Богородица монастырь, къ въстоку, *Селище* нарищають є. И бысть отолѣ по благодати Христовой болий на подвигъ. и вся труды подвизаяся и мыслью вспоминая св. града Іерусалима... И изо всѣх *(отець)*, любя часто почитати ученія преп. Ефрема великаго вселенныя учителя, и Іоанна Златоустаго, и Ѳеодосья печерьскаго, бывшаго архимандрита всея Руси, иже въ святыхъ богодухновенныхъ книгъ житиа их и словеса приходя и унимая почиташе день и нощь, безпрестани Богу моляшеся, и покланяяся, и просвѣщая свою душу и промыслъ, и кормивъ словомъ Божиимъ. Яко дѣлолюбивая пчела вся цвѣты облѣтающи и сладкую себѣ пищу приносящи и готовящи; такоже и вся отъ всѣх избираи и списая, ово своею рукою, ово многыми писци, да якоже пастухъ добрыи, вся свѣдыи паствы и когда на коеи пажити ему пасти стадо, а не якоже невѣжа невѣдый паствы: да овогда гладомъ, иногда же по горамъ разыдутся, инии отъ звѣрей снѣдени будуть. Тако всѣмъ есть вѣдома невѣжамъ, взимающимъ санъ священства...

И пребысть блаженыи Авраамій пребывая въ монастыри въ трудѣ, и въ бдѣнии и въ алкании день и нощь, якоже и самому игумену зрящу добраго жития радоватися, и всеи братьи. и славити Бога. Мнозѣмъ отъ мира притекати отъ него утѣшения приимати отъ св. книгъ,—и бѣ въ всемъ повинуяся игумену, и послушание имѣя къ всѣмъ братиямъ, и любовь и смирение имѣи, Бога ради покарався всѣмъ. Искусивъ же его игуменъ, яко въ всемъ повинуется ему и послушаеть: бѣ бо и самъ игуменъ хитръ божественнымъ и вся свѣдыи и проходя, якоже мнози свѣдять, и никтоже смѣя предъ нимъ отъ книгъ глаголати; и принуди же блаженнаго Аврамия приять священническый санъ, и поставлену ему бывшу диякономъ, и потомъ ереемъ при княженьи вел. Христолюбиваго Мьстислава смоленъскаго и всея Рускыя земли. Приимъ же св. блаженный священный санъ, болѣи смирения приятъ, яко таку благодать Христосъ ему дарова: божественную литоргею съ всяцѣмъ тщаниемъ, юже за всего мира Христосъ повелѣ приносити, и ни единаго же дне не остави, яко же и мнози вѣдятъ его бывша и до самоя смерти, и не оставившаго церковьная правила и божественныя литургія и своего подвига; нищету же и наготу, и укорения же отъ диявола, и тугу и искушения отъ игумена, и отъ всея братия и отъ рабъ, кто можетъ исповѣдати? Якоже ему самому глаголати: »быхъ 5 лѣтъ искушения терпя, поносимъ, безчествуемъ, яко злодѣй«; якоже не терпя его и видя себе диаволъ побѣждена отъ святаго, и въдвиже нань сию крамолу, своими совѣты хотя и оттолѣ прогнати, якоже и бысть. Видѣ бо диаволъ, яко мнози отъ града приходять и ученіемъ духовнымъ его множатся, отъ многих грѣх на покаяние притекають; аще ли сице речемъ: Богу хотящу, яко нѣсть лѣпо свѣтильнику въ тмѣ сияти, и укрытися граду выше горы сущу... Оттолѣ вьниде въ градъ уча и наказуя вся на страхъ господень. Сице же и сему бысть отъ диаволя научения: ибо нѣцыи отъ иерей,

друзии же отъ пернорижець како бы нань въстети (*возстать*); овы же отъ града потязати и укорити исходяще, друзии и спиру творяще, яко ничтоже свѣдуще, противу нань глаголаху, и тако посрамлении съ студомъ отхожаху; и пакы не преставааху крамолы нань въздвизающе, въ градѣ и вездѣ глаголюще: »се уже весь градъ къ себѣ обратилъ есть«. Есть бо, о братия, о семъ приложити слово на утѣшеніе вамъ: тако бо бѣ благодатию христовою утѣшая приходящия и плѣняя ихъ душа и смыслъ ихъ, дабы възможна неотхожащу быти, яко сему и мнози суть послуси, яже и самому игумену нестѣрпѣти, многыя къ нему видѣ притекающія, и хотя того его отлучити и глаголаше: »азъ за тя отвѣщаю убо Богу, тыже престани уча«, и много озлобления нань възложи. И оттолѣ вьниде въ градъ, и пребысть въ единомъ монастыри у честнаго креста, и ту начаша болѣ приходити и учение его множайшее быти; а врагъ сѣтоваше, а Господь Богъ раба своего прославляше. и съблюдаше на всяко время, благодать и силу подавая рабу своему. И пребысть мало время. и отъ многъ приемля утѣшениа, подаваху ему на потребу и лише потребы; и потомъ скоро раздаваще вдовицамъ и нищимъ, а самъ, еже въ потребу себѣ приимаше, украси же церковь иконами и свѣщами. И мнози начаша отъ града приходити и послушати церковнаго пѣниа и почитаниа божественныхъ книгъ: бѣ бо блаженный хитръ почитати, дасть бо ся ему благодать божия не токмо почитати, но и протолковати, яже мнозѣмъ не свѣдущимъ, и отъ него сказанная всѣмъ разумѣта. и слышащимъ ксему изо устъ и памятью сказая. Яко ничтоже ся его не утаить божественных писаний, якоже николиже умлъкоша уста его ко всѣмъ, къ малымъ же и къ великимъ, рабомъ же и свободнымъ, и рукодѣльнымъ; тѣмъ же ово на молитву, ово на церковныя пѣния, ово на утѣшение притекающимъ. Яко и въ нощь мало сна приимати, но колѣнное поклонение и слезы многы отъ очию излиявъ; и въ перси бья, и кричаниемъ Богу припадая помиловати люди своа, отвратити гнѣвъ свой, и послати милость свою, и належащихъ бѣдъ избавити ны, и миръ и тишину подати молитвами пречистыя Дѣвы Матери Богородицы и всѣх святыхъ. Написа же двѣ иконѣ: едину страшныи судъ втораго пришествія, а другую испытании въздушныхъ мытарствъ, ихже всѣмъ нѣсть избѣжати. И ко всѣмъ приходящимъ онаго страшнаго дня не престая о томъ глаголя и почитая великаго онаго свѣтлаго учителя вселенныя Иоана златоустаго, и препод. Ефрема и всѣхъ богогласных святых св. Духа глаголаннаго ими собѣ у(в)нимая и всѣмъ проповѣдая.

И бѣ блаженныи с воздержаниемъ отъ многаго питья, пьянства же отинюдь ненавидя, ризы же по смирению любя, драгых велми бѣгая, и смирение присно имѣя, на трапезы же и на пиры отинюдь неисходя, многых ради зазираний, якоже бываютъ отъ мѣста изборающихъ. и инѣх ради многых бываютъ, отъ многа ради пияньства и бѣды, и того ради сего убѣгаше. Образъ же блаженнаго и тѣло удручена бяше, и кости его и съставы, яко мощи ищести, и свѣтлость лица его блѣда имуща отъ великаго труда въздержания и бдѣниа, отъ многъ глаголъ, яже тружашеся, поя и почитаа, и молитву принося къ Богу... Егда устрояшеся въ священническыи санъ, образъ же и подобие на великаго Василья: чрьну браду таку имѣя, плѣшиву развѣ имѣя главу, но не зазрите ми братиа моеи грубости: не лжа бо си глаголю, или какою хитростию или мудростию, но многых ради, иже его не видѣша и не слышаша... Видя же себе сатана побѣжденна Христовою силою отъ святаго, яко явльшеся ему овогда въ нощь, овогда въ день,

устрашая и претя, яко огнь освѣчая й въ нощи, яко многѣмъ еще не спящимъ, овогда стужая, овогда являяся въ многѣхъ мечтаниих, пакы яко левъ нападая, яко звѣрие лютии устрашающе; другое — яко воини нападающе и сѣкуще, иногда и съ одра сметающе й; егда отъ сна въстаяше блаженныи, по малу сна вкусивъ, отъ злыхъ окаянныхъ бѣсовскихъ мечтаний, и въ день болѣ ему о семъ стужающе; тѣмже ово собою, ово въ жены бестудныя преображающеся, тоже яко о великомъ Антонии пишеться... Не могыи окаянныи терпѣти бывающия ради благодати помощи вѣрнымъ и христолюбивымъ христіаномъ, и отъ всѣхъ побѣждаемъ силою Христовою, и вшедъ сатана въ сердца безчинных, и въздвиже нань, — и начаша овии клеветати къ епископу, инии же хулити и досаждати, овии еретика нарицати й, а инии глаголаху нань: *глубинныя книгы почитаешь;* инии же къ женамъ прикладающе.

Попове же зияюще и глаголюще: »уже наши дѣти вся обратилъ есть«, — друзии же пророкомъ нарицающе, — и ина же многа нань вѣщания глаголюще, ихже блаженныи чюжь, истиною реку тако. А блаженыи все радуяся терпяше о Господи, събрашежеся вси от мала до велика весь градъ нань: инии глаголють заточити, а инии къ стѣнѣ ту пригвоздити и зажещи, а друзии — потопити. И проведше сквозѣ град, всѣмъ же събравшимся на дворъ владычнь — игуменомъ же и попомъ и черньцомъ, княземъ и боляромъ, дияконом и всим церковницамъ; внегда послаша по блаженнаго, уже всѣмъ събравшемся, посланныя слугы емше, яко злодѣя влачаху. Овии ругахуся ему и безчинная словеса кидающе, и весь градъ и по торгу и по улицамъ, вездѣ полно народа, мужи же глаголюще и жены и дѣти. Блаженныи же бѣ, яко птица ятъ руками, не умѣя что глаголати или что отвѣщати, но едино упование имѣя къ Богу, и к нему моляся о тая, избавити печали... Якоже и бысть: князю бо и вълестѣлем умягчи Богъ сердца; игуменомъ же и ереемъ, аще бо мощно, живаго позрѣти; ведому же ему на снемъ, явися Господь в то время препод. Луцѣ Прусину, у церкви честнаго архангела Михаила, стоящю ему на молитвѣ въ 9 часъ, — и гласъ бысть ему глаголющь: »яко възводять блаженнаго ему угодника на снемъ, съ двема ученикома истязяти хотять, тыжъ о немъ никакоже съблазнися«... И глаголаше блаженныи Лука на снимающихся на блаженнаго Авраамия и на уничижающих его: »много бо безъ правды хулящии уничижають, но да быша трѣси его на мнѣ были, и вы слышасте яко хотѣша сътворити преже сего неимуща страха божиа. Такий же безумний и епискупъ, како хотяше безъ правды убити й, иже и еще порокъ золъ, и хула, и клятва зла и гнѣвъ божии за 30 лѣтъ пребысть, и еще время будеть, аще се того не покаете«...

Приведену бывшю блаженному на суд, ничтоже нань вины не обрѣтающимъ, но безчинным попом, яко волом рыкающим вины, такоже игуменом; князю же и вельможемъ не обрѣтающимъ вины, но изыскающе все, нѣст неправды никоеяже, но всю лжють... *(Всѣ нашли невиннымъ Авраамія).*

Видѣвше же сия, тако отъидоша, и яко неимъ конца, въ чемъ осудити й, и рѣша, от епископа: на се приготованнымъ, крѣпко стрѣщи й. и на два и от ученикъ его, иже преподобному служаше добрѣ. На утрии же събравшися игумении и ереи и вины, яже преже глаголаху укорившe, озлобивше, възложиша нань, — и от того времене пакы видевъ монастырь, идѣже бѣ преже остригльсяся блаженный, яко не пріимшу ему никоего зла, се же от сего времене многа зла пребысть, елико бяше блаженнымъ наученo, всѣ ти обратишася на своя дѣла

злыхъ грѣхъ, но и славу Богу, терпящему сих всѣхъ. И еще тогда блаженному Лазарю ереемъ сущу, и по Игнатии епископу бывшу, истиною рещи, яко поборникъ и пастух Христовы церкви словесныхъ овець; сыи бо бѣше Бога ради оставилъ епископью свою и за многая обидѣния св. церквей, иже обидѣть властели, отъ имающе чюжая без правды, и обидяще вдовицы и сироты. Сии бо видя и слыша, яко вся без правды, яже на блаженнаго Авраамия ону крамолу въдвигнули, Богу бо о семъ въложившю, се пришедъ глагола къ епископу Игнатью: »велико есть быти опитемьи граду сему, аще се добрѣ не опечалиши«,—якоже и бысть. Блаженный Игнатій сего послуша скоро, посла ко всѣмъ игуменомъ и ко всѣмъ попомъ, заповѣдая и запрещая всѣмъ—отъ всякаго речения зла престати, яже на блаженнаго Авраамия. Блаженный же терпя их запрещения, яко ино кому же не приходити к нему; мнози же мечници на всѣхъ путех стрѣжаху, а нѣции разграблени быша. Скоро овии от игуменъ, инии же отъ поповъ напрасную смерть приимаху, яко ведуще и бывше въ сонмѣ на блаженнаго тужаху, и припадаху ему на ногу прощения приимаху, а не бывше въ сонмѣ радовахуся...

Бывшю же бездужьдию велику въ градѣ, яко изсыхати земли, и садом, и нивамъ и всему плоду земному, яко незаколико бысть время, всѣмъ тужащимъ. и молящимъ Бога; и самъ епископъ блаженныи Игнатий (*дьлалъ крестный ходъ*),—и не бысть дождя на земли, и бывше въ печали велицѣ. Се же все бысть от божия промышления. и хотя Богъ блаженнаго Авраамия объявити; и възложи Богъ на сердце нѣкоему сущу иерею, яко шедъ помяну христолюбивому епископу Игнатию о блаженѣмъ Авраамии, глаголя сице: »вси молихомся, не послуша насъ Богъ; кая вина такояже на преп. Авраамия, яко лишенъ бысть божественныя литургия, еда и того ради бысть отъ Бога казнь«? Тогда Игнатии вскорѣ посла по Авраамия, и призвавъ й и спытавъ, яко все лжа и оглаголания по зависти и злобѣ диаволи бысть,—и прости й глаголя: »благослови честный отче, за неведение мое; се ти сътворихъ, послушавше лживыхъ клеветникъ и оглагольникъ«. И благослови паки пречистою и честною литургию съ врътати, и моли Бога о градѣ, и о всѣх людех, да помилуетъ Господь и подасть богатно дождь свой на землю. (*Авраамій дорогой сталъ молиться*) Еще преподобному не дошедшю своея келіи, одожди Богъ на землю дождь, яко славити Бога всѣмъ. и глаголати: »слава тебѣ Господи, яко скоро послуша раба своего. И бысть многа радость въ градѣ и оттолѣ начаша притекати въ градъ...

Лѣпо же помянути и о житии преподобнаго отца Ѳеодосия печерскаго всея Руси: хотя Богъ вѣру раба своего явити, и от того мѣста на другое преселити. и пресвѣтлѣйшю церковь възградити; уже умножившися братии, и показа Богъ чюдо в нощи яко сказають рекуще, яко дуга въ образъ от верха церковнаго, другый холмъ конець ея,—и преподобнаго отца Ѳеодосия душа съ иконою пречистыя Богородица и братьи въ слѣд идуща и поюще. Тако же и нынѣ помянемъ о преп. Авраамии и о молитвѣ пресв. Богородица и братьи въ слѣдъ идуща и поюща, якоже бысть потомъ и хотящимъ показати мѣста, на нем же блаженный о Бозѣ хощеть жити инѣм мнозѣмъ, иже имуть с нимъ спасатися. Преп. и благочестивый Игнатии мышляще създати церковь каменну, во имя св. Игнатья, во имя собе, внѣ града таково суще мѣсто близ ровно, угодно на поставление церкви и все могуще въ сприяти ряд монастырскъ, и скупи огради овощныя окресть его, и постави церковь во имя Богоносца; и потомъ ту разрушивъ и на ино мѣсто пресели, и основа большю, и нарече въ имя

св. владычицѣ нашей Богородица положение честныя ризы и пояса. И быша в нем неколико братии, блаженным питаеми епископомъ Игнатиемъ; нѣкотории же буйци и несмысленнии уни ждаху глаголаше: »аще хощеть кто да идеть на игуменьство, имя нарицающе«... По мнозѣ же времени, Богу о семъ промышляющу, стужаше бо в себѣ Авраамии, яко далече сущу града, приходящимъ такоже; блаженный епископъ помянувъ божиею волею, тогда призва единаго от своего честнаго крылоса, перваго от старѣйших, протопопа именемъ Георгия, глагола к нему о блаженнем Авраамии. Помянувъ, яко далече ему сущу граду, скорбь ему велия, да призоветь скоро; блаженный прииде по повелѣнию епископа (*Игнатій благословилъ его на игуменство*). И оттоли прослави Господь болѣ, зане же злѣ блаженнаго оскорбивше, обращатися начаша и припадати на ногу, просяще прощения, иже всѣми ненавидимъ бывъ, всѣмъ быеть, да иже преже бояхуся приити, то убо не боящеся, но радующеся приходяху. Не точию гражене едине приходяху, но и со женами и съ дѣтми: инъ от княз, и от вельможь, работнии же и свободнии притекаху, вси своя грѣхи исповѣдающе к нему,—и тако отхожаху во домы своя радующеся. Пріим же блаженный домъ св. Богородица, и украси ю, яко невѣсту красну... Мнози же хотяху быти черноризьци, но не ту абие пострижаше, ведый трудъ искушение велика от общаго всего врага, и се братие числомъ 17. Сице же блаженныи искушаше от Христовыи благости, вся бо ему Господь откровенная даяша разумѣти житие хотящимъ и к нему притекающим, тако отвѣщевая глаголюще, къ послушливымъ и смиреннымъ, веля имъ часто притекати къ себѣ, елико бо их от златолюбства и злобы, тѣх удалящася, сице бо от своихъ напастей; многи от черноризець приимаше искушения, да того ради не скоро приима, искушаше же сице ведый по книгамъ; но слышаше нѣкоего игумена, сице бывше точию до 12, то числомъ имяше мних дваже—въ искусѣ. А егда кто хотяше от него постришися, то знамената преже, къ коему брату внидеть, да аще пойдяше къ подвижну брату, то стоя славяше Бога, руцѣ въздѣвъ. и о немъ моляся Богу; аще ли не к такому, то печаленъ бываше... Блаженный епископъ радовашеся, яко таковаго дарова ему Богъ свята и блаженна мужа; Авраамій же радовашеся яко та въ даръ благодать приемъ от него. Мало же по такои любви поживъ епископъ и преставися к Богу, по правдѣ рѣщи: въ истину свяго и преподобному и к Богу тако подвизався, от юности потрудився. и до самыя сѣдины... Оттолѣ болѣ начатъ подвизатися блаженный Авраамии, и о таковѣмъ разлучении преподобнаго въ смирении мнозѣ, и в плачи от сердца съ въздыханиемъ. и съ стѣнаниемъ, поминаше бо о себѣ часто. о разлучении души от тѣла. Блаженный Авраамии часто себѣ поминая, како истяжють душю пришедше ангели. и како испытаниемъ на воздусѣ. от бесовьскых мытаревъ, како есть предъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати, и в кое мѣсто поведуть, и како во второе пришествие предстати пред судилищемъ страшнаго Бога, и како будеть от судія отвѣтъ, и како огнена рѣка потечеть, пожигающи вся, и кто помогая будеть, развѣ покаяніе, милостыня и безпрестанныя молитвы, и ко всѣмъ любы, и прочая иная дѣла благая, яже обрѣтаються помогающия души. Мы же сего ни на памяти имам, но о всѣм, а другое о иномъ станемъ, не имуще ни единаго слова отвѣщати пред Богом. Пребысть же блаженный въ таковомъ подвизании вся дни лѣта живота своего, всѣм бдя и моляся съ воздыханиемъ; многи же научивъ. и наказавъ пребывати въ добром трудѣ, въ бдѣнии же, и въ молитвѣ, и въ терпѣнии, иже и смирении, въ мило-

стини же, и въ любви; и сице утверди вся съ слезами многыми, сих же не забывати николиже, и глаголаше: »и менé смиреннаго не забывайте въ молитвах ваших. моляшеся владыцѣ и Богу. и пречистой его Матери съ всѣми святыми его«. И потомъ болѣзнь на божественнаго нашедши, и тако преставися (*не позже 1220 г.*), предавъ блаженную душю господеви, его же желаше, и получи царство небесное. И пребысть блаженный Авраамии. подвизася лѣтъ 50 от уности до конца живота своего, о Христѣ І. Господѣ нашемъ, Емуже слава и дръжава со Отцемъ и св. Духомъ. и нынѣ и присно и во вся безконечныя вѣкы. Аминь.

(*Прав. Собесьдн. 1859 г. окт. и декаб.*).

100. Повесть о Алексее митрополите всея Руссии послѣ 1378.

Тоежъ зимы (1377) м. Февраля въ 12 день, на память иже во св. отца нашего Мелентія патриарха великия Антиохия, въ пятокъ въ заутреннюю годину, преставись пресвещенный Алексѣй м–тъ Киевскии всеа Руссии въ старости честнѣй и глубоче. Се убо блаженный Алексѣй м–тъ родись отъ славныхъ бояръ черниговскихъ, бываше жъ тогда божиими судьбами частая варварская пленения на градъ Черниговъ и на всѣ епархиа тыя, сиречь страны тыя; и того ради отецъ его Феодоръ и мати его Мария отъидоша отъ отечества своего отъ града Чернигова, и приидоша въ преименитый градъ Москву, и ту пребывающа родъ ста сего блаженнаго...

Блаженныи жъ убо Алеѣсѣи старши і в. кн. Семена сына Іванова, внука Данилова, правнука Александрова, праправнука Ярославля 17 лѣтъ; крести же его еще младенца суща, князь Иванъ Даниловичь еще сыи на вел. княжении, и наречено бысть имя ему во св. крещении Елеверей Семионъ, и еще дѣтищь сыи изуучися грамоте всей, и во благочиннемъ возрасте пребываше. Пришедшу жъ ему въ возрастъ 12-мъ лѣтомъ прилучись ему по смотрѣнию нѣкоему, понеже Богъ хотя проявити о немъ, и прострѣ сѣть на уловление птицамъ и стрежаше опасно сия, і воздремався успѣ; и бысть ему гласъ глаголя: »Алексѣя что всуе тружаешися, се отселе будеши человѣки ловя«. Блаженному жъ отъ сна возбнувшу, и невиде никогоже, и удивись и ужасесь, размышляше о семъ, что сие новое звание, еже наречи мя Алексѣемъ; и отъ того часа нача во мнозе умилении и размышлении быти, и не могъ сие разсудити, никому же повѣдай о семъ.

Отецъ же его и мати и братья вопрошаху его глаголюще: »что тако въ печаль вдался еси, и *отнюдъ уклонлеши ся въ молчание, всегда книги въ рукахъ имаши, і въ сихъ точию поучаешися*, къ намъ же ниединаго отъ тебѣ слова несть, сия бо есть иноческая, а немирская; кто убо тебя наказа иноческимъ житиемъ жити, *почто убо тако изсушилъ еси себя, постомъ и жаждею*, не сокрушай убо себя, да не въ недугъ впадеши и насъ въ скорбь и въ печаль вдаси, и повѣжды намъ, кто тя развратил«. Блаженныи жъ мало утѣшивъ ихъ паки держашесь своего воздержания, и *на позорище не хожаше, и со отроки не играше, и всяческихъ кощунехъ и глумлении отбегаше*, и прележаше молчанию божественныхъ писании, и хожаше во умилении своемъ всегда. Бывшу жъ ему возрастомъ 20-мъ лѣтомъ возлюби Бога всею душею, і вся заповѣди его тщашесь хранити, и вжелѣ во иноческое житие пострищись, и остави отца и матерь и братию и сестры, і вся бли-

жении и друзи и женитву, і всякое мирское пристрастие возненавидѣ, но точию Богу единому работати вжелѣ глаголя всебѣ, пророче изволихъ приметатись въ дому господни неже жити ми въ селехъ грѣшныихъ. И тако изыде изъ мира 20 лѣтъ сы возрастомъ или мало вящши, и вниде въ монастырь Богоявления, и пострижесь во сѣ. ангельскии и иноческии образъ, и нарекоша имя ему Алексѣй, преже нареченные отъ Бога, иже во оставлении сетей на уловлении птицамъ въ пустыне; и *нача жестокимъ жетиемъ жити, постомъ и бдѣниемъ и молитвами и умилениемъ слезами, и всякое писание ветхое и новое изыче.*

Прииде жъ въ той монастырь Богоявления и старець Стефанъ изъ Радонежа луховенъ сыи подвиженъ, ибо той Стефанъ духовнымъ и жестокимъ житиемъ живяше, братъ сыи единого отца и единые матери блаженнаго игумена Сергия, иже въ Радонежѣ о Господи монастырь воздвиже; и тако старецъ Стефанъ со Алексѣемъ духовнымъ житиемъ оба купно въ единьстве живяше. И не точию же сѣ, но и въ церкви и на крылосе оба поряду стояща пояху, во мнози любви о Господи і смиренни. Такоже и Геронтей нѣхто нарочитъ и честенъ и славенъ старецъ духовенъ житиемъ въ томъ же монастырѣ сѣ. Богоявления живяше, и съ Стефаномъ и съ Алексѣемъ во мнозе духовне любви о Господи смиренне пребываше. Любяше же ихъ и Феогность м–тъ всеа Русии, и часто къ себѣ призываше, и упокоиваше и прохлажаше и почиташе ихъ добрѣ. Тако жъ по томъ старца Стефана Феогностъ постави игумена въ томъ же монастырѣ сѣ. Богоявления; и бысть Стефанъ игуменъ Богоявленскии духовникъ в. кн. Семену сыну Іванову; такожъ Василью Тысяцкому и Федору брату его, и прочимъ бояромъ старѣишимъ и инымъ многимъ, вси бо возлюбиша его добраго ради житиѧ его и смиренія.

Тажъ потомъ пресвещенныи Феогностъ взя къ себѣ во дворъ изъ монастыря сѣ. Богоявления преп. старца Алексѣя, и *учини у себя намѣстникомъ, иже спомогати ему и разсужати церковныя люди въ правду по священству правиломъ;* и бысть во дворѣ у митр. Феогноста препод. старецъ Алексѣй лѣтъ 12 и 3 мѣсяцы, во иночестве имѣя 40 лѣтъ. Таже потомъ Феогностъ *постави его епискупомъ въ Володимеръ* м. декабря въ 6 день, хотя его по себѣ на столѣ митрополичестемъ быти, любяше бо его зело блаженныи добродѣтели сего ради. И пребысть Алексѣй епискупомъ 4 лѣта, дѣиствуя святительная, дондеже и преставися Феогностъ м–тъ.

По преставленииж Феогностове, *общимъ совѣтомъ и избраниемъ святителскимъ,* и в. кн. Івана сына Іванова, и *бояръ і велможъ і всѣхъ людей;* паче же божиимъ изволениемъ и избраниемъ *понужень бысть итти къ патриярху въ Царыградъ ставитися въ митрополиты.* И сице и не хотя поиде въ Царьградъ на поставленне. Поставленъ бысть въ Царѣграде блаженнымъ Филоѳеемъ патриярхомъ въ митрополиты на Русь. И яко прииде отъ Царяграда на свои столъ на Русь, и приятъ бысть отъ всего православия русскаго радостьнѣ и седя на престолѣ своемъ. И помышляше евангельское слово глаголюще, ему же много дано, много і взыщется отъ него, и увѣдевъ рабъ волю Господина своего и не сотвори бьенъ будетъ много; и таковая во умѣ держа большихъ подвигъ касашесь, и *труды ко трудомъ прилегаше, и свѣтъ и образъ всѣмъ бываше.*

Помысли жъ блаженный воздвигнути церковь и составити монастырь общее житие, глаголя: »ѣбѣтъ ми есть Богу, случибося некогда, егда плавахомъ отъ

царяграда, возмущенію вѣтренему быти, и сокрушатися волнами зелними кораблю, і всѣмъ намъ отчаявшимся живота, и кому́ждо молящуся о себѣ, а азъ обѣтъ свой дахъ Богу, вон же день до пристанища достигнемъ, въ того прилучившагося святаго составить церковь, и отъ того часа вѣтри и море отъ волнения своего престаша, и бысть тишина велия, и достигохомъ пристанище тихое м. августа въ 16 день. По своему обещанию помыслилъ поставити церковь нерукотворенного образа Господа и Спаса нашего І. Христа и устроить общее житие». И сице рекъ къ своимъ сущимъ, изыде къ блаженному Сергию, і вся ему таковая изрече, хощу, рече, нынѣ исполнити обещаное свое; блаженныи жъ Сергии рече ему: добро убо и блаженно дѣло, еже хощеши сотворити, и аще что требуеши отъ насъ сия убо вся невозбранна ти есь. Митрополитъ же рече, хощу ученика твоего Андронника въ томъ монастырѣ начальника устроить. Глагола ему преподобныи Сергии, якоже хощеши твори. Святый же Алексѣй, *даде монастырю милостыню довольну и братию уреди*; и вземъ съ собою инока Андроника изыде изъ монастыря и прииде во градъ Москву, и обрете у града Москвы на рѣце на Яузе мѣсто угодно къ монастырскому строению; и тако, Господу Богу дѣиствующу, и пречистеи Богородицѣ споспешествующи, воздвиже церковь во имя нерукотвореннаго образа Христова, ижъ съ собою принесе изъ Царяграда, златомъ и бисеромъ украси, і въ томъ монастырѣ въ церкви постави, иже и до нынѣ стоитъ; *і всемъ удоволи той монастырь, и вся яже къ потребе устрои, и села и воды и мѣста*.

Прииде же въ тои монастырь и преподобныи игуменъ Сергии, и похвали и благослови мѣсто, и паки возвратися въ свой монастырь иже въ Радонеже. По семъ времени мимошедшу св. Алексѣй иде въ Новъгородъ въ нижней, и тамо церковь воздвиже во имя преч. Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщения, и *монастырь составы общее житие, и села і воды и мѣста дарова тому монастырю, и всякими потребами удоволи, і всякими красотами украси тую церковь Благовѣщение* преч. Богородицы. Таже потомъ тамъ же крести сына князя Бориса Костянтиновича у внука Васильева, у правнука Михаилова, у праправнука Андрѣева, и нарече имя ему во св. крещении Іванъ; и *многу честь приятъ отъ в. кн. Бориса Костантиновича, и много требования даде, і вещи двигомыя и недвигомыя*, князь в. Борисъ къ тому монастырю преч. Богородицы Благовѣщению; и есть той монастырь въ Нижнемъ Новѣгороде и донынѣ митрополичь, благодатию Христовою, и преч. Богородицы, и св. чюдотворца Алексѣя молитвами, хранимъ со всѣми требовании его.

Таже по семъ прииде во градъ Володимеръ, и тамо *состави монастырь общее житие на рѣце на Клязме*, и церковь въ немъ воздвиже во имя св. и равна апостоломъ вел. царя Костянтина, *и всякими потребами удоволи, и села подава, и изобилствуя всѣмъ*; и есть и доныне той монастырь благодатию Христовою хранимъ со всѣми потребами его. И за премногую добродѣтель святаго происхожаше о немъ слава, неточию въ христианскихъ странахъ, но и въ неверныхъ татарскихъ странахъ. Въ та бо времена, у Ординского царя Чанибека царица Тандала боляше очима, и тогда прииде посолъ изо Орды отъ царицы Таидалы въ лѣто 6865 (1357) по блаженнаго Алексѣя м-та всеа Русии, яко да шедъ посетитъ ея, *видяще бо его мужа свята, и разумѣ, яко Богъ слушаетъ его*, и аще проситъ у Бога дастъ ему. Он же уготова потребное и

путному шествию, и нача пѣти молебенъ въ церкви пречистыя Богородицы соборней, и се отъ себя сама загорѣся свѣча у гроба св. Петра чудотворца; онъ же пѣвъ молебенъ со священнымъ соборомъ и свещу ту раздробивъ и роздаде народу на благословение, и того воску свещи съ собою взятъ і воду освятивъ, поиде во Орду ко царице Таидале. І виде его царица во снѣ во одѣже архиерейстей, такоже и священниковъ его во священныхъ ихъ одеждахъ; и якоже виде во снѣ, царица Таидала св. Алексѣя, и по тому образу сотвори ему ризы святительския, и всѣмъ его священникомъ, якоже виде ихъ во снѣ. И посемъ услышано бысть у царя Чанибѣка во Ордѣ о пришествии святаго, і въ той часъ самъ царь Чанибѣкъ Азбяковъ сынъ изыде во сретении его и съ сыномъ своимъ Бердибѣкомъ, и съ прочими сыны своими, и со князи и съ вельможи своими, и съ великою честию, и тамо писанное исполнися: *левъ и агнецъ вкупе почиютъ*. Блаженныи жъ соверша молебное пѣние, и свещу воска онаго, иже отъ себе зажесь, и тамо *повелѣ зажещи и покропи Таидалу царицу священною водою, і въ той часъ прозрѣ. Видѣвъ же царь Чанибѣкъ и протчии Татарове и удивившась и хвалу и честь велію даровa святому, и дары многими почти его и священниковъ его, и слугъ его, и отпусти его на Русь*; а въ Ордѣ великая замятия бысть отъ всѣхъ, и имѣяху его оттоле велика предъ Богомъ. И бысть на святительстемъ престоле митрополіи всеа Русии многа лѣта, *уча слову божию*, и по благочестию поборая, *и неправая содѣвающихъ воспрещая*, и поставляя епископы и презвитеры.

Откровениемъ божиимъ внутрь града Москвы созда монастырь, и постави въ немъ церковь камену во имя св. архистратига Михаила, честнаго сего чюдеси, и предѣлъ воздвиже во имя пресв. Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщения, і всяческими добротами украспвъ ту, иконами и книгами и подписью и златыми сосудами священными, и прочими всякими узорочьи, и монастырь тои состави общее житие, еже есть и до сего дни. *Многа жъ села и домы и люди и езера и нивы и мьста подавалъ есть святыи*, и вся, елика довлѣетъ на потребу монастырю; не токмо же преже реченное даяние и благодѣяния, но и самого себя въ томъ монастырѣ повелѣ положити преставльшеся, еже и бысть. Есть же и донынѣ гробъ его въ томъ монастырѣ входя въ церковь одесную олтаря, въ немъ же святое его тѣло многая исцеленія сотворяетъ съ вѣрою приходящимъ. Созда же себѣ таковыи монастырь за 12 лѣтъ до своего преставления.

Внегда жъ видя себя святыі отъ старости изнемогъша и къ концу приближающесь, и призва къ себѣ преп. игумена Сергия изъ Радонежа. Оному же скоро пришедшу, и бесѣдующимъ имъ, и повелѣ Алексѣй м–тъ изнести крестъ съ порамондомъ, златомъ же и бисеромъ украшенъ, и даруетъ святому. Онъ же со смиреніемъ поклонися глаголя: *прости мя, великии архиерею Христовъ, яко отъ юности моея не бых златоносецъ, въ старости жъ хощу наипаче въ нищете пребывати*. Архиерей же речѣ ему: »вѣмъ чадо, яко и сия исправилъ еси, но сотвори послушание и приими отъ меня данное ти благословене«; и тако возложи на него своима рукама крестъ златъ съ порамондомъ, златомъ и бисеромъ украшенъ, якоже нѣкое обручение. По сихъ хотящихся ему глаголати, таже начатъ глаголати ему: »преподобне Сергие, вѣси почто призвахъ тя, и что хощу глаголати тебѣ?« Глагола преп. Сергей: како могу увѣдети, аще не повѣси ми?—Глагола

св. Алексѣй: «се убо азъ вижу себѣ къ концу приближающесь, и желаю при своемъ животе изобрести мужа могуща по мнѣ паствити стадо Христово, и се убо тебя избрахъ правити слово истинное, и вси убо тебѣ желаютъ и требуютъ; и прежъ убо епископъ поставленъ будеши, по моемъ же преставленіи на моемъ престоле сядеши». Глагола препод. Сергіи: прости мя, великіи архіереи христовъ, яко выше моея мѣръ есть, еже глаголеши. Хто бо азъ, грѣшнии и худѣишіи паче всѣхъ человѣкъ, но убо молю тя да ктому прочее на мнѣ, ниже иному кому о мнѣ глаголеши, понежѣ нихтоже сия во мнѣ можетъ изообрести.—Св. Алексѣй, видя его непреклонно, и непреложи ему ктому глаголати о семъ, да неопечалився отъидетъ во внутренюю пустыню, и таковаго свѣтильника лишится, и утѣшивъ его словесы духовными отпусти его въ свой монастырь съ честію съ миромъ и съ любовію.

Самъ же блаженныи Алексѣй м–тъ аще и во глубоце старости бе, и во мнозе изнеможении, но *не преста уча слову божію и возводя всѣхъ на путь покаяния*. И уже хъ концу приближись, и священную литоргію соверши, и св. таинъ причастись, и о великомъ князе и о всѣхъ князехъ и боярехъ, і воинствахъ, и во всѣхъ людехъ помолись, и послѣднее цѣлование давъ отиде ко Господу въ бесконечныи вѣкъ, м. февраля въ 12 день, въ пятокъ въ заутреннюю годину. Не повелѣ же себя святыи положити въ церкви, но внѣ церкви за олтаремъ, и мѣсто указа, и тамо повелѣ себя положити, великого и конечного ради смиренія. *Слышано жъ бысть преставление его, и стекошась князи і вельможи и иноцы; таже и епископы скоропостизаютъ со слезами и рыданиемъ*. И удивись князь в. конечному его смирению, и разсудивпись епископы положища его въ церкви, въ предѣле Благовѣщения пречистыя Богородицы, и дѣже суть и донынѣ честныя его мощи, съ вѣрою приходящимъ исцеления подаютъ...

Изыде же изъ мира блаженныи Алексѣй съ горящимъ желаниемъ и любовью работати Богу 20 лѣтъ или мало вяще, и построжесь во св. ангельскыи иноческии чинъ въ монастырѣ Богоявления, и поживе въ монастырѣ время довольно. Таже Ѳеогностъ м-тъ взя его къ себѣ во дворъ, и пребысть у него въ намѣстничествѣ 12 лѣтъ и 3 мѣсяцы. Таже постави его при своемъ животѣ въ епископы въ Володимерь, и пребысть въ епископѣхъ 4 лѣта. По преставлении жъ Ѳеогностове во Царѣградѣ блаженнымъ патриархомъ Филоѳеемъ поставленъ бысть въ митрополиты тогда сый 60 лѣтъ; въ митрополитѣхъ пребысть 24 лѣта, и бысть всѣхъ лѣтъ житья его 85 лѣтъ, и пребысть въ томъ гробѣ 60 лѣтъ.

Въ лѣтожъ 6939 (1431) во княжение в. кн. Василья Васильевича, при святѣишемъ Ѳотѣе м-тѣ Киевскомъ і всеа Русии обвалися верхъ церковны и во время священныя литоргия и священнику еже неизшедшу изъ олтаря, но не вредимъ бысть: и тако тоя церкви мѣсто очистивше и начаша копати, хотяще основати новую церковь каменну. И сице копающе обретоша свещенное тѣло Алексѣя м-та Киевского і всеа Русии, сицеже и ризы его цѣлы, м. Мая въ 20 день. И создавше церковь положиша св. его тѣло въ церкви въ предѣле Благовещения пречис. Богородицы на десной странѣ; идѣже суть и до сего дни іточаютъ исцѣления всѣмъ съ вѣрою приходящимъ.

(*Никон. лѣтоп. IV, стр. 55*).

Поученія м-та Алексѣя 1354—1378 въ Прибавл. къ твор. св. о. 1847, 1. См. Житіе Петра м-та послѣ 1389 г. Степ, кн. I, 410—424. Іона м-тъ Кіевскій. *Г. Карпова*. Чт. общ. 1864, IV, 1, 103.

101. Житіе Стефана Пермскаго послѣ 1396.

Бысть въ лѣта сего благочестиваго, христолюбиваго, в. кн. Василія Димитріевича сій св. Божій человѣкъ Стефанъ, священнѣйшій Епископъ, истинный Святитель, равноапостольный учитель и дивный проповѣдникъ благочестія, о немъ же здѣ малѣ речется, прочая же о немъ пространно индѣ явлена суть: яко бяше родомъ Устьюжанинъ, роди же ся отъ отца именемъ Симеона и матери Маріи, наученъ же бысть грамотѣ, и бысть клирикъ церкви св. Богородица, таже и во мнишескій чинъ пострижеся, еще же и презвитерскій санъ сподобленъ бысть, поставленъ быти отъ Герасима епископа коломенскаго, потомъ же и греческія грамотѣ научися, и пермскій языкъ навыче, и вселися въ него благодать божія. И тако даровася ему премудрость, яко и азбуковы сложи пермскымъ языкомъ, иже отъ вѣка не бывало. И вземъ благословеніе у святителя, и иде въ невѣрныя люди въ Пермскую землю, идѣже бяху тогда людіе Бога не знающе, и закона не вѣдуще, но поганскимъ обычаемъ живуще бяху, злымъ кудесомъ поучахуся, и богомерскому волхвованію прилѣжаху. Ихъ же неподобныя обычая многія окрестъ ихъ живущія страны навыкоша тогда. Се же имена иноязычнымъ странамъ и мѣстомъ живущихъ около Перми: Двиняне, Устюжане, Виляжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Пертасы, Пермь великая, Гамаль, Чюсовая. Рѣкамъ же странъ тѣхъ имена: 1-я рѣка Вымъ впаде въ Вычегду, 2-я Вычегда обходяще всю землю Пермскую, и потече на Югъ въ землю Татарскую, и впаде въ рѣку Волгу ниже Казани яко 50 верстъ. И тамо сѣдяху многи языцы. Божій же Стефанъ еще презвитеръ сый всю по даннѣй ему благодати отъ пресв и животворящаго Духа всюду во странахъ тѣхъ проповѣда слово Божіе, утверждая истинну. Въ Перми же бездушныя идолы ихъ сокруши и сожже, и люди ученіемъ своимъ отъ тьмы на свѣтъ приведе въ познаніе божіе. И тогда первое крести ихъ яко до тысящи, и потомъ отъ пресвященнаго Пимина м-та всея Русіи поставленъ бысть сіи св. Стефанъ первый Перміи епископъ, идѣже грамоту и книги съ Рускаго языка на Пермскій языкъ преложи, и многія люди закону божію научи, и крести ихъ во имя Отца и Сына и св. Духа, и многи св. церкви тамо воздвиже, и попы ставляше, и лютѣйшаго волхва, именемъ *Пама*, сотническій рядъ держащаго, крѣпко же и злолютно противящагося благочестивому его ученію, и сего богомудростными словесы посрами, и яко безгласна сотвори и отъ Христова стада отгна... И тако Богу помогающу ему въ невѣрныхъ людехъ утверди православную вѣру, ихъ же многимъ трудомъ и со всяцѣмъ дерзновеніемъ учаше невозбранно, и чудно поживе до конца, о стадѣ своемъ подвизаяся, и съ миромъ преставися къ Богу въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Святое же и честное священное его и трудолюбезное тѣло положено бысть въ церкви всемилостиваго Спаса, иже есть придѣлъмъ у Преображенія Господня, при в. кн. Василіи Димитріевичѣ, и при Кипріянѣ м-тѣ всея Русіи. И сице о сихъ вкратцѣ предложися. Довольно же о семъ блаженномъ Стефанѣ повѣсть трудолюбно собра, и преукрашенно написа священноинокъ Епифаній, ученикъ препод. игумена великаго чудотворца Сергія.

(*Степен. книга, ч. 1, стр. 524—552*).

Эту преукрашенную повѣсть см. въ Памятн. старин. литер. IV, 134—161. Житіе Стефана писано ученикомъ препод. Сергія Епифаніемъ.

Буквы изобрѣтенныя Стефаномъ для Пермяковъ и Зырянъ и названія ихъ см. въ V т. пр. 125—

137. »Ист. Гос. Рос.« Карамзина. Никон. Лѣтоп. IV, 267. Зап. Археол. общ. IX, 530.

Кромѣ изобрѣтенія азбуки и перевода на пермскій языкъ Часослова, Осьмогласника, пѣсни царя Давида и богослужебныхъ книгъ, Стефанъ написалъ: 1) Посланіе къ в. кн. Димитрію Донскому объ уменьшеніи налоговъ на Пермяковъ, Москвит. 1847, I, 121; 2) Посланіе къ м. Кипріану о ново крещенныхъ людяхъ съ извѣстіемъ о странахъ Пермскихъ. Кромѣ того онъ писалъ книги »хитрѣ, и горазднѣ и борзо,«

102. Плачь Пермской земли о смерти епископа Стефана.

Горе, горе намъ, братіе! како остахомъ добра господина и учителя! Горе, горе намъ, како лишени быхомъ добра пастуха и правителя! О како отъяся отъ насъ, иже многа добра намъ податель; о како остахомъ очистьника душамъ нашимъ и печальніка тѣломъ нашимъ! То перво остахомъ добра промышленіка и ходатая, иже былъ намъ ходатай къ Богу и къ человѣкомъ: къ Богу убо моляшеся о спасеніи душъ нашихъ, а ко князю о жалобѣ нашей, и о льготѣ и о пользѣ нашей, и ходатайствоваше и промышляше ко боляромъ же, къ началамъ, властемъ міра сего былъ заступникъ теплъ, многажды избавляя ны отъ насилія, и работы, и тивуньскіа продажа (*взятокъ судей*) и тяжкыа дани облегчая ны. Но и сами ти новгородци, ушкуйници, разбойніци словесы его увѣщевании бываху, еже не воевати ны; нынѣ же обоюду погрѣшихомъ и отвсюду лишени быхомъ: къ Богу не имать молитвеника тепла, къ человѣкомъ же не имамъ заступніка тепла. О како и откуду се бысть поруха житию нашему! быхомъ поношеніе сусѣдомъ нашимъ иноязычникомъ: Лопи, Вогулицамъ, Югрѣ и Пинезѣ. О епископѣ нашь добрый, акы къ живому тебѣ глаголемъ: о добрый подвижниче правыя вѣры, о священнотаинниче и богопроповѣдниче, иже Бога намъ проповѣдавый, а идолы поправый, нелестный нашъ вожю и наставниче, проводниче заблужшимъ намъ! Аще быхомъ злато потеряли или сребро, то иное въ того мѣсто обрящемъ, а тебе оставше, иного такова не обрящемъ. Камо зайде брота твоя, камо отъиде отъ насъ, или камо ся дѣлъ, отъ насъ изыде, а насъ сирыхъ оставилъ еси, пастуше нашь добрый? Оставилъ еси свое стадо заблужатися искитатися по горамъ, гороплѣвнымъ и волкохищнымъ быти. Кому приказалъ еси стадо свое, еже о пастье и о печеніе? Кто же ли тако попечется нами, овцами заблужшими? Не терпимъ бо безъ тебѣ быти. Быхомъ яко овца, неимущи пастуха, быхомъ имуще печаль безъ утѣшенія. Кто же ли утѣшить нашу обдержащую ны, къ кому ли прибѣгнемъ, или къ кому созримъ, гдѣ ли услышимъ словеса твоя сладкая, или гдѣ насладимся бесѣды твоея душеполезныя? Видати ли ся намъ по тебѣ такова господина и учителя или не видати? Да еще будетъ видати, то благословенъ Богъ; аще ли не видати, то воскую ны еси оставилъ, воскую ны отринулъ до конца? Или прогнѣвася на овца пажити твоея? Воскую же пустихомъ тя и на Москву, да тамо почилъ еси! Лучши бы было намъ, дабы былъ гробъ твой въ земли нашей и прямо очима нашима, дабы былъ намъ увѣтъ (*увѣщаніе*) нехудъ и утѣха, поне велика сиротъству нашему и акы къ живому къ тебѣ приходяще, благословлялися быхомъ у тебе, и по успѣніи акы къ живому, поминающе твоя Богомъ преданая словеса. Нынѣ же отинуть всего порядку лишені быхомъ: не токмо бо тебе самого остахомъ, но и гроба твоего не сподобихомся. Почто же и обида си бысть намъ отъ Москвы? Се ли есть правосуды ея: имѣюще у себе митрополиты, святители, а у насъ былъ единъ епископъ, и того къ себѣ взя, и нынѣ быхомъ не

имуще ні гроба епископля. Единъ то былъ у насъ епископъ; то же былъ намъ законодавець и законоположникъ, то же креститель и апостолъ и проповѣдникъ, и благовѣстникъ, и исповѣдникъ, святитель, учитель, чиститель, посѣтитель, правитель, испѣлитель, архіерей, стражевожь, пастырь, наставникъ, сказатель, отецъ, епископъ. Москва убо многа архіерея имущи, изобилующи, излишествующи, мы же токмо того единого имѣхомъ, но и того единого не сподобихомся, и быхомъ скудьствующе и недостаточьствующе и сѣтующе, яко обнищахомъ зѣло, яко смирихомся, яко о обожахомъ зѣло... О како несѣтуемъ, яко не на своемъ столѣ почилъ еси! Добро же бы было намъ, ащебы рака мощий твоихъ была у насъ, въ нашей странѣ, а въ твоей епископьи, нежели на Москвѣ не въ своемъ предѣлѣ. Нетако бо тебе Москвичи почтутъ, яко же мы, ні тако ублажатъ; знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и прозвища ти кидаху, отнюду же нѣции яко и *храпомъ* тя звоху, неразумѣюще силы и благодати божия, бываемыя въ тебѣ и тобою. А мы быхомъ тебѣ должную честь воздали, яко должні суще тебѣ и яко твои есмы ученицы, яко чада твоя приснаа; елма же тобою Бога познахомъ и истѣніа избыхомъ, тобою отъ прельсти бѣсовьския избавихомся, крещенію сподобихомся. Тѣмже врѣсноту(?) убо достоитъ намъ почтити тебе, яко достойна суща хвалы; достоинъ бо, рече, дѣлатель мзды своея. Да како тя возможемъ по достоянію восхвалити или како тя ублажимъ, яко сътворилъ еси дѣло равно апостоломъ? Хвалить римскаа земля обою апостолу, Петра и Павла (1); чтитъ же и блажитъ Асійскаа земля Іоана Богослова, а Египетскаа Марка евангелиста, Антіохійская Луку евангелиста, Греческая Андрея апостола, Руская земля великого Володиміра, крестившаго ю; Москва же блажитъ и честитъ Петра м–та, яко новаго чудотворца; Ростовская же земля Леонтія епископа своего. Тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалитъ и честитъ, яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставніка, яко наказателя, яко проповѣдника и яко тобою тмы избыхомъ, яко тобою свѣтъ познахомъ. Тѣмъ же чтемъ тя яко дѣлателя винограду Христову, яко терніе въ стерзалъ еси, идолослуженіе отъ земля Пермскія, яко плугомъ, проповѣдью взоралъ еси, яко сѣменемъ ученіемъ словесъ книжныхъ насѣялъ еси въ браздахъ сердечныхъ, отнюдуже возрастаютъ классы добродѣтеліи, ихже яко серпомъ вѣры сынове Пермстіи жнутъ радостныя рукояти, вяжуще снопы душеполезныя и яко сушиломъ воздержанія сушаще, и яко цѣпы терпѣнія млатяще, и яко въ житніцахъ душевныхъ соблюдающе пшеницу, ти тако ядять пищу неоскудную; ядьть бо, рече, нищіи, насытятся и восхвалять Господа взискающіи его; жива боудуть сердца ихъ въ вѣкъ вѣка. Но, о преподобный нашъ отче, священный епископе Стефане! аще и преставился еси отъ насъ духомъ, аще и гробъ твой далече удалился отъ насъ, но молитва дабудетъ съ нами всегда. Аще и мощи твоя далече отстоять отъ насъ, но благословеніе твое дабудетъ близъ, посреди насъ и на насъ присно. Поминай насъ въ своихъ съ молитвахъ, помолися о своемъ си стадѣ.

(*По сп. XVI в. Пам. старин. рус. литер. в. IV, стр. 134—161. см. далѣе*).

(1) Писателю была извѣстна похвала св. Владиміру м-та Иларіона. *Смотри выше № 11, стр. 28.*

Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана Пермскаго. А. М. Спб. 1856. См. также Уч. Зап. Казанск. Универс. 1869

103. Отъ житья св. Сергія 1392.

Сей блаженный Сергѣй родился въ Ростовѣ, отъ блаженну родителю, отца Кирила, матери Маріи. Егда же бѣ въ утробѣ матернѣ, на литургѣи трижды провопи (*прокричалъ*), во время трисвятаго, и херувимской пѣсни, и святая святымъ; посемъ родися; въ среду и въ пятокъ отъ сесцу не ссаше, ни отъ млека ядяше. Егда же взрасте, вданъ бысть родителми своими на ученье божественныхъ писаній. Стефанъ, братъ его, спѣшно изучися, сему же косно (*тупо*), и не скоро учащуся. Ходивъ по лѣсу нѣкогда и обрѣтъ старца молитву творяща, и помолися ему (*просилъ его*), о немъ помолитися, чтобы его молитвами Богъ даровалъ ему разумъ—и помолися о немъ и благослови; отрокъ же Сергѣй, преже нареченный Варѳоломѣй, моли его въ домъ его ити и пищу вкусити: идяше съ старцемъ, и родители пишу хотяху поставити, старець же не хотяше, но повелѣ Варѳоломѣю въ часовнѣ часы пѣти, онъ же не умѣяше, и старцемъ благословенъ бывъ и начатъ добрѣ стихословити, яко и старцу дивитися; потомъ ядъ старецъ отъ иде и прорекъ родителемъ его, яко сынъ ею (*ихъ*) велій будетъ предъ Богомъ. Потомъ преселися отець его отъ Ростова въ Радонежъ, близь церкви Рожества Христова, братъ же его оженися; не по мнозѣ родители его иноческаго сподобишася образа отъ житія исходять, Варѳоломѣй же раздавъ имѣніе свое нищимъ, иде къ Покрову, къ брату своему Стефану. Стефанъ бо, братъ святаго, не много поживъ съ женою своею, роди отъ нея сына единого, именемъ Ивана, и та отъиде къ Господу, и Стефанъ пострижеся у Покрова. Варѳоломѣй же пріиде къ нему и моли его въ пустыню ити съ нимъ, и шедше обрѣтоша мѣсто, ставиша монастырь; глаголеть же древніи, видяху на томъ мѣстѣ преже свѣтъ, а иніи огнь, а иніи благоуханіе слышаху. Стефанъ мало поживъ отъиде къ Богоявленію каменому на Москву. Святый же часто призывая священника и веляше творити литургѣю, потомъ нѣкимъ пришедшимъ къ нему постриженъ бысть и нареченъ Сергіемъ, и потомъ нѣкимъ братіи собравшеся молиша его игуменомъ быти, онъ же не хотяше; и моляше его ити ко святителю Аѳанасію епископу волыньскому, иже бѣ въ Переяславлѣ, »Алексѣй м-тъ того поставилъ во свое мѣсто, а самъ во Царѣградѣ«, чтобы имъ далъ игумена, Аѳонасей же принуди послушаніемъ и постави его игуменомъ, а тогды бѣ братіи святаго 12. Посемъ братъ его Стефанъ, оставя монастырь, пріиде ко св. Сергѣю »бѣ бо кн. в. Семіонъ Ив. имѣлъ себѣ духовнымъ отцемъ«, и сына своего Ивана дасть святому, и святый постриже его, и нарече его Ѳедоромъ. И потомъ оскудѣніе лучися въ монастырѣ томъ, 3 дни братія не ядше быша, въ 4-й день вземъ святый сѣкиру иде ко старцу своему, иже хотяше сѣнци дѣлати, и рече ему святый: »слышахъ яко сѣни хощеши дѣлати, сего ради пріидохъ«. Онъ же рече: »желаю, да жду плотника, а уже все приготовано«. Святый же рече: »азъ сотворю якоже хощеши, изду (*награду*) возму у тебя, аще хлѣбъ имаши«. И изнесе ему братъ хлѣбы гнилы, святый же рече: »таковыхъ желаетъ духъ мой«, и сдѣла ему сѣни во единъ день. И въ 9-й часъ нача ясти гнилые хлѣбы, яко дымъ видѣти отъ нихъ, и братія роптаху на него, чтобы имъ велѣлъ въ міръ ити; онъ же не велѣ до завтрѣя ити, и заутра корміля (*пища*) монастырю привезена бысть отъ христолюбець, и на 2-й день потомуже, и на 3-й день такожде привезено бысть, яко довлѣти братіямъ на многи дни, и Сергій похвали Бога. И бысть до 7 лѣтъ, приношаху отдалеча воду, и потомъ роптаху на него братія, что не близко воды монастырь ставилъ, и глаголаху:

»яко пренесемъ монастырь и поставимъ близь воды«; и святый молитвою волу произведе близь. Потомъ отроча умершее молитвою воскреси, и велможу отъ бѣса мучима исцѣли, и землидѣлца увѣри; видѣніе въ нощи видѣ, птицами прообразуемо, колико мнихъ будетъ у него много; потомъ ангела узрѣ служаща съ нимъ, аки во образѣ священника незнаема. Таже патріархъ присла отъ Цареграда грамоту и поминки (*дары*); онъ же смиреніемъ поклонися, рече имъ: »блюдитеся, егда къ иному послани будете«. Они же рекоша: »ты ли еси Сергѣй, живый въ Радонежѣ«? Онъ же рече: «азъ есми». И покоивъ ихъ самъ, иде съ поминки и съ грамотою къ Алексѣю м–ту, во градъ Москву, »бяше же святый на кони не ѣздяше», пріиде и сказа ему вся; митрополитъ же прочте грамоту, ино написано: общее житіе веляше патріархъ у себе ему уставити, »не бѣ бо Сергѣей еще во обители своей общее житіе уставилъ«; и сдума съ митрополитомъ и съ братьею, и устави общее житіе. Потомъ же врагъ завидѣ ему, научи нѣкоторыхъ не хотѣти Сергія во старѣйшинахъ. Во единъ отъ дній, въ день суботный, поющимъ вечерню, святый же бѣ во олтарѣ въ ризахъ, Стефанъ же, братъ святаго, стоя на крилосѣ и рече *конарху* (1): »Кто, рече, повелѣ тебѣ взяти книгу сію«? Онъ же рече: «игуменъ дасть ми ю». И рече Стефанъ: »кто есть игуменъ на мѣстѣ семъ? не азъ ли преже сѣдохъ на мѣстѣ и церковь воздвигохъ«? и ина нѣкая словѣса нелѣпая изрече. Блаженный же бѣ во олтарѣ слышавъ; по скончаніи вечерня изыде изъ монастыря, никому же вѣдуще, и пребысть нощь въ пустѣ мѣстѣ моляся, и заутра иде въ монастырь на Махрищѣ, ко игумену Стефану, и испроси себѣ брата у него искусна указати ему мѣсто пустынное—и обрѣтоша ему мѣсто пустынное на Кержачѣ. А братія скорбяще его повсюду искахуть и; прилучися единому отъ братіи во слѣдъ святаго ити на Махрище и тѣмъ увѣдѣша святаго тамо, и начаша братія ходити изъ монастыря его къ нему, иногда 2, иногда 3. И благословеніемъ Алексѣевымъ церковь постави Благовѣщеніе, ово бѣлци, ово мнихи, потомъ келья ставиша и монастырь строиша. А большей обители старци не терпяху безъ него быти, моляху м-та Алексѣя, чтобы повелѣніемъ его опять возвратился; и митрополитъ посылаетъ два архимандрита, Герасима и Павла, веля ему возвратитися опять, а непокоряющуся братію изгнати изъ монастыря; онъ же возвратися. А Стефановъ сынъ Ѳедоръ, братаничь святаго, живяше у него въ кельи и въ послушаніи, никоего помысла утаи у него, злаго и благаго, и сему взыде на мысль еже монастырь создати. Святый же рече: »азъ хотѣхъ по своемъ животѣ тебе здѣ благословити на игуменьство, но понеже аще хощеши, сотвори«, и отпусти его на взысканіе мѣста съ братьею хотящею, и обрѣтоша мѣсто Симонова; и благословеніемъ митрополичимъ созда церковь во имя Рожества св. Богородица. Сергій же пришедъ похвали мѣсто; а сперва не хотяше его пустити, молчанія ради, но моленіемъ князя Дмитрія Ивановича пусти его. Ѳедору таковый чти сподоблешуся, нѣкогда прилучися ему быти во Царѣградѣ, св. же патріархъ Нилъ велми почти его, и архимандритомъ постави, и дары многи честны дасть ему, и учини монастырь Симоновскій во имя патріарше, и дома и села монастырскіе, а къ митрополиту ничѣмъ же ни которыми дѣлы повиноватися, *анагноста* самому себѣ ставити (1). И

(1) Кононархъ—заправляющій на клиросѣ чтеніемъ и пѣніемъ.

(1) Т. е. зависѣтъ прямо отъ патріарха, а не отъ митрополита.

посемъ молимъ в. княземъ и святителемъ на епископьство граду Ростову, и основа церковь камену Успеніе св. Богородица и архимандрита постави; а самъ архіепископомъ поставленъ и стадо добрѣ упасе, ко Господу отъиде. Таже ученикъ святаго Андроникъ, такоже благословеніемъ святаго и испрошеніемъ его Алексѣя м–та, на рѣцѣ на Яузѣ созда монастырь. Таже святый и въ Серпоховѣ князю Володимеру обложи монастырь Высокое, а в. князю на Коломнѣ Голутвино обложи. Потомъ восхотѣ митрополитъ благословити его на свое мѣсто, призва дасть ему крестъ съ паратмандомъ со златымъ и съ жемчугомъ; святый же не хотѣ взяти, митрополитъ же велѣ снять переманатку и самъ на него возложи, а на митрополію не обѣщася. Потомъ князь в. благословися отъ него Мамая побѣди. Посемъ, въ послѣдняя лѣта живота его, умножися братіи, святый же пребываше въ велицѣй нищетѣ, никоего имѣнія притяжа, ни селъ, но пребывая уповая къ Богу. Прилучися оскудѣніе монастырю, Сергѣй же не оскудѣ вѣрою, но моляшеся Пречистой; имѣя же обычай по вся дни пѣти канонъ акафистовъ. Во единъ же отъ дній поющу ему той канонъ, бяше 40-ница Христова Рожества, день же пятокъ бѣ при вечерѣ, и Пречистую видѣ съ Петромъ и Іоанномъ. Таже пермьскый епископъ Стефанъ иною дорогою идый къ Москвѣ, св. Троици поклонися да и св. Сергѣю, верстъ отъ монастыря съ 10, святый въ ту пору за трапезою такоже воста и поклонися ему, и братія спросиша его, онъ же сказа, и гнаша и увидиша й. Епускупа отъ Костяньтинаграда пришедша, не вѣрующа, яко святъ есть св. Сергій, ослѣплена того ради, святый исцѣли. Человѣка болна 20 денъ лежаща, ни пивша, ни ядша, ни спавша, исцѣли. И боярина княжь Владимерова обличи, иже ялъ отъ брашенъ и отъ меду пилъ, яже бѣ кормити монастыря его послалъ князь.

Таже о насилствѣ человѣка наказа, что вепрь (*боровъ*) отнялъ кормный, и повелѣ отдати у негоже взялъ, онъ же обѣщася и не отдасть; и бысть вепрь растесенъ въ клѣти его, въ зимное время червьми ядомъ, и вземъ изверже его псомъ и птицамъ на снѣдь, ни тѣмъ же не причастившимся. Потомъ Симонъ еклисіярхъ видѣ огнь ходящь по жрьтвенику, и святый причастися тѣмъ огнемъ. И отъ Тахтамышова нахоженія бѣжа во Тферь, и Исакія благослови на молчаніе, огнь отъ руку его изыде. Таже поживъ и преставися съ миромъ.

(*П. С. Лѣт. VI, 120—122*).

Житіе Сергія Радонежскаго составлено въ XV в. Іеромонахомъ Епифаніемъ «Премудрымъ». Историч. опис. святотроиц. С. Лавры. М. 1842, 50—56. Житіе Сергія Чудотворца. М. 1862.

104. Посланіе Кирилла Бѣлозерскаго вел. кн. Василію Димитріевичу ок. 1400.

Господину благовѣрному и боголюбивому кн. в. Василью Дмитреевичю, Кирило черничьщо многогрѣшный съ своею братійцею, на твоей, господине (1), доволной еже къ намъ милости, много челомъ бьемъ, и радуемся о тебѣ, что имѣешь сицеву вѣру къ пречистой Богородици и нашей нищетѣ и о велицемъ твоемъ смиреніи. О семъ же радуемся и скорбимъ, что паче слова и смысла, безмѣрное твое смиреніе: посылаеши ко мнѣ грѣшному и нищему и всякого дѣла блага удалившемуся. Ты князь в. всея земля Русскія, и смиряяся, комнѣ посылаешъ грѣшному и страстному и недостойному небеси и зем-

(1) Слово: *Господине* въ посланіи встрѣчается 38 разъ; я его выбрасывалъ, хотя оно весьма характеристично.

ля и того самаго иноческаго житія; и язъ грѣшный истинно о семъ скорблю, недостоинства ради своего, радемъ же ся благаго ради твоего произволенія и смирьномудраго нрава, яко симъ подобишися, господине, преблагому нашему Владыцѣ и Господу, отъ толикіа неизреченныа славы и съ высоты сшедшему, насъ ради грѣшнихъ и смирившуся даже и до рабія образа. Сице и ты отъ толикіа славы міра сего преклонися смиреніемъ къ нашей нищетѣ, и отъ сего познаваемъ твою великую любовь къ Богу и Пречистѣй его Матери. Елико бо приближаются святіи къ Богу любовію, толико видятъ себе грѣшны; ты бо симъ смиреніемъ велико себѣ пріобрѣтаешь спасеніе и ползу душевную. Тѣмъ язъ грѣшный паче печалую душею, что мене недостойнаго и покоршагося всякому грѣху сице ублажаете, не притяжавша ни единоа добродѣтели, но всякой страсти повиннаго, и таково моленіе посылаеши ко мнѣ, немогущему по своихъ грѣсѣхъ Бога умолити. И како о тебѣ Бога умолю, самому ми сущу исполнену всякого дѣла зла? Но писано, что не велитъ отрицатися и грѣшнымъ молити Бога о велящихъ за ся, вѣры ради ихъ. Тѣмъ же вѣры ради твоея великія, не оставитъ тебе Богъ, но помилуетъ и Пречистая Госпожа Богородица и Царица наша поможетъ ти вся дни живота твоего и подаетъ ти исцѣленіе души жъ и тѣлу, что насъ нищихъ ея не забываеши въ пустомъ семъ мѣстѣ, събравшихся во обители ея, но *часто призираеши доволными милостынями*. Мы же неможемъ о семъ тобѣ воздати ничтоже, но Пречистая Госпожа Богородица, надежа и упованіе наше, испроситъ на тя милость у Сына своего въ сій вѣкъ и въ будущій. А язъ грѣшный съ своею братицею, елика сила, радъ Бога молити о тебѣ нашемъ господинѣ, и о твоей княгинѣ и о твоихъ дѣткахъ, и о всѣхъ крестьянехъ, Богомъ порученныхъ тебѣ. *Ты же самъ, Бога ради, внемли себѣ и всему княженію твоему*, въ немъ же тя постави Духъ св. пасти люди Господня, еже стяжа честною си кровію. Якоже бо великіа власти сподобился еси отъ Бога, толикимъ болшимъ и возданіемъ долженъ еси. Въздай же убо благодѣтелю долгъ, святыа его храня заповѣди, всякого уклоняясь пути ведущаго въ пагубу. Якоже бо о кораблѣхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблазнится, малъ вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сътворяетъ пагубу: такоже и о князехъ. *Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ князь, всѣмъ людемъ; иже подъ нимъ сотворяетъ вредъ*. Ты же съ многою твердостію храни собе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо св. Апостолъ: »миръ имѣйте и святыню, безъ нея же никто же узритъ Господа«. *Возненавиди всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; не преложенъ имый благочестія помыслъ и не возвышайся временною славою къ суетному шатанію:* малъ же убо и кратокъ сущій здѣ животъ и съ плотію съпряжена смерть. И сія убо помышляя, не впадеши въ ровъ гордостный; но бойся Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будеши: »блажени бо, рече, боящеися Господа«. Въспоминай же надежу будущаго вѣка и царство небесное, радость Святыхъ, веселіе съ Ангелы, надо всѣми же зрѣніе пресладкаго лица Божіа; той бо въ истину доброта неизреченная, весь сладость и желаніе и любовь несытная всѣмъ любящимъ его и творящимъ пресв. волю его. *Да слышелъ всми, князь в., что смущеніе велико между тобою и сродники твоими князми Суждальскими. Ты свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится*. Ино посмотри того истинно, въ чемъ

будетъ ихъ правда предъ тобою, и *ты соимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты за себе стой по правдѣ. А почнутъ ти бити челомъ, и ты бы Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мьрѣ; занеже тако слышелъ есмь, что досель были у тебе въ нужи, да отъ того ся и возбранили. И ты Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблуженіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались.* Занеже ни царство, ни княженіе, ни иная каа власть не можетъ насъ избавити отъ нелицѣмернаго суда Божія; а еже възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити души скорбящая и озлобленыя, много поможетъ на страшнѣмъ и праведнѣмъ судѣ Христовѣ, понеже пишетъ Апостолъ Павелъ ученикъ Христовъ: »аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничто же полза ми есть«. *Възлюбленный же пишетъ Іоанъ Богословъ: »аще кто речетъ: Бога люблю, а брату своего ненавижу, ложь есть«. Тьмже и ты възлюби Господа Бога отъ всея душа своея; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне:* и тако вѣра твоя къ Богу и милостыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ. А милость Божія и Пречистыя Богородицы на тебѣ на в. Князѣ Василѣ да будетъ, и на твоей в. Княгинѣ, и на вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва и моей братіи. Аминь.

(*А. Ист. I. № 12, стр. 21—22*).

См. также о м-тѣ Кипріанѣ. Приб. къ твор. св. О. 1848, 2 Ж. М. Н. Просв. XLIV, V, 1. Правосл. Собес. 1862 1, 3.

105. Посланіе Кирилла Бѣлозерскаго къ князю Андрею Димитріевичу Можайскому.

Господину благовѣрному князю Андрею Дмитріевичу Кирилъ Черньчище, грѣшный и непотребный, съ своею братицею много челомъ бьемъ, и Бога молимъ о вашемъ здравіи господей нашихъ, поминая, господине, твою любовь, что имѣеши къ Пречистой Богородицы и къ нашей нищетѣ, и поминая твою великую и довольную милостыню нашего господина. Да что ми еси (1) писалъ о преславномъ чудеси Пречистыя Богородицы, паче слова и смысла преславная ея чудеса, — слава тебѣ Боже, слава тебѣ крѣпкій, слава тебѣ безсмѣртный хвалимый въ Троицы всѣми небесными силами и родомъ человѣческимъ! Молитвами Пречистыя Богородицы матери своея такову излія милость въ послѣдній сей родъ, услышалъ моленіе Матери своея о роду крестьянскомъ. Слыши, князь Андрей, ветхое писаніе: егда восхощетъ Богъ кую землю показнити за нечестіе, посылаетъ прежде проповѣдники, дабы обратились; и аще обратятся, отводитъ Господь отъ нихъ свой гнѣвъ, мимо водитъ скорбь и предлагаетъ печаль на радость и показуетъ на нихъ свою милость. Господине, князь Андрей! намъ видѣвши пречистыя Госпожи Богородицы и пресланная ея и великая чудеса, и о томъ ея радоватися сердцемъ и душею устрашитися на всякъ часъ, что сподобилъ насъ Богъ Пречистою своею Матерію въ послѣдній сей родъ таковыми знаменьми и чудесы избавити крестьянскій родъ отъ нашествія иноплеменныхъ врагъ; и намъ нынѣ видѣвши на насъ божію милость и Пречистыя Богородицы помощь, поминати бы грѣхи своя, и о томъ бы

(1) Въ посланіи много разъ встрѣчается слово *господине*, которое я опускалъ.

плакатися и просити у Бога милости и помощи у пречистыя Его матери на благая дѣла; и аще видитъ насъ милосердый Господь въ сокрушеніи и сѣтованіи ходяща, не презритъ насъ, якоже Ниневитяны, но обычнымъ си человѣколюбіемъ помилуетъ. Благаго и преблагаго Бога благодатити должны есмы; того бо есмы созданіе и раби искупленіи есмы честною Его кровію. И ты же, видя человѣколюбіе и милосердіе Господа нашего І. Христа, что гнѣвъ свой отъ насъ отвелъ, а милость свою явилъ народу крестьянскому молитвами пречистыя Госпожа Богородицы Матере своея; и ты смотри того, властелинъ вотчинѣ поставленъ, люди свои уймай отъ лихаво обычая; судіи бо судили праведно какъ предъ Богомъ право, поклеповъ бы не было, подметовъ бы не было; судіи бы посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими. Понеже сице глаголетъ Господь: »да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни сильна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любы ради, ни нища нищеты ради; ни сотвориши неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, проклятъ всякъ неправду судя«. Пророкъ речетъ: »ярость Господня на нихъ неисцѣльна до вѣка, и огнь поястъ нечестивыя мзды ради, яже неправдою взимаютъ« (1); а судя праведно безъ мзды, спасени будутъ, и царство небесное на слѣдуютъ. И ты, господине, внимай себе, чтобъ корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже то велика пагуба душамъ, крестьяне ся пропиваютъ, а души гибнутъ. Такоже и *мытовъ* бы у тебя не было, понеже куны (*деньги*) неправедныя; а гдѣ *перевозъ*, туто пригоже дати труда ради. Такоже и разбоя бы и татьбы въ твоей вотчинѣ не было, и аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывать своимъ наказаньемъ, чему будутъ достойны. Такожде уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще не потщишися всего того управити, все то на тебѣ взыщется, понеже властель есть своимъ людемъ отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ не лѣнись управы давати самъ: то выше тебѣ отъ Бога вмѣнится молитвы и поста; а отъ уиванія бы ся есте уймали; а милостыню бы есте по силѣ давали. Занеже поститись не можете, а молитися лѣнитеся; ино въ то мѣсто вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнитъ; а великому Спасу и Пречистѣй Его матери госпожѣ Богородицѣ, заступницѣ крестьянской, чтобы есте велѣли молебны пѣти по церквамъ; а сами бы есте ко церкви ходити не лѣнились; а въ церкви божіи стойте съ страхомъ и трепетомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеси стояще. Занеже церковь наречется земное небо, въ ней же совершаются Христова таинства. Блюди и себе, Господине, опасно: въ церкви стоя бесѣды не твори и не глаголи никакова слова праздна; и аще кого видиши отъ вельможъ твоихъ или отъ простыхъ людей бесѣдующа въ церкви, и ты имъ взбраняй; понеже то все прогнѣваетъ Бога. И ты, князь Андрей, и о всемъ о томъ внимай себѣ; занеже глава еси и властель отъ Бога поставленъ, иже подъ тобою крестьяномъ. А милость божія и пречистыя Богородицы на тебѣ, на моемъ господинѣ, и на твоей княгинѣ и на вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва, и братіи моей. Аминь.

(*Ист. Рос. Іер. IV, 413—17*).

(1) Исхода гл. 23. Второзак. гл. 16; Левит. гл. 19; Второзак. гл. 1; Исаіи гл. 5; Іерем. гл. 22.

Три посланія Кирилла и духовная грамота. Ист. рос. іер. IV, 397. 403. Чт. общ. 1859, 3. 1. 70. О Кириллѣ Бѣлозерс. см. Москвит. 1842, № 1. критич. отд. Поѣздка Шевырева. П. Житіе Савватія и Зосимы. М. 1853. Похвальное имъ слово.

Правосл. Собес. 1860. Сказаніе о чудеси Варлаама. П. Собр. Лѣт. VI, 320—25.

106. Вѣяніе Новгородскаго владыки.

Въ лѣто 6926 (1418), индикта 11, бысть знаменіе въ церкви св. мученици Анастасіи, идяше отъ иконы св. Богородицы Покрова аки кровь по обѣ стороны ризы ея, м. априля въ 19. Сего же мѣсяца 24 сдѣяся таково въ В. Новѣгороди: наученіемъ діаволимъ, человѣкъ нѣкій Степанко, изымавъ боларина Данила Ив. Божина внука, держаще вопіяше людемъ: »о друзи! пособьствуйте мнѣ на злодѣа сего«; людіе же видяше его вопль, пришедше влечахуть якоже злого къ сонму людскому и казниша ранами близь смерти. Бяше же и се дивно, или на укореніе богатымъ обидящимъ убогіа, или казнь діавола: жена нѣкая, отвергши женскую немощь, вземши мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища дасть ему раны, укоряющи его, яко неистова глаголющи: »яко обидима есми имъ«. И сведши его съ сонма, сринуша его съ мосту аки разбойника и зло дѣюща людемъ много; нѣкто же людинъ, Личко, хотя ему добра, восхити его въ челнъ—и народъ возъярився на того рыболова, домъ его разграбиша, а самъ скрыся. И рекомый боларинъ, хотя безчестіе свое мстити, восхити супостата, нача его мучити; хотя вредъ свой исцѣлити паче язву воздвижеть, не помяну рекшего: азъ отмщеніе, глаголеть. Слышавъ же народъ, яко изыманъ бысть братъ его, нача звонити вѣче на Ерославѣ двори, и сбирашеся людей множество, глаголюще, вопіюще по многи дни: поидемъ на оного болярина и домъ его расхитимъ. И пришедше въ доспѣхахъ, стягомъ, на Кузмодемьянской улици и на Яневу въ берегъ, пограбиша домъ его. И по грабежѣ томъ, Кузмодемьянци возъярившеся, да не горѣе чего будетъ на нихъ, отдаша человѣка; и пришедше ко архіепископу молиша его, да послетъ на соборъ людскъ. Святитель же послуша моленіе ихъ, посла его съ попомъ ихъ да и съ своимъ бояриномъ; они же пріяша его. И паки возъярившеся, аки піани, отъ ярости лютыа, на иного болярина Чюдинцовы улици, и много съ нимъ разграбиша домовъ боярьскыхъ; въ и монастырь св. Николы на полѣ разграбиша, и игумена и черноцовъ оскорбиша, рькуще: »здѣ животы христіанскія и болярскія« (1). И еще того утра на Легощи улици разграбиша домы многихъ, глаголюще: »яко намъ супостаты суть«,—и тогда же на Прускую улицу пойдоша; услышавше же Пружене то начаша битися съ ними, вооружившися стрѣляти; отъ нихъ и бѣжаша, иніи же рѣющеся другъ на друга и грабленіе пометаша. И отъ того часа нача злоба множитися, и прибѣжавше на свою страну Торговую, рѣша: яко Софійскаа страна хочетъ на насъ вооружившеся ити, и домы наша грабити; и почаша звонити по всему граду. Того же дни, въ лютую ту брань, бысть громъ великъ и молніа блискаше, дождь и градъ, или того ради, или смотрѣніа вышнего на потребу живущимъ народомъ. И начаша люди срыскатися со обѣихъ странъ, аки на рать, на великій мостъ, въ доспѣсѣхъ; бяше и губленіе, овіи отъ стрѣлъ, иніи отъ коней, быша же мертвіи аки на рати. Отъ грозы тоя страшныа и отъ возмущеніа вострясеся градъ весь, и найде страхъ на обѣ странѣ; и отъ лютыя брани и усобного губительства начаша животы свои носити въ церковь.

Слышавъ же то владыка Семіонъ, усобную рать промежъ своими дѣтми,

(1) Т. е. въ монастыряхъ лежатъ пожитки крестьянъ и бояръ.

испусти изъ очію слезы и повелѣ предстоящимъ собрати соборы своя; а въ то время прилучися быти Варламу архимандриту св. Георгія, нѣкіихъ ради вещей и слышати отъ него утѣшительныя словеса, и глагола ему святитель: »архимандрите! послѣдуй ми«; онъ же рече: »съ радостію, учителю, иду по тебѣ«. И вшедъ архіепископъ въ церковь св. Софіа, нача молитися со слезами, и вступи въ божественный олтарь и облечеся въ священная ризы, своимъ соборомъ, и повелѣ взяти крестъ господень и Пречистыя Богородица образъ, и пойде на великій мостъ, и по немъ послѣдующе священници, и причетъ церковный, и христоименитое людство; бяше же на пути тѣснота доспѣшными людми. И мнози добріи мужи изо очію испущаху слезы, глаголюще: »да укротитъ Господь народы, молитвами господина нашего святителя«, — и людіе богобоязнивіи, припадающе ко святителевома ногама, съ плачемъ глаголаша: »пойди, святителю, благослови народы, да уставитъ Господь твоимъ благословеніемъ усобную рать«; иніи же глаголаху: »да будетъ злоба си на начинающихъ брань«. Пришедъ святитель, ста среди мосту, и вземъ животворящій крестъ нача благословляти обѣ страны; овіи же взирающе на честный крестъ кланяхуся, иніи видяще архіепископа изъ очію слезы испускающа, и на нь смотряще прослезишася. Услышавъ же она страна святителево прихожденіе, и приде къ нему посадникъ Ѳедоръ Тимоѳеевичь, и съ иными посадники и тысяцкими, и благовѣрніи христіане, и кланяхуся владыцѣ, глаголюще: »да уставитъ народы«. Владыка же послуша ихъ моленія, посла архимандрита Варлама, отца своего духовного, и протодіакона на Ерославль дворъ ко св. Николѣ, да подадутъ благословеніе его степенному посаднику Василью Есиповичу, и тысяцкому Кузмѣ Терентьевичу, и всему народу, да идуть кождо во свояси.

Они же отвѣщаша: »да повелитъ святитель своей странѣ въ хоромы (*въ домы*) ити, а мы своей братіи, по твоему благословенію, повѣстуемъ и повелѣваемъ имъ отъити въ жилища«,—и събравшимся по семъ съ нарочитыми мужи разсудити вещи сіа начало — и разъидошася, благодаряще Бога и пречистую его Матерь, глаголюще сице: »давшаго намъ таковаго святителя, могущаго управити своя дѣти и поучати словесы духовными, ового кротостію, иного обличеніемъ, иныа же запрещеніемъ, ноипаче же сію брань крестомъ господнимъ и поученіемъ своимъ укроти; да сохранитъ его молитва насъ и благословеніе отъ таковаго мятежа, въ вѣки, аминь».

(*Пол. Сбор. Лѣт. III, стр. 136—138*).

О вліяніи Новгородскаго владыки на народъ, см. въ статьяхъ о бѣдствіяхъ и знаменіяхъ.

107. Дѣйствія митроп. Фотія.

Въ лѣто 6933 (1425) февр. въ 27 д., въ 3 часъ нощи, преставися благовѣрный и христолюбивый в. кн. Василей Дмитреевичь. И м-тъ Фотій тоя же нощи посла по князя Юріа, брата его, въ Звенигородъ, своего боярина Акинфа Аслебятева; онъ же не ходя на Москву, иде къ Галичю. А на вел. княженіи сѣде кн. Василей Василіевичь, бѣ же тогда 10 л. безъ 13 дней; а кн. Юрій приславъ къ нему и вземъ съ вел. княземъ перемиріе до Петрова дни. Да за тѣмъ же перемиріемъ, тоя весны, разъсла по всей своей отчинѣ по всѣхъ людій своихъ, и яко снидошася къ нему вси изъ всѣхъ градовъ его, и въсхотѣ поити на вел. князя; а кн. великій слышавъ то съвокупися съ всѣми силами, съ нимъ же бяху и дяди

его. И поиде князь велики къ Костромѣ, князь же Юрій слышавъ то, что идетъ на него кн. велики съ всѣми силами и съ братьею его, и побѣже въ Новъгородъ Нижній, и сѣде тамо съ всѣми людми своими; а князь велики послалъ на него дядю своего кн. Костянтина съ многою силою. Кн. же Юрій убоявся бѣжа за Суру и ста о брезѣ, а кн. Костянтинъ стоявъ противу его възвратися, понеже бо не лзѣ преити къ нему за рѣку, и паки възвратившемуся ему къ Москвѣ, и кн. Юрій иде къ Новугороду, и оттуду къ Галичю, а къ вел. князю присла о перемирїи на годъ. Кн. же великій съ отцемъ своимъ Фотіемъ м-томъ, и съ матерію своею в. к-нею Софіею, и съ дядями своими кн. Андрѣемъ и Петромъ и Констянтиномъ Дмитреевичи, обосла же ся тогда и съ братомъ своимъ, и дѣдомъ в. кн. литовскимъ Витофтомъ, и съ всѣми князи и бояры земли своея здумаша послати къ кн. Юрію отца своего Фотіа м-та; онъ же ни мала отречеся, но вскорѣ и съ радостію поиде къ нему въ Галичь о миру того же лѣта. И прiиде въ Ярославль на Рожество Предтечево, и ту нимало помотчавъ, но точію ужиналъ у кн. Іоана Василевича; молиша же его князи ярославстіи, чтобы у нихъ обѣдни слушалъ наутрїи, и не послуша ихъ, но поиде въ Галичь. А кн. Юрій слышавъ то, събра всю отчину свою, и срѣте его съ дѣтми своими и зъ бояры и съ лутчими людми своими, а чернь свою събравъ изъ городовъ своихъ и волостей, изъ селъ и деревень, и бысть ихъ многое множество, и постави ихъ на горѣ отъ града съ прiѣзда митрополича, кажа ему многихъ людiй своихъ. М-тъ же вшедъ въ посадъ града того, и поиде къ соборной церкви Преображенiя, бѣ же церковь та на посадѣ на подолѣ у езера, и бывъ въ церкви помолився изыде, и възрѣвъ на онь народъ, иже по горѣ стоящь и рече кн. Юрью: »сыну! не видахъ столко народа въ овчихъ шерстѣхъ«, — вси бо бяху въ сермягахъ; князь бо хотя явитися яко много люди имѣ, а святитель въ глумъ си вмѣнивъ себѣ. Посемъ же поиде къ келiи своей, идѣже стояти ему, и начатъ глаголати князю о миру, чтобы не было кровопролитiа межи ихъ съ вел. княземъ; кн. же Юрій перемиріа просяше, а о миру не внимаше. Разгнѣвавъ же ся м-тъ и не благословивъ его и града его, скоро изыде изъ него, и въ той часъ бысть моръ на людiй града его. Кн. же Юріе слышавъ и видѣвъ то, и всѣдъ на конь и гна по немъ, и постиже его за озеромъ въ с. Пасынковѣ, и начатъ бити ему челомъ и молитися о своемъ съгрѣшенiи, и едва умоли его; и възвратися, благослови самаго и градъ его, и паки вниде въ градъ, и отъ того часа преста гнѣвъ Божiй. М-тъ же поучивъ князя о любви не токмо съ братьею, но и съ всѣми православными; кн. же Юрій многу честь въздавъ ему отпусти его, самъ же проводи его съ всѣмъ народомъ, рекъ ему: »пошлю о миру къ вел. князю бояръ своихъ«. И по отшествiи митрополичи посла боярина своего Бориса Галичскаго и Данила Чешка, и доконча миръ на томъ, что кн. Юрію не искати княженiа великаго собою, но царемъ: котораго царь пожалуетъ, той будетъ князь велики Владимерскiй и Новугороду В. и всей Русiи, и крестъ на томъ цѣловаша.

(*П. С. Лът. VIII, 92—93*).

108. Дѣйствiя владыки Іоны.

Князь Дмитрей услышавъ (1446), что дѣти в. князя пришедъ сѣли въ Муромѣ съ многими людми, и не въсхотѣ на нихъ посылати, бояся, понеже бо вси людiе негодоваху о нкяженiи его, но и са-

мого мысляху, хотяще в. кн. Василіа на своемъ государствѣ видѣти. Князь же Дмитрей умысливъ сице, призва къ себѣ епископа Рязанскаго Іону на Москву, и пришедшу ему обѣща ему митрополію и начатъ глаголати ему: «отче! чтобы еси шелъ въ свою епископію, въ градъ Муромъ, и взялъ бы еси дѣти в. князя на свой патрахѣль (1); а язъ радъ ихъ жаловати, отца, ихъ в. князя выпущу и отчину дамъ доволну, какъ мощно имъ быти съ всѣмъ». Владыка же Іона поиде къ Мурому въ судѣхъ, и съ тѣми рѣчми княже Дмитреевыми пріиде въ Муромъ, и начатъ говорити рѣчи его бояромъ в. князя дѣтей, тремъ княземъ Ряполовскимъ и прочимъ съ ними. Бояре же много о томъ думавше смыслиша себѣ сице: »аще мы нынѣ святителя непослушаемъ, не поидемъ къ кн. Дмитрію съ сими в. князя дѣтми, и онъ пришедъ ратью городъ возметъ и сихъ поимавъ, что хощетъ то творитъ имъ, такоже и отцу ихъ в. князю и всѣмъ намъ; и въ что будетъ крѣпость наша, непослушавши сихъ глаголъ святителевыхъ«? И рѣкоша Іонѣ владыцѣ: »аще пришелъ еси съ сими глаголы отъ кн. Дмитреа къ нашимъ государемъ, в. князя дѣтемъ, да и къ намъ, ино мы собою сего не дерзнемъ сътворити, что отпусти намъ съ тобою дѣтей в. князя безъ крѣпости; но шедъ въ соборную церковь Рождества Пречистые и възмеши ихъ у Пречистые исъ пелены на свой патрахѣль, и тако отпустимъ ихъ съ тобою и сами съ ними идемъ». Владака же Іона обѣщася тако сътворити, и вшедъ въ церковь начатъ молебенъ Пречистые, и съвръшивъ молебнаа и взятъ ихъ исъ пелены у Пречистые на свой патрахѣль и поиде съ ними къ кн. Дмитрію въ Переславль, тамо бо тогда ему сущу; приде же въ Переславль м. маіа въ 6. Князь же Дмитрій мало почти ихъ, съ лестію на обѣдъ къ себѣ зва ихъ и даривъ ихъ; а на 3-й день послѣ того, съ тѣмъ же владыкою Іоною, посла ихъ на углечь къ отцу въ заточеніе. Онъ же дошедъ съ ними до отца ихъ и остави ихъ тамо, възвратися къ кн. Дмитрію; онъ же повелѣ ему итти къ Москвѣ и сѣсти на дворѣ митрополичи, Іона же сътвори тако. А Ряполовскіе то видѣвше, князь Іоанъ и братья его Семенъ и Дмитрей, что кн. Дмитрей Шемяка слово свое измѣнилъ въ всемъ и владыцѣ слъга и начаша мыслити, какъ бы князя в. выняти. Бѣ же въ той мысли тогда съ ними к. Иванъ Васильевичь Стрига, да Иванъ Ощера зъ братомъ зъ Бобромъ, Юшко Драница и иные многіе дѣти боарскіе дворовые в. князя; съ ними же въ думѣ былъ Семенъ Филимоновъ съ дѣтми всѣми, да Русалка, да Руно, и иные дѣти боярскіе многіе и учинивша себѣ срокъ всѣмъ быти подъ Углечемь на Петровъ день о полудни. И Семенъ Филимоновъ съ всѣми своими на тотъ срокъ пришелъ; а про Ряполовскихъ учинилася вѣсть, кн. Дмитрію, и не смѣша поити на тотъ срокъ подъ Углечь, но поидоша за Волгу къ Бѣлуозеру. А князь Дмитрей посла за ними съ Углеча рать съ Васильемъ съ Вепревымъ, да Феодора Михаиловича посла за ними съ многими плъки, а срокъ былъ имъ съитися въ мѣсто на усть Шексны у Всѣхъ Святыхъ: и Феодоръ неуспѣлъ къ Василію, а Ряполовскіе воротившеся на Василіа побиша его на усть Мологи; а Федоръ въ ту пору перевезеся за Влъгу на усть Шексны съ всѣми плъки своими, а Ряполовскимъ вѣсть бысть про него, они же и на того воротишася, Феодоръ же видѣвъ ихъ опять побѣжа за Влъгу, а Ряполовскіе поидоша по Новгородцкой земли къ Литвѣ и пріидоша къ кн. Василію Яро-

(1) Взять на епитрахиль—значить поручиться и завѣрить въ неприкосновенности святительскимъ словомъ.

славичю въ Мстиславль. А Семенъ Филимоновъ съ всѣми своими отъ Углеча иде къ Москвѣ, яко ничто же про тѣхъ вѣдаа; одинъ Руно отвръналъ отъ него за Ряполовскими. И какъ пришдше Ряполовскіе, да кн. Иванъ Стрига и прочіе многіе дѣти боярскіе, прежеписанные и неписанные, начаша говорити кн. Василію Ярославичю, какъ бы выняти в. князя, а князь Дмитрей Шемяка видя то, что про в. князя мнози людіе отступаютъ отъ него, и розосла по владыки и начать думати съ кн. Иваномъ и съ владыками и съ боляры: выпустити ли его или ни? А владыка Іона на всякъ день не престаше глаголя: »неправду еси учинилъ, а меня еси ввелъ въ соромъ и въ грѣхъ; князя ти было великого выпустить, и ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ; а мнѣ еси далъ свое правое слово, а они мене послушали и нынѣче язъ въ всей лжи, выпусти его, сведи съ моея души и съ своея; а что можетъ онъ учинити безъ вѣка? а дѣти его малы, а еще его укрѣпи крѣстомъ честнымъ да и нашею братьею владыками«; многа же и ина изрече. Князь же Дмитрей много думавъ о семъ положи на томъ, что выпустити великого князя, а дать ему вотчина, на чемъ бы мощно ему быти.

(*П. С. Лѣт. VIII, 117—119*).

109. Посланіе духовенства Угличкому князю Димитрію Юрьевичу 1448.

Господину князю Дмитрію Юрьевичу богомолци, господине, твоего брата старѣйшего в. кн Василія Васильевича и вашего благородія общіи, Ефремъ владыка ростовскій, Аврамій владыка суздальскій, Іона владыка рязанскій, Варламъ владыка коломеньскій, Питиримь владыка пермьскій, и мы ваши ниціи и молебници, Геронтій архимандритъ симоновскій, Мартиніанъ игуменъ сергіева монастыря и съ прочими архимандриты и игумены, нашею братьею, всѣхъ св. обителей настоятели и со всѣмъ еже о Христѣ братствомъ нашимъ, со всѣми священно-иноками и со всѣми священники всѣхъ св. божіихъ церквей, челомъ бьемъ и благословляемъ. А пишемъ къ твоему благородію, по своему долгу, попеченіе творя о твоей единородной и безсмертной души, и о будущемъ и въ вѣки пребывающемъ о вѣрнѣмъ вашемъ благородіи и о тѣлесномъ многолѣтномъ здравіи; и о томъ тобѣ своему господину воспоминаемъ, не отъ собе свое, но ото божественнаго ветхаго писанія, токмо воспоминаюче тобѣ, самовѣдущему прежебывшее, како поизначальству вражды общего нашего душегубнаго супоста и врага всему человѣчьскому роду дьявола, козньми его и навѣты, како праотцу нашему Адаму позавидѣ и положи ему въ сердци равнобожество, яко да будетъ я и Богъ, разумѣвая добро и зло; и его же ради восхотѣ праотець нашъ обожитися и равенъ Богу быти въ разумѣньи, того ради абіе и наготу свою позна и осуженъ отъ Бога бысть, своимъ трудомъ и въ потѣ лица хлѣбъ снѣсти. Аще убо онъ великій, еже божіею рукою созданный первый человѣкъ, праотецъ нашъ Адамъ толико и таково самомнѣтельствомъ обоженія пострада и осуженію подданъ со всѣмъ человѣческимъ по немъ родомъ, даже и доселѣ вооному осуженіи вси мы пребываемъ: и тое убо прежнее, еже отъ божественнаго писанія воспомянухомъ ти. Къ тому же и сіе бывшее въ наша времена, малымъ прежде сего, еже самъ множае иныхъ, или паче рещи, отъ всѣхъ человѣкъ ты тое болши вѣси, како отецъ твой князь Юрій Дмитріевичь коликое тщаніе имѣлъ на начальство В. Княженія, яко же и древній нашъ праотецъ Адамъ ко обоженію! И въ Орду отецъ вашъ ко Царю ходилъ, и ко-

ликіе труды отецъ вашъ самъ подъялъ! А всему православному христіянъству отъ него то вначалѣ истома и великіе убытки почали быть: а Княженія В. никакоже недосягли; что ему Богомъ не дано, ни земскою изъ начальства пошлиною. Къ нему же и апостольское слово рцемъ: »ни хотящему, ни толкущему, но милующему Богу«. По томъ паки не уймяся, собравъ къ собѣ злыхъ и кроволитныхъ человѣкъ, да в. кн. Василья Васильевича съ В. Княженія сгонилъ, и колико паки на В. Княженьи пожи? Не самъ же ли того часа съ великимъ челобитьемъ в. кн. Василья на вел. государство призвалъ, а самъ съ В. Княженія въ 5 человѣцѣхъ съѣхалъ? Потомъ и въ другіе пришедъ, сѣлъ на вел. государствѣ безъ пошлины же, паче рещи, яко разбойнически, и колико пакъ и самъ пожилъ! Егда было ему, при кончинѣ, о своей души попеченіе поимѣти и пожеланію его древнему самоначальства, Богъ ему здѣ попустити хотѣнію его исполнитися, токмо яко человѣкомъ навидѣніе, а ему отъ всѣхъ на осуженіе. Такожъ и послѣ его, и братъ вашъ старѣйшій, князь Василій въсхотѣ Княженія В. не отъ божія же помощи и воли, но отъ своей его гордости и высокомысльства, и колико крови христіянскіе пролья, и священниковъ и черноризцевъ пресѣче и извѣша! И попустилъ ли ему самому всесильный Богъ? Ей, непопусти, яко же и самъ вѣси, (*знаешь*), каково его нынѣ житіе и пребываніе. Въспомянемъ же и тобѣ вмалѣ и тебе самого. Егда по нашимъ христіянскимъ грѣхомъ, приходилъ къ Москвѣ безбожный царь Махметъ, и колико самъ у града у Москвы стоялъ, а воя своя по земли распустилъ: и кн. в. Василій Васильевичь колькое пословъ своихъ по тебе посылалъ, тако же и грамотъ, зовучи тобе къ собѣ на помощь? И ты къ нему не пошелъ и въ томъ колико крови христіанъскіе пролилося, и колико

множьство христіанъства въ полонъ въ поганство пошло, и колико святыхъ божіихъ церквей разрушилося, и колико черноризиць осквернено и дѣвиць растлѣнено! А все это во твоемъ небреженьіі, и намъ видится, что жъ всего того всесильный Богъ отъ твоею руку взыщетъ. Потомъ же паки безбожный царевичь Мамотякъ приходилъ на православное христіянство къ граду къ Суждалю: и господинъ нашъ кн. в. Василій Васильевичь и съ своею братіею, со кн. Михаиломъ Андреевичемъ и со кн. Василіемъ Ярославичемъ, и съ своими бояры и съ дѣтми съ боярьскими, и со всѣмъ своимъ христоименитымъ воинствомъ, кого тогды Богъ получилъ, съ тѣми самъ бился; и тѣ его братья колькими ранами ранены были, князь в. самъ и братъ его кн. Иванъ! Конечнее пакъ тѣ безбожніи Татарове в. князя и князя Михаила, поимавъ, и въ полонъ повели. А колькое туто, на томъ бою за православную вѣру и за св. божьи церкви, великихъ людей побито, бояръ и дѣтей боярскихъ и иныхъ людей в. князя и его братіи: итѣ мученичьскы въ Богу отъидоша, имъ же буди вѣчная память! А по тобе братъ твой старѣйшій, князь в. посылалъ пословъ своихъ до 40 зовучи тобе къ собѣ за христіанство помогати: и ты ни самъ къ нему не поѣхалъ, ни воеводъ своихъ съ своими людьми не послалъ; и въ томъ также крови христіанскіе колико пролiлося и въ полонъ въ поганство поведено, и того всего Богъ потому жъ отъ твоею руку изыщетъ. Потомъ паки Богъ своею милостію князя в. изъ поганства свободилъ, отъ поганыхъ ему ничто лихо не починилося; и какъ пришелъ на свое государьство, и тобе діяволъ на него вооружилъ желаніемъ самоначалства, разбойнически, нощетатствомъ изгонити его на крестномъ цѣлованьи; и сотворилъ еси надъ нимъ не менши прежнего братоубійци Каина и окаяннаго Святополка. И разсуди

собѣ, которое благо сотворилъ еси православному христіяньству, или чимъ еси себе самого ползовалъ, и колико еси погосподарьствовалъ, и въ которой тишинѣ пожилъ еси? Не все ли въ суетѣ и въ прескоканьи отъ мѣста до мѣста, во дни отъ помышленія томимъ, а въ нощи отъ мечтаній сновидѣнія? Ища и желая болшаго, и меншее свое изгубилъ еси. А божіею благодатію и неизреченными его судбами, братъ твой старѣйшій князь в. опять на своемъ государствѣ: понеже кому дано что отъ Бога, и того не можетъ у него отняти ни кто; ему же бо когда Богъ помогати въсхощетъ, и человѣкъ того озлобити неможетъ; тыжъ, господине, никако съдрогнувся сердцемъ, ни Бога бояся, ни будущаго праведнаго суда божія въспоминая, но всячески опять пришелъ еси былъ, хотя паки изгонити своего брата старѣйшего в. кн. Василія Васильевича; но божьимъ промысломъ, еже умыслилъ еси собѣ не о Бозѣ, того ти ся не съ стало, впалъ еси былъ самъ въ руки, яко же древній онъ гордый Фараонъ въ глубину моря; и аще не бы милосердіе свое показалъ на тобѣ братъ твой старѣйшій князь в., то пришелъ еси былъ самъ къ своей погибели и со всѣми своими, по пророку: »вмалѣ вселила бы ся въ адъ душа твоя.« Но какъ ему Богъ положилъ на сердце, не поминая твоего къ собѣ лиха, все твое тобѣ оставя, да тебе князь в. пожаловалъ, по твоему челобитью, вотчину твою тобѣ далъ и въ докончяніе тя пріялъ; а ты къ нему цѣловалъ честный и животворящій крестъ, что ти по тѣмъ докончялнымъ грамотамъ правити къ нему во всемъ, какъ что у васъ въ нихъ написано. И являлъ намъ нынѣ, богомолцемъ своимъ, господинъ нашъ, а твой братъ старѣйшій, князь в. Вас. Васильевичь свои съ тобою тѣ докончялные грамоты да и перемирную вашу общую грамоту, ваше съ нимъ управленіе, какъ есте на чемъ межи себе

скончали и животворящій крестъ цѣловали, какъ вамъ на чемъ правити и жити вамъ въ томъ и до живота, доколѣ Богъ повелитъ вашему благородію въ семъ временномъ житіи пребыти. Но, господине, узрѣли есмы въ вашихъ докончялныхъ грамотахъ писанные строки, по чему вамъ межи себе жити и правити, по крестному цѣлованью.....

А ся строка, господине, написана у васъ въ обоихъ грамотахъ, и въ докончялныхъ, и въ перемирной, о казнахъ и о поклажаѣхъ; а на тѣхъ, господине, на всѣхъ строкахъ цѣловалъ еси честный и животворящій крестъ къ нашему господину, къ своему брату старѣйшему в. кн. Василью Васильевичю, молвя такое свое крѣпкое слово, чтобы тому быти неподвижно, по любви, въ правду, безо всякіе хитрости; а се докончяніе ялся еси правити своему брату старѣйшему в. князю и до живота. И нынѣ, господине, братъ твой старѣйшій, кн. в. Василій Васильевичь, намъ вашимъ общимъ богомолцемъ, своимъ и твоимъ, то възвѣстилъ, а имы сами отъ слышаньа все уразумѣли же есмы. Что жъ ты, господинъ нашъ, не вѣдаешь, запросто учинилъ еси собѣ то честнаго и животворящаго креста цѣлованье и тѣ крѣпкіе и утверженые ваши рѣчи и писанія, которыи самъ еси на себе написалъ въ нашихъ докончяльныхъ грамотахъ и въ перемирной грамотѣ, на чемъ еси по своему христіяньству, Богу и своему брату старѣйшему в. князю честный и животворящій кресть цѣловадъ? Или, господине, по нужи, смѣемъ рещи, ослѣпила тя будетъ душевная слѣпота, возлюбленіемъ временныя и преходящія, и помалѣ ни во что же бывающія, чести и славы княженья и начальства, еже слышатися зовому и именовану быти княземъ в. а не отъ Бога дарованно? Или златолюбствомъ объятъ еси, или женовнимателенъ и женопокоренъ, яко жъ Ироду подобству, явил-

ся еси, попралъ еси свое православіе и крестное цѣлованіе ни во что же вмѣнивъ, ни къ единому своему слову достовѣренъ сътворился еси? А св. петрахили наши сквернишъ неподобными своими богомерзькими рѣчми; а надѣемся, что и самъ знаешъ, что суть тѣ св. петрахили, воображеніе есть муки Господа нашего І. Христа, еже при спасенѣмъ его растятьи, и что ихъ ты сквернишъ злыми рѣчми, не яко христіянинъ буда, но и поганыхъ горши; и петрахили наши твоими рѣчми не могутъ сквернитися никакоже, но токмо самъ душю свою губишъ. Мы же убо опрежъ створенныхъ тобою твоихъ дѣлѣхъ немного глаголемъ, еже ни во христіянѣхъ когда прежъ сего не есть сицево слышано, но о нынѣшнемъ толико твоемъ преступленіи и къ брату твоему старѣйшему къ в. князю о твоемъ неисправлени по крестному цѣлованію и по тѣмъ грамотамъ вашимъ, тобѣ сее нынѣшнее новое твое воспоминаемъ. По тѣмъ вашимъ строкамъ, что еси самъ же на себе написалъ: »что ти быти съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ вездѣ заодинъ, и до своего живота; а кто будетъ ему другъ, то и тобѣ другъ, а кто будетъ ему недругъ, то и тобѣ не другъ«; и ты на него добываяся, а христіянъство православное до конца губя, съсылаешся съ иновѣрци, съ поганьствомъ и съ иными со многими землями, а хотя его и самого конечнѣ погубити и его дѣтки, и все православное христіянъство раздрушити. Ино въ семъ первое крестное цѣлованье исполнилъ ли еси, а къ своему брату старѣйшему къ в. князю исправилъ ли еси? Также и то: »съ кѣмъ будешъ въ цѣлованьи, и тому ти цѣлованіе сложити«; — и ты въ цѣлованьи съ В. Новымгородомъ, да къ Новугороду В. цѣлованія не сложилъ, да еще посылалъ еси къ В. Новугороду и посла своего, а зоучи себе княземъ в., да просилъ еси у нихъ собѣ помочи, а вводя то слово, что Татарове изневолили нашу отчину Москву, и вы ми дайте на нихъ помочь. А все то ты злохитрьствуешь на своего брата старѣйшаго на в. князя, хотя и ища и десягая самъ собѣ В. Княженья; а что Татарове во христіяньствѣ живутъ, а то ся чинитъ все твоего же дѣля съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ неуправленья, и тѣ слезы христіянскіе вси на тобѣ же. А котораго часа съ своимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ управишся во всемъ чисто, по крестному цѣлованью; ино мы ся въ томъ имаемъ, что тогожъ часа князь в. Татаръ изъ земли вонъ отшлетъ. Также еси посылалъ ко кн. Ивану Андреевичю посла своего Михайла Сатина, а все одиначася съ нимъ на брата жъ своего старѣйшего на в. князя; да и то еси съ нимъ приказалъ ко князю къ Ивану, чтобы князь Иванъ и къ в. князю то слово съ своимъ посломъ приказалъ: »толко пожалуешъ ты, князь в., кн. Дмитрія Юрьевича, ино то еси и мене князя Ивана пожаловалъ; а толко не пожалуеши кн. Дмитрія, ино то еси и мене князя Ивана не пожаловалъ.« И княжь Ивановъ Андреевича посолъ Елизаръ Васильевъ възвѣстилъ то твое слово в. князю отъ кн. Ивана Андреевича. Ино то, господине, князь Дмитрей, самъ посмотри, пригодно ли то, тѣ твои посольства и приказы? А что написано въ вашихъ докончялныхъ грамотахъ: »А добра ти своему брату старѣйшему в. князю хотѣти вовсемъ вездѣ«...

Ино въ сѣхъ строкахъ гдѣ еси своему брату старѣйшему в. князю исправилъ хотя воодино, и по крестному цѣлованію въ которомъ еси мѣстѣ похотѣлъ добра, или что еси ему повѣдалъ, о добрѣ ли его, о лисѣ ли его, и гдѣ его честь и гдѣ его гроза, и какъ подъ нимъ блюдешъ его отчину все это В. Княженіе? А ты самъ посылаешь вездѣ, на его лихо, на его кровь, какъ всюды во хри-

стіянство, такъ и въ бесерменство, къ Новугороду В. посылаешь, ко кн. Ивану Андреевичю посылаешь, къ Вятчяномъ посылаешь; а въ Вятку ти ся, по докончянью и по крестному цѣлованью, не въступати. Посылалъ еси въ Казань ко царевичю къ Мамотяку, на брата своего старѣйшего в. князя на все лихо и всего православнаго христіянства на неустроеніе, и посолъ его къ тобѣ пришелъ, у собе его и нынѣ держишъ. А за твоею посылкою къ Мамотяку, брата твоего старѣйшего в. князя киличѣя царевичь Мамотякъ поймалъ да скова, и нынѣ держитъ его у себе, въ желѣзѣхъ скованнаго; а братъ твой старѣйшій князь в. посылалъ къ тобѣ, пережи, своего боярина, а опять своихъ дѣтей боярьскихъ къ тобѣ посылалъ о томъ, чтобы еси къ нему отпустилъ того посла Мамотякова; и ты къ нему какъ посла не отпустилъ, такъ и видѣтися еси не далъ его боярину и его дѣтямъ боярьскимъ съ тѣмъ съ Мамотяковымъ посломъ. А отъ царя Седи-яхамата пришли къ брату своему старѣйшему в. князю его послы, и онъ къ тобѣ посылалъ просити, что ся тобѣ имаетъ дати съ своей отчины въ тѣ татарскіе проторы; и ты не далъ ничего, а не зоучи царя Седи-Яхамата царемъ. А того нѣкакъ позабылъ еси, не на томъ ли юрту отецъ твой, кн. Юрій Дмитріевичь былъ у царя въ Ордѣ съ в. княземъ вмѣстѣ, и на пошлинѣ стояли? Не тѣ же ли пакъ царевичи и великіе князи у сего царя Седи-Яхамата, которыи тогды и у того царя были да тоже дѣло дѣлали? Ино, господине, намъ видится такъ, что еси во всемъ въ томъ брату своему старѣйшему в. князю по тѣмъ докончялнымъ грамотамъ и по крестному цѣлованію не исправилъ. А что еси поималъ святости, честные кресты и святые иконы, и Страсти Спасовы, да и казну брата своего старѣйшего в. князя, и его матери в. княгини и его в. княгини (*жены*) казны и поклажаи, и его бояръ и Марьины Ѳедоровны жены Ѳедоровича, и гдѣ будешъ что ни взялъ казны и поклажай, и тобѣ то все отдавати брату своему старѣйшему в. князю по крестному цѣлованію; а отдавати было то все, а послѣ вашего докончянья, ино ушедъ мѣсяць. Ино уже послѣ того срока болѣ шти(6) мѣсяць книжныхъ; и ты нѣчто малое казны в. князя, и его матери в. княгини, и его в. княгини отдалъ, а болши, все лутшее еще у тобе, того неотдаси, а Марьины Ѳедоровы жены Ѳедоровича того неотдаси ничего, а и святость вся у тебе, не отдаси ничего. Также что ялся (*взялся*) еси брату своему старѣйшему в. князю отдавати ярлыки и докончялныя грамоты и дефтери и иныя какія грамоты, по крестному цѣлованію, что еси у него поималъ въ его казнѣ; и того ему тѣхъ всѣхъ ярлыковъ и грамотъ не отдалъ еси. »А бояромъ вашимъ и дѣтемъ боярьскимъ и слугамъ межи васъ волнымъ воля; а кто служитъ брату твоему старѣйшему в. князю, а живетъ въ твоей отчинѣ, и тѣхъ ти блюсти, какъ и своихъ«. И опослѣ того вашего докончянія и крестнаго цѣлованья, которыи бояре и дѣти боярьскіе отъ тобе били челомъ брату твоему стярѣйшему в. князю служити, а села и домы ихъ въ твоей отчинѣ; и ты, черезъ то докончянье и черезъ крестное цѣлованье, тѣхъ еси бояръ и дѣтей боярьскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ еси у нихъ поотъималъ, и животы и състакты всѣ, и животину еси у нихъ поималъ. Также, господине, ваша старина, что жити вамъ въ Москвѣ, по духовной грамотѣ дѣда вашего в. кн. Димитріа Ив.; и ты, господине, шлешъ къ своему тіуну къ Ватазину свои грамоты, а велишь ему отзывати отъ своего брата старѣйшего отъ в. князя людей, а велишь звати людей къ собѣ, а все подъ в. княземъ доставая В. Княженья; и тѣ твои грамоты выиманы у твоего тіуна у Ва-

тазина, какъ уже его былъ князь в. отпустилъ къ тобѣ, ино у него тѣ грамоты выимали на пути. И намъ, господине, вашимъ богомолцемъ видится, что какъ то все ты, господинъ нашъ, дѣлаешь не по докончялной грамотѣ, ни по старинѣ, ни по крестному цѣлованью, какъ есте межи себѣ кончяли, и честный и животворящій крестъ къ своему брату старѣйшему в. князю на чомъ еси цѣловалъ. А иныхъ, господине, рѣчей брата твоего в. князя, что намъ сказывалъ, да и грамотныхъ строкъ, еще и не исписали есмя, что ся надъ нимъ отъ тобе дѣлаетъ не по докончанью, ни по крестному цѣлованью. И о томъ тобѣ своему господину и въспоминаемъ, и челомъ бьемъ, и благословляемъ, и по своему долгу Бога молимъ: пожалуй, господине, поберези своей души и своего христіянства и крестного своего цѣлованья, а передъ своимъ, господине, братомъ передъ старѣйшимъ, передъ в. княземъ исправися во всемъ чисто, Что, господине, его у тобе святости ли будетъ, казны ли его самого, и его матери в. княгини, и его в. княгини, и его бояръ и Марьины казны Ѳедоровы жены Ѳедоровича, и ярлыкы его и докончялныя грамоты и дефтеры и иныя какія грамоты, что поиманы въ его казнѣ, чего будешъ ему недодалъ, то бы еси ему, господине, отдавалъ все; а въ тѣхъ, господине, строкахъ, въ чемъ ся будешъ передъ нимъ не исправилъ подокончялнымъ грамотамъ и по перемирной грамотѣ и по крестному цѣлованью, а въ томъ, господине, положи передъ Богомъ и передъ пречистою его Богоматерью, и передъ своимъ братомъ старѣйшимъ передъ в. кн. Васильемъ Васильевичемъ, чистое покаяніе, а себе въ томъ во всемъ исправи, а цѣлованье честнаго и животворящаго креста исполни. А мы, господине, ваши богомолци, по своему долгу, били есмы за тобе челомъ своему господину, а твоему брату старѣйшему в. князю, и господинъ нашъ, братъ твой старѣйшій в. князь, какъ ему Богъ положилъ на сердци, нашего слова своихъ богомолцевъ послушалъ, а тобе своего брата жаловати хочетъ и въ братствѣ и въ любви держати по старинѣ; и о всемъ тобѣ управливатися срокъ по крещеніи 2 недѣли. И ты бы, господине, и Бога ради и нашего дѣля къ тобѣ моленія, а и своее дѣля души и своего дѣля христіянства, не въскладывалъ на себе высокомысльства, ни гордости начяльства, еже ти что не богодаровано, въспоминая великого Богоотца и пророка царя Давида, яко и до трикрата помазанъ бысть на царство, но никако же восхотѣ во царитися, до нелѣже и убіенъ бысть Саулъ, аще и отнято бысть отъ Саула царство. Но когда же той царь Давидъ, яко человѣкъ възвысися мыслью и рече единъ глаголъ: »азъ рѣхъ, во обиліи моемъ не подвижуся въ вѣки«, и колико за единъ той глаголъ пострада, яко и лукаваго духа попусти на него Богъ, и отъ того впаде въ сугубо согрѣшеніе, въ любодѣяніе и убійство, и колико плакася къ Богу о тѣхъ согрѣшеніихъ! Такожъ и Навъходоносоръ царь о созданіи града Вавилона похвалися, и колико зато пострада, яко волъ ходя и траву ядый: но паки умоли о немъ Бога пророкъ Даніилъ, и въ человѣчьское чювство претвори его паки Богъ и пояся. Такожъ и арменскій царь Тиридатъ о заточеньи великаго Григорья претворенъ бысть вепремъ, и ходи 2 лѣтѣ, нечистоду ядый: но паки умоленъ бывъ великимъ Григорьемъ отъ сестры его, и сотвори его человѣка, и такожъ покаяся и крестися самъ и все царство свое крести. И имѣли быхомъ, господине, еще и много тобѣ писати отъ божественнаго писанія, но самъ, господине, какъ ти далъ Богъ разумъ, потонку разумѣешь божественное писаніе: и молимъ твое благородіе, да ся смиришь съкрушеннымъ сардцемъ; и наше смире-

ніе, и божія благодать и милость, и нашего смиренія молитва и благословеніе будетъ съ твоимъ благородіемъ, по твоему покаянію и обращенію. А аще ли единаче въ своемъ жестосердіи тако и хощеши пребыти и въ своей высоцѣй мысли и не въ покаянномъ сердцы, и тако не възхочешъ смирити свою душю съкрушенною мыслію и не всхочешъ обратитися ко всемогущему Богу съ чистою совѣстью и истинна покаянія положити не похочешъ, а таки станешь къ брата своего старѣйшего в. князя лиху и къ его крови, а ко христіанскому неустроенію и погибели, и брату своему старѣйшему в. князю челомъ не имешъ бити, а съ нимъ ся не управишъ, а его не отдаси святости, честные кресты и св. иконы и Страсти Спасовы, и казны в. князя и его матери в. княгини, и его в. княгини казны и поклажаи, и бояръ его, и Марьипы казны и поклажаи Ѳедоровы жены Ѳедоровича, и всего, гдѣ еси что ни поималъ казны и поклажай, и ярлыковъ и грамотъ и докончялныхъ всѣхъ и дефтерей и иныхъ какихъ грамотъ, что еси поималъ въ в. князя казнѣ, и что еси ялъся, то все отдати брату своему старѣйшему в. князю, по докончялнымъ грамотамъ и по перемирной грамотѣ и покрестному цѣлованью; и толко ему того всего не отдаси, а въ тѣхъ строкахъ таки ему не исправишся, которыи у васъ въ докончялныхъ грамотахъ написаны, да и въ перемирной грамотѣ и въ сей нашей грамотѣ вписаны, на чомъ еси цѣловалъ честьны и животворящій крестъ къ своему брату старѣйшему, къ в. кн. Василью Васильевичю: ино то не мы тобѣ учинимъ, но самъ на себѣ наложишъ тягость церковную духовную; по господню глаголющему словеси: »егоже аще разрѣшите на земли, и будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ; и егоже аще свяжете на земли и будетъ связанъ на небесѣхъ«; и паки: »Слушаяй васъ, Мене слушаетъ, а отметаяйся васъ, Мене ся отмещетъ; а отметаяйся Мене отмещется и пославшаго Мя.« И аще необратишися къ Богу, и ко своему брату старѣйшему къ в. князю, съ чистымъ покаяніемъ, и по Спасову глаголющему словеси, чюжъ будешь отъ Бога и отъ церкви божіей, и отъ православныя христіанскія вѣры, и чясти не имаши съ вѣрными, и не будетъ на тобѣ милости божіей и пречистыя его богоматери и силы того честнаго и животворящаго креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ в. князю Василью Васильевичю цѣловалъ, и по св. правиломъ проклятъ да будешъ отъ св. Апостолъ и отъ св. богоносныхъ Отецъ, отъ всѣхъ 7 вселенскихъ соборовъ, и въ конечную погибель да пойдеши съ прежними онѣми богомерзкими еретики, временно же и будуще. Такожъ и нашего смѣренія, святительского и священнического не будетъ на тобѣ благословеніа и молитвы, ни въ си вѣкъ, ни въ будущій, ни на тѣхъ на всѣхъ, кто имѣтъ тобѣ думати, и на ту кровь къ тобѣ приставити и побърати или спѣшьствовати, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хитростью, на в. князя лихо и на его кровь и его дѣтей, и всего православнаго христіянства на неустроеніе и на нетишину. А въ томъ твоемъ неисправленьи какова, по грѣхомъ, кровь христіянская прольется, и та христіянская кровь вся на тобѣ же будетъ. А писана на Москвѣ, м. декемврія въ 29 день, въ лѣто 5956, индикта 11.

(А. Истор. 1, № 40).

О юридичес. знач. духовенства см. *Церков. Уставы.* Слово Иларіона и статью И. В. Калачова въ отдѣлѣ: »Законы и судопроизводство«. Обычай печалованія означенъ въ Посл. Никифора къ Мономаху; объ-усмиреніи бунта и кровопролитья см. 1 Новг лѣтоп. 55—56. 81—82; также »Борьба съ Рязанью 1207«. О вліяніи духовенства см. въ концѣ »Посл. Симона къ Поликарпу« около 1225. Въ сл. Кирилла 1274, высказывается угроза—не принимать приношеній въ церковь отъ кулачныхъ бойцовъ, а убитыхъ въ бою запрещается погребать, поминать и хоронить около церкви. Духовенство поддерживало Московс. едиодержавіе. См. отдѣлъ VIII.

Б. ПАМЯТНИКЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

110. Былина о Василіѣ Буслаевѣ.

Василій уже пережилъ первую молодость; но онъ еще не старъ; онъ въ славѣ и въ чести,— но въ душу ему западаетъ грустная дума. Вспоминаетъ онъ прокаченную буйную молодость; много грѣховъ на душѣ: надобно отмолить; — онъ собирается въ Ерусалимъ. Такое путешествіе было своего рода удалью. Побывать въ далекой странѣ, повидать всякаго дива, поклониться величайшей святыни— это приманчиво для пылкой натуры. Василій приплываетъ откуда-то по Ильменю въ В. Новгородъ. Пѣсня не говоритъ, откуда онъ возвращается, можетъ быть съ торговаго дѣла, а можетъ быть съ удалаго; а можетъ быть и отъ В. Новгорода въ посылкѣ былъ; а В. Новгороду такіе молодцы, какъ Буслаевъ, всегда годились. Онъ оставляетъ караульщиковъ у своихъ судовъ, а самъ идетъ къ матушкѣ; за нимъ храбрая дружина. Онъ проситъ материнскаго благословенія идти въ Ерусалимъ (1).

Приходитъ Василій Буслаевичь
Ко своей государынѣ матушкѣ:
Какъ вьюнъ около ея увивается,
Проситъ благословеньице великое:
«Идти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ
Со всею дружиною храброю,
Мнѣ ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»

Старуха подозрѣваетъ, что удалой сынъ вмѣсто Ерусалима пойдетъ ушкуйничать на Волгѣ, либо на морѣ Варяжскомъ. Она какъ-будто боится, чтобъ Василій обманомъ не взялъ у ней родительскаго благословенія на дурное дѣло, и говоритъ:

— Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичь!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго.
А и не носи Василія сыра земля!
Камень отъ огня разгарается,
А и булатъ отъ жару растопляется,—
Материно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:
«Побереги ты, Василій, буйну голову свою.»
Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.

Они плывутъ по Ильменю, а оттуда по волжскому пути. Въ народномъ воображеніи географическія свѣдѣнія очень смутно представлялись. Много судовъ приплывало съ восточной стороны по Ильменю къ Новгороду. А Ерусалимъ гдѣ-то далеко въ восточной сторонѣ. Стало-быть и въ Ерусалимъ можно достигнуть поплывши по Ильменю. Наши паломники плываютъ по Волгѣ: путь ея хорошо былъ извѣстенъ Новгородцамъ.

Бѣгутъ они ужъ не сутки—другія,
А бѣгутъ уже недѣлю—другую,
Встрѣчу имъ гости корабельщики;
—Здравствуй, Василій Буслаевичь!
Куда молодецъ изволилъ погулять?—
Отвѣчалъ Василій Буслаевичь:
«А мое-то вѣдь гулянье не охотное:
Со молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти.
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
Ко святому граду Ерусалиму.»

Когда гости сказали ему, что окольной дорогой бѣжать надо полтора года, а прямымъ путемъ 7 недѣль до Ерусалима, да за то на прямомъ пути стоятъ разбойники, Василій отвѣщаетъ имъ:

А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А вѣрую въ свой червленый вязъ;
А бѣгите-ка, ребята, прямымъ путемъ.

Василій, какъ видно, и не робокъ и вмѣстѣ не суевѣренъ. Это достоинство молодца по народному понятію. Народъ, хотя поддается вѣрованіямъ, но сознаетъ, что его идеалъ

(1) Замѣчанія къ этой былинѣ заимствованы у Н. И. Костомарова. Сѣверорус. народоправс. II, 142 и дал.

не долженъ бояться ни примѣтъ, ни предзнаменованій, ни сна, ни чоха.
Василій не боится, что на прямой дорогѣ,—

На славномъ морѣ Каспійскіимъ,
На томъ острову на Куминскіимъ
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ атаманы козачіи,
Ни много, ни мало — три тысячи;
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли.

Подъѣзжали удальцы къ горѣ Сорочинской и пошли за своимъ атаманомъ на гору.

Будетъ Василій въ полугорѣ,
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость.

Полнота жизни непріятно сталкивается съ унылымъ видомъ ея разрушенія,

Шнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова человѣческая:
»Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
Ты къ чему меня, голову, побрасываешь:
Я, молодецъ, нехуже тебя былъ!
Умѣю я, молодецъ, валятися;
А на той горѣ Сорочинскія,
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Пуста голова молодецкая,—
И лежать будетъ головѣ Васильевой!«
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ:
Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,
Или нечистый духъ.

Взошли на самый верхъ горы; лежитъ камень съ надписью: »кто перескочитъ вдоль— сломитъ буйну голову.« Молодцы стали сказать поперекъ—вдоль не смѣли; Василію приходила тоже охота, но не рѣшился. Еще онъ Ерусалима не видалъ, грѣховъ не отмолилъ; рано ему пропадать! Дорога еще жизнь; за гробомъ страшно. А все-таки Василій *невѣруетъ* въ эту пророчественную надпись камня. Приплыли молодцы къ разбойникамъ или ушкуйникамъ; слава Буслаева далеко прошла; когда испуганные караульщики прибѣжали сказать атаманамъ своимъ о пріѣздѣ молодца; они говорятъ:

Стоимъ мы на острову 13 лѣтъ;
Не видали страху великаго:
Это де идетъ Василій Буслаевичъ:
Знать де полетка соколиная;
Видѣть де поступка молодецкая!

Василій кланяется имъ и спрашиваетъ путь къ Ерусалиму; ушкуйники просятъ его хлѣба кушать; онъ сѣлъ съ ними за одинъ столъ, выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра единымъ духомъ, а атаманы не могутъ выпить и по полуведру. Это ихъ удивило.

Откушавъ хлѣба съ солью и получивъ въ подарокъ серебра, золота и жемчугу, Буслаевъ поклонился и поблагодарилъ хозяевъ и выпросилъ у нихъ молодца провожатаго до Ерусалима.

Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому.
Будутъ они во Ерданъ—рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ градъ;
Пришедъ во церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко св. святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.

Ясно, что самое религіозное настроеніе поддерживалось удалью. Молодецъ нашалитъ, надѣлаетъ другимъ зла, а потомъ отмаливаетъ грѣхи, въ Ерусалимъ ѣздитъ, церкви строитъ. Когда Василій совершалъ богоугодныя дѣла, дружина его въ ту пору

Купалися во Ерданѣ—рѣкѣ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
»Почто вы купаетесь во Ерданѣ—рѣкѣ?
А некому купатися, опричь Василья Буславьевича.
Во Ерданѣ—рѣкѣ крестился самъ Іисусъ Христовъ;
Потерять его вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича.«

На это дружина отвѣчала, что онъ не вѣритъ ни въ сонъ, ни въ чохъ. Въ русской землѣ, покрытой дремучими лѣсами и болотами, раздѣлявшими жилья поселенія одно отъ другаго,—что было *за лѣсомъ*, представлялось воображенію зловѣщимъ, страшнымъ, таинственнымъ. Громадность лѣсовъ давала противоположной сторонѣ значеніе далекаго, недоступнаго; оно легко облекалось въ образы фантазіи. Отъ этого существо таинственное, привидѣніе называется *залѣснымъ*.

Поѣхали молодцы въ обратный путь; знакомые атаманы поклонились при встрѣчѣ съ ними, стали разспрашивать о поѣздкѣ въ Ерусалимъ.

Много Василій не баетъ съ ними,
Подалъ письмо въ руку имъ,
Что много трудовъ за ихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ, молодцовъ.

Атаманы были довольны, что за нихъ помолились Богу для очищенія ихъ грѣховъ, но грѣшить перестать ничутъ не думали. Василій былъ что то грустенъ. Онъ не сталъ обѣдать у атамановъ. Онъ торопился. Его предчувствіе томило. Молодцы опять пріплываютъ къ горѣ Сорочинской; опять взошелъ на гору Василій, и опять толкнулъ пусту человѣчью голову. Голова снова проговорила, что и прежде, Василій плюнулъ и прочь пошелъ. Далѣе молодцы встрѣтили знакомый камень съ надписью. На этотъ разъ отвага беретъ верхъ. Не утерпѣлъ Василій.

Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперегъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили...

Таинственное предвѣщаніе остерегало Василья, но не былъ бы онъ и богатырь, удалецъ, еслибы онъ послушался предостереженія. То и молодецъ, что ничему не покоряется, ничего не боится—вѣруетъ въ одну свою силу! Хотя погибъ онъ — да славно, честно, до конца сохранилъ свою свободу, свою мочь—силу. Какъ не сдѣлать новгородской душѣ того, что запрещается, хотя бы за это и грозили! Ужь лучше пропасть, да не послушаться!

Дружина возвратилась въ Новгородъ на червленомъ кораблѣ безъ любимаго атамана;

Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и нешатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали;
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала:
»Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего.«

Старая матушка теперь осталась круглой сиротой въ мірѣ. Ей ничего не нужно. Она отдаетъ казну свою изъ глубокихъ подваловъ, припасенную для сына, удалымъ его товарищамъ; они теперь ей какъ родные; они напоминаютъ ей Василья.

Брали они казны *по малу числу;*
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
»Спасибо матушка Амелеа Тимофеевна,
Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцевъ«.
Втапоры матера вдова Амелеа Тимофеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли кому куда захотѣлося.

(*Др. Рос. Стих. 166—179*).

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

111. Нравственный характеръ древнерусскаго человѣка.

Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 лѣтъ по основаніи государства, религія христіанская была провозглашена господствующею на Руси, и легко замѣтить, какъ эта религія, въ трудныя времена государственнаго младенчества поддерживала общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя мо-

гутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ увлекался часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства, когда раздались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую, лучшую сферу, и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріальной, подлѣ дѣла насилія; та же самая сила молодости, которая съ неудержимою стремительностію влекла къ паденію, та же самая сила помогала человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Переходы отъ зла къ добру были быстры въ юномъ, свѣжемъ, могучемъ народѣ, и эта самая быстрота движенія содѣйствовала къ поддержанію общества, дѣлая его способнымъ подчиняться спасительному вліянію ученія христіанскаго. Сильны были болѣзни въ неустроенномъ юномъ тѣлѣ; но, благодаря этой юности, сильны были и противодѣйствія болѣзнямъ, охранявшія тѣло отъ разрушенія: какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, также сильны были и подвиги нравственные лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ съ страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики лишенія, которымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобъ дать ей торжество надъ матеріальною. На встрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію,—выходилъ монахъ, и, въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей, юное общество было на сторонѣ втораго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать

свой желѣзный панцырь, и просить другаго болѣе почетнаго,—мантіи монашеской. Таково было значеніе нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ, острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ; къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ; отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ, духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество, отсюда исходила проповѣдь не словомъ только, но дѣломъ, слѣдовательно болѣе дѣйствительная, болѣе благотворная. И общество спаслось тѣмъ, что внимало этой проповѣди, и внимало неравнодушно: обитатели монастырей, умершіе для міра, были такъ живы, такъ исполнены святой ревности, что не могли допустить равнодушія къ тому, къ чему сами были неравнодушны; и общество было такъ юно, такъ свѣжо, сильно и живо, что не могло равнодушно внимать слову, оживленному дѣломъ; общество спаслось тѣмъ, что внимая проповѣди о лучшемъ, не мирилось со зломъ; при увлеченіи грубыми страстями, при паденіи, не терялось сознаніе о грѣховности паденія, о необходимости удовлетворить высшимъ требованіямъ, и это—то сознаніе и препятствовало обществу закоснѣть во злѣ, оно—то и двигало его впередъ, и давало возможность выхода въ бытъ лучшій. Эта юность древняго русскаго человѣка, какъ и вообще средневѣковаго Европейца, юность, условливавшая быстрые переходы отъ зла къ добру, юность, стремительно увлекавшая ко злу, и потомъ дававшая силы загладить зло подвигами добра, при сознаніи о необходимости удовлетворить высшимъ нравственнымъ требованіямъ, эта юность даетъ историку ключь къ уразу-

мѣнію характера дѣйствующихъ лицъ. Герой одной изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, богатырь Василій Буслаевъ, предпринимаетъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ, подвигъ, вовсе не соотвѣтствующій его прежнимъ подвигамъ, и при этомъ говоритъ: »Съ молоду много было бито, граблено, подъ конецъ надобно душу спасти«. Этотъ нашъ Василій Буслаевъ объясняетъ намъ не только характеръ древняго русскаго человѣка, но и характеръ средневѣковаго Европейца вообще: и на Западѣ рыцарь, славный съ молоду насиліями, вдругъ приходилъ въ сознаніе своей грѣховности и спѣшилъ спасти душу подвигомъ религіознымъ. И здѣсь, и тамъ — и на Востокѣ, и на Западѣ, — общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру; увлекаясь бурными страстями молодости ко злу, сохраняли при этомъ силу не мириться со зломъ, сохраняли способность покаянія — признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія; общество поддерживалось тѣмъ, что на всѣхъ его явленіяхъ лежала печать юности, которая уравновѣшивала силы нравственныя и матеріальныя: противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лекарство, подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго. Отсюда эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монахъ, суть два господствующіе образа среднихъ вѣковъ, и понятно, что оба они часто соединяются въ одинъ, часто подъ мантіею инока мы подмѣчаемъ кольчугу богатыря; неудивительно намъ въ древнихъ русскихъ князьяхъ и богатыряхъ видѣть это стремленіе къ монашеству, это желаніе постричаться хотя передъ смертію; неудивительно читать въ сказаніи, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовомъ-полѣ бились два монаха; на Западѣ же встрѣчаемъ военно-монашескіе ордена, въ которыхъ средніе вѣка такъ ясно отпечатлѣваются.

(*Изъ статьи С. М. Соловьева: „Древняя Русь“. Рус. Вѣстн. 1856 г. кн. 1.*)

112. Вліяніе христіанства на народъ русскій.

Христіанство застало нашихъ предковъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ младенецъ, лежалъ славянинъ — язычникъ на лонѣ природы и не могъ оторваться отъ ея груди, отъ ея власти: его вѣрованія ограничивались обожаніемъ силъ и явленій видимаго міра; миѳологія была бѣдна и не развита. Подъ вліяніемъ язычества, общественный бытъ отличался простотой патріархальной жизни со всѣми его неустройствами. Находясь въ такой порѣ духовнаго развитія, русскій человѣкъ ничего не могъ противопоставить сильнаго и зрѣлаго новой возвышенной религіи: его чувственное оружіе было такъ слабо, въ сравненіи съ этой духовной силой, что онъ оказался несостоятельнымъ и сдался послѣ непродолжительной борьбы. Воинственный характеръ князя и дружины, содѣйствовавшихъ распространенію христіанства на Руси, помогъ привитію его къ народу мирнаго характера.

Сначала христіанская вѣра была мало понятна для многихъ поколѣній древней Руси, жившихъ подъ вліяніемъ стариннаго воззрѣнія и языческихъ обычаевъ; но постепенно она стала прививаться къ народу своей внѣшней обрядовой стороной. Эту вѣру можно назвать *дѣтской, поверхностной* (Римл. 10, 17). Принятая сердцемъ и утверждающаяся на словахъ другихъ, она обыкновенно выража-

ется въ движеніяхъ чувства и въ игрѣ воображенія. Въ человѣкѣ, преданномъ такой вѣрѣ, не можетъ быть ни сомнѣній, ни желанія испытать, изслѣдовать, поразмыслить о своихъ обычаяхъ и убѣжденіяхъ, о своихъ вѣрованіяхъ, привязанностяхъ и стремленіяхъ. Не доступны для него отвлеченныя истины, не нуждается онъ въ доказательствахъ: ему понятенъ только живой фактъ, наглядное явленіе и картина съ любимыми оттѣнками, чертами и красками, простой живописный языкъ. Образъ и дѣйствіе производятъ на него глубокое впечатлѣніе и предъ ними онъ расточаетъ знаки своей любви и преданности; только чрезъ посредство ихъ становится ему доступна истина и добро. Но онъ не въ состояніи дать понятія и отчета въ волнующихъ его религіозныхъ чувствахъ: онѣ не уловимы и не осязаемы для его сознанія и разсудка, не привыкшаго слѣдить за тонкими изгибами душевныхъ движеній. Повторяющіяся религіозныя впечатлѣнія, конечно, не остаются безъ слѣда на душѣ, если онѣ искренни и глубоки; онѣ воспитываютъ христіанское чувство и дѣтскую вѣру. Внѣшними богослужебными принадлежностями и дѣйствіями церковь увлекаетъ неразвитаго человѣка и мало по малу затрогиваетъ его христіанскую любознательность, его умъ и стремленія, чтобы развить въ немъ самосознаніе и поднять на высшую степень духъ его.

Такое явленіе повторялось во всѣхъ неразвитыхъ обществахъ, такъ было и у нашихъ предковъ: прежде всего внѣшняя обстановка или выраженіе вѣры христіанской стала дѣлать поворотъ въ жизни русскаго народа. Но не одинъ свѣтъ богопознанія и богопочтенія вѣра Христова внесла въ темную жизнь нашихъ предковъ: принятая на родномъ языкѣ, превышающая всѣ современныя ей начала народной русской жизни, она сдѣлалась въ древнее время главнымъ двигателемъ, одушевляющимъ всѣ почти отрасли жизни русскаго человѣка. Она условливала собою другой лучшій гражданскій бытъ, отличный отъ быта языческаго, и отвѣчала стремленію нашихъ предковъ къ опредѣленію порядка и устройству внутренняго быта. Старыя гражданскія отношенія потеряли свое значеніе и, отдѣльно взятыя, не имѣли уже самостоятельной опоры; но вѣра православная, не подавляя народности, дала старымъ началамъ новый смыслъ и силу. Вмѣстѣ съ вѣрою, перешли въ наше отечество изъ Византіи гражданскіе и общественные законы и стали мало по малу проникать въ составъ государства. Коричею руководилась свѣтская власть въ судныхъ приговорахъ. Церковь русская имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на преобразованіе всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Далеко развитое, во всѣхъ даже частныхъ отношеніяхъ, христіанство принесло готовыя правила на всѣ частные случаи, прямые отвѣты на всѣ запросы, прежде ихъ возникновенія и ощущенія, и постепенно стало проводить ихъ въ глубину частнаго и семейнаго быта. Такимъ образомъ, вѣра подчинила своему вліянію и водительству всякое духовное развитіе русскаго человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, своимъ освященіемъ дала силу всѣмъ стихіямъ народной жизни и сдѣлалась основою народнаго взгляда и характера. И въ этомъ случаѣ церковь дѣйствовала на неразвитаго человѣка своей внѣшней дисциплиной и обрядовой стороной.

Храмъ являлся въ воззрѣніи нашихъ предковъ, какъ живое лицо, исполненное благодатнаго духа. Вліянію храма приписывали часто побѣду надъ врагомъ; ему предоставляли выборъ епископовъ по жребію и такой выборъ считался священнымъ и угоднымъ Богу и проч. Но кромѣ этаго общаго священнаго значенія, храмъ

имѣлъ въ древности особенную силу. При отсутствіи способовъ просвѣщенія, онъ съ своимъ многознаменательнымъ богослуженіемъ и изяществомъ былъ почти единственнымъ училищемъ истины и добра для нашихъ предковъ. Въ храмѣ они могли слышать ученіе вѣры и нравственности, въ чтеніи, пѣніи и живомъ словѣ пастырей, на понятномъ языкѣ; тамъ знакомились съ исторіею христіанства даже по священнымъ изображеніямъ. Красота церкви и богослуженія имѣла неотразимую прелесть для нихъ. Князь и народъ жаждали торжественной службы; »изъ окрестностей стекались смотрѣть на замѣчательныя церкви, и всякій возрастъ дивился; не токмо простцы, но и государь самодержецъ, святѣйшій митрополитъ, преосв. архіепископъ и епископы, и князья, и сановники видяще превеликое созданіе церкви и многочудную подпись во истину мнящеся, яко на небеси стояти«. (*Лавр. л. 173*). Такъ наши предки получали христіанское назиданіе, питались духомъ церкви во внѣшнемъ его облаченіи непосредственнымъ чувствомъ и созерцаніемъ. Повелѣвая родителямъ посылать дѣтей во храмъ, христіанство этимъ дѣлало уже обязательнымъ нравственное воспитаніе молодаго поколѣнія. Конечно, это воспитаніе было безотчетно, какъ основанное на чувствѣ; но все таки храмъ, своимъ общимъ впечатлѣніемъ, возвышалъ духъ.

Въ русскомъ обществѣ, совершенно проникнутомъ началами вѣры, храмъ имѣлъ большое значеніе и въ гражданскомъ и въ житейскомъ быту. Во время преобладанія грубой силы и кипѣнія страстей юношескихъ, которыя неудержимо стремились наружу и требовали немедленнаго удовлетворенія,—храмъ представлялъ спасительное убѣжище отъ буйной толпы мятежниковъ (*1 Новг. 44. 65. II. Соф. 175*). При нападеніи внѣшнихъ враговъ, въ храмъ шли защищаться, и въ случаѣ опасности—считали счастьемъ принять тамъ смерть отъ руки невѣрныхъ. Туда сносили имущество во время пожаровъ, въ надеждѣ защитить его крѣпкою постройкой отъ огня и обезпечить святыней мѣста отъ грабителей. При неустройствѣ законнаго порядка въ обществѣ и не зрѣлости законодательства, въ храмахъ соблюдались важныя грамоты, заключавшія разнаго рода договоры, копіи съ заемныхъ писемъ и проч. Тамъ хранились законныя мѣры и вѣсы. Въ оградѣ церковной часто производились судебныя разбирательства. Въ случаѣ голода или общаго несчастія, изъ церкви брали деньги. При церквахъ устроялись богадѣльни, въ которыхъ жили больные и бѣдные. Поэтому на всякій храмъ, особенно на главный, смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенія и правды, наполняетъ сердце высокимъ чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастіяхъ и опасностяхъ. Всякое построеніе, освященіе, обновленіе и украшеніе храма было значительнымъ событіемъ въ жизни нашихъ предковъ, занимало въ высшей степени всѣхъ и каждаго, сопровождалось высокою, единодушною радостію. Не напрасно лучшіе люди стараго времени »вельми болѣзновали духомъ, зря подписаніемъ не украшену церковь« и заботились день и ночь, не щадили ни силъ, ни трудовъ, ни средствъ на созданіе и украшеніе храмовъ. Это считалось величайшимъ подвигомъ и важнѣйшею заслугою.

По словамъ древнихъ памятниковъ, этимъ они »устрояли себѣ память вѣчную и оставленіе грѣховъ и всѣмъ христіанамъ прибѣжище, и радость и веселіе, и похвалу себѣ отъ людей«. Все это живо рисуетъ, какъ глубоко дорожили предки наши святыней храма и какъ велико было его значеніе. »Аще кто къ святымъ прибѣгнетъ церквамъ, тѣмъ велику пользу приметъ души же и тѣлу«, замѣчаетъ лѣтописецъ.

Крестъ былъ святымъ символомъ лучшаго мирнаго порядка дѣлъ, въ противоположность образу меча, сила котораго одна имѣла вліяніе на устройство жизни простаго и грубаго язычника, и который служилъ признакомъ старой неудовлетворительной жизни. Ношеніе креста на груди отличало обновленнаго человѣка и вошло въ Россіи во всеобщій обычай. Св. иконы, необходимыя принадлежности храма, были во всякое почти время предъ глазами христіанина въ домѣ и имѣли сильное вліяніе на улучшеніе семейнаго быта. При каждомъ входѣ и выходѣ, посѣтитель дома ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ иконою; каждый изъ членовъ семейства молился предъ нею утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ. Въ присутствіи св. иконъ, древній русскій человѣкъ считалъ безчестнымъ дозволять себѣ какія-нибудь предосудительныя вольности *(Пам. XII в. 195)*. Вмѣсто старыхъ кудесниковъ, стали прибѣгать къ кресту и иконѣ съ молитвою въ надеждѣ получить помощь, въ случаѣ несчастія и болѣзни. Крестъ и икона служили вѣрною порукою въ обѣщаніяхъ, во время недовѣрчивости другъ къ другу, призывались во свидѣтельство правоты дѣла и увѣрены были въ ихъ правомъ судѣ и расправѣ надъ виновнымъ и невиннымъ; крестъ и икона были необходимыми спутниками странствующихъ, которые брали ихъ съ собою въ увѣренности, что они устроятъ счастливый и благополучный путь. Вѣра въ силу креста и надежда на его помощь до того были тверды въ русскомъ человѣкѣ, что онъ вооружался крестомъ и выходилъ противъ страшныхъ татарскихъ полчищъ, съ цѣлью побѣдить ихъ. Безъ сомнѣнія, все это много сдерживало развитіе и обнаруженіе грубыхъ страстей и стародавнихъ привычекъ и вводило въ отношенія членовъ общества новое нравственное начало. Понятно почему, при заключеніи мира, поставлялось, въ числѣ первыхъ условій, возвращеніе св. иконъ, плѣненныхъ непріятелемъ.

Крестные ходы совершались по случаю постигшихъ или грозящихъ народныхъ несчастій, съ цѣлью умилостивленія Бога. Въ минуты общаго бѣдствія, когда человѣкъ не ждалъ ни откуда земной помощи, крестные ходы успокоивали страждующій духъ его, вливая надежду на помилованіе и помощь небесную; они располагали къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ и не давали огрубѣть суровому сердцу и дойти до отчаянія и забвенія нравственныхъ обязанностей. Люди жестокосердые, которые расчитывали воспользоваться общимъ несчастіемъ, для своихъ корыстныхъ выгодъ, напр. ростовщики во время голода, грабители во время пожара, крамольники во время мятежа,—и тѣ умилялись душею, встрѣчая въ священномъ обрядѣ строгое осужденіе своихъ дѣйствій. Этимъ вліяніемъ крестные ходы, какъ и всѣ священныя церемоніи, благодѣтельны были для неустроеннаго житейскаго быта народа. Торжественные крестные ходы предпринимались послѣ побѣды, при освященіи храмовъ, при перенесеніи чудотворныхъ иконъ и св. мощей, или въ память прежнихъ благодѣяній божіихъ и проч. Они соединяли христіанъ въ одномъ чувствѣ радости, какъ братьевъ, разливали въ душѣ кроткое спокойное чувство любви и возбуждали высокую благодарность Подателю всякаго дара. Душа юная и свѣжая научалась благоговѣть предъ Богомъ, не какъ предъ грознымъ владыкою, но и безконечно-милующимъ и любящимъ Отцемъ. И, въ обыкновенную пору, крестные ходы имѣли благое значеніе, отвлекая человѣка отъ излишнихъ житейскихъ попеченій; въ день назначенный для хода, прекращалась торговля и другія мірскія занятія.

Тоже высокое значеніе имѣли праздничныя торжества. При отсутствіи довѣ-

рія другъ къ другу, при сильномъ стремленіи къ личнымъ исключительнымъ выгодамъ, праздничныя торжества наполняли душу одними общими стремленіями и чувствами, связывали тѣснѣе христіанское общество, поселяя миръ между его членами, и упрочивали общественную нравственность. Введеніемъ праздниковъ и срочнаго отдохновенія, установленъ порядокъ въ работѣ и сбереженіе народныхъ силъ. Праздники считали наши предки живою дѣйствующею силою: »Кто преступитъ крестъ, тотъ проклятъ 12 праздниками церковными« говоритъ іерархъ. Но это — то понятіе о праздникахъ и сопровождалось благотворнымъ вліяніемъ на народную жизнь. Въ первую пору принятія христіанства, торжества церковныя, замѣняя языческія празднества, пріучали народъ къ жизни и обычаямъ христіанскимъ. Съ этой стороны, имѣли большое значеніе и пиршества, которыми сопровождались духовныя христіанскія торжества.

Какъ служители алтаря и распорядители общественнаго богослуженія, какъ орудія, чрезъ которыя Богъ изливаетъ свою благодатную силу и освященіе, какъ истолкователи воли божіей, выраженной во свящ. писаніи, — пастыри древней русской церкви, при господствѣ религіознаго направленія жизни, высоко стояли во взглядѣ нашихъ предковъ, и, при отсутствіи прочнаго государственнаго порядка, пользовались величайшимъ вліяніемъ и значеніемъ.

Составляя высшую, образованную часть народа, духовенство русское стояло во главѣ всякаго добраго движенія общественнаго. Не говоря уже о первыхъ правителяхъ христіанскихъ, когда въ душѣ новообращенныхъ разлито было горячее желаніе подчинить всѣ отношенія и дѣйствія началу религіи, даже по раздробленіи Руси, у каждаго князя было стремленіе водворить и утвердить христіанство въ своей области и по его предписаніямъ преобразовать внутренній бытъ своихъ подданныхъ. Отсюда необходимая нужда въ помощи и вліяніи духовенства на народъ; отсюда участіе его въ думахъ и бесѣдахъ о всѣхъ дѣлахъ государства; отсюда совѣты съ духовенствомъ объ устройствѣ лучшаго порядка общественнаго. Многіе изъ князей повторяли своимъ дѣтямъ завѣщаніе равноапостольнаго Владиміра — болѣе всего слушать совѣты духовенства. И оно въ высшей степени оправдывало довѣріе къ нему правителей государства. Пастыри церкви не одними молитвами имѣли вліяніе на исходъ военныхъ предпріятій, — но, сообразно съ общею пользою, иногда побуждали и одушевляли князей и народъ — начинать и продолжать войну, содѣйствовали всѣми силами и зависящими отъ нихъ средствами благополучному ея окончанію, или заботились о мирѣ и противились безполезнымъ предпріятіямъ. Неправыя дѣйствія самихъ князей вызывали, со стороны іерарховъ, то кроткія и слезныя моленія, то смѣлыя и сильныя обличенія, письменныя и словесныя; а иногда они пользовались правомъ отлученія отъ церкви, — и духовная сила торжествовала надъ матеріальной. Особенно благодѣтельное вліяніе ихъ обнаруживалось въ княжескихъ спорахъ и междоусобіяхъ, которыя они часто успѣвали погашать своимъ посредничествомъ и тѣмъ вносили благодатный миръ въ взволнованныя сердца и уменьшали страданія народа. На духовныхъ возлагались большею частію обязанности гражданскаго посольства, какъ на лицъ, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и слѣдов. безопасныхъ въ этомъ дѣлѣ. И здѣсь они старались направить ходъ дѣла къ общему благу. Значительна также заслуга русскаго духовенства въ государственномъ отношеніи во время владычества Татаръ, которые обходились довольно милостиво съ пастырями церкви. Въ эту тяжелую пору, іерархи облегчали участь недоумѣвающаго

правительства и убитаго народа не однимъ словомъ утѣшенія и надежды, но принимали на себя трудъ ходатайства въ Ордѣ за народъ христіанскій, и въ это время особенно усилилось вліяніе духовенства. Нося въ себѣ сознаніе закона и правды, пастыри церкви дѣятельно заботились объ улучшеніи общественной нравственности. Они обращали вниманіе гражданскихъ правителей на современные имъ недостатки, для уничтоженія которыхъ необходимы были гражданскія средства. Градскія, торговыя и всякія мѣрила, спуды, извѣсы, ставила подлежали надзору духовныхъ лицъ. Завѣдывая сами правомъ суда во многихъ случаяхъ, они ослабляли необузданное корыстолюбіе и продажное правосудіе областныхъ правителей и другіе пороки. Народныя возмущенія, сопровождаемыя грабежами и приносившія такъ много горя народу, часто подавляемы были дѣятельными пастырями при первой вспышкѣ. Они старались смягчить грубое самоуправство народа и, въ случаѣ несправедливости и жестокости гражданскаго судебнаго приговора, считали своею обязанностію ходатайствовать за несчастнаго. Вообще, на этомъ поприщѣ, они старались, какъ новгородскій владыка Симеонъ, по словамъ лѣтописи: »управити своя дѣти и поучати словесы духовными, со всею кротостію, иного обличеніемъ, иныя же запрещеніемъ укрощати.«

Русское духовенство не усиливалось соединиться въ отдѣльно замкнутый, самостоятельный кругъ; оно, напротивъ, стояло во главѣ земства, входило въ непосредственную связь съ народомъ, старалось распространить въ средѣ его свѣтлыя понятія. Къ пастырямъ церкви обращался простой народъ, еще неознакомившійся съ первыми правилами нравственности, по принятіи христіанства, съ простодушными вопросами: »что ѣсть и пить? Какіе поклоны творить«? Въ послѣдствіи онъ искалъ разрѣшенія у пастырей въ затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ; пастыри были единственными его руководителями на всѣхъ путяхъ жизни, защитниками и утѣшителями въ бѣдственныя минуты. Власть духовенства простиралась на семейную жизнь народа, на обычаи и привычки, и вездѣ оно поселяло миръ и мягкость, внося новыя начала въ самый домъ христіанина, при семейномъ горѣ и радости, во время праздничныхъ торжествъ, хотя эти начала прививались туго. Оно преслѣдовало вредные остатки языческаго быта, напр. кровную месть, судебные поединки, обычай многоженства и проч. На все это образованное духовенство смотрѣло съ негодованіемъ. Духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ пасомыхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помагали несостоятельнымъ и т. п. Понятно, что народъ видѣлъ въ пастыряхъ церкви посланниковъ божіихъ, для умноженія его духовнаго сокровища и житейскаго благосостоянія. О благотворномъ вліяніи духовенства древніе памятники передаютъ нерѣдко дорогіе, хотя общіе, факты въ своихъ отзывахъ объ извѣстныхъ лицахъ: »Князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ... Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь, и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ« замѣчается о многихъ пастыряхъ того времени.

О нихъ народъ часто могъ тоже сказать, что заключается въ плачѣ о Стефанѣ пермскомъ: »теперь мы лишились добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ на-

шихъ, а князю доносилъ наши жалобы« и проч. (*См. выше № 102*).

Монастырь, какъ пристанище душъ высокихъ, которыя порывались въ область блаженнаго успокоенія отъ заботъ жизни, стремились къ вѣчнымъ законамъ добра и правды, привлекалъ общее вниманіе нашихъ предковъ. Они смотрѣли на него съ глубокимъ уваженіемъ, какъ на мѣсто селенія славы божіей. Русскіе монахи не чуждались дѣятельности практической, которая способствовала развитію разумно-нравственной жизни народа. Они проносили свѣтъ Христовой вѣры, по окрестнымъ областямъ, въ темное царство язычниковъ, съ самоотверженіемъ проповѣдывали слово божіе и, тяжелыми трудами и усиліями, достигали святой цѣли. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ занимались вопросами не о матеріальныхъ средствахъ къ выгодамъ, но о высокой цѣли и назначеніи жизни человѣческой, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные высоко, по своему времени, развитые болѣе другихъ; они всякому страннику и посѣтителю могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненіе въ извѣстномъ случаѣ. Кроткая и живая бесѣда ихъ врѣзывалась въ памяти жаждущаго истины, стремленіе къ которой непобѣдимо въ душѣ человѣческой, особенно въ душѣ свѣжей и воспріимчивой. Тамъ русскій человѣкъ могъ изучать уроки нравственные, въ самомъ приложеніи къ дѣлу,— что ему особенно дорого. Тамъ »отъ единаго видѣнія токмо и обычая устраенію довольна преподавали зрящимъ пользу.« Въ мірѣ, большею частію, хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насилія, обманъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе богатства, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и безконечнымъ благомъ. Взглядъ на эту чудную жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря; а строгіе уроки, осуществляемые въ жизни, возбуждали къ возможному подражанію.

Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда »собирались князьи и вельможи и прочіе люди, за духовною пользою«. Тамъ получали правители народа человѣколюбивые совѣты, а часто и угрозы судомъ божіимъ, въ случаѣ несправедливыхъ притязаній. Благочестивые иноки русскіе были люди практическіе; они обращали свои взоры на міръ и тамъ старались укрощать личныя страсти и искоренять общественные безпорядки, нерѣдко съ опасностію жизни. Монастыри служили центромъ торговли, правильнаго труда и разсадниками цивилизаціи. Около монастырей скоро собирались жители,— и, такимъ образомъ, заселялись мѣста пустынныя и безплодныя. На монастырскія земли иногда бѣжали крестьяне, отъ поработительнаго деспотизма, и находили тамъ жизнь льготную или защиту отъ неправды. Вообще, русскіе монахи были строгими хранителями и защитниками народныхъ интересовъ. Они принимали подъ свой убогій кровъ и не оставляли безъ утѣшенія гонимыхъ и страждущихъ всякаго рода. Въ монастырѣ находили пріютъ и отраду выходцы разныхъ областей, во время войнъ междоусобныхъ и опустошеній внѣшнихъ враговъ, особенно когда Россія стонала подъ игомъ татарскимъ.

Грозившее бѣдствіе, при вѣсти о непріятеляхъ, заставляло прятать, за стѣнами монастырей, какъ въ надежномъ убѣжищѣ, все цѣнное и дорогое,— и монастырь нерѣдко превращался въ крѣ-

пость. Въ монастырскихъ житницахъ хранились запасы, благодѣтельные во время неурожая и голода, и въ обители толпами стекались нуждающіеся, которыхъ иногда до 1000 въ день кормили; бѣдные никогда не получали здѣсь отказа въ пищѣ и одеждѣ, а больные—во врачебномъ пособіи. Устройство монастырей было великимъ благодѣяніемъ, считалось дѣломъ спасительнымъ, сопровождалось душевною радостію созидавшихъ ихъ и на эту радость отзывались всѣ.

Конечно, народъ смотрѣлъ на всю эту обрядовую сторону, мало сознавая ея значеніе; но все-таки она имѣла на него образовательное вліяніе.

Высокое благоговѣніе къ предметамъ обрядоваго богослуженія усиливалось отъ ихъ значенія, такъ сказать историческаго. Со многими изъ нихъ неразрывно связано было воспоминаніе великихъ событій отечества. Приписывая обнаруженіе всякого событія непосредственному вліянію божества, предки наши смотрѣли на храмы, какъ на живыхъ, хотя безмолвныхъ, свидѣтелей небесной милости, оказанной русскому народу. Ихъ строили по обѣту, въ чувствахъ общей народной радости, въ благодарность за избавленіе отъ грозившихъ бѣдствій, или въ память христіанскихъ подвиговъ въ войнѣ съ невѣрными. Храмы были для нашихъ предковъ и величественными памятниками грознаго гнѣва господня, посѣщавшаго непослушныхъ сыновъ своихъ: ихъ воздвигали какъ умилостивительныя жертвы, въ народныхъ бѣдствіяхъ, въ отвращеніе моровой язвы, голода, землятрясенія и болѣзней.

Есть еще одна сторона въ священныхъ предметахъ, болѣе всего усиливавшая народное благоговѣніе къ нимъ. Это явное обнаруженіе чрезъ нихъ чудодѣйственной силы. Эта сила обнаруживалась именно въ томъ, что особенно любилъ, на что преимущественно взиралъ, съ священнымъ восторгомъ, русскій человѣкъ. Чудеса совершались, большею частію, въ храмахъ и монастыряхъ, отъ иконъ Богородицы, какъ особенной заступницы и ходатайцы за Русь православную, и святителя Николая, который пользовался особеннымъ благоговѣніемъ русскаго народа.

Эта крѣпкая вѣра въ чудесныя явленія спасала юное и неустроенное общество христіанъ. Явное покровительство неба добрымъ и страдальцамъ за правду и открыто—чудесное неблаговоленіе къ злымъ поразительно дѣйствовали на *грубаго* человѣка и побуждали его держать сторону первыхъ. Легко себѣ представить, какъ поражали чудесныя явленія простую душу древняго человѣка и какъ онъ повергался въ прахъ предъ ними, ощущая свое недостоинство.

Во время замѣчательныхъ событій, и особенно при видѣ необыкновенныхъ явленій природы, когда сильно возбуждено чувство и настроено воображеніе, болѣе всего появлялось фантастическихъ разсказовъ, и всѣ они проникнуты религіознымъ характеромъ. Вліяніе ихъ на народъ было неотразимо.

Эти разсказы въ свою пору съ быстротою перелетали изъ устъ въ уста, возбуждали изумленіе и вздохи, оставляли въ душѣ каждаго неизгладимый слѣдъ; слезы радости, или глубокаго сокрушенія о грѣхахъ, лились изъ глазъ, — и человѣкъ ожидалъ событія, которое, по его мнѣнію, предзнаменовано извѣстнымъ явленіемъ.

Начала вѣры, нравственныя силы, внесенныя ею въ общество, основанныя на преданіяхъ и обычаяхъ минувшаго, не давали спокойно и самодовольно примириться съ застоемъ жизни и подвигали юное общество впередъ на пути развитія. При неодолимомъ и необузданномъ стремленіи къ матеріальной жизни, сопротивленіе и противодѣйствіе этому влеченію представлялось страшнымъ подвигомъ, поражало всѣхъ и каждаго.

Умерщвленіе плоти особенно нужно было въ то время для людей грубыхъ, которыхъ только могли обуздывать и смягчать чувственныя средства. Постъ уравнивалъ и богача сластолюбца и бѣдняка въ качествѣ пищи. Сознавая силу и необходимость поста, пастыри древней церкви строго преслѣдовали, кто ѣстъ мясо въ великое говѣнье и прямо высказывали основаніе: »Рать въ насъ есть многа и противится плоть духови и духъ плоти. Потребно убо есть по истинѣ быліе постное: то бо кротитъ тѣлесныя страсти, то обуздываетъ противныя стремленія и духови даетъ тѣлесное покореніе... Постъ основаніе есть добродѣтели; того ради во всемъ мірѣ, яко же солнце всіяенъ есть«. »Пощеніе очищаетъ душу и тѣло, и ангеламъ равнѣ сътворяетъ и на небо возводитъ«. Всеобщее господство и разгулъ личныхъ страстей стремленіе къ исключительному довольству мірянъ, вызывали физическіе труды въ аскетахъ ради спасенія души, путешествіе по св. мѣстамъ, изнуреніе тѣла и т. п.

При частыхъ дракахъ и неурядицѣ, разорявшей народъ, состраданіе къ бѣднымъ, милосердіе и щедроты считаются одною изъ величайшихъ добродѣтелей въ отношеніи къ ближнимъ; равноапостольный князь, по словамъ Нестора, милостынею разсыпалъ всѣ грѣхи. *»Дивная и славная милостыня* омываетъ всѣ прегрѣшенія отъ насъ и небесная врата отверзаетъ, и ярость Божію на кротость и на милость претворяетъ; милостыня безъ труда на небеса возводитъ и съ дерзновеніемъ у престола божія поставляетъ«. Вообще, дѣла внѣшняго милосердія, выступаютъ на первый планъ въ древнее время.

Особенно отрезвительны были для древняго русскаго общества разныя поразительныя явленія и бѣдствія физическія; въ то время люди припоминали и потопъ и страшный судъ и обращались къ покаянію. Древній писатель замѣчаетъ: »Большая нужда и злая скорбь устрашаетъ и приводитъ человѣка къ вѣрѣ« Эти слова глубокоистинны въ отношеніи къ древнему русскому человѣку. Что могло смирить буйную волю, какъ не мысль о наказаніи? Дикій произволъ и наглыя нарушенія утихали предъ мыслью о страшномъ судѣ. Страхъ, трепетъ и внѣшняя сила обуздывали человѣка и замѣняли не сознанный и безсильный законъ. Доселѣ сохранилась пословица: »громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится«.

(Духъ Христіанина 1861, окт. и ноябр. кн.

113. Государственное значеніе православія.

Западно-русскіе переселенцы были уже христіанами, когда перешли въ новую родину, и перенесли на финскую почву церковь восточнаго исповѣданія, со всѣми ея учрежденіями. Не смотря на то, что языческое міросозерцаніе упорно держалось между колонистами, даже до позднѣйшаго времени,—названіе христіанина стало отличительнымъ ихъ признакомъ посреди язычниковъ-туземцевъ и на долго замѣнило сознаніе народности (*христіанинъ=крестьянинъ*). Русскій и православный, въ народномъ понятіи, одно и тоже; православный, хотя бы и не русскій по происхожденію, все—таки считается русскимъ; природный русскій, но не православной вѣры, не признается за русскаго. И такъ, въ Великороссіи христіанская вѣра восточнаго исповѣданія стала народнымъ знаменемъ, заступила мѣсто народности. Этимъ объясняется огромное политическое значеніе православія въ Великороссіи; въ западной Россіи оно получило его впослѣдствіи, подъ вліяніемъ борьбы съ римскимъ католичествомъ. Хотя, такимъ образомъ, оно играетъ великую роль въ цѣломъ русскомъ племени,

однако характеръ его, на западѣ и востокѣ, былъ весьма различенъ, на что, какъ намъ кажется, не обращено еще должнаго вниманія... Христіанство принимается внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ, смотря по степени культуры; въ ней, а не въ православіи, должно искать причины различнаго характера, который оно долго имѣло въ восточной и западной Россіи. Пока языческое міросозерцаніе не было вполнѣ отжито Великороссіанами, до тѣхъ поръ они не были въ состояніи усвоивать духовное содержаніе христіанства и останавливались преимущественно на его внѣшней, обрядовой сторонѣ, принаровляя христіанское ученіе и истины къ своимъ полуязыческимъ представленіямъ и вѣрованіямъ. Задержанные въ своемъ развитіи на новой почвѣ, западно-русскіе поселенцы, естественно гораздо позднѣе стали доступны внутренней, духовной сторонѣ православія, чѣмъ ихъ братья въ первоначальной родинѣ... Въ западной Россіи развитіе продолжалось на томъ же корню, на которомъ началось, и потому культура была сравнительно выше; вотъ почему и православіе воспринималось здѣсь болѣе и болѣе духовно, что и дало западной Россіи силу бороться съ римскимъ католичествомъ духовнымъ оружіемъ.

Въ Великороссіи православіе, соотвѣтственно ея степени культуры, получило характеръ государственнаго и политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось національное сознаніе. Не понимая этого, нельзя понять русской исторіи. А между тѣмъ, еще не такъ давно, люди высокаго образованія, извращая вопросъ, думали, что православіе, отдѣливъ насъ отъ остальнаго образованнаго европейскаго міра, задержало наше развитіе и было главной, если не единственной, причиной нашей видимой отсталости въ культурѣ отъ прочихъ народовъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что мы сильно отстали въ культурѣ отъ Европы потому, что жизнь Великороссіи началась съ азбуки, съ самой первой ступени осѣдлаго быта, едвали ранѣе XII в., при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ когда—либо находился другой народъ. Не православіе заражено формализмомъ, а мы восприняли его преимущественно съ формальной, внѣшней, обрядовой стороны, п. ч., по степени развитія, были неспособны подняться до внутренняго, духовнаго содержанія христіанства. И при всемъ томъ, православіе оказало Россіи не исчислимыя услуги. Благодаря ему, мы сохраняли сознаніе національнаго единства и не сдѣлались добычей другихъ христіанскихъ народовъ, опередившихъ насъ въ образованности. Православіе дало возможность, въ тиши и уединеніи, сложиться и окрѣпнуть славянскому зародышу, заброшенному въ дебри и пустыни, на край свѣта; оно хранило его и оберегало, до тѣхъ поръ, пока изъ этого слабаго зачатка образозалось могучее политическое тѣло, которому не страшны стали внѣшнія борьбы и бури. Будь мы съ самаго начала колонизаціи римскими католиками, или сдѣлайся ими вскорѣ послѣ водворенія на новой почвѣ, мы были бы, роковымъ образомъ, втянуты въ кругъ западно-европейскаго развитія, которое, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, дѣйствовало разлагающимъ образомъ на всѣ славянскія племена, которыхъ коснулось. Послѣдняго термина этой посылки мы не знаемъ: онъ еще впереди. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что славянскія племена не могутъ развиваться, не усвоивши себѣ плодовъ высшей, европейской культуры; но вопросъ во все не въ этомъ, а въ томъ, когда, на какой ступени развитія, они могутъ принимать въ себя европейскій элементъ, не теряя своей политической и народной самостоятельности; на это исторія отвѣчаетъ очень категорически, примѣромъ Россіи и прочихъ славянскихъ государствъ и народовъ.

Православіе замѣнило намъ въ началѣ сознаніе народности. Отсюда тогдашній государственный и политическій характеръ нашей церкви. Сперва одна она и представляла наше народное единство; церковное единеніе задолго предшествовало государственному, и въ теченіе столѣтій подготовляло его. Переѣзды митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ, а отсюда въ Москву, были столько же государственными, сколько церковными событіями, даже болѣе государственными, чѣмъ церковными. Алексѣй м-тъ навлекаетъ на себя сѣтованія патріарха за то, что держитъ сторону московскаго князя, въ распряхъ его съ удѣльными. Церковъ стоитъ во главѣ народныхъ войнъ противъ Татаръ, благословляетъ на подвигъ Дмитрія Донскаго, склоняетъ колеблющагося Ивана III. Во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбы нарождающагося государства, церковь играетъ первую роль; она его вскормила, выходила, и передала на руки свѣтской государственной власти, когда процессъ образованія политическаго тѣла уже совершился. Не понимая этого высокаго призванія въ судьбахъ Великороссіи, призванія, опредѣлившагося составными стихіями послѣдней,—нельзя понять характера нашей церкви въ древнѣйшую эпоху великорусской исторіи... Церкви приходилось бороться не съ злою волей, или развращеннымъ умомъ, а съ грубѣйшими языческими нравами; съ дикими предразсудками, съ первобытнымъ реализмомъ, при которомъ люди приближались къ звѣрямъ и безсловеснымъ... Имѣя дѣло съ такой средой, церковь должна была вооружиться не проповѣдью, не поученіемъ, а внѣшней дисциплиной, чтобъ сперва, хоть наружно, приблизить этихъ людей къ образу и подобію Божію.

(Мысли и замѣтки о рус. ист. К. Д. Кавелина. Вѣст. Евр. 1866, II, VI, 351—4, 358—9).

Указатель сочиненій и статей: — Объ обществ. знач. Христ. Церкви и ея учрежд. на Руси. *Н. Д. Бѣляева.* Ж. Мин. Н. Пр. 1856, № 7. Взглядъ на состояніе духовенства древ. Руси. *С. М. Соловьева.* Чт. Общ. 1846—7, кн. 6. Каѳедра великоновгор. святительская въ историч. знач. *А. Томилина* 1851. О распространеніи православія между Монгол., Литовц. и жителями Біарміи. Христ. Чт. 1859, № 6. Отнош. древнерус. общества къ церкви. Вѣстн. Юго-Зап. Рос. 1863 № 11 и 12. Заботливость пастырей объ улучшеніи народн. жизни въ Россіи. Руковод. для сельс. пастырей 1860, № 29. 285. О значеніи отечественной церкви. Ж. Мин. Н. Пр. ч. LVIII, VI. 339. О способахъ духов. просв. древ. Рос. Правосл. Собес. 1858. I. 87. Содѣйствіе рос. монастырей просвѣщенію древ. Рос. Тамъ же 483. О вѣрѣ въ народн. просвѣщеніи Россіи. Тамъ же 1859, I, 77. Просвѣтит. значеніе вѣры для рус. народа. Тамъ же 1858. I, 87. 262. 1859. I, 77. Голосъ древ. рус. церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. *А. Щапова.* Тамъ же, 1859. I, 40. Попеченіе отечеств. церкви о внутрен благоустройствѣ гражданс. общества. Тамъ же 1861. I, 77. 173. Исторія рус. монашества. *П. Казанскаго.* м. 1855. Пол. историч. собр. свѣдѣній о мон. *А. Ратшина.* 1852. Словарь историч. о святыхъ рус. Спб. 1862. Русскіе святые, чтимые всего церковію или мѣстно. *Архіеп. Филарета.* Черниговъ. 1861—2. Біографіи первыхъ десяти Новгор. епископовъ. *Тихомирова.* Новг. 1862. Біографіи Тверскихъ іерарховъ. *Чередѣева.* Тверь. 1859. Очеркъ изъ исторіи рос. церк. іерархіи. *Г. Карпова.* М. 1865 Историч. свѣд. о судьбѣ правосл. церкви въ Минс. епар. *Архим. Николая.* Спб. 1864. Христіанство въ Лифляндіи. Московит. 1843. VII, 85. Ист. правосл. цер. въ Финляндіи и Эстляндіи. *Чистовича.* Спб. 1856. Призрѣніе на Руси. *Лешкова.* Рус. нар. и госуд. 587—92. О началѣ богадѣленъ и о бытѣ нищихъ въ Москвѣ. *Н. М. Снегирева.* Литер. вечеръ. М. 1844. О скудельницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи Историч. Сборн. общ. ист. III, кн. I, 235.

IV. УПРАВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

1) ВЛАСТЬ ДУХОВНАЯ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

114. О Латинахъ.

Не преимай ученья отъ Латынъ (1), ихъ же ученье развращено: влѣзъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонится, и поклонився напишеть крестъ на земли и цѣлуеть, въставъ простъ *(прямо)* станеть на немъ ногами; да легъ цѣлуеть, а въставъ попираеть. Сего бо апостоли не предаша, предали бо суть апостоли крестъ поставленъ цѣловать, и иконы предаша. Лука бо еуангелистъ первое написавъ посла въ Римъ, якоже глаголеть Василій; икона на первый образъ приходить. Паки же и землю глаголють матерію. Да аще имъ есть земля мати, то отець имъ есть небо, искони бо створи Богъ небо, таже землю; тако глаголють: »Отче нашь, иже еси на небеси.« Аще ли по сихъ разуму *(по ихъ разсужденью)* земля есть мати, то почто плюете на матерь свою, да сѣмо ю лобъзаете, и паки оскверняете? Сего же преже Римляне не твориху, но исправляху на всѣхъ сборѣхъ, сходящеся отъ Рима и отъ всѣхъ престолъ. На первомъ бо сборѣ, еже на Арья въ Никеи, отъ Рима Силевестръ посла епископы и презвутеры, отъ Олександрѣя Ѳеонаси, отъ Царягорода Митрофанъ посла епископы отъ себе; тако исправляху вѣру... *(Далье сльдуетъ перечень посланныхъ представителей на остальные шесть вселенскихъ соборовъ)*.

И си вси съ своими епископы сходящеся исправляху. По семъ же сборѣ Петръ Гугнивый со инѣми шедь въ Римъ и престолъ въсхативъ, и разъврати вѣру, отвергъся отъ престола Ярусалимьска, и Олександрьскаго, Цариграда и Онтіахійскаго. Възмутиша Италію всю, сѣюще ученье свое разно: ови бо попове единою женою оженѣвся служать, а друзіи до семые жены поимаючи служать, ихъ же блюстися ученья: пращають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да схранить тя отъ сего.

(Лавр. 49—50).

(1) Такъ передавали Греки вмѣстѣ съ символомъ вѣры св. Владиміру въ 988 г.

115. Слово св. Ѳеодосья, игумена Печерьскаго монастыря о вѣрѣ крестьяньской і о латыньскоі (1).

Господи благослови. Слово ми есть к тобѣ, княже боголюбивый! Азъ Ѳедосъ, худый робъ пресв. Троица, Отца и Сына и св. Духа, въ чистѣі и вправовѣрнѣі вѣре роженъ, и воспитанъ в добрѣі наказанья правовѣрнымъ отцемъ и матерью, наказываюче мя добру закону, вѣрѣ же латыньстей не прелучаітеся, ни объчая іхъ держяти, і комканья іхъ бѣгати, і всякого ученья іхъ бѣгати, і норова *(нрава)* іхъ гнушатися, и блюсти своіхъ дочереі не давати за нихъ, ни у нихъ поімати, ни брататися, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни с нимъ ізъ единаго судна (*чашки*) ясти, ни пити, ни брашна ихъ приймати. Тѣмже паки у насъ просящимъ Бога ради ясти и пити дати імъ, но въ ихъ судѣхъ; аще ли не будеть у нихъ судна, въ своемъ дати; потомъ измывши, дати молитву: занеже не право вѣруютъ, і не чисто живуть: ядять со псы и с кошками, і пьють бо свой сець; ядять же львы і дикіе кони, і ослы, и удавленину, і мертвечину, і мѣдвѣдину, і бобровину, і хвостъ бобровъ, і въ говѣнье ядять мяса, пущаюче в воду; а 5-ю недѣлю поста во вторникъ черьньци іхъ ядять лой (*жиръ, сало*) і въ суботу постяться, і постившеся вечеръ ядять молока и яіца. А согрѣшають,—не отъ Бога просять прощенья, но прощають попове ихъ на дару (*за подарки*). А попове ихъ не женяться законною женитвою, но с робами дѣти добываютъ, и служать невозбранно; а пискупи іхъ наложници держать, і на воіну ходятъ, і *оплаткомъ* (1) служать. Іконъ не цѣлуютъ, ни мощей святыхъ; а крестъ цѣлують написавши на земли и въставше попираютъ его ногами, а руцѣ подонь подложивше; женяще же ся у нихъ, поімають двѣ сестрѣ; а крещаются во едино погруженье, а мы въ три; мы жъ крещающеся мажемся мѵромъ і масломъ, а они соль сыплютъ крещаемому в ротъ; имя же не нарицаютъ святаго, но кого како прозовуть родители, в то імя крестять. А глаголють Духа св. исходяща отъ Отца и отъ Сына. Іна многа злая дѣла суть у нихъ; развращеная погибель полная вѣра іхъ. Его же ни Жидове творятъ, то они творятъ. Много же и в Сявьску (*Савелліанскую*) ересь вступлютъ. Мнѣ же рече отець моі: ты же, чадо, блюдися кривовѣрныхъ, і всѣхъ ихъ словесъ, занеже исполнилася і наша земля злыя тоя вѣры (2); да кто спасая спасеть душю свою, въ правовѣрнѣі вѣре живучи. Нѣсть бо іноя вѣры лучше нашеі, яко же наша чиста и свята си вѣра правовѣрная. Сею бо вѣрою живущи грѣховъ избыти і муки вѣчныя гознути (*освободиться*), но жизни вѣчныя причастнику быти і бес конца со святыми радоватися; а сущему въ иноі вѣрѣ іли въ латъньстѣі, іли въ арменьстѣі (3), нѣсть видѣти імъ жизня вѣчныя. Не педобает же, чадо, хвалити чужее вѣры. Аще хвалить хто чужю вѣру, то обрѣтаеться свою вѣру хуля. Аще ли начнетъ непрестанно хвалити и свою, і чужю, то обрѣтаеться таковыі двоевѣрець,—близъ есть ереси. Ты

(1) Посланіе написано 1074 г. къ в. к. Изяславу, который два раза искалъ помощи въ Польшѣ, имѣлъ сношенія съ Латинами, приводилъ оттуда польское войско на Русь, — и для успокоенія совѣсти и разрѣшенія недомумѣній самъ князь обратился къ Ѳеодосію съ вопросами о вѣрѣ Варяжской.

(1) Католическое причастье приготовляемое въ видѣ бѣлаго тонкаго пряника.

(2) Вѣроятно, Ѳеодосій намекаетъ на то, что Изяславъ позволилъ польскимъ войскамъ поживиться на счетъ Русскихъ и побѣдители старались склонять въ католическую вѣру.

(3) Армяне исповѣдуютъ православную вѣру съ ничтожными отступленіями въ обрядахъ церковныхъ.

же, чадо, блюдися ихъ, и свою вѣру непрестанно хвали. Ни свойся к нимъ; но бѣгаі ихъ, і подвизаіся въ своеі вѣрѣ добырыми дѣлы; милостынею милуі не токмо своея вѣры, но и чужыя. Аще ли видиши нага, іли голодна, іли зимою или бѣдою одержима: аще ли ти будетъ жидовинъ, іли Сраципъ, іли Болгаринъ (1), іли еретикъ, іли латинянинъ, іли ото всѣхъ поганыхъ,—всякого помилуі, и отъ бѣды избави я, яже можеши,—и мъзды отъ Бога не лишенъ будеши. Богъ бо и самъ нынѣ поганыя набдитъ, яко же и крестьяны. Поганымъ же іновѣрцемъ в семъ вѣцѣ попеченье отъ Бога, а в будущей же чюжи будутъ добрыя дѣтели; мы же, живуще въ правовѣрнѣі вѣрѣ, здѣ есмы набдими Богомъ, а въ будущемъ вѣцѣ спасаеми Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ (2). Рече же ми отець моі: чадо, аще ти ся случитъ умрети по святѣі сеі вѣрѣ і Господа ради, то умри съ дерзновеньемъ за вѣру христову: святіи бо по вѣрѣ умроша, да живи суть о Христѣ. Ты же, чадо, аще узриши нѣкія іновѣрныя с вѣрнымъ прю (*распрю, споръ*) дѣющи, лестью хотяща отвести отъ правыя вѣры, ты же вѣдая не скрыі въ собѣ, но помози правовѣрнымъ; аще имъ поможети, то яко овча ізбавиши отъ устъ львовыхъ, аще ли умолчиши, то, яко отъемь у Христа, предаеши іхъ сотонѣ. Аще ти речетъ прець (*спорщикъ*): сію вѣру і ону Богъ далъ есть, ты же, чадо, рцы: то ты кривовѣренъ, мнии Бога двоевѣра, то не слышише ли, окаянне, развращене злыя вѣры? Писанье глаголетъ: единъ Богъ, една вѣра, едино крещенье,—рече Господь: тако бо лѣпо есть намъ іскончати всю правду; да сѣ все іспълнивъ, толи вознесеся, і ученики посла на проповѣданье. Ты же по проповѣданью апостольскому толико лѣтъ державъ правую вѣру, совратился еси на зловѣрье по наученью сотонину. Не слышите ли апостола Павла глаголюща: »аще ангелъ пришедъ съ небесе благовѣстить вамъ, а не якоже мы благовѣстихомъ, да буди проклятъ«? Вы же отринувше проповѣданье апостольское и св. отець іспрaвленье, і приясте неправду і вѣру развращену, полну многия погибели; того ради отъ насъ бысте отвержени, того ради имъ с вами недостоіно сужитья пріимати, ни къ божественнымъ тайнамъ обще приступати,—ни імъ к нашеі, ни намъ къ ихъ: зане мертвымъ тѣломъ служите, мертва Бога призывающа. А мы служимъ живымъ тѣломъ, самаго Господа жива видящи, одесную отца сидяща: и паки придетъ судити живымъ и мертвымъ. Вы же есте мертвіи, мертву жертву здѣваете: а мы живу Богу живу жертву приносимъ, чисту, непорочну, і животъ вѣчный обрѣсти. Тако бо писано: »воздастся комуждо по дѣломъ его«, о Христѣ Іисусѣ, о Господѣ нашемъ, Ему же слава. Аминь«.

(*Прав. Собес. 1865 г. кн. 8. Ист. Христ. Буся. 1861 г. 518*).

---

(1) Болгары держали магометанскую вѣру. См. Испытаніе вѣры в. кн. Владиміромъ.

(2) Это внушеніе преп. Ѳеодосія, чтобы помогать всякому іновѣрцу въ бѣдѣ, дышетъ высокимъ христіанскимъ чувствомъ.

Въ этомъ посланіи въ числѣ обвиненій на Латинъ находятся такія, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а не ко всей латинской церкви, или иныя и со всѣмъ не вѣрны. Пр. Ѳеодосій о заблужденіяхъ Латинъ судитъ по разсказамъ другихъ и по греческимъ писаніямъ, въ которыхъ тогда много небылицъ взводили на Латинъ (Въ посл. конст. патріарха *Мих. Керулларія* къ Петру антіох. патріарху. Сборн. Соловец. № 856, л. 160. № 930 л. 144. См. *Котелерія*, Eccl. graecae mon. num. 135—145. 581—584). Точно также и папскіе послы обвиняли Грековъ во всевозможныхъ ересяхъ и расколахъ.

Посл. м-та Льва объ опрѣснокахъ. Времен. V. мат. 1—18. Стязанье съ Латиною м-та Георгія 1075 г. Ист. Рус. Ц. *Макарія*, II. пр. 221.

270—284, стр. 140—154. 297—320. Посл. Іоанна II (1080—1088) къ папѣ Клименту III. Уч. Зап. Акад. III. 1—20. Пам. XII в. 205. Здѣсь оно напечатано съ ошибками, что видно изъ латинскаго текста, переданнаго Герберштейномъ. *О м-тѣ Іоаннѣ см. Пол. Сбор. соч. Неволина. VI, 635.* Посл. м-та Никифора къ Владиміру Мономаху до 1121. Христом. Буслаева 1861, 901—7.

Противъ латинскихъ обычаевъ находятся замѣчанія въ »Житіи Антонія Римлянина«, а въ »Сказаніи о Довмонтѣ« рѣзко выражается презрительный взглядъ на всѣхъ иновѣрцевъ.

При чтеніи этихъ памятниковъ слѣдить за отличіемъ римско-католической церковной администраціи и дисциплины сравнительно съ греко-восточной церковью и выяснить особенности направленія той и другой церкви.

116. Избраніе Владыки 1193.

Преставися Гаврила архепископъ новгородьскыи, м. маія въ 24, на святаго Смена, иже на Дивнѣи горѣ, и положенъ бысть въ притворѣ св. Софіи, посторонь брата, нареченаго въ чьрнецьствѣ Григоріи. И посемъ Новогородци съ княземъ Ярославомъ, и съ игумены и съ Софьяны и съ попы гадаша промежу себе, сіи хотяху поставити Митрофана, а иніи Мартуріа, а друзіи Гричина; и бысть распря въ нихъ. И положиша на святѣи трапезѣ тріе жребія, и послаша съ вѣча слѣпца, да, »коего намъ Богъ дасть,« — и выняся божіею благодатію Мартуріа, и послаша по него, и абіе привезоша его изъ Русѣ и посадиша во дворѣ св. Софіа. И послаша о немъ къ митрополиту, глаголюще: »постави намъ владыку«, — и присла по него съ великою честію; и иде съ предними (*знатными*) мужи, и пріа ихъ съ любовію князь Святославъ и митрополитъ, и поставиша й декабря 10, на память св. Мины и Ермогена. И пріиде въ Новъгородъ генваря въ 16, на спаденіе веригамъ св. Петра.

(*1 Новг. 21*).

117. Посланіе еп. Симона къ Черноризцу Поликарпу ок. 1225.

Брате, сѣди въ безмолвіи, събери умъ свой и рци къ себѣ: человѣче! Нѣси ли міра оставилъ еси и поплоти родитель, аще же и здѣ пришедъ на спасеніе, а не духовная творишь; что *ради* (*за чьмъ*) *въ чернеческое имя облъкся* (*облекся*) *еси? А не избавять тебе муки черныя ризы.* Се виждь, яко блажимъ (*величаемъ*) еси здѣ отъ князь и отъ боляръ и отъ всѣхъ другъ твоихъ, глаголютъ бо: »блаженъ есть, яко възненавидѣлъ есть міра и славы его, уже не печется ничимъ же земнымъ, небесныхъ желая.« *Ты же не мнишески живеши.* Великъ студъ (*стыдъ*) обдержитъ мя тебе ради: аще же блажаще ны здѣ *варяютъ* ны (*считающіе насъ здѣсь блаженными предварятъ насъ*) въ царство небесное, и они въ покои обрящутся, мы же мучимы горько възопіемъ; и кто помилуетъ тя, самому себѣ погубившу?

Въспряни, брате, въспряни и попечися о своей души, работай господеви съ страхомъ и съ всякою смиреною мудростію. Да не *днесь кротокъ, утро яръ и золъ; вмалъ молчаніе и паки роптаніе на своего игумена и на того служители. Не буди ложивъ, виною тълесною* (*подъ предлогомъ бользни*) *сбора церковнаго не отлучайся;* якоже бо дождь растить сѣмя, тако и церкви влечеть душу на добрыя дѣла: все бо, елико твориши въ келіи, нивъчтоже суть, аще и псалтирь чтеши или обанадесять (*12*) псалма поеши, ни единому *Господи помилуй* подобится (*несравнится*) съборному пѣнію. О семъ, брате, разумѣй, яко верховный апостолъ Петръ, самъ церкви сый Бога жива, егда ятъ (*взятъ*) бысть отъ Ирода и всаженъ въ темницю, не отъ церкви ли бывающа

молитва избави отъ руку Иродову?... (*Затѣмъ тексты св. Писанія: псал. 26, 4; Матѳ. 21, 31; 18, 20*).

То аще толикъ сборъ болѣ ста сберется, вѣруй, яко ту есть Богъ нашь. Отъ того бо божественнаго огня тѣхъ обѣдъ створяется, его азъ желаю единоа крупици, паче всего суща иже предо мною. Свидѣтель ми есть Господь, яко нѣчемуже бых неприсягълъ *(не прильплялся)* ко иному брашну, развѣ четверти и гороху, устроенаго на святую братію. Ты же, брате, *не днесь похваляй лежащихъ на трапезѣ и утро на варящаго и на служащаго брата ропщеши, и сѣмъ старѣйшинѣ пакость творя*, и обращешися мотылу (*пометъ*) ѣдый, якоже въ Патерици написано... Терпѣ же, брате, и досаженіа; *претерпѣвый бо до конца спасется* (*Матѳ. 24, 13*). Аще бо и ключитъся (*случится*) озлоблену быти, и пришедъ нѣкто възвѣститъ ти, яко онсица *потаза тя злъ* (1), рци же възвѣстившему ти: аще и укори мя, но братъ ми есть и достоинъ бо есмь того, не о себѣ же творитъ сего, но врагъ поустилъ (*навострилъ*) есть на се, да вражду сътворитъ между нами. Господь же да попереть (*уничтожитъ*) лукаваго, брата же да помилуетъ. *Рече ми же: яко въ лице ми досади предо всѣми*; не пристрашенъ буди, чадо, о томъ, ни скоро подвигнися на гнѣвъ, но падъ поклонися до земля, а брату глаголя: прости мя, и исправи въ себѣ прегрѣшеніе, и всю силу вражію побѣдиши. Аще ли потязанъ спротивитися, сугубо (*вдвое*) еси себѣ досадилъ. Ты ли болій еси Давыда царя, емуже Семей досажаше въ лицѣ, единъ же отъ слугъ царевъ нестерпѣ: иду, рече, и отъиму главы его, почто песъ мертвый проклинаетъ господа (*господина*) моего? Но что же рече и Давыдъ къ нему: о сыну Сарушь! не дѣй сего, да видитъ Господь смиреніе мое и въздасть ми Господь благая, клятвы его ради.

Помысли, чадо, и больша, како Господь нашъ смири себѣ, бывъ послушливъ съ смерти своему Отцу, *досаждаемъ не въ спрещаше, (1 Петр. 2, 23)*; слышася: *бьсъ имаши*, по лицобіемъ и заушаемъ, оплеваемъ не гнѣвашеся, но и за распинаемая моляшеся, и тебе научилъ есть: «молите, рече, за враги своя и добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущія вы.» *(Мѳ. 5, 44)*. Довольно же ти буди, брате, твоего круподуша (*гордости*) (1) сътвореное дѣло; тѣмже ти плакатися подобаетъ да прощенъ будеши, яко оставилъ св. честный монастырь и св. отецъ Антонія и Ѳеодосія и св. черноризецъ, иже сънима, и ядъся еси игуменити у св. безмездника (2). Добрѣ еси сотворилъ, лишився таковаго начинанія пустошнаго, и не далъ еси плещу врагу своему, ибо вражіе желаніе погубити тя хотяше. Не вѣси ли, яко древо часто напаяемо скоро исшедъ (*засохнетъ*), и ты отъ послушанія отча и братіи своей оставль свое мѣсто, въскорѣ хотяще погибнути; овча пребывая въ стадѣ невредено будеть, а отлучившееся въскорѣ погибнетъ и волкомъ изъѣдено будеть. Подобаше ти преже разсудити, что ради въсхотѣлъ еси изыти отъ святаго и блаженнаго и честнаго и спасеннаго того мѣста Печерьскаго, въ немъже дивившеся всякому хотяще спастися? Мню, брате, яко *Богъ сотвори се, не терпя твоея гордости и изверже тя*, яко

(1) Вотъ онъ укорялъ тебя. Въ народѣ сохранилось доселѣ сл. *тазать*—ругать.

(1) *Круподушіе* —щекотливость, противополагается въ древнихъ памятникахъ, *крѣпкодушію*—мужеству и терпѣнію.

(2) Въ монастырѣ безсребренниковъ Козьмы и Даміана.

же преже сатану со отступными силами, зане (*ибо*) невосхотѣлъ еси служити своему мужеви, своему господину, а нашему брату архимандриту Анкиндину, игумену Печерьскому.

Печерьскій монастырь морь есть, не держитъ въ себе гнилого, но измѣщетъ вонъ. А еже въписалъ ми еси досаду свою, лютъ тебѣ, яко погубилъ еси душу свою. Въпрошаю тебѣ: чимъ хощеши спастися? Аще постникъ еси, или трезвитель о всѣмъ, и нощь безъ сна пребывая, а *досады не терпя, не получишь спасенія.* Но радуется о тебѣ игуменъ и вся братія, и мы вѣсть слышавше и вси утѣшихомся о обрѣтеніи твоемъ, *яко погибль бѣ—и обрѣтеся. Попустихъ же и еще твоей волѣ быти, а не игуменъ, въсхотѣлъ еси паки игуменити у св. Димитріа,* а не бы тебѣ принудилъ игуменъ, или князь или азъ. И се уже искуспился еси. *Разумьй, брате, яко не угодно Богу твое старѣйшиньство* и сего ради дарова ти оскрудѣніе очію, (*слабость зрѣнія*); то ты ни тако здрогнуся, идеже бѣ рещи: »благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научюся оправданіемъ твоимъ«. *Разумѣхъ тя санолюбца и славы ищеша отъ человѣкъ, а не отъ Бога.* Не вѣруеши, окаяннѣ, писанному: »никтоже о себѣ възметъ чести, но званный отъ Бога«; аще бо апостолу не вѣруеши, то ни Христу. Что отъ человѣкъ ищеши сану самъ, а не отъ Бога, *сущимъ же отъ Бога не хощеши повинутися и мыслиши высочайшія, идѣже древесе таковіи съ небесъ сверженъ быша. Азъ несмь ли, глаголеши, достоинъ увѣритися таковому сану? или хуждіи есмь чимъ иконома сего, или его брата спѣюща (приспѣвающаго кушанья)? Самъ не получивъ желанія мятешися, хощеши же часто исходити отъ келіи въ келію, и ту сваживать* (ссорить) *брата съ братомъ, глаголя не полезная:* или мнить сій игуменъ и сій икономъ, яко здѣ токмо спастися възможно, а нами что ми не разумѣють. Сіи дьявольская начинанія, сіи точныхъ тебѣ изящъства! Аще ли и самъ кое предспѣяніе (*успѣхъ*) получише яко стати ти на высочайшемъ мѣстѣ, не забывай смиренныя мудрости, да егда прилучитьтися съ ступиши съ степени, и обрящеши путь свой смирены, и не впадеши въ скорбѣ различныя. *Пишетъ же ми княгини Ростислава Верхуслава, хотящи тебе поставити епископомъ Новуграду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Олексіево мѣсто,* — »аще ми и тысяща сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради«, — и рѣхъ ей: тщи (*дочь*) моя Анастасіе! дѣло небогоугодно хощеши сътворити; абы пребылъ въ манастыри неисходно съ чистою съвѣстію, въ послушаніи игумени и всея братіи, трезвяся о всѣмъ, то нетокмо бы въ святительскую одежу оболченъ, но и вышняго царьства достоинъ бы былъ. Ты же, брате, епископъству ли похотѣлъ еси? Добру дѣлу хощеши, но послушай глаголюща къ Тимофею Павла апостола, почетъ разумѣеши, аще еси что отъ того исправилъ, какому подобаетъ быти епископу. Аще бы ты былъ достоинъ таковаго сана, нѣ быхъ тя пустилъ отъ себе, но своима рука на намѣстнѣка тя поставилъ быхъ въ обѣ епископьи, Владимірю и Суздалю, якоже князь Георгій хотѣлъ, но *азъ ему възбранилъ, видя твое вельдушіе* (*гордость*). Аще мене преслушаешися, кацѣй-любо (*какой-либо*) власти въсхощеши, или епископьству или игуменьству повинишися, буде клятва, а не благословѣніе, и ктому не внидеши въ святое и честное мѣсто, въ немъже еси остриглъся, и *акы сосудъ непотребенъ будеши и изверженъ* и плакатися имаше много. *Брате, не то свершеніе* (совершен-

ство) *есть, вже славиму быти отъ всьхъ, но вже исправити житіе и чисто себе снабдети.* Отъ того, брате, Печерьского манастыря мнози епископи поставлени быша; яко же отъ самого Христа Бога нашего апостоли въ всю вселенную послани быша, такоже отъ того Матере Госпожа нашеа Богородица великого манастыря тоя, мнози епископи поставлени быша въ всю Рускую землю. Первый Ростовскій священномученикъ Леонтій, его же Богъ прослави нетлѣніемъ, и се бысть первопрестольникъ, его же невѣрніи, много мучивше, убиша: и се третій гражанинъ небесный бысть Рускаго міра, съ онѣма Варягома вѣнчався отъ Христа, егоже ради убіенъ бысть. Иларіона м-та челъ есть самъ въ житіи св. Антоніа, яко отъ того постриженъ бысть, и тако священъства сподобленъ бысть. По сихъ же Николае, Ефремъ Переяславлю, Исаіа Ростову, Германъ Новуграду, Стефанъ Владимірю, Нифонтъ Новуграду, Маринъ Юрьеву, Мина Полотьску, Николае Тмуторокану, Ѳеоктистъ Чернигову, Лаврентій Турову, Лука Бѣлуграду, Ефремъ Суздалю. Аще хощеши вся увѣдати, почти лѣтописца старого ростовьскаго, есть бо всѣхъ болѣ 30, а еже потомъ и до насъ грѣшнихъ, мню, близъ 50. Разумѣй, брате, колика слава того манастыря, и постыдився покайся, и изволи си тихое и безмятежное житіе, къ нему же Господь привелъ тя. Азъ бы радъ оставилъ епископьство и работалъ игумену, но вѣси, кая вещь держитъ мя. И кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сеа зборныя (*соборной*) церкви, красоты владимерьскіа и другіа суздальскіа церкве, юже самъ создавъ? Колико же имѣета градовъ и селъ, и десятину збираютъ по всей земли той, и тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость! Предъ Богомъ ти молвлю: всю сію славу и власть яко калъ (*грязь*) мнѣлъ быхъ, аще бы ми трескою (*палкой*) торчати за враты, или сметіемъ (*сором, что сметается*) валятися въ Печерьскомъ манастыри и попираему быти человѣки. Лучьши есть чести временныя день единъ въ дому божіа Матере, паче 5000 лѣтъ, въ немъ же волилъ (*изволилъ*) быхъ пребывати, паче неже жити ми въ селѣхъ грѣшничѣхъ.

(*Пам. XII в., 249—257*).

За тѣмъ остальная часть посланія Симона состоитъ изъ поучительныхъ разсказовъ о Печерскихъ подвижникахъ. Она помѣщается обыкновенно въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ. Ист Рус. Цер. Макарія. III, 156—160.

118. Посланіе Константинопольскаго патріарха Германа II, 1228 г.

»Германъ, милостію божіею архіепископъ въсея вселеныя, патріяръхъ, смиренный митрополитъ Ефеській Ѳеодоръ, смиренный м-тъ Кизическій Никифоръ, смиренный м-тъ Сардійскій Георгій, смиренный м-тъ Ясскій Ѳеодоръ, смиренный м-тъ Амастрійскій Никола, смиренный м-тъ Прускій Сергій.

Восесвященный митрополите восея Руси, о Господи любимый брате и служебниче нашего смиренія, Кирлеонтѣ (*Кириллъ*)! Приспѣ во слухи нашего смиренія, яко нѣціи во Русской странѣ преже смѣющым мужи нѣкія купящимъ и ко рабьскому игу влекуще, аще и плѣнники нѣкія, потомъ учителемъ ихъ предающе, учити священныя грамоты и ученія священный возрастъ, возводятъ по чину ихъ ко священнодостоянію, ко епископомъ сихъ приводяще, но преже сихъ отпустивше работнаго ига (*изъ рабства*), яко же и поставленія священія соврьшенія работнымъ (*рабамъ*) быти опят іереом рабіим именем безчествованном быти, иже, усыненіе дарующим крещеніемъ вѣрующымъ.

Сей убо вослухи вонійде нашего смиренія и божественному священному собору, священнымъ митрополитамъ вьсѣмъ, и уныніи и скрьби исполнены многы; иже отинюд дѣется во странѣ христіянстѣй сяковое безаконіе. Тѣмже братски пишемъ ко твоему священьству и еже под тобою боголюбивым епископомъ, да якож могуще, отсѣцѣте всяковое безаконіе и исправито прегрѣшеніе; но еже противная во едино сьшедшеся не можета. Тако бо аще рабъ по Бозѣ свобожденъ ходатай вѣрнымъ. И коликъ Господеви ходатай, иже господьствуя отъ ходатающаго. Павлу же, великому апостолу, не мните сице; не бо инако Онисима апостольскаго дарованья и сподобилъ, развѣ Филимоновыхъ отпустися рукъ. Мнозіи же священныхъ и бобожественныхъ правилъ и законъ беззаконіе се отгонятъ отъ христіяньскаго бытія. И помянулъ быхъ и сяковое правило и законъ, аще быхомъ не писали к тебѣ, добрѣ вся вѣдущему. Унастрой убо благовременень и невременень, съ всѣми боголюбивыми епископы: обличите, запретите, молитеся, отлучите и отъ нашего смиренія священнаго собора, иже таковыя имѣюще прегрѣшенія, да не божественнымъ ругаются, да не честная безъчествуютъ; да ни единаго же от господь понудите на священіе привести работающихъ имъ. Аще ли хотят привести Богови жертву за свое спасеніе, да будет жертва во всесоженіе, душею и тѣломъ возложится Богови. Не убо могутъ Богови работати и мамонѣ. Аще ли не угодно будетъ се господствующымъ, да не имѣють своя рабы подручны себѣ. Вѣдомо же буди всѣмъ, иже от тебе, боголюбивымъ епископомъ, яже о сем, яко никогда же кого работнаго на священіе приводити; но преже отъ своего господина дасть ему списанную свободу, и чадомъ его. Мѣсяца мая, индикта во 1.

Приказывает же наше смиреніе, и о Дусѣ св. и съ нераздрушимомъ отлученіемъ, восѣмъ благочестивымъ княземъ и прочіим старѣйшиньствующим тамо, да огребаютъ отинудъ у церковныхъ монастырьскыхъ стязаній прочихъ праведныхъ ни подобаетъ от святительскыхъ судовъ распустивъ явѣ яко дѣвотлѣніа восхищенія. Сія бо душевныя сущая соблазны. Архіереем единѣм повелѣваемъ божествьнии свищенніи канони и законъ христіанскій сюдити и справляти. Тѣм призываемым им, якож рекохом, огребатися от сихъ.

(Ист. Рус. Ц. Макарія. III, 337—338. Кормч. Рум. Мус. № 232. л. 319—320.

119. Посольство папы къ Даніилу князю Галицкому 1254.

Во Краковѣ бѣша послы папины, носяще благословеніе отъ папы и вѣнець и санъ королевства, хотяще видѣти князя Данила; онъ же рече имъ: »не подобаетъ ми видитися съ вами въ чюжей земли, нъ пакы«. Оттуда же пройде землю Судомирьскую и приде во градъ Холмъ, съ честью и со славою, въ домъ Пречистоѣ, падъ поклонися и прослави Бога о бывшемъ: не бѣ бо никоторый князь Руский воевалъ землѣ Чешьскоѣ...

Въ лѣто 6763 (1255). Присла папа послы честны, носяще вѣнець и скипетръ и коруну, еже наречеться королевьскый санъ, рекый: »сыну, пріими отъ насъ вѣнець королевьства«. Древле бо то прислалъ къ нему пискупа Береньского и Каменецкого, река ему: »пріими вѣнець королевьства«; онъ же въ то время не пріялъ бѣ, река: »рать татарьская не престаетъ злѣ живущи съ нами; то како могу пріяти вѣнець, безъ помощи твоей«? Опиза же (Opiso—*легатъ римскій*) при-

де вѣнець нося, обѣщевався, яко »помощь имѣти ти отъ папы«; оному же одинако не хотящу, и убѣди его мати его, и Болеславъ и Семовитъ, и бояре ладьскыѣ, рекуще: дабы пріялъ бы вѣнець, »а мы есмь на помощь противу поганымъ«. Онъ же вѣнець отъ Бога прія, отъ церкве св. апостолъ и отъ стола св. Петра, и отъ отца своего папы Некентія (*Инокентія*), и отъ всихъ епископовъ своихъ. Некентій бо кльняше тѣхъ хулящимъ вѣру грецкую правовѣрную, и хотящу ему сборъ (*соборъ*) творити о правой вѣрѣ о воединьи церькви. Данило же прія отъ Бога вѣнець въ городѣ Дорогычинѣ.

(*Ипат. 190—1*).

Папскую грамоту 1257 г. Даніилу Романовичу см. въ Hist. Russiae monumenta I, 84—5. До 40 папскихъ посланій по дѣламъ Ливоніи 1216—1240. Тамъ же № 4 и дал. Историч. документы о притязаніи папъ подчинить рус. церковь своей власти. Сынъ Отеч. 1847, IV. 1—20.

120. Изъ правила м-та Кирилла II на соборѣ Владимірскомъ 1274.

...Азъ Кюрилъ Смѣреныи митрополитъ всея Руси многа убо видѣниемъ и слышаниемъ неустроение (*въ*) церквахъ, ово сице держаща, ово инако, несъгласія многа и грубости или неустроениемъ пастушьскымъ (*пастырскимъ*), или обычаемъ неразумия, или неприхожденіемъ епископъ, или от неразумныхъ (*непонятныхъ*) правилъ церковьныхъ. Помрачени бо бѣяху прежь сего облакомъ мудрости елиньскаго языка (¹), нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатью божиею ясно сияютъ, невѣдения тму отгоняще, и все просвѣщающе свѣтьмь разумнымь и от грѣхъ избавляюще тѣмъ иже невѣдѣниемъ; прочее Богъ да съхранить насъ, а грѣхъ да простить, а о прочихъ святыхъ правилъ да просвѣтит ны Богъ и вразумит ны, да никакоже преступающе отечьскыя заповѣди горе наслѣдуемъ. Кый убо прибытокъ наслѣдовахомъ оставльше божія правила? не расѣя ли ны Богъ по лицю всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли силнии наши князи остриемь меча? не поведѣни ли быша въ плѣнъ чада наша? не запустѣша ли св. божия церкви? не томимы ли есмы на всякъ день отъ безбожьныхъ и нечистыхъ поганъ (*Татаръ*)? Си вся бываютъ намъ, зане не хранимъ правилъ св. нашихъ и препод. отець. Нынѣ же азъ момыслихъ съ св. съборомъ и съ препод. епископы, нѣкако о церковьныхъ вещехъ испытаніе извѣстньно творити. Приде бо въ слухы наша (*мы услышали*), яко *нѣцыи отъ братья нашея дьрзнуша продати священныи санъ и причитати я къ церквамъ, и взимати отъ нихъ нѣкыя урокы глаголемыя*, и забыша правила реченаго св. апостолъ и препод. отець нашихъ, да слышать ясно вси: »поставленыи намьздѣ, да извержется и поставлше его«... *Аще кто явиться от св. нашего собора, или игумена въ игуменьство, емля от него что, свящая на мьздь, рекомое „посошное“, или постризая лирьскаго попъ на мьздь въ игуменьство, или попа поставляеть къ церкви емля у него что, да будуть извержени, ходатаиствующии да будуть прокляти* (¹). Епископи же

(¹) Прежде непонятны были книги грѣческія и переводы. Это выписано изъ Сербской Кормчей.

(¹) Замѣчательно, что эта рѣзкая выходка относится къ вмѣшательству князей и вообще вліятельныхъ лицъ, какъ мы видѣли выше въ посланіи Симона къ Поликарпу.

егда хотятъ поставять попа или дьякона, да истяжють (*испытаютъ*) житье его, како будеть имѣлъ житье прежѣ поставленья, да призовуть знаемыя сусѣди, его же знають издѣтьска, якоже правило седмое глаголеть Феофила епископа Александрьскаго: да свѣдять поставленье вси священьници, аще единако смыслять, и тогда епископъ да испытаеть, и пришедшимъ свидѣтельствовавшимъ о немь, да поставленъ будеть. Поставление же втаинѣ не бываеть, но всѣмъ намъ вѣдомо будеть, еда како пришелець будеть иноя страны и утаивъ съгрѣшение украдеть священие..... а или въ лживѣ послушствѣ былъ будеть, или убиство створилъ будеть, волею или нужею, или резовникъ (*берущій проценты*), или чеѣляде друча (*томитъ прислугу*) голодомъ и наготою, страдою (*работой*) насилье творя, или дани бѣгая или чародѣець. Аще кто отъ преже реченыхъ сихъ винъ хотя единою ятъ будеть, таковыи не можеть быти попъ, ни дьяконъ, ни причетникъ.

...Не взимати же у нихъ ничтоже, развѣ якоже азъ уставихъ въ митрополии, да будетъ се въ всѣхъ епископьяхъ, да възмутъ клирошане 7 гривень от попьства и от дьяконьства от обоего. Аще ли кто по уставе нашемь болѣ сего емля от дьякона, ли от попа, или от игумена, или от проскурницѣ, и *от нищихъ насилье дьюще; или на жатву, или сѣна сѣчи, или провозъ дѣяти, или иная нѣкая сборное емлюще* (1), *или намѣстеники поставляющи на мьздѣ, или десятиньника, или егда божественныя сборы собирая тогда нѣкако сбирание сбирають от властель церковныхъ, или скареднаго дѣля прибытька отлучають нѣкыя от церкве, не божия дѣля закона, нъ своего ради прибытка, или угодья нѣкоего дѣля...* Пакы же увѣдѣхомъ бѣсовьская еще дьржаще обычая трекляѣтыхъ Елинъ, въ божественыя праздьники позоры нѣкакы бесовьскыя творити, съ свистаниемъ, и съ кличемъ и въплемь съзывающе нѣкы скаредныя пьяница, и бьющеся дрькольемь до самыя смерти и взимающе от убиваемыхъ порты (*платье*). На укоризну се бываеть божиимъ праздьникомъ и на досажение божіимъ церквамъ. Паче о семь досажають нашему Спасу и Заступу (*заступнику*), иже насъ избави от проказы смертныя и от тугы (*тягости*) дьяволя... Пакы обрѣтохомъ *въ предѣлѣхъ новгородьскыхъ, дьяконы емлющи божествьныи агньць, и прежде поповъ проскурмисание творяще, и потомъ пришедшемъ попомъ посль проскурмисати.....* *Понѣже увѣдѣхомъ въ тѣхъ же странахъ неродьство творяще, бещенье* (безчинство) *святительско, упивающеся без мѣры въ св. пречистыя дьни постеныя, от свѣтлыя недѣлѣ верьбныя до всѣхъ святыхъ, яко не быти божествьному приношению, ни божествьнаго крещения до всѣхъ святыхъ.....* Пакы же увѣдѣхомъ въ тѣхъ же странахъ, яко *нѣцыи не священьи освѣщають приносимая къ церкви плодоносия, рекше крупы или кутья за мертвыя;* повелѣваемъ от сего времени таковому не быти, ни от дьяконовъ да не освящено... Аще кто изъобращеться по сихъ правилѣхъ *бещенье* творя, да изгнани будуть от св. божиихъ церквъ, а убиении да будутъ прокляти въ сии вѣкъ и въ будущии. Аще нашему законоположению противяться, то ни приношения отъ нихъ приимати, рекше просфоры, и кутьи, ни свѣчи. Аще и умреть, то над нихъ ни ходть иерѣи и службы за нихъ да не творять, ни положити ихъ близъ божіих церквъ. Аще которыи попъ дерзнеть что

(1) Т. е. если будетъ заставлять работать на себя что—нибудь, какъ бывало, вѣроятно, прежде.

створити над ними, да будеть чюжь своего сана.

(*Рус. Дост. I, стр. 107—117*).

См. также: опис. Рум. Муз. 221. Чтен. общ. ист. и древн. 1847 г. № 8. Смѣсь.

121. Изъ поученія Кирилла м-та Кіевскаго до 1280.

Слышите убо отцы о Господѣ, архиерейскій и священноиноческій и иерейскій преподобный и священный соборе, к вамъ ми слово сказати предлежитъ. Понеже вы нарекостеся по благодати даннѣй вамъ отъ Бога, и по апостольскому завѣщанію, земныи ангели и небесныи человѣци, и свѣтъ и соль земли, якоже глаголеть божественное писаніе... Тѣмъ же убо, *о иерее, сохраните убо себе отъ скверныхъ сатанинскихъ всякихъ дѣлъ*, яко же глаголеть Златоустъ: отвержте отъ себе пьянство и объяденіе, лишитеся тяжбы, сваровъ, вражды и хулы на друга своего, и сквернаго мздоимання, клятвы и лжи, скупости и ненависти и лукавства. Сему внимайте, сему учитеся, сему другъ друга понужайте, како бы вамъ не порочнымъ стати на страшномъ и грозномъ судѣ во второе пришествіе христово, егда будетъ судити всей вселеннѣй, и како слово воздати объ людехъ коемуждо въ паствѣ своей. Того ради всяко попецытеся о своемъ спасеніи, и образъ себе сами собою показуйте во всякомъ благочестіи, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ. Вамъ бо есть слово воздати о стадѣ своемъ. Аще бо кто единаго отъ сихъ изгубить паствы своея небреженіемъ, не всѣ ли свое спревратилъ есть спасеніе, и не лучше ли сему, яко да обяжется жерновъ ослій на выю его, и погрузится въ мори; души бо единыя отъ человѣкъ недостоинъ весь міръ: како иже многи души соблазнивый отъ васъ, не имать погрузитися во огни негасимомъ въ геенѣ. Простецъ бо согрѣшивый, за свою едину душу отвѣтъ дастъ Богу, иерей же за многихъ. Тѣмъ же слышите и Іоанна Златоустаго и усрамитеся его реченія, еже рече: *Горе вамъ вожди слѣпіи, оставльше слово божіе и чреву служаще, ихъ же Богъ чрево, и слава ихъ въ студъ, иже млеко и волну отъ стада емлюще, а о овцахъ не пекущеся, о нихъ же слово имате воздати въ великій день оный*... Къ сему же, о иереи, божественная писанія любите и въ нихъ поучайтеся, писании бо прочитаніе небесемъ есть отверзеніе. *Многи убо не прочитаніемъ книгъ съ праваго пути совратишася*, вы же убо избирайте разумѣнія отъ божественныхъ писаній, якожъ добрая пчела пребывающи на цвѣтахъ и отъ нихъ взимающи, былія же оставляющи. *Ложныхъ же книгъ не почитайте*, и отъ еретицъ уклонайтеся, и общенія съ ними не имѣйте, а буесловцемъ и сквернословцемъ и во всяческихъ богохульникомъ, не отъ божественныхъ писаній и суетная и ложная глаголющимъ, яже на пагубѣ правовѣрныхъ душамъ, устіе заграждайте и возбраняйте, отъ писаней святыхъ слово пріимше. Иже убо кто отъ васъ нѣсть чему въ разумѣ достиженъ (*чего не понимаетъ*), той искуснѣйшаго вопрошаетъ...

Блюдите и чадъ вашихъ, иже родившихся отъ васъ... Челядь свою наказуйте страху Божію, и голодомъ не морите, ни наготою не томите, но любите ихъ, яко своя уды, или яко Христосъ насъ всѣхъ, тако же творите; дѣти своя духовныя наказуйте (*учите*). И аще сохраните сія вся завѣщанная, то Бога воз-

веселите, и ангелы удивите, и молитва ваша услышана будетъ отъ Бога, и земли нашей отъ иновѣрныхъ бесерменскихъ странъ облегчится, и милость божія на вся страны рускія земли умножится, и нагуба и тли (*уничтоженіе*) плодомъ и скотомъ престануть, и гнѣвъ божій утолится, и народы всея рускія земли въ тишинѣ и безмолвіи поживуть, и милость божію получать въ нынѣшнемъ вѣцѣ, паче же въ будущемъ... Се уже видимо, любиміи, кончина міру приближися и урокъ (*конецъ, уреченное*) житію нашему приспѣ, и лѣта сокращаются, и уже мало время житія нашего вѣка сего видѣти. Якоже Господь во евангеліи сице (*рече*): »Востанетъ бо языкъ на языкъ и царство на царство, и страна на страну, и царь на царя, и князь на князя, и сильный на сильнаго«... И вся сія збышася...

(*Чт. общ. Ист. и древн. Рос. 1847 г. № 8, Смысь*).

См. также: Приб. къ твор. св. От. 1843 г. № 4; 1851 г., I, 414 — 432; Правосл. Собес. 1859, I, 244.

Очень не удивительно, что Кириллъ преувеличилъ недостатки духовенства, когда подъ вліяніемъ Татарскаго владычества было строгое обличеніе неправды, какъ причины плѣна Россіи.

Кириллу также приписываютъ Посланіе къ сыну в. кн. Александра, Поученіе в. к. Василію и нѣсколько другихъ словъ, сохранившихся въ Мѣрилѣ Праведномъ 1350. Обзоръ рус. литер. Филарета 52. Прав. Собес. 1861, III. 467.

О недостаткахъ жизни духовенства можно встрѣчать факты еще въ Прав. м-та Іоанна до 1089; въ Сл. Заточника, въ Сл. Серапіона о кончинѣ міра, въ поуч. м-та Петра п. 1308.

122. Ярлыкъ хана Узбека 1313.

Вышняго и безсмертнаго Бога волею, и силою, и величествомъ, и милостію Его многою, Азбяково слово, всѣмъ нашимъ

княземъ великимъ и среднимъ, и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ, и вельможамъ, и княземъ нашимъ удѣльнымъ, и *дорогамъ* славнымъ, и долчнымъ княземъ высокимъ и нижнимъ, книжникомъ и уставодержательникомъ, и учительнымъ и людскимъ повѣстникомъ, и избирателемъ, и баскакомъ и посломъ нашимъ, и гонцемъ, и даньщикомъ и писцомъ нашимъ, и мимоѣздящимъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людемъ высокимъ, и нижнимъ, и малымъ, и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣетъ: да никтоже обидитъ (*на Руси*) соборную церковь Петра митрополита, и его людей и церковныхъ его; да никто же възимаютъ стяжаній, ни имѣніемъ, ни людемъ; а знаетъ м-тъ Петръ въ правду и право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду; и въ чемъ ни буди — въ разбои, и въ поличномъ, и въ татбѣ, и во всякихъ дѣлахъ — вѣдаетъ Петръ м-тъ единъ, или кому прикажетъ; да вся покорятся и повинуются м-ту, вся его церковныя причты по первымъ изъ начала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ царей великихъ грамотамъ и дедтеремъ; да не вступаются въ церковное митрополичіе никтоже, занеже то божіе есть все; а кто вступаются, а нашъ ярлыкъ и наше слово преступитъ, той Богу есть повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ Него пріиметъ, а отъ насъ ему казнь будетъ смертная. А м-тъ правымъ путемъ пребываетъ, и тѣшится, да правымъ сердцемъ, и правою мыслію своя вся церковная устрояетъ, и судитъ, и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковая вѣдати и управляти. А намъ въ то не вступатися ни вочтоже, и дѣтемъ нашимъ, ни всѣмъ княземъ нашимъ нашего царства, и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто

ничѣмъ въ церковная и въ митрополича, ни въ грады ихъ, ни въ волости, ни въ села ихъ, ни во всякіе ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ луга ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во грады ихъ, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ во конскіе, ни во всякіе скотьскіе стада ихъ, ни въ вся стяжанія и имѣнія церковная. И люди, и вся причты ихъ, и вси законы ихъ уложеныя старыя отъ начала ихъ, то все вѣдаетъ м-тъ, или кому да прикажетъ, да небудетъ ничтоже перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено. Да пребываетъ м-тъ въ тихомъ и кротком житіи, безъ всякіе голки (*непріятныхъ притязаній*), да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши дѣти, и за наше племя. Мы бо такоже управляемъ и жалуемъ, якоже прежніе цари ярлыки имъ давали, и жаловали ихъ; а мы по тому же пути и тѣми же ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ. А мы божія брежемъ и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ божіе, и тотъ будетъ повиненъ, а гнѣвъ божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнію, да то видя иныя въ боязни будутъ. А поѣдутъ наши баскаки, таможники, даньщики, поборщики и писцы, по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило, да будутъ всѣ соборные церкви цѣлы митрополичи, никѣмъ ни отъ кого не изобижены вся его люди, и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ, и архимандриты, и игумены, и попы и вся его причта церковныя, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ. Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужное ли, ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, ловитва ли кая ни буди наша, или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восхотимъ воевати,—а отъ соборныя церкви Петра

м-та никтоже не взимаетъ, и отъ всихъ людей, и отъ всего его причта; тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Кто бо того и преже насъ не вѣдаетъ, что бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ, и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ; и мы, Богу моляся, по первыхъ царей грамотамъ грамоты имъ давали жалованые, а не изыначиваемъ ни въ чемъ: какъ то было преже насъ, тако молвя, и наше слово уставило по первому пути, которая дань по первому пути наша будетъ, или запросы наши накинемъ, или поплужное, или послы наши будутъ, или кормы наши, или коней нашихъ, или подводы, или кормъ пословъ нашихъ, или нашихъ дѣтей, или царицъ и кто ни есть, и кто ни буди, и да не вземлютъ, и да не просятъ ничтоже; и что возмутъ, и они назадъ дадутъ третицею; и аще будетъ взялъ за нужду великую, а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ. А что будутъ церковные люди, ремесленицы кои, или писцы, или каменныя здатели или древодѣлные, или иные мастеры каковы ни буди, или ловцы, каковаго лова ни буди, или сокольницы, а въ то наши да не вступаются никто, и на наше дѣло не емлютъ ихъ, и пардусники наши, и ловцы наши, и сокольницы наши, и побережницы наши да не вступаются въ нихъ, и да не взимаютъ ихъ, ни у нихъ дѣльныхъ ихъ орудій. А что законы ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри ихъ, и часовни ихъ, да не вредятъ ихъ, ни хулятъ ихъ; а кто учнетъ вѣру осуждати ихъ и хулити, тотъ человѣкъ не извинится ничѣмъ же, и умретъ злою смертію. А что попы и діаконы, единъ хлѣбъ ядуще и во единомъ дому живуще, у кого братъ, или сынъ, и тѣмъ по тому же пути наше пожалованіе. Еже кто будетъ отъ нихъ не выступилъ, а м-ту не служитъ а живетъ себѣ, тотъ именемъ поповскимъ да не отнимается, но даетъ дань; а попы, и діа-

коны, и причты церковные пожалованы отъ насъ по первой нашей грамотѣ и стоятъ молящеся за насъ Богу правымъ сердцемъ и правою мыслію; а кто учнетъ не правымъ сердцемъ о насъ молитися Богу, то грѣхъ на немъ будетъ. А кто будетъ попъ, или діаконъ, или причетникъ, или церковные иные люди кто ни буди, откуды ни есть, митрополиту похотятъ служити, и о насъ Богу молитися, что будетъ о нихъ у м-та въ мысли, то вѣдаетъ м-тъ. Такъ наше слово учинило, и дали есмы Петру м-ту грамоту сію для крѣпости ему, да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и вси церкви, и монастыри, и вси причты церковные да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему будутъ по закону ихъ, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ митрополитъ правымъ сердцемъ, и безъ печали, и безъ скорби всякія, Бога моля о насъ и о нашемъ царствіи. А кто вступится въ церковное и митрополичіе, и на того будетъ гнѣвъ божій, а по нашему великому наказанію и истязанію не извинится ничимъ же, и умретъ злою смертною казнію. Такъ ярлыкъ нашъ, такъ молвя слово наше учинило, таковою данною крѣпостію утвердило. *Заячьего* лѣта, осенняго перваго мѣсяца четвертаго *ветха* на поляхъ писана и дана«.

(*Ист. гос. рос. Карамзина IV, пр. 245; Собр. гос. грам. II, № 7*).

Кругъ лѣтосчисленія у монголовъ,—такъ же, какъ у восточныхъ Турокъ,—состоялъ изъ 12 лѣтъ: 1-й годъ назывался *мышью*, 2-й *быкомъ*, 3-й *рысью* и *барсомъ*, 4-й *зайцемъ*, 5-й *крокодиломъ*, 6-й *змѣемъ*, 7-й *конемъ*, 8-й *барапомъ*, 9-й *обезьяною*, 10-й *курицею*, 11-й *псомъ* 12-й *свиньею*. Мѣсяцъ раздѣлялся у нихъ на дни *старые* и *новые*, какъ свидѣтельствуютъ ярлыки. Здѣсь сказано: »четвертаго *ветха*;« а въ другомъ: »въ 8 нова.«

123. Ярлыкъ, данный Тайдулою м-ту Ѳеогносту 1333.

По Зенебѣкову ярлыку, Тайдулиново слово ординскимъ улуснымъ княземъ, і волостнымъ и огороднымъ и сельскимъ дорогамъ, і таможникомъ, и побережникомъ, и мимохожимъ посломъ, и кто на каково дѣло поидетъ, ко всѣмъ пошлинникомъ. Отъ давныхъ добрыхъ временъ і доселе, что зовутся богомолцы і весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобе ни которые пошлины, занеже самому Богу молится за насъ і за наше племя в родъ и родъ и молитву воздаютъ. Такъ молвя Ѳеогноста м-та царь пожаловалъ со алою тамгою ярлыкъ далъ, і мы первыхъ ярлыковъ не изыноча, такожъ молвя Ѳеогносту м–ту с мишенемъ грамоту дали есмя, и како онъ сѣлъ в Володимере молится за Зенебѣка царя і за наши дѣти молитву воздаетъ, а пошлина ему не надобе, ни подводы, ни кормъ, ни запросъ, никаковъ даръ, ни почестье не воздаетъ никакова, ни люди его; а земли его і воды, ни огородовъ, ни виноградовъ, ни мѣлницъ, и что ни будетъ церковное, кто ни будетъ нашихъ, не замаютъ (*не трогаютъ*), ни силы не творятъ надъ ними, ни істомы никакои і не отъимаютъ у нихъ ничего; или гдѣ станутъ, да не емлютъ у нихъ ничего. Такъ есмя молвили; а кто паки безпутно силу учинитъ какову, іли пошлину замыслитъ, тотъ смертію умретъ. І ты, Ѳеогностъ м-тъ, возмолвивъ, что такъ есми пожалованъ, а которые к тебѣ не причастни огороды, виноградъ, воды, земли, а надъ тѣми какову неправду учинишь, і ты самъ вѣдаешъ, каковъ отвѣтъ даси Богу і тотъ грѣхъ на тебѣ, а за насъ молитву воздавай Богу. Тако молвя на утвержение мишененую грамоту дали есмя *заечьего лѣта*, арама мѣсяца *въ 8 нова*, а жа-

лобу положилъ Танобога, о Ехоча Мухтаръ, учагуи Карапчіи писали.

(*О достовѣрн. ханскихъ ярлыковъ. Григорьева. 1842*).

Ярлыки выдавали ханы, начиная съ Батыя, по крайней-мѣрѣ въ Ип. лѣтоп. подъ 6763 г. сказано, что какой то владѣтель Кременецкій въ 1235 г. говорилъ: «Батыева грамота у мене есть». Ярлыки называются также *мишенными* грамотами отъ сл. мишень—мѣтка, знакъ, печать при грамотѣ.

124. Дѣйствія митроп. Ѳеогноста.

Въ лѣто 6835 (1327 г.) в, кн. тферьскій Александръ Михаиловичъ изби Татары на Тфери, великихъ пословъ, Шевкала князя бесерменскаго и дружину его, хотящу ему сѣсти во Тфери на княженіи, а иная князья бесерменская посажати по городомъ по рускимъ; хотяше привести христіаны въ бесерменскую вѣру (1), а кн. Александра и братью его побити. И съзва кн. Александръ Тферичь, нарекъ (*призвавъ*) Бога и рекъ тако: »братья, мужи Тферичи! уповаемъ на милость божію, и стоянѣмъ дому св. Спаса (2), и молитвою св. госпожа Богородица честнаго ея Успенія (3), и молитвою св. новоявленною мученику Бориса и Глѣба земля Рускія; не я почахъ избивати, но онъ; да будетъ отмстникъ Богъ крови отца моего и брата моего, зане пролья кровь Михаилову и Дмитреву праведну (1), егда и мнѣ се же хощетъ съ творити и вѣру нашу въ бесерменство превратити«?—и поиде на Шевкала. Онъ же слышавъ Александра идуща, и изыде противу и съступишася восходяшу солнцю, и бысть сѣча зла, и бишася чрезъ весь день, и уже къ вечеру и одолѣ кн. Александръ; а Шевкалъ побѣже на сѣни (*крыльцо высокое*), и зажже кн. Александръ отца своего дворъ и сгорѣ, а Шевкалъ ту же сгорѣвъ пропаде. И тогда же бяше боголюбивый кн. Александръ унъ верстою (*юнъ возрастомъ*), съ вершенъ умомъ, цѣломудренъ душею, подъ имя мало дружинѣ и поѣхавъ во Псковъ градъ; и Псковичи его пріяша честно, и крестъ къ нему цѣлованіе, и посадиша его на княженіе. И на 3-е лѣто вложи оканный врагъ діаволъ въ сердце княземъ рускимъ взыскати кн. Александра, повелѣніемъ окаяннаго царя Возбяка (*Узбека*): и подъяше всю землю Рускую, и пріѣхавше къ Новугороду, и подъяше Новогородцовъ и всю область новогородскую отъ Бѣла-озера и отъ Заволочья и отъ Корѣлы. И ставше у Новагорода, послаша послове во Псковъ, Луку Протасьева съ дружиною, а отъ Новагорода владыку Моисея, и тысяцкого Авраама, и Ѳедора посадника; и рекоша кн. Александру: »поѣди, господине, въ орду, не погуби крестіанъ отъ поганыхъ«. Боголюбивый же князь хотѣ поѣхати въ орду за вся крестіаны. И рекоша Псковичи: »не ѣзди, господине, въ орду; оже что будетъ на тобѣ, изомрѣмъ, господине, съ тобою во единомъ мѣстѣ«. И догадашася князь Иванъ, оже не выняти кн. Александра, ни выгнати ратію, и намолви (*научилъ*) м-та Ѳеогноста; и посла митрополитъ въ Псковъ проклятіе и отлу-

(1) Конечно, это мнѣніе современниковъ составилось изъ ненависти къ Татарамъ, которые были всегда весьма вѣротерпимы, что ясно видно изъ ихъ ярлыковъ.

(2) Церковь св. Спаса была главною и патрональною въ Твери.

(3) Подобныхъ выраженій много въ древнихъ памятникахъ, но онѣ странны на нашъ взглядъ, хотя понятны въ устахъ древнихъ книжниковъ.

(1) Здѣсь князь вспоминаетъ страдальцевъ за Русскую землю—отца своего Михаила и брата, убитыхъ въ Ордѣ.

ченіе на кн. Александра и на весь Псковъ (1). Боголюбивый же князь Александръ рече Псковичемъ: »братья мои и друзи мои! не буди на васъ проклятія ни отлученія мене ради; ѣду изъ града вашего вонъ, не буди вашего цѣлованія на мнѣ, ни моего на васъ, толико цѣлуйте крестъ на княгини моей, како вамъ не выдати«. И Плесковичи цѣловаше крестъ, и выѣха кн. Александръ изъ Пскова пословно съ Псковичи, не мога трьпѣти проклятія и отлученія, зане кн. Александръ добротою и любовію въ сердци Псковичемъ. Тогда бяшеть во Псковѣ туга (*тмута, горе*) и печаль и молва (*споры*) многа по боголюбовомъ кн. Александрѣ. И послаша Псковичи послове къ кн. Ивану, Селогу посадника, а съ нимъ Олуферья Мандыевича, Ѳомицю Дорожкинича, Явила Полуектовича, Андрѣя попа св. Николы: аже онъ стоитъ у града у Вопоки; а хоженіе его отъ Новагорода до Опоки 3 недѣли, не хотя Псковичь розгнѣвити. И Селога посадникъ, и Олуферей, и Ѳомица, и Явило, и Андрѣй поцъ правиша слово псковское: »князь Александръ изо Пскова поѣхалъ прочь; а тобѣ господину своему князю и весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика, и попове и черници и черници, и сироты и вдовици, и жены и малыя дѣти«. Боголюбивый же кн. Иванъ услыша отъ псковскихъ пословъ, оже Александръ изо Пскова выѣхалъ, и кончаша *миръ вѣчный* съ псковичи по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ; и благослови м-тъ Ѳеогностъ и владыка Моисей Селогу посадника и весь Псковъ. И потомъ кн. Александръ, бывъ полтора года въ Литвѣ, и пріѣхаще въ Псковъ ко княгини; и пріяша его Псковичи съ честью, и посадиша его во Псковѣ на княженіи.

(П. С. Лѣт. IV, 185—186; также 50—52).

125. Грамота м-та Ѳеогноста 1353.

Благословенье Ѳеогноста митроп. всей Руси къ дѣтямъ моимъ къ баскакомъ и къ сотникомъ, и къ игуменомъ, и къ попомъ, и ко всѣмъ крестьяномъ Чернаго Яру и ко всѣмъ городамъ по великую Ворону. Молюся Богови, да будете душею и тѣломъ добри здорови. Вѣдайте, дѣти занеже многожды рѣчи и мятежъ былъ промежи двѣма владыками, рязанскимъ и сарайскимъ, про передѣлъ тъ (*ту границу епархіи*), и послалъ бы язъ къ вамъ игумена своего, да разсмотритъ по правдѣ, чій передѣлъ будетъ; и по того же игумена послушьству далъ есмь былъ грамоту владыцѣ сарайскому Афонасью: нынѣ же пріѣхалъ ко мнѣ владыка рязанскій съ крылошаны своими (2) и привезлъ ко мнѣ грамоту брата моего, Максима м-та, а 2-ю грамоту брата моего, Петра м-та, и управливаютъ (*оправдываютъ*) владыку рязанскаго, и велятъ ему держати всего передѣла того по великую Ворону; и явилъ ми и 3-ю грамоту владыцы сарайскаго Софонья, какъ тъ (*тотъ*) ся отступилъ того передѣла,

(1) Это весьма замѣчательное явленіе и рѣдкое въ Русской исторіи: 1, оно показываетъ сильное развитіе самодержавной власти князя, который распоряжается митрополитомъ и чрезъ него достигаетъ политическихъ цѣлей. 2, Въ XIV в. власть духовная становится не заправляющей дѣлами, а рядомъ и въ связи съ свѣтской властію. 3, На Западѣ проклятія посылались постоянно, гдѣ папа присвоилъ себѣ и свѣтскую и духовную власть, а у насъ это было большимъ исключеніемъ. 4, Отлученіе сильно дѣйствовало на народъ въ средніе вѣка, какъ въ Россіи, такъ и во всѣхъ христіанскихъ странахъ.

(2) Съ пѣвчими и вообще людьми служащими съ нимъ.

что ся ему не вступатися: занеже не сарайскій передѣлъ, но рязанскій. И си вся язъ нынѣ видѣвъ, расудилъ есмь по тѣмъ грамотамъ братьи моей митрополитовъ, что держати владыцѣ рязанскому передѣла того всего по великую Ворону. И оже быхъ переже сихъ грамотъ видѣлъ, ни игумена быхъ не посылалъ извѣдывать (*узнавать*), ни грамоты быхъ сарайскому владыцѣ не далъ. И нынѣ есмь ту грамоту отложилъ, а грамотъ братьи своей м-товъ не могу порушити. Итого дѣля (*ради*) нынѣ пишу къ вамъ и явно створяю (*объявляю*), какъ по тѣмъ грамотамъ братьи моей м-товъ управливаю владыку рязанскаго, ать (*да*) вѣдаетъ передѣлъ тъ весь, и далъ есмь владыцѣ рязаньскому Кириллу грамоту правую, какъ и братья моя дали м-ты, и вы имѣйте къ нему любовь и всяко послушанье и покоренье, и исполнивайте все, елико (*что*) глаголетъ вамъ душеполезная и спасительная; а что будетъ церковная пошлина, а то ему давайте, по давному обычаю. А милость божья и св. Богородици и мое благословенье да будетъ съ вами.

(*Ист. гос. рос. IV, пр. 362*).

126. Повѣсть о Митяи архимандритѣ послѣ 1380.

По представленіи иже въ святыхъ отца нашего Алексѣя м-та всея Русіи, взыде на степень его нѣкоторый архимандритъ, именемъ Михаилъ, нарицаемый *Митяй* (*уменьшит. имя*), здѣя же незнаемо нѣкако и странно, облечеся въ санъ митрополичь, възложи на ся бѣлый клобукъ, и манатію съ источники и скрижалми, и перемонатку митрополичю и посохъ, и просто рещи во весь санъ митрополичь самъ ся постави. Прежде бо сего в. кн. Дмитрій Ивановичь просилъ того у Алексіа м-та, дабы благословилъ Мития по своемъ животѣ на митрополію; онъ же не хотяше того створити, понеже новоуку ему сущу въ черничествѣ, якоже апостолъ глаголетъ: подобаетъ епископу непорочну быти и не новоуку, да не развеличався въ сѣть впадетъ діаволю. Князь же в. много о семь нуждаше митрополита: овогда самъ приходя, овогда же бояръ старѣйшихъ посылаа къ нему, дабы сътворилъ волю его, благословилъ бы Митяя на митрополію; Алексѣй же м-тъ, умоленъ бывъ и принужденъ, и ни тако посули быти прощенію его, но извѣстуя святительски и старчески, паче же пророчьски, рече: »азъ не доволенъ благословити его, но оже дасть ему Богъ, и св. Богородица, и пресвященный патріархъ и вселенскій съборъ.« И бысть на немъ зазоръ отъ всѣхъ человѣкъ, и мози негодоваху о семь, и священници неключимоваху (*досадовали*) о немъ, понеже еще не поставленъ сый вселенскимъ патріархомъ, но самъ дръзну на таковый превысокый степень, и на дворѣ митрополичѣ живяше, и въ всемъ сану его хождаше, казну же и ризницу вая, и боаре служахуть ему, и отроци предстояху ему, и вся елика подобаетъ митрополиту, тѣмъ всѣмъ обладаше; и нача въоружатися на игумены и на священники и на черноризцы, епископи же и прозвитеры въздыхаху отъ него глаголюще: »воля господня да будетъ«. Взыскати же и распытывати о семъ, кто есть намѣстникъ сей Митяй, откуду бѣ, и что ради дръзновеніе таково и власть имяше. Бысть убо сей Митяй родомъ Коломнятинъ, саномъ же попъ, единъ отъ сущихъ тамо коломенскихъ поповъ, възрастомъ высокъ, тѣломъ не малъ, плечистъ, рожаистъ (*породистъ*), браду имѣя плоску и велику и съвръшену, словесы речистъ, гласъ имѣя красенъ, грамотѣ гораздъ, пѣти гораздъ,

чести гораздъ, отъ книгъ сказати гораздъ, всѣми дѣлы поповскими изященъ и по всему нарочитъ бѣ (*знаменитъ былъ*). И того ради избранъ бысть изволеніемъ в. князя въ отечьство и въ печатники, и бысть Митяй отець духовный князю в. и всѣмъ боаромъ старѣйшимъ, еще же и печатникъ (1). И пребысть въ таковѣмъ чину и въ таковѣмъ устроеніи много лѣтъ, дондеже състарѣся старець Іоаннъ, нарицаемый Непейца, архимандритъ Спаскій, иже остави архимандритію въ старости глубоцѣ и сниде въ кѣлію молчаніа ради; и тогда взысканіе бысть кому быти по Непейцы архимандриту у Спаса, и въпрѣвыхъ помяненъ бысть Митяй, сего въсхотѣ князь в. архимандритомъ у Спаса, еже и бысть въскорѣ. Въсхищенъ бысть, аки нуждею, Митяй на постриженіе и приведенъ бысть въ церковь св. Спаса, и призванъ бысть ту отъ Михаилова чюда архимандритъ, именемъ Елисей, нарицаемый Чечетка, и абіе постризаетъ Митяа въ черници, и не токмо въ черници, но и въ архимандриты. И ту бяше (*видѣти*) дива полно: иже до обѣда бѣлець сый, а по обѣдѣ архимандритъ, иже до обѣда мірянинъ, а по обѣдѣ мнихомъ началникъ и старцемъ старѣйшина, и наставникъ, и учитель, и вождъ и пастухъ! И пребысть Митяй въ архимандритехъ яко два лѣта. По преставленіи же Алексѣя м-та, оставль архимандритію, на пребольшій санъ устремися, повелѣніемъ в. князя на превысокій степень взыде, и творяше все, еже достоитъ митрополиту, по всей митрополіи, и съ поповъ данъ сбираше, зборное же и рожественое, оброки же и пошлины, то все взимаше, говоряся на митрополію и пристраяшетъ себѣ все сущаа, къ путному шествію потребнаа къ Царюграду на поставленіе. Но того лѣта не поиде,

(1) Хранитель печати, въ родѣ секретаря у князя.

хотяше поставитися на Руси въ епископы сущими епископы въ Руской земли. Сице же ему умыслившу, и въ единъ отъ дней бесѣдуетъ Митяй къ в. князю, глаголя: »почтохъ правила св. отець и обрѣтохъ сице въ нихъ: яко достоитъ сшедшимся епископомъ, елицы обрящутся 5 или 6, да поставятъ епископа, — и нынѣ аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да повелитъ дружава твоя съ скоростію снитися епископомъ, сущимъ въ Рустѣй земли подъ областію государьства твоего, и сшедшемся поставять и мене въ епископы«; князь же в. Дмитрій повелѣ тако сему быти. Сшедшимъ же ся епископомъ и ни единъ же отъ нихъ дръзну рещи противу Митяю, но токмо Діонисій епископъ суждалскій по многу възбрани князю в. глаголя: »не подобаше сему тако быти«. Митяй же видя себе срамлена и умышленіе его бездѣлно бысть. Нѣцыи же отъ малоумныхъ навадиша Митяю на Діонисіа, а Діонисію на Митяя; Митяй же осуди яко виновата Діонисіа, и посла къ нему, рече: »что ради, о епископе, пришедь въ градъ сей не прійде ко мнѣ преже всѣхъ, ни поклонями ся, ни благословенія потребова отъ мене, но яко небрегома створи мя; не вѣси ли, кто есмь азъ, яко имѣю власть въ всей митрополіи«? Діонисій же рече: »да на мнѣ не имаши власти ни единоя же; тебѣ подобаше (паче) прійти ко мнѣ, и благословитися и предо мною поклонитися: азъ бо есмь епископъ, ты же попъ, то кто болій есть, епископъ ли, или попъ«? Митяй же рече: »ты мя попомъ нарече, а язъ въ тобѣ ни попа доспѣю, а скрижали (1) твои своими руками спорю, но не нынѣ мшу тебѣ, но егда прійду изъ Царяграда«. И мнозѣи распрѣ бывши ме-

(1) Скрижали на мантіи архіерейской дѣлаются на плечахъ изъ ленты въ видѣ четвероугольниковъ.

жи ими. Пребысть же Митяй на Москвѣ намѣстникомъ лѣто и 6 мѣсяць, и оттолѣ начатъ Діонисіе помышляти къ Царюграду; се увѣдавъ Митяй и възвѣсти в. князю, да запрѣтитъ Діонисію. Князь же великій отъинудъ възбрани ити ему къ Царюграду, да не сътворить пакости, ниже которые споны (*препятствія*) Митяю, дондеже въ митрополитехъ пріидетъ, и повелѣ Діониса нуждею удръжати; и держимъ бѣ Діонисіе въ крѣпости, преухитри сице в. князя глаголя: »ослаби ми и отпусти мя въ своей воли жити, а уже къ Царюграду безъ твоего слова не иду, а на томъ на всемъ поручаю тебѣ по себѣ игумена Сергіа« . Князь же великій послуша моленіа его, и отпусти Діониса на томъ словѣ яко не ити ему къ Царюграду, но ждати до году Митяевы митрополіи. Діонисій же ни съ недѣлю не помедли, но вскорѣ (побѣжаніемъ) побѣже къ Царюграду изъ своей епископьи изъ Новагорода Нижнего Волгою къ Сараю, обѣтъ свой измѣнивъ, а поручника свята выдавъ. Митяй же большее себѣ оправданіе пріатъ, и дръзновеніе стяжа, и поношеніе на Діониса и негодованіе.

Князь же в. Дмитрій зѣло любяше Митяа, и въ сласть послушаше его, и егда уже къ путному шествію Митяй устремляшеся, и тогда дръзну просити у в. князя паче мѣры прошеніа, глаголя: »аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да дай ми харатью (*бумагу, грамоту*) не написану, а подписану и запечатану твоею печатію в. князя, да възму съ собою на запасъ, да егда что ми будеть надобѣ заняти сребра тысячю или колико въ оскудѣніи или въ нужи, да напишу си въ ней« ; и сътвори князь в. по прошенію его и дасть ему такую харатію, глаголя: »да егда что ти будеть надобе, то се ти буди и кабала (1) моа съ печатію« .

И поиде Митяй къ Царюграду, въ лѣто 887 (1379) по суху; въ тоже время и Діонисій поиде по Волзѣ къ Сараю. Поиде Митяй съ Москвы на Коломну, а съ Коломны за Оку рѣку перевезеся къ Рязани, м. іюля 26 день. И проводиша его честно самъ князь в. съ бояры старѣйшими, также и епископи, и архимандриты, и игумены, и попове, и діакони, и черньцы и множество народа, и провождъше его възвратишася; съ нимъ же поидоша къ Царюграду: тріе архимандриты, Іоаннъ Петровскій, и сей бысть первый общему житію начальникъ на Москвѣ, Пиминъ переаславской, Мартинъ коломенскій, Дороѳей печатникъ, Сергій Озаковъ, Степанъ Высокой, Антоній Копіе, Макарей игуменъ съ Мусолина, Григорей спаскый діаконъ, Александръ протопопъ московскій, Давыдъ протодіаконъ Даша, и крилошане володимирскіе, и люди дворные, и слуги поплые (1) митрополичи, и казна и ризница. Бояринъ же бѣ отъ в. князя Юрій Василіевичь Кочевинъ Олешинскій, тоже и посолъ его, тому и старѣйшинство приказано; а митрополичи бояре: Феодоръ Шолоховъ, Іоанъ Ортеміевичь Коробьинъ, Андрѣй братъ его, Невѣръ Барминъ, Степанъ Ильинъ Кловыня, а толмачь (*переводчикъ*) Василей Кусковъ, а другій Буйло, и бысть ихъ полкъ великъ зѣло. И пройдоша всю землю рязаньскую, и пріидоша въ мѣста половечскаа, въ предѣлы татарскіа, и уже проходящимъ имъ орду, и атъ (*взятъ*) бысть Митяй Мамаемъ, и немного дръжавъ его, пакы отпусти й; и прешедше землю Татарскую, пріидоша къ морю Кафинскому, и ту въ корабль всѣдоша; и бысть уже преплавающимъ имъ пучину морскую; яко и Царь бѣ градъ видѣти, тогда внезапу разболѣся Митяй, и

(1) Кабальная грамота въ родѣ векселя или контракта.

(1) Слуги поплые — старинные люди, на владѣніе которыми есть грамоты.

умре на мори,—и не сбытся мысль его и не случися быти ему митрополитомъ на Руси. Повѣдаху же тамо бывшеи на кораблѣ томъ, и глаголаху: егда разболѣся Митяй, тогда корабль той стояше на единомъ мѣстѣ, ни поступя ни сѣмо, ни овамо, а инѣи мнози корабли миноваху его сюду и овуду. Вложше же Митяя въ раку (*въ варку=барку*) мертваго, и везше въ Галату погребоша его. Се же преславно явленіе показа Богъ неизреченными его судьбами, якоже апостолъ глаголетъ: »никтоже вземлетъ честь о себѣ, но званный отъ Бога«. Сего бо Митяя не хотяше никтоже въ митрополіи; епископи же, и игумени, и прозвитери, и весь чинъ священническій *и мниси вси моляху о томъ Бога, дабы не попустилъ Митяю въ митрополитехъ быти, но единъ князь в. хотяше его видѣти въ томъ чину; той же, упова на любовь княжескую*, о иномъ же ни о комъ не брежаше, аще бо и книгы добрѣ свѣдяше, но не вспомяну пророка глаголюща: »добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя«, и пакы глаголетъ: »не надѣйтеся на князя, на сыны человѣчьскіа, въ нихъ же нѣсть спасеніа«. Есть бо инако разумѣти, но глаголати не мощно противу судбамъ божіимъ, многажды бо наводитъ Богъ на насъ скорби и предаетъ въруцѣ немилостивымъ и суровѣйшимъ пастухомъ за грѣхи наша, но не до конца прогнѣвается; такоже и сему не попусти, ни изволи быти пастырю и митрополиту на Руси.

По умертвіи же Митяевѣ, бысть замятня (*волненіе*) всѣмъ бывшимъ съ нимъ, и недоумѣяхуся, что сътворити, и въсколебашася яко піаны: вся бо мудрость ихъ поглощена бысть; еще же къ тому распря бысть межи ихъ и разность: овіи хотяху поставити Іоана въ митрополиты, а друзіи Пимина, и тако потомъ съгласившеся вси въ едину думу и ящася за Пимина, а Іоана оставиша. Иванъ же рече: »азъ имамъ не обинуяся глаголати на васъ, яко не истинствуете ходяще, но съ лжею глаголете и ходите«. Они же съвѣтъ сотвориша, яша его и желѣза възложиша на нь, не единомудрствоваше бо съ ними по Пиминѣ.

(Пименъ нашедъ въ бумагахъ Митяя *харатью*, подписанную великимъ княземъ и написалъ заемную (*кабальную*) грамоту). Пиминъ же кабалою оною в. князя съ своими съвѣтники позаимаваша сребро въ ростъ на имя в. князя у Фрязь (*Франковъ, Итальянцевъ*) и у бесерменъ (ростетъ же сребро то и доселѣ), и розсулиша посулы, и раздаваша много на всѣ стороны. (*Послѣ истязанія и испытанія Пимена*), Греки говорили: »аще Русь право или не право глаголютъ, но мы истинствуемъ и правду дѣемъ и глаголемъ«; и тако постави патріархъ Нилъ Пимина митрополитомъ на Русь. Пріиде вѣсть къ в. князю, яко Митяй умре, а Пиминъ въ митрополиты сталъ; князь же великій не въсхотѣ Пимина въ митрополію, рече: »азъ не послахъ Пимина стати на митрополію, но послахъ его яко единого отъ служащихъ Митяю, что се нынѣ слышу таковая«? И посла на Кіевъ по м-та Кипріана, Феодора игумена Симановскаго, отца своего духовнаго. Кипріанъ же пріиде изъ Кіева на Москву, и срѣте его весь народъ и князь пріятъ его съ великою честію и любовію. (*Спустя 7 мѣсяцевъ пришелъ изъ Царяграда Пименъ въ Коломну; по приказу князя сняли съ него здѣсь все митрополичье облаченіе, отобрали всѣхъ людей и отвели его въ заточеніе на Чухлому, потомъ перевели черезъ годъ въ Тверь*). Осенью 1382 г. съѣха Кипріянъ м-тъ на Кіевъ, разгнѣва бо ся на него кн. в. Дмитрей Ивановичъ того ради, что не сѣдѣлъ на Москвѣ въ осадѣ (*при нашествіи Тохтамыша*); и посла по Пимина м-та, и при-

веде его изъ заточенія на Москву и пріятъ его съ великою честію и любовію на русскую митрополію... Тое же зимы пріиде изъ Царяграда Діонисіе епископъ суздальскій въ свою епископію генв. 6., а исправи себѣ архіепископію у патр. Нила и сущимъ по себѣ епископомъ въ томъ предѣлѣ: въ Суждали и въ Новѣгородѣ (Нижнемъ) и на Городцы, и дасть ему патіархъ и весь вселенскій съборъ фелонъ съ четырми кресты; тогда же вынесе изъ Царяграда и страсти Спасовы и мощи многыхъ святыхъ.

(*Н. С. Лѣт. VIII, 28—31. 48*).

127. Уставная грамота суздальс. архіеп. Діонисія Снѣтогорскому монастырю ок. 1382.

Богу споспѣшающу и слово утвержающу, Слова ради, и св. Духомъ свершающу, якоже заповѣда всесв. патриархъ вселенскый, пекійся душами человѣчьскыми, учити, и наказати и управити, по божественнымъ заповедемъ еуангельскымъ добрѣ живущаа укрѣпляти и благословити съвратившаяжеся възвратити на путь правый, сиречь, на добродѣтелное житіе, еже уставища святіи, и богоносніи Отци, общее житіе, по великому Пахомію, еже ангелъ божій, и по В. Василію, еже два чина вниса мнишьскаго житія, пустынный и общее житіе, еже похвалили паче пустыннаго, и св. Ефремъ тако пишетъ, и св. Іоанъ божественыя лѣствица списатель наипаче утверди и украси различно премудростьными наказаніи. Пришедшю же ми посланіемъ всесв. патріарха вселенскаго, въ богохрянимый градъ Пьсковъ, о исправленіи отлучшихся отъ съборныя апостольскыя Христовы церкви и на утвержение и на исправление священникомъ и честнымъ монастыремъ и всѣмъ христоименитымъ людемъ, и слышахомъ о честномъ монастыри пресв. Богородица, иже именуется Снѣтная Гора, общеживущимъ, и възрадовахся душею зело и възвеселихся по премногу; съ тщаніемъ идохъ и видѣхъ, и благословихъ отъ всел. патріарха, и *обрытохъ я неисправляющася въ всемъ божественаго писаніа и богоносныхъ Отецъ уставы, ово творяще, ово же оставляюще*. О божественомъ общемъ житіи и о свершеніи мнишскаго устава и о высотѣ безстрастія, умоленъ быхъ отъ препод. игумена, ту суща и яже о Христѣ братьи, *направити съвратившаяся и наказати ненаказанныя*. Азъ Діонисій архіеп. суждалскый, по повелѣнію всесв. патріарха всел., възрѣвъ въ Номоканонъ, во правила св. Отець, яже о божественномъ общемъ житіи, *по новыхъ и уставихъ препущена небреженіемъ*, въ обиду св. Отець уставы. Якоже рече правило, еже въ 5. Сборѣ: »мнихомъ ничтоже подобаетъ своего имѣти, но все свое предати монастырю въ власть«. Рече богогласный Лука о вѣровавшихъ Христу и мнишское житіе исправившихъ: »яко ни единъ кто что отъ своего глаголаше его быти, но бѣша всѣмъ обща«. Тѣмъ же, хотящимъ мнишьствовати, дати суща и пріимати потребы; по постриженіи же, впадающимъ къ нему всѣмъ манастырю имѣти власть, ни о чемъ же о своемъ пещися или рядити симъ попущается. А кто купитъ стяжаніе кое, еже непричастно монастыреви, свое творя; си убо игуменомъ или епископомъ да въспріимется, и многимъ дерзновеніемъ продаемо и убогимъ и немогущимъ, клосным *(разслабленнымъ)* да раздается такое стяженіе. Поне когда Ананью, украсти поучившася, о приносимомъ запрещеніемъ повелѣ св. Соборъ уцѣломудрити; аще бо часть сребра уѣмъ отъ своихъ, не всего у ногъ апостольскыхъ положивъ, умре: что подобаетъ рещи о тѣхъ, иже

не всего себѣ приносяще Богу, часть же своимъ похотемъ работающе, ихъ же обрящетъ болшее томленіе, якоже силну сущу Богу душу и тѣло и погубити? Иже въ мнишьскый сѣ. образъ одѣяни, и въ монастырѣхъ сущимъ, и ни словомъ лѣть рещи: се твое, а се мое, или сего и оного; ибо 5000 суще простьци и вся обща имяху, никто же свое ему быти вѣща: болѣ паче въ общемъ житіи, въ монастыри не нарицати: а се мое. Кдѣ же суть отъ плевелъ сѣющаго діавола възрастъша въ общемъ житіи, глаголемая итарица, недостоитъ нарицати общимъ, но разбойникъ сѣдалища, и священнокраденіа и всеа злобы непріязньны здѣльници. Сего бо ради наречется общее житіе, да все обще имуть, и ни единому имѣти діавольска начинанія и своя попеченіа, пакостнаа и безумнаа, яко иже во сѣ. В. Василій глаголетъ: »яко имѣяй въ монастыри свое что въ келіи, велико или мало, чюжаго себе Божія церкви створи, и господни любве такожъ чюжъ есть: полѣзнѣе убо есть съ малыми разумными жити, нежеже съ многими безщинными, преобидящи заповѣди господня«. *Нынѣ же впадшаа въ сія великаа съгрѣшенія, и прежереченнаа правила сѣ. Отець прступльшаа невыдьніемъ*, аще начнутъ каятися достойно и обѣщаются въ та же великоа съгрѣшенія не впадати, азъ смиренный архіеп. Діонисій суждалъскый, съ благословеніемъ всесѣ. патріарха, прощаю. Отселѣ, по повеленію всесѣ. патріарха вселенскаго, въ честнѣмь семь монастыри сѣ. Богородица, на Снѣтной Горѣ, уставихомъ ти, въ монастыри семъ честнѣмъ, ничто же своего, ни игумену, ни братіи, но все отдати Богу и сѣ. Богородици въ монастырь: *ни ѣсти въ келіи ни пити, не у келаря просити; а келарю не дати, ни клучнику не дати никому же ничесоже безъ игуменова слова; ѣсти же и пити въ трапезѣ вкупѣ всѣмъ*; опричь же трапезѣ ни ясти, ни пити, ни какожъ, ни до обѣда ни по обѣдѣхъ; а *допіана никакожъ не пити*. А въ церкви по правилу и по уставу сѣ. отець да поютъ. А на службу идѣже аще послетъ мниха, безъ ослушенія да идетъ; а *безъ благословенія игумена никакожъ не ходити ни куды*. Послушаніе же и покореніе имѣти во всемъ игумену: *аще кто въпреки начнетъ глаголати игумену и въздвигати начнетъ свары, заперъ таковый да будетъ въ темницы, дондеже покаится;* а непокориваго мниха, по 1-мъ и 2-мъ и 3-мъ наказаніи, выженутъ его изъ монастыря, да не вдадутъ ему отъ внесеннаго въ монастырь ничтоже. Се же отъ многа мало писахомъ вамъ; а прочее же обращетѣ въ книгахъ сѣ. В Василія Кесарійскаго и сѣ. Ефрема, и сѣ. Ивана Лѣствичника, и сѣ. Ѳеодора Студійскаго и прочихъ сѣ. отець, о послушаніи и о смиреніи и прочихъ добродѣтелѣхъ, яже свершивше, милость божію получите и сѣ. Богородица, и благословеніе всесѣ. патріарха вселенскаго, и она будущаа блгаа, яже уготова Богъ любящимъ Его. Приде же въ слухи папа и се, яко ктиторъ сего честнаго монастыря, рекше, создатель, создавъ сій монастырь и братью совъкупивъ, и уставъ въ веде сѣ. Отець, общее житіе, яже многымъ наказаніемъ извѣстивъ и клятвами утвердивъ, еже есть на спасеніе душамъ человѣчьскымъ, пребывающимъ въ монастыри семъ честнѣмъ, и всѣмъ христоименитымъ людемъ на пользу и похвалу, пребывающимъ въ богохранимомъ семъ градѣ Пьсковѣ: се азъ, поновляя, пишу на утвержденіе сей грамотѣ, яко кто дерзнетъ помышлити, благое се уставленіе превратити лукавымъ обычаемъ, будетъ подъ тягостію отлученія пресѣ. патріарха вселенскаго.

(*Акты Историч.* I, № 5).

128. Избраніе архіепископа 1388.

Съиде Алексѣй владыка съ владычьства, на препловленіе праздника владычня, по своей волѣ, въ монастырь св. Въскресенія на Деревяницю, своего ради нездравія, благословивъ своихъ дѣтей весь В. Новъгородъ; сѣдѣвъ ..О лѣтъ безъ лѣта и безъ 5 мѣсяць, изволи молчалное житіе, въ немощи буля. Посадникъ же Есифъ Захарьиничь, съ мужи старѣйшими, биша ему челомъ и много молиша и всѣмъ Новымгородомъ о томъ, чтобы еще побылъ въ дому св. Софьи, »дондеже извѣдаемъ, кто будетъ митрополитъ Руской земли«. Онъ же не послуша ихъ и отрѣчеся отъинудъ, глагола имъ: »дѣти! на мене ся не надѣйте; а васъ благословлю, добывайте собѣ владыкы«. Новгородци же рекоша: »кого, отче, благословиши намъ на свое мѣсто святителемъ«? Алексій же благослови, рекъ: »изберите собѣ 3 мужи достойны, да положите 3 жребія на св. трапезѣ (*на престолѣ*) въ имена написавше, да который Богъ дасть вамъ, того вамъ благословлю«. И волею божіею, а по святителеву благословенію, много гадавъ посадникъ и тысяцкой, и весь Новгородъ, и игумены и попове, и створиша тако, не изволиша бо собѣ отъ человѣкъ избраніе сътворити, но отъ Бога пріяти извѣщеніе, и уповаша на милость Его, кого Богъ дасть, того знаменаетъ, и избраша 3 игумены, и сътвориша 3 жребья: въ 1-й написаша игумена св. Спаса съ Хутынѣ Ивана, Перфурьева сына, а въ 2-й Пареенія игумена изъ Благовѣщеньскаго монастыря, Сидорова сына, а въ 3-й Аѳанасья игумена Рожественьскаго. И посадникъ Михаилъ Даниловичь самъ жребья печаталъ, и положиша на престолѣ въ св. Софьи, утверждивше слово таково: »его же въ схощеть св. Софѣя премудрость божія своему престолу служебника имѣти, того жребій да оставитъ на престолѣ своемъ«. И начаша ереи съборомъ литургію пѣти, а Новгородци стояша вѣчемъ у св. Софьи; и по отпѣтьи св. службы, протопопъ Измайло вземъ съ престола изнесе на вѣче жребій Аѳанасьевъ, и потомъ Пареѳьевъ, а Ивановъ остался на престолѣ, по божію изволенію и по даннѣй благодати, изволи Богъ служителя собѣ и пастуха словесныхъ овець Новугороду и всей области его (1). И възлюбиша вси Богомъ назнаменана и избранна мужа, блага и кротка, тиха и смирена и зѣло боящася Бога; и народъ весь отъ мала и до велика течаху на Хутину, и пояша его, и взведоша и честно на сѣни, въ владычень дворъ; Алексѣй благослови его въ свое мѣсто своею рукою. А се бысть на Вознесеніе господне, въ четвертокъ, м. мая 7.

(*П. С. лѣт. IV, 95—96*).

По монастырямъ въ древнее время игумена выбирали сами иноки. См. Житіе Антонія Римл. и о кіевопечерс. инокахъ. По свидѣтельству Герберштейна въ прежнее время и Митрополита выбирали на соборѣ изъ епископовъ и игуменовъ разныхъ монастырей; потомъ выборъ сталъ зависѣть отъ в. князя Московскаго. См. выше въ повѣсти о Митяи.

129. Изъ посланія константинопол. патріарха Антонія Псковичамъ 1388—1395 г.

Патріархъ, Антоній, милостію божіею архіепископъ Костянтинаграда, новаго Рима, и всесельскый патріархъ. О боголюбивый епископе В. Новаграда и прочихъ предѣлъ, ты же благородный посадникъ и тысяцкый и всѣ бояре, и священници и иноци, и вси людіе христоименитіи

(1) А при выборѣ владыки въ 1229 г. посылали вынимать жеребій княжича Ростислава и онъ вынулъ жеребій Спиридона, П. С. Лѣт. 1, 220.

господни! Смиреніе наше и божественный и священный съборъ, яже о васъ промысляюще, по долгу своему же, вездѣ вселеныя крестіаны не престаетъ еже писати и учити о вѣрѣ, елика къ миру и спасенію ихъ: сего ради съ многымъ въвести потщаніемъ и прилежаніемъ, еже Рускаго многочеловѣчьскаго наказати и умирити многыхъ и великыхъ съблазненій, предварившихъ завистію лукаваго бѣса. Понеже возвѣщено ми бысть о васъ, моему смиренію и всему священному събору предсѣдящу, о преже варившихъ (*предзарившихъ*) въ васъ ересѣхъ, яже суть расколы (1), занеже съблазнистеся во время оного Карпа, діакона отлученаго отъ службы, стриголника (*разстригу*), и глаголете: *не достойни суть презвитери по мьздѣ поставляеми, недостойно отъ нихъ причащатися, ни каятися къ нимъ, ни крещеніа отъ нихъ пріимати*. Но мы не мало смутихомся и оскорбѣхомъ о семъ, вѣдуще душевную бѣду, въ ню же впадосте, и недоумѣхомъ лукаваго бѣса кознемъ его, и удивихомся, и въ иныя вложи пакы насъ искушеніа. Сего ради, посла наше смиреніе и великый съборъ боголюбиваго архіеп. суздал. Дионисіа къ вамъ съ грамотами, мужа честна и благочестива и добродѣтельна, и священныхъ канунъ (*правилъ*) извѣстна хранителя, да видить вы отъ насъ и благословить вы, и поучить и покажеть, и съвокупить вы вси сборнѣй и апостольствѣй церкви: да увѣсте (*узнаете*) вси, яко отлучаяся отъ церкви, самого того христа отлучается; нѣсть имъ участіа, ни жребіа священнымъ отъ него, ни въ семъ вѣцѣ, ни въ будущемъ... (1). Исправите же убо и вы себе, стриголници, наипаче еретици, увѣдѣвше, въ кое зло впадосте: покоритеся презвитеромъ вашимъ и покайтеся въ нихъ же съгрѣшисте, и отступите отъ ересей своихъ. Азъ бо глаголю се, отець вашъ, патріархъ: съединитеся въ благое, въ смиреніе и любовь къ ереомъ, слугамъ божіимъ; въздадите церкви божіи должное покореніе. И понеже нѣсть грѣха, побѣжаа человѣколюбіе божіе, и аще исповѣсте въ нихъ же съгрѣшили есте, и просите прощеніе и милосердіе отъ служьбниковъ св. церквій,—и Богъ... простить вамъ вся елика съгрѣшисте. Аще бо се небудетъ отъ васъ съ крушенымъ сердцемъ и смиренымъ, но пребудете даже и до конца несмирени, въ первомъ непокорьствѣ вашемъ и жесточествѣ; и никто же отъ насъ разрѣшить васъ, еже на васъ възглашено отлученіе. И аще кто, възмя рѣчь на презвитеры, расколъ учинитъ кто отъ крестіанъ, проклять да будеть...

Злохытрьствомъ и лживыми словесы прелстилъ діаволъ родъ человѣчь, и тѣмъ древа животнаго удалихомся. Сътворивый же насъ Богъ, неизреченными щедротами подаде намъ причащеніе св. пречистыхъ таинъ, истиннаго животнаго плода, еже снѣдъ, живу быти въ вѣкы. И нынѣ діаволъ непрестаетъ прельщая родъ человѣчь: тогда бо отпаде самъ славы божіа и отдалися отъ древа животнаго; нынѣ же отъ службы отлучена и отъ церкъви изгнана Стригольника въздвиже на правовѣрную вѣру; и *оклеветалъ весь вселенскый съборъ, патріаржовъ и митрополитовъ и епископовъ, и игуменовъ и поповъ и весь чинъ священны, и глаголеть, яко не по достоянію поставляеми; и таковою*

(1) *Ересью* называется отступленіе отъ догматическаго ученія Христіанскаго, а *расколомъ*—не вѣрный взглядъ на обрядовую внѣшность Христіанства.

(1) Ссылки на священное писаніе и на правила св. отцовъ я выпустилъ для удобнаго чтенія.

виною прельщаху худоумныя, отлучаху отъ причастія св. пречистыхъ животворящихъ таинъ христовыхъ, и пуще зміиныя прелести постави прелесть: зміа бо прелсти, ино смертію умираютъ; а сею прелестію въ муку вѣчную идутъ.. Стригольници же, противници Христу, повелѣваютъ, яко отъ древа животнаго, отъ причащенія удалятися..... *показа имъ писаніе книжное, еже списа, на помощь ереси своей, дабы чимъ уставити народъ на священникы*, уподобляяся оному Корею и Дафану и Авирону, иже вставиша на Моисея и на Арона, глаголюще: *освященіи приносити Богу тѣміанъ, и мы такоже священници есмы*; и отлучиша народъ 200 и 50 въ слѣдъ себе.. и разгнѣвався на ня Господь Богъ, и повелѣ земли зинути (*зіять, разступиться*) и пожрети я съ женами и съ дѣтми ихъ, и снидоша живи въ адъ; а оставшихъ огнемъ съжже.. Такоже и нынѣ Стригольници, ни священіа имуще, ни святительскаго сана, *сами ся поставляють учители народомъ, отъ тщеславіа и высокоумія*, и слушающая ихъ съводятъ въ погыбель. Христосъ Богъ Спасъ нашъ избра 12 ученикъ и сія апостолы постави, помолився Богу и Отцу, възложи на ня рукы своя и повелѣ имъ учити народы.. Сами апостолы взяша рукоположеніе отъ Христа Сына Божіа, и тоже рукоположеніе даша патріархомъ и митрополитомъ и прочимъ священникомъ. Но тому правилу, и доселѣ избираютъ патріарси и митрополиты въ которую ждо область и наставляютъ патріарха, а патріархъ съ митрополиты поставляетъ митрополита, митрополитъ съ епископы поставляетъ епископа, а епископъ съ попы и діяконы поставляетъ попы и діаконы: и тако достоитъ намъ имѣти всякого священника, яко апостола христова. Егда священникъ службу служитъ, тогда имѣти его яко Христа въ Сіонѣ и съ ученикы вечереваша, и тако достоитъ причаститися отъ рукы его, яко отъ рукы христовы вечереваша. И не разсужай и не распытовай о ѣреи божіи, аще достоинъ или ни.. Смотрите же, Стриголници наипаче же еретици, како ти апостолъ Павелъ рече, себе расмотряти, а не ѣрея божіа. Или речеши: *недостойніи суть духопродавци*?

Христосъ, вѣдый Іуду, хотяща предати его на вечеря, отъ трапезы, не осуди его преже суда; а ты кто еси осужаяй чужего раба? Своему господеви или стоитъ или падетъ: силенъ Богъ въставити его. Рцѣте, еретици, гдѣ хощете попа взяти себѣ? Аще глаголете: *недостоинъ есть патріархъ, и недостойни суть митрополити, то по вашему нынѣ слову, ни единого нѣсть попа на земли*, аще бо который, нищеты дѣля, позна себе, безъ даровъ церковныхъ поставленъ есть. Но мыслію и вѣрою исповѣдаемся и вси причащаемся къ соборнѣй и апостольстѣй церкви; а его же митрополита освятитъ намъ патріархъ, того вси чтемъ яко христова намѣстника, такоже и епископъ въ коемъ ждо градѣ и области презвитеры, яко апостолы христовы. *Вамъ же гдѣ есть поставити попа, по своей окаанной вѣрѣ?* Не приде бо христосъ второе въплотитися на землю, ни снидетъ ангелъ освятити вамъ попа; аще бы вамъ ангелъ освятилъ попа, то и тому не подобаетъ вѣровати, по апостолу Павлу, рекшему: »аще ангелъ вамъ благовѣститъ паче проповѣданнаго, еже пріасте, проклятъ да будетъ«. *Како дързнусте уничижити святителя проторы (издержками) церковными, еже взимаютъ у поставляющихся, урокъ церковный*, по апостолу Павлу глаголющу: »церковникъ церковію питается и олтарници съ олтаремъ съдѣляются«?..

Аще вы, Стригольници и еретици, праведници мнитеся, не слышите ли

апостола глаголюща: »аще речемъ, грѣха не имамъ, лжемъ и истины нѣсть въ насъ«? Завѣстію бо (*под*)стрѣкаеми *вы, Стригольници, въстаете* (*возстали*) *на святыхъ и на поповъ, сами себѣ хотяще честь прехватити.* Изучисте словеса книжная, яже сутъ сладка слышати крестіаномъ, и поставистеся учители народомъ. А не помянусте слова христова, еже рече: »не входай дверми въ дворъ овчій, — но пролязя инудѣ (*въ другомъ мѣстѣ*), тать есть и разбойникъ«.

Всякъ бо неимѣя поставленія святительска, учити покушаяся, и учителя укорити, сей не дверми вшелъ есть. Тати и разбойници убиваютъ человѣкы оружіемъ; а вы, Стригольници, убиваете человѣкы разумно смертію, удаленіа ради отъ пречистыхъ таинъ тѣла и крови Христовы, Христу Богу глаголющю: »аще кто не снѣсть плоти Моея, ни піеть крови Моея, не имать свѣта ни живота (*жизни*)...

Глаголютъ Стригольници о нынѣшнихъ святителѣхъ и о попѣхъ: недостойны тѣхъ службы, яко ... имѣніемъ възимаютъ у христіанъ подаваемое имъ приношеніе, и за живыя и за мертвыя; а не разумѣютъ оказанныи, оже достойно пріимати отъ подающихъ милостыню: самъ бо Христосъ въ домъ Закхеевъ вниде обѣдать и подаваемая пріимаше. Аще бы не пріялъ Христосъ ни отъ кого же имѣніа, чимъ бы ученици шли купить хлѣбовъ въ градъ самарейскый, егда сѣдѣ Христосъ на кладязи? И кое бы сребро носилъ Іюда въ ковчежцѣ? И по взнесеніи Христовѣ, апостоли проповѣдающе имя христово, пріимаху отъ приносящихъ: мнози бо продаяху села и стяжанія, и цѣны ихъ полагаху предъ ногами апостолскими; Ананія же унятъ (*взявъ, утаивъ*) отъ цѣны села, злѣ умре съ женою своею Самфирою предъ ногами апостола Петра. Апостоли бо приимаху отъ приносящихъ, и подаваху отъ того требующимъ; и сами отголѣ стяжаху себѣ пищу и одѣніе: не камена имъ тѣлеса бѣяше. Вы же, еретици Стригольници, укаряете ядущихъ и піющихъ святителевъ и поповъ, рекуще, »яко *Жидове христови, трутни,* глаголюще: *си человѣкоядци суть и винопивци, друзи мытаремъ и грѣшникомъ*«; а вы, еретици, тако глаголете: *сіи учители піаници суть, ядять и піють съ піаницами, и възимаютъ отъ нихъ злато и сребро и порты (платье), отъ живыхъ и мертвыхъ; и такыми злыми словесы окаанными прельщаете народъ.* И аще будутъ, по вашему слову, недостойни святители и попове, но помяните слово господне, еже рече: »на престолѣ Моисеовѣ сѣдоша книжници и фарисіи; все еже глаголютъ вамъ творити — творите, по дѣломъ же ихъ не творите; глаголютъ бо вамъ, а не творятъ«. *Вы же Стригольници, почитающе ев. еуангеліе,* то слово преступаете, которое речено: »покоряйтеся учителемъ«; а *которое самъ Христосъ изрекль ученикомъ, то почитаете на укоръ священникомъ,* а неразумѣя слова христова реченнаго въ св. еуангеліи: »что видиши сучець въ очеси брата своего, а у себе брѣвна не чюеши? Изми, лицемѣре, первѣе брѣвно изъ очесе своего« ...

И пакы речено бысть: »да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣкы и да видять дѣла ваша добра, и прославять Отца вашего, иже есть на небесѣхъ«. Се же слышавше, не мнимъ, яко предъ человѣкы добродѣтелію не велѣно намъ хвалитися. Вы же, Стригольници, глаголете, еже Павелъ повелѣ и простому человѣку учити: тогда бо вси невѣрни быша, а не вамъ еретикомъ то речено бысть, како *вы нынѣ правовѣрныхъ христіянъ смущаете, Святители и церкви божіи преобидѣли.* Не боителися въ Манаконѣ (1) писанаго: »всякъ иже учить

(1) *Номоканонъ* — собраніе церковныхъ правилъ, отъ греч. *номос* — законъ, *канон* — правило.

приобидѣнѣ быти церкви божіи, да будетъ проклять«. Вы, Стригольници, уловляете христіанъ тѣмъ словомъ, еже Христосъ реклъ апостоломъ: »не имайте влагалища, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ«. Предъ страстію же своею, рече имъ: егда послахъ вы безъ влагалища и безъ мешца, требовасте ли чего? Они же рекоша къ нему: не требовахомъ ничтоже; рече имъ Іисусъ: нынѣ же имѣйте влагалища и мѣхъ (*мѣшокъ*).« Аще повелѣ Христосъ держати влагалище и мѣхъ ученикомъ, то позорно ли держати влагалище и мѣхъ? *Аще ли речете еретици; се много събираете имѣніа; то не вы, Стриголници судите имъ*: судятся отъ Бога, или отъ болшаго святителя. *Что ся твориши главою, нога сый; овчя будя, пастухомъ творишися?* А не слушася Григоріа Богослова, рекшаго: »овци не пасти пастуховъ«. Еще же и сію ересь прилагаете, Стриголници, *велите къ земли каятися человѣку, а не къ попу*... Св. отци уставиша духовныхъ отець, да исповѣдаются имъ крестіани... Духовному отцу да исповѣдаетъ грѣхы своя человѣкъ, и духовный отець отъ грѣха того престати повелить, и противу грѣха того въздасть ему епитемью понести; того дѣля ему Богъ отдасть грѣха того. А кто исповѣдается къ земли, то исповѣданіе нѣсть ему въ исповѣданіе; земля бо бездушная тварь есть, и не слышить и не умѣеть отвѣщати, и не въспретить съгрѣшаемымъ. Того дѣля, не подасть Христосъ Богъ прощеніа грѣховъ къ земли касающемуся. *Сію бо злую сѣть положи діаволъ Карпомъ діакономъ, что не велѣлъ каятися къ попомъ, дабы отъ поповъ честь іерейскую отъялъ, еже далъ Христосъ вязати и разрѣшати грѣхы.* Самъ бо Стригольникъ связанъ бысть и отлученъ отъ церкви, своея дѣля ереси; того ради иныхъ въ ту неисповѣданую погыбель ведетъ. Еще въ животѣ своемъ уразумѣлъ то, оже тѣло его не будетъ погребено съ псалмы и пѣснми; того дѣля почалъ людемъ глаголати: *не достоитъ надъ умрьшими пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за мертвыя приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душю умершаго.* Діаволъ отпаде ангелскаго сана; того дѣля многы люди прельщаетъ, дабы не единаго свелъ въ погыбель: тако и Стригольници, связани бывше, инѣхъ въ свой съузъ неправедный привлачаютъ, дабы не едини связани на небеси и на земли, и отлучены отъ соборныя церкви, злыа ихъ ереси ради. Въ апостольскыхъ бо правилѣхъ писано есть, творити память по умершихъ; такоже и св. отци уставиша въ всякой службѣ поминати усопшихъ, и понахида по нихъ пѣти, и кануны заупокойныя уставиша; а по еретицѣ же не повелѣша никако приношеніа приносити, ни заупокой поминати его...

Въ печерѣ кыевьской Антоніевѣ единъ мнихъ умре въ гресѣхъ и положенъ бысть въ пещерѣ; злый смрадь исхожаше изъ него, и явлено бысть о немъ: повелѣ игуменъ изврещи псомъ на снѣдь, послѣди же молитвами св. Антоніа и Ѳеодосіа и прочихъ святыхъ, положенныхъ въ печерѣ той, и ту сущихъ живыхъ въ монастыри томъ св. отець молитвами, отслана бысть злая таа его воня и преложися на благоуханіе; се бысть знаменіе ослабѣ его. Мы, живіи, того дѣля, сътворяемъ молитвы за мертвыхъ; того ради Богъ повелѣ молитву творить другъ за друга. Христосъ Богъ нашь имѣеть власть и по смерти влещи въ муку или пощадѣти. Слава великому человѣколюбію его и праведному суду. Подобно есть христіаномъ слышати слова христова: »блюдитеся отъ книжникъ хотящихъ ходити въ одежахъ овчихъ, внутрь суть волци и грабители; отъ плодъ ихъ познаете я«;

А еретици, Стригольници нѣціи, безумни, глаголютъ: »си не грабятъ имѣнія, не сбираютъ« .. Фарисіи таціи же бѣша: постящася двожды на недѣли, весь день не ядуще; мытари же, грѣшници, съ исповѣданіемъ придоша къ Христу и спасошася.

Такови же бѣша и вси еретици, постници, молебници и книжници, лицемѣрници, предъ людьми чисти творящесь: аще бо бы нечисто житіе ихъ видѣли люди; то кто бы вѣровалъ ереси ихъ? Или бы не отъ книжнаго писанія глаголали, кто бы послушалъ ихъ? Но въ книжномъ писаніи сами еретици съблазнишася, тѣмь иныхъ неразумныхъ съвратиша; о сихъ бо пророци прорекоша: »камень претыканія и съблазненію невѣрующимъ въ Христа«. Книжное почитаніе, рекша, правовѣрнымъ недвижимо спасеніе: всякъ бо почитая книжное писаніе, безъ смѣренія и кротости, аще кого укорити чимъ, и тѣмь впадаетъ въ ересь и бываетъ ему съблазненію камень, и на жизнь вданая ему заповѣдь обрѣтается ему въ смерть. Еще бо нѣчто и дивнѣе того реку: и бесерменове постятся и отъ книгъ глаголютъ, но не подобаетъ внимати ихъ. О самопоставляющихъ учителехъ апостолъ рече: »яко мнози лживи пророци изыдоша въ міръ, но не послушайте словесъ ихъ и въ домы своя не принимайте ихъ, да не пріобѣщаетеся дѣломъ ихъ злымъ; слугы бо льстивыя преображаются яко слугы истины, и самъ сотона преображается въ ангелъ свѣтелъ« .. Тѣмже не достойно есть слушати Стригольническихъ ученій никаковому крестіанину, да не уловленъ будетъ въ діаволѣ пруглѣ *(сѣти)*, да не отлучится отъ безсмертнаго источника, отъ тѣла и крови Господа Бога Спаса нашего І. Христа, да не будетъ осужденъ въ вѣчную муку.

Достойно всякому христіанину приходити въ церкви божіи и слушати пѣнія и чтенія, еже есть въ св. церквахъ, и внимати писаному въ апостолѣ и въ евангеліи, еже почитаютъ священницы; а недостойно ихъ осужати, по реченому: »не осужайте, да не осужени будете; имъ же судомъ судите, осудится вамъ«. А кто по стригольничьской ереси, начнетъ священникъ осужати, не токмо неподобно ихъ послушати, но и отъ градъ ихъ отгнати; рече бо писаніе: »извержете злое сами отъ себе; малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ«. Христосъ же Спасъ нашъ ученикомъ своимъ рече: »блюдитеся отъ кваса фарисейска«, сирѣчь, отъ ученія тщеславна. О всѣхъ сихъ и славимъ Господа Бога Спаса нашего І. Христа, давшаго намъ плоть свою ясти и кровь свою пити, ему же слава... и проч.

(*Акты Историч. I, № 6*).

О Стригольникахъ см. Разсужд. о ересяхъ и расколахъ. Руднева М. 1838, 23б.

130. Настольная грамота м-та Кипріана новгородскому архіеп. Іоанну 1392.

Се азъ Кипріянъ митрополитъ Кіевьскій и всея Руси, по преданью св. апостолъ и св. Отець уставу, еже то уставили предѣлы церквамъ божьимъ, митропольямъ и епископьямъ, да *еже что потяло къ которой митрополи или къ епископьи манастыреве, игумены съ черньци, попы, дьяконы и всякъ церковьный человыкъ, то вси подъ властью, въ послушаньи святителю; никто же да несмѣетъ ни единъ крестьянинъ, ни малъ ни великъ вступатися въ тая дѣла. Аще ли который отъ тыхъ игуменъ, или попъ, или чернець иметъ отъиматися мірьскими властелины отъ святителя, таковаго божественная правила извергаютъ и отлучаютъ, а кто*

по нихъ имѣть вступатися, того не благословляють. А что погосты и села и земли и воды и пошлины, что потягло къ церкви божьи, или купли, или кто далъ по души памяти дѣля, а въ то ни единъ христианинъ не вступается, а кто вступится, того не благословляють божественная правила. Сего ради, и язъ Кипріянъ по тѣмъ божественнымъ правиламъ, далъ есмь сію свою грамоту въ епископью въ новгородскую, въ св. Софью и сыну своему, владыцѣ архіепископу В. Новагорода, Ивану: да елико есть манастыревъ, игумены да будуть у него въ покореньи и въ послушаніи и весь чинъ свячѣпическый; также и погосты и селы и земля и воды, со всѣми пошлинами, что потягло при первыхъ владыкахъ къ той епископьи, къ Софьи святой, какъ при первыхъ владыкахъ тамо что ни было, тако и нынѣча потянеть къ св. Софьи и ко владыцѣ Ивану. *А никто бы не смѣлъ вступатися въ церковныи пошлины, ни въ земли, ни въ воду, блюлся бы казни св. правилъ; а кто будеть вступился, а тотъ бы престалъ отъ сего часа.* А кто послушаеть св. апостолъ правилъ и св. соборъ преданье и мое поученье, на томъ милость божія и Пречистыя его Матери и мое благословенье, *а кто не послушаеть моего благословенья и покушается обидѣти церковь божію, а на томъ не буди милости божіи и Пречистыя его Матери ни моего благословенія.* А дана грамота на Москвѣ, м. августа въ 29 день.

(*А. Истор. I № 7 стр. 16*).

Обратить вниманіе, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ стали рано поднимать вопросъ о владѣніяхъ духовенства, въ Москвѣ онъ возникъ позже.

131. Грамота м-та Кипріана Псковичамъ 1395.

Се язъ Кипріянъ митрополитъ Кіевьскій и всея Руси. Что есмь слышилъ, ажь владыка суждальскій Денисей списалъ грамоту, коли былъ во Пьсковѣ, а приписалъ къ грамотѣ князя в. Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити, да въписалъ и проклятье, кто иметь не по тому ходити: ино то Денисій владыка не свое дѣло дѣлалъ, не по закону и не по правиломъ. Ажь будеть какову грамоту списавъ, положилъ князь в. Александръ, по чему ходити: инъ въ томъ воленъ всякій царь въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженьи, всякая дѣла управливаетъ и грамоты записываетъ; также и тотъ князь в. Александръ въ своемъ княженьи, а списалъ такову грамоту по чему ходити, на христіаньское добро, воленъ въ томъ. А что Денисій владыка въплелъся не во свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту, и язъ тую грамоту рушаю. А вы, дѣти мои, Псковици, ажь будеть преже сего ходили по той грамотѣ князя в. Александровѣ, а будеть то у васъ старина: и вы по той старинѣ и ходите; а что владычня грамота Денисьева, а ту грамоту пошлите ко мнѣ, да тое я самъ подеру: та грамота не въ грамоту. А что вписалъ проклятіе и неблагословенье патріарше, я то язъ съ васъ снимаю и благословляю васъ: то былъ суждальскій владыка, а дѣялъ то въ мятежное время, а патріархъ ему того не приказалъ дѣяти. А вы, дѣти мои, ходите по своей пошлинѣ, и по старинѣ суды судите; а кого виноватаго пожалуете ли, — волни есте, показните ли противу какое вины, — волни же есте; дѣйте по старинѣ, чисто и безъ грѣха, какъ и всякій христіане дѣють. А милость божья на васъ и мое благословенье.

А дана грамота въ В. Новѣгородѣ, м. маія 12, индикта 3, въ лѣто 6903.

(*А. Истор. I, № 10. стр. 18*).

132. Отдѣленіе Кіевской митрополіи.

Въ лѣто 6922 (1414). Фотій м-тъ, понеже по обычаю живяше въ Москвѣ, да ни же многія отъ рускихъ священниковъ взымаше, въ сіе лѣто хотѣ пойти презъ Литовскую землю во Цариградъ, и выбираше дани обычныя у священниковъ; Витолтъ же не любяше сего, еже изъ его княжества дани во ину область износятъ, и разгнѣвався на Фотія м-та, и повелѣ его зо всего ограбити и ни съ чимъ на Москву отпустити.

Въ лѣто 6923 (1415). Витолтъ, в. кн. литовскій, видя яко св. Софія, стодная церковь митрополія, не имущи государя, аки вдова осиротѣвшая, красоты своея лишенна естъ, такожде и во всей митрополіи кіевской строенія нѣсть, а митрополитове пришедши зъ Москвы о семъ токмо пекутся, еже обрѣтше што красно въ Софіи себѣ взяти, такожде и дани отъ священниковъ и иныхъ христолюбецъ собравши въ Московскую землю съ собою отнести, и сожалѣ о томъ, еще же размысли и се, да не умаляется богатство въ землѣ Руской: и сего ради повелѣ собратися на соборъ всѣмъ епископомъ и ихъ священному клиру. Собравшежеся, по повелѣнію его, епископы всѣ: Исаія Чернѣговскій, Ѳеодосій Полоцкій, Діонисій Луцкій, Герасимъ Володымерскій, Харитонъ Холмскій, Евѳимій Туровскій, и прочіи священници и бояръ множество, имъ же рече Витолтъ: поставите себѣ митрополита въ моей державѣ, си есть въ Кіевѣ, по прежнему обычаю; аще бо и инной вѣры азъ есмъ, но жалѣю опустѣнія и обнищанія вашой митрополіи кіевской въ моей державѣ, понеже московскіе митрополитове не пекутся вами, токмо приходами отъ васъ« и проч. яже выше; аще ли же не хощете поставити себѣ здѣ м-та, а потомъ кто пойдетъ къ м-ту въ Москву, относя казну зъ моея державы во ину область, смертію умретъ«. Они же видяще доброе желаніе князя, повинушася повелѣнію его, и согласившеся всѣ епископы, и весь освященный соборъ, и всѣ бояре, избраша себѣ на митрополію благоговѣйна мужа Григорія Цемивляка (*Семивлаха*). А Витолтъ посла грамоту моленія отъ всѣхъ епископовъ и отъ себе ко святѣйшему патіарсѣ Каллисту, да благословитъ поставити инаго м-та Кіеву, написа же и вины, почто не хощетъ м товъ московскихъ; св. же патріархъ Каллистъ не хотѣ, да смятеніе будетъ во православныхъ, благослови Руси посвятити себѣ Григорія на митрополію кіевскую, его же посвятиша (*соборомъ епископовъ*) благословеніемъ патріаршимъ, ноября 15. И оттолѣ начаша быти два м-ты, единъ въ Кіевѣ, а другій въ Москвѣ.

(*Густынс. лът. 353*).

133. Посланіе м-та Московскаго Фотія въ Кіевъ 1417.

Яко той мятежникъ церковный Григорій Цамблакъ зовется митрополитомъ кіевскимъ, и поставленъ есть отъ неправеднаго сборища въ литовьскомъ Новѣгородцѣ, не избраніемъ св. отець, не испытаніемъ съборнымъ, не разсужденіемъ правилнымъ, ни рукоположеніемъ патріархъ, ни по преданію церковному; но паче мучительски самозаконно поставленіе его сдѣявше, якоже въ сонномъ привидѣніи играюще, проявленіи си спѣшать гнусніи, меръскаго оного поставляють, въ

священную одежду непотребнаго несвященнѣ одѣвають, еже достоинъ възгласивше ему, иже многаго студа и лукавьства достойнаго, но мірьскими властьми и по хотѣнію своему и желаніе обрѣте, на пребывающаго мене, м-та, по достоянію въ животъ. Яже о немъ первѣе явлена быша на сборѣ въ Цариградѣ, елико смущеніе створи на христову церковь, отъ святѣйшаго вселеньскаго патріарха Евѳимія и божественнаго и священаго всего сбора изверженъ бысть изъ сану, отъ поновьства и проклятъ.

Сего ради божественый и священный сборъ по случаю събрався, божественыя и священнѣйшія и всечестнѣйшія святители, м-ты и съ симъ боголюбивіи епископы, и судомъ сихъ общимъ имѣемъ сего Цамблака, по божест. священ. правиломъ, извержена и отлучена и проклята; такожде и тѣхъ епископъ его сборища, неподобнаго, яко осужденныхъ имѣемъ ихъ, якоже бо не по повелѣнію явившася божест. правилъ, но досадители и преслушатели, отметніи симъ явившася, отъ единаго по достоянію съгласія лишишася отъ божеств. съборныя и апостол. Христовы церкви, именующеся святители безъ разсужденія святаго великаго патріарха, но отъ мірьскаго зачала святительство пріяша. И како то сътвори оканный си Цамблакъ, кто же убо имѣеть его священникомъ и съпріобщается ему, или благословеніе его пріимаеть, аще епископъ буди, или священникъ, или кто мірьскій человѣкъ, имѣемъ того извержена и проклята: пріобщаяйся не пріобщенному, и самъ той не пріобщенъ будеть. Вамъ же и всѣмъ вашимъ, елици не пріобщишася безаконному сему дѣлу, отъ безаконнаго сего Цамблака, въ всемъ никако пріобщаеми будите, гнушающеся его яко несвященна, но осквернена. Аще и пишеть къ вамъ, и непріятно буду вамъ писаніе его; аще и присылаеть къ вамъ како, и слова ему не дадите отъинудь, понеже то погубленіе принесется душамъ вашимъ; и который убо руконолаганъ отъ него, рекше поставленъ, и познаете его, имѣйте его извержена, яко того самого Цамблака, и сихъ его и все, еже онъ сътворилъ и сътворить, имѣйте дѣло то, якоже не бысть. Услышите вси, иже любве съ ними творяще! Како убѣжати вамъ отъ гнѣва грядущаго на нихъ? или съ ними съдворяющеся и съоскверняющеся въ пищи, или въ питіи, или въ любовнѣ дружбѣ! Како смѣете приступити къ божественнымъ и страшнымъ тайнамъ христовымъ? И молю вашю любовь православныхъ крестьянъ, еже не сходитися вамъ съ тѣми ни въ которомъ дѣйствѣ, ни въ пищи, ни въ питіи, ни во дружбѣ ни въ обѣты, ни въ мирѣ, ни въ любви; понеже который сходяйся съ ними, чюжда себе творить церкви божіи. А милость божія и наше благословеніе да будеть со всѣми православными крестьяны.

(*П. С. Лѣт. IV, 116—117*).

Фотій м-тъ кіевскій. Приб. къ Твор. св. О. 1852, 2. Ист. Рус. Словес. Шевырева. III. Обзоръ дух. Литер. 86—89 Григорій Цамблакъ. Тамъ же 89—94. Изв. Акад. VI. Пасхая была ему дана 1458 г П Собр. Лѣт. VI, 319—320. Его поученія. Правосл. Собес.

134 Поученіе владыки Саміона Псковичамъ 1418.

Вы благородніи и честноявленіи мужи! Вѣдуще се, яко елико кто честь воздаеть своему святителю, та же честь самому Христу приходить, отъ него же чающе мзду пріяти сторицею и жизнь вѣчную наслѣдити: такожде, сынове, честь воздавайте своему святителю и отцемъ вашимъ духовнымъ, наставникомъ вашего спасенія, всяцѣмъ покореніемъ и любовію, не пытающе отъ нихъ ничтоже, ни вопреки

глаголюще наставнику своему отцю; но смотрити самому себѣ и своего спасенія, въ послушаніи и въ наказаніи отца своего духовнаго и во смиреніи, о себѣ же никакоже не мудрьствовати, ни выситися, но аки православныя крестьяны, живущая подъ закономъ божіимъ; да чтобы есте церковь божію не обидили, занеже церковь божія не обидима бываетъ ни отъ кого же, ни кимъ же. И вы бы, дѣти, въ церковное не въступалися ни вочтоже, елико изначала епископіи потягло, при преждебывшихъ архіепископѣхъ новгородцкихъ, по правильному извѣщенію, въ домъ божій св. Софѣя, въ земли, и въ воды, и въ суды, и въ печать, и во всѣ пошлины церковныя; или будетъ кто въ церковное во что въступился, и вы бы есте, чада, того съступили, а съ своей души свели, по указаннымъ церковнымъ правиломъ не ожидая на ся богословныя вины, по правилу св. отець.

(*П. С. Лът. IV, 118*).

135. Благословенная грамота м-та Фотія иноку Павлу Обнорскому ок. 1420 г.

Благословеніе Фотія, митрополита всея Руси священническому всему и иноческому чину и всякому купно чину же возрасту православному. Вѣсте, еже изъ начала начальственаго всяко ухищреніе лукавьственое и попущеніе есть отъ супостата врага дьявола на родъ человѣческый, паче же того коварьствъ и многыхъ сѣтей пропинаемыхъ на родъ человѣческый, убійствомъ и татбами и иными таковыми Богу оттуждаемыми мерзостьми, и всѣми таковыми далече отъ Бога сътворяя душа человѣческая и кровь погыбели низпоревая: и се убо оттуду древлѣ, вѣсте, коликымъ ухищреніемъ того общаго врага дьявола, ради лакомьства, прототца нашего Адама на преслушаніе введе и изъ рая изгна; того же паки врага сѣтми и коварьствы, и Каина подвиже на убійство Авелево; и по семъ того же супостата врага ухищреніемъ, Іуду отъ лика апостольска отлучи и на предательство его введе, еже сребролюбья ради Творца небу и земли Іюдѣемъ прода; и по сихъ многочислены суть сѣти его, пропинаеми на родъ христіяньскій, всякими прелестьми и мерзостьми душа человѣческая отлучая. И такожде и нынѣ, того сѣтми и запятіемъ и ухищреніемъ, подкратъ ума нѣкоторого, ведучи въ погыбель человѣка того, и на то взятье дерзновеніе пріиде, и церкви божіей скровенное взятъ; и многа истязаемыхъ не искупи, ни повѣда. И о семъ убо наше смиреніе, съ молитвою и съ благословеніемъ, тако пишемъ: кто будетъ тое съкровище въсхитилъ, да не презритъ слезящаго о немъ, и благословляю, да повержютъ взятое въ церкви божіей и безо всякаго зазора; аще ли сего писанья нашего нерадити начнетъ и не повержетъ, и азъ смиренный, тако имѣя власть отъ Духа св. еже вязати и рѣшати, имѣю того подъ запрещеніемъ и тягостію церковною и отлученіемъ, подъ своимъ неблагословеніемъ, дондеже татекрадьственное пріобрѣтенье повержетъ рыдающему по немъ и възвратитъ погубившему, и тако пріиметъ отъ Господа Бога милость и его пречистыя матере, а отъ нашего смиренія свободу разрѣшеніемъ прощеніе о сдѣянныхъ злыхъ его.

(*А Истор. I, № 257*).

136. О Сидорѣ митрополитѣ.

Въ лѣто 6945 (1437). Пріиде изъ Царяграда на Моску м-тъ Сидоръ, въ вторникъ свѣтлыя недѣли по Велицѣ дни, и пріатъ его князь вел. честно; онъ же сый подстрекаемъ бысть сатаною, и помалѣхъ временехъ своего пришествіа начатъ

дръзновенно тщатися къ соборному путишествію; и повѣдаше нынѣ, яко быти въ Римстей земли събранію 8-го събора, мятежа ради и разскола, еже Гречестей вѣрѣ съ Римскою, о растворѣніи св. тѣла и крове божіа на св. жрътвеницѣ, еже въ кисломъ хлѣбѣ раствореніе даждь и въ пресноцѣхъ, и прочее о св. Дусѣ, и тако нарицашеся прежній исходатай събору тому. Благовѣрный же вел. кн. Василій Вас., Богомъ вразумѣваемъ, глаголаше ему, да не поидетъ на съставленіе 8-го събора латынского, ниже съблазнится въ ересѣхъ ихъ, и възбраняше ему о сихъ; къ сему же повелѣ и еще глаголати ему, яко да останется таковые мысли съвръшати, и много глаголаше ему, и не послушаше сицевыхъ, но яко неистовъ ся дѣяше. И посемъ ркоша ему: «вѣси ли, отче, заповѣдь св. правилъ св. Отець, якоже о сихъ богоносніи Отци св. 7-й съборъ съвръшивше и въ св. правилѣхъ уставъ и божественный законъ св. апостолъ весь положивше, и св. вѣру православіа запечатлѣша проповѣдію Отца и Сына и св. Духа, чтуще св. Троицу, едино божество не раздѣлимо; о 8-мъ же съборѣ съставляющихъ проклятію предаша, и анафема ихъ нарекоша, и съ еретики ихъ отлучиша единослужно Богу спротивиаа дѣлающихъ». Онъ же сихъ никакоже послушати можаше. Благочестіа же ревнитель и споспѣшникъ истинѣ, благовѣрный кн. в. Василей Вас., сицеваа рече къ нему: «О, Сидоре, дерзновенно дѣеши, въ латынскую землю идешь, и съставленіе 8-ю събора повѣдаеши, его же отрекоша св. отци; нынѣ же аще и не останешися мысли своея, то буди вѣдаа, егда възвратишися оттуду къ намъ, то принеси къ намъ изначальственѣйше благое съединеніе, нынѣшнее въсіавшее въ насъ благочестіе и уставъ божественаго закона и правленіа св. церкви». Онъ же зѣло тяжкую о сихъ клятву на ся положи, рекуще, яко ничтоже странна и чюжа не принести отъ Латынь въ Русскую землю съ 8-го ихъ събора, но ятся, рече, крѣпцѣ стояти о православіи и по св. правиломъ побарати о благочестіи; лжесловесіе бо глаголаше сіа, скрываа мысль злую въ сердци своемъ, хотя съвратити люди божіа съ истиннаго пути св. вѣры и съединити къ Латыномъ, мнѣвъ себе единаго мудрѣйша всѣхъ. Егда же пріиде Сидоръ въ Нѣметцкую землю до града Юрьева (*Дерпта*), живущіи же въ немъ людіе православіа и вси священници съ честными кресты изыдоша срѣсти его; Латыни же и Нѣмцы крыжь ляцкый (*польскій*) изнесоша противу ему, почести его ради. Онъ же преступивъ тяжкую свою клятву, ею же клятся о благочестіи великодръжавному си (*своему*) государю Василію Вас. всея Русіи, по реченному пророкомъ: «яко забы Бога спасающаго й«,—преже бо и възрѣ, и поклонися, и притече, любезно цѣлова и знаменася крыжемъ лятцкимъ, и по сихъ пріиде къ св. крестомъ православіа, послѣдоваше же и провожаше и чтяше крыжъ латынскій, иде съ ними до костеля, сирѣчь до церкви ихъ, на о св. крестѣхъ православіа не брежаше, ни провожаше. Видѣвъ же сіа боголюбивый епископъ Аврамей суждальскій, и вси на томъ пути бывшеи съ нимъ христіане православіа, еже таковаа нечестіа отъ него св. крестомъ бываема, въ томъ часѣ ужасомъ зѣло вси одръжими бѣша; зане бо еще не дошедъ Рима таковаа богоотступнаа дѣлаше. И по сихъ пріиде Сидоръ въ область римскую, въ градъ нарицаемый Ферару, идѣже тогда богоотметный суемысленый 8-й съборъ папа римскій Еугеніе съставляше въ 6947 лѣто м. сентября.

Далѣе подробно изложена исторія флорентинскаго собора, на которомъ Исидоръ согласился соединиться съ латинами).

Увы прелести сіа пагубныя! увы съединеніе мрѣзости Греческому православію!

како убо имѣста свѣта животнаго мракъ тмы вмѣняется, како ли вѣра благочестіа къ латыномъ приложися; царь же и патріархъ (*греческіе*) православіа въ прелести латынскихъ ересей впадошася, въ сѣти злата увязнувше погибоша Сидоровымъ оболганіемъ, злато пріемше отъ Бога отлучишася и съ латынею съединишася. Что убо, царю въ латынехъ доброе увидѣлъ еси? Не сіа ли есть почесть въ нихъ божіей церкви, еже възвысять въ ней гласы своя яко безумни, и многъ кличь и плищь и зѣло великъ въпль пѣнія ихъ; или се есть красота ихъ церковная, еже ударяютъ въ бубны, въ трубы же и въ арганы, руками плясуще и ногами топчюще, и многіа игры дѣюще, ими же бѣсомъ радость бываетъ; се ли есть смиреніе и благочестіе въ св. церкви, еже папа ихъ *клечитъ* на колѣну свою, и опрѣсночнаа приноситъ и въ рукавицахъ служитъ, и перстни на рукавицахъ носитъ, такоже и арцибискупи и бискупи и учители ихъ творятъ, и капланове ихъ клечатъ, такоже и вси Ляхове и весь латынскій родъ, мужска полу и женска, маліи же и велиціи, вси падающе на колену клечятъ до скончаніа богомрѣскаго ихъ пѣнія; тако бо и Жидове сътвориша ругающися Христу Богу нашему, еже на святыхъ его страстехъ претерпѣ отъ нихъ досаду и поношеніе; сіи же къ тому еще яко наругахуся образу господню: учители ихъ, церковніи служителіе, постризаютъ брады и усы своя ревнуюши женскому зрѣнію, рькуще же сице блядословствуя: тако добро есть къ святыни приступати; а идѣже служатъ и пріобщаются, ту и вси ихъ съ ними ходятъ. Имъ же свѣтуя похваляше таковаа Сидоръ злочестивый, и того ради отъ папы Сидору пріемшу почесть велію; и тако идущу ему отъ Рима въ путь свой на рускую митрополію, и приспѣ въ градъ нарицаемый Будинъ, м. марта въ 5 день, и оттуду послашу ему своя писаніа въ Лятцкую, и Литовскую, и Нѣмецкую землю и на всю Русь православнаго христіанства, сице пиша: »Исидоръ, милостію божіею, пресвященный архіепископъ кіевскій и всея Русіи, легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдалища лятцкаго и литовскаго и нѣмецкаго, всѣмъ и всякому христовѣрнымъ съ прибавленіемъ вѣры своея вѣчное спасеніе въ Господа. Възрадуйтеся и възвеселитеся вси нынѣ, яко и церковь въсточная и западная, коликое время раздѣлени быша и едина къ единей враждебны, а нынѣ истиннымъ соединеніемъ съединишася въ изначяльственнѣйшее свое съединеніе, и въ миръ, и въ единачество древнее безъ всякого раздѣленіа« и проч...

Пріиде Сидоръ на русскую землю (1440), въ богоспасаемый градъ Москву, къ благочестивому и благовѣрному в. кн. Василію Вас., скрывая прелесть латынскія въ себѣ ереси, еже изнесе на истинное православіе; и тако почесть свою латынскаго обычая бѣсованіа гордости въскорѣ являетъ, имь же хотя величатися, еже странно и чюже есть отъ православныя вѣры, еже не достоитъ творити вѣрнымъ: преже убо въ посланіи грамотъ своихъ звашеся легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдалища лятцкаго же, и литовскаго, и нѣмецкаго, а предъ собою повелѣваше носити крыжь латынскій да 3 палицы сребрены, про честь фряскаго си права. Егда же въ молитвенныхъ реченій св. службы и вмѣсто св. патріархъ вселенскихъ поминаетъ въ прьвыхъ и блажитъ Еугеніа папу римскаго, ему же бо на златѣ отдаде св. вѣру Греческаго православіа; по скончаніи же св. службы повелеваетъ Сидоръ, вшедъ на амбонъ, чести велегласно грамоту 8-ю суемысленаго събора отреченнаго, въ ней же написано есть богомърско и богоотступно, еже суть латынскія прелести: раздѣляюще св. Троицу, глаголюши, яко Духъ св. отъ Отца исходитъ, Духъ же и отъ Сы-

на, и опрѣсночнаа мудрьствующе съединиша ркуще, яко въ безквасньмъ и квасньмъ хлѣбѣ Тѣлу Христову сътворится достоитъ; а о усопшихъ сице есть писано: иже въ истинней вѣрѣ и исповѣданіи божіи съ смиреніемъ конецъ пріяша, и покаанія плодъ не доспѣша принести о съгрѣшеніихъ своихъ, о нихъ же имъ духовніи отци заповѣдаша, и таковіи очищеніемъ мукъ очистятся по смерти;—но вся убо сицева собою мудрьствующе съдѣлаша, прелести ради истинныа вѣры православіа, еже бы прельстивъ отлучити христіанство отъ божественнаго закона. И тако о всѣхъ сихъ бывшихъ дѣлехъ ихъ и самъ Еугеній папа римскый посла свое съ нимъ написаніе къ благовѣрному в. к. Василію Васил. (*За тьмъ слѣдуетъ грамота папы*).

Сіа же вся услышавъ в. князь, и яко узрѣ бываемаа грамота ихъ сумысленнаго събора укрѣпленіа и услышавъ, по изреченіемъ словесъ его, въпрьвыхъ папино помяновеніе имени, и позна Сидора влъкохищнаго ересь, и тако не пріатъ благословеніа отъ руки его и *латынскымъ ереснымъ прелестникомъ* нареченъ его, и скоро обличивъ посрами его и вмѣсто пастыря и учителя *влъкомъ* назва его, и скоро повелѣ съ митрополскаго стола съврещи его, яко безумна прелестника и *отступника* вѣры, и повелѣваетъ пребыти ему въ монастыри, дондеже обыщетъ о немъ по божественнымъ священнымъ правиламъ св. апостолъ и богосъставныхъ седми съборовъ св. Отець, и тако истиннымъ судомъ правды предъ

архіепископы и епископы земель своихъ и предъ всѣми зборы священныхъ обличитъ сущее въ злыхъ ересехъ бывшее дѣло его, яко да усрамится таковыхъ и отложитъ ересная дѣла своя, и повинется и покается, и милость получитъ. Сидоръ же злаго яду насытився, никакоже отригнути моги и ни мала времени пождати не стерпѣ, срама ради обличенія своего о злыхъ сихъ ересѣхъ латынскихъ, еже дѣлаше; и тмою своего безвѣріа облъкся, нощію *бездверіемъ* ишедъ, татьствомъ, бѣгу ятся, и съ ученикомъ своимъ съ чернцемъ зъ Григоріемъ, и тако (*убѣжалъ съ Москвы къ Твери, а оттолѣ къ Литвѣ да и къ Риму*) бѣжаша къ Риму, отнюду же пріидоша и злыя латынскіа ереси изнесоша, (къ папѣ своему злочестивому, діаволомъ водимъ къ своей ему погибели). Богоразумный же благочестіа дѣлатель, благовѣрный в. кн. Василей Вас., никакоже не посла по немъ възвратити его, ни всхотѣ удръжати его, яко несмыслена суща и богомръска, да не приступятся грѣсѣ его; зане бо святаа правила божественаго закона св. апостолъ повелѣваютъ таковаго церкви развратника огнемъ съжещи, или живаго въ земли загрести.

(*П. С. лѣт. VIII, 100—109*).

Объ исключительномъ и свѣтскомъ значеніи римско-католической церкви и вредномъ ея вліяніи на развитіе славянъ см. «Ист. Балт. Слав.» *А. Гильфердинга* 1853. 298. О сношеніяхъ папъ съ Россіею *Н. А. Иванова*. Уч. Зап. Каз. Унив. 1842. кн. IV.

Б. ЛЕГЕНДА.

137. Построеніе Варяжской божницы.

Въ лѣта благочестивыхъ в. князей нашихъ рускихъ, живущимъ Новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ мирѣ и совокупленіи, прислаша Нѣмци отъ всѣхъ 70 городовъ посла своего, биша челомъ архіеп новгородскому, и посадникомъ, и тысяцкимъ и всему В. Новгороду, глаголюще: »милые наши сосѣды! дайте намъ мѣсто у себя, посреди В. Новагорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣрѣ и обычаю«. И Новгородци отмолвиша имъ рекуще: милостію божію и его пречистыя Богоматеря, и отца нашего господина архіепископа благословеніемъ и молитвою, у насъ въ вотчинѣ господы нашен в. князей рускихъ, въ В. Новгородѣ, стоятъ всѣ церкви православные наша вѣры христіанскіа, ино кое причастье свѣту ко тьмѣ, такожъ и вашен божницы быть какъ въ нашемъ градѣ? Бѣ же тогда посадникъ степенный Добрыня именемъ, и Нѣмци слышавше жестокій отвѣтъ отъ архіепископа и отъ всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ, и дана ему посудъ великъ *(взятку большую)*. О семъ бо и Соломонъ рече: »всѣ послушаютъ злата«. Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими совѣтники повелѣ Нѣмцомъ говорити старостамъ купецкимъ и купцемъ новгородскимъ: —толко нашей божницѣ храму св. верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у васъ въ В. Новѣгородѣ, и то вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ не быти же.—И то слышавше старосты купецкіе и всѣ гости новгородскіе, начаше бити челомъ господину своему, отцу архіепископу и всему В. Новуграду, рекуще: »пожалуйте, поволите Нѣмцомъ поставити ропату *(божницу, церковь)* по ихъ обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте гдѣ полюбятъ; зане же не будетъ ихъ божницы здѣ, ино нашимъ церквомъ у ихъ не быти«. Тажъ и посадникъ Добрыня за старостъ и за гости начатъ говорити: »только не будетъ нашихъ церквей по нѣмецкимъ городомъ, ино нашимъ гостемъ новгородскимъ велми будетъ нужно«,—и архіепископъ и новгородци послуша *(ша)* посадничя совѣта и гостей своихъ челобитья, поволиша Нѣмцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично; и Нѣмци избраша себѣ мѣсто посреди града въ торгу, гдѣ стоитъ церковь древняго св. Іоанна Предтечи. Посадникъ же Добрыня, ослѣпленъ мздою и наученъ діаволомъ, повелѣлъ церковь св. Предтечи снести на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ Нѣмцомъ; Предтеча жъ господень не терпя вражія навѣта, и его злаго совѣтника; что испоругалъ святый его храмъ мзды ради; въ нощи убо той услыша пономарь тоя церкви Предтечевы гласъ глаголющь ему: »заутра на 3-мъ часу дневномъ иди на Великій мостъ и повели новгородцемъ смотрити Добрынина посадничья чюда«. И пономарь заутра возвѣсти Новгородцемъ, якоже слыша, и абіе стекошась множество народа на Великій мостъ видѣти, что хощетъ быти. И какожъ поѣха посадникъ Добрыня съ вѣча къ своей улицѣ чрезъ Волховъ въ насадѣ съ людьми своими—и внезапу пріиде вихрь, и вземъ насадъ, вознесе на высоту, яко болѣ дву саженей и удари оводу, и ту потопе посадникъ Добрыня ко дну, а прочихъ всѣхъ перенмаша въ судѣхъ въ малыхъ перевозники, и тако неводы, мрежами и ужи едва възмогоша вывлеци тѣло его изъ рѣки; за свое же лукавство, неполучи и погребенія, яже есть обычай православнымъ. Сіи ми повѣда игуменъ Сергій Островскаго монастыря отъ св. Николы, отецъ Заикхіевъ, нынѣшняго игумена Хутынскаго.

И якоже сверъшиша Нѣмцы ропату свою, и наяша иконниковъ новгородскихъ, и повелѣша имъ написати образъ Спосовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣй странѣ въ верху, на прелесть христіяномъ и на соблазнъ,— и якожъ написаша иконописцы образъ Спасовъ на ропатѣ, а архіепископа недоложа, и открыша покровъ, и абіе вскорѣ томъ часѣ пріиде туча съ дождемъ и съ градомъ, и выбило градомъ и мѣсто то, идѣже бѣлъ написанъ образъ Спасовъ, и левкасъ *(краска)* смыло дождемъ, яко же неявитись ни знаменію *(ни знаку не осталось)*.

(Пам. стар. рус. лит. 1, 251—253).

Легенда эта составилась уже по образованіи союза ганзейскихъ городовъ, слѣдов. гораздо позже дѣйствительнаго построенія варяжской божницы (римско-католической для прибалтійскихъ торговцевъ), существовавшей въ Новгородѣ въ XII в. Тогда же была и русская церковь на Готландѣ, главномъ центрѣ балтійской торговли. *(Сѣверно-рус. народопр. Н. И. Костомарова).*

2. ВЛАСТЬ СВѢТСКАЯ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

138. Отношенія св. Владиміра къ дружинѣ.

Въ 996 г. створи (*Владиміръ*) праздникъ великъ, варя 300 проваръ меду, и съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздая убогымъ 300 гривенъ. Праздновавъ князь дній 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица, и ту пакы створяще праздникъ великъ, сзывая безчисленное множьство народа. Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою Еуангелье чтомо: блажени милостивіи, яко ти помиловани будуть, и пакы: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ, и пакы: не скрывайте собѣ скровищь на земли, идѣже тля тлить и татье подъкопываютъ, но скрывайте собѣ скровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлить, ни татье крадуть. И Давыда глаголюща: блаженъ мужъ милуя и дая. Соломона же слыша глаголюща: вдаяй нищему, Богу взаимъ даеть. Си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яданье, и отъ скотьниць кунами (*изъ кладовыхъ деньгами*). Устрои же и се, рекъ: »яко немощніи и болніи не могутъ долѣзти двора моего«. Повелѣ пристроити кола (*тельги*); въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другыхъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: »кдѣ болніи и нищь, не могы ходити«? тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы твориште людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: »зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревьяными лъжицами, а не сребряными«. Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице: »яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра«. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ.

(*П. Собр. Лѣт. I, 54*).

Сравнить описаніе лѣтописное съ изображеніемъ былинъ угощеній в. кн. Владиміра.

139. Отношеніе Новгорода къ князю.

Въ лѣто 6644 (1136). Новгородци призваша Псковичь и Ладожанъ, и сдумавше яко изгонити князя своего Всеволода, и всадиша й въ епискупль дворъ со княгинею и съ бояры и съ тещею, мая въ 28, и сторожи стрежаху день и нощь по 30 мужь со оружіемъ; и сѣдѣвъ два мѣсяца, и пустиша й изъ города, а Володимера сына его пріяша. А се вины его твориху: »1-е не блюдеть смердовъ; 2-е чему хотѣлъ еси сѣсти въ Переяславлѣ? 3-е ѣхалъ еси изъ полку напредъ всѣхъ, а отъ того много ны потяты (*убиты*); и велѣлъ ны ко Всеволодку приступити, а пакы отступити велитъ«.—И не пустиша его, донелѣже инъ князь будетъ. И пріиде Новугороду князь Святославъ Олговичь изъ Чернигова отъ брата Всеволодка; и Всеволода выгнаша Новгородци отъ себе, онъ же пріиде къ стрыеви своему Ярополку въ Кіевъ, и дá ему Вышегородъ, и сѣдѣ ту лѣто едино.

(*1 Софійс. 157*).

140. Убіеніе кіевскаго князя Игоря въ 1147 г.

Изяславъ посла Кіеву къ брату своему Володимиру и къ митр. Климови; и къ Лазореви тысячкому, и рече имъ: »созовите Кіяны на дворъ къ св. Софьи, ать (*пусть*) мой посолъ молвить рѣчь мою къ нимъ, и скажеть льсть черниговьскихъ князій«. Кіяномъ же всимъ сѣшедшимся отъ мала и до велика къ св. Софьи на дворъ, въставшемъ же имъ *въ вѣчи*, и рече имъ Изяславль посолъ: »цѣловалъ вы князь свой: язъ бяхъ вамъ явилъ, се думалъ есмъ со братомъ своимъ Ростиславомъ, и съ Володимиромъ, съ Изяславомъ Давыдовичема, пойти на стрыя своего на Гюргя, и васъ есмъ съ собою вабилъ (*манилъ, звалъ*); и вы мнѣ есте река (*говорили*): не можемъ на Володимире (*мономаха*) племя рукы възняти (*поднять*) на Гюргя, но еже на Олговичи, хотя и съ дѣтми идемъ съ тобою; се же вы являю: се Володимеръ Давыдовичь и Изяславъ, и Всеволодичь Святославъ, ему же азъ много добра створихъ, цѣловали ко мнѣ крестъ, нынѣ же цѣловали потай (*тайно отъ*) мене хрестъ къ Святославу Олговичу, а къ Гюргеви ся послали, а надо мною лесть учинили, хотѣли мя любо яти, любо убити про Игоря, но Богъ мя заступилъ и хрестъ честный, его же ко мнѣ чѣловали; нынѣ же, братье Кіяне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, пойдите по мнѣ къ Чернигову на Олговичь, доспѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣетъ конь, кто ли не имѣеть коня, а въ лодьи, ти бо суть *не мене единого хотѣли убити, но и васъ искоренити*«.—Кіяне же рекоша: »ради, оже ны Богъ тебе избавилъ отъ великія льсти братью нашю, идемъ по тебѣ и съ дѣтми, якоже хощеши«.—И рече единъ человѣкъ: »по князи своемъ, ради, идемъ; но первое о семъ промыслимы, якоже и преже створиша при Изяславѣ Яросл., выскше Всеслава изъ поруба зліи они, и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему; а се Игоръ ворогъ нашего князя и нашь не въ порубѣ, но въ св. Ѳеодорѣ, а убивше того къ Чернигову пойдемъ, по своемъ князи; кончаимы же ся съ ними«.—Тоже слышавше народъ, оттолѣ пойдоша на Игоря въ св. Ѳеодоръ (*монастырь*). И рече имъ Володимиръ: »того вы братъ мой не велѣлъ, Игоря блюдуть сторожи, а мы пойдемъ къ брату, яко же ны велитъ«. Рекоша же Кіяне: »мы вѣдаемъ, оже не

кончати добромъ съ тѣмъ племенѣмъ, ни вамъ ни намъ, коли-любо«. М-тъ же възбраняше имъ и Лазарь тысяцкой, и Рагуйло Володимирь тясяцкой, како быша не убили Игоря. Они же кликнуша и пойдоша убивать Игоря, и Володимирь всѣдъ на конь погна, и народи идяху по мосту; онъ же не мога ихъ минути, уворотя коня на право, мимо Глѣбовъ дворъ, и въскорѣша (*предупредили*) Кіяне передъ Володимеромъ. Игорь же услышавъ, пойде въ церковь св. Ѳедора...

Они же устремишась нань, яко звѣрье свѣрьпіи, и похытиша его на обѣдни въ церкви св. Ѳеодора, и манотью на немъ отогроша. Онъ же рече имъ: »о законопреступници, вразѣ, всея правды христовы отметьници! почто яко разбойника хощете мя убити? Аще крестъ цѣловалѣ есте ко мнѣ, рекуще, яко имѣти мя собѣ княземъ, нынѣ уже и всего того не помянулъ быхъ, зане сподобилъ мя Богъ мнискый чинъ въспріяти«. Лукавый же нечестивый соборъ болѣ въпіяше, глаголя: »побейте, побейте!« И тако изъ свитки изволокоша, и онъ же вельми възгласивъ, рече: »о оканьніи! не вѣсте ся что творище, се бо творите невѣдиньемъ; аще и все тѣло мое наго оставите, нагъ бо изидохъ изъ чрева матери моея, и нагъ отъиду тамо«. И то ему глаголющю, и емше, повѣдоша изъ манастыря, и срете и Володимиръ въ вратѣхъ манастырьскихъ, и рѣче Игорь възря на нь: »охъ, брате, камо мя ведутъ«! Искочи Вилодимиръ съ коня, и огну и коръзномъ (*верхней одеждой*), река Кіяномъ: »братье моя! не мозите сего створити зла, ни убивайте Игоря«; и доведе и Володимиръ воротъ метере своея, и ту начаша Игоря убивати, и удариша Володимира бьюче Игоря. Михаилъ же видѣ то искочи съ коня, хотя помочи Володимиру. Володимиръ же вмча и во дворъ матере своея, Игоря хороня, и затвори ворота; бьюче же Михаила, отторгоша хрестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота. Толику же множеству убивающимъ Игоря, и пригна Володимиръ Мьстиславичь, искочи съ коня, паде на Игори, и тако Игорь въста, и вниде въ дворъ Мьстиславль; и тако людье яша Володимира и хотѣша убити про Игоря. И тако изъ народа стояще, и взрѣша Игоря вбѣгша въ Мьстиславль дворъ, и тако народъ двигнушася и выломиша ворота, и тако побиша. Игорь же побиваемъ рече: »Владыко! въ руцѣ твои предаю тебѣ духъ мой, прими въ миръ твой душю мою«. Безаконніи же, немилостивіи, побивше и отъинудь тѣло его наго оставиша и поверъзше ужемъ (*привязали веревку*) за ногы уволочиша: и еще живу сущу ему, ручающеся царьскому и священному тѣлу, и волокоша и съ Мьстиславля двора черезъ Бабинъ торжекъ на княжь дворъ, и ту прикончиша и. И тако скончаша Игоря князя, сына Олгова. Бяшеть бо добрый поборникъ отечьства своего, въ руцѣ божіи преда духъ свой, и съвлекся ризы тлѣньнаго человѣка, и въ нетлѣньную и многострастьную ризу оболкься Христа, отъ него же и вѣнцася въспріемъ мученія нетлѣнный вѣнечь. И тако къ Богу отъиде м. сентября въ 19, въ день пятокъ. И оттуда възложиша и на кола, и везоша и на Подолье, на Торговище; и повергоша поруганью безаконніи, несъмысленіи, ослѣпленіи очима своима, вѣдуще, яко мьститель есть Богъ и взищетъ крови неповиньнаго. Человѣци же благовѣрніи, приходяще, взимаху отъ крове его и отъ прикрова сущаго на немъ на тѣлѣ его, на спасеніе себѣ и на исцѣленіе, и покрываху наготу телесе его своими одежами. И повѣдаша Володимиру, яко поверженъ есть на торговищи; и посла тысячьского, и пріѣха видѣ повержена Игоря мертвого, и рече: »се уже Игоря есте убили, но Олговичь, Давыдовича и Всеволодичь, оже мыслили

на нашего князя зло, хотяче погубити льстью; но Богъ за нашимъ княземъ и св. Софія«. И повелѣ тысяцкой взяти Игоря, и вземше и положиша въ церкви св. Михаила. На ту ночь Богъ прояви надъ нимъ знаменіе велико, зажгосясь свѣчѣ вси надъ нимъ въ церкви той; наутрѣя же шедше Новгородци повѣдаша митрополиту, м-тъ же запрети, да никому же не повѣдять, но повелѣ потаити такую благодать Богу явльшю надъ нимъ. Суботѣ свитающи, посла м-тъ игумена Онанью св. Ѳедора; и пріѣха игуменъ, и видѣ нагого, и облече и, и отпѣ надъ нимъ обычныя пѣсни, везе на конець града въ манастырь св. Семеону (бѣ бо манастырь отца его и дѣда его Святослава), тамо положита.

(Ипат. Л. 32—34).

Въ объясненіе этого отрывка нужно замѣтить, что въ 1147 г. Кіевляне, по приглашенію своего князя Изяслава Мстиславича, рѣшили идти на Давыдовичей, которые только-что уличены были Изяславомъ въ измѣнѣ. Но одинъ человѣкъ сказалъ, что сторонники Игоря, врага Изяславова, въ отсутствіе ихъ, могутъ вывести изъ монастыря постриженнаго Игоря: вѣдь при Изяславѣ (1067 г.) злые люди вывели же Всеслава изъ поруба и много зла было городу, а изъ монастыря Игоря достать легче. »Кончимъ прежде съ нимъ, убьемъ его, а потомъ и пойдемъ къ Чернигову«. Кіевляне нашли совѣтъ основательнымъ и убили Игоря. Въ этой необходимости смерти Игоря высказалось опасеніе вѣча, какъ бы, въ отсутствіе приверженцевъ Изяслава, не усилилась партія Давыдовичей и въ противность только что состоявшемуся рѣшенію, оставшіеся въ городѣ Кіевляне не посадили на столъ опять Игоря, которому цѣловали крестъ въ предыдущемъ году.

141. Убіеніе Андрея Боголюбскаго.

Въ лѣто 6683 (1175). Убьенъ бысть в. к. Андрей Суздальскій, сынъ Дюрдевъ, внукъ Володимерь Мономаха, м. іюня въ 28-й день, канунъ св. апостолъ, день бѣ

тогда суббота. Создалъ же бяшеть собѣ городъ каменъ, именемъ Боголюбый, толь далече якоже Вышегородъ отъ Кыева, такоже и Боголюбый отъ Володимеря. Сый благовѣрный и христълюбивый князь Андрей отъ млады верьсты Христа возлюбивъ и пречистую его Матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко полату красну, душю украсивъ всими добрыми нравы; уподобися царю Соломону, яко домъ Господу Богу и церковь православну св. Богородица Рожества, посредѣ города, камену созда въ Боголюбомъ, и удиви ю паче всихъ церквій, подобна тоѣ Святая Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ...

Посемъ же иныи церкви, многы каменны постави различныѣ, и манастырѣ многи созда. На весь бо церковьный чинъ и на церковникы отверзлъ бяше Богъ сердецнѣ очи, не помрачи ума своего пьянствомъ, и кормитель бяшеть черньцемъ и черницамъ и убогымъ, и всякому чину, яко възлюбленый отець бяшеть, паче же милостынею бяше милостивъ; мужьство и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходиста, иного добродѣянія много въ немъ бяше, и всякъ обычай добронравенъ имѣяшеть: въ нощь въходяшеть въ церьковь и свѣщи възжигиваше самъ, и видя образъ божій на иконахъ написанъ, взирая яко на самаго Творця, и вси святѣѣ написаны на иконахъ видя, смиряя образъ свой, съкрушеномъ сердцемъ, и уздыханье отъ сердца износя и слезы отъ очью испущая, покаянье Давыдово пріимая, плачася о грѣсѣхъ своихъ, възлюбивъ нетлѣненая паче тлѣнныхъ и небесная паче временныхъ, и царство святыми у вседержителя Бога паче претекущаго сего царства земльного, и всею добродѣтелью бѣ украшенъ, вторый мудрый Соломонъ; бяшеть же и сю добродѣтель имѣя: веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное, больнымъ и нищимъ на потребу,

и вида всякого нища приходящаго къ собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако: »еда се есть Христосъ пришедъ испытать мене«? и тако пріимаше всякого приходящаго къ нему, яко же Христосъ заповѣда. Тѣмъ достойно отъ Бога побѣдный вѣнець пріялъ еси княже *Андрею* (*гречес. ангир—мужъ*), мужьству тезоимените, братома благоумныма святыма страстотерпцема въслѣдовалъ еси, кровью умывся страданія ти; аще бо не напасть, то ни вѣнець, аще ли не мука, то ни дарове: всякый бо держася добродѣтели не можетъ бо безо многихъ врагъ быти. Князь же Андрей вражное убійство слышавъ напередѣ до себе, духомъ разгорѣся божественнымъ и нивочто же вмѣни...

Сей же боголюбивый князь не за друга, но за самого Творца, создавшаго всячьская отъ небытья въ бытье, душю свою положи. Тѣмъ въ память убьенья твоего, страстотерпьце княже Андрею, удивишася небеснїи вои, видяще кровь проливаему за Христа; рыдаеть же множество правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя, омрачнымъ звѣзду свѣтоносну помрачаему; оканеныѣ же убійцѣ огнемъ крестятся конечнымъ и сожигаеть всякого грѣха купину, рекъше дѣянья. Ты же, страстотерпьче, молися ко всемогущему Богу о племени своемъ, и о сродницѣхъ, и о землѣ Руськой, дати мірови миръ. Мы же на преднее възвратимся. Се же бысть въ пятницю, на обѣднїи, съвѣтъ лукавы и пагубоубійственный. И бѣ у него Якимъ слуга възлюбленый имъ, и слыша отъ нѣкого, аже брата его князь велѣлъ казнить, и устремися дьяволимъ наученіемъ, и тече вонія къ братьи своей къ злымъ съвѣтникомъ, якоже Іюда къ Жидомъ, тъсняся угодити отцю своему сотонѣ; и почаша молвити: »день того казнилъ, а насъ заутра; а промыслимы о князѣ семъ,« — и свѣщаша убійство на ночь, якоже Іюда на Господа. И пришедъши нощи, они же устремившеся поимавше оружья, поидоша на нь яко звѣрье свѣрьпїи; и идущимъ имъ къ ложници его, и прія ѣ страхъ и трепетъ и бѣжаша съ сѣнїй, шедше въ медушю (*погребъ*) и пиша вино; сотона же веселящеть ѣ въ медуши и служа имъ невидимо, поспѣвая и крѣпя ѣ, якоже ся ему обѣщали бяхуть; и тако упившеся виномъ поидоша на сѣни. Начальникъ же убійцамъ бысть Петръ Куцьковъ зять, Анбалъ Ясинъ ключникъ, Якимъ Кучьковичь, а всихъ невѣрныхъ убійцъ 20 числомъ, иже ся бяху сняли на оканьный съвѣтъ, томъ дни, у Петра у Кучкова зятя. Постигъши бо ночи суботнїи, на память святую апостолу Петра и Павла, вземше оружье, яко звѣрье дивїи, пришедшимъ имъ къ ложници, идѣже блаженый князь Андрей лежить, и рече одинъ стоя у дверій: »господине!« И князь рече: »кто есть?« И онъ же рече: »Прокопьи.« И рече князь: »о паробьче! не Прокопьи.« Они же прискочивше къ дверемъ, слышавше слово княже, и почаша бити въ двери и силою выломиша двери. Блаженый же вскочи, хота взяти мечь, и не бѣ ту меча, бѣ бо томъ дни вынялъ и Амбалъ ключникъ его: то бо мечь бяшеть св. Бориса. И въскочиша два оканьная и ястася съ нимъ, и князь поверже одиного подъ ся, и мнѣвше князя повержена и уязвиша и свой другъ; и посемъ познавша князя и бороухуся съ нимъ велми, бяшеть бо силенъ и сѣкоша и мечи и саблями и копїйныя язвы даша ему. И рече имъ: »о горе вамъ нечестивїи! что уподобистеся Горасѣру? что вы зло учинихъ? аще кровь мою прольясте на землѣ, да Богъ отомьстить вы и мой хлѣбъ«. Се же нечестивїи мнѣвша его убьена до конца, и възъмьше друга своего и несоша вонъ, трепещюци отъидоша; онъ же во торопѣ выскочивъ по нихъ, и начатъ ригати и глаголати въ болѣзни сердца, иде подъ сѣни. Они же

слышавше гласъ, возворотившася опять на нь. И стоящимъ имъ, и рече одинъ: »стоя видихъ яко князя идуща съ сѣней доловъ«; и рекоша: »глядайте его«; и текоша позоровати его, оже нѣтуть, идѣже его отошли убивше; и рекоша: »то ть есме погибохомъ, вборѣ ищѣте его«. И тако въжегъше свѣщи налѣзоша и по крови. Князь же узрѣвъ и идуща къ собѣ, и въздѣвъ руцѣ на небо помолися Богу, глаголя: »Господи! призри на немощь мою, и вижь смиренье мое и злую мою печаль и скорбь мою, одержащую мя нынѣ, да уповая терплю«.

И то ему глаголавшю и молившюся о грѣсѣхъ своихъ къ Богу, и сѣдящю ему за столпомъ въсходнымъ, и надолзѣ ищющимъ его: и узрѣша и сѣдяща яко агня непорочно, и ту оканьни прискочиша, и Петръ же отъня ему руку десную. Князь же възрѣвъ на небо и рече: »Господи! въ руцѣ твои предаю тобѣ духъ мой«; и тако усне. Убьенъ же бысть въ суботу на нощь. И освѣте заутра въ недѣлю, на память 12 апостолъ, оканьни же оттуда шедше убиша Прокопья, милостьника его; и оттуда идоша на сѣни, и вынмаша золото и каменье дорогое и жемчюгъ и всяко узорочье, и до всего любимаго имѣнія, и въскладше на милостьныѣ конѣ послаша до свѣта прочь; а сами въземше на ся оружье княже, милостьное, почаша совокупити дружину къ собѣ, ркуче: »ци жъ да на насъ пріѣдуть дружина володимирьская?« И скупиша полкъ и послаша къ Володимерю: »ти что помышляете на насъ? а хочемъ ся съ вами коньчати; не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же въ той же думѣ«. И рекоша Володимерьци: »да кто съ вами въ думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ«. И разидошася и вълегоша грабить, страшно зрѣти. И тече на мѣсто Кузмище Кіянинъ, оли нѣтуть князя, идѣже убьенъ бысть; и поча прошати Кузмище: »идѣ есть убитъ господинъ?« И рекоша: »лежить ти выволоченъ въ огородѣ; но не мози имати его, тако ти молвять неи, хочемъ и выверечи псомъ; оже ся кто пріиметь по нь, тотъ нашь ворожьбитъ есть, а и того убьемъ«. И нача плакати надъ нимъ Кузмище: »господине мой! како еси не очютилъ скверныхъ и нечестивыхъ нагубобійственьныхъ ворожьбитъ своихъ, идущихъ къ тобѣ, или како ся еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжая полкы поганыхъ Болгаръ«? и тако плакася и. И пріиде Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа, и надо всими волю ему далъ бящеть, — и рече възрѣвъ на нь Кузмище: »Амбале вороже: сверзи коверъ ли что ли, что постьлати или чимъ прикрыти господина нашего«. И рече Амбалъ: »иди прочь, мы хочемъ выверечи псомъ«. И рече Кузмище: »о еретиче! уже псомъ выверечи? помнишь ли, жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бящеть? ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить; но молютися, сверьзи ми что любо« — и сверже коверъ и корзно; и обертѣвъ и и несе и въ церковь. И рече: »отомкнѣте ми божницю«. И рекоша: »порини и ту въ притворѣ, печаль ти имъ«; уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: »уже тебе, господине, паробьци твои не знаютъ; иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ изъ Руской земли, и аче Латининъ, и до всего хрестьяньства, и до всеѣ погани, и рече: въведѣте и въ церьковь и на полати, да видять истиньное хрестьяньство и крестяться, якоже и бысть, — и Болгаре и Жидове и вся погань, видевше славу божію и украшеніе церковное, и тѣ болма плачють по тобѣ; а сіи ни въ церковь не велять вложити«. И тако положивъ и въ притворѣ у божници, прикрывъ и корзномъ; и лежа ту 2 дни и ночи. На третій день приде Арсеній игуменъ святою Кузмы и Демьяна, и рече:

»долго намъ зрѣвшимъ на старѣйшіе игумени и долго сему князю лежати? отомкнѣте божницю, да отпою надъ нимъ, вложимы и любо си въ буду, любо си въ гробъ, да коли престанеть злоба си, да тогда пришедъ изъ Володимеря и понесуть и тамо«. И пришедъше клироша не боголюбьскыи, и вземше и внесоша въ божницю, и вложиша и въ гробъ каменъ, отпѣвше надъ нимъ погребальное со игуменомъ Арсеньемъ. Горожане же Боголюбьци розграбиша домъ княжь, и дѣлатели, иже бяху пришли къ дѣлу, золото и серебро, порты и паволокы, имѣніе, ему же не бѣ числа; и много зла створися въ волости его, посадниковъ и тивуновъ домы пограбиша, а самѣхъ и дѣтскіѣ его и мечникы избиша, а домы ихъ пограбища, не вѣдуще глаголемаго: идѣже законъ, ту и обидъ много; грабители же и изъ селъ приходяче грабяху. Такоже и Володимери, оли же поча ходити Микулиця со святою Богородицею, въ ризахъ, по городу, тождь почаша не грабити.... Въ 6 день, въ пятницю, рекоша Володимерцѣ игумену Ѳеодолуви и Луцѣ дѣместьвенику святоѣ Богородицѣ: »нарядита носилицѣ, ать поѣдемъ возмемъ князя, а господина своего Андрея«; а Микулицѣ рекоша: «събери попы вси, оболокшеся въ ризы выйдѣте жъ передъ Серебреная ворота съ св. Богородицею, ту князя дождѣти«. И створи тако Ѳеодулъ игуменъ: св. Богородицѣ володимерьской съ крилошаны и съ Влодимерцѣ ѣхаша по князь во Боголюбое, и вземше тѣло его привезоша Володимерю, со честью, съ плачемъ великымъ. И бысть по малѣ времени, и поча выступати стягъ отъ Боголюбого: и людье не могоша ся нимало удержати, но вси вопьяхуть, отъ слезъ же не можаху прозрити, и вопль далече бѣ слышати. И поча весь народъ плача молвити: »уже ли Кіеву поѣха, господине, въ ту церковь, тѣми золотыми вороты, ихъ же дѣлать послалъ бяше той церкви на великѣмъ дворѣ на Ярославѣ, а река: »хочю создати церковь таку же, ака же ворота си золота, да будеть память всему отечьству моему«? — и тако плакася по немъ весь градъ. И спрятавше тѣло его, съ честью и съ пѣсньми благохвалными, положиша его у чюдноѣ хвалы достойноѣ у св. Богородицѣ Златоверхой, юже бѣ самъ создалъ. Се бо князь Андрѣй не вда въ животѣ своемъ тѣлу своему покоя и очима своими дремания, донелѣ же обрѣте домъ истины, прибѣжище всимъ христьяномъ, Царица небесныхъ чиновъ и Госпожи всея вселеныя, всякого человѣка и многими путьми ко спасенью приводящи. Якоже апостолъ учитъ: его же любить Господь, того же и казнить, и бьеть же всякого сына, его же пріемлеть; аще бо наказанья терните, яко сыномъ вамъ обрѣтается Богъ. Не постави бо Богъ прекраснаго солнца на единомъ мѣстѣ, а доволѣюща и оттуду всю вселенную освѣщати, но сотвори ему устокъ и полъдне и западъ: и тако угодника своего Андрея князя не приведе его къ собѣ туне, а могущаго таковымъ жьтіемъ и тако душю спасти, но кровью мученичьскою умывся прегрѣшеній своихъ, и со братома своима съ Романомъ и съ Давыдомъ единодушно ко Христу Богу притече, и въ райстіи пищи водворяяся не изреченьно съ ними, ихъ же око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку възыде, яко уготова Богъ любящимъ его тѣхъ благъ сподобився видѣти въ вѣки. Радуешися Андрею, княже великый, дерзновенье имѣя ко всемогущему и богатыхъ богатѣйшему, на высокыхъ сѣдящему Богу, молися помиловати братью свою, да подасть имъ побѣду на противныѣ и мирную державу и царство честьно и многолѣтно, во вся вѣки вѣковъ, аминь.

(*Ипат. II, 111—116*).

Князь Андрей Юрьевичь Боголюбскій *М. Погодина*. М. 1850.

142. Обращеніе къ князьямъ.

Васъ молю, стадо христово, съ любовію, приклоните ушеса ваша разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, и како отбараняху русьскыя земля, и иныя страны пріимаху подъ ся. Ти бо князи не сбираху многа имѣнія, не творимыхъ виръ (*судебныхъ денежныхъ взысканій*), ни продажь въскладаху на люди; но оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны, біющися: »братіе! потягнемъ по своемъ князи и по русьской земли». Не жадаху: »мало ми есть, княже, 200 гривенъ«; не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ серебрѣ, и росплодили были землю русьскую. За наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоти наши, и села наша, и имѣнія за тѣми суть; а мы злыхъ своихъ не останемъ. Пишеть бо ся: »богатьство неправдою сбираемо, скоро извѣется». И паки: »сбираеть,—и не вѣсть кому сбираеть«. И пакы: »лучше малое праведнику, паче богатьства грѣшныхъ многа«. Да отселѣ, братія възлюбленая моя, останемся отъ несытьства своего; доволни будите урокы вашими. Яко и Павелъ пишеть: »ему же дань, то дань, ему же урокъ, то урокъ; никому же насилія твореще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страсѣ божіи и правовѣріи свое спасеніе съдѣвающе, да и здѣ добрѣ поживемъ, и тамо вѣчнѣй жизни причастници будемъ«.

(*П. С. лѣт. V, 87*).

143. Романъ Галицкій.

Въ лѣто 6709 (1201). По смерти вел. кн. Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ божіимъ: устремилъ бо ся бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко коркодилъ, и прехожаще землю ихъ яко и орелъ, хроборъ бо бѣ яко и туръ (*дикій быкъ*). Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измаилтяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзная врата (1), Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шеломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю и загнавшю оканьныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ оставъшю у Сырьчана единому гудьцю же, Ореви посла й во Обезы, река: »Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія; аже ты не восхочеть, дай ему поухати (*понухать*) зелья, именемъ *евшань*«. Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рче: »да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нели на чюжѣ славну быти«. И приде во свою землю, отъ него родившюся Концаку, иже снесе Сулу пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву. Роману же князю ревновавшю за то, и тщашеся погубити иноплеменникы. Велику мятежю возставшю въ землѣ Руской, оставившима же ся двѣима сынома его, единъ 4 лѣтъ, а другій дву лѣтъ.

144. Борьба Мстислава съ боярами.

Въ лѣто 6734 (1226). Льстивому Жирославу рекшю къ бояромъ галичькимъ:

(1) *Кавказскія горы.*

»яко идеть Мьстиславъ въ поле, и хощеть вы предати тестеви своему Котяню на избитье«, Мьстиславу же праву сущю о семъ и не свѣдущю ничтоже о нихъ, они же емше вѣры отъидоша въ землю Перемышлескую, въ горы Кавокасьскія, рекше во Угорьскыя, на рѣку Днѣпръ, послаша послы своя, рекуще: »яко Ярославъ повѣдалъ ны есть«. Мьстиславу же послашу отца своего Тимоѳея: »яко всуе оклеветалъ ня есть къ вамъ Ярославъ«, Тимоѳею же кленшюси имъ о семъ, яко не свѣдущу Мьстиславу ничтоже о семъ; и приведе бояре вси къ нему. Князю же обличившю Ярослава, изгна и отъ себе. Якоже изгна Богъ Каина отъ лица своего, рекы: проклятъ ты буди, стоня и трясыйся на земли, яко же раздвиже земля уста своя пріяти кровь брата твоего, якоже и Ярославъ раздвиже уста своя на господина своего: да не будеть ему пристанъка во всихъ земляхъ, въ Рускихъ и во Угорьскыхъ *(Венгерскихъ)* и ни въ кихъ же странахъ, да ходить шатаяся во странахъ, жеданіе брашна да будеть ему, вина же и олу (*елея, масла*) поскуду да будеть ему, и да будеть дворъ его пустъ и въ селѣ его не будеть живущаго. Оттуду выгнанъ иде ко Изяславу: бѣ бо лукавый льстець нареченъ, и всихъ стропотливѣе и ложи пламянъ, всеименитый отцемъ добрымъ, убожьство возбраняше злобу его, лъжею питашеся языкъ его, но мудростію возложаше вѣру на лжю, красяшеся лестью паче вѣнца лжеименець, зане прелщаше нетокмо чюжихъ, но и своихъ возлюбленныхъ, именія ради; того бо дѣля жадаше быти у Изяслава. Мы же на преднее возвратимся. Мьстиславъ же, по совѣтѣ льстивыхъ бояръ галичькихъ, вда дщерь свою меншую за королевича Андрея, и даств ему Перемышль. Андрей же послушавъ льстиваго Семьюнка Чермьнаго, и бѣжа въ Угры и нача воздвизати рать; бывши же зимѣ, пріиде ко Перемышлю, Юрьеви тогда тысящю держащю (1), переда Перемышль и бѣжа самъ ко Мьстиславу. Королеви же ставшю во Звенигородѣ, и посла вои свои къ Галичю, самъ бо не смѣ ѣхати къ Галичю: повѣдахуть бо ему волъхвы угорьскый, яко узрѣвшу Галичь не быти ему живу; онъ же тоя ради вины не смѣя ити въ Галичь, яко вѣряшеть волъхвомъ; Днѣстру же наводнившюся, не могоша перейти. Мьстиславъ же выѣха противу съ полкы, онѣмъ же позоровавшимъ насъ, и ѣхаша Угре во станы своя: бѣ бо съ королемъ Пакославъ съ Ляхы. Оттуду же пойде король ко Теребовлю и взя Теребовль, и пойде къ Тихомлю и взя Тихомль; оттуду же приде ко Кремянцю, и бися подъ Кремянцемъ, и много Угоръ избиша и раниша. Тогда же Мьстиславъ Судислава посла къ зати своему князю Данилу, рекый: »не отступай отъ мене« оному же рекшю: »имамъ правду во сердци своемъ«. Оттуду же приде король ко Звенигороду. Выѣха же Мьстиславъ изъ Галича, Угрѣ же выѣхаша противу ему со становъ королевыхъ, Мьстиславъ же бися съ ними и побѣди и, и гнаша по нихъ до становъ королевыхъ, сѣкуще и; тогда же Мартиниша убиша, воеводу королева; король же смятеся умомъ и пойде изъ земли борзо. Данилови же пришедшу ко Мьстиславу съ братомъ Василкомъ ко Городку, и Глѣбъ съ нима, и молвящимъ имъ: »пойди, княже, на короля, но Лохти ходить«, Судиславъ же браняшеть ему, бѣ бо имѣяшеть лесть во сердци своемъ, не хотяше бо пагубы королеви, имѣяше бо въ немъ надежу велику: бѣаше бо король изнемогліся. Льстькови же въ то время идущу въ помощь, Данилови же бранящю ему не помогати королеви, оному наипаче хотящю, Данилъ же и Василко посласта лю-

(1) *Тысящкимъ былъ.*

ди своя къ брату, не даста ему прити; оттуду же возвратився иде во свою землю, изнемоглъ бо ся бѣ ходивъ на войну. А король угорьскы иде во Угры; тогда же угони Изяславъ со льстивымъ Жирославомъ, и доста съ нимъ Угры. Потомъ же Судиславу льстящю, подо Мьстиславомъ, рече ему: »княже! дай дщерь свою обрученую за королевича, и дай ему Галичь: не можешь бо держати самъ, а бояре не хотять тебе«. Ономуже не хотящю дати королевичю, наипаче хотящю дати Данилови, Глѣбови же Зеремѣевичю и Судиславу претяща ему не дати Данилови, рѣста бо ему: »аже даси королевичю, когда восхощеши можеши взяти подъ нимъ, даси ли Данилови, въ вѣкы не твой будетъ Галичь«,—Галичаномъ бо хотящимъ Данила. Оттудуже послаша въ рѣчихъ, Мьстиславъ дасть Галичь королевичю Андрееви, а самъ взя понизье, оттуду иде Торьцкому. Мьстиславу же Нѣмому давшу отчину свою князю Данилови, и сына своего поручивъ Ивана, Ивану же умершю, и прія Луческъ Ярославъ, а Черторыескъ Пиняне.

(*Ипат. 155. 165—6.*

145. а, Борьба Даніила съ боярами

Въ лѣто 6735 (1227). Начнемъ сказати безчисленыя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частая возстанія, и многія мятежи: изъмлада бо не бы има покоя. Сѣдящу же Ярославу въ Лучьскѣ, ѣха Данилъ въ Жидигинъ кланятися и молитися св. Николѣ, и зва й Ярославъ къ Лучьску; и рѣша ему бояре его: »пріими Луческъ, здѣ ими князя ихъ«; ономуже отвѣщавшу, »яко пріходихъ здѣ молитву створити св. Николѣ, и не могу того створити«, иде въ Володимерь. Оттуду же, собравша рать, посласта на нь Андрея, Вячеслава, Гавриила, Ивана; ономуже въѣхавшу ятъ бысть съ женою своею, ятъ же бысть Олексою Орѣшькомъ, бѣ бо борзъ конь подъ нимъ, угонивъ й и й его до города; и затворишася Лучане. Наутрѣя же приде Данилъ и Василко, и предашася Лучане, братъ же да Василкови Луческъ и Пересопницю, Берестій же ему бѣ преже далъ. Поволеваша Ятвязи около Берестія, и угониста й изъ Володимера, наѣхавшима же двѣима Монъдуничю Шутрови и Стегутови Зебровичю на полкъ, и убьенъ бысть Даниломъ и Вячеславомъ Шютръ, а Стегутъ убьенъ бысть Шелвомъ. Бѣжащимъ же Ятвяземъ, угони я Данилъ, Небра язви четырми ранами, древо же вышибе копье изъ руку его; Василкови угонившу его, кликъ бысть великъ: »братъ ти біется назади«; ономуже оставшу, обратися брату на помощь, ономуже симъ утекшу, а иніи разбѣгошася. Мы же, се оставлеше, на преднее возвратимся. Данилъ же посла Дьмьяна ко тести своему, река ему: »не подобаетъ Пиняномъ держати Черторыиска, яко не могу имъ терпѣти«. Дьмьянови же повѣстящу съ нимъ: «сыну! сгрѣшихъ, не давъ тебѣ Галича, но давъ иноплеменьнику, Судислава льстьця съвѣтомъ, обольсти бо мя; ажь Богъ восхочетъ, поидивѣ на ня, язъ всажу Половци, а ты своими, аще Богъ дасть его нама, ты возми Галичь, а язъ Понизье, а Богъ ти поможетъ; а про Черторыескъ правъ еси«. Дмьяну же пріѣхавшу въ великую суботу, наутрѣя же на великъ день пріѣхаста Данилъ и Василько ко Черторыиску, въ понедѣльникъ на ночь обсѣдоста градъ; тогда же и конь Даниловъ застрѣленъ бысть съ города; наутрѣя же объѣхаста градъ, Мирославъ и Демьянъ рекоста: »яко предалъ Богъ врагы наша въ руку ваю«, Данилъ же повелѣ приступити ко граду, и взяша градъ ихъ и князя ихъ изъимаша. Потомъ же Мьстиславъ великый удатный (*удалой*) князь умре: жадящю бо ему видити сына свое-

го Данила. Глѣбъ же Зеремѣевичь, убѣженъ бысть завистью, не пустяше его; ономy же хотящю поручити домъ свой и дѣти въ руцѣ его: бѣ бо имѣя до него любовь велику во сердцѣ своемъ. И потомъ же пустиста Ярослава, и даста ему Перемиль и потомъ Межибожіе. Данилови же пріѣхавшу ко Галичю (1229), Галичь бо бѣ ся затворилъ, Данилъ же взя дворъ Судиславль, якоже вино и овоща и корма, и копій и стрѣлъ, пристрaньно видити; потомъ же Данилъ, видивъ люди своя яко исполнилися, не хотѣ стати въ города, но иде на ину страну Днѣстра. Судиславу же тое ночи вобѣгшю во городъ, яти бывше отъ вой его людіе и рекоша, яко Судиславъ уже въ Галичи. Данилъ стоаше Угольницѣхъ, на березѣ Днѣстра; выѣхавшимъ же Галичаномъ и Угромъ, и стрѣляшася на леду, вечеру же бывшу, и ледомъ возставшимъ и рѣцѣ наводнившися, зажгоша мостъ на Днѣстрѣ безаконьный лихый Семьюнько, подобный лисици черьмности ради (*красноты*); и приде же Дьмьянъ со всими бояры галичкыми, со Мирославомъ и со Володиславомъ, и со многими бояры галичкыми. Данилови же о семъ веселу будущю, а о мостѣ печаль имѣющу, какъ Днѣстръ перейти, гнавъ же Данилъ ко мосту и узрѣвъ, яко конечь мосту угаслъ есть, и бысть радость велика; на утрѣя же приде Володимеръ Инъгаровичь, и переидоша мостъ и сташа по берегу Днѣстра. На утрѣя же уставше и объѣха Данилъ городъ, и собравъ землю Галичкую ста на четыре части окрестъ его, и собра отъ Боброкы даже и до рѣкы Ушицѣ и Прута, и обсѣде въ силѣ тяжьцѣ; онѣмъ же изнемогъшимъ передаша градъ. Данилови же пріемшу градъ, помянувшю любовь короля Андрея и пусти сына его и проводи и до рѣкы Днѣстра; изыде же съ нимъ единъ Судиславъ на ньмъ же метаху каменіе, рекуще: »изыди изъ града, мятежниче земли«! Андрееви же пришедшу ко отцю си (*своєму*) и брату, и Судиславу глаголющу непрестаньно: »изыдѣте на Галичь и пріимѣте землю Рускую; аще не поидеши, укрѣпяться на ны«. Изыде же Бѣла риксъ (*rex* — царь), рекъмый король угорьскый, въ силѣ тяжьцѣ, рекшю ему: »яко не имать остатися грѣхъ Галичь, нѣсть кто избавляя и отъ руку моею«. Вшедшу же ему во горы Угорьскыѣ, посла на нь Богъ архангела Михаила отворити хляби небесныя, конемъ же потопающимъ и самѣмъ возбѣгающимъ на высокая мѣсту, ономy же одинако устремившися пріяти градъ и землю. Данилови же молящуся Богу, избави и Богъ отъ рукы силныхъ. И обступи градъ и посла посолъ, и возопи посолъ гласомъ великомъ и рече: «слышите словеса великого короля угорьского, да не уставляеть васъ Дьмьянъ, глаголя: изъемля изымьть ны Богъ, ни да уповаеть вашь Данилъ на Господа, глаголя: не имать предати градъ сесь (*сей*) королеви угорьскому; толико ходилъ на ины страны, то кто можеть одержати отъ руку моею и отъ силъ полковъ моихъ«? Дьмьянъ же одинако крѣпяшеся, грозы его не убояся: Богъ поспѣшникъ бысть ему. Данилъ же приведе къ собѣ Ляхы и Половцѣ Котяневы, а у короля бѣаху Половци Бѣговаръсови; Богъ попусти на нѣ рану Фараонову. Градъ же крѣпляшеся, а Бѣла изнемогаше и поиде отъ града; оставившю же ему люди за собою, оружники многи и фаревникы (1), нападшимъ же на нѣ гражаномъ, мнози впадаху въ рѣку, иніи же избьени быша, иніи язвени быша, иніи

(1) *Фарь*, фаризъ, ферезь, farisius, faras, farius означаютъ хорошаго коня. Въ сказкѣ »Дѣяніе Девгеніево« говорится: »кто сему не дивится, како дерзость яви уноша, како лось нагони бърже (*скорѣе*) Фаря бръзаго. Како фарь подъ нимъ скакаше, а онъ гораздно на немъ играетъ.« Ист. гос рос. II. пр. 333. III. 190, 272. Венгерскій всадникъ назывался *фаревникомъ*.

же изоимани быша, яко индѣ глаголеть: Скыртъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ, тако и Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ (1). Оттуду же пойде король къ Василеву, и перейде Днѣстръ, и пойде ко Пруту. Богъ бо попустилъ бѣяшеть раву, ангелъ бьяшеть ихъ; сице умирающимъ, иніи же изъ подъшевъ выступахуть, акы изъ червія, (*черевиковъ, башмаковъ*), иніи же около огня солѣзшеся и мясо ко устомъ придѣвше умираху, многими же ранами разными умираху, хляби бо небесныи одинако топяхуть и. Ушедшю же ему за невѣрьство бояръ галичкихъ, Данилъ же, божьею волею, одерьжа градъ свой Галичь.

(*Ипат. 166—7, 169—70*).

б, Пріиде (Данилъ въ 1240 г.) ко граду Дорогычину и восхотѣ внити во градъ, извѣстьно бысть ему, яко »не внидеши во градъ«; оному рекшу, яко »се былъ градъ нашъ и отець нашихъ«; »вы же не изволисте внити въ онь« —отъиде; и отъиде мысля си, иже Богъ послѣже отмьстье створи держателю града того и вдасть и въ руцѣ Данилу; и обновивъ и созда церковь прекрасну святоѣ Богородици, и рече: »се градъ мой, преже бо пріяхъ и копьемъ«. Данилови же со братомъ пришедшу ко Берестью, и не возмогоста ити въ поле, смрада ради множьства избьеныхъ: не бѣ бо на Володимерѣ не осталъ живый, церкви св. Богородици исполнена трупья, иныа церкви наполнены быша трупья и тѣлесъ мертвыхъ. Потомъ же Михаилъ иде отъ уя *(дяди)* своего на Володимерь, (*съ*) сыномъ своимъ, и оттуда иде Пиньску. Ростиславъ же Володимеричь приде къ Данилу въ Холмъ, одержалъ бѣаше Богъ отъ безбожныхъ Татаръ, Ростиславъ же показа правду свою, яко не есть во съвѣтѣ (*въ согласьи*) съ Михаиломъ; Михаилъ же не показа правды въ добродѣанье Данилу же и Василку, но пройде землю его, ни послався посла, иде въ Кіевъ и живяше подъ Кіевомъ во островѣ, а сынъ его иде въ Черниговъ Ростиславъ. Вышедшу же Лвови изъ Угоръ съ бояры галичкыми, и пріѣха во Водаву ко отцю си, и радъ бысть ему етецъ. Бояре же галичстіи Данила князем собѣ называху, а самѣ всю землю держаху; Доброславъ же вокняжился бѣ и Судьичь, поповъ внукъ, и грабяте всю землю, и въшедъ во Бакоту все Понизье прія, безъ княжа повелѣнія, Григорьи же Васильевичь собѣ горную страну Перемышльскую мышляше одержати, и бысть мятежь великъ въ землѣ и грабежь отъ нихъ. Данилъ же, увѣдавъ, посла Якова столника своего съ великою жалостью ко Доброславу, глаголя къ нимъ: »князь вашь азъ есмь, повелѣнія моего не творите, землю грабите; черниговьскихъ бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, пріимати, нъ дати волости галичкимъ, а коломыйскюю соль отлучити на мя«; оному же рекшу: »да будетъ тако«. Во тъ же часъ Якову сѣдящу у него, пріидоста Лазорь Домажиричь и Иворъ Молибожичь, два безаконьника, отъ племени смердья, и поклонистася ему до землѣ; Якову же удивившуся и прашавшу вины, про что поклонистася; Доброславу же рекшу: »вдахъ има Коломыю«; Якову же рекшу ему: »како можеши безъ повелѣнія княжа отдати ю сима, яко велиціи князи держать сію Коломыю на роздаваніе оружьникомъ; си бо еста недостойна ни Вотьнина держати«; онъ же усмѣявся рече: »то что могу же глаголати«? Яковъ же пріѣхавъ вся си сказа князю Данилови; Данилъ же скорбяше и моляще-

(1) Лѣтописецъ намекаетъ здѣсь на лѣтопись Іоанна Малалы, которая была ему извѣстна, вѣроятно, въ славянскомъ переводѣ. Вотъ что говоритъ греческая лѣтопись о рѣкѣ Скиртѣ: въ тоже время городъ Едесса былъ потопленъ совершенно разлитіемъ рѣки Скирта; въ послѣдствіи на томъ мѣстѣ найдена огромная каменная плита съ надписью. „Рѣка Скиртъ недобрыя шутки сыграла надъ жителями“. (Переясл. Лѣт. LVII).

ся Богу о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ею. И малу же времени минувшу, присла Доброславъ на Григоря, река: »яко не вѣренъ ти есть«,—противляшеся ему, а самъ хотяше всю землю одержити; сводившеся сами и пріѣхаша съ великою гордынею, ѣдучю Доброславу во одиной сорочьцѣ, гордящу, ни на землю смотрящю, Галичаномъ же текущимъ у стремени его; Данилови же видящу и Василкови гордость его, болшую вражду на нь воздвигнуста. Доброславу же и Григорю обоимъ ловящимъ на ся, слышавъ же Данилъ рѣчи ихъ, яко полны суть льсти, и не хотятъ по воли его ходити и власть его иному предати, сомысливъ же со братомъ, по нужи же видя безаконіе ихъ, и повелѣ его изоимати.

(*Ипат. 178—179.*)

Борьба королей съ боярами въ Галиціи весьма интересна особенно въ томъ отношеніи, что выходила изъ вліянія, какое имѣли порядки феодальной Европы на сосѣднія славянскія страны.

146. Борьба Пскова съ княземъ.

Томъ же лѣтѣ (1228) князь Ярославъ поиде въ Пльсковъ, съ посадникомъ Иванкомъ и тысячьскыи Вячеславъ, и слышавше Пльсковици, яко идетъ къ нимъ князь, и затворишася въ городѣ, не пустиша къ собѣ; князь же постоявъ на Дубровнѣ въспятися въ Новъгородъ, промъкла бо ся вѣсть бяше си въ Пльсковѣ, яко *везеть оковы хотя коватн вяцьшее мужи*. И пришьдъ створи вѣче въ владычьни дворѣ, и рече: »яко не мыслилъ есмь до Пльсковичь груба ничего же, пъ везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары, паволоки и овощь, а они мя обьсчьствовали« (*обезчестили*), — и положи на нихъ жалобу велику. Тъгда же приведе пълкы изъ Переяславля, а река: »хочю ити на Ригу«. И сташа около Городища шатры, а иніи въ Славнѣ по дворомъ, и въздорожиша все по търгу, и хлѣбъ, и мяса, и рыбы. И оттолѣ ста дороговь: купляху хлѣбъ по 2 кунѣ, а кадь ржи по 3 гривнѣ, а пшеницю по 5 гривънъ, а пшена по 7 гр.; и тако ста по 3 лѣта. Тоже слышавъше Пльсковици, яко приведе Ярославъ пълкы, убоявшеся того, възяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: »то вы, а то Новгородьци, а намъ ненадобѣ; въ оже поидуть на насъ, тъ вы намъ помозите«; и они рекоша: тако буди, — и пояша у нихъ 40 мужь въ талбу (*въ заложники*). Новгородци же увѣдавъше, рекоша: »князь насъ зоветь на Ригу, а хотя ити на Пльсковъ«. Тъгда же князь посла Мишу въ Пльсковъ, река: »поидите со мною на путь, а зла до васъ не мыслилъ никотораго же, а тѣхъ ми выдаите, кто мя обадилъ къ вамъ«. И рекоша Пльсковици, приславъше Грьчина: »тобѣ ся, княже, кланяемъ и братьи Новгородьцемъ, на путь не идемъ, а братьи своеи не выдаемъ, а съ Рижаны есме миръ взяли; къ Колываню (*Ревелю*) есте ходивъще серебро поимали, а сами поидосте въ Новъгородъ, а правды не створисте, города не взясте, а у Кеси такоже, а у Медвѣжѣ Головѣ такоже, а за то нашю братью избиша на озерѣ, а иніи поведени (*въ плѣнъ*); а вы роздравше та прочь; или есте на насъ удумали? тъ мы противу васъ съ св. Богородицею и съ поклономъ, то вы луче насъ изсѣчите, а жены и дѣти поемлѣтѣ собѣ, а не луче поганіи; тъ вамъ ся кланяемъ«. Новгородьци же князю рекоша: мы безъ своея братьи, безъ Пльсковиць, не имаемъся на Ригу, а тобѣ ся, княже, кланяемъ.— Много же князь нудивъ, и не яшася по путь. Тъгда же князь Ярославъ поиде съ княгынею изъ Новагорода Переяславлю, а Повѣгородѣ остави два сына своя Ѳеодо-

ра и Алксандра, съ Ѳедоромъ Даниловицемъ, съ тіуномъ Якимомъ.

(*1 Новг. 43*).

147. Борьба Новгорода съ княземъ.

Въ лѣто 6763 (1255). Выведоша Новгородьци изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша вонъ; и то слышавъ Олександръ, отець Васильевъ, поиде ратью къ Новгороду. Идущю Олександру съ многыми полкы и съ Повоторжьци, срѣте и Ратишка (*уменшит. Ратибора*) съ перевѣтомъ: поступаи, княже! братъ твой Яровлавъ побѣглъ. И поставиша Новгородци полкъ за Рождествомъ христовымъ въ конци, а что пѣшца — а ти сташа отъ св. Ильи, противу Городища. И рекоша меншіи у св. Николы на вѣчи: братье, ци (*если*) како речеть князь: »выдаите мои ворогы«?—и цѣловаша св. Богородицю меншіи, како стати всѣмъ, любо животъ, любо смерть за правду Новгородьскую, за свою отчину.

И бысть въ вятшыхъ совѣтъ золъ, яко побити меншіи, а князя ввести на своеи воли. И побѣжа Михалко изъ города къ св. Георгію, како было ему своимъ полкомъ уразити *нашю сторону* (1) и измяти люди; увѣдавъ Онанья, хотя ему добра, посла по немъ въ таинѣ Якуна, и увѣдавше черныи люди погнаша по немъ и хотѣша на дворъ его ударити, и не дá Онанья: »братье, аже того убіете, убіете мене переже«;— не вѣдяше бо, аже о немъ мысль злу свѣщаша самого яти, а посадничьство дати Михалку. И присла князь Бориса на вѣче: »выдаите ми Онанью посадника, или не выдадите, азъ вамь не князь, иду на городъ ратью«. И послаша Новгородьци къ князю владыку и Клима тысячьского: »поѣди, княже, на свои столъ, а злодѣевъ не слушаи, а Онаньи гнѣва отдаи и всѣмъ мужемъ новгородьскымъ«. И не послуша князь молбы владычни и Климовы; и рекоша Новгородьци: »аже, братье, князь нашь тако сдумалъ съ нашими крестопереступникы, оно имъ Богъ и св. Софья, а князь безъ грѣха«. И стоя весь полкъ по 3 дни за свою правду, и въ 4-и день присла князь, река тако: »аже Онанья лишится посадничьства, азъ вамъ гнѣвъ отдамъ«;—и лишися посадничьства Онанья, и взяша миръ на всеи воли новгородскои. И поиде князь въ городъ, и срѣте и архіеп. Далматъ со всѣмъ іереискымъ чиномъ, съ кресты, у Прикуповичь двора, и вси радости исполнишася, а злодѣи омрачишася: зане хрестьяномъ радость, а дьяволу пагуба, яко не бысть хрестьяномъ кровопролитія велика. И сѣде князь Олександръ на своемъ столѣ. Въ лѣто то же даша посадничьство Михалку Степановичю.

(*1 Новг. 55—56*).

148. Волненіе въ Новгородѣ.

Тои же зимы (1259) пріѣхаша окаянніи Татарове сыроядьци, Беркаи и Касачикъ, съ женами своими, и инѣхъ много; и бысть мятежъ великъ въ Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша, беруче *туску* (1) окаяннымъ Татаромъ.

(1) Лѣтописецъ, очевидно, держитъ сторону нисшаго класса народа.

(2) Туска — на татарск. яз. значитъ девять. Откупщики даней отдавали Хану 9 частей, а десятую брали себѣ.

И нача оканьныи боятися смерти, рече Олександру: »даи намъ сторожи, ать (да) неизбыють насъ«; — и повелѣ князь стеречи ихъ сыну посадничю и всѣмъ дѣтемъ боярьскымъ по ночемъ. И рѣша Татарове: »даите намъ число (1), или бѣжимъ проче«; — и чернь не хотѣша дати числа, но реша: »умремъ честно за св. Софью и за домы ангелскыя«. Тогда издвоишася люди, кто добрыхъ, тотъ по св. Софьи и по правои вѣрѣ, и створиша супоръ; вятшіи велять ся яти меншимъ по число. И хотѣ оканьныи побѣжати, гонимъ св. Духомъ, и умыслиша съвѣтъ золъ, како ударити на городъ на ону сторону, а друзіи озеромъ на сю сторону, и възбрани имъ не видимо сила христова — и не смѣша. И убоявшеся почашася возити на одину сторону къ св. Софьи, рекуще: »положимъ главы своя у св. Софьи«. И бысть заутра съѣха князь съ Городища, и оканьныи Татарове съ нимъ, и злыхъ съвѣтомъ яшася по число, творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло; и почаша ѣздити оканьныя по улицамъ, пишюче домы христьяньскыя, зане навелъ Богъ, за грѣхы наша, изъ пустыня звѣри дивія ясти силныхъ плъти и пити кровь боярьскую. И отъѣхаша оканьныи, вземше число, а князь Олександръ поѣха послѣ, посадивъ сына своего Дмитрія на столѣ.

(*1 Новг. 56—57*).

149. Договорная Новгорода съ в. кн. Ярославомъ тверскимъ 1265 г.

Благословление отъ владыкы, поклание отъ Посадника Михаила, и отъ тысячьскаго Кондрата, и отъ всѣго Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ, къ князю Ярославу. На семь, княже, цѣлуй хрестъ къ всѣму Новугороду; на цѣмъ-то цѣловали дѣди и отци, и отець твой Ярославъ. Новъгородъ ти держати въ старинѣ, но пошлинѣ. Что волостий всѣхъ новгородьскыхъ, того ти, княже, не держати своими мужи, нъдьржати мужи новгородьскыми; а даръ имати тобѣ отъ техъ волостий. А бесъ посадника тобѣ волостий не раздавати; а кому раздаялъ волости братъ твой Александръ, или Дмитрий съ Новгородци, тобе техъ волостий безъ вины не лишати. А что ти, княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ тивунъ свой дьржати; а Новъгородьць на своей чясти дьржати. А въ Бежицахъ, княже, тобе, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости новгородьской. А се, княже, волости новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, городьць Палиць, а то есме дали Иванкова; потомъ Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволочье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра. А въ Русу ти, княже, ездити на Озвадо звѣри гонить. А въ Ладогу ти, княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ отця своего Ярослава. А судъ, княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на 3 лѣта, судье не слати. А изъ Бежиць, княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости новгородьской; ни грамотъ имъ даяти ни закладниковъ приимати, ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины. А безъ вины ти мужа волости не лишити; а грамотъ ти, княже, не посуживати. А пожне, княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, княже, не надобѣ. А что, княже, братъ

(1) Дѣло шло о поголовной переписи или исчисленіи народа.

твой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи. Дворяномъ твоимъ и тивунамъ погонъ (*погоны*) имати, какъ то пошло. А на томъ ти, княже, на всемъ хрестъ цѣловати, безъ перевода, при нашихъ послѣхъ; а мы ти ся, господине княже, кланяемъ. *А что, княже, мыто (торговая пошлина) по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли;* а то, княже, имати по 2 векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба. *А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, развѣ ратной вести.* Тако, княже господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отець, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя Ярослава.

(*Сбор. грам. I, № 1*).

См. также Ист. гос. рос. IV, пр. 114. Собр. важнѣйш. памятн. по исторіи древ. рус. права Спб. 1859. 124.

150. Изгнаніе князя изъ Новгорода.

Того же лѣта (1270) бысть митежь въ Новѣгородѣ, начаша изгонити князя Ярослава изъ города, и созвониша вѣче на Ярославли дворѣ, и убиша Иванка, а инїи вбѣгоша въ Николу святыи; а заутра побѣгоша къ князю на Городище тысячьскыи Ратиборъ, Гаврило Кыяниновъ и инїи пріятели его, и взяша домы ихъ на разграбленіе и хоромы разнесоша, а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: »чему (*зачьмь*) еси отъялъ Волховъ гоголными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи, и на Романѣ Болдыжевичи, и на Вареоломѣи? а иное чему выводишь отъ насъ иноземци, которыи у насъ живутъ? (а того много вины его); а нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья, поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ«. Князь же присла на вѣче Святъслава и Андрея Воротиславича съ поклономъ: того всего лишуся, а крестъ цѣлую на всеи воли вашеи. Новгородци же отвѣчаша: »княже, поѣди проче, не хотимъ тебе; али идемъ вси Новгородъ прогонить тебе«. Князь же поиде изъ города поневоли; Новгородци же послаша по Дмитрія Александровича; Дмитріи же отрекеся тако река: »нехочу взяти стола передъ стрыемъ своимъ« — и быша Новгородци печални; а Ярославъ нача полкы копити на Новъгородъ, и бѣ послалъ къ царю татарьску Ратибора, помочи прося на Новъгородъ. И се учювъ (*узнавъ*) князь Василіи Ярославичь, прислa послы въ Новъгородъ, река тако: »кланяюся св. Софьи и мужемъ Новгородцемъ; слышалъ есмь, яже Ярославъ идеть на Новъгородъ, со всею силою своею, Дмитріи съ Переяславци и Глѣбъ съ Смолняны; жаль ми своея отчины«. а самъ поѣха въ Татары, поима съ собою Петрила Рычага и Михаила Пинещинича, и възврати татарьскую рать, тако рекъ цареви: »Новгородци прави, а Ярославъ виноватъ«, — уже бо бяше царь отпустилъ рать на Новъгородъ, по Ратиборову лживому слову; рече по Ратиборъ царю: »Новгородци тебе не слушаютъ, мы дани прошали тобѣ, и они насъ выгнали, а инѣхъ избили, а домы наша розграбили, а Ярослава безчьствовали«. Новгородци же поставиша острогъ около города, по обѣ странѣ, а товаръ въвозиша въ городъ; и пригониша сторожи Ярославли мало не до Городища, и выидоша вси градъ въ оружіи отъ мала и до велика къ Городищю, и стояша два дни пѣши за Жилотугомъ (*названіе ручья*), а коневници за Городищемъ. То увѣдавъ Ярославъ, поиде объ ону сторону къ Русѣ, и сѣде въ Русѣ, а въ Новгородъ

присла Творимира: »всего что вашего не любія до мене, того лишаюся; а князи вси за мене поручатся«. Новгородци же послаша къ нему Лазоря Моисіевича: »княже, сдумалъ еси на св. Софью; поѣди, ать изъмремъ честно за св. Софью; у насъ князя нѣтуть, но Богъ и правда и св. Софья, а тебе не хочемъ«. И совкупися въ Новъгородъ вся волость новгородьская — Пльсковичи, Ладожане, Корѣла, Ижера, Вожане,—и идоша въ Голино отъ мала и до велика, истояша недѣлю на Бродѣ, а Ярославль полкъ объ ону сторону и присла митрополитъ грамоту въ Новгородъ, река тако: »мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русьской земли, вамъ слушати Бога и мене, крьви не проливайте, а Ярославъ всей злобы лишается, а за то язъ поручаюся; аже будете и крестъ цѣловали, язъ за то пріиму опитемью и отвѣчаю за то предъ Богомъ«. И не да Богъ кровопролитія хрестьяномъ, и присла Ярославъ съ поклономъ въ новгородскыи полкъ; и взяша миръ на всеи воли новгородьскои, и посадиша Ярослава и водиша и къ кресту.

(*1 Новг. 61—62*)

151. Борьба Новгорода съ тверскимъ княземъ.

Въ лѣто 6824 (1316). Выидоша намѣстници Михайловы изъ Новагорода, и поиде князь Михайло къ Новугороду, со всею Низовьскою землею, а Новгородци учиниша острогъ около города по обѣ сторонѣ, и сойдеся вся волость Новгородская: Пльсковичи, Ладожане, Рушане, Корѣла, Ижера, Вожане; князь же Михайло, не дошедъ города, ста въ Устьянѣхъ, и тако мира не возма, поиде проче, не успѣвъ ничтоже, но болшюю рану въспріимъ: возвративше бо ся въспять, заблудиша въ озерѣхъ и въ болотѣхъ, и начаша мерети гладомъ, ядяху же и коньину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша, и придоша пѣши въ домы своа, пріимше рану немалу. Того же лѣта, еще недошедшю князю Михаилу до города, яша Игната Бѣска, и биша и на вѣчи, и свергоша и съ моста въ Волховъ; творяхуть бо его перевѣтъ держаша къ Михаилу, а Богъ то вѣсть. Тогда же и Данилко Писцевъ убьенъ бысть, на рли (*на лугу*), отъ своего холопа, обадилъ бо его бяше къ горожаномъ, тако река: »посылалъ мя съ грамотами къ Михаилу князю«.

(*1 Новг. 71*).

152. Духовная грамота в. к. Ивана Даниловича Калиты 1328 г.

Въ имя Отця и Сына и св. Духа: Се язъ грѣшный худый рабъ божий Иванъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду, ни кимь не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгини своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ. Се далъ есмь сыну своему болшему Семену: Можаескъ, Коломну со всими коломеньскими волостми, Городенку, Мѣзыню, Пѣсочну, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Маковець, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село Астафьевьское, с. на Сѣверьсцѣ въ Похряньскомъ у. с. Костянтиновское, с. Ориминьское, с. Островьское, с. Копошеньское, селце Микульское, с. Малаховьское, с. Напрудское у города. А при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ женчуги, блюдцо

золото съ женчугомъ съ каменьемъ, а къ тому еще далъ есмь ему 2 чума (1) золота болшая; а изъ судовъ изъ серебрьныхъ далъ есмь ему 3 блюда серебрьна. А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходолъ, Великую свободу, Замошвскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьева свободка, Скирминовьское, Тростна, Нѣгуча; а села: Рюховьское, Каменичьское, Рузьское, Бѣляпиньское, Максимовѣское, Андрѣевское, Вяземьское, Домонтовьское, село въ Замошьской свободѣ, с. Семцинское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, поясъ большій съ женчугомъ съ каменьемъ, поясъ золотъ съ капторгами, поясъ сердоличенъ золотомъ окованъ, 2 овкача золота, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебрьно ѣздиньское, 2 блюди меншии. А се далъ есмь сыну своему Андрѣю: Лопастну, Сѣверьску, Нарунижьское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичини, Щитовъ, Перемышль, Растовець, Тухачевъ, а се села: Талжьское, Серпоховьское, Колбасинское, Нарьское, Перемышльское, Битяговьское, Трофоновское, Ясиновьское, Коломиньское, Ногатиньское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Андрѣю: 4 чепи золоты, поясъ золотъ фрязьский съ женчугомъ, съ каменьемъ, поясъ золотъ съ крюкомъ на гервчатѣ шолку, поясъ золотъ Царевьский, 2 чары золоты, 2 чумка золота меншая; а изъ блюдъ: блюдо серебрьно, а два малая. А се даю княгини своей съ меншими дѣтми: Суражикъ, Мушкину Гору, Радонѣжьское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Воро свободка Сафроньевская, Вохна, Дѣйково Раменье, Данилищова свобода, Машевъ, Сѣдна, Гуслица, Раменье, что было за княгинею; а села: Михайловьское, Луциньское, село у озера, Радонѣжьское, Дѣйгуниньское, Тыловское, Ратожь, Протасьевское, Аристовьское, Лопастеньское, Михайловское на Яузѣ, 2 селѣ Коломеньскии. А изъ городьскихъ волостий даю Княгини своей осмничее; а тамгою и иными волостми городьскими подѣлятся сыновѣ мои: также и мыты, которыи въ томъ уѣздѣ, то тому: а оброкомь медовымъ городьскимъ Василцева вѣданья подѣлятся сынове мои. А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, которыи въ которой росписи, то того. А по моимъ грѣхомъ ци имуть искать Татарове которыхъ волостий, а отоимуться, вамъ сыномъ моимъ и княгини моей подѣлити вы ся опять тыми волостми на то мѣсто. А числьныи люди, а тѣ вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдуть вси съ одиного: а что мои люди куплении въ великомъ свершцѣ, а тыми ся подѣлять сынове мои. А что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дочери своей Фетиньи 14 обручи (*колецъ*) и ожерелье, матери ее монисто новое, что есмь сковалъ; а чело (*головную повязку*) и гривну, то есмь далъ при собѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своей съ меншими дѣтми. А изъ портъ (*платья*) изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый женьчужный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожухъ желтая обирь съ женьчугомъ, коць великий зъ бармами; Андрѣю сыну моему бугай соболий съ наплечки съ великимь женчугомь съ каменьемъ, скорлатное портище сажено зъ бармами. А что есть нынѣча нарядилъ 2 кожуха съ аламы съ женчугомь. а то есмь далъ меншимъ дѣтемъ своимъ Марьи же Федосьи ожерельемъ. А что моихъ поясовъ серебрьныхъ, а то роздадять по попьямъ. А что мое 100 рубли уЕски, а то роздадять по церквамъ. А что ся остало изъ моихъ сосудовъ изъ серебрьныхъ, а

(1) Чумъ, чумичка—большая разливная ложка или ковшъ малый съ длинной ручкой.

тымъ подѣлятся сынове мои и княгини моя. А что ся останетъ моихъ портъ, а то розладять по всимъ попьямъ и на Москвѣ. А блюдо великое серебрьное о 4 колца, а то есмь далъ св. Богородици володимерьской. А приказываю тобѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меншими дѣтми, по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ. А что есмь далъ сыну своему Семену стадце, а другое Ивану; а иными стады моими подѣлятся сынове мои и княгини моя. А на се послуси отець мой душевьный Ефрѣмъ, отець мой душевьный Федосий, отець мой душевный попъ Давыдъ. А грамоту писалъ дьякъ князя в. Кострома. А кто сю грамоту порушить, судить ему Богъ.

(Грамота писана на пергаминѣ, къ ней была привѣшена печать—серебряная-вызолоченная).

(Собр. грам. I, № 22. стр. 33—5).

153. Возстаніе въ Торжкѣ.

Въ тоже лѣто (1340) прiиде князь Семенъ изъ орды и насла на Тръжекъ дани брати, и почаша силно дѣяти, Новотръжци же прислаша съ поклономъ въ Новгородъ; и послаша Матѳея Варѳоломѣевича, и Терентѣа Даниловича съ братомъ, и Вороѳоломѣа посадника сына Остафьина, и Ѳеодора Аврамова, съ полкы, и шедши изгониша Тръжекъ безъ вѣсти, изымаша намѣстниковъ князя Михаила Давыдовича, Ивана Рыбкина сына, и Борцеи Бориса Семенова сына, и жены ихъ и дѣти исковаша; и сѣдѣша мѣсяць въ Торжку, городъ утвердивше, а ко князю послаша, преже того, Кузму Твердиславля, изъ Новагорода, съ жалобою, а сице ему рькуще: „еще у насъ не у сѣде на княженіи, а уже бояре твои дѣютъ силно". И посылахуть въ Новъгородъ изъ Тръжку, что быша Новгородци всѣли на коня въ Торжекъ, и не въсхотѣша чернь; но семъ же видѣвше Новоторжци, оже неидетъ изъ Новогорода рать, въсташа чернь на бояръ и покы рекуще: „почто есте Новгородцевъ призвали, и они князи изымали? намъ въ томъ погыбнути".—И скрутившеся въ броня, нашедше силою на дворы, выимаша у воеводъ намѣстникы княжи и борци, и жены ихъ, и Новгородцевъ выпроводиша изъ града; а бояре новоторжскiи прибѣгоша въ Новъгородъ толко душею, кто успѣлъ, а домы ихъ разграбиша и хоромы ихъ развозиша, а Семена внучка убиша на вѣчѣ, потомъ и села ихъ пусто положиша. Тои же зимы, м. декабря въ 6, на Николинъ день, убиша Брянци князя Глѣба Святославича; и въ то время и митрополитъ ту бяше и не възможе уяти ихъ, къ выѣдше изъ церквы св. Николы и убиша. Тои же зимы прiиде князь Семенъ, съ полкы, въ Торжекъ съ всею землею Низовьскую; Новгородци же почаша копити волость всю въ городъ, а къ князю послаша владыку Василiя и Авраама тысяцкаго, съ иными бояры, и докончаша миръ по старымъ грамотамъ, на всеи воли новгородскьи, и крестъ цѣловаша, а князю даша боръ (*сборъ*) по волости 1000 рублевъ на Новотръжцѣхъ. Бяше же ту и митрополитъ, и присла князь намѣстникъ въ городъ.

(I Новг. 80).

154. Лука Вороломѣевъ и сбойчатые люди.

Того же лѣта (1342) Лука Варѳоломеевъ, не послушавъ Новагорода и митрополича благословенiа и владычня, ско-

пивъ съ собою холоповъ сбоевъ, и поиде за Волокъ на Двину; и постави городокъ Орлецъ, и скопивъ Емьчанъ, и взя землю Завотскую по Двинѣ вся погости на щитъ. Въ то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу, Лука же въ дву сту выѣха воевать, и убиша его Заволочане. И прiиде вѣсть въ Новъгородъ, Лука убiенъ бысть и въсташа чръныи люди на Ондрѣшка, на Ѳедора на посадника на Даниlова, а тако рькущи: »яко тѣ заслаша на Луку убити—и пограбиша ихъ домы и села«; а Ѳедоръ и Ондрѣшка побѣгоша въ Копорью городокъ, и тамо сѣдѣша зиму всю и до великого говѣнiа. И въ то время прiиде Онцифоръ, и би челомъ Новугороду на Ѳедора и на Ондрѣшка: »тѣ заслаша моего отца убити«,—и владыка и Новъгородъ послаша архим. Есипа, съ бояры, въ Копорью, по Ѳедора и по Ондрѣшка; и онѣ прiѣхаша и рекоша: »не думали есмы на брата своего на Луку, что его убити, ни засылали на него«,—и Онцифоръ съ Матѳеемъ възвони вѣче у св. Софiи, а Ѳедоръ и Ондрюшко другое възвониша вѣче на Ярославлѣ дворѣ; и посла Онцифоръ съ Матѳеемъ владыку на вѣче, и недождавши владыки съ того вѣча и ударишa на Яровлавлѣ дворъ; и яша ту Матѳеа Коску и сына его Игната, всадиша въ церковь, а Онцифоръ убѣже съ своими пособникы. Тоже бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь градъ, ся сторона себѣ, а она себѣ; и владыка Василiи, съ намѣстникомъ Борисомъ, докончаша миръ межи ими. И възвеличенъ бысть крестъ, а дiаволъ посрамленъ бысть.

(*I Новг. 81—2*).

Когда в. князь мовсковскiй бѣжалъ при нашествiи Тохтамыша, встало народное вѣче въ Москвѣ и распоряжалось самовольно, не слушая ни митрополита, ни бояръ. Московскiй лѣтописецъ горько жалуется на это. См. *Повьсть о нашест. Тохт.*

155. Слово о князѣхъ до 1400 г.

Князю земля вашея покаряйтеся; не рцѣте ему зла въ сердци своемь и прiймите ему головою своею и мечемь своимь и всею мыслью своею, и невъзмогуть противитися инии князю вашему. Аще добрѣ прiяете князю вашему, и обогатѣеть земля ваша и плодъ добръ объемлете... Аще кто отъ своего князя ко иному князю отъѣдеть, а достоину чтъ приемля отъ него, то подобенъ есть Июдѣ, иже любимъ Господомь ти умысли продати еко княземъ жидовьскыимъ. И купиша имъ село крове и гроба с прочими дарми, и отекъ отъ великы печали, суяся сѣмо и овамо, въ Иерусалимѣ отъ всѣхъ людии проклинаемъ, и бѣжа изъ Иерусалима по пути, и тугы и великии печали прия болѣзь и отекъ с того и яко все злы расѣдеся на долы. И епископство его приметъ и дѣти его въ пагубу впадоша. Да и вы, сынове мои милии, не мозите прияти чюжему князю, да не в тоже зло впадете.

(*Христом. Буслаева 477—504*).

Изъ слова видно, что оно относится къ эпохѣ удѣльныхъ князей, хотя взято изъ рукоп. «Златая Чепь» XIV в.

156. Договорная грамота в. кн. Василiя Димитрiевича съ кн. Володимеромъ Андреевичемъ 1405 г.

По благословенью Отца нашего Кипрiяна м-та Киевьского и всеа Руси. Се азъ князь в. Василiй Дмитриевичь, что ся есмь былъ отъступилъ брату своему молодшему кн. Володимеру Андрѣевичю Волока съ волостми, Ржевы съ волостми въ вудѣлъ, и братъ мой кн. Володимеръ отъступился мнѣ в. князю Волока съ волостми и Ржевы съ волостми, и язь бра-

ту своему молодшему кн. Володимеру Андр. и его дѣтемъ противу того отъступился въ удѣлъ и въ вотчину, противу Волока, Городця съ волостми; а волости городецькиѣ: Бѣлогороды, Юрьевець, Корякова слобода и Чернякова, и Ужиньская тамга, и что въ Городцѣ и въ тѣхъ волостехъ пути и пошлины, то все брату моему кн. Володимеру, и его дѣтемъ. А чѣмъ есмь пожаловалъ кн. Ивана Борисовича, а въ то ся кн. Володимеру и его дѣтемъ не въступати. А противу Ржевы, отъступился есмь кн. Володимеру и его дѣтемъ въ вудѣлъ и въ вотчину Углеча съ пути и съ пошлинами и съ селомъ съ Золоторусскымъ; а ктому пожаловалъ есмь брата своего молодшего кн. Володимера и его дѣтей, въ вудѣлъ и въ вотчину далъ есмь имъ Козлескъ, какъ было за мною за в. Княземъ, да Гоголь, да Олексинъ, да куплю Пересвѣтову, да Лисинъ, какъ было за мною за в. Княземъ. А что есмь пожаловалъ кн. Ивана Людмильскомъ, какъ есмь ему далъ, и что къ нему потягло, въ то ся кн. Володимеру и его дѣтемъ не въступати. А трети ми Московьскиѣ удѣла и вотчины брата своего кн. Володимера и дѣтей его, и всѣ ихъ вотчины, и тѣхъ мѣстъ, которыхъ ся есмь отъступилъ въ вудѣлъ и въ вотчину, того мнѣ и моимъ дѣтемъ подъ своимъ братомъ и подъ его дѣтми блюсти и боронити, а не обидети, ни въступатися. А отоймѣтъ Богъ брата моего кн. Володимера, и мнѣ князю и моимъ дѣтемъ подъ его княгинею и подъ его дѣтми трети ихъ московьскьнъ, и ихъ вотчины, и тѣхъ мѣстъ, которыхъ ся есмь отступилъ въ вудѣлъ и въ вотчину, того ми и моимъ дѣтемъ подъ ни ми блюсти и боронити и печаловатися, а не обидѣти, ни вступатися; а быти ны вездѣ за одинъ. А какими дѣлы отыметъся отъ брата моего кн. Володимера или отъ его дѣтей Городець или Козлескъ, и мнѣ имъ дати въ Городця мѣсто Тошну, а въ Козельска мѣсто Рожалово да Боженку, а искати ны Городця и Козельска съ одиного; а Богъ дасть найдемъ, мои мѣста мнѣ в. князю и моимъ дѣтемъ, а брату моему и его дѣтемъ ихъ мѣста имъ. А мнѣ, господине князе в., брату твоему молодшему кн. Володимеру А. и моимъ дѣтемъ подъ тобою и подъ твоими дѣтми твоего удѣла Москвы и Коломны съ волостми, и всего твоего вел. княженья, да Волока и Ржевы съ волостми, и Новагорода Нижнего съ волостми и что къ нему потягло, и Мурома съ волостми и что къ нему потягло, и Мещеры съ волостми и что къ ней потягло, и въ та мѣста въ татарьская и въ мордовьская, какъ было, господине, за твоимъ отцомъ за в. кн Димитриемъ Костянтиновичемъ, и за тобою за в. княземъ, того ми и моимъ дѣтемъ подъ тобою в. княземъ и подъ твоими дѣтми блюсти и боронити, а не обидѣти, ни въступатися; а быти ми, господине, и моимъ дѣтемъ съ тобою и съ твоими дѣтми вездѣ за одинъ. А отыметъ Богъ тебе в. князя и мнѣ, господине, имѣти сына твоего въ твое мѣсто; а того мнѣ всего и моимъ дѣтемъ удѣла твоего Москвы и Коломны съ волостми, и всего твоего вел. княженья, и Волока съ волостми, и Ржевы съ волостми, и Новагорода Нижнего съ волостми и что къ нему потягло, и Мурома съ волостми и что къ нему потягло, и Мещеры съ волостми и что къ ней потягло, и тѣхъ мѣстъ татарьскихъ и мордовьскихъ, какъ было за твоимъ отцомъ за в. княземъ, и за твоимъ дѣдомъ за в. княземъ Димитриемъ Костянт., и за тобою за в. княземъ, того, господине, мнѣ и моимъ дѣтемъ подъ твоею княгинею и подъ твоими дѣтми блюсти, а не обидѣти, ни въступатися, печаловатися и боронити; а быти ми и моимъ дѣтемъ съ твоею княгинею и твоими дѣтми вездѣ за одинъ. А дати ми, господине, тебе съ Углеча поля въ 7000 рублевъ 100 руб и 5 р.,

а съ Городця и съ тѣхъ волостей, которыѣ ми еси волости къ Городцю придалъ, дати ми тебѣ въ 1500 р. 100 и 60 р.; а что къ тому прибудетъ или убудетъ, ино ми дати по розочту. А что ся остало въ Новѣгородѣ на Нижнемъ долгу старого полчетверты ($3^1/_2$) тысячи рублевъ, а то ми, господине, тебѣ дати по выходу по розочту. А перемѣнитъ Богъ, господине, Орду, и мнѣ имати дань съ своеѣ вотчины и съ своего удѣла собѣ; а тебѣ ми, в. князю не дати. А тебѣ, князь в., и твоимъ дѣтемъ въ мой удѣлъ и въ мою вотчину не всылати: а мнѣ, кн. Володимеру и моимъ дѣтемъ въ твое в. княженье и въ твой удѣлъ, и что ни есть за тобою за в. княземъ, въ то намъ вовсе не всылати. А коли, господине, будетъ сынъ твой въ твое мѣсто, и всядетъ сынъ твой на конь, ино и мнѣ съ нимъ всѣсти на конь: а коли сынъ твой не всядетъ на конь, ино и мнѣ не всѣсти на конь; а куды сынъ твой пошлетъ моихъ дѣтей, и имъ всѣсти на конь безъ ослушанья. А кто господине князь в., имется держати бояръ твоеѣ княгини и твоихъ дѣтей, и мнѣ кн. Володимеру и моимъ дѣтемъ блюсти тѣхъ бояръ, какъ и своихъ: такъже кто имется держати бояръ моеѣ княгини и моихъ дѣтей, и тебѣ в. князю и твоимъ дѣтемъ блюсти тѣхъ бояръ, какъ и своихъ. А жити намъ по первой грамотѣ по докончальной, и по сей грамотѣ и нашимъ дѣтемъ; а съ братьею съ моею съ молодшею жити то по первой грамотѣ по докончальной. А на сей грамотѣ язъ кн. в. Василій Димитр. целовалъ есмь крестъ, и за своего сына за Ивана, и за свои дѣти, кого ми Богъ даетъ, къ своему брату къ молодшему ко князю къ Володимеру А. и къ его дѣтемъ, по любви въ правду, безъ хитрости. А на сей грамотѣ язъ кн. Володимеръ А. съ своими дѣтми со княземъ съ Иваномъ и Семеномъ и съ Ярославомъ, и за свои дѣти за меншии за Ондрѣя и за Василья, целовали есмы крестъ къ своему господину къ брату старѣйшему къ в. кн. Василью Дмитр., и къ его сыну ко кн. Ивану, и къ его дѣтемъ, кого ему Богъ дастъ, по любви въ правду, безъ хитрости.

(Грамота писана на пергаминѣ, къ ней привѣшены на голубомъ шолковомъ снуркѣ двѣ восковыя печати).

(*Собр. Грам. I, № 38, стр. 69—71*).

Обратить вниманіе, какъ представлены отношенія муромскаго князя и его супруги къ боярамъ въ житіи Петра и Февроніи. См. ниже Очерки Буслаева I, 269—300.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

157. Отношеніе епископовъ къ князьямъ и народу.

Участіе князей и народа въ дѣлахъ церковныхъ постоянно обнаруживалось при избраніи епископовъ. Если въ какой-либо епархіи умиралъ епископъ или оставлялъ каѳедру: мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ кандидата, отправлялъ его въ Кіевъ къ князю кіевскому и митрополиту и просилъ о рукоположеніи новоизбраннаго во епископа;

такое избраніе, согласное съ древними обычаями церкви, считалось законнымъ. Если же митрополитъ самъ, безъ сношенія съ мѣстнымъ княземъ, поставлялъ куда-либо епископа: избраніе признавалось незаконнымъ. Въ 1183 г., когда скончался ростовскій епископъ Леонъ, м-тъ Никифоръ поставилъ въ Ростовъ епископомъ Николая—грека »на мздѣ«: но великій князь владимірскій и суздальскій Всеволодъ Юрьевичъ не принялъ его, говоря: »не избраша сего людіе земли нашея«, и послалъ въ Кіевъ просить князя Святослава и м-та, чтобы въ Ростовъ поставленъ былъ епископомъ смиренный игуменъ Спасскаго монастыря на Берестовѣ Лука. Митрополитъ, съ своей стороны, не хотѣлъ уступить; но »неволею великою Всеволода и Святославлею« поставилъ Луку епископомъ въ землю суздальскую, назначивъ Николаю другую епархію, полоцкую. Лѣтописецъ при этомъ замѣчаетъ: »нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но егоже Богъ позоветъ и св. Богородица, князь восхочетъ и людье«, указывая тѣмъ на общее правило, какого держались тогда у насъ при избраніи епископовъ. По смерти епископа Луки, тотъ же вел. кн. Всеволодъ послалъ (1190) въ Кіевъ къ князю Святославу и митрополиту, для рукоположенія во епископа, отца своего духовнаго Іоанна, который и былъ рукоположенъ. Когда этотъ епископъ отказался отъ епархіи и отошелъ въ Боголюбовъ монастырь: сынъ князя Всеволода Константинъ отправилъ (1215) къ кіевскому м-ту Матѳею игумена Петровскаго монастыря Пахомія, для поставленія его епископомъ Ростову, а другой сынъ Всеволода—Юрій, отправилъ туда же игумена Рождественскаго монастыря Симона для поставленія его епископомъ Суздалю и Володимеру. Въ 1231 году ростовскій князь Василько Константиновичъ послалъ въ Кіевъ къ князю Владиміру Рюриковичу и м-ту отца своего духовнаго Кирилла для рукоположенія во епископа Ростову. Вслѣдствіе такого близкаго участія князей въ избраніи епископовъ, и говорится въ лѣтописяхъ, что, напримѣръ, кіевскій князь Рюрикъ »постави епископомъ въ Бѣлгородъ отца своего духовнаго, выдубицкаго игумена Адріана« (1190), а суздальскій князь Всеволодъ посла на епископство въ русскій Переяславль Павла (1198).

Въ Новгородѣ, гдѣ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшало народное вѣче, и избраніе епископа совершалось вѣчемъ. Въ 1156 году, когда скончался новгородскій епископъ Нифонтъ, »собрались, говоритъ мѣстная лѣтопись, жители всего города и изволили поставить (т. е. избрать) себѣ епископомъ мужа, богоизбраннаго Аркадіа и пошли всѣмъ народомъ и взяли его изъ монастыря отъ св. Богородицы, и Князь Мстиславъ Юрьевичъ, и весь Клиръ св. Софіи, и всѣ городскіе священники, игумени и чернецы, а ввели его во дворъ св. Софіи, и поручили ему епископію«. Точно также, по смерти архіепископа Иліи (1186), Новгородцы, сдумавъ съ княземъ своимъ Мстиславомъ и съ игуменами и съ священниками, изволили поставить себѣ епископомъ брата Иліи Гавріила. Но изъ этихъ случаевъ еще не видно, какъ происходило самое избраніе, хотя одна изъ мѣстныхъ лѣтописей замѣчаетъ, что Аркадія Новгородцы поставили по жребію. Слѣдующіе примѣры объясняютъ дѣло подробнѣе. Въ 1199 году, по смерти архіеп. Гавріила, Новгородцы вмѣстѣ со княземъ Ярославомъ, игуменами, софійскимъ духовенствомъ и всѣми священниками, гадали между собою, и одни желали избрать на епископію Митрофана, другіе Мартирія, третьи какого-то Гричина (вѣроятно, или мірское имя, или передѣланное изъ Григорія), и была между ними распря. Тогда положили на св. трапезѣ (въ Софійскомъ соборѣ) 3 жребія и послали съ вѣча слѣпца, чтобы онъ

взялъ жребій того, кого Богъ дастъ, и вынулся божіею милостію жребій Мартирія. Немедленно послали за нимъ и привели его изъ Руси и посадили во дворѣ св. Софіи. Въ 1229 году, при избраніи новаго владыки, опять произошло на вѣчѣ разногласіе: одни хотѣли Спиридона, іеродіакона Юрьевскаго монастыря, другіе Іосафа, епископа владиміро-волынского, третьи Грьцына или Савву, юрьевскаго архимандрита. Для успокоенія умовъ князь Михаилъ сказалъ: положимъ 3 жребія на св трапезѣ, написавъ на нихъ имена избираемыхъ. И дѣйствительно, положили жребіи и послали изъ владычныхъ палатъ княжича Ростислава взять одинъ жребій, и, по волѣ божіей, вынулся жребій Спиридона, котораго немедленно вывели изъ монастыря и посадили во дворѣ владычномъ.

Кромѣ того, въ дѣлѣ избраній епископовъ у Новгородцевъ замѣчаемъ и другія особенности. Тогда какъ въ прочихъ епархіяхъ во епископы избирались почти исключительно настоятели обителей, Новгородцы часто избирали себѣ владыкъ изъ простыхъ иноковъ, даже изъ бѣлаго духовенства. Такъ Илія и братъ его Григорій избраны были изъ священниковъ приходскихъ новгородскихъ церквей, а Спиридонъ изъ іеродіаконовъ Юрьевскаго монастыря, а Антоній и Арсеній изъ простыхъ черноризцевъ Хутыня монастыря. И князь Михалъ, предлагая Новгородцамъ въ 1229 г. избрать новаго владыку, соотвѣтственно ихъ обычаю, выразился: »поищите себѣ такого мужа, въ попѣхъ ли, въ игуменѣхъ ли, въ чернцѣхъ ли«. Вдругъ, по избраніи новаго епископа, Новгородцы вводили его во дворъ св. Софіи и предоставляли ему управлять епархіею, а сами отправляли пословъ къ митрополиту съ просьбою поставить имъ избраннаго владыку. Когда митрополитъ изъявлялъ свое согласіе и присылалъ за новоизбраннымъ съ великою честію: этотъ

послѣдній торжественно ѣхалъ въ Кіевъ со свитою и принималъ тамъ рукоположеніе. Случалось, что избранный во епископа управлялъ новгородскою епархію до своего посвященія довольно долго, дожидаясь, пока »будетъ отъ митрополита позваніе«: напримѣръ Аркадій управлялъ около двухъ лѣтъ, Илія и Митрофанъ постольку же, а Арсеній, возведенный на владычныя »сѣни« изъ чернецовъ Хутыня монастыря, хотя правилъ епархіею два года, но посвященія вовсе не дождался: потому что, по прошествіи двухъ лѣтъ, былъ изгнанъ Новгородцами въ ту же обитель.

Принимая такое полное участіе въ избраніи для себя архипастырей, князья, а по мѣстамъ и народъ, иногда присвояли себѣ право удалять ихъ съ каѳедры прежде суда надъ ними церковнаго или даже вовсе безъ этого суда. Въ 1157 г. изгнанъ былъ изъ своей епархіи Ростовской епископъ Несторъ за то, что не разрѣшалъ поста въ среду и пятокъ для праздниковъ господскихъ, кромѣ Рождества христова и Богоявленья, и еще за какія-то другія вины, которыя взводилъ на его князь Андрей Боголюбскій. Кіевскій м-тъ Ѳеодоръ разсмотрѣлъ дѣло Нестора соборнѣ и совершенно оправдалъ его: но Боголюбскій не хотѣлъ принять изгнаннаго епископа, и Несторъ долженъ былъ искать себѣ защиты у цареградскаго патріарха. Патріархъ также нашелъ его невинным и неоднократно просилъ Боголюбскаго о принятіи его: но не видно и послѣ этого, чтобы Несторъ былъ принятъ. Въ 1159 г. Ростовцы и Суздальцы, съ согласія князя своего Андрея Боголюбскаго, изгнали отъ себя епископа Леона за то, что онъ, будучи поставленъ въ Ростовъ незаконно, еще при жизни Нестора, безъ нужды умножалъ число церквей и грабилъ духовныхъ. Чрезъ нѣсколько времени Боголюбскій принялъ Леона, но въ 1164 г. изгналъ опять. Вскорѣ возвратилъ его снова, впрочемъ только въ Ро-

стовъ, а не въ Суздаль; но чрезъ 4 мѣсяца изгналъ въ 3-й разъ: п. ч. Леонъ не соглашался разрѣшать постъ въ среду и пятокъ ни для какихъ господскихъ праздниковъ. Въ 1168 г. черниговскій князь Святославъ изгналъ изъ епархіи епископа своего Антонія, будучи недоволенъ тѣмъ, что Антоній строго возбранялъ ему разрѣшать постъ среды и пятка для праздниковъ господскихъ кромѣ двухъ: Рождества Христова и Богоявленія. Не упоминаемъ уже о томъ, что въ дѣлахъ собственно гражданскихъ епископы зависѣли отъ князей. Такъ, когда въ 1208 г. в. кн. Всеволодъ владимірскій, огорченный непокорностію Рязанцевъ, повелѣлъ ихъ городъ сжечь, а самихъ всѣхъ отвесть въ свою столицу, онъ плѣнилъ и епископа ихъ Арсенія, который и содержался во Владимирѣ 4 года, пока не былъ отпущенъ со всѣми Рязанцами. Въ 1229 г. ростовскій епископъ Кириллъ имѣлъ съ кѣмъ-то тяжбу предъ княземъ Ярославомъ и вслѣдствіе княжескаго суда, происходившаго »на сонмѣ«, у епископа отнято было все его богатство; а онъ, по словамъ лѣтописи, былъ такъ богатъ кунами и сёлами и книгами, и вообще всякимъ добромъ, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Кириллъ, страдавшій тогда тяжкою болѣзнію, перенесъ судебный приговоръ съ благодарностію Богу и, оставивъ каѳедру, принялъ схиму въ Дмитріевской суздальской обители.

Но болѣе всѣхъ позволяли себѣ власти по отношенію къ своимъ владыкамъ Новгородцы. Въ 1212 г. они прогнѣвались за что-то на архіеп. Митрофана и, не давъ ему оправдаться, удалили его въ Торопецъ, а себѣ избрали новаго владыку, хутынскаго чернеца Антонія. Черезъ 6 лѣтъ Митрофанъ возвратился въ Новгородъ, и Новгородцы проводили его въ Благовѣщенскій монастырь, а въ слѣдующемъ (1219 году), когда Антоній поѣхалъ въ Торжокъ, ввели Митрофана во дворъ владычный и посадили снова на каѳедру, пославъ сказать Антонію: »иди себѣ, куда хочешъ«. Антоній однакожъ пришелъ въ Новгородъ и остановился въ Спасскомъ Нередицкомъ монастырѣ. Не зная, что дѣлать, Новгородцы отправили обоихъ архіепископовъ на судъ къ митрополиту. М-тъ порѣшилъ тѣмъ, что Митрофана возвратилъ въ Новгородъ, а Антонію далъ перемышльскую епархію. По смерти Митрофана (1223), Новгородцы избрали себѣ владыкою Хутынскаго чернеца Арсенія, но чрезъ два года съ радостію приняли прежняго своего архіеп. Антонія, пришедшаго изъ Перемышля, и Арсеній долженъ былъ оставить свое мѣсто (1). Когда Антоній, лишившись употребленія языка, добровольно отказался отъ каѳедры (1228) и заключился въ Хутынскомъ мон., Арсенію снова предоставлено было управленіе епархіею. Но вскорѣ, по случаю безпрестанныхъ дождей, опустошившихъ поля, народъ возсталъ на Арсенія и составилъ противъ него вѣче, говоря: это за то мы страждемъ, что овъ выпроводилъ Антонія въ Хутынь, а самъ несправедливо занялъ владычній престолъ, подкупивъ князя. Съ шумомъ ворвались безразсудные въ архіерейскій домъ, выгнали изъ него Арсенія и едва не умертвили, такъ что онъ съ трудомъ спасся въ Софійскомъ соборѣ. На другой день извлекли архіеп. Антонія, больнаго и нѣмаго, изъ Хутыня мон. и посадили на святительской каѳедрѣ, давъ ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ. Уже князь Михаилъ черниговскій, прибывшій (1229) управлять Новгородцами, убѣдилъ ихъ избрать новаго владыку, вмѣсто больнаго и изнемогшаго старца.

(*Ист. Рус. Цер. пр. Макарія, III, 203—209*).

---

(1) См. выше въ Христом. № 56.

Подробное обозрѣніе хозяйств. управленія духовенства въ Россіи. Соч. *Вл. Милютина* «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Рос.« Чт. общ. Ист. 1861, I. 273—334. См. также Ист. Рус. Ц. *Филарета* II, 97. Ист. Рус. Монаш. *Казанскаго*. М. 1855. Очеркъ церков. администраціи. *А. В. Лохвицкаго*. Рус. Вѣстн. 1857. 2. Приходское духовенство на Руси. *П. В. Знаменскаго*. Прав. Обозр. 1867 г. и отдѣльно.

158. Замыслы папы.

Печально, тяжело было время Монголовъ для Россіи. Западъ прибавлялъ намъ скорби къ скорбямъ. Искушенія для православія съ запада были теперь такъ сильны, какъ не были прежде. Нельзя не удивляться твердости, съ какою Русскіе выдержали нападенія папы въ самое несчастное время. Богъ—хранитель вѣры чистой.

Дѣло запада начато было съ новгородскихъ и полоцкихъ приморскихъ владѣній въ Лифляндіи.—Съ начала XIII в., по волѣ папы, толпы бродягъ, которымъ не было мѣста на западѣ, шли одна за другою въ Лифляндію грабить другихъ, или, какъ называли это на западѣ, проповѣдывать Христа. Бѣдныхъ Ливовъ, Латышей и Чудь крестили огнемъ и мечемъ въ продолженіе 40 лѣтъ. Грабежъ отнялъ у Россіи все поморье; и восточное христіанство изчезло тамъ.

Папа не довольствовался тѣмъ. Онъ поднималъ крестовые походы на Россію то изъ Лифляндіи, то изъ Швеціи; Русскихъ не стыдился онъ называть язычниками. Въ 1240 г. шведскій король, въ слѣдствіе папской буллы, отправилъ войско съ епископами крестить русскихъ. Благовѣрный князь *Александръ* вышелъ съ малою дружиною, но съ твердою надеждою на Бога... И славная невская битва оставила за Александромъ громкое имя *Невскаго*. Кончивъ дѣло съ Шведами, Александръ долженъ былъ спѣшить на помощь Пскову и Изборску противъ пришлецовъ лифляндскихъ; защитникъ православія заставилъ трепетать орденъ за собственное существованіе. Тогда папа перемѣнилъ тонъ. Онъ отправилъ легатовъ къ Александру, изъявляя скромное желаніе, чтобы узнали лучшее отъ его учителей. Папѣ сказали: »мы знаемъ исторію вѣры и церкви съ самаго начала міра; къ чему жъ намъ новые учители?«—Не такъ казалось папѣ. Лифляндскіе поселенцы ручьями лили кровь русскую, и изъ своей корысти и для корысти папы. Мечь благовѣрнаго князя Довмонта усмирялъ искателей приключеній (1).

Въ 1347 г. *Магнусъ*, король шведскій, въ намѣреніи загладить грѣхи распутной жизни своей въ глазахъ папы, вызвался обратить Россію къ папѣ; онъ явился съ сильнымъ войскомъ въ предѣлахъ новогородскихъ и послалъ сказать: „пришлите умныхъ людей для пренія о вѣрѣ; узнаемъ, чья вѣра лучше, и лучшая принята будетъ всѣми; иначе—мой мечь научитъ всему“. Новгородцы отвѣчали: „мы приняли вѣру отъ Грековъ; и потому если король хочетъ узнать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ пословъ къ патріарху; если же онъ имѣетъ другое дѣло до насъ—обиду; пусть объяснитъ ее посламъ“. Отвѣтъ достойный истинной, чистой вѣры! Онъ говорилъ, что дѣла вѣры не должно смѣшивать съ дѣломъ меча. Но Магнусъ остался при своемъ, и сказалъ, что желаетъ одного—обратить Русскихъ къ своей вѣрѣ волею или неволею. Орѣшекъ сдался королю, и онъ поспѣшилъ перекрестить половину жителей. Но скоро Магнусъ разбитъ былъ на голову. Невольные крестники его стали опять тѣмъ,

(1) Подробнѣе объ этомъ можно читать въ Ист. княж. псковс. м. Евгенія I, 692. Москвит. 1843 г. Финск. Вѣст. 1845 г. 4—8

чѣмъ были по волѣ, и въ добавокъ били Шведовъ. Тѣмъ кончились пока миссіи папы на сѣверѣ.

На юго-западѣ Россіи дѣла папы были странны до крайности. Онъ предложилъ князю галичскому королевскій вѣнецъ за покорность ему. Сокрушаясь о бѣдной отчизнѣ и думая, не поможетъ ли владыка запада свергнуть иго Монголовъ съ Россіи, Даніилъ показалъ папѣ, что хочетъ съ нимъ сблизиться. Едва только это узнано, буллы посыпались въ Россію одна за другой. Въ 1246 г. Иннокентій IV писалъ къ Даніилу, что по его мольбѣ принимаетъ его и его царство подъ покровительство ап. Петра и свое; въ тотъ же день другою буллою назначилъ ему Доминиканцевъ проповѣдниковъ; третьею буллою повелѣвалъ послѣднимъ поспѣшить въ Россію. Въ томъ же году послалъ буллу къ „русскому королю Іоанну, (хотя сынъ Василько не былъ и владѣтельнымъ княземъ) и отправилъ къ нему прусскаго архіепископа съ правомъ „разрушать и разсѣвать, насаждать и созидать". Спустя три мѣсяца, папа объявилъ Даніилу свое дозволеніе отнимать земли у королей, не исповѣдающихъ римской вѣры. Въ тотъ же день онъ буллою на имя Даніила разрѣшалъ совершать литургію на квасномъ хлѣбѣ и наблюдать обычаи, не принятые латинскою церковію. Уступка необыкновенная, но на дѣлѣ она могла быть шагомъ впередъ. Новую буллою папа уполномочивалъ прусскаго архіепископа привесть въ соединеніе съ римскою церковію *возлюбленнаго сына русскаго короля*. Но папа въ той же буллѣ къ архіепископу прусскому давалъ знать, что онъ не вѣритъ искренности возлюбленнаго сына; онъ наказывалъ бискупу, чтобы король Даніилъ со всѣми вельможами далъ присягу на вѣрность. Въ 1249 г. терпѣніе Даніила истощилось. Онъ выгналъ папскаго архіепископа съ его патерами. Чрезъ три года Бэла венгерскій помирилъ Даніила съ папою, и папа, прославъ вѣнецъ и скипетръ, обѣщалъ помощь отечеству Даніила. Даніилъ снова сталъ ждать помощи, но помощи не было, и онъ оставилъ папу.

Только тогда, какъ пресѣкся родъ князей галичскихъ, и жители Черной Руси и Волыни, угнетаемые Литвою, Польшею, Татарами, предали себя власти Казиміра польскаго, папа могъ радоваться нѣкоторому успѣху трудовъ своихъ въ Россіи. Власть Казиміра признана была съ тѣмъ, чтобы не стѣснялъ онъ совѣсти Русскихъ. Латинскій король скоро забылъ обѣщаніе. На Волыни Ляхи „много зла христіаномъ сотвориша, церкви святыя претвориша въ латинское богомерзкое служеніе". Но это было не надолго. Въ слѣд. же году (1350) кн. Любартъ выгналъ всю Латынь изъ Волыни и оставилъ въ рукахъ Казиміра одинъ Львовъ (1). При преемникѣ Казиміра насилія умножились. На югѣ Россіи съ 1375 г. явились латинскіе епископы, но за исключеніемъ галичскаго, эти епископы долго были только титулярные, пастыри безъ паствы. Если послѣ сего нужно сказать, какъ Русскіе вѣрны были здѣсь православію: то инквизиція, основавшаяся ок. 1380 г. въ Галичѣ, безъ словъ громко говоритъ о славѣ православія.

При дочери Людовика, Ядвигѣ, польскіе епископы простерли власть папы какъ на Червонную Русь, такъ и на Литовско-русское княжество. Юной королевѣ обѣщали они царство небесное, если отдастъ руку безобразному Ягайлѣ,—и Ягайло промѣнялъ православіе на руку Ядвиги и вѣнецъ польскій; онъ далъ клятву бискупамъ волею или неволею вводить римскую вѣру въ Литовско-русское княжество. И клятву выполнялъ онъ надъ

---

(1) Зубрицкаго Ист. Червой. Руси, Hist. Polon. Длугоша.

самыми Русскими, умертвивъ двухъ вельможъ, не хотѣвшихъ оставить православіе. Православный или православная, вступая въ бракъ съ папистомъ, силою принуждаемы были къ римской вѣрѣ. Только оружіе Витовта (1388—1390) и Свидригайла (1394) не давало фанатику Ягайлѣ свободы выполнить клятву его въ полной силѣ.

(*Ист. Рус. Ц. пр. Филарета. II, 47—51*).

159. Отношеніе приднѣпровскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ до 1171.

...Несторъ ясно свидѣтельствуетъ, что сильнѣйшіе и богатѣйшіе города Приднѣпровья не были завоеваны варяжскими князьями, а сами приняли ихъ по взаимному согласію... Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ и Переяславль, видимо покорные князьямъ при началѣ, удерживаютъ свою самостоятельность и политическое значеніе до позднѣйшаго времени, и не рѣдко являются строптивыми и самовластными вѣчниками противъ князей. Чисто же завоеванныя или покоренные силою племена: Древляне, Радимичи, Вятичи и другіе, показавшіе сильное сопротивленіе при началѣ, почти въ слѣдъ за покореніемъ теряютъ всякое политическое значеніе, дѣлаются безмолвными данниками князей и болѣе уже не показываются на поприщѣ исторической дѣятельности. И такъ отношеніе варяжскихъ князей къ главнымъ приднѣпровскимъ городамъ не было отношеніемъ побѣдителей къ побѣжденнымъ; даже послѣ завоеванные города и покоренные силою племена не были завоеваніемъ однихъ варяжскихъ князей и ихъ дружины; въ немъ уже сильно участвовали города, принявшіе князей по взаимному согласію; сіи, будучи одинаковаго общиннаго свойства съ городами, покоряемыми вновь, препятствовали въ этихъ новыхъ завоеваніяхъ развиватья чужеземному элементу, принесенному князьями и ихъ пришлою дружиною (въ Европѣ же почти всѣ государства основаны завоевателями)... Въ Россіи народъ не лишенъ былъ своего политическаго значенія и не отказывался отъ участія въ дѣлахъ общественныхъ... Города управлялись своими общинными начальниками, старѣйшинами, мужами, держащими землю, князья же пользовались доходами, которые первоначально условлено было собирать князю на содержаніе войска (кромѣ того, собирали *полюдье*)... Привыкшій къ самовластію въ завоеванныхъ земляхъ, Святославъ просто скучалъ въ Кіевѣ, гдѣ нѣкоторымъ образомъ ограничивалось его власть... Кіевляне явно не принимаютъ участія въ княжескихъ усобицахъ; для нихъ все равно, кто бы ни былъ княземъ (*не вѣрно!*), лишъ бы не нарушалъ ихъ правъ; Скандинавы еще не умѣли сродниться съ ними, и рѣжутся только княжескія дружины... (Владиміръ св. не самовольно принялъ вѣру христіанскую и въ другихъ дѣлахъ ничего не предпринималъ безъ совѣта старѣйшинъ).

Раздробленіе княжеской власти по смерти Ярослава и междоусобіе дѣтей его развязали руки вѣчникамъ старыхъ самостоятельныхъ городовъ Приднѣпровья. Отдѣльные владыки, преемники могущественнаго Ярослава, большею частію, не умѣли привязать къ себѣ народа, еще не забывшаго своей прежней независимости. (Такъ Кіевляне выгнали Изяслава въ 1067 г. и разграбили его домъ). Сами князья явно признаютъ посредничество городскихъ жителей въ дѣлѣ государственнаго устройства и защиты. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, приглашая Олега, говорятъ: »поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли, предъ епископы и предъ

игумены и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхотъ оборонили руськую землю отъ поганыхъ« (*Лавр. 98*)... Въ это время не одни Кіевляне, но и жители другихъ старыхъ городовъ выказывали свою самостоятельность и свободу относительно къ князьямъ. Такъ Муромцы въ 1095 г. добровольно приняли Изяслава Владиміровича и выдали ему Олегова посадника; въ 1096 г. Смольняне не приняли Олега (*Лавр. 98*). А въ слѣдъ за старыми городами, пользуясь обстоятельствами, и младшіе стали сбирать вѣча и свободно говорить князьямъ, чтобы они сообразовались съ волею народа...

Привязанность городовъ къ своимъ княжескимъ родамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то свобода, — отдѣльность народа отъ князей, особенно рѣзко стали проявляться по смерти Мстислава Владимировича, когда возобновились княжескія усобицы, на время затихшія при Мономахѣ и Мстиславѣ. (Черниговцы принудили князя Всеволода просить мира у Ярополка. *Ип. 15*)... Похоронивъ Всеволода, Игорь созвалъ Кіевлянъ на Ярославль дворъ и привелъ ко вторичной присягѣ, но народъ, возвращаясь съ Ярославова двора, тутъ же собралъ вѣче у Туровой божницы и послалъ звать къ себѣ Игоря. Игорь отправилъ на вѣче своего брата, Святослава, которому граждане стали жаловаться на кіевскаго и вышегородскаго тіуновъ; требовали ихъ смѣны и клятвы отъ князей самимъ разбирать обиды: »А нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави». Ясное свидѣтельство, что главною обязанностію и правомъ князя было держать судъ и правду. Святославъ обѣщалъ дать тіуна по волѣ народа: »И сѣсѣдъ съ коня, и на томъ цѣлова хрестъ къ нимъ у вѣчи«, потомъ съ выборными отъ народа отправился къ Игорю привесть его къ присягѣ: »Игорь же сѣсѣдъ съ коня, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли и на братьни». Прямое доказательство, что граждане были свободны и принимали князей по взаимному согласію; и ежели когда на время держался у нихъ князь, неугодный народу, то его поддерживала только его собственная дружина, какъ было и въ настоящее время. Игорь, въ продоженіи вѣча, стоялъ среди своей дружины, готовой къ бою *на конѣхъ*; Кіевляне же отдѣлывались разными предложеніями и требованіями и не изгоняли неугоднаго князя, выжидая и выигрывая время, пока подойдетъ Изяславъ, которому уже послали сказать: »пойди, княже, къ намъ, хощемъ тебе». (Народъ отказалъ въ помощи даже любимому князю Изяславу, когда видѣлъ не соразмѣрность силъ съ силами противниковъ въ 1147 и въ 1149 г. *Ипат. 31. 62*)... Въ это время придѣпровскіе города, хотя по привязанности къ родовымъ князьямъ, втянулись въ коловоротъ княжескихъ усобицъ, но тѣмъ не менѣе еще удерживали свою самостоятельность, и всегда напередъ соразмѣряли свои силы съ силами противниковъ, и потомъ уже свободно объявляли своимъ князьямъ о готовности, или невозможности вспомоществовать имъ... Кіевляне, возводя Ростислава на кіевскій престолъ, говорили: »Якоже братъ твой, Изяславъ, честилъ Вячеслава, тако же и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой«. Очевидно, что граждане сами возводили своихъ князей на престолъ, и отдавались имъ только по жизнь: *а до твоего живота Кіевъ твой*. Посему владѣнія отнюдь не были наслѣдственными; слѣдов. преемство княжеской власти зависѣло отъ народа, который, впрочемъ, всегда старался ограничивать свой выборъ своими родовыми князьями, и только въ крайности, застигнутый обстоятельствами, иногда принималъ князей изъ другаго рода... Безъ утвержденія отъ народа на

княжескомъ престолѣ, князь не могъ ни заключать мира, ни вести войну, хотя бы имѣлъ при себѣ городскую рать...

Юрій, хотя не любимый Кіевлянами, а какъ родовой князь, былъ принятъ народомъ съ радостію и владѣлъ спокойно до своей кончины (т. е. три года); но конечно, онъ болѣе держался своею дружиною, приведенною изъ Суздаля; и граждане, освобожденные его смертію, въ самый день похоронъ произвели свою управу съ княжею дружиною; лѣтопись описываетъ это слѣд. обр.: »Розграбиша дворъ его Красный, и другый дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша въ городѣ; избивахуть Суждальцы по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче«. (*Ипат. 81*)... По смерти Ростислава, Кіевляне и Черные Клобуки послали во Владиміръ волынскій просить Мстислава Изяславича въ Кіевъ; съ тѣмъ же послали къ нему и его братья. Мстиславъ, хотя съ радостію былъ встрѣченъ въ Кіевѣ, какъ сынъ любимаго Изяслава, вызванный самимъ народомъ; но тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ вступить въ договоръ съ гражданами въ самый же день вступленія въ Кіевъ, точно такъже, какъ онъ въ тоже время договаривался съ князьями—братьями и съ дружиною Ростислава. Вотъ слова лѣтописи: »А въ Кіевъ вниде, ту выидоша Кіяне вси. Възма рядъ съ братьею, и съ дружиною, и съ Кіяны въ тъ день« (*Ипат. 96*)... Это одно изъ самыхъ ясныхъ свидѣтельствъ о самостоятельности старыхъ приднѣпровскихъ городовъ, которые если иногда и уступали обстоятельствамъ, но тѣмъ не менѣе всегда сознавали свои права и значеніе. Здѣсь мы видимъ ясно, что Кіевляне на одинаковыхъ правахъ съ князьями договариваются съ великимъ княземъ...

Со взятіемъ Кіева въ 1171 г. (1), кончилась исторія самостоятельности этого города, Кіевъ болѣе уже не воскресалъ, а въ слѣдъ за нимъ мало по малу покорились князьямъ и прочіе города Приднѣпровья; долѣе всѣхъ держались Черниговъ и Смоленскъ; ихъ самостоятельность совершенно уничтожили уже Монголы и литовскіе князья... Мстиславъ Андреевичь, предводитель войскъ Боголюбскаго, посадилъ тамъ княземъ Глѣба Юрьевича, не справляясь съ волею гражданъ. Во время отсутствія Глѣба въ Суздаль, Кіевляне опять было пригласили Мстислава Изяславича, который, вошедши въ Кіевъ, по прежнему заключилъ договоръ съ гражданами: »вземъ ряды съ братіею и съ Кіяны«; но Мстиславъ не могъ уже удержаться въ Кіевѣ. А возвратившійся Глѣбъ не думалъ спрашивать о желаніи гражданъ, и всего ждалъ только отъ своей дружины и отъ распоряженій суздальскаго князя Андрея.

(Изъ статьи И. Бѣляева. Чт. общ. ист. 1848 г. № 7. отд. I, стр. 1—32),

160. Дружина княжеская.

Вліяніе (*на образованіе юнаго общества*) сильно обнаружилось посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ князьями. Съ самаго начала мы видимъ

(1) Самовластный Андрей суздальскій князь, желая смирить Мстислава Изяславича, а можетъ быть, подчинить Кіевъ, пошелъ вмѣстѣ съ другими князьями, взялъ приступомъ городъ и произвелъ ужасное опустошеніе. Союзныя войска два дня грабили городъ, разоряли церкви, монастыри и домы гражданъ; лѣтописецъ повѣствуетъ: »не бысть помилованія никому же, церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемымъ, другымъ вяжемымъ, жены ведоми быша въ плѣнъ, разлучаеми нужею отъ мужій своихъ, младенцы рыдаху, зряще матерій своихъ« *(Ипат. 100)*.

около князя людей, которые сопровождаютъ его на войну, во время мира составляютъ его совѣтъ, исполняютъ его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ; дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ Варяговъ, но въ нее открытъ свободный доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется, по самой близости, туземцамъ; съ появленіемъ дружины среди славянскихъ племенъ для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родоваго быта въ бытъ основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получили возможность, просторъ развивать свои силы, обнаруживать свои личныя достоинства, получили возможность личною доблестію пріобрѣтать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось извѣстною степенью на родовой лѣствицѣ; въ дружинѣ члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ князю и къ землѣ? Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и землѣ на западѣ и тѣ же самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго вождя собиралась толпа отважныхъ людей съ цѣлію завоеванія какой-нибудь страны, пріобрѣтенія земель во владѣніе. Здѣсь вождь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина нисколько не находилась къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ, вождь былъ только первый между равными: »Мы избираемъ тебя въ вожди, говорила ему дружина, и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда пойдемъ и мы за тобою; но что будетъ пріобрѣтено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всѣми нами, смотря по достоинству каждаго«, и проч. И дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какую-нибудь страною, то каждый членъ варварскаго ополченія пріобрѣталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія. Но подобныя отношенія могли ли имѣть мѣсто у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ нарядникъ земли; въ значеніи князя извѣстной страны онъ расширяетъ свои владѣнія; съ нимъ приходитъ дружина, которая постоянно наполняется новыми членами, пришельцами и туземцами, но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ западныхъ; они не могли явиться для того, чтобы дѣлить землю, ими незавоеванную, они могли явиться только для того, чтобы служить князю извѣстныхъ племенъ, извѣстной страны; тѣ изъ нихъ, которые приходили за тѣмъ, чтобы получать города и села, какъ напримѣръ Аскольдъ и Диръ, обманывались въ своей надеждѣ, и отправлялись искать лучшаго въ другомъ мѣстѣ. Рюрикъ раздаетъ города мужамъ своимъ; Олегъ сажаетъ мужей своихъ въ занятыхъ ими городахъ—Смолен-

скѣ и Любечѣ: они здѣсь начальники отрядовъ, они заступаютъ мѣсто князя; но при этомъ должно строго отличать характеръ правительственной отъ характера владѣльческаго: мы и послѣ постоянно видимъ вездѣ княжихъ посадниковъ, намѣстниковъ, но вездѣ только съ характеромъ правительственнымъ. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорялъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: покоренныя племена были разсѣяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ; волею или неволею соглашались они платить дань—и только ихъ нельзя было подѣлить между членами дружины; мы знаемъ, какъ покорялъ Олегъ племена; одни добровольно соглашались платить ему дань, какую прежде платили они Козарамъ, на другихъ накладывалъ онъ дань легкую; нѣкоторыхъ примучивалъ, то есть силою заставлялъ платить себѣ дань, но опять только дань. Большое различіе, когда дружина займетъ страну цивилизованнаго народа, покрытую городами и селеніями, или когда займетъ страну пустынную, рѣдко населенную, построитъ отрожекъ, и станетъ ходить изъ него къ племенамъ за мѣхами. Земли было много у русскаго князя, онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ, но дѣло въ томъ, выгодно ли было дружинникамъ брать ее безъ народонаселенія, имъ гораздо выгоднѣе было оставаться при князѣ ходить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непокореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать эту дань чужимъ народамъ, однимъ словомъ—получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ: такъ между послами Игоря мы встрѣчаемъ Ятвяга; Святославъ отовсюду сбиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ; Владиміръ выбралъ изъ наемныхъ Варяговъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города; сѣверныя саги говорятъ о знатныхъ витязяхъ скандинавскихъ, которые служили въ дружинахъ нашихъ князей; каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати.

Въ сагахъ читаемъ, что при Владимірѣ княгиня, жена его, имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь: мужъ и жена соперничали, у кого будетъ больше знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину. Подтвержденіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, посылая богатыря на подвигъ, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня, Князя, сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У Княгини ты бери другое сто.

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина; дружина Игорева говорила: »Кто съ моремъ совѣтенъ«? и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были всѣ похожи на него: »Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы свои сложимъ«, говорили они ему, т. ч. оставить поле битвы, потерявши князя, считалось ужаснымъ позоромъ для добраго дружинника. И хорошій вождь считалъ постыднымъ покинуть войско въ опасности; такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, тысяцкій Вышата сошелъ на берегъ къ выброшен-

нымъ бурею воинамъ и сказалъ: »Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною«. Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя—пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говоритъ Игорю: »отроки Свѣнельдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдемъ съ нами въ дань. Хорошій князь не жалѣлъ ничего для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда пріобрѣсть богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружинѣ; такъ о сынѣ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадилъ, въ питьѣ и пищѣ ей не отказывалъ. При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кругу, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится: Владиміръ любилъ дружину, и думалъ съ нею о стрѣѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ. Святославъ не хочетъ принимать христіанства, п. ч. дружина станетъ смѣяться. Бояре вмѣстѣ съ городскими старцами рѣшаютъ, что должно принести человѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтываться о перемѣнѣ вѣры.

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что одни бояре, одни старшіе члены дружины были совѣтниками князя; два послѣднія извѣстія ограничиваютъ первое, показываютъ, съ какою дружиною думалъ Владиміръ. Какъ же раздѣлялась дружина, какъ назывались младшіе ея члены, не бояре?—Для означенія отдѣльнаго члена дружины, дружинника, безъ различія степеней, употреблялось слово *мужъ*. Мужъ, мужи значило человѣкъ, люди, но преимущественно съ почетнымъ значеніемъ; мужъ съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ, относящимся къ князю, означалъ дружинника; мужъ свой, мужъ его. Но, какъ видно, слово мужъ имѣло и болѣе тѣсное значеніе, означало дружинниковъ втораго разряда, низшихъ, младшихъ членовъ дружины, въ противоположность боярамъ; это видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи, хотя относящагося къ позднѣйшему времени. Князь Игорь Сѣверскій, попавшись въ плѣнъ къ Половцамъ, такъ горюетъ объ истребленіи своего войска: »Гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный?« И такъ, бояре были лучшіе, старшіе въ дружинѣ, совѣтники, думцы князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое, болѣе опредѣленное названіе для этого разряда дружинниковъ было *гриди, гридь гридьба*, что означаетъ также сборище, толпу, дружину. Комната во дворѣ княжескомъ, гдѣ собиралась дружина, называлась *гридницею*: такъ говорится о Владимірѣ: »Онъ учредилъ на дворѣ въ гридницѣ пиры, куда приходили бояре и гриди, соцкіе и десяцкіе, и нарочитые мужи, при князѣ и безъ князя«. Мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ жившихъ при князѣ, въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ *болярцы*. Въ Русской Правдѣ и въ Новгородской лѣтописи мы встрѣчаемъ названіе *огнищанина*, подававшее поводъ къ различнымъ объясненіямъ. Подъ огнищаниномъ разумѣлся только мужъ княжъ высшаго разряда, бояринъ, думецъ княжескій, но не гридь, не простой членъ дружины, который собственно не принадлежалъ къ огнищу или двору княжескому (позднѣе: *дворянинъ*)...

Ист. Россіи, Соловьева. I, 242—8).

161. Вѣче и Князь.

Народъ и князь суть два одинаково существенныхъ элемента древнерусскаго общественнаго быта: съ одной стороны, народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ же народъ. — Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою—*вѣча* (1). Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Отечественные памятники разсказываютъ о народныхъ рѣшеніяхъ еще до призванія Рюрика *(Лавр. 7)*. Призваніе Рюрика было также дѣломъ народнаго постановленія.

Во времена князей Рюриковичей форма эта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи: гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Новгородъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: его бытъ есть бытъ общій всѣмъ городамъ русскимъ. Разница, которая замѣчается въ его жизни и жизни другихъ городовъ, — есть разница количественная, а не качественная. Богатѣйшій и населеннѣйшій изъ всѣхъ городовъ русскихъ, Новгородъ распадался на многочисленныя и сильныя партіи, которыя имѣли не одинъ поводъ къ враждебному между собой столкновенію. Существованіе сильныхъ партій и легкая возможность столкновенія между ними, условливаемая вѣчевымъ бытомъ, и была причиной, что новгородская вѣчевая жизнь текла шумливѣе, чѣмъ жизнь другихъ городовъ, менѣе населенныхъ и менѣе богатыхъ, и вслѣдствіе того представлявшихъ большее однообразіе и спокойствіе жизни. Кромѣ того Новгородъ имѣлъ еще и то великое преимущество передъ другими городами, что татарскій разгромъ вовсе его не коснулся. Благодаря этому обстоятельству, вѣчевая жизнь сохранилась въ его стѣнахъ гораздо долѣе, чѣмъ въ остальной Россіи.

Не смотря на неполноту нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, они представляютъ, однако, указанія на существованіе вѣча не только во всѣхъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ изъ городовъ второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенія... Помимо отдѣльныхъ указаній на существованіе вѣчеваго быта въ томъ или другомъ городѣ, мы можемъ привести и прямое свидѣтельство современника въ пользу его всеобщности. Суздальскій лѣтописецъ, размышляя по поводу знаменитой въ его время борьбы Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ, говоритъ: »Новгородцы бо изначала, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане, и *вся власти* (волости) якоже на думу на вѣча сходятся«. И такъ по свидѣтельству лѣтописи (1176 г.), во всѣхъ волостяхъ тогдашней Россіи существовалъ старинный обычай—сходиться на вѣче, какъ на думу; въ этомъ отношеніи онъ нисколько не различаетъ Новгорода отъ Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова и всѣхъ другихъ волостей, сколько бы ихъ ни было. Отсутствіе прямаго свидѣтельства лѣтописи о вѣчевыхъ собраніяхъ въ извѣстномъ городѣ и въ извѣстное время никакъ не можетъ служить доказательствомъ существованія въ этомъ городѣ иного порядка вещей. Въ только что приведенномъ мѣстѣ лѣтописи Смоленскъ названъ вѣчевымъ городомъ; а между тѣмъ лѣтописи ни разу не говорятъ о вѣчѣ въ Смоленскѣ. Ростовскую волость въ своихъ общихъ размышленіяхъ лѣтописецъ причисляетъ къ вѣчевымъ еще во второй половинѣ XII в.; а прямое свидѣтельство о вѣчѣ въ городахъ Ростовской волости сохранилось только отъ 2-й половины XIII ст., цѣлымъ вѣкомъ позднѣе.

---

(1) *Вѣче* происходитъ отъ одного корня съ сл. *вѣщать*, говорить, оттуда сл. *отвѣчать*.

Вѣчевой бытъ былъ явленіемъ *необходимымъ* въ древней Россіи, а потому и *всеобщимъ*. Князь, призванный элементъ волости, не имѣлъ еще своихъ собственныхъ, достаточно развитыхъ орудій управленія. У него не было ни полиціи, ни войска въ теперешнемъ смыслѣ слова. Между княземъ и исполнителями его воли не было даже той поземельной связи, которая даетъ такую прочность отношеніямъ феодальнымъ и помѣстнымъ. Отношенія служилыхъ людей къ князю были до крайности шатки, они могли прерваться ежеминутно и по односторонней волѣ служилаго человѣка. Эта слабость собственныхъ силъ князя естественно заставляла его искать опоры въ согласіи съ народомъ, выдвигала народъ на первый планъ. Хотя вѣче и не было создано княземъ, но онъ долженъ былъ обращаться къ нему. — Так. обр. вѣче не есть явленіе одиночное, стоящее внѣ прямой связи съ другими учрежденіями княжеской Россіи: оно составляетъ необходимое къ нимъ дополненіе.

Какъ по возникновенію своему вѣче было безъискуственнымъ произведеніемъ самой жизни, а не зрѣлымъ плодомъ законодательнаго акта; такъ точно и отмѣна его совершилась не столько въ силу сознательной воли законодателя, сколько въ силу измѣненій въ древнемъ общественномъ бытѣ, которыя хотя и не были направлены къ отмѣнѣ вѣчевыхъ учрежденій, но произвели то, что народныя собранія сдѣлались ненужными и мало по малу вышли изъ употребленія; только подъ конецъ княжескаго періода встрѣчаемся съ законодательной волей, сознательно направленной къ отмѣнѣ послѣднихъ остатковъ вѣчеваго устройства.—

Первый шагъ на новомъ пути былъ сдѣланъ татарскимъ завоеваніемъ. Хотя Татары не остались въ Россіи и не подѣлили между собой завоеванныхъ земель,

тѣмъ не менѣе Русская земля сдѣлалась »улусомъ« ордынскаго царя. Вмѣстѣ съ этимъ центръ Русской политической жизни перемѣстился за предѣлы Россіи — въ Орду. Князья нисходятъ на степень ханскихъ подручниковъ, для которыхъ исполненіе воли Хана составляетъ безусловную обязанность. Народъ, также какъ и князья, не имѣя возможности сопротивляться преобладающей силѣ Татаръ, находится въ необходимости подчиняться всѣмъ требованіямъ Орды, для удовлетворенія которой возникаютъ новые и обременительные налоги. Занятіе столовъ перестаетъ зависѣть отъ воли народа: ханы жалуютъ ихъ, кому хотятъ. Так. обр. самостоятельное рѣшеніе важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ въ силу взаимодѣйствія народа и князя смѣняется молчаливымъ исполненіемъ воли сильнаго завоевателя.— Татары не отмѣнили вѣча; но какъ скоро центръ государственной жизни перемѣстился въ Орду, изчезли поводы, призывавшіе гражданъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, большая часть Русской земли повторяющимися нашествіями Татаръ была доведена до крайняго опустошенія, уровень общественнаго благосостоянія сильно понизился, и городамъ, которые подвергались почти періодическимъ разореніямъ, было не до разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Право сходиться на вѣча существовало по прежнему, но къ его осуществленію или вовсе не приходилось обращаться, или, если и обращались, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Так. обр. вѣчевыя собранія начинаютъ выходить изъ употребленія, хотя объ отмѣнѣ ихъ еще никто и не думалъ.

Дѣло, начатое Татарами, завершилось окончательно: во 1-хъ измѣненіями, происшедшими въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ князю, и во 2-хъ объединеніемъ Россіи. Установленіе помѣстной

связи между служилыми людьми и княземъ положило начало самостоятельной военной силѣ послѣдняго и его независимости отъ силы и воли народа. Объединеніе же Россіи въ одно государство съ центромъ въ Москвѣ сдѣлало не возможнымъ прежнее участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ подъ формою вѣча, а новой формы, болѣе соотвѣтствующей измѣнившимся потребностямъ времени, не было, да и исторія княжескаго періода вовсе не къ тому шла, чтобы ее выработать.

Конецъ XV и начало XIV в. можно считать тѣмъ временемъ, когда новыя условія общественнаго строя достигли значительной зрѣлости и перешли въ общественное сознаніе. По мѣрѣ приближенія къ этому времени старый порядокъ вещей все болѣе и болѣе утрачиваетъ свои силы. Вѣчевыя собранія, слѣды которыхъ сохранились отъ второй половины XIV и XV в., составляютъ исключеніе, а не правило; это—послѣдніе отголоски древняго быта. Къ концу XV в. Россія представляется раздѣленной на двѣ мало похожихъ одна на другую части: Новгородъ и Псковъ являются представителями стараго порядка, Москва — новаго. Вѣчевое устройство, сохранившееся въ сѣверо-западномъ углу Русской земли, мало вяжется съ устройствомъ остальной Россіи; послѣдніе Московскіе князья вступаютъ въ прямую борьбу съ нимъ и выходятъ побѣдителями: въ 1478 г. Ивану Васильевичу удается отмѣнить вѣчевой бытъ Новгорода, а въ 1510 г. сынъ его, Василій, уничтожаетъ и Псковское вѣче.

Волость, составлявшая народное собраніе, есть не что иное, какъ отдѣльное княженіе, въ составъ котораго входило, обыкновенно, нѣсколько различныхъ по своему значенію пунктовъ поселенія. Болѣе значительные изъ нихъ обращались въ города, которые въ свою очередь подраздѣлялись на главные, или *города* просто и на *пригороды*. Земля, часто на очень значительномъ протяженіи отъ города, составляла собственность его жителей. Обладаніе землей было такимъ важнымъ условіемъ политической силы въ древней Россіи, что количество поземельной собственности, принадлежавшей гражданамъ того или другаго города, можетъ быть прямо считаемо мѣриломъ ихъ политическаго значенія. Раскинутость поземельной собственности горожанъ далеко за чертой города дѣлала необходимымъ учрежденіе пригородовъ. Небольшіе укрѣпленные пункты, расположенные по окраинамъ волости, могли быть очень полезны во время хищническихъ вторженій, столь обыкновенныхъ въ древнее время. Пригороды, слѣдовательно, составляли ихъ насущную потребность. Пригородъ, благодаря счастливому стеченію выгодныхъ условій положенія и историческаго развитія, могъ не только сравняться, но и превзойти главный городъ, какъ поселеніемъ, такъ и богатствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ былъ все менѣе и менѣе чувствовать необходимость въ покровительствѣ своей метрополіи; болѣе же сложные и развитые интересы жизни могли даже повести его и прямо къ враждебнымъ столкновеніямъ съ ней. Результатомъ такаго новаго положенія дѣлъ является обособленіе пригорода въ особую самостоятельную волость, въ предѣлахъ которой въ свою очередь возникаютъ пригороды.

Участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ понималось въ древней Россіи какъ *право*; право это принадлежало всѣмъ свободнымъ. Принимающіе участіе на вѣчѣ обыкновенно обозначаются въ источникахъ самыми общими терминами: это *людіе* безъ всякихъ ограниченій. На вѣчѣ участвуютъ всѣ слои населенія, начиная съ высшихъ и до послѣднихъ: лучшіе люди, средніе и меньшіе, черные, купцы, смерды даже-худые мужики »и всѣ люди«. Дѣти, хо-

тя бы и взрослые, при жизни отца, устранялись отъ личнаго участія въ народныхъ собраніяхъ, по общепринятому взгляду. Но въ источникахъ нѣтъ указаній относительно вліянія, которое оказывало на право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ состояніе наймитовъ и закуповъ. Вѣчевая жизнь пригородовъ проявляется двоякимъ путемъ: они или участвуютъ непосредственно въ собраніяхъ главныхъ городовъ, или составляютъ свои особыя собранія въ предѣлахъ пригорода.

Русское вѣче не имѣетъ ничего общаго съ тою формою народнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, которую представляетъ Англійскій парламентъ и подражанія этому учрежденію на европейскомъ континентѣ. Участіе народа въ палатѣ общинъ сложилось подъ вліяніемъ *сильной* королевской власти. Представители городовъ и графствъ не сами сходились, они *призывались* королями и только для обсужденія и рѣшенія тѣхъ вопросовъ, по которымъ были призваны; по всѣмъ же другимъ—ихъ дѣятельность ограничивалась почтительными прошеніями. Въ древнѣйшее время это участіе въ королевской думѣ разсматривалось болѣе съ точки зрѣнія *обязанности*, чѣмъ права. Представители *обязаны были* являться. Члены палаты общинъ говорили не во имя *личныхъ* своихъ интересовъ; они были представителями тѣхъ общинъ, которыя ихъ посылали, и голосъ ихъ былъ голосомъ цѣлой общины.

Совсѣмъ иной характеръ нашего вѣча. Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ *не по призванію* князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому »мужу« права устроивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ

не чрезъ представителей, а поголовно; а съ другой стороны онъ не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говоритъ только во имя своихъ личныхъ интересовъ, составляетъ *цѣлое* только въ случаѣ соглашенія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война. У насъ требовалось или единогласное мнѣніе всѣхъ, или такое подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всѣхъ разномыслящихъ. Это и понятно. Рѣшеніе простымъ большинствомъ можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ есть самостоятельная исполнительная власть, достаточно сильная для того, чтобы привести въ исполненіе народное рѣшеніе, не смотря на противорѣчіе многочисленнаго меньшинства. Так. обр. характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: *слабостью* княжеской власти и *всемогуществомъ* личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ. Всего ближе къ нашему вѣчевому быту подходитъ бытъ древнихъ Германцевъ. При неограниченной свободѣ отдѣльной личности и при слабости исполнительной власти, не было инаго исхода — какъ соглашеніе всѣхъ, или война всѣхъ. Если соглашеніе послѣдовало, волость находилась въ состояніи мира, если нѣтъ — въ состояніи розмирья. И такъ начало представительства не входило въ систему нашей вѣчевой жизни: мы не встрѣчаемъ на него никакихъ указаній. Вѣче—есть форма *непосредственнаго* участія народа въ общественныхъ дѣлахъ, а не чрезъ представителей. Участіе на вѣчѣ понималось въ древней Россіи, какъ *право*, а не обязанность. Изъ имѣющихъ право — никто не былъ *обязанъ* посѣщать вѣчевыя собранія; бывалъ, кто хотѣлъ,

Что касается до *времени созванія* вѣча, должно замѣтить, что наши вѣчевыя собранія не были періодическими. Они созывались смотря *по потребности*. Так. обр. въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, и на оборотъ—въ цѣлый годъ—ни одного. *Порядокъ созванія* вѣча опредѣляется сущностью этого учрежденія. Это форма участія народа въ общественныхъ дѣлахъ въ силу присущаго народу права, а потому вѣче *можетъ* быть созвано — какъ самимъ народомъ, такъ и княземъ, если онъ находилъ это нужнымъ. Мы имѣемъ много свидѣтельствъ о созваніи вѣча народомъ, не смотря на присутствіе въ городѣ князя или его посадника. Но такъ какъ не было обязанности являться на вѣче, то понятно, что для того, чтобы вѣче дѣйствительно состоялось, еще мало одного призыва; надо, чтобы народъ *желалъ* совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Безъ народнаго желанія вѣче не состоится, хотя бы призывъ исходилъ и отъ самаго князя. Колокольный звонъ былъ обыкновеннымъ способомъ призыва къ вѣчевымъ собраніямъ. Необходимаго *мѣста* для вѣчевыхъ собраній не было. Вѣче могло собраться вездѣ — какъ въ городѣ, такъ и внѣ города, и »на поли«. Въ случаѣ раздѣленія мнѣній, сторонники разныхъ партій сходились обыкновенно въ разныхъ мѣстахъ; так. обр. въ одно и тоже время было нѣсколько вѣчевыхъ собраній, которыя или вступали въ бой одно съ другимъ, или мирились на какомъ нибудь общемъ мнѣніи. *Продолжительность* вѣча опредѣлялась не временемъ, а предметомъ. Вѣче созывалось не на опредѣленный промежутокъ времени, а для рѣшенія извѣстнаго вопроса и продолжалось до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ не былъ улаженъ.

Что же касается до самаго порядка совѣщаній, онъ былъ словесный и совершенно безформенный. Мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на предсѣдателя или руководителя прѣній. Первый вопросъ вѣчу предлагался, обыкновенно, тѣмъ, кто его созвалъ, — княземъ, или кѣмъ-либо изъ народа; за тѣмъ начиналось совѣщаніе самаго народа. При этомъ случалось, что говорили лучшіе люди, бояре и старцы, а остальные—слушали въ молчаніи и только подъ конецъ выражали свое одобреніе. Всѣ люди имѣли одинаковое право слова, и говорить самимъ или слушать другихъ — зависѣло исключительно отъ ихъ личнаго такта. Мы имѣемъ указанія, что люди богатые подкупали людей бѣдныхъ — смердовъ, худыхъ мужиковъ—для того, чтобы они своимъ говоромъ и крикомъ на вѣчѣ заглушали рѣчи лучшихъ людей, ихъ противниковъ, и тѣмъ способствовали проведенію ихъ собственныхъ мнѣній. Когда этого требовало дѣло, рѣшеніе вѣча записывалось.

Такъ какъ рѣшеніе вѣча было выраженіемъ воли народной, не подчиненной никакимъ внѣшнимъ формамъ, — то эта безформенность не могла не отразиться ослабляющимъ образомъ на окончательной силѣ самаго рѣшенія. При вѣчевыхъ собраніяхъ не требовалось присутствія *извѣстныхъ* лицъ и *въ извѣстномъ* числѣ. По этому составъ вѣча могъ быть очень не постоянный: сего дня могли собраться такія лица, большинство которыхъ, по совершенно случайнымъ причинамъ, вовсе не принимало участія во вчерашнемъ рѣшеніи. Но даже и въ случаѣ равнаго самому себѣ личнаго состава вѣча, твердость его рѣшеній, при отсутствіи формъ, зависѣла исключительно отъ настроенія духа всегда подвижной массы народа. Если это настроеніе мѣнялось, довольно было двухъ-трехъ часовъ, чтобы оно перешло въ новое рѣшеніе, совершенно противоположное старому. Такой порядокъ вещей, естественно, давалъ полную свободу образованію политическихъ *партій* и полный просторъ ихъ взаим-

ной борьбѣ. Наши партіи группировались обыкновенно около князей и имѣли цѣлью доставить столъ тому изъ нихъ, на сторонѣ котораго онѣ стояли, что вело: 1, къ господству самой партіи, ибо князь роздавалъ мѣста и, конечно, прежде всего одѣлялъ своихъ *пріятелей*; и 2, къ устраненію тѣхъ неудобствъ, которымъ могла подвергаться эта партія во время господства противной. Лѣтописи даютъ многочисленные примѣры роздѣленія городовъ на княжескія партіи. Удаленіе вмѣстѣ съ княземъ и пріятелей его, потерпѣвшихъ пораженіе на вѣчѣ, довольно обыкновенное явленіе.

Вѣче, какъ основная форма быта, вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князей. Къ предметамъ послѣдняго рода относятся: управленіе и судъ. Хотя народъ не отправляетъ на вѣчѣ ни суда, ни управленія; но такъ какъ главная сила князя заключается въ народѣ, то, понятно, что онъ не могъ оставаться безъ вліянія на княжескій судъ и управленіе; а при всеобъемлющемъ значеніи вѣча въ нашей древней жизни, это вліяніе переходило иногда и въ непосредственное отправленіе народомъ какъ суда (впрочемъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ), такъ и нѣкоторыхъ отраслей управленія.

Главнѣйшую дѣятельность вѣча составляетъ призваніе князя. Существованіе права призванія доказывается: 1, народнымъ сознаніемъ, которое проявляется въ повторяющихся фактахъ призванія, и 2, условіями призванія, изъ которыхъ видно, что призваніе не переносило на князя права распоряженія столомъ послѣ его смерти, что рано или поздно дѣлало необходимымъ новое призваніе. Хотя на практикѣ переходъ столовъ совершался подъ вліяніемъ весьма разнообразной борьбы, хотя столы не рѣдко занимали князья безъ предварительнаго призванія и даже прямо противъ воли народа въ силу военнаго превосходства князя; но право призванія жило не въ одномъ сознаніи народа, но и въ сознаніи князей, а только въ дѣйствительности это право должно было иногда уступать болѣе сильному праву войны. При равенствѣ всѣхъ слоевъ населенія, при отсутствіи почему бы то ни было выдающихся родовъ изъ общаго уровня, у насъ не представлялось возможности изъ своихъ собственныхъ элементовъ создать главу сколько-нибудь сильной правительственной власти, не возбудивъ непримиримой вражды партій. Призваніе князей *извнѣ* являлось единственнымъ средствомъ установить власть, независимую отъ внутреннихъ партій. Призваніе Рюрика 862 г. имѣло рѣшительныя послѣдствія для всей Русской земли: оно положило начало особой породѣ людей, которые въ силу своего происхожденія отъ призваннаго князя считались способными къ отправленію высшей судебной и правительственной дѣятельности. Съ этого времени призванія дѣлаются изъ среды потомковъ Рюрика, которые образуютъ особое, не смѣшивающееся съ остальнымъ населеніемъ, *замкнутое* и *потомственное сословіе* князей. Призваніе, обыкновенно, было *временное*, но безъ установленія опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго оно теряло бы свою силу. Оно простиралось *на неопредѣленное* время, до тѣхъ поръ, пока съ обѣихъ сторонъ соблюдаются условія призванія или пока господствуетъ *единеніе* между народомъ и княземъ. Рядомъ съ временнымъ встрѣчается и *пожизненное* призваніе; но пожизненный характеръ призванія не разумѣется самъ собой, онъ долженъ быть именно установленъ условіями призванія. Признаніе того или другого князя *наслѣдственнымъ* неизвѣстно древней Россіи; но встрѣчаются случаи добровольнаго ограниченія права призванія только одной какой-либо отраслью по-

томковъ Рюрика. *Соглашеніе* народа съ княземъ о его преемникѣ, есть тоже призваніе, но состоявшееся подъ вліяніемъ особаго расположенія къ прежнему князю. Изъ временнаго, но не срочнаго характера призванія, слѣдуетъ, что новое призваніе можетъ состояться еще во время присутствія въ городѣ прежде призваннаго князя, по отношенію къ которому оно получаетъ значеніе—смѣны или изгнанія. Случаи такихъ призваній встрѣчаются не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, Галичѣ, Полоцкѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и другихъ волостяхъ. Вѣче не только постановляетъ рѣшеніе о призваніи, но и принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для его осуществленія: помогаетъ призванному князю войти въ городъ, затворяется въ городѣ отъ его противниковъ и пр. Так. обр. по отношенію къ призванію, вѣчу принадлежитъ какъ самое постановленіе, такъ и приведеніе его въ исполненіе.

Въ самой тѣсной и необходимой связи съ призваніемъ князя стоитъ законодательная дѣятельность вѣча. Призваніе безусловное, безъ опредѣленія правъ и обязанностей призываемаго князя, не мыслимо. Мы встрѣчаемъ случаи договоровъ не только съ призванными князьями, но и такими, которые завладѣли столомъ въ силу военной удачи. Это и понятно. Княжескія войны изъ—за обладанія волостями велись не столько противъ народа, сколько противъ князя. Побѣдитель далеко не всегда являлся завоевателемъ. Устранивъ своего личнаго противника, онъ не рѣдко встрѣчался съ народомъ, который принималъ его охотно, или, по крайней мѣрѣ, безъ прямаго сопротивленія. Заключить съ нимъ рядъ о порядкѣ управленія представлялось необходимымъ средствомъ, чтобы укрѣпить его за собой. Безъ этого соглашенія, народъ имѣлъ бы однимъ и чрезвычайно важнымъ поводомъ больше—къ неудовольствію, къ образованію партіи враждебной князю, а наконецъ, и къ призванію новаго князя, болѣе удовлетворяющаго народнымъ желаніямъ. Для условій, которыя заключались между народомъ и княземъ, въ древней Россіи было весьма употребительно названіе—*ряда* или *поряда*. *Рядъ* съ княземъ есть отдѣльный *отъ призванія* актъ и по времени слѣдуетъ за нимъ.

Третью отрасль дѣятельности вѣча составляетъ рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ. Существованіе этого права доказывается весьма многочисленными свидѣтельствами лѣтописей, изъ которыхъ слѣдуетъ: 1, что народъ самъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ и требуетъ того или другаго отъ князя; 2, что князь, для того, чтобы вести войну силами дѣлой волости, долженъ былъ получить согласіе вѣча, а въ противномъ случаѣ, ему предстояло или заключить миръ, или вести войну на собственный страхъ, съ помощью однихъ охотниковъ.

Этими тремя предметами—призваніемъ князя, законодательствомъ и рѣшеніемъ вопроса о войнѣ и мирѣ, почти исчерпывается вся дѣятельность вѣча; управленіе и судъ не принадлежали ему. За исключеніемъ князя, вѣче не назначало никакихъ чиновниковъ. На князя переносились безъ исключенія всѣ заботы объ управленіи, ему принадлежало право предводительствовать на войнѣ и назначать всѣхъ должностныхъ лицъ: посадниковъ тысяцкихъ, тіуновъ и пр. Только въ Новогородѣ и Псковѣ встрѣчаемся съ правомъ вѣча—назначать помимо князя еще двухъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ, посадника и тысяцкаго. Но это право не можетъ быть относимо къ числу первоначальныхъ правъ вѣча; оно сложилось не ранѣе второй половины XII в. и составляетъ особенность новгородской волости, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что въ княжескій періодъ Новогородцы

сдѣлали шагъ впередъ на пути развитія своего мѣстнаго самоуправленія. Народъ не только рѣшаетъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, но онъ не рѣдко участвуетъ и въ самыхъ распоряженіяхъ ходомъ военныхъ дѣйствій, опредѣляетъ напр. мѣсто битвы, моментъ нападенія и под. Это вмѣшательство народа въ военное управленіе не могло, конечно, способствовать успѣшному веденію войны; но, при слабости чисто правительственныхъ органовъ того времени, оно было совершенно естественно.—Подобно управленію и судъ завѣдывался исключительно княземъ. Вѣче не было даже верховнымъ апелляціоннымъ судилищемъ. Но какъ высшая власть волости, вѣче давало защиту гражданамъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда обыкновенные суды оказывались не достаточными. Но и въ вопросѣ о судѣ позднѣйшая исторія Новгорода и Пскова представляетъ также особенность, какъ и въ вопросѣ объ управленіи. Право назначать посадниковъ и тысяцкихъ принадлежало въ этихъ городахъ вѣчу; ему же принадлежало и право политическаго суда надъ этими сановниками. Въ этомъ смыслѣ надо понимать слова Всеволода, сказанныя имъ Новгородцамъ въ 1209 г. въ Коломнѣ: »кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните«.

Князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе; иначе безъ этого, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга какъ двѣ самостоятельныхъ власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ божіимъ (*войной*). Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя по большинству его партіи, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой. Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча, противной князю, послѣдній

лишался стола. Изгнанные князья не рѣдко находили поддержку въ другихъ волостяхъ и съ ихъ помощью мстили свои обиды. Личность князя оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь между нимъ и вѣчемъ. Самыя крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ *временному* заключенію въ видахъ безопасности до пріѣзда новаго князя. Имущество изгоняемаго князя подвергалось иногда грабежу. Потерпѣвъ пораженіе, князь могъ войти въ новое соглашеніе съ вѣчемъ. Какъ князья нерѣдко находили опору въ одной изъ народныхъ партій, такъ точно и вѣче въ борьбѣ съ княземъ опиралось иногда на помощь другихъ князей. Война ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода; а самый принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ. Князь есть въ высшей степени народная власть, и въ отношеніяхъ къ нему народа преобладаетъ характеръ *добраго довѣрія*. Князь, пользующійся популярностію, можетъ выступать на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча, хотя бы война задумана была исключительно въ личныхъ интересахъ князя. Также призванный для отправленія правосудія, князь не только судилъ, но и установлялъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и виръ. Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ напр., чрезмѣрная высота продажъ и виръ возбуждала протесты вѣча, а иногда и прямо приводила къ изгнанію князя (*Воскр. лѣт. 1146 г. Ипат. 1175*).

Въ силу преобладанія личнаго элемента въ нашей древней исторіи, взаимныя отношенія князей не составляютъ непре-

мѣнно взаимныхъ отношеній волостей: волости могутъ оставаться совершенно чуждыми тѣмъ войнамъ, которыя ведутъ между собою ихъ князья. Хотя для волости князь и составляетъ необходимость, но волость поддержаніе своего князя противъ противника должна была считать не необходимымъ во что бы то ни стало. Кромѣ того, князь могъ совершить преступленіе и тѣмъ возбудить противъ себя враждебныя дѣйствія другихъ князей. Стоять за такого князя, значитъ дѣлаться его сообщникомъ. Хотя княжескія войны возникаютъ по побужденіямъ, чуждымъ интересамъ волости, и требуютъ строгаго невмѣшательства, но народъ иногда участіе въ войнѣ вмѣняетъ себѣ въ обязанность. Волости сознавали, что княжескія усобицы были источникомъ многихъ бѣдствій, а потому и прибѣгали къ нѣкоторымъ мѣрамъ съ цѣлью ограничить ихъ. Но это были исключительно частныя мѣры отдѣльныхъ волостей, изъ которыхъ не выработалось никакихъ общихъ нормъ для всей Русской земли, что одно могло бы быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ княжескихъ усобицъ.

Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются *договорами*. Право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, не смотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости. Княжескіе *съѣзды* служили самымъ обыновеннымъ средствомъ для всякихъ соглашеній, имѣвшихъ цѣлью какое-либо совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ князей. На устройствѣ этихъ съѣздовъ, или думы князей, и на порядкѣ самыхъ переговоровъ отражается характеръ полной свободы и независимости. Князья имѣли право съѣзжаться для достиженія общихъ цѣлей, но не были къ тому *обязаны*; ихъ съѣзды не имѣли ни опредѣленнаго состава, ни опредѣленнаго времени собранія: князья съѣзжались, когда хотѣли, и въ такомъ составѣ, въ какомъ хотѣли. И мы не встрѣчаемъ ни одного съѣзда, на которомъ участвовали бы всѣ князья Русской земли. При заключеніи княжескихъ договоровъ иногда принимали на себя посредничество между князьями *третьи лица*, которыя сводили ихъ въ любовь. Въ качествѣ такихъ посредниковъ могли выступить не только князья, но и духовенство. Участіе третьихъ совершенно добровольное и необязательное: враждующія стороны свободны принять или не принять ихъ посредничество. Договоры установляютъ *не подчиненіе* князя князю, а *единеніе* князей, въ силу котораго воля одного князя имѣла совершенно такое же значеніе, какъ и воля другаго, не смотря ни на степень родства, ни на старшинство лѣтъ князей, ни на относительное значеніе управляемыхъ волостей. И притомъ условія эти касаются одной внѣшней политики, а не внутренняго управленія князя: каждый князь вѣдалъ судъ, финансы и военное управленіе своей волости внѣ всякой зависимости отъ какого—либо другаго князя. Обезпеченіемъ силы княжескихъ договоровъ были слѣд. средства: крестное цѣлованіе обѣихъ договаривающихся сторонъ, обязательство подчиниться извѣстному наказанію въ случаѣ неисполненія условій договора и установленіе особыхъ блюстителей точнаго исполненія договора. Какъ скоро одинъ князь начиналъ дѣйствовать несогласно съ договоромъ, договоръ терялъ свою обязательную силу и для другой стороны. Состояніе противоположное соглашенію и любви есть состояніе розни и войны. Такъ было въ отношеніяхъ князей, какъ вообще во всѣхъ явленіяхъ древней русской общественной жизни.

Какъ *люди* вообще, при равенствѣ правъ, розняятся достоинствомъ, такъ точно и *князья*, при полномъ равенствѣ съ точки

и каждому изъ нихъ соотвѣтствовали особые органы управленія. Высшую степень составляетъ *княженіе*, *волость* (область) *удѣлъ* или *уѣздъ*; за тѣмъ слѣдуетъ подраздѣленіе княженій на *города*, *волости* въ тѣсномъ смыслѣ, *станы* или *уѣзды*; эти послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на *сотни*, *погуги и погосты*. Самъ князь, вѣдавшій всѣ дѣла волости, назывался *волостелемъ* и отправлялъ правосудіе, почему и самая правда носитъ наименованіе »княжой правды«. Соединяя всѣ вѣтви управленія въ рукахъ, князь не могъ обходиться безъ помощниковъ. И дѣйствительно, съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ указанія на существованіе второстепенныхъ властей, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя отрасли управленія и суда. Князь не былъ исключительно центральной властью: онъ имѣлъ на ряду съ мѣстными правителями извѣстный округъ и вѣдалъ его, какъ всякая мѣстная власть.

Между служилыми людьми князя должно различать два разряда лицъ—низшій и высшій; на долю перваго доставались дѣла меньшей важности, на долю втораго большей. Первый разрядъ слугъ составляли *отроки* князя или *дѣтскіе*; послѣднее впрочемъ не означается для названія рабовъ. Ихъ должностью было находиться при особѣ князя въ качествѣ ключниковъ, тіуновъ, конюховъ, воиновъ и т. п. Одно изъ древнѣйшихъ названій *гриди* въ болѣе позднее время извѣстно стало подъ именемъ *дворовыхъ людей*, *дворныхъ слугъ и дворянъ*. Въ этомъ разрядѣ слугъ встрѣчаемъ особыя придворныя должности — постельниковъ, стольниковъ, окольничихъ и проч. Въ составъ низшаго разряда слугъ входили не одни рабы и дѣти бояръ, пользовавшихся высокимъ положеніемъ въ обществѣ. Съ теченіемъ времени этимъ лучшимъ членамъ княжескаго двора, въ отличіе отъ другихъ менѣе именитыхъ, усвоилось названіе *дѣтей боярскихъ*.

Высшій разрядъ княжескихъ слугъ составляютъ *мужи* и *бояре*; состоявшіе изъ нихъ на службѣ князя назывались *княжими*. Княжіе бояре и мужи, поскольку послѣдніе принадлежали къ лучшимъ людямъ, пользовались независимымъ отъ княжеской службы положеніемъ, въ чемъ и заключается ихъ существенное различіе отъ слугъ низшаго разряда. Къ концу княжескаго періода къ послѣднимъ много присоединилось князей и ихъ называли *боярами*. Мужи и въ высшемъ разрядѣ обладали не равнымъ значеніемъ: были мужи »передніе, »лѣпшіе«, т. е. лучшіе, вліятельные, »великіе,« »большіе«, »сильные«. И высшіе и низшіе разряды слугъ носили названіе *дружины*: большая или старшая дружина означала мужей и бояръ, молодшая отроковъ. Люди пользовавшіеся особымъ расположеніемъ князя, назывались *милостниками*.

Обязанности служить въ древней Россіи не было; служилые свободнаго состоянія вольны были оставить службу, когда хотѣли. Отдѣльными органами управленія были: 1), *Княжеская дума*, составъ и предметы занятій которой исключительно зависѣли отъ усмотрѣнія князя: онъ призывалъ для совѣщаній, кого хотѣлъ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣлъ. Особаго званія »совѣтниковъ князя«, въ которое возводились бы служилые, входившіе въ составъ думы, не было. Дума составлялась всякій разъ вновь, по особому приглашенію служилыхъ. Княжескимъ совѣтникамъ принадлежалъ совѣщательный голосъ. 2), Мѣстные правители, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя волости, въ древнѣйшее время именовались *посадниками*. Какъ въ лицѣ князя судъ не былъ отдѣленъ отъ управленія, а управленіе военное отъ гражданскаго; также точно управленіе и судъ были слиты и въ лицѣ

мѣстныхъ представителей его власти. Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей посадника заключалась въ охраненіи власти своего князя надъ ввѣренною ему волостью. Для защиты ея онъ ставилъ »Города« и, въ случаѣ нападенія, отражалъ непріятеля силой; кромѣ того, отправлялъ судъ. Право избирать въ должности посадниковъ принадлежало князьямъ, равно какъ и увольненіе и судъ надъ ними; исключеніе было только въ Новгородѣ и Псковѣ съ XIII в., когда выборъ посадниковъ и судъ надъ ними зависѣлъ отъ воли вѣча. Храбрость и знакомство съ военнымъ дѣломъ были до такой степени необходимыми качествами посадниковъ, что ихъ должности не рѣдко замѣщались *воеводами*. 3), Съ самаго начала XIII в. представители князя въ Новгородѣ называются уже не посадниками, а *намѣстниками* князя и *волостелями*. Намѣстники вѣдаютъ обыкновенно города, а волостели—волости. Волостель пользовался совершенно независимымъ положеніемъ отъ намѣстника и на ряду съ нимъ стоялъ въ непосредственномъ подчиненіи князю. Намѣстники обладали тою же властью, которая прежде принадлежала посадникамъ, и иногда назывались воеводами. Волостели, также какъ и намѣстники, вѣдали судъ гражданскій и уголовный; но иногда высшій уголовный судъ въ душегубствѣ, разбоѣ и пр. вынимался изъ ихъ вѣдѣнія и предоставлялся намѣстнику. Впрочемъ это не устанавливало подчиненія волостеля намѣстнику, а только ограничивало объемъ дѣятельности перваго. Надо думать, что военное управленіе исключительно сосредоточивалось въ рукахъ намѣстниковъ, и что волостели не имѣли къ нему никакого отношенія. Кромѣ того, на намѣстниковъ и волостелей возлагалась еще обязанность »блюсти« людей и нѣкоторыя другія заботы по части благоустройства, какъ напр. наблюденіе за исполненіемъ рабочими людьми установленныхъ сроковъ перехода отъ одного владѣльца къ другому и пр. Намѣстники и волостеля назначались княземъ и оставались въ своихъ должностяхъ, пока это ему нравилось. 4), при князьяхъ, какъ мѣстныхъ правителяхъ, посадникахъ, намѣстникахъ и волостеляхъ состояли помощники. Въ древнѣйшее время они назывались *тіунами*; позднѣе удерживаемый княземъ для себя лично судъ передавался обыкновенно *введеннымъ боярамъ*. О военномъ управленіи тіуновъ нѣтъ указаній; надо думать, что на нихъ переносилась только одна судебная власть. О пространствѣ ихъ власти нельзя составить точнаго представленія; тіуны назначались изъ низшаго разряда княжескихъ слугъ и даже рабовъ. Намѣстники и волостели были свободны въ выборѣ своихъ тіуновъ и только по отношенію къ увольненію подлежали одному ограниченію, впрочемъ, исключительно финансоваго свойства: они не могли мѣнять тіуновъ ранѣе года послѣ ихъ назначенія. Тіуны вѣдали судъ *вмѣсто* намѣстниковъ и волостелей; они замѣняли ихъ, но не составляли съ ними одной коллегіи. 5), Въ мелкихъ сотняхъ, погостахъ или потугахъ завѣдывали *сотскіе* и *старосты*. Сначала они, какъ и тысяцкіе, стояли на лѣстницѣ военной администраціи; но, по мѣрѣ усиленія въ войскѣ служилаго элемента, военная дѣятельность ихъ должна была значительно сократиться. Область ихъ гражданскаго вѣдѣнія составляли: а), надзоръ за исполненіемъ разнаго рода натуральныхъ и денежныхъ повинностей, напр. сооруженіе городскихъ укрѣпленій, постройка дворовъ для князя, намѣстника и волостеля, нарядъ для косьбы сѣна княжескаго, въ помощь ловчимъ, сборъ и взносъ кормовъ правителямъ, оброка, поплинъ и т. п. б), мѣстная полиція и в), присутствіе на судѣ княжескихъ чиновниковъ. Сотскіе и старосты были выборные люди, а не назначались князьями, или ихъ чиновни-

ками. *Десятскіе*, какъ показываетъ ихъ имя, относятся къ одному роду властей съ сотскими; они были ихъ помощниками 6). Въ позднѣйшее время встрѣчаемъ особыхъ *приставовъ*, назначавшихся для восполненія мало развитыхъ органовъ мѣстнаго полицейскаго управленія. Эти приставы получали разныя спеціальныя назначенія, какъ напр.: оберегать извѣстныя селенія отъ воровъ и разбойниковъ, лѣса отъ порубокъ, наблюдать за ненарушеніемъ жалованныхъ грамотъ и проч. Назначались они самимъ княземъ и по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ. 7). Управленіе финансами находилось въ непосредственномъ завѣдываніи самаго князя. Для сбора пошлинъ и даней назначались имъ особые чиновники—*мытники таможники, данщики, платеньщики* и другіе пошлинники, которые стояли внѣ всякой зависимости отъ намѣстниковъ и волостелей. Намѣстники и волостели иногда занимались сборами пошлинъ, но не какъ финансовые чиновники, а какъ правители, которымъ жаловалась та или другая пошлина для увеличенія ихъ содержанія. 8). Храненіемъ княжескихъ пошлинъ и даней и выдачею ихъ занимались особые чиновники, которые одинаково вѣдали имущества князя, какъ правителя, и его имущества, какъ частнаго человѣка. Это были: *дворскіе* (дворецкіе), которые вѣдали недвижимыя имущества князя и повинности, соединенныя съ ними, напр. постройки, работы; *казначеи*, завѣдывавшіе денежной казной князя и полученіемъ доходовъ въ мѣстахъ ихъ сбора; *дьяки* и *подъячіе*, которые завѣдывали движимымъ имуществомъ князя и сборами доходовъ съ таможниковъ; *ключники* или *тіуны*, хранившіе у себя ключи зданій, въ которыхъ складывались дворцовые запасы. Ключники и домашніе тіуны назначались по большой части изъ рабовъ князя. Послѣднее мѣсто на лѣстницѣ властей занимаютъ княжескіе *посельскіе*, которые управляютъ деревнями князя, уборкой хлѣба, выдачей хозяйственныхъ запасовъ. Назначаются изъ рабовъ. Въ заключеніе необходимо остановиться на особенностяхъ управленія тѣми княжескими имуществами, которыя носили названіе путей. Князья жаловали свои земли разнымъ дѣловымъ людямъ, чтобы разводили княжескихъ лошадей, пчелъ, занимались варкой воска, ловлей бобровъ, рыбы, содержаніемъ собакъ и ловчихъ птицъ. Соединяемыя въ разныя группы съ цѣлями управленія, они носили наименованіе путей: путь ловчій, путь сокольничій, путь конюшій, путь бобровничій и т. п. под. Бояре, вѣдѣнію которыхъ поручались эти *пути*, носили названіе въ XIV в. *путныхъ бояръ*; а въ болѣе раннее время завѣдывались дворскими, тіунами, ключниками и посельскими.

Всѣ эти служилые люди, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе, поручаемое княземъ, получали вознагражденіе изъ судебныхъ пошлинъ и за выдачу правой грамоты, пошлины съ браковъ, извѣстной подъ именемъ выводной куницы и новожженнаго убруса, пошлины съ нѣкоторыхъ частей торговли и кормы, т. е. извѣстное количество ежедневныхъ запасовъ натурой. Всѣ вообще доходы служилыхъ назывались *кормленіемъ*. Бояре, которымъ жаловались кормленія, бояре и слуги подъ дворскимъ, не входили въ составъ *вольныхъ бояръ и слугъ* и не могли отъѣхать до срока службы.

Княжеское войско составлялось *изъ народа, служилыхъ людей и иноземныхъ наемниковъ*. Въ составъ народнаго ополченія входили всѣ слои населенія, начиная съ лучшихъ людей или бояръ, и оканчивая—худшими или смердами. Участіе народа въ войскѣ князя условливалось или опредѣленіемъ вѣча, или личнымъ желаніемъ охотниковъ. Въ первомъ случаѣ вѣче во всемъ его со-

ставъ нерѣдко обращалось въ войско. Вѣче опредѣляло и размѣры военной повинности, смотря по надобности. Отказъ вѣча—принять участіе въ предположенной княземъ войнѣ не лишалъ еще послѣдняго всякой надежды на народное содѣйствіе: онъ могъ сдѣлать воззваніе къ охотникамъ и воевать съ ихъ помощью. *Охочихъ людей*, желавшихъ пограбить, было всегда много. По мѣрѣ уничтоженія вѣчевыхъ порядковъ, призваніе народа къ войнѣ было дѣломъ исключительно князя. Народное ополченіе созывалось только на случай войны и роспускалось по домамъ, какъ скоро война была кончена. Второй видъ княжескихъ войскъ составляютъ служилые люди князя: въ раннее время—*отроки, дѣтскіе, гриди*, въ болѣе позднее—*дворяне и дѣти боярскіе*; но *мужи и бояре* выходили на войну въ сопровожденіи собственныхъ слугъ. Служилый человѣкъ могъ отъѣхать отъ князя, когда хотѣлъ: »а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ—*вольнымъ воля*«, договариваются князья. Отъѣхавшій слуга не терпѣлъ ни умаленія своихъ правъ, ни имущества, хотя бы оно находилось въ области князя, службу котораго онъ оставилъ. Служилые люди, находясь неотлучно при князѣ или на его службѣ, составляютъ постоянное войско. Третій видъ войскъ составляютъ призываемые князьями въ помощь иностранцы—Варяги, Половцы Татары и проч. Въ древнѣйшее время всѣ виды войскъ княжескихъ назывались *дружиной*. Кромѣ того, для обозначенія войска употребительны были слова: *полкъ, рать*. Военное управленіе находилось въ завѣдываніи посадниковъ и намѣстниковъ, а центральное военное управленіе—въ рукахъ князя, *воеводъ и тысяцкихъ*. Должность тысяцкаго была постоянной; назначеніе и увольненіе зависѣло отъ князя. Тысяцкій назначался для предводительства только тѣмъ народнымъ ополченіемъ, которое собиралось по опредѣленію вѣча, и не слѣдовалъ за княземъ, если онъ выступалъ на войну противъ воли вѣча. Должность *ратныхъ воеводъ* не была постоянною: они назначались по мѣрѣ надобности, для предводительства въ извѣстномъ походѣ. На подчиненіе однихъ воеводъ другимъ не находимъ указанія.

Въ союзномъ войскѣ каждый князь былъ начальникомъ своего отряда и не приходило въ голову никогда учреждать главнаго предводителя; князья дѣйствовали каждый за себя порознь.—Постояннымъ содержаніемъ пользовалась небольшая часть воиновъ — отроки, гриди, дворяне, словомъ только тѣ, кто жилъ въ домѣ князя и на его счетъ. Остальное войско не получало содержанія; но вознаграждало себя добычею изъ плѣнныхъ, скота и всякаго рода движимостей. Возможность легкаго обогащенія сильно привлекала народъ къ участью въ княжескихъ войнахъ. Битвы могло и не быть, но безъ грабежа дѣло не обходилось. Онъ начинался обыкновенно вмѣстѣ со вступленіемъ въ непріятельскую землю. Конечно, не всѣ войны отличались одинаковой суровостью, но эта суровость лежала въ существѣ дѣла, условливалась особенностями тогдашней военной организаціи, а потому и составляетъ отличительную черту нашихъ древнихъ войнъ. Какъ скоро народъ всею своею массою переходилъ въ войновъ, было трудно и опасно отличать мирныхъ жителей отъ не мирныхъ и щадить жизнь и имущество первыхъ. Съ другой стороны, при маломъ развитіи государственнаго хозяйства, для продовольствія войскъ во время похода не существовало другихъ средствъ; кромѣ собственности непріятеля каждый воинъ имѣлъ право завладѣть тѣмъ изъ непріятельскаго имущества, что попадалось въ руки. Согласно съ этимъ характеромъ нашихъ древнѣйшихъ войнъ, при выборѣ пункта для нападенія князей, занимали не столько стратегичес-

кія соображенія, сколько желаніе выбрать мѣстность способную и прокормить ихъ воиновъ и обогатить полономъ. Второй видъ вознагражденія воиновъ составляли единовременныя денежныя награды, которыя выдавались князьями вслѣдъ за окончаніемъ извѣстной войны. Для этой цѣли назначались или собственныя суммы князя, или особыя контрибуціи, которыя выговаривались съ побѣжденныхъ при самомъ заключеніи мира. Награды выдавались всѣмъ воинамъ; но дружина въ тѣсномъ смыслѣ получала ихъ чаще и скорѣе обогащалась. Для продовольствія войска, во время его переходовъ, волостные и городскіе люди отбывали натуральную повинность кормомъ, подводами, квартирой.

Въ началѣ XIV в. князья стали раздавать недвижимыя имущества служилымъ *съ обязанностію* нести службу. Пожалованье оставалось въ пользу князя при отъѣздѣ служилыхъ и шло въ роздачу другимъ. Так. обр. власть князя становилась внѣ зависимости отъ доброй воли его слугъ. Въ помѣстье князья назначали свои села, деревни и дворы съ угодьями; но иногда служилые князья, бояре, дѣти боярскіе, житьи и пр., чтобы снискать расположеніе князя, поступали къ нему на службу »съ своими отчинами«, т. е. обязывались служить и отдавали въ его распоряженіе свою поземельную собственность.

(*Извлечено изъ сочин.* »*Вѣче и Князь. Русское госуд. устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей*«. *В. И. Сергѣевича. М. 1867*).

Указатель сочиненій и статей: О сельской общинѣ, *Н. Д. Бѣляева.* Рус. Бес. 1856, кн. 1, II, 1—35, кн. 2, III, 114—142, кн. 4, III, 115—124. Обзоръ историч. развитія сельской общины. *Чичерина.* Рус. Вѣстн. 1856, № 12 и 13. Споръ о сельс. общ. *С. Соловьева.* Тамъ же № 22 и 24. О древн. сельс. общинахъ въ юго-зап. Рос. *Н. Д. Иванишева.* Рус. Бес. 1857 г. кн. 3, III, 1—63. О сельскихъ и волостныхъ сходахъ и городскомъ управленіи *А. Щапова.* Вѣкъ 1862 г. Газета »Очерки« № 2 и 3. О посадникахъ, тысяцкихъ, воеводахъ и тіунахъ, *Погодина.* Времен. I, 31 — 38. Служилые люди въ Московс. Госуд. *Бѣляева.* Москвс. Сборн. 1852, I, 356—382. *Его же.* »О дружинѣ и земщинѣ.« Времен. I, 1 — 22. Опытъ о посадникахъ Новгор. М. 1821. Крестьяне на Руси. *Его же.* Рус. Бес. 1859. I—VI кн. О службѣ въ Россіи до Петра I. *А. Лакіера.* Ж. М. Н. Пр. 1850 ч. LXV и LXVI. отд. 2. Изслѣд. и замѣч. *Погодина,* т. VII, М. 1854. Краткій очеркъ управленія. *А. Вицына.* Казань. 1855. Вѣче. *И. М. Снегирева.* Энцикл. лекс. т. XII, 339. О знакахъ отличія въ др. Россіи. *А. Лакіера.* Зап. Арх. Общ. вып. VIII. О смердахъ. *Каченовскаго* Вѣстн. Евр. 1829 г. августъ. Изслѣд. о древ. Рус. аристократіи *Погодина.* Москвит. 1847. Исторія состоянія городскихъ обывателей въ Россіи. *Михайлова.* М. 1849. Городское или среднее состояніе Рус. народа. *Л. О. Плошинскаго.* Спб. 1852. Права новгородс. князей. *Костомарова.* Сѣверно-рус. народопр. II, 150—57. Огнищанинъ и княжъ мужъ. *В. Мстиславскаго.* Чт. общ. ист. 1860, IV, 1—39. О значеніи изгоевъ. Архивъ Калачова I, отд. 1, 55—72. О наслѣдственности древнихъ сановъ. *Погодина.* Тамъ же 73—95. О монгольс. чиновникахъ на Руси. *Бѣляева.* Тамъ же. 97—110. Обществ. жизнь и земскія отнош. въ древ. Руси. *А. Тюрина.* Спб. 1850. Разборъ въ II. Собр. сочин. Кавелина III, 164. О состояніи крестьянъ въ Россіи. *Грибовскаго.* Харьковъ.

V. ЗАКОНЫ И СУДЫ.

1). ПО ДѢЛАМЪ ДУХОВНЫМЪ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

162. Церковный уставъ св. Владиміра до 1011.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ князь вел. Василей, нарицаемый Володимеръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ, блаженныя Ольги, успріалъ есмь крещеніе святое отъ греческихъ царей Константина и Василья и Фотѣя патріарха, узяхъ церваго митрополита Михаила на Кіевъ и на всю Русь, иже крести всю землю Рускую. И по томъ лѣтомъ минувшимъ създахъ церковь св. Богородицу, и дахъ десятину (*10-ю часть*) къ ней по всей земли Руской княженія отъ всего суда 10-ый грошъ и на торгу 10-ую недилю. Изъ домовъ на всякое лѣто 10-ое всякаго стада і всякаго живота чюдной Матери божіи и чюдному Спасу. І потомъ воззрѣхъ въ греческій Номоканунъ и обрѣтохъ въ немъ, яже не подобаетъ мнѣ тяжъ (*тяжебъ*) и судовъ судити князю, ни бояромъ, ни судьямъ его, и згадавъ азъ с своею княгиною Анною и с своими дѣтми, далъ есмь св. Богоропицы и м-ту и всѣмъ епископомъ, а ты не втупаютъ ни дѣти мои, ни унуци мои, ни родъ мой въ люди церковныя і во всѣ суды, і по всѣмъ городомъ далъ есмь і по погостомъ и по свободамъ, гдѣ крестьяне суть, а кто уступитъ на мое даніе судъ мнѣ съ тѣмъ передъ Богомъ; далъ есмь роспуты, смилное заставаніе, умыканіе, пошибаніе (1) промежи мужемъ и женою о животѣ (*пожиткахъ*) или о племени или о сватовствѣ поимутся (*женятся*), вѣдство (*волхвованіе*) урѣканіе, узлы (*навязки, наузы*), зелье, еретичество, зубоядѣніе (*драка*), иже отца и матерь бьютъ, или сынъ и дочи бьется, иже истяжутся о задници (*о наслѣдствп*). Митрополичи люди церковны: игуменъ, игуменіа, поповичеве, чернецъ, черница, дьяконъ, дьяконовая, проскурница, пономарь, вдовица, калика (*путешественникъ ко св. мьстамъ*), сторон-

(1) *Роспусть* — разводъ самовольный, *умыканіе* — умчаніе, увозъ женщины, *пошибаніе* — побои, драка.

никъ, задшный человѣкъ (*отказанный по душѣ, ради спасенія*), прикладникъ, хромецъ, слѣпецъ, дьякъ, и вси причетницы церковныи; аще кто ихъ внидетъ въ вину, судити тѣхъ митрополиту и епископомъ, бпрочини (*кромѣ*) мірянъ.

(*Ист. Рус. Ц. Макарія II, 215, пр. 445*).

См. Древ. Рос. Вивл. VI, 1. Продолж. Вивліов. III, 1. Днев. Зап. *Лепехина*. Спб 1780. 351. Ист. Гос. Рос. *Карамзина*. I, пр. 506. Опис. Кіевософ. собора. М. *Евгенія*. Кіевъ. 1825. Опытъ истор. рос. гражд. законовъ. *Рейца*. М. 1836. Допол. къ А. Ист. I, *№ 1*. Изслѣд. и замѣч. *Погодина*. I, 263. О простр. церк. суда. *Неволина*. Ж. М. Нар. Пр. 1847, №8. 79. Ист. Рус. Ц. *Макарія*. 1, 118, пр 236—7. 240. Объ-основаніяхъ рус. церк. права. Христ. Чт. 1846, IV. 2, 302. Лѣтописецъ Переясл. Суэд. М. 1851, 34. П. С. Лѣт. VI, 82. Тамъ же списокъ устава пространной редакціи.

163. Церковный уставъ Ярослава 1051—1054.

Се азъ, великый князь Ярославъ, сынъ Володымеровъ, по данію отца своего, съгадалъ есмь съ митропод. Ларіономъ, сложилъ есми греческый Номоканонъ, иже не подобаетъ сихъ тажь судити князю и боярамъ, далъ есми митрополиту и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣхъ, по всѣмъ городомъ и по всей области, гдѣ христіанъство.

1, Аще кто умчитъ дѣвку или насилитъ: аще боярская дочка, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а митрополиту 5 гривенъ золота, а митрополиту гривна золота; а добрыхъ людей—за соромъ (*безчестьл*) ей 5 гривенъ серебра, а м-ту 5 гривенъ серебра, а на умычныцѣхъ— по гривнѣ серебра м-ту, а князь казнитъ (*накажетъ*). 2, Аще кто пошибаетъ боярьскую дочку или боярскую жону: за соромъ ей 5 гр. золота, а меньшихъ бояръ—гривна зол., а нарочитыхъ людей 3 рубли; а простой чади — 15 гр., а м-ту 15 гр., а князь казнитъ. 3, Аще пуститъ бояринъ великъ жену безъ вины: за соромъ ей 5 гр. злата, а м-ту 5 гр. злата, а нарочитыхъ людей—3 рубли, а м-ту 3 р., а простой чади 15 гр., а м-ту 15 гривенъ. 4, Аще въ отца и в матере дочка дѣвкою дитяти добудетъ: обличивъ ю, поняти (*взять*) въ домъ церковный; такоже и жонка; а чимъ ю родъ окупить. 5, Аще дѣвку умлъвитъ кто къ собѣ и дастъ втолѣку: на умлъвъници м-ту 3 гр. сер., а дѣвцѣ за соромъ 3 гривны, а на толочанѣхъ (1) по рублю; а князь казнитъ. 6, Аще мужъ отъ жены блядетъ, ми—ту у винѣ. 7, Аще мужъ сженится иною женою, съ старою не распустився, мужъ той м-ту у винѣ, а молодую в домъ церковный, а съ старою жити. Аще же не лихый недугъ болитъ— или слѣпота, или долгая болѣзнь: про тое не пупустити; такоже и женѣ нелзѣ пустити мужа. 8, Аще жена у мужа крадетъ, а обличитъ ю: м-ту 3 гривны, а мужъ казнитъ; про то не разлучити. 9, Аще клѣть покрадетъ, такоже творятъ надъ нею. 10, Аще дѣвка засядетъ: великыхъ бояръ — ми-ту 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ — м-ту гривна зол., а нарочитыхъ людій — 12 гр. сер., а м-ту 12 гр.; а простой чади гривна серебра, а м-ту гривна сер. 11, Аще поидетъ жона отъ своего мужа за иный мужъ: тую жону поняти въ домъ церковный, а новоженя м-ту у продажи. 12, Аще кумъ съ кумою блудъ сътворитъ: митрополиту гривна золота и въ опитемьи. 13, Аще кто зажьжетъ дворъ, или гумно, или что иное: м-ту 100 гр., а князь казнитъ. 14, Аще кто съ се-

(1) Вѣроятно, пособникахъ, помощникахъ.

строю согрѣшитъ: м-ту 100 гр., а у вопитеміи и в казни по закону. 16, Аще ближній родъ поимется: м-ту 8 грив., а ихъ разлучити, а опитемью да пріимуть. 17, Аще двѣ жены кто водитъ: м-ту 40 гривень; а котораа подълегла, тую поняти в домъ церковный, а первую дръжати по закону; а иметъ лихо водити, казнію казнити его. 18, Аще мужъ и съ женою по своей волѣ распустятся (*разойдутся*): митрополиту 12 гривень, а будутъ не вѣнчальныи — митрополиту 6 гривень. 19, Аще жидовинъ или бесерменинъ с русскою будетъ иноязычница: м-ту 8 гривенъ, а руска поняти в домъ церковный. 20, Аще кто съблудитъ съ чрънориземъ: м-ту 100 гривенъ, а опитьемья по закону. 21, Аще кто съ двѣмя сестрами падется: м-ту 30 гр. 22, Аще и с мачехою кто съблудитъ: м-ту 40 гр. 23, Аще два брата будутъ съ одиною женкою: м-ту 100 гр. а женка в домъ. 24, Аще дѣвка не восхочетъ замужъ, а отецъ и матерь силою (*вы*) дадутъ, а что сътворить надъ собою: отецъ и мати митрополиту у винѣ, а исторь има платити, такожь и отрочь (1). 25, Аще кто зоветъ чужою жону блядью: великихъ бояръ— за соромъ ей 5 гривень золота, а м-ту 5 гривень, а князь казнитъ; а будетъ меньшихъ бояръ—за соромъ еѣ 3 гр. зол., а м-ту 3 гр. зол., а будетъ городскихъ людій—за соромъ ей 3 гр. сер., а м-ту 3 гр. сер., а сельскихъ людій—за соромъ еѣ гривна сер., а м-ту гривна серебра. 26, Аще кто пострижетъ голову или бороду; м-ту 12 гривень, а князь казнитъ. 27, Аще мужъ иметъ красти конопли, или лень, или всякое жито: м-ту у винѣ, съ княземъ на полы; такожъ и женка, аще иметъ то красти. 28, Аще мужъ крадетъ бѣлыя порты (*бѣлье*), или полотна, или портища поневы, такожъ и женка: м-ту у винѣ, съ княземъ на полы. 29, Аще иметъ красти свадебное и огородное, бои и убійства, а что учинитися душегубьство: платять винну, князю" съ митрополитомъ на полы. 30, Аще про дѣвку сыръ будетъ краань (1): за сыръ гривна; а што стеря заплатять, а м-ту 6 гривень, а князь казнитъ. 31, Аще мужа два бьются женски или в(*у*)кусить, или одереть: м-ту 3 гр. 32, Аще мужъ бьетъ чужую жону: за соромъ ей по закону, а м-ту 6 гр., а князь казнитъ. 33, Аще сынъ бьетъ отца или матерь, казнить его волостельскою казнію, а м-ту у винѣ. 34, Аще дѣвка въсхощетъ за мужъ, а отець и мати не дадуть, а что сътворить: м-ту у винѣ отець и мати; такожь и отрокъ (*отреченье, отказъ*). 35, Аще чрьнець или чрьница, попъ или попадіа, или проскурница впадутъ во блудъ: тѣхъ судить митрополиту опричь мирянъ, во что ихъ осудить волень. 36, Аще попъ или чрънецъ упіются безъ времени: м-ту у винѣ. 37, Аще чрънець или чрьница ростригутся: м-ту у винѣ, во что ихъ обрядитъ (*сколько присудить*). 38, А что дѣется въ домовьныхъ (*епископскихъ*) людехъ и въ церъковныхъ, и в самѣхъ монастырѣхъ, а не у(*в*)ступаются княжіи волостели в то: да вѣдаютъ ихъ митрополичьи волостели, а безатщина (2) ихъ м-ту поидетъ. 39, Аще двѣ женѣ бьетеся: м-ту 6 рѣзань на виноватой. 40, Аще безъ вины свекорь біетъ сноху или деверь ятровъ (3): то платятъ ей по закону, а м-ту 6 гр. 41, Аще кто поганое ясть у своей воли, или медвѣдину или иное что поганое: митрополиту у винѣ и в казни. 42, Аще попъ дитя кре-

(1) *Исторы*—проторы, убытки, а *отрочь*—отреченное, отказное.

(1) Языческій обрядъ — кропить сыръ роду и рожаницъ. См. Вопросы Кирика.
(2) Наслѣдство безроднаго.
(3) Жену своего брата.

стить у чюжемъ уѣздѣ или иное что священническое, развѣ и нужа и болѣзни: м-ту у винѣ. Съ некрещеннымъ, а иноязычьникомъ отъ нашего языка, съ некрещеными ни пити, ни ѣсти: доколѣ же крестьяться, аще кто вѣдаа ясть и піетъ, да будетъ м-ту у винѣ. 43. Аще кто съ отлученнымъ ясть и піетъ, самъ отлученъ будетъ. 44. Аще кто съ бесерменкою или съ жидовкою блудъ сътворить, а не лишится: отъ церкви да отлучится и отъ христіанъ, а м-ту 12 гривень.

А тѣми винами разлучить мужа съ женою: *1 вина.* Аще услышитъ жона отъ иныхъ людей, что думаютъ на царя или князя, а она мужу своему не скажеть, а опослѣ объяснится: разлучити. *2 вина.* Аще застанетъ мужъ свою жону съ прелюбодѣемъ, или како учинить на нее исправу съ добрыми послухы: разлучити. Аще думаеть жона на своего мужа или зеліемъ, или иными людми, или пакь иметъ вѣдать, что хотятъ мужа ея убити, а она мужу своему не скажеть, а опослѣ объяснится: разлучить. *3 вина.* Аще жена безъ своего мужа иметь ходити или пити, или ясти, а опрочь своему дому иметь спати, а потомъ объяснится: розлучити. *4 вина.* Аще иметь жона ходити по игрощамъ или во дни, или в нощи, а мужъ иметь усчювати, (*увѣщевать*), а она не послушаетъ: розлучити. *5 вина.* Аще ведетъ жона мужа своего покрасти клѣть, или товарь, или сама покрадетъ, да инымъ подастъ, или имѣтъ вѣдати, што хотятъ церковь покрасти, а она мужу своему не скажеть: разлучити.

(*Ист. Рус. Ц. Макарія II, 215—221. прим. 455*).

См. еще Архангелогор. лѣтопис. М. 1781, 47. Указатель рос. закон. *Максимовича*. М. 1803. I, 4. Опытъ Ист. Рус. Ц. въ періодѣ до Татарс. *Макарія*. Спб. 1847, 129. О способахъ содерж. рус. духов. *Любимова*. Спб. 1851, 177. Прав. Собес. 1861. III, 86. Судъ Ярослава западно-русской редакціи, А. Зап. Р. I, № 166. Ж. М. Н. Пр. 1847, № 8. 144.

Изъ отсутствія положительныхъ доказательствъ въ пользу какого-нибудь историческаго памятника не слѣдуетъ еще подложность его. Преданіе, приписавшее извѣстный уставъ о церковныхъ судахъ Владиміру Равноапостольному, не смотря на то, что оно не восходитъ до временъ Владимира, а начинается только съ XIII вѣка, можетъ быть совершенно справедливо. Въ такомъ случаѣ, при этомъ предположеніи справедливости преданія, спрашивается: изъ двухъ главныхъ, извѣстныхъ редакцій устава, т. е. короткой и пространной, какую должно считать за древнѣйшую и наиболѣе приближающуюся къ первоначальному подлиннику? Безъ сомнѣнія, такою редакціею должно признать редакцію кратчайшую. Въ ней нѣтъ того мѣста, гдѣ отъ имени Владиміра говорится, будто онъ принялъ крещеніе и митрополита отъ патріарха Фотія, нѣтъ этихъ словъ, которыхъ не могъ писать Владиміръ. Кромѣ того, если короткая редакція произошла посредствомъ сокращенія пространной, то не понятно, почему при этомъ сокращеніи выпущены были нѣкоторыя важныя и существенныя слова. Непонятно, почему въ короткой редакціи между предметами церковнаго суда не поименованы: умычка, потвори, чародѣянія, волхвованія, или сньха бѣетъ свекровь, или два друга иматася бити и проч.... Между тѣмъ все становится понятнымъ, какъ скоро мы принимаемъ, что пространная редакція принадлежитъ позднѣйшему времени и произошла посредствомъ распространенія короткой редакціи. При этомъ распространеніи короткая редакція была наполнена въ различныхъ мѣстахъ постановленіями совершенно новыми или пополнена другими, которыя хотя по смыслу ихъ уже заключались въ короткой редакціи, но теперь прямо были выражены для предупрежденія возникшихъ, можетъ быть, сомнѣній.

Легко можетъ быть, что и въ дошедшихъ до нашего времени спискахъ короткой редакціи находятся уже дополненія и измѣненія противъ первоначальнаго подлинника; но теперь нѣтъ средствъ отличить ихъ отъ первоначальной основы.

Въ этой множественности редакцій или видоизмѣненій двухъ главныхъ редакцій устава Владимірова не надобно видѣть непремѣнно какую-нибудь умышленную поддѣлку или подлогъ. Уставъ былъ переписываемъ и вносимъ въ Кормчія книги для практическаго употребленія. Неудивительно, напротивъ весьма естественно было, что при этомъ

онъ былъ переписываемъ съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя ввело и которыхъ требовало практическое его употребленіе.

Такимъ образомъ для познанія юридическаго быта древней Россіи есть редакціи устава Владимірова имѣютъ свою, большую или меньшую, важность. Онѣ указываютъ намъ на временныя и мѣстныя видоизмѣненія началъ, содержавшихся въ первобытной его основѣ.

При такомъ взглядѣ на происхожденіе и юридическое значеніе редакцій устава Владимірова о церковныхъ судахъ самый вопросъ о подлинности его большею частію теряетъ свою важность. Какая бы ни была коренная основа устава, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ изданъ первоначально, онъ получилъ практическую силу только постепенно, и съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія представляются намъ въ разнообразныхъ его редакціяхъ. Если, полагая, что и самая короткая редакція его, можетъ быть, не представляетъ намъ еще первоначальнаго подлинника во всей безпримѣсной чистотѣ, мы, по видимому, отнимаемъ у себя возможность слѣдить происхожденіе церковнаго суда въ Россіи отъ самаго перваго его начала; то невыгода, которой мы себя подвергаемъ, маловажна. Первое начало суда церковнаго въ Россіи, основаніе всѣхъ постановленій объ этомъ предметѣ содержатся не въ какомъ нибудь уставѣ русскаго князя, но съ одной стороны въ законахъ, которыми руководствовалась церковь греческая, включая сюда какъ постановленія и законы Греко-Римскихъ Императоровъ, такъ и законы Моисеевы; съ другой стороны въ тѣхъ особенныхъ обстоятельствахъ, при какихъ основалась и образовалась русская церковь. (Пол. собр. сочин. К. Неволина. 1859. VI, 293—259).

Объ-уставѣ Ярослава см. тамъ же стр. 309.

164. Уставъ новгородс. кн. Всеволода Мстиславича о церковныхъ судахъ до 1136.

Се азъ князь в. Всеволодъ, нареченный въ св. крещеніи Агафтъ (*Гавріилъ*), правнукъ Игоревъ и блаженныя прабабы Ольги, нареченныя во св. крещеніи Елены: и бабы Володиміровы, нареченнаго во св. крещеніи Василія; и тыя бо пріяли св. крещеніе отъ греческихъ царей, и отъ Фотія патріарха цареградскаго взяша перваго митрополита Михаила Кіеву, иже крести всю Рускую землю. Потомъ же лѣтомъ многимъ минувшимъ, молися Спасу и пречистѣй Его Матери, св. Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи, устроиша церковь св. Богородицы десятинную и даша ей десятину во всей Руской земли и со всѣхъ княженій, въ соборную церковь св. Богородицы, яже въ Кіевѣ и св. Софіи кіевской и св. Софіи новгородской, и митрополитомъ кіевскимъ и архіепископомъ новгородскимъ отъ всякаго княжа суда десятую векшу, а изъ торга десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто *отъ всякаго стада* и отъ всякаго жита десятое св. Спасу и пречистой Его Матери и премудрости божіи св. Софіи.

А се изобрѣтохомъ въ греческомъ Номоканонѣ, что сихъ судовъ и тяжъ не судити князю, ни его дѣтемъ, ни его намѣстникомъ, ни его бояромъ, ни его тіуномъ, ни десятника не держати. И созвалъ есми десять соцкихъ и старосту Болеслава и бирича Мирошку и старосту Иванскаго Васяту и погадалъ есмъ со владыкою и съ своею княгинею, и съ своими боляры и съ десятью соцкими и съ старостами; далъ есми судъ и мѣрила, якоже на торгу св. Богородицы въ Кіевѣ м-ту, тако въ Новгородѣ св. Софіи и епископу и старостѣ Иванскому и всему Новуграду мѣрила торговая, скалвы вощаныя, пуды медовыя и гривенку рублевую и локоть Иванскій и свой оброкъ купецъ черницамъ; а попу Иванскому Руская пись съ Борисоглѣбскимъ на полъ, а сторожу Иванскому Руской порочицы пятно (1), да десять конюховъ соли. А не вступатися въ тыя оброки моимъ дѣтямъ, ни моимъ намѣстникомъ, ни моимъ бояромъ на домъ св. Софіи и св. Ивана; а домъ св. Со-

(1) *Скалвы вощаныя* — чашки, на которыхъ вѣсятъ воскъ, *пудъ*—гиря, *гривенка*—фунтъ, *локоть*—древній аршинъ, *тавро*—клеймо для лошадей при продажѣ и сборъ пошлины.

фіи владыкамъ строити съ соцкими. А старостамъ и торгашамъ докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ св. Ивана. А се приказываю своимъ намѣстникомъ и тіуномъ: суда церковного не обидѣти, ни судити безъ владычня намѣстника. А се дахъ во олтарь св. Софіи и причету церковному вседенникъ синодикъ и вѣнцѣ, что суды церковныи, то св. Софіи; а кто нашего роду пограбитъ или отъиметъ, того повелѣхомъ владыцѣ соборомъ въ синаницѣ проклинати. А се суды церковныя: роспуски, смилное заставаніе, умычка, пошибальное промежъ мужемъ и женою о животѣ и о бездѣтномъ животѣ въ племени или въ сватовствѣ поимутся, потворы, чародѣяніе, волхвованіе, бѣдство, зелейничество, отца или мать бьети сынъ или дщи, или сноха свекровь: братіи или дѣти тяжутся о задницѣ, церковная татбы, мертвецы совлачаютъ (*выкапываютъ*), крестъ посѣкутъ или на стѣнах рѣжутъ или два мужа имутся бити и единого жена иметъ за лоно другаго и раздавитъ, или кого застанутъ съ четвероногою, или кто молится подъ овиномъ, или у рощенія или у воды или дѣвка дѣвку повержетъ или ино что неподобно церквѣ подѣютъ: а чымъ суды всѣ церкви даны суть и епископу; а князю и боляромъ и судіямъ въ тыя суды не вступатися. А то далъ есми по первыхъ царей уряженію и вселенскихъ св. Отецъ седми Соборовъ великихъ Святитель: а по семъ не вступатися дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ моимъ, ни всему роду моему до вѣка въ люди церковныя, ни во вси суды ихъ. Аже кто преобидитъ нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона божія и горе себѣ наслѣдуютъ, и вѣчная мука ждетъ ихъ.

А о всѣхъ, что предписано, держахъ за своими боляры, аже они обидятъ гостей, а гдѣ живутъ тымъ наровятъ, и княжу душу топятъ. И азъ всмотрѣхъ въ Фотія патріарха цареградскаго грамоты, что принесъ на Русь князь в. Владимеръ, нареченный въ св. крещеніи Василій, сынъ Святославль, а внукъ Игоревъ и преблаженныя княгини и прабабы Ольги, аже стоитъ въ грамотѣ: торговая всѣ вѣсы, мѣрила и скалвы вощаныя, и пудъ медовый и гриженка рублевая и всякая известь, иже на торгу промежъ людми, отъ Бога тако искони установлено есть—епископу блюсти безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати и на всякій годъ извѣшивати. А скривится, а кому приказано, того блюсти близко смерти; а животъ его на трое: треть живота св. Софіи, а другая треть св. Іоанну, а третія треть сотскимъ и Новуграду. А епископу не управивъ того за все дати ему слово въ день великаго суда. А печаловатися же ему о томъ управленіи, якоже и о душахъ человѣческихъ. Аще же управитъ епископъ сія управленія наша, блаженъ будетъ и небесному царствію наслѣдникъ, а не урядитъ—мы то съ своей души сводимъ.

А се церковные люди: игуменъ, игуменія, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а се кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, пришлецъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человѣкъ, изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ; монастыреве, больницы, гостинницы, странноприимницы, то люди церковныя, богадѣльныи, или митрополитъ, или епископъ: тѣ вѣдаютъ между ими судъ или обиду, или кому прикажутъ, или котораго задница, или будетъ иному человѣку съ тѣми людми рѣчь или общій судъ,—своимъ тіуномъ приказываю суда церковнаго не обидѣти; а съ суда давати 9 частей князю, а 10-ю св. Софіи за княжу душу. А кто преобидитъ суды церковныя платити ему собою: а предъ Богомъ тому же отвѣщати на страшномъ

судѣ предъ тмами ангелъ, идѣже когождо дѣла не скрыются, благая же и злая, идѣже не поможетъ никтоже никомуже; но токмо правда избавитъ отъ вторыя смерти, и отъ вѣчныя муки, и отъ огня негасимаго,—якоже есмы управили по святыхъ отецъ правиломъ и по первыхъ царей и князей уряженію. А кто имѣтъ преступати сіе правило—или дѣти мои, или внучата, или правнучата, или въ коемъ городѣ намѣстникъ, или тіунъ, или судія, или кто инъ, а пообидитъ суды церковныя: да будутъ прокляти въ сій вѣкъ и въ будущій седмію Соборы св. Отецъ вселенскихъ. А та вся дѣла приказахъ св. Софіи и всему Новуграду моимъ мужемъ десяти сотскимъ: вы соблюдите; а не соблюдете, и вы сами за то отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда предъ лицемъ Царя славы. Аминь.

А се изыскахомъ: у третьей жены и у четвертой дѣтемъ прелюбодѣйная часть въ животѣ. Аще будетъ полнъ животомъ, ино дастъ дѣтемъ третіей жены и четвертой по уроку; занеже тѣ и отъ закона отлучени. А человѣку ся получаетъ по грѣхомъ занеже прелюбодѣйніи не благословенніи Богомъ. И азъ самъ видѣхъ тяжу промежу первою женою и дѣтей съ третьею женою, и съ дѣтми и съ четвертою женою, и съ дѣтми. Изъ велика живота дати урочная часть по оську (*не малу*), а изъ мала живота, како рабочичищу часть, конь да доспѣхъ и покрутъ, по разсмотрѣнію живота: а тое все приказахъ епископу управляти, смотря въ Номоканонъ. А мы съ своей души сводимъ.

(*Ист. рус. ц. Макарія II, пр. 467.*)

См. Прав. Собес. 1861. III. 205 460. Повѣсти о нач. и основ. Печерс. мон. Псковъ. 1849, 98. Вѣстн. Евр. 1818, № 15 и 16. Труды общ. ист. III, кн. 1.

165. Уставная новгородс. кн. Всеволода Мстиславича, данная церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ до 1136.

Се азъ князь в. Гаврилъ, нареченный Всеволодъ, самодрѣжецъ Мьстиславичъ, внукъ Володимиръ, владычествующю ми всею Рускою землею и всею областію новгороцкою, божіимъ благоволеніемъ поставилъ есми церковъ святыи великыи Иванъ на Петрятинѣ дворищѣ, и устроилъ есми ю иконами многоцѣнными, и евангеліемъ многоцѣннымъ, и всѣми книгами исполнь, устроилъ есми попы и дьяконы въ сборной великой церкви. И даю великому св. Ивану, отъ своего великоимѣнія, на строеніе церкви и въ вѣкы, вѣсъ вощаной, а въ Торжку пудъ вощаной, половина св. Спасу, а половина св. вел. Ивану на Петрятино дворище; а оброка попомъ, и дьякону, и дьяку, и сторожамъ изъ вѣсу вощаного имати: попомъ по 8 гр. сер., а дьякону 4 гр. сер., а дьяку 3 гр. сер.; а сторожамъ 3 гр. сер.; а имати имъ той оброкъ и въ вѣкы, на всякій годъ, по моему данью в. князя Всеволода. А попомъ пѣти у св. Ивана вседневная, у св. Захарьи на полатѣх пѣти по недѣлямъ, и въ вѣкы; а дьякоиу пѣти у св. Ивана субота да недѣля, изъ того оброка, и въ вѣкъ. И азъ князь в. Всеволодъ поставилъ есми св. Ивану 3 старосты отъ житьихъ людей и отъ черныхъ тысяцкого, а отъ купцовъ 2 старосты, управливати имъ всякая дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый, а Мирославу посаднику въ то не вступатца, и инымъ посадникомъ въ Иваньское ни въ чтожо, ни бояромъ новгороцкымъ. А кто хочетъ въ купечество вложиться въ Иванское, даетъ купьцемъ пошлымъ вкладу 50 гр. сер., а тысяцкому сукно Ипьское, ино купцамъ положить въ святыи Иванъ полътретьядцать гр. сер., а не вложится кто въ купечество, не дасть 5 гр. сер., ино то не по-

шлый купець, а пошлымъ купцемъ ити имъ отчиною и вкладомъ. А вѣсити имъ въ притворѣ св. Ивана, гдѣ дано, ту его и дръжати; а вѣсити старостамъ Иваньскимъ, двѣма купцемъ пошлымъ, добрымъ людемъ, а не пошлымъ купцемъ старощеніа не дръжати, ни вѣсу имъ не вѣсити Иваньского. А у гостя имъ имати: у низовьского отъ дву берковска вощаныхъ полъгривнѣ сер. да гривенка перцю, у полоцкого и у смоленьскаго по двѣ гривны кунъ отъ берковъска вощаного, у Новгородца 6 мордокъ отъ берковска вощаного. А куны имъ класти св. вел. Ивана въ домъ, что вывѣсятъ, по правому слову; а Новгородцю не вѣсити ни на которого гостя. А по моемъ животѣ в. кн. Всеволода, стояти за домъ св. вел. Ивана брату моему в. князю всея Русіи и владыцѣ новгороцкому, и старостамъ купецькимъ и купцамъ, и за вся церковникы св. Ивана; а взять князю вел. изъ вѣсу вощаного полътретьядцать гр. сер. черезъ годъ. А праздникъ Рожество св. вел. Ивана почесть створити и празновати старостамъ купецкимъ и купцамъ; а имати старостамъ купецкимъ и купцемъ изъ вѣсу изъ вощаного на полъ третьядцать гривенъ серебра, на всякый праздникъ св. Ивана и въ вѣкъ; а старостамъ купецкимъ св. вел. Ивана ставити на праздникъ св. Ивана 70 свѣчь, и темьянъ и ладанъ. А пѣти въ праздникъ владыцѣ, а старостамъ купецкимъ и купцамъ дати владыцѣ гривна серебра да сукно Ипьское; а на завтрѣе пѣти анхимандриту св. Егорґіа, а взять ему полгривнѣ серебра; а на третей день пѣти игумену св. Богородици изъ Онътонова монастыря, взять ему полъгривнѣ серебра. И язъ князь в. Всеволодъ далъ есми пошлины попомъ св. вел. Ивана Петрятино дворище съ купець въ Руси, на память княземъ великымъ дѣдомъ моимъ и прадѣдомъ, имати съ купець тая старина и въ вѣкы: съ тверского гостя, и съ новгородцкого, и съ бѣжицкого, и съ деревьского, и съ всего помостья. А буевище Петрятино дворище отъ прежнихъ дверей св. в. Ивана до погреба, отъ погреба до Концаньскаго мосту; а того буевища имати куны старостамъ Иваньскимъ и старостамъ Поберескимъ, а класти куны въ домъ св. в. Ивана. А поповъ св. вел. Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожовъ призирати старостамъ Иваньскимъ, и купцамъ и старостамъ Поберескимъ и Побережаномъ. А въ дому св. Ивана не дръжати никому ничего же, но развѣе свѣчи и темъяна. А городу, ни владыцѣ, ни бояромъ вѣсу не отъимати у св. в. Ивана, ни продавати моего данья в. князя Всеволода; а кто почнетъ вѣсъ отъимати, или продавати, или домъ обидѣти св. в. Ивана и св. Захарьи, на того Спасъ и Пречистая и св. великыи Иванъ, будетъ имъ тма, и съблазнь, и казнь божія.

(Доп. къ А. Истор. I, № 3. Рус. Достоп. 1815 г. 1, 76).

166. Уставная грамота смоленскаго князя Ростислава Мстиславича епископіи смоленской 1150.

I. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Богъ и св. Богородица и отца моего молитва, приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людми своими, по повелѣнію отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ сътворити; но есть здѣ первѣе сего не бывало епископьи, да язъ недостойный, грѣшный, се уставляю епископью, о немъ же епископу быти живу и съ клиросомъ своимъ, въ свои дни и во свое княженье, еже ми Богъ далъ и и отча молитва. А се даю св. Богородици и епископу прощеники, съ медомъ, и съ кунами, и съ вирою и съ продажами, и не надобѣ ихъ судити никакому же человѣку. И се даю св. Богородици

и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья: у Вержавлянѣхъ у великихъ 9 погостъ, а въ тѣхъ погостехъ платитъ кто жъ свою дань и передмѣръ штужници, но силѣ, кто что мога, а въ тѣхъ погостехъ, а нѣкоторый погибнетъ, то ти и десятины убудеть, и въ тыхъ погостехъ во всѣхъ сходится дани осмъсотъ гривенъ, а передмѣра сто гривенъ, а на штужницѣхъ сто гр., то ти изъ того взяти епископу въ св. Богородици сто гр.; а во Врочницѣхъ 200 гр., то ти изъ того взяти епископу 20 гр.; а въ Торопчи дани четыреста гр., а епископу съ того взяти 40 гр.; а въ Жижци дани 130 гр., а съ того епископу взяти 13 гр.; а въ Каспли 100 гр., а изъ того епископу взяти 10 гр.; а въ Хотшинѣ дани 200 гр., а изъ того епископу взяти 20 гр.; а въ Жабачевѣ дани 200 гр., а изъ того епископу взяти 20 гр.; а въ Вотовичи дани 100 гр., а изъ того епископу взяти 10 гр.; а въ Шуйспѣи дани 80 гр.; а изъ того епископу 8 гр.; а въ Дешняпохъ 30 гр.; а изъ того епископу 3 гр.; а въ Ветьскѣи дани 40 гр., а изъ того епископу 4 гр.; а на Былевѣ, дани 20 гр., а и епископу изъ того 2 гр.; а въ Бортницѣхъ на оной сторонѣ 40 гр., а изъ того епископу 4 гр.; а въ Битринѣ дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гривны; въ Жидчичихъ 10 гр., а изъ того епископу гривна; въ Басѣи 15 гр., а епископу изъ того полторы гривны; въ Мирятичехъ дани 10 гр., а епископу изъ того 3 гр.; въ Добрятинѣ дани 30 гр., а епископу изъ того 3 гр.; въ Доброчковѣ дани 20 гр., а изъ того епископу 2 гр.; въ Бобровницѣхъ дани 10 гр., а изъ того епископу гривна; на Дѣдогостичехъ 10 гр., а изъ того епископу гривна; а въ Зарубѣ дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гр.; а въ Женни дани 200 гр. у Велицѣй, изъ того св. Богородици и епископу 20 гр.; въ Пацини дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гривны, а въ гостинѣи дани невѣдомо, а что ся сойдетъ, изъ того св. Богородицы и епископу десятина; въ Солодовницѣхъ 20 гр., изъ того св. Богородици и епископу 2 гр.; въ Путтинѣ присно платять 4 гр.; Бѣ.ници 2 гр., корчьмити полпяты ($4^1/_2$) гривны, Дѣдичи и дань и вира 15 гр., гость 7 гр., а изъ того св. Богородици и и епископу 3 гривны безъ 7 ногатъ; на Копысѣ полодья 4 гр., а перевоза 4 гр., а торгового 4 гр., а корчьмити невѣдомо, но что ся сойдеть, изъ того десятина св. Богородици; у Кречюта дани 10 гр., а св. Богородици и епископу гривна; въ Лучинѣ полюдья.... гривны, а мыта и корчьмити невѣдомо, но что ся снидетъ, изъ того епископу десятина; во Обольи гостинная дань, и что ся въ ней снидется, изъ того св. Богородици и епископу десятина; во Исконѣ дани 40 гр., а изъ того св. Богородицы и епископу 4 гр.; Суждали Залѣсская дань, аже воротить Гюгри, а что будетъ въ ней, изъ того св. Богородицѣ десятина; у Вержавску въ городѣ 3 гр. десятины св. Богородици; въ Лодейницѣхъ 10 гр. дани, а изъ того гривна св. Богородици. И се даю изъ Торопча отъ всѣхъ рыбъ, иже идеть ко мнѣ, десятину св. Богородици и епископу;... что ся наречеть области Смоленское, или мала или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чія си хотя, правити десятину св. Богородици, безъ всякаго отпису дѣяти. Село Дросенское, со исгои и съ землею, св. Богородици и епископу, и село Ясенское, и съ бортникомъ и съ землею и съ изгои, св. Богородицы; и се есми далъ землю въ Погоновичокъ Мойшинскую св. Богородици и епископу, и озера Нимикорская и съ сѣножатми, и уѣздъ княжъ, и на Сверковыкъ лукахъ, сѣножати, и уѣздъ княжъ озеро Колодарское, св. Богородици. И се

даю на посвѣтъ св. Богородици, изъ двора своего, осмъ капій воску и на горѣ огородъ, съ капустникомъ и съ женою и съ дѣтми, за рѣкою, тетеревникъ съ женою и съ дѣтми, св. Богородици и епископу. Бысть мое сотщаніе къ св. Богородици, по повелѣнію святаго отца моего, чтожъ мога, тожъ даю. А тяжъ епископлихъ не судити ни комуже, судить ихъ самъ епископъ: первая тяжа роспустъ; другая тяжа, сажъ водитъ кто двѣ жонѣ; третьяя тяжа аще кто поймется чрезъ законъ; а четвертая уволочская, ажъ уволечетъ кто дѣвку, што возметъ князь, съ епископомъ наполы, или посадникъ что) возметъ свои тяжи, то съ епископомъ наполы; а пятое ажъ ту женку, то епископу; шестая вопросъ, а то епископу зелья и душегубства тяжа епископля; семая ажъ бьетася двѣ женѣ, то епископля тяжа; ажъ церковный человѣкъ дойдетъ чего, то своему епископу; девятая ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви. Да язъ молъвлю и уставилъ есми епископью, порученъ Смоленскъ Богомъ и дѣднею и отцовою молитвою, да се язъ князь Ростиславъ, съ первымъ епископомъ своимъ Манойломъ, да се уставляю язъ. Ажъ будетъ или тяжа, или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю, ни посаннику, ни тивуну, ни иному никомуже отъ мала и до велика, и по всей волости смоленской. Се же нынѣ, съ божьею помощью и со св. Богородицею, въ си дни полны дани, а по семъ, что Богъ устроитъ: по божью строю чи которая дань оскудѣетъ, или ратью, или коимъ образомъ, по силѣ, что почнетъ давати тыи дани, а изъ того десятина св. Богородици. Да сего не послуживай никто же по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе; аще ли кто посудитъ сія грамоты, что есми далъ къ св. Боговодици, да той отвѣчастъ въ страшный день св. Богородици, и сія клятва будетъ на немъ, а язъ буду безъ грѣха. Паки ли приложитъ кто сію епископью опять къ Переяславстѣй епископьи завистію, переступая слово св. митрополита русскаго Михаила, а разрушитъ сію епископью смоленскую: то князь отъимѣтъ свое опять, еже былъ уставилъ епископу простроивати св. Богородици, дажъ кто разрушитъ сей замыслъ святаго отца моего Мьстислава и м-та русскаго Михайла. Се язъ грѣшный сынъ Мьстиславль, надѣяся на Матерь божью, на св. Богородицу, уставляю сіи епископью; дажъ кто разрушитъ ю, да самъ отвѣчаетъ св. Богородици и сія клятва св. Отець буди на немъ, а язъ буду безъ грѣха.

II. Се язъ худый и грѣшный и недостойный епископъ Маноилъ, съ благороднымъ и хрпстолюбивымъ княземъ моимъ Михайломъ, утвержаевѣ еже написана, утвержена и сотворена, о благодати и благословеніемъ св. Духа поставленникомъ моимъ м-томъ русскимъ киръ Михаиломъ, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князѣ моемъ киръ Михаилѣ, и утвердилъ уставъ церковный, именемъ Ростиславъ, по отца своего святого молитвы и повелѣнію его, уставилъ есть епископью смоленскую. Дажъ кто по моемъ князи или по мнѣ, переступитъ или посудитъ сію грамоту и уставъ ось, или князь или инъ кто, да будетъ ему Богъ противенъ, въ день судный, и въ святая Богородица, да будетъ проклятъ отъ св. апостолъ и св. Отець 300 и 18, иже повелѣша: въ кый градъ достоитъ епископу быти, да поставятъ и отъ всѣхъ святыхъ, аще кто разрушитъ се, да будетъ проклятъ. Или епископъ который начнетъ, несытествомъ, хоть ити въ Переяславль и сію епископью приложити къ Переяславлю, да буди ему клятва, яже се преже писана и св. м-та русскаго Михаила, иже составилъ сію епископью; или отдастъ что и не правити иметъ св. Богородици, еже есть

написано здѣ буди ему тая же клевета и буди ему анаѳема. И се, и еще, и Холмъ даю св. Богородици и епископу, яко же дано дѣдомъ моимъ Володимеромъ Семеонови преже епископу, строить нарядъ церковный и утвержене. Въ лѣто 6659, индикта 14, м. сентября 30.

III. А се погородіе отъ Мьстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и 3 лисици; а се отъ Крупля гривна урока, а 5 ногатъ за лисицу; а се отъ Вержавска 2 гривнѣ урока, а 5 ногатъ за лисицу; а се отъ Вержавска 2 гривнѣ урока, а за 3 лисицы 40 кунъ безъ нагаты; а се отъ Копосы 6 гр. урока и 2 лисици, а почестья 35 кунъ; а се отъ Поциня урока полторы гр., а за двѣ лисици 22 кунѣ; а отъ Лучина 3 гр. урока и 2 лисицы, и осетръ; а се отъ Ростиславля 3 грив., а отъ Почестья гривна и 4 лисици; отъ Елны урока 3 гр. и лисица; а Изяславлее..... се у Торопчи урока 40 гр. и 15 лисиць и 10 черныхъ кунъ, неводъ, тре.....ица, бредникъ, свои сани рыбы, половочникъ, 2 скатерти, 3 убрусы, берковескъ меду; а се въ Жижци 5 гривенъ, а почестья гривна и лисица; а у Дорогобужи 3 гоны короткіи, а почестья гривна, 5 лисиць.

(*Доп. къ А. Ист. I, № 4*).

См. также церковныя правила митрополитовъ Іоанна, Кирилла II, (выше № 120), Максима, Петра и Кипріана. Рус. Дост. 1, 86. Ист. Рус. Ц. *Макарія*. II, пр. 430, стр. 345 — 352. Прав. Собес. 1865. — № 1. 5. Вопросы каноническіе и отвѣты см. ниже.

167. Ярлыкъ ханши Тайдулы Алексѣю м-ту 1353—7.

По Занебекову ярлыку, Тайдулино слово. Къ темнымъ и къ тысячнымъ княземъ, и сотникомъ, и десятникомъ, и волостелемъ, и городнымъ дорогамъ и княземъ, и мимохожимъ посломъ, и ко многимъ людемъ, и всемъ приказникомъ. Сей Алексѣй м-тъ, коли пойдетъ ко Царю-граду, и здѣ кто не будетъ, чтобъ его не замали, ни силы бъ надъ нимъ не учинили ни какіе, или гдѣ ему лучится постояти, чтобъ его никто не двигнулъ, ни коней его не имали, занеже за Занебеска царя, и за дѣтей его и за насъ молитву творитъ, такъ есмя молвили. А кто паки силу учинитъ и онъ на великой пошлинѣ перемолвитъ самъ, такъ моля, нишенную грамоту дали есмя. Ентя году, Арама мѣсяца, во 2 ветка. Орда кочевала на Гулистанѣ. Написано. Семиръ Хадча жалобу положилъ.

(*Собр. госуд. грам. II, № 10*).

168. Ярлыкъ хана Атюляка Михаилу м-ту кіевскому ок. 1379.

Безсмертнаго Бога силою и величествомъ. Изъ дѣдъ и изъ прадѣдъ, отъ первыхъ царей и отъ отецъ нашихъ, Атюлякъ царь слово рекъ Мамаевою мыслію дядиною. Ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и ратнымъ княземъ, и волостнымъ дорогамъ и княземъ, и писцамъ, и таможникомъ, и побережникамъ, и мимохожимъ посломъ, и сокольникомъ, и ордусникомъ, уралосникомъ, и этникомъ, и заставщикомъ, и лодейникомъ, или кто на каково дѣло не пойдетъ, и многимъ людемъ. Отъ первыхъ царей, при Чингисъ царь, и по немъ иные цари, Азизъ и Бердебекъ, и тін жаловали церковныхъ людей, а они за нихъ молились. И весь чинъ поповскій, и всіи церковніи люди, не токмо жаловали ихъ, какова дань ни буди, или какая пошлина или которые до-

ходы, или заказы, или работы, или сторожа, или кормы, ино тѣмъ церковнымъ людемъ не видѣти, ни слышити того не надобь, чтобъ во упокои Бога молили, и молитву за нихъ воздавали къ Богу. Да и по ихъ кто ни будетъ, всѣ тѣ, обыскавъ ярлыки подавали. И нынѣ мы, по первомъ ярлыкомъ изыскавши, и думавши, и думавъ, не изыначиваемъ первыхъ ярльковъ, потомужъ сего м-та Михаила пожаловали есмя. И онъ, какъ сядетъ на своемъ столѣ, молитъ Бога за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаетъ. И тако есмя его пожаловали, что не надобь ему, ни его людемъ, ни всѣмъ церковнымъ богомольцамъ, попомъ, и чернцомъ, и бѣльцомъ, и ихъ людемъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздаютъ ни какова, ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное, ни становое, ни въѣздное, ни мимоходное на дорозѣ послу, ни босмаку, или которому моему пошлиннику; и что церковные домы, воды, земли, огороды, виноградъ, мельницы, стада конскіе, скотъ и овчіе, или что не буди ихъ, въ то ся у нихъ не вступаетъ никто, ни насилья да не творятъ имъ никакова, а кто будетъ взялъ не вѣдая и онъ отдастъ безпосудно. А въ церковныхъ домѣхъ не стати никому, не рушити ихъ; а кто ся станетъ ставити въ церковныхъ домѣхъ, или рушити ихъ, и тѣ люди отъ Бога во грѣсѣхъ будутъ, а намъ ся на кого пожалуютъ тѣ церковные люди, и тотъ отъ насъ не животною казнью казненъ будетъ; а кого нашихъ пословъ или пошлинниковъ убіютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому телеватнѣ; а кого намъ убіетъ церковныхъ людей, и тотъ самъ смертію да умретъ. И ты, Михаила м-тъ, возмольшь, что такъ есмь пожаловалъ, да тѣмъ домомъ церковнымъ, или землямъ, или водамъ, и въ огородѣхъ и виноградѣхъ, или надъ людьми своими что учинишь чрезъ пошлину, ино то на тобѣ. Или кто учинитъ татьбу, или ложь, или иное, какое злое дѣло, а не не имешь того смотрити, или слуги твои почнутъ какову нужу церковнымъ людемъ твоимъ творити, ино то на тебѣ; и ты самъ вѣдаешь, каковъ отвѣтъ Богу за то воздати, и тотъ грѣхъ на тобѣ, а мы о томъ ничто же не имѣемъ, но за насъ къ Богу молитвы воздавай, дабы церковные люди во упокой за насъ молилися, понеже ты прежо, а они потомъ; а мы о томъ ничего не молвимъ. Такъ рѣкши утвердихомъ со алою лентою ярлыкъ. Дали есмя овечья лѣта, дарыка въ 708-е лѣто, солгато мѣсяца, въ 10 денъ нова. На великомъ лузѣ на рѣчномъ Орда кочевала. Написано.

(*О достовѣрн. ярлыковъ. Григорьева. М. 1842*).

169. Грамота митроп. Кипріана Псковичамъ, 1395 г. мая 12.

Се язъ Кипріянъ митрополитъ кіевскій и всія Руси. Что есмь слышалъ, ажь въ Пьсковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ (*наказываютъ*) ихъ въ церьковныхъ вещѣхъ, ино то есть кромѣ хрестьянскаго закона: негодится міряномъ попа ни судити, ни казнити, ни осудити его, ни слова на него не молвити; но кто ихъ ставитъ святитель, но тъ ихъ и судитъ и казнитъ и учитъ. А вы бы есте, дѣти мои, Псковичи отъ велика и до мала, чтобы есте не судили поповъ, ни казнили ихъ, грѣха бы есте на свою душю не имали, ни зарока бы есте на всь Псковь не чинили. Слышалъ есмь и то, что *попы нькоторыи молодыи да овдо-*

вѣли, а ни поповьство оставили да поженилися; и того вамъ также не годится судить, чтобы есте ихъ не заимали (*не трогали*) ничимъ; вѣдаеть то Святитель, кто ихъ ставить, тотъ и поставить и извержеть (*лишитъ сана*), и судить и казнить и учить; а вамъ негодится въ та дѣла въступатися. А кого церковь Божья и Святитель огласить, и вамъ по тому оглашенію годится такъ же держати его. *А что земли церковныи или села, купили ли будуть, или кто будеть далъ, умирая, которой церкви; а въ тъ бы есте земли не вступалися никто отъ васъ, чтобы церковь Божья не изобижена была, занеже въ томъ великъ грѣхъ отъ Бога.* Сего ради и азъ, по сану и по области (*власти*), юже ми далъ Богъ, учю васъ своихъ дѣтей, а вы моего слова слушайте; а кто сея грамоты не послушаетъ, не буди божья милости на немъ, ни моего благословленья; или кто послушаетъ, а милость божья на васъ. А дана грамота въ В. Новѣгородѣ, м. маія въ 12 день индикта 3, въ лѣто 6903.

(*А. Ист. I, № 9*).

170. Уставная в. к. Василія Димитріевича и митр. Кипріана 1390—1402.

Се азъ князь великій ....., сѣдъ съ своимъ отцемъ ..... митрополитомъ кіевскимъ и всеа Руси, управили есмь о домѣхъ о церьковныхъ и о волостехъ, и о земляхъ, и о водахъ, и о всѣхъ пошлинахъ о церковныхъ. Судити м–ту Луховца съ волостелемъ или съ доводщикомъ, а судьѣ моему вел. князя не быти; а боярамъ и слугамъ князя в. и митрополичимъ земль луховскихъ не купити, а которыи будуть покупили, а тѣмъ лѣзти (идти) вонъ, а серебро свое взяти. А имати мнѣ князю в. дани съ Луху въ выходъ по своей грамотѣ по оброчной, а лише того оброка не имати; а бѣляки, ни рѣзанки, не имати князю в., но м–ту. А что Луховци ставливали хоромы на князя в. дворѣ въ Володимерѣ, ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а нынѣча ненадобѣ Луховцемъ ставити хоромовъ на князя в. дворѣ. А Сенегъ его по тому, какъ обыскано и управлено по старинѣ: кое князя в., то князя в.; а кое церковное митрополичь, а то митрополиче; а дань имати съ Сенгу въ выходъ по моей грамотѣ князя в. по оброчной, а лише того оброка не имати. А что села отца нашего митрополичи церковныи, которыи даваны издавна и до Олексѣа м–та и тѣ ссла потянутъ къ митрополиту, *какъ и при Олексѣи м-тѣ тягли; а на тѣхъ сельхъ данщику и бѣлщику моему князя в. не быти,* а дань имати съ тѣхъ селъ въ выходъ по оброку по моей грамотѣ князя в. по оброчной, а лише того оброка не имати; а ямъ по старинѣ 6–й день, а коли мои села князя в. дадутъ тогды и митрополичи дадутъ. А что люди митрополичи живутъ въ городѣ, а тянутъ къ дворцу, а тѣхъ описавъ да положить на нихъ оброкъ, какъ и на моихъ князя в. дворчанъ. А Костянтиновьскій монастырь извѣчный митрополичъ и съ селы; также и Борисоглѣбьскій монастырь и съ селы, какъ тягли издавна и при Олексѣи м–тѣ потомужь и нынѣча потянутъ. А что села пошлые (*давніе*) монастырскіи, въ тѣ села мнѣ князю в. не всылати, ни судити: вѣдаютъ ихъ и судятъ игумены; а будетъ судъ смѣсной (1), ино прибытокъ

(1) Смѣсной судъ, въ которомъ тяжущіеся будутъ и княжескіе и церковные люди.

въ колы. А который человѣкъ мой князя в. ударитъ челомъ на игумена, или на попа, или на черньца, ино судъ вобчой; а не пригодиться митрополита въ вел. княженіи, коли кудѣ отъѣдетъ въ свою митрополію далѣ, а ударитъ кто челомъ мнѣ князю в. на митрополича, и мнѣ князю в. судити; а будетъ судъ смѣсной, ино прибытокъ на полы; а будетъ митрополичь судъ, ино судитъ митрополичь *намѣстникъ*. А также будетъ кто ударитъ челомъ мнѣ в. князю на митрополича намѣстника, или на десятинника, или на волостеля, и мнѣ князю в. судить самому. А митрополичимъ людемъ церковнымъ тамги не давати, какъ было и при Алексѣи м-тѣ; кто продастъ свое домашнее, тотъ тамги не дастъ; а который иметь прикупомъ которымъ торговати, а тотъ тому дастъ. А коли дань дати въ Татары, тогды и оброкъ дати церковнымъ людемъ: а коли дани не дати въ Татары, тогды и оброкъ не дати церковнымъ людемъ; а съ Луху потому же отца нашего м-та кіевского и всеа Руси. А про войну, коли язъ самъ князь в. сяду на конь, тогды и митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ воеводою, а подъ стягомъ (*знаменемъ*) моимъ в. Князя; а кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю м-ту, а приказался ново митрополиту, а тѣ поидутъ подъ моимъ воеводою в. князя, гдѣ который живетъ, инъ подъ тѣмъ воеводою и есть. А сборного м-ту имати съ церкви 6 алтынъ, а заѣзда 3 денги, а болши того не надобѣ ничто; а десятиннику на десатину насѣдъ имати за въѣздное, и за божественное, и за петровское, пошлины 6 алтынъ, а болѣ того не надобѣ ничто; а имати сборное о Рожествѣ Христовѣ, а десятиннику имати своя пошлина о Петровѣ дни; а которые съборные церкви по городомъ не давывали сборного при Ѳеогностѣ м-тѣ и при Алексѣи м-тѣ, тѣмъ и нынѣча не давати. А слугъ моихъ князя в. и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставити; а который поповичь хотя будетъ писанъ въ мою службу, а въсхочетъ стати въ попы или въ діаконы, ино ему волно стати; а поповичь, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣстъ отцовъ, ино той митрополичь: а который поповичь отдѣленъ и живетъ опричь отца, а хлѣбъ ѣстъ свой, а то мой князя в. А писана грамота на Москвѣ, м. іюня въ 28 день, индикта въ 12, въ лѣто 6900.

(А. Арх. Эксп. I, № 9).

См. Ист. гос. рос. V, пр. 233. Опис. Кіевософ. соб. пр. № 3.

171. Грамота архіеп. новгородс. Іоны 1458—1471.

По благословенью преосв. господина и осподаря архіеп. В. Новагорода и Пскова владыкы Іоны, се урядишася христіане Робичичане (1) съ архиман. Григоріемъ и съ попы и съ черенци Юрьева мон. Ѳедоре, Смене Онкудинове, Овдоте Максимове, Софонтеи Васильеве, Петре Сидорове и вси христьяне Робичичане: давати имъ успы (*отсыпнаго хльба*) въ житницю 30 коробей ржи, 30 овса, в правую мѣру в Новгороцкую. А возити имъ самимъ той хлѣбъ въ монастырь св. Спаса и св. Георгия. А поселникамъ поселье по старинѣ. А коли архимандритъ пріѣде на подъѣздъ: стояти ему на стану двѣ ночи. А пива положити христьяномъ доволно. А хлѣба и вологи рыбное и мясное доволно. А конемъ овса и

(1) Робичинской волос. крестьяне въ Старорус. у.

сѣна доволно. А дару архимандриту на томъ стану 2 гривенъ. Столнику полкоробьи ржи; Чашнику полкоробьи ржи; попу съ черпцомъ коробья ржи; дьякону четвертка; повару съ конюхомъ коробья ржи; молодцамъ коробья ржи; козначію с повозникомъ четвертка ржи; приставомъ новгороцкимъ полкоробьи ржи. А коли архимандритъ на подъѣздъ не поѣде: ино тогды пошлинникомъ пошлины вси не надобѣ. А архимандричь даръ 5 гривенъ поставити хрестьяномъ в монастыри. А не почнутъ хрестьяне управливатися в тѣхъ успахъ и въ тѣхъ пошлинахъ, ино увѣдается съ ними архимандритъ и попы и черпцы по старымъ по княжимъ грамотамъ и по новгороцкимъ.

Подлинная писана на пергаменѣ.

(*Чт. общ. 1861, 2, III*).

Б. ПРЕДАНІЕ.

172 Видѣніе Спасова образа.

Во св. Софѣи премудрости божіи, въ В. Новѣградѣ, во время божественныя службы, стоялъ Дмитрей Ласкиревъ, и призва софѣйскихъ священниковъ Прокопія съ товарищи, и воззрѣвъ на образъ милосерднаго Спаса, иже и донынѣ стоитъ на правомъ клиросѣ, на столпѣ, противо мѣста владычня, и вопросилъ ихъ Дмитрей: вѣдомо ли вамъ про ту икону каковъ слухъ? Они же ему отвѣщали: слухъ, господине, таковъ, что неодна та икона изъ Корсуня привезена греческаго писма. И Дмитрей отвѣща: у насъ де въмудрыхъ людей слухъ идетъ, да и писаніе въ нашей греческой земли есть, что та икона прежде Владимерова крещенія бѣ въ Царѣградѣ, а писмо Мануила царя греческаго: нѣкогда, убо, ѣхалъ царь Мануилъ на свою потребу, и узрѣ священника неподобно дѣлающа, и повелѣ на него возложити раны нещадно; и въ ту нощь явися Мануилу царю Спасъ тѣмъ образомъ, яко же на икопѣ написалъ Мануилъ царь, и рече ему царю: почто восхищаеши святительскій судъ, егоже ти непредахъ? тебѣ предано началство въ человѣцѣхъ и отъ супостатъ обороняти, святителемъ же повелѣно духовнѣ вязати и рѣшати; и повелѣ Спасъ пришедшимъ, указываючи пречистымъ своимъ перстомъ, яко же нынѣ видимъ на иконѣ написано, ангеломъ, возложити раны на царя Мануила Греческаго; и возбнувъ царь услышалъ раны тяжки на тѣлѣ своемъ, и возставъ притече ко иконѣ Спасовѣ, и узрѣ руку Спасову указующу низу, а не такъ, яко же онъ написалъ прежде, и восплакася горцѣ царь, и оттолѣ неучалъ святительского суда восхищати. Та же и нынѣ чюдотворная икона у Богородицы Успенія въ соборной церкви стоитъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ; а здѣся у Софѣи премудрости божіи, въ Новѣградѣ, списокъ съ того чудотворнаго образа Спасова стоитъ и донынѣ въ церкви на правой странѣ, противъ владычня мѣста, приходящимъ православнымъ христіаномъ на поклоненіе, еже и донынѣ зрима есть.

(*III Новг. 211—212 подъ 1045 г.*)

2. ПО ДѢЛАМЪ СВѢТСКИМЪ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

173. Правда Росьская.

1) Оубьетъ моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за головоу: аще боудеть роусинъ, любо гридинъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои боудетъ, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань. 2) Или боудетъ кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человѣкоу томоу; аще не боудетъ на немъ знаменіа никотораго же, толи пріидетъ видокъ; аще ли не можетъ, тоу томоу конець. Оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти емоу за обидоу 3 гривнѣ, а лѣтцю мъзда. 3) Аще ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію: то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити емоу: то тоу конець. 4) Аще оутнеть мечемъ, а не вынемь его, любо роукоятью: то 12 гривнѣ за обидоу. 5) Оже ли оутнеть роукоу, и отпадетъ роука, любо оусохнетъ: то 40 гривенъ; аще боудетъ нога цѣла, или начьнеть храмати, тогда чада смирять. 6) Аще ли перстъ оутнетъ которыи любо: 3 гривны за обидоу. 7) А во оусѣ 12 гривнѣ; а въ бородѣ 12 гривнѣ. 8) Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть: то тъи гривноу положить. 9) Аще ли ринеть моужь моужа, любо отъ себе, любо къ собѣ: 3 гривнѣ; а видока два выведеть, или боудеть варягъ или колбягъ, то на ротоу. 10) Аще ли челядинъ съкрьется, любо оу варяга, любо оу колъбяга, а его за три дни не выведоуть, а познаютъ и въ третіи день: то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривнѣ за обидоу. 11) Аще кто поѣдетъ на чюжемь конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривнѣ. 12) Аще поиметь кто чюжъ конь, любо оружіе, любо портъ, а познаетъ въ своемъ мироу: то взяти емоу свое, а 3 гривнѣ за обидоу. 13) Аще познаетъ кто, не емлеть его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то пороучника за пять дніи. 14) Аже гдѣ възыщеть на дроузѣ проче, а онъ ся запирати почнеть: то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да аще боудетъ обидя не вдалъ боудетъ достоино емоу свои скотъ, а за обидоу 3 гривнѣ. 15) Аще кто челядинъ пояти хощетъ, познавъ свои, то къ ономоу вести, оу кого то боудеть коупилъ, а тои ся ведеть о дроугомоу, даже доидеть до третьего, то рци третьемоу: вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ. 16) Или холопъ оударить свободна моужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то холопа пояти, да платить господинъ зань 12 гривнѣ; а за тымъ где его

налѣзоуть оудареныи тои моужь, да бьють его. 17) А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотѣти его деръжати оу себе, то пріати скота оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ емоу заплатити колько далъ боудеть на немъ.

Правда оуставлена Роусьскои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула:

18) Аще оубьють огнищанина въ обидоу, то платити зань 80 гривенъ оубіици, а людемъ не надобѣ; а въ подъѣздъномъ княжи 80 гривенъ. 19) А иже оубьють огнищанина въ разбои, или оубиица не ищоуть: то вирное платити въ неи же ви. р. и голова начнеть лежати. 20) Аже оубіють огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говида, или оу коровьѣ татьбы, то оубити въ пса мѣсто; а тоже поконъ и тивоуницоу. 21) А въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогобоудьци. 22) А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаинѣмъ 12 гривнѣ; а въ рядовници княжѣ 5 гривенъ. 23) А въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ. 24) Аще роба кормилица, любо кормиличицъ, 12. 25) А за княжь конь, иже тои съ пятномъ, 3 гривнѣ; а за смердѣи 2 гривнѣ. 26) За кобылоу 60 рѣзанъ; а за волъ гривноу; а за коровоу 40 рѣзанъ: а третьякъ 15 коунъ; а за лоньщиноу полъгрівнѣ; а за теля 5 рѣзанъ; за яря ногота; за боранъ ногата. 27) А оже оуведеть чюжь холопъ любо робоу, платити емоу за обидоу 12 гривнѣ. 28) Аще же пріидеть кровавъ моужь любо синь, то не искати емоу послоуха. 29) А иже крадеть любо конъ, любо волы, или клѣть, да аще боудеть единъ кралъ, то гривноу и тридесять рѣзанъ платити емоу; или ихъ будетъ 18, то по трі гривнѣ и по 30 рѣзанъ платитї моужеви. 30) А въ княжѣ борти 3. гривнѣ любо пожгуть, любо изоудроуть (1). 31) Или смердъ оумоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3. гривны. 32) А въ гнищанінѣ и въ тивоуницѣ и въ мечници 12 гривънѣ. 33) А иже межоу переореть любо перетесъ, то за обидоу 12 гривнѣ. 34) А оже лодью оукрадеть, то за лодью платити 30. рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. 35) А въ голоубѣ и въ коуряти 9 коунъ. 36) А въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30. рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. 37) А оже оукрадоуть чюжь песъ, любо ястребъ, любо соколъ, то за обидоу 3. гривны. 38) Аще оубьють тать на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли оубьють, а люди боудоуть видѣли связанъ, то платити въ немъ (2). 39) Оже сѣно крадоуть, то 9 коунъ; а въ дровехъ 9 коунъ. 40) Аже оукрадоуть овъцоу или козоу или свинью, а ихъ боудеть 10 одиноу овьцоу оукралѣ, да положать по 60 рѣзанъ продажи. 41) А хто изималъ, томоу 10 рѣзанъ; а отъ грніе мечникоу коуна, а въ девятиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а въ десятиноу 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ.

42) А се поклонъ вирныи: вирникоу взяти 7 вѣдоръ солодоу на недѣлю, тъже овенъ, любо полотъ, или двѣ ногатѣ; а въ среду рѣзаноу, въ три же сыры, въ пятницоу такоже; а хлѣба по колькоу моугоуть ясти и пшена; а куръ по двое на день; конѣ 4 поставити и соути имъ на

(1) *Къ этой статьѣ въ спискѣ Ростовскомъ прибавлено:* а въ смерди 2 вгризнѣ (*чит.* гривнѣ).

(2) *За этой статьей въ спискѣ Ростовскомъ слѣдуетъ непосредственно слѣдующая статья, которой недостаетъ въ спискѣ Академическомъ:* Оже убиенъ тать, а подымуть ноги во дверѣ, ино убитъ; оли подымуть ноги за вороты, толи платити въ немъ.

ротъ колько могоутъ зобаги; а вирникоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверицѣ; а передѣ гривна: или ся пригоди въ говѣніе рѣбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ: тѣ всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю; а боротна колько могоутъ изъяти. До недѣли же виро зберутъ вирници. То ти оурокъ Ярославль.

43) А се оурокъ мостьниковъ: аще помостивше мостъ, взяти отъ дѣла ногата, а отъ городници ногата; аще же боудеть ветхаго моста потвердити нѣколико досокъ, или 3, или 4, или 5, то тоеже.—

(Текстъ Рус. Правды. Изд. Н. Калачова. М. 1847).

Здѣсь напечатана Рус. Правда по Академич. сп. XV в. Объ источн. Рус. Пр. у *Калачова* Предварит. юрид. свѣд. для объясн. Рус. Пр. М. 1846, 1—43.

Русская Правда не есть только документъ, но преимущественно источникъ и выраженіе права, господствовавшаго въ древнѣйшей Руси. Ярославъ, какъ и послѣдующіе князья-законодатели не были сочинителями, авторами Правды, а только собирателями и редакторами юридическихъ убѣжденій, господствовавшихъ въ ихъ время въ народѣ. Эти убѣжденія пріобрѣтаются медленно, мѣняются еще медленнѣе, и служатъ почвою для сборниковъ цѣлые вѣки. Чего не подмѣтитъ и не соберетъ одинъ изъ законодателей, остается въ народныхъ обычаяхъ до слѣдующаго дѣятеля, который вноситъ въ актъ свой посильный сборъ, и вызываетъ наслѣдниковъ къ той же дѣятельности. И только всѣ редакціи вмѣстѣ могутъ послужить зеркаломъ всей суммы юридическихъ понятій и установленій извѣстнаго народа, въ извѣстную эпоху.... (Рус. Нар. и Госуд. Лешкова. М. 1852 147. 208).

174. Князя Володимера рукописаніе. 1287.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Молитвами св. Богородица и Приснодѣвица Марья и святыхъ ангелъ. Се азъ князь Володимеръ, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, даю землю свою всю и городы, по своемъ животѣ, брату своему Мьстиславу, и столный свой городъ Володимирь; другую же грамоту напсахъ брату своему такую же; хочю и еще и княгинѣ своей писати грамоту такую же.

Въ имя Отца и Сына и св. Духа. Молитвами св. Богородица и Приснодѣвица Марья, святыхъ ангелъ. Се азъ князь Володимеръ, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, пишу грамоту: далъ есмь княгинѣ своей, по животѣ своемъ, городъ свой Кобрынь, и съ людми и съ данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ять (*пусть*) дають княгинѣ моей. Аже далъ есмь ей село свое Бородѣлъ, и съ мытомъ, а людье како то на мя страдалѣ (*работали*), тако и на княгиню мою по моемъ животѣ; аже будеть князю городъ рубити, и ни къ городу, а побороимъ и Тотарьщиною ко князю. А Садовое и Сомино же далъ есмь княгинѣ своей, и манастырь свой Апостолы же, создахъ и своею силою. А село есмь купилъ Березовичѣ Урьевича у Давыдовича Ѳодорка, а далъ есмь на немъ 50 гривенъ кунъ, 5 локотъ скорлата да бронѣ дощатые: а тое далъ есмь ко Апостоломъ же. А княгини моа, по моемъ животѣ, оже восхочетъ въ черницѣ пойти, пойдеть; аже не восхочетъ ити, а како ей любо, мнѣ не вставши смотрѣть, что кто иметъ чинити по моемъ животѣ.

(Ипат. 215).

175. Духовная Новгородца Климента XIII в.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божии Климянтъ даю св. Гер-

гью и игумену Варламу и всеи братьѣ, что̀ възялъ есмь 20 гривнъ серебра на свои рукы св. Гергья, было ж бы ми чимъ заплатити. Даю за все за то два села съ обильемь и съ лошадьми и съ боръ̀тью и съ малыми селищи, и пьнь и колода одерень св. Гергью, а заводникъ сусѣдъ мои Опаль. А Калисту есмь далъ Микпиньское село съ огородомъ и съ бортью; а Воинови сынови Андъдрѣю даю Самуиловьское село и пьнь и колоду и съ боръ̀тью тоже есмь не даромъ далъ платилъ за мене Данило и Воинъ искупъ. Литовьскыи Володиславу Даниловичю даю сивыи жеребецъ, а Василю брату даю щитъ Въиновьскыи оже Вельямино вьскыи жеребечь. А свою жену приказываю игумену Варламу и всеи братьи а изъ свиней из моихъ Самуилѣ даите боровъ лутьпии, а въ скотѣ—въ овцяхъ и въ свиньяхъ розделить съ женою моею на полы, а жена моя постриженться въ чернице, есть еи чимъ ся пострици, и дворъ городьскыи еи же даю, а проче кланяюся игумену и всеи братье, а жена моя постриженться въ чернице, то вы даите еи четверть, оть не будеть голодна или того не въслушаеть, а нѣчто мѣншее дадите еи. Хотя подо мною что останѣтся или лошакъ или оружье то все даю св. Гергью, а про куны чимъ то ся ми было вамъ платити въ купѣцьскомъ сътѣ у Ѳомы 8 гривнъ възмите, а у Борькы 4 гривъне, у Фомы у Моръшня особьнеи 2 гривъне безъ 2-ю ногату, а на поральское серебро наклада възяти Климяте на Борьке 13 ногате и гривна, а у Савиниця съимати Климяте съ Боркою пять гривънъ, а въ томъ Борьке третина, а у Козѣ—вьтъши 2 гривне Климяте възяти, а у Микифорца 40 резанъ, а Жихневе даи.... у Хотьвита взяти Климяте гривна солоныхъ кунъ у ...ъчьня полъ гривны у Къзя... а полъ гривны на Дуранѣ 7 гривнъ у Михальца полъ гривне у Еремея безъ 10 резанъ 2 гривне, у Гюрьга 13 ногате, у Климяте гривна у ... тьше гривна. И ли кто почнеть ся задирати того, тъ станеть со мною передъ Богомь; а ты, Варламе, исправи. Того дѣля написахъ за нъ да не было у мене брата, ни сыну; аже кто въступить на сю грамоту да не со мною съ одным станеть прѣ Богомь, съ всимь моимъ племенемь (родствомъ).

(*Свѣд. и Зам. о малоизв. и неизв. памятн. Срезневскаю Спб. 1867. IV, 38—42*).

Эта замѣчательнѣйшая грамота, касающаяся юридическаго быта Русскаго народа, объяснена тамъже.

176. Рядная Тѣшаты до 1299.

Се порядися Тѣшата съ Якымомъ про складьство про первоіе и про заднеіе. И на дѣвкѣ Якымъ серебро взялъ. А мониста Тѣщитина у Якымовы жены свободна Тѣшатѣ взяти. И рощетъ учинила прежежи себе; а болѣ не надобѣ Якыму Тѣшята, ні Тѣшятѣ Якымъ. А на томъ по слуси: Довыдъ попъ, Дорожка Домославъ, Вѣкошкинъ Боянъ, Кузма Лойковичь, Жидило Жихновичь, Иванъ Смолянинъ. А кто сий рядъ переступить, Якымъ ли, Тѣшята ли, тотъ дасть 100 грив серебра. А псалъ Довмонтовъ писець.

(*Зап. Археол. общ. III*).

См. Рядную XIV в. О малоизвѣстн. пам. III. 79—81.

177. Жалованная в. к. Іоанна Даниловича людямъ новгородскаго Юрьева монастыря, живущимъ на Волокѣ 1338—1340.

Се язъ князь в. Иванъ Даниловичъ всеа Руси, пожаловалъ есмь, Бога дѣля и св. дѣля Юрья, архимандрита Есифа и всей братьи: что земля св. Юрья на Волоцѣ, кто сядетъ на земли св. Юрья, далъ есмъ имъ волю, ненадобѣ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ станъ, ни въ который проторъ; а волостелемъ ихъ Волоцкимъ на Волоцѣ не судити, опрочѣ татбы; и разбоя и душегубства; а то судитъ ихъ человѣкъ св. Юрья промежи собою; а по в. князя слову волостелемъ ихъ волоцкимъ блюсти, а не обидѣти, Бога дѣля и св. дѣля Юрья: а коли розмирье князю в. съ Новымгородомъ, а тогды ихъ въ безадщину не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время, но живутъ оприснь въ брезѣ (беревеньи) князя в.; а архимандриту тяглыхъ людій волоцкихъ не пріимати, такоже и изъ очины Князя в. изъ Москвы людій не пріимати; а кто дѣтій моихъ, или братьи моее, мое данье порушитъ, а то судитъ ему Богъ и св. Георгій въ страшное свое пришествіе, а князю в. дасть сто рубля; далъ есмъ сю грамоту и въ вѣки.

(*А. Арх. Эксп. I*, № 4).

178. Изъ Виленцкаго Статута, даннаго Польскимъ королемъ Казиміромъ III въ 1347.

Статья 2. О границахъ дѣдичныхъ и рѣчныхъ частыя споры. О границахъ дѣдичныхъ и рѣчныхъ частые споры межи нашими подданными бывали, и зъ того бывали великіи наклады и шкоды и хлопоты; про то, гдѣ рѣкы текутъ межи имѣніи, а каждый имаетъ свой берегъ; а колижъ тая рѣка учинитъ собѣ инуды берегъ, а не человѣческымъ чиненіемъ, але своею силою, тогды первѣйшая тутъ имаетъ быти правая граница.... езерѣхъ, колижъ обоколъ езера люди живутъ, ижъ волно имъ рыба ловить; а такожъ берегъ рѣкы коли будетъ человѣчьскымъ чиненіемъ обороченъ, завжды первѣйшій берегъ—граница.

— 11. *О судьяхъ, колько каждая земля имѣетъ имѣть, и судъ имъ.* Ижъ изъ многихъ судовъ одна жалоба быва розно сужена, про то мы, хотячи имѣти вѣдомыи судьи, уставляемъ: одинъ у Краковской земли, а другой у Судомирской нашъ судья имѣетъ быти; а коли ся намъ пригодъ пріѣхать до которое земли, тогды судья тое земли имѣетъ судити, при нашомъ дворѣ, о которыхъ коли жалобахъ великыхъ или малыхъ, а любо тежъ дѣдичныхъ; а року отъ трехъ недѣль дальши не имаютъ откладать; какъ борздо жалоба станется дѣтинна, тогды судья, а либо подсудокъ маютъ намъ сказать тую жалобу, а мы съ нашими паны, зъ нашего радою, маемъ досмотрѣти; и если уже не будемъ тамъ, тогды, шесть, а любо чотыри...., прилучаемъ судьѣ или подсудку, што имаютъ тую рѣчь осудить нашего моцью.

— 19. *Которыи приходятъ квалтомъ къ суду за племенемъ, а любо за слугами.* Частокроть прихожается, ижъ нѣкоторыми за своимъ племенемъ, а любо за слугами приходятъ моцъю на судъ и силою права отводятъ: про то приказуемъ мы, а бы того далѣй небыло; а которыи будутъ у томъ знайдены, тогды вина на нихъ у нашой коморѣ пятьнадцать.

— 25. *Судья не имѣетъ дѣцковать слать, одно два слуги.* Черезъ великіи заклады частокроть убогыи люди бываютъ утиснены, а то тымъ, ижъ

ихъ много у-купѣ ѣздило, а много людемъ зло чинили, и кгвалтомъ брали (а на то индѣ призволяли судьи): про то хочемъ, абы судья, а любо подсудокъ къ дѣцкованію больтъ не слáли, одно двухъ слугъ съ служебникомъ. А который будетъ судомъ осуженъ, а любо виноватъ изнайденъ, абы такихъ не граблено. А также уставляемъ: гдѣ коли волы, а любо иншыи реча у закладъ берутъ, а панъ речетъ того села, а любо кмети, ижъ безъ вины берутъ; тогды маютъ тую животину, или тыи речи на поруку дати, а имъ имѣютъ рокъ дати, абы ся исправили: будутъ ли правы, тогды судья и подсудокъ и тыи слугы имѣютъ панóмъ тымъ и кметемъ кажды платити вину. 15.

— 30. *Хто коли бываетъ ожалованъ о злодѣйствѣ.* Хто коли будетъ о злодѣйство ожалованъ, уставляемъ, изъ поводъ того обжалованного въ годъ маетъ моцъ къ праву позвать: ачь годъ минетъ, а хочетъ тую речь обновить, тогды имѣетъ добрыми, почесными людми досвѣтчить, ижъ правдиво тую речь ведетъ.

— 31. *Которые торговли, а любо пьнезги даютъ въ позычъ земляномъ.* Хотячись хлопотомъ конецъ учинить, уставляемъ: коли жъ который мѣщанинъ а любо сукна, а любо иныи торговли которому земленину безъ запису повѣрить, а у право съ нимъ пойдетъ; тогды имѣетъ тотъ мѣщанинъ добрыми людми на него досвѣтчить, а запретца ль, тогды имѣетъ самъ своею рукою отприсячь.

— 36. *Хто будетъ раненъ у свадьбѣ, а любо кромѣ свады.* Жалобу чинилъ Петръ на Яна, ижъ его ранилъ; Янъ отповѣдалъ же самъ его ранилъ, а на то хотѣлъ свѣдечьство указать ему. Мы сказуемъ: если жъ у свадѣ ихъ ранилъ ся, тогды Яново свѣдечьство маеть быти припущено; если же кромѣ свады будетъ раненъ, тогды Петръ маетъ присячь свои раны.

— 53. *О братьи, што единъ млынъ маютъ.* Франциkъ, а Фалко, а Индрихъ, три братенники держали одного млынаря; Индрихъ, третій братъ о нѣкоторыи проступкы выдалъ млынаря во право; пришедши другый братъ Фалко, жаловалъ на Индриха, ижъ бы его млынаря несправедливе выдалъ. Мы узнаваемъ, ижъ годится каждому о свою кривду жаловать и сказуемъ Индриха праваго.

— 54. *О пустовщинѣ сѣльской, а любо мѣстьской.* Коли жъ нѣкоторый людъ, а либо кметъ умретъ безъ дѣтей, тогды панъ его увязуется въ пустовщину. Прото мы нынѣ укладаемъ тотъ обычай: съ того имѣнія, будетъ ли, абы келихъ учиненъ былъ за полторы гривны къ церкви, гдѣ прибѣгалъ; а остатокъ, и то ближнимъ и пріятелемъ штобы дано.

— 55. *О позыченью коня.* Миколай жаловалъ на Матѣя, ижъ ему, яко пріятелю, коня позычилъ здороваго на дорогу, а коли жъ ему за ся вернулъ и тотъ конь хромалъ; а рекъ тотъ Матѣй, ижъ ховалъ его, якъ же и своего влостного, а не вѣдалъ тое ему хромоты. Тогды мы сказуемъ: Матѣеви того коня 2 недѣли ховать; а будетъ здоровъ за тыи 2 недѣли, ино добро, а не будетъ здоровъ, иметь ся пріятельски расправить.

— 68. *Хто у правѣ Нѣмецкомъ, а пожываетъ Польскаго.* Подлугъ уставленія святыхъ Отцовъ, законъ есть: тому право стратить, хто своего права не поживаетъ..... есть много пановъ, штожъ имѣютъ права Нѣмецкая у своихъ селѣхъ, отъ насъ позычены, а любо отъ нашихъ предковъ; а они опущаютъ Нѣмецкое право, а ведутъ ся подлугъ Польскаго права..... Уставляемъ: ачь будеть не гдѣ жалоба на нихъ у Нѣмецкомъ правѣ, а они недержать, тогды они стратили свое право, не могуть ся иро-

тивъ..... боронити; про то мы хочемъ: гдѣ жъ будетъ проступка, подъ которымъ правомъ..... тымъ жъ правомъ будетъ осуженъ.

— 75. *О загашеньи огню и о раненіи человѣка.* Жаловалъ Идикъ на Фалка, ижъ ему у его дому, у вечеръ, сталася свада: пришедши Фалко и загасилъ свѣчю, а въ томъ—то загашенью Идика невѣдомо кто уранилъ; Фалко позналъ, ижъ свѣчю погасилъ, а ураженья запрелъ, штобъ его уразилъ. Мы подлугъ присяги Идиковы, присужаемъ Фалка виноватаго на ту рану.

— 76. *О пастусѣ овечьемъ.* Идикъ жаловалъ на пастуха, ижъ далъ ему овцю во стадокъ его пасьвити, а опятъ овцы не мѣлъ за ся отъ пастуха; а пастухъ рекъ, ижъ тую овцю пригонилъ до села. Мы сказуемъ: пастухови прясячь, ижъ тую овцю пригонилъ до села.

— 82. *О лихвѣ жидовской.* Лихва жидовская не имѣетъ нигды насыщенія: про то мы и рада наша уставляемъ, абы Жидове,..... непріятелѣвѣ вѣры христоянскоѣ, и на лихву пѣнези даютъ, не имаютъ больщъ брать на недѣлю только 10 пѣнезь..... пѣнези даваютъ на записы, а лихвы не даютъ два годы, штобы ся ихъ лихва множила; а у тыхъ двухъ годѣхъ не упоминаються, а ни на судъ ведутъ: а по двухъ годѣхъ, уже имъ далѣй нѣтъ лихвы жадноѣ, и ни записомъ имѣютъ поминать..... а ни тотъ, хто ся имъ записалъ, не имѣетъ имъ запису..... полнить.

— 87. *О раненью кметя судъ.* Коли кметь будетъ раненъ до крови, а любо ураженъ сромотнѣ, тогды ему прійдетъ двѣ части за раны, а третья часть судьѣ.

— 89. *О битьи рыцерскомъ, а любо шляхтича и кметя.* Ачь рыцеръ, а любо шляхта шляхтичу рану учинитъ до крови, имѣетъ ему платити за рану 15; а будетъ ли не рыцерьскій человѣкъ, ино гривна грошей; а будетъ ли кметь, ино шесть шкотъ.

— 91. *Хто кому што сильно возметъ.* Такожъ, который мантель, а любо иншую речь возметъ у кого волею своею, рукою маетъ ему за ся вернуть подъ виною 6 гривень.

— 92. *О ораньи чюжого поля.* Ачь хто чюжую роль оретъ, а любо сѣетъ, своего насѣнья истратитъ, а вину заплатитъ 15.

— 93. *Хто кому силою волы возметъ.* Коли хто кому четыре волы возметъ силою, а будетъ на то досвѣтченье: зазамешьканье тыхъ воловъ и работы, за каждую недѣлю имѣетъ платити 4 скотца, зъ виною 15, а судови другая 15.

— 94. *Хто сѣно силою беретъ.* А такожъ, хто кому силою возметъ возъ сѣна кгвалтомъ, имѣетъ платить 3 гроши, а вины 15 гроши, а судови другая 15.

— 106. *О сильнику на дорозѣ.* Мартинъ жаловалъ на Микулу, ижъ вынялъ исъ колиты осмь копъ грошей, кгвалтомъ, на добровольной дорозѣ, у торговую днину; Микулка отповѣдалъ, ижъ бы не по правдѣ на него жаловалъ, а ни тежъ бы тыи пѣнези истрачены, и хотѣлъ ся очистити..... 6 свѣтковъ. А мы сказуемъ: штобы было очищеніе 12 свѣтками добрыми, а не инѣй.

— 108. *Хто порубитъ древо овощное.* Уставляемъ: ижъ за кажное древо, овощъ имаючее, будетъ ли зрубано, 12 грошей заплатъ за щкоду, а вины 15.

— 129. *О усильствѣ дѣвокъ, а любо жонокъ, а любо вдовъ.* Гдѣ коли дѣвка, а любо жонка, а любо вдова будетъ на поли, а любо въ селѣ усилована, и она крикомъ и плачемъ освѣтчитъ свое усилованіе, а..... изнамена изнайдены будутъ, а люди то предъ судомъ вызнаютъ, которыми она свѣтчила: тогды

тотъ имѣетъ (быти) казненъ, подлугъ вины писаноѣ о усильствѣ. А будетъ ли тая дѣвка, а любо жонка неправнѣ жаловала, изнамени ей не будетъ: тогды тотъ, на кого она жаловала, имѣетъ ся очистить самъ—семь, такъ добрыми людми какъ и самъ.

— 130. *Который будетъ тройчи обаженъ о злодѣйство, а любо о разбой.* Уставляемъ и сказуемъ: коли хто будетъ трійчи обаженъ предъ судомъ о злодѣйствѣ, а любо о разбои, и переможенъ, а любо нѣкоторую речь злодѣйскую лицомъ выймутъ, а любо вернетъ, навѣкы жадноѣ чти не имѣетъ имѣти (не будетъ); а будетъ ли ему присужено свѣдѣчьствомъ ся очистить, а одинъ свѣтокъ будетъ згодный: для того не будетъ у соромотѣ, але шкодникови, кому зашкодѣлъ, имѣеть до сыть учинить.

— 137. *Коли кметъ утечетъ отъ своего пана.* Колижъ отъ насъ, а любо отъ нашего пана, намъ послушного, кметъ утечетъ, для гнѣва пана своего, а панъ правомъ добудетъ, а онъ ся нехочетъ вернуть за ся: тогды, мы сказуемъ, ижъ тотъ кметъ имать платъ пану своему вину 3 гривны; ачь платъ рочный имѣетъ платить ему, какъ и дотоль ему платилъ, а тымъ будетъ правъ тотъ кметъ, отъ своего пана..... А коли у Нѣмецкомъ правѣ кметъ о сядетъ, тогды не можетъ отъити отъ пана, одно дѣдичьство продавше, а умѣсто себе, кметса, такъ богатого какъ самъ, осадитъ, а любо поля ему изоретъ и справитъ, и гораздо оспетъ озиминого и яриного и отдастъ пану своему: тогды можетъ пойти, гдѣ хочетъ.

— 138. *О жидѣхъ, штобъ недавали христіяномъ пѣнезій.* Колижъ жидовскій умыслъ и злость ихъ есть на то, какъ бы христіяново убожело, еще ся намъ заподобно видѣло..... штобы ни одинъ жидъ, у нашей земли, нашему христіяну пѣнезей не давалъ на записы, а ни на листы, одно на закладъ, подлугъ старого обычая.

(*А. Западн. Рос. I*, № 2).

См. о Литовскомъ Статутѣ. В. Верещинскаго. Еженед. прибавл. къ Рус. Инвалиду 1864 г. № 27. Русская Правда и Литовскій Статутъ. *Леонтовича.* Уч. Зап. Кіевс. Универс.

179. Новгородскія и двинскія купчія ок. 1350.

а. Се куши Кондратъ у Степана у Прокшина землю, отцину его, дворъ и дворище, горней земли, 4-ры полянъки и притеребъ за улицею, 4 лоскуты на Юрмоли земли, и у перевѣслищахъ, и въ тоняхъ, и въ ручьѣхъ отцины его, чимъ владѣлъ Степанъ. И далъ Степану Кондратъ на всемъ томъ 3 рубли, овьцю пополонка; а купи себѣ одернь и своимъ дѣтемъ. А на то послуси (*свидѣтели*) Ив. Капустинъ, Ѳед. Павловъ, Ив. Костковъ, Сем. Микифоровъ, Сидоръ Борисовъ.

(*А. Юрид. № 71, XVIII*).

Притеребы—распаханная вновь земля. *Перевѣсища*—мѣста и снасти для ловли птицъ. *Пополнка*—въ придачу; *одерень*—вѣчно. Прежде въ изычествѣ была дерновая присяга, отъ которой произошло самое сл. одерень. См. выше № 14.

б. Се купи Михайло Офромѣевинь, у попа у Ортемья, село въ Кехтѣ въ Малой, дворъ и дворище, на горѣ орамы земли и притеребы, и въ островѣ орамыи земли, и пожынѣ, и рѣпѣща, и притеребы, и тони, и прикупъныи земли, и ловища всякіи того села, чѣмъ володѣлъ отечь его Есифъ и братъ его Демехъ; и да на томъ Михайло попу Ортемью Есипову девять сороковъ бѣлкѣ, а тели-

чу пополонка; а купи себѣ одерень. и своимъ дѣтемъ. А на то послухи: Степанъ Васильевичь, братъ его Лутьянъ, Григорей сочькой, Василей Сасинъ, Якимъ Остафьевичь. А у печати стоялъ попче Ортемей.

(*А. Юрид. № 71, IX*).

180. Духовная в. кн. Іоанна Іоанновича 1356.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ божій Иванъ Ивановичь пишу грамоту душевную, ни чимже не нуженъ (*не вынужденъ*), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемь здоровьѣ. Аже что Богъ розмыслить о моемь животѣ, даю рядъ своимъ сыномъ князю Дмитрию и кн. Ивану и своему братаничу кн. Володимеру, и своей княгинѣ. Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ кн. Дмитрию и кн. Ивану; а братаничу моему кн. Володимеру на Москвѣ въ намѣстничтвѣ треть и въ тамзѣ, въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городьскихъ треть, что потягло къ городу; и что медъ оброчный Васильцева стану, и что отца моего купленыѣ бортници подъ вѣчныѣ варяхъ, и кони ставити по станомъ и по варямъ, и конюшій путь, то имъ все на трое. А численыѣ люди вси три князя блюдуть сопча съ одиного. А се даю сыну своему кн. Дмитрью: Можаескъ со всѣми волостми и съ селы и зъ бортью съ оброчники и съ пошлинами. А что исъ тыхъ волостий за княгинью за Марьею, тѣ волости до ее живота и села; а по ѣе животѣ, тѣ волости и села сыну моему кн. Дмитрью, Городна, Мѣзына, Пѣсочна, Середокорошна, Похряне, Устьмерьска, Брашевая, Гвоздна, селце Ивань, деревни Маковецъ, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Кошира, Гжеля, Горѣтова, Горки, село на Сѣверцѣ, с. Малино, с. Холмы, с. Костянтиновское, с. Ориниьское, с. Островьское, с. Копотеньское, с. Микульское, с. Малаховьское, с. Напрудьское, с. Имновьское, с. Новое, Мещера у Коломны. А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ со всѣми волостми и съ мытомъ и съ селы и зъ бортью и съ оброчники и съ пошлинами, Кремична, Руза, Фоминьское, Суходолъ, Истерва свободка, свободку Замошьскую, Ростовци, Кремичну, Тростну, Нѣгучу, село Рюховьское, с. Михалевьское, с. Каменьское, с. на Рѣпнѣ въ Баровьцѣ, селце Милциньское, с. Максимовьское, с. въ Замошьской свободѣ, с. Выславьское, с. Кузминьское, с. Домонтовьское, с. Андрѣевьское, с. Кариньское, с. Козловьское. А братаничь мой кн. Володимеръ вѣдаетъ уѣздъ отца своего. А что ся мнѣ достали мѣста рязаньская на сей сторонѣ Оки, исъ тыхъ мѣстъ далъ есмь кн. Володимеру въ Лопастны мѣста, Новый Городокъ на усть Поротли; а иная мѣста рязаньская отъмѣнная сыномъ моимъ кн. Дмитрью и кн. Ивану, подѣлятся на полы безъ обиды. А княгиня Ульяна, по отца моего князя в. по грамотѣ по душевной, вѣдаеть волости и осмничье и села до своего живота; а по ее животѣ, дѣти мои кн. Дмитрій и кн. Иванъ, и братаничь кн. Володимеръ и моя княгини подѣлятся на четверо безъ обиды. А ци (*если*) по грѣхомъ имуть искати изъ Орды Коломны, или лопастеньскихъ мѣстъ, или отъмѣньныхъ мѣстъ рязаньскихъ, а по грѣхомъ ци отъимется которое мѣсто, дѣти мои кн. Дмитрий, кн. Иванъ, кн. Володимеръ и княгини въ то мѣсто подѣлятся безъпеньными мѣсты. А се далъ есмь княгинѣ своей Александрѣ изъ коломеньскихъ волостий: Похряне, Пѣсочну, Середокорошну, село Лыспевьское, на Москвѣ селце Семциньское; а изъ звенигородскихъ волостей далъ есмь своей княгинѣ: Угожь, великую свободу

Юрьеву, с. Кляповьское, с. Бѣлциньское съ Новымъ селцемъ; а исъ тамги исъ московьское княгини моей у моего сына у кн. у Дмитрия, и у кн. у Ивана изъ дву жеребьевъ треть. А по животѣ моее княгини, тѣ волости и села и треть тамги дается сыну моему кн. Дмитрию и кн. Ивану, въ которого уѣздѣ, то того и есть. А се даю сыну своему кн. Дмитрию: икону святый Олександръ, чепь золоту врану (*вороненую*) съ крестомъ золотымъ, чепь золоту колчату, икона золотомъ кована Парамишна дѣла, шапка золота, бармы, поясъ великий золотъ съ каменьемъ съ женчуги, что мя благословилъ отець мой князь в., поясъ золотъ съ крюкомъ, сабля золота, обязь золота, и серга съ женчугомъ, чечакъ (*шишакъ*) золотъ съ каменьемъ съ женчуги, 2 овкача золота, ковшь великий золотъ гладъкий, коропка сердоничня золотомъ кована, бадья серебрьна съ наливкою серебреною ..... ца золота съ каменьемъ, опашень скорлатенъ саженъ. А се далъ есмь сыну своему кн. Ивану: чепь великую золоту съ крестомъ, чепь золоту врану, а другая огнивчата съ кресты, икону Благовѣщенье, и сергу съ женчугомъ, поясъ золотъ съ каменьемъ съ женчуги, что ми далъ братъ мой кн. в. Семенъ, поясъ золотъ сточный, аламъ сженчужный, наплечки золоты съ кругп съ каменьемъ съ женчуги, аламъ малый съ женчуги, что ми дала княгиня Марья, ковшь великий золотъ гладъкий, овкачикъ золотъ, чашка золота, да стаканъ царьгородский золотомъ кованъ, чечакъ золотъ съ каменьемъ съ женчуги, сабля золота, обязь золота. А кого ми дасть Богъ зятью, по чепи имъ по золотѣ, по поясу по золоту. А что за княгинью за Марью Заячковъ, Заберега съ мѣсты, то до ее живота; а по ее животѣ моей княгинѣ. А что волости за княгинью за Ульяною, исъ тыхъ волостий по ее животѣ дѣти мои кн. Дмитрий, кн. Иванъ, кн. Володимеръ дадутъ дчери ее Сурожикъ, село Лучиньское. А изъ моихъ судовъ и серебренныхъ дадуть блюдо серебрьно великое съ колци къ святѣй Богородици Володимерь; а иными суды серебреными дѣти мои кн. Дмитрий, кн. Иванъ своею матерью подѣлятся на трое. А село на Рокшѣ Романовьское кн. Дмитрию; а с. Афиньевское, да селце у Павловьскаго села кн. Ивану; а с. Павловьское далъ есмь св. Олександру въ прокъ, собѣ въ память. А что моихъ стадъ коневыхъ и жеребцевъ и кобылицъ, а то сыну моему кн. Дмитрию и сыну моему кн. Ивану, то имъ на полы. А исъ тамги исъ Коломеньское далъ есмь 4-ю часть къ св. Богородицѣ на Крушицю, собѣ въ память. А костки московьскии далъ есмь на Москвѣ къ св. Богородици и къ св. Михаилу, въ память по своемь отцѣ и по своей братьи и по собѣ, то имъ руга. А хто будеть моихъ казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ, или хто будеть моихъ дьяковъ, что будеть отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будеть у тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, ни моей княгини, далъ есмь имъ волю. Такъ же хто будеть моихъ людий полныхъ, купленыхъ, грамотныхъ, далъ есмь имъ свободу, куды имъ любо; а дѣтемъ моимъ не надобны, ни моей княгини. А на сю грамоту послуси: отець мой владыка ростовьскій Игнатий, отци мои душевныѣ игуменъ Иванъ, попъ Акинѳъ, попъ Патрекѣй. А хто сю грамоту порушить, судить ему Богъ, а моего благословенья не буди на немь, ни въ сий вѣкъ, ни въ будущий. А грамоту писалъ Нестерко.

(Къ сей грамотѣ привѣшена печать серебряная позолоченая).

(*Собр. грам. I, № 26*).

181. Договорная в. кн. Димитрія Іоанновича и брата его кн. Володимера Андреевича съ в. к. тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ 1368.

По благословенью отца нашего Алексия м-та всея Руси. На семь, брате молодший кн. вел. Михаило Олександровичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ брату старѣйшему кн. вел. Дмитрию Ивановичу, и къ моему брату кн. Володимеру Андрѣевичю, и къ нашей вотчинѣ къ В. Новугороду, и за свои дѣти и за свои братаничи. Имѣти ти мене собѣ братомъ старѣйшимъ, а кн. Володимера брата моего — братомъ; а добра ти намъ хотѣти во всемь вездѣ безъ хитрости; а што ти слыша отъ крестьянина или отъ поганина о нашемъ добрѣ или о лисѣ (*о худѣ, о лихотѣ*), а то ти намъ повѣдати въ правду, по (*крестному*) целованью, безъ хитрости. А князи велиции крестьянстии и ярославьстии съ нами одинъ человѣкъ, а ихъ ти не обидити: а иметь ихъ обидети, намъ дозря ихъ правды, боронитися съ ниме отъ тобе съ одиного; а имутъ тобе обидѣти, намъ дозря твоие правды, боронитися съ тобою отъ нихъ съ одиного. А гдѣ ми буде, брате, пойти на рать, или моему брату кн. Володимеру Андрѣевичю, всѣсти ти съ нами самому на конь безъ хитрости; а пошлемъ воеводъ, и тобѣ и своихъ воеводъ послати. А вотчины ти нашие Москвы и всего вел. княженья и Новагорода В. блюсти, а не обидѣти; а вотчины ти нашие Москвы и всего вел. княженья и Новагорода В. подъ нами не искати и до живота, и твоимъ дѣтемъ и твоимъ братаничемъ. А людий ти нашихъ московьскихъ и всего в. княженья и Новагорода В. и новоторжьскихъ блюсти, а не обидети, какъ и своихъ. А закладней ти въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи не держати, ни грамотъ не давати. А имутъ насъ, сваживати Татарове, и имуть давати тобѣ нашу вотчину вел. княженье, и тобѣ ся не имати ни до живота: а имуть намъ давати твою вотчину Тферь, и намъ ся также не имати и до живота. А въ Кашинъ ти ся не въступати, и что потягло хъ Кашину, вѣдаетъ то вотчичь князь Василей; ни выходомъ тобѣ не надо ко Тфери Кашину, тянути, а его ти не обидѣти, мнѣ его отъ тобе боронити. А что еси изъималъ Бояръ или слугъ и людей кашиньскихъ, да подавалъ на поруку, съ тѣхъ ти порука свести, а ихъ отпустити; а кому чего на нихъ искати, ино тому судъ. А жити намъ, брате, по сей грамотѣ: съ Татары, оже будеть намъ миръ, по думѣ; а будеть намъ дати выходъ, по думѣ же; а будеть не дати, по думѣ же. А пойдутъ на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тобѣ съ одиного всѣмъ противу ихъ; или мы пойдемъ на нихъ, и тобѣ съ нами съ одиного пойти на нихъ. А къ Ольерду ти и къ его братьи, и къ его дѣтемъ и къ его братаничемъ целованье сложити. А пойдутъ на насъ Литва, или на смоленьского на князя на вел., или на кого на нашю братью на князей, намъ ся ихъ боронити, а тобѣ съ нами всимъ съ одиного: или пойдутъ на тобе, и намъ такоже по тобѣ помогати, и боронитися всимъ съ одиного. А въ Рокитну ти ся не въступати, что потягло ко княженью къ вел. А что еси целовалъ къ намъ напередъ сего, что будеть на комъ не взято на нятцѣхъ или на ихъ поручницѣхъ княженья в., или нятци не попущены, или порука не сведена; а что ся будеть не управило по тому целованью, что же будеть взято опосле того на нятцѣхъ или на поручницѣхъ, или порука не сведена, взятое все отъдати по тому целованью, а съ поручниковъ порука свести, а нятци попущати. А что еси буда съ нами въ целованьи, или сложа целованье, а кого будеть бояръ нашихъ и слугъ и людей московьскихъ и княже-

нья в., или что еси пограбилъ, или что у людей поимано, ты или твои бояре или людей пограбили и повозки, бояръ ти и людей и слугъ попущати: а что грабежь, или что съ людей поимано, и изъ людей и исъ повозковъ товаръ поиманъ, то ти все отъдати и твоимъ бояромъ по исправкѣ; а не будетъ исправы, ини возмутъ по целованью, а отъдати ти все по Семенѣ дни за недѣлю. А хто будетъ со мною не былъ на рати, а у кого будетъ что взято, а придутъ къ тобѣ, а тымъ ти также отдати по исправѣ. А какъ есми сталъ подъ городомъ подъ Тферью до Семеня дни за мѣсяць, что будетъ у мене взялъ войной въ тотъ мѣсяць, тому всему межи насъ погребъ: а какъ еси къ намъ сложилъ целованье, а что мы у тобе поимали и повоевали, а тому всему межи насъ погребъ. А съ Новымъ ти городомъ и съ Торъжкомъ жити въ старинѣ и въ миру; а рубежь ти держати съ В. Новымъ городомъ и съ Торжькомъ и зъ пригороды земли и воды по старинѣ, какъ то было при нашемъ дѣдѣ при в. кн. при Иванѣ. А закладней ти въ Новѣгородѣ В. и въ Торжьку и въ пригородахъ не держати, ни грамотѣ не давати. А хто имеетъ бояръ или слугъ Новагорода В. и Торжку и исъ пригородей служити тобѣ, а что ихъ села или земли и воды, то вѣдаетъ В. Новъгородъ, а ты бояромъ и слугамъ не надобѣ: или потомъ кто приѣдетъ къ тобѣ служити изъ Новогорода В. и исъ Торжку и исъ пригородей, а тымъ также не надобѣ села ихъ и земли и воды, то вѣдаетъ Новъгородъ В. А что еси поималъ въ Торжку церковное, колоколы, книги, кузнь что будетъ у тобе или у твоихъ бояръ или въ твоей вотчинѣ, то ти все подавати по целованью: а что еси поималъ въ Торжку войною или грабежемъ, или что съ людей еси поималъ и по волостемъ опосле нашего целованья св. апостола Петра, то ти дати и твоимъ бояромъ по исправѣ; а не будетъ исправы, инѣ возьмутъ по целованью. А что еси целовалъ къ намъ напередъ сего, что будетъ на комъ не взято на нятцѣхъ или на поручницѣхъ, или нятци не попущаны или порука свести съ Новгородцевъ и съ Новоторжанъ и съ пригородей; а что ся будетъ не управило по тому целованью, а что будетъ взято на нятцѣхъ опосле того и на поручницѣхъ, или порука не сведена, ино взятое отъдати по тому целованью, а съ поручниковъ поруки свести, а нятци ти попущати, которыи у тобе и у твоихъ бояръ и слугъ, или у людей въ твоей вотчинѣ. А какъ еси взялъ Торжекъ, а кто ти ся будетъ продалъ по словицею Новоторжанъ одернь, или будетъ серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити по целованью, а грамоты дерноватыи подрати. А что еси привелъ Ноугородцевъ и Новоторжцевъ къ целованью, а то целованье доловъ. А имуть чего искати Тферичи на Ноугородци и на Новоторжьци, судъ ему въ Новѣгородѣ въ В., или въ Торжку; а имутъ чего искати Ноугородци на Тферичахъ, судъ имъ во Тфери; а судить съ обѣ половины по целованью, а грамотъ суженыхъ не посужити. А гостемъ и торговцемъ Новагорода В. и Торжку и съ пригородей дати ти путь чистъ безърубежа сквозѣ Тферь и тферьскии волости; а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти, а мыта ти имати и пошлины по старинѣ у Новгородцевъ и у Новоторъжцевъ. А буда съ Новымъ городомъ въ миру, за холопа, за поручника, за робу, за татя, за розбойника, за должника не стояти съ обѣ половины. А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тебе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфери, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися: а что Ивановы села Васильевича и Пѣкоматовы, а въ ты села тобѣ ся не вступати, а имъ не надобѣ, тѣ села мнѣ, а

бояромъ и слугамъ волнымъ воля. А кто будеть служа намъ княземъ, а втоль въ каково дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судити. А кто служитъ намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфери, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости; а на полныхъ холопехъ не взяти, на которыхъ ключники целуютъ. А судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ. А что ся учинитъ межи насъ князей каково дѣло, ино съѣдутся боярѣ наши на рубежь, да межи насъ поговорятъ: а не утворятся, ини ѣдутъ на третий на князя на в. на Ольга; на кого помолвитъ, виноватый предъ правымъ поклонится, а взятое отъдастъ. А чьи судьи на третий не поѣдутъ, или на кого третий помолвитъ, анъ взятого не отъдастъ; то правому отняти, а то ему не въ измѣну. А целованья не сложити и до живота; а всему обидному дѣлу межи насъ судъ вопчий отъ перваго нашего целованья, отъ положенья веригъ св. ап. Петра. А о чемъ судьи наши вопчии сопрутся, ини ѣдутъ на третий на кн. в. на Ольга; а намъ княземъ въ судъ въ вопчий не вступатися, вѣдаютъ то тѣ, на комъ есме положили. А вывода и рубежа межи себе не замышляти: а хто замыслитъ рубежь, рубежника по исправѣ выдати. А суженого не посужати; суженое, положеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ отѣ вѣка; холопа, робу, татя, разбойника, душегубца выдати по исправѣ. А мыта ти держати и пошливы имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и у торговцевъ; а путь имъ дати чистъ, какъ то было при нашемъ дѣдѣ при в. кн. при Иванѣ, и при нашемъ дяди при в. кн. при Семенѣ, и при моемъ отци при в. кн. при Иванѣ; *а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти*. А почнутъ твои искати передъ насъ, или наши передъ тебе, или передъ наши намѣстници, или передъ волостели; хоженого въ городѣ алтынъ, а на правду два; а далний ѣздъ верста по рѣзанѣ, а на правду въ двое. А хто отъ насъ пригонитъся въ твою вотчину за холопомъ, или за должникомъ, а изымаетъ самъ, а безъ пристава, да поставитъ передъ тобою, или передъ намѣстники, или передъ волостели, въ томъ вины нѣтъ: а иметъ съ кимъ холопъ его тягатися, а не будеть по немъ поруки; ино холопа обвинити да выдати осподарю, а зъ головы дати пошлины гривна, а съ семьи четверть. А на семь на всемь, брате молодший кн. в. Михаило Олександровичь, целуй ко мнѣ крестъ, къ брату къ старѣйшему кн. в. къ Дмитрию Ивановичу, къ моему брату кн. Володимеру Ондрѣевичю, и къ нашей вотчинѣ къ В. Новугороду, и за свои дѣти и за свои братаничи, по любви въ правду, безо всякие хитрости. А сий списокъ съ грамоты съ крестной съ тферьской.

(*Собр. г. грам. I, № 28*).

См. также »Договорн. грам. съ Новгор.« А. Эксп. 1, № 8. Ист. Гос. Рос. V, пр. 26.

182. Кабальная грамота 1389.

Мы, митрополитъ кіевьскый и всея Русіи Кипреянъ и архіепископъ ростовьскый Ѳеодоръ, Господа нашего І. Христа посредѣ себе предложьше въ утвержениѣ и укрѣпленіе ниже объявленнымъ, исповѣдуемъ настоящею нашею тавуларьскою грамотою, свидѣтельствованною, не лукавнѣ другъ за друга, и укрѣпленною сею грамотою, яко должни есмы тебѣ, ближному державного и св. нашего господина и царя, о св. Дусѣ възлюбленному сыну нашего смиренія, Никодаву Нотарѣ Діорминефту, безъ бѣды и всякаго прилучая кромѣ, рублевъ старыхъ новьгородскыхъ

тысячу; о ихъ же съглашиваемъ и обѣчиваемся подати, тѣмъ же то прикажетъ на руку дати, безъ одержанія, преже всякого дому нашего, прежебывшаго и послѣдняго, отъ нихъ же имамы двигомы и не двигомы приходы монастыревъ, и всяческымъ образомъ случиться, и пріидетъ приходъ княжь, или церковный или дарованный, или инъ какый. Отдамы же, божьею благодатію, таковыхъ рублевъ тысячу, по прежеписаннымъ, имъ же прилежатъ, чисто, а не товаромъ, благословнѣ, съ благодареніемъ многымъ и любовію, съ дары достойными къ тобѣ, къ сыму нашему и тѣмъ, имъ же прикажешъ: занеже и ты самъ, не словомъ токмо, потрудился о насъ и пособилъ намъ, яко сынъ божій ближній и яко Богу любо; еще же и своимъ протором, его же ради обѣчиваемся чтити и кормити и прилежати твоимъ, имъ же то прикажешь, потому, яко же и ты о насъ прилежалъ и печаловалъ, и никако же отъ подобающаго слова оставимъ. Когда же быти еже и къ нимъ, и о всей торговли ихъ, и аще единою страною рускою възвратятся, имаемся проводити ихъ и всю торговлю ихъ, своими проторы и наймомъ, и промытъ, и прокормъ, даже до рѣкы Богу; аще ли же иною которою страною възвратятся, должни есмы, якоже речеся, доколѣ изыдутъ конечное отъ всякыя Руськыя земли. Еще же обѣчиваемся, аще пригодится и не отдамы весь долгъ, всѣхъ рублевъ, къ тѣмъ предиреченнымъ тебѣ мѣсто укажеть, елико достоль останетъ, или часть, или все должни есмы отдавати, по числу недостали, бѣлкы добрыя тысячу по 5 рублевъ, якоже уставлено и съглашено бысть се промежи насъ. Еще же съглашеваемъ, яко да не токмо другъ за друга и единъ по другомъ должни будемъ мы, еже есть богатый о не имущемъ, и мощный о немощнымъ, и живый о мертвомъ, и пришедый о непришедшемъ, но и сами наши церкви и еже то подъ ними и надъ ними суть обители, аще въ животѣ есмы; аще же смерть пригодится намъ, аще что отъ иныхъ человѣкъ должни будутъ, каяждыи церкви и яже то къ нимъ тянутъ, и въ исполненіе долга, якоже и быхомъ и сами были, занеже о тѣхъ церквахъ испроторенъ бысть сій долгъ, и нами самими утвержена быша и укрѣплена. Сего же ради, аще створимъ и вся, яже по части предьписанная, еже есть весь долгъ нашъ, тысячу рублевъ, впаденія исполненіе, и еже то къ тѣмъ, имъ же то приказано, любовь и помочь и вся иная, елико възгласихомъ и въсхотѣхомъ, Богу благодать; аще ли же объявленіемъ и крѣпостію настоящая нашея грамоты и яже то отъ князя в. Дмитрія, а грамота должникомъ вѣры дѣля, юже въ заклады положихомъ, имѣешь волю ты самъ, и вся твоя страна, имати весь свой долгъ отъ нихъ же обрѣтаещь Руськаго, и въ Кафѣ, и во Оцѣ, и во Грецкой земли и въ поганьскыи, ни единоя же имущимъ намъ свободы съпротивъ глаголати или съпротивитись, отнудно паче должни есмы доволнѣ же и безъ убытка творити всякому и явшемусь о семъ долгу нашемъ. Еще же глаголю, аще чрезъ обѣтовъ сихъ створимъ инако, не къ тому судими будемъ въ всякомъ мѣстѣ предь написаны, обрящемся и отвѣщающе о тавомъ долгу; но еще должни будемъ, яко приступающе своихъ подписаній и обѣтомъ пріиманія, ихъ же своею волею и своимъ хотѣніемъ яко же видомо сътворихомъ, занеже и предписаннымъ всѣмъ явленіе и крѣпость бысть настоящи сія наша грамота, и утвержена и укрѣплена, нашимъ прошеніемъ и моленіемъ, божественнымъ честнымъ повелѣніемъ державного и св. нашего Господина и Царя, и честною и св. патріаршескою грамотою, яже дана быша тебѣ, ближнему державного и св. нашего Господина и Царя, Николаву Нотарѣ Діерминефту, на всяко утвер-

женіе и безпеніе, подписана нашею рукою подписы, за безъимѣніе, мѣсяца сентяврiе 8, индикта 13.

(*А. Истор. I, № 252*).

183. Уставная двинская грамота в. кн. Василія Дмитріевича 1397.

Се язъ князь в. Василей Дмитріевичь всей Руси, пожаловалъ есмь бояръ своихъ двинскихъ, также сотского, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли. Коли кого пожалую своихъ бояръ пошлю намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого пожалую намѣстничествомъ изъ двинскихъ бояръ, и мои намѣстници ходятъ по сей по моей грамотѣ в. князя. Оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ (убьютъ), и нѣ душегубца изыщутъ: а не найдутъ душегубца, и нѣ дадутъ намѣстникомъ 10 рублевъ, а за кровавую рану 30 бѣлъ, а за синюю рану 15 бѣлъ, а вина противу того. А кто кого излаетъ боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ, и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безщестіе, такожъ и слузѣ. А учинится бой въ пиру, а возмутъ прощеніе не выйда изъ пиру, и намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего; а вышедъ изъ пиру возмутъ прощеніе, и нѣ намѣстникомъ дадутъ по куницѣ шерьстью. А другъ у друга межу переоретъ или перекоситъ на одиномъ полѣ, вины боранъ, а межы селъ межа 30 бѣлъ, а княжа межа три сороки бѣлъ, а вязбы въ томъ нѣтъ. А кто у кого что познаетъ татебное, и онъ съ себя сведетъ до десяти изводовъ, нолны до чеклого татя, и отъ того намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего; а татя впервые продати противу поличного, а въдругіе уличатъ, продадутъ его не жалуя, а уличатъ вътретьіе, ино повѣсити, а татя всякого пятнити (клеймить). А самосуда 4 рубли: а самосудъ то, кто изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ, а себѣ посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опрочь того самосуда нѣтъ. А кого утяжутъ въ рублѣ, и намѣстникомъ вины полтина; а того болѣ или менши, ино по тому жъ. А на Орлецѣ дворяномъ хоженого бѣлка, а ѣзды и позовы отъ Орлеца до Матигоръ 2 бѣлки, ѣзду до Колмогоръ 2 бѣлки, до Куръострова 2 бѣлки, до Чюхчелема 2 бѣлки, до Ухтъострова 2 бѣлки, до Кургіи 2 бѣлки, до Княжа острова 4 бѣлки, до Лисича острова 7 бѣлъ, а до Конечныхъ дворовъ 10 бѣлъ, до Понаксы 20 бѣлъ, до Уны 30 бѣлъ; а съ Орлеца вверхъ по Двинѣ до Кривого бѣлка, до Ракулы 2 бѣлки, до Новолока 3 бѣлки, до Челмахты 4 бѣлки, до Емци 5 бѣлъ, до Калеи 10 бѣлъ, до Кириегоръ 17 бѣлъ, до Тоймы до Нижніе 30 бѣлъ; а на правду вдовое. А желѣзного 4 бѣлки, толко человѣка скуютъ, а не будетъ по немъ поруки, а болѣ того дворянину не взяти ничего; а черезъ поруку не ковати; а посула въ желѣзѣхъ не просити, а что въ желѣзѣхъ посулъ, то не въ посулъ. А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того намѣстници дадутъ грамоту правую безсудную; а кто будетъ нетутошней человѣкъ, и нѣ его дадутъ на поруцѣ. А отъ печати намѣстникомъ по 3 бѣлки; а дьякомъ отъ писма отъ судные грамоты 2 бѣлки; а сотскому и подвойскому пошлинка съ лодьи по пузу ржы у гостя. А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ. А приставомъ моимъ в. Князя въ Двинскую землю не въѣздити, всему управу чинятъ мои намѣстници: а надъ кѣмъ учинятъ продажу силно, а ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ кня-

зю в. велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ; а не станетъ, ино на того грамота безсудная и приставъ мой доправитъ. А гостю двинскому гостити въ лодьяхъ или на возѣхъ: съ лодіи на Устюзѣ намѣстникомъ 2 пуза соли, а съ воза 2 бѣлки, а того болѣ намѣстники не емлютъ у нихъ, ни пошлинники, ничего; а на Вологдѣ дадутъ съ лодіи 2 пуза соли, а съ воза по бѣлкѣ, а того болѣ не емлютъ у нихъ ничего; а въ лодіяхъ, или на возѣхъ коли поѣдутъ, и намѣстници устюжскіе и вологодскіе ихъ не имаютъ. А на Устюзѣ, и на Вологдѣ, и на Костромѣ ихъ не судятъ, ни на поруки ихъ не даютъ ни въ чемъ: а учинится татба отъ двинскихъ людей съ поличнымъ, и нѣ поставятъ ихъ съ поличнымъ передо мною передъ в. княземъ, и язъ самъ тому учиню исправу; а чего кто иметъ искати на нихъ, и нѣ учинятъ имъ срокъ передъ моихъ намѣстниковъ передъ двинскихъ, и нѣ учинятъ исправу имъ на Двинѣ. А куды поѣдутъ Двиняне торговати, ино имъ ненадобѣ во всей моей отчинѣ въ в. княженіи тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостинное, ни явка, ни иные никоторые пошлины. А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или кто не иметъ ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ мене отъ в. князя въ казни.

(*А. Арх. Эксп. I, № 13*).

Обратить вниманіе, какъ сильно измѣнились прежніе законы: вмѣсто штрафовъ введены висѣлицы, клейменія и т. под.

184. Жалованная Новгородская ок. 1411.

Господину посаднику новгородскому Василью Микитичу, тысяцкому новгородскому Овраму Степановичу и всему господину Новугороду, на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ, се били челомъ Степанъ Есиповичь и его братья, Ондреянъ Олександровичь и Ермола Левонтіевичь и Остафей Васильевичь, что они емлютъ у нашихъ сиротъ, на Терпиловѣ погостѣ поралье посаднице и тысяцкого не по старинѣ. И посадникъ, и тысяцкой и весь господине В. Новгородъ дала грамоту жалованную, на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ, сиротамъ Терпилова погоста: давати имъ поралье посаднице и тысяцкого по старымъ грамотамъ, по 40 бѣлъ, да по 4 сѣва муки, по 10 хлѣбовъ. А кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино ему мірянину тянути въ Двинскую слободу; а который Двинянинъ слободчанинъ почнетъ жити на землѣ Терпилова погоста, а той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ. А цѣмъ владѣлъ Савелій Григорьевичь и его братья, землею и водою и лѣсы, и полѣшими мѣсты солоными въ Унской губѣ, и всякими ловищами, и имъ тѣмъ владѣти и дѣтямъ ихъ. А кто сю грамоту переступитъ, и дастъ Новугороду сто рублевъ.

(*А. Истор. I, № 17*).

185. Изъ Псковской Судной грамоты до 1467.

Се судъ княжей. Ожъ клѣть покрадутъ за зомкомъ, или сани подъ полстью, или возъ подъ титягою (*рогожа?*), или лодью подъ полубы, или въ яме, или скота украдаютъ или сѣно сверху стога, имать то все судъ княжой, а продажи 9 денегъ. А разбой, находъ (*нападеніе*), грабежъ 70 гривенъ; а княжая продажа 19 ден. да 4 ден. князю и посаднику. И владычню намѣстнику судъ и на судъ не судитъ; ни судіямъ, ни намѣстнику княжа суда не судите.

А которому посаднику сѣсти на посадничество, ино тому посаднику крестъ цѣловати на томъ, что ему судитъ право,

по крестному целованію, а городскими кунами не корыстоватися, а судомъ не мститися ни накогожъ, а судомъ не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати, а безъ исправы человѣка не погубити, ни на суду, на вѣчи.

А князь и посадникъ на вѣчи суду не судитъ; судити имъ у князя на сѣнехъ, взираа на правду, по крестному цѣлованью. А не въсудятъ въ правду, іно Богъ буди имъ судіа, на второмъ пришествіи Христовѣ. А тайныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику.

А которому княжому человѣку ѣхать на приго(*ро*)дъ намѣстникомъ, ино целовати ему на томъ крестъ, что ему хотѣти Пскову добра; а судитъ прямо по крестному целованью....

А которой посадникъ слѣзетъ степени своей, орудіа и судове самому управливати, а иному насѣдъ (*другой сядетъ*), его судове не пересужати.

А крамскому (*храмъскому, домбому*) татю, и коневому и перевѣтнику, и зажигальнику, тѣмъ живота не дати. Чтобы и на посадѣ покрадется, ино двожды є пожаловати, а изличивъ, казнити по его винѣ; и въ 3-й рядъ изличивъ, живота не дати, какъ крамъскому татю.

А коли будетъ съ кѣмъ судъ о земли ополней (*полевой*) или о водѣ; а будетъ на той земли дворъ или ниви розстрадни (*распаханы*), а стражетъ и владѣетъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5, іно тому исцю сѣслатся на сосѣдъ, человѣкъ на 4 или на 5. А сусѣди ставъ, на кояхъ шлются, да скажутъ какъ правъ предъ Богомъ, что чистъ; и той человѣкъ, которой послался, стражетъ и владѣетъ тою землею іли водою лѣтъ 4 или 5; а супротивенъ въ тѣ лѣта, ни его судилъ, ни на землю наступался или на воду; ино земля его чиста или вода, и цѣлованіа ему нѣтъ. А тако не доискался, кто не судилъ, ни наступался

въ ты лѣта, о лѣшеи (*лѣсной*) земли будетъ судъ.

А положатъ грамоты и двои на одну землю, а зайдутъ грамоты за грамоты, а исца оба возмутъ межниковъ, да оба изведутца по своимъ грамотамъ; да предъ господою ставши, межникомъ межничество съимутъ; ино имъ присужати поле (*поединокъ*)....

А кто у кого иметъ землю отымати выкупкомъ, а старые грамоты у того человѣка, у кого землю отымаютъ, ино воля того человѣка, у кого старые грамоты: хочетъ на поле лѣзетъ, или своего исца къ правдѣ ведетъ, на его выкупке, покуду отнимаетъ.

А кто положитъ доску (*записи*) на мрътваго о блюденъѣ, а иметъ искати на приказникохъ того соблюденіа, сребра, или платіа, или круты, или иного чего животнаго, а тотъ умрѣшей съ подрядною, и рукописаніе у него написано и въ ларъ положено; ино на тыхъ приказникохъ не искати чрезъ рукописаніе, ни зсудіа безъ заклада и безъ записи, и на приказникохъ не искати ничего. А толко будетъ закладъ или запись, волно искати по записи, і икто животомъ владѣетъ по записи, или по закладу.

А у приказниковъ умрѣшаго, а не будетъ закладу, ни записи умрѣшаго на кого, ино имъ не искати ничегожъ, ни съсудіа, ни торговли, ни зблюденіа,—ничегожъ.

А у котораго умрѣшаго, а будетъ отецъ, іли мать, или сынъ, или братъ или сестра, или кто ближняго племени, а а животомъ владѣетъ, а толко не сторонніи людие, ино имъ волно искати безъ закладу и безъ записи умрѣшаго, а на нихъ волно жъ искати....

А кто иметъ искати зблюденіа по доскамъ, безимено, старины; ино тотъ не доискался.

А кто на кого иметъ сачитъ (*искать*) бою, или грабежу, по позовничи; и князь

и посадникомъ, и сотцкимъ обыскати какъ послухъ, гдѣ будетъ обѣдалъ, і гдѣ начавалъ; и послухъ изведется иночаемъ его, или гдѣ обѣдалъ; такожѣ и битого опросить: гдѣ есть били і грабили? Явили кому? и на тѣхъ ему слатся. А на кого сошлются, а тотъ ставъ скажетъ, какъ право предъ Богомъ, што битый являлъ бой свой, и грабежъ; а послухъ на судѣ ставъ, а послухуетъ (*засвидѣтельствуетъ*) въ тыеже рѣчи, ино тотъ судъ судитъ на того волю, на комъ сочатъ. Хочетъ съ послухомъ на поле лѣзетъ, или послухъ у креста положитъ, чего искалъ.

А гдѣ учинится бой, у торгу или на улицы во Псковѣ, или на пригородѣ или въ селѣ на волости въ пиру, а грабежу не будетъ; а тотъ бой многы люди видели въ торгу, или на улицы, или въ пиру, а ставши передъ нами, человѣки 4 или 5, аркучи слово: *того бихъ*; ино кто бился, того человѣка ихъ душа выдати... битому человѣку; а княжая противъ той же битъ учнетъ клепать грабежомъ, ино ему ходитъ иска послухомъ однымъ человѣкомъ, того дѣля, занежъ и поле присужать.

А кто на комъ иметъ сочить съсуднаго серебра по доскамъ, а сверхъ того и закладъ положитъ, ино воля того человѣка, кто иметъ серебра сочить по закладу; хочетъ самъ поцелуетъ, да свое серебро возметъ, а хочетъ закладъ ему у креста положитъ; и онъ поцѣловавъ, да свой закладъ возметъ. А поле черезъ закладъ не присужати; а закладныхъ доскъ не посужати...

А кто иметъ даватъ серебро въ заимъ, ино дати до рубля безъ заклада и безъ записи; а болши рубли не давати безъ заклада и безъ записи...

А на которомъ человѣкѣ имутъ сочити долгу по доскамъ, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чемъ безвѣченъ, или чернецъ, или черница, ино имъ наймита волно наняти, а исцомъ цѣловати, а наймитомъ битись; а противъ наимита исцу своего наймита волно, или самъ лѣзетъ.

А которому человѣку поле будетъ съ суда, а ставъ на полѣ истецъ поможетъ (*пересилитъ*) своего иска; ино ему взять чего сачилъ на исцы, а на трутъ у кунъ неимати; толька ему доспѣхъ сняти или иное што, въ чемъ на полѣ лѣзетъ. А виноватому платити и княжа продажа и приставное, двѣма приставомъ, толка побьются, по 6 денегъ; а толко прощеніе возмутъ, ино приставомъ по 3 ден., а князю продажи нѣтъ, ожъ истецъ чего не возможетъ.

А кто иметъ на комъ сочитъ торговыхъ денегъ по доскамъ, тотъ человѣкъ противоположитъ рядницу, а въ рядницы будетъ написано о торговли же, а противу той рядницы не будетъ во святѣй церкви въ лари, въ тѣжъ рѣчи другой; ино тая рядница повинити...

А которой наймитъ дворной, пойдетъ прочь отъ государя, не достоявъ своего урока; іно ему найму взяти по счету, а сочитъ ему найма своего за годъ, чтобы 5 годовъ или 10 годъ стоявши, и всѣхъ тыхъ ему годъ найма сочить какъ отиде за годъ сочить, толко будетъ найма не ималъ у государя; а толко пойдетъ болши года, ино имъ не сочити на государехъ...

А которой государь (*хозяинъ*) захочетъ отрокъ (*помощника*) дати своему изорнику (*пахарю*), или огороднекъ, или кочетнику (*рыболову?*), ино отрокъ быти о Ѳилипове Заговѣине; такожъ захочетъ изорникъ отречися съ села, или огороднику, или четникъ, ино тому жъ отроку быти; а иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника. А запрется изорникъ, или огородникъ или кочетникъ отрока государева, ино ему правда дать; а государь не доискался

чевнерти, или огородной части, или съ ысады (*рыболовнаю затона, учуга*) рыбной части.

А которой кочетникъ заложитъ весну, или исполовникъ у государя; ино ему заплатити весна своему государю, какъ у другой чатѣ (*чети?*) доставалося на томъ же садѣ. А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и въ закличь своей покруты и сочить серебра, и всякой верши (*хльба*), по имени—или пшеница ярой или озимой, и по отроку государеву или самъ отречется. А кто иметъ сочитъ торговли или поруки, или зблюденіа или ссудна, или выморшини безимянно; ино той не доискался.

А который человѣкъ у человѣка знаетъ свое што изгибшее; а тому молвитъ то слово: »купилъ есми на торгу, а тогожъ есми не знаю у кого купилъ«. Ино ему правда дать на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ, а татемъ не подѣлился, а не поставитъ его, а самъ не укралъ, ни пословицы не было будетъ, ино тотъ не доискался.

А кто што купилъ на чужей земли, или на городѣ, или найдетъ гдѣ, а а кто поимается толко, ино тотъ судить какъ въ торгу.

А кто почнетъ на волостеляхъ посула (*взятки*) сачить, да и портище (*платье*) сойметъ, или конь сведетъ, а молвить такъ: »въ посулѣ есми снялъ, или конь свелъ«;—ино быти ему въ грабежи, хто въ посули снялъ, или коня свелъ.

А княжимъ людемъ, или подвоскимъ ѣздитъ дворитъ, а ѣздъ имати на 10 верстъ денга; а штобы двое или трое ѣхали, а ѣздъ имъ взять одинъ. А княжой человѣкъ не поѣдетъ изъ тово, или подвоской, ино Псковитину послать изъ того волно, и съ тѣхъ же ѣздовъ.

А княжей писецъ изъметъ по силѣ, истъцово отъ позовницы, или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной; а захочетъ не по силѣ, ино волно индѣ написати, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у святѣй Тройцы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ.

А коли и орникъ иметъ запирается у государя покруты, а молвитъ такъ: »у тебе есми на селѣ живалъ, а тебѣ есми не виноватъ«; ино на то государю тому поставить люди сторонніе, человѣки 4 і 5, а тымъ людемъ сказати какъ прямо предъ Богомъ, какъ чисто на селѣ сѣдѣлъ; ино государю правда давши, взять свое, или изорнику вѣритъ, то воля государева. А только государь не поставитъ людей на то, что изорникъ на селѣ сѣдѣлъ; ино тотъ человѣкъ покруты своей не доискался.

А на тати и на разбойники же, чего истецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти.

А же сынъ отца или матерь не скормитъ до смерти, а пойдетъ изъ дому; части ему не взять (*изъ наслѣдства*)...

А кто купилъ на торгу, а у кого купилъ не знаетъ его, а людемъ будетъ добрымъ вѣдомо, а у него имаются человѣкъ 4 или 5, скажутъ како право предъ Богомъ: »предъ нами въ торгу купилъ«; ино той правъ у кого имаются, и целованья ему нѣтъ. А не будетъ у коего свидѣтелей, ино ему правда дати, а то не доискался...

А татю вѣры не нять; а на кого воскленлетъ, ино домъ его обыскать, и знайдутъ въ дому его что полишное, и онъ тот же тать; а не найдутъ въ дому его, и онъ свободенъ.

А князю и посаднику грамотъ правыхъ не посужати, а лживыхъ грамотъ и доски обыскавши, правда судомъ посудити...

А посаднику всякому, за друга ему ему не тягатся, опрочь своего орудка (*дѣла*), или гдѣ церковное старощеніе дрѣжитъ (*гдѣ старостой*), ино имъ волно тя-

гатся. И всякому властелю за друга не тягатись опрочь своего оруділ.

А за церковною землею, и на судъ помочью сусѣди не ходятъ; итти на судъ старостамъ за церковную землю.

А одному пособнику (*ходатаю*) одного дни за 2 орудиа не тягатся.

А которому человѣку будетъ кормля написанна въ рукописаніи, и да грамотами владѣть земленымі начнетъ или исадскимъ, а продастъ тую землю или садъ, или иное что, а доличатъ того человѣка; ино ему земля та, или исадъ, или иное выкупити, а свою коръмлю покралъ...

А которому княжому человѣку ѣздити на межу съ сотьскими, ино ему такоже цѣловати крестъ. А коли имутъ тягатся о земли или о водѣ, а положать двои грамоты: ино одны грамоты чести дьяку княжому, а другіе грамоты чести дьяку городскому. А коли пріидетъ грамота съ пригорода, а ты грамоты и чести дьяку городскому.

А кто съ кимъ побьется во Псковѣ, или на пригородѣ, или на волости на пиру, или гдѣ индѣ; а толко приставомъ не позовутся, а промежъ себе прощенье возмутъ; ино ту князю продажи нѣтъ.

А на приставное и на ссылку княжимъ людемъ ѣздить со псковскими подвоскими по половинамъ.

А княжой писецъ имѣтъ писати судницу о земли, ино ему отъ судницы взять 5 денегъ, а отъ позовницы денга, а отъ печати денга, а отъ безсудной и отъ приставной все то имъ имати по денги. А толко княжей писецъ захочетъ не по силѣ; ино индѣ волно написати, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у св. Троицы запечатать; а въ томъ измѣны нѣтъ...

А которой изорникъ поумреть у государя на селѣ, а не будетъ у него ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени; ино государю такожъ животъ (пожитки) изорничь, съ приставами і и сторонними людьми попродавать, да за свою покруту (*порядъ?*) поимати, а потому племени изорничи, ни брату не сочитъ живота изорнича...

А у котораго человѣка помреть жена безъ рукописаніа, а у ней останется отчина или животъ, ино женѣ его кормится до своего живота, толко не пойдетъ за мужь; ино ей нѣтъ...

А у кого помретъ сынъ, а невѣстка останется, да учнетъ на свекри или на дѣвери скруты своеа искати, или платья своего; ино свекру или дѣверю отдать платье или крута. А чѣмъ невѣстка клеплеть, іно свекру или дѣверю воля чимъ хочетъ; хочетъ самъ поцелуетъ крестъ, или у креста невѣстка положитъ, чимъ учнетъ клепати.

А кто на комъ учнетъ искать *сябренаго* (1) серебра или иного чего, опрочь купетскаго дѣла и гостебнаго, да и доску положить на то; ино то судить на того волю, на комъ ищуть, хочетъ самъ поцелуетъ, или своему иску у креста положитъ, іли съ нимъ на поле лѣзеть...

А гдѣ учинится (*у*) головшина, а доличатъ коего головника; ино князю на головникохъ взять рубль продажи. А штобы сынъ отца убилъ, или братъ брата, іно князю продажа.

А который человѣкъ съ приставомъ пріѣдетъ на дворъ татя имать и татбы искать, или длъжника имать, а жонка въ то время детя вывержетъ, да пристава учнетъ головшиной окладати или иска; ино въ томъ головшины нѣтъ.

А которой истецъ на судней ротѣ не станетъ, ино ему заплатить безъ цѣлованья; а цѣна ему, что искали на немъ.

А которой человѣкъ при своемъ животѣ или предъ смертію, а что дастъ своею

---

(1) Т. е. общаго, компанейскаго. *Шабры*—сосѣди, *сябро*—общество, которое дѣлаетъ одно какое-либо дѣло.

рукою племяннику своему платно, или іное что животное, или отчину, да и граматы дастъ предъ попомъ, іли предъ сторонными людьми, ино тому тѣмъ даньемъ владѣть, чтобы и рукописаніа не было.

А кто иметъ на комъ торговли искать или порукы, или іменного чего, ино того судити на того волю, на комъ сочатъ; хочетъ на поле лѣзеть, іли у креста положитъ.

А которой мастеръ иметъ сочить на ученики учебнаго, а ученикъ запрется, ино воля государева, хочетъ самъ поцелуетъ на своемъ учебномъ, или ученику вѣрить.

А подсусѣдникъ на государи ссуды или іного чего волно искати, а которому съ кимъ суплетка была записью или закладомъ, і потомъ тотъ человѣкъ, которой въ записи былъ, іли закладъ закладывалъ кому, да учнетъ на томже чего іскать—ссудья или зблюденья, іли иного чего, по доскамъ или по торговли; ино то судити судомъ по псковской пошлинѣ.

А которыи исцы вымутъ на умершаго закладъ, грамоты двои іли трои, или пятеры на одну землю, или на воду, или на одинъ дворъ, на одну клѣть, а у тѣхъ исцовъ у кого закладъ, грамоты сверхъ того и записи, і на того умершаго и на его закладъ, и у иныхъ истцовъ не будеть записи, толко закладъ грамотъ; ино имъ правда давши, да делятъ по дѣломъ і по серебру, колко серебра, ино доля ему по тому числу. Ожъ ближнее племя восхощетъ закладъ выкупить, а у коего исца закладъ і записи на умершаго, ино ему целованья нѣтъ на его дѣло.

А которой чужейземець на чюжей земли иметъ искать бою и грабежу, ино воля того на комъ ищуть; хочетъ самъ поцелуетъ, какъ будетъ его ни билъ, ни грабилъ, іли ему у креста положитъ, чего на немъ ищуть.

А кто съ кимъ ростяжутся о земли или о борти, да положатъ грамоты старые и купленую свою грамоту,—и его грамоты зайдутъ многихъ бо сябровъ земли, и борти и сябры вси станутъ на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи. Ктожъ за свою землю или за борть, да и грамоты предъ господою покладутъ, да и межниковъ возмутъ, и той отведутъ у стариковъ, по своей купной грамотѣ, свою часть; ино ему правда дати на своей части, а целованью быть одному. А поцелуетъ во всѣхъ сябровъ,—іно ему и судница дать на часъ, на которой поцелуетъ.

А кто коли закладъ положитъ въ пѣнезехъ что любо, а потомъ времяне иметъ пѣнязи отдавати, а своего заклада проситъ, і онъ запрется его закладу, а молвить такъ: «тебѣ есми пѣнязь не давалъ, а у тебѣ есми закладъ не взялъ», іно той судъ какъ зблюденіо, на три воли тому человѣку, на комъ сочатъ: захочетъ самъ поцелуетъ какъ занимъ закладъ не будетъ; или ему закладную цѣну, цѣною положить у креста; іли съ нимъ на поле лѣзеть.

А которой строкѣ поплинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамоте не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь изъ грамотъ.

А попы и діаконы и проскурница, и черньча и черница судить намѣстнику владычню. Аже попъ или діаконъ, или противу черньца или черницы ж, а будетъ обаи не простые люди церковные, ино не судить князю, ни посаднику, ни судіамъ не судить, занежъ судъ владычня намѣстника. А будетъ одинъ человѣкъ простый истецъ мирянинъ, аже церковный человѣкъ съ церковнымъ, то судити князю и посаднику съ владычнимъ намѣстникомъ вопчи; такожъ и судіямъ.

У котораго человѣка имутся за конь или за корову, или за иную скотину, что бы и за собаку, и тотъ молвитъ: это у

мене свое рощеное; іно ему правда дати, какъ чисто рощеное *(доморощеное)*.

А кто предъ господою *(властями, судьями)* ударитъ на судѣ своего истьца, ино его въ рубли выдать тому человѣку; а князю продажа.

А боранъ присужать 6 денегъ, а за овцу 10 ден. государю; а судьи 3 ден., старая правда. А за гусакъ и за гусыню присужать по 2 ден. государю, на суде 3 ден. А за утицу и за селезня, и за куръ, і за кокощь присужать по 2 ден.

А братьщина судить какъ судия. А кто съ кимъ на пьяни менится чимъ, іли что купитъ, а потомъ проспятся, и одному исцу не любо будетъ, іно имъ размѣнится; а въ томъ целованіа нѣтъ, ни присужати.

А княжимъ людемъ по дворамъ коръчмы не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду не продавати.

А кто зажоги на комъ учнетъ сочить, а долики ни каковы не будетъ, іно на волною рота *(клятву)* позвать вольно.

А кто у кого бороду вырветъ, а послухъ опослушествуетъ; іно ему крестъ целовати, и битися на поли, а послухъ изможетъ, ино за бороду присудити два рубля и за бой. А послуху быти одному.

А корову купить за слюблено, а по торговли телять не сочить; а толка корова кровью помачивается иметъ; іно тая корова назадъ воротити, чтобы *(если)* і денги заплачены были.

А жонки съ жонкою присужать поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону.

А кто учнетъ на комъ сочить бою 5 человѣкъ іли 10, іли сколко ни буди, на 5, іли на одномъ боевъ своихъ да утяжутъ; іно имъ присужать всимъ, за вси боеви одинъ рубль, и княжая продажа одна.

(Пск. Судн. Грам., изд. Н. Мурзакевичемъ. Одесса, 1847).

Псковская Судная грамота представляетъ драгоцѣнный образецъ нашего старинного вѣчеваго законодательства: она указываетъ на основныя постановленія, судебную форму, должностныя лица, ходъ дѣла, вознагражденіе тяжущихся и судей законными пошлинами и пр. Все это рисуетъ предъ нами въ живыхъ образахъ картину гражданскаго быта псковской области въ XIV и въ XV в. Псковская Судная грамота составлена изъ грамотъ, данныхъ древними князьями и составленныхъ псковскимъ вѣчемъ; полное оглавленіе говоритъ объ этомъ ясно: «Ся грамота выписана изъ вел. кн. Александровы грамоты, і изъ княжъ Константиновы грам., і изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ, по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 соборовъ, и священноиноковъ, і діяконовъ и всего божіа священьства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто 6975 (1467)«. Въ этомъ году присланъ былъ изъ Москвы намѣстникомъ во Псковъ в. кн. Ѳедоръ Юрьевичъ Шуйскій, и псковичи, для огражденія своей самостоятельности, составили грамоту на основаніи старинныхъ правилъ судови судити, п. ч. «изъ вѣковъ княжіе намѣстники не бывали». Обезпечивая свой самосудъ на всѣхъ своихъ пригородахъ, они заставили Шуйскаго крестъ цѣловать и сдѣлали на вѣчѣ выписки изъ старыхъ грамотъ Александра Мих. Тверскаго, который былъ у нихъ 1327—1329 и 1331—1336 г. и кн. Константина Дим. Бѣлозерскаго, роднаго брата Вас. Димитріевича, в. кн. московскаго, правившаго Псковомъ въ 1407 г. Изъ этого «Самосуда господина Пскова« заимствовано много полезныхъ правилъ въ Сборникъ московскаго законодательства 1497 г.

См. ист. княж. пск. *М. Евгенія*. Кіевъ 1831, ч. II, 16 и 22. Законы в. кн. Іоанна Васил. и Судебникъ царя Іоанна Васил., изд. *К. Калайдовичемъ* и *П. Строевымъ*. М. 1819. Истор. госуд. рос. *Карамзина* V, пр. 404. Изслѣд. Псковской Судной Грам. *Устрялова*. Спб. 1855. Гражданскіе законы пск. Судной Грам. *Энгельмана*. О псковс. Судной Грам. К. М-го Свв. обозр. 1850, № 2 и 3.

3. НЕДОСТАТКИ ДРЕВНЯГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

186. Изъ посланія Никифора м-та кіевскаго къ в. кн. Володиміру до 1121.

Благословенъ Богъ, и благословено св. имя славы его, благословене и прославлене мои княже! Иже многыя ради своеа благости и человѣколюбіа, сподобивъ ны доити въ пречестныя дьни сіа св. поста, ихже яко строитель нашего спасеніа, въ душевное очищеніе душь нашихъ възаконилъ есть, постився и самъ, на извѣщеніе своего въчеловѣченіа 40 дьни; не постъ трѣбуя, но намъ образъ показуя постъ....

Многа ина имѣлъ быхъ изрещи на похваленіе поста, аще иному бы было писаніе се; а понеже к тобѣ, добляя глава наша и всеи христолюбивои земли, слово се есть: его же Богъ издалеча проразумѣ и прѣдповелѣ, его же изъ утробы осяти и помазавъ, от царское и княжьское крови смѣсивъ, его же благочестіе въспита и постъ въздои, и святаа Христова купель из младъ ногтіи очисти; то не потрѣбно есть о постѣ бесѣдовати ти, и паче же о непитіи вина или пива въ врѣмя поста. Кто бо не вѣсть твоего исправленіа сего? Ни тои, иже оттинудь невѣжа, или не чювьственыи, не разумѣеть ихъ. И видять вси и чюдяться. Въ образъ же наказаніа, по церьковному уставу, ина нѣкая изложимъ твоему благавѣрію, и добрыхъ ти источникъ скажемъ от нихже наводняютца благаа, истѣкають въ человѣцѣ по правдѣ творящимъ благая, и истѣкають якоже благымъ; ащели противнѣ о нихъ, и по криву приложатся; то в путь злобы и в ровъ и въ пропасти уклонится...

Вѣда буди, благородныи княже! божественымъ вдохновеніемъ сътворена бысть душа, иже и по образу божію създанѣ быти глаголеть. Та душа от тріи части есть, рекше силы имать 3: *Словесное* и *яростное* и *желанное* (1).

»Словесное« (*т. е. умственное — логикос*) убо старѣе естъ, и выше всѣхъ; посему бо кромѣ есмъ всѣхъ животинъ, тѣмъ бо небо и прочаа вся сътворенаа разумѣхомъ и к разуму божію взидохомъ, елико насъ добрѣ словесное съблюдохомъ. И вижь Авраама, како мужь сыи невѣжа и звѣздословіа придръжася, и от звѣзднаго хоженіа и от стояніа ихъ позна Творьца, и вѣрова въ Бога... Прежде же Деньница ангелъ, нынѣ темный діаволъ, словесенъ сыи, и не по правдѣ пріимъ словесное, но равенъ быти Богу пьцевовъ, за гордость его спаде съ небесъ с чиномъ своимъ...

Второе же »яростное« (*т. е. страстное или чувство — вимикос*), иже имать еже къ Богу ревность, и еже на божіа врагы месть; есть же и съ нимъ и злоба и зависть, якоже и въ словесѣмъ, благовѣрьство и зловѣрьство. И вижь, что съключися от злаго: оставивъ Каинъ добродѣтель яростнаго, иже къ Богу ревность, а злобу избра и зависть, и уби брата сво-

(1) Здѣсь разумѣются три силы души: умъ, сердце и воля. Это психологическое ученіе взято изъ византійскихъ источниковъ.

его Авеля, и въ землю осуженъ бысть мщеніи отъ Бога. Но Моисіи не тако съхрани гнѣвнаго, нъ видѣ мужа Египтянина, біюща Жидовина, и уби его, ревности ради божіа....

Третіе же »желанное« (*т. е. воля—епіѳимитикос*), иже добродѣтель убо имѣеть, еже къ Богу волну имѣти желаніе, и забывати инѣхъ и о ономъ промышляти просвѣщеніи, от него же сіаніе бываеть божіе и раздирается вретище, по пророку Давидови, глаголющи: обратилъ еси плачь мои на радость мнѣ, растръже вретище мое, и препояся мя въ веселіе. Веселіе же то ражается отъ зла и страданія Бога ради; от веселія же того ростеть сѣмя животное, от того чудотвореніа, от того прорицаніа будущимъ, от того человѣкъ Богу по силѣ приближается, и по образу и по подобію бываеть, и на земли сыи, по образу създавшаго и Бога.

Увѣдалъ еси, княже человѣколюбивыи и кроткыи! симъ словомъ тричастное душа. Увѣжь же слугы ея, и ея воеводы, и споминателя; или же служима бываеть, бесплотна сущи, и пріимаеть въспоминаніа. Та убо душа сѣдить въ главѣ, умъ имущи, якоже свѣтлое око въ себѣ, и исполняющи все тѣло силою своею, якоже бо ты, княже, сѣдя здѣ в сеи своеи земли, воеводами и слугами своими дѣйствуеши по всеи землі, и самъ ты еси господинъ и князь; тако и душа по всему тѣлу дѣйствуетъ пятью слугъ своихъ, рекше пятію чювьствіи: очима, слухомъ, обоняніемъ, еже есть ноздрима, вкушеніемъ и осязаніемъ, еже еста руцѣ. И *видѣніе* убо есть чювьственное вѣрно, и его же видить, аще не без ума, то вѣрно видимъ; *слухъ* же въ другаа мѣста истинна, а въ другаа мѣста лжа. И почто нѣсть, княже мои, яко же и видѣніе, такоже и слухъ? недоумѣю убо о семъ азъ; но пакы тлъкують, яко видѣніе предняа убо видить, зади же тѣла не видитъ; слухъ же и преди глаголющому слышитъ, и зади въпіющему разумѣеть; и подобаеть яко единому видящу очима вѣровати, слуху же не вѣровати, ни не вѣровати, но испытаніемъ и судомъ многомъ творити слышимая: ти тако износити отвѣтъ. О *обоняніи* же, иже гонить благоуханіе, что подобаетъ глаголати к такому князю, иже боле на земли спитъ и дому бѣгаетъ, и свѣтлое ношеніе портъ отгонитъ, и по лѣсомъ ходя сиротину носить одежду, и по нужи въ градъ въходя, власти дѣля, въ властельскую ризу облачиться? И о *вкушеніи* такоже, иже въ брашнѣ и питіи бываеть. И вѣмы, яко же инѣмъ на обѣдѣ свѣтлѣ готовиши, и бываеши всѣмъ всяческая, да всѣхъ прибрящеши, и законныя и беззаконныя, величиства ради княжьскаго; и самъ убо служити, и стражеши рукама своима... *Рука* твоя по божіеи благодати къ всѣмъ простираются, и николиже ти съкровище положено бысть, ли злато, ли сребро ищьтено бысть, но вся раздавая, и обѣма рукама истощая даже доселѣ. Но скотница (*казна, кладовая*) по божіи благодати не скудна есть и неистощима, раздаваема и не оскудѣваема; и не ицѣли ти Христосъ руку по възмужаніи, но якоже родися здравую имѣлъ еси, и имѣти имаши надѣяся на Христа.

Почтоже словеса си прострохъ и долго рековахъ? Да разумѣеши, княже мои, яко болю о тебѣ; и якоже тѣлесніи врачеве, оже любять болящаго, то бдять и первую вину недуга пытаютъ: ти тако творять извѣстно разумъ недуга. Такоже и азъ сътворихъ, и первую вину испытахъ, и по душевнымъ жиламъ испытавъ, обрѣтохъ...

Пять же чювствію испытавъ: по видѣнію непреткновена тя обрѣтаю, и по второму, и по третіему же такоже, еже есть вкушь, и уне рукы такоже. О вторѣмъ же чювствіи и о слусѣ не имамъ постиженіа, княже мои, изрещи что извѣстно; мнить же ми ся, яко не мога самъ вся

творити очима своима, от служащихъ орудіемъ твоимъ и приносящимъ ти въспоминаніа, то от тѣхъ нѣкако приходить ти пакость душевнаа, и отвѣрсту сущу слуху, тѣмъ единѣмъ стрѣла входить ти; того ради Соломонъ повелѣваеть намъ глаголя: »блюдѣте, да не смерть внидеть оконци вашими«. О семъ испытаи, княже мои, о томъ помысли: о изгнанныхъ отъ тебе, о осуженыхъ отъ тебе наказаніа ради, о прѣзрѣныхъ; въспомяни о всѣхъ, кто на кого изрекъ, и кто кого оклеветалъ, и самъ судіи разсуди таковыя, и якоже отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помяни, и тако сътвори и отпусти; да ти ся отпустить, и отдаждь, да ти ся отдасть.

Аще бо не отдамы, якоже Христосъ глаголеть, грѣхопаденія человѣкомъ, ни отецъ небесный оставить намъ прегрѣшеній нашихъ. Но и всуе нарицаемъ отца Бога, и глаголемъ къ Нему лжуще: »остави долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ«. Не опечали же ся, княже мой, о семъ словеси; или мниши, яко кто приде къ мнѣ *печаленъ* (1); и того дѣля написахъ ти се? ни; тако ли благовѣрія твоего, но просто тако написахъ на воспоминаніе тебѣ, яко великія власти и великомъ воспоминаемъ требують и многъ, яко и вельми пользують, и велику пакость имѣють. И сего ради дерзнухомъ мы, яко уставъ есть церковный и правило, во время се и ко княземъ глаголати что полезное. Не вѣдаемъ бо сего, яко грѣшници оструплени суще, и гноемъ истекающе инѣхъ цѣлити начинаемъ; но во всемъ семъ ни едина же пакость. Аще бо и мы таци, но слово божіе, иже въ насъ, здраво есть и цѣло.

.....Тако Бога поминая блаженъ будеши, храняй судьбу и творяй правду во всяко время. Аще тако твориши, то созиждети домъ душевнаго спасенія, и не въ пустошь созиждеши; и тако сохраниши градъ, еже есть душа твоя, и не всуе будеши бдѣлъ; и тако потребиши изъ нея злыя совѣтники, рекше лукавыя помыслы. Сія ти совершеному, яко совершеннѣйшу тѣхъ; поминай о осуженныхъ отъ тебе, и исправи кто кого оклеветалъ, и самъ разсуди; и простимъ, да прощени будемъ. Яко свѣтило въ мірѣ; животное слово имѣя, и дѣла твоя: благовѣріе, правду, судьбу нелицемѣрну, и милость, и отпущеніе, и еже выну взирати къ церкви царствующимъ и князю княземъ, и предъ очима имѣти его, якоже имѣеши... И едино ти реку на конци, христолюбивый Княже мой, мало; воспоминаніе имѣй третьяго псалма, перваго часа, иже есть 100, и съ вниманіемъ его дой: милость и судъ пою Тебѣ, Господи, и прочая его, и той есть истинный икунникъ царское и княжеское икуны (*копія съ подлинника*).

(1) Митрополитъ указываетъ на обычай *печалованія* или заступничества духовенства предъ княземъ за невинныхъ.

(*Рус. Дост. I, 71—75*).

Митроп. Никифоръ (1104—1121) родомъ Грекъ и высказалъ въ посланіи византійскія воззрѣнія. Какъ человѣкъ благородный, онъ считалъ нужнымъ замѣтить вел. князю, что не слѣдуетъ внимать всѣмъ слухамъ и довѣрять окружающимъ; но онъ высказалъ это съ удивительной осторожностью, мало по малу, при помощи многихъ изворотовъ и оборотовъ ораторскихъ. Посланіе какъ будто писано по случаю поста—и отвлеченно отъ жизни; но по всему видно, что главной цѣлью его было—дать знать Мономаху, чтобы онъ самъ судилъ и не довѣрялся другимъ, по милости которыхъ многіе невинно изгнаны и осуждены княземъ. Кромѣ посланій къ Владиміру Мономаху, о латынѣ и по случаю наступленія поста, митр. Никифоръ написалъ: 1, поученіе въ недѣлю сыропустную и 2, посланіе на Латыну ко князю Ярославу.

Ист. рус. цер. Макарія II, 320—327. Памят. XII в. 157—163. Рус. Дост. I, 71—75.

187. Бесѣда тверскаго епископа Симеона съ полотскимъ княземъ Константиномъ послѣ 1289.

Князь Конъстантинъ полотскій въспроси владыки Симеона тферьскаго, гдѣ быти тіуномъ нашимъ на ономъ свѣтѣ? И рече владыка: »гдѣ и князь«. Князь же о томъ не полюби на владыку, глаголя: тіунъ не право судитъ, мъзду емлетъ, зло дѣетъ: язъ что дѣю? И рече ему владыка: »аще будетъ князь добръ, и жалуетъ люди, и того ради избираетъ властеля мужа добра, страха божіа полна, разумна и праведна. Князь будетъ въ раи, а тіунъ его съ нимъ. Аще ли будетъ князь безъ страха божіа, и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща; толико бы ему кунъ (денегъ) добывалъ; напустилъ его, аки гладна пса на стерво, люди губити; и князь его будетъ въ адѣ, а тіунъ его съ нимъ. Но глаголю вамъ, паремъ и княземъ и намѣстникомъ: утѣшайте скорбящихъ, избавляйте убогихъ отъ рукъ сильныхъ: сіи бо отъ богатыхъ обидими суть и притекаютъ къ вамъ, яко затишникомъ благымъ; но вы, цари и князи и намѣстници, подобни есте тучи дождевнѣй, иже истечетъ надъ моремъ во время ведра, а не надъ землею жаждущею воды: вы тѣмъ болѣ даете и помогаете, у нихъ же много злата и сребра, а не тѣмъ, иже не имутъ ни пѣнязя (мелкой монеты) бѣдныхъ порабощаете, а богатымъ даете«. —

(*Ист. Гос. рос. IV, пр 178*).

Въ Поученіи Мономаха есть намекъ на недостатки суда приближенныхъ къ князю, а также въ словѣ Даніила Заточника, въ 1-мъ словѣ Серапіона и въ поученіи до 1350 г.

Въ Мѣрилѣ Проведномъ XIV—XV в. помѣщены: 1, Слово на немилостивые князи 2, Слово о гордости властителей 3, Слово о судіяхъ и властелехъ, емлющихъ мзду 4, Слово о судіяхъ и клеветахъ (Архивъ *Калачова* 1, 30—38; Рус. Дост. ч. 11). Въ послѣднемъ словѣ читаемъ: »Ижъ бо безъ правды тивунъ, когождо осудивъ, продаетъ и тѣми кунами купитъ собѣ ясти и пити и одѣяніе собѣ, и вамъ тѣми кунами купятъ обѣды и пиры творятъ: се же, якоже рекохомъ, стадо Христово во вдали есте татемъ и разбойникомъ«. (Обзоръ *Филарета 59*).

Б. ПАМЯТНИКЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

188. Повѣсть о Шемякиномъ судѣ.

В нѣкіихъ мѣстехъ живяше два пустынника: единъ богатъ, а други убогъ. Богатый же, ссужая многолѣта убогого и невозможе его скудности исполнити. И по неколику времени пріиде убогій к богатому брату просити лошади, на чемъ бы ему из лѣсу дровъ превести. Братъ же богаты нехотя убогому брату лошади дати, и рече ему: брате, ссужахъ тебя много, а наполнити тебя не могу. И даде ему лошадь. І нача у него просити. Хомута нѣтъ. И оскорбися на него богаты братъ, и нача ему поносити, і рече ему: »како брате, что у тебя и хомута нѣтъ?« И не даде ему хомута. Убоги же пойде к себѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привяза дровни к лошеди за хвостъ, і пойде в лѣсъ, і насѣкши дровъ і накладчи надровни елико лошеди возможно везть, і повезе ко двору своему, і привезши дро-

ва, і отворивъ ворота, а подъ воротни забывъ выставить, ударивъ лошедь кнутомъ, лошедь же изо всѣй мочи бросяся з возомъ черезъ подворотню і хвостъ у себѣ оторвала. Убоги же вземъ лошедь, приведе ко брату своему богатому; братъ же расмотря, что лошедь его безъ хвоста, і невзявъ у него лошеди, і пойде на него бить челомъ во градѣ в лошеди; (убогій) за нимъ же, вѣдая, что будетъ по него из города присылка, чтобъ ему ѣзду пристовомъ не платити, І пріидоша до нѣкоего села недоходя города. Богаты пойде ночевать к попу того села по знакомству; убоги же братъ пріиде к тому же попу, і пріиде лижя на полати, а богаты братъ нача попу сказывати про лошедь свою, чего ради ідетъ в городъ попу познатомъ, (потомъ?) нача попъ з богатымъ ужинать, і пити, і ясти, убоги же нача с полатей смотрити, что з братомъ его пьетъ и ѣстъ, а ево не позовутъ, І незапу убоги урвася с полатей на зыбку, а в зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же, видя сына своего смерть, і совершася з богатымъ, пошелъ в городъ бить челомъ на убогово же въ убиствѣ сына своего. И пріидоша ко граду, гдѣ живяше судия Шемяка. Убоги же иде за ними, и внидоша все во градъ, и какъ убоги поіде мостомъ, мостъже здѣланъ над глубокимъ рвомъ; и нѣки человѣкъ, житель того града, рвомъ под мостомъ везъ отца своего в баню; убоги же размышляя в себѣ, что ему от брата и от попа будетъ погибель, и умыся в себѣ, и хотя самъ себѣ смерти предати, бросися с мосту в ровъ и упаде на старого человѣка... везъ в баню. Убоги же до смерти уби его. Того жъ убогово поимавъ все, и привиде пред судию Шемяку. Убоги же мысляше, какъ бы ему бѣди избыти, и умысля, взя камень, і заверте в платъ, і положи в шапку, и ста пред судиею, и принесе братъ его исковую челобитную в лошеди і подаде судьѣ. Судия жъ выслушавъ челобитную в лошеди, і рече судия убогому: *отвѣщай*: Убоги же невѣды, что отвѣщати, и вынявъ из шапки в платѣ заверченный камень, и показа судѣ и поклонися. Судия жъ надѣяся, что ему от дѣла сулилъ, и рече судия истцу богатому брату: когда братъ твой у лошеди оторвалъ хвостъ, и ты у него лошеди не емли, до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошеди хвостъ выростетъ: в то время у него лошадь і возми. І потомъ нача другій судъ быти, і подаде попъ исковую челобитну в мертвомъ сынѣ своемъ; той же убоги также выня платъ с каменемъ и такожъ суде показалъ. Судья же видѣ и помысли, что ему от другова суда сулилъ убоги же,—рече судия попу: когда той убоги ушибъ сына твоего, ты, попъ, отдай тому убогому свою попадю *(т. е. пока она родитъ сына)*. По томъ нача третій судъ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевой смерти, что той убоги же бросился с мосту ушибъ у него отца. Убоги же вынявъ из шапки той же заверченный камень в платѣ, показа суде, судя же тай, что ему третѣ узолъ сулилъ, и рече исцу: взыди ты на мостъ, а ты, убоги же, стань подъ мостомъ; і с мосту бросись на того убогого, якоже бросился онъ на отца твоего. Убоги же нача Бога хвалити, что судия до немь судъ судилъ. Послѣ суда изыде исцы со отвѣчикомъ ис приказу, і нача богаты просити убогово лошеди своей. Онъ же рече ему по судейскому: какъ у лошеди твоей хвостъ выростетъ, в ту пору и лошедь тебѣ отдамъ. Богаты же даде убогому брату своему 5 рублевъ денегъ, чтобъ онъ лошедь ему отдалъ... Потомъ же убоги нача попади просити по судейскому указу, чтобъ ему взявъ попадю ребенка у ней добыть и с ребенкомъ бы попу попадю отдать; попъ же нача убогому бити челомъ, чтобъ у него попади не ималъ, а убоги же нача проситися и попадю хотя у попа взяти, і даде попъ убогому за попадю 30 рублевъ денегъ, да кобылу з жеребенкомъ, да быка с коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей. Потомъ же нача убоги третему исцу по судейскому указу говорить: я де стану под мостомъ, а ты взыди на мостъ, и ты с мосту бросися на меня такоже, яко же азъ на отца твоего. Онъ же размышляя в себѣ: аще мнѣ броситися, ево будетъ неубити, а себя буде убити. І нача истецъ миритися и даде ему 30 рублевъ денегъ, да лошедь с коровою. Судия же выслa человѣка своего ко отвѣтчику и велѣлъ у его взять показанныя три узла взяти. Человѣкъ же судейской нача у него трехъ узловъ просити, онъ же, вынявъ из шапки заверченной камень в платѣ, показуя тому человѣку, и человѣкъ нача его вопрошати; что то за камень кажешь? Онъ же рече: я—де того ради сей камень здѣ казалъ, того какъ бы онъ не по мнѣ судилъ, і я тѣмъ камнемъ хотѣлъ его ушибити. І пришедъ человѣкъ и сказа суде. Судья же, слышавъ человѣка своего, і рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ, акъ бы я не по немъ судилъ и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убоги отиде в домъ свой, радуяся и хваля Бога.

(Пам. стар. Литер. II, 405—406).

О Шемякиномъ судѣ. Лѣт. Рус. Литер. V, 34. *Я позволилъ себѣ этотъ позднiй памятникъ отнести сюда потому, что преданіе о Шемякиномъ судѣ, послужившее для него основой, относится къ древнему до-московскому періоду нашей исторіи.*

4. СНОШЕНІЯ РУСИ СЪ ИНОСТРАНЦАМИ.

189. Договоръ Игоря съ Греками 945.

Мы отъ рода Русьскаго послы и гостіе в. кн. Игоря, (главный?) посолъ именемъ Иворъ, и гостіе и общіи послы: Вуефастъ, (слуга?) Святослава, сына Игорева, Искусевы, Ольги княгини слуги, Игоревъ нетій Улѣбъ Володиславль, Каницаръ Передославинъ, Шихбернъ, (нетій?) Сфандры, жены Улѣбовы, Прастѣнъ Турдубъ и Лабіаръ Фастовъ, Гримъ Свирковъ, Прастѣнъ Якунъ, нетій Игоревъ, Кары, Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріе Влисковъ, Войстъ Войковъ Истръ Аминдовъ, Прастѣнъ Берновъ, Ятвягъ Гунаревъ, Шибринъ, Алданъ—Коноклековъ, Стеггіетоновъ, Сфирка, Алвадъ Гудовъ, Фудри Тулдовъ, Мутуръ Утинъ купецъ,—Адунъ Алуловъ, Игивладъ, Улѣбъ, Фрутанъ Гомолъ, купцы, Емигъ, Туробридъ, Фурстѣнъ Брунвалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Ингельдъ, Турибенъ, Моны, Руалдъ, Свѣнъ Стиръ, Олданъ, Телина, Путаръ, Свѣнъ Вузелѣвъ и Синко Боричь, посланіи отъ в. кн. русьскаго Игоря, и отъ всѣхъ князей русьскихъ и отъ всѣхъ людій земли Русьскія. И отъ тѣхъ всѣхъ заповѣдано, обновити ветхій миръ, и ненавидящаго добра и враждолюбца діавола лукавая плетенія разорити, отъ многихъ лѣтъ утвердити миръ и любовь межи Греки и Русію.

Великій князь Игоръ и князи и бояре его и людіе вси русьстіи, послаша къ Роману и Константину и Стефану, къ вел. царемъ греческимъ сотворити миръ и любовь съ самыми царями и со всѣмъ боярствомъ, и со всѣми людьми греческими, на вся лѣта, дондеже сіяетъ солнце и весь міръ стоитъ. Иже помышляютъ отъ страны Русьскія разрушити такую любовь, елико ихъ крещеніе пріяли суть, да пріимутъ мѣстъ отъ Бога вседержителя, осуженіе на погибель въ сій вѣкъ и въ будущій; а елико ихъ некрещены суть, да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчены будутъ мечи своими и отъ стрѣлъ и отъ инаго оружія своего и да будутъ рабы и въ сій вѣкъ и въ будущій.

1) Великій князь русьскій и бояре его, да посылаютъ на то въ Греки къ в. царемъ греческимъ корабль, елико хотятъ, съ послы своими и съ гостьми, якоже имъ уставлено есть носяху послы печати златы, а гостіе сребряны; нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему, иже посылаемы бываютъ отъ нихъ же послы и гостіе, да приносятъ грамоту, пишучи сущее яко послахъ корабль се елико, и отъ тѣхъ, да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ. 2) Аще ли безъ грамоты пріидутъ и преданы (и) будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; ащели руку не дадятъ и противятся, да убіены будутъ, да не изыщется смерть ихъ отъ князя вашего; ащели убѣжавше, пріидутъ въ Русь, и мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако сотворятъ. 3) Аще пріидутъ Русь

безъ купли, да не взимаютъ мѣсячины. 4) И да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творятъ безчинія въ селехъ, ни въ странѣ нашей ничтоже зла. 5) И приходящимъ имъ, да витаютъ у св. Мамы, да послетъ царство наше, да испишутъ имена ихъ, и тогда возмутъ мѣсячное свое, первое отъ града Кіева, и паки отъ Чернигова, и отъ Переяславля, и изъ прочихъ городовъ. 6) И да входятъ въ градъ единѣми враты, со царевымъ мужемъ, безъ оружія мужъ 50, и да творятъ куплю, якоже имъ надобе. (*Срав. П. Собр. Лѣт. I, 13.*) 7) И паки да исходятъ, и мужъ царства нашего, да хранитъ я; да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ сотворитъ криво, да оправляетъ то. 8) Входящи же Русь въ градъ, да не имѣютъ власти купить паволокъ, лише по 50 златникъ, и отъ тѣхъ паволокъ, аще кто купитъ, да показуетъ цареву мужу, и той запечатаетъ, и дастъ имъ. 9 И отходящи Руси отсюду взимаютъ отъ насъ, еже надобе, брашно на путь, и еже надобе лодіямъ, якоже уставлено есть первое, и да возвращаются со спасеніемъ въ страну свою, и да не имѣютъ власти зимовати у св. Мамы. 10) Ащели ключится проказа нѣкая отъ Грекъ, сущихъ подъ властію царства нашего, да не имать власти казнити я; но повелѣніемъ царства нашего, да пріиметъ, яко же будетъ сотворилъ. 11) Аще убіетъ Христіанинъ Русина, или Русинъ Христіанина: да держимъ будетъ сотворивый убійство, отъ ближнихъ убіенаго, да убьютъ и. 12) Ащели убѣжитъ сотворивый убійство, и аще будетъ имовитъ: да возмутъ имѣніе его ближніи убіенаго. 13) Ащели есть неимовитъ, сотворивый убійство, и ускочитъ: да ищутъ его, дондеже обрящется; ащели обрящется, да убіенъ будетъ. 14) Аще ударитъ мечемъ, или копьемъ или кацѣмъ любо оружьемъ, Гречинъ Русина, или Русинъ Гречина да

того дѣля грѣха заплатитъ сребра литръ 10; по закону русьскому. 15) Аще ли есть неимовитъ, да (вдастъ?) како можетъ, въ толико же и проданъ будетъ, да и порты, въ нихъ же ходитъ, и то съ него сняти, а опроцѣ да на роту ходитъ по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничто же, и такоже пущенъ будетъ. 16) Аще ли кто покусится отъ Руси взяти что отъ людей царства нашего, иже то сотворитъ покаженъ будетъ вельми и аще ли взялъ будетъ, да заплатитъ сугубъ, и аще сотворитъ тоже Гречинъ Русину, да пріиметъ ту же казнь, якоже пріялъ есть и онъ. 17) Ащели ключится украсти Русину отъ Грекъ что, или Гречину отъ Руси, достойно есть да возвратить е, не точію едино, но и цѣну его. 18) Аще обрящется украденое продаемо, да вдасть цѣну его сугубу и то показненъ будетъ по закону грецкому и по уставу русьскому. 19) А о Корсунстѣй странѣ: коликожъ есть градъ на тои странѣ, да не имать власти князь рускій воевати на тѣхъ странахъ, — да воюютъ на всѣхъ сторонахъ, — а та страна не покоряется вамъ, и тогда, аще проситъ вои отъ насъ князь рускій, да дамы ему, елико будетъ ему требе, да воюетъ. 20) И о томъ, аще обрящутъ Русь кубару греческую вывержену на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидятъ ея. 21) Ащели отъ нея возметъ кто что, или человѣка поработитъ или убіетъ: да будетъ повиненъ закону русьскому и греческому. 22) Аще обрящутъ Русь Корсуняны, рыбы ловящи, въ устьѣ Днѣпра, да не творятъ имъ зла никоего же, и да неимѣютъ Русь власти зимовати въ устьѣ Днѣпра, (въ?) Бѣлоберезѣ, ни у св. Елферія, но егда пріидетъ осень, да идутъ въ домы своя въ Русь. 23) А о сихъ: иже то приходятъ Черніи Болгаре и воюютъ въ странѣ Корсунстѣй и велимъ в. князю русьскому да ихъ не пущаетъ да не нанакостятъ странѣ той. 24) И елико Христіанъ отъ вла-

сти нашея плѣненыхъ приведутъ Русь, ту аще будетъ юноша или дѣвица добра, да вдадятъ златникъ 10 и поимутъ и; ащели есть средовѣкъ, да вдадятъ златникъ 8 и поимутъ и; ащели будетъ старъ или дѣтищь, да вдадятъ златникъ 5. 25) Ащели обрящутся Русь работающи у Грекъ, ащели суть плѣнницы, да искупаютъ Русь по 10 златникъ; аще купилъ будетъ Гречинъ подъ хрестомъ, достоитъ ему да возметъ цѣну свою, елико же далъ будетъ на немъ. 26) Аще ли хотѣти начнетъ наше царство отъ васъ вои на противящіяся намъ, — да пишутъ къ в. князю вашему и (онъ?) послетъ къ намъ елико хощетъ, и оттолѣ увѣдятъ и иныя страны, какую любовь имѣютъ Греци съ Русію. 27) Аще ускочитъ челядинъ отъ Руси, понеже пріидетъ въ страну свою отъ царства вашего и отъ св. Мамы, и аще будетъ обрящется, да поимутъ и; аще ли не обрящется, да на роту идутъ ваши Христіане Руси по вѣрѣ ихъ, а не Христіане по закону своему. 28) Тогда взимаютъ отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть преже, (или?) двѣ паволоце за челядина. 29) Аще ли кто отъ людій царства нашего, или отъ града нашего, или отъ инѣхъ городовъ ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ и принесетъ что: да возвратитъ опять; и еже что принеслъ будетъ (а) все цѣло, и да возметъ отъ него златника два.

Мы же совѣщаніе все написахомъ на двою хартію; и едина хартія есть царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана,—а на другой послы ваши и гости ваши; а отходяще съ посломъ царства нашего, да проводятъ къ в. кн. русьскому Игорю, и къ людемъ его; и ти пріимаютъ харатію (и?) на роту идутъ: хранити истину, якоже мы совѣщахомъ и написахомъ на харатію сію, на ней же суть имена наша написана. Мы же, елико насъ крестилися есмы, кляхомся церковію св. Иліи въ соборной церкви и предлежащимъ крестомъ честнымъ и харатіею сею, хранити же все, еже есть написано въ ней, и не преступати отъ того ничтоже, или преступитъ се отъ страны нашей, или князь, или инъ кто, или крещенъ, или некрещенъ, да не имать помощи отъ Бога, да будутъ рабы въ си вѣкъ и въ будущій и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ. А на ротѣ некрещеніи Русь полагаютъ щиты свои и мечи свои наги, и обручи свои и прочіе оружіе и да клянутся о всемъ, яже суть написана на харатіи сей, и хранити отъ Игоря, и отъ всѣхъ бояръ, и отъ всѣхъ людей отъ страны русьскія, въ прочая лѣта и всегда. Аще ли кто отъ князь, или отъ людей русьскихъ, или христіанинъ, или нехристіанинъ преступитъ се, еже есть написано на харатіи сей, и будетъ достоинъ своимъ оружіемъ умрети, и да будетъ проклятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву. Да аще будетъ добръ Игоръ, в. князь, да хранитъ любовь всю свою и правду, (и) клятву, да не разрушится дондеже солнце сіяетъ и весь миръ стоитъ въ нынѣшный вѣкъ и въ будущій. Въ лѣто 6453, индикта 4, апрѣля 20, въ третію седмицу по пасхѣ.

(*Тобина „Sammlung Kritisch-bearbeiter. Quellen der Geschichte des Russischen Rechts.“ Дерптъ 1844, 6—14*).

См. Вѣстн. Евр. 1811, III. № 57; 1829, №№ 13—15. Труды общ. Ист. и древн. 1, 3. Рус. лѣтоп. *А. Шлецера* въ перев. *Д. Языкова*. Спб. 1816, II, 632. 693. Kritischer Versuch zur Aufklärung der Bizantischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf früehre Geschichte Russlands *Круга*. Спб. 1810, 108. Древн. Рус. Право. *Эверса*. Спб. 1835, 138. Несторъ *Погодина* М. 1839. Русь до прибытія Рюрика. *Бѣляева*. Временн. кн. 15. Историч. Чт. о языкѣ и словес. II отд. Акад. Н. Спб. 1854, 6—32. Изв. Акад. III, 256 — 95. Учен. Зап. Моск. Универс. 1835. Ист. гражд. Закон.

Неволина. 1851. II. 233. О визант. элементѣ въ языкѣ договоровъ Рус. съ Греки. Спб. 1853. О договорахъ Олега и Игоря. *Погодина.* Рус. Ист. Сборн. I, 3, 4, 28. Московс. Телегр. 1825, ч. XX, 340—2.

190. Мирная грамота Новгородцевъ съ Нѣмцами 1199.

Се азъ князь, Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ съ посадникомь с Мирошкою и с тысяцкымь Яковомь и съ всѣми Новгородьци, потвердихомъ мира старого с посломь Арбудомь и съ всѣми нѣмьцкыми сыны и съ Готы и съ всемь латиньскымь языкомь. Послалъ есмь посла своего Григу на сеи правдѣ. 1-е: ходити Новгородцю послу и всякому Новгородцю въ миръ въ Нѣмечьску землю и на Гѣцкъ берегъ (*Готландъ*); тако же ходити Нѣмьчьмь и Гтяномъ въ Новѣгородъ безъ пакости не обидимъ никымъ же. Аче будеть судъ князю новгородцкъму Новѣгородѣ или нѣмецкъму въ Нѣмчьхъ, а въ томь миру ити гостю домовь бесъ пакости, а кого Богъ поставить князя, а съ тѣмъ мира потвердить, любо ли земля безъ миру станеть. А оже убьють Новгородца посла за моремъ или нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривенъ серебра. А оже убьють купчину Новгородца или Нѣмчина—купчину Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гр. сер. А оже мужа свяжуть безъ вины, то 12 гр. за соромъ старыхъ кунъ. Оже ударять мужа оружеемь, любо коломъ,—то 6 гр. за рану старые. Оже ульхньть, любо мятель раздрѣть, то 3 гр. старые. Оже пошибають мужеску жену, любо дчырь,—то князю 40 гр. ветхыми кунами, а женѣ или мужьское дчери 40 гр. ветхыми кунами, а женѣ или мужьское дчери 40 гр. ветхыми кунами. Оже сгренеть (*сорветъ*) чужее женѣ повои (*повязку*) съ головы или дцьри, явится просто волоса,—6 гр. старые за соромъ. Оже тяжа родится безъ крови, спидутся послуси, и Русь и Нѣмци,—то вергуть жеребее, кому ся выимьть, ротѣньдъ свою правду възмуть. Оже емати скотъ (*деньги, долгъ*) Варягу на Русинѣ, или Русину на Варизѣ, а ся его заприть (*запрется*), то 12 мужь послухы, идеть ротѣ (*къ присягѣ*), възмемъ свое. Оже родится тяжа въ Нѣмцехъ Новгородцю, любо Нѣмчину Новѣгородѣ, то рубежа нетворити, на другое лѣто жаловати; оже неправять, то, князю явя и людемъ, взяти свое у гости, оже тяжа родится въ Новѣгородѣ; оже тяжа родить къ іное земли въ рускыхъ городѣхъ, то у тѣхъ свое тяже прашати. искати Новугороду не надобе. А тяжа на городы, а Нѣмчинъ свободь и Новогороци. Оже придеть въ своей лодьи въ нѣмецкои домовь, аче самъ не поидьть въ неи опять мужь, дастъ кърмьнику. Нѣмчина не сожати въ погребъ Новѣгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмчьхъ, нъ емати свое у виновата. Оже кто робу повержьть насильемь, а не соромить, то за обиду гривна, паки ли соромить, собѣ свободна. Оже убьють таль (*заложника*) или попъ новгороцкое или нѣмецкъе Новѣгородѣ, то 20 гр. сер. за голову.

(*Изв. Акад. VI, 155—166*).

См. грам. касающ. сношеній съ Ганз. гор. № 2.

191. Договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229.

Что ся дѣетъ по вѣремьнемь, то отиде то по вѣрьмьнемь, приказанѣ боудѣте добрымъ людемъ, а любо грамотою оутвѣр-

дять, како то боудѣте всемъ вѣдомъ, или кто посль живыи останѣться. Того лѣта, коли Алъбрахтъ, владыка ризкии оумьрлъ, оуздоумалъ князѣ смольнескыи Мьстиславъ, Давыдовъ сынъ, прислалъ въ Ригоу своего лоучьшего попа Ерьмея и съ нимъ оумьна моужа Пантелья ис своего города Смольнеска: та два была послъмь оу Ризѣ, из Ригы ехали а Гочкыи берьго, тамо твердити миръ. Оутвердили миръ, что былъ немирно промьжю Смольньска и Ригы, и Готскымь берьгомъ всемъ коупчемъ. Пре сеи миръ троудилися дъбрии людие: Ролфо ис Кашеля (*кассель*), Божи дворянинъ, Тоумаше Смолянинъ, ажбы миро былъ и дъ вѣка; оурядили пакъ миръ, како было любо Роуси и всѣмоу Латинескомоу языкоу, кто то оу Роусе гостит. На томь мироу, ажбы миръ твьрдъ былъ, тако былъ князю любо и Рижанъмъ всемъ и всемоу Латинескомоу языкоу и всемь темь, кто то на Оустоко моря [1] ходить, ажбы нальзлъ [2] (*нашелъ*) правдоу то написати, како то держати Роуси съ Латинескымь языкомѣ, и Латинескомоу языкоу съ Роусию то дьржати аж быхъмъ что тако оучинили; того Богъ не даи, ажбы промьжю нами бои былъ, а любо чловка оубиютъ до смрти, како чловѣка, то отплатити, ажбы миръ не ръздроушенъ былъ: такъ платити, како то бы обоимъ любо былы.

Здѣ починаеться правда: 1. Аже боудѣть свободѣныи чловкъ оубитъ, 10 гризенъ серебра за голъвоу. 2. Аже боудѣте холъпъ оубитъ, 1 гривна серьбра заплатити: оу Смольнѣскь, тако платити и оу Ризе и на Готскомь берьзѣ. 3. Око, роука, нѣга, или инъ что любо, по пяти гривьнъ серьбра отъ всякаго платити: за окъ 5 серьбра, за рурокоу 5 серьбра, за нъгоу 5 серьбра, и за всякыи соуставъ пять гривьнъ серебра; за зоубъ 3 гривнъ серебра: и Смольньскь и оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 4) Кто биеть дроуга дѣревъмь, а боудѣте синь, любо кровавъ, полоуторы гривны серебра платити емоу. 5) По оуху оударите, 3 четвѣртя серебра. 6) Послоу и попу что оучинять, за двое того оузяти, два платежя. 7) Аже кого оурянять, полоуторы гривны серебра, аже боудѣте нѣзвѣка: тако платити оу Смолѣнеске и оу Ризѣ и на Гочкомь берьзѣ. 8) Аже извиниться Роусинъ оу Ризе, иди на Гочкъмь березе, оу дыбоу его не сажати. 9) Аже извиниться Латининъ оу Смольнѣскѣ, не мьтати его оу погрѣбъ, аже не боудѣтѣ пороукы, то оу жельзя оусадить. 10) Аже латининъ дасть Роусиноу товаръ свои оу дълго оу Смольнске, заплатити Немциноу пьрвѣе, хотя бы инъмоу комоу виноватъ былъ Роусиноу. Тако оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Готскомь березѣ. 11) Аже розгнѣваеться князѣ на своего человѣка, а боудѣте винъватъ Немчицю Роусинъ, а отимьть князѣ все, женоу и дѣти оу хольпство, пѣрвое платити емоу Латинину, а потомь князю какъ любо съ своимъ чловкмъ. Такую правдоу възяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкъмь березѣ. 12) Аже Латининъ дасть княжю хълопоу въ заемъ, или иньму доброу чловкоу, а оумрете не заплативъ, а кто емльть его остатькъ, томоу платити Немчиноу. Такова правда оузяте Роусину оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 13) Роусиноу не оупирати Латинина однемъ послухомь, аже не боудѣтѣ двою послоху, одиного Немчина, а дроугого Роусина, добрыхъ людии. Тако Латининоу не пьрьпрети Роусина, аже не боудѣть послоуха Роусина, а дроугого Немчина оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 14) Роусиноу не вѣсти Латинина ко жель-

[1] Ostsee—Балтійское море.

зоу горячемоу (1), аже самъ въсхочетѣ. А Латининоу тако Роусиноу не вести, аже самъ въсхочете. 15) Роусиноу не звати Латина на полѣ (2) биться оу Роускои земли; а Латининоу не звати Роусина на полѣ битося оу Ризѣ и на Готскомь березѣ. 16) Аже Латинескии гость биеться мьжю събою оу Роускои земли любо мьчемь, а любо дѣревъмь, князю то не надобе, мьжю събою соудити. Тако, аже Роускии гость биеться оу Ризѣ или на Гочкомь березе, Латине то не надъбѣ, а те промьжю събою оурядятеся. 17) Аже застанете Роусинъ Латинеского человѣка своего женъю, за то платити гривьнъ 10 серебра. Тако оучинити Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкомь берьзѣ платити. 18) Аже Латинескыи человѣкъ оучичит насилье свободнь жене, а боудѣть пьреже на неи не былъ сорома, за то платити гривенъ 5 серебра. Тая правда оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Готескомь березе. Аже боудѣте пьрѣе на нѣи съръмъ былъ, взяти еи гривна серьбра за насилие. 19) Аже насилоуеть робѣ, а боудоуть на него послоуси, дати емоу грив на серебра. Такова правда оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 20) Аже мьжю Роусиномъ и Латинескъмь свяжеть дроугъ дроуга без вины, за то платити 3 гривны сербра. 21) Аже боудѣте Роусиноу платити Латинескомоу, а не въсхъчеть платити, то ть Латнескомоу просити дѣтскаго оу тиоуна. Аже даеть наемъ Дѣтьскомоу, а не исправить за 8 днии товара оу Роусина, то ть дати емоу на събѣ пороука. 22) Аже Смолняне не дадоуть емоу въль, Смолнянъмь платити самымъ, дългъ платити. Тая правда оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкомь березе. 23) Аще Тиоунъ оуслышить, Латынескыи гость пришелъ, послати ему люди съ колы пьревѣсти товаръ, а не оудѣржати емоу; аже оудѣржить, оу томь ся можете оучинити пагоуба. 24) Аже Латинесыкыи гость Смолняны пріедѣть на Вълъкъ, то ть мьтати жеребѣи, како напьрьдъ вѣстико Смольньскоу. Аже боудоуть людие из—ыное земль, тьхъ посль вѣсти. Тая правда оузяти Роуси оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 25. Коко тако боудѣте, како придоуть Латинескии гость оу городъ, с Волока дати имъ княгини поставъ частины, тиоуноу на Вълъцѣ дати роукавицѣ, ажбы товаръ пьревьзлъ без дѣржания. 26) Которыя Вълъчанинъ възмьть Латиньскыи товаръ чересъ Вълькъ вѣсти, а что погынеть отъ того товара, что емоу приказано, то платити всемъ Вълъчанъмъ. Тая правда Роуси оузяти оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 27) Аже Латинескии придѣть къ городу, свободно емоу продавати, а противоу того не молвити никому же. Тако дѣлати Роуси оу Ризѣ и на Гочкомь березе. 28) Аже Латинескии оусхочеть ехати и Смольнеска своимь товаромь въ иноу стороноу, про то его князю не дѣржати, ни иномоу никомоу же. Тако Роусиноу ехати изъ Гочкого бѣрѣга дъ Травны (1). 29) Аже Роусинъ коупить оу Лотинескаго чловка товаръ, а възмьть к собѣ, то ть Латинескомоу не взяти товара наоуспять, Роусиноу томоу платити. Тако Роусиноу не оузяти оу Латинеского товара своего опять, платити емоу. 30) Роусиноу не звати Латинеского на иного князя соудъ. лише предъ смольнеского князя, аже самъ въсхочете, тъ ть идѣть. Тако Латинескомоу не звати Роусина на иный соудъ, лише оу Ригоу и на Гочкыи берего. 31) Роусиноу не ставити на Латинеского дѣтьскаго не явивъше старость Латинескомоу; аже не слоушаеть старосты

(1) Судебный обрядъ испытанія желѣзомъ.
(2) На поли—судебный поединокъ.

(1) Travemünde, близь Любека, на взморьѣ.

Латинескомоу; аже не слоушаетъ старосты, то ть можеть на него дѣт(є)кого приставити. Тако Латинескомоу на Роусина не ставити бирица оу Ризѣ, ни на Гочькомъ бѣрезѣ. 32) Латинескомоу дати отъ двою капию вѣску вѣсцю коуна смольнеская. 33) Коупить Латинескыи гривноу золъта, даст вѣсити, дати емоу вѣсцѣ ногата смольнеская. Аже продаеть, не дати ничего же. 34) Аже Латинскіи коупить соуды серебреные, дати емоу вѣсцю отъ гривны серебра по ногатѣ смольнескои. Аже продасть, не дати ничего же. 35) Аже Латинескии коупить гривноу серебра, дати емоу вьсцю двѣ векши. Аже продасть, не дати ничего же 36) Аже Латинескии дасть серебро пожигати, дати емоу, отъ гривны серебра коуна смольнеская. 37) Аже капь, чимь то весятѣ, излъмлна боудъте, а любо льче боудѣть, то тъ споускати обѣ в-ъдино мьсто, что лѣжить оу св. Богородице на горе, а дроугая оу Латинескои церкви, обѣ ровнати. 38) Латинескомоу есть вълно оу Смольнеске, которыи товаръ хъчьть коупити, бес пакости. Тако дѣлаити Роусь оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 39) Всякомоу Латинескому чловкоу свободѣнъ путе из Гочкого берега до Смольнеска без мыта. Тая правда есть Роуси изъ Смолиенска до Гочкого берега. 40) Латинескомоу не ехати на вьиноу съ княземь, ни съ Роусию, аже самъ хъчьть, тотъ ѣдеть. Тако Роусоиноу не ехати съ Латинескымъ на вьиноу, ни оу Ризѣ, ни на Гочкомь березѣ; аже хочеть самъ, тъ ть ѣдѣть. 41) Которыи Роусинъ, или Латинескыи, имьть татя, надъ тѣмь емоу своя вля, камь его хочеть, тамъ дѣжеть. 42) Ни одиномоу же Роусиноу не дати пересоуда оу Ризѣ ни на Гочкомь березѣ; тако Латинескомоу оу Роускои зѣмли не дати пересоуда никомоу же. Которое ороудие доконѣчано боудѣть оу Смолнескь мьжю Роусию и мьжю Латинескимь языкомь, пьредъ соудиями и пьредъ добрыми людми; боль того не починати оу Ризѣ и на Гочькомь березѣ; а что боудѣть дъкончано оу Ризѣ и на Гочькомъ берьзе, перьдъ соудиями и пьрьдъ добрыми людми, того оу Смольнскѣ не починати. 43) Пискоупъ ризскии, Мастьръ божихъ дворянъ, и вси земледѣржци, ти дають Двиноу свободноу, от вьрхоу и до низоу въ мъре и по въдѣ и по бѣрегоу всемоу Латинескомоу языкоу и Роуси, кто правыи коупьчь есть, от моря даемо свободно, кто хочете по Двине ехати оу вьрхъ или оу низъ. 44) Оу кого ся избиеть оучанъ, а любо челнъ, Богъ того не даи, или оу Роусина, или оу Латинеского, оу тѣхъ вълъсти, кто сю свободоу далъ, товаръ его свобонъ, на водѣ и на березѣ бес пакости всякому; товаръ иж то потоплъ, брати оу мьсто своею дроужиною из воды на берего. Аже надобѣ емоу болше помъчи, то ть наимоуи при послоусѣхъ, кто былъ тоу, то боудѣте послоухъ, что имъ посоулишь, то даи, а болѣ не даи. Тая правда Латинескомоу възяти оу Роускои земли оу вълъсти князя смольнеского и оу полотьского князя вълъсти и оу витьбескаго князя вълъсти.

Коли ся грамота писана, ишлъ былъ от Рож. Господня до сего лѣта 1000 лѣто и 200 лѣто и 8 лѣто и 20, подъ пискоупомь ризкимь, провстъ Яганъ, Мастьръ Вълкьенъ, божии дворянинъ, и подъ горожаны ризѣскими, прѣдъ всеми Латинескими коупци. Ся грамота оутвьржена всехо коупьче пьчатию. Се ороуде исправили оумнии коупчи: Регньбодѣ, Дѣтяртъ, Адамъ, то были горожане на Гочкомь березе. Мьмьбернь, Вредрикъ, Доумбѣ, ти были из Любка: Гиндрикъ Готь, Илдигьрь; то два была исъ Жата; Конратъ Шхель, одѣ Ягантъ Кинть, та два была изъ Мюньстьря; Бернярь, одѣ Вълкерь, та два была изъ Грюнигъ; Ермьбрьхть, одѣ Албрахтъ, та два была изъ Дортмьня; Риндрикъ Цижикъ из

Бремьнь, Албрахтъ Слоукь, Бернартъ, одѣ Валтърь, одѣ Албрахтъ Фоготь, то были горожане оу Ризѣ, и инехъ много оумныхъ добрыхъ людиѣ. Которыи Роусинъ, или Латинескыи противоу сею правды мълвить, того почьсти за лихли моужь. Ся грамота есть выдана на Гочкомь берьзѣ пьрьдъ Роускимь посломь и пьрьдъ всеми Латинескими коупци.

(*Собр. грам. II. № 1*).

См. Рус. Ливонс. акты, 1866. Спб. 419. Ист. гос. рос. III, пр. 273. Рус. Дост. II. 245—73. Sammlung Kritisch—bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. *Тобина*. II, 49.

192. Грамота смоленскаго князя Ѳедора Ростиславича къ рижскому епископу. 1284.

Поклонъ отъ князя отъ Федора къ пискоупоу и къ Мастеру и къ ратманомъ. Што боудеть намъ речь съ пискоупомь, или съ Мастеромъ, то ведаемъся мы сами; а вашему гостеви сѣмо боуди поуть чистъ, а нашему гостеви боуди къ вамъ поуть чистъ; а роубѣжа не дѣяти, не намъ в себе в Ризѣ и на Гоцькомъ березѣ коупьцомъ. Си же грамота писана бысть, ищьло было отъ Рождества Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и двѣстѣ лѣтъ и осмьдесятъ летъ и три лѣта, въ четвертое лѣто, на Възнесенье господне; а тоу былъ въ Смолѣньске на мѣсто на княжи на Федорово, Аньдрѣи Михаиловичь Князь, Артемии Намѣстьникъ, Остафии Дядко, Микоула Дядковичь, Лаврѣнтии намѣстьникъ владычень, Мирославъ, Олекса Черныи, Тереньтею таможникъ Ветхыи, Аньдрѣи попъ. А тоу былъ при докончаніи грамоты сее, Любрахтъ, посолъ отъ Мастера, а отъ горожанъ Петръ Бяртьлть, а въ торговьцихъ Федоръ Волковьникъ изъ Брюньжвина, Гемликъ изъ Мигистера; а Мошеи, печатникъ князь Федоровъ, печаталъ, а Федорко, писець княжь Федоровъ, псалъ.

(*Собр. грам. I, № 3*).

193. Договоръ смоленскаго князя Ивана Александровича съ рижкимъ Гермейстеромъ 1330—1359.

Се язъ князь великиіі смоленьскиіі Иванъ Олександровичь, оунукъ Глѣбовъ докончалъ есмь съ братомъ своимъ с Мѣстѣрѣмъ с Ризьскимь и съ-Пѣмь и с рыдѣлю іі с ратманы іі со всѣми Рижаны, што подъ него рукою, докончалъ есмь по дѣда своего докончанью, іі по старымъ грамотамъ, докончалъ есмь по тому докончанью, како то братъ мой старѣйшиі Кедименъ докончалъ и него дѣти Глѣбъ и Алкердъ: Ѣздити Немцемь въ домъ святѣй Богородице іі ко мнѣ, а мнѣ блюсти, какъ и своего Смолнянина, а моіімъ ѣздити в Ригу, а Мѣстерю и ратманомъ блюсти моего Смолнянина, какъ своего Немчина. А приездили ко мнѣ на докончанье ііз Ризи отъ Местѣря Пьсковъ Божіі дворянинъ, а отъ ратманъ Иванъ Панъ; на томъ на всѣмъ цѣловалъ иесмь крестъ къ своиму къ Мѣстерю; а они цѣловали ко мнѣ крестъ Мѣстѣревою душею и пискуплею.

(*Собр. грам. II, № 8*).

194. Договорная Полоцка съ Ливонскимъ орденомъ 1405.

А се мы Полочане вси, добрыи люди и малыи, надѣючесь на Богъ святого, Софея милость и князя великого Витовта здоровье, хочемъ тобою княжь местерю

любовь держати и с твоею братьею, со всеми риделн (*рыцари*). Такожъ хочемъ с вами ризькии ратѣмяне и со всѣми ризкими куньци межи себѣ приязньство держати и любовь на обѣ стороне крѣнко. Вамъ нашего Полочанина стеречи, какъ своего брата Немчина у Ризе; а намъ Полочаномъ вашего Немчина также потомужъ стеречи у Полотьсце. А торговати по старому закону всякую торговлю, купити, продати. Купити вамъ Немцемъ у насъ, у Полотьсце, немецькому куньцю полъберьковыка воску, полътысячи белкы. А торговати немецькому куньцю с гостемъ Литовское земли добровольно. А с Новьгородци немецькому куньцю торговати, а промежи има ходити нашему Полочанину: занеже насъ Новьгородци не пустятъ у немечьки дворъ торговати безъ своего Новьгородца. А съ—с Москвичи торговати вашимъ Немьцемъ; также нашему Полочанину межи ими ходити, торговати: занеже на насъ Москвичи тамгу емлютъ. А восковыи весъ держати по старому закону, штоже нашъ берьковескъ восковыи болши вашего берьковска полупудомъ ризького весу, а серебрыныи весы ризькии держати болши полочьскиихъ весовъ серебрыныхъ полузолотникомъ. А соль весити пудным ременемь; а берковескъ солоныи учинити у восковыи берьковьскъ; а белка купити, а наметъ давати, а у дворъ не имати. А мимо города Полтескъ немецькому куньцю не ходити, торговати Нѣмьцемъ у Полотьсце. А малое вамъ торговли не купити у Полотьсце по розници; а корьчмы вамъ у насъ у Полотьсце не держати. А весцемъ нашимъ и вашимъ кресты целовати, што же имъ право весити на обѣ стороне. А кони намъ у васъ у Ризе купити, на чемъ у верхъ ехати, а отъ ногъ не имати. А извиниться нашъ Полочанинъ у Ризе, ино его Нѣмьцемъ у Ризе не казнити, отпустити его у верхъ; ино его тамъ свои Полочане казнятъ.

А извиниться Немьчинъ у Полотьсце, ино его Полочаномъ не казнити у Полотьсце, пустити его у Ригу; ино его свои тамъ судятъ по своему праву. А рубежа не чинити, знати истьцю истьца; а торговьцю приехати, отъехати чисто на обѣ стороне. А томъ есме къ вамъ послали свои добрыи люди чесныи, к тобе, княжь местерю, и къ всемъ риделемъ и къ всемъ ратмяномъ и къ всемъ купьцемъ ризькимъ, што вамъ дати правда нашему послу чисто, безъ всякоя хитрости; а нашъ посолъ вамъ дасть чисто правду, безъ всякоя хитрости, нашимъ правомъ. А старыму делу, што ся учинило межи себе, того не поминати и вамъ и ни намъ, на обѣ стороне. А писана бысть грамота сия в лѣто 6913-е мѣсяца Юня, въ день недѣлныи, 21 день на память св. мученика Ульяна.

(*Русско—Ливонскіе акты, 1868, 120*).

195. Полоцкая грамота Ливонскому ордену 1409

Ото князя Ивана Семеновича, полоцкого намѣстники, и ото всихъ мужь Полочанъ князю местерюли ризкому и всимъ ратманомъ ризкимъ поклонъ. Што есте прислали к намъ ратмана Ѳедора и онъ с нами поконцалъ: отъ васъ, што вамъ нашихъ людей всихъ отпустити к намъ и со всимъ ихъ товаромъ, и того чловѣка, што есте казнили, а и тотъ стругъ съ товаромъ, што есте поимали, и тую нашю челядь, што ваши торговци без кунъ ихъ поимали. И ино которыи наши торговци восхотять на конехъ ехати, и коль к намъ възъедуть, тогды мы вашь товаръ отпустимъ к вамъ на низъ, которыи поторгованыи воскъ а бѣлку. А коль паки будуть наши люди в насъ и вси с товаромъ, што на струзѣхъ идутъ, мы паки тогды весъ вашь товаръ отпустимъ.

Хто паки хочеть торговати, торгуи, а хто хочеть поехати, поедь добровольно. А на томъ есмо и руки дали Федору, и печати свои приклали и с тою грамотою послали есмо доброго человѣка Климяту. А писана бысть сия грамота въ Полоцку, въ понедѣльникъ передъ святого Семиона днемъ, лѣтопроводьца по божью нарожѣнью 1000 лѣтъ и чотыри сотъ и 9 лѣтъ.

(*Русско-ливонск. акты, стр. 138—139*).

См. еще договорныя грамоты въ отдѣлѣ „Промышленность и торговля“.

196. Договорная литовскаго в. кн. Казиміра со Псковомъ 1440.

Се язъ в. кн. Казимиръ, королевичъ, и съ своею братьею коньчали есмо миръ со Пьсковомъ. А прыѣхали къ намъ со Пьскова Ларыонъ Селивестеровъ, сынъ посадничъ, Стефанъ Арыстовичъ, а Лука Михайловичъ, да били намъ чоломъ ото Пьскова и съ тыми есмо миръ конъчали, а конъчали есмо такъ: што жъ послу изъ нашее земли изъ Литовскоѣ, и гостю—или Ляхъ, или Русинъ, или Полочанинъ, или Витблянинъ, или Смолянинъ,—тымъ путь чысть изо всее моее отчыны въ Псковскую землю; а гостю торговати во Пьсковѣ, безъ пакости, по старой пошлинѣ, со всякимъ гостемъ. Такожъ и Псковичемъ, послу и гостю, изо всее отчины Псковскоѣ тымъ всимъ путь чыстъ во всю мою отчину, въ Литовскую землю; и гостю тарговати по всей Литовской земли по старынѣ, безъ пакости по старой пошлинѣ, со всякимъ гостемъ. Такожъ и послу псковьскому, кого коли пошлютъ ко князю в. московскому, на Москву, путь чыстъ черезъ нашу отчыну, на Смоленескъ, тамъ ѣхати и назадъ отъѣхати, коли мы в. кн. Казимиръ будемъ съ княземъ в. московскимъ въ любви. А мнѣ в. кн. Казимиру блюсти Псковитина, какъ и своего Литвина; такожъ и Псковичомъ блюсти Литвина, какъ и Псковитина. А межы собою будучи въ любви, за халопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за разбойника не стояти, ни мнѣ, ни вамъ, а выдати по исправѣ. А обидным дѣломъ уложили есмо рокъ: которыи будутъ вчынилсѧ отъ в. князя Витовтовы смерти до сихъ мѣстъ, тымъ дѣломъ на обѣ стороны судъ и справу учинити; а которіи будутъ пени вчынися перьво в. князя Витовтовы смерти, или пожжено; или силно пограблено, или головы побиты, а иныя такъ дѣла: то есмо такъ все на обѣ сторонѣ вчынили, отложыли, того не надобѣ искати ни нашымъ на Псковичахъ, ни Псковичомъ на нашыхъ. Аже вчыниться пеня гостю въ Литвѣ псковьскому, коньчать по в. князя правдѣ и по цѣлованію; аже вчыниться пеня нашымъ, или Литвину, или Полочанину, или Витьбляниномъ, или Смолянином во Псковѣ, коньчати по псковьской, правдѣ и по цѣлованію. А рубежъ водѣ и земли со Пьсковомъ мнѣ в. князю, а то намъ старый рубежъ. А сконьчалъ в. к. Казимиръ со всимъ Псковомъ и со всими пригороды псковьскими и со всею волостью псковскою, по сей грамотѣ. Аже вчыниться нелюбовъ мнѣ в. князю тую грамоту крестную не слати, ни на Москву ко кн. в. Василью, ни къ Новугороду, но положыти мнѣ тую грамоту крестную во Пьсковѣ; а отъ того дни, какъ грамота положена, олижъ мѣсяць проидеть, 4 недѣли, тогдыжъ воевати. Такожъ аже вчыниться Псковичомъ не любовъ со мною зъ в. кн. Казимиромъ, и Псковичомъ грамота крестная положыти у Вилни; а отъ того дни, какъ грамота положена, олижъ мѣсяцъ пройдетъ, 4 недѣли, тогдыжъ воевати. А на

всемъ на семъ я в. кн. Казимиръ крестъ цѣловалъ, такъ же и послове псковскіе крестъ цѣловали отъ всего Пскова, по правдѣ, безъ всякаго извѣта. А писанъ у Вилни, мѣсяца Декабря въ 30 день, подъ лѣты Рождества Господа нашего І. Христа 1440 лѣтъ, индиктъ 4.

(*А. Запад. Рос. I, № 38*).

197. Договорная москов. в. князя Василія Васильевича и удѣльныхъ князей съ Казимиромъ, королемъ польскимъ и в. княземъ литовскимъ.

По божьей воли и по нашей любви, божьею милостью, се азъ кн. в. Василей Васильевичъ, московскій и новгородскій и ростовскій и пермъскій и иныхъ, а братья моя молодшая, князь Иванъ Андреевичъ, и кн. Михаило Андреевичъ, и кн. Василей Ярославичъ, чинимы знаменито каждому, кто на сію нашу грамоту узритъ, или чтучи услышитъ, кому жъ будетъ того потребно вѣдати. Я кн. в. Василей, и моя братья молодшая, дали есмо весь запись брату нашему Казимиру, королю полскому и в. князю литовскому и рускому и жомайтскому и иныхъ, што есмо взяли съ нимъ братство и любовь и вѣчное докончанье. Жити намъ съ нимъ въ любви, по сей грамотѣ, а быти намъ вездѣ за одинъ, а добра намъ ему хотѣти и его земли, вездѣ гдѣ-бы нибыло; а ему намъ добра хотѣти и нашей земли, вездѣ, гдѣ бы то было. А хто будетъ ему другъ, то и мнѣ другъ; а хто будетъ ему не другъ, то и мнѣ недругъ. А недруга ти, брате моего, князя Дмитрея Шемяки, не прыймати, а быти, брате, на него со мною за одинъ; а также ти и на всякого моего недруга быти со мною вездѣ за одинъ.

А мнѣ, брате, твоего недруга, князя Михайла, не прыймати, а быти ми, брате, сътобою на него за одинъ, такъ же ми брате, и на всякого твоего недруга быти съ тобою вездѣ заодинъ. А пойдутъ, брате, Татарове на наше украинные мѣста, и княземъ нашымъ и воеводамъ нашымъ, украиннымъ людемъ, со славъся, да боронитися имъ обоимъ съ одного. А въ вотчыну, брате, утвою, мнѣ и моей братьи молодшей,—у во все твое великое княженье, ни у Смоленесъ, ни во вси смоленьскіе мѣста, што изъ давна къ Смоленску потягло, ни въ Лютутескъ, ни во Мцынскъ, ни во вси твои украинныи мѣста, што изъдавна къ тымъ городомъ потягло, не вступатися; а тобѣ Казимиру, королю полскому и в. князю литовскому, не вступатися въ мою отчыну, ни во все мое великое княженье, ни въ моее братьи молодшее отчыны, и во Ржеву зъ волостьми: по озеро по Орлинце на—полы, по озеро по Плотинце, по Красный Борокъ, по Баранью рѣчку на верхъ Бѣлейки, на Бѣлейкѣ на Поникль, съ Поникля на верхъ Сижьки, зъ березы на мохѣ, со мху на верхъ Осухи, тыхъ ти, брате, мѣстъ всихъ подо мною блюсти, и не обидѣти и не вступатися въ тые мѣста. А которые мѣста твои волостели вѣдали по Осуху при в. кн. Кестутьи, и твоимъ волостелемъ потому жъ вѣдати, а мнѣ в. кн. Василью не вступатися. А Серенескъ вѣдати по тому, какъ было при дѣдѣ твоемъ при Олкгирдѣ и при твоемъ отцы короли. А потомъ, какъ Богъ дасть, ижъ божья воля прыйдетъ къ тому, дасть ли тобѣ Богъ дѣти, а тебѣ отыймѣтъ отъ всего свѣта, а я, брате, остану живъ: и мнѣ, брате, твоими дѣтьми печаловатися, какъ и своими дѣтьми, а отныма ми твоя блюсти, и не обидѣти и не вступатися и во все твое великое княженье, а учинитъ ли Богъ такъ, мене возметъ съ сего свѣта наперед, и ты останешъ живъ: и тобѣ

моимъ сыномъ, княземъ Иваномъ, печаловатися, какъ и своими дѣтьми, то моими дѣтьми меншими; а княженья ти подъ ними не подыйскивати, ни вступатися, по сей по твоей грамотѣ. А судъ о земли и о водѣ о смоленской, и о всихъ обидныхъ дѣлѣхъ о смоленскихъ, отъ того времени, какъ дядя твой, в. кн. Витовтъ, князя Глѣба на Смоленску посадилъ. А гдѣ, брате, тобѣ будетъ моя помочь надобѣ, на всякого твоего недруга и на Татаръ и тобѣ, брате, ко мнѣ послати, и мнѣ тобѣ помочь дати; а такожъ, коли, брате, мнѣ будетъ твоя помочь надобѣ, и мнѣ тебе обослати: и тобѣ ко мнѣ помочь, а моей земли въ тотъ часъ будетъ нѣкоторая налога, не мочно ми будетъ къ тобѣ помочы послати: ино то тебѣ отъ мене не въ измѣну. А такожъ, брате, коли я къ тебѣ пошлю про помочь, а прыйдетъ въ тотъ часъ твоей земли отуга, нелзѣ ти будетъ ко мнѣ помочы послати: ино то, брате, мнѣ отъ тебе не въ измѣну. А Орда, брате, мнѣ знати по старынѣ; а къ Ордѣ ми, брате, черезъ твою землю путь чистъ и моимъ посломъ. А князь в. Борисъ Олександровичъ тферскій и со своей братьею и зъ братаничы своими въ твоей сторонѣ, а со мною съ в. кн. Васильемъ въ любви и въ докончаньи; а судъ о земли и о водѣ мнѣ съ нимъ держати во всихъ обидныхъ дѣлѣхъ по старынѣ; а чемъ ся судьи наши сопрутъ, и они положатъ на третей, хто будетъ обѣйма сторонамъ любъ. А съ Новгородцы в. кн. Борису жити по старынѣ, а всимъ обиднымъ дѣломъ давати имъ между собою судъ и расправа, на обѣ сторонѣ, безъ перевода; а о чемъ ся судьи ихъ еупрутъ, и они сложатъ на митрополита, кто будетъ обѣйма нама любъ: и митрополитъ на кого помолвитъ, помолвитъ ли на Новгородца, а не исправитца, а ему послати ко мнѣ, къ в. кн. Василью, и мнѣ то оправити; но помолвитъ ли на Тферытина, а не исправитца, и ему послати до тебе, короля и в. кн. Казимира и тобе до оправити. А которыи князи служатъ тобѣ Казимиру королю изъ своихъ отчынъ, и мнѣ в. кн. Василью и моей братьи молодшей ихъ блюсти и не обидѣти, а которыи князи служатъ мнѣ в. кн. Василью и моей братьи молодшей изъ своихъ отчынъ, и тобѣ королю и в. кн. ихъ блюсти и не обидѣти. А который иметъ обидѣти князей служебныхъ своего брата, и намъ о томъ слати судей: и они тому вчынятъ исправу, безъ перевода. А князь Василей Ивановичъ Торускій и зъ братьею и съ братаничи служатъ мнѣ в. кн. Василью, а тобѣ королю и в. кн. Казимиру въ нихъ не вступатися; а Ѳедора Блудова, и Александрова Борысова сына Хлепенскаго, и князя Романова Ѳоминскаго, и ихъ братья и братаничовъ отчыны,—земли и воды, всѣ моѣ в. кн. Васильевы; такожъ Юрьева доли Ромейковича и княжа Ѳедоровы мѣста Святославича, всѣ за мною за в. кн. Васильемъ, и тобѣ, брате, всихъ тыхъ мѣстъ блюсти, и не обидѣти и не вступатися, такожъ и у вотчину мою въ Мещеру не вступатися, не прыймати ихъ. Такожъ въ Новгородъ В. и во Псковъ, и во вси Новгородскіе и во Псковскіе мѣста, тобѣ королю и в. кн. не вступатися, а и не обидѣти ихъ; а имутъ ли ти ся Новгородцы и Псковичы давати, и тобѣ королю ихъ не прыймати. А въ чомъ тобѣ королю и в. кн. Казимиру Новгородцы и Псковичы зъгрубятъ, и тобѣ мене в. кн. Василья обославъ да съ ними ся вѣдати, и мнѣ в. кн. Василью не вступатися, ни помолвити про то на тебе; а въ земли и въ воды Новгородскіе и во псковскіе тобѣ королю и в. кн. Казимиру не вступатися. А съ Нѣмцы ти, брате, держати вѣчный миръ; а съ Новгородцы опрышный *(особый)* миръ, а со Псковичы опрышный миръ: а никоторыми дѣлы имутъ межи собою воеватися, и тобѣ королю и в. кн. межи

ими невступатися. А коли мнѣ в. кн. Василью Новгородцы и Псковичы зъгрубятъ, а всхочу ихъ показнити: и тобѣ королю Казимиру за нихъ не вступатися. А которыи волости, или оброки потягнули новгородскіе къ Литвѣ здавна, и мнѣ в. кн. Василью въ то невступатися, по давному. А братъ мой молодшій, князь в. Иванъ Ѳедоровичъ рязаньскій со мною съ в. кн. Васильевъ въ любви, и тобѣ королю его не обидѣти; а въ чомъ тобѣ, брату моему, королю и в. кн. Казимеру князь в. Иванъ Ѳ. рязаньскій зъгрубитъ, и тобѣ королю и в. кн. мене обослати о томъ; и мнѣ его въсчюнути, (*поругать*), и ему ся ко тобѣ исправити, а не исправитъ ся къ тобѣ, моему брату, рязаньскій: и тобѣ королю рязаньскаго показнити, а мнѣ ся въ него не вступати. А всхочетъ ли мой братъ молодшій, кн. в. Иванъ Ѳ. служити тобѣ, моему брату, королю и в. князю и мнѣ в. кн. Василью про то на него не гнѣваться, ни мстити ему. А Верховъскіи князи што будутъ издавна давали въ Литву, то имъ и нынеча давати, а болшы того не примышляти. А што ся вчинитъ межи вашыми людьми и нашыми, и волостели нашы, зъѣхався, вчынятъ тому исправу безъ перевода; и про то намъ нелюбья не держати. А о земляхъ и о водахъ и о всихъ обидныхъ дѣлѣхъ, на обѣ стороны, межъ нами судъ обычый, отъ того времяни, какъ дяди твоего, в. кн. Витовта, въ животѣ не стало. А которыи люди съ которыхъ мѣстъ вышли добровольно: ино тымъ людемъ волнымъ воля, гдѣ хотятъ тутъ живутъ; а которыи люди выведены отколѣ невольно, или къ цѣлованью приведены, или за порукы подаваны ино ихъ отпустити добровольно, съ ихъ статкы, къ ихъ мѣстомъ, а цѣлованье и порукы съ нихъ доловъ, на обѣ сторонѣ, по ее наше докончанье. А што ся вчинитъ въ нашей любви, и тому всему судъ и исправа безъ перевода. А судьямъ нашымъ судити, цѣловавъ крестъ; а суженого не посуживати; а суженое, заемное, положеное, поручьное дати; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, бѣглеца, рубежьника, по исправѣ выдати. А посломъ нашымъ ѣздити безъ опаса. А гостемъ нашымъ ѣздити безъ рубежа и безъ пакости. А на томъ на всемъ азъ кн. в. Василей Васильевичъ, московскій, и новгородскій, и ростовскій, и пермьскій и иныхъ, и моя братья молодшая, кн. Иванъ Андреевичъ, и князь Михаило Андреевичъ, и кн. Василей Ярославичъ, цѣловали есмо крестъ ко своему брату, Казимеру королю полскому и в. князю литовскому и рускому, жомайскому и иныхъ, по любви, въ правду, безъ хитрости, и по сей нашей грамотѣ намъ правити. А писана въ лѣто 6957, индикта 12, августа въ 31 день.

(*А. Запад. Рос. I*, № *60*).

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

198. Значеніе божьихъ судовъ по Русскому праву.

...Главная задача науки — объяснить прошлое, найти ему разумное оправданіе, найти ему теорію въ немъ самомъ. Прошедшее не встанетъ изъ гроба, не будетъ себя защищать; является наука во имя интересовъ настоящаго, какъ наслѣдника протлаго, п. ч. прошедшее не потому для насъ важно, что оно прошло, а потому, что оно живетъ въ настоящемъ. Учрежденія настоящаго часто связаны съ явленіями прошлаго такими тонкими нитями, что наука только послѣ долгихъ усилій успѣваетъ разглядѣть ихъ. Какая, кажется, связь между нынѣшними нашими судебными учрежденіями и божьими судами, а между тѣмъ, связь существуетъ, что мы и покажемъ въ настоящей статьѣ.

Измѣненія въ формѣ суда не суть явленія случайныя; эти измѣненія происходятъ вслѣдствіе движенія народнаго сознанія, его убѣжденія о правдѣ и не правдѣ. Съ этой точки зрѣнія мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ двѣ великія эпохи суда, — судъ Божій и судъ человѣческій.

Изъ самаго слова »судъ«, понятно, что божьи суды не были явленіемъ первоначальнымъ; имъ предшествуетъ состояніе личнаго самоуправства, кровавой мести. Какъ явленіе, въ которомъ индивидуальная воля подчиняется высшему началу, божьи суды обозначаютъ эпоху прочнаго сложенія общественной жизни.

Подъ именемъ *Божьихъ судовъ* разумѣются испытанія желѣзомъ, огнемъ, водою и поединки. Это названіе вполнѣ справедливо, п. ч. здѣсь судъ производитъ какъ бы само божество, а люди только свидѣтельствуютъ его приговоръ. Первоначальная форма Божьихъ судовъ — *ордаліи* или испытанія огнемъ и водою. Ордаліи существовали у всѣхъ народовъ въ первый періодъ ихъ жизни: у Индійцевъ, Евреевъ, Грековъ, Германцевъ, Скандинавовъ и у Русскихъ. Въ »Русской Правдѣ« въ первой разъ встрѣчаются постановленія о нихъ: »Искавше ли послуха не налѣзутъ, а истца начнетъ головою клепати, тогда дати имъ правду желѣзо, такоже и во всѣхъ тяжахъ, въ татьбѣ, въ поклепѣ, оже не будетъ лица, то югда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота; аже ли мнѣ, то на воду, оли то до дву гривенъ; аже мѣне, то ротѣ ему по своѣ куны«. Въ другой разъ о нихъ упоминается въ договорѣ Смоленска съ Готландцами (1223): »Русину же нелзѣ имати Нѣмчина на желѣзо, такоже и Нѣмчину Русина; аже возлюбитъ самъ своею волею, то его воля«.

Что жъ это былъ за судъ? на какой идеѣ онъ основывался, какъ достигалась здѣсь правда? Почти всеобщее мнѣніе, что это было шарлатанство жрецовъ, п. ч. кипятокъ и огонь вредятъ равно и правому и виноватому. Но съ такимъ положеніемъ не можетъ согласиться юристъ.

Если ордаліи существовали въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, если отъ нихъ отвыкли люди только вслѣдствіе совершеннаго измѣненія въ религіозномъ сознаніи, значитъ, онѣ удовлетворяли времени и посредствомъ ихъ достигалась правда, торжествовалъ правый, наказывался виновный. Постараемся доказать это, сколько возможно проще и короче.

Первобытный человѣкъ жилъ единою жизнью съ природою; того антагонизма, который теперь существуетъ между духомъ и матеріей и который развитъ христіанствомъ, еще не существовало. Природа не была для него безчувственнымъ предметомъ; она одухотворялась имъ; онъ хранилъ съ нею какое то братское дружество: и вѣтеръ, и лѣсъ, и огонь, и солнце, и рѣка— все это было для первобытнаго человѣка живымъ существомъ, и притомъ высшимъ его божествомъ; мало того—каждое животное, каждая былинка представлялись ему живущими съ нимъ единою жизнью, раздѣляющими его радости и горе. Такое единство его съ жизнью природы усматривается отчасти и теперь въ томъ слоѣ общества, до котораго не проникла наука и не разрушила еще этой гармоніи...

Эта гармонія, будучи удѣломъ младенческаго состоянія народа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, но уже какъ сознательная, результатъ самаго высшаго духовнаго развитія. Русскій поэтъ, сказавшій про Гете: »съ нимъ говорила морская волна«, сказалъ ему высшую похвалу. Для того, кто хотя нѣсколько знаетъ народную поэзію, ясно, что языческій Славянинъ точно такъ же(?) одухотворялъ, олицетворялъ и обоготворялъ природу, какъ Индіецъ и какъ Грекъ: это общечеловѣческій процессъ.

При такомъ воззрѣніи язычника на природу и ея силы, понятно, что когда споръ былъ запутанъ, т. е. не было на лицо матеріальныхъ доказательствъ, свидѣтелей и т. п., призывались въ помощь вездѣсущіе свидѣтели — воздухъ, огонь, вода: они все видятъ, все знаютъ, поэтому должны доказать, кто правъ, кто виноватъ. Въ одной индійской поэмѣ героиня Дамаянти призываетъ въ доказательство своей невинности вѣтеръ, и тотъ человѣческимъ голосомъ подтверждаетъ ея правоту. Мы не имѣемъ надобности развивать это положеніе: его основаніе общеизвѣстно, а подробности принадлежатъ исторіи литературы. Отсюда совершенно понятно, почему силы природы призывались къ свидѣтельству, когда дѣло было темное. А много ли дѣлъ было ясныхъ? Очень не много. Въ настоящее время мы доказываемъ невинность въ уголовномъ процессѣ какъ то математически: взвѣшиваемъ и измѣряемъ обстоятельства pro и contra, и на какой чашкѣ вѣсовъ перевѣсъ этой тяжести, тамъ и истина. Но къ такому анализу не былъ способенъ первобытный человѣкъ; оттого судъ, судебный процессъ, изрѣченіе рѣшенія— все это носило характеръ божественный, сверхъестественный. Такъ было, напр., у Евреевъ, такъ было и у Грековъ и Римлянъ въ первый періодъ ихъ жизни. У Римлянъ самыя уголовныя наказанія носили характеръ умилостивительной жертвы божеству. У древнихъ Германцевъ судьи сходятся у священнаго дуба; выраженіе лица ихъ и поза должны быть необыкновенны; судья долженъ сидѣть, по выраженію *Саксонскаго зерцала*, »какъ грознорыкающій левъ«; всѣ аттрибуты суда указываютъ на его языческо-религіозное значеніе. Для такого суда лучшимъ доказательствомъ должно было быть свидѣтельство божества, т. е. стихій, п. ч. стихіи были божествами.

Какимъ образомъ при испытаніяхъ желѣзомъ и водою достигалась правда? Было вѣрованіе, что раскаленное желѣзо не обожжетъ праваго—прекрасно! Но слушался ли огонь этой вѣры? Дѣйствительно

такъ... По современнымъ физическимъ изслѣдованіямъ положительно доказано, что человѣкъ можетъ опустить голую руку въ кипящую массу и держать ее тамъ безвредно нѣсколько секундъ, т. е. столько времени, сколько вполнѣ достаточно для того, чтобъ со дна котла вынуть кольцо, какъ это обыкновенно употреблялось при ордаліяхъ; онъ можетъ пройти босыми ногами по раскаленному желѣзу и т. п. Отчего же происходитъ, что одни могутъ безвредно, напр., ходить по раскаленному желѣзу, а другіе нѣтъ? Физика объяснитъ это слѣдующимъ образомъ: на части человѣческаго тѣла, напр., на рукѣ, при соприкосновеніи съ раскаленнымъ жедѣзомъ, или кипящей массой, образуется особеннаго рода испарина, которая, по упругости своей, препятствуетъ на нѣсколько секундъ непосредственному соприкосновенію кожи съ раскаленнымъ предметомъ; но обыкновенно человѣкъ, зная губительную силу огня, дрожитъ при этомъ опытѣ, и тогда образуется на его тѣлѣ холодный потъ, который не можетъ служить предохраненіемъ. Если же у подвергающагося опыту есть твердое убѣжденіе въ этой научной истинѣ, онъ всегда выйдетъ изъ него побѣдителемъ... Первобытный языческій человѣкъ вѣровалъ въ въ природу, обоготворялъ ее; онъ былъ убѣжденъ, что божество, пребывающее въ раскаленномъ желѣзѣ, заступится за него, если онъ правъ. И такъ, когда онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ своей правотѣ, напр., что онъ не совершилъ убійства, въ которомъ его обвиняютъ, то смѣло и твердо опускалъ руку въ кипятокъ, или бралъ полосу раскаленнаго желѣза и торжествовалъ; напротивъ, неправый дрожалъ и, естественно, погибалъ отъ испытанія... Но не съ однимъ только индивидуальнымъ вѣрованіемъ приступалъ къ ордаліямъ древній язычникъ: религіозные обряды ободряли его. Ордаліи находились подъ завѣдываніемъ жрецовъ; у насъ до сихъ поръ сохранились остатки этихъ языческихъ заклинаній въ заговорахъ противъ желѣза, пуль, стрѣлъ. На Западѣ католическая церковь, послѣ безплодной борьбы противъ ордалій, приняла ихъ подъ свое покровительство, и въ церквахъ находились священныя орудія испытанія, так. обр. убѣжденіе въ ордаліи получило тамъ нѣкоторое время христіанское освященіе; духовенство сдѣлалось смотрителемъ за ордаліями, чѣмъ прежде были языческіе жрецы.

Понятно, по чему ордаліи употреблялись въ уголовномъ процессѣ; но чѣмъ объяснить ихъ употребленіе въ гражданскомъ? А между тѣмъ »Русская Правда« прямо опредѣляетъ испытаніе водою и желѣзомъ, въ случаѣ спора о долговыхъ обязательствахъ. Для насъ это странно. Въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть внутреннее убѣжденіе въ большей части гражданскихъ исковъ? У насъ это дѣло не совѣсти, а чисто матеріальное. Ни истецъ, ни отвѣтчикъ не знаютъ основательно, кто правъ изъ нихъ, можно вполнѣ добросовѣстно начать тяжбу и проиграть ее, п. ч. у противника окажутся лучшіе документы, словомъ, гражданскій процессъ есть холодное, искуственное дѣло, въ немъ ищется не абсолютная истина, а только формальная (veritas juridica). Но не то въ младенческомъ быту. Здѣсь и гражданскій искъ непосредственно дѣло совѣсти, точно такъ же, какъ и уголовный. Между ними нѣтъ той пропасти, которая теперь существуетъ. Актовая сторона гражданскаго права была неизвѣстна, слѣдов. всѣ обязательства были основаны на вѣрѣ и совѣсти. Въ древнихъ нашихъ завѣщаніяхъ мы часто встрѣчаемъ выраженія, указывающія на такое пониманіе долговыхъ обязательствъ. Одна княгиня, исчисляя свои долги, проситъ наслѣдниковъ, чтобъ »свели ихъ съ ея души«; одинъ Новгородецъ XIV в., послѣ исчисленія своихъ долговъ, прибавляетъ: »а больше

ничего никому не долженъ, только Богу душою». И теперь мы видимъ, что законъ и общественная нравственность расходятся въ своемъ воззрѣніи на силы долговыхъ обязательствъ: законъ даетъ полное значеніе крѣпостнымъ актамъ, гораздо меньше другимъ письменнымъ и почти никакого — словеснымъ; а общественная нравственность, напротивъ, считаетъ самымъ сильнымъ словесный долгъ, называетъ его »долгомъ чести«... Но мы удалились отъ нашего предмета. Мы желали показать основаніе примѣненія ордалій и въ гражданскихъ искахъ. Не будемъ представлять здѣсь воспроизведенія цѣлой картины Божьяго суда; для этого русскіе источники слишкомъ недостаточны; цѣль наша—уяснить его идею и показать процессъ человѣческой логики въ постепенномъ переходѣ отъ суда Божьяго къ человѣческому.

Ордаліи (въ смыслѣ испытаній) могли существовать до тѣхъ поръ, пока жило вѣрованіе въ божественность стихій въ матеріальное присутствіе божества. Но извѣстно, что такое вѣрованіе—первая ступень въ развитіи религіознаго сознанія. По этому вслѣдъ за ордаліями появляется второй видъ Божьихъ судовъ—*поединки*. Здѣсь тоже вѣрованіе, что и въ ордаліяхъ, т. е что божество укрѣпитъ руку праваго, и онъ побѣдитъ виновнаго, хотя бы силы ихъ были равны или даже виновный былъ сильнѣе; но это вѣрованіе здѣсь не въ той безграничной степени, какъ въ ордаліяхъ. Въ ордаліяхъ человѣкъ не играетъ никакой роли, дѣйствуетъ одно божество; человѣкъ чисто въ пассивномъ состояніи; а въ поединкахъ божество нисходитъ на 2-й планъ: человѣкъ дѣйствуетъ, божество ему помогаетъ. По этому и въ логическомъ и въ историческомъ процессѣ поединки стоятъ послѣ ордалій. Поединокъ, впрочемъ, не оставался въ одномъ видѣ; онъ измѣнялся по мѣрѣ развитія религіознаго сознанія: это мы докажемъ памятниками русскаго права. Теперь остановимся нѣсколько на самомъ понятіи поединка. Торжествовала ли въ немъ правда? Конечно. По общему понятію нашего времени, на поединкахъ торжествовалъ сильный и искусный, хотя бы онъ былъ не правъ. Но такъ можно думать безъ живаго пониманія той среды, гдѣ онъ жилъ, какъ органъ правды. При убѣжденіи, что божество само присутствуетъ на поединкѣ и укрѣпляетъ праваго, виновный былъ побѣжденъ еще до начала боя: ему казалось, что земля подъ нимъ дрожитъ, народъ ему угрожаетъ; онъ терялся, дрожалъ, а этого одного достаточно, чтобъ быть побѣжденнымъ даже слабѣйшимъ. Вспомнимъ поэтическій разсказъ о томъ, какъ собака побѣдила на поединкѣ рыцаря, убійцу своего господина. Этимъ сюжетомъ, т. е. побѣдою слабаго, но праваго, надъ сильнымъ, пользовались романисты нашего времени, напр. Вальтеръ-Скоттъ, или нашъ Лажечниковъ (въ романѣ »Бусурманъ«).

Мы видѣли, что языческая религія укрѣпляла шедшихъ на ордаліи; то же самое имѣло мѣсто и относительно поединковъ, какъ языческо-религіознаго дѣйствія. Въ актѣ Стоглаваго Собора (1551 г.) сказано: »Нѣцыи не прямо тяжутся, на полѣ бьются и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и во Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планитамъ гадаютъ, и смотрятъ дней и часовъ... и на тѣ чарованія надѣясь, поклепца и ябедникъ не мирится«. Эти чародѣи—остатки жрецовъ; Аристотелевы Врата и Рафли—проклятыя церковью книги языческой мудрости.

Переходимъ къ исторіи поединка. Будемъ опять слѣдить только самое развитіе той идеи, которая лежала въ ихъ основѣ. Нельзя отрицать существованія пое-

динковъ у русскихъ Славянъ въ древнѣйшее время, т. е. въ IX и X вѣкахъ. Есть много причинъ думать, что тѣ разбои, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ во время св. Владиміра и о которыхъ говоритъ Русская Правда, отличая ихъ отъ обыкновеннаго разбоя (»разбои безъ всякія свады«), были поединки. Далѣе о поединкахъ упоминается въ договорѣ Смоленска съ Готландцами: »Русину же нелзѣ позвати Нѣмцича на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ, оли (*но если*) нѣмечкій гость битися на Руси межи собою меци или сулицами, князю то не надобѣ«. Положительныя постановленія о поединкахъ, или какъ ихъ называли въ древней Россіи »поле«, встрѣчаемъ въ 1-й разъ въ псковской Судной грамотѣ, за тѣмъ въ обоихъ Судебникахъ (Ивана III и Ивана IV) находится самое подробное постановленіе о внѣшней сторонѣ »поля«. Для нашей цѣли всего важнѣе постановленія Псковской Судной Грамоты; ихъ не много, но по нимъ можемъ возсоздать процессъ движенія идеи поединка, чего нельзя сдѣлать по Судебникамъ.—Вотъ эти мѣста: »А жонка съ жонкою присуждать *поле*, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону«.— »А противъ послуха истецъ старъ, или младъ, или чѣмъ безвѣченъ, или попъ, или чернецъ, ино противъ послуха нанять вольно наймита, а послуху наймита нѣтъ«. Эти мѣста псковской Судной грамоты показываютъ уже поединокъ во второобразной его формѣ; но по нимъ легко возсоздать первообразную. Мы видѣли основаніе поединка. По первоначальной его идеѣ было рѣшительно все-равно, имѣютъ ли равную или не равную силу противники: божество было достаточно сильнымъ, чтобъ укрѣпить слабаго и доставить ему побѣду надъ сильнѣйшимъ: здѣсь-то и проявлялась во всемъ блескѣ сила божества (или, по нашему пониманію, сила убѣжденія). По этому вначалѣ поединокъ былъ вполнѣ возможенъ между увѣчнымъ и здоровымъ, старикомъ и юношей, опытнымъ бойцомъ и духовнымъ лицомъ. Но когда мало по малу начала слабѣть эта вѣра, божество стало терять свою непосредственность; оно получало силу, т. е. давало побѣду правому только тогда, когда силы противниковъ не были слишкомъ—неравномѣрны. Отсюда является учрежденіе подставни, или »наймитовъ«. Тамъ, гдѣ силы были слишкомъ — неравномѣрны, дозволяется слабѣйшей сторонѣ ставить наймита, именно: женщинѣ противъ мужчины, ребенку противъ взрослаго, увѣчному противъ здороваго, монаху противъ мірянина. За этими исключеніями болѣе нѣтъ наймитовъ, хотя, конечно, и тутъ могло быть еще значительное неравенство силъ, но божество уравновѣшило. Поэтому и женщина противъ женщины должна была лично биться. Мало по малу учрежденіе наймитовъ съ паденіемъ вѣры въ поединокъ расширяется, и по Судебнику Ивана III общее правило: бойцу биться съ бойцомъ, т. е. если одна сторона, вслѣдствіе своей слабости, напр., женщина противъ мужчины, ставитъ наймита, то и противникъ имѣетъ право сдѣлать тоже. Впослѣдствіи наймиты дозволены неограниченно, такъ что въ половинѣ XVI ст. бьются только они, а не сами тяжущіеся: «Готовъ биться на полѣ, и наймита ставлю»—обыкновенный отвѣтъ подсудимаго. Так. обр. идея божества постепенно слабѣла въ поединкѣ, видоизмѣняла его и наконецъ вовсе уничтожила его относительную разумность. Коль скоро бьются наймиты, то не можетъ быть и рѣчи о силѣ внутренняго убѣжденія, слѣдов. является одна дикая форма безъ того содержанія, которое давало ей жизнь и смыслъ. И—фактъ чрезвычайно поучительный — чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ Судебника Грознаго, въ которомъ весьма подробно опредѣлена форма пое-

динка съ наймитами, онъ исчезаетъ изъ законодательства, а къ концу XVI в. даже и изъ народнаго обычая. Форма безъ содержанія ничего не значитъ, и у русскаго народа было столько здраваго смысла, что онъ понялъ ея безнравственность и бросилъ ее. Отсюда прямой переходъ къ суду человѣческому—по словамъ, по доказательствамъ актовымъ.

Но не вдругъ окончилась языческо-религіозная идея суда. Между судомъ божьимъ и судомъ человѣческимъ есть посредствующее звено: это та форма словеснаго процесса, на которой еще лежитъ религіозное воззрѣніе. Мы обладаемъ въ исторіи нашего права памятникомъ, въ которомъ находится классическое мѣсто для сознанія этого перехода, именно: въ Псковской Судной Грамотѣ мы читаемъ о словесномъ процессѣ: »А на судъ помочью не ходить; лѣсти въ судебнику двѣма сутяжникома. А пособниковъ не было ни съ одной стороны, опричь жонки, или за дѣтину, или за черньца, или за черницу, или который человѣкъ старъ вельми, или глухъ, ино за тѣхъ пособнику быти«. Разбирая это мѣсто, ясно видимъ въ немъ переходъ отъ божьяго суда къ человѣческому; судотвореніе это тотъ же бой, но бой словами. Слово судебное представляется не только какъ дѣло человѣческаго умѣнья, но и какъ вдохновеніе божества, которое даетъ силу и искуство менѣе-смышленому, но правому. Поэтому »пособники«, т. е. адвокаты, допускались только въ томъ случаѣ, когда было слишкомъ большое неравенство въ нравственныхъ силахъ тяжущихся, именно: когда одинъ изъ нихъ былъ увѣчный, старикъ или женщина. Слѣдов. здѣсь повторилось тоже движеніе идей, которое было въ поединкахъ: адвокатъ соотвѣтствуетъ наймиту. Слѣдя далѣе эту аналогію между поединкомъ и словеснымъ процессомъ, видимъ, что результатъ послѣдняго былъ тотъ же, что и перваго, т. е. съ окончательнымъ паденіемъ языческо-религіознаго убѣжденія обѣ стороны получили право ставить вмѣсто себя адвокаковъ. Но наше нынѣшнее право до сихъ поръ сохранило яркіе слѣды прежняго религіознаго понятія о словесномъ судѣ: адвокатура не признается въ уголовномъ процессѣ. Любопытно и поучительно, что простонародное убѣжденіе не въ одной Россіи идетъ противъ адвокатуры въ уголовномъ судопроизводствѣ. Для него представляется болѣе нравственнымъ, когда обвиняемый самъ себя защищаетъ; адвокатъ—наемное лицо; у него нѣтъ живаго, непосредственнаго сознанія правоты. Мы сказали, что судотвореніе имѣло отчасти религіозный характеръ. Если это такъ, то слѣдовательно и здѣсь должно быть участіе языческой религіи въ укрѣпленіи идущаго на словесный судъ, подобно тому, какъ это она дѣлала при ордаліяхъ и поединкахъ. Дѣйствительно во 2 т. »Архива« г. Калачова мы находимъ заговоръ идущему на судъ: »Господи отче, благослови! Встахомъ заутра и помолихся Господу Богу и дьяницѣ, сосходить и зло на врань сковіемъ 327 железнехъ ключей, оловянехъ и мѣднехъ. Заключи имъ, Господи, моемъ супротивникомъ, умъ, и языкъ, и сердце, отъ нихъ же зломыслеть не ми да суть. А мене да полетить языкъ всемъ властителомъ и судіамъ помне ее яко дедрословеснику попу евангеліе. Заклапи, Господи, моимъ супротивникомъ языкы, яко пресвитеръ св. евангеліе, и азъ рабъ божій *имр* въ красоту изидохъ и у зависть всемъ, всегда, нынѣ и присно и вѣкы вѣкомъ, аминъ«.

Такъ совершился процессъ перехода Божьяго суда въ человѣческій. Но что же двигало и видоизмѣняло этотъ процессъ? Естественная ли сила развитія, или какая-нибудь другая? Для новыхъ народовъ это была другая сила—христіанство. Оно было принято тогда, когда процессъ языче-

ского сознанія далеко еще не кончилъ своего развитія, и мало по малу разрушило въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ языческо-религіозный характеръ суда. Эта борьба христіанскихъ началъ съ языческими происходила во всѣхъ сферахъ человѣческой, общественной и частной жизни; она отразилась въ измѣненіи понятія о судѣ. Но нигдѣ, м. б., побѣда христіанства надъ языческими началами не была такъ трудна, какъ въ этой сферѣ, п. ч. характеръ суда—коренное произведеніе народнаго духа. На Западѣ усилія церкви противъ ордалій долгое время были безплодны; тоже самое было и относительно поединковъ, которые подъ вліяніемъ рыцарства приняли новый видъ дуэли, и въ этомъ видѣ перешли въ XVIII в. и къ намъ, и до сихъ поръ, не смотря на всѣ усилія законодательства, не перестали существовать.

Обращаясь къ нашему праву, видимъ, что съ самаго принятія христіанства церковь выступила противъ судовъ божьихъ. У Нестора есть классическое мѣсто о началѣ этой борьбы: »И умножишеся разбоевѣ, и рѣша епископи Володиміру: умножишися разбойницы, и почто не казниши ихъ?—Онъ же рече: боюся грѣха.—Они же рѣша ему пакы: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ и на милованіе добрыхъ: достоитъ ти казнити разбойникы, но съ испытаніемъ.—Володиміръ же отвергъ виры, абіе нача казнити разбойникы. И рѣша старцы и епископы: рать многа, а ежъ вира, то на оружьи и на конехъ буди.—И рече Володиміръ: да тако буди.—И живяше Володиміръ по устроенію дѣдню и отню«. Это мѣсто объясняли наши изслѣдователи по крайней—мѣрѣ на 10 ладовъ, и всякій разъ сознавались, что выходитъ противорѣчіе, а м. тѣмъ смыслъ его ясенъ. Баронъ Розенкампфъ и г. Калачовъ положительно доказали, что сл. *разбой* означало также и поединокъ, и кровную месть, и вообще самоуправство. Церковь, въ лицѣ епископовъ, проситъ Владиміра казнить разбойниковъ. *Казнить*—въ древ. Руси употреблялось въ смыслѣ *наказать*, слѣд. »казнить со испытомъ« на языкѣ епископовъ означало: подвергать, послѣ правильнаго суда, уголовному наказанію поединщиковъ, и вообще всѣхъ виновныхъ въ языческомъ самоуправствѣ, тогда какъ тогдашніе земскіе законы не знали вообще другаго наказанія за преступленіе кромѣ *виры*, т. е. денежной пени. Владиміръ, какъ человѣкъ, выросшій среди языческихъ понятій, отвѣчалъ: »боюсь грѣха«, т. е. его смущала мысль разрушить вѣковой обычай народа. Въ такомъ положеніи былъ не одинъ Владиміръ, а и всѣ новообращенные въ христіанство германскіе куниги; Альфонсъ II желалъ уничтожить поединки, но бол. часть народа стояла за нихъ, и король положилъ рѣшить споръ, быть или не быть поединкамъ—поединками! Съ одной стороны вышелъ защитникъ народнаго обычая, съ другой—правильнаго суда, они сразились; первый побѣдилъ, и поединки были сохранены. Но Владиміръ уступилъ: уничтожилъ виры. Отчего же, вслѣдъ за этимъ уничтоженіемъ, не только старцы, какъ блюстители народнаго обычая, но и сами епископы просятъ князя возстановить старый порядокъ? Дѣло оч. понятно: виры были главнымъ доходомъ князя; вспомнимъ—при этомъ, что князь во 1-хъ, до окончательнаго утвержденія христіанства, содержалъ духовенство десятинами изъ своихъ доходовъ, во 2-хъ, князь давалъ оружіе и коней не только дружинѣ, но и земскому (»княже! выдай намъ оружіе и коней«, говорили Кіевляне Изяславу); по этому внезапное уничтоженіе виры имѣло не выгодныя послѣдствія для духовенства и особенно для государства, п. ч. Владиміръ велъ безпрестанныя войны. Поэтому вполнѣ понятны слова епископовъ и

старцевъ: «князь! тебѣ надобно постоянно держать войско въ полѣ, возстанови виры, тогда будешь имѣть средство на оружіе и коней». Владиміръ согласился и сталъ снова жить по уставу отцовъ и дѣдовъ.

И такъ, у насъ была финансовая причина побѣды на 1-й разъ языческаго процесса. Онъ является вполнѣ-торжествующимъ въ Рус. Правдѣ, въ значительной части въ Пск. Судн. Грамотѣ и въ обоихъ Судебникахъ. Но рядомъ съ гражданскимъ обществомъ существовало другое, церковное, въ которомъ господствовали другія начала права. Надобно, впрочемъ, удивляться силѣ языческаго суда; не смотря на проклятіе церкви, поединки существуютъ до конца XV в. Мало того: они признаны законодателемъ такимъ, каковъ былъ царь Ив. Вас. Грозный. Соборы едва успѣваютъ оградить духовенство отъ поединковъ. Мы упоминали, что поединки, какъ актъ языческо-религіознаго сознанія, были связаны съ заклятіями, которыя вначалѣ, конечно, производились жрецами и послѣ введенія христіанства—чародѣями и волхвами, т. е. тѣми лицами, которыя наслѣдовали мистическую часть древней религіи. Противъ этихъ лицъ, которыя поддерживали въ народѣ языческія вѣрованія, и вооружился Стоглавный Соборъ и проклялъ книги, въ которыхъ заключалась ихъ мудрость, какъ бы оставляя въ покоѣ самые поединки. Но ясно, что когда усиліями церкви были истреблены эти лица и книги, то поединки, будучи лишены своей мистической опоры, не могли болѣе существовать.

Безъ сомнѣнія, весьма поучительно прослѣдить подробно побѣду христіанскаго суда надъ язычествомъ; но, по скудости извѣстій, это невозможно. И не мудрено: это была внутренняя, глухая борьба, борьба въ сознаніи, не высказывавшаяся ни въ чемъ осязательно, а поэтому она и прошла какъ-бы незамѣтно. А м.-тѣмъ, здѣсь совершался величайшій актъ въ процессѣ развитія духа рус. народа.

Замѣчательно, что когда формы христіанскаго процесса одолѣвали языческія, то и на нихъ оказывалось вліяніе языческаго воззрѣнія, наприм., на присягѣ. Начиная съ Пск. Суд. Грамоты и оканчивая Уложеніемъ (1649 г.), встрѣчаемъ слѣд. постановленія относительно присяги: за родителей въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны присягать дѣти, за помѣщиковъ—крестьяне, за гостей—ихъ прикащики, наконецъ, вмѣсто царя, при заключеніи трактатовъ, иногда присягали бояре. Такое явленіе съ перваго раза озадачиваетъ: христіанская присяга и обязанность другаго лица приносить ее за того, кто долженъ—это два понятія несовмѣстимыя. Допуская второе положеніе, уничтожается сила и смыслъ присяги; а, м.-тѣмъ, такое явленіе въ нашемъ правѣ объясняется очень просто: перенесеніемъ на христіанскую присягу учрежденія наймитства и замѣны, употреблявшихся при Божьихъ судахъ.

Разсматривая значеніе Божьихъ судовъ, сравнительно съ смѣнившимъ ихъ судомъ человѣческимъ, мы должны сказать, что въ нихъ, какъ и во всѣхъ явленіяхъ первобытной жизни, есть та непосредственность, то наивное вѣрованіе въ правду, котораго недостаетъ послѣдующему быту. Въ человѣческомъ судѣ идея правды является для массы закрытою сложными и медленными формами; мало того, казуистика лишаетъ ее той святости (опять въ глазахъ массы), безъ которой невозможно ея нравственное существованіе. Нужно долгое развитіе для народа, чтобъ идея правды, со всѣми этими сложными и отвлеченными формами, получила въ его глазахъ нравственное значеніе, какъ, напр., въ настоящее время во Франціи. Тяжко бываетъ для народа то переходное состояніе, которое лежитъ между паденіемъ Божьихъ судовъ

и нравственнымъ сознаніемъ святости человѣческаго суда. Отсюда такое страшное состояніе правосудія у насъ въ XVI и XVII в..... Чернымъ покрываломъ подернулась правда въ сознаніи нашего народа. Это покрывало снимется тогда, когда, вслѣдствіе нравственнаго развитія, чувство долга укоренится въ сердцахъ и всѣ будутъ преклоняться передъ закономъ.

(*Изъ статьи А. В. Лохвицкаго, Отеч. Зап. 1857 г. кн. VI, 1, 509—520*).

199. О юридическомъ значеніи духовенства.

Введеніе у насъ христіанской вѣры, заимствованной изъ Византіи, соединяется съ призваніемъ оттуда-же духовенства, которое должно было насадить и утвердить эту вѣру въ обширныхъ уже предѣлахъ тогдашней Россіи. Такимъ образомъ пастыри греческой церкви, вмѣстѣ съ своими учениками изъ Болгаръ, съ самаго начала являются къ намъ въ довольно значительномъ количествѣ и образуютъ особое сословіе, увеличивающееся постепенно съ присоединеніемъ къ нимъ мало по малу новыхъ органовъ церкви изъ числа туземныхъ жителей, ими воспитанныхъ и наученныхъ правиламъ вѣры. Это сословіе рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ сословій древней Руси и стоитъ высоко надъ ними. Возросшее въ догматахъ византійской церкви, утвержденныхъ неподвижно канонами св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. Отцевъ, высоко образованное и основательно изучившее свѣтское, подробно развитое, право своего первобытнаго отечества въ той степени, какъ это было ему нужно для отношеній его къ гражданской власти, оно, естественно, должно было принести съ собою къ нашимъ предкамъ глубокое сознаніе о своихъ достоинствахъ и твердую волю неизмѣнно содержать и въ нашемъ отечествѣ свои уставы, а потому и развивать ихъ въ томъ же духѣ и сообразно византійскому праву, которымъ оно было напитано. Но при этомъ воззрѣніи, что встрѣтило оно въ томъ народѣ, въ той странѣ, гдѣ ему суждено было отнынѣ жить и дѣйствовать? Не болѣе, какъ самые сомнительныя начатки гражданственности: въ сферѣ государственной—верховную власть, связанную съ подданными едва замѣтными, почти временными, узами подчиненія, за исключеніемъ дружинъ и городовъ, болѣе близкихъ къ князьямъ; въ сферѣ частной—бытъ родовой, въ которомъ еще не знаютъ ни отдѣльной недвижимой собственности, ни завѣщанія, ни наслѣдства въ настоящемъ его значеніи; въ сферѣ уголовной—кровную месть, еще господствующую во всей силѣ и отвергающую всякое понятіе о возмездіи со стороны верховной власти. Очевидно, что на такое положеніе вещей пришлое образованное духовенство должно было смотрѣть съ внутреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ и такимъ образомъ даже считать обязанностію своей совѣсти внушать вел. князьямъ, которые старались объ утвержденіи христіанской вѣры въ своихъ областяхъ, о внесеніи новыхъ началъ въ бытъ государственный, гражданскій и уголовный; самымъ же лучшимъ для того средствомъ оно должно было, коконечно, признать то, чтобъ познакомить ихъ съ постановленіями и городскимъ бытомъ своего прежняго отечества—Византійской имперіи.... Извѣстно, какое глубокое, живое и теплое сочувствіе возбуждаетъ христіанская вѣра въ душахъ новообращенныхъ язычниковъ, съ какимъ пламеннымъ рвеніемъ они готовы посвятить себя и свое имущество на служеніе одному Богу, съ какою охотою всѣ свои

предпріятія и дѣйствія подчиняютъ высокому духу смиренія и благости, оживотворяющему истинную религію. Св. Владиміръ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался христіаниномъ, пересталъ казнить разбойниковъ, »ибо, говоритъ онъ, боюсь грѣха«. Но еще другое событіе, въ высшей степени важное для нашего отечества, является въ тоже самое время въ подкрѣпленіе духовенства. Это развитіе дома Ярослава Великаго сначала въ семейство, а потомъ въ родъ, причемъ всѣ члены рода удерживаютъ большія или меньшія права на достояніе своего общаго предка. Каждый отдѣльный князь, какъ скоро онъ истинно проникнутъ всеобъемлющимъ духомъ христіанской вѣры, стремится отдѣльно къ осуществленію великой цѣли—вполнѣ утвердить ее въ своей области, а вслѣдствіе этого весьма естественно приходитъ въ ближайшее соотношеніе съ ея органами—духовенствомъ и вліяніемъ его болѣе или менѣе сознательно пользуется для улучшенія юридическаго быта своихъ подданныхъ, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ примѣненіи ихъ отношеній къ своей власти. Таковы именно были Святославъ Ярославичъ, сынъ его Глѣбъ и племянникъ Ярополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ, сынъ его Ярополкъ, Андрей Боголюбскій и множество другихъ. И вотъ, при такомъ общемъ стремленіи всѣхъ князей древней Руси, согласныхъ между собою или враждующихъ, быстро на всемъ ея пространствѣ осуществляются одни и тѣже явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степень одного изъ важнѣйшихъ органовъ юридической дѣятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой дѣятельности передаютъ не только современному законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе нашего отечества до настоящаго времени.

Глубокое сочувствіе нашихъ первыхъ князей къ проповѣдникамъ христіанской вѣры и общее религіозное направленіе, кромѣ внѣшнихъ знаковъ отличнаго уваженія, доставляли часто духовенству не только возможность, но и право быть посредникомъ въ ихъ ссорахъ и распряхъ, участвовать въ ихъ думахъ и совѣщаніяхъ, лично и письменно съ ними бесѣдовать о устроеніи государства и его управленіи, словомъ,—обо всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, и въ этой бесѣдѣ не только выхвалять князя за его добродѣтели, но также порицать за пороки и даже силою духовной власти связывать душу виновныхъ, отлучая ихъ отъ церкви. Но важнѣйшимъ правомъ въ сферѣ внѣшнихъ юридическихъ отношеній было, безъ сомнѣнія, право, которое получило духовенство владѣть не только богатою движимостію, не только десятинами отъ княжескихъ доходовъ, но и не движимою собственностью, населенными и ненаселенными землями, со всѣми угодьями, притомъ владѣть ими въ значеніи отчинниковъ, съ предоставленіемъ сверхъ того множества привилегій, какія изъ прочихъ подданныхъ давались весьма немногимъ, а для духовенства мало по малу сдѣлались почти общимъ правиломъ. Нельзя вполнѣ изчислить, какимъ именно количествомъ недвижимыхъ имѣній владѣло издревле русское духовенство; но довольно извѣстно, что такихъ имѣній было несравненно болѣе, нежели земель, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, ибо не только князья, но и подданные ихъ, увлекаясь религіознымъ настроеніемъ духа, въ особенности при концѣ жизни, обыкновенно давали въ монастыри и церкви богатѣйшіе вклады населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній для вѣчнаго поминанія души своей и своихъ родителей. Въ этихъ отчинахъ духовенство имѣло всѣ права привилегированныхъ владѣльцевъ: оно ими завѣдывало и управляло, собирало съ нихъ

оброки и поземельные доходы, а въ случаѣ возникшихъ между жителями ссоръ и преступленій, имѣло право суда, которое, на основаніи большей части жалованныхъ грамотъ, давалось ему вполнѣ, за исключеніемъ душегубства, татьбы и разбоя, предоставлявшихся только весьма немногимъ изъ привилегированныхъ лицъ и чрезвычайно рѣдко. До насъ дошло значительное число наказовъ, данныхъ монастырями и духовными властями прикащикамъ, которые управляли ихъ отчинами; дошло нѣсколько уставныхъ и правныхъ грамотъ, объясняющихъ намъ порядокъ и правила, на основаніи коихъ духовенство производило въ этомъ случаѣ свой судъ и расправу; дошли, наконецъ, многіе акты съ опредѣленіемъ судебныхъ пошлинъ, какія взимали церковные десятинники съ истца и отвѣтчика. Изъ этихъ документовъ видно, что духовенство дѣйствовало здѣсь точно такъ же, какъ и свѣтская власть, подчиняясь вполнѣ издаваемымъ его постановленіямъ. У него, какъ и у верховной власти, есть свои бояре и боярскіе дѣти, свои водостели и тіуны. Духовенству необходимо знать всѣ уставы, относящіеся до поземельныхъ повинностей и до разныхъ сборовъ, ибо, въ противномъ случаѣ, оно легко можетъ подвергнуться притѣсненіямъ, съ одной стороны отъ воеводъ и намѣстниковъ, а съ другой—отъ мытниковъ и таможенниковъ княжескихъ. Далѣе оно должно знать подробно гражданскіе судебные законы, ибо, въ противномъ случаѣ, въ тяжбахъ, возникающихъ между подчиненными духовенству и сторонними лицами, гдѣ судъ смѣсный производится органами тѣхъ и другихъ, оно не будетъ умѣть охранить интересовъ своей партіи. Наконецъ, оно должно знать и уголовные законы, ибо иначе ему не будутъ извѣстны предѣлы, до которыхъ въ данныхъ случаяхъ можетъ простираться его юрисдикція, такъ какъ оно не имѣетъ права судить дѣла, касающіяся до душегубства, татьбы и разбоя. Но съ другой стороны не менѣе было важно для духовенства помнить свѣтскія узаконенія, когда верховная власть стала ограничивать его отчинныя права, издавая съ этою цѣлью отдѣльныя постановленія, или общія грамоты, которыя тѣмъ самымъ исключали предоставленныя духовенству льготы... Такимъ образомъ духовенство, рядомъ съ постановленіями канонническаго права, иногда вноситъ въ свои сборники также свѣтскіе законы. Конечно, нельзя не согласиться, что часто такія статьи имѣютъ въ себѣ характеръ и значеніе памятниковъ по преимуществу литературныхъ; но на основаніи сказаннаго выше, безъ сомнѣнія, никто не будетъ отрицать, что на свѣтскія узаконенія, имѣвшія практическое значеніе въ нашемъ древнемъ правѣ, должно съ этой самой точки смотрѣть и въ томъ случаѣ, если они включены въ какой—нибудь сборникъ, назначенный для канонической практики... И такъ, заключаю: изученіе сборниковъ каноническихъ не только полезно, но и необходимо для того, чтобъ вполнѣ узнать и исчерпать источники нашего древняго свѣтскаго законодательства.

Кромѣ этой, столь обширной сферы юридической дѣятельности, духовенство имѣло, по собственному своему значенію, еще другую съ одной стороны, по числу подчиненныхъ ей лицъ, еще болѣе обширную, но за то болѣе тѣсную и опредѣленную, по предметамъ юрисдикціи. Я говорю о судахъ духовныхъ. Главныя начала для утвержденія своего права въ этой сферѣ оно принесло уже съ собою изъ Византіи вмѣстѣ съ Номоканономъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ исчислены какъ предметы духовнаго вѣдомства, такъ и права и обязанности въ отношеніи къ нимъ духовенства. Но въ Россіи тѣ и другія получили необходимое приращеніе вслѣдствіе мѣстнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, при грубомъ чувственномъ бытѣ язычника, кото-

рый духовенство застало у нашихъ предковъ, невозможно было во многихъ случаяхъ примѣнить къ нимъ постановленія византійской церкви и императоровъ, если эти постановленія не должны были оставаться совершено безплодными. Въ то же самое время,—такъ какъ отношенія государственныя и гражданскія почти вовсе не были еще сознаваемы при такомъ бытѣ—духовенство не могло бы исполнять и тѣхъ обязанностей, которыя на немъ лежали на основаніи Номоканона, еслибъ не позаботилось о расширеніи круга своей дѣятельности для включенія въ него нѣкоторыхъ правъ, какихъ не имѣло въ первобытномъ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, утвержденіе со стороны верховной власти церковной десятины, введеніе денежныхъ пеней въ пользу духовенства за преступленія духовныя, участіе въ раздѣлѣ имущества послѣ умершаго между его родственниками,—все было такія права, которыя духовенство получило въ Россіи вслѣдствіе мѣстнаго развитія своихъ основныхъ правъ и преимуществъ. Однако, только рядомъ долговременныхъ усилій удалось ему достигнуть своей трудной задачи—поставить народъ, подчиненный ему въ духовномъ отношеніи, въ уровень источникамъ, на основаніи которыхъ оно должно было дѣйствовать. Выше я уже замѣтилъ, что, для лучшаго достиженія своей цѣли, духовенству было всего выгоднѣе ознакомить вел. князей съ самымъ законодательствомъ Византійской имперіи и убѣждать ихъ объ утвержденіи тѣхъ или другихъ необходимыхъ постановленій въ Россіи. Такъ и дѣйствовало оно въ нѣкоторыхъ, именно извѣстныхъ намъ, случаяхъ. Но возможно ли было такъ круто измѣнить родовой, неустроенный бытъ на государственный, уничтожить вѣковыя понятія, которыя развились сами собою, путемъ естественнымъ, и слѣд могли также вполнѣ искорениться не иначе, какъ путемъ народнаго сознанія и убѣжденія. Мы знаемъ дѣйствительно, что нѣкоторыя попытки были предприняты съ цѣлію ввести вдругъ новый порядокъ вещей и что они не удались, но крайней мѣрѣ привились не скоро, и, напротивъ, еще долго жили на ряду со старымъ бытомъ. Такъ, обр., въ нашемъ древнемъ законодательствѣ, съ одной стороны,—вслѣдствіе установленія въ теоріи узаконеній византійскихъ, а съ другой,—вслѣдствіе удержанія на практикѣ прежнихъ народныхъ обычаевъ, является замѣчательная двойственность, которая невольно проглядываетъ во всѣхъ источникахъ до самаго »Уложенія« царя Алексѣя Михайловича. Этой двойственности не чужды даже и тѣ узаконенія, которыя издавались при содѣйствіи духовенства, ибо, повторяю, оно было не въ силахъ сломить вдругъ всѣ обычаи, глубоко укоренные вѣками, а, напротивъ, только постепенно достигало своей цѣли. Такъ, напримѣръ, кровная месть, многоженство, брачные союзы въ близкихъ степеняхъ родства, судебные поединки (*поле*), мѣстничество,—все это было строго запрещаемо, преслѣдуемо или, по крайней мѣрѣ, порицаемо духовенствомъ, но удерживалось упорно вмѣстѣ съ тѣмъ духомъ язычества, который еще доселѣ носится надъ нами, заставляя простолюдиновъ вѣрить въ различныхъ духовъ и волшебниковъ, или въ завѣтные дни совершать обряды, освященные незапамятною древностью. Поэтому въ высшей степени трудно рѣшить, какое значеніе на практикѣ и съ какого именно времени получилъ и у насъ тотъ или другой источникъ византійскаго права; но что, наконецъ, всѣ тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются въ нашей древней письменности, въ большей или меньшей степени, имѣли такое значеніе, видно изъ того, что мѣстами или измѣнены противъ подлинниковъ, часто дополнены цѣлыми статьями, очевидно, русскими, что на основаніи ихъ дѣйствительно рѣшены нѣкоторые практи-

ческіе случаи и что, наконецъ, они перешли въ полномъ своемъ составѣ, или въ отрывкахъ, сначала въ рукописныя, а потомъ и въ печатныя, собранія, составленныя офиціально, подъ вліяніемъ правительства. Таковы въ особенности Кормчія книги. Слѣд., въ послѣднемъ случаѣ источники византійскаго права могутъ быть несомнѣнно названы также источниками и въ примѣненіи къ древнему законодательству нашего отечества, а съ другой стороны памятниками юридическими относительно настоящаго времени. Но для того, чтобъ ихъ вполнѣ понять и оцѣнить, необходимо подвергнуть ихъ самому тщательному сличенію съ памятниками туземнаго права. Тогда только будемъ мы въ состояніи говорить объ нихъ подробнѣе и опредѣленнѣе.

Останавливаясь на источникахъ духовнаго судопроизводства, мы замѣчаемъ, что въ этой сферѣ духовенство дѣйствовало прежде всего на основаніи Номоканона. Здѣсь Правила апостольскія, опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и постановленія Отцевъ церкви, которыя оно признаетъ неизмѣнными для себя догмами и которымъ подчиняетъ всѣ свои дѣйствія. Но здѣсь же встрѣчаются и постановленія византійскихъ императоровъ, подъ вліяніемъ коихъ церковь получила мѣстное развитіе и утвердилась на почвѣ древней Греціи. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ каноны недостаточны, духовенство руководствуется этими узаконеніями; но также не рѣдко оно подкрѣпляетъ ими и первые. Въ древней Россіи тотъ и другой источникъ, принесенный извнѣ, восполняется еще мѣстными. Такихъ источниковъ также два главныхъ рода: соборы съ правилами Отцевъ церкви и уставы или узаконенія великихъ князей. Первые раздѣляются опять на соборы общіе и слѣд. обязательные для всей Россіи, и на соборы мѣстные. Если соборъ созываетъ митрополитъ кіевскій, владимірскій, московскій; еще болѣе, если въ немъ принимаетъ участіе самъ в. князь, то онъ, конечно, если только касается до устройства и управленія церковнаго вообще, обязателенъ для всѣхъ областей, подчиненныхъ вѣдѣнію м-та. Напротивъ, соборъ должно назвать мѣстнымъ, когда его держитъ архіепископъ, или епископъ, находящійся въ зависимости отъ м-та, при томъ держитъ его въ своей области, хотя бы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими святителями изъ ближайшихъ епархій. Очевидно, однако, что по мѣрѣ своей важности, постановленія такихъ мѣстныхъ соборовъ могутъ также получить значеніе общихъ источниковъ. Что касается до правилъ Отцевъ церкви, то они заключаются преимущественно, съ одной стороны, въ отвѣтахъ, какіе давали одни изъ пастырей на вопросы другихъ о предметахъ церковнаго устройства, или управленія, о богослуженіи и т. п., а съ другой стороны въ посланіяхъ и поученіяхъ м-товъ и другихъ духовныхъ властей къ князьямъ и прочимъ низшимъ лицамъ, духовнымъ или свѣтскимъ. Наконецъ, узаконенія в. князей заключаются въ уставахъ, имѣющихъ форму грамотъ, данныхъ на имя того или другаго лица. Во всѣхъ изъ нихъ, сколько они извѣстны, сказано, что они даны на основаніи Номоканона, въ связи съ чѣмъ находится исчисленіе предметовъ, подлежащихъ суду церковному, и тѣхъ правъ, которыя предоставляются въ этомъ отношеніи духовенству, или же вмѣсто того подтвержденіе какого либо изъ прежнихъ уставовъ. Таковы уставы о церковныхъ судахъ в. князей Владимира и Ярослава, князей Всеволода—Гавріила новгородскаго и Ростислава смоленскаго, в. кн. Василія Дмитріевича... Кромѣ этихъ источниковъ, на основаніи дошедшихъ до насъ матеріаловъ, мы знаемъ, что духовенство руководствовалось еще отдѣльными выписками, или росписями, въ коихъ изчислялись подлежащіе его вѣдомству предметы судо-

производства, равно какъ денежныя пошлины, какія слѣдовало взимать въ этомъ случаѣ, и другіе церковные доходы. На основаніи ихъ митрополиты давали иногда грамоты новопоставляемымъ епископамъ съ обозначеніемъ въ нихъ правъ, принадлежащихъ послѣднимъ въ отношеніи церковнаго суда. Сами по себѣ такія выписки не имѣли, конечно, юридической обязательной силы, но на практикѣ духовенство руководствовалось ими, т. ч. онѣ были составлены на основаніи официальныхъ документовъ и обычаевъ, имѣвшихъ значеніе законовъ.

Не изчисляя въ подробности всѣхъ предметовъ, подлежавшихъ въ древней Россіи духовному суду, равно какъ и правилъ самого судопроизводства, мы замѣтимъ, относительно первыхъ, что къ нимъ принадлежали преимущественно слѣдующія дѣла: 1) иски родителей на дѣтей, мужей на женъ и женъ на мужей, рабовъ на господъ и, наконецъ, всѣхъ вообще лицъ женскаго пола и дѣтей, когда эти иски относились, въ первомъ случаѣ, къ непослушанію, а во всѣхъ другихъ—къ насилію, беззаконной жизни и инымъ подобнымъ преступленіямъ; 2) иски отцевъ духовныхъ на духовныхъ дѣтей своихъ »въ непослушаніи и во всякомъ безчиніи», какъ сказано въ источникахъ; также иски священнослужителей на своихъ прихожанъ, хотя бы они не были духовными дѣтьми, въ томъ, что они не ходятъ въ церковь, не постятся и не имѣютъ у себя отцевъ духовныхъ; 3) иски на безчестіе особенно зазорное; 4) иски о запрещенныхъ бракахъ и незаконно прижитыхъ дѣтяхъ; 5) иски о сынотвореніи, т. е. усыновленіи пріемыша, и о братотвореніи, и объ учиненіи такихъ пріемышей наслѣдниками; 6) иски господъ на рабовъ, которые женятся, постригутся или живутъ въ бѣгахъ беззаконно; 7) дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ и раздѣламъ имущества послѣ умершихъ между ихъ родственниками; 8) чародѣйства, волхвованія, расколы и вообще дѣла, противныя православію, равно какъ иски, относящіеся до святотатства и оскорбленіе церковной святыни; 9) всякаго рода иски, если истецъ предпочтетъ требовать суда у духовной власти. Всѣ эти предметы подлежали во всей обширности вѣдомству духовенства до самыхъ временъ Петра В., какъ можно убѣдиться на основаніи одной росписи, включенной въ грамоту, данную патр. Адріаномъ, архіепископу колмогороскому и важскому, Аѳанасію, объ епархіальномъ управленіи 1694 г. и нѣкоторыхъ другихъ, еще позднѣйшихъ документовъ. Относительно же правилъ судопроизводства въ этой сферѣ, духовенство, какъ видно изъ множества указаній, руководствовалось Номоканономъ, именно: сначала Помоканономъ, привезеннымъ изъ Византіи или Болгаріи, но впослѣдствіи, несомнѣнно, Кормчими, писанными и составленными въ Россіи по образцу греческихъ и болгарскихъ. Вотъ почему составители ихъ включали сюда, кромѣ общихъ неизмѣнныхъ каноновъ церкви, какъ постановленія византійскихъ императоровъ, такъ и дѣянія русскихъ соборовъ съ отвѣтами и поученія Отцевъ церкви, а съ другой стороны узаконенія вел. князей, опредѣлявшія предметы духовнаго суда, Так. обр., Кормчая, вмѣстѣ съ сборниками, составленными духовенствомъ, содержитъ въ себѣ важнѣйшіе источники для того, чтобъ достовѣрно опредѣлить значеніе церковной юрисдикціи, или тѣхъ основаній, которыми руководствовалось духовенство, въ отношеніи своихъ правъ и судопроизводства по предметамъ духовнаго вѣдомства.

Въ ближайшей связи съ дѣятельностію духовенства въ обоихъ разсмотрѣнныхъ нами значеніяхъ, т. е., съ одной стороны, въ сферѣ церковнаго, а съ другой—свѣтскаго судопроизводства, при томъ въ отношеніи къ каждой изъ нихъ подъ вліяніемъ почти тѣхъ же самыхъ источни-

ковъ, находится также дѣятельность его въ примѣненіи къ собственному его составу, иначе кругу лицъ, образующихъ духовную іерархію, или, лучше сказать, какъ къ лицамъ духовнымъ, такъ и приписаннымъ къ церкви. Число принадлежащихъ сюда весьма обширно, ибо кромѣ духовенства въ собственномъ смыслѣ, бѣлаго и чернаго и церковно-служителей, къ церкви въ древней Россіи причислялись всѣ лица, одержимыя природными недостатками, умственными или физическими (*строи*), которыя питаются отъ церкви, какъ замѣчено въ источникахъ; всѣ жившіе въ богодѣльняхъ и больницахъ; далѣе, лица, получившія чудесное изцѣленіе отъ болѣзней (*прощеники*), странствующіе по святымъ мѣстамъ (*паломники*), и изгои или выходцы изъ духовнаго сословія. Въ этой сферѣ высшее духовенство должно было заботиться не только объ исполненіи подчиненными ему лицами обязанностей ихъ званія, но также объ ихъ житейскихъ отношеніяхъ, словомъ,—вполнѣ ими завѣдывать, чинить имъ судъ и расправу, какъ въ дѣлахъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Источниками для своей дѣятельности, въ первомъ отношеніи, оно принимаетъ опять правила апостольскія и постановленія соборовъ, именно, какъ тѣхъ, которыя признаны были въ Византіи, такъ и соборовъ отечественныхъ. Равнымъ образомъ и правила Отцевъ церкви удерживаютъ здѣсь свою силу. Источниками во второмъ отношеніи служатъ, напротивъ, источники свѣтскаго законодательства. Что касается въ особенности до органовъ судопроизводства надъ церковными лицами, то въ дѣлахъ свѣтскихъ они подчинены судьямъ, которые избираются изъ ихъ среды, а въ дѣлахъ духовныхъ—высшимъ духовнымъ властямъ, т. е., епископамъ, или самимъ митрополитамъ. Если по суду окажется, что лицо духовное подлежитъ свѣтской казни, то оно лишается своего сана и отсылается для наказанія къ властямъ свѣтскимъ. Но какъ въ древнѣйшія времена, такъ и впослѣдствіи, право суда надъ самими митрополитами и епископами верховная власть предоставляла самой себѣ: въ этомъ отношеніи въ дѣлахъ свѣтскихъ они подлежали ея исключительному вѣдомству, а въ дѣлахъ духовныхъ она судила съ помощію лицъ изъ духовнаго сословія. Случалось также, что низшимъ духовнымъ властямъ (архимандритамъ, игумнамъ и священникамъ) в. князья давали привилегіи зависѣть непосредственно отъ нихъ самихъ по дѣламъ судебнымъ духовнаго вѣдомства, а еще чаще подчиняли ихъ себѣ въ отношеніи къ гражданскимъ искамъ; но высшее духовенство всячески старалось этому противодѣйствовать, и уже въ Стоглавѣ такія привилегіи признаны недѣйствительными.

Наконецъ, послѣдняя сфера юридической дѣятельности духовенства въ древней Россіи ограничивается тѣмъ участіемъ, какое оно имѣло на дѣла государственныя и на свѣтское законодательство, вслѣдствіе весьма близкаго отношенія его къ первымъ князьямъ, вслѣдствіе общаго участія въ совѣщаніяхъ государей съ представителями сословій отъ всей земли и вслѣдствіе особеннаго голоса, какъ коротко знакомое съ государственными и уголовными законами Византійской имперіи, служившими, безспорно, во многихъ случаяхъ образцомъ для в. князей, когда они, въ одно время съ утвержденіемъ въ Россіи новыхъ, самодержавныхъ отношеній вмѣсто родовыхъ, вводили при своемъ дворѣ церемоніи и обычаи греческихъ императоровъ. Что дѣйствительно духовенство имѣло такое вліяніе на древнее свѣтское законодательство, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Довольно для этого указать на совѣщанія св. Владиміра съ епископами и старцами касательно разбоевъ и казни за нихъ съ вирою, на

многія средства наказаній, и даже на смертную казнь, которая, очевидно, заимствована изъ византійскаго права; далѣе, на нѣкоторые случаи, гдѣ уголовныя дѣла отдаваемы были самою верховною властію на обсужденіе и рѣшеніе духовенства; наконецъ на положительныя и ясныя подтвержденія въ самихъ узаконеніяхъ, что они основаны на правилахъ или постановленіяхъ царскихъ, т. е. византійскихъ императоровъ. Даже самое названіе свѣтской казни—градскою указываетъ на переводъ съ греческаго. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ нашей юридической литературѣ, что, напримѣръ, къ Судебнику царя Іоанна Васильевича приписывались законы Юстиніана. Припомнимъ кстати, что, какъ намъ уже извѣстно, нѣкоторые предметы, принадлежавшіе прежде вѣдомству духовной власти, впослѣдствіи отнесены къ суду свѣтскому, несмотря на то, какъ видно изъ нѣкоторыхъ случаевъ, эти предметы удерживаютъ долго свой прежній характеръ и часто обсуждаются на основаніи тѣхъ-же законовъ, какимъ были подчинены подъ вліяніемъ духовной юрисдикціи. Все это вмѣстѣ даетъ намъ поводъ заключить, что для яснаго уразумѣнія источниковъ, на основаніи коихъ вполнѣ, или только отчасти, составлены наши древніе юридическіе памятники, намъ слѣдуетъ, между прочимъ, короче познакомиться, съ одной стороны съ источниками нашего церковнаго законодательства, при томъ принимая его въ томъ самомъ обширномъ значеніи, какое оно имѣло въ древнемъ періодѣ нашей исторіи, съ другой—съ памятниками свѣтскаго византійскаго права, по крайней мѣрѣ съ тѣми, которые внесены въ наши сборники и Кормчія.

Соединивъ въ одно мѣсто относящіеся сюда выводы, предложенные выше, мы получимъ слѣдующія данныя: 1) въ Кормчей встрѣчаются нѣкоторыя статьи, имѣвшія значеніе юридическихъ источниковъ въ нашемъ древнемъ свѣтскомъ законодательствѣ, статьи, дѣйствительно употреблявшіяся въ этомъ значеніи на практикѣ; 2) въ судахъ церковныхъ, т. е. относительно предметовъ, принадлежавшихъ исключительно къ духовному вѣдомству, и самого судопроизводства въ этой сферѣ, Кормчая была несомнѣнно сборникомъ вполнѣ практическимъ, какъ для духовенства, производившаго судъ, такъ и для всѣхъ лицъ свѣтскихъ, какъ членовъ одной и той-же церкви; слѣдоват., для насъ, какъ памятникъ права, она содержитъ въ себѣ важнѣйшіе источники для того, чтобъ основательно опредѣлить значеніе церковной юрисдикціи въ нашемъ древнемъ правѣ; 3) извѣстные намъ источники свѣтскаго законодательства до Петра В., равно какъ судебныя рѣшенія, во многихъ случаяхъ составлены подъ непосредственнымъ или посредственнымъ вліяніемъ источниковъ, съ одной стороны, церковнаго законодательства, а съ другой—византійскаго права вообще, притомъ именно тѣхъ самыхъ источниковъ, которые большею частію включены въ Кормчую; слѣдоват., какъ памятникъ юридическій, она въ этомъ отношеніи удерживаетъ свою силу....

(О знач. Кормчей въ системѣ древн. рус. права. Н. В. Калачова. М. 1850 г. 2—16. Также въ Чтен. общ. ист. 1847).

200. О магдебургскомъ правѣ.

...У береговъ Балтійскаго моря, съ незапамятныхъ временъ, процвѣтали своею торговлею многіе славянскіе города, соединенные между собою торговыми узами и носившіе названіе *Ганзейскаго союза* (отъ hanza, вм. Wanza, узелъ, союзъ, связь, польск. Węzel). По мѣрѣ того, какъ одинъ изъ нихъ падалъ, погребенный въ собственныхъ развалинахъ, Нѣм-

цы вновь отстроивали его и съ этихъ поръ считали его своимъ городомъ. Такая участь постигла *Любеку* (Любекъ), которая, возродившись изъ пепла и получивши привилегію (1158) отъ государя этой страны, саксонскаго князя, Генриха Льва, вскорѣ пріобрѣла такую извѣстность своими учрежденіями, (дошедшими до насъ въ трехъ различныхъ изводахъ), что Пруссаки охотно усвоивали ихъ себѣ, и просили ее снабдить своей свободой и правомъ (jus et libertas) нѣмецкіе и славянскіе города, лежащіе у Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Въ 1190 г. Адольфъ, князь Голштиніи, ввелъ Любское право въ Гамбургѣ. Въ 1224 г. Вислав I далъ позволеніе имъ пользоваться Любечанамъ, жившимъ на островѣ Рюгенѣ; въ 1242 году одинъ изъ мелкихъ славянскихъ князьковъ ввелъ его въ своемъ городѣ Деминѣ (на Поморьѣ), а преемникъ его, Вратиславъ въ Грефсвальдѣ, 1250; въ 1255 Яромиръ, князь Рюгена, утвердилъ его въ городѣ Бартѣ (Barth), а, наконецъ, Янъ голштинскій дозволилъ пользоваться имъ одному изъ своихъ владѣній.

На Лабѣ лежалъ славянскій городъ *Дьвинъ*, который, онѣмечившись, сталъ называться Магдебургомъ, названіе, цѣликомъ переведенное съ славянскаго (Magd, дѣва, и Burg, городъ). Тамошній архіепископъ, которому, еще при Мечиславѣ I, принадлежала польская или познанская епископія, имѣя въ своемъ подданствѣ Славянъ и Нѣмцевъ, старался слить ихъ въ одинъ народъ посредствомъ равноправныхъ привилегій. Каждый изъ нихъ тѣмъ болѣе долженъ былъ уважать народность другаго, что и другіе полабскіе, полуславянскіе и полунѣмецкіе города, такъ, напр., Штендаль и Ютробогъ (Jüterbock), съ радостію приняли составленное для нихъ *Магдебургское право*, первый въ 1145, а послѣдній 1174 г. Наибольшимъ значеніемъ пользовались привилегіи, данныя Магдебургу 1188 г. архіепископомъ Вихманомъ, списокъ съ нихъ въ послѣдствіи 1201 года граждане Магдебурга подарили жителямъ г. Вратиславли, по усиленной просьбѣ этихъ послѣднихъ. Изъ этого—то мы убѣждаемся, что въ Магдебургѣ были въ ходу и славянскіе обычаи, ибо въ § 8 упомянутой привилегіи читаемъ: »Если случится надобность издать новое постановленіе, а судьи въ это время будутъ отсутствовать, то Бургграфъ или Войтъ (Scultetus) имѣетъ право передать полномочіе изданія закона Думѣ, составленной изъ гражданъ (cives)«. Но такъ поступать Бургграфъ или Каштелянъ могъ только по общеизвѣстному славянскому обычаю, передавшему ему право надзора надъ городами, лежащими въ его округѣ.

Изъ привилегій этихъ, умноженныхъ статьями Саксонскаго зерцала, а также мѣстными судейскими рѣшеніями, образовалось въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в. то славное Магдебургское право, судьбы котораго такъ сильно занимаютъ насъ въ настоящее время. Можно допустить, что въ Магдебургскомъ правѣ, до появленія привилегій, городское и земское право мало чѣмъ, а можетъ быть и совершенно не различалось между собою. Они находились другъ къ другу въ такомъ же отношеніи, въ какомъ и въ другихъ славянскихъ городахъ, прежде нежели они раздѣлились у западныхъ Славянъ на земское и городское. Но вскорѣ Магдебургское право начало принимать все болѣе и болѣе исключительный характеръ: счастливый случай привелъ его къ соединенію съ Саксонскимъ зерцаломъ, которое снова, такъ сказать, поземщило его. Это продолжалось до XV в., когда, вслѣдствіе различнаго обряда жизни горожанъ и земскихъ людей, снова порвалась связь между полемъ и городомъ. Впрочемъ, это обособленіе должно было непремѣнно послѣдовать, п. ч. никто не зналъ, какъ предупредить его. Если бы тогда же бы-

ла произведена регулировка городовъ, т. е. если бы были даны особыя постановленія о заработной платѣ, а во всемъ остальномъ уравнены съ селами, какъ это мы видимъ въ настоящее время во Франціи, то, нѣтъ сомнѣнія, что мѣра вполнѣ удовлетворила бы потребностямъ тогдашняго общества.

Магдебургское право распространилось у насъ въ двухъ изводахъ. Иной видъ имѣло оно до соединенія своего съ саксонскимъ правомъ, а иной видъ послѣ него..... Назовемъ тѣ польскіе города, которые, получивъ его уже во второмъ изводѣ, передали его въ такомъ видѣ и городамъ русскимъ, лежащимъ по сю сторону Днѣпра. Еще до 1244 г. Болеславъ Стыдливый пожаловалъ Магдебургское право Кракову и Сандомиру. Немного спустя, 1257 г., онъ даровалъ Кракову еще лучшее право, объявляя, что хотя онъ вводитъ сюда то самое право, которымъ уже пользовалась Вратиславль (съ 1241, или 1242), но съ большими привилегіями. Нѣмцы, проживавшіе на Руси во Львовѣ, Владимирѣ (на Волыни) и Луцкѣ въ 1287 г. имѣли своего войта. Возвращая отъ Польши русскія земли, Москва нашла здѣсь Магдебургское право и подтвердила его въ Кіевѣ, Каневѣ, Переяславлѣ и Стародубѣ, а также въ округахъ нѣжинскомъ, черниговскомъ, козелецкомъ и остерскомъ..... Теперь остановлюсь я на томъ, что у насъ собственно разумѣли подъ именемъ Магдебургскаго права, каково было его значеніе, направленіе и цѣль.

Такъ какъ все дѣло состояло въ томъ, чтобы городу, имѣющему получить иностранное право, пожаловать привилегію, то въ 1231 г. крестоносцы и дали ее Хельму, стольному городу Хельминской области, крѣпко наказавъ называть ее не Магдебургскимъ, но Хельминскимъ правомъ; въ этомъ случаѣ они руководствовались той политикой, чтобы принадлежащій имъ городъ не думалъ, что можно быть подданнымъ своего отечества, а между тѣмъ пользоваться иностраннымъ правомъ. Эта мѣра крестоносцевъ, имѣя важныя послѣдствія, могла бы произвесть еще важнѣйшія, если бы они умѣли взяться за дѣло. Въ послѣдствіи, сохраняя старое названіе и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ примиря прошедшее съ настоящимъ, это право стали называть не Хельминскимъ, но уже »Магдебургскимъ, обязательнымъ для Хельминской области», выражая тѣмъ неувѣренность, что такое было въ самомъ дѣлѣ это право—Магдебургское ли, или какое нибудь другое, составленное по образцу его. Короче: всякое исключительное право называлось у насъ вообще нѣмецкимъ или получало свое прозвище отъ города, гдѣ оно наиболѣе дѣйствовало. Случалось даже и то, что помѣщикъ, заключая условіе съ своимъ поселенцемъ, указывалъ ему на какой-нибудь заграничный городъ, или лежащій въ его странѣ, и дозволялъ ему, въ видѣ исключенія, управляться правомъ этого города; при семъ онъ объявлялъ, что если оно окажется почему бы то ни было стѣснительнымъ для поселенца, то онъ готовъ замѣнить его другимъ.

Видя, какъ свои и чужіе хлопочутъ о томъ, чтобы какъ нибудь уклониться отъ земскаго права, всякій мыслящій законодатель, сознавая, что это право имѣетъ свои недостатки, долженъ бы былъ съ одной стороны дополнить его этими статьями, а съ съ другой—успокоить всѣхъ ревнителей иностранныхъ учрежденій, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, чтобы они не пытались отложиться отъ роднаго права. Такой законодатель явился въ лицѣ Казимира В.. Разсуждая о томъ, онъ отмѣтилъ два пути: одинъ велъ къ признанію необходимости польско-нѣмецкаго, такъ сказать, Статута, другой наводилъ его на мысль о соединеніи нѣмецкаго права съ отечественнымъ. Обдумавши хо-

рошо, куда приведетъ каждый изъ нихъ, онъ тотчасъ поняль, что было бы безполезно избрать первый, п. ч. тогда Статутъ составили бы одни лишь изъятія изъ земскаго права, къ которомъ не слѣдовало бы прибавлять ничего новаго. А потому онъ обратился въ противную сторону, и устремилъ свои старанія къ тому, чтобы безъ всякихъ потрясеній нѣмецкое право приноровить къ польскому. Обративши вниманіе на судопроизводство и на уголовное право, онъ такъ преобразовалъ ихъ, что и сами нѣмцы оправдывали его реформу или, по крайней мѣрѣ, не порицали ее, особенно когда Казиміръ (въ пяти извѣстныхъ артикулахъ) согласилъ его съ духомъ старинныхъ нѣмецкихъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ, онъ не поднималъ руки на нѣмецкое право; напротивъ того приказалъ ни въ чемъ не нарушать его, въ надеждѣ, что преемники, улучивъ удобное время, поведутъ его преобразованіе далѣе, къ полному удовольствію Нѣмцевъ.

Будучи само по себѣ исключеніемъ изъ мѣстнаго законодательства, нѣмецкое право, конечно, сохраняется путемъ обычая и требовало письменнаго выраженія. Иначе польскій судья, разбирая какую-нибудь тяжбу, не зналъ бы, что это въ самомъ дѣлѣ за право, особенно когда оно на каждую минуту принимало иную форму отъ безпрерывныхъ отступленій и привилегій. При томъ же и судебное устройство его было совершенно самобытно. Право судебнаго рѣшенія какого-нибудь дѣла оно передавало Магдебургу, или искало судебной правды тамъ, гдѣ повелѣлъ основатель поселенія. Желая помочь этому неудобству, Казиміръ В., слѣдуя примѣру крестоносцевъ, которые, посредствомъ Хельмской привилегіи, добились того, что всѣ дѣла между ихъ подданными рѣшались окончательно не въ Магдебургѣ, но въ Хельмѣ, постановилъ 1356 г., чтобы высшее судебное мѣсто для Малой Польши съ этихъ поръ находилось въ Краковѣ, остальныя же области—познанская, сандомирская и львовская, чтобы имѣли тоже такой высшій судъ у себя. Но такъ какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что еще въ 1459 г. нѣкоторые обращались въ Магдебургъ за рѣшеніемъ дѣлъ, то постановленіе Казиміра В. должно имѣть слѣдующій смыслъ: онъ далъ право истцу принудить отвѣтчика разсудиться съ нимъ окончательно въ мѣстномъ судѣ, и хотя тяжущимся позволено было, по взаимному согласію, отправиться за границу за послѣднимъ рѣшеніемъ, но рѣшеніе это не имѣло обязательной силы въ ихъ странѣ, потому и всякій судья, рѣшившійся привести въ исполненіе, рисковалъ всѣмъ своимъ имуществомъ, которое въ такомъ случаѣ отбиралось въ казну. Отсюда видно, какъ осторожно дѣйствовалъ вислицкій законодатель въ дѣлѣ преобразованія польскаго права, остерегаясь, чтобы чѣмъ нибудь не оскоробить Нѣмцевъ.

Всѣ, принимавшіе участіе въ преобразованіи этого исключительнаго права, ничего не могли сказать противъ этой мѣры. При томъ же она была направлена къ ихъ пользѣ, п. ч. она избавляла ихъ отъ необходимости скитаться по иностраннымъ судамъ. Равно также нѣмецкое уголовное право легко, безъ всякихъ потрясеній, замѣнено было польскимъ, п. ч. послѣднее было несравнено мягче перваго. Зная все это, Казиміръ объявилъ, что онъ не имѣетъ намѣренія нѣмецкое право замѣнить польскимъ, напротивъ того желаетъ, чтобы оно дѣйствовало и впослѣдствіи, но только въ первобытномъ своемъ видѣ, по смыслу котораго защитникъ долженъ быть судимъ по законамъ обиженной стороны, какъ то было установлено Лонгобардами еще въ 785 г. (о чемъ, однакожь, вислицкій законодатель умалчиваетъ). Слѣдствіемъ этого измѣненія въ уголовномъ искѣ бы-

ло то, что всякій Нѣмецъ, позволившій себѣ насиліе надъ польской женщиной, получалъ наказаніе не по своимъ, но по польскимъ законамъ.

Преемники Казимира В. дѣйствовали въ его духѣ и уважали нѣмецкіе законы и не только не позволяли себѣ измѣнять въ нихъ мѣръ, упомянутыхъ выше, но строго запрещали вносить въ него статьи польскаго права: однако жъ всѣ здравомыслящіе горячо желали, чтобы нѣмецкое и польское право слились въ одно и чтобы между ними не было больше никакой разницы....

Лелевель ошибается, думая, что и такъ какъ польскіе горожане были нѣмецкаго происхожденія, и такъ какъ они отдѣльно отъ народа были награждаемы королевскими привилегіями, то народъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на чужестранцевъ и, вслѣдствіе этого, они могли слиться съ ними въ одно государственное тѣло: когда же (продолжаетъ онъ) это отношеніе воздѣйствовало на законодательство, то это послѣднее тщетно прилагало старанія сблизить дворянъ съ горожанами, тѣмъ менѣе изъ нихъ составить одинъ народъ, равно какъ и изъ двухъ уложеній одно«. Мнѣніе это не основательно; напротивъ того, шляхта имѣла много общаго съ горожанами, заимствовала у нихъ нѣкоторыя постановленія, или же по ихъ образцу передѣлывала свои. Мало того: шляхта, преимущественно мазовецкая, владѣла землею по нѣмецкому праву, и тѣмъ показывала готовность отказаться отъ своихъ дворянскихъ правъ. Однакожь въ послѣдствіи дѣйствуя болѣе и болѣе противъ воли своихъ государей, шляхта разорвала связь съ горожанами и неоднократно устраняла ихъ изъ публичныхъ совѣщаній. Другая причина вражды шляхты къ горожанамъ заключалась въ томъ, что горожане, строго сохраняя свои права, запрещали шляхтѣ производить въ городѣ какого бы то ни было рода безпорядки; всякій въ нихъ, уличенный судебнымъ порядкомъ, подвергался строгому взысканію, иногда даже смертной казни. И потому шляхта всячески старалась ограничить права горожанъ, налегая преимущественно на заработную плату, ремесла и торговлю, и на получаемые ими отсюда выгоды и т. д. Пока король сохранялъ свою силу, онъ защищалъ угнетенныхъ отъ обидъ и не позволялъ нарушать права ихъ; потому горожане крѣпко держались короля и были заклятые враги для Рѣчи Посполитой. Когда же королевская власть сама подвергалась различнаго рода стѣсненіямъ, то и города лишились своей защиты, сперва польскіе, потомъ и рускіе, а за тѣмъ потеряли свои права и имущество. Кромѣ того, много дурнаго произошло и отъ того, что города были разъединены между собою: многолюдные и богатые не помогали малымъ, а всѣ вмѣстѣ не пытались защищаться отъ нападеній шляхты. Въ этомъ положеніи сердце горожанъ перестало лежать къ Польшѣ, обратилось къ Нѣмцамъ, что продолжалось до самаго раздѣла Польши, когда они упали невозвратно, а, вмѣстѣ, съ ними погибла и шляхта.

Точь въ точь тоже самое было и въ Чехахъ; въ 1066 г. дана привилегія нѣмецкимъ жителямъ Праги; въ послѣдствіи начали надѣлять Магдебургскимъ правомъ селенія и также духовенство. (Въ настоящее время Магдебургское право издается въ свѣтъ Реслеромъ по рукописямъ XIII и XIV вѣковъ). Эти права, такъ какъ и у насъ, были замѣняемы другими; иногда же нѣкоторые города къ даннымъ имъ правамъ самовольно присоединяли новыя. Только смѣшеніемъ чешской и нѣмецкой стихій въ правѣ можно объяснить то явленіе, что чешскія горожанки находились подъ такой же опекой своихъ родныхъ, какъ и нѣмецкія (in mundio), что супруги имѣли общую собственность, и что селяне по нѣмецко-

му обычаю платили оброкъ и т. п. Хотя еще между 1282 и 1314 г. Чехи весьма неблагопріятствовали Нѣмцамъ, (судя по словамъ Далемила) презирали ихъ, какъ чужестранцевъ, вторгавшихся къ нимъ для высасыванія богатствъ страны, и вслѣдствіе того йѣкоса поглядывали и на города, хотя неизвѣстный писатель, жившій около 1437 или 1439 г., опираясь на исторію, всѣ бѣдствія, постигшія Славянъ, приписывалъ происканъ Нѣмцевъ.—Однако чешскіе короли славянскаго происхожденія не думали преобразовывать городскіе суды и не предпринимали никакихъ мѣръ не только къ исправленію, но даже къ изданію Городоваго права и Фердинандъ II, эрцъ-герцогъ австрійскій, вступившій на чешскій престолъ, запретилъ въ 1548 г. городамъ сноситься по судебнымъ дѣламъ съ Магдебургомъ.

И угорскіе города тоже управлялись нѣмецкимъ правомъ, съ тою только разницею, что имъ разъ навсегда было запрещено вершить дѣла въ Магдебургѣ.

(*В. А. Мацѣевскаго; Ист. славян. законодат. чт. Общ. 1860, 3. III, 96—132*).

Указатель статей и изслѣдованій по Исторіи Русскаго права: —Узаконенія Константиновы и взглядъ на нихъ. Рус. Дост. 1843 г. ч. 2, 138—220. О важности Юстиніанова права: Ж. М. Н. Пр. III. 279. Дѣйствіе Греч. Номоканона въ древ. Россіи. Прав. Собес. 1860 г. 1, 253, 259. О древ. церков. правѣ. Тамъ же. 1860, I, 3. 121. 1862, I, 177; II, 139. 260; III, 3. 125. 1863. II, 41; III, 78. 262. 329. О переводѣ Кормчей на славянс. языкъ. *Калайдовича*. Вѣстн. Евр. 1820, ч. 110, № 5, 22. О церков. судоустройствѣ въ др. Россіи. *Н. С.* Чт. общ. ист. 1865, 1, 1—101. О церков. судѣ въ Россіи. *Неволина*. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. Опытъ историч. изслѣдованія и описанія старин. судебн. мѣстъ Рос. Госуд. *Т. Мальшина*. Спб. 1803 г. О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи. *Ф. Депа*. Спб. 1848 г. Разборъ этой книги въ Архивѣ Калачова 2; IV, 5—38. Москвит. 1850 г. II 37. —56; III. 69—84. О круговой порукѣ на Руси. *И. Д. Бѣляева*. Рус. Бес. 1860, II, 2, 1—100. Краткое обозрѣніе исторіи судоустройства и судопроизводства въ Россіи. *С. П. Шипова*. Времен. XXII, 1—36. О поклепной вирѣ, т. е. обвинительномъ процессѣ по Рус. Правдѣ. *В. В. Мстиславскаго*. Рус. Бес. 1858. 3. Смѣсь 113—128. О судебныхъ поединкахъ. *М. Т. Каченовскаго*. Зап. и Труды общ. ист. 1815, ч. I, 29—43. О разныхъ родахъ присягъ у Славяно-руссовъ. *М. Евгенія*. Тамъ же 1826. ч. III, кн. 1, 77—88. Вѣстн. Евр. 1813, ч. 70, № 13, 28. Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги рус. *М. Н. Макарова*. Зап. и Труды общ. ист. 1828, ч. 4, кн. 1, 184—218. О формѣ присяги въ Россіи, *Б. Ѳедорова*. От. Зап. Свиньина. Ч. XVII, № 43. 387. Судъ-Жребій. Вѣстн. Евр. 1826, ч. 146, № 6. 81. Историч. взглядъ на правежи въ Россіи. *Ил. В. Васильева*. Зап. и Труды общ ист. 1826. III, 101—109. Третейскій судъ по Рус. праву. *А. Вицына*. Спб. 1856. Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ рус. правѣ. *В. А. Богдановскаго*. 1857. Критич. разборъ въ Отеч. Зап. 1858, CXVII, II. 1—20. Объ отношеніи супруговъ по имуществу по древ. Польскому праву. *В. Спасовича*. Спб. 1857. О мѣрилѣ Праведномъ. Архивъ Колачова I, 3, 28—40. Исторія образованія и развитія системы рус. гражд. судопроизводства до Уложенія. Спб. 1848 г. О вліяніи обществ. состоянія частныхъ лицъ на право поземельной ихъ собственности. *Гладкова*. Разборъ въ Рус. Бес. 1856. II. 3. 91. О преступномъ дѣйствіи по Рус. допетровскому праву. *А. Чебышева-Дмитріева*. Уч. Зап. Казанс. Универс. 1862, № 1, 1—242. Изслѣд. объ уголовн. правѣ Рус. Правды. *Н. И. Ланге*. Архивъ Колачова 1859, № 1, 3, 5 и 6. О жупныхъ судахъ. *Иречка*. Перев. съ Чешскаго. Тамъ же 1859, № 6, 22—62. Историч. очеркъ законовъ Польши и Литвы до 1520 г. *Ѳ. Чацкаго*. Вѣстн. Евр. 1824, ч. 135, № 10, 120; № 11 199; № 12, 272, ч. 136; № 13, 21; № 12, 187; № 16, 261, ч. 137; № 18, 110. О разныхъ родахъ грамотъ. *Саларева*. Тамъ же. 1819. ч. 103, № 4, 272, ч. 104, № 5, 25, 80. Историч. изображеніе древ. судопроизводства въ Рос. *Куницына*. Спб. 1843. Законы о рабахъ до Судебника. *Грибовскаго*. Изъ его книги: »О сост. крестьянъ въ Россіи«. Хар. Вѣст. Евр. 1816. ч. 88, № 16, 275. О правахъ иностранцевъ въ Рос. до Іоанна III. *Ив. Андреевскаго*. Спб. 1854. Дипломат. обычаи древ. Россіи. *А. Сахарова*. Сынъ От. 52, 9—12. Взглядъ на Ист. права и перечень юрид. трудовъ по ист. рус. законодательства. *С. З—на*. Юрид. Журн. 1860. № 1, 1—10. См. еще: Ж. М. Нар. Пр. ч. 73. VI, 137. ч. 74, VI, 229. ч. 80, II, 1. 37. О поэзіи въ правѣ. *Гримма*. От. Зап. 1834, т. XXIII. Древнее право Чеховъ. *Иванишева*. Ж. М. Н. Пр. 1841, т. XXX. О поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ. *Калайдовича*. Рус. Истор. Сборн. 1, кн. 4. О символизмѣ права. *Калмыкова*. Спб. 1848. Предварит. юридич. свѣдѣнія для полнаго объясн. Рус. Правды. *Н. В. Колачева*. М. 1847. О началахъ наслѣдованія по древн. Рус. Праву. *В.*

Никольскаго. М. 1859. Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московс. царствѣ. *А. Попова*. Ж. М. Н. Пр. ч. 60, II, 77—136. О платѣ за убійство. *Иванишева*. Кіевъ, 1840. О вмѣненіи по началамъ теоріи и исторіи древ. рус. уголов. права. *Власьева*. М. 1860. Исторіи судебныхъ инстанцій. *Дмитріева*. М. 1859. Jus Polonicum. *Бандке*. Варшава. 1831. Slovanské právo v Čechach a na Moravé. *Пречка*. 1863 — 64. Опытъ истор. государств. и гражданс. законовъ. *Рейца* въ переводѣ Марошкина. М. 1836. Указатель Рос. Законовъ. *Максимовича*. М. 1803. Рус. народъ и госуд. *Лешкова*. М. 1858. Древнѣйшее Рус. право. *Эверса* въ перев. Платонова. 1835. Очеркъ историч. развитія преступленій противъ жизни и здоровья. *Колосовскаго*. М. 1857. О законахъ Стефана Душана. *Чт. общ. ист. годъ 1-й, № 2, 20*. Первоначальный Славяно-русскій Номоканонъ. *А. Павлова*. Казань, 1868. Союзъ родственной защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ. *С. Шпилевскаго*. Каз., 1866. О судебныхъ доказательствахъ по древне-рус. праву. *С. Пахмана*. М. 1851. Семейныя власти у Славянъ и Германцевъ. *Шпилевскаго*. Каз., 1869. О свидѣтельскихъ показаніяхъ. *Демченко*. Кіевъ, 1859. Объ историч. значеніи римскаго права въ области наукъ юридическихъ. *Н. Крылова*. М. 1838. Опытъ возстановленія текста и объясненія Рус. Правды. *Фогеля*. Уч. Зап. Каз. Универс. 1848, кн. 2, 126. Изысканія о Рус. Правдѣ. *Каченовскаго*. Вѣст. Евр. 1829, CLXVI, № 13—15. Сынъ Отеч. 1830, CXXXVII, 224—244. Рус. Правда въ отношеніи къ уголовн. праву. *А. Попова*. М. 1841. Участіе общины въ судѣ по Рус. Правдѣ. *Грицько*. Архивъ Колачова. 1860—61, кн. 5, 97. О судьбѣ науки церков. права. *Н. Соколова*. Московс. Универс. Изв. 1868 г. № 2. О спорѣ Новгородцевъ съ московс. митроп. изъ за мѣсячнаго суда. *Н. З-ва*. Правосл. Обозр. 1863, № 3, 228. Древнее Хорвато-Далматское законодательство. Зап. Новорос. Универс. годъ II, т. 1, в. 3 и 4. Политическое устройство и права прибреж. острововъ и городовъ Далмаціи. *Рейца*. Сбор. историч свѣд. Валуева, 1845. Lex Stephani Dusani изд. Миклошича. Литовскіе Статуты. Временн. № 18, 19 и 23. Объ опекѣ и наслѣдствѣ во время Рус. Правды. *А. Попова*. Сборн. Валуева и Юрид. Зап. Рѣдкина, т. 1. Prawo prywatne Polskie. *Бандке-Стенжинскаго*, 1851. Отношенія супруговъ по имуществу въ Россіи и Польшѣ. Чт. общ. ист. 1868, кн. II, 81—84. Polska wieków srednich. *Лелевеля*. 1851. O Litewskich i Polskich prawach. Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву. *А. Павлова*. Учен. Зап. Казанс. Универс. 1865, I. О наслѣдствѣ безъ завѣщанія. *Бѣляева*. Церковное право въ Россіи при Монголахъ. Духов. Вѣстн. 1863, № 2. Рус. Правда и Литовскій Статутъ. Кіевс. Универс. Изв. 1865. Рус. юридич. пословицы. *Снегирева*. Москвит., 1849, I, № 7 и 8. Купчія грамоты. *Киндякова*. Юрид. Сборн. Мейера. Каз. 1855. Начерт. рос. гражд. права въ историч. его разв. *А. Кранхфельда*. Спб. 1843. Опытъ историч. розыск. о слѣдствен. уголовн. судопр. въ Рос. *В. Линовскаго*. Одес. 1849. Источники права и судъ въ древ. Рос. *Дювернуа*. М. 1869. Объ идеѣ личности въ правахъ богемс. и скандинавс. *И. Иванишева*. Ж. М. Н. Пр. 1842, № 10. Právo dédické. *Грюнвальда*. Прага, 1853. O staročeském dédickém právu. *Воцеля*. Прага, 1861. Codex juris bohemici. Прага, 1867. Институты импер. Юстиніана. Перев. *Проскурякова*. Спб. 1859. Исторія Римс. права. *Пухты*. Перев. Лицкой. М. 1863—4. Объ устройствѣ судебно-уголовн. власти въ Греціи и Римѣ. *Калашникова*. Спб. 1830 г. О пространствѣ церков. суда въ Рос. *Неволина*. Спб. 1847. Уставы и управленіе Новгорода въ средніе вѣка. *Порошина*. Ж. М. Н. Пр. 1840, ч. XXVII. Обозрѣніе юридич. быта. *И. Снегирева*. Юрид. Зап., изд. Рѣдкинымъ, т. 2, М. 1842, с. 263. Понятіе о церковномъ правѣ и его исторія. *Гаврилла*. Казань, 1844. Объ основаніяхъ Рус. церков. права. Христ. Чт. 1846, ч. IV, ноябрь и декабрь. Обозрѣніе греко-римскихъ законовъ въ отношеніи къ церкви. Ж. М. Н. Пр. 1850, № 1 и 3. О соборахъ бывшихъ въ Россіи до Іоанна IV. *Турчанинова*. Спб. 1829. Опытъ курса церков. законовѣдѣнія. *Архим. Іоанна*. 1851 и 1852. (Продолженіе въ Прав. Собесѣдн. Казанс Духовн. Акад.). Значеніе восточнаго церков. законоположенія въ исторіи Рус. Ц. Христ. Чт. 1852, годъ 1. О вліяніи греко-римскаго права на Рос. зак. *Н. Рождественскаго*. Спб. 1843. Исторія рос. гражданскихъ законовъ. Неволина. Спб 1851. О семейныхъ правахъ Римлянъ, Германцевъ и Славянъ. *Лешкова*. 1838. Объ опекѣ. Юрид. Зап. Рѣдкина. т. 2, 1842. Сборн. Валуева. М. 1845, I, 96. Систематич. обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей. *П. Иванова*. М. 1836. Историч. излож. Рус. законод. о наслѣдствѣ. *Н. Рождественскаго*. Спб. 1839. Исторія древ. наслѣдств. права у Славянъ. *І. Губе*. Сборн. Валуева 1, М. 1845. О владѣніи по началамъ Рос. законодательства. *Ѳ. Морошкина*. М. 1847. Объ обществен. призрѣніи въ Россіи. Спб. 1818. Взглядъ на основныя начала Рус. Законод. и науки. *Тобина*. Ж. М. Н. Пр. 1847, ч. LIV. отд. 2. Опытъ историч. изысканій о тюремномъ заключеніи. *И. Ѳ. Соболщанскаго*. Ж. М. Н. Пр. 1849, № 2. Опытъ повѣствованія о древн. Рус. *Успенскаго*. Хар. 1818. О формѣ присяги въ Россіи. *Б. Ѳедорова*. Спб. 1824. Судъ Божій. *Н. Л.* Малкъ 1840. О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго германс. права, сравнительно съ Рус. Правдою. *Палюмбецкаго*. Кіевъ, 1844. Ж. М. Н. Пр. 1846, ч. 49. Исторія образованія и развитія системы рус. гражд. судопроизводства. *М. Михайлова*. Спб. 1848. Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Моск. госуд. *А. Н. Попова*. Ж. М. Н. Пр. 1848, № 11, ч. LX. Исторія судебн. учрежд. въ Рос. *К. Троицы*. Спб. 1851. Объ органахъ судебной власти въ Рос. *П. Чоплокова*. 1855. Юрид. Сборн. Мейера. Казань, 1855. Поле. *И. Бѣляева*. Москвит.

1855, № 13 и 14. О древней Рус. дипломатіи. Рѣчь *Лешкова* на актѣ спб. Унив. 1847. О международныхъ и обществен. отношеніяхъ. *И. Лашнюкова*. Рѣчи въ Лицеѣ кн. Безбородко. Кіев. 1856. Объ ученыхъ трудахъ по части исторіи Рус. законодат. *Морошкина*. Уч. Зап. Московс. Унив. 1835, окт. Указатель историч. статей, помѣщен. въ Губерн. Вѣдом. 1855. *А. Геннади*. Времен. кн. 25. Указат. матеріаловъ и изслѣдов. по исторіи Рус. права, составл. *П. А. Муллов-ымъ*. Архивъ Калачова. 1859 г. № 6. Пособія и правила изученія Рос. законовъ. *Дегая*. М. 1821. О ходѣ законовѣдѣніи въ Рос. *А. Станиславскаго*. Каз. 1853. Объ ученой обработкѣ греко-римскаго права. *А. Энгельмана*. Спб. 1858. Перечень юридич. трудовъ по ист. Рус. законодательства. Юр. Журналъ 1860, № 1 и 4. Юридич. Зап. Рѣдкина т. 2 и 4. Систематич. каталогъ книгъ импер. публич. библ. по части правовѣдѣнія. *В. Пфаффа*. Спб. 1863. Библіографич. указ. книгъ и статей по части правовѣдѣнія, вышедшихъ въ 1859—1864 г. *И. Межова*.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ, НРАВЫ И ОБЫЧАИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

201. Извѣстіе о Русскихъ 922 г.

Я видѣлъ (1) русскихъ купцевъ въ пристани рѣки Итиля (*Волги*). Тѣло у нихъ красное. Они не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина накидываетъ на себя сбоку грубую одежду (Gewand), такъ что одна рука остается свободною. У всякаго топоръ, большой ножъ и мечъ. Никогда не ходятъ они безъ сего оружія. Мечи ихъ широки и работы европейской. У всякой женщины привязана къ грудямъ маленкая коробочка, желѣзная, мѣдная, серебряная или золотая, соразмѣрно съ достаткомъ ея мужа. На коробочкѣ кольцо; къ кольцу привязянъ большой ножъ. На шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя. Мужъ, имѣя 10,000 драхмъ, даетъ ей другую и т. д. Богатыя жены носятъ по нѣскольку цѣпей. Главнымъ ихъ украшеніемъ считается земный бисеръ (Falschen Perlen). Мужья платятъ драхму за бисеринку для женскаго ожерелья.

Они самые не чистоплотные люди; никогда не умываются послѣ естественнаго испражненія, ни послѣ ночныхъ грезъ —Приплывая изъ своей земли, бросаютъ якорь на широкой р. Итилѣ; выходятъ изъ судовъ и строятъ себѣ большіе деревянные домы на обѣихъ сторонахъ рѣки. Въ каждомъ живетъ человѣкъ 10 и 20. У всякаго длинная, широкая лавка, на которой онъ сидитъ съ своей женою и невольницами. Всякое утро женщина приноситъ чашу съ водою своему господину; онъ моетъ себѣ лице, руки, волосы, и она чешетъ ему голову гребнемъ, а вся нечистота остается въ чашѣ. Не смотря на то, господинъ полощетъ въ ней ротъ; а за нимъ и другіе съ нимъ живущіе въ той же чашѣ, не перемѣняя воды. Вошедши въ пристань, каждый идетъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и медомъ (cider) къ высокому деревянному болвану, окруженному маленькими;—падаетъ ницъ и гово-

(1) Такъ пишетъ арабскій посолъ Ахметъ сынъ Фоцлана, котораго въ 922 г., въ княженіе Игоря, отправлялъ изъ Багдада къ Болгарамъ Калифъ Муктедиръ.

ритъ: »О, владыко! Я пріѣхалъ издалека съ такимъ-то числомъ невольницъ, соболей, шкуръ... вотъ тебѣ мой даръ«! Кладетъ все передъ болваномъ, говоря: »пошли мнѣ добраго купца съ серебряными и золотыми деньгами«! За тѣмъ уходитъ, но въ случаѣ худаго торга, опять идетъ къ болвану съ дарами; приноситъ ихъ и малымъ болванамъ, моля ихъ о заступленіи и кланяясь имъ смиренно. Когда выгодно сбываетъ все съ рукъ, тогда говоритъ: »владыка помогъ мнѣ; теперь я долженъ заплатить ему«. Убиваетъ нѣсколько быковъ, овецъ,—мясо раздаетъ бѣднымъ, кладетъ остатокъ передъ большимъ и малыми истуканами, вѣшаетъ на первомъ головы убитой скотины,—и когда собаки съѣдятъ все мясо, всѣ головы, купецъ говоритъ: »владыка благоволитъ ко мнѣ; онъ скушалъ даръ мой«.

Кто изъ нихъ занеможетъ, для того разбиваютъ вдали шатеръ, переносятъ его въ оный, оставляютъ тамъ хлѣбъ съ водою, не подходятъ къ больному близко и не говорятъ съ нимъ, но ежедневно посѣщаютъ его, особенно бѣднаго или раба. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ своимъ; если же умретъ, то свободнаго предаютъ огню, а раба оставляютъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ. На вора или разбойника надѣваютъ петлю, вѣшаютъ его на высокомъ деревѣ, и такъ оставляютъ, пока отъ вѣтра и дождя не истлѣетъ.—Слыша, что они сожигаютъ своихъ умершихъ начальниковъ съ обрядами весьма странными, я ждалъ случая видѣть оные—и видѣлъ собственными глазами. Умершаго опустили въ могилу и 10 дней надъ нимъ сѣтовали, пока скропили и сшили ему одежду. Бѣднаго обыкновенно кладутъ въ новую маленькую ладью и сожигаютъ въ ней; имѣніе же богатаго собравъ, дѣлятъ на три части: одну даютъ родственникамъ, на другую—шьютъ ему платье, на 3-ю покупаютъ меду(?), чтобы пить его въ тотъ день, въ который жена покойника убиваетъ себя и вмѣстѣ съ господиномъ своимъ сожигается. (Вино пьютъ они день и ночь, такъ что нѣкоторые умираютъ, держа стаканъ въ рукѣ). Когда насталъ день сожженія, я пошелъ на рѣку къ ладьѣ умершаго; но ладья уже стояла на 4-хъ столбахъ, окруженныхъ большими деревянными человѣкообразными фигурами (*болванами*). Люди ходили взадъ и впередъ, произнося слова для меня не вразумительныя. Мертвый лежалъ вдали въ своей могилѣ. Принесли скамьи на ладью съ стеганными покрывалами, греческою парчею и подушками изъ такой же парчи... Вынули мертваго изъ могилы: онъ былъ въ полотняной одеждѣ, въ коей умеръ. Отъ жестокаго холода сей зимы трупъ весь почернѣлъ. Въ могилѣ съ мертвымъ стоялъ медъ, лежали плоды и лютня; ихъ также вынули. Умершій, кромѣ цвѣта, не измѣнился ни въ чемъ. Надѣли на него исподнее платье, сапоги, поясъ, камзолъ, кавтанъ парчевой съ зотыми пуговицами и соболью шапку; отнесли его въ ладью, положили на стеганое покрывало, обклали подушками; принесли медъ, плоды, благовонныя травы, хлѣбъ, мясо, лукъ, и все поставили передъ нимъ или возлѣ; положили съ боку оружіе умершаго. Привели собаку, разрѣзали ее на двѣ части и бросили ихъ въ ладью; привели и двухъ коней, двухъ коровъ, изрубили ихъ мечами и бросили мясо въ ладью; принесли еще пѣтуха съ курицею, зарѣзали и бросили туда же... (*затѣмъ разсказывается о сожженіи жены покойника*)... На берегу, гдѣ стояла ладья, они сдѣлали нѣчто подобное круглому холму, поставили въ срединѣ его столпъ и написали на немъ имя умершаго и короля (*князя*) русскаго. Послѣ этого разошлися по домамъ. Короли русскіе обыкновенно держатъ при себѣ въ своемъ замкѣ или го-

родкѣ 400 храбрыхъ воиновъ (*дружинниковъ*). Нѣкоторые изъ нихъ умираютъ съ ними или жертвуютъ имъ своею жизнью. Каждый (*воинъ*) имѣетъ дѣвицу, которая служитъ ему, моетъ голову, готовитъ пищу, а другая служитъ ему наложницей. Сіи 400 сидятъ внизу на большомъ диванѣ королевскомъ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями. Съ королемъ сидятъ 40 дѣвицъ или наложницъ. Онъ же не стыдится ласкать ихъ въ присутствіи своей дружины на диванѣ. Когда ему надобно ѣхать верхомъ, то подводятъ лошадь ему къ дивану, съ котораго онъ на нее садится, а съ лошади сходитъ также прямо на диванъ. У него (*князя*) есть намѣстникъ, который предводительствуетъ войскомъ, воюетъ съ непріятелями и заступаетъ его мѣсто для подданныхъ.

(*Ист. гос. рос. I, пр. 364*).

Нѣмецкій переводъ Френа въ сочиненіи его Ibn-Foszlans und anderer Araber. Berichte. См. выше въ Христом. № 2. Дѣльное разсужденіе объ извѣстіяхъ арабскихъ писателей о Россіи можно найти въ сочиненіи Котляревскаго, „О погребальныхъ обычаяхъ язычес. Славянъ".

202. Поученіе архіеп. Луки къ братіи. 1036.

Се, братіе, первѣе всего сію заповѣдь извѣстно (*несомнѣнно*) должни есмы вси христіане держати: вѣровати въ единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и св. Духа, якоже научили св. апостоли, св. отцы утвердиша. Вѣрую въ единаго Бога... *до конца*. Вѣруйте же ми кресенію (*воскресенію*) и жизни вѣчнѣй и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣй. Не ленитеся къ церкви ходити, и на заутреню, и на обѣдню и на вечерню; и въ своей клѣти хотя спати, Богу поклонивеся, толи (*или*) на постели лязи. Въ церкви предстоите со страхомъ божіимъ, не молви рѣчи, но не мысли (*не думай о мірскомъ*), но моли Бога всею мыслію, да отдасть ти Богъ грѣхи. Любовь имѣйте со всяцѣмъ человѣкомъ, а болѣе съ братіею, и не буди ино на сердци, а ино въ устѣхъ; но подъ братомъ ямы не рой, да тебѣ Богъ въ горшая той не вринетъ. Но буди правдивъ тако, яко не каися правды дѣла и закона божія и приложа главы, да сочтетъ ти Богъ съ святыми (1). Претерпите братъ брату и всякому человѣку, а не воздайте зла за зло; другъ друга похвали да и Богъ вы и похвалитъ. Не моги свадити (*ссорить*), да не наречетися сынъ діволу, но смиряй, да будеши сынъ Богу. Не осуди брата ни рѣчью, ни мыслію, поминая свои грѣхи, да тебѣ Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныя, и убогія и темничники, и своимъ сиротамъ (*рабамъ*) милостиви будете (1). Москолудство вамъ, братіе, нелѣпо имѣти, ни молвити срамна слова, ни гнѣва на всякъ день имѣти, ни похритайся (*не сердись*), ни посмѣйся никакому же, въ напасти же терпи, на Бога упованіе имѣя. Буести (*буйства*) не имѣйте, ни гордости, ни прилѣпляйся инѣхъ творити, помня, яко утро будемъ смрадъ и гной и червіе. Будете смиренни и кротци, да и послужници будете, и творци божіимъ заповѣдемъ; въ гордаго бо сердци діаволъ сѣдитъ, и божіе слово не хощетъ пранути ему. Чтите стара человѣка и родителя своя, не кленитеся божіимъ именемъ, но инаго заклинайте, ни проклинайте. Судите по правдѣ, мзды не емлите, въ лихву не дайте, Бога ся

(1) Т. е. за правду и законъ божій не отрекайся и голову сложить.

(1) Въ друг. спискѣ: „Той бо вельми милостивъ есть, иже домачняя своя безъ скорби створитъ".

бойте, князя чтите, раби первое Бога, таже господу (*господина*), чтите отъ всего сердца іерея божія, чтите и слуги церковныя. Не убій, не укради, не солжи, лжи послухъ (*ложный свидьтель*) не буди, не ненавиди, не завиди, не клевечи, блядни не твори ни съ рабою, ни съ кимъ же не пій безъ года (*безъ времени и мьры*), но здоволъ, (*умьренно, вдоволь*) а не до пьянства. Не буди гнѣвнивъ, ни напраснивъ буди, съ радующимися радуйся, съ печалными печаленъ, не ядите скверна, святыя дни чтите, Богъ же мира со всѣми вами. Аминь.

(*Рус. Дост. I, 1—16*).

См. Ист. Рус. Ц. Макарія I, 262—265 (прим. 221).

203. Поученіе преп. Ѳеодосія о тропаряхъ и пьянствѣ.

Се вѣдуще, братія, обѣднѣ и тряпезѣ двѣ молитвѣ суть: одина в починцѣ, а другая в конци обѣда, уставлена самѣмъ Господомъ, потомъ апостолы, таже св. отци. Уставлена же есть кутья въ похвалу святымъ крестити в честь, а не во оставленіе грѣхомъ: ни кацѣмъ бо приношеніемъ оцищаются грѣси, токмо тѣломъ Христовымъ и кровію. Уставлено же за упокой крестити усопшимъ; обѣда же и ужина за упокой крестити усопшимъ; обѣда же и ужина за упокой крестити не уставлено; воды же не повелѣно приставляти кутіи, ни яйца класти на кутью. Въ олтарь же не достойно ничтоже нести снѣдно, ни питіа, но токмо проскуру и темьянъ и свѣчю, иже на службу есть. Трепаревъ же не молвити чашамъ в пиру, лише три: поставивше обѣдъ славится Христосъ Богъ нашъ, и сѣсти пити лѣпо есть и честно; егда же кончается обѣдъ, прославится дѣвица Марія, третье осподарю, а лише не велимъ. Али кто смыслъ имать, да попытай, како рекла св. Богородица къ св. Василію. Тако ему рече: »аще хощеши мя заступницю имѣти въ всѣхъ бѣдахъ твоихъ, послушай мя, отверзися питіа всякого и не молитвуй піянъ: не токмо бо не услышанъ будеши, но и Бога безъгнѣвнаго разгнѣвиши, осуженъ будеши въ муку«. (1). А се указаніе вѣдати в заповѣди св. отець; аще упоить другъ друга за любовь, или святыми заклиная, да постится 7 дни; или блюеть, то 40 о хлѣбѣ и водѣ. И многожъ о томъ молвить во оческыхъ указѣхъ. Но умнымъ се доволѣеть указаніе, а немысленнымъ, аще бы имъ открылъ всѣхъ книгъ указъ, ни ту быша разумѣли, ни вѣры яли. Да аще писанію вѣры не имѣте, да своимъ дѣломъ вѣру имѣ. Иже бо кто много піеть съ трепари: како ти начнеть полозити на колѣну, а на ногахъ своихъ не мога отъити; а другый валяется в калу (*въ грязи*) блюа, въ руганіи, въ посмѣсѣхъ давъ себѣ всѣмъ людѣмъ, а хранителя душа своея, ангела господня, отогнавъ отъ себе. Гдѣ суть мнози трепари притворени къ чашамъ, да быша избавили ихъ отъ бѣды тоя, бѣсящихся волею своею. Бѣсны стражетъ неволею, и добудеть вѣчныа жызни, а піаный волею стражеть, добудетъ вѣчныа мукы: пришедъ бо ерей к бѣсному, створить молитву, проженеть бѣса, а надъ піянымъ, аще бы всеа земля сошлися попове и молитву бы сотворили, піанства самовольнаго бѣса. (*т. е. не изгнали бы*).

(*Чт. Зап. 2 отд. Акад. Н. II, в. 2*).

(1) Это мѣсто, вѣроятно, взято изъ апокрифической книги.

204. Изъ посланія митроп. Іоанна II до 1089 (1).

Правило 3-е., А еже емлемыя (*пойманныя*) животны, отъ пса ли, отъ звѣри ли, или отъ орла, или отъ иноя притча и птича, а умираеть, аще не зарѣзано будеть человѣкомъ, якоже божественныи отцы повелѣша,—не подобаеть ясти. Прилѣжиши паче законе, неже обычаю земли; тоже бо зблудени звѣроядымъ. 4, И си, иже опрѣснокомь служать, и въ сырную недѣлю мяса ядуще, и кровь и давленину, сообщатися съ ними или служити не подобаеть; ясти же съ ними нужно сущю Христовы любви ради не отъинудь ѣсть возбранно. Аще кто хощетъ сего убѣгати, извѣтъ (*предлогъ*) имѣя чистоты ради, или немощи отбѣгнеть; блюдѣте же ся да не соблазнъ отъ сего, или ино вражда велика и злопоминаніе родиться, и подобаеть отъ большаго зла изволити меншее. 5, Иже непричащаются краицѣхъ (*окрайныхъ жителей*) и Русьстѣй земли, якоже еси реклъ, и въ великое говеніе мяса ядять и скверное, —подобаеть всякимъ образомъ направляти и возбраняти ту злобу, наказаніемъ и ученіемъ возвращати на правовѣрное ученіе, и погруженіемъ (*небреженіемъ*) яко не крестьянину сущу, да тѣмь со страхомъ остануться тоя злобы и на вѣру благообразную приложатся. Пребывающу же тако и не приложащуся, не дая (*ти*) имъ св. причащанія, но якого (*какаго*) иноплеменника во истину и вѣрѣ нашей противника, поставити й въ свою волю ходити. 6, Тоже сотвори, иже безъ студа и безъ страха и безъ срама двѣ женѣ имѣють, кромѣ сея вѣры нашея и греческое благовѣрьство житія. 7, Иже волхвованіе и чародѣяніе творяще, аще мужу и женѣ, словесы наказаніемъ показати и обратити отъ злыхъ... 13, Иже дщерь благовѣрнаго князя даяти за мужъ въ ину страну, идѣ служать опрѣсноки и скверноядѣніимъ (*не*) отметаються,—недостоино и зѣло неподобно; правовѣрнымъ се створити своимъ дѣтемъ сочтаніемъ, божественный уставъ и мірски уставъ тояже вѣры благовѣрьство повелѣваеть поимати. 14, Служебникомъ іереемъ, иже облачаются въ порты (*платье*) исподни отъ кожъ животныхъ, ихъ же ядятъ и не снѣдныхъ, великіа ради вины не возбраняемъ, ни въ Грецихъ, ни въ Руси, студенія ради. 15, И еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колодяземъ, и иже поимаются безъ благословленія сочтаніе и жены отмѣтаются, и своя жены пущаютъ и прилѣпляются инѣмъ,—не пріимать святыхъ таинъ ни одиною лѣтомъ, аще не отъ отца духовнаго звязани будуть, не причащатися.—И ты вѣси, яви тѣмъ всѣмъ чужемъ быти нашея вѣры... 16, Иже сходяще къ мірскимъ и пьютъ,—іерейску чину повелѣваютъ святіи отцы благообразно и съ благословленіемъ пріимати предлежащая; играніе и плясаніе и гуденіе, входящемъ востати всѣмъ, да не осквернятъ имъ чувства видѣніемъ и слышаніемъ... 19, Иже ядятъ съ погаными не вѣдая,—молитву творити на осквернѣніе токмо, пріимати достоитъ. 20, Матерь же хрестимыхъ дѣтій аще бальни будутъ и постится не могутъ,—отдаваютъ отцы, да неизнемогутъ постомъ и свой погубятъ животъ. 21, Иже свое подружіе оставятъ, и поимаютъ инѣхъ, тако же и жены, въ которыя епитимьяхъ влагати?... Не пріимаемъ въ причащеніе, доидеже престанутъ отъ грѣхъ, такоже жену не дѣвицу имѣюще свори... 22, Прашалъ о нѣкихъ еси, иже купятъ челядь, створившимъ обещныхъ молитвъ, ядшихъ съ ними, послѣди же продавше въ поганыя,—которую симъ пріяти епитемью? И речемъ, якоже речено есть въ законѣ:

(1) Заглавіе этого посланія слѣд. «Правило церковное отъ св. книгъ вкратцѣ Іакоку черноризцу.» Кормч. 1180.

крестьяна человѣка ни Жидовину, ни еретику продати; иже продастъ Жидомъ, — есть беззаконникъ, а не токмо законодавцу, но и Богу претыкается. И се внимай о Самфирѣ и о Ананіи образа разумѣй; они бо цѣну своего обѣща Петромъ верховнымъ апостоломъ принести Богу, дажь малу часть удержавше, смерти осуженни бывше, украдше часть, иже обѣщашася Богови принести. Купца же, иже знаменавше знаменіе божіе и молитву, иже отъ нихъ купленіе челяди, яже иси писалъ, знаменавше и молитву давше, также и поганымъ продавше: не таиное согрѣшеніе, но явлено къ Богу отлученіе. Крадше и чюже собѣ творте, и тако ны ся мнить, ладно съ онѣма согрѣщати, иже гонивше нашу вѣру, и многи отъ вѣры въ невѣрьство приведше, имже достоитъ отврещи сего злаго наказанія и начинанія наученіемъ и наказаніемъ; аще не послушаетъ, яко язычники мытаря имѣти. 25. И оже въ пирѣхъ пити, пѣлующеся съ женами безъ смотрѣнія мнихомъ и бѣльцемъ, въ 22 главѣ, иже въ Никіи 2-го забора, иже божественнымъ отцемъ повелѣвшимъ мнихомъ и іереемъ съ инѣми богобоязнивыми и честными мужами, аще и съ женами обѣдаютъ, да и то совокупленіе на совершеніе духовное будутъ. Такоже и съ ближними и на путь шествующе требованіе нудить, и невозбранно вкупѣ и въ гостинницы или въ домъ нѣкоего внидутъ невозбранно, и бѣльцемъ же жены имѣюще и дѣти вкутъ, обѣта же невозбранно, кромѣ начинанія, играніа и бесовскаго пѣнія и блуднаго глумленія: сія убо во опитемья воведутъ; иже по смотренію твоему и по образу комуждо и по лицу и по житью наведи... 29. Иже своеи волею ходятъ къ поганымъ купля ради, и скверное ядятъ сихъ отвѣщаваемъ восхищники, и лихоимаьники, и неправедники, и мездьники, и сребролюбца; нѣсть правило улучая (*отлучая*), аще и велика суть согрѣшенія, оже имѣнія ради или скоталюбства (*сребролюбія*) ради съ погаными оскверняются, иже съ ними пребываніемъ недѣяніемъ отъ церкви не возбраняются, но такмо молитвою и моленіемъ очистятся грѣси, и тако причащанія блага пріимутъ, подобаетъ воину (*всегда*) наказаніе имъ дати и учити и, евангельское слово внушати: »о, горе вамъ, яко имя мое въ васъ ради хулу пріимаетъ въ языцѣхъ«! 30. Иже въ монастырехъ часто пиры творятъ, сзываетъ мужа вкупѣ и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ другу приспѣваютъ, кто лучій творитъ пиръ. Си ревность не о Бозѣ, но отъ лукаваго бываетъ си, и десною (*кудесною*) лестью приходящее, и образъ милости и духовное утѣшеніе приводящимъ и творящимъ пагубу... И оже сихъ творятъ и собѣ иже съ ними пьютъ черньци и съ черньцѣ погубляютъ, и мнять, что добро творятъ нищелюбія, иже къ мнихамъ любы и не пріимати мзды.

31. Якоже еси рекълъ, оже не бываетъ на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются, простымъ же людемъ якоже именемъ и плесканіемъ. Разумъ даемъ всякъ и рѣчемъ: иже простіи закони простцемъ и невѣжамъ си творятъ совокупленіе. Иже кромѣ божественныя церкви, кромѣ благословленія, творяще свадбу, таино поиманіе наречетъ, иже тако поимаютъ, якоже блуднымъ опитемьи даютъ...

(*Рус. Дост. I, 88—103*).

См. Ист. Р. Цер. *Макарія*. II, 345—352.

Кромѣ этого правила, Іоан. II написалъ 1, посланіе къ папѣ Клименту (Пам. XII стол. изд. Калайдовичемъ, стр. 209—218, Учен. Зап. Акад. № 1, 2, стр. 1—20. Изв. Акад. 11, 93—104) 2, службу Борису и Глѣбу (Изв. Акад. VII, 372).

205. Странникъ Даніила игумена до 1115.

Вступленіе. — Се азъ недостойный Даниль, Рускыя земля, худьшій въ всѣхъ мнисѣхъ, смиренъ сый многыми грѣхы и невѣжьствіемъ о всякомъ дѣлѣ блазѣ, и понуженъ быхъ мыслію своею и нетерпѣніемъ своимъ, въсхотѣхъ видѣти св. градъ Іерусалимъ и землю, обѣтованную Богомъ Аврааму. Волею же божіею хранимъ, доходихъ св. града Іерусалима, и видѣхъ всю землю Галилискую и сватаа мѣста, и вся обыидохъ всю ту землю, удуже Христосъ Богъ нашь походи своима ногама и много чюдесъ показа преславно святымъ своимъ апостоломъ и ученикомъ, да то все видѣхъ очима своима грѣшныма, и все ми Богъ показа видѣти, егоже желахъ азъ по многы дни мыслію своею мучимъ. Но, братіе и отци, господіе мои, простите мя, и не зазрите моему худоумію и грубости моей, еже списахъ о Іерусалимѣ, и о землѣ блазѣ, и о пути семъ святѣмъ: иже бо кто путемъ симъ ходить съ страхомъ и съ смиреніемъ, то не погрѣшить милости божіа никодиже. Азъ же неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ въ всякой слабости и лѣности, пьа и ядя и вся неподобная творяхъ, но обаче надѣюся на милость божію и на вашу молитву, негли Христосъ Богъ простить мя грѣховъ моихъ бещисленныхъ, да се и списахъ путь сей и мѣста си святая, не възношаяся, ни величаяся путемъ симъ: не буди то, ничтоже бо не сътворихъ добра на пути семъ, но любве ради св. мѣстъ написахъ все, еже видѣхъ очима грѣшныма, дабы не въ забытіи то было, еже ми показа Богъ недостойному, и убояхся осужденіа оного раба лѣнивааго, скрывшаго талантъ господина своего и прикупа не сътвори имъ: да и се написахъ вѣрныхъ — ради человѣкъ, дабы кто слышавъ о мѣстехъ святыхъ и потщался душею и мыслію къ святымъ симъ мѣстомъ и равну мьзду пріимуть съ ходившими до св. сихъ мѣстъ. Мнози же дома суще въ своихъ мѣстехъ добріи человѣци милостынями къ убогымъ и добрыми дѣлы своими достизаютъ сихъ мѣстъ святыхъ, иже болшюю мьзду пріимуть отъ Бога; мнози же и ходивше св. сихъ мѣстъ и видѣвше св. градъ Іерусалимъ, и възнесшеся умомъ, яко нѣчто добро сътворше, и пакы погубляють мьзду труда своего, отъ нихъ же первый есмь азъ. Мнози же и доходивше до Іерусалима идуть вздъ, многа добра не видѣвше, тщашеся вборзѣ итти, а сего пути вборзѣ нелзѣ ходити, но потиху, не тоскомъ, тоже мочи видѣти вся та мѣста святая въ самомъ градѣ Іерусалимѣ и внѣ града. Азъ бо недостойный игуменъ Даниль пришедъ въ Іерусалимъ, пребыхъ 16 мѣсяцевъ въ метохіи (1) св. Савы, и оттолѣ походивъ и испытавъ вся та мѣста святая и видѣхъ добрѣ, невъзможно бо безъ вожа ходити и безъ языка добрѣ испытати и видѣти всѣхъ тѣхъ св. мѣстъ. И что у себе имѣя въ руку моею худого моего добытка, и отъ того всѣмъ подаваахъ, вѣдущимъ добрѣ вся св. мѣста въ гради и внѣ града, да быша мнѣ указали все добрѣ, якоже и бысть. И пригоди ми Богъ налѣсти (*найти*) въ лаврѣ св. Савы (2) ту мужа свята и стара деньми и книжьна велми, и тому св. мужу вложи въ сердце Богъ любити мя велми худаго, и той ми указа добрѣ вся мѣста святая, иже суть въ Іерусалимѣ, и по всей земли той поводи мя добрѣ, и до Тивиріадьскаго моря и до Фавора и

---

(1) *Метохіон* — подворье монастыря. Здѣсь разумѣется подворье монастыря св. Саввы, которое находилось, какъ говоритъ далѣе Даніилъ, въ самомъ городѣ Іерусалимѣ, близъ водоема, называемаго вменемъ Вирсавіи, и принадлежащее до сихъ поръ греческимъ монахамъ, оно называется теперь *монастыремъ св. Димитрія*.

(2) Здѣсь говорится уже о знаменитой лаврѣ св. Саввы, близъ Мертваго моря.

до Назарефа, и до Хеврона и до Ердана, и до Виолеома, по всѣмъ тымъ мѣстомъ поводи мя и трудися съ мною любве ради и ина святая мѣста многа видѣхъ, яже о томъ послѣди скажю.

(Самое описаніе путешествія Даніила раздѣляется на XXII отдѣла).

I. О пути иже въ Іерусалимъ. — Путь иже есть въ Іерусалимъ: отъ Цариграда по лукоморію ити 300 верстъ (2) до великого мора, до Петалы острова (3) 100 верстъ: а то есть первый островъ на ускомъ мори, и есть ту лимень добръ, и ту есть градъ великій Ираклѣй (4), и противу тому граду святое мѵро выходить изъ глубины морскыя (5); ту бо святіи мученици погружени суть отъ мучитель. А отъ Неталы острова до Калиполя (*Галлиполя*) 100 верстъ, а отъ Калиполя 50 веретъ до Авида града; и противу тому граду лежитъ св. Еуфимей новый. А оттуду до Криты (6) 20 верстъ, и ту есть на великое море выйти, на лѣво въ Іерусалимъ, а на десно ко Святѣй горѣ (*Аѳонской*), и къ Селуню и Риму. А отъ Криты до Тенеда острова 30 верстъ, то есть первый островъ на велицемъ мори, и ту лежить Анеподимъ (*память 15 іюля*), мученикъ Христовъ; и ту есть противу тому острову городъ великъ былъ, а имя ему Троада: ту бо св. апостолъ Паулъ приходилъ и научилъ страну ту вѣровати въ Христа и крестилъ ихъ. А отъ Тенеда острова до Металина острова 100 верстъ; ту бо лежить св. Георгій, Металиньскій митрополитъ; а оттуду до Хіа острова 100 верстъ, и ту лежитъ св. мученикъ Сидоръ; въ томъ бо островѣ ражается мастика и вина добрая и овощь всякъ. А отъ Хіа острова до Ефеса града 60 верстъ; ту бо есть гробъ св. Іоанна Богослова, исходить бо персть святая изъ гроба его, на память его, и взимають персть ту на исцѣленіе всякого недуга; и свита (*платье*) Іоаннова ту лежить, въ ней же самъ ходилъ. И ту есть близъ пѣчера седми отрокъ, идеже лежать тѣлеса ихъ, иже спали 300 и 70 и 2 лѣта: при Декіи цари уснуша, а при Ѳеодосіи цари явишася. Въ той же пещерѣ 300 св. Отець лежать, гробъ Маріи Магдалини, ту же и глава еи, а св. Тимоѳей, ученикъ св. апостола Паула, въ ветсѣмъ градѣ лежить. И ту же есть въ ветсѣй церькви икона святаа Богородица; сею же иконою св. отци препрѣли Несторья еретика. И ту есть баня, идѣже работалъ Іоанъ Богословъ съ Прохоромъ, ученикомъ своимъ, у Романиды: и видѣхомъ пристанище то, идѣже Іоанна Богослова море выверже; ту бо стоихомъ 3 дни, зовется пристанище то муроморяное. Ефесъ же градъ есть на суши, отъ моря вдале 4 верстъ, въ горахъ, обиленъ же всѣмъ; и ту поклонихомся гробу тому святому. Благодатію же божіею храними и молитвами св. Іоанна Богослова, идохомъ радующеся. А отъ Ефеса до Сама острова 40 верстъ, и въ томъ островѣ рыбы многы бываютъ, и обиленъ же всѣмъ островъ той. А отъ

---

(2) Въ нѣкоторыхъ спискахъ нашихъ лѣтописей мы находимъ, для изображенія одного и того же пространства, *версты*, а въ другихъ *поприща*. Въ древнихъ спискахъ поприще (или верста) полагалось въ 750 сажень, но эти сажени были двух-аршинныя; оно дѣлилось: на *стопы*, *пяди* и *стадіи*. Ногъ въ поприщѣ считалось 6000, стопъ 3000, стадій 7½. Изъ этого видно, что древнія русскія поприща или версты были совершенно равны нашимъ верстамъ.

(3) *Петала*—вѣроятно, Кутала или Кутали, островокъ, находящійся близъ острова *Мармора*, и который есть, дѣйствительно, первый островъ при входѣ въ Дарданеллы, или въ *узкое море* Даніила.

(4) *Ираклея*, здѣсь упоминаемая, находилась тамъ, гдѣ нынѣ мѣстечко *Ераклиста*, противъ острова Куталы, или Неталы Даніила.

(5) *Страбонъ* (VII. 55) говоритъ, что между островомъ *Проконнезусомъ новымъ* и твердою землею Ѳракіи море извергаетъ иногда асфальтъ.

(6) *Криты* (Kriti) селеніе на Херсонисѣ Ѳракійскомъ, при выходѣ изъ Дарданелъ въ Эгейское море.

Сама острова до Карія острова 20 верстъ, а отъ Карія (4) острова до Патма острови верстъ 60 въ сторонь далече въ морѣ Патмъ островъ; въ томъ островѣ Іоаннъ Богословъ евангеліе написалъ, егда бѣ заточенъ съ Прохоромъ, ученикомъ своимъ. Оттуду есть Лерось островъ, таже Калипиносъ островъ, таже Нисера островъ, таже и Косъ островъ великъ велми, богатъ всимъ, людми и скотомъ; таже и Тилосъ островъ: и въ семъ островѣ есть мука изо рва кипить сѣрою горячею, и ту сѣру варячи продаютъ купцемъ, ею же мы огнь вытинаемъ (1); таже Харкія островъ. И вси тѣ острови обилны велми, съ людми и съ скотомъ, близъ себе яко 10 верстъ имуть межу собою. Таже Родъ островъ великъ велми и богатъ всѣмъ; въ томъ бо островѣ былъ Олегъ, князь рускый, 2 лѣта и 2 зимы. А отъ Рода острова до Сама острова 5 верстъ, а отъ Сама острова до Макріи града 60 верстъ: и ту есть градъ Макрій (2).

О темьянѣ гонфитѣ. — Въ томъ градѣ Макріи, по земли той по всей, ольно (*даже*) и до Муръ, ту ся ражаеть теміанъ гонфитъ черный, и тако ся ражаетъ: исходить изъ древа яко мѣзга, и снимаютъ желѣзомъ острымъ; а имя древу тому зигія (*грабина*); есть образомъ акы олха древо то. И другое древо мало, образомъ акы сосна, есть тонко, имя ему стурика (*росной ладанъ*), а въ болѣ яко поноровъ есть; и въ деревцѣ томъ за корою червь, и точить древцо то червъ тый, исходитъ червоточина та аки отруби пшеничные, и падаетъ отъ древа того акы клей вишневый: то збираютъ тѣ людіе и смѣшиваютъ съ первореченнымъ древомъ, и вложивше въ котелъ варятъ теміанъ гонфитъ, и кидаютъ въ мѣхи и продаютъ купцемъ. А отъ Макріи до Патера города 40 верстъ; ту есть рождество св. Николы, то есть вотчина его. А отъ Патера града до Миръ 40 верстъ, идѣже есть гробъ св. Николы, а отъ Миръ до Хилидонія (*мысъ*) 60 верстъ, а отъ Хилидонія до Кюпра острова великаго 200 верстъ.

II. О Кипрскомъ островѣ. — Кюпръ же островъ великъ велми и много въ немъ людій, и обиленъ же есть всимъ добромъ, и суть бо епископій въ немъ 24, а все митрополіа едина. И святыхъ ту много безъ числа лежить: ту бо лежить св. Епифаній, и апостолъ Варнава, и св. Зѣнонъ, и св. Филагрисъ епископъ, его же крестилъ Паулъ апостолъ христовъ. И ту же есть гора высока зѣло, и на той горѣ св. Елена царица поставила крестъ кипарисенъ на прогнаніе бѣсомъ и всякому недугу на изцѣленіе, и вложила въ онь честный гвоздь Христовъ; и бываетъ на мѣстѣ томъ знаменіе и чюдеса многа, и донынѣ стоитъ крестъ той на въздусѣ, ничимъ же не придержится къ земли, но тако носимъ на въздусѣ (1) и ту азъ недостойный поклонихся святыни той чюдной. И благодатію же Божіею хранимя, сущею на мѣстѣ томъ, и ту проходихомъ островь тотъ добрѣ.

(О ладанѣ и темянѣ; о церкви св. Георгія, о горѣ Армаемѣ)

О Іерусалимѣ. — И есть же святый той градъ Іерусалимъ въ дебрехъ, и около же великы его горы каменны и высоки, олно (*даже*) притедъ близъ къ граду тоже

(4) *Никарія* (Nikaria), у Плинія Nicasia

(1) Плиній говоритъ, что островъ Тилосъ славился своими мастями. Добываніе сѣры производится въ немъ доселѣ.

(2) Мѣстечко Макри на берегу Ликіи.

(1) Это же самое преданіе у Вильнбранда, который путешествовалъ вѣкомъ позже Данила. Мы принимаемъ это мѣсто за вставку позднѣйшаго переписчика.

видѣти св. градъ Іерусалимъ: первое видѣти домъ Давидовъ, а потомъ мало пошедъ, видѣти Елеонѣская гора и Святая Святыхъ (*мечеть Омара*), а потомъ весь градъ видѣти. И ту же есть гора равна у пути близъ Іерусалима, яко версты одной вдале, и на той горѣ засѣдаютъ люди съ коней, и пѣши ходять вси людіе и поклоняются христіяне св. Въскресенію; и бываеть радость велика всякому христіанину, увидѣвшему св. градъ Іерусалимъ: никто же бо не можетъ прослезитися, видѣвше землю желанную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашъ, нашего ради спасенія, походи; и идуть вси пѣши съ радостію великою къ граду Іерусалиму.

О церкви св. Стефана. — И ту есть церковь св. первомученика Стефана, у пути близь, на лѣвой странѣ тамо идучи: на томъ мѣстѣ побіенъ бысть каменіемъ св. Стефанъ и архидіаконъ отъ Іюдей, туже и гробъ есть его. И ту же гора каменная, плоска, просѣлася въ распятіе Христово, и то мѣсто зовется адъ (¹), и то есть близь стѣны городныя, яко довержеть мужь каменемъ.

III. О градѣ Іерусалимѣ. — И потомъ входить въ св. градъ Іерусалимъ всякъ человѣкъ съ радостію великою враты, сущими близь дому Давидова: и та суть врата отъ Вифлеома лицемъ, та бо суть врата зовутся Веніаминова (*Яфскія*); якоже внидучи въ градъ, путь есть сквозѣ врата: направо же къ Святая Святымъ, а на лѣво къ Воскресенію, идѣже есть гробъ господень.

(¹) Это такъ называемая долина *сыновъ Гиномовыхъ*, или долина *Гиномъ*, заключенная между Сіономъ и мрачной горой *Злаго Совѣщанія*, мѣсто ужасныхъ жертвоприношеній Молоху. Блаженный Іеронимъ говоритъ, что адскій огонь, о которомъ упоминается въ евангеліи, сравнивается съ огнемъ нечестивыхъ жертвъ Молоху, и что поэтому адскій огонь называется *гегена*, отъ имени *гегонъ* или *гигонъ*.

О церкви воскресенія господня. — И есть же церковь та Въскресеніе Господне сяка образомъ: кругло създана, столповъ же имать 12 облыхъ, а 6 зданныхъ, и помощена есть досками муроморяными красно вѣлми; двери же имать шестеры, а на полатахъ столповъ 16, а надъ полатми подъ верхомъ исписани суть святіи пророци вси мусіею, яко живи стоять, а надъ олтаремъ написанъ Христосъ мусіею, а въ олтари же великомъ написано Адамово воздвиженіе; въ самомъ же верху написано есть Възнесеніе господне, обаполы же написано олтаря Благовѣщеніе; а все то подписано есть мусіею. Верхъ же церковный не до конца сведенъ каменіемъ, но тако спертъ досками и древіемъ тесанымъ, плотичнымъ образомъ (¹), и тако есть безъ верха не покрыто ничимъ же.

О гробѣ господни. — Подъ тѣмъ же самымъ верхомъ непокрытымъ есть гробъ господень симъ образомъ, яко печерка мала изсѣчена въ камени, двери имуще малы, якоже можетъ человѣкъ влѣзти, на колѣну поклоншеся, възвыше есть малаго мужа и всямо окачна (*кругловидная*) 4 лакоть въ долину и въ широту. Влѣзячи же въ печерку ту дверцами тѣми малыми, на десной странѣ есть мѣсто, яко лавица (*лавочка*) засѣчена въ томъ же камени печерномъ; и на той лавици лежало тѣло Господа нашего І. Христа, и есть и нынѣ лавица та святая покрыта досками муроморяными (*мраморными*), и суть на сторонѣ продѣлана 3 оконца кругла, и тѣми оконци видѣть святый тъй камень: и ту цѣлуютъ вси христіяне. И висить въ гробѣ господни 5 кандилъ великыхъ съ масломъ сь древянымъ и горять беспрестани кандила

(¹) Куполъ храма гроба Господня имѣлъ тогда видъ усѣченнаго конуса.

та святая, не угасаютъ ихъ никтоже, ни въ день ни въ нощь. Лавица же та святая, идѣже лежало тѣло христово, есть въ долину 4 лакоть, а въ ширину два локти, а възвыше полтора локти. Предъ дверми же печерными лежитъ камень, 3-ю стонъ вдале отъ дверець тѣхъ печерныхъ: на томъ камени ангелъ сѣдя явися женамъ муронасицамъ и благовѣсти имъ христово воскресеніе; и есть печерка та одѣлана яко амбонъ краснымъ мироромъ и столпци мироморяны жъ около стоять, числомъ ихъ 12. Вверху же надъ печеркою тою созданъ яко теремець красно на столпцѣхъ, и вершекъ ему спертъ кругло, и сребряными чешуйками позолоченными покованъ; и на верху же того теремца стоитъ Христосъ сребрянъ сдѣланъ, яко въ мужа вболѣи есть, и то суть Фряжи (*франки*) сдѣлали и поставили, и нынѣ есть подъ самымъ верхомъ тымъ непокрытымъ. Суть же дверци трои у теремца того учинены хитро, яко крестьцы: тѣми бо дверцами влазять людіе къ гробу господню (1). Да то есть гробъ господень былъ печерка та, якоже то написахъ, добре испытавъ отъ сущихъ ту издавна вѣдущимъ святая си мѣста.

О цунѣ земленомъ и о церкви. И есть церкви та Въскресеніе господне кругла образомъ, всямо окачьна, въ долину и въ ширину 30 саженъ. Суть же у нея полаты простороны, и въ тѣхъ полатахъ горѣ патріархъ живетъ. И есть отъ дверей гроба господня до стѣны великаго алтаря 12 сажень; и ту есть, внѣ стѣны за олтаремъ, путъ земленый (2) създана же надъ нимъ комара, и горѣ написанъ Христосъ мусіею (*мозаикой*), и глаголеть грамота (*подпись*): »се пядію измѣрихъ небо, а дланію землю«.

IV. О столпѣ Давидовѣ.—А оттуду до столпа Давидова и до дому его (1) 200 саженъ. Столпъ же есть святаго пророка Давида, на немъ же и псалтырь съставилъ, дивенъ вельми столпъ той, краснымъ каменіемъ съдѣланъ, высокъ же вельми, на 4 углы, весь есть черствъ (*твердъ*), днеродны(й) камень уродися посредѣ его (2), и воды многы въ немъ; двери же имать пятеры желѣзны, степеней же имать 200, по нимъ же взыти горѣ; и жита въ немъ тогда много безъ числа лежить; и есть твердъ ко взятію: то есть голова всему граду тому. Блюдуть же его вельми, не дадять никомуже влѣзти въ онь; но мнѣ худому пригоди Богъ влѣзти въ столпъ той святый, и одва възмогохъ съ собою ввести единаго отъ людей моихъ именемъ Сдѣслава Иванковича, а иныхъ не впустиша никогоже.

(Далѣе о притворѣ Соломони и о купели. О святыя святыхъ; о дому Соломона царя; о Вифаніи и о Лазори. V. О Гепсиманіи и о гробѣ св. Богородица; о пещерѣ, идѣже преданъ бысть Христосъ; о Елеоньстѣй горѣ, по възнесеніи господни.

О градѣ Іерусалимѣ, иже и окрестъ Іерусалима. Іерусалимъ же градъ есть великъ вельми и твердъ, стѣнами всямо окаченъ, на 4 углы крестнымъ образомъ създанъ; дебри суть мнози и горы каменны около града; безводно же есть мѣсто то велми, ни рѣки, ни источника,

---

(1) *Теремецъ*, который находится надъ самою пещерою гроба господня, накрываетъ круглое отверстіе, придѣланное на верху святой пещеры для свѣшиванія паникадилъ и для очищенія воздуха отъ испареній непрестанно горящихъ лампадъ.

(2) Такое названіе дано на основаніи псалма LXXIII, стиха 2-го: »Богъ же царь нашъ прежде вѣка содѣла спасеніе посредѣ земли« и ст. 5 гл. V. Прор. Іезекіиля: »сія глаголетъ Адонаі Господь: сей Іерусалимъ, посредѣ языковъ положихъ его, и страны яже окрестъ его«.

(1) Подъ словами *столпъ* и *домъ* Даніилъ разумѣетъ всю цитадель вообще.

(2) Здѣсь текстъ теменъ во всѣхъ рукописяхъ.

ни колодезя близъ Іерусалима, но токмо одина Силуамля купель (1); но дождевою водою живутъ вси людіе и скоти въ градѣ томъ. И жита много и добра ражаются граду тому и окрестъ Іерусалима безъ дожда; но божіимъ благословеніемъ родится пшеница и ячьмень изрядно: одину кадъ сѣявше и пакы взяти кадей 90 или 100 (2). Нѣсть ли то благословеніе Божіе на земли той святой? Ту же и виногради мнози около Іерусалима и овощная древеса смокви, и масличіе, и рожци (*стручки*), и яблони и иная же всякая овощная древеса различная безчисленная. А на горѣ Елеоньстѣй есть печера глубока вельми близъ Възнесенія господня на полдень лицемъ: и въ той печерѣ гробъ св. Пелагіа блудница. И ту же близъ есть столпникъ, мужъ дивенъ и страшенъ видомъ и старъ деньми (3).

(VI. О пути иже къ Іердану).

О Ерданьстѣй рѣцѣ. Ерданъ же рѣка течетъ быстро, береги же имать обонъ полъ Іердана прикруты (*крутые*), отселе пологы; вода же его мутна и сладка вельми и нѣсть сыти піющимъ воду ту святую, и здрава бысть вода та піющимъ ю, ни съ нея болить, ни пакости въ чревѣ нѣсть; всѣмъ есть подобенъ Іерданъ рѣцѣ Сновьстѣй, въ шире и глубле, лукаво же вельми и быстро тететь; болоніа же (*низменность*) имать якоже и Сновь (4) рѣка; глубле же есть четырей саженъ среди самой купели, якоже самъ собою искусихъ и измѣрихъ и побродихъ на ону страну Іердана, и много походихъ по берегу тому Іерданову любовію; вшире же Іерданъ рѣка якоже на устьи Сновь рѣка есть. И есть же по сей странѣ рѣцѣ купели тоя яко лѣсокъ малъ, древіе много по брегу Іерданову превысоко, яко вербіе есть, и подобно, но нѣсть верба; выше купели яко лозіе много по брегу Іердана, но нѣсть наша лоза, но инака, яко ксиляжи (1) подобно есть. И есть бо ту тростіе много и звѣріе многи ту живуть, и свиніи дикіи безъ числа много ту, и падруси (*леопарды*) мнози ту суть; ту же суть и лвове обонъ полъ (*на той странѣ*) Іердана въ горахъ каменныхъ, ту ся и ражаютъ (2). Друзіи же горы суть подъ тѣми горами, бѣлы (3) сутъ вельми, и ти суть близъ Іердана, да та зовется земля Заулоня и Нефталимля обонъ полъ Іердана. И ту же есть мѣсто близъ яко двою дострѣлу вдале отъ рѣкы Іердановы, къ возводу

---

(1) Даніилъ забылъ, кажется, о колодцѣ *Неемiи*.

(2) Урожай въ самъ-двадцать пять бываетъ не рѣдокъ въ Палестинѣ.

(3) Здѣсь Даніилъ говоритъ о томъ самомъ пустынникѣ, съ которымъ крестоносцы, по совѣту духовенства, совѣщались во время осады Іерусалима передъ приступомъ. Его называли *человѣкомъ божіимъ*.

(4) Это мѣсто есть единственное, которое служитъ вѣроятнымъ указаніемъ на родину Даніила. Рѣка Сновь протекаетъ въ Черниговской губерніи, она вытекаетъ изъ окрестностей Стародуба и впадаетъ въ Деспу. Другая рѣчка этого имени, въ Орловской губерніи, не можетъ быть примѣнена къ описанію Даніила, тогда какъ первая подходитъ къ нему довольно близко.

(1) *Ксиляжь* въ нѣкоторыхъ рукописяхъ *силязь* и даже *кисляжь*. Вѣроятно *кизиль*, имѣющій сходство съ кустами arbtus andrachnae, растущими въ изобиліи на берегахъ Іордана, и о которыхъ говорятъ въ своихъ путешествіяхъ Ирби и Мангль.

(2) *Іеремія* (XLIX, 19) и *Захарія* (XI. 3) говорятъ объ іорданскихъ львахъ. Въ жизни св. Герасима, который обиталъ въ іорданской пустынѣ, около половины V-го вѣка, мы читаемъ, что левъ, страдавшій отъ занозы въ ногѣ, пришелъ къ нему и, будучи излеченъ св. отшельникомъ, подчинился совершенно его власти. (Чети-минеи, 4 марта). Виллибальдъ 722 г. говоритъ о встрѣчѣ со львомъ въ горахъ самарійскихъ. Если львы не встрѣчаются уже болѣе собственно въ Палестынѣ, то ихъ находятъ еще за Іорданомъ.

(3) Вѣрное указаніе на мѣстность; подходящіе къ Іордану, по ту сторону, холмы составлены изъ бѣловатаго извѣстковаго кряжа.

лицемъ, идѣже Илія пророкъ вѣсхищенъ бысть на колесници огненѣ на небо. И ту же есть близъ потокъ Иліинъ воды исполненъ; вода же въ немъ течетъ быстро и красно по каменію въ Іерданъ; вода же та студена и сладка. И ту же есть печера св. Іоанна Предотечи надъ потокомъ тѣмъ: и ту воду пилъ Іоаннъ Предотеча Христовъ, егда ту жилъ въ той печерѣ святой. И ту же есть близъ другая печера, идѣже жилъ Илія пророкъ съ ученикомъ своимъ Іелисѣемъ. И то все видѣхъ очима своима грѣшныма.

(О горѣ, на ней же Моисій пророкъ престився и о монастырѣхъ. VII; О ерихоньскомъ градѣ; а се о мѣсто архангела Михаила, гдѣ явися Іисусу Навгину; VIII. О Лаврѣ Ѳеодосіевѣ и Савинѣ; IX. О Сіонѣ святѣмъ; и о ветьхомъ градѣ Іерусалимѣ, и о дому Іоанна Богослова; о Петровѣ отверженіи; X. О Виелеомѣ, идѣже Христосъ родися; о дому Есѳовѣ, Отца Давидова XI. О пути къ Хеврону; о дубѣ Мамврійстѣмъ. XII. О Хевронѣ горѣ; о печерѣ сугубѣй; о жертвѣ Авраамови; XIII. О манастыри св. Харитона. XIV. О пути, иже въ Галилею; о кладязи и о Самаріи градѣ. XV. О Васанвстѣмъ градѣ. XVI. О верховьи Іердановѣ; О мытницы Матвѣевѣ, апостола Христова. XVII. О градѣ Тиверіадѣ, и о мори, и о чудесѣхъ христовыхъ; о езерѣ Генсаридскомъ и о градѣ; о горѣ Ливаньстѣй. XVIII. О горѣ Ѳаворьстѣй; о печерѣ Мелхиседековѣ. XIX. О градѣ Назареѣ; о благовѣщеніи св. Богородици).

XX. О Кана Галилеи. ..Не видѣхомъ бо зла ничтоже на пути, ни отъ погаными, ни отъ звѣри лютаго, ни болѣзни въ тѣлѣ своемъ не чюяхомъ ни мало, но всегда яко орель облегчаемъ и божіею благодатію укрѣпляемъ яко елень крѣпкоходимъ, безъ всякаго труда и безъ лѣности. Аще и похвалити ми ся подобаеть, но силою Христа моего похвалюся; якоже бо Апостолъ Павелъ глаголеть: сила бо моя въ немощи свершается. Да что въздамъ Господеви моему о всѣхъ, яже въздасть мнѣ худому рабу своему, яко сподоби мя толику благодать видѣти и походити по святымъ симъ мѣстомъ и исполнити желаніе сердца моего; его же не надѣялся есть видѣти, и то ми все показа Богъ видѣти рабу своему. Да простите мя, отцы и братіе и господіе мои, и не зазрите худоумію моему и грубости моей, еже азъ написахъ не хитро, но просто написахъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ и о св. градѣ Іерусалимѣ и о всей земли обѣтованнѣй древле Богомъ Аврааму; обаче аще не мудростію, но безъ лжи, якоже видѣхъ очима своима грѣшныма, такоже и написахъ.

XXI. О свѣтѣ святѣмъ, како сходить съ небесе къ гробу господню.—И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему Даниилу иноку, видѣхъ бо очима своима грѣшныма по истинѣ, како сходить свѣтъ святый къ гробу животворящему Господа Спаса нашего І. Христа. Мнози бо иніи странници неправо глаголють о схожденіи свѣта святаго: иніи убо глаголють, яко голубемъ сходить Духъ св. къ гробу господню, а друзіи глаголють яко молніа сходить и вжигаеть кандила надъ гробомъ господнимъ: то есть лжа, ничтоже бо тогда видѣти, ни голуби, млъніи, но тако невидимо сходить благодать божіа, и вжигаются кандила надъ гробомъ господнимъ. Да о томъ скажу еже видѣхъ по истинѣ. Въ великую пятьницу по вечерніи потирають гробъ господень и помываютъ кандила сущая надъ гробомъ господнимъ, и наливаютъ каньдила та масла древяного чиста безъ воды, одного, и вложать свѣтила и не вжигають свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставляють свѣтила та не въжжена и запечатаютъ гробъ господень въ 2 часъ нощи (1); тогда же изгасять вся кандила не токмо ту сущая, но и по всѣмъ церкамъ иже въ Іерусалимѣ. Тогда и азъ худый идохъ въ ту же пятницу ве-

(1) Не должно забывать, что часы дня и ночи считаются въ Палестинѣ отъ восхожденія и захожденія солнца, такъ что первый часъ дня въ Іерусалимѣ, по нашему счету, есть седьмой часъ утра, а первый часъ ночи въ Іерусалимѣ есть седьмой часъ вечера у насъ.

ликую въ 1 часъ дни къ князю Балдвину, и поклонихомся ему до земля; онъ же видѣвъ мя поклонившася, и призва мя къ себѣ съ любовію, и рече ми: что хощеши, игумене рускый?—позналь бо мя добрѣ и любляше мя велми, якоже бяше мужъ благъ и смиренъ и не гордить ни мало. Азъ же рекохъ ему: господине княже, молюся тебѣ Бога ради и княжей дѣлма (*ради*) рускыхъ, хотѣлъ былъ и азъ поставити кандило свое надъ гробомъ господнимъ за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христіане Рускыя земля. И тогда же князь повелѣ ми поставити свое кандило, и съ радостію посла съ мною мужа своего лучьшаго къ иконому св. Въскресенія и къ тому, иже держить гробъ господень. Повелѣста ми оба, икономъ и ключарь гроба господня, принести кандило свое съ масломъ; азъ же поклонихся имъ съ радостію великою и шедъ на торгъ и куних кандило стклянное велико и наліяхъ масла древянаго чистаго безъ воды, и принесохъ къ гробу господню, уже вечеру сущу, и умолихъ ключаря того единаго и възвѣстихъ ему; онъ же отверзе двери господня гроба и повелѣ ми выступити изъ калигъ и введе мя босого въ гробъ господень съ кандиломъ, еже ношахъ азъ рукама своима грѣшныма, и повелѣ ми поставити кандило на гробѣ господни, и поставихъ своима рукама грѣшныма въ ногахъ, идѣже лежаста пречистія нози Господа нашего І. Христа, въ главахъ стояше кадило греческое, на персехъ поставлено бяше кандило св. Савы и всѣхъ монастырей; тако бо обычей имуть, по вся лѣта поставляють кандило греческое и св. Савы. Благодатію же божіею та три кандила въжглися долняа, а фряжская кандила повѣшена суть горѣ, и отъ тѣхъ кандилъ ни единого же не возгорѣся тогда, толико тѣ 3 едини въжглися. Азъ же поставихъ кандило свое на св. гробѣ Господа нашего І. Христа и поклонихся честному гробу господню, и облобызавъ съ любовію и съ слезами мѣсто то св. и честное, идѣже лежало пречистое тѣло Господа нашего І. Христа; и изыдохомъ изъ гроба того святаго съ радостію великою и идохомъ, къждо въ келью свою. Заутра же въ великую суботу въ 6-й часъ дни събираются людіе предъ церквію Въскресенія христова безчислено много множество людій отъ всѣхъ странъ пришелци и тоземци отъ Вавилона, и отъ Египта, и отъ Антіохіа и отъ всѣхъ странъ ту ся събирають въ тотъ дѣнь несказанно много людій и наполняются вся та мѣста около церкви и около Распятіа господня; велика же тѣснота бываетъ тогда въ церкви и около церкви, мнозѣ бо тогда задыхаются отъ тѣсноты людій тѣхъ; и тѣ всѣ людіе съ свѣщами стоять невъжженами и ждуть отверзенія дверій церковныхъ. Внутрь же церкви попове ждуть съ людми, дондеже пріидеть князь Балдвинъ съ дружиною своею, и бываетъ тогда отверзеніе дверемъ церковнымъ, и входять тогда вси людіе въ церковь въ тѣснотѣ велицѣ, исполняють церковь ту и полату, и всюдѣ полно будеть въ церькви и околъ Голгоѳы и около Краинева мѣста и дотолѣ, идѣже налѣзенъ крестъ господень все полно будеть людій, иного не глаголютъ ничтоже, но токмо Господи помилуй зовуть не ослабляющи и воніють силно, якоже тутнати и и възремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ; источници ту слезамъ проливаются отъ вѣрныхъ человѣкъ; аще бо кто окамененъ сердцемъ своимъ, да и той тогда можеть прослезитися, всякъ бо человѣкъ тогда зазрить себе и поминаетъ грѣхы своя и глаголетъ въ себѣ: егда моихъ ради грѣховъ не снидетъ Духъ Святый! И тако стоять вси вѣрніи, слезно и съкрушено сердце имуще, и той самъ князь Балдвинъ стоить съ страхомъ и смиреніемъ великымъ, источникъ слезъ проливаются отъ очію его; такоже и дру-

жина его стоить около его прямо гробу близъ олтаря великаго (1). Яко бысть 7 часъ суботнаго дни, поиде князь Балдвинъ изъ дому своего къ гробу господню и съ дружиною своею и вси боси и пѣшіи идуть съ нимъ. И присла князь въ метухію св. Савы, и позва игумена съ черноризцы его, и поиде игуменъ съ братіею къ гробу господню, и азъ худый тутъ же идохъ съ игуменомъ тѣмъ и съ братіею, и пріидохомъ къ князю тому, и поклонихомся ему вси. Тогда и онъ поклонихся игумену св. Савы. И повелѣ князь игумену св. Савы и мнѣ худому съ ними пріити близъ себе, а инѣмъ повелѣ предъ собою ити, а дружинѣ повелѣ по собѣ ити. И пріидохомъ въ церковь Въскресенія Христова къ западнымъ дверемъ, и се множество людій заступиша двери церковныя, и не могохъ внити къ церковь. Тогда повелѣ князь Балдвинъ воемъ своимъ разгнати люди насильствомъ; и сътвориша яко улицу сквозѣ люди полно (*даже*) и до гроба господня и тако възмогохомъ проити. И пріидохомъ къ восточнымъ дверемъ господнимъ гробнымъ, а князь по насъ пріиде и ста на мѣстѣ своемъ на десной странѣ у перегороды великаго олтаря противу въсточнымъ дверемъ гробнымъ; ту бо есть мѣсто княже создано высоко; повелѣ же игумену св. Савы стати надъ гробомъ съ всѣми черньцы и съ правовѣрными попы, мнѣ же худому повелѣ стати высоко надъ самыми дверьми гробными противу великаго олтаря, яко зрѣти ми бяше въ гробныя двери; двери же гробныя вси три замчены и запечатаны царскою печатію. Латыньскыи же попове въ велицѣмъ олтари стояху. И бысть яко 8 часъ дни, начаша пѣти вечерьную правовѣрніи попове на гробѣ горѣ, и вси мужи духовніи черноризцы же и пустынници мнози бяху пришли; а Латыня же въ велицѣмъ олтари начаша верещати съвойскы, и тако поющымъ имъ. Азъ же ту стояхъ и прилѣжно зряхъ къ дверемъ гробнымъ. И яко начаша пареміи чести суботы великыя, и изыде епископъ съ діакономъ своимъ изъ великаго олтаря и приде къ дверемъ гробнымъ, и позрѣвъ гробъ господенъ сквозѣ хрестьцы дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта въ гробѣ и възвратися опять въ отларь. Яко начаша чести 6-ю паремію, и той же епископъ съ діакономъ пріиде пакы къ дверемъ гробнымъ, и не увиде ничтоже въ гробѣ господни, тогда же вси людіе възпиша съ слезамі *кирѣ елейсонъ* (Господи, помилуй!). Якоже бысть девятый часъ дни мимоходящу, и начаша пѣти пѣснь преходную «Господеви поемъ», и тогда внезапу пріиде туча отъ въстока мала и ста надъ врьхомъ непокрытымъ тоя церкве и одожди надъ гробомъ святымъ, и смочи насъ добрѣ стоящихъ надъ гробомъ господнимъ; и тогда внезапу облиста свѣтъ святый въ гробѣ господни, и изыде блистаніе свѣта того страшно и свѣтло зило изъ гроба того святаго. И пришедъ епископъ съ четырми діаконы отверзоша двери господня гроба и вземъ свѣщу у князя, и вниде епископъ въ гробъ господень и въжже первое ту свѣщу отъ свѣта того святаго, и изнесша изъ гроба свѣщу ту, и вдасть ю самому князю въ руцѣ; и ста князь на мѣстѣ своемъ држа свѣщу ту съ радостію великою зѣло; и тоя свѣща мы въжгохомъ вси свои свѣщи, а отъ нашихъ свѣщь вси своя въжгоша свѣща. Свѣтъ же святый нѣсть яко огнь земный, но инако, свѣтится изрядно пламень той его яко киноварь. И тако вси людіе стоять съ свѣщами горящими и вопіютъ же вси непрестанно съ радостію великою зило и съ веселіемъ, видѣвше свѣтъ святый божій. Иже бо кто не видѣвъ тоя радости въ той день, то не иметь вѣры сказающему о всемъ томъ видѣніи; обаче вѣрніи добріи человѣци велми вѣру-

(1) Главный престолъ стоялъ передъ аркадою, образующею входъ въ большую церковь грековъ.

ють и въ сласть послушають сказаніа сего о святыни сей и о мѣстѣхъ сихъ святыхъ: вѣрный бо въ малѣ и въ мнозѣ есть вѣренъ, и злу человѣку истина крива есть. Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и св. гробъ господень и вся дружина моя рускыи сынове, и приключишася тогда Новугородци и Кіане: Сѣдеславъ Иванковичь, Гордославъ Михалковичь, Кашкича два и иніи мнозѣ, иже свѣдають о мнѣ и о сказаніи. Но възвратимся на прежереченное И егда же свѣтъ въсіа въ гробъ господни, тогда пѣніе преста и вси възпиша кириелейсонъ, потомъ поидоша изъ церкви съ радостію великою и съ свѣщами горящими и съблюдающе кождо свѣща своя отъ угашеніа вѣтреняго, и идоша кождо въ домы своя, и отъ того свѣта святаго възжигаютъ свѣща въ своихъ церквахъ кождо ихъ и кончаютъ пѣніе въ своихъ церквахъ кождо ихъ; въ велицѣй же церкви у гроба господня сами попове безъ людій кончаютъ пѣніе вечернее. Тогда же мы съ игуменомъ и съ братіею идохомъ въ свой манастырь несуща свѣща своя горящая, и ту кончахомъ пѣніе вечернее и идохомъ въ келія своя хваляще Бога, показавшего намъ ту благодать видѣти. Въ утрій же день Въскреніа Христова, въ недѣлю сѣ. Пасхы на заутрени отпѣвше како подобаеть, и бывшу цѣлованію съ игуменомъ и съ братіею и отпущенію бывшу въ 1 часъ дня, и вземъ игуменъ крестъ съ братіею и идохомъ къ гробу господню, поюще кондакъ: »Аще и въ гробъ сниде бесмертне»,—и вшедъ въ гробъ животворящій, и облобызавше съ любовію и слезами теплыми, насладившеся тую воня тоя блауханныя сѣ. Духа пришествіемъ, и кандиломъ тѣмъ еще горящимъ дивно же и чюдно и изрядно вельми; та бо кандила три възъглася сама тогда, егда снидетъ свѣтъ святый, якоже ны повѣда иконом и ключарь господня гроба; а иныхъ висить пять кандилъ надъ гробомъ господнимъ и

горяху тогда же, но свѣтъ ихъ инакъ бѣаше не якоже онѣхъ трехъ кандилъ изрядно и чюдно свѣтятся. И потомъ изыдохомъ изъ гроба господня въ въсточными дверми, и вшедше въ олтарь и створихомъ цѣлованіе съ правовѣрными попы христіаньскыми и сурьянскими (*сирійскими*), изыдохомъ изъ церкви и идохомъ въ свой манастырь и ту опочивше до литургіи.

И по трехъ днехъ и по литургіи идохъ азъ ко ключарю гроба господня и рекохъ ему: хотѣлъ быхъ взяти кандило свое. Онъ же поимъ мене съ любовію, единого токмо введе мя съ собою въ гробъ, и вшедъ въ гробъ обрѣтохъ кандило свое надъ гробомъ господнимъ еще горяще свѣтомъ тѣмъ святымъ. И поклонихся гробу тому святому и облобызавъ мѣсто то честное, идѣже лежало тѣло пречистое господа нашего І. Христа. Тогда бо измѣрихъ гробъ святый въ длину и въ ширину и въ высоту, при людѣхъ бо невозможно измѣрити никомуже; и почтихъ гроба господня како мога, по силѣ, и потому ключареви подахъ нѣчто мало и худо благословеніе. Онъ же видѣвъ любовь мою къ гробу господню и къ тому самому, удвигнувъ же дъскы сущая въ головахъ св. гроба, и уломи ми тако камени того святаго нѣчто мало на благословеніе, и запрети ми съ клятвою не повѣдати никому же въ Іерусалимѣ. Азъ же поклонихся гробу господню и тому ключареви, и вземъ кандило свое съ масломъ еще горящимъ и изыдохъ съ радостію великою зѣло, обогатѣвся благодатію Божіею, нося въ рукѣ моею даръ св. мѣста и знаменія св. гроба господня, и идохъ радуяся яко нѣкако съкровище богатьства обрѣтохъ, и идохъ въ келію свою съ радостію великою.

(XXII. О мѣстѣ Голіадовѣ и о мученицѣхъ; о дому Захаріинѣ, отца Іоанна Крестителя; о Рамѣ и о Еммаусѣ; о горѣ Кармильстѣй.

Послѣсловіе.— Ходилъ есми тамо во княженіе руское в. кн. Святополка Изяславича, мнука Ярослава Володимерича кіевьскаго. Богъ тому послухъ и св. гребъ господень. Въ всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забывахъ именъ князей рускыхъ, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ николиже не забывалъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ. О семъ похвалю преблагаго Бога моего, яко сподоби мя написати имена рускыхъ князей въ лаврѣ у св. Савы, и нынѣ поминаются въ октеніяхъ. Се же суть имена ихъ; Михайло Святополкъ, Василей-Владимерь, Давыдъ Святославичь, Михайло-Олегъ, Панкратей-Ярославъ Святославичь, Ондрей-Мстиславъ Всеволодовичь, Феодоръ Мьстиславъ Володимеровичь, Борись Всеславичь, Глѣбъ Минскій, Давыдъ Всеславичь; — толико бо есмь поминалъ именъ ихъ, да тѣхъ и вписалъ есмь; прочее же о всѣхъ рускыхъ князей и о боярехъ и о всѣхъ христіанехъ Рускыя земля, и отцѣхомъ же литургій всѣхъ 90 за князей и за бояръ и за дѣти моя духовныя и за правѣвѣрныя христіане, за живыя 50, а за мертвыя 40; быша же литургіи ти у гроба господня и въ всѣхъ мѣстѣхъ святыхъ. Буди же всѣмъ почитающимъ писаніе се, благословеніе отъ Бога и отъ св. гроба господня и отъ всѣхъ мѣстъ сихъ святыхъ: пріиметъ бо мьзду равну съ ходившими до св. града Іерусалима и видѣвши(ми) мѣста си святая вся, Блажени бо видѣвше и вѣроваша; треблаженіи не видѣвше вѣроваша. Вѣрою бо пріиде Авраамъ въ землю обѣтованную. По истинѣ бо вѣра равна добрымъ дѣломъ. Но Бога дѣля, отцы и братіа, господіе мои, не зазрите худоумію моему и грубости моей! да не будетъ въ похуленіе написаніе сіе мене дѣля худаго; Бога дѣля и святыхъ дѣля мѣстъ почтете его съ любовію, да мьзду пріимете равну отъ Бога Спаса Господа нашего І. Христа; да Богъ мира будетъ съ всѣми вами въ вся вѣкы. Аминь.

(Изд. Археогр. ком.: »Путеш. Игум. Данила». Спб. 1868).

См. также путешествіе Добрыни въ Царьградъ и хожденіе Пимена. Сказ. рус нар. Сахарова. VIII.

Этотъ важный памятникъ русской письменности, начала XII в., заключаетъ описаніе паломничества въ св. землю русскаго игумена Даніила, современника лѣтописца Нестора. Можно предположить, что онъ былъ уроженцемъ черниговской губ., судя по дѣлаемому имъ сравненію Іордана съ р. Сновь, протекающею чрезъ черниговскую губернію. Благочестивый паломникъ говоритъ въ своемъ послѣсловіи: »Ходилъ есми тамо во княженіе русское в. кн. Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича кіевскаго« (1093—1113). Мы находимъ также имена нѣкоторыхъ русскихъ князей, живущихъ въ концѣ XI или въ началѣ XII в., которыхъ онъ поминалъ на эктеніяхъ. Ему сопутствовали или одновременно съ нимъ были въ Іерусалимѣ нѣкоторые его соотечественники изъ Новгорода и Кіева. Карамзинъ считалъ весьма вѣроятнымъ, что Алексѣй Комненъ обращался съ воззваніемъ къ Русскимъ для войны противъ общихъ враговъ христіанства. Норвежецъ Сигурдъ былъ не многимъ ранѣе Даніила въ Палестинѣ. Даніилъ былъ хорошо извѣстенъ королю Балдуину I, мѣстопребываніе котораго было тогда въ Іерусалимѣ. Онъ говоритъ о благосклонномъ расположеніи его къ нему и отзывается съ благодарностію о дозволеніи, данномъ ему королемъ, воспользоваться его походомъ въ Дамаскъ (1115 г.) для обозрѣнія святыхъ мѣстъ Галилеи.

Это путешествіе тѣмъ любопытнѣе, что оно представляетъ болѣе обширное поле для изслѣдованія Святыхъ мѣстъ, нѣмъ описаніи Даніиловыхъ предшественниковъ: Аркульфа, Виллибальда, Бернарда ле-Сажа, Епифанія, Евгезиппа, и его современника Зевульфа, также и писавшихъ уже въ концѣ XII-го вѣка, Вениамина Тудельскаго и Фоки. Даніилъ говоритъ, что онъ ничего не жалѣлъ для того, чтобы имѣть лучшихъ проводниковъ; и дѣйствительно, мы находимъ у него гораздо менѣе неточностей, чѣмъ у его предшественниковъ и современниковъ; эти неточности можно даже отнести къ переписчикамъ, которые искажали часто текстъ и дѣлали въ немъ вставки въ теченіе болѣе семи вѣковъ.

Описаніе Данилово обнимаетъ всю Святую землю; оно драгоцѣнно по многимъ подробностямъ о святыняхъ этой земли, также и въ отношеніи къ топографіи святыхъ мѣстъ. Его разсказъ о проявленіи святаго огня въ Великую Субботу, въ присутствіи короля Балдуина, весьма любопытенъ. Легко можно убѣдиться, что Данилъ писалъ свое путешествіе отрывками, послѣ каждой поѣздки, давая особое заглавіе каждому изъ этихъ отрывковъ, которые расположались переписчиками въ произвольномъ порядкѣ; по этой-то причинѣ, путешествіе въ Галилею составляетъ, въ рукописяхъ, отдѣльный разсказъ, который былъ ошибочно помѣщенъ послѣ описанія его обратнаго путешествія въ Константинополь.

Путешествіе игумена Данила нельзя отстранить позднѣе начала 1113 г., который былъ послѣднимъ владычества Святополка, умершаго 16 апрѣля, и о кончинѣ котораго Данилъ во время своего странствованія не зналъ. Возвратъ же Данила должно полагать въ половинѣ 1115 года, послѣ похода Балдуина на Дамаскъ, въ княженіе Владиміра Мономаха. Поэтому, нельзя принять мнѣнія Карамзина, который полагалъ, что паломникъ Данилъ могъ быть тотъ самый Данилъ, который былъ поставленъ юрьевскимъ епископомъ въ 1113 г.

Первымъ изданіемъ Данила мы обязаны г. Сахарову, который напечаталъ его путешествіе въ 1-й части »Путешествій русскихъ людей по Святой землѣ« (Спб. 1839), а послѣ 2-мъ изданіемъ въ своемъ сборникѣ: »Сказанія русскаго народа« (Т. II, кн. 8. Спб. 1849).

206. Поученіе Владиміра Мономаха до 1125.

Азъ худый — сѣдя на санехъ (*на смертномъ одрѣ*), помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днevъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ому же любо дѣтій моихъ, а приметъ е въ сердце свое и не лѣнитися начнетъ, такоже и тружатися.

Первое, Бога дѣля и душа своея: страхъ имѣйте божій въ сердци своемъ, и милостыню творя неоскудну: то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотица си, а не поохритаются (*пусть не сердятся*), но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санѣхъ сѣдя безлѣпицю (*нельпое*) си молвилъ. Усрѣтоша бо мя слы (*послы*) отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: »потъснися (*поспѣши*) къ намъ, да выженемъ (*выгонимъ*) Ростиславича и волость ихъ отимемъ, иже ли не пойдеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ«, и рѣхъ: »аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити«. И отрядивъ я, вземъ Псалтырю, въ печали разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя, и проч.

Якоже бо Василій (*Кесарійскій*) учаше, собравъ ту юноша, душа чисты, нескверни... при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными и меньшими любовь имѣти; безъ луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, необильно смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душю горѣ... О Владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не взношуся суетою міра сего въ пустошнемъ семъ житьи. Научися, вѣрный человѣче, быти блогочестно дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла Господа ради: лишаемъ не мьсти, ненавидимъ, любо гонимъ, терпи, хулимъ, моли, умертви грѣхъ, избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю: придѣте, да сожжемъся, глаголеть Господь: аще будуть грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіяеть весна постная, и цвѣтъ покаянья: очистимъ собѣ, братья, отъ всякоя крови плотскыя и душевныя, Свѣтодавцю вопіюще, рцемъ: слава тобѣ, человѣколюбче.

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ, мы человѣци грѣшни суще и смертни, кто оже (*ежели кто*) ны зло створить, то хощемъ и (*его*) пожрети, и кровь его польяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣяй животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего, яко отець чадо своея любя, бья, и пакы привлачить е къ собѣ, такоже и Господь нашъ: показалъ ны есть на врагы побѣду 3-ми дѣлы добрыми, избыти его и побѣдити его, покаяньемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3 дѣлъ тѣхъ, не бо суть тяжка: ни одиночьство, ни черство, ни голодъ, яко иніи добріи терпять, но малымъ дѣломъ улучити милость божью.

Послушайте мене, аще не всего пріимете, то половину. Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй: и въ церкви то дѣйте, и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитеся до земли, али вы ся начнеть не мочи, а трижды, а того не забывайте, не лѣнитеся; тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче, не будеть ни съ кымъ орудья (*дьла*), аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а »Господи помилуй«, зовѣте безпрестани втайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши (*лучше*), нежели мыслити безлѣпицю (*глупости*).

Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива (*виноватаго*) не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляете ни какоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомъ, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоея же, аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивше сердце свое, на немже можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдете, да не преступни погубите душѣ своеѣ. Епископы и попы, и игумены (*чтите*), съ любовью взимайте отъ нихъ благословенье; и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да пріимете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесь живи, а заутра въ гробъ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое: поручилъ ны еси на мало дній; и въ земли не хороните,—то ны есть великъ грѣхъ (*т. е. не зарывайте кладъ въ землю*).

Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. Въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите: не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему.

На войну вышедъ не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденью не лагодите (*не льститесь*), ни спанью: и сторожѣ сами наряживайте и ночь отвсюду нарядивше около вой, то же лязите; а рано встанѣте, а оружья не снимайте съ себе: въ борзѣ не розглядавше, лѣнощами внезапу бо человѣкъ погибаеть. Лжѣ блюдися, и пьянства, въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнуть. Кудаже поидете, идѣже станете, напойте

накормите унеина (1), и болѣ же чтите гость, откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы: и человѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти.

Се же вы (*вамъ*) конець всему, страхъ божій имѣйте выше всего: аще забываете всего, а часто прочитайте, и мнѣ будеть безъ сорома и вамъ будеть добро. Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите: яко же отецъ мой дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ (2), въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе: первое къ церкви, да не застанеть васъ солнце на постели. Тако бо отець мой дѣяше блаженый и вси добрiи мужи свершенiи, заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю всходящу, и узрѣвше солнце и прославити Бога съ радостью, и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ (*остальное*) грѣховъ своихъ покаявся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога. И сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птици, и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску. И паки 2-е къ Смолиньску, и т. д. (*сльдуетъ перечень всѣхъ походовъ Мономаха*). А всѣхъ путiй 80 и 3 великихъ, а прока (*прочихъ*) не испомню меншихъ. И миров есмь створилъ съ половеческыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ (*безъ*) отца. А дая скота много, и многы порты своѣ, и пустилъ есмъ Половечскыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ 100... по чередамъ избьено не съ 200 въ то время и лѣпшихъ. А се тружахся, ловы дѣя:... конь дикихъ своими руками связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по Роси ѣздя имахъ есмь своима рукама тѣ же кони дикiѣ.

Тура ми 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень ми одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногама топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь (*волкъ*) скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже: и Богъ неврежена мя съблюде, и съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и ногъ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя, напосадники не зря, ни на бирчи (*позовщики*) самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчiй нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о истрябѣхъ, то же и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есть силнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ.

---

(1) *Унеина*—по объясненію г. Буслаева, можетъ быть, *уне ина*, т. е. лучше накормить инаго, кого нибудь. Истор. христ., стр. 4759. Шевыревъ *унеина* переводитъ *хозяина*. Ист. Р. Слов., т. II, стр. 195. Лучше объяснять такъ: *юнеина*, маляго, слабаго, бѣднаго.

(2) Выучился пяти языкамъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто прочетъ: не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога, и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико (*столько*) лѣтъ соблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть, оже бо язъ (*азъ, я*) отъ рати и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня спадаяся, то ни кто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно: а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но отче добро есть блюсти. Божіе блюденье лѣплѣе есть человѣческаго...

(Лавр. 100—107).

Сравни «Поученіе отца къ сыну» изъ Акира. Отеч. Зап. 1855, № 2. Изв. Акад. 1855, 151—153. Посланіе нѣкоего отца къ духовному сыну. Ист. Рус. Ц. II, пр. 254.

Обратить вниманіе на княжескій бытъ.

207. Каноническіе вопросы и отвѣты:

а] Вопросы Кирика до 1456. (1). Оже будетъ кый (*какой*) человѣкъ и крещенъ въ латыньскую вѣру, и вѣсхощеть приступити къ намъ. Ать (*пусть*) ходить въ церковь по 7 дній, а ты первѣе нарекъ ему имя, таже (*потомъ*) 4 молитвы створяй ему на день, иже то по 10-жды молвяться; а мяса не дай, ни молока, и отъ оглашенныхъ. И тако осмый день измыеться и придеть къ тобѣ, и створи ему молитвы по обычаю и облечеши и въ порты чисты, или сам ся, и надежеши (*надънешь*) ризы крестныя, и вѣнець, и тако помажеши и святымь мюромь, и дай ему свѣщю. А на литуръгіи даси ему причастье, и тако держи и, яко и новокрещенаго, Аще мощьно и до осмаго дне..,

И се ми повѣдалъ чернець пискупль (*епископскій*) Лука Овдокимъ. Молитвы оглашеныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину, преди крещенія 40 дній поста, исъ церкви исходити отъ оглашеныхъ; Словѣнину за 8 дній; молуду дѣтяти все (в)другъ. А оже бы предъ за колко дній, а то то луче вельми...

Достоинъ ли, рече, глиньну съсуду молитву даяти, осквьрньшю ся, цили (*или*) толико древяну, а инѣхъ избывати? — Якоже древяну, такоже глиньну, тако мѣди, и стьклу и сребру, и всему творится молитва.

А за упокой сице веляше служити: сорокоустье на гривну пятью служити, а на 6 кунъ одиною, а на 12 кунчю, или како мога; но все за того единаго и пѣніе и служба: того вино, темьянъ (*ѳиміамъ, ладанъ*), и свѣщи. Проскуры всегдаже служи 3-ми проскурами: одину великую преже доры выяти, идѣже мертвый не вмѣняется, а онѣ двѣ за упокой; а вино свое держа, купи въ корчагу, такоже темьянъ; а на томь емли собѣ. А испрашай, рече, или самъ разумѣй: коли ти дати вѣвериць (1), а на томь елико служьбе, разложи свѣчи и все, рече ему: а еже бы елико суботъ вынимати за того и до сорочинъ (*сорока дней*); обаче много бываеть свѣчь и

(1) Заглавіе въ ркп: »Вопрашаніе Кюриково, еже въпраша епископа новгородьскаго Нифонта и инѣхъ.«

(1) Куны, вевернцы, гривны — древнія монетныя единицы.

вѣвериць. А наимъ дѣля, рекше лихвы, тако веляше учить. Аже попа, то рци ему: недостоить ти служити, аще того не останеши. А еже простьца, то рци ему: недостоить ти имати и намъ. Мнѣ, рци, грѣхъ не молвивше. Дажь (*если же*) не могуть ся хабить (*отстать*), то рци имъ: будите милосерди, възмете легко; аще по 5 кунъ далъ еси, а 3 куны възми или 4.

И се Владыко, оже жены наиболѣ кланяються въ суботу до земля, тако молвя: за упокой кланяемся? Борони, рече, велми того: въ пятокъ по вечерни не дай, а въ недѣлю по вечерни достоить. Достоитъ ли рѣзати въ недѣлю, (*въ воскресенье*) скотъ, оже ся пригодить, или птица? Недѣля честенъ день есть и праздьнъ, иже ити въ церковь и молитися, да того дѣля ать не тому стануть. Аже рѣзати въ недѣлю что хотяче, нѣту бѣды, ни грѣхъ, спроста, оже ся пригодить или праздникъ или гость, или что отьинудь, невзбраньно есть.

А иже се, рѣхъ: идутъ въ сторону, въ Ерусалимъ къ святымъ, а другымъ азъ бороню (*возбраняю*), не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти. Нынѣ другое уставихъ: есть ли ми, владыко, въ томъ грѣхъ? Велми, рече, добро твориши: да того дѣля идеть, абы порозну (*праздну*) ходяче ясти и пити; а то ино зло, борони, рече.

Аже се Родуи Рожяницѣ кроють, хлѣбы и сиры и медъ? Бороняше велми, нѣгдѣ, рече, молвишь: горе пьющимъ рожяницѣ! Въ чистую недѣлю достоить медъ ясти прѣсный, квасъ житный, а икра по все говѣніе бѣлцемъ.

Прашахъ его: гдѣ есть крестъ честный? Тако повѣдають, рече, намъ: яко не дошле Цараграда, егда обрѣтене възнесльса на небеса, тако зовуть мѣсто то: божіе Взнесеніе, а на земли осталося подножіе.

Канунъ нѣти на заутрени праздникомъ и бесъ кутіи, а за упокой въ суботу. А крестити на блюдѣ, развѣ сочива, вся: горохъ, бобъ, соцевица, равифь, на 4 части всопше (*всыпавъ*) со пшеницею и съ коноплями, а овощь который имѣюче.

Зашедшю солнцю, недостоить мертвеца хоронити, не рци тако: борзо дѣлаемъ, нѣли (*авось, развъ не*) како успѣемъ до захода; но тако погрѣсти, яко и еще высоко, како и вѣнець ещь на сыйметься съ него: то бо послѣднее видить солнце до общаго воскресенія.

Оже кости мертвыхъ валяються кдѣ, то велика человѣку тому мьзда, оже погребуть ихъ.

Икону погребли бяху съ мертвецемъ святаго Михаила, и не повелѣ възгребати (*отрывать*): Крестьянъ, рече, есть.

Прашахъ причащаніе дѣтемъ на Великъ день. Остави, рече, въ великую суботу служивъ, причащаніе и дору (*просфору*), и дай по заутреней въ недѣлю; таже сыръ, яица; любо си и не было на заутрени, часовъ не пой имъ, и молитву творивъ имъ, и тако дай причащаніе. Сеже написахъ тѣхъ дѣля, иже не могуть до обѣда блюстися не ядуче; а съ ссущими, коли хотяче причащатися, съсавше нѣту бѣды.

А оже то, рѣхъ: Яицемь толчете въ зубы до обѣдни, аще и велиціи? Еже малымъ, рече, то нѣту бѣды, причащаються; а иже съвершену, аще поне единою потолчеть, то нѣсть бѣды причащатися; а иже многажды а помня, а то акы обидно, того възбраняй. То кто, рече, кормить дѣтя, или родная мати, или кормилица, да не ясть до обѣда; ащели ясть, то не дай дѣтяти причащанія; а на обѣдѣ не ясти ей мяса, ни молока до осмаго дни, нъединой.

Нѣсть ли въ томъ грѣха, аже по граматамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова будуть знати? Рѣхъ ему: а оже, Владыко, се друзіи

наложници водять явѣ и дѣтя родять, яко съ своею, и други съ многими этай рабами, которое луче? Се недоброе, рече, ни се, ни оно.

Рѣхъ: владыко! аже пустити свободна? Сдѣ, рече, обычай нѣсть таковъ; а лѣпше иного человѣка въскупити, абы ся и другая на томь казнила (*наказывались, научались*). Прочтохъ же ему изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ суботу и въ пятокъ лежить человѣкъ, а зачнеть дѣтя, будеть любо татъ, любо разбойникъ, любо блудникъ, любо трепетивъ; а родителма опитемья двѣ лѣта. А ты книги годяться съжечи.

А се прочтохъ ему, како опитемьи избавляеть 10 литургій за 4 мѣсяцы, а 20 за 8, а 30 за лѣто. Что, рече, что ся написано: Царь бы, али иніи богатіи съгрѣшающе, а даяли за ся службу, а сами ся не отречени мало. Неугодно. (1)— Прашахъ брашна (*пищи*) дѣля, что-то ѣмы, егоже недостоить, или мы или бѣльци? Всѣ, рече, ѣсти, и въ рыбахъ и въ мясѣхъ, аще и самъ ся не зазрить, ни гнушается; ащели зазриться, а ѣсть, грѣхъ есть ему.

А еже, рѣхъ, кровь рыбію ѣмы? Нѣту бѣды, рече, развѣ (*кромѣ*) животьныя кръве и птица.

Рѣхъ ему: творять иніи, слышавъше отъ инѣхъ Епископъ, яко застанещь въ силцѣ (*въ силкѣ*) уже удавившеся, ту зарѣжи, не вынимая, а сильць того дѣля есть поставилъ. Лъжють, рече, не молъвшѣ (*не говорилъ*) того никоторый же Епископъ. И притчю рече такову. Тако глаголеть Господь: азъ рѣхъ вамъ, ѣсти мяса, еже есть отъ зелій, а кровь всякого живота пролей на землю; ащели ѣси ю, противникъ еси Богу, тогдѣ кръвь вънидѣть. Велми бороняшеть.

(1) Эти книги, очевидно, относились къ числу апокрофическихъ, отреченныхъ.

А тетеревину принесли ему бяху на пиръ, и повелѣ ему преметати чресъ тынъ (*заборъ*); и причащатися недостостоить, рече, ѣдъше. Яковъ братъ господень: ничего не възбраняй, рече, развѣ блуда, и доложертвенна, давленины, кровѣ, звѣроядины, мертвечины. А смердъ (*простонародье*) дѣля помолвихъ, иже по селомъ живутъ, а покаються у насъ, оже то друзіи ядять вѣверечину (*былку*) и ино. Злѣ, рече, въ злѣ ясти давленина; аще быша и вѣверечину яли, или ино не давлено, нѣту бѣды, — вельми лъжае (*Это весьма лживо*). А молозива (1), рече, лихо (*худо*), негодно бы ясти его, яко съ кровью есть; да быша съ три дни теляти да яли, а потомь чистое сами ѣли. И повѣда ему попинъ (*попъ*) его: ядять, рече, въ городѣ семь мнози. И онъ помъльче (смолчалъ). А пъртъ дѣля (*о платыь*), въ чемъ хотяче ходити? Нѣтуть бѣды, хотя и въ медвѣдинѣ.

Рѣхъ: аже мужь будетъ грѣшенъ человѣкъ, яко связати (*епитеміей*) и на 10 лѣтъ, лзѣ ли первая заповѣдь дати ему съ лѣто, или съ 2 или съ 3; еже отинудь (*отнюдь*) ему не ясти мясъ, не меду пти и на великъ день (*на пасху*).

(Пам. XII в. 173—195).

б] Савины Главы: Въ клѣти иконы дьржати или честьный крестъ, достоитъ ли быти съ женою своею? Ни въ грѣхъ, рече, положена своя жена. Аще и что будеть и вкусилъ или пилъ, толико честьный крестъ цѣловавше, али ту нощь съблюсти, чисто омыцшеся; цѣловавше, не ясти сыра и мяса томь дни. И Климъ (*епископъ Климентъ*) бяше повелѣлъ. А достойно есть кромѣ Въздвиженія цѣ-

(1) *Молозиво* — молоко съ кровью, когда только отелится корова.

ловати, исти все и мясо, или глядати, или надѣти на кого,—цѣловати ядъше все.

Аще случиться платъ (*лоскутъ*) женьский въ портъ (*въ платье*) вышити попу, достоитъ ли въ томь служити портѣ? И рече: достоитъ, ци (*чьмъ*) погана есть жена?

Аще грѣхомь упустить проскуру на землю, достоитъ ли проскурмисати (*служить*)? И рече: достоить, како си надѣть, отерше добрѣ.

Достоитъ ли, рече, другое говѣніе молоду дѣтяти обаче молоко ѣсти, аже будетъ болно, ци луче уморити, ащели матерь одину, то хотяче 3 лѣта, или 4 или 5, аже не будеть другаго дѣтяти по немь.

(Пам. XII в. 195—200).

в] Ильины правила до 1186. А сего прашахъ: аже въ роботѣ (*въ рабствѣ*) суть душегубци? И повелѣ ми на полы (*на двое*) дати, и лъжае: неволни бо, рече, суть. А сего прашахъ: аже у себѣ кладуть дѣти спяче, и угнетають (*задавливають*), убійство ли есть? Онъ же рече: аже терезви, то легъчае; али пьяни, то убійство есть.

А сего прашахъ: аже жены дѣлаюче, что-либо страду, и вережаются, и измѣтають (1)? Онъ же рече ми: аже не зельемъ (*травою*) вережають, нѣту за то опитемья.

А се есть у женъ: аже не възлюбять ихъ мужи, то омывають тѣло свое водою, и ту воду дають мужемъ. Повелѣ ми дати опитемьи 6 недѣль, в-оже лѣто отъ причащенья (*отлучать*). А ожи се носили къ варяжьскому попу дѣти на молитву? 6 недѣль опитемье, рече, занеже акы двовѣрци суть. А еже дѣтій дѣля жены творять что либо; а еже възболять, или къ вълхвамъ несуть, а не къ попови на молитву? То 6 недѣль или 3, оже (*если*) будуть молоди.

(Пам. XII в. 200).

Всѣ эти вопросы Кирика и другихъ и отвѣты на нихъ имѣютъ для насъ довольно важное значеніе и историческое, и каноническое. Историческое: потому что они живо отображаютъ духъ того времени, когда жилъ Кирикъ, и показываютъ многіе обычаи, тогда у насъ существовавшіе, остатки языческихъ суевѣрій, состояніе нравственности въ нашемъ народѣ и духовенствѣ, какіе предметы наиболѣе занимали нашихъ пастырей и какъ смотрѣли они на эти предметы. Каноническое: потому что одни изъ вопросовъ, записанныхъ Кирикомъ, (большая часть) суть не что иное, какъ приложеніе древнихъ церковныхъ каноновъ къ частнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ церкви русской, а другіе, не многіе, представляютъ собою личныя мнѣнія нашихъ отечественныхъ пастырей; во всякомъ же случаѣ тѣ и другіе равно служатъ памятникомъ собственно русскаго церковнаго законодательства. (Ист. Рус. Ц. III, 197).

Свѣдѣнія о Кирикѣ м. Евгенія. Зап. и Труды общ. Ист. 1828 г. IV, 1, 122.

Для исторіи пѣнія въ Рос. Москвит. 1841. IX, 191—207. 1846. VI, 173—174. Замѣч. для исторіи церковн. пѣнія въ Рос. *В, М. Ундольскаго.* Чт. общ. ист. 1846, № 3. стр. 1—16. О пѣніи въ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1849. № 7 и 8. О древнерус. пѣніи. День 1864, № 17. Рус. сцена. 1864, № 9. Изв. Археол. общ. 1864. V, вып. 4 Чт. въ москов. общ. любителей просвѣщ. М. 1863. 55—64. Древнее Русское пѣніе *Разумовскаго.*

208. Споръ о постѣ.

Въ 1164 г. Леонъ епископъ не по правдѣ поставися, перехвативъ Нестеровъ столъ, и еще Нестеру сущю живу; и введе ересь, почя учити въ Суздалѣ не ясти мяса въ Господьскыя праздникы, въ среду и пятку, на Рожество Христово и на Крещеніе. И бысть тяжа (*споръ*) велика про то, и упрѣ (*оспорилъ*) его

(1) Отъ трудной работы повреждаютъ себѣ и выкидываютъ ребенка.

владыка Ѳеодоръ предъ княземъ Андрѣемъ; онъ же иде ко Царюграду, и тамо упрѣ его предъ царемъ Мануиломъ Андрѣянъ архіепископъ Болгарьскый. Оному же молвящу и на царя, и удариша й слугы царевы, сущимъ ту посломъ всѣмъ, Кіевскымъ и Черниговскымъ и Суздальскымъ.

(*I Софійс. 162*).

209. Раскаяніе Игоря въ плѣну 1185.

Рече Игорь: »помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьянстѣй, яко же бо азъ не пощадѣ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ г. Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньніи хрестьани, отлучаеми отець отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея. И все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живіи мертвымъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святѣи, огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и разъсѣкаеми бываютъ. И та вся створивъ азъ, рече Игорь, не достойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего: гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чаде рожденія моего? гдѣ бояре думающіи? гдѣ мужи храборьствующіи? гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣнныя? Не отъ всего ли того обнажихся, и связяше преда мя въ рукы безаконьнымъ тѣмъ (Половцамъ)? Се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою: истиненъ Господь и прави суди Его зѣло,—азъ же убо не имамъ со живыми части; се же нынѣ вижю, другая мученія вѣньца пріемлюще; почто азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си? Но, владыкъ Господи, Боже мой, не отрини мене до конца; но яко воля Твоя, Господи, тако и милость намъ, рабомъ Твоимъ.

Замѣчательно, что князья сознавали зло, какое наносили христіанамъ въ войнѣ, и не мирились съ нимъ равнодушно; а при первой невзгодѣ раскаявались въ немъ и несчастье считали Божіимъ наказаніемъ за жестокости противъ своихъ соотечественниковъ. И жестокости однако, во время войны, бывали страшныя, какъ видно изъ этого исповѣданія Игоря.

(*Ипат. 131*)

Обратить вниманіе на жестокость веденія войны въ древнее время.

210. Изъ слова о богатомъ и убогомъ до 1200.

Безвѣстьно бо есть наше житие: не оставляй богатьства своего инѣмъ, не тружьшимъся о немь; яко бо тать въ нощи, тако находить съмьрть; ты тамо отъидеши, а имѣние твое еде останеть; ты желаеши тамо капля водьныя, а сьде инии богатьство твое дѣлять. Такоже въсхотѣ богатый онъ, сый въ огни капля водныя, и Моляаще Авраама, глаголя: »помилуй мя и посли Лазоря, да малыимъ пьрстьмь съвлажить ми устьнѣ, яко болю въ пламени семъ лютѣ. Тѣ (*тотъ*) богато на земли живяше: въ багрѣ и въ паволоцѣ хожаше; кони его тучьни, иноходи, а [illegible] ликовствующе, златыми тварьми (*збруей*) украшени, седьла его позлащена; раби его предите-

куще мнози въ брачинѣ и въ гривьнахъ златахъ, а друзии позаді въ монистѣхъ и въ обручихъ, и отъинуть рещи—въ велицѣ славѣ излазя. На обѣдѣ же служьба бѣ многа; съсуди златъмь съкованы и сребрѣмь; брашьно много и различно—тетеря, гуси, жеравле, рябі, голуби, кури, заяци, елени, вепреве (кабаны), дичина, чамъри, търтове, печени, кръпания, шемьлизи, пиро(го)ве, пътъкы (*птицы*); множьство сакачии (*поваровъ*) работающе и дѣлающе съ потъмь, и мнози текуще, и на пърстѣхъ блюда носяще, ини же махающе съ боязнию; чашѣ срѣбрьны великыя позлащены, кубьци и котьли; питие же многое—медъ и квасъ, вино, медъ чистыи пъпьряныи; пития обношьная съ гуслъми и свирѣлъми; веселие многое—ласкавьци, шьпилеве, празднословьци, смѣхословьци, плясания, мьрзости, въплеве, пѣсни. Готовять же ему и одръ настьланъ перинъ поволочитыхъ; възлежаему щю же ему и не могущю уснути, друзи ему нозѣ гладять, инии по лядвьямъ тѣшать его, ини по плечема чишютъ, инии гудуть, инии бають ему и кощюнять. Така бѣ слава и богатаго! Бѣ же единъ нищь, именьмь Лазорь, и лежаше прѣдъ враты богатаго, и желаше насытитися отъ крупиць падающихъ съ трапезы богатаго; видя же его богатыи отвращьше лице свое, гнушаяся его. Бысть умрети богатому, и донесену быти въ муку вѣчьную; умре же и нищии Лазорь, и донесенъ бысть ангелы на лоно Авраамле. И сый въ огни, богатыи, видя Лазоря на лони почивающа Авраамли, и позна его и възъпи, глаголя: »помилуй мя, отче Авраме, і посли Лазоря, да съмочить ми водою устьнѣ пьрстьмь своимь, яко горю въ пламени семь. О, богатыи! кде ти богатьство? кде ти злато? кдѣ гърдѣние множьствъмь рабъ? кде медъ проливаемый? А нына капля водьныя желаеши. Кде трапеза великая и обильная? Къде суть, иже ти потаковы твороху, иже ти ласкаху? Не все ли бѣ стѣньмь и мимо иде и хуже паучины!...

(*Изв. Акад. X, 548—549*).

На это слово походитъ слово Исихія, наприм.: »Ты яси тетеря, гуси, рябы, куры, голуби и прочее брашьно различьно а убогыи хлѣба не имать чимь чрѣво насытити; ты же облачишися и ходиши въ наволощѣ и въ кунахъ, а убогыи руба (*рубашки*) не имать на тедеси; ты же жи въ дому повалушѣ испьсавъ, а убогыи не имать къде главы подъклонити. Но и ты, богатыи, умреши, и остаеть домъ твои, присно обличая твоя дѣяния; кождо отъ мимоходящихъ глаголеть: »сь (*вотъ*) домъ оного есть хищника (*иже?*). сироты облупи; осе дворъ его тъщь (пустъ)«... Не рьци ми, яко боляринъ есмь, ли посадникъ,—азъ волости (*властей*) не хулю, нъ хулю строящихъ доброе злѣ.

(*Тамъ же 550*).

Оба эти слова переводныя, но приспособлены къ быту древнерусскаго богача.

211. Похвалы княгинямъ.

1. Благовѣрная княгини Всеволожая (*ум. 1206*) изъ дѣтска въ страсѣ Божьи любяше правду, въздающи честь епископомъ и игуменомъ и черньцемъ и презвитеромъ, и любяше черноризець и подаваше требованіе имъ; бяшеть бо нищелюбица и страннолюбица, печалныя и нужныя (*бѣдныя*) и болныя тѣхъ всѣхъ утѣшаше, и подаваше имъ требованіе.

(*П. С. Лът. I, 178*).

2. Въ 6883 (1375 г.) преставися въ Нижнемъ Новѣгородѣ вел. кн. Андрея Константиновича супруга, в. княгиня

Васса, во иноцѣхъ Ѳеодора, и положена въ соборной церкви благолѣпнаго Преображенія. Сія блаженная, памяти достойная в. кн-ня Васса, въ супружество съ благовѣрн. кн. Андреемъ Константиновичемъ вступила съ 6839 (1331 г.) родомъ града Тфери, отца Іоанна славнаго дщи и матери Анны. Бысть во дни державы в. кн. Іоанна Данил. Калиты и м-та Ѳеогноста, съ младенчества научися божеств. писанію, и восхотѣ во иноческій облещися образъ; но родители ее нуждею пріобщили законному браку за помянутаго князя, двоюнадесяти лѣтомъ сущую; въ супружествѣ жила 13 лѣтъ во всякомъ цѣломудріи и воздержаніи, умильной молитвѣ и нескудной милостынѣ, изсушая тѣло свое постомъ и чистотою, а подъ свѣтлымъ одѣяніемъ власяницу ношаше. По преставленіи же супруга своего, злато серебро, жемчугъ и одержды многоцѣнныя раздаде,—ово нищимъ, ово церквамъ божіимъ и монастырямъ,—и всѣхъ свободи (*рабовъ*). Вниде сама въ монастырь, его же созда во имя пресв. Богородицы честнаго Ея Зачатія, и постриженся во иноческій образъ, и наречена бысть Ѳеодора,—и пребываше въ богоугодномъ постническомъ житіи безмолвно въ непрестанныхъ молитвахъ, и во чтеніи книжномъ, и питашеся рукодѣліемъ. Таковому богоудному Ея житію ревнующи княжаго дому и болярыни, вдовы и дѣвицы, мнози соизволиша въ томъ же монастырѣ постричся, ихъ же бѣ числомъ 110 старицъ,—и всѣ обще жестокимъ и трудолюбнымъ житіемъ живяху. Блаженная же княгиня инокиня Ѳеодора, аще и къ старости достиже, но добраго начатаго того подвига не остави, но паче жестокимъ и дивнымъ подвигомъ препроводи дни своя.

(Нижегор. Лѣт. Вивліоѳика Н. Ив. Новикова. ч. XVIII, стр. 79—80 изд. 2-е м. 1791 г.)

212. Похвалы князьямъ.

1, Въ лѣто 6720 (1212) индикта, м. априля въ 14 день, на память св. Мартина папы римьскаго, преставися в. князь Всеволодъ, именованый въ св. крещеньи Дмитрій, сынъ Гюргевъ благочестиваго князя всея Руси, внукъ Володимера Мономаха, княживъ въ суждальстѣй земли лѣтъ 30 и 7. Много мужствовавъ и дерзость имѣвъ, на бранехъ показавъ, украшенъ всѣми добрыми нравы, злыя казня, а добромысленыя милуя: »князь бо не туне мечь носить въ месть злодѣемъ, а въ похвалу добро творящимъ». Сего имени толмо трепетаху вся страны, и по всей земли изиде слухъ (*слава*) его, и и вся злосмыслы (*враги*) его вда Богъ подъ руцѣ его: понеже не взношашеся, ни величашеся о собѣ, но на Бога все възлагаше всю свою надежю, и Богъ покараще подъ нозѣ его вся врагы его. Многы же церкви созда по власти (*волости, земль*) своей, ибо созда церковь прекрасну на дворѣ своемъ св. мученика Дмитрія, и украси ю дивно иконами и писаньемъ, и принесъ доску гробную изъ Селуня св. мученика Дмитрія, мюро непрестанно точащю на здравье немощнымъ, въ той церкви постави, и сорочку того же мученика ту же положи; и манастырь созда, въ немъ церковь камену Рожество св. Богородица, и ту также исполни всѣмъ исполненьемъ, имѣя присно страхъ божій въ сердци своемъ, подавая требующимъ милостыню, судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и роботящихъ сироты и насилье творящимъ; любяше же по многу черноризьцьскый и поповскій чины. Тѣмъ и дарова ему Богъ чада добросмыслена, яже и вспита въ наказаньи, въ разумѣ свершенѣ, доже и до мужьства.

(П. С. Лѣт. I, 184—185).

Еще о Васильѣ см. тамъже стр. 199.

2. Бѣ Юрьи сынъ благовѣрнаго отца Всеволода украшенъ добрыми нравы (1), ихже имена вмалѣ повѣмы: се бо чюдный князь Юрьи потщася божья заповѣди хранити, и божій страхъ присно имѣя въ сердци, поминая слово господне, еже рече: »о семъ познаютъ вы вси человѣци, яко мои ученицы есте, аще любите другъ друга«; не токмо же друга, но и врагы ваша любите и добротворите ненавидящимъ васъ«. Всякъ зломыслъ его, безбожныя Татары отпущаше одарены, бяхуть бо преже прислали послы своѣ зліи ти кровопійци, рекуще: мирися съ нами; онъ же того не хотяше, якоже Пророкъ глаголеть: »брань славна луче есть мира студна«, си бо безбожніи со лживымъ миромъ живуще, велику пакость землямъ творять, еже и здѣ многа зла створиша. Богъ бо казнить напастми различными, да явяться яко злато искушено въ горнилѣ, хрестьяномъ бо многыми напастми внити въ царство небесное; самъ бо Христосъ Богъ рече: »нужно есть царство небесное, и нужници въсхытають є (2). Георгіе, мужьство тезоименитe! Кровью омывъся страданья ти; аще бо не напасть, то не вѣнець, аще не мука, ни дарове; всякый бо держася добродѣтели, не можетъ безъ многихъ врагъ быти. Милостивъ же бяше паче мѣры, поминая слово господне: »блаженіи милостиви, яко ти помиловани будуть«; тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующимъ, и церкви зижа (*созидая*) и украшая иконами безъцѣнными и книгами, и грады многы постави, паче же Новъгородъ вторый (*Нижній*) поставиви на Волзѣ усть Окы, и церквы многы созда и манастырь св. Богородица Новѣгородѣ; чтяшеть же излиха чернечьскый чинъ и поповьскый, подая имъ еже на потребу, тѣмъ и Богъ прошенья его свершаше, исполни лѣта его въ добродеьствіи. И посѣде (*сидѣлъ*) въ Володимерѣ на отни столѣ лѣтъ 20 и 4, а на 5 убьенъ бысть отъ безбожныхъ и поганыхъ Татаръ.

(*П. С. Лѣт. I, 200*).

213. Похвалы епископамъ.

1, Въ лѣто 6724 (1212). Преставися епископъ Ростовьскый Пахомій, и положенъ бысть въ церкви св. Богородица, въ своей епископьи. Сь (*сей*) бѣ блаженый епископъ избраникъ божій, и истинный бѣ пастырь, а не наимникъ; сь бѣ агня (*ягненокъ*), а не волкъ, не бѣ бо хитая (*похищая*) отъ чюжихъ домовъ богатьства, ни сбирая его, ни тѣмъ хвалялся, но паче обличаше грабителя и мздоимца, поревновавъ нраву Златоустаго и переходя отъ дѣла въ дѣло уншее (*меньшее*), сиротами добрѣ пекыйся, милости въ зѣло къ убогымъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому убогому, не согбенѣ руцѣ имѣя на вданье ихъ, но отверзенѣ отинудь, смѣренъ, кротокъ, исполненъ книжнаго ученья, всѣми дѣлы утѣшая печалныя, не хваляся ни о чемъ же суетствомъ (*ничтожествомъ*) пустошнаго свѣта сего, еже скоро мимоидеть и хуже паучины, но паче хваляся глаголаше, Павлово слово поминая: »мнѣ ни о чемъ же буди хвалити ся, токмо о крестѣ Христовѣ, имъ же мнѣ міръ распятся, и азъ мірови«; обычныя молбы къ Богу въздая, побѣдивъ мірьскую похоть, черньчьствовавъ преже добрѣ исправлено лѣтъ 5 въ Печерьскомъ манастырѣ, и пакы свое стадо

(1) Георгій убитъ Татарами въ 1237.

(2) Восхищаютъ его *Матѳ. XI, 12*. Далѣе сочинителю сказанія о убіеніи Андрея [illegible]чарей—мужество, но Георгій—земле[illegible]чка.

духовно въ манастыри св. Петра лѣтъ 13, а епископью державъ 2 лѣта, отъиде къ Богу. Костянтинъ же, христолюбивый Князь, съ епископомъ Симономъ и со всѣми черноризцы спрятавше тѣло его честно, вложиша й въ гробъ у св. Богородица Ростовѣ.

(*П. С. Лѣт. I, 185—186*).

Эта похвала слишкомъ общая и фразистая: она весьма хорошо характеризуетъ суздальскаго лѣтописца.

2, Въведоша (1231) священаго епископа Кирила въ св. сборную церковь св. Богородица, м. мая 18, въ недѣлю всѣхъ святыхъ. и сѣде на столѣ своемъ, настолникъ сы и намѣстникъ св. епископъ прежебывши Ростовѣ, Леонтья св. и священаго епископа Исаіа и Нестера, и всѣхъ, яже почиша, пасше св. церковь; сего же произведе Богъ въ дни сія, яже не оста ничимъ же прежнихъ епископъ, вслѣдуя нравомъ ихъ и ученью, не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа (*показывая*). И вся приходящая удивлеся, князя же и велможѣ, всякъ возрастъ града Ростова, не токмо же простьця, но и попы и игумены и весь черноризьчьскый чинъ, и вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ св. сборную церковь св. Богородица, ово послушающе ученья его еже отъ св. книгъ, ова же хотяще видѣти украшенья св. церкви пречистыя владычица нашея Богородици. Бысть убо украшенье ея чюдно зѣло, якоже не бысть о прежбывшихъ епископѣхъ, а по немъ Богъ вѣ (*вьсть*) или будеть. Леонтій убо св. священый епископъ, то просвѣти св. крещеньемъ градъ Ростовъ, се же священый епископъ Кирилъ украси св. церковь св. Богородица иконами многоцѣньнами, ихже нѣсть мощи и сказати, и съ предполы, рекше пелены; причини же и кивота 2 многоцѣнна, и индитью многоцѣнну доспѣ на св. трапезѣ, ссуди же и рипидьи, ино много множство всякыхъ узорочей; причини же двери церковьныя прекрасны, яже наричются (*называются*) златыя, сущая на полуденьной странѣ; паче же наипаче внесе въ св. церковь кресты честныя, многы мощи святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ, въ заступленье и покровъ и утвержденье граду Ростову, и христолюбцю князю Василкови, и княгинѣ его и сынови его Борису, и всѣмъ вѣрою приходящимъ въ св. церковь. Любовному ученью же и тщанью дивлься сего честнаго святителя Кирила, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ написанья собѣ вдахъ (1), сего перваго словесе дѣтеля написати..... Кирилъ священый епископъ въ 1-е лѣто, въ онь же поставленъ бысть епископомъ богохранимому граду Ростову, многы добродѣтели показа, якоже истинный святитель, а не наимникъ; якоже самъ истина Христосъ рече въ св. Еуангельи: «отдадите убо Кесарева Кесареви». Се наполняя (*исполняя*) писанья, княземъ бо и бояромъ и всѣмъ велможамъ бысть на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помагая, печалныя утѣшая, нищая милуя, наполняя слово ап. Павла: «всѣмъ всяко быхъ, да вся пріобрящю»... Много бо попеченье створи о церкви св. Богородица, еже преже сказахомъ, еже есть и до сего дне, день отъ дне начиная и переходя отъ дѣла въ дѣло.

(*П. С. Лѣт. I, 195*).

(1) Лѣтописецъ говоритъ о себѣ, что онъ гдѣ-то въ нишѣ церкви записывалъ поученія Кирилла.

214. Изъ Слова Серапіона о кончинѣ міра до 1275.

Боитеся, братие, грозы и страха суда божіа, внезапу бо день той найдетъ страшный, аще не уготовимся добродѣтелми, то назій страннии в негасимый огнь осудимся. О братие, живите во страсѣ божіи, время бо житіа сего мало есть, яко дымъ исчезаетъ, и много намъ бѣды за грѣхи прилучается и скорбь не мала: поганьская нашествіа, людямъ движеніе, церквамъ нестроеніе, княземъ неуправленіе, безчиніе священникомъ, токмо плотскымъ угажати начнуть, а духовныхъ не цытають, и игумени також. А черньци будутъ на пиръ тщивіи и тяжьливіи будутъ и гнѣвливіи, неподобная (*не похожая на*) отець святыхъ житіа имущихъ. Владыкы будутъ стыдящеся лиць сильныхъ, судяще по мздѣ, обидяще сироты, не заступающе вдовиць и убогыхъ. Внидеть же въ люди невѣріе и блудъ, и оставя человѣцы правду, а не правду творити начнутъ. И в таковыхъ днехъ, аще кто хочетъ, той спасется, и великъ наречется въ царствіи небеснемъ. Тако бо и въ дни быша Ноевы, ядяху и піяху, женяхуся, прійде же потопъ, и вся погуби за беззаконіе. Тѣмже хотяй спастися, нынѣ подщися смиреніемъ, алканіемъ и милостынею. Аще бо кто любимии, и в разбойникы впадетъ, како то умилено молится, да быша дали животъ, а имѣніе взяли быша. Да како, братіе, се не зло, худаго дѣля живота всего лишаемся, а душевнаго участія почто щадимъ неимущимъ даяти, почто ся не примѣнимъ от злобъ, и не хощемъ сердца на покаяніе приклонiти. И земля убо от лица господня трясется намъ на страхъ, и мнози грады пусты быша божіимъ гнѣвомъ. Ни тако не убоямся, но не престаемъ зло творяще, и поганыя Богъ попусти на ны. Сынове и дщери наша в поруганіе быша, и в полонъ, да быхомъ убоялися, но мы единако (*одинаково*) неправды дѣемъ, гнѣва и зависти не останемъ, блуда и піаньства и грабленія не лишимся, и прочихъ злобъ, яже в ненависть Богу. О братие, докодѣ есть время покаянію, потщимся в добродѣтели быти, и будемъ милостивіи, да милостивъ Господь будетъ намъ.

215. Его же о мятежи житія сего.

Уже наводит ны время на дѣло вѣчнаго живота и неразоримыи славы. Сію бо жизнь пріимлеть смерть, а славу постигають студи мнози (1). Преже бо года от велможь в пес мѣста (*какъ собакъ*) во ад сведени быша, а богатіи послѣди обнищаща. И судья охужеши осуженеи бысть радуются, и восплакася дрьжаву погуби (2) и ничтоже нѣсть извѣсто (*не твердо*) в человѣцѣхъ, но вся сут стропотна суть. Но иному землю изхвати, а инъ имѣніе отъят, и того село слышавше (*слыло*), а домъ иного нынѣ есть. Друзіи же имѣніа не насыщемася, и свободныа сирота порабощают и продают, иніи крадут, и разбиваютъ, а имѣніе хощют собрати. И сии вси огнь на своя главы берутъ: ничто правды нѣст в миру. Чада бесчествуют родителя своя, а отцы своих дѣтей отмещаются. Нѣст другу вѣры имѣти и не надѣя бо ся на брата. Мирцая бо благодать (3), а в себе злая мыслит и усты токмо любятся, и лесть и зависть токмо жирует (*живетъ*) в васъ, и не сытость дрьжите. А никто Бога не поминетъ, но яко безсмертніи творятся, и никто осужденіа

(1) Славу міра постигаютъ посрамленія, стыдъ.
(2) Судья радуется, осуждая подсудимыхъ, а потомъ восплакалъ, когда потерялъ власть.
(3) Т. е. на словахъ обѣщаетъ миръ.

чает умершіи пріяти. Сего дѣля казни отъ Бога приходят на ны, зане злая творимъ. Силу намъ далъ ест, да правду в немъ содѣемъ, мы же безаконіа в неи содѣваемъ. Богатство намъ далъ ест, да отъ него неимущимъ подамы и убогымъ. Мы же обидимъ еще сирот, и вдовам насилуем, и убогых отъимаем. Области намъ поручилъ ест, да быхомъ обидимыя избавляли. Мы же обидимъ, а праваго по мьздѣ винимъ. Нѣст праваго пути, ни суда права: погыбе любы, ненависть умножися, добродѣтели уничижена быст, изволено цѣломудріе, почтено быст возвышеніе и гордость, погибе истинна, и лжа покрыи землю. Области и глубина божіа долготрьпѣніа! Яко немьщает о всѣх наших злобах, не яко не могыи нас мучити, но от когождо нас покояніа ждет и обращеніа чает, а не пріемлет гнѣва, но милосердует о нас, яко надолюбивыи отець.

(*Павосл. Собесьдн. 1858, II, 475—484*).

216. Поученіе митроп. Петра послѣ 1308, къ епископомъ, и попомъ, и архимандритомъ, и игуменомъ, и дьякономъ и ко всѣмъ православнымъ крестьяномъ, какъ ходити по закону крестьянскому.

Пьянства лишайтеся и лишнихъ пировъ; коли бываетъ говѣйно (*постъ*), тогда бы лишнихъ пировъ не было, а вы, священный чинъ вѣка сего, лишайтеся пьянства въ говѣйно; а который священникъ учнетъ пить до обѣда, ино быти ему безъ ризъ да предстоитъ въ церкви ко всякому правиду церковному. А дѣти своя духовныя учите къ церкви приходити, велите плакатися о своихъ грѣсѣхъ къ Богу, а постъ честно держащи, ни козлогласованіемъ, ни объяденіемъ ни пьянствомъ, но св. дары имати съ году на годъ (*ежегодно*); а кто не емлетъ св. даровъ, попове тѣхъ людей не благословляйте, а проскуръ отъ нихъ не пріемлите и въ домъ ихъ не входите. А гдѣ будетъ не дароимецъ (*непричащающій сл св. таинъ*) на пиру, или въ братщину придетъ, и вы, попове, шлите ихъ вонъ, а съ ними не пейте, ни яжьше, ни хлѣба имъ Богородицына не давайте (1): то есть не крестьянинъ, не дароимецъ, дара христова не пріемлетъ: лучше бы не родитися тѣмъ. Блудникъ человѣкъ ходитъ основою супротивникъ вѣрѣ Христовѣ; а который попъ не учитъ ихъ, а имъ (*тотъ*) потаковникъ; а проскуръ отъ нихъ не пріимите, а въ церковь ихъ не пущайте; а который попъ хлѣбецъ Богородицынъ даваетъ, быти тому попу безъ ризъ, зане же поручникъ стаду; воленъ отецъ духовный сына вязати и разрѣшити. Св. отцы глаголютъ 318 (2): его же аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ на небеси. Тако ты, человѣче, хулиши слуги божія, отцу своему духовному лаеши или бьеши, то есть дьяволъ; а по правилу св. отецъ Василія В., Григорія Б. и Іоанна З. и всѣхъ св. отецъ по уставу, таковыхъ руки отсѣчь, а въ винѣ воленъ господинъ таковыхъ. И дѣти родимаго отца и матерь чтѣте, и вы долголѣтни будете; а лая отцу или матери или бьетъ, той умретъ злою, лютою смертію. Смерть грѣшнику люта, Давидъ глаголетъ. А который у васъ похочетъ имати съ году на годъ св. дары, то давали бы по собѣ поруки, что имъ васъ слушать. А въ

(1) Т. е. просфоры, изъ которой вынимается во время проскомидіи частица во славу Богородицы.

(2) Т. е. 318 св. отцевъ, бывшихъ на 1 вселенс. соборѣ.

пиру случится до обѣда ялъ, Богородицына хлѣбца не давай. А который мужъ женится трема женами, или женѣ три мужи, тѣхъ по божеств. правилу св. отецъ великаго Василья, не давати имъ причастья святаго; а отъ правила церковнаго отлучити, а съ женою третьею разлучити; аще кто будетъ добрѣ (*слишкомъ*) младъ, а дѣтей не будетъ отъ нихъ отъ перваго или втораго, тому надобе разсуженье съ великою епитимьею поняти третью жену.

Аще учите дѣтей духовныхъ отъ сквернословья, неподобно что лаютъ отцемъ или матери; занеже того въ крестьянѣхъ нѣтъ; тако учите родители своихъ дѣтей измлада, чтобы не навыкали говорити лихихъ словъ; а который не учнетъ васъ слушати, тѣхъ отъ церкви отлучити, а св. причащенія не давати имъ, ни даровъ ни Богородицына хлѣбца. И паки учите ихъ, чтобы басней не баяли, ни лихихъ бабъ не примали, ни узовъ, ни примолвленія, ни зелье, ни вороженье, занеже божье того дѣля приходитъ разгнѣваніе; а гдѣ таковыя лихія бабы приходятъ, учите ихъ отъ таковаго обычая престати, да покаяли бы ся. А имутъ васъ попове не слушати, и вы ихъ не благословляйте; а крестьяномъ заказывайте, чтобы бабъ межи собою не держали, но гоняйте ихъ отъ себе, и сами бы отъ нихъ бѣгали; а кто не имѣтъ васъ слушати, и вы бы тѣхъ такоже отъ церкви отгонили. Яко ли творите вѣнчаніе, по обѣдни, а въ полдни не вѣнчайте. Крещеніе творите по преданію св. апостолъ: не обливайте водою, но погружайте въ воду трижды, глаголя на первое погруженіи: *во имя Отца*, на второе: *и Сына*, на третье: *и св. Духа*; да потомъ мажите масломъ; а кумъ единъ, или кума едина; мужескъ полъ, ино—(такъ) кумъ, а женскъ полъ, ино кума. А который игуменъ или попъ, или чернецъ торговалъ преже сего или серебро давали въ рѣзы, а того бы отъ сѣхъ мѣстъ не было, занеже вамъ казненымъ быти за то отъ Бога—отцы святыми и апостолы святыми; не благословляютъ ихъ, и азъ не благословлю. А еще бы дѣвицы не вѣнчали меньше 12 лѣтъ, но вѣнчайте 13 лѣтъ. А въ единомъ бо монастыри черницы съ черницами не жили, но собѣ (*особо*) въ опришнемъ (*въ другомъ*) монастыри; смотрите того, гдѣ черницы, туто бы и игуменъ; а гдѣ черницы, тутъ бы попы бѣльцы съ попадьями, а вдовца бы попа тутъ не было. А еще о семъ тя молю и пишу вамъ: аще который человѣкъ позовется на поле (*на судебный поединокъ*), пріидетъ коему попу да восхощетъ причаститися, и вы ему причастья святаго не давайте; а который попъ дасть ему причастье святое, аще убьютъ на поли того, ино тотъ попъ поповства лишенъ будетъ чрезъ сію заповѣдь. А кто лѣши на поли убьетъ, ино душегубецъ именуется: по В. Василья слову, въ церковь ему не входити 20 лѣтъ, и св. причастія не примать даровъ, ни Богородицына хлѣбца; а будетъ убитъ на поли, ино его псомъ поврещи (*бросить собакомъ*), а не проводити его; а который попъ проводитъ (*на похороны*), тотъ попъ поповства лишенъ. А се о семъ пишу по правилу св. отецъ: отца духовнаго чтите, печать есть твоего тѣла. А вшедши въ церковь, стой честно, со страхомъ слушайте чтенія апостола, и евангелія и всего пѣнія; а кто говоритъ въ церкви, то шепчетъ дьяволъ въ уши ваши и сердца разжигаетъ на многое глаголаніе; вельми грѣшно есть въ церкви говорити; то бо есть домъ божій. Приходитъ къ церкви милостиню приносяще о своемъ согрѣшеніи, плакатися, смертный часъ поминати на всяко время, молитися Господеви, да и на страшномъ судѣ твоемъ отвѣтъ добрый и гласъ твой слышати: придите, благословеніи отца моего, наслѣдуйте царство небесное отъ сложенія міра всего; се уго-

тованное вамъ царство небесное отца моего; праведницы яко свѣтила сіяютъ; а грѣшнымъ Господь речетъ: отыдите отъ мене, проклятіи, не знаю васъ, во огнь вѣчный и муку вѣчную: тогда будетъ плачь и скрежетъ зубомъ; но нынѣ пецытеся къ покаянію, скороданныя муки избавитеся. Горе не дароимцу! На что ся надѣетъ? Творится человѣкъ божій, и тѣла христова не примаетъ. Но вы, попопе, не благословляйте ихъ, а въ церковь ихъ не пущайте; то ходятъ пси; но песъ господина своего стережетъ. И сія заповѣди Спасовы не примаетъ, се есть дьяволъ, а не человѣкъ.

Аще бы ти на земли, ерей, сильный человѣкъ, не бойся никого; се есть слуга божій, еси учитель стаду своему: овцы пастуха своего слушаютъ, а по чужему не ходятъ; аще же внидетъ волкъ въ стадо и распудитъ овцы, о горе пастуху, иже овецъ своихъ не блюдетъ! руно съ нихъ съемлетъ пастухъ; се овецъ своихъ не блюдетъ, да останетъ, отходитъ, въ грѣхъ не впадетъ (1).

Но слышите слово божіе: да кто церковь божію, или слугу церковнаго пріобидитъ, а того Богъ пріобидитъ. А который іерей св. литургію священствовалъ, тогда царя честнѣй: никто бы не усидѣлъ противу него; аще кто усидитъ, проклятъ тотъ человѣкъ есть отъ небесныхъ силъ. А кто се правилъ св. отецъ не слушаетъ Васильевыхъ, Григорьевыхъ, Златоустовыхъ и всѣхъ святыхъ, и апостольскій заповѣди и моя святительскія митрополичьи заповѣди, и хулятъ ю, да будутъ прокляты. Како начнется въ церкви божіи пѣти на оба лика, скажемъ вкратцѣ: Игнатій Богоносецъ, иже третій по апостолѣ Петрѣ епископъ былъ Антіохіи Сирійстѣй, тотъ убо видѣ ликъ ангельскій на оба лика поюще хвалу трисвятѣй Троицѣ, и образъ тотъ видѣнный Антіохійстѣй церкви предаде, и оттуду преданіе оно во вся церкви распростреся.

(*Памятн. старин. р. литер. в. 4. стр. 186—188*).

Петръ поставленъ былъ митрополитомъ въ Кіевъ въ 1308 и умеръ 21 дек. 1325 г. Житіе его помѣщено въ Степен. кн. I, 410—424. О митроп. Петрѣ см. Г. Карпова статью въ Чт. общ. ист. 1864, кн. 3, 1—101.

(1) Въ другомъ поученіи святителя Петра сильнѣе выражается эта мысль; онъ пишетъ *игуменомъ, попомъ, и діакономъ*: »Будите же, дѣти, истиньнїи пастуси, а не яко наимници, млеко снѣдающе и влну объемлюще, а о овцахъ не пекущеся. И не входяще дверми во дворъ овчій, таковіи не суть пастуси, но татіе суть и разбойници«. Далѣе увѣщеваетъ отрѣшить сердца отъ всякой душепагубной ярости, зависти, ненависти, пьянства, »еже есть корень всякому злу«. (Прибавл. къ твор. св. О. 1844 г., кн. 1, стр. 85—89).

217. Грабежи во время пожаровъ.

1. Тои же весны (1311 г.) маіа 19, въ ночь, загорѣся на Яневѣ улици, и сгорѣ дворовъ безъ 3 и 40, а головъ сгорѣ 7-ро, и потомъ, Іюня 28 въ ночь, загорѣся на Розважи улици Глѣбовъ дворъ, и погорѣ конець Неревьскыи сѣмо до гребли, а сѣмо и за Борькову улицю; и сгорѣ церковь св. Козмы и Демьяна, и другая св. Савы, и четыридесять (*40 мучен.*) церковь огорѣ, и домове добріи. О горе, братье, лютъ бяше пожаръ, съ вѣтромъ и вихромъ! а злїи человѣцы и не добріи, Бога не бояческя, видяще людемъ погыбель, пограбиша чюжая имѣнія. Потомъ Іюля 16, въ ночь, загорѣся на Ильинѣ улици, и ту такоже бысть лютъ пожаръ, вихромъ, наборзѣ, трескомъ; и погорѣ торгъ и домове по Рогатицю (а сѣмо въ Славно), а церквіи сгорѣ: деревяныхъ 7, св. Дмитрія, и св. Георгія, и св. Бориса и Глѣба, и св. Ивана Ишкова, и св. Катерины, и св. Прокопья,

и Христова, а каменыхъ 6 огорѣ, 7-я Варяжьская. А окаяньни человѣци, такоже Бога не боящеся, ни суда божія помняще, ни жалующе своея братья, пограбиша чужая имѣнія; въздать имъ, Господи, по дѣломъ ихъ.

(*I. Новг. 70*).

2. Того же лѣта (1340), м. іюня въ 7, на память св. муч. Ѳеодота, въ вторникъ на троецкои недѣли, загорѣся на Розважѣ улицѣ, въ полѣ, за св. Ѳеодоромъ, и погорѣ Неревьскыи конець до св. Іакова, а сѣмо и до Чюдинцевѣ улицѣ, и церкви вси и дворове; оттолѣ връжеся въ городъ, и погорѣ дворъ владычень и церкви святыа Софіа, и что дворовъ въ городѣ и церквіи, и Людинъ конець и до св. Алексѣя, такожѣ и церкви и домове, а сѣлю и до Пруской улици, тако бо бяше великъ пожаръ и лютъ, съ бурею и съ вихремъ, яко мнѣти уже кончина: по водѣ огнь горя хождаше, и много людіи истопе на Волховѣ. И перевръжеся огнь чрезъ Волхово на ону сторону, и тамо въскорѣ до вечерни погорѣ вся сторона, отъ Ѳедорова ручья въ Славно и до поля, и церкви камены и древяны и домове; изъ многихъ церквіи неуспѣша выносити, ни иконъ, ни книгъ, тако же ни изъ домовъ; а кто что вынеслъ, или на поле, или на огороды, или въ греблю, или въ лодьи, или въ учаны, то все поломянемъ взялося, а иное вынеслъ кто что, а то зліи человѣци разграбиша, иже Бога не боятся, ни чаютъ въскресенія мертвымъ, ни суда божіа, ни въздааніа по дѣломъ. Не токмо же что у человѣкъ у своеи братіи у Христіанъ, пограбиша, а иныхъ надъ своимъ товаромъ побиша, а товаръ себѣ поимаша, въ и въ св. церквахъ, идѣже бы всякому христіанину, хотя бы и свои домъ поврѣга, а церкви постеречи. Нъ мы пакы въ покаанія мѣсто горшее зло творимъ, а видяще казнь божію надъ ними: церковь св. 40 мученикъ, яже бѣ устроена и украшена иконами, и писменемъ, и кованіемъ, и крутою, запершися въ церкви товаръ весь, чи бы ни былъ, то все разграбиша, а иконъ и книгъ не даша носити, да якоже сами избѣгоша изъ церкви, все поломенемъ взяся, и сторожа два убиша; а у св. Богородица въ торгу попъ сгорѣ, а иніи глаголютъ убиша его надъ товаромъ, понеже церковь вся погорѣ и иконы и книгы, сего же ни власѣ огнь прикоснуся, а товаръ весь разграбиша; а въ св. Пятницѣ сторожь съгорѣ съ сыномъ, по томъ же пожару и церковь та падеся, другаа святую мученику Бориса и Глѣба на Подолѣ. Много людій погорѣ въ домѣхъ, въ борьзѣ бо огнь заалъ, а великіи мостъ съгорѣ весь по воду, а изъ св. Софіи не успѣша иконъ всѣхъ выносити, и много бысть пакости. Того же лѣта и Смоленскъ погорѣ весь, въ ночь на Спасовъ день.

(*I Новг. 79*).

218. Изъ поученія до 1350.

Отвьрзися пияньства, а не питія; отвьрзися обьяденья, а не явствы; отвьрзися блуда, а не законьныя женитвы; отвьрзися неправеднаго имѣнья, а праведнаго не храни, ни щади убогымъ даяти; отвьрзися корчьмы варити и пити въ корчьмѣ; отвьрзися кунъ даяти въ лихву, рекше—въ накладъ, а Бога ради дай; яже еси ималъ переже сего въ лихву или иного коего неправьлою, или клеветою, или мьздою неправедною, или грабленьемъ, или ротою, или покленомъ, или запрѣньемъ чюжаго имѣния,—ино всякое неправедное иманье отмещи отъ себе крадено, или разбоемъ добыто, или въ

пожарѣ граблено, то все неправедно имѣние, то все възврати, чие то было. Аще ли не тѣмъ, то убогымъ (сторицею отдаяти). Краденое десятерицею отдаяти, а грабленье и рѣзоиманье сторицею; тако же и всяко насилное иманье, а праведнымъ имѣньемъ богатитися и отъ него даяти милостыня убогымъ и милость божию обрѣсти, яко же и Соломонъ глаголеть: чьти Бога отъ праведныхъ трудовъ своихъ. А еще пакы сего горши всего — изгоиство емлюще на искупающихся отъ работы (*отъ работства*). Тации не имуть милости божия видѣти, непомиловавъше равна собе человѣка богомъ създана, и ненасытившеся цѣною уреченою: не токмо своя души губящи, но и зло помина-ющи, — и тоже не отъ закона божіа, но еще прилагающе горе на горе своеи души губяще; но и послухы въставающи по нимъ и помагающи злобѣ ихъ, иже привлачающи къ своимъ злымъ судіамъ, многыми мздами и даръми. Аще ли кто въ невѣдѣние ималъ будетъ изгоиство, ти хочеть избыти вѣчныя мукы; то вороти тѣмь же опять — и не поидеши въ муку, нъ въ жизнь вѣчную съ всѣми святыми. Тако же и челядина (*раба*) кто продаеть, да елико же на немъ въдавше, толико же възяти; аще лише, то горе того, иже наклады емлеть и прасолить (*торгуетъ*) живыми душами, съ ними же и на судищи стати предъ Богомъ. Такожь иже кто выкупается на свободу, да вдасть цѣну, юже вдали на немь; потомь же свободенъ, ти добудетъ дѣтии (*приживетъ*), ти аще начнуть имати изгоиство на нихъ, то обращуться продающе кръвь неповиньну (яко душегубецъ есть) и взыщеться предъ Богомъ на страшномъ судищи кръвь та: то луче бы имъ не родитися, еже полѣсти имъ въ непроходимыя мукы. Сему же свидѣтель и послухъ самъ богъ Іисусъ Христосъ, искупивый насъ отъ работы вражья своею кровию. Отъ неправды и злѣди (=злобы). Достойно есть сътворити волю Бога и правду, и тако приобрѣсти милость его. Самъ бо Господь рече: Нѣсть милости несътворшему милости; милостивии же на судѣ помиловани будутъ. Тако же и вси вѣрнии и смышлении, аще творять неправедное имѣнье и въспять тѣм же отдадять, грѣха избудуть, нъ и жизни вѣчныя сподобять ся. Да и ты, сыне, слыша что имѣеши отъ неправеднаго имѣния и злаго събрания, то даи опять, имъ же еси кого приобидѣлъ и отмещи отъ себе всяко неправедное имѣнье, и потомь приидеши на покаянье: то и Богъ простить тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ и спасеть тя.....

(*Изв. Акад. Н. X, 645—647*).

См. также Слова древнія въ Москвит. 1851, VI. 119—138. 1845, XII. 140. Посл. м. Алексѣя. Душеполезн. Чт. 1861, ч. 1, 449.

219. Моръ въ Новгородѣ.

1. Того же лѣта 6860 (1354 г.) бысть моръ золъ въ градѣ Псковѣ и по селамъ, смерти належащи мнозѣ; мроша бо люди, мужи и жены старыи и младыи, и дѣти, и попове, и черници и черници. Бяше бо тогда знаменіе смертное сице: хракнеть человѣкъ кровью, и до 3 дній бывъ да умреть. То вскорѣ промышляху о своемъ животѣ (*жизни*), или о души, да сего ради мнози идяху въ монастыри, мужи и жены, и постригахуся въ мнишьскій чинъ и ангельскому чину сподобяхуся, тѣла и крови Христовы причастившеся; и тако въ добромъ исповѣданіи преставляхуся отъ сея временныя жизни на онъ вѣчный свѣтъ къ Богу, и душа своя предаша пришедшимъ по нихъ ангеломъ, а тѣлеса своя предаша гробу. Друзіи же въ міру въ домѣхъ своихъ такожде готовляхуся на душевный

исходъ о душахъ своихъ печалующеся, имѣніе свое отдающе въ милостыню церквамъ и монастыремъ, и попомъ душевнымъ отцемъ и нищимъ, маломожныя и убогія кормяще и напаяюще и милостынею учрежающе; слѣпець помилованъ, тъи вожь бываеть въ царствіе божіе аще нынѣ о стѣны разбивается и въ ямы впадаеть; овіи бо отъ богатьства села дающь церквамъ святымъ и монастыремъ, друзіи въ озерѣ ловища и исады (*рыболовныя пристани*), или ино что отъ имѣній своихъ дающе, да тѣмъ хотяще себѣ имѣти память вѣчную, по писаному— милостынями и вѣрою очищаются грѣси; и тако очищающе душа своя отъ грѣхъ покаяніемъ и слезами, преставляхуся отъ сего свѣта на онъ покой. И се бяше тогда: попове бо не можаху проводити по единому изъ дворовъ за множество умирающихъ, не успѣвающимъ бо имъ но веляху комуждо мертвыя своя на церковный дворъ приваживать; объ нощь бо умершимъ утрѣ обрѣташеся до 30, или и болѣ скопится у единой церкви, а всѣмъ тѣмъ единъ проводъ, отпѣваху надгробную пѣснь, токмо душевную молитву раздрѣшеную комуждо особь измолвливаху, или мужу, или женѣ, или дѣтемъ, и тако полагаху и по 3 или по 5 головъ въ единъ гробъ; тако же бяше по всѣмъ церквамъ, и негдѣ уже бяше погребати умершихъ, все бо могилье вскопано бяше, ини и подалѣ отъ церкви и опрочь церкви могилье на цѣлыхъ мѣстѣхъ вскопавше погребаху. Тогда бяше многъ плачь зѣло и лютое кричаніе, съ горкимъ рыданіемъ: ктоже плакаться своихъ мертвець, родители по чадехъ своихъ, а чада по родителехъ своихъ и братья по своей братьи, а друзи по друзехъ, и жены по мужехъ своихъ, и сердоболя (*пріятели*) вся по сродницехъ своихъ, прочіи бо вси плакахуся о душахъ своихъ. Кто бо тогда каменосердъ человѣкъ и безъ слезъ можеть быти, видяще сію великую бѣду, яко мнози вскорѣ и напрасно умираху, и отъ себе вскорѣ отлучаеми, и сами на собе того же пожидающе? мняху (*думали*) бо тогда мнози, яко уже всѣмъ помереть; егда бо внидяше. гдѣ въ которой родъ, или въ споду, или въ богатыя, или простыя люди, сирѣчь и до убогыхъ, болѣзнь лютая и смертное то жало, мряху бо сполу (*вполнѣ*). А наборозѣ (*быстро*) и рѣдко кто отъ нихъ оставшеся въ живыхъ, а иныхъ ся не остало. А кто имъ тогда послужилъ, въ часъ исхода душ ихъ отъ жизни сея приглядалъ и попекся ими, якоже ся подобаеть здравымъ промышляти о болящихъ и мертвыхъ, сродници же и други, или инъ кто, тако Бога ради послужиша; а богатымъ бо всякъ тщится (*старается*) послужити, при животѣ и при смерти, да наслѣдуеть что отъ имѣній ихъ; но кто аще кому отдаваху остатокъ живота своего, или дѣтей, то и тѣ такоже мнози наборзѣ разболѣвшеся умираху. Си же видяще инии бояхуся пріимати отъ умершихъ тѣхъ животовъ, страхомъ смертнымъ омрачившеся безумніи, своихъ сродникъ отвращахуся тогда; а инии же вѣледушніи весь страхъ смертный отъ сердець своихъ отринувше, тѣ безъ сумнѣнія и чюжая мертвеца, или сироты или убогія небрегоми, тѣхъ спрятывающе и износяще погребаху, и память по нихъ творяще проскурою и службами, спасенія дѣля себѣ и своимъ душамъ. Сана свѣтлостью не умолена бываеть смерть, на всѣхъ бо вынизаеть многоядныя свои зубы. Нѣціи же рѣша: той моръ пошелъ изъ Индѣйскія страны, отъ Солнца—града. Се же ми о томъ написавшу отъ многа мало, еже ми худый умъ постиже и се память принесе; аще кому се непотребно будеть, да сущимъ по насъ оставимъ, да не до конца забвено будеть.

(*IV Новгор. 60—2*).

Въ «Сказ. о плѣнномъ Половчинѣ» весьма хорошо изображается, какъ люди въ болѣзни и бѣдствіяхъ религіозны, а потомъ въ счастьѣ и при спокойной жизни все забываютъ. См. послѣдній отдѣлъ Христом.

2. Въ тоже лѣто (1417) бысть моръ страшный на людехъ въ Новѣгородѣ, и въ Ладозѣ, и въ Русѣ, и въ Порховѣ, и во Пьсковѣ, и въ Торжку, и въ Дмитровѣ, и во Твери, и по волостемъ и по погостомъ и по монастыремъ. И како могу сказати бѣду грозную и тугу страшную, бывшую во весь міръ, какова туга живымъ по мертвыхъ? Понеже умножися умершихъ во градѣхъ и въ селѣхъ, тамъ не успѣваху живыи мертвыхъ опрятовати, ниже доволни бываху здравіи болящимъ послужити, но единъ здравый десятерымъ болемъ на потребу да послужитъ; на всякъ же день умираху толико, яко не поспѣваху погребати ихъ въ день до захожденія солнечнаго, и во дворѣ иномъ единъ человѣкъ остася, а во иномъ два, а индѣ единъ дѣтищь, а мнози дворы пусты быша. А болѣзень бысть такова: прежде же яко рогатиною ударитъ за лопатку, или противу сердца, подъ груди и промежду крилъ, и разболится, который начнетъ кровью хракати, и огнь ражжеть, посемъ потъ, потомъ дрожь иметь и по всѣмъ суставомъ походитъ въ человѣци недугъ той естьственый; железа же неединаче: иному на шеи, другому на стегнѣ, овому подъ пазухою и подъ скулою и за лопаткою и въ паху, и на иныхъ мѣстехъ тѣлесныхъ, и въ болѣзни полежавше и помроша. Мнозѣхъ же крестьянъ Богъ помилова своею милостію, отъидоша житіа сего въ ангельскомъ мнищескомъ чину, отъ ерѣй масломъ мазавшеся; и два посадника преставистася въ томъ же чину, Іоаннъ Александровичь, Борисъ Васильевичь. Владыка же Семіонъ съ всѣмъ священнымъ съборомъ и съ крестьяны, съ кресты, обходи около всего Новагорода и по многимъ церквамъ и по манастыремъ, моляся Богу и пречс. его Матере и всѣмъ святымъ о престатіи гнѣва Божія. Крестьяне, ови на конехъ, ови пѣши, изъ лѣса бревна привозивъ, поставиша церковь св. мученици Анастасіи, въ память ея, мѣс. окт. 29, и свяща ю архіеп. Семіонъ, того же дни и св. литоргію сверши; а во останочныхъ бревнахъ поставиша церковь св. Илію, конець Пруской улици. И Новоторжане такоже у себѣ въ городи, единого утра, поставиша церковь св. Аѳанасья; и попове свящаша ю съборомъ.

(*П. С. лѣт. IV. 115*).

На построеніе обыденныхъ церквей смотрѣли, какъ на средство умилостивленія разгнѣваннаго Бога.

220. Ушкуйники (1).

а, 1366 г. Пришли Новгородци въ ушкуѣхъ, а воеводы Осифъ Валѳромеевичь, Василій Ѳедоровичь, Олекса́ндръ Обакуновичь, на Нижній Новгородъ; и много бесерменъ избиша подъ Нижнимъ Новымъ городомъ; а нашихъ пострѣлили Филипа Утреткова и Бориса Кватенкина да 2 человѣка.

1367 г. Князь Дмитрей присла въ Новгородъ, сице рекъ: «за что есте ходили на Волгу и гостей моихъ пограбили много?» —И Новгородци рѣша князю: «ходили люди молодыи на Волгу, безъ нашего слова, но твоихъ гостей не грабили, толко били бесерменъ; а ты нелюбіе отложи отъ насъ».

(*IV Новг. 65—66*).

---

(1) *Ушкуй*—лодка особой формы; ушкуйникъ—разбойникъ, удалой малой.

б. Коли князь Дмитрій былъ подъ Тферью (1375), а въ то время пришедше Новгородци В. Новагорода ушкуйници, 70 ушькуевъ, и старѣйшина бяше у нихъ Прокопъ, а другій Смолянинъ, и пришедше взяша градъ Кострому. Взятье же ихъ таково: прежде выидоша рѣкою Костромою на Волгу, и сташа ополчившеся на брань, граждане же изидоша изъ града противу, събрашася на бой, а воевода бяше у нихъ, то же и намѣстникъ, Плещеевъ. Новгородци же видѣвше гражанъ Костромичь много, болѣ 5000, а самыхъ мало съ полъторы тысячи, и раздѣлишася Новгородци на 2 части: одину половину отпустиша втай въ лѣсъ, они же обоидоша около по можжеельнику и ударишася на Костромичь въ тылъ, а другая половина въ лице удари. Воевода же видѣвъ бывшее и убояся, нача бѣжати, ни самъ на нихъ ударилъ, ни рати своей повелѣлъ, но выдавъ рать свою и покинувъ градъ свой, подавъ плещи, побѣже къ Костромѣ; Костромичи же видѣвше то, и не бившеся и побѣгоша, и мнози ту на побоищи побьени быша и падоша, а друзіи по лѣсомъ разбѣгошася, а иныхъ живыхъ поимали и повязали. Новгородци же видѣвше оставленъ градъ и небрегомъ, и нѣсть ему забороны ниоткуду же, и взяша градъ, и пограбиша его до конца, и стоявше въ градѣ недѣлю цѣлу и всякого сокровища изыскавше изнесоша, и всякій товаръ изъобрѣтше и поимаша; не все же товарное съ собою попровадиша, но елико драгое и легчайшее, а прочее тяжкое излишнее множайшее въ Волгу металша и глубинѣ предаша, а иное огнемъ пожгоша, и множество народа крестьянскаго полониша, мужей и женъ и дѣвицъ съ собою попровадиша, и отъидоша отъ Костромы. И шедше на низъ по Волзѣ, пограбиша Новгородъ Нижній, и много всякого полона взяша и градъ зажгоша. И поидоша на низъ и повернуша въ Каму, и тамо помедлиша нѣколико время, и потомъ внидоша Камою въ Волгу. И дошедше на низъ по Волзѣ града Болгаръ, и тамо полонъ всь крестьянскій попродаша бесерменомъ, или костромскій или Нижнего Новагорода, жены и дѣвици; и сами поидоша въ Насадѣхъ по Волзѣ на низъ къ Сараю, гости крестьянскіе грабяще, а бесермены бьюще. И доидоша на усть Волгы близъ моря града нѣкоего Хазьторокана, и тамо изби ихъ лестью Хазитороканьскій князь, именемъ Салчій. И тако вси безъ милости побьени быша, и ни единъ отъ нихъ не остася, а имѣніе ихъ все взяша бесерменове,—и такова бысть кончина Прокопу и дружинѣ его.

(*П. С. Л. IV, 71—72*).

221. Поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ до 1383 (1).

Пръвіе имѣйте братье страхъ божіи въ сердци своемъ, тѣмъ бо можете въстягнутися отъ всякого зла. Къ церкви будете нелѣниви, та бо есть ощищеніе грѣхъ нашихъ; въ церковь же вшедше стойте съ страхомъ, не бесѣдуя ни с кимъ же, и да и молчащимъ не будеши на пакость, но съ смиреніемъ стойте слушая пѣніа, и взираа образъ божій и на св. иконы, поминаа грѣхы своа, ащели бы умягчить Богъ сердце. А и слезы испустите о грѣсехъ своихъ, и да уподобитеся мытарю, а не фарисею. Болѣжь всего покаальнаго (*духовнаго*) отца слушанте, каитесь емоу по вся дни, исповѣдающе своа грѣхы, аще бо человѣкъ показался будетъ грѣхъ своихъ, ти единого не по-

(1) Поученіе это приписываютъ Павлу Высокому.

вѣсть грѣха, мня малу вину, то и за то осужденіе пріиметь, якоже птица оувязнеть въ силѣ, аще не за голову, ни за ногу, а любо си за ноготь, да иже ся трепещетъ, да иже оумреть, такожъ и тъ человѣкъ, иже оутаить отъ отца духовнаго грѣх единъ. То тотъ будетъ тяжцѣе всѣхъ. На попа хулы не пріемли ни зазри его ни въ чемъ же... Но луче аще кто хощетъ ити къ нимъ и побесѣдовати о духовныхъ и о печали свѣта сего. То бо, сынове, бес печали суть, могутъ ны оутѣшити. Или что имаете потребно несите къ нимъ, то бо все въ рукѣ божіи влагаете. Но и паче князю своему пріайте всѣмъ сердцемъ своимъ и мечемъ своимъ и главою своею и не рци ему зла въ сердци своемъ, глаголетъ бо апостолъ Павелъ: вся владычьства отъ Бога оучинена суть, и да аще кто противится властелемъ, то божію повелѣнію противится; а родителя же аще кто имѣетъ, да чтить акы Бога,—тѣми познахомъ бо свѣтъ сей; покланяйтесь имъ заоутра и вечеръ и на ложе идя, аще бо человѣкъ чтитъ родителя своего, то весь законъ есть, и тогда сынъ свободенъ есть, егда спрячетъ кости родителю своею. Братію такоже люби и весь родъ свои; потщивай по силѣ, бо святый Іоаннъ Богословъ глаголетъ: своемъ, ти дасть имъ еже требуеть, болѣ инехъ милостыня вмѣняется предъ Богомъ. Рабы такоже водите въ наказаніи съ тихостію оучаще добрымъ безъ порченіа и чтя ихъ, да негдѣ ти мѣстять оу притчи (т. е. *при случаѣ*) аще ль не послушають, то раны разумѣютъ что дати; яко божіи създаніе, но вамъ даны суть Богомь на службу. На расхыщеніе чюжаго имѣніа не буди готовъ, и отрокъ поучивай, да възмеши отне имя и ркуть человѣци: отъ благаго корене благый прозябе плодъ. Рече бо Господь: въ нюже мѣру мѣрите, възмѣрится вамъ. А что суть оу васъ рабы и рабыни Богомъ даны вамъ на службу, тѣмижъ паки доетойно пещися душами ихъ, отъ зла възбранятн имъ и на покаяніе приводити, а къ церкви понужати; вы бо есте игумени домовъ своихъ. Аще ли кто безъ покаянія оумретъ оу васъ или не крещенъ, то вамъ отвѣщати за душу ту предъ Богомъ. Другы же оубо какы имѣите собѣ и съвѣтники, иже не вся глаголемая вами хвалять, но судомъ божіимь тщатся отъвѣщати; то бо суть не друзи, иже аще вы душевредное слово рчете и они похвалять, но то суть ласкавци свѣта сего, а душамъ губители. Почтите же ся на то, еже желати имени вашему на святыхъ трапезахъ поминаемы іереи къ Богу, велико бо есть о семъ разумѣти. Аще человѣкъ который имѣетъ тяжю съ кымъ, якоже поити ему къ князю на прю, колма молится вамъ близь князя будущимъ и мздить вы, да бы оправилъ отъ тяжи; кольми паче князь іерѣй молится къ небесному царю, къ немуже имѣемь бесчисленныа грѣхы. Всего же паче гордости не имѣйте въ сердци, ни въ оумѣ..... Всего же злѣе, еже преступите крестное цѣлованіе, или ино реченіе, се бо видѣ Захаріа пророкъ серпъ огненъ летяще съ небесѣ по тѣхъ, иже ходять по криву ротѣ, да пожнеть я и племя ихъ, а душа ихъ огню предастся вѣчному. Наипаче оубогыхъ не забывайте, но по силѣ колько мога корми и одѣвай. И творя же милостыню, егда како будеши неправдою ся пріобрѣлъ, неправедная милостыня подобна есть сему: яко бы отець зрѣлъ, егда сына зарѣзываютъ, коль ему зло,—такоже и Богови на неправедную милостыню зряще. Да луче бы отъ праведнаго, аще и мало. Якоже она вдовиця двѣ медници вьвергъши, болѣ всѣхъ похвалена бысть. Человѣкъ же не мѣни непривѣчавъ. Не стыдися честнѣйшимъ себѣ главы своея преклонити. Не лѣнися съ вятшимъ стояти, то бо все въ честь Богу твориши..... Наипаче больнаго посѣщай, не брани емоу ничтоже отъ дому твоего, аще что въспро-

сятъ питья или яденія. И къ темници дойди, виждь бѣдоу ихъ и стонаніе ихъ. О колико си стражють отъ земныхъ властелей за единъ спудъ, а друзіи оболгани, а мы что створимъ егда предстанемъ предъ царемь небеснымъ, имоуще тьмами грѣховъ? Всегоже паче имѣйте любовь къ великымъ и къ малымъ, рекше съ богатымъ и съ оубогымъ, лицемѣрна бо есть любовь, оже богатаго любите. Егда твориши пиръ и зовеши князя и вельможа и ближніи, то добро; но зови и оубогыя колико мога силѣ, да обою мзду не лихъ будеши..... А раннего питія и яденія бѣгай: аще человѣкъ рано оупивается, то весь день емоу нощью. Блюди же ся душегубьства, иже есть тяжко вельми. Аще человѣкъ оу человѣка погубить злато, то ино въ то мѣсто обрящетъ, то за то ему пойти въ муку;—а оже человѣкъ погубить душу, то гдѣ иноу въ того мѣсто обрящетъ? ащель хощете искати ея, то чѣмъ ю можете обрѣсти? или покааніемъ крѣпкымъ и слезами и алканіемъ и поклоны и милостынею? душегубьства жь разни суть: не то едино еже оубити человѣка, но иноеже, еже озлобити человѣка, или раба, или оубога, и они отъ нужа погубять ся или бѣжать въ поганыя... На наимы жь коунъ не дай отъимудь св. бо апостолъ Павелъ лихоимца съ блудники вмѣняетъ. Зависти жь и ревности бѣгай. Не мози порадоватися, егда найдетъ на друга печаль, но больма поскорби съ нимъ и оутѣши его, св. бо писаніе глаголеть: съ веселящимися весели, и съ плачющимися плачи. А молчаніе люби, глаголеть бо премудрость Соломоня: въздержаа языкъ свой испустить жестокъ разумъ. А лжи блюдитеся, и самъ бо вѣси, яко исперва сатана солга Евгѣ и весь родъ человѣчь смерти предасть.

(*Журн. Мин. Нар. Просв., 1854 г. 12. стр. 184—190*).

222. Слово старца о пьянствѣ XIV в.

»Какую муку мы примемъ, живя во *лѣноть* и лѣнясь въ церкви, и пропивая вечерню и заутреню и часъ молитвы! Что дѣлаешь, человѣче, безчинно и скаредно живя, и любя нравы язычниковъ! И пьянство—веселье язычниковъ, а христіанамъ когда отобѣдать, тогда и *отпить*. А ты сидишь весь день забавляешься питьемъ, ничего не дѣлая въ пользу ни душѣ, ни тѣлу, но все продавая за питье, и томя душу и тѣло. По истинѣ удивительно: одинъ часъ употребить на пищу, а весь день погубить на пьянство! Мнится мнѣ, что и безсловесные звѣри и скоты, не вѣдающіе Бога, не чающіе суда, не имѣющіе житейскихъ дѣлъ и во всемъ праздные, и тѣ смѣются надъ нами, и если не говорятъ словомъ, то мыслію: мы безсмысленны, а ѣдимъ и пьемъ въ мѣру; а люди все не сыты; точно у нихъ одна утроба на питье, а другая на пищу! И какъ они не устанутъ *пьючи!* И льютъ вино, будто въ утлую сосудину, пока-мѣстъ взбѣсятся отъ пьянства. Двоякое бываетъ пьянство. Одно пьянство даже хвалятъ многіе, говоря: то не пьяница, коли упьется да ляжетъ спать; а то пьяница, когда толчется и бьетъ, и ссорится, и ругается. Я же покушаюсь указать, что и кроткій, когда упивается, согрѣшаетъ, хотя бы и спать легъ; и недоумѣваю, къ чему его прировнять! Скотиной ли его назову, но и того онъ *скотье*, звѣремъ ли его назову, но и того онъ *звѣрье* и неразумнѣе. Ибо кроткій пьяница, какъ болванъ, и какъ мертвецъ, валяется, и много разъ осквернившись, смердитъ. И когда кроткій пьяница въ святой праздникъ лежитъ безъ движенія, разслабивъ свое тѣло и налившись по горло; люди богобоязливые услаждаютъ тогда въ Церкви свои сердца божественнымъ пѣніемъ и чтеніемъ, и будто на небеси предстоятъ передъ самимъ Госпо-

домъ Богомъ: а тотъ и головы своей не можетъ возвести, отрыгая отъ многаго питья, ни чѣмъ не отличаясь отъ поганаго язычника. — И такъ да умолкнетъ говорящій: хоть и упьюсь, но не сотворю лиха.— Видишь, сколько ты творишь лиха, пропивая праздники«.

(*Рус. Вѣстн. 1856 г. № 13, стр. 15*).

Переводъ Буслаева; см. тамъ же и подлинникъ.

223. Слово о Чяяди до 1400.

Чада моя милая, еще вы глаголю: челядъ свою кормити, якоже досыти имъ, одѣвайте, обувайте; аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего убьютъ у татбы или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати. Тѣмже набдите сироты своя во всемь и учите я на крещение и на покаяние и на весь законъ божии; ты бо еси яко и апостолъ дому своему, кажи (*учи*) грозою и лаской; аще не учишь, то отвѣтъ въздаси за то пред Богомь. И Аврамъ бо научи своихъ домочадець 318 всему добру закону и добру норову. Страхъ бо божии приимше не очечалятъ на старость тебе; аще ли тебе не послушаютъ ни мало, то лозы нань не щади, якоже Премудрость божия глаголеть до 4 или 6 ранъ или за 12 ранъ. Аще ли рабъ и рабыни не слушаеть и по твоей воли не ходити, то за года (*заблаговременно*) лозы нань нещадити до 6 ранъ и до 12; аще ли велика вина, то 30 ранъ лозою, а болѣ 30 ранъ не велимъ. Да аще тако кажеши я и добрѣ одѣваеши и кормиши, то благъ даръ приимеши отъ Бога...

(*Ист. Христ. Буслаева, 480*).

Таиъ же (480) см. объ отношеніи главы семейства къ челядинцамъ.

224. Нравственный идеалъ князя.

Посла царь (*Азякъ*) во Тверь, призва (*князя*) Александра къ себѣ, и убиенъ бысть во Ордѣ и з сыномъ своимъ Ѳеодоромъ; другому же сыну его кн. Михаилу младу зело 9 лѣтъ сущу, и иде в Повъгородъ ко отцу своему крестному Василью архиепископу Новогороцкому грамоте учитись. Онъ же даде его протодиякону своему, мужу богобоязниву и христолюбиву грамоте учити, и всему духовному наказанию и закону християнскому; и вскоре отрокъ грамоте изучись, и духовному любомудрію и закону, и в церкви всегда обреташесь, дѣтцкихъ же игрании и глумленіи отлучашеся, но всегда божеств. писанию прилежаше, и мужей мудрыхъ и благихъ бесѣдамъ внимаше, паче же отца своего крестнаго и духовного Василия владыки поучение и наказание приемляше, и сими наслажашесь и питашеся Егда же сяде на отчинѣ и на дѣдине своей на в. княжени Тверскомъ, тогда божиею благодатию сынове тверстии многа благая восприяша: бѣ бо мужъ боголюбивъ и человѣколюбивъ. Во дни убо княжения его разбоиницы и тати и ябедники изчезоша, и корчемники, и мытари, и торговыя злыя тамги изтребишась, и насилование и грабление нигдѣже обрѣташась, но вси бяху в тихости, в кротости и в смирении, и любви. Понеже убо сей князь всегда имя божие во устѣхъ имѣяше, и славу Богу возсылаше, святители почиташе, и ереи и иноцы любляше и чтяше, церкви созидаше и украшаше и удоволяше, вся печалныя утешаше, люди отвсюду собираяше, грады тверския утверди, враги молитвою и милостынею обзе устраши и оружиемъ победи, его же именемъ сынове Тверскии

хвалятся; нищихъ милуяше и питаяше, обидымыя избавляяше, болныя посещаше, алчющая кормяше, жаждущая напояше, нагия одеваше, к злымъ страшенъ и яръ бываше, к добрымъ же милостивъ и тихъ бываше, духовныя бесѣды любляше, сквернословия и срамословия ненавидяше, божественная писания прочиташе и сими наслажашесь и внимаше и послушаше чтущихъ прилѣжно со вниманиемъ, ратное художество отвсюду навыцаше и в сихъ искусенъ бываше, и мужественъ и крѣпокъ и страшенъ супостатомъ; отчину свою крѣпко соблюдая отвсюду, и всѣмъ яко отецъ чадолюбивыи бываяше, наипаче же святителя яко самаго Христа почиташе; толикожѣ милостивъ бѣ на иноческии чинъ, якоже многажды любезне со слезами лобызаше ихъ, и крѣпкимъ желаниемъ сердца зело радуяся предстояше яко ангеломъ божиимъ; сице же и священники, зовяше ихъ князеи царевыхъ, яко тіи глаголаше великия слуги божия и честнѣе насъ суть; обаче же много неизреченно благонравие показа, и к Богу велию вѣру в дѣлехъ стяжа, образъ добрѣ оставль всѣмъ княземъ хотящимъ властвовати на земли. Тѣмъ же и Господь Богъ возлюби его и многа благая дарова ему, и славою и честию венча его, и в странахъ прослави. (Ум. 1399 г.).

(*Никон. Лѣт. IV, 287—288*).

См. о преставленіи в. кн. тверскаго Михаила (*П. С. Лѣт. IV. 559*). Тамъ разсказывается, какъ князь постригся передъ смертью, что считалось большой нравственной заслугой и залогомъ спасенія.

225. Убіеніе Юліаніи Вяземской

Той же осени (1406) князь Юрьи Святославичь Смоленьскій пріиде изъ Новагорода на Москву, и би челомъ вел. кн. Василью Дмитреевичю въ службу, и князь велики дасть ему половину Торжьку (намѣстничество въ Торжку), а другую половину князю Семену Вяземскому. И уязви въ сердце діаволъ Юрья плотнымъ похотѣніемъ на княгиню на Семенову (на подружіе служащаго ему Симеона Мьстиславича); взятъ бо на ложе ту княгиню его Ульяну, хотя быти (*жити*) съ нею; (она же предобрая мужелюбица мужески воспротивися ему); онъ же ляже съ нею, она же вземши ножь удари его въ мышку (*на ложи его*). Онъ же возъярися (*вскорѣ самъ*) уби князя ея, а ей (*самой*) повелѣ отсѣщи руки и ноги и вовреши въ рѣку. (И бысть ему въ грѣхъ и въ студъ великъ, и съ того) сбѣжа самъ къ ордѣ, не могій трьпѣти срама и горькаго безверемянья и безчестія и студа.

Септября 14 (1407) преставися кн. Юрій Святославичь Смоленьскій, не въ своей отчинѣ, но на чюжей странѣ въ изгнаніи, а своего княженія лишенъ и своей княгини и своихъ дѣтей, но въ Рязаньской Земли въ пустыни въ манастыри у нѣкоего Христолюбца игумена Петра; и ту нѣколико дній поболѣ и скончася, (и проводиша его честно), и погребенъ бысть ту.

(*П. С. Лѣт. IV, 109 — 110, VI, 133—134, VIII, 81*).

Сказаніе о Юліаніи Вяземской см. «Житія св. Рос. Церкви», Декабрь 161—164. Идеальный типъ древне-русской женщины см. въ Сказаніи о Петрѣ и Февроніи Муромскихъ.

226. О начал̀ Колочскаго монастыря.

Въ лѣто 6921 (1413) правящу тогда скипетромъ царствія Рускаго, благочестія держателю, христолюбивому в. кн. Васи-

лію Димитріевичу, бысть во области брата его кн. Андрея Димитріевича въ предѣлехъ града Можайска, яко 15 поприщъ, есть мѣсто Колоча зовомо, идѣже жилище имый нѣкій человѣкъ простъ, поселянинъ земледѣлецъ убогъ, именемъ Лука; и той нѣкогда хождаше въ лѣсѣ близь жилища своего, и видѣ на нѣкоемъ древѣ Икону со двѣма затворы стоящу, на ней же написанъ образъ пречистыя Богородицы, держащи на рукахъ превѣчнаго младенца Господа нашего І. Христа, на единомъ же затворцѣ бяше образъ божія ревнителя и великого пророка Иліи, и на друзѣмъ затворцѣ также образъ великаго чудотворца и святителя Николы. Лука же пришедъ дерзну взяти съ поклоненіемъ св. ту икону, юже вѣрою многою любезно цѣловалъ, и постави ю у своея нивы на древѣ, на мѣстѣ простѣ и небрегомъ. И пріиде инъ нѣкій человѣкъ также убогъ, и взятъ ю оттуду. Лука же шедъ умоли его, и давъ ему хлѣбъ овсянъ, и паки взятъ къ себѣ св. ту икону и принесе въ домъ свой. Въ дому же его бяше человѣкъ разслабленъ, лежаше многа лѣта, ему же Лука сказа подробну вся, како обрѣте св. ту икону. Онъ же удивися, и моляше его, яко до принесетъ къ нему икону тую. Лука же принесе къ нему. Разслабленный же вѣрою утвердися, и знаменася по челу и по очима и по устнама образомъ божія Матере, и въ той часъ здравъ бысть, яко николиже болѣвъ. И сіе слышано бысть отъ всѣхъ, иже тамо живущихъ людей, и стекошася мнози, и принесоша болящая различными недуги, и вси здрави быша. И тако начаша отвсуду приносити множество недужныхъ и разслабленныхъ, и исцѣлевахуся. И оттолѣ многа чудеса безчислена бываху въ дому Лукинѣ отъ образа пречистыя Богоматери. И того ради вси людіе начаша Луку чтити яко пророка, или яко апостола И тогда Лука вземъ чудотворную ту икону Богоматери, и понесе ю преже ко граду Можайску. И изыде во срѣтеніе самъ благовѣрный кн. Андрей Димитріевичъ и съ боляры своими, и со всѣмъ народомъ града отъ мала и до велика. И быша чудеса многа отъ иконы Богоматери. Таже оттуду пріиде Лука со иконою къ Москвѣ, и срѣтоша ея самъ пресвященный Фотій м-тъ всея Русіи и со епископы и со всѣмъ священнымъ соборомъ и со кресты, также и князи и княгини и чада ихъ, и боляре и воеводы и вси вельможи, и все народное безчисленное множество. И быша чудеса безчисленна, слѣпіи прозираху, хроміи хождаху, разслабленіи возстаяху, нѣміи глаголаху, глусіи слышаху, и всякимъ недугомъ одержиміи здрави бываху, и толика безчисленная и неизреченная тьмами темъ безпрестани тогда чюдеса быша, яко ни умъ человѣческій не можетъ изрещи. И хожаше Лука отъ града во градъ со иконою божія Матере, отъ нея же вездѣ неизчетная чюдеса содѣвахуся, и вси даяху многу милостыню Луцѣ. Онъ же аще и простъ человѣкъ бяше и послѣдній поселянинъ, но обаче добродѣтель законную имѣяше въ себѣ, и возвратися въ Колочю въ свое пребываніе, имѣя съ собою чюдотворной образъ Богоматери, ея же милосердіемъ много и безсчисленно богатства собра, и церковь постави во имя пречистыя Богородицы, въ ней же и чюдесную ту Икону Богородичну постави, идѣже нынѣ есть монастырь Колочскій. И себѣ же домъ созда удивленъ якоже княжескій, въ немъ же храмы свѣтлы и велицы, и многи рабы и рабыни притяжа, и отрока предстоящая ему, и предтекущая свѣтлыми одежами оболчени. и трапеза его многа драгаго брашна отъ тука (*жира*) и масти (*масла*) исполнена, и многа питія благовоннаго, и всегда въ пищи и въ питіи веселяшеся со служащими своими, и ловы дѣюще со птицами и псы, и медвѣди ухващая, таковыми позорными ловитвами

утѣху немалу себѣ притворяя. И тако Лука отъ препростія въ суровство премѣнися, и нетокмо вельможамъ и властелѣмъ и сановникомъ сопротивенъ являшеся, но и самому кн. Андрею Димитріевичу жестокъ и непокоренъ бываше, еще же и ловы дѣющихъ на князя, бьяще ихъ и грабляще, соколы же и ястребы княжіи къ себѣ взимаше. Князь же вся сія терпяше пречистыя ради Богородица. Человѣколюбивый же Богъ, иже судьбами своими всѣмъ хотя спастися и въ разумъ истинный пріити, тако и сего Луку не презрѣ, въ нечувствіи пребывающа; но преже конца на покаяніе обрати его сицевымъ образомъ: Нѣкогда бо ловчій княжъ Андреевъ улови медвѣдя люта, и везяху его въ ларѣ мимо дворъ Лукинъ, его же узрѣ Лука, и повелѣ медвѣдя того пусготити изъ ларя на своемъ дворѣ; медвѣдь же выпущенъ, и самого Луку достигши смяте, и еле жива отняша его. Князю же увѣдавшу сія, и въ той часъ самъ потщася скоро пріити отъ града, и посѣтити его, и видѣ его едва дышуще, и глагола ему: »О како неразумѣлъ еси себѣ человѣче! видя, како ти прослави Богъ чудотвореніемъ отъ божественныя иконы пречистыя Его Матери, и почто о суетныхъ потщался еси, и вдался еси на мирскія позоры и глумленія и піянства, и къ неполезному житію сшелъ еси; и того ради сице тебѣ и случися таково искушеніе, да неуповаеши на множество богатства, но Бога помощника имѣя взыщеши и нехотя пути спасеннаго«. Лука же яко отъ сна возбнувъ и въ чувствіе пріиде, раскаяся о непотребномъ житіи, и плачася со слезами горцѣ рыдая, и моляше князя, »да сотворитъ съ нимъ милость, и богатствомъ его промыслитъ, яко богоугодно и пречистой Богородицы, и еже на пользу душѣ его тако да устроитъ«. Князь же Андрей Димитріевичь боголюбивъ сый, ни мало не закоснѣ, но вскорѣ таковымъ его безчисленнымъ богатствомъ монастырь постави пречистой Богородицы, глаголемый Колочскій, идѣже церковь преже поставлена бысть, въ ней же и чюдотворная бяше икона божія Матери, отъ нея же многая чюдеса содѣяхуся и до сего дни. Тогда же въ томъ монастыри Лука пострижеся во иноческій образъ и поживе въ немъ нѣколико лѣтъ во умиленіи и въ слезахъ и въ покаяніи, дондеже и преставися о Господи. Въ монастыри же томъ и донынѣ сотворяется празднество Явленіе честнаго того и чудотворнаго Богоматери образа м. іюля въ 9 день. Молитвами пречистыя Твоея Матери и св. святителя Николы Мирликійскихъ чюдотворца, и св. и славнаго Пророка Иліи и всѣхъ святыхъ твоихъ, Христе Боже нашъ, помилуй насъ, аминь.

(*Степен. кн. изд. Миллеромъ 1775 г. I, 566—568*).

Степенная книга *составляетъ лѣтописный сборникъ, расположенный* по степенямъ *или родамъ князей. Отъ св. Владиміра до Ивана Вас. IV считается 17 степеней, да упоминается о трехъ степеняхъ отъ Рюрика до Владиміра. Степени идутъ отъ отца къ сыну, правнуку и т. дал. по нисходящей линіи. Миллеръ начало составленія »Степенной книги« приписалъ м-ту Кипріану, но неизвѣстно на какомъ основаніи; скорѣе она составлена при м-тѣ Макаріѣ (ум. 1564 г.), какъ и Четь-Минеи; потомъ послѣ него была дополняема. Взглядъ на событія въ этомъ сборникѣ религіозный и на первомъ планѣ изображаются лица и событія, имѣвшія ближайшее отношеніе къ церкви.*

227. Исповѣданіе ростовс. архіеп. Ѳеодосія 1455.

Азъ смиренный Ѳеодосій, архіепископъ ростовски и ярославски, подіаволю искушенію, а по своему скудоумьству, или истинѣ рещи, по невнимателству, поче же и по мнѣтелству, дерзнухъ сотвори-

ти новоначялствено въ церкви божіей и безчиньство, сопротивно божественнаго и священнаго правила, преданнаго божіимъ церквамъ св. апостолы и богоносными св. Отцы, и чрезъ установленное узаконоположеніе въ св. уставѣхъ, Іерусалимскомъ же и въ Святыя Горы, и въ Студитовѣ и въ прочихъ иныхъ уставѣхъ, писаннаго и сице реченнаго: »Яко аще прилучится, рече, на вечеріе Рождества христова или Богоявленіа господня въ суботу или въ недѣлю, то не повелѣно вамъ инокомъ разрѣшити на сыръ и рыбу, а мірьскимъ на мясо, но повелѣно, по отпущеніи литургія, нѣчто мало причяститись, скудно отъ пища; по вечернѣмъ же отпущеніи, ясти совершенно, но постное яденіе, яко же тамо пишетъ, а не сыръ, ни рыбу, ни міръстіи человѣци мясо.« По прилучяго же, яко же нынѣ прилучися седмыя тысяща послѣдняго ста 63-го лѣта, индикта третьяго, на вечерію Богоявленіа господня быти въ день недѣлный; азъ же смѣрѣнный и худый, грѣшный, повелѣннаа по уставу церковному о пѣніихъ литургійныхъ и вечерныхъ свершивъ и сѣдохъ за трапезою, и не вѣмъ, какъ по искушенію діаволю, или по своему грѣху, вмѣни ми ся тако, яко да и самъ ямы сыръ и млеко и рыбу, и прочимъ инокомъ повелѣлъ тожъ яденія ясти, и мірьскимъ человѣкомъ мясо. Мнози же прилучишася тогда ту, отъ священниковъ и иноковъ, и отъ мірьскихъ благоразумныхъ человѣкъ, много возбраняху ми таковыхъ не творити; азъ же, объятъ діяволскимъ ускушеніемъ, а своимъ грѣхомъ, непослушахъ ихъ, ни внимахъ глаголамъ ихъ, и отвѣщахъ имъ токмо единою рѣчью, недѣлнымъ днемъ, не ставя собѣ грѣха. И тако сотворися мною грѣшнымъ таковое новоначялственное въ церкви божьи злое безчиньство. Господинъ же нашъ и осподарь, и общій отець и пастырь и учитель нашъ Іона м-тъ кіевъскій и всеа Руси, по своему святительскому долгу, попеченіе имѣя о многогрѣшной моей души, что быхъ въ вѣкы душею не погиблъ, ни въ безконечныхъ бы вѣчныхъ мукахъ въ адовѣ пропасти не былъ, да собравъ о собѣ божественный и священный съборъ, о св. Дусѣ своихъ сыновъ и сослужебьниковъ, руськіа митропольи епископовъ, суждалского епископа Филиппа, рязанского Ефросима, коломенского Геронтія, и архимандритовъ, и прочее священьство, (собесѣдоваше же тогда съ ними, на томъ священномъ Соборѣ, и в. государь земьскій, в. кн. Василей Васильевичь всея Руси съ своимъ синьклитомъ), да и по меня по грѣшьнаго и по грубаго послали; и возря въ божественная и священная правила и во уставленна отъ закона положеннаа писанія, да мене смѣреннаго отъ святыхъ своихъ ученій духовнѣ много наказали. Азъ же грѣшный Ѳеодосіе, пришедъ въ чювьство и поуразумѣвъ свой злый грѣхъ и свое преступленіе, и отъ усердьства всею душею со многыми слезами покаяхся, и каюся, и до конечнаго издыханія имѣю каатися о томъ о своемъ сотвореномъ злѣмъ новоначялствѣ, и прокляхъ его и проклинаю, и имамъ проклинати его и до своего исхода; а вѣрую въ Троицу, въ Отца и Сына и св. Духа, въ не же и крещеніе пріяхъ, потомъ же иноческій образъ, и священническій чинъ, и святительскій великій санъ пріяхъ, и о томъ преданными церкви божіей божественными и священными правилы и св. узаконоположенными писаньми укрѣпляюсь, и почитаю о всемъ и облобызаю ихъ, и въ томъ пребываю и до скончянія своего живота. А черезъ то преступлю ли что или словомъ, или ученми, или дѣломъ, или въ смущенье кому буду чимъ, отъ сего времени, въ вѣрѣ черезъ божественая и священная правила и черезъ уставное узаконоположеніе; и та святая правила меня грѣшнаго и осудятъ, по моимъ дѣломъ, въ страшьный и грозный и судный

день втораго Христова пришествія. А сію грамоту азъ смирьный Ѳеодосіе, архіепископъ ростовъски и ярославски, самъ на себе написахъ.

(*А. Истор. I, № 57.*).

О почитаніи среды и пятницы въ древ. рус. народѣ. Прав. Собес. 1859, I, 181.

Указанія на черты нравовъ и обычаевъ древнихъ можно найдти еще въ слѣдующихъ отрывкахъ этой христоматіи: Объ-Андреѣ Первозванномъ, о набѣгѣ Печенѣговъ *(ниже)*. О милостынѣ и пирахъ св. Владиміра см. слово Иларіона и *№ 138 выше*. Въ церковн. Уставахъ говорится о господствующихъ порокахъ того времени; въ словѣ о мытарствахъ и въ поученіяхъ Серапіона указано на жестокость противъ рабовъ. Бытъ княжескій отчасти изображается въ Послании Никифора до 1121. О недостаткахъ нравственной жизни можно читать въ Словѣ Ѳеодосія о казняхъ, въ Словѣ Христолюбца, въ Словѣ М. Кирилла 1274 и въ поученіи 1280 г. О жестокостяхъ во время войны см. *Борьба съ Тверью 1372 и 1375 г.* и проч.

Б. ПРЕДАНІЯ И ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

228. Объ образѣ Спаса.

Въ лѣто 6553 (1045). Заложи в. кн. Владиміръ Ярославичь, а внукъ в. кн. Владиміра Кіевскаго и всея Россіи, крестившаго Русскую землю, въ В. Новѣградѣ церковь каменную св. Софіи, при второмъ епископѣ Луки; а дѣлали ю 7 лѣтъ, и устроиша вельми прекрасну и превелику; а въ то время служили во храмѣ св. праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны. И устроивъ церковь приведоша иконныхъ писцевъ изъ Царяграда, и начаша подписывати во главѣ, и написаша образъ Г. Бога и Спаса нашего І. Христа со благословяшею рукою. Воутріи же день видѣ еп. Лука образъ господенъ написанъ не благословящею рукою, иконописцы же писаша по три утра, и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа господня иконнымъ писцемъ, глаголюшь: «Писари, писари, о писари! не пишите мя благословляюшею рукою, напишите мя сжатою рукою, азъ бо въ сей руцѣ моей сей В. Новградъ держу; а когда сія рука моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе.«—Мѣра тому Спасову образу: отъ вѣнца до пояса полъ—4 сажени, а около вѣнца 43 пяди, носу длина полъ — 4 пяди, устнѣ полторы пяди, устнѣ полторы пяди, очи полъ —2 пяди, рука сжатая длань 6 пядей, а простертая длань 8 пядей, подпись — «Іисусъ Христосъ« по 14 пядей; архангелы и херувимы надъ окны написаны стоящіи по 16 пядей, а пророцы написаны промежъ оконъ стоящіи по 18 пядей мѣрныхъ; а внутри главы кругомъ, гдѣ окна, 12 саженъ; отъ Спасова образа ото лбу до мосту церковнаго 15 саженъ мѣрныхъ. А писали Спасова образа годишное время и болѣ.

(*П. С. Лѣт. III, 211*).

Другой списокъ см. «О малоизв. и неизв. памят«. IV, 98.

229. О Михаилицкомъ монастырѣ.

Повѣдаше нѣкто отъ честныхъ отецъ о просфорѣ, и о церкви пресв. владычицы нашей Богородицы, яже есть на Молотковѣ въ монастырѣ, въ В. Новѣградѣ, на Торговой Сторонѣ. Сице убо бысть: Мужъ нѣкто отъ благочестивыхъ обычай имѣяше отъ дѣтства, по вся дни, приходити въ церковь ко всякому пѣнію церковному, таже по отпѣтіи пріима-

ше дору (*просвиру*) и хлѣбъ пречистыя, по обычаю, отъ священника; тоже творяше дору и хлѣбъ Пречистыя по обычаю по отъѣденіи обѣда; аще ли прилучится гдѣ священникъ, взимаетъ отъ него часть Пречистыя хлѣба. Званъ же бысть нѣкогда той благочестивый мужъ отъ нѣкіихъ знаемыхъ ему на пиръ, и яко же по обѣдѣ раздаваше священникъ Пречистыя хлѣбъ взятъ же и онъ благовѣрный мужъ часть Пречистыя хлѣба: и яко восхотѣ снѣсти, помяну нѣчто нечаянное сотворишееся ему въ дому, и того ради не яде хлѣба онаго, но связа въ платъ, хотя снѣсти заутра. Таже сѣлъ ясти и пити съ людми на пиру ономъ, и якоже бысть веселъ, поиде въ домъ свой; далече же бяше, и не дошедшу ему двора своего, рознялъ хмѣль его на пути и сонъ, и ляже на пусте мѣстѣ. Спяше же ему, людіе же бяху назираху его изъ домовъ своихъ, когда возстанетъ; оному же спяшу крѣпко. Случися же плату оному въ рукѣ его быти, въ немъ же хлѣбъ Пречистыя; приступиша къ нему пси діаволимъ наважденіемъ, ошутивше хлѣбъ той, и яко хотяху исторгнути отъ руки мужа онаго хлѣбъ онъ, и абіе паляше ихъ огнь, и многажды покусившеся пси приступити къ хлѣбу Пречистыя, огнь паляше ихъ. Видѣвше же мужи мѣста оного, притекше отгнаша псовъ, и мужа оного возбудиша отъ сна; онъ же повѣдаше всѣмъ сіе бывше чюдо. Они же слышавше удившася велми, и повѣдоша архіепископу. Онъ же повелѣ поставити церковь пречистыя Богородицы честнаго ея Рождества, таже и монастырь составиша на томъ мѣстѣ, яже и донынѣ стоитъ божіею милостію и молитвами пречистыя его Богоматери; а на томъ мѣстѣ, идѣже огнь схождаше, поставиша св. трапезу, въ славу и честь св. Живоначальныя Троицы и пречистыя его Богоматери.

(III Нов. 218, подъ 1198 г.).

230. Стихъ о страшномъ судѣ.

»Охъ ты матушка, владычица,
Дѣва Марія Богородица!
Ты велишь намъ, матушка, въ рай взойти,
Намъ въ рай взойти, во царство небесное?«
Речетъ имъ матушка владычица
Своимъ громкимъ голосомъ:
—Подите вы, души праведныя,
Подите вы, души спасеныя!
У меня про васъ растворены рай стоитъ,
Изготовлены про васъ ризы неизносимыя,
(Пища райская не тлѣнная);
Буде мало вамъ покажется,
Возложу я на васъ золотые вѣнцы;
(Буде мало вамъ покажется,
Свѣтлы ризы вамъ сошью
И со ангелами сошлю;
Буде мало вамъ покажется,
Золоты нарушни солью
И со ангелами сошлю);
Буде мало вамъ покажется,
Поставлю я вамъ въ раю престолъ;
Буде мало вамъ покажется,
Ужь я дамъ вамъ въ раю свою волю,
Ужь вы жили—были на вольномъ свѣтѣ,—
Вы охочи были ходить въ божіи церкви,
Вы охочи были Богу молитися,
Вы заутрени не просыпывали,
Обѣдни въ обѣдахъ не прообѣдывали,
Вы вечерни на улицахъ не проигрывали,
Вы на исповѣдь къ отцамъ духовнымъ хажи-
вали,
Вы грѣховъ своихъ не утаивали,
Святыхъ таинъ вы пріимывали.«
Восплакнутъ же души грѣшнія:
—Охъ ты матушка, владычица,
Дѣва Марія, Богородица!
Не можно ли насъ простить грѣшныхъ?
»Отойдите отъ меня прочь, души грѣшныя,
Души грѣшныя, проклятыя,
Проклятыя, беззаконныя!
Ужь вы жили—были на вольномъ свѣтѣ,—
Вы не охочи были ходить въ божіи церкви (1)
Вы воли господней не творили:
За хрестъ, за молитву не стояли,
Вы другъ друга не любили,
Отца съ матерью не почитали;
Спѣсивые были, гордые, немилостивые,
До нищихъ, до убогихъ не подоптливые;
Были у васъ судьи неправедные,—
Виноватаго—ставили правымъ его,
А праваго—ставили виноватымъ его,
Брали они съ васъ злато и серебро,
Больше того—чѣстаго земчуга,
Копили себѣ казну неисчислимую,
Клали казну во сыру землю;
Не имѣли вы ни середу, ни пятницу,
Ни св. трехдневнаго воскресенія,
Святыхъ годовыхъ честныхъ праздниковъ,
Вы постовъ, вы молитвъ не знавали,
Поповъ и дьяковъ ни вочто чли,
Земляныхъ поклоновъ не кладали;
Заблудящимъ дороги не показывали
И вы мертвыхъ во гробахъ не проваживали;
Колокольнаго звону вы не слыхали,
Пѣтья церковнаго вы не понимали,
Читанья господня не перенимали,
На божій престолъ свѣчей не принашивали;
Дьявольскія помышленія
Вы всегда помышляли;
Вы въ гусли во свирѣли играли,
Скакали, плясали,

(1) Далѣе говорится тоже въ противоположность, что было сказано праведникамъ. За тѣмъ мы представляемъ пороки, за которые осуждалась душа въ адъ, по народнымъ понятіямъ, изъ другихъ варіантовъ. Почти всѣ они оказываются преступленіями противъ дѣлъ внѣшняго благочестія и милосердія.

Все ради его, ради дьявола! —
Прогоню я васъ, проклятыихъ,
За три горы за Сіонскія:
Тамъ огни горятъ негасимые;
Пропущу я васъ сквозь матушки сырой земли,
Засыплю я васъ матушкой—землей,
Закладу я васъ камнями горючими,
Завалю я васъ плитами желѣзными,
Чтобы крику и зыку отъ васъ не слышати.

(*Калѣки. 3, 159—161*).

231. О муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Ѳевроніи.

Бѣ убо в Роусийстей землѣ градъ, нарицаемый Муромъ, в немже бѣ самодержавствуяй благовѣрный князь, повѣдаху, именемъ Павелъ. Искони же ненавидяи добра роду человѣческому дияволъ и всели неприязнена летяща змѣя к женѣ князя того на блудъ. И являшеся ей яковъ же бѣяше естествомъ, приходящимъ же людямъ являшеся своими мечты, якоже князь сѣдяше с женою своею; тѣми же мечты мнози времяна преидоша; жена же сего не таяше, но повѣдаше князю своему вся приключившаяся ей; змий же неприязнивый осилѣ наднею Князь же мысляше что змиеви сотворити, но не доумѣяшеся; и рече женѣ своей: мыслю, жено и не доумѣюся что сотворити непріязни тому: смерть убо невѣмъ каку нанесу нань; аще глаголетъ къ тебѣ какова словеса, да воспросиши его лестию о семъ. Вѣсть сей непріязненный духомъ своимъ отъ чего ему смерть хощетъ быти; аще ли то увѣси и намъ повѣдаеши, сама свободишися не токмо в нынѣшнемъ вѣце злаго дыхания, и сепения, і всего скаредия, его же смрадъ есть и глаголати, но и въ будущий вѣкъ не лицемѣрнаго судию Христа милостива себѣ сотвориши. Жена же, мужа своего глаголъ въ серцы си твердо приимши умысли во умѣ своемъ добро тако быти.....

Во единъ же отъ дни неприязнивому тому змію пришедшу к ней, она же добру память при сердцы имѣя, глаголъ с лестію прилагаетъ к неприязьни тои глаголы многія і иныя речи и по сихъ почтеніемъ въспросивъ его хваля; рече: яко много вѣси и весе ли коньчину си какова будетъ и отъ чего? Оный же непріязьнивыи прелестникъ и прельщенъ добрымъ прельщеніемъ от вѣрныя жены, яко непьщева таину си, изрече к неи, глаголя: »смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча.« Жена же слышавъ такову речь, во сердцы твердо сохрани, и, по отшествіи непріязьниваго того, поведа князю моужеви своему, якоже реклъ ей змій. Князь же, послышавъ, недоумѣяшеся, что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча. Имѣяше же оу себѣ приснаго брата именемъ князя Петра; въ единъ же от дни призьва его к себѣ и нача повѣдати зміеви речи, якоже реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ слышавъ от брата своего, якоже зміи нарече тезоименитому исходатая смерти своей, нача мыслити, недоумѣяся в моужестве, како оубити змія и веще бяше въ немъ мысль, яко невѣдаше Агрикова меча. Имѣяше обычаи ходити по церквамъ оуединяся, бе же вне града церковъ въ женьстемъ монастыри Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста, и пріиде к неи единъ помолитися, явижеся емоу отроча, глаголя: княже, хощеши ли да покажу ти Агриковъ мечь. Онъ же хотя желаніе свое исполнити, рече: »да вижду где есть?« Рече же отроча: иди в слѣдъ мене,—и показа емоу во олтарьнои стѣнѣ, межю каменія, средами скважню въ ней же лежаше мечь. Благовѣрный же князь Петръ, вземъ мечь тои пріиде повѣда братоу своемоу, и от того дни искаша подобна времени да оубіетъ змія, по вся же дни ходя ко братоу своемоу и къ снохѣ своей на поклоненія. Приключися же ему пріити въ храмину к брату своему, и о том же часу шедъ къ сносе своеи во ину храмину, и видѣ оу неи брата своего сидяща, и, паки отшедъ отъ нея, въстрете отъ предстоящихъ нѣкоего братоу его и рече емоу: »изыдохъ оубо от брата своего къ сносѣ, братъ же мои оста въ своемъ храмѣ, мнѣ же некоснѣвшу никаможе, но воскорѣ пришедшоу въ храмину къ сносѣ моеи, не свѣмъ и чюжоуся, яко братъ мои напреди менѣ обретеся въ храминѣ оу снохи моея.« Той же человѣкъ рече емоу: никакоже, господи, по твоемъ отшествіи не изыде братъ твои ис своея храмины. — Он же разумѣвъ быти проныръству лукаваго змія, пріиде къ братоу и рече емоу: »когда оубо сіймо пріиде; азъ бо от тебѣ исъ сея храмины изыдохъ, и негде ли ничесоже помедьливъ, пріидохъ к женѣ твоеи во храмину, и видѣхъ тя съ нею сидяща и чюдяхся како пред мене обрѣтеся; пріидохъ же паки сѣмо, нигдѣ же помедьливъ, ты же невѣмъ како предтече и на преди мене здѣ обрѣтеся.« Онъ же рече: никако же бѣхъ.—Князь же Петръ рече: »се есть, брате, проныръство лукаваго змія, да тобою ми ся кажетъ, аще не быхъ хотелъ оубити его, яко непьщоуя своего брата тебѣ. Нынѣ оубо, брате, отсюду никакоже иди: азъ же тамо иду братися со зміемъ, да не ли же божіею помощію оубіенъ да будетъ лукавый змій.« И вземъ мечь, нарицаемый Агриковъ и пріиде въ храмину къ сносѣ своей, и видѣ змія зракомъ акы брата, симъ и твердо оуверивъся, яко нѣсть братъ его, но прелесныи зміи, і оудари его мечемъ, змій же явися яко бѣше естествомъ, и нача трепетати, и бысть мертвъ и окропи блаженьнаго князя Петра кровію своею. Онъ же от нѣяпріязнивыя тоя крови і острупи і язьвы быша, и

пріиде нань болѣзнь тяжка зѣло; искаше въ своеи дерьжавѣ ото многихъ врачь исцеленіе, ні от единаго получи, и слышавъ же яко мнози соуть врачевѣ въ пределехъ Резанскія земьли, повеле себе тамо повести: не бѣ бо самъ мощенъ на конѣ сидѣти от великія болѣзни, привезенъ же беше въ прѣделы резанскія земли и посла суньклитъ свой *(свиту свою)* възыскати врачевъ. Единъ же от предстоящихъ емоу юноша оуклонися въ вѣсь нарицающу *Ласково*, пріиде к некоемоу вратомъ, и не видѣ никогоже, и вьниде въ домъ, и нѣ бѣ кобы его чтилъ, и вънидѣ въ храмину и зря виденіе чюдно; сидяше бо дѣвица, ткаше красна, предъ нею же скача заецъ, и глаголя дѣвица: »не дѣло есть быти дому без оушію и храму без очію:« юноша же то не внятъ въ оумѣ глаголъ... рече к дѣвицы: гдѣ есть человѣкъ мужеска полу иже здѣ живетъ? онаже рече: »отецъ мой и мати моя поидоша въ заемъ плакати, братъ же мои идѣ чрезъ ноги въ нави зрѣти;« юноша же тои не разоумѣ глаголъ ея, дивляшеся зря, и слыша вѣщь подобну чюдеси, и глагола дѣвицы: вънидохъ къ тебѣ зря тя дѣлающу, и виде же заяцъ пред тобою скача и слышоу от оустну твою глаголы странны, никако сего не вѣмъ что глаголеши, и ні единого слово от тебѣ разоумѣхъ. Она же глагола емоу: »сего же ли не разоумѣеши? пріиде въ домъ мой сіи, въ храмину мою вниде, и видѣвъ мя сидящу въ простотѣ: аще бы былъ въ домоу наю песъ и чювъ тя къ дому приходяща, лаеть бы на тя: се бо есть домоу оущи; аще бы было въ храминѣ моей отроча и видѣлъ тя ис храмины приходяща, сказала (о) бы ми: се бо есть храму очи; а еже сказахъ ти про отца и матерь и про брата, яко отець мой и мати моя идѣ въ заемъ плакати: пошли бо соуть на погрѣбаніе мертваго и тамо плачоуть; егда же по нихъ смерть пріидетъ, то иній по нихъ оучнуть плакати: се же есть замованный плачъ; про брата же ти глаголахъ: яко отець мои и братъ дрѣволѣзцы соуть, въ лѣсе бо медъ от древъ всякъ въземлютъ; братъ же мой нынѣ на таково дѣло иде, і якоже лѣсти на дрѣво въ высоту чрез ноги въ нави зрѣти, мысля абы не оурьвятися с высоты; аще ли кто оурьвется, сеи живота гонзнетъ; сего ради рѣхъ, яко идѣ чрез ноги въ нави зрѣти«. Глагола же ей юноша: вижю тя дѣвицоу мудроу сущоу: повѣжь ми имя свое. Она же рече: »имя ми есть Февронія.« Той же юноша рече къ ней: азъ есми муромьскаго князя Петра служаи ему; князь же мой имѣя болѣзнь тяжкоу и язьву острупьлену, бо бывшоу от крови летящаго змія, егоже есть оубилъ своими роуками, и во своемъ одерьжаніи искаше исцеленія ото много врачевъ, и ні от единаго получи; сего ради семо повелѣ себѣ привести, яко слыша здѣ многи врачевѣ, но мы не вѣмы камо имѣноуются, ни жилище ихъ вѣмы, да того ради въ прошаемъ от нею. Она же рече: »аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ и могль бы оуврачевати.« Юноша же рече: что оубо глаголеши еже ктомоу требовати князя моего себѣ? аще кто оуврачюетъ и князь мои дастъ емоу имѣнія много; но скажі ми врача того, кто есть и камо есть живетъ? Она же рече: »да пріведеши князя моего сѣмо; аще будетъ мяхгосерьдь и смѣренъ во ответѣхъ, да боудетъ здравъ.« Юноша жь скоро возвратися ко князю своему и повѣда ему все порядоу, еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же князь Петръ рече: да везете мя, гдѣ есть дѣвица, и приведоша въ домъ той, в немъ же бѣ дѣвица. И носла к ней от отрокъ своихъ глаголя: повѣжь ми, дѣвице, кто есть хотя мя оуврачевати, да оуврачюютъ мя и возьметъ имѣнія много? Она не обинуяся рече же: »азъ есмь хотя иаврачевати, но имѣнія не требоую от него пріяти, імамъ же отъ него слово таково: аще бо не имамъ быти соупруга емоу, не требе ми есть врачевати его.« Пришедъ человѣкъ тои и повѣда князю своему, яко же рече дѣвица. Князь же Петръ яко не брети словеси ея, и помысли: како князю соущу древоласца дщи пояти себѣ женоу и послав къ ней, рече: рцыте ей, что есть врачество ея, да врачюетъ. Аще ли уврачюетъ, имамъ пояти ю жену себѣ.— Пришедши же юноша, рѣша ей слово то. Она же, вземъ сосудъ малъ, почерпе киследи *(квасу)* своей и доуну на ня и рече: »да оучредятъ князю вашему баню и да помажутъ по телу своему, идѣ же есть струпы и язвы, и единъ строупъ да оставитъ не помаранъ: и боудетъ здравъ.« І принесоша къ нему таково помазаніе. И повелѣ оучредити баню, дѣвицу же хотя искоусити во ответѣхъ, аще мудра есть, яко слыша глаголы ея от юноша своего, посла къ неи съ единымъ от слоугъ едино повѣсмо льноу, рече: яко сія дѣвица хощетъ ми соупруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да вземъ льноу оучинитъ ми срачицу, и порты и полотеньцо в ту годину, и нюже в бане пребоуду. Слоуга же принесе къ неи льноу повѣсма и князь же слово сказа. Она же рече слоузе: »вьыди на пѣщь нашу и снемъ з грядъ полѣньца, спѣся ми сѣмо.« Онъ же, послушавъ ея, снѣсе поленьца: она же отмѣривъ пядію и рече: »отсѣкы се отъ поленьца сего.« онъ же отсѣкъ. Она же глагода: »возми оутинокъ полѣньца сего и шедъ дай же князю своемоу и от мене рьцы емоу: въ кіи часъ се повѣсма азъ очешу, а князь твои да приготовитъ ми в сѣмъ оутинькы станокъ и всѣ строенце кымъ сочтется полотно.« Слоуга же принесе ко князю оутинокъ поленьца и рѣчи дѣвичи сказа. Князь рече: шедъ, рцы дѣвицы, яко невозможьно есть въ таковѣ древьцы въ мялѣ и в такову малу годиноу сицева строенія сотворити. Слоуга же, пришедши, сказа ея князю же речь; дѣвица же отрече князю: »а се ли вов-

можно есть человѣкоу мужеска полу возраста во единомъ повѣсмѣ лноу въ малу годину, въ нюже пребудетъ въ бани, сотворити срачницу и порты и оубрусецъ?« Слоуга отъиде и сказа князю. Князь же дивлялся отвѣту ея. И по времени князь Петръ идѣ въ баню мытися и повелѣниемъ дѣвица помаза язьвы и строупы своя и единъ строупъ остави непомазанъ, по повѣленію дѣвицы. Изыде же язъ бани ничтоже болѣзьни чюяше; на утрія же оузрѣ и все тѣла здрава и гладка, развѣ едина, еже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвинаго стручю, и дивьляшеся скорому исцѣленію; но не восьхоте поняти ю себѣ женою отчества ради. И посла к неи дары. Она же не пріятъ.

Князь же Петръ поеха въ вочину свою во градъ въ Моуромъ здравствуя. На немъ же бо единъ струпъ, еже бе не помазанъ повелѣниемъ дѣвичимъ, и от того строупа, начаша многи струпы расходитися на тѣло его от перваго дни, в нь же поеха во отчиноу свою, и бысть весь остроупенъ.

И пакы възвратися на готовое исцѣленіе къ дѣвицѣ; якоже приспѣ въ домъ ея і со студомъ посла къ неи прося врачеваня. Она же, ни мала гнѣва подеръжавъ, рече: »аще боудетъ ми супроужьникъ, да боудетъ оувраченъ;« онъ же с твердьостію слово дасть еи, яко имать пояти женоу себѣ. Сія же пакы, якоже и преже, тожъ врачеваніе дасть емоу, се же преже писахъ. Онъ же вскорѣ исцѣлѣнія получивъ, і поя женоу себѣ. Такою жъ виною бысть Февронія княинѣ. Пріидоша во отчиноу свою градъ Муромъ и живяста во всякомъ благочестіи, ничтоже от божія заповѣди оставльюще.

По малеже дни предреченьный князь Павелъ отходить житія своего; благовѣрный же князь Петръ по брате своемъ единъ самодерьжавецъ бываетъ граду своему. Кънъини же Февроніи бояре же его не любяхоу женъ своихъ ради ея, і яко бысть княгини, отечества ради ея, Богоу прославльяющоу ю добраго ради житія ея. Никогда (нѣкогда) же бѣ нехто от предстоящихъ еи пріидѣ къ благотворному князю Петроу навадити на ню: яко от коегож... своего безчину исходитъ внегьда бо во... еи и взимаетъ въ рукоу свою крохти. Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ да обѣдаетъ с нимъ за единымъ столомъ. Яко оубо сконьчавьшоуся столоу, она же яко обычаи имяше вземъ со стола в роуку свою крохи, и князь Петръ пріимъ ю за рукоу и развѣде и видѣ ладонъ добровоньной и фимьянъ, и от того дни оста ю ктому не иськоушати.

По многемъ же врѣмени пріидоша к нему сь яростію бояре рькуще: хощемъ, княже, вси праведно слоужити тебѣ и самодерьжавцомъ имѣти тебѣ, но кнаини Февроніи не хощемъ, да господьствуетъ женами нашими, а хощеши самодержавцемъ быти, да боудетъ

ти иная княгиня, Февронія же возмѣтъ богатества довольно себѣ, и отидетъ, аможе хощетъ. Блаженный же князь Петръ, яко ему обычаи, ни о чесомъ ярости имѣя, смиреніемъ отвѣщая: яко же речете, и тогьда слышимъ. Они жи, невежства напольнившися бесьтоудія, оумыслиша да оучредятъ пиръ. И сотвори имъ. Якоже быша весели, начаша простирати бестоудныя своя глаголы аки пси лающа отемлюще оу святыя Божіи даръ, еи еже Богъ и по смерти неразлучна обещалъ есть, и глаголаху: »Февронія! Весь градъ и бояре глаголютъ тобѣ: даждь его же мы просимъ оу тебѣ? И она рече: »да возмета его же просита.« Она же едіными оусты рекоша: мы оубо, госпоже, вси князя Петра хощемъ, да самодерьжьствоуетъ надъ нами. А тебѣ жены наши не хотятъ яко господствуеши надъ ними; вземъ богатество довольно себѣ, отидеши аможе хощеши.—Она же рече: »обещахся вамъ яко елико аще просите и прѣмета. Азъ же вамъ глаголю: дадіте мнѣ егоже аще азъ попрощу ваю.« Они же зли ради бывше и (не) свѣдоуще будоуща его, и глаголаше с клятвою: яко аще просиши единаго, бесъ прекословія вземши.—Она же рече: »ино прошу токмо соупруга моего князя Петра.« Они же рѣша: аще самъ восхощетъ, ни о томъ тебѣ глаголемъ. Врагъ бо напольни имъ мысли, яко аще не боудетъ князь Петръ, да поставимъ собѣ иного самодерьжьцемъ. Нѣкии же от бояръ во оумѣ своемъ держаше, яко самъ хощетъ самодерьжьцемъ быти.

Блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго самодержьства, кромѣ божіихъ заповѣдеи, но по заповѣдемъ его шествоуя, дѣрьжася сихъ заповѣдьи, яко богоглаголанныя Матьфеи во своемъ благовѣстіи вѣщаетъ, рече бо: »яко аще пострижетъ *(пустит)* жену свою разьвѣ словѣси прелюбодѣйнаго и ожениться иною, прелюбы творитъ;« сей же блаженьный князь по евангелію сотвори, да заповѣди божіи не разрушитъ. Они же злочестиви бояре давше имъ соуды на реце; бѣ бяше под городомъ рѣка, глаголемая Ока; они же пловоуще по рекѣ 6 соудѣхъ, нѣкто же бѣ человѣкъ оу блаженныи княини Февроніи в соудне и жена его в томъ же соудне бысть; той же человѣкъ, оубо пріимъ помыслъ отъ лоукаваго бѣса, възрѣвъ на святую с помысломъ; она же разоумѣхъ злои его помыслъ, и вскорѣ обличи и рече ему: »почерпи воды из реки сея сію страноу судна сего.« Онъ же почерпе. И повелѣ ему испити: онъ же пивъ. И рече же паки она: »почерьпи оубо воды з другои страны соудна сего.« Онъ же почерьпе. И повелѣ ему паки испити. Онъ же пивъ. Она же рече: »раавна ли оубо си вода есть или едіца сладши?« Онъ же рече: едіна есть, госпожа, вода. Паки же она рече: »сице едіно естество женское есть; ночью оубо свою женоу оставляя и чюжія мысліши?« Той же человѣкъ оувидѣ, яко въ ней

есть прозрѣніе даръ, бояся к тому тово помышленія.

Вечероу же бывшоу, начаша ставитися на березѣ, блаженный же князь Петръ яко помышлятй начатъ како боудетъ, понеже волею самодержьство гознуся. И прѣдивьна яже княиня Февронія глагола емоу: »не скоръби, княже, милостивъ Богъ творецъ и промыслениковъ всему не оставитъ насъ въ нищетѣ быти«. На брѣзе же томъ блаженьномоу князю Петру на вечерю его ясть готовляхоу, и потомъ поворъ его дрѣвьце малы, на нихъ же котьлы итяхоу; по вѣчери же святая княгини Февронія ходящи по брѣгоу и видѣвьши дрѣвьца тыи, благослови рекше: »да боудутъ сіи на оу... дрѣва велицы имуще листвія«. И бысть такоже. Въставьши въ оутрѣ, обрѣтоша тыя дрѣвьца велико дрѣвіе, имоуще вѣтвіе и листвіе.

Якоже хотяхоу людіе ихъ роухлеть вмѣтати въ соуды со брѣга, прідоша же иже вельможа отъ града Мурома, рекоуще: Господи княже! от всѣхъ вельможъ и от всего града прідохъ к тебѣ: да не оставиши насъ сирыхъ, но возвратишися на свое отечествіе; многи бо вельможи въ граде погибоша отъ меча, кижьдо ихъ хотя дерьжавствоти, сами изгубиша, а остявьшіи вси с народомъ молятъ, глаголюще: господи княже! аще прогнѣвахъ тя и раздражихъ ти, не хотящимъ княгини Февронія господствуетъ женами нашими, и нынѣ же со всѣми домы своими раби ваю есми, и хотимъ, и любимъ, и молимъ: да не оставите насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженьная княгиня Февронія възвратишась во градъ свои, и бяхоу дерьжавьствоущи въ граде томъ, ходяща во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ господнихъ бес порока, въ мольбахъ непрестаньныхъ, и молитвахъ, и въ милостыняхъ ко всѣмъ людемъ, под ихъ властію соущимъ, аки чадолюбивіи отець и мати имѣста ко всѣмъ любовь равьну имоущи, не любяста горьдости ни грабленія, ни богатества тлѣньнаго щадяше, но въ Бога богатѣюще. Бѣсто бо своему граду истиньная пастыря, а не яко наемьника: градъ бо свои истиньною кротостію, а не яростію правяще, и странныя пріемьлюще, альчныя насыщающе, нагія одѣвающи, бѣдныя от напасти избавьляющи.

Егьда же приспѣ благочестно преставленію, і оумолиша Бога да во единъ часъ боудутъ преставленіе ею (*их*), и съвѣтъ сотвориша да боудутъ положены оба въ единомъ гробѣ, и повелѣша оучредити собѣ во единомъ камени два гроба, едину токьмо предградоу имущи межоу собою. Сами же во едіно время облекошася во мьнишескіи ризы, и наречанъ бысту блаженный князь Петръ, во иноческомъ ино Давидъ, преподобная же Февронія наречена бысть во иноческомъ чиноу Еоуфросинія.

В тоже время преподобная Февронія, нареченая Еоуфросинія, въ храмъ пречистыя соборныя церкви своима роукама шияше воздоухъ, на немъ же бѣ лики святыхъ, преподобный же и блаженьный князь Петръ, нареченныи Давидъ, прославъ къ неи, глаголя: о сестро Еуфросинія! хощу оуже отити от тѣла, но ждоу тобя, да купно отидемъ. Она же рече: пожди, господине, да яко допью воздухъ во святоую церковь. Онъ же вѣторицею послалъ къ неи, глаголя: оуже бо мало пожьдоу тебѣ. І яко же третицею глаголя, прославъ к неи: оуже бо хощу преставитися, не жьдоу тебѣ; она же останошьное дѣло възьдоуха святаго шияше, оужо бо единаго святаго ризъ еще не дошивъ, лице же нишивъ, и преста, и вотькьне иглоу, и приверьте нитію, еюже шияше, и посла к блаженьномоу изреченному и Давидоу о представленіи коупьнѣмъ, и помолимся предста вькоупѣ святая своя душа и руцѣ Божіи мѣсяца іюня въ 25 день.

По преставленіи еже ею, хотѣста людіе, яко да положенъ блаженьныи князь Петръ боудетъ внутри града оу соборныя церкви пречистыя Богородицы, Февронія же вѣне града в женстемъ монастыри оу церкви Воздвиженія честнаго креста, рькоуще: яко в мьнишескомъ образѣ не оугодно есть положити святыхъ въ единомъ гробѣ. Оучредиша имъ гробы особны и обложиша телеса ихъ вѣне: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣла вложиша во особьныи гробъ, и поставиша вѣноутрь града въ церкви пречистыя Богородицы даоутріа, святая же Февронія тѣло вложиша вѣне града оу церкви Воздьвиженія честнаго креста; общій же гробъ, егоже сами повелѣша истесати собѣ во единомъ камени, оста тощъ въ томъ же храмѣ пречистые соборные церкви, иже вѣноутрь града. На оутріа же въставша людіе, обрѣтоша гробы ихъ особныя тощи и въ ня же в нихъ вложистася, святая же тѣлеса ихъ обрѣтоста вѣноутрь града въ соборныя церкви пречистыя Богородицы во единомъ гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша сотворити. Людіе же неразумьніи, якоже въ животѣ о нихъ пятущася, тако и по честнемъ ею преставленіи, паки разьнесоша; и паки же обрѣтоша на оутріи святіи во единомъ гробѣ; и къ тому не смѣяху прикоснутися святыхъ ихъ телесемъ, и положиша во единомъ гробѣ, въ немъ же сами повелѣста, оу соборныя церкви Рожества пречистыя Богородица вѣноутрь града, еже есть далъ Богъ на просвѣщеніе и на спасеніе граду томоу, иже бо с вѣрою прирыщущихъ к мощемъ ихъ неоскудно исцѣленіе пріемьлютъ.

(Памят. Стар. рус. литер. I, 30—34).

232. Василиса Микулишна.

У князя было у Владиміра
У кіевскаго солнышка Сеславича
Было пированьице почестное...
Въ полсыта бояре наѣдалися,
Въ полпьяна бояре напивалися,
Промежъ себя бояре похвалялися:
Сильнай-тъ хвалится силою,
Богатый хвалится богатствомъ;
Купцы-тѣ хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими;
Бояре-та хвалятся помѣстьями,
Они хвалятся вотчинами.
Одинъ только не хвалится Данила Денисьевичъ.
Тутъ возговоритъ самъ Володиміръ князь:
»Охъ ты гой еси Данилушка Денисьевичъ!
Еще что ты у меня ничѣмъ не хвалишься?
Али не чѣмъ тебѣ похватися?
Али нѣтъ у тебя золотой казны?
Али нѣту у тебя молодой жены?
Али нѣту у тебя платья свѣтного?«
Отвѣтъ держитъ Данила Денисьевичъ:
»Ужь ты батюшка нашъ, Володиміръ князь!
Есть у меня золота казна,
Еще есть у меня и молода жена,
Еще есть у меня и платье свѣтное;
Нешто такъ я это призадумался.«
Тутъ пошелъ Данила съ широка двора.
Тутъ возговорилъ Володиміръ князь:
»Охъ вы гой есте, мои князья—бояра!
Ужъ вы всѣ у меня переженены,
Только я одинъ холостъ хожу;
Вы ищите мнѣ невѣстушку хорошую,
Вы хорошую и пригожую,
Чтобъ лицемъ красна и умомъ сверстна,
Чтобъ умѣла русскую грамоту
И четью-пѣтью церковному,
Чтобы было кого назвать намъ матушкой,
Величать бы государыней.«
Изъ за лѣвой было изъ за сторонушки
Тутъ возговоритъ Мишатычка Путятинъ сынъ:
»Много я ѣзжалъ по инымъ землямъ,
»Много видалъ я королевишенъ...
Не нахаживалъ я такой красавицы,
Не видывалъ я эдакой пригожицы,—
У того ли у Данилы у Денисьича,
Еще та ли Василиса Никулишна;
И лицомъ она красна и умомъ сверстна, и т. д.
Еще было бы кого назвать намъ матушкой,
Ввеличать намъ государыней.«
Это слово больно князю не показалося,
Володиміру словечко не полюбилося:
»Еще гдѣ это видано, гдѣ слыхано
Отъ живаго мужа жену отнять.«
Приказалъ Мишатычку казнить вѣшати.
А Мишатычка Путятинъ переметливъ былъ,
На иную сторонушку перекинулся:
»Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
Погоди меня скоро казнить вѣшати,
Прикажи, государь, слово молвити,«
Приказалъ ему Володиміръ слово молвити:
»Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле,
Во тѣ ли луга леванидовы,
Мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
Велимъ имать птичку бѣлогорлицу,
Принести ее къ обѣду княженецкому,
Что еще убить ему льва лютаго,
Принести его къ обѣду княженецкому.«
Это слово князю больно показалося,
Володиміру словечко полюбилося.
Тутъ возговоритъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:
»Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
Изведешь ты яснаго сокола:
Не поймать тебѣ бѣлой лебеди.«
Это слово князю не показалося,
Посадилъ Илью Муромца во погребъ.
Садился самъ во золотъ стулъ,
Онъ писалъ ярлыки скорописные,
Посылалъ ихъ съ Мишатычкой въ Черниговъ градъ.

Мишата ѣдетъ въ Черниговъ прямо ко двору Данилину, и безъ доклада входитъ въ палату. Василиса Микулишна называетъ его за это невѣжей; онъ отвѣчаетъ, что присланъ не по своей волѣ, кладетъ на столъ ярлыки Владиміровы. Василиса читаетъ ярлыки и заливается слезами, догадываясь, что Владиміръ посылаетъ Данилу въ луга леванидовы съ цѣлію погубить его. Она надѣваетъ молодецкое платье, и ѣдетъ верхомъ отыскивать мужа. »Не долго намъ съ тобой видѣться, поѣдемъ домой«. Данила ничего не подозрѣвая, хочетъ еще поохотиться и посылаетъ ее за небольшимъ колчаномъ каленыхъ стрѣлъ. Василиса привозитъ ему большой колчанъ; онъ сердится за ослушаніе, но она говоритъ ему: »лишняя стрѣлочка тобѣ пригодится«.

Поѣхалъ Данила во луга леванидовы
И къ колодезю пріѣхалъ ко студеному.
Не были снѣги забѣлѣлися,
Не черныя грязи зачернѣлися:
Забѣлѣлася, зачернѣлася сила русская
На того ли на Данилу на Денисьича.
Тутъ заплакалъ Данила горючьми слезми,
Возговоритъ онъ таково слово:
»Знать, гораздо я князю сталъ ненадобенъ,
Знать, Володиміру не слуга я былъ!«—
Беретъ Данила саблю боевую,
Прирубилъ Денисьичъ силу русскую,
Погодя того времячко маленько
Не два слона въ чистомъ полѣ слонятся;
Не два сыры дуба шатаются:
Слонятся, шатаются два богатыря
На того ли на Данилу на Денисьевича,
Его родной братъ Никита Денисьевичъ,
И названой братъ Добрыня Никитовичъ.
Тутъ заплакалъ Данила горючьми слезми.
»Ужъ и вправду, знать, на меня Господь прогнѣвался,
Володиміръ князь на удалого осердился!—
Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,—
Братъ на брата со боемъ идетъ.«

Братъ Данила свое востро-копье,
Тупымъ концомъ втыкать въ сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Сполохъ себѣ Данила груди бѣлыя,
Покрылъ себѣ Денисьичъ очи ясныя.
Подъѣзжали къ нему богатыря,
Заплакали объ немъ горючьми слезьми!
Поплакавши, назадъ воротилися,
Сказали князю Володиміру: «не стало Данилы
Что того ли удалого Денисьича.»
Тутъ собираетъ Володиміръ поѣздъ-отъ,
Поѣхали ко городу Чернигову,
Пріѣхали ко двору Данилину;
Восходятъ во теремъ Василисинъ-отъ,
Цѣловалъ ее Володиміръ во сахарныя уста,
Возговоритъ Василина Микулишна:
»Ужъ ты батюшка Володиміръ князь!
Не цѣлуй меня во уста во кровавы,
Безъ мово друга Данилы Денисьича.«
Тутъ возговоритъ Владиміръ князь:
»Охъ ты гой еси Василиса Микулишна!
Наряжайся ты въ платье свѣтлое,
Въ платье свѣтлое, подвѣнешное.«—
Наряжалась она въ платье свѣтлое,
Взяла съ собой булатный ножъ.
Поѣхали го городу ко Кіеву.
Поверстался супротивъ луговъ Леванидовыхъ.
Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
»Ужъ ты батюшка Володиміръ князь!
Пусти меня проститься съ милымъ дружкомъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ«
Посылалъ онъ съ ней двухъ богатырей.
Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу,
Возговоритъ она двумъ богатырямъ:
»Вы подите скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
По чисту полю, со милымъ дружкомъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ.«
Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Спорола себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два богатыря,
Пошли они ко князю Володиміру:
»Ужъ ты, батюшка, Володиміръ князь!
Не стало нашей матушки Василисы Никулишны,
Передъ смертью она намъ промолвила:
Вы подите скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
По чисту полю со милымъ дружкомъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ«.
Пріѣхалъ Володиміръ во Кіевъ градъ,
Выпущалъ Илью Муромца изъ погреба,
Цѣловалъ его во головку во тѣмячко:
«Правду сказалъ ты, старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ!«
Жаловалъ его шубой соболиною,
А Мишаткѣ жаловалъ смолы котелъ.

(*Пѣсни Кирѣевск. 3, 32—38*)

Подобное содержаніе имѣетъ былина »Ставръ Годиновичъ«, въ которой жена Ставра нарядилась *грознымъ посломъ* изъ Орды, чтобы выручить мужа изъ глубокихъ погребовъ, куда засадилъ его Владиміръ князь. Пришелъ посолъ во гридни во свѣтлыя, а княгиня отзываетъ Владиміра и тихонько шепчетъ ему:

»Ни о чемъ ты, Осударь, не печалуйся,
А не быть тому грозному послу Василью Ивановичу,
Быть Ставровой молодой женѣ Василисѣ Микулишнѣ;
Знаю я примѣты всѣ по женскому:
Она по двору идетъ, буто уточка,
А по горенкѣ частенько переступываетъ,
А на лавицу садится, коленца жметъ,
А и ручки бѣлы, пальчики тоненьки,
Дужіе изъ перстовъ не вышли всѣ.«
А и тутъ Владиміръ стольной кіевскій
Ну же онъ посла сталъ потчивати:
Всяко вино по таковкамъ пьютъ—
Ужъ тутъ ли посолъ напивается,
А Владиміръ князь сталъ провѣдовати:
»Коли посолъ буде женщина,
Не станетъ-де онъ боротися
Со моими богатыри могучами« ...
Выводилъ тутъ князь семъ борцовъ,
И того *Василей* не пятится,
Вышелъ на дворъ боротися...
Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ноги выломитъ,
Третьева *схватила* поперекъ хребта,
Ушибла его середи двора.
А плюнулъ князь, да и прочь пошелъ.
»Глупая княгиня, неразумная!
У те волосы долги, да умъ коротокъ:
Называешь ты богатыря женщиной,—
Такова посла у насъ еще не было.«

Поднялся споръ между Владиміромъ и его женой: князь заставилъ мнимаго посла изъ лука стрѣлять; Василиса беретъ свой лукъ, который несли 10 человѣкъ, и для потѣхи махнула стрѣлой въ кряковистый дубъ, изломала его въ черенья ножовые: богатыри стали всѣ словно угорѣлые. Владиміръ плюнулъ и сталъ испытывать посла игрой въ шахматы *золотыми тавлеями*,—и три раза проигралъ:

Шахъ да и матъ, да и подъ доску.

Тутъ посолъ спросилъ дани и выходы въ орду за 12 лѣтъ; князь говоритъ, что только и возьметъ онъ его *головой* съ супругою. Посолъ спросилъ веселыхъ молодцевъ, и привели Сатвра:

Сыгрышъ сыгралъ онъ Парнграда,
Танцы навелъ ерусалимскіе,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ еврейскій стихъ.

Посолъ задремалъ, отказался отъ даней и выходовъ и выпросилъ себѣ веселаго молодца Ставра Годиновича. У Днѣпра посолъ перерядился въ женское

платье и тутъ Сатвръ узналъ свою жёну и уѣхалъ съ ней въ землю дальнюю. (*Сборн. древн. стихотв. Кирши Данилова. 123—134*).

См. еще былину о Настасьѣ Королевишнѣ и Дунаѣ. Пѣсни Кирѣевс. в. 3, 58—69.

233. Добрыня Никитичъ.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
У славнаго сударь князя у Владиміра
Три года Добрынюшка стольничалъ,
Три года Никитичъ приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ 9 лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву,
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каленыхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ мелкимъ переулочкамъ
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушкамъ (1) стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей,
Зайдетъ въ улицу Игнатьевску
И во тотъ переулокъ Марининъ,
Вглянетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
На ея ли высоки терема;
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ высокомъ терему
Сидятъ тутъ два сизые голубя
Надъ тѣмъ окошкомъ касящатымъ;
Цѣлуются они, милуются
Желты носами обнимаются;
Тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются!
Стрѣляетъ онъ въ сизыхъ голубей,—
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
Звыла да пошла калена стрѣла,
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося:
Левая нога его поскользнулася,
Правая рука удрогнула,
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
Что попалъ онъ въ окошечко косящатое,
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую,
Ошибъ всѣ причалины серебряныя (2),
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое;
Бѣлодубовы столы пошатались,
Что питья медвяныя восплескнулися,
А втапоры Маринѣ безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася
И бросалася на свой широкій дворъ:
»А кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ?
Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
Ошибъ всѣ причалины серебряныя,
Разшибъ зеркало стекольчатое?«.
И въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало,
Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муровленую
Со тѣми слѣды горючими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
»Сколь жарко дрова разгораются
Съ тѣми слѣды молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Какъ у молода Добрыни Никитьевича!«
А и божье крѣпко, вражье-то лѣпко,
Взяло Дубрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ съ вечера Добрыня хлѣба не ѣстъ,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Онъ бѣлаго свѣту дожидается.
По его ли щаски великія (1)
Рано зазвонили къ заутренямъ;
Встаетъ Добрыня ранешенько,
Подпоясалъ себѣ сабельку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени.
Прошелъ онъ церковь соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
У высокаго терема послушаетъ,
А у молодой Марины вечеринка была,
А и собраны были душечки красны дѣвицы,
Сидятъ и молоденьки молодушки,
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вошелъ онъ Добрыня во высокъ теремъ;
Которыя дѣвицы *приговариваютъ* (2)
Одна Марина отказываетъ и прибраниваетъ;
Втапоры добрыня ни во что положилъ
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ;
А стала его Марина въ окошко бранить,
Въ окошко бранить ему больно пенять...
Завидѣлъ добрыня змѣя Горынчата,
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалося,—
Сбѣжалъ на крылечко на красное,
А двери у терема желѣзныя,—
Заперлася Марина Игнатьевна,—
А молодой Добрыня Никитьевичъ
Ухватилъ бревно въ охватъ толщины,
А ударилъ онъ во двери желѣзныя,
Неоладомъ (3) изъ пяты онъ вышибъ вонъ,
И сбѣжалъ онъ на сѣни косящаты:
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
»Деревеньщина ты, дѣтина, засельщина!

(1) Горница, устроенная вверху жилья.
(2) *Причалины* — все, что служитъ оправой стекла: рама, петли, задвижка и т. под.

(1) На его великое счастье.
(2) Т. е. чтобы Добрыня остался въ ихъ компаніи.
(3) Неладно, неловко.

Вчерасъ ты, Добрыня, водворъ заходилъ,
Проломилъ мою конницу стекольчатую,
Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое«.
А бросился змѣища Горынчища,
Чуть его Добрыню огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ.
А и самъ тутъ змѣй почалъ бранити его...
(*За то, что онъ разбилъ стекло и зеркало.*)
Ему туто-тко Добрынѣ за бѣду стало
И за великую досаду показалося;
Вынималъ онъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей;
»А и хощешь ли тебя, змѣя, изрублю я
Во мелкія части пирожныя,
Разбросаю далече по чисту полю?«
А и тутъ змѣй Горынычь, хвостъ поджавъ,
Да и вонъ побѣжалъ.
Бѣгучи онъ змѣй заклинается;
»Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
Есть у нея не одинъ я другъ,
Есть лучше меня и повѣливѣе (1)!«
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по поясъ въ окно,
А сама она змѣя уговариваетъ.
»Воротись, милъ надежа, воротись другъ!
Хошь,—я Добрыню оберну клячею водовозною;
Станетъ-де Добрыня на меня и на тебя возить?
А еще хошъ,—я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ?«
Оберну его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
Пустила его даже во чисто поле,
А гдѣ то ходятъ 9 туровъ,
А 9 туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога.
Безвѣстно не стало богатыря
Молода Добрыни Никитича
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ.
А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни 6 мѣсяцевъ,
По нашему-то по сибирскому словетъ полгода.
У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
А другая вдова молода Анна Ивановна.
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорятъ,
Всѣ были рѣчи прохладныя.
Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилася съ дитятями княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
»Гой еси вы, княжны, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,

(1) Разумѣется, здѣсь змѣй говоритъ съ иронiей о Добрынѣ.

А и я-де обернула 9 молодцовъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми турами;
А и нынѣ я-де отпустила десятаго—
Молодца Добрыню Никитьевича,—
Онъ всѣмъ атаманъ-золотые рога.«
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
Наливала она чару зеленаго вина,
Подносила своей любимой кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
»Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимаго крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича;
Извела его Марина Игнатьевна,
А и нынѣ на пиру похваляется.«
Проговоритъ Анна Ивановна:
»Я-де сама эти рѣчи слышала,
А слышала рѣчи ея похваленныя.«
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она сърѣзвыхъ ногъ,
А и топчетъ ее...
Сама она Марину больно бранитъ.
А и женское дѣло прелестивое:
Прелестивое перепадчивое:
Обернулась Марина Косаточкой,
Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ ходятъ девять туровъ,
Добрыня-то ходитъ десятый туръ.
А сѣла она на Добрыню, на правой рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
»Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило
И зыбучія болота напрокучили:
А и хошь-ли, Добрыня, женитися?
Возьметъ-ли, Никитичъ, меня за себя?«
—А право возьму, ей Богу возьму!
А и далъ те Марина поученьице,
Какъ мужья женъ своихъ учатъ:—
Тому она Марина повѣрила,
Обернула его добрымъ молодцомъ,
По старому по прежнему,
Какъ бы сильнымъ могучимъ богатыремъ;
Сама она обернулася дѣвицею:
Они въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
Пошелъ онъ ко граду ко Кіеву,
А идетъ за нимъ Марина ....
Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
»А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
Нѣту Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
Не зачто стѣнамъ поклонитися;
А и чай моя острая сабля заржавѣла?«
А и сталъ Добрыня жену свою учить,

Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретицу и безбожницу;
Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
»Эта рука мнѣ ненадобна,—
Трепала она, рука, змѣя Горынчища.
А второе ученье—ноги отсѣкъ,
А третье ученье—губы ей, отрѣзалъ и съ носомъ прочь;
»А эти—де губы мнѣ не надобны:
Цѣловали они змѣя Горынчища.
Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
»А и эта голова не надобна мнѣ,
И этотъ языкъ ненадобенъ,—
Зналъ онъ дѣла еретическія.

(*Древн. рос. стих.: 61—71*).

Въ нашей народной словесности женщина стоитъ значительно высоко. Это доказывается прежде всего тѣмъ уваженіемъ къ матери (и вообще къ родителямъ, но къ матери особенно), о которомъ не разъ было говорено. Высокій идеалъ жены видѣнъ въ Василисѣ Микулишнѣ. Если же совсѣмъ не то Апраксѣевна, жена Владиміра, и жена Михаила Потыка— то ихъ невѣрность мужу имѣетъ основу миѳическую. Изъ Византіи къ намъ перешла не одна книга, въ которой женщина является съ самой дурной стороны: такова она въ апокрифахъ о Давидѣ и Соломонѣ, а эти апокрифы, по занимательности содержанія своего, до такой степени распространились у насъ, что вліяніемъ ихъ осквернилась чистота нашей народной словесности: у насъ явились, какъ было замѣчено, былины о Соломонѣ и о его невѣрной женѣ. Не менѣе содѣйствовали перемѣнѣ народныхъ воззрѣній на женщину и нѣкоторыя, распространившіяся у насъ, поученія. Въ старинныхъ сборникахъ нашихъ не рѣдко попадается „слово о злыхъ женахъ“ Іоанна Златоуста. Этотъ великій отецъ древней церкви имѣлъ полное основаніе нападать на женщинъ, живя среди народа вполнѣ испорченнаго, наслѣдовавшаго всю мерзость нравовъ кесарскаго Рима. Точно такое же основаніе имѣлъ онъ нападать на языческій характеръ театральныхъ представленій, доходившихъ до послѣднихъ предѣловъ безнравственности. Между тѣмъ все сказанное Златоустомъ противъ театральныхъ представленій его времени и противъ женщинъ его времени, впослѣдствіи принималось за порицаніе театра вообще, и женщинъ въ особенности. Надѣляя насъ всякаго рода поученіями, Византія не задумалась сообщить намъ и слово Златоуста о злыхъ женахъ, не подумавъ о томъ, что оно было какъ нельзя кстати въ странѣ нравственно-нѣющей, но ни мало не мило къ здоровымъ нравамъ молодаго нашего народа. То, что въ Византіи могло способствовать искоренію зла, у насъ только знакомило съ нимъ. Заточникъ, начитавшись всего, въ особенности „Пчелы“, набрался изъ нея и нападокъ на женщинъ (въ „Пчелѣ“ попадаются поученіе „о злыхъ женахъ“); можетъ быть они особенно понравились ему, потому что онъ, какъ надобно полагать, дѣйствительно имѣлъ причину жаловаться на женщинъ. Впрочемъ Даніилъ, особенно распространяясь о злыхъ женахъ, говоритъ еще нѣсколько словъ и о хорошихъ. Впослѣдствіи времени въ нашихъ благочестивыхъ книгахъ ограничивались одними злыми женами, только и знали, что предостерегали отъ нихъ мужчинъ. Не смотря на эти предостереженія, люди, конечно, женились, но смотрѣли на жену, какъ на что то враждебное, боясь поддаться женѣ, уклонялись ее и презрительно съ ней обращались. Такимъ образомъ, по милости переходившихъ къ намъ поученій, все болѣе и болѣе нарушалась свѣтость и тишина супружеской жизни. Съ униженьемъ жены не могло не унизиться и значеніе матери. Благочестивый отецъ считалъ долгомъ передать своему юному сыну, что женщина есть „мірской мятежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бысовскал мытница, поборница грѣху, засада спасенію.“ Выслушивая и перечитывая все это, а вмѣстѣ съ тѣмъ видя на каждомъ шагу презрительное обращеніе отца съ матерью, и сынъ могъ легко потерять—по крайней мѣрѣ большую часть прежнюю уваженья. И счастье опять, что, какъ холопскіе взгляды, такъ и эта, въ равной степени противная нашей народности, отрава семейныхъ понятій, разлилась преимущественно по верхнему, книжному слою народа, тогда какъ въ массѣ уцѣлѣла священная поэзія старины, а съ нею и прежнее уваженіе къ государынѣ матушкѣ. Между тѣмъ какъ книжники увѣрялись въ томъ, будто бы все, что есть или было злаго на свѣтѣ, происходитъ отъ женщины, что ради ея не только Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, но и прекрасный Іосифъ заточенъ въ темницу, и пророкъ Даніилъ въ ровъ къ львамъ.—Между тѣмъ какъ они указывали только на эти ветховавѣтные примѣры женщинъ, народъ, къ счастію, имѣя возможность слышать въ храмахъ на языкѣ понятномъ высоко человѣческое, новозавѣтное слово, слышать его, какъ оно есть, безъ всякихъ растолковывающихъ привѣсокъ, съ любовію остановился на новозавѣтномъ идеалѣ женщины Богородицы, полюбилъ въ ней болѣе всего мать и сталъ воспѣвать ее вмѣстѣ съ почтительнымъ ея сыномъ Христомъ. И такъ противодѣйствіе византійскому вліянію проявлялось, но только въ устной словесности, а не тамъ, откуда извергалось на Русь это во многихъ отношеніяхъ развращающее вліяніе,— не въ литературѣ, хотя

впослѣдствіи, мы увидимъ и въ ней слабые проблески такого противодѣйствія. Западу въ этомъ отношеніи надо отдать преимущество и тамъ со стороны благочестивой литературы были попозновенія внушить страхъ и презрѣніе къ женщинѣ, но народный духъ умѣлъ явно и побѣдоносно противодѣйствовать этимъ попозновеніямъ; на Западѣ не только много писалось въ защиту женщины, но и развилось рыцарство, по крайней мѣрѣ на половину служившее ей. (Опытъ историч. обозр. Рус. Словес. О. Миллера 384—386).

Памятн. старин. воспитанія. Лавровскаго. Чт. общ 1861. 3, III.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

234. Характеръ Балтійскихъ Славянъ.

Всегда бываетъ особенно трудно обрисовать общими чертами характеръ того безчисленнаго множества лицъ, имѣющихъ всякое свою особенность, изъ коего составляется народъ; но еще труднѣе становится опредѣлить характеръ народа угасшаго, когда онъ себя не высказалъ въ памятникахъ мысли и слова, и когда все, что о немъ извѣстно, хранится въ скудныхъ показаніяхъ его же враговъ и губителей. А по такимъ только показаніямъ мы судимъ о Балтійскихъ Славянахъ. По нимъ, съ трудомъ только и отрывочно, можно составить себѣ кое-какую картину ихъ народнаго характера, и то болѣе его наружныхъ свойствъ, нежели внутренней сущности.

Зная о враждебномъ положеніи Балтійскихъ Славянъ между сосѣдними народами, мы заключаемъ, что главною чертою въ ихъ характерѣ была воинственность. Дѣйствительно, всѣ писавшіе объ нихъ иностранцы представляютъ ихъ народомъ самымъ воинственнымъ и храбрымъ, не рѣдко изображая ихъ свирѣпыми и лютыми. Въ этомъ отношеніи всѣ, и свои, и чужіе, отдавали почетъ и преимущество Лютичамъ (Велетамъ). Всѣ Балтійскіе Славяне признавали ихъ между собою сильнѣйшимъ племенемъ; своимъ мужествомъ они были извѣстны Чехамъ и Полякамъ; въ IX в. Эйнградъ пишетъ: »на южномъ берегу Балтійскаго моря живутъ Славяне и Эсты (т. е. Прусы и Литва) и разные другіе народы, и между ними первое мѣсто принадлежитъ Велетамъ.« Постоянно называютъ ихъ нѣмецкіе лѣтописцы храбрыми, жестокими, лютыми; слава ихъ носилась въ далекихъ странахъ. Въ XI в. Англичанинъ упоминаетъ объ нихъ, какъ о народѣ самомъ воинственномъ на сушѣ и на морѣ, а Италіянецъ говоритъ, что они изо всѣхъ народовъ Германіи самый жестокій, свирѣпѣе всякой свирѣпости. И долго послѣ ихъ истребленія, преданіе о Лютичахъ, какъ о народѣ свирѣпѣйшемъ и о

злыхъ людоѣдахъ, жило въ нѣмецкихъ сказкахъ и пугало воображеніе народа.

Другіе Балтійскіе Славяне, впрочемъ немногимъ, кажется, уступали Лютичамъ въ воинской доблести, какъ и въ жестокости. Земля Вагорская, по свидѣтельству Гельмольда, была встарину населена народомъ храбрѣйшимъ, воспитаннымъ въ борьбѣ съ Саксами и Датчанами. Бодричи въ своемъ четырехвѣковомъ бою съ Германіею и Даніей показали себя не хуже Вагровъ. Ранъ называютъ народомъ жестокимъ и кровожаднымъ. Наконецъ Поморяне, по словамъ нѣмецкаго писателя, были люди »опытные въ войнѣ на сушѣ и на морѣ, привыкшіе жить грабежемъ и добычею, неукротимые по врожденной свирѣпости.« Почти тѣми же словами описывалъ Гельмольдъ всѣхъ вообще Балтійскихъ Славянъ, но въ особенности, разумѣется, Вагровъ и Бодричей, съ которыми онъ былъ наиболѣе знакомъ. »Славянамъ, онъ говоритъ, была врождена свирѣпость ненасытная, неукротимая, которая носила гибель окрестнымъ народамъ на сушѣ и на морѣ.«

Вотъ какое дѣйствіе могутъ на народъ имѣть обстоятельства! Славянское племя вообще такое миролюбивое и кроткое, занесенное на Балтійское поморье, между враждебныхъ ему воинственныхъ Нѣмцевъ и Датчанъ, сдѣлалось само чуть ли не воинственнѣе и свирѣпѣе своихъ противниковъ.

Привившись къ славянскому характеру, который терпѣливъ и сносливъ, этотъ воинственный бытъ Балтійскихъ Славянъ придалъ имъ, кажется, нѣчто изъ тѣхъ свойствъ, которыя и на нашихъ глазахъ получаютъ старые воины, ходившіе съ оружіемъ по разнымъ землямъ, видавшіе всякихъ бѣдъ и опасностей. То были люди крѣпкіе, упорные, честные. Въ отношеніи къ тѣлу, славянская сносливость усилилась въ нихъ до высшей степени. Саксы, которые между всѣми германскими племенами признавались самыми крѣпкими и храбрыми, и тѣ дивились Балтійскимъ Славянамъ. Вотъ слова саксонскаго монаха X в., который писалъ исторію своей родины: »Эти Славяне — народъ крѣпкій и сносливый на трудъ, привыкшій къ самому скудному образу жизни, и что намъ приходится въ тягость, то Славянамъ кажется еще роскошью.« Простота славянскаго быта у Нѣмцевъ даже вошла въ поговорку, хотя жизнь, которую вели въ средніе вѣка сами Нѣмцы, была какъ нельзя болѣе проста.

Какъ люди, натерпѣвшіеся на своемъ вѣку всякихъ лишеній и бѣдъ и закалившіеся въ борьбѣ, дѣлаются склонны къ упорству, такъ и Балтійскіе Славяне едва ли былъ на свѣтѣ народъ упорнѣе. Изо всѣхъ народовъ Европы они одни положили свою жизнь за старину свою, за свой старый языческій бытъ: упорная защита старины, вотъ первое свойство всѣхъ этихъ передовыхъ племенъ славянскихъ—Вагровъ, Бодричей, Лютичей, возросшихъ въ бою съ Германцами. Правда, въ непреклонномъ упорствѣ Балтійскихъ Славянъ, которое ихъ и погубило, много виновна, даже виновнѣе ихъ самихъ, была корыстолюбивая исключительность враждебныхъ имъ сосѣдей; но и природный ихъ характеръ былъ сему не послѣднею причиною, и не разъ случалось, что просвѣщенная ревность ихъ брата Славянина предлагала имъ отказаться отъ языческой старины свободною волею и вступить въ семью европейскихъ народовъ, а они упорствовали въ старинѣ и убивали своего благодѣтеля.

Крѣпкіе, закаленные бойцы, Славяне Балтійскіе отличались честностью и вѣрностію. Нѣмецкіе лѣтописцы, часто, правда, жалуются на то, что принужденные неудачею на войнѣ обѣщать покорность Нѣмцамъ, они, при первомъ удобномъ случаѣ, преступали свою клятву, и за это называютъ ихъ вѣроломными и неосто-

янными; но, по тогдашнимъ понятіямъ, возобновить войну съ непріятелемъ, которому поддались на время послѣ какого-нибудь пораженія, не считалось безчестнымъ, и сами Нѣмцы не разъ, собравшись съ силами, нарушали миръ, который прежде должны были просить у Славянъ, и не видѣли въ томъ позора. Но тѣ же самые Нѣмцы, которые укоряютъ Балтійскихъ Славянъ въ несоблюденіи политическихъ договоровъ, громко свидѣтельствуютъ, не смотря на взаимную вражду, о превосходной ихъ честности, даже во время крайняго ихъ упадка. Особенно замѣчателенъ разсказъ одного монаха, жившаго въ концѣ XII в., (когда Вагры начали уже совершенно изчезать), о какомъ то Славянинѣ изъ племени Вагровъ, Трибутѣ Бакаровичѣ съ пятью сыновьями, который, провинившись въ разбоѣ и боясь смертной казни, скрылся и сталъ грабить страну, и даже ограбилъ самый монастырь, гдѣ жилъ повѣствователь (такъ называемый новый монастырь въ землѣ Вагорской): тамошній поселянинъ Годескалкъ, сынъ Дазоновъ, уже прежде, чтобы оградить себя, заключилъ съ нимъ дружеское условіе, и тѣ Славяне — разбойники, такъ говоритъ пострадавшій отъ нихъ монахъ, все время хранили это условіе вѣрно, какъ обычно Славянамъ.« Не менѣе выразителенъ разсказъ другого писателя о честности Славянъ Поморскихъ: »Честность и общительность между ними такова, что они, почти не зная, что такое кража и обманъ, не запираютъ своихъ сундуковъ и ящиковъ. Не видать у нихъ нигдѣ замка или ключа, и они весьма удивились, что вьючные ящики и сундуки епископа (Оттона Бамберика, который къ нимъ пріѣхалъ) запирались на замокъ. Платье, деньги и всякія драгоцѣнности они прячутъ въ короба и сундуки, просто покрывая ихъ крышкою, и не боятся воровства, ц. ч. его не испытывали.«

Замѣчательно, что при этой честности и вѣрности, Балтійскіе Славяне не любили произносить клятвы; только договоры съ другими народами они утверждали (да всегда напрасно) подъ присягою, слѣдуя въ этихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, иностранному обычаю. Вообще же они допускали клятву чрезвычайно рѣдко и неохотно, считая ее для боговъ не менѣе оскорбительною, чѣмъ самое клятвопреступленіе. Въ особенности, кажется, боялись они клясться своими главными божествами, и если клялись, то не богами, а священными источниками, камнями и деревьями.

Съ вѣрностью данному слову и честностью соединялось крѣпость супружескаго союза и семейнаго быта. Вотъ свидѣтельство древнее (VIII вѣка) и непреложное знаменитаго Бонифація, великаго крестителя Германіи; слышенъ въ немъ голосъ, преданный Нѣмцамъ, но и этотъ голосъ долженъ былъ отдать справедливость славянской вѣрности: »Винеды (т. е. Славяне), такъ пишетъ Бонифацій, народъ мерзѣйшій и самый дурной, хранятъ однако же съ такою вѣрностію въ супружескомъ союзѣ взаимную любовь, что жена, по смерти мужа, сама отрекается отъ жизни, и та считается между ними славною, которая своею рукою убьетъ себя, чтобы сгорѣть съ мужемъ на одномъ кострѣ.«

Правда, въ позднѣйшее время этотъ обычай вывелся, покрайней мѣрѣ не упоминается, и у Славянъ допускалось даже многоженство, но они всегда признавали только одну жену законною, и по всему видно, болѣе допускали многоженство de jure, нежели пользовались имъ de facto. Достовѣрные примѣры многоженства у нихъ чрезвычайно рѣдки, и то встрѣчаются только между Поморянами: поморскій князь Вратиславъ (въ началѣ XII в.) держалъ нѣсколько женъ, и при этомъ случаѣ повѣствователь говоритъ, что мно-

гіе Поморяне дѣлали также; но почти всегда въ домѣ у Балтійскаго Славянина, нетолько бѣднаго, но и самаго знатнаго и богатаго, даже у первыхъ людей на Поморѣ, во время Вратиславова княженья, является одна жена, съ высокимъ значеніемъ въ семьѣ и въ обществѣ. Одна ведетъ хозяйство, принимаетъ гостей, воспитываетъ дѣтей, вдовою по смерти мужа управляетъ всѣмъ домомъ, имѣніемъ и челядью; вообще супруга Балтійскаго Славянина была не раба, а равноправная мужу госпожа въ домѣ. Въ противоположность многоженству Вратислава можно привести въ примѣръ сильнаго князя Бодричей, Крука, родомъ изъ Раны (XI в.): у него, перваго между Славянами ревнителя ихъ старины и языческаго быта, могущественнаго государя всѣхъ почти Балтійскихъ племенъ, была одна жена, которую нѣмецкій лѣтописецъ, какъ бы изъ уваженія, называетъ госпожею Славиною (domina Slavina, uxor Cruconis).

Совершенно непохожіе въ этомъ отношеніи на большую часть языческихъ народовъ, Балтійскіе Славяне считали цѣломудріе угоднымъ богамъ, и кто его нарушалъ въ мѣстѣ, посвященномъ божеству, тотъ, они твердо вѣрили, подвергался мгновенной и ужаснѣйшей карѣ.

Отношенія родителей къ дѣтямъ были также суровы, даже жестоки; родители у Балтійскихъ Славянъ полновластно распоряжались жизнію своихъ дѣтей, и могли, если не захотятъ воспитывать, убить младенца, особливо дочь; что и случалось весьма часто. Обязанности дѣтей къ родителямъ кончались только съ жизнію; Балтійскій Славянинъ считалъ первымъ и главнымъ долгомъ человѣка заботиться о своихъ родителяхъ, кормить и покоить ихъ на старости. Семейный союзъ былъ для него важнѣйшимъ; тотъ и пользовался наибольшимъ уваженіемъ, кто имѣлъ наибольшую семью и родню.

Съ рабами было обращеніе жестокое: природныхъ рабовъ у Балтійскихъ Славянъ не было, какъ вообще у всѣхъ древнихъ Славянъ, но рабами становились военноплѣнные, и такихъ было множество. При всякомъ удачномъ походѣ, при всякомъ ловко исполненномъ набѣгѣ, Балтійскіе Славяне приводили къ себѣ въ рабство большее или меньшее число захваченныхъ въ плѣнъ непріятелей: они ихъ дѣлили между ратниками, или продавали на рынкѣ. Кромѣ того были еще по всему славянскому Поморью, у Вагровъ, у Бодричей, у Лютичей, у Ранъ и Поморцевъ, удальцы—разбойники, для которыхъ уводъ невольниковъ составлялъ настоящій промыселъ. Отъ нихъ страдала Нордальбингія, но еще болѣе Данія, куда былъ всѣмъ, даже отдаленнѣйшимъ Поморянамъ, открытый доступъ съ моря. Отъ того—то и было у Балтійскихъ Славянъ всего болѣе рабовъ изъ Датчанъ: часто удавалось христіанамъ, при взятіи какого нибудь славянскаго города, освобождать цѣлыя толпы ихъ. Покоренные въ концѣ XII вѣка, Багры и Бодричи не могли уже грабить Данію; но однажды случилось ихъ повелителю, саксонскому Герцогу Генриху Льву, разссориться съ датскимъ корелемъ, и онъ далъ имъ волю: въ словахъ лѣтописца слышится, съ какою свирѣпою жадностію эти Славяне бросились на прежнюю свою добычу.

»Кликнули князей славянскихъ, и тѣ сказали: »мы здѣсь, готовы,« и съ радостью послушались. Пустилъ онъ ихъ, (т. е. Генрихъ), и пали плотины, сдерживавшія море, и прорвалась волна, подымаясь и разливаясь и напося гибель многимъ датскимъ островамъ и прибрежнымъ землямъ. Исправлены были вновь корабли разбойниковъ, и они заняли у Датчанъ богатые острова; пресытились Славяне, послѣ долгаго лишенія, богатствами Датчанъ, упитались ими, говорю, утучнились, разжирѣли. Я слышалъ по разсказамъ, что въ Макленбургѣ, въ день

торга, считалось до 700 душъ плѣнныхъ Датчанъ, выставленныхъ на продажу, только бы нашлись покупатели.«

Но не однихъ чужеземныхъ плѣнниковъ обращали Славяне въ рабство: въ безпрестанныхъ междоусобныхъ войнахъ своихъ, Лютичи уводили въ неволю Бодричей, Поморяне Лютичей, и т. д.; забирали цѣлыя семьи, и располагали ими, какъ добычею, разлучая немилосердо жену отъ мужа, дитя отъ родителей, не внимая никакимъ жалобамъ и воплямъ. Вообще тутъ бывали случаи ужасной жестокости, когда Бодричи, которыхъ Нѣмцы систематически истребляли и выживали изъ ихъ земли, доведенные до отчаянія всѣмъ этимъ гоненіемъ и посѣтившимъ страну ихъ голодомъ, бѣжали толпами къ Поморянамъ и Датчанамъ, но и свои братья — Поморяне, безъ пощады стали ихъ продавать Полякамъ, Лужичкимъ Сербамъ и Чехамъ, какъ невольниковъ.

Одинаковая съ военноплѣнными была участь неоплатныхъ должниковъ: они становились рабами заимодавца. Иногда у богатаго человѣка было множество такихъ рабовъ. Замѣчательно, что, судя по разсказу жизнеописателя св. Оттона (въ началѣ XII в.), существовало въ этомъ отношеніи нѣчто въ родѣ международнаго права между Поморьемъ и Даніею: у одного знатнаго Поморянина, Моислава, было въ рабствѣ нѣсколько Датчанъ, должниковъ его, и въ томъ числѣ знатный юноша, сынъ датскаго вельможи, котораго отецъ, будучи долженъ Моиславу 500 фунтовъ (серебра), далъ въ заложники; его держали въ погребѣ, въ колодкѣ и цѣпяхъ, чтобы принудить отца къ уплатѣ.

Ужъ изъ этого видно, что обращеніе съ невольниками было не мягкое. Однихъ употребляли въ работу, другихъ держали для выкупа, и этихъ страшно мучили. »Священники христовы въ вагрскомъ городѣ Любицѣ (въ началѣ XII в.) были, говоритъ Гельмольдъ, въ ужасномъ бѣдствіи: кромѣ нищеты и ежедневной опасности смерти, имъ приходилось еще смотрѣть на цѣпи и разнаго рода муки, которыя были удѣломъ христіанъ, приводимыхъ въ плѣнъ разбойниками.« Вотъ что разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель, какъ очевидецъ: »Мы (съ епископомъ) остановились въ гостяхъ у Тѣшимира (знатнаго Славянина—Вагра), который принялъ насъ съ большею пышностью. Но не показались намъ сладкими и пріятными славянскіе пиры, п. ч. мы видѣли кандалы и разнообразныя мученія, которымъ подвергались привозимые изъ Даніи христіане. Мы нашли тамъ священниковъ господнихъ, изнеможенныхъ долгимъ заключеніемъ, и епископъ ничѣмъ не могъ имъ помочь, ни силою, ни просьбами.«

У передовыхъ племенъ Балтійскихъ Славянъ, особливо въ послѣдній вѣкъ ихъ существованія, когда они со всѣхъ сторонъ только и видѣли бѣду и погибель, жестокость съ непріятелями, которые попадались имъ въ руки, доходила до изступленія: неистово вымещали они на христіанахъ гнетъ, который сами такъ долго отъ нихъ терпѣли, насильственное обращеніе въ христіанство, истребленіе, и мы поймемъ возможность и правдивость слѣдующей картины, нарисованной тѣмъ же Гельмольдомъ: »Народу славянскому врождена была ненасытная свирѣпость... Какими многоразличными родами смерти Славяне губили христіанъ, разсказывать трудно: однимъ они вытягивали кишки, наматывая ихъ на колъ, другихъ распинали на крестѣ, ругаясь надъ знаменіемъ нашего искупленія... а кого они сажаютъ подъ стражу ради денежнаго выкупа, тѣхъ мучатъ столькими пытками и сковываютъ столькими цѣпями, что незнающему и не повѣрить.«

Все это показываетъ Балтійскихъ Сла-

вянъ народомъ, воспитаннымъ въ воинственной жизни, суровымъ съ чужими, строгимъ у себя, въ своей семьѣ. Но у нихъ сохранились и черты мягкаго нрава, остатки быта кроткаго и мирнаго. Только иностранные писатели меньше говорятъ объ этой сторонѣ ихъ характера, за тѣмъ что она не такъ бросалась имъ въ глаза, какъ ихъ военная доблесть и жестокость ихъ къ несчастнымъ невольникамъ. Можно однакоже по немногимъ ихъ указаніямъ угадать, что и въ груди Балтійскаго Славянина, упорнаго воителя, билось сердце доброе, и что все же въ основаніи его нрава, хоть и ожесточеннаго, оставалась славянская общительность, славянское добродушіе. Доброта души ставила его, конечно, выше въ нравственномъ отношеніи средневѣковаго Нѣмца или Датчанина; разумѣется, мы говоримъ о природномъ характерѣ Балтійскихъ Славянъ и ихъ соперниковъ, независимо отъ вліянія религіи, и не сравниваемъ, напр., язычника, князя поморскаго, который считалъ позволительнымъ имѣть кромѣ жены 24 наложницы, съ Германцемъ, которому христіанская заповѣдь повелѣла хранить вѣрность своей законной супругѣ: но внѣ этихъ вліяній, мы найдемъ въ тогдашнихъ Нѣмцахъ и Датчанахъ менѣе общительности и добродушія и, безспорно, столько же, если не больше, свирѣпости и безчеловѣчія, какъ въ Балтійскихъ Славянахъ. Въ особенности ихъ поведеніе съ Славянами превосходило въ жестокости все то, чѣмъ Славяне старались имъ отплатить. Что значитъ захватъ нѣмецкихъ и датскихъ невольниковъ Славянами, что значатъ всѣ ихъ грабежи, правда ужасные, противъ многовѣковаго порабощенія цѣлыхъ племенъ, такъ что для Нѣмцевъ и Датчанъ *Славянинъ* стало синонимомъ раба, и несчастная участь Славянъ, подпавшихъ ихъ власти, у самихъ Нѣмцевъ сдѣлалась поговоркою (все, что прежде принадлежало нашей Мерзебургской церкви, говоритъ Титмаръ, было тогда распродано, подобно славянской семьѣ, которая, подвергшись обвиненію, распродается и разсѣвается). Что значитъ ненависть Славянъ къ своимъ германскимъ сосѣдямъ, противъ многовѣковой кровавой обиды, которую они отъ этихъ сосѣдей терпѣли? И Саксы называли, по словамъ нѣмецкаго историка, Славянъ собаками, и не признавали ихъ, даже когда они исподдывали христіанскую вѣру, равноправными съ собою людьми! Что значатъ тѣ, правда, страшныя мученія, коимъ Славяне подвергали нѣкоторыхъ плѣнныхъ (особливо нѣмецкихъ священниковъ, которые ихъ насильно обращали), противъ систематическаго истребленія всего народа славянскаго на Балтійскомъ Поморьѣ?—А съ другой стороны въ Балтійскихъ Славянахъ выказываются черты такого высокаго добродушія и человѣколюбія, какихъ напрасно бы стали искать въ средневѣковыхъ Нѣмцахъ и Датчанахъ; и черты эти тѣмъ драгоцѣннѣе и достовѣрнѣе, что ихъ сохранило свидѣтельство враждебныхъ писателей.

Адамъ Бременскій громко выхваляетъ привѣтливую кротость и общительность Волынцевъ (жителей славнаго на славянскомъ Поморьѣ острова и города Волина, противъ устьевъ Одры): они принимали къ себѣ всякаго пріѣзжаго иностранца и безъ ограниченія давали ему всѣ права туземныхъ жителей: «до нынѣ, говоритъ онъ, Волынцы преданы заблужденію языческихъ обрядовъ, но впрочемъ не найдется относительно нравовъ и гостепріимства народа честнѣе и добродушнѣе». Какъ хорошо подтверждается это свидѣтельство разсказомъ другого нѣмецкаго писателя о поступкѣ Волынцевъ съ католическимъ монахомъ, который пришелъ склонить ихъ къ принятію христіанства! Испанецъ родомъ, долго жившій въ Римѣ и назначенный епископомъ какой-то епархіи на мѣсто другого епископа, отста-

вленнаго, Бернардъ, выжитый происками своего совмѣстника, рѣшился итти обращать язычниковъ и, не зная ни слова по-славянски, отправился на Поморье. Въ нищенскомъ рубищѣ явился онъ въ Волинъ и черезъ переводчика началъ проповѣдывать народу. Жрецы и старшины волынскіе, долго толковавъ объ этомъ странномъ для нихъ человѣкѣ и о неслыханныхъ словахъ его, рѣшили, что онъ сумашедшій и опредѣлили дать ему корабль и выслать его изъ своей земли. Но Бернардъ и слушать не хотѣлъ, и, въ пылу восторженной ревности, съ топоромъ въ рукѣ принялся рубить священный столбъ, принадлежавшій божеству Волынцевъ и, съ которымъ сопряжено было, по ихъ вѣрованію, благосостояніе города и побѣда надъ врагами. Народъ бросился на него, поваливъ на земь и, сильно избивъ его, отошелъ; жрецы выручили несчастнаго изъ толпы, посадили на корабль и отправили обратно, по Одрѣ, въ Польшу, провожая насмѣшливыми словами: »если такая у тебя охота проповѣдывать, то ступай, проповѣдывай рыбамъ и птицамъ, а насъ оставь въ покоѣ.« —Можетъ ли быть больше добродушія? человѣкъ, котораго ни кто не понимаетъ, приходитъ къ язычникамъ, оскорбляетъ ихъ величайшую святыню, и его берутъ и выпроваживаютъ съ миромъ.

О свирѣпыхъ морскихъ разбойникахъ, закоренѣлыхъ язычникахъ, Ранахъ, лѣтописецъ Гельмольдъ сознается, что имъ были врождены многія добрыя качества, въ особенности почитаніе родителей и гостепріимство. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ самымъ виднымъ образомъ проявлялась для иностранца славянская общительность, и, дѣйствительно, нѣмецкіе писатели не надивятся гостепріимству Балтійскихъ Славянъ. Послушаемъ разсказа двухъ свидѣтелей, какъ они изображаютъ, на противуположныхъ концахъ Балтійскаго поморья, одинъ у Вагровъ, другой у Поморянъ, гостепріимство славянскаго народа. Гельмольдъ, повѣствуя о своемъ путешествіи съ однимъ нѣмецкимъ епископомъ по землѣ Вагрской (около 1155 г.), говоритъ слѣдующее: »Прибыславъ (князь Бодричей и Вагровъ, котораго Нѣмцы ужасно притѣсняли) попросилъ насъ завернуть къ себѣ въ домъ, нѣсколько въ сторону отъ дороги, по которой мы ѣхали; онъ принялъ насъ съ великою заботливостью и радушіемъ и приготовилъ богатое угощеніе. Передъ нами помѣстили столъ, уставленный двадцатью кушаньями. Тутъ-то я узналъ на опытѣ, о чемъ прежде слышалъ по разсказамъ, что нѣтъ народа привѣтливѣе Славянъ своимъ гостепріимствомъ. Въ приглашеніи гостя они всѣ какъ бы нарочно соревнуютъ другъ другу, такъ что никогда не приходится страннику самому просить у нихъ пріема. Что ни пріобрѣтаетъ Славинъ своимъ трудомъ, хлѣбъ ли, рыбу ли, дичь ли, онъ все израсходуетъ на угощеніе и считаетъ того лучшимъ человѣкомъ, кто щедрѣе. Случается даже, что эта страсть—показаться пышнымъ и расточительнымъ—ведетъ къ воровству и грабежамъ. На эти вины смотрятъ снисходительно, извиняя ихъ долгомъ гостепріимства; у Славянъ есть поговорка: »что ночью украдешь, заутра раздавай гостямъ.« Если же случится (впрочемъ это бываетъ чрезвычайно рѣдко), что бы кто нибудь отвергъ странника и не принялъ его, то считаютъ дѣломъ правымъ сжечь его домъ и имущество; и всѣ единогласно называютъ такого человѣка безчестнымъ, подлымъ и стоющимъ всякого порганія, который бы отказался удѣлить гостю часть своего достатка.«

А вотъ что говорится о Поморянахъ: »Удивительное дѣло, у Поморянъ не снимается никогда со стола кушанье; у каждого хозяина есть отдѣльная изба, чистая и нарядная, которая служитъ только для

стола и угощенія: въ ней стоитъ столъ со всякою ѣдою и питьемъ, всегда накрытый, и когда одно блюдо опорожнится, несутъ другое; отъ мышей покрываютъ блюда скатертью самою чистою, и такъ кушанье всегда готово и ждетъ гостей, и во всякій часъ, когда захотятъ поѣсть, гости ли придутъ, или одни домашніе, то, вошедши въ столовую избу, найдутъ все готовымъ.»

Съ такою общительностью и такимъ гостепріимствомъ соединялась у Балтійскихъ Славянъ большая сострадательность къ ближнему. Они не допускали, чтобы кто-нибудь у нихъ впалъ въ нищету или просилъ милостыню; если кто отъ болѣзни или старости становился не мощенъ, то отдавали его на руки роднымъ, и тѣ ходили за нимъ весьма заботливо. Так. обр. не было у Ранъ и Поморцевъ, о которыхъ Нѣмецкіе писатели разсказываютъ эти подробности, людей бѣдныхъ и нищихъ, и если приходилъ къ нимъ нищій изъ чужой земли, то они его гнали съ презрѣніемъ, какъ бродягу, который за что-то недоброе оставилъ свою родину.

Были ли Балтійскіе Славяне, подобно своимъ соплеменникамъ, склонны къ пѣснямъ и веселію, объ этомъ нѣтъ извѣстія; но оно вѣроятно, при всей ихъ воинственной суровости. По крайней мѣрѣ, когда было гдѣ-нибуть празднество въ честь боговъ, то собиралось изо всѣхъ окрестныхъ мѣсть множество народа, часто нѣсколько тысячъ, и тутъ пѣли пѣсни, играли игры, плясали, кричали.

Таковъ былъ характеръ этихъ людей: основаніе доброе, общительность и любовь къ ближнему; но на этомъ основаніи вызванная обстоятельствами воинственность, породившая бытъ строгій и суровый, воинственность, часто переходившая въ склонность къ разбою, въ жестокость и свирѣпство,—однимъ словомъ, народъ въ сущности добрый и не жестокій, но ожесточенный.

Въ исторіи же, Балтійскіе Славяне выступаютъ не въ полнотѣ своей природы, вмѣстѣ добродушной и суровой: о кротости, объ общительности нѣтъ и помину, и является только война за войною, жестокость за жестокостью. Такъ ихъ поставила судьба: окруженные постоянной опасностью, тѣснимые отовсюду врагами, разъединенные между собою, они не могли не жить одностороннею жизнію народа, который только и думалъ о войнѣ и защитѣ, который вѣчно былъ въ бою.

(*Ист. Балтійс. Славянъ А. Ѳ. Гильфердинга. Т. I, 37—51. М. 1855*).

235. Религіозные обычаи.

Христіанство—вѣра чистая, небесная, вступивъ въ общество русскихъ, нашло сильные безпорядки въ семейномъ быту русскаго народа, безпорядки пагубные и для гражданскаго быта; надобно было много бороться съ язычествомъ.

Прекрасно обыкновеніе русскаго христіанства стараго времени—причащаться св. таинъ брачущимся; Нифонтъ говорилъ, что надобно удостоивать животворящей тайны и тогда, когда на комъ-либо изъ нихъ лежитъ эпитимія. Святое само по себѣ правило сіе спасительно было тогда и въ томъ отношеніи, что учило грубый народъ святости брака. Простой народъ не относилъ къ обязанности испрашивать благословенія церкви, союзу брачному: думалъ, что это благословеніе—преимущество князей и бояръ. Такая вольность была собственно плодъ дикой языческой грубости, предоставлявшей брачный союзъ безусловному произволу, о чемъ писалъ

преп. Несторъ (*Ист. Рос. Арцыбашева. I, 11*). У Сербовъ, даже во время перваго сербскаго архіепископа св. Савы, простой народъ бралъ женъ безъ благословенія въ храмѣ, и точно такъ же, какъ и въ Россіи, считалъ вѣнчаніе отличіемъ людей высшаго класса. Христіанство не могло терпѣть такихъ обычаевъ. »Людямъ простымъ по имени и общему мнѣнію—говоритъ митрополитъ,— даемъ вразумленіе и говоримъ; только одни невѣжи въ законѣ допускаютъ для простыхъ и невѣждъ такое совокупленіе; безъ церкви божіей, безъ благословенія творятъ свадьбу, называя это тайнымъ вѣнчаніемъ; тѣмъ, которые такъ берутъ женъ, налагать эпитимію, какъ блудникамъ. Въ другомъ правилѣ, ясно поставляя такой обычай простонародія, въ связи съ язычествомъ, пастырь повелѣваетъ употреблять все стараніе, чтобы вразумить невѣжество, наставлять, увѣщевать, поражать страхомъ отлученія отъ церкви.

Языческая жизнь Русскихъ дозволяла многоженство. Ярославовъ уставъ о церковныхъ судахъ на мужа, держащаго двухъ женъ, налагалъ пеню; а вторую жену его приказывалъ отводить въ домъ церковный, чтобы родные внесли за нее выкупъ. Митр. Іоаннъ писалъ о безстыдныхъ: »Это противно вѣрѣ и греческому благовѣрному житію», и повелѣвалъ не считать непокорныхъ христіанами. Противъ тогоже говорилъ и Нифонтъ.

Таже языческая жизнь предоставляла право перемѣнять женъ по произволу страстей; но христіанство не дѣйствуетъ за одно съ страстями. Ярославъ опредѣлилъ мужу сверхъ денежнаго штрафа гражданскую казнь, а въ случаѣ обоюднаго согласія четы на разводъ назначилъ только денежное взысканіе; послѣднее было снисхожденіе къ укоренившемуся обычаю, если только не относилось къ случаямъ законнаго развода. М. Іоаннъ нашелъ возможнымъ дѣйствовать ближе къ духу христіанства: онъ отлучалъ виновныхъ отъ причащенія св. таинъ и повелѣвалъ дѣлать увѣщанія простому народу, мало знакомому съ духомъ христіанства. Но тотъ же митрополитъ, въ томъ случаѣ, если кто подъ видомъ благочестія оставлялъ жену, дозволялъ такового удостоивать и сана священства, женѣ вступать въ новый бракъ: это было только въ духѣ тогдашняго греческаго благочестія.

М. Іоаннъ своими правилами указывалъ и на тѣ предѣлы, которые полагаетъ природа заключенію браковъ въ степеняхъ родства, повторяя мысли, оправданныя въ греческой церкви. Впрочемъ князья не всегда слѣдовали сими правиламъ, такъ же какъ и запрещенію того же митрополита заключать бракъ съ иновѣрными.

Священникъ подвергался лишенію сана, когда, зная или не зная, освятилъ бы таинствомъ троеженца; снисхожденіе къ немощи дозволяло только читать молитву...

Торгъ рабами во время язычества былъ дѣломъ обыкновеннымъ на Руси: прибыль оправдывала его для язычника. Страсть къ корысти побуждала нѣкоторыхъ дѣлать то же и въ христіанствѣ; покупали невольниковъ, обращали ихъ въ христіанство, и потомъ продавали ихъ *въ поганые*—язычникамъ, жидамъ, магометанамъ. На вопросъ о таковыхъ м. Іоаннъ писалъ: »Христіанина не продавать ни жидамъ, ни еретикамъ; иначе грѣшатъ не только противъ христіанскаго правителя, но и противъ Бога. Подумай о примѣрахъ Анании и Сапфиры, и разсуди: они, принеся цѣну обѣта своего Богу чрезъ верховнаго апостола Петра, удержали только малую часть, и однако осуждены были на смерть, какъ хищники части, обѣщанной Богу. А купци, которые назнаменали знаменіе божіе на купленныхъ ими рабахъ, освятили молитвою, знаменавъ и молитву давъ, потомъ продаютъ поганымъ. Это уже не тайное согрѣшеніе, но открытое; отдѣ-

ленное для Бога крадутъ и чужое присвоиваютъ. Намъ такъ кажется, что они согрѣшаютъ наравнѣ съ тѣми, которые гонятъ вѣру нашу, обращаютъ отъ вѣры въ невѣріе. Надобно отвлекать ихъ отъ сего злаго дѣла вразумленіемъ и наставленіемъ, если не послушаютъ,—считать ихъ наравнѣ съ язычниками и мытарями«. Когда язычество оставалось по мѣстамъ и между русскими, а еще болѣе у Печенѣговъ, Половцевъ,—неудивительно, что въ невѣденіи иные русскіе христіане раздѣляли трапезу языческую. Для такихъ только творить молитвы на осквернѣніе,—говоритъ митрополитъ. Но языческая страсть къ корысти вовлекала и вольно христіанина въ общеніе съ язычниками,— »своею волею ходятъ къ поганымъ купли ради и скверно ядятъ«. Мы причисляемъ ихъ,— говорилъ митрополитъ Россіи,—къ хищникамъ, лихоимцамъ, неправедникамъ, мздоимцамъ, сребролюбцамъ. Они не подлежатъ правилу (т. е. нѣтъ на то особаго правила), но не изъяты отъ осужденія. Надобно преподавать имъ наставленіе, учить ихъ, внушать имъ евангельское слово: *о, горе вамъ яко имя Мое васъ ради хулу пріемлетъ въ языцѣхъ*.

Съ привычками языческими заодно дѣйствовалъ во вредъ христіанской жизни духъ времени, невѣжественный и дышавшій кровію во всей Европѣ, довольно мрачный и между Греками. Вѣкъ извиняетъ человѣка: тѣмъ не менѣе христіане страждутъ отъ страстей вѣка, и страдали въ древней Россіи. Исторія древней Россіи представляетъ печальную картину дикихъ раздоровъ. Князья удѣльные дрались другъ съ другомъ за участки, и при первомъ удобномъ случаѣ бросались на вел. князя за его престолъ; братъ возставалъ на брата; не рѣдко дѣти поднимали оружіе на отца, и отецъ на дѣтей. И такъ было не годы, а два столѣтія; и такъ было не по временамъ, а рѣдко проходилъ годъ, о которомъ бы не сказала лѣтопись: *бысть сѣча зла*, а иногда и рядъ годовъ былъ рядомъ опустошеній, убійствъ, грабежа. Чѣмъ ближе къ времени Монголовъ, тѣмъ больше крови; когда умножилось число князей, съ 1133 г. цѣлые 50 лѣтъ сряду дрались то тамъ, то здѣсь, то по всей Россіи: тогда уже не было пощады и священному;—грабили храмы и монастыри. Самое страшное бѣдствіе бывало тогда, какъ брали народъ на щитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если среди всеобщихъ грабежей и убійствъ русскій народъ не сдѣлался вовсе дикимъ; то это было дѣло христіанства, и это означало, что христіанство было въ душѣ его. Лучшіе питомцы любви христовой выходили изъ борьбы съ злымъ духомъ времени побѣдителями высокими, мучениками...

При всей непріязненности духа времени, при всемъ вліяніи остававшагося язычества на нравы, искренность и простота нравовъ были украшеніемъ первыхъ христіанъ русскихъ. Эта простота много значила и въ томъ отношеніи, что не давала злу времени—духу вражды, глубоко исходить въ сердца многихъ; оттого такъ скоро забывались многими обиды, иногда кровавыя. Съ другой стороны, такъ какъ духовное образованіе души совсѣмъ не то, что эстетическое образованіе вкуса, не то, что и образованіе ума познаніями: то недостатки образованія вкуса и ума—не указатели на недостатокъ духовнаго образованія предковъ нашихъ. Напротивъ сердечная простота предковъ нашихъ спасала ихъ отъ толпы мелочей, блестящихъ по виду и весьма вредныхъ по дѣйствію на душу. Она же не допускала ихъ отыскивать тысячи извиненій грѣхамъ, какъ это бываетъ при ея недостаткѣ. Отъ того-то и лѣтописи и жизнь говорятъ такъ часто о простодушномъ и тѣмъ болѣе высокомъ покаяніи князей. Впрочемъ несправедливо было бы говорить, что все, что дѣлалось простотою, хотя и благочестивою,

было хорошо (напр. крещеніе мертвыхъ братьевъ св. Владиміра при Ярославѣ I—Ярослава и Олега)...

Естественно, что, по введеніи христіанства въ Россію, взоры всѣхъ обратились на востокъ, откуда озарилъ Россію свѣтъ вѣры. Отсюда естественно было желаніе путешествовать на востокъ. Первымъ благочестивымъ путешественникомъ въ Аѳонъ былъ пр. *Антоній*. Пр. *Варлаамъ* ок. 1060 г. путешествовалъ въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ его: это былъ, сколько извѣстно, первый русскій полонникъ гроба господня, и онъ же, по возвращеніи изъ Палестины, путешествовалъ въ Царьградъ. Въ половинѣ XII стол. столько являлось желавшихъ идти на востокъ, что пастырямъ церкви надлежало иныхъ останавливать. Хотя и не было у насъ того, что въ тоже время было на западѣ—не шли толпы праздныхъ людей съ мечемъ въ рукахъ для защиты памятниковъ вѣчной любви, но и игуменъ Даніилъ замѣчалъ: »многи ходивше, св. тѣхъ мѣстъ и видѣвше градъ Іерусалимъ и вознесшеся умомъ, яко нѣчто доброе сотворше, погубляютъ мзду свою«. Нифонтъ, новгород. епископ, не дозволяя разрѣшать каждому идти на востокъ, говорилъ: »иные идутъ съ тѣмъ, чтобы тамъ и здѣсь скитаясь ѣсть и пить,—это худо, надобно запрещать«. А св. Іоаннъ на вопросъ Кирика: что дѣлать съ тѣми, которые связали себя обѣтомъ—идти во Іерусалимъ, отвѣчалъ: «налагать эпитимію, ибо эти обѣты губятъ землю«. Сіи запрещенія, какъ очевидно, не унижаютъ, а возвышаютъ достоинство путешествій, какія дозволяла древняя русская церковь (1).

Его же любитъ Господь, наказуетъ. Въ его премудромъ планѣ, иго Монголовъ было мѣрою любви, врачующей нравственныя болѣзни русскаго народа. Чѣмъ же былъ народъ подъ этимъ игомъ? Прежде всего общее бѣдствіе пробудило въ народѣ чувство покаянія. Такъ показываютъ памятники. Волею и неволею Русскіе приводили на память примѣръ Ниневитянъ и каялись, вспоминали объ Израилѣ—невольникѣ Египта и обращались отъ земли къ Богу. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянною мыслію народа было, что онъ—народъ христіанскій, а жестокіе владыки его—невѣрные, ненавистные Богу; такимъ образомъ основою жизни была мысль высокая,—вѣра въ превосходство христіанской вѣры. Эта мысль ободряла народъ, когда скорби доходили до глубины души его, и она же заставляла дорожить тѣмъ, что внушало ему христіанство; она внушала любить то, что любили не чтившіе имени Христова.—Оттого, въ два столѣтія рабства, Русскіе остались съ прежнею любовію къ родинѣ, не приняли отъ Татаръ ихъ дикости хищной. Среди бѣдъ тяжкихъ эта мысль образовала твердость въ характерѣ народа, стойкость въ своихъ правилахъ; тамъ, гдѣ духъ христіанскій благодатно проникалъ въ душу и давалъ высшее направленіе силамъ души, любовь къ Богу не боялась подвиговъ самыхъ суровыхъ, —трудовъ самыхъ тяжкихъ. Благоговѣніе къ вѣрѣ, къ имени Христову было общимъ для всѣхъ состояній. Духъ вражды, властолюбивой въ первые годы ига, волновалъ сердца князей по прежнему; но потомъ мало помалу становился тише, болѣе и болѣе уступалъ мѣсто духу кротости. Волею и неволею князья стали ожидать славы не отъ меча своего, а отъ воли божіей и отъ того, кому покорила ихъ она; волею и неволею стали называться братьями.

Странно, но вѣрно: Новгородцы, которые не видали у себѣ Батыя, которые, по отдаленности отъ орды Кипчакской, рѣдко терпѣли грабежи и насилія Татаръ,

(1) Пам. XII в. 176, 203. См. о важности христ. путеш. къ св. мѣст. А. Зерченинова. М. 1840.

Новгородцы въ монгольскій періодъ пятнали себя звѣрскою необузданностію и злодѣйствами, какихъ не видно было въ другихъ краяхъ Россіи; это всего яснѣе показываетъ, какъ нужно было иго, которое наложилъ промыслъ божій на Россію. Сколько посадниковъ Новгородцы бросили въ Волховъ! Сколько разъ грабили и убивали невинныхъ! Сколько разъ поднимали мятежъ междоусобный, мятежъ противъ князя! Не разъ Новгородская вольница толпами ходила жечь города, грабить народъ и убивать собратій по вѣрѣ и крови. Самыя забавы новгородцевъ отличались буйствомъ неистовымъ: такъ въ 1358 г. они обязались клятвою не бить въ бѣсовскихъ забавахъ бочекъ.

Неудивительно, что подъ игомъ тяжкаго рабства, подъ властію дикаго своеволія, для котораго утѣха—мечь и опустошеніе, бѣдные христіане восточной и средней Россіи не имѣли мягкости въ нравахъ. Отсюда нужда заставила добросердечнаго князя Дмитрія ввести смертную казнь, тогда какъ Мономахъ говорилъ: «не убивайте виновнаго,—жизнь христіанина священна». Прежде денежная пеня удерживала отъ воровства, а въ XIV стол. воровъ вѣшали, за другія же преступленія били кнутомъ. Естественно было и то, что Русскіе въ періодъ монгольскихъ насилій утратили часть довѣрчиваго простодушія;—горькая нужда заставляла ограждать себя хитростію, когда не въ силахъ были противопоставить насилію отпоръ мужества. Это была дань тяжкому времени со стороны слабыхъ.

(*Ист. рус. цер. архіеп. Филарета. М. 1857, I, 84—87. 132—134. 137. 140—141; II, 105—107*).

136. Несвободныя состоянія въ древней Россіи.

Въ государственномъ быту встрѣчаются учрежденія, которыхъ корни глубоко затаены въ жизни народной. Они не произведеніе вчерашняго дня; ихъ не установило законодательство, имѣющее въ виду потребности времени и измѣняющееся съ ходомъ обстоятельствъ. Они составляютъ наслѣдіе давнихъ временъ, и достаются отъ предковъ отдаленному потомству. Иногда они живутъ, единственно благодаря этой древности. Жизнь ушла впередъ, а учрежденія остаются тѣже. Первоначальный смыслъ ихъ затемняется и забывается; они приноравливаются къ потребностямъ новаго быта, совершенно отличнаго отъ того, который ихъ произвелъ, и представляютъ остатокъ старины, не всегда понятный для современниковъ. Люди, получившіе это наслѣдіе, живущіе подъ вліяніемъ этихъ стародавнихъ учрежденій, стараются однакоже уяснить себѣ ихъ значеніе. Для этого придумываются обыкновенно разныя государственныя соображенія, разныя причины бытія, почерпнутыя изъ настоящей жизни, и дающія имъ смыслъ въ настоящее время. Но такія объясненія могутъ только затемнить истинное дѣло; каждое учрежденіе имѣетъ смыслъ и значеніе единственно на той почвѣ, на которой оно возникло. Чтобы понять его, нужно перенестись мысленнымъ взоромъ къ тому порядку вещей, который присутствовалъ при его зарожденіи, нужно прослѣдить постепенный процессъ его образованія и послѣдующихъ его измѣненій, устранивши современныя софистическія выдумки. Однимъ словомъ—каждое учрежденіе объясняется только своею исторіей; исторія одна даетъ намъ его смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшаетъ, имѣетъ ли оно право на дальнѣйшее существованіе или нѣтъ. Историческая работа должна по этому служить краеуголь-

нымъ камнемъ для пониманія современнаго состоянія общества и народовъ; безъ нея всѣ государственныя соображенія имѣютъ слишкомъ шаткую основу. Отправляясь отъ одного настоящаго, они не могутъ отдѣлить временныхъ стихій отъ постоянныхъ, не могутъ уразумѣть внутренняго смысла жизни, глубоко затаеннаго въ нѣдрахъ исторіи, не могутъ наконецъ и создать прочнаго порядка вещей, ибо ничего не видятъ далѣе минутныхъ потребностей современности, далѣе рутины привычнаго порядка. Но, разумѣется, изучая исторію, мы не должны приступать къ ней съ заранѣе приготовленными убѣжденіями, вносить въ нее современныя требованія, современные интересы; ибо тогда она потеряетъ истинное свое значеніе, и сдѣлается орудіемъ для доказательства той или другой мысли. Поэтому, когда мы изучаемъ исторію какого бы то ни было учрежденія, мы должны прежде всего отдѣлиться отъ настоящаго и разсмотрѣть, при какихъ оно возникло условіяхъ, какая была причина существованія таковаго порядка вещей?

Къ числу учрежденій, составляющихъ завѣщанное вѣками наслѣдіе, у всѣхъ народовъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныя эпохи ихъ жизни, принадлежатъ состоянія несвободныя. Рабство мы видимъ уже въ глубочайшей древности; нѣтъ народа, у котораго бы оно не проявилось въ той или другой формѣ. Начало его теряется во мракѣ; впослѣдствіи оно продолжаетъ существовать, измѣняясь съ теченіемъ времени, принимая въ себя новыя стихіи, но вообще смягчаясь по мѣрѣ развитія началъ человѣколюбія и нравственности. У каждого народа оно получаетъ свой оттѣнокъ, зависящій отъ народныхъ свойствъ и отъ характера общественнаго развитія. У одного оно принимаетъ черты болѣе суровыя, у другого болѣе мягкія; у одного развивается преимущественно юридическая сторона, у другаго юридическія опредѣленія касаются только самыхъ яркихъ проявленій жизни; у одного мы видимъ строгую послѣдовательность выводовъ, у другого, напротивъ, неопредѣленность отношеній раждаетъ противорѣчія, которыя разрѣшаются только жизнью. Въ какой же формѣ являются несвободныя состоянія у нашихъ предковъ? Откуда они возникли и какимъ подверглись измѣненіямъ? Вопросъ чрезвычайно важный, можно сказать одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей исторіи, если мы взглянемъ на долговѣчность этихъ отношеній и на значеніе, которое они имѣютъ даже въ настоящее время.

У всѣхъ народовъ первоначальнымъ источникомъ рабства былъ плѣнъ. Племена первобытныя лишены сознанія объ общеніи народовъ; у нихъ нѣтъ понятія о человѣкѣ, ибо это понятіе постепенно вырабатывается путемъ историческаго развитія. Для нихъ право и законъ не выходятъ изъ тѣснаго круга національной исключительности, и все, что внѣ этой сферы, попадаетъ подъ ихъ власть, становится законнымъ ихъ достояніемъ. Такимъ образомъ плѣнникъ, взятый на войнѣ, вмѣстѣ съ добычею дѣлается собственностію побѣдителя, и превращается въ раба, находящагося въ полномъ распоряженіи господина. Это явленіе всеобщее. Но отъ племеннаго характера зависитъ состояніе, въ которомъ содержатся племенные невольники. Чѣмъ мягче нравы народа, чѣмъ меньше онъ склоненъ къ воинственной жизни, тѣмъ отношенія къ плѣннымъ отзываются большею кротостью. У Славянъ, по свидѣтельству Макарія (*Карамз. т. I, прим. 132*), плѣнные держались въ неволѣ только временно; послѣ извѣстнаго срока имъ предоставлялось на выборъ заплатить выкупъ и возвратиться на родину, или остаться у хозяевъ на свободѣ и жить какъ друзьямъ.

Этимъ скуднымъ извѣстіемъ ограничивается то, что мы знаемъ о рабствѣ, существовавшемъ у нашихъ предковъ. Но

его достаточно для убѣжденія, что не у нихъ мы должны искать начала тѣхъ крѣпостныхъ отношеній, какія развились впослѣдствіи. Настоящее рабство является у насъ вмѣстѣ съ варяжскою дружиной, и, вѣроятно, было принесено ею. Уже въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками встрѣчаются условія о рабахъ, требуется выдача бѣжавшаго раба и устанавливается ему цѣна. Изъ этихъ и другихъ источниковъ (*тамъ же пр. 329*) мы знаемъ, что варяжскіе купцы въ Константинополѣ торговали рабами, плѣнными или купленными. Воинственный характеръ дружины долженъ былъ значительно способствовать умноженію рабовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать положеніе ихъ гораздо худшимъ, нежели какимъ оно было у древнихъ Славянъ. Плѣнные по прежнему считались военною добычею, и князья въ своихъ походахъ выводили ихъ во множествѣ изъ опустошаемыхъ земель. Такъ Ольга, взявши Коростень, многихъ Древлянъ избила, а другихъ отдала въ рабство своему войску. Такъ Ярославъ и Мстиславъ воевали Ляшскую землю и многихъ Ляховъ вывели и раздѣлили между собою (*Рейцъ, изданіе Морошкина, стр. 67*).

Въ Русской Правдѣ рабство является, какъ вполнѣ развитое учрежденіе. Здѣсь исчисляются три источника холопства обѣльнаго, т. е. полнаго: 1) Купля передъ свидѣтелями, при чемъ покупщикъ долженъ былъ дать продавцу по крайней мѣрѣ ногату (мелкую монету) въ присутствіи холопа, а не безъ него. 2) Женитьба на рабѣ безъ ряда; но если женихъ заключалъ особенный договоръ съ хозяиномъ, то условія получали законную силу. Впослѣдствіи всегда существовало правило: по рабѣ холопъ, а по холопѣ раба. Оно возникло не изъ понятія о нераздѣльности семейства; — оно имѣло основаніемъ то, что свободный человѣкъ связывалъ себя съ лицемъ, составлявшимъ собственность другаго, чѣмъ и самъ онъ становился собственностью. Личная зависимость дѣлала человѣка крѣпостнымъ, какъ видно и изъ слѣдующаго источника обѣльнаго холопства. Это 3) принятіе должности тіуна или ключника безъ ряда; если же это совершилось на основаніи договора, »то како ся будетъ срядилъ, на томъ же и стоить« (*Рус. Правда изд. Колачова, ст. IV, V, VI*). Здѣсь опять личная зависимость дѣлаетъ человѣка холопомъ, если онъ особеннымъ условіемъ не выговорилъ себѣ право свободы.

Кромѣ того въ Рус. Правдѣ упоминаются и другіе источники рабства. Сюда относится: 1) *Рожденіе отъ рабыни*. Плодъ отъ челяди, такъ же и плодъ отъ скота, составляетъ собственность хозяина (ст. 68). 2) *Неоплатный долгъ*. Если купецъ, взявшій въ долгъ деньги или товаръ, пропьетъ ихъ, или вообще испортитъ и утеряетъ ихъ по своей винѣ, то заимодавцу предоставлялось право либо ждать своего долга, либо продать своего должника (ст. 12). Въ другой статьѣ (55) предписано, всякаго человѣка, кто задолжаетъ многимъ, и не въ состояніи уплатить, вести на торгъ и продать. 3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *закупъ*, т. е. человѣкъ, временно отдавшій себя въ работу на долгъ, дѣлался рабомъ хозяина, именно если онъ бѣжалъ отъ хозяина, или совершалъ преступленіе, за которое хозяинъ обязанъ былъ вознаградить истца.

Ко всѣмъ этимъ способамъ укрѣпленія надобно прибавить еще плѣнъ и добровольную продажу себя въ рабство, которая безъ сомнѣнія существовала и въ то время, также какъ и въ послѣдствій, хотя въ Рус. Правдѣ объ ней не упоминается иначе, какъ въ формѣ добровольнаго вступленія въ должности ключника и тіуна. Въ договорѣ смоленскаго кн. Мстислава Давидовича съ Ригою и

готскимъ берегомъ 1229 г. говорится и о томъ, что если князь разгнѣвается на подвластнаго ему человѣка, онъ можетъ обратить его въ холопство вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Въ другомъ спискѣ того же договора, вмѣсто обращенія въ холопство, сказано: повелѣть его разграбить съ женою и дѣтьми (*Рус. Пр. стр. 158*).

Изъ этого видно, какъ многочисленны и разнообразны были способы личнаго укрѣпленія. Каждое зависимое отношеніе могло быть источникомъ рабства: плѣнъ, женитьба, заемъ, наемъ, преступленіе, добровольное подданство—все могло свободнаго человѣка сдѣлать рабомъ, не говоря уже о способахъ производныхъ, какъ-то куплѣ и рожденіи въ холопскомъ состояніи. Во времена насилія и неустройства каждое лице стремилось расширить свою власть, укрѣпить за собою все, что примыкало къ нему какимъ бы то ни было образомъ, и тѣмъ увеличить свое значеніе въ обществѣ. Это стремленіе было даже до такой степени сильно, что законодательство принуждено было поставить ему нѣкоторыя ограниченія: по законамъ Рус. Правды, человѣкъ получившій ссуду (дачу) или хлѣбъ или придатокъ, черезъ это не дѣлался холопомъ, но сохранялъ право возвратить данное (милость) и отойдти отъ хозяина (ст. 7). Но самая необходимость такого ограниченія показываетъ, до какой степени каждое лице старалось установить полное свое господство надъ всѣмъ окружающимъ.

Каково же было юридическое положеніе холопа? На это мы найдемъ отвѣтъ въ постановленіяхъ Рус. Правды.

Холопъ считался не лицомъ, а вещью, частною собственностью хозяина, которая подвергалась тѣмъ же юридическимъ послѣдствіямъ, какъ и всякое другое имущество. Плодъ отъ челяди наравнѣ съ плодомъ отъ скота, съ товаромъ и съ деньгами высчитывается въ числѣ движимаго имущества хозяина (ст. 68). Собственности у холопа нѣтъ; все, что бѣглый холопъ пріобрѣлъ, все то, вмѣстѣ съ его лицемъ, поступаетъ къ владѣльцу (ст. 58). Кто даетъ холопу денегъ въ займы, зная, что онъ холопъ, тотъ лишается своихъ денегъ; но если онъ сдѣлалъ это по невѣденію, то хозяинъ обязанъ заплатить за холопа. Въ договорѣ Мстислава Давид. съ Ригою допускается впрочемъ долгъ, сдѣланный холопомъ княжескимъ: если латинскій гость даетъ ссуду княжескому холопу или другому доброму человѣку, а тотъ умретъ, не заплативъ долга, то наслѣдникъ его обязанъ вознаградить Нѣмца; тѣмъ же правомъ пользуются и Русскіе въ Ригѣ и на Готскомъ берегу (*Собр. госуд. грам. II, № 1*). Но въ Рус. Правдѣ объ этомъ исключеніи нѣтъ ни слова. Хозяинъ же платитъ долги холопа, котораго онъ отпустилъ торговать (ст. 57); онъ же вознаграждаетъ истца, если холопъ совершилъ преступленіе, за которое долженъ платить. Такимъ образомъ, если холопъ укралъ что-нибудь, господинъ его платитъ вдвое противъ цѣны вещи, но на холопа пени не налагается, потому что онъ несвободный (ст. 46). Господинъ воленъ однакоже, вмѣсто уплаты, выдать его истцу съ женою и дѣтьми, если они участвовали въ покражѣ или въ утайкѣ украденной вещи, или безъ нихъ, если они ни въ чемъ невиновны (ст. 49). Было одно только преступленіе, которое имѣло послѣдствія и для самого холопа. Это личная обида, нанесенная свободному человѣку. Если холопъ ударитъ свободнаго мужа и убѣжитъ къ хозяину, а послѣдній не захочетъ его выдать, то онъ обязанъ заплатить истцу 12 гривенъ, но обиженный могъ за тѣмъ убить холопа, гдѣ бы онъ его ни встрѣтилъ. Такъ уставилъ Ярославъ Владиміровичъ, но сыновья его

смягчили этотъ законъ; они предоставляли на выборъ обиженному: связать холопа, или бить, или продать его за деньги, или взять гривну кунъ за посрамленіе (ст. 60).

Такимъ образомъ собственность холопа есть собственность господина; за дѣйствія холопа отвѣчаетъ господинъ. Какъ несвободный, холопъ не можетъ быть и свидѣтелемъ въ судѣ; только по крайней нуждѣ допускается свидѣтельство дворскаго тіуна боярскаго (ст. 117). Но во всякомъ случаѣ по свидѣтельству холопа судья не могъ подвергнуть отвѣтчика испытанію желѣзомъ и водою, развѣ этого потребуетъ истецъ, сказавши, что испытанію подвергаетъ отвѣтчика самъ онъ, а не холопъ. Однакожъ если отвѣтчикъ не могъ быть уличенъ, истецъ обязанъ былъ заплатить ему гривну за муку, потому что онъ основался на рѣчахъ холопа (ст. 119).

Какъ вещь, холопъ могъ быть уничтоженъ, украденъ, утаенъ. Поэтому въ Рус. Правдѣ постановляются правила для всѣхъ этихъ случаевъ. За убійство свободнаго человѣка платится вира; но за холопа и за рабу виры нѣтъ, а въ случаѣ убійства безъ вины, убійца платитъ урокъ господину, да князю 12 гривенъ пени (ст. 84). Количество этого урока опредѣлено въ другой статьѣ (82): за холопа платится 5 гривенъ, за рабу 6. Только за кормильца или кормилицу 12 гривенъ, даже если они холопы (83). Изъ этого послѣдняго выраженія можно заключить, что княжескіе и боярскіе тіуны, также княжескіе конюхи, отроки, старосты, за убійство которыхъ полагаются разныя виры и платы, не принадлежали къ числу холоповъ. Впрочемъ не мудрено, что за холопа княжескаго платилось болѣе, нежели за холопа, принадлежавшаго другимъ лицамъ, точно также, какъ за уничтоженіе борти княжеской платилось 3 гривны, а за борть, принадлежавшую простому человѣку (смерду), 2 гривны. Цѣна, постановленная за убійство холопа (5 гр.) и рабы (6 гр.), равняется цѣнѣ, назначенной и за убійство свободнаго смерда (ст. 82) и наемника (рядивича, ст. 80), что показываетъ низкое состояніе, въ которомъ находился простой народъ. Замѣчательно при этомъ, что убійство лошади или скота, также какъ и за холопа, постановлено 12 гривенъ пени, а господину гривну за нагубу, да урокъ (ст. 101). Въ договорѣ Новгорода съ Готландцами положено за убійство простаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, за холопа же 2 гривны, за рану, нанесенную свободному человѣку, 2 гривны, холопу полгривны. Въ договорѣ Мстислава Давид. съ Ригою положено за убійство свободнаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, за холопа гривну. За рану и побои, нанесенные холопу, въ первомъ договорѣ положено платить гривну кунъ. Въ Рус. Правдѣ о послѣднемъ нѣтъ ни слова; вѣроятно эти постановленія развились въ послѣдствіи. Не говорится въ ней и о томъ случаѣ, если самъ господинъ убьетъ своего раба, но это молчаніе должно приписать единственно тому, что онъ за это не подвергался никакой отвѣтственности. »Въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть«, а есть только пени за уничтоженіе чужой собственности, также какъ и за убіеніе лошади. Поэтому, какъ скотину хозяинъ властенъ былъ убить или оставить въ живыхъ, точно также и надъ рабомъ имѣлъ онъ полное право жизни и смерти. Подобное постановленіе встрѣчается даже въ исходѣ XIV вѣка. Въ данной грамотѣ, данной великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1399 г., читаемъ: »а кто осподарь огрѣшится ударитъ холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ, ни вины не емлютъ.« (*Акты Арх. Экс. I, № 13*).

Холопъ могъ быть не только убитъ, но и украденъ. Въ древнѣйшемъ спискѣ Правды положено за уводъ чужаго холопа или рабы платить хозяину 12 гривенъ за обиду; въ позднѣйшихъ спискахъ установлено 12 гривенъ продажи въ пользу князя (ст. 107), Купившій чужаго холопа по невѣдѣнію во всякомъ случаѣ получалъ обратно данную цѣну; но тотъ, кто покупалъ его, зная, что онъ чужой, въ наказаніе лишался своихъ денегъ (ст. 9). Въ этихъ постановленіяхъ мы находимъ и объясненіе, для чего нужно было продажу совершать въ присутствіи холопа: его показанія могли облегчить отысканіе настоящаго вора, или удостовѣрить въ томъ, зналъ ли покупщикъ о его принадлежности другому хозяину, или нѣтъ.

Рус. Правда установляетъ пеню и за помощь, оказанную бѣжавшему рабу. Если кто дастъ ему хлѣба или укажетъ ему путь, зная, что онъ холопъ, тотъ обязанъ заплатить хозяину за холопа 5 гривенъ, за рабу 6. Цѣна установлена также, что и при убійствѣ — ясное доказательство того, что здѣсь главное вниманіе обращено было на лишеніе собственности. Въ обоихъ случаяхъ хозяинъ терялъ одинаково, почему и получалъ одинакое вознагражденіе. Но если оказавшій помощь или передержатель бѣглаго холопа давалъ присягу, что онъ не зналъ его за холопа, то онъ избавлялся отъ всякаго взысканія (ст. 52, 53). Перехвативший чужаго бѣглаго холопа и извѣстившій о томъ хозяина, получалъ за это отъ послѣдняго гривну кунъ за переѣмъ; но если онъ его упускалъ, то обязанъ былъ заплатить 4 гривны за холопа и 5 за рабу, ибо гривна оставалась въ его пользу за поимку (ст. 54). Если же хозяинъ самъ отыщетъ холопа въ какомъ либо городѣ, то онъ обязанъ объявить о томъ посаднику, и, взявши у него отрока, пойдти съ нимъ связать холопа. Но если при этомъ онъ его упуститъ, и, погнавшись за нимъ, убьетъ его, то убытокъ остается на немъ, и никто ничего не платитъ (ст. 142).

Таковы постановленія Рус. Правды о холопахъ; изъ нихъ видно, что рабство принималось въ самомъ строгомъ смыслѣ. Рабъ считался полною собственностью хозяина, вещью, лишенною всякихъ правъ. Одно только и встрѣчается законоположеніе въ пользу холоповъ: это то, что дѣти, прижитые хозяиномъ отъ рабыни, послѣ его смерти дѣлаются свободными вмѣстѣ съ матерью. Здѣсь нравственное начало восторжествовало, и ослабило юридическую строгость учрежденій.

Рядомъ съ рабствомъ является въ Рус. Правдѣ другое зависимое состояніе: это состояніе закупа. Закупомъ назывался человѣкъ, который за долгъ отдавался въ работу до уплаты. Въ одной статьѣ Рус. Правды (ст. 20) онъ называется также наймитомъ, и дѣйствительно это былъ родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы). Поэтому такое состояніе скорѣе можно назвать личнымъ закладомъ, на что указываетъ и слово: закупъ, тождественное съ закладомъ (1). Въ послѣдствіи самое это слово изчезаетъ, и вмѣсто его является названіе: закладня, которое, въ свою очередь, превращается наконецъ въ названіе кабальнаго холопа. Впрочемъ и договоръ найма близко подходилъ къ этому, ибо наемный работникъ часто получалъ отъ хозяина ссуду, которую обязанъ былъ возвратить, когда отходилъ отъ него. (Въ то время ничего не могло быть естественнѣе, какъ такой личный закладъ за недостаткомъ правильнаго общественнаго устройства и законовъ, охраняющихъ

(1) См объ этомъ Неволина Ист. гражд. закон. I, 346, пр. 123; Доп. къ А. И. II, 136; Акты Юридич. № 417. Акты Эксп. I, № 160.

искъ, трудно было найдти другое обезпеченіе для заимодавца. Если у должника было недвижимое имущество, тогда оно могло поступать въ залогъ, и въ такомъ случаѣ оно обыкновенно отдавалось въ распоряженіе заимодавца). Но если такого имущества не было, нужно было искать обезпеченія личнаго, а сдѣлать это было тѣмъ легче, что свобода человѣческая мало цѣнилась, и стремленіе къ личному порабощенію и безъ того сильно проявлялось въ общественномъ быту. Поэтому закупъ становился въ состояніе близкое къ холопству, но тѣмъ не менѣе существенно отъ него различное *(Русская Правда, ст. 17—21 и 117)*. Зависимость была только временная, и онъ долженъ былъ сохранить возможность освободиться отъ нея уплатою долга. У него была своя собственность, своя лошадь; онъ работалъ и на себя, хотя обязанъ былъ также работать и на господина. И то и другое именно говорится о закупѣ ролейномъ, то есть земледѣльческомъ, который вѣроятно сидѣлъ на землѣ своего хозяина. Не обязанъ онъ платить хозяину, если скотину выведутъ изъ хлѣва или забоя безъ его вины; но если это сдѣлается по его оплошности, или если онъ загубитъ ихъ на своей работѣ, то онъ обязанъ вознаградить хозяина. Съ своей стороны и хозяинъ былъ ограниченъ въ своихъ правахъ. Онъ могъ бить закупа, но не иначе какъ за дѣло; если же онъ билъ его безъ вины, будучи пьянъ, то долженъ былъ платить ему за оскорбленіе, наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ. Точно также и неправильно удержанныя или отнятыя у закупа деньги хозяинъ долженъ былъ возвратить, да кромѣ того заплатить ему за обиду. Наконецъ, если хозяинъ продавалъ закупа въ полное холопство, то онъ обязанъ былъ въ наказаніе заплатить пеню въ 12 гривенъ, и кромѣ того лишался отданныхъ закупу денегъ. Вообще закупу предоставлено было право жаловаться на господина, но не смотря на это постановленіе, положеніе его было весьма зависимое; ибо законныя ограниченія были слишкомъ недостаточны для обезпеченія его свободы. Ими не опредѣлялись ни время, которое онъ долженъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его, ни проценты долга, а такая неопредѣленность, разумѣется, всегда обращается въ пользу сильнаго (1). Эту зависимость понимало и само законодательство, которое запрещало принимать свидѣтельство закупа иначе, какъ въ самыхъ незначительныхъ тяжбахъ. Оно возлагало на господина и отвѣтственность за преступленія закупа, также какъ за преступленія холопа: если закупъ укралъ что нибудь, то господинъ обязанъ былъ вознаградить истца, а закупъ становился его холопомъ; если же хозяинъ не хотѣлъ платить, то онъ могъ закупа продать, и заплатить украденное изъ вырученной цѣны, а остальное взять себѣ. Совершивши преступленіе, за которое онъ долженъ былъ дать вознагражденіе, закупъ какъ бы принималъ на себя новое обязательство, не исполнивъ прежняго, и тѣмъ самымъ дѣлался какъ бы несостоятельнымъ, вслѣдствіе чего и поступалъ въ холопство къ своему заимодавцу. Точно также закупъ дѣлался рабомъ вслѣдствіе бѣгства: если онъ бѣжалъ отъ господина для того, чтобы жаловаться князю или судьямъ на обиду, то онъ не подвергался взысканію; иначе онъ дѣлался холопомъ своего господина. Бѣгствомъ онъ какъ бы разрушалъ заемное обязательство, и черезъ это закладъ поступалъ въ полную собственность заимодавца. Переходъ въ рабство былъ слѣдственно чрезвычайно легокъ, ибо закупничество

(1) См. статью г. Панова о кабальныхъ людяхъ. Моск. Вѣдом. 1856 г. №№ 24 и 25. Впрочемъ съ нѣкоторыми выводами автора нельзя согласиться.

ство составляло нѣчто среднее между свободою и холопствомъ, а въ то время между тѣмъ и другимъ состояніемъ не было такого рѣзкаго разграниченія, какое дѣлается впослѣдствіи, когда человѣческая свобода получаетъ большую цѣну.

Таковы постановленія Рус. Правды о холопахъ и закупахъ. Относительно первыхъ мы видимъ въ ней довольно строгое развитіе принятыхъ законодательствомъ началъ; относительно послѣднихъ напротивъ является неопредѣленность, составляющая какъ бы принадлежность тогдашняго времени.

Изъ памятниковъ мы видимъ, что холопы раздѣлялись на большихъ и меньшихъ (*Сбор. госуд. грамотъ, т. I, № 83*); первые были приказные люди, ключники, посельскіе, старосты, тіуны, дьяки, казначеи (*Тамъ же №№ 25, 30, 86, 96 и др.*). Это были княжескіе дворовые люди, управлявшіе дѣлами князя, которыя, впрочемъ, не отличались отъ дѣлъ общественныхъ. Между этими приказными людьми могли быть и не холопы, но во всякомъ случаѣ они состояли въ тѣсной зависимости отъ господина, и не пользовались правами свободныхъ людей. Такъ въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича (*Тамъ же № 40*), мы читаемъ: »а что мои ключники некупленые, а покупали деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтемъ моемъ не надобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моемъ, во чьемъ будутъ удѣле.« — Здѣсь не сказано, что они отпускаются на волю, слѣдственно они не были холопы; но мы знаемъ, что должность сельскаго ключника была одна изъ тѣхъ, которыя свободнаго человѣка дѣлали холопомъ, если онъ принималъ ее безъ особеннаго уговора. Въ числѣ обыкновенныхъ холоповъ вычисляются люди полные, купленные, грамотные (подъ которыми разумѣлись и дареные), приданые, доставшіеся за долгъ (въ винѣ), наконецъ кабальные (*Собр. госуд. грам. т. I, №№ 25, 39, 41, 82, 112, 121 и 147*). Нѣкоторые изъ этихъ холоповъ были посажены на оброкъ, и назывались оброчниками (*Тамъ же № 21*), другіе работали на господина и назывались дѣловыми людьми (*Тамъ же № 25. Дѣловыя деревни № 121 и 144*). Холопы сажались и на земли; встрѣчаются цѣлыя села, заселенныя ими (1). Были также крѣпостные пчеловоды (бортники) (*Тамъ же № 21*); но вообще сельское народонаселеніе состояло изъ свободныхъ крестьянъ, между которыми, только какъ исключеніе, сажались холопы. Послѣдніе большею частью принадлежали къ личной прислугѣ князей и другихъ лицъ, къ ихъ дворовымъ людямъ. Въ нѣкоторыхъ духовныхъ грамотахъ высчитывается множество дворовыхъ должностей, занятыхъ холопами. Изъ этого видно, что бояре наши окружены были многочисленною дворнею, которая слѣдовала за ними въ ихъ переѣздахъ и придавала имъ могущество и значеніе. Такъ кіевскій боярин Родіонъ Несторовичъ, переѣхавши въ Москву при Калитѣ, привелъ съ собою 1700 человѣкъ дворни. Не всѣ впрочемъ были крѣпостные, ибо въ числѣ ихъ находились княжата и дѣти боярскіе. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно стремленіе образовать себѣ многочисленную дворню изъ холоповъ. Они, кромѣ личнаго услуженія, дѣлали все нужное для господина; они же слѣдовали за нимъ и въ войнѣ. »Кто кому служитъ, тотъ съ своимъ оснодаремъ и идетъ«, это выраженіе встрѣчается во многихъ договорныхъ грамотахъ между князьями. (*Собр. госуд. грам. I, №№ 54, 56, 60*). Эти обязанности, эта личная принадлежность были вѣроятно причиною, что съ

(1) »А што мое село Переславичи въ твоемъ удѣле, а сидятъ въ немъ мои холопы Шишловы.« Собр. госуд. грам. I, № 127.

нихъ не бралось дани, которой подлежали всѣ свободные слуги, переходившіе съ мѣста на мѣсто. Въ договорахъ, заключаемыхъ между князьями относительно платежа дани, говорится: »а на холопѣхъ (иногда: на полныхъ холопѣхъ) дани не взяти, на которыхъ ключники цѣлуютъ« (*Тамъ же, № 28, 76, 88, 119*). Ключники были слѣдственно главными начальниками холоповъ. Любопытно впрочемъ, что это условіе встрѣчается только въ договорахъ московскихъ князей съ тверскими; въ другихъ этого нѣтъ. Какая этому причина, за недостаткомъ извѣстій невозможно сказать.

Это стремленіе къ частному укрѣпленію было не только въ боярахъ и слугахъ, но еще въ большей степени въ князьяхъ. Главный интересъ послѣднихъ состоялъ въ промыслѣ, въ покупкѣ селъ, въ пріобрѣтеніи подвластныхъ людей; будущее государственное могущество созидалось на основаніи частнаго пріобрѣтенія. Но понятно, что другіе князья старались противодѣйствовать этому стремленію: имъ непріятно было видѣть укрѣпленіе за другимъ княземъ людей, живущихъ въ ихъ удѣлѣ. Отсюда постоянное условіе, встрѣчающееся въ княжескихъ договорахъ: »а селъ ти въ моей отчинѣ не купити и закладней ти въ моей отчинѣ не держати«. Иногда запрещается держать и оброчниковъ, а въ нѣкоторыхъ договорахъ всѣ эти условія распространяются и на бояръ другаго князя (*тамъ же № 27, 35, 45, 52, 56, 62, 70, 71, 73, 78, 92*). Тѣ же условія встрѣчаются и во всѣхъ договорахъ Новгорода съ князьями (*тамъ же № 1—20*). Князья, владѣвшіе Москвою сообща, обязывались кромѣ того не держать заложниковъ въ городѣ (*Собр. гос. грам. I, № 35, 45, 71, 78*). Но какъ скоро между князьями вспыхивала война, такъ эти условія тотчасъ нарушались; каждый князь, вступившій въ чужую область, старался захватить какъ можно болѣе людей въ свою власть. Не только плѣнные обращались въ холопство, но и самые жители занятой области укрѣплялись за князем и его боярами. Они приводились къ присягѣ, отдавались на поруки, укрѣплялись грамотами и заемными обязательствами, покупались; однимъ словомъ — всякими средствами обращались въ холопство или по крайней мѣрѣ въ кабальную зависимость. Однакоже, какъ скоро возстановлялся миръ, такъ обѣ договаривающіяся стороны обязывались уничтожить эти насильственныя акты укрѣпленія. Такъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями читаемъ: »а что селъ или людей во время распри заложилось за князя, за княгиню, за дѣтей ихъ и бояръ, или если кто изъ нихъ села купилъ, то деньги свои взять имъ назадъ, а села Новгороду« (*тамъ же № 12*). Такія же условія находимъ и въ договорахъ между князьями. Плѣнниковъ обыкновенно князья обязывались отпустить безъ окупа; тѣхъ же, которые уже проданы за границу или гдѣ бы то ни было, выкупить и возвратить (*тамъ же № 47, также № 35, 48, 49, 52, 54, 60, 66, 67*). За тѣмъ слѣдовали условія о княжескихъ людяхъ, или нятцахъ (т. е. люди, которыхъ они за себя взяли, укрѣпили); они освобождались отъ всякой зависимости въ отношеніи къ чужому князю: »а хто будетъ нятцевъ изниманъ, или на поруцѣ данъ, или къ цѣлованію приведенъ, а тѣхъ пустити безъ окупа, и порука и цѣлованіе свести на обѣ стороны«. Или: »а хто будетъ, брате, въ нашемъ нелюбіи твоихъ людей на поруцѣ данъ, или кабалы на нихъ, или серебро переведено, и мнѣ съ тѣхъ поруки свести и кабалы отдати и переведенное серебро (1)«. Нѣкоторыя

(1) Собр. госуд. грамот, т. I, № 43, 52, 54, 60, 66, 67, 69. Что нятцы не значило: плѣнные, какъ принимаетъ г. Лохвицкій въ своей диссертаціи »О плѣнныхъ по древнему русскому праву«, стр. 2,

же лица иногда исключались за новымъ хозяиномъ (*Собр. госуд. грам. I, № 60: »опроче Василья Вепрева*). Князья требовали слѣдственно только уничтоженія крѣпостныхъ актовъ, взятыхъ на ихъ собственныхъ людей или слугъ, тогда какъ въ договорахъ съ Новгородцами это условіе распространялось на всѣхъ жителей города. Оно подтверждалось и въ тѣхъ между-княжескихъ договорахъ, которые касались Новгорода и его области. Такъ напр. въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ тверскимъ княземъ читаемъ: »а какъ еси взялъ Торжокъ, и кто ти ся будетъ продалъ пословицею Новгорожанъ одернь, или будетъ серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити по цѣлованью, а грамоты дерноватыи подрати (*тамъ же № 28*). Одерноватый холопъ значитъ холопъ полный, также какъ и обѣльный.

Изложенныя условія княжескихъ договоровъ показываютъ, что плѣнъ не могъ уже служить такимъ обильнымъ источникомъ рабства, какъ прежде. До этого времени плѣнники постоянно обращались въ рабство, и притомъ не только въ войнахъ съ иноплеменниками, но и въ междоусобіяхъ внутреннихъ. Такъ напримѣръ Изяелавъ Мстиславичъ въ 1149 г., опустошивши съ Новгородцами Ростовскую землю, вывелъ оттуда 7000 плѣнныхъ. Новгородцы, отразивши войска Боголюбскаго, набрали столько плѣнныхъ, что продавали десять Суздальцевъ за гривну. Нѣкоторые, какъ сказано выше, продавались и за границу. Вообще безпрерывныя войны и междоусобія должны были страшно умножить количество рабовъ, и хотя договорныя грамоты полагали этому нѣкоторый предѣлъ, но плѣнные иностранцы по прежнему продолжали обращаться въ рабство. Съ Литвою до позднѣйшихъ временъ не было полнаго обмѣна плѣнныхъ по прекращеніи войны, некрещенные же инородцы всегда считались законною добычею (*см. Лохвицкаго »О плѣнныхъ по древнему русскому праву«*).

Въ договорахъ между князьями постановлялось условіе и о выдачѣ бѣглыхъ холоповъ. »Холопа, робу, должника, поручьника, бѣглеца, татя, розбойника по исправѣ выдати« (*собр. госуд. грам. I, № 43, 49 и множество другихъ*). Въ договорахъ Москвы съ Тверью предписывается хозяину, отыскавшему холопа или должника, поставить его передъ княземъ, передъ намѣстникомъ или волостелемъ. Если холопъ захочетъ тягаться съ господиномъ за свободу, а порукъ по немъ не будетъ, то обвинить его и выдать господину. Если же господинъ уведетъ холопа самовольно, не поставивъ его передъ волостелемъ, »въ томъ ему вина« (*тамъ же № 28, 76, 88, 119*). Впрочемъ не опредѣлено, какому онъ за это подвергался наказанію. Вообще для отысканія раба не принималось давности: »Суженое, положеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ отъ вѣка« (*тамъ же № 28, 61, 62, 69*). Въ новгородскихъ грамотахъ постанавлялось кромѣ того, чтобы судьи холопа безъ господина не судили; князь же обязывался не вѣрить холопу, который начнетъ доносить на хозяина.

Вотъ что мы знаемъ о холопахъ до второй половины XV вѣка, т. е. до того времени, какъ образуется московское государство. Варяжская дружина принесла къ намъ рабство со всѣми его юридическими послѣдствіями. Дружина основана была на началѣ личности и свободнаго до-

---

примѣч. 2-е, это ясно изъ того, что нятцы вездѣ отличаются отъ холопа, а также изъ разныхъ выраженій, напр.: »а что мои люди грабили бояръ твоихъ или нятцевъ или людей« № 49. Названія: твои люди и твои нятцы, принимаются, какъ однозначительныя, хотя первое могло быть шире послѣдняго. Одни и тѣ же условія постановляются то о тѣхъ, то о другихъ. Ср. напр. № 43, 49, 52, 54, 60. Нятцы могли быть князья, княгини, бояре и боярыни. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 29.

говора. Каждое лице имѣло только тѣ обязанности, которыя оно добровольно принимало на себя по взаимному условію съ другими, но каждое вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло цѣлью нажить себѣ какъ можно болѣе добычи, пріобрѣсти собственность, разширить свою власть, и тѣмъ пріобрѣсти въ обществѣ значеніе и могущество. Этотъ характеръ сообщился и всему гражданскому быту того времени. Другой общественной связи не было, кромѣ той, которая основывалась на договорѣ свободныхъ лицъ или на личной зависимости отъ того или другого лица. Чѣмъ больше у отдѣльнаго свободнаго человѣка было зависящихъ отъ него людей, тѣмъ онъ становился могущественнѣе. Отсюда стремленіе богатыхъ пріобрѣсти какъ можно болѣе крѣпостныхъ насиліемъ, обязательствами, наконецъ обѣщаніемъ выгодъ, сопряженныхъ съ служеніемъ богатому и сильному лицу. Отсюда съ другой стороны стремленіе бѣдныхъ укрѣпиться или заложиться за богатыхъ, которые могли доставить имъ и средства къ жизни и защиту, необходимую во времена буйства и междоусобій. Препятствій къ этому стремленію не было никакихъ; не было общественной власти, которая принимала бы свободу каждаго подданнаго подъ свою защиту и покровительство, которая требовала бы отъ него обязанностей не частныхъ, а общественныхъ. Въ послѣдствіи, когда возникло государство, явились ограниченія этого выхода изъ подданства въ частную зависимость, сначала для людей служилыхъ, а потомъ для тяглыхъ (1). Личность и вытекающее изъ нея частное право, служили кореннымъ началомъ всего общественнаго быта, а господство частнаго права влекло за собою установленіе частной власти, частнаго подданства. Самые князья смотрѣли на себя, какъ на частныхъ собственниковъ, и старались увеличить свое значеніе покупками, промыслами, личнымъ укрѣпленіемъ людей за собою. То же самое дѣлали и бояре, то же дѣлалъ и всякій человѣкъ, ибо не существовало никакихъ ограниченій относительно владѣнія рабами; ихъ могъ имѣть и купецъ и крестьянинъ и всякій свободный человѣкъ. На это было, какъ мы видѣли, множество средствъ; всякое обязательство могло вести къ укрѣпленію, что опять вытекало изъ коренныхъ основъ тогдашняго быта. При развитіи начала общественнаго, власть сосредоточивается въ рукахъ государства или тѣхъ лицъ и сословій, которымъ она вручается государствомъ. Подданные же во взаимныхъ обязательствахъ между собою соприкасаются только отдѣльными сторонами своей жизни, сохраняя независимость лица. При такихъ условіяхъ переходъ отъ частнаго обязательства къ господству не возможенъ, ибо между тѣмъ и другимъ лежитъ все различіе начала частнаго и начала общественнаго. Этотъ переходъ возможенъ только тамъ, гдѣ самое господство считается дѣломъ не общественнымъ, а частнымъ. Тамъ каждое лицо стремится наложить свою власть на окружающую его сферу, и все, что приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, все, что вступаетъ въ нѣкоторую отъ него зависимость, чрезъ это самое получаетъ уже возможность сдѣлаться полною его собственностью. Изъ лица зависимый человѣкъ дѣлается вещью, ибо по частному праву между лицомъ и вещью нѣтъ такого неизмѣримаго разстоянія: все различіе состоитъ въ большемъ или меньшемъ подчиненіи. Только въ государствѣ лицо получаетъ полное свое значеніе, ибо тогда оно становится членомъ общественнаго союза. Самымъ яркимъ выраженіемъ этой частной власти, этого господства лица надъ окружающею сферою было то, что нѣкоторыя зависимыя

(1) Въ послѣдствіи укрѣпленіе установленно государствомъ, но уже совершенно на другихъ началахъ; это не частное укрѣпленіе лица за лицемъ, а власть, врученная правительствомъ одному сословію, и обязанности, наложенныя на другое.

должности сами собою дѣлали человѣка рабомъ; вступивши въ эту сферу личнаго права, онъ не могъ уже оставаться свободнымъ. Такъ сильно было значеніе частнаго лица въ гражданскомъ быту, такъ самое общество признавало законность этого господства...

Рядомъ съ гражданскимъ обществомъ, въ которомъ господствовало анархическое броженіе буйныхъ средневѣковыхъ силъ, произволъ личности, стремящейся къ преобладанію, стояла церковь, которая говорила, что человѣкъ есть лицо, а не вещь, и стремленію къ порабощенію противополагала стремленіе къ освобожденію. Наставленія пастырей смягчали суровое нравы воиновъ и дѣлали болѣе сноснымъ положеніе рабовъ, предоставленныхъ законодательствомъ въ полное распоряженіе господина. Такъ въ одномъ памятникѣ XII вѣка мы находимъ слѣдующее поученіе: »Сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготою, потому что это домашніе твои нищіе. Нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпросить, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ, и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства, то за кровь ихъ ты отвѣтишь. Ты какъ апостолъ въ дому своемъ: научай грозою и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати, а если велика вина, то до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ лозою, а больше 30 ранъ не велимъ.... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками« (*Соловьева рус. ист. III, 101*). Въ другомъ памятникѣ читаемъ слѣдующее: »Слухъ ми, господине, приходитъ», пишетъ св. Іосифъ Волоцкій одному вельможѣ, »что будто деи немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота и скудость велика имъ тѣлесныхъ потребъ, пищею и одеждою не токмо доволни, но и гладомъ таютъ и наготою стражютъ, и сего ради азъ грѣшный дерзнулъ тебѣ воспомянути, моему господину, помянувъ твою вѣру къ пречистой Богородици и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ«... При освобожденіи рабовъ, равно какъ и при продажѣ ихъ, требовалось, чтобы господинъ не бралъ за нихъ болѣе, нежели сколько они стоили ему самому; ибо берущій лишекъ торгуетъ живыми душами, »съ ними же предъ Богомъ стати есть«. Кто съ отпускаемаго на свободу раба, сверхъ цѣны, которую онъ за него далъ, беретъ изгойство (то есть выходъ), тотъ »обрѣтается продая кровь неповинную и взыщется милостыни. Милостивіи бо помилованы будутъ. Аще кто хотя спасенія кается, да опять дасть тѣмъ ихъ же обидѣлъ, а не тако—не быти прощену« (*Архивъ Калачова, кн. 2, отдѣл. 6-го стр. 42*). Такой поступокъ считался въ числѣ самыхъ тяжкихъ грѣховъ: »всего же есть горѣе изгойство взимати« (*тамъ же кн. 1, статья Калачова объ изгояхъ, стр. 63*). Самыхъ вольноотпущенныхъ, изгоевъ, церковь принимала подъ свое покровительство, какъ людей безпомощныхъ, не примкнувшихъ ни къ одному изъ тѣхъ мелкихъ свободныхъ и крѣпостныхъ союзовъ, на которые разбивалось гражданское общество. »То люди церковныи, богадѣльніи».

Безъ сомнѣнія эти правила, эти наставленія не оставались безъ послѣдствій. Должно однакоже сознаться, что на жизнь они дѣйствовали мало, какъ видно изъ другихъ примѣровъ. Кириллъ Бѣлозерскій въ началѣ XV вѣка пишетъ къ князю Андрею Можайскому, чтобъ у него не было корчемъ, ни мыта: »понеже, господине, куны неправедныя« (*акты истор.*

I, № 16). А между тѣмъ само законодательство установляло 20 процентовъ, какъ законный ростъ, и мы знаемъ, что корчмы, мыты, перевозы и мостовщина въ древней Россіи встрѣчались на каждомъ шагу. Жизнь такъ противорѣчила этимъ нравственнымъ требованіямъ, что они не могли получить въ ней большую силу. Человѣкъ въ окружающей его средѣ не находилъ въ себѣ нравственной опоры, все кругомъ него предавалось разгулу, все стремилось къ пріобрѣтенію, къ порабощенію, и самъ онъ невольно увлекался этими страстями и старался увеличить свою силу и значеніе разширеніемъ своей власти, порабощеніемъ окружающихъ его лицъ. Но послѣ буйной жизни наступала минута, когда утихали въ немъ движенія страсти, и всѣ обуревавшія его своекорыстныя и честолюбивыя цѣли блѣднѣли передъ открывающеюся перспективою вѣчности и загробной жизни. Передъ смертію человѣкъ приходилъ въ себя, и тогда сильнѣе слышался ему нравственный голосъ, осуждавшій житейскія его стремленія. Тогда онъ прощался съ міромъ, надѣвалъ на себя монашескую схиму, прощалъ долги, отпускалъ своихъ рабовъ. За стремленіемъ къ порабощенію слѣдовало противоположное стремленіе къ освобожденію. Во всякомъ почти духовномъ завѣщаніи того времени встрѣчаются распоряженія относительно отпущенія на волю рабовъ. Люди бездѣтные обыкновенно освобождали ихъ всѣхъ безъ исключенія, другіе оставляли часть своимъ дѣтямъ, а остальныхъ отпускали на волю, нѣкоторые же, хотя рѣдко, и при смерти не думали разкрѣпить то, что укрѣпили при жизни (*см. духовныя князей въ I т. Собр. г. грам. и духовныя частныхъ лицъ въ Акт. Юр.*). Преимущественно передъ другими отпускались люди приказные, тѣ, которые пользовались наибольшею довѣренностью и оказали наиболѣе услугъ. Нѣкоторые отпускались на волю и съ землею (*Собр. г. грам. т. I, № 130*), но разумѣется это было исключеніе, ибо холопы принадлежали больше къ личной прислугѣ хозяина. Иногда отпускаемымъ рабамъ давались нѣкоторые пожитки (*Акты Юрид. № 417, 419, 420, 421, 425*). Встрѣчаются и условныя отпускныя, напримѣръ въ случаѣ смерти дѣтей, или если дѣтей не будетъ (*А. Юр. № 409, I, 413*), или послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы у наслѣдниковъ, иногда же до ихъ смерти (*Тамъ же № 420*), или послѣ смерти хозяина, если при жизни еще давалась рабу отдѣльная отпускная (*А. Юр. № 409, X, № 406*), или за деньги (*Тамъ же № 414*). Иногда же передаваемому въ наслѣдство холопу предоставлялось на волю остаться въ холопствѣ или заплатить опредѣленное количество денегъ и получить свободу (*Тамъ же № 410*). Обыкновенно мужья, отпуская людей своихъ на волю, оставляли женамъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ брачномъ союзѣ (смѣшались) съ ея рабами (*Акты Юрид., № 418, 420*). Но не рѣдко освобождался мужъ, а жена оставалась крѣпостною, и наоборотъ освобождались жена и дѣти, а мужъ оставался рабомъ, или же освобождались дѣти безъ родителей или родители безъ дѣтей (*А. Юр. № 409, I, 410, 420*). Это показываетъ, что въ то время не слишкомъ смотрѣли на святость семейныхъ узъ. Вообще духовная память была устроеніемъ души умирающаго (*Тамъ же № 421*). Эти распоряженія — отпущеніе долговъ, освобожденіе крѣпостныхъ, были послѣднимъ долгомъ, который исполнялъ христіанинъ при прощаніи съ міромъ.

Такимъ образомъ стремленіе каждаго лица къ порабощенію другихъ встрѣчало себѣ противодѣйствіе въ нравственно-религіозномъ началѣ. То, чего человѣкъ старался достигнуть въ продолженіи всей

жизни, въ чемъ онъ полагалъ свою силу и свое значеніе, то отрицалось при смерти. А дѣти, получивши уменьшенное наслѣдіе, снова стремились къ стяжанію и порабощенію, снова пополняли пріобрѣтенными рабами мѣста тѣхъ, которые были отпущены на волю отцомъ, и сами въ свою очередь, прощаясь съ жизнію, отпускали ихъ на волю, и отрицали свою прошедшую дѣятельность. Это было вѣчное движеніе отъ одной противоположности къ другой, отъ корыстнаго житейскаго стяжанія, посягающаго на человѣческую свободу, къ высоконравственной цѣли, отрицающей всякіе личные интересы. Эти рѣзкіе скачки отъ одной крайности въ другую, это вѣчное колебаніе между двумя противоположными стремленіями составляютъ характеристическую черту средневѣковой жизни, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ.

Такова была эта среднѣвѣковая жизнь, вся слагавшаяся изъ крайностей и противорѣчій!

Это стремленіе личности къ разширенію своей власти, къ порабощенію окружающей среды, встрѣчало себѣ препятствіе и въ другомъ явленіи. На Западѣ народонаселеніе было осѣдлое; дружинники усѣлись въ своихъ замкахъ, вступили съ ленными владѣльцами и королями въ договоры наслѣдственные, и пріобрѣли, такимъ образомъ, значеніе поземельное. Вслѣдствіе этого личная зависимость распространилась тамъ и на жителей земли. Виланы также, какъ и рыцари, заключали съ землевладѣльцами договоры прочные и постоянные; вступая къ нимъ въ наслѣдственную зависимость, они сами собою укрѣпились къ землѣ. На Западѣ вліяніе лица на поземельное его владѣніе было такъ сильно, что во многихъ средневѣковыхъ законодательствахъ существовало правило: воздухъ дѣлаетъ крѣпостнымъ (Luft macht eigen). Проживши годъ со днемъ на владѣніяхъ извѣстнаго лица, подышавши принадлежавшимъ ему воздухомъ, поселянинъ черезъ это уже вступалъ къ нему въ крѣпостную зависимость, точно также, какъ проживши годъ со днемъ въ стѣнахъ города, онъ дѣлался горожаниномъ и пріобрѣталъ городскія права. У насъ не было ничего подобнаго: дружина была кочевая; князья поздно получили осѣдлость, а бояре и слуги постоянно переѣзжали съ мѣста на мѣсто, заключая съ князьями договоры временные, а не наслѣдственные, такъ что поземельнаго значенія они пріобрѣсти не могли. Этотъ же кочевой характеръ сообщился и всему народонаселенію; крестьяне переходили съ мѣста на мѣсто, изъ одного селенія въ другое, изъ одного княжества въ другое, а заключаемые ими договоры никогда не имѣли наслѣдственнаго характера. Потому власть лица распространялась только на среду, окружавшую его лично, а не на жителей земли; стремленіе къ порабощенію находило себѣ предѣлъ и противодѣйствіе въ стремленіи къ кочеванію. Поэтому служебныя должности, личная зависимость могли дѣлать человѣка холопомъ, но поземельныя отношенія оставляли его свободнымъ.

Свободный переходъ крестьянъ—повсемѣстное явленіе въ древней Россіи. Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ духовенству, монастырямъ и частнымъ лицамъ, встрѣчаются выраженія: «Кого перезоветъ къ себѣ жить«. Иногда и въ княжескихъ договорахъ постановлялось: »а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ и христіяномъ межъ насъ волнымъ воля« (*Собр. г. грам. I № 127*). Вообще свобода лица и свобода отхода остаются неприкосновенными. Только въ Новгородѣ, вѣроятно вслѣдствіе большей осѣдлости народонаселенія, являются и болѣе зависимыя отношенія крестьянъ отъ господъ. Половникъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравнивается съ холопомъ. Такъ въ договорахъ съ князьями постановляется: »а хо-

лопа и половника безъ осподаря не судити» (*Собр. г. грам. I, № 6, 7, 8, 10*). Еще важнѣе то, что въ договорѣ съ Тверью 1307 года положено бѣглыхъ холоповъ и половниковъ выдавать обратно (*Тамъ же № 10*). Въ Новгородѣ слѣдственно, въ вольной общинѣ, крестьяне не пользовались такою свободою, какъ въ остальныхъ русскихъ областяхъ; поземельныя отношенія ближе подходили къ отношеніямъ крѣпостнымъ. Въ Псковѣ же, какъ видно изъ псковской судной грамоты, этой зависимости не было; крестьяне сохраняли полную свободу и считались вольными наемниками.

Ограниченія перехода выражены въ духовной грамотѣ Владиміра Андреевича, и повторяются во множествѣ договорныхъ и жалованныхъ грамотъ того времени; они возникли изъ поземельнаго значенія князей. Дружина, какъ сказано, была кочевая; бояре и слуги переѣзжали съ мѣста на мѣсто. Тоже самое дѣлали и крестьяне; это было всеобщее броженіе по всей Русской землѣ. Князья первые сдѣлались осѣдлыми, и они-то стали собирателями земли, и въ послѣдствіи созидателями государства. Понятно, что вотчинникъ, имѣвшій значеніе поземельное, старался удержать у себя поселенныхъ на землѣ его хлѣбопашцевъ, и перезвать къ себѣ новыхъ поселенцевъ, обѣщая имъ всевозможныя льготы (*Доп. къ А. Истор. I, № 8*). Они платили ему подати, оброки, несли повинности за владѣніе землею, а въ этомъ состояла его сила. Но при бродячемъ духѣ народонаселенія удержать ихъ было невозможно. Земля по своей обширности имѣла для нихъ слишкомъ мало значенія, и не могла служить крѣпкимъ звеномъ между хозяиномъ и поселенцемъ. Холопство было личное, а не поземельное; личныя отношенія могли установить прочную зависимость, поземельныя же всегда имѣли характеръ временный. Съ другой стороны не возможно было въ то время и запретить переходъ. Такая мѣра могла быть только дѣйствіемъ государственной власти, а государство еще не возникало. Князья были собственно владѣльцы земли, а подданныхъ у нихъ не было, ибо каждый свободно покидалъ одно княжество и переходилъ въ другое, вступая въ добровольныя сдѣлки съ хозяевами тѣхъ земель, на которыхъ онъ поселялся. Поэтому прямыми мѣрами не возможно было дѣйствовать; оставалось употребить мѣры косвенныя, и дѣйствительно князья старались ограничить свободу перехода, обязывая другихъ князей и землевладѣльцевъ не принимать уходящихъ съ земель ихъ крестьянъ. Это относилось въ особенности къ людямъ тяглымъ, то есть тѣмъ, которые поселены были на земляхъ, принадлежавшихъ князю, и несли разныя подати и повинности въ его пользу. Крестьяне же, поселенные на земляхъ духовенства и служилыхъ людей, имѣли непосредственныя обязанности къ своимъ землевладѣльцамъ; они менѣе первыхъ платили податей князю, а иногда и вовсе освобождались отъ княжескихъ повинностей, почему естественно князья менѣе дорожили ими, нежели первыми.

Князья впрочемъ рѣдко договаривались между собою не принимать крестьянъ изъ чужаго княжества. Это условіе встрѣчается только между князьями московскими, которые вмѣстѣ владѣли Москвою и вмѣстѣ блюли живущихъ въ ея уѣздѣ черныхъ людей и дворцовыхъ крестьянъ. Въ этихъ договорахъ встрѣчается постоянное условіе: »а который слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тѣхъ ны въ службу не принимати« (*Собр. г. грам. I, № 27, 33*), или, какъ обыкновенно говорится въ позднѣйшихъ договорахъ, просто: »тѣхъ намъ не принимати« (*Тамъ же № 35, 45, 71, 78, 84, 95*). Иногда къ этому присоединяется запрещеніе покупать ихъ

всеобщаго разъединенія и кочеванія; этотъ порядокъ никогда не могъ получить такой опредѣленности, какъ тамъ. Изъ этого очевидно, что всѣ эти ограниченія перехода были дѣломъ совершенно частнымъ; это было условіе, заключаемое между нѣкоторыми землевладѣльцами, и свобода крестьянина черезъ это не нарушалась.

Съ образованіемъ Московскаго государства изчезли, разумѣется, всѣ ограниченія перехода крестьянъ изъ одного княжества въ другое. Въ большей части жалованныхъ грамотъ позднѣйшаго періода употребляется выраженіе: »кто учнетъ жити людей« (*Акты Ист. I, № 163, 188, 217, 226. Акты Эксп. I, № 300, 329, 386. Дополн къ Акт. Юрид. I, № 130*), безъ другихъ условій; только относительно тяглыхъ людей встрѣчаются постановленія. Но съ половины XV вѣка являются ограниченія иного рода,—именно опредѣленіе срока, въ который крестьяне могутъ переходить отъ землевладѣльца къ другому.

Послѣ этого мы можемъ понять все различіе между укрѣпленіемъ холоповъ и укрѣпленіемъ крестьянъ. Первое возникло изъ частнаго права, составлявшаго основаніе общественной жизни въ средніе вѣка, изъ господства личности, не знавшей надъ собою общественной власти, изъ стремленія каждаго человѣка увеличить свое могущество порабощеніемъ окружающей его среды. Второе вышло изъ потребности государства устроиться и укрѣпиться. Образуясь изъ средневѣковой неурядицы, лишенное всякихъ средствъ, и денежныхъ и административныхъ, оно должно было требовать отъ подданныхъ посильной службы для того, чтобы учредить правильное управленіе, водворить благоустройство, создать силу и могущество Россіи. Укрѣпленіе крестьянъ было не частнымъ правомъ, пріобрѣтеннымъ однимъ лицемъ надъ другимъ, а послѣдствіемъ общихъ обязанностей, наложенныхъ на всѣ сословія. Но, при соединеніи крестьянъ и холоповъ подъ рукою одного владѣльца, одно учрежденіе воздѣйствовало на другое, одно сословіе сообщило другому нѣкоторыя черты своего характера.

И такъ, этотъ переворотъ въ судьбѣ крестьянскаго сословія былъ необходимымъ послѣдствіемъ условій тогдашняго быта. Но какимъ же образомъ могъ онъ совершится безъ сильныхъ потрясеній? Только въ пословицѣ: »вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день«! сохранилось объ немъ воспоминаніе въ народѣ. Мы найдемъ этому объясненіе, если взглянемъ на способъ укрѣпленія бояръ и служилыхъ людей. Послѣдніе также пользовались правомъ перехода: »а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля«. Но когда уничтожилась удѣльная система, московскіе государи стали требовать, чтобъ они перестали отъѣзжать. И вотъ безъ переворота, даже безъ указа, бояре и служилые люди изъ вольныхъ слугъ сдѣлались крѣпостными и стали писаться холопами. Дѣло въ томъ, что требованіямъ государства ни бояре, ни крестьяне не могли противопоставить такого дѣятельнаго сопротивленія, какъ напримѣръ феодальные владѣльцы на западѣ. Они были для этого слишкомъ разрознены. Бояре и слуги могли протестовать только бѣгствомъ, да крамолами; ихъ сдѣлали холопами, а они все таки продолжали отъѣзжать. Точно также и крестьяне, не смотря на укрѣпленіе, продолжали уходить тайкомъ.

(*Изъ статьи Б. Чичерина. Рус. Вѣст. 1858*).

Указатель статей: О частной жизни князей до нашествія Татаръ. *М. Погодина*. Москвит. 1853. II. О скудельницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи. *И. М. Снегирева*. Зап. и Труды общ. Ист. 1826, ч. III, 1. 235—263. Пиры и братчины. *А. Попова*. Архивъ ист. Колачова, II, 2. отд. VI, 19. Замѣтки о братчинахъ. Рус. Бес. 1858, I, отд. 3. 1—12. Борцы въ древ. Руси.

Бѣляева. Тамъ же 1856, III. Смѣсь 57. О братчинахъ *С. Соловьева.* Тамъ же IV. смѣсь 108—118. Кабальные люди. *А. Панова.* Моск. Вѣд. 1856, № 24 и 26. О древ. бытѣ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности. *К. С. Аксакова.* Пол. собр. Сочин. 1861, 1—311—319. О состояніи крестьянъ въ древ. Рос. Тамъ же 415—494. Взоръ на обычаи древ. Руссовъ *Н Арцыбашева.* Зап. и Труды общ. Ист. 1824, ч. 2. кн. 2. 90—115. О состояніи женщинъ въ Россіи *В. Шульгина.* Кіевъ 1850. Историч. судьба женщины въ Россіи. *А. Строева.* Моск. Вѣд. 1856 № 145 и 147. О нравахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ можно почерпать свѣдѣнія изъ иностранныхъ писателей. Memoriae populorum. *Штриттера.* Спб. 1771—1779 г. 4 тома 16 п. Foszlans und anderer Araber Berichte über Russen alterer Zeit. Спб. 1823. Memoires de l'Academie Imper. des Sciens de St.-Peterb. 1834 VI, 317. *Шармуа.* Записки Археол. общ. VI, 46. *Марко-Поло.* Чт. общ Ист. 1861. 3. Собр. къ путеш. къ Татаромъ. Изд. *Языкова.* Спб. 1825. Жизнеопис. древнихъ и среднев. путеш. Чт. общ. 1864. кн. 2, 3 и 4. 1865. кн. 1 и 2. Библіотека иностран. путеш. *Семенова.* Спб. 1836, Сказаніе иностр. писат. о Рос. изд. Археогр. ком. Спб. 1851. Путешествіе Ибнъ-Батуты. Рус. Вѣст. 1841 № 2, стр. 462. Жизнь древ. Славянъ по Хроникѣ Дитмара. Спб. 1857. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Славянахъ и Руссахъ. Ибнъ-Даста *Д. А. Хвольсона.* Спб. 1869. О нравахъ и обычаяхъ др. Руси. *С. Соловьева.* Чт. общ Ист. № 1. Взглядъ на Юридич. быт др. Руси. *К. Кавелина.* Современ. 1847. № 1. Древн. рус. проповѣдь противъ пьянства. Прав. Собес. 1862, I. 263. 369.

земли (*Тамъ же № 33, 95*). Кажется, что условія о непринятіи въ сдужбу и неокупкѣ земель имѣли мѣсто при нераздѣльности владѣнія; когда же участки въ Москвѣ раздѣлялись между князьями, тогда послѣдніе уговаривались не принимать крестьянъ изъ одного участка въ другой. Въ первомъ случаѣ постановленіе распространялось и на купечество (*Собр. грам. I, № 33, 95*). Эти условія не уничтожали однако свободы крестьянъ; сосѣдній землевладѣлецъ могъ не принимать ихъ на свою землю, но они всегда имѣли право уйдти въ другое княжество. Это очевидно изъ приведенной выше духовной грамоты Владиміра Андреевича, въ которой онъ запрещаетъ сыновьямъ своимъ принимать крестьянъ изъ одного удѣла въ другой, а между тѣмъ говоритъ, что крестьянинъ воленъ уйдти, куда хочетъ, но подъ условіемъ потери земли. Владиміръ Андреевичъ былъ тоже участникъ въ Московскомъ удѣлѣ; въ другихъ княжествахъ такихъ условій не встрѣчается. Въ договорѣ рязанскихъ князей прямо сказано: »а христіяномъ межъ насъ волнымъ воля«. Въ договорахъ между князьями различныхъ удѣловъ въ замѣнъ этого ограниченія перехода всегда включалось условіе о выдачѣ холоповъ, рабовъ, разбойниковъ и проч., чего, наоборотъ, нѣтъ въ договорахъ между московскими князьями. Власть великаго князя усилилась и участки удѣльныхъ князей въ Москвѣ и въ окрестныхъ городахъ отошли къ нему; Андрей Васильевичъ сохранилъ только право извѣстное время держать въ Москвѣ своего намѣстника для суда. Въ договорѣ великаго князя Василья Васильевича съ Шемякою встрѣчается также постановленіе, чтобы послѣдній данныхъ людей съ Бѣжецкаго-Верха не принималъ (1). Но Бѣжецкій-Верхъ былъ областью новгородскою, Новгородцы же постоянно договаривались съ князьями, чтобы послѣдніе не выводили людей въ свое княженіе, ни изъ Бѣжецкаго-Верха, ни изъ другихъ волостей новгородскихъ (*Собр. г. грам. I, № 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9*). Въ договорахъ между Москвою и Тверью или Рязанью также включалось условіе: »а вывода и рубежа межи себя не замышляти« (*Тамъ же I, № 28, 32, 36, 48, 76, 88. Срав. № 14; »а силою ти гостя въ Тфпрь не приниматн«*). Но выводъ означалъ насильственное завладѣніе людьми, также какъ рубежъ значилъ насильственное завладѣніе имуществомъ, за что виновные выдавались по розыску.

Такія же ограниченія встрѣчаются и въ жалованныхъ грамотахъ духовенству и служилымъ людямъ. Движимые духомъ благочестія, князья одарили церковь многочисленными землями, и жаловали монастырямъ и духовенству разныя льготы и привилегіи, какъ для нихъ самихъ, такъ и для крестьянъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ. Но понятно, что при такихъ значительныхъ преимуществахъ сосѣдніе крестьяне должны были массами переселяться въ церковныя имѣнія, а необходимымъ слѣдствіемъ такого переселенія было уменьшеніе княжескихъ доходовъ. Для избѣженія этого князья давали льготныя грамоты условно; обыкновенно льготы распространялись только на три разряда крестьянъ: 1) на старожильцевъ, либо уже сидящихъ на землѣ, либо ушедшихъ на другія мѣста, если они возвратятся вновь; 2) на людей купленныхъ (или окупленныхъ), и посаженныхъ на земли; 3) на людей перезванныхъ изъ другихъ

(1) Собр. гос. грам. I, № 30. Что касается до упрека, который духовенство дѣлаетъ Шемякѣ въ своемъ посланіи (Акт. Ист. I, № 40) въ томъ, что онъ перезываетъ къ себѣ людей великаго князя, то это относится къ Москвѣ, которую оба князя обязывались держать по старинѣ.

княжествъ, а не изъ вотчины того князя или той княгини, которые давали грамоту. При всемъ томъ общаго правила не было: иногда льготы даровались однимъ старожильцамъ (*А. Арх. Эксп. I, № 38, 131*), или однимъ людямъ купленнымъ (*Тамъ же № 52*), или однимъ перезваннымъ изъ другихъ княжествъ (*А. Ист. I, № 36, 88, 108. Акты Эксп., № 17, 19, 28, 41. Доп. къ Акт. Ист. I, № 208*), иногда же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ—старожильцамъ и перезваннымъ (*А. Истор. I, № 25, 73. А. Арх. Эксп. I, № 23, 31, 39, 51, 56, 60. Доп. къ А. Ист. I, № 17*), купленнымъ и перезваннымъ (*А. Истор. I, № 28. А. Арх. Эксп. I, № 31*), или старожильцамъ, купленнымъ и перезваннымъ (*А. Арх. Эксп. I, № 53. Доп. къ А. Ист. I, № 193*). На это закона не было, ибо все зависѣло отъ благорасположенія князя; это былъ частный порядокъ, при которомъ можно было давать болѣе или менѣе льготъ. Нерѣдко одинъ и тотъ же князь одному и тому же монастырю на разныя деревни давалъ льготныя грамоты совершенно различнаго содержанія (*А. Истор. I, № 83, 87, 88*). Поэтому и права были чрезвычайно разнообразны: одни получали освобожденіе отъ нѣкоторыхъ податей, другіе отъ всѣхъ, одни на одинъ срокъ, другіе на другой, а третьи на безсрочное время. Во множествѣ жалованныхъ грамотъ нѣтъ рѣшительно никакихъ ограниченій; льготы даруются людямъ, »кто имѣетъ или учнетъ жити на тѣхъ земляхъ«, или »кого къ себѣ игуменъ зоветъ«, или »кого посадитъ на той землѣ« (*А. Ист. I, № 13, 15, 83, 106, 131. А. Эксп. I, № 75, 88, 122. 136, 158, 164, 171, 208. Доп. къ А. Ист. I, № 27*). Это было дѣло совершенно случайное, въ которомъ правительственныхъ видовъ и распоряженій никакихъ не было. Встрѣчается даже условіе, чтобы не только на церковныя земли не принимать людей изъ великаго княжества, но и въ удѣлъ великаго князя не принимать людей съ церковной земли (*Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 213*).

Такія же льготныя грамоты, съ столь же различнымъ содержаніемъ, давались и частнымъ людямъ, здѣсь также освобождались отъ податей и повинностей или просто люди »кто учнетъ жити« на ихъ землѣ, или купленные, старожильцы и призванные изъ другихъ княжествъ, или наконецъ »кто перезоветъ непись̀менныхъ людей« (*Акты Ист. I, № 115. Дополн. къ Акт. Ист. I, № 36. Акты Эксп. I, № 111, 120, 132, 163, 371, 374, 379*). Не только князья, но и духовныя власти и даже частныя лица давали подобныя грамоты съ ограниченіемъ перехода крестьянъ. Въ 1450 году митр. Іона далъ грамоту Андрею Аѳанасьеву, »что сѣлъ на своей куплѣ, на Голямовской пустоши, въ волость пречистые Богородици и въ моей въ Романовскомъ: и како Андрей на ту пустошь къ себѣ перезоветъ людей изъ иныхъ княженей, а не изъ волости ни изъ сель пречистыя Богородици, и тѣмъ людемъ приплымъ не надобѣ съ моими христіяны съ волостными тянути ни въ какое дѣло... а которой христіянинъ волостной Романовецъ, или изъ села изъ церковного, выйдетъ за рубежъ, а хотя ити къ Андрею на ту пустошь, и Андрею тѣхъ христіянъ волостныхъ ни сельчанъ церковныхъ не принимати« (*Акты Юрид. I, № 110, VI*). Здѣсь видно стремленіе къ образованію такого же іерархическаго порядка землевладѣльцевъ, какъ въ феодальномъ мірѣ на Западѣ. Духовное лицо, монастырь получаютъ отъ князя земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соединенныя съ ними права и льготы людямъ, которые поселялись на ихъ землѣ и черезъ это дѣлаются отъ нихъ зависимыми. Но у насъ, вслѣдствіе

церкви св. Спаса, чьстьное дрѣво безцѣно есть, а кованье его, злото и серебро и камѣнье, и жьнчюгъ въ 100 гривнъ, а да 40.., гривнъ, да нѣ изнесѣться из манастыря никогдаже, яко ни продати, ни отдати, аще се кто прѣслоушаеть, изнесѣть ѝ отъ манастыря, да не буди ему помощьникъ чьстьныи крестъ ни въ сь вѣкъ, ни въ боудоущии, и да боудеть проклятъ св. животворящею троицею и св. отци 300 и 18, семию съборъ святыхъ отець и боуди емоу часть съ Июдою, иже прѣда Христа. Кто же дрьзнеть сътворити се... властелинъ, или князь, или пискоупъ, или игоуменья, или инъ которыи любо человѣкъ, а боуди ему клятва си; Офросинья же раба Христова, сътяжавъши крестъ сии, приметь вѣчную жизнь съ всѣми святыми.

Господи, помози рабу своему Лазорю, нареченому Богъми, съдѣлавъшему крьстъ сии црькви св. Спаса и Офросиньи.

О крестѣ Евфросиніи см. Журн. Мин. Н. Пр. 1846. Объ-антиминсѣ 1149 г. Христ. Древн. и Археологія изд. Прохорова. 1868. № 4. Окладъ Мстиславова евангелія. Филимонова. Чт. Общ. ист. 1860. IV, 1, 40—115.

240. Защита торговцевъ.

Въ лѣто 6678 (1170). Вложи Богъ въ сердце Мьстиславу Изяславичю мысль благу о Руской земли, занеже ей хотяше добра всимъ сердцемъ: и съзва братью свою и нача думати съ ними, река имъ тако: »братье! пожальтеси о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже не суть хрестьяны на всяко лѣто у вѣжѣ свои, а съ ними роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и *Гречьскій путь* изъ отимають, и *Соляный*, и *Залозный*; а лѣпо ны было, братье, възряче на божію помочь и на молитву св. Богородици, поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести.« И угодна бысть рѣчь его преже Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: »Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложи таку мысль въ сердце, а намъ дай Богъ за крестьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти. »Посла же Чернигову къ Олговичемъ всимъ и къ Всеволодичема, веля имъ быти всимъ у себе: бяху бо тогда Олговичи въ Мьстиславли воли; и всимъ угодна бысть дума Мьстиславля. И съвъкупившеся вся братья и поидоша изъ Кіева м. марта въ 2 день, въ день суботный середохрестьноѣ недѣли...

Идоша князи 9 дновъ изъ Кіева, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилкова отъ Иславича, оже идуть на нѣ князи рустіи, и побѣгоша лишившеся женъ и дѣтій; князи же увѣдавше, оже Половци побѣгли, и лишившеся женъ своихъ и возъ. И взяша вѣжѣ ихъ на Углѣ рѣцѣ, а другыѣ по Снопороду, а самѣхъ постигоша въ Чернего лѣса, и ту притиснувше къ лѣсу избиша ѣ, а ины руками изоимаша; Бастіи же и иніи мнози гониша по нихъ и за Въсколъ, бьюче ѝ; и толико взяша полона множьство, яко же всимъ рускимъ воемъ наполнитися до изообилья, и колодникы, и чагамы, и дѣтми ихъ, и челядью, и скоты и конми, хрестьяны же отполонивше пустиша на свободу вси...

И похваливше князи всемилостиваго Бога и силу честьнаго креста, възвратишася въ свояси, съ радостью великою, и быша въ домѣхъ своихъ на самое въскресеніе; и бысть людемъ двоя радость, и въскресеніе господие и князь своихъ

(1) О раннихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Греціей см. Договоры Олега и Игоря.

возвращеніе съ побѣдою и съ радостью... И потомъ помалѣ посла Мьстиславъ по братью свою, и съвкупишася вся братья у него Кіевѣ: Ярославъ изъ Лучьска, Володимиръ Андрѣевичь изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручею, Давыдъ изъ Вышегорода, а Гюргевичь Иванъ изъ Турова. И нача молвити Мьстиславъ братьи своей: »се, братье, Половцемъ есме много зла створили, вѣжѣ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скотъ, а тѣмъ всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику; а быхомъ вышли противу Гречнику.« И люба бысть рѣчь всѣ братьѣ, и рекоша Ему братьи: »тако буди, то есть намъ на часть и всѣ Руской земли« — и шедше стата у Канева.

(*Ипат. 97—98, 93—94*).

241. Владимірскія церкви до 1175.

....Князь благовѣрный Андрей (ум. 1175 г.) створи церковь (въ Боголюбомъ св. Рождества) въ память собѣ, и украси ю (*ее*) иконами многоцѣньными, златомъ и каменьемъ драгымъ и жемчюгомъ великымъ безцѣньнымъ, и устрои в различными *цятами* и *аспидными* цатами (1) украси, и всякими узорочьи (*узорами, украшеніями*) удиви ю, свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкви бяше золота; и украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣньными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могутъ сказати изрядныя (*изящныя*) красоты ея: златомъ и финиптомъ (*финифтью*) и всякою добродѣтелью и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякыми сосуды церковными, и ерусалимъ (*дарохранительница*) златъ, съ каменьи драгими, и рѣпидіи многоцѣньными, каньдѣлы различными, изъ дну церкви отъ верха и до долу (*до низу*) и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье (*притолки*) церкви златомъ же ковано, бяшеть же и сѣнь златомъ же украшена отъ верха и до Деисуса и всею добродѣтелью церковною исполнена, измечтана всею хытростью.

Князь же Андрей бѣ городъ Володимерь сильно устроилъ, къ тому же ворота златая доспѣ (*сдѣлалъ, приспѣлъ*), а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь камену соборную св. Богородица, пречюдну вельми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и 5 верховъ ея позолоти, двери же церковныя троѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоцѣньнымъ, и всякыми узорочьи удиви ю, и многими паникандѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь; а онъбонъ (*амвонъ*) отъ злата и серебра устрои, а служебныхъ судъ и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ, велми много, а тріе ерусалими велми велиціи, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣньна устрои, и всими виды и устроеньемъ подобна бысть удивленію Соломоновѣ святая святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ верхъ бо златомъ устрои, каменьемъ усвѣти и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы (*птицы*) золоты и кубкы и

(1) *Цяты* или *чаты*—мелкія бляшки. Иногда слово—*цата* замѣняется сл. златница, пенязь, сребреникъ. Теперь въ Тамбовс. губ. цатами называются узоры на плечахъ и подолѣ рубашки, вышитые шелкомъ и унизанные блестками. Что же касается до названія *аспидный*, то это означаетъ цаты изъ темносиняго камня въ родѣ яшмы.

VII. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

237. Грамота Мстислава, данная Юрьеву монастырю 1130.

Се азъ Мьстиславъ Володимерь сынъ дьржа Русьскy землю въ свое княжение повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати (Бунцѣ) св. Георгиеви съ данию и и съ вирами и съ продажами и вено вотское, да же который князь по моемь княжении почьнеть хотѣти отъяти у св. Георгия, а Богъ буди за тѣмь и св. Богородица и тъ (*тотъ*) св. Георгий у него то отимаеть. И ты, игумене (Исаие) и вы братиѣ, донелѣже (*пока*) ся миръ сътоить, молите Бога за мя и за моѣ дѣти кто ся изостанеть въ манастыри, то вы тѣмь дължьни есте молити за ны Бога и при животѣ и въ съмьрти, а язъ далъ рукою своею и осеньнее полюдие даровьное полътретьядесяте (25) гривьнъ святому же Георгиеви. А се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебрьно въ 30 гривъ серебра святому же Георгиеви, велѣлъ есмь бити въ не на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаеть; да же кто запъртить или туданъ и се блюдо,—да судить ему (Богъ въ) день пришьствия своего и тъ св. Георгии.

(*Изв. Акад. VIII, 339*).

Бунцѣ—село Бунца около Новгорода. *Вено вотское*—приданое, собираемое въ Вотской пятинѣ, или въ одномъ изъ пяти округовъ, на которые раздѣлялась область новгородская. *Вира*—судебный штрафъ съ преступниковъ. По замѣчанию проф. Буслаева, выражение: *своею рукою* указываетъ на юридический обычай касаться рукой грамоты, если кто не подписывалъ ее или не клалъ на ней собственноручно крестовъ. *Битъ въ блюдо*. Обычай этотъ сохранился доселѣ въ монастыряхъ за общею трапезою: настоятель стучитъ о блюдо, когда нужно перемѣнять кушанье. Вѣстн. Европы 1818 г. ч. 100. №№ 15. 16. 20. Зап. и Труды общ. Ист. 1826, III, 1. 65—76. Чт. общ. Ист. 1861, 2, III, 8—10).

238. Уставъ новгор. князя Святослава 1137.

Уставъ, бывшій преже насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ; имати пискупомъ десятину отъ даній, и отъ виръ и продажь, что входить въ княжъ дворъ всего.

А здѣ въ Новѣгородѣ что есть десятина отъ даній, обрѣтохомъ уряжено преже мене бывшими князи; толико отъ виръ и продажь десятины зьрѣлъ, алико даній въ руцѣ княжій въ клѣть его (1). Нужа же бяше пискупу, нужа же князю въ томь, въ 10-й части божій. Того дѣля уставилъ есть св. Софьи, ать (*пусть*) емлеть пискупъ за десятину отъ виръ и продажь 100 гривенъ, новыхъ кунъ, иже выдаваеть Домажиричь изъ Онѣга, аче (*если*) не будеть полна ста у Домажирича, 80 выдасть, а дополнокъ возметь 20 гр. у князя изъ клѣти. Урядилъ есмь азъ св. Софьи и написалъ Никола кн. новогородскій Святославъ; въ Онегѣ на Волдутовѣ погостѣ 2 сорочки (2), на Тудоворѣ погостѣ 2 сорочка, на Ивани погости съ даромъ сорочка, на Ракулѣ 3, на Спирковѣ 2, у Вихтуя сорочекъ, въ Пинезѣ 3, въ Кегрелѣ 3, устье Емцѣ 2, устье Вагъ 2, у Пуите сорочекъ, у Чюдина полсорочка, у Лигуя съ даромъ 2, у Вавдита съ даромъ 2, у Вели 2, у Векшензѣ 2, на Борку сорочекъ, въ Отминѣ сорочекъ, въ Тимѣ сорочекъ, у Помѣ полсорочка, у Тотьмѣ сорочекъ, у Пенинча сорочекъ, у Пороконустьць полсорочка, у Валдита 2 сорочка, на Волоцѣ въ Моти 2, у Емискора, а на мори отъ чрена и отъ салгы по пузу (1), у Тудора сорочекъ.

Въ лѣто (6645) индикта 15. Ожели кто въ которое время а то рюшить, или отиметь, что я урядилъ князь Никола Святославъ съ владыкою Нифонтомъ; князь ли, или инъ кто сильныхъ Новогородець, а будетъ Богу противенъ и св. Софьи.

А се *объ-онѣзьскій* (2) *рядъ*: во Олонци 3 гривны, на Свѣри гривна, въ Юскодѣ 3 гр., у Вьюницѣ гривна, устье Паши гривна, у Пахитка на Паши полгривна, на Кукуевѣ горѣ гривна, у Пермимина гривна, у Кокорка полгривны, на Масиегѣ, низъ Сяси, полгривны, въ поѣздѣ отъ всее земли Владыцѣ 10 гр., а попу 2 гр. у Липсуевичь полгривны, у Тикота гривна, въ Липиѣ полгривны. А се *бѣжичьскій рядъ*: Въ Бѣжичихъ 6 гривенъ и 8 кунъ, Городецьке полпяты ($4\frac{1}{2}$) гривенъ, въ Змени 5 гр. Езьскѣ 4 гр. и 8 кунъ, Рыбаньскѣ гривна волжская, въ Изьскѣ полгривны волжьская.

(*Рус. Дост. I, 82—85*).

См. въ отдѣлѣ юридическомъ церковные уставы и другія грамоты. Сборъ десятины во владимірской области существовалъ въ XIII в. См. Посл. Симона къ Поликарпу.

239. Надпись на крестѣ княгини Евфросиніи Полоцкой 1161 г.

Въ лѣто 6669 покладаеть Ефросинья чьстныи крестъ въ манастыри своемъ, въ

(1) Т. е. сколько приходить на долю князя въ кладовую.

(2) *Сорокъ, сорочекъ*—древній счетъ мѣховъ. Собственныя имена здѣсь означають волости новогородскія. См. Матер. для ист.—геогр. Слов. Барсова. 1865.

(1) *Чренъ, црьнь*—желѣзная большая сковорода, въ которой вываривается соль; *салга*—большой котелъ, употребляемый для той же цѣли, *пузъ*—мѣшокъ въ два четверика.

(2) Обонежская пятина лежала около Онежскаго озера и по р. Онегѣ.

вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около.

(*Ипат. Л. 111—112*).

См. также *Ослѣпленіе Василька и Сказаніе о Довмонтѣ.*

При чтеніи подобныхъ отрывковъ, обратить вниманіе на состояніе ремеслъ и художествъ древняго времени.

242. Вкладная преп. Варлаама Хутынскаго п. 1192.

Се вѣдале Варлааме св. Спасоу. Землю и огородъ и ловища рыбьная и гоголиная и пожни (*сѣнокосъ*): 1) рыль (*луга?*) противу села за Волховомъ, 2) на Волховьци коле (1), 3) корь, 4) лозы, 5) воимина, 6) на островѣ и съ нивами, вхоу (*всю*) же тоу землю Хоутиньскоую вѣдале св. Спасоу, и съ челядию, и съ скотиною, а се брат(ии дахъ?): 1) отрокъ съ женою. 2) волос (*Власъ?*). 3) дѣвка Феврония съ двѣма сыновьц(и?). 4) недачь, а конь шестеро, и корова. Се другое село на Своудици за..... бнею вѣдале св. Спасоу и божница (*церковь*) въ немь, св. Георгия, и ниви и пожни, и ловища и еже въ немь, — се же все далъ Варламъ Михалевъ, сынъ св. Спасоу. Аще кто діаволѣмь наоученъ и злыми человѣки навяженъ цъто хочеть отѣнти отъ нивъ ли отъ пожнь ли или отъ ловищь, —а боуди емоу противенъ св. Спасъ и въ сь вѣкъ боудоущии.

(*Доп. къ Акт. Ист. I, № 5*).

(1) *Коль*, также *лъзъ* — заколъ или запруда рѣки, гдѣ производится рыбная ловля посредствомъ большаго кошеля, сплетеннаго изъ хворосту.

См. Изв. Акад. Н. X, 510, Ист. Рос. Iер. VI, 617. Эта вкладная съ объясненіями помѣщена въ Чт. общ. Ист. 1861, 2, III, 14—5.

243. Данная суздальскому Васильевскому монастырю 1253.

..... и по благословленью государя своего кн. Дмитрея Костянтиновича, во мнишескомъ чину Діонисья, се азъ раба божія Марина черница управила есми душу господина своего Деонисьеву, да есми по его постриженіе ко св. Василью въ монастырь на поминокъ душѣ его село Мининъское со всѣмъ, что къ нему потяглу, и съ прикупными землями въ семъ въ Мининьскомъ, дала есми съ серебромъ и съ животомъ (1), да село Романовъское ко св. же Василью, да въ Романовскомъ же дала есми прикупной лугъ Любошу подлѣ рѣки Нерли отъ Василковскаго мочища доломъ (*отъ болота низомъ*) да по два озерца, да на вязъ, да на иву, да поперегъ болотца къ Романовской рощѣ на валовую межу (2); а дала есми тѣ села и съ животомъ св. Василью по его душѣ игумену съ братьею, покамѣсть и св. обитель сія стоитъ, лѣта 6761.

(*Опис. Рум. Муз. 99*).

См. Акты юрид. б. I, 439.

Данныхъ и жалованныхъ грамотъ монастырямъ сохранилось весьма много съ древняго времени; изъ нихъ видно, какія льготы даны были монахамъ въ древнее время и какъ много находилось монастырскихъ имуществъ.

(1) Со сборомъ дани и съ пошлинами.

(2) Такими естественными предметами означались грани поземельныхъ владѣній въ древнее время; часто они уничтожались и происходили постоянныя ссоры между владѣльцами.

244. Убранство войска Даніила галицкаго.

Въ лѣто 6760 (1252). Присла король угорьскы къ Данилу, проса его на помощь: бѣ бо имѣя рать на бои съ Нѣмци; иде ему на помощь и приде къ Пожгу. Пришли бо бяху посли нѣмецкыи къ нему, бѣ бо царь одинъ одержа землю Ракушьску и Штирьску; герцогъ бо уже убіенъ бысть. Бѣ бо имена посламъ: воевода царевъ и пискупъ Жалошь Пурьскый, рекомый Сольскый, и Гарихъ Поруньскый, и Ота Гаретеньникъ Пѣтовьскый. Возъѣха же король съ ними противу же Данилу князю; Данило же приде къ нему, исполчи вся люди своѣ. Нѣмьци же дивящеся оружью татарьскому: бѣша бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ; и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю руску: бѣ бо конь подъ нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жьжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира грецького и круживы златыми полосками ошитъ, и сапози зеленого хъза (*сафьяна*) шити золотомъ. Нѣмцемъ же зрящимъ, много дивящимся, рече ему король: »не взялъ быхъ тысячѣ серебра за то, оже еси пришелъ обычаемъ рускимъ, отцевъ своихъ;« и просися у него въ станъ, зане зной бѣ великъ того дне. Онъ же я и за руку и веде его въ полату свою, и самъ соволочашеть его и оболачашеть и во порты своѣ, и таку честь творяшеть ему, и пріиде въ домъ свой.

(*Ипат. II 187*).

245. Украшеніе города Холма.

Видивъ князь Данило (1259), яко Богу посѣвающу мѣсту тому (г. Холму), нача призывати прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь, иноязычникы и Ляхы, идяху день и во день, и уноты и мастеръ всѣцій бѣжаху изъ Татаръ, сѣдѣлници, и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребру, и бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града поле и села. Созда же и церковь св. Ивана, красну и лѣпу; зданье же еѣ сице бысть: комары 4, съ каждого угла преводъ, и стоянье ихъ на 4 головахъ человѣцскихъ изваяно отъ нѣкоего хытреца; окна 3 украшена стеклы рамьскими; входящи во олтарь стояста два столпа отъ цѣла камени, и на нею комара, и выспрь же верхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ; внутрьній же еи помостъ бѣ слитъ отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещатися яко зерцалу; двери же еи двоя украшены каменьемъ гадиякымъ бѣлымъ и зеленымъ холмъскымъ, тесанымъ, узоры тѣ нѣкимъ хытрецемъ Авдьемъ, прилѣпы отъ всихъ шаровъ (красокъ) и злата, напреди ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полуношныхъ ст. Иванъ, якоже всимъ зрящимъ дивитися бѣ; украси же иконы, еже принесе изъ Кыева, каменьемъ драгымъ и бисеромъ златымъ: Спаса и преч. Богородицѣ, иже ему сестра Ѳедора вда, изъ монастыря Ѳедора иконы же принесе, изо Уручего Усрѣтенье отъ отца его, диву подобны, яже погорѣша во церкви св. Ивана, одинъ Михаилъ остася чюдныхъ тѣхъ иконъ; и колоколы принесе изъ Кыева, другія ту солье: то все огнь попали (1259). Вѣжа (*башня*) же средѣ города высока, якоже бити съ нея окрестъ града, подзадана каменьемъ въ высоту 15 лакотъ, создана же сама древомъ тесанымъ и убѣлена яко сыръ, свѣтящися на всѣи стороны; студенецъ, рекомый кладязь, близъ ея бѣ, саженій имуши 35;

храмъ прекрасни и мѣдь отъ огня яко смола ползущь, посади же садъ красенъ, и созда церковь святыма безмездникома во честь, имать 4 столны отъ цѣла камени истесанаго, держаща верхъ, съ тѣхъ же другый, и въ олтарь пресв. Дмитрея стоить же ти предъ бочными дверми красенъ, принесенъ издалеча; стоить же столпъ поприще отъ города каменъ, а на немъ орелъ каменъ изваянъ, высота же камени десяти лакоть, съ головами же и съ подножьками 12 лакоть. Увидивъ же сицю пагубу граду, вшедъ въ церковь и видѣ пагубу и сжалися велми, помолився Богу паки обнови и церковь освяти, пискупомъ Иваномъ, и паки помолився Богу и созда ѝ тврьжьша и высша; вежѣ же такое не возможе создати: бѣ бо грады иныя зиждай, противу безбожнымъ Татаромъ, за то не созда ея.

Въ лѣто 6768 (1260). Созда же церковь превелику во градѣ Холмѣ, во имя пресв. приснодѣвыя Маріа, величествомъ и красотою не менѣ сущихъ древнихъ, и украси ю пречюдными иконами; пренесе же чашю отъ земля Угорьскыя мрамора багрина, изваяну мудростью чюдну, и змѣевы главы бѣша округъ ея, и постави ю предъ дверми церковьными, нарѣцаемыми царскыми, створи же въ ней крестилницю крестити воду на св. Богоявленіе; створи же въ ней блаженый пискупъ Иванъ отъ древа красна точенъ и позлащенъ внѣ и внѣ, дивленію подобенъ.

(*Ипат. 196—197*).

246. Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами 1262—1263.

Се азъ князь Олександръ и сынъ мой Дмитрій съ посадникомъ Михаилъмъ и съ тысяцькымъ Жирославомъ и съ всѣми Новгородци доконачахомъ миръ съ посломъ Нѣмцькымъ Шивордомъ и съ Любьцкымъ посломъ Тидрикомъ и съ Гѣцкымъ посломъ Олѣстенѣмъ и съ всѣмъ Латиньскымъ языкомъ. Что ся учинило тяже межи Новгороди и межю Нѣмци и Готы (1) и со всѣмъ Латиньскымъ языкъмь, то все отложихомъ, а миръ доконачахъмъ на сей правдѣ: Новгорцмъ гостити на Гоцкыи берегъ безъ пакости, а Нѣмцьмъ и Гтъмъ гостити въ Новгородъ безъ пакости (*безъ обиды*) и всему Латиньскому языку на старыи миръ. Пудъ отложихомъ, а скальи (*вьсовыя чашки*) поставихомъ по своей воли и по любви. А въ Раѣшину тяжю платили есмы 20 гривенъ серебра за две голове, а третьюю выдахомъ. А Нѣмцьмъ и Гтъмъ и всему Латиньскому языку платити по двѣ кунѣ отъ капи и отъ всякаго вѣснаго товара, что кладуть на скальи, и продавше и купивше. А старый миръ до Котлигнѣ (*до Кронштадта*). А Новгородцьмъ въ становищи (*въ пристани*) на Гоцкомъ березѣ безъ пакости въ старыи миръ. А зимний гость, оже не поиметъ нашего посла ни новгородцьскыхъ купець изъ Новагорода или съ Гѣцькаго берега, а что ся учинить изъ Котлингъ до Новагорода или изъ Новагорода до Котлингъ Немецкому гости, оже безъ посла поидуть, то Новугороду тяжа не надобе, въ старыи миръ (2). Оже кто гостить въ Корѣлу или Нѣмци или Гтяне, а что ся учинитъ, а то Новугороду тяжа не надобе. А которыхъ трее дворць (3) въпросили ваша

---

(1) *Готы* — Готландцы, *Гоцкій берегъ* — островъ Готландъ на Балтійскомъ морѣ.

(2) Т. е. если учинится обида торговцамъ, ѣдущимъ безъ новгородскаго провожатаго, то Новгородъ не отвѣчаетъ за ато.

(3) Три торговые иностранные двора въ Новгородѣ.

братья посли, а тѣхъ ся есмы отступили по своеи воли. А се старая наша правда и грамота: на чемь цѣловали отци ваши и наши крестъ. А гдѣ ся тяжа родить, ту ю кончати. А иное грамоты у насъ нѣтуть, ни потаили есмы, ни вѣдаемъ. На томь крестъ цѣлуемъ.

(*Изв. Акад. Н. VI, 166*).

См. еще Грам. кас. сношен. съ Ганз. гор. № 2.

247. Грамота в. кн. Андрея Александровича на Двину 1294—1304.

Отъ в. князя отъ Ондрея къ посадникомъ, и къ сотникомъ, (*сотникамъ*) и къ старостамъ. Како есмь докончалъ (*вдѣлалъ договоръ*) съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море (*сьверное*), а ватамманъ Ондрей Критцкый, отьдають съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузма како пойдеть съ моря съ потками (*птицами*) съ данными по данничу пути, дадять ему корму и подводы по пошлинѣ съ погостовъ; а какъ пошло при моемъ отцѣ и моемъ братѣ, не ходити на Терскую сторону Ноугородцемъ, и нынѣ не ходять.

(*А. Экспед. I, № 1*).

См. Истор. Госуд. Рос. IV, пр. 206.

248. Грамота Римянъ витебскому кн. Михаилу Константиновичу ок. 1300.

Поклонъ отъ ратмановъ рижихъ и отъ всѣхъ горожанъ ко князю витебьскому Михаилу. И ныне пришли предъ насъ наши горожане, и то намъ поведали съ великою жалобою: которыи были зимусь съ тобою у Витебьце, какъ то еси товаръ у нихъ отъялъ силою и неправдою. То было и *первое*. Былъ у тебе одинъ дѣтина, нашь горожанинъ, а иногды не бывалъ у васъ; тогды рать была литовская подъ городомъ; онъ же хотелъ у рать ити дѣвкы купити и взялъ мець со собою по нашеи пошлине; тогды идя путемъ заблудилъ къ монастыреви,—и выскочивше 3 черньчи, 4-й же человѣкъ иныи съ ними ту его емъшо, били и рвали, и мець выстяли силою у него. И потомъ, княже, ты на другыи день емъ его оковалъ еси и дѣржилъ его еси до того же дне; а товара еси отъялъ на 3 берковьскы воску. Княже, то еси неправду дѣялъ; забылъ еси, княжо, своего крестнаго челования, зане же самъ вѣдаешь, княжо, како нетако есть миръ доконцанъ на старыи миръ, и на томъ крестъ человонъ, какъ то намъ вашеи братьи правда дати, а обиды не створити ни малу, ни велику. Тако было и вамъ по крестному человонью обиды не створити ни малу, ни велику, нашей братіи правда дати, товара силою не грабити, человѣка не мучити безъ вины. Княжо, слышишь самъ отъ своие братье, какъ то мы вашее братие не обидѣли, ни грабили товара силою безъ правды, какъ то ты, княжо, дѣешь.—А се тобѣ поведываемъ *2-ю обиду*. За грѣхы пригодилося такъ, какъ то седѣла дружина у пиру пиючи, другъ друга заразилъ до смерти,—и какъ то тыи бои и удѣялъся, тогды онъ убоявъся живота, утеклъ къ тобе, княжо. Немчи же уведавше, ажо къ тобе, утеклъ разбойникъ, и пришли предъ (тебе), княжо, Немчи и молили ся тобе: выдаи намъ разбойника,—и ты имъ выдавъ разбойника, потомъ, княжо, шолъ еси у разбоиникову клеть, товаръ еси разбоиниковъ взялъ; иныхъ людии товаръ былъ ту, то

ть и то поималъ еси, княжо, то ть еси неправду дѣялъ. Ты самъ вѣдаешь, какъ то не тако есть миръ доконцанъ межи земле; аже другъ друга убиетъ до смерти, а имуть ть того человѣка, кто разбои учинилъ, тому дати вина по его дѣлу, а товаръ его свободенъ своему племени,— и ныне мы молимъся тобе, а бы тыи товаръ отдалъ его племени.—А се тобе *3-ю обиду* повѣдываемъ про тую дѣтину, что товаръ его былъ со разбойниковым товаромъ у клети. Какъ то поехалъ изъ Витебьска у Смоленескъ потустилъ же у разбойникове клети волны же овчины на 5 серебра; онъ же у Смоленьще услышавъ, аже ты его товаръ со разбойниковым товаромъ узялъ, и онъ уборзѣ на конь въсѣдъ поехалъ у Витьбескъ и молилъся тобе, княжо, абы ты его товаръ отдалъ, что еси взялъ съ разбойниковым товаромъ изъ клети, то ты ему не далъ. То еси, княжо, не правду дѣялъ,—и нынѣ, княжо, мы ся тобе молимъ, какъ то тыи товаръ, отдаи, что еси взялъ безъ виньное вины.—Се и еще, княже, мы тобе повѣдываемъ *4-ю обиду*, у чомъ то еси не правду дѣялъ, какъ то нынѣ новую правду ставишь, какъ то есме не чювали отъ отчествъ, ни отъ дѣдовъ, ни прадѣдовъ нашихъ, аже ты велишь кликами сквозѣ торгъ: гость съ гостемъ не торгуи,—княжо, а у томь еси не правду дѣялъ. Княжо, аже еси тако у своемь сердучи, то ть то еси неправою думою думалъ; будуть тобе, княжо, лишіи людье тую думу повѣдали, то ть не у честь то ведали тую думу: то есть тобе, княжо, достойно, аже бы тые люди казнилъ, какъ то бышь иныи людіе боялися, кто лихую думу подъдаваеть. Княжо, нашь горожанинъ Фредрикъ продалъ человѣку мехъ соли, и онъ услышалъ, ажо ты не велелъ гостеви со гостемь торговати и обеститься тобе, княжо, и ты ему велелъ продати, и онъ шолъ съ темь человѣкомъ соли вѣсить; какъ то еще соли не вѣсили, твои дворяне стояли ту у дворе, у Фредрика ключь взяли силою клетьныи и пошли прочь. Потомъ твои дѣтьскыи Плосъ пришодъ реклъ Фредерику: пойди ко князю,—и онъ пошолъ къ тобе, по твоему слову; и какъ то пришелъ къ мостови, реклъ Плосъ: пойди сѣмо, едѣ князь. Не вѣдя его къ тобе, княжо, жо къ себе въ истобѣку, и ту порты съ него снемъ, за шию оковалъ и руцы и ноги, и мучилъ его такъ, какъ то буди Богу жаль; и потомъ ты дѣтскые свое послалъ на его подворие и велелъ еси товаръ его разграбити на 4 капи воску. И ныне мы ся тобе молимъ, абы ты тыи товаръ отдалъ; княжо, и самъ вѣдаешь, ажо неправдою еси своею крестное чьлованіе забылъ.—И се нынѣ *5-ю обиду* повѣдываемъ. Какъ то Немчи послали свое коне изъ Смоленьска у Витебескъ, то ты, княжо, тые коне обизрелъ и улюбилъ еси одного коня,—тѣи конь былъ Герлаховъ,—то ть ты его хотелъ безъ измѣны; тыи людье рекли: княжо, мы коня не дамы, ни продамы его, не смѣемъ—конь Герлаховъ. И ты, княжо, давалъ еси на кони 10 изроевъ, и они не взяли; то ть ты реклъ, княже: дайте вы мне конь, я васъ провожю изъ Смоленьска и сквозѣ Касплю Лучаны, хочю проводити съ коньми и до Полотьска; то ть дали тобе конь по твоему слову. Княжо, далъ жо еси приставъ своего человѣка Прокопию, и пріехалъ Прокопии къ Смоленьску, тои первое и дали ему скорлата портъ жо чаторъ; Прокопьево слово такъ: у которыи день вы будѣте готови, я съ вами готовъ буду. Въ тыи жо день по его слову приготовился есме были и рекли есме Прокопии: се мы готови, поедимъ; Прокопиево такъ: но могу я изъ свѣта во тму ехати. Прокопии на конь свои уседъ поехалъ у Витьбескъ, а нашю братью по-

пустилъ. Княжо, тимъ словомъ не дослужилъся еси того коня, аже бы ты у своемь слове стоялъ, а нашю братию проводилъ бы, мы быхомъ не поминали того коня. И ныне мы ся тобе молимъ, какъ то отдай Герлаху конь, а любо 10 изроевъ, что еси самъ первое давалъ на кони, — и ли того не даси ни коня, ни серебра, Герлахъ хочеть своего коня искати, како мога. — А се еще *6-ю обиду* повѣдываемъ про Ильбранта, что твои братъ торговалъ съ нимь на 30 изроевъ, 17 изроевъ заплатилъ, а 13 не заплатилъ. И ныне, княжо, мы ся тобе молимъ: отдаи Ильбранту товаръ своего брата, душе постерега. — И нынѣ *7-ю обиду* поведываемъ: какъ то было нашеи братии поехати изъ Витобеска у Смоленекъ, тогды Литва изъимали ихъ на пути у твоемь городѣ, княже, вязали ихъ и мучали и товаръ отимали въ нихъ, а утвоеи волости ся то дѣяло; товара взяли ту на 70 гривенъ серебра корного и на 3 серебра. Княжо, тобе было тое обиды постеречи, аже бы ся то дѣяло при твоемь отчи Констянтине, тая бы обида ни колиже была нашеи братьи, какъ ся тогды удѣяло. И нынѣ, княжо, мы ся тобе молимъ, какъ то темъ людемъ отплати тыи товаръ, которымъ то дѣялося у твое волости и у твоемь городѣ. И ныне, княжо, пришолъ предъ насъ Шахматъ жо Фредрикъ и то намъ поведала ее жялобою, какъ то еси торговалъ съ нима и не заплатилъ. Княже, то было тобе достоино, у кого купишь, тому заплати, то они бышь на тя не жяловали. — И нынѣ *8-ю обиду* поведываемъ про весы, какъ то слышимъ отъ своие брати, ажо ты, княжо, лишнее емлешь, какъ то есме не чювали ни изъ отчины, ни отъ дѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ. И нынѣ мы ся вамъ молимъ всемъ сердчемъ, княжо, какъ то есть миръ доконцанъ и крестъ челованъ на старыи миръ, тако и ныне, княжо, отложи лишнее и всяку неправду, ать стоитъ старыи миръ твердо, како доконцано. — И ныне, княжо, то буди тобе ведомо, аже не отложить лишнего дѣла и всякое неправды, — мы хочемъ Богу жаловатися и темъ, кто правду любить, а неправду ненавидить. Мы свое обиды неположимъ, а боле не можемъ терпети.

(*Изв. Акад. Н. X, 633—636*).

249. Грамота новгородс. архіеп. Ѳеоктиста къ Рижанамъ послѣ 1300.

Благословение отъ владыкы Феклиста и отъ посадника, и отъ тысяцьскаго, и отъ всего Новагорода, и отъ всѣхъ купьць, къ попу к Рижьскому, и Гърлаку, и к Ламбрату и къ всѣмъ ратманомъ, и къ всѣмъ Рижаномъ. Что избили братию нашю у васъ и товаръ поимали, за то вамъ Богъ помози, яже есте розбоиниковъ изыскали по хрьстьянскому челованию; правду держите, братеи нашеи товаръ даите и разбоиникы, атъ не будеть промежи насъ рѣци; а кто привезлъ грамоту сию, тому вѣры имите.

(*Изв. Акад. X, 637*).

250. Грамота в. к. Андрея Александр., данная въ Новгородѣ Ганзейскому союзу 1301.

Отъ в. к. Андрея, отъ посадника Смена, отъ тысячкого Машка, отъ всего Новагорода. Се приеха Иванъ Бѣлый из Любка, Адамъ съ Гочкого берега, Инчя

Олчять изъ Ригы (1) отъ своей братии отъ всѣхъ купѣчь своихъ Латиньского языка. И дахомъ имъ 3 пути горнии по своей волости, а четвертый в рѣнкахъ гости ехати безъ пакости на божии ручѣ и на княжи и на всего Новгорода. Оже будеть не чистъ путь в рѣчкахъ, князь велитъ своимъ мужемъ проводити сии гость, а вѣсть имъ пѣдати.

(*Доп. къ А. Истор.* I, № 8).

См. также Вѣстн. Европы 1814 г. №№ 23 и 24; 1812 г. №№ 3 и 15. Грам. касающ. сношеній Руси съ ганзейс. гор. № IX.

251. Договорная Новгорода съ в. к. Михаилом Ярославичемъ до 1307 г.

Благословение отъ владыкы, поклонъ отъ посадника Гюргя, и отъ тысячкого, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ мьншихъ, и отъ всего Новагорода, господину князю Михаилу. На семь, княже, цѣлуй хрѣстъ къ всему Новугороду, на чемъ цѣловали дѣди и отець твой Ярославъ. Новгородъ ти держати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостий новгородьскыхъ, тѣхъ волостий, княже, не держати ти своими мужи, дьржати мужи новгородьскими, а даръ, княже, тобѣ емати отъ всѣхъ волостий. А бесъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостий раздавати, ни грамотъ даяти; а безъ вины мужа волости не лишити ти. А что ти, княже, пошло на Тържьку и на Волоцѣ, тивунъ свой дьржати на своей насти; а Новгородца на своей части. А въ Бѣжичахъ тобѣ, княже, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости новгородьской. А се, княже, волости новгородскыя: Волокъ, съ всѣми волостьми, Тържькъ, Бѣжицѣ, городьць Палиць, Мелеча, Шипино, Егна, Заволочие, Тырѣ, Пьрмь, Печери, Югра, Волъгда. А свинье бити за 60 верстъ отъ города. А въ Русути, княже, ездити на 3-юю зиму; а лѣтѣ ездити на Озвадъ звѣри гонитъ. А въ Ладогу ти, княже, слати осетрьника и медовара, по грамотѣ дѣда твоего Ярослава; а ездити тобѣ, княже, въ Ладогу на 3-иее лѣто. А изъ Бѣжицъ, княже, людий не выводити въ свою волость, ни изъ иной волости новгородьской; ни граматъ имъ даяти, ни закладниковъ принимати, ни твоей княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ, ни смѣрда, ни купцины; а грамотъ ти не посужати. А пожнѣ что твое и твоихъ мужь пошло, то твое и твоихъ мужь; а новгородьское Новугороду. А дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ емати отъ князя по 5 кунъ, а отъ тиуна по 2 кунѣ. А что, княже, мытъ то Суждальской земли и въ твоей волости, отъ воза имати по 2 вѣкщѣ, и отъ лодье, и отъ хмелна короба, и отъ льняна. А дворяномъ твоимъ у купьць повозовъ не емати, развѣ ратной вѣсти; а свободъ ти ни мытъ на новгородьской волости не ставити. А холопъ или раба почнеть вадить на господу, тому ти вѣры не яти. А на Низу тобѣ, княже, Новгородца не судити, ни волостий раздавати; а кто почнеть вадити къ тобѣ, тому ти вѣры не яти. А въ нѣмѣчкомъ дворѣ тобѣ, княже, търговати нашею братьею, а двора не затварять, а приставовъ не приставляти. А гости нашему гостити по Суждальской земли безъ рубежа, по царевѣ (*ханской*) грамотѣ. А судье слати тобѣ свое на Петровъ день, тако пошло. А вывода ти, княже, межо Суждальскою землею и Новгородьскою не чини-

(1) T. e. Iohannes Albus de Lubeke, Adam de Gotlandia, Hinricus Holste или Hinze Holtzatus de Riga.

ти. А что закладниковъ въ Тържьку или инде, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими, кто купець, поидеть въ свое сто, а смѣрдъ поидеть въ свой погостъ: тако пошло въ Новѣгородѣ; отпусти ихъ прочь. А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Новгородца; а тобѣ серебро емати. А гнѣва ти, княже, до Новгорода не дьржати, ни до одиного человѣка. А ряду въ новгородьской волости тобѣ, княже, и твоимъ судиямъ не посужати, а самосуда не замышляти; а старостѣ ни холопы, ни робы, безъ господаря твоимъ судиямъ не судити. А за рубежъ изъ новгородьской волости твоимъ дворяномъ суда не водити и ни судити; а свободъ ти и сель съступитися. А про землю и про села, кто у кого будеть купилъ, знаеть своего истьца про куны; а земля къ св. Софии.

(*Собр. грам. I, № 9*).

(*Къ этой грамотѣ привѣшена печать свинцовая.*

См. также *№* 4, 8 и 10.

Обратить вниманіе на вкладныя права новгородскихъ князей).

252. Торговый договоръ между Полоцкимъ и Ригою ок. 1330.

Тако хочемъ мы горожане съ мештеремъ (*магистромъ ордена*): переже, како вѣсити воскъ на скалвахъ, а вамъ чинити такожь, въ тяжелѣй нашего полупуда тотъ товаръ, который вѣсити на скалвахъ, а языкъ пускати на товаръ; а коли товаръ на стану станеть, отступи прочь, а рукою не приймай; а вѣсцѣви крестъ цѣловати, какъ ему право вѣсити, какий ни товаръ будеть. А Немцѣмъ дати вѣсчего отъ берковьска заушня отъ воску, отъ мѣди, отъ олова; а соль вѣсити упудный рѣмѣнь, у берковьска узяти ему долгая, отъ рубля дати ему долгая. А въ Ризѣ рускому купцѣви отъ вѣса дати ему отъ бѣрковьска полъуоря, отъ воску, отъ мѣди, отъ олова, отъ хмѣлю; а соль вѣсити пудным рѣмѣнемъ, отъ бѣрковьска дати ему отъ вѣса любѣцьский и отъ гривны серебра любецьский. А вѣсти чистый воскъ безъ подъсады (*безъ примѣси*), безъ смолы, безъ сала, какъ вѣрхъ, тако исподъ. А же привѣзеть нечистый товаръ, а не любъ будеть, поехати ему назадъ со своимъ товаромъ, а свой князь тамо казнить (*накажетъ*) его. Аже найдуть у Немѣць нечистый товаръ у (*въ*) Рускои земли, пойти ему назадъ съ товаромъ у Ригу, тамо его свой князь судить.

(*Грам., касающ. сношен. съ ганз. гор. № 7*).

См. также договорныя грамоты въ отдѣлѣ юридическомъ.

253. Грамота Двинянамъ до 1340.

Отъ в. князя отъ Ивана, отъ посадника Данила, отъ тысяцкаго Аврама и отъ Новагорода къ двинскому посаднику на Колмогоры, и къ бояромъ двиньскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходитъ на море въ двадцати человѣкъ: а вы, бояре двинскіе, не вступайтеся въ гнѣздные потъки, ни въ мѣста; а погость Кегролскій Волокъ вѣдаетъ Михайло по поклинѣ, какъ то было при моихъ дядяхъ и при моемъ братѣ при старѣйшемъ; а Микифору непадобѣ

вступатись нивочтожъ, атъ ходитъ Микифоръ въ Михайловѣ ватазѣ.

(*А. Арх. эксп. I, № 2*).

254. Жалованная грамота в. кн. Іоанна Даниловича 1328—1340.

Се язъ князь в. Иванъ Даниловичь всея Руси, пожаловалъ есмь соколниковъ печерскихъ, кто ходить на Печеру, Жилу съ други, а се ихъ имена: Жила, Олюша, Василко, Степанъ, Карпъ, Ѳедецъ, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрокъ, Власій, Микитица Ивановъ сынъ, Семенецъ, Кондратъ, Чешко, Семенецъ, Григорь, Степанецъ, Савица: ненадобѣ имъ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути; и что у нихъ третника и наймиты, кто стражетъ на готовыхъ конѣхъ, а въ кунахъ, и тѣмъ ненадобѣ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути, ни биричь имъ не поторгывать, ненадобѣ ни кормъ ни подвода; кто ли, черезъ мою грамоту, что у нихъ возметъ, и язъ князь в. кажню, занеже ми люди тѣ надобны. А приказалъ есми ихъ блюсти Меркурью: и ты, Меркурей, по моей грамотѣ, блюди ихъ, а въ обиду ихъ не выдавай никому.

(*Акты Арх. Эксп. I, № 3*).

255. Грамота Кестутія и Любарта Торунскимъ гражданамъ послѣ 1341.

Отъ князя отъ Кестутя и отъ князя отъ Либорта у Торунь к мѣстычемъ, што есте просили насъ, а быхомъ васъ пустили до Лучька търговатъ через Берестие, абы вамъ не закажали. Мы хочемъ ради то учинити вамъ, не блюдитеся ничего, поидите. А коли которыи торговецъ поидеть торговатъ ис Торуня через Берестие до Лучьска, без печали будте; а кто поидеть съ сею грамотою через Дорогычинъ чесъ Мелникъ и через Берестие до Лучьска торговатъ ис Торуня, язъ князь Кестути не велю ихъ заимати.

(*Изв. Акад. Н. X. в. 7*).

256. Грамота ярославс. князя Василія Давыдовича Чернаго Спасскому монас. до 1345.

Се язъ князь Василій Давидовичь докончалъ есмь съ архимандритомъ съ Пиминомъ про домъ св. Спаса по дѣда своего грамотѣ пожаловалъ есмь, что людей у св. Спаса въ городѣ и въ селѣхъ уреклъ имь есмь на годъ 2 рубля давати, а ненадобѣ имъ ни которая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни восмничее, ни бобровое (1), ни станy ни чинятъ въ селѣхъ спасскихъ ни дворскаго не емлютъ, ни становщикъ не въѣздитъ ни очемъже, ни бѣгоули мой не имаютъ людей спасскихъ въ сторожу, ни въ корму; а суди мои вси намѣстници и тіуніи не шлютъ дворянъ своихъ по люди св. Спаса, но шлютъ къ игумену и игуменъ шлетъ по нихъ своихъ людей. А что будетъ судъ спасскимъ людемъ съ моими людьми, пріѣхавъ моему судьи въ монастырь судити ему въ

(1) *Тамга* (по татарс.—родовой знакъ)—пошлина, которая собиралась съ цѣны продаваемаго товара и введена Татарами; обыкновенно брали съ рубля по алтыну. *Восмничее*—пошлина, собираемая тоже при сбытѣ товаровъ. См. Ист. Рос. С. Соловьева, III, пр. 85, IV, стр. 184.

правдѣ по цѣлованію. А вина (*штрафъ*) посулъ и пересудъ на полы, (*пополамъ*), до моего ли дойдетъ, до спасского ли. А что учинится между спасскими людьми бои или татьба или душегубство, или самосудъ (1) то все судитъ игуменъ и вину емлетъ въ домъ Спаса; а нашимъ судьямъ ненадобѣ, ни дворяномъ. А кого перезоветъ игуменъ изъ иныя волости, то люди св. Спаса, а мнѣ ся въ нихъ не вступати, а кто будетъ людей моихъ св. Спаса въ половницы (2), а тѣ потягнутъ ко мнѣ данью и виною, до кого что дойдетъ; а игумену ся не вступати. А что торгованіе на домъ св. Спаса крылошаномъ и чернцемъ тамга, не возмничее ненадобѣ. А перевозъ (3) и рѣки бобровые, а то по давной пошлинѣ. А дому св. Спаса блюстити, не пустити ми самому не обидѣти, и въ обиду не давати. А далъ есмь домъ св. Спаса на руцѣ отцу своему примыслитъ ли, умыслитъ ли. А чрезъ сю грамоту кто посягнетъ на домъ св. Спаса, и милости св. Спаса не буди на немъ.

Подлинная грамота писана на бумагѣ съ вислою печатью чернаго воску.

(*Ист. Рос. Іер. VI, 229—231*).

См. Ист. Г. Рос. IV. пр. 328.

257. Закладная Двинянина 1349.

Се заложи Уласей Степановичь св. Николи въ Чюхченему, и игумну Василью, и старости Юрью, и всимъ чернцамъ никольскимъ, полсела на Косткови гори, въ десяти рублѣхъ да въ трехъ сорокѣхъ бѣлки, на 5 лѣтъ; и старую грамоту той земли Уласей выдалъ св. Николи; а изойде та 5 лѣтъ, ино дати Уласью 10 рубловъ да 3 сорока бѣлки своихъ кунъ св. Николи, ино земля его ему; а у людей Уласью кунъ не имати на тую землю, ино та земля св. Николи и въ вѣки въ тихъ кунахъ; а болши того Уласью кунъ не пріимати на той земли у св. Николи; а очисцивати та земля Уласью; а игумену и черенцамъ по Степанѣ паметь творити нивомъ по сили. А на то послухи: Михайла Олфромѣевичь, Кузма Тимоѳеевичь, Иванъ Семеновичь, Яковъ Селютинъ, Игнатей Матѳеевичь, Юрьи дьякъ св. Николи, въ лѣта 6857-е тое зимы, коли Корѣла за моромъ Двинянъ грабили. А въ печати стоялъ Уласей Степановичь.

(*А. Юридич. № 234*).

258. Духовная игумена Чюхченемскаго Василія ок. 1350.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божіи игуменъ Василей далъ есмь въ домъ св. Николи въ Чюхченему Урановскую землю, чимъ есмь володѣлъ, дворъ и дворищо, орамую (*пахатную*) землю: на гори Круглици 3 участки, подли улицю полоса земли Кузнечовьская, возлѣ кривую полосу полоса земли Урановьская, и гумнище Урановьское; на Шипичини полоса земли, промежу Никольскими землями, Ларивонсковьская; за рѣкою, на Носу на Великомъ острови, полоса земли Гаврилковьская и Кузнечовьская Игнатова; у Ѳомини наволоки гоны (4) зе-

(1) Собственная расправа или сдѣлка, помимо законной власти.

(2) *Половниками* назывались крестьяне, обработывающіе землю изъ половины прибыли.

(3) *Перевозъ*—пошлина, собираемая съ приставаемыхъ къ берегу судовъ съ товаромъ,

(4) *Наволокомъ* называется мысъ или полуостровъ, поросшій густыми кустарниками и богатый озерами. *Гоны*—загонъ, участокъ.

мли, урѣчѣще (*урочище*) Сокѣрка, двои гоны земли Урановьской, путъ посередки, за овиномъ гоны земли, а овинъ стоитъ и гумнищо, а то Николи же, гоны земли подъ Ивкою; а иная земля къ Кутцю идучи, и Кутець, и притеребы (1), на рѣпищи, гоны земли и притеребъ, и вобчихи (*общихъ съ другими*) треть, и у дву мѣстѣ къ переложки (2) съ Калитиною надвю (*по поламъ*) въ межахъ. А ти земли Урановьскіи и Игнатовьскіи далъ есмъ св. Миколи въ домъ и въ вѣкъ, по отца своего души и по своей. А благословляю игумена, кто буде игуменомъ у св. Николы, и старцовъ черенцовъ свою братью: по мнѣ пометь дѣйте по сили. А на то Богъ послухъ и отець мой духовный, игуменъ Григорей св. Богородици. А кто се мое слово переступитъ, сужусе съ нимъ предъ Богомъ.

(*А. Юрид. № 409, V*).

259. Новгородскія купчія XIV—XV в.

1. Се купи Павле Трufановичь, у Григорья у Ивановича, землю, полъполча Высокого, съ березы на камень да до ручея, Юромъльской земличи, Миньичкарда, да Мечькиску, дарѣпища коньць, Дурѣновеской земли крайной наволокъ, отъ ручея на иву, съ иви на березовой пень, по болоту, да на врагъ, по врагу къ (о)зеру. А даша на той земли 3 сороки бѣлъ и 10 бѣлъ; а купи себѣ и своимъ дѣтемъ одерьнь (*навсегда*) и съ притеребы, а куря пополънка. А на то послухы: Тимофей Ѳедоровъ, Іо. Матѳеевъ, Ѳеимей Поповичь. На заводѣ (*разводъ*) былъ Ермола Тимоѳеевъ; а у печати стоялъ Григорьи Іоновъ.

(*А. Юрид. № 71, XX*).

2. Се купи Тирунъ у Нестера у Павдова сына пожню, на Нальѣ строви, на Батьюрмоли, въ Угли, подлѣ Лыву; а межа до Степановской пожни, а другая до Карпа попа пожни межа, а третья межа до Нестерови пожни Острюкова, прямо на Шипицю, а Шипици на черьниховъ и кустъ къ лѣсу. А да на той пожни 5 сѣроковъ бѣлъ безъ 5 бѣлъ, а куря пополънка; а купи одерьнь себѣ и своимъ дѣтемъ. А буде Тируну не до земли, ино мимо земца (1) не предати. А на то послухы: Ѳедосъ Исаковъ, Власьи Ондроновъ, Дементьи деякъ св. Богоявленья.

(*А. Юрид. № 71, XXIII*).

3. Послѣ 1389 г. Се купили игуменъ Лука св. Михайла, и староста, и вся братья, землю по Левковѣ курьѣ, у Гаврилка у Носова, по отца своего купли, усть курьи островъ да наволокъ, а то сверхъ по кунамъ. А дали на той половинѣ седа 7 рублевъ, а по сту бѣлки за рубль; а опричъ того 70 бѣлки на хлѣбѣ, а куница съ шерстью пополонка за овцу. А межа той земли по Верхней ручей, по поскотину общую (*выгонъ для скота*) да дворище (*усадьбу*) посторожь улицы. А на то послухъ Ильюхъ Нелединъ, Антина, Иванъ Мининъ.

(*А. Юрид. № 71, XXVII*)

---

(1) *Притеребы*—земли, расчищенныя отъ лѣса.
(2) *Переложки*, перелогъ—перепаханная земля.

(1) Туземца, тамошняго жителя, принадлежащаго къ обществу.

260. Жалованная кашинскаго в. кн. Василія Михайловича и удѣльныхъ тверскихъ князей, людямъ тверскаго Отроча монас. до 1365.

Се милостыня Князя в. Васильева Михаиловича и его братаничевъ, княжа Всеволожа, кн. Михаилова, Володимерова, Андреева Олександровичевъ, Еремеева, Семенова Костянтиновичевъ, Михаилова Васильевича церкви св. Богородици Отрочью монастырю. Во имя св. Троицы, Отца и Сына и св. Духа, се ми рабы св. Троица, кн. в. Василей Михаиловичъ и его братаничи, князья Всеволодъ, Михаило, Володимеръ, Андрей Олександровичи, Еремѣй, Семенъ Костянтиновичи, Михайло Васильевичъ, по отца моего и нашего дѣда кн. в. Михаиловымъ грамотамъ, Бога дѣля и своего дѣля спасенья, пожаловали есмы отца своего архимандрита, кто ни будетъ у св. Богородици, дали есмы его милостыню церкви св. Богородици Отрочью монастырю, на память преставльшимся отъ сего житья роду нашему, а намъ пребывающимъ въ житьи семъ за въздоровіе. Архимандриту св. Богородици и игуменомъ тѣхъ монастыревъ, что тягнуть къ св. Богородици Отрочью монастырю, Въскресенье за Волгою, Богородица на Бору, Спасъ во Зьзехъ, Воскресенье и Богородица на Шешѣ, Богородица на Гостомлѣ, и попомъ и дьякономъ, и дьякомъ, и конархистомъ, и черньцемъ, и сторожникомъ, и всему церковному и сполненью, и слугамъ монастырьскимъ, и ключникомъ и волнымъ людемъ, ненадобѣ имъ ни которая дань, ни ямъ, ни подвода; ни тамга, ни осмьничее, ни иныи которыи пошлины къ городу, ни къ волостемъ. Такоже и сиротамъ, кто имѣетъ сѣдѣти на земли св. Богородици Отрочья монастыря и тѣхъ монастыревъ, въ нашей отчинѣ, въ Тфѣрьскихъ волостехъ и въ Кашиньскихъ, по одиному слову со отци своими съ владыкою Ѳедоромъ и съ владыкою Васильемъ, пожаловали есмы тѣхъ сиротъ, ненадобѣ имъ никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни сторожевое, ни писчее, ни кормъ, ни медовое, ни иныи которыи пошлины къ городу, ни къ волости, ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскіи ни старосты атъ ихъ не займаютъ ни прочто. Такоже и намѣстници наши и волостели атъ не въѣздять и не судятъ тѣхъ людій и не всылаютъ къ нимъ нипочто; и данници наши, и ямьщици, и письци, и пошлиньники, кто нибуди, атъ не въѣздять, ни всылають къ монастырскимъ людемъ нипочто. Про все тѣ люди знають архимандрита службою и подможеньемъ дому церковному св. Богородици. А архимандриту монастырьскимъ хлѣбомъ кормити клирошанъ и черньцевъ, а преставльшихъся архимандритовъ память ихъ правити. А къ тому кого еще людій перезоветъ архимандритъ изъ зарубежья (*другой области*) въ отчину нашю, на землю св. Богородици, или кого въ городѣ посадитъ во Тфѣри и Кашинѣ, а тѣмь по тому же не емлютъ на нихъ ничегоже. А что ся учинетъ, или розбой, или душегубьство, или татба, который судъ ино будутъ межи монастырьскихъ людій, судитъ ихъ и дворянъ дасть монастырьскіи тивунъ одинъ; а нашимъ судьямъ ненадобѣ ничто, а смѣшаються судить монастырьскіи люди съ волостными людьми, судить монастырьскіи тивунъ съ посельскимъ вмѣстѣ съ нашими судьями, а прибытокъ имъ на полы, а дворянъ дасть тотъ, на чьемъ ищють и судъ тутo же, а на правду ѣздять обои. А хотя коли повелимъ имати на тѣхъ, у кого будуть грамоты наши жаловалныи, на монастырскихъ людехъ ни тогды ни кто не емли ничего, по сей нашей грамотѣ.

(*А. Арх. Эксп.* I, *№* 5).

Обратить вниманіе на разные сборы и повинности крестьянъ.

261. Жалованная в. кн. Димитрія Ив. Новоторжцу Евсевку до 1374.

Се язъ князь в. Дмитрій Ивановичь полажовалъ есмь Евсѣвка Новоторжца, что идеть изъ Торжку въ мою вотчину на Кострому: не надобѣ ему ни которая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни вѣсчее, ни мытъ, ни костки, ни побережное, ни гостиное, никоторая пошлина, а даеть мнѣ оброка на годъ 5 кунищъ; а приказалъ есмь его блюсти дядѣ своему Василью тысяцькому; а чрезъ сю грамоту кто что на немъ возметъ, быти ему въ казни.

(*Доп. къ А. Ист. I, № 8*).

262. Духовная Остафья послѣ 1386.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божій Остафей списахъ рукописанье при своемъ животѣ. А приказываю животъ свой госпожѣ своей матери Онтоньи и сынови своему Ѳедору, отцыну свою и дѣдину, землю и воду, по отца своего рукописанью и по володѣнью. А что отцына моя и дѣдина на Волоти, земля, и вода, и пожни, и лѣсы, въ Ходыни, и въ Дроздинѣ, и въ Селской Лукѣ, по володѣнью отца моего, и дяди моего, и по нашему володѣнью, мнѣ съ братомъ своимъ съ Григорьемъ на полъ; а моя половина сыну моему чиста. А что отцына моя и дѣдина моя, земля и вода за Волокомъ, въ Шенкурьѣ, а въ той землѣ мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина, и въ лѣсѣ, и въ озерахъ, и въ рѣчкахъ, и въ ловищахъ, по володѣнью отца моего и дяди моего: что прикуплѣ отца моего, а то сыну моему цыста, по купнымъ грамотамъ и по володѣнью отца моего; а съ братомъ моимъ съ Григорьемъ моя половина сына моему цыста, по роздѣлной грамотѣ; а Ѳедору посаднику и его братаномъ другая половина. А что отцына наша на Кокшенскомъ погостѣ, земля и вода и лѣсъ, а въ томъ мнѣ съ своимъ братомъ съ Григорьемъ и съ дядею съ Семеномъ половина; а посаднику Ѳедору и его братаномъ другая половина; а въ нашей половинѣ Кокшенскаго погоста Семену половина, а мнѣ и брату моему Григорью другая половина; а въ нашей половинѣ съ Григорьемъ мнѣ двѣ части, а брату моему Григорью треть. А что отцына моя и дѣдина моя въ Ясеничахъ и въ Лопичахъ земля, а въ томъ мнѣ половина съ братомъ съ Григорьемъ; а дядѣ Семену половина. А что земля и вода въ Летмѣ, а въ томъ мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина; а дядѣ Семену половина; а старая грамота Ясеничьской земли у Семена. А что купля отца моего Онаньина и Семенова въ Ясеничахъ земля, а то мнѣ съ дядею Семеномъ, по купнымъ грамотамъ, и по серебру и по отца моего рукописанью, а купныя грамоты той землѣ у Семена вси, а невиноваты Семену ничимъ же. А что есмы утагали съ дядею своимъ съ Семеномъ Онисима земля въ той Ясеничьской землѣ, а та грамота утягалная у Семена. А что въ Шенкурьѣ вода и земля Яропуйская недѣлна, и въ той мнѣ половина, а брату моему Григорью половина. А что земля, наша отцына, на Снѣ и въ Рокитнѣ, мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина, а Семену половина. А что бабѣ нашей Ѳедосьи купля въ Подберезь и Киселево село, а то ми съ братомъ съ Григорьемъ наполъ, а Семену ту ненадоби. И дворъ мой горочкій, а то ми съ братомъ съ Григорьемъ наполъ. А что лавка наша на хопылскомъ ряду и голбецъ во св. Михайлѣ, а въ томъ мнѣ съ Григорьемъ половина, а Семену половина. А пожня на Быстрой, а въ томъ мѣстѣ съ братомъ съ Григорьемъ поло-

вина; а Семену другая половина. А въ Машковѣ болотѣ, въ пожняхъ, и въ колу и въ маломъ колцу, мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ 8-я часть. А что Новгородъ пожаловалъ отца моего и меня и далъ грамоту на Волжане, и въ томъ у отца моего у мене купилъ Александръ посадникъ 4-ю часть, а далъ на ней 20 рублевъ и 100; и послалъ Александръ въ свое мѣсто, на свою часть, Тимоѳея Прокопьина, и Тимоѳей ималъ Александрову часть, въ Александрово мѣсто, а чи будетъ вписалъ Александръ въ свое рукописанье на отцѣ на моемъ и на мнѣ ту 20 рублевъ и 100, а тымъ отецъ мой, ни азъ, не виноватъ Александру, ни инымъ ничимъ же, по отца моего рукописанью и по моему рукописанью. И была отцу моему говорка съ Александромъ предъ владыкою Олексѣемъ, о томъ серебрѣ, и отмолылся Александра отецъ мой, а взяти ми гдѣ что, по жеребьямъ и по грамотамъ, а то все мое чисто возметъ сынъ мой Ѳедоръ у Матѳеевыхъ, у Болсина у Семена и у Гордѣя 5 рублевъ, за Мароу за Охромѣеву тещу, у Голузѣ у Чемеркова и у его дѣтей 5 р., у Филипа Якомпнова 3 р.; а грамота въ закладѣ; у Оксентейка въ Ясеничахъ полчетверта рубля ($3^1/_2$), у Пышкова сына у Степанова 3 р., у Захара съ братомъ у Олферовыхъ дѣтей 6 р. и портище овцынъ, у Устинца полтина, у Демидца полтина, у Кондратка съ братьею у Терентьевыхъ дѣтей 3 четверти, у того жъ Кондратка полтина, опришъ (*кромѣ*) братьи, у Семенца у Максимцова пасынка полтина, а Максимке въ порукѣ. А что моей челяди дерноватой (*крѣпостныхъ людей*), что досталося отцу моему у дяди у Бориса въ отдѣлѣ, Степанко Гаврилцовъ съ женою и съ дѣтьми, зять его Яковке съ братомъ, съ женою и съ дѣтми, Иванко Долгой съ сыны, а жена его и дчери свободны, Олекса съ женою и съ дѣтми, Карпъ съ женою и съ дѣтми, Свохъ съ сыномъ и съ снохою, а жена его и дцери свободны, Озарка и Демидецъ съ женою и съ дѣтми, Денесья съ женою, Данилка съ женою и съ дѣтми, Ермакъ съ сыны, а жена и дцери свободны, Обросимецъ съ сыны, а жена и дцери свободны, Павлечъ братъ его съ сыны, а жена и дцери свободны, Якимецъ Сушко съ сыны, а жена и дцери свободны, и сестра Якимцева съ дѣтми, Савица съ женою и съ дѣтми, Савостьянецъ Мишуковъ и сестра его Киликѣя и дцери, Данилецъ Петеримовъ, мои; а Мину съ женою и съ дѣтми мать моя и азъ отпустили есми на свободь, и Оленицу съ матерью и съ сестрою. А жена моя оже всѣдитъ въ животѣ моемъ, ино осподарыня животу моему, или поидетъ замужъ ино ей надѣлка 10 р.; а что принесла порты и круту и челядь, а то ей и есть. А будетъ у моей жены сынъ, ино моимъ дѣтемъ животъ мой и села мои и челядь моя наполъ; или будетъ дчи, ино выдастъ ю братъ Ѳедоръ по силѣ; а доколѣ сынъ мой Ѳедоръ подростетъ, а дотолѣ ѣздитъ по моимъ селамъ братъ мой Григорей, въ мое мѣсто, и людми моими володѣетъ: а хлѣбъ и куны, и даръ, а то идетъ матери моей и сыну моему Ѳедору. Или Богъ умыслитъ о дѣтѣхъ моихъ, ино брату Григорью половина въ животѣ моемъ, въ землѣ и въ водѣ; а другую половину въ живота моего, въ землѣ и въ водѣ, ты братъ Григорей испродай да впиша во вседневніи службы отца моего и матерь мою и мене, а остаткомъ и ты по насъ помяни; а челядь мою дерноватую, а то всю братъ мой Григорей отпусти на свободу. А въ приказъ приказываю господину посаднику Ѳедору Тимоѳеевичу, господину посаднику Олексѣю Юрью Дмитреевичу, и господину Олексѣю, и шурьи своей Ивану и Василью, и дядѣ своему Юрью Ѳедорову, и брату своему Ермолѣ Микифорову: а Бога для,

господодо, постерегите матери моей и дѣтокъ моихъ, цы кто иметь обидити; а невиноватъ есми никому ничѣмъ, развіе Богу душею.—А на то Богъ послухъ и отецъ мой духовной попъ Амосъ св. Михаила. А писалъ рукописанье діякъ Еремѣй св. Михаила. А кто сіе рукописаніе преступитъ, судится со мною предъ Богомъ въ день страшнаго суда.

(*Акты Юридичес. № 409*).

263. Грамота в. кн. Димитрія Ив. Андрею Фрязину (1) 1363—1389.

Се язъ кн. в. Дмитрей Ивановичъ пожаловалъ есмь Андрея Фрязина Печорою, какъ было за его дядею за Матеемъ за Фрязиномъ; а въ Перми емлетъ подводы, такъ было и доселѣ: а вы, Печеряне, слушайте его и чтите, а онъ васъ блюдетъ, а ходитъ по пошлинѣ, какъ было при моемъ дѣдѣ при кн. в. при Иванѣ, и при моемъ дядѣ при кн. в. при Семенѣ, и при моемъ отци при кн. в. при Иванѣ, такъ и при мнѣ.

(*А. Эксп. I, № 6*).

264. Духовная в. кн. Димитрія Ив. 1389.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ божій Дмитрій Ивановичъ пишю грамоту душевную цѣлымъ своимъ умомъ. Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ; приказываю дѣти свои своей княгинѣ: а вы, дѣти мои, жывите за одинъ, а матери своее слушайте во всемъ. А приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ кн. Василью, Юрью, Аньдрѣю, Петру; а братъ мой кн. Володимеръ вѣдаетъ свою треть, чѣмъ его благословилъ отецъ его князь Аньдрѣй. А сына своего кн. Василья благословляю на стариший путь въ городѣ и въ стѣнахъ моего удѣла двою жеребьевъ половина; а тремъ сынамъ моимъ половина, и въ пошлинахъ въ городьскихъ половина. А тамга изъ двою моихъ жеребьевъ княгинѣ моей половина, а сыномъ моимъ половина; а восьминичее мои два жеребья княгинѣ моей. А на стариший путь сыну моему кн. Василью Васильцево сто и Добрятиньская борть съ селомъ съ Добрятиньскимъ; а бортъници въ станѣхъ въ городьскихъ, и конюший путь и соколничий, и ловчий, тѣмъ сыновѣ мои подѣлятся ровно. А численыхъ людий моихъ двою жеребьевъ сыномъ моимъ по частемъ, а блюдутъ съ одиного. А се даю сыну своему кн. Василью: Коломну со всѣми волостми и съ тамгою и съ мыты, и съ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами; а волости коломенскиѣ: Мещерка, Раменка, Пѣсочна, Брашева съ селцемъ съ Гвоздною и съ Иванемъ, Гжеля, деревни Лѣвичинъ, Скулневъ, Маковецъ, Каневъ, Кочема, Комаревъ съ берегомъ, Городна, Похряне, Устьмерьско. А изъ московъскихъ селъ даю сыну моему кн. Василью: Митинъ починокъ, Малаховъское, Костянтиновъское, Жирошкыны деревни, Островъское, Орининьское, Копотеньское, Хвостовъское, у города лугъ великий за рѣкою; а изъ юрьевъскихъ селъ даю сыну своему кн. Василью: своего прикупа Красное село съ Елезаровъскимъ, съ Проватовымъ, да с. Василевъское въ Ростовѣ. А се даю сыну своему кн. Юрью: Звенигородъ со всѣми волостми и съ тамгою и съ мыты, и съ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами; а волости звенигородскиѣ: Скирменово съ Бѣлми, Тростна, Нѣгуча, Суражыкъ, Замошъская слобода, Юрьева

(1) *Фряз*—Франки, Французы и Итальянцы.

слобода, Руза городокъ, Ростовци, Кремична, Фоминьское, Угожъ, Суходолъ съ Истею съ Истервою, Вышегородъ, Плѣснь, Дмитриева слободка. А изъ московъскихъ селъ даю сыну своему кн. Юрью: село Михалевъское, да Домантовъское, да лугъ Ходыньский; а изъ юрьевъскихъ селъ ему: прикупа моего с. Кузмыдемъяньское, да Краснаго села починокъ за Везкою придалъ есмъ къ Кузмыдемъяньскому, да с. Богородицьское въ Ростовѣ. А се даю сыну своему кн. Аньдрѣю: Можаескъ со всѣми волостми и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью и съ мыты, и зъ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ отъѣздными волостми; а волости можайскиѣ: Исмея, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, вышнее Глиньско, Пневичи съ Загорьемъ, Болонескъ, а Коржань да Мошлинъ холмъ придалъ есмъ къ Можайску; а се волости отъѣздныѣ; Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушовъ, да с. Репиньское, да Ивановъское Васильевича въ Грелмчахъ. А Колуга и Роща сыну же моему кн. Аньдрѣю; и что вытягалъ бояринъ мой Федоръ Аньдрѣевичь на обчемъ рѣтѣ Товъ и Медынь у Смолнянъ, а то сыну же моему кн. Аньдрѣю. А изъ московъскихъ селъ ему: Напрудьское село, да Луциньское на Яузѣ съ мелницею, Дѣуниньское, Хвостовъское въ Перемышлѣ, да лугъ Боровъский, а другий противу Воскресенья; а изъ юрьевъскихъ селъ ему Олексиньское село на Пѣкшѣ. А се даю сыну своему кн. Петру: Дмитровъ со всѣми волостми и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ тамгою, и съ мыты и зъ бортью, и се дмитровъскиѣ волости: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лутосна съ отъѣздьцемъ, Инобатъ. А изъ московъскихъ волостий кн. Петру: Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка княжа Иванова, Вари, Корзенево, Рогожъ, Загорье, Вохна, Селна, Гуслеця, Шерна городокъ; а изъ московъскихѣ селъ кн. Петру Новое село, Сулишинъ погостъ; а изъ юрьевъскихъ селъ ему прикупа моего село Богородицькое на Богонѣ. А се даю сыну своему кн. Ивану: Раменейце съ боръ̀тъники, и что къ нему потягло, да Звѣрковъское село съ Соховьскимъ починкомъ, что отошло ото князя отъ Володимера; а Сохна сыну же моему кн. Ивану; а въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой кн. Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ. А сѣ благословляю сына своего кн. Василья своею отчиною великимъ княженьемъ. А сына своего благословляю кн. Юрья, своего дѣда куплею, Галичемъ со всѣми волостми и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ тѣми селы, которыѣ тягли къ Костромѣ, Микульское и Борисовъское. А сына своего кн. Аньдрѣя благословляю куплею же дѣда своего, Бѣлымъ озеромъ со всѣми волостми, и Вольскимъ съ Шаготью, и Милолюбъский ѣзъ и съ слободками, что были дѣтий моихъ. А сына своего кн. Петра благословляю куплею же своего дѣда, Углечимъ полемъ, и что къ нему потягло, да Тошною и Сямою. А се даю своей княгинѣ; изъ великого княженья у сына у своего у кн. у Василья изъ Переяславля Юлку, а исъ Костромы Иледамъ съ Комелою; а у кн. у Юрья изъ Галича Соль; а у кн. у Онъдрѣя изъ Бѣла озера Вольское съ Шаготью, и Милолюбъский ѣзъ; а изъ володимерьскихъ селъ княгинѣ моей Онъдрѣевьское село, а исъ переяславъскихъ селъ Доброе село, и что къ нимъ потягло; а изъ удѣла сына своего княжа Василѣва Каневъ, Пѣсочну, а исъ селъ, Малиньское село, Лысцево; а исъ удѣла изъ Юрьева, Юрьева слобода, Суходолъ съ Истею съ Истервою, да села Онъдрѣевъское, да Каменьское; а изъ удѣла изъ Онъдрѣева Верея, да Числовъ, да село Луциньское на Яузѣ съ мелницею; а изъ удѣла исъ Петрови Ижво, да Сяма. А что есмь далъ своей княгинѣ исъ удѣла

княжа Васильева, и изъ Юрьева, изъ Оньдрѣева, изъ Петрова волости и села; а что Богъ розмыслитъ о моей княгинѣ, и тѣ волости и села во чьемъ удѣлѣ, то тому и есть. А се даю своей княгинѣ: свой примыслъ Скирмановьскую слободку съ Шешковымъ, Смоляныѣ съ Митяевъскимъ починкомъ и зъ бортью, съ вышегородскими бортьники, Кропивну зъ бортники съ кропивеньскими и съ исменьскими и зъ гордошевъскими и съ рудьскими, Желѣскова слободка зъ бортью съ Ивановымъ селомъ съ Хороброва, Исконьская слободка, Кузовъская слободка, и что княгини моее прикупъ, и что къ ней потянуло, то моей княгинѣ. А по которая мѣста слободъскиѣ волостели судили тѣ слободы при мнѣ, и княгини моее волостели судятъ по таже мѣста, како было при мнѣ. А что княгини моее купля Лохно, то ее и есть. А на Коломнѣ мой примыслъ Самойлецевъ починокъ зъ деревнями, Савельевъский починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевъское, а то княгини моей. А что ее село Рѣпеньское и прикупъ, то ее и есть. А изъ московъскихъ селъ даю своей княгинѣ: Семциньское село съ Ходыньскою мелницею, да Остафьевъское село, да Илмовъское; а изъ юрьевъскихъ селъ даю ей куплю свою Петровъское село, да Фроловъское, да Елохъ; а Холхолъ и Заячковъ, то моей княгинѣ. А что ми дала княгини Федосья Суду на Бѣлѣ озерѣ, да Колашну и слободку, и что благословила княгиню мою Городкомъ да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ княгини Федосья до своего жывота; а по ее жывотѣ, то княгинѣ моей. А тѣми своими примыслы всѣми благословляю княгиню свою, а въ тѣхъ примыслѣхъ волна моя княгини, сыну ли которому дастъ, по души ли дастъ; а дѣти мои въ то не въступаютъся. А которыѣ деревни отоималъ былъ кн. Володимеръ отъ Лытъкиньского села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потянутъ къ Лытъкиньскому селу моее княгини.

А по грѣхомъ которого сына моего Богъ отъиметъ, и княгини моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ; которому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъ. А дастъ ми Богъ сына, и княгини моя подѣлитъ его, возмя по части у болшиѣ его братьи. А у которого сына моего убудетъ отчины, чѣмъ есмъ его благословилъ, и княгини моя подѣлитъ сыновъ моихъ изъ ихъ удѣловъ; а вы, дѣти мои, матери слушайте. А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего кн. Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя княгини: а вы, дѣти мои, слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть. А коли дѣтемъ моимъ взяти дань на своей вотчинѣ, чѣмъ есмъ ихъ благословилъ, и сынъ мой кн. Василей возметъ съ своего удѣла съ Коломны и съ коломеньскихъ волостий 300 рублевъ и 40 и 2 рубли, и княгиня моя дастъ ему въ то серебро съ Пѣсочны 8 р. безъ 3-хъ, а съ Канева 25 и 2 р., и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Юрьевы слободы 50 р. съ Смоляныхъ 9 р., а съ Скирменовъскиѣ слободы 9 р. А кн. Оньдрѣй возметъ съ Можайска и со всихъ волостий можайскихъ 100 р. и 70 р. бесъ 3-хъ, а съ отьѣздныхъ мѣстъ 70 р. безъ дву, и княгини моя дастъ ему въ то серебро 25 р. и полътретья ($2\frac{1}{2}$) р. съ Вереи, а съ Числова полъосма ($7\frac{1}{2}$) р., а съ Заячкова 20 р. и 2, съ Холъхла 10 р., съ Желѣсковы 9 р., съ Исконьскиѣ слободки полъсема ($6\frac{1}{2}$) р., съ Кропивны полъсема р. А кн. Петръ возметъ съ своего удѣла 100 р. и 14, и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Ижва 30 р. А кн. Иванъ дастъ кн. Василью съ Сохны 5 р., а съ Раменейця дастъ кн. Петру 5 р., а то

возмутъ въ тысячю рублевъ; а будетъ болѣе или менши, ино по тому розочту.

А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть. А что есмъ подавалъ своей княгинѣ волости и села изъ удѣловъ дѣтий своихъ, и свой примыслъ и слободы и села, и Холхолъ и Заячковъ, а съ тѣхъ волостий, и съ слободъ и съ селъ, что возметъ княгини моя, тоей и есть; и дѣти мои въ то не въступаются. А исъ тѣхъ волостий и слободъ и селъ, что есмъ вымалъ у дѣтий своихъ изъ удѣловъ, а подавалъ княгинѣ своей, а кому будетъ жалоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ людемъ учинитъ исправу княгини моя; а дѣти мои въ то не въступаются. А что есмъ далъ сыну своему кн. Аньдрѣю Заберегу, за то дѣти мои вси даютъ оброкъ св. Спасу 15 р. на годъ на Спасовъ день. А се благословляю дѣтий своихъ: сыну моему старшиему кн. Василью икона Парамшина дѣла, чепь золота, что ми дала княгини Василиса, поясъ золотъ великий съ каменьемъ безъ ремени, поясъ золотъ съ ременемъ Макарова дѣла, бармы, шапка золота; а сыну моему кн. Юрью поясъ золотъ новый съ каменьемъ, съ жомчюгомь безъ ремени, поясъ золотъ Шышкина дѣла, вотола сажена; а сыну моему кн. Оньдрѣю снастъ золота, поясъ золотъ старый новгородьский; а сыну моему кн. Петру поясъ золотъ съ каменьемъ пѣгий, поясъ золотъ съ калитою да съ тузлуки, да наплечки, да аламъ; а сыну моему кн. Ивану поясъ золотъ татауръ, да два ковша золоты по двѣ гривенки. А что ся останетъ золото или серебро, или иное что но есть, то все моей княгинѣ. А что ся останетъ стадъ моихъ, тѣмъ моя княгини подѣлитъся съ моими дѣтми по частемъ. А хто будетъ моихъ казначѣевъ, или хто будетъ моихъ дьяковъ прибытокъ мой отъ мене вѣдали, или посельскихъ, или тиуновъ, или хто женилъся у тѣхъ, тѣ всѣ не надобѣ моей княгинѣ, и моимъ дѣтемъ. А приказалъ есмъ свои дѣти своей княгинѣ: а вы, дѣти мои, слушайте своее матери, а будетъ не въ ее воли, на томъ не будетъ моего благословенья. А дѣти мои, молодшая братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старшаго кн. Василья въ мое мѣсто своего отця; а сынъ мой кн. Василий держытъ своего брата Юрья и свою братью молодшюю въ братьствѣ, безъ обиды. А хто моихъ бояръ иметъ служыти моей княгинѣ, тѣхъ бояръ дѣти мои блюдите съ одиного. А хто сю грамоту мою порушитъ, судитъ ему Богъ, а не будетъ на немъ милости божии, ни моего благословенья ни въ сий вѣкъ, ни въ будущий. А писалъ есмъ сю грамоту передъ своими отци, передъ игуменомъ передъ Сергиемъ, передъ игуменомъ передъ Савастьяномъ; а тутo были бояре наши Дмитрий Михайловичь, Тимофѣй Васильевичь, Иванъ Родивоновичь, Семенъ Васильевичь, Иванъ Федоровичь, Олександръ Аньдрѣевичь, Федоръ Аньдрѣевичь, Иванъ Федоровичь, Иванъ Аньдрѣевичь; а писалъ Внукъ.

(*Собр. грам. I, 54*).

(*Грамота писана на пергаминѣ, къ ней привѣшена серебряная позолоченая печать.*)

См. Ист. Гос. Рос. V, пр. 116. В. кн. Димитрій Ивановичъ Донской скончался въ Москвѣ 19 Мая, 1389.

Обратить вниманіе на поземельныя владѣнія и домашнее имущество Московскихъ князей.

265. Уставная м-та Кипріана Константиновскому монаст. 1392.

Се язъ Кипріанъ, митрополитъ всеа Руси, далъ есмь сю грамоту монастырю своему св. Костянтину и игумену. Что ми били челомъ сироты монастырскіе на игумена на Ефрема, такъ ркучи: »наряжаетъ намъ, господине, дѣло не по пошлинѣ, чего при первыхъ игуменѣхъ не бывало; пошлины у насъ емлетъ, чего иные игумены не имали.« И игуменъ м-ту такъ рекъ: язъ, господине, хожу по старой пошлинѣ, какъ было при первыхъ игуменѣхъ; а здѣсь, господине, на Москвѣ игуменъ Царко, тотъ игуменилъ у св. Костянтина передъ мене, того, господине, и въспроси. — И м-тъ послалъ Окинфа къ Царку къ игумену, занеже тогды Царко не издоровѣлъ, и велѣлъ въспросити: какова пошлина въ св. Костянтинѣ и какъ людемъ монастырскимъ дѣло дѣлати? И Царко игуменъ такъ отвѣчалъ Окинфу: »при моемъ игуменствѣ такъ было въ св. Костянтинѣ: болшимъ людемъ изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игуменовъ жеребей весь рольи орать возгономъ (*всѣмъ вдругъ*), и сѣяти и пожати и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ ввезти, ѣзъ бити и вешней и зимней, сады оплетать на неводъ ходити, пруды прудить, на бобры имъ въ осеннѣ поити, а истоки имъ забивати; а на Великъ день и на Петровъ день приходятъ къ игумену, что у кого въ рукахъ; а пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожь молоти и хлѣбы печи, солодъ молоть, пива варить, на сѣмя рожь молотить; а ленъ дасть игуменъ въ села и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ; а даютъ всѣ люди изъ селъ на праздникъ яловицу (по одинова ми, господине, добили челомъ, а не въ пошлину, треми бараны, и язъ ихъ пожаловалъ за яловицу, занеже ми ненадобѣ была яловица, а по пошлинѣ по старой всегды ходитъ яловица на праздникъ); а въ которое село пріѣдетъ игуменъ къ братшину и сыпци (*ссыпщики, складчики*) даютъ по зобнѣ (*севалкѣ*) овся коемъ игуменовымъ.« И Окинфъ тѣ рѣчи игуменовы Царковы сказалъ всѣ м-ту; и потомъ игуменъ Царко омоглься (*выздоровѣлъ*) и пришедъ самому м-ту тѣ всѣ рѣчи сказалъ, что приказалъ съ Окинфомъ къ м-ту. И потомъ язъ Кипріанъ м-тъ всеа Руси въспросилъ есмь въ Володимери, своихъ бояръ того монастыря пошлинъ и о яловицѣ о праздничной, Михаила Бирѣева, Юрья Протопопина, Ивана своего повара, — и нѣ ми тѣжъ рѣчи сказали, и о озерѣхъ и о истокѣхъ и о бобровой ловлѣ. И Кипріанъ м-тъ всеа Руси такъ рекъ игумену и христіанамъ монастырскимъ: »ходите жъ всѣ по моей грамотѣ; игуменъ сироты держи а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте; а хотя кто будетъ иный игуменъ по семъ игуменѣ, и тотъ ходитъ по сей моей грамотѣ.« А сю грамоту велѣлъ есмь положити въ церкви игумену и людемъ, а никоторый игуменъ сее грамоты изъ монастыря да не вынесетъ: аще ли вынесетъ, не буди на немъ милости божіа и моего благословленія. А дана грамота на Москвѣ, въ лѣто 6900, м. Октября въ 21 день, индикта 15.

Назади подпись: »сее грамоты кн. в. рушити не велѣлъ, а пожаловалъ игумена по сей грамотѣ, что въ ней писано.« А подписалъ в. князя діакъ Иванъ. »Рыболове мои в. князя не въѣзжаютъ въ монастырскіе озера.«

(*А. Арх. Эксп. I, № 11*).

266. Жалованная нижегородскаго к. кн. Бориса Спасскому и Благовѣщенскому монас. 1393.

Се язъ князь в. Борисъ Костянтиновичъ пожаловалъ есми Спасского и Благовѣщенского архимандрита Іону съ братьею: далъ въ домъ св. Спаса и св. Благовѣщенья свои рыбные ловли по Сурѣ рѣкѣ, озера—Пашково съ истокомъ, Саларево, Плоское, Сосновское, Долгое, роздерти съ истокомъ, озеро Мягкое, и всѣ озера отъ рѣчки Курмышки вниз Сурою, источные и глухіе, и роздерти, и заводи, и пески, и съ падучими рѣками, и бобровые гоны, и стреженъ (1) по Волгу; и архимандриту Іонѣ съ братьею въ тѣхъ водахъ рыба ловити и всякими угодьи владѣти къ себѣ на монастыри, а опришные (*посторонніе*) люди у нихъ въ тѣ рыбные ловли, и въ бобровые гоны, и во всякія угодья, не вступаются никто ничѣмъ. Дана грамота въ Нижнемъ Новѣгородѣ, лѣта 6902, декабря въ 8 день.

(*А. Арх. Эксп. I, № 12*).

См. Сборн. Муханова, *№* 117, стр. 195.

267. Жалованная яросл. кн. Ѳедора Толгскому монаст. ок. 1400.

Пречистые ради Богоматери, се язъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ, пожаловалъ есми игумена съ братьею Толсково деревнею Куколцинымъ, и съ лѣсомъ и съ пожнями, куды топоръ ходилъ, куды коса ходила, съ пошлою землею, что къ ней изстарины тянуло: и кто въ ней имѣтъ жити крестіянъ и тѣмъ крестіяномъ ненадобѣ имъ моя дань, ни тамга, ни новожженная куница, ни кормъ данной, ни таможной кормъ, ни волостелинъ кормъ, ни доводщичъ кормъ (1), ни иные моіе никоторые пошлины; ни волостельной, ни доводщикъ къ нимъ не въѣзжаетъ, ни приставовъ своихъ къ нимъ ни высылаетъ ни въ чемъ; а что купятъ, или что продадутъ, и нѣ таможникамъ моимъ не являютъ; а свяжется тѣмъ крестіяномъ судъ съ моими крестіяны съ волостными, ино ихъ сужу язъ самъ князь Ѳедоръ Ѳед. а будетъ виноватъ пречистые Богоматери крестіянинъ, и онъ Пречистой; а кто будетъ мой волостель, или доводщици, или таможници, и нѣ имъ грамоту явятъ, а не дадутъ имъ поминка ничего, ни гостя передъ ними не ставятъ. А грамоту писалъ Игнатка Пантелѣевъ.

(*А. Арх. Эксп. I, № 15*).

268. Обводная запись до 1400.

Се азъ князь в. Анофрей положилъ есми сіе еуангеліе у нашемъ монастыри въ церкви у св. Іоанна Предтечи на Острове, а придалъ есми св. Іоанну на Сомници землю з бортью, борть по великую дорогу по Сменьцо озеро, на Уле на реце землю з бортью, на Наче на реце землю з бортью, на Лисне язъ и устье, а въ церковь св. Іоанна и в нашь монастырь, и в села и въ люди св. Іоанна не вступатися никому; а владыцѣ съ игу-

(1) *Заводи*— тихія мѣста въ рѣкѣ и заливы; *стрежень*—глубокое мѣсто въ рѣкѣ, фарватеръ.

(1) *Новожженная куница*— сборъ съ вѣнчанья или съ молодыхъ. Всѣ эти кормы назначены были разнымъ служебнымъ лицамъ, посылаемымъ отъ князя.

мена Іоанскаго и с нашего монастыря Остъровъского куници не брати а ни какихъ поплинъ. А отъ кого будеть какая обида нашему монастырю, ино досмотрятъ и боронить намъ самимъ, а по насъ роду нашему, а старци и люди которыи живутъ на св. Іоанна земли и судити и рядити игумену Іоанскому самому братию, а иному никому не въступатися, а владыцѣ не въступатися в нашь монастырь.

(*Изв. Акад. Н. X, 369—370*).

269. Купчая на имѣніе въ Червонной Руси 1400.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. А се я панъ Мацина, воевода Илловскый, освѣдчаю тъ тымъ листомъ кождому доброму, передъ кымъ коли буде тътъ листъ чтюнъ, аже пришедъ предъ наше обличье, на имя Ходоръ Шидловскій, своею доброю волею, здоровымъ животомъ, ничимъ не принуженъ, продалъ пану Клюсови свою дѣдину, на имя Шидловъ, а къ тому дворище Жаворонковича, то есть, продалъ за 30 копъ рускыхъ безо дву купу и за кунь, пану Клюсови на вѣки, и дѣтьмъ его, его прирожьнымъ послѣдкомъ; а тако продалъ, яко самъ держялъ, и съ нивами, и съ сѣножатми, и со лѣсы, съ дубровами и съ пасиками, со всѣми границями, и вдоложь и уперекъ, того исного села и дворища того Жаворонковича; а панъ Клюсъ имаеть того исного села Шидлова уживати и дворища того Жаворонковича на вѣки и дѣты его. А на то свѣдци: пано Яшко Мазовшанинъ, пано Мичко Куликовскый, Михаилъ Жильховскый, войтъ Илловскый Кундратъ, Миколатъ Михала Чабанѣского сынъ, Баграмъ соцкый. А на потверженье приложилъ къ тому листу свою печать пано Мацина. А писанъ листъ во Львовѣ, по божьмъ нароженіи 1000 лѣтъ 4 ста лѣтъ.

(*А. Юж. и Зап. Рос. I, № 6*).

270. Жалованная рязанскаго в. к. Олега Ив. Солотчинскому монас. 1402.

Язъ кн. в. Олегъ Ив. придалъ есмь св. Богородици, на Солодшу, Савицкой островъ съ Холковскою лукою; перекопью, съ бортными ухожьи, и съ бобровыми ловли и съ рыбною ловлею, съ озеромъ Тишью, и съ поземомъ и съ рѣзанкою, и съ шестдесятъ, съ виною и съ поличнымъ и съ безатшинами; покомъ Совицкой островъ съ Халковскою лукою, перекопью, съ бортными ухожьи и съ бобровыми ловли, потомъ волостели мои не въѣзжаютъ, ни чяшницы мои, ни ключници, ни поѣздове, ни ямникъ, ни боровникъ; а ловчане (1) мои въ Тишь не въѣзжаютъ рыбы ловити нѣкоторыми дѣлы. (*А у подлинной грамоты печать в. князя, висла чернаго воску*).

(*А. Ист. I, № 14*).

271. Жалованная звенигородскаго кн. Юрія Савво-сторожевскому монас. 1404.

Пречистыи ради милости и честнаго ея Рождества, се язъ, князь Юрьи Дми-

(1). Всѣ эти лица разъѣзжали или для разныхъ сборовъ съѣстными припасами, или для ловли рыбы, птицъ и звѣрей, или для производства суда.

трéевичь, что язъ далъ Пречистой въ домъ, на Сторожѣ, отцу своему игумену Савѣ съ братiею, или кто по немъ иный игуменъ будетъ, села свои въ звенигородцкомъ уѣзду, село Бѣлгина и съ деревьнями, деревня Тимонина, д. Павликова, д. Козинская, да Клодубацынское, да деревню Глѣденовскую, да д. Еремѣеву, да селцо Усть Развадни, да къ тому селцу придалъ есми Патрекѣевьской земли, далъ есми въ рузскомъ уѣзду въ Замостьи село свое у Василья святаго и съ деревнями и съ прудомъ и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу изстари потегло (*тянуло*), а что собѣ отець мой игуменъ Сава съ братьею прикупятъ земель, или что имъ дадутъ земль по души въ моей вотчинѣ: и которыи люди имуть жити на тѣхъ земляхъ монастырскихъ. и тѣмъ людемъ ненадобѣ моя дань, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни писчея бѣлка, ни осьмничiи, ни костки, ни явка, ни иная которая пошлина, ни города не дѣлаютъ, ни двора моего не ставятъ, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, такожъ ни къ сотцкому, ни къ дворскому, ни къ десятскому, съ тяглыми людми не тянутъ ни въ которые проторы и въ разметъ, ни въ иныи въ которые пошлины. А намѣстницы мои звенигородцкiи и волостели звенигородцкiи, и рузскiи мои намѣстники и волостели мои рузскiи, и ихъ тiуни, на тѣхъ хрестьянѣхъ на монастырскихъ кормовъ своихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что, а праветщики и доводщики поборовъ не берутъ, ни въѣжщаютъ; а вѣдаетъ игуменъ Сава самъ свои люди во всѣхъ дѣлѣхъ и судитъ самъ во всемъ, или кому игуменъ прикажетъ, оприче душегубства. А случитца судъ смѣсной городцкимъ людемъ или волостнымъ съ монастырскими людьми, и намѣстницы мои Звенигородцкiи и Рузскiи и ихъ тiуни тѣхъ людей судятъ, а игуменъ съ ними судить, или кому прикажетъ въ свое мѣсто. А правъ ли будетъ или виноватъ монастырской человѣкъ, и онъ правъ и виноватъ монастырю, игумену съ братьею, а намѣстники мои и волостели и ихъ тiуни въ монастырского человѣка не вступаютца, ни въ праваго, ни въ виноватого; а вѣдаетъ игуменъ въ правдѣ и въ винѣ своего человѣка самъ, а истцево заплатятъ на обѣ стороны. А правъ ли, и виноватъ ли городцкiй или волостный человѣкъ будетъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ моимъ и волостетелемъ и ихъ тiуномъ, и имъ истцево заплотятъ, а игуменъ съ братьею или ихъ ириказщикъ въ городного и волостного человѣка не вступаютца. А пятенщики мои, звенигородскiи и рузскiи у монастырскихъ людей коней не петнятъ, а таможники мои тамги не емлютъ на монастырскихъ людехъ: язъ кн. Юрьи Дмитреевичь Пречистой далъ пятно и тамгу, на темiянъ далъ игумену Савѣ съ братьею: держитъ игуменъ въ манастырѣ свое пятно. Которой хрестьянинъ манастырской купитъ или мѣняетъ, и онъ пятнить въ монастырѣ; а которой хрестьянинъ монастырской продасть въ торгу или въ селѣ, и они тамгу платятъ игумену Савѣ въ монастырѣ, а которой пропятнитца или протамжитца манастырскiй, игуменъ Сава вину возметъ на монастырь, а таможники мои, звенигородцкiи и рузскiи въ монастырскаго человѣка не вступаютца. Да далъ язъ кн. Юрьи Дмитревичь отцу своему игумену Савѣ борть свою, по рѣчки по Иневѣ и отъ суходола по Покровъ св. Богородици, отъ Покрова по Нару вверхъ до Вашнева, до рѣки Москвы, а по другую сторону по правую по Олександрова село по Шубина, да по слободкы по Дмитреевой, да по Нахабну къ рѣцѣ Москвѣ; далъ язъ князь Юрьи Дмитреевичь отцу своему игумену Савѣ бортника Ондрейка Телицына съ деревнею, въ которой живетъ на Рѣпищи, и онъ тѣ борты монастыр-

скіи дѣлаетъ. А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чимъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни. А грамота писана въ лѣта 6912, м. маія 10 день.

(*А. Истор. I, N° 15*).

272 Договорная между Полоцкомъ и Ригою 1407.

Мы мужи Полочане даемъ вѣдати, кто на сію грамоту узритъ или услышитъ чтучи. Князь в. Витовтъ литовьскіи, нашъ осподарь, докончалъ промежи насъ и смирилъ насъ вѣчно, межи Полоцкого города и Ризьгского города: чтобы Полочаномъ доброволно ѣхать къ Ризѣ, также Рижяномъ къ Полоцку, безъ всякия завады, ни одиного не выемши доброволно ему купить и продать; также Полочяномъ у Ризѣ, а Рижяномъ у Полоцку, никакоѣ малоѣ торговлѣ не торговати, что розницею зовутъ, а то мы какъ у Полоцку, а Рижане у Ризѣ, учинимъ и поставимъ, а любо какъ можемъ межи себе уровнать; также могутъ Полочане мимо Ригу у землю, а Рижанамъ мимо Полтескъ у землю, куда хочютъ, то на обѣ сторонѣ межи насъ волно водою и землею. Ныны жъ бы кн. в. Витовтъ, осподаръ нашъ, а любо его послѣдкове, кто коли будетъ осподарь полоцки у Полоцку, искладъ вчинили, а любо мештерь Задвиньскій въ Ризѣ, а тотъ искладъ держятъ на обѣ сторонѣ, у Полоцку и въ Ризѣ, такъ какъ уставленъ будетъ. А Полочяномъ блюсти Рижянина у Полоцку какъ себе, а Рижяномъ блюсти Полочянина у Ризѣ себе оборонятъ: аже Полочянинъ что проступитъ у Ризѣ, ино имъ того до Полоцка послать, ино его тамъ Полочяне осудятъ по своему праву, также нѣмецкій купецъ что проступить у Полоцку, ино его послать къ Ризѣ, ино его тамъ осудятъ по ризьскому праву. Также у Полоцку соль вѣсити на скалвахъ тымъ же вѣсомъ, что воскъ вѣсять, тыми же колоколы: вѣсу полоцкому быти ризького полупудомъ болши: про то же сперва Рижяномъ послать свои колоколы и скалвы къ Полоцьку на свою истраву, потомъ же сотрутся тыи колоколы или изломятся или погибнуть, ино намъ Полочяномъ послать къ Ризѣ на свою истраву на свои пѣнязи, да учинитъ тыи колоколы по старому праву и полѣпшить; также серебрьныи вѣсы у Ризѣ держатъ полузлотникомъ болши во одного рубля; также вѣсцемъ крестъ цѣловать нынѣ и потомъ, коли надобѣ что имъ право вѣсити на обѣ сторонѣ одному какъ и другому, а вѣсцю отступить прочь отъ скалвъ, а рукою не примать, а вѣсебное имати вѣсцю, какъ у Полоцку на Рижанехъ емлютъ, такъ имать у Ризѣ на Полочянехъ вѣсебное. Аже будетъ которая обида, или завадъ, межи кимъ на обѣ сторонѣ, ино знати истцю истьца, а никому иному въ тое ся не вступати, ни томъ рубежя держать на обѣ сторонѣ; аже будетъ межи мештеремъ Задвиньскимъ, или которыи опослѣ будетъ межи земли и людьи, ино кущюви чистъ путь его товару на обѣ сторонѣ и его животу, узять ему свой товаръ куда хочетъ ѣхать, и поити коли ему надобѣ или по водѣ, или по суху, или у городъ, или на пути. Про тожь бы тое смиренье вѣчно стояло непорушено со обою сторону межи нами Полочяны и Рижянъ, и печяти есмо свои привѣсили къ сей грамотѣ. А писана бысть грамота ся у Могилевѣ, по божьемъ роженьи 1000 лѣта и 400 и 7 лѣта, а печятана у Ризѣ, у семую суботу м. мая 14 день.

(*А. Арх. Эксп. I, № 16*).

См. также договорныя грам. Новгорода съ Ригой 1392. (Русско-ливонс. акты. Спб. 1868, 85—88).

273. Уставная таможенная грамота Молдавскаго господаря, воеводы Александра, Львовскимъ и Подольскимъ купцамъ 1407 г.

Милостію божьею, мы Александръ воевода, господарь земли Молдавскои, чинимъ знаменито и симъ нашимъ листомъ усѣмъ, кто на нь узритъ, или его услышитъ, оже есмы доконали съ рядцями и съ мѣстьчяны Илвовского мѣста и съ усѣмъ поспольствомъ ихъ, и учинили есмы уставицьство о мытахъ у нашея земли; и доконали есмы съ ними, штобы ходили у нашои земли, и съ своими торговлями. А мыта есмы имъ такъ поставили и улегчили, штобы давали у нашея земли мыто такъ: Наипервое головное мыто Сочавьское, на искладѣ отъ сукна отъ гривну 3 гроши; а коли имуть купити татарьскый товаръ у Сочавѣ, или шолкъ, или перець, или камкы, или тебенкы, или темьянъ, или грецкый квасъ, отъ гривну у Сочавѣ по 3 гр.; а коли имуть купити татарьскый товаръ у иныхъ торгохъ нашихъ, тамъ имуть дати, гдѣ его купятъ, отъ гривну 2 гр., а на головное мыто у Сочавѣ отъ гривну 3 гр., та смѣетъ его продати, кому любитъ. А кто идетъ до Илвова, на головное мыто у Сочавѣ: отъ скота 1 грошъ, отъ 10 свиній 1 гр., отъ 10 скота овецъ 1 гр., а отъ кобылы по 6 гроши, а отъ каждого коня по 6 гроши, отъ сто бѣлицъ 1 гр., отъ сто лисицъ 10 гроши, отъ сто овчины сураныи 4 гр., отъ сто кожи ягнячіихъ 2 гр., отъ сто кожи скотіихъ 15 гр.; то мыто Сочавьское. А кто идетъ до татаръскои сторонѣ отъ 12 кантари у Сочавѣ 1 рубель серебра, у Ясы тридесяте грошъ, а у Бѣлый-городъ полърубель серебра, а кто не идетъ на Бѣлый-городъ толко иметъ дати Тягянякячю колко у Бѣломъ-городѣ, опроче перевозовъ, а на сторожу отъ каждого воза по 12 грошъ. А кто иметъ погнати скотъ до Татаръ, на головное мыто у Сочавѣ отъ скота 4 гроши, а у Ясы 2 гр., а на Тягянячю 2 гр.; а отъ 100 овецъ у Сочавѣ 60 гроши, а у Ясы 30 гроши: то мыто тѣмъ што идутъ до Татаръ. А поставы сукна имаютъ ихъ продати на складъ у Сочавѣ, а у нашихъ торгохъ не имаютъ волю продати ихъ. А съ тѣми гроши волно имъ ходити и торгувати соби по усѣхъ торгахъ нашихъ, што коли изнайдутъ. А до Угоръ и до Бесарабъ свободно имъ вывозити сукна.....; а кто повезетъ сукно до Бесарабъ, дати иметъ на головное мыты у Сочавѣ отъ гривну по 3 гроши, а на краи у Баковѣ отъ гривну 2 гр., а што привезетъ изъ Бесарабъ, или перецъ или баволну или будь што: отъ 12 контари у Баковѣ полърубелъ, а по головное мыто у Сочавѣ отъ 12 кантари 1 рубель серебра. А кто иметъ повезти сукно до Быстрици до Угоръ, у Сочавѣ отъ гривну по 3 гр., а у Бани отъ гривну полъвтора гроша, а у Молдавици отъ гривну полъвтора гроша. А коли ся воротятъ изъ Угоръ, отъ каждого терху у Молдавицы, по 2 гр., а у Бани отъ каждого терху по 2 гр. А кто иметъ повезти сукно до Брашова, на головное мыто у Сачавѣ отъ гривну 3 гр., а у Баковѣ отъ гривну полъвтора гроша; а у Тотруши отъ гривну полъвтора гроши; а колися имутъ воротити, отъ каждого терху на Тотруши по 2 гр., а у Баковѣ отъ каждаго терху по 2 гр. А кони, изъ нашои земли, што по 3 гривны, слободни имъ суть, и угорьстіи кони слобни имъ; а у которомъ торгу имуть ихъ купити, тамъ имуть дати отъ каждого коня по 4 гроши, а на складъ у Сочавѣ отъ каждого коня по 6 гр., а на Сирятъ отъ каждого коня по 2 гр., а у Черновьци по 2 гр.; а кто иметъ повести кони или кобылы до Камянци, што было дати ему у Сирятъ, то иметъ дати въ Дорошни, а што было дати ему у Черновьци то иметъ дати у Хотини; тако же есть мыто и отъ кобылы, яко и отъ кони. А кто иметъ ку-

пити скоть или бараны у Баковѣ, либо у Романовѣ у торгу, либо на Нѣмци, либо у иныхъ торгохъ нашихъ: ненадобѣ нигдѣ мыто дати, нижъ тамъ гдѣ купилъ, и возметъ печать отъ мытника; а у которомъ торгу иметь купити, тамъ иметь дати отъ скота 1 грошъ, отъ 10 овець 1 гр., отъ 10 свиней 1 гр., отъ 100 кожи воловыхъ 10 гр., отъ 100 кожи ягнячіихъ 1 гр., отъ 100 кожи сурсиныхъ 2 гр.: ти идуть на головномъ мытѣ Сочавъскомъ. А у Сирятъскомъ—отъ крашныхъ рѣчей, отъ шапокъ, отъ ногавицы, отъ корды, отъ меча, отъ гривны по 3 гроши; а што коли идетъ изъ земли чересъ Сочавы на Сирятъ, колко давали на Сочавѣ, половина отъ того мыта имуть дати на Сирятъ отъ усего, и отъ кожи и отъ волны и отъ овчины: то мыто Сирятское. А у Черновьци отъ нѣмецкого воза мыто 4 гр., а отъ ормѣнского воза 6 гр.; отъ скота 1 грошъ, отъ 10 свиней 1 гр., отъ 10 овець 1 гр., а отъ кони и отъ кобылы по 2 гроши; а на перевози и отъ нѣмецкыхъ возъ цѣлыхъ и отъ орменскыхъ по 4 гроши: то мыто Черновьское. А у Черновци возы не стряти, але кунець дасть свою вѣру, аже не имаетъ заповѣданный товаръ на свой возъ: куници, серебро, воскъ и кони добріи земъстіи, а имаеться поставити цѣну сукнѣ у Сочавѣ, яко во Львовѣ. А львовчяне што имуть поити до Браилово по рыбы на крайнее мыто, или у Баковѣ, или у Берладѣ: тамъ имуть дати отъ гривну по полъвтора гроша, а воза и рыбы не занимати; а тамъ возметъ печать, та пріидетъ слободно до Сачавѣ, та иметь дати на головномъ мытѣ у Сочавѣ отъ гривны по 3 гроши, а воза и рыбы не занимати. А на Сирятъ имуть дати отъ гривну по полъвтора гроша, а рыбы и воза не занимати. А на Черновци мыто отъ воза. А львовчяне што имуть принести сами изъ Угоръ серебро жъженое: отъ того серебра што быхомъ мы купили собѣ, колко будетъ намъ надобно, а иное серебро, што останетъ, то имъ слободно. А мунтяньскый воскъ и брашевскый слободно имъ есть; а мыто имуть дати отъ камене у Баковѣ одинъ грошъ, а на искладъ у Сочавѣ отъ камене 1 грошъ, а у Сирять отъ камене 1 гр. А угорьстіи куници слободни имъ; а мыто имуть дати у Бани полъвтора гроша отъ гривну; а на искладъ у Сочавѣ отъ гривну 3 гроши, а у Сирять полъвтора гроша отъ гривну; а отъ тіи куници колько будетъ намъ надобни, а мы имемъ собѣ купити, а иніи имъ слободни. А еще есмы имъ дали волю, штобы собѣ держяли у Сочавѣ одинъ домъ, а у томъ дому корчьму не держяти, ни пива варити, ни меду, ни месніи клѣткы держяти, ни хлѣба продавати: пакъ ли тотъ, кто иметь жити у томъ домѣ, бы хотѣлъ нѣшто отъ тѣхъ держяти, тогды муситъ съ мѣстомъ терпѣти. А то есмы учинили куницемъ господаря нашего, короля полского изъ усеи Рускои земли съ Подолскои. А то мы, иже есмы выше писали, слюбуемъ имъ вѣчно уздержяти, безо лести и безъ хытрости, на вѣкы вѣчныя, мы и наши намѣстки; николи то непорушено, при нашей чти и при нашой вѣрѣ, подлугъ крестьяньского права. А на то свѣдкове: панъ Жюржъ, староста; панъ Михайло Дорогунскый; панъ Владъ Серетежый; панъ Оана (sic), дворникъ Сачовскій; панъ Яцко, и панъ Иліяшъ чашникъ. А еще при томъ были послы съ Львова, што съ нами сесе дѣло доконали: Мычко Куликовьскый, и Зимирѣстанъ Ханысъ, и Ханысъ Верзьсть, и Русъ Никлюсъ, и писарь львовскый Ханысъ. А на потверженіе тѣмъ усѣмъ, велѣли есмы нашему вѣрному братяю Логоѳету писати и привѣсити печять наша великая къ сему листу нашему. У Сочавѣ, у лѣто шестотысячное деятъ сотъ и шестьнадесятое лѣто, Октября 8.

(А. Западн. Рос. I, № 21).

274. Неурожай.

Въ лѣто 6930 (1422). За умноженіе грѣхъ нашихъ, Богу попустившю, на всю Рускую землю бысть гладъ великъ по 3 годы: и преже въ Новѣгородѣ и по всѣмъ ихъ волостемъ и на Москвѣ, и по всей московской и по всей тферской землѣ; и толми бысть тамо дорогъ хлѣбъ, яко на единомъ ковризѣ дати полтына, али каково портище, а ржи наша (*псковская*) четверетка, чего кто запросилъ, а иніи съ усердіемъ даваху, а еже бы гдѣ зобница купити ржи или овса, таковыхъ мало обрѣтаху, и мнози съ глада мряху. А въ Псковѣ тогда бяше старыхъ лѣтъ клѣти всякого обиліа изнасыпани на Кромѣ: и поидоша ко Пскову Новгородци, Корела, Чюдь, Вожани и Тферечи и Москвичи, и просто рещи съ всей Руской земли, и бысть нахожденіе ихъ во Псковѣ много множество; и начаша по волостемъ и по пригородомъ и въ Псковѣ купяще рожь возити за рубежъ, и въ Псковѣ тогда бяше зобница ржи по 70 ногатъ, а жита зобница по 50 ногатъ, а овса по 30 ногатъ, а на полтыну ржи полътретьи ($2^1/_2$) зобници; и оттолѣ Псковичи заповѣдаша не продавати за рубежь ржи и никакаго обилія (хлѣба). А нахожихъ людій начаша изо Пскова проводити и изо всѣхъ волостей, и тако мнози разыдошася; а которіи остался во Псковѣ и по волости, мужи и жены и маліи дѣти, тѣхъ множество изомроша, и накладоша тѣхъ пустотныхъ въ Псковѣ 4 скуделници, а по пригородомъ и по волостемъ или по могыльемъ въ гробѣхъ покопано, то тѣмъ и числа нѣтъ. И бѣ тотъ гладъ по три года.

(*П. Собр. Лѣт. V, 23—24*).

275. Жалованная Троиц. Сергіеву мон. на рыбную и бобровую ловлю 1423.

Се азъ князь Петръ Дмитриевичь пожаловалъ есмь игумена Никона св. Троици Серьгеева монастыря, или... инъ игумен по нем, и его братью, далъ есмь имъ в моеи отчинѣ въ Ворѣ, а на рѣцѣ на Ворѣ же омутъ Терьменевьскои рыбы ловити да и бобры ловити; также далъ есмь имъ по рѣцѣ по Ворѣ по ихъ земляи от рѣчки отъ Талици до Лепетни рыбы ловити да и бобры ловити; а мои рыболове и мои бобровьници тудѣ на меня рыбъ не ловят, ни бобровъ. А чересъ сию мою грамоту кто имет тудѣ рыбы ловити или бобры в омутѣ в Терьменевьском да и по рѣцѣ по Ворѣ, куды есмь ихъ пожаловалъ, ино заповѣди 2 рубля; а от меня быти ему в казни. А дана грамота в лѣт 6931-е августа въ 4 день.

(*А. Юрид. б. I, № 41*).

276. Жалованная льготная Троиц. Сергіеву мон. на соляныя варницы 1432—1443.

Святыя дѣля Троици, по отца своег грамотѣ великог князя Василья Дмитреевич, се азъ князь велики Василей Васильевич пожаловалъ есмь Сергеева монастыря игумена Зиновіа съ братею, или кто будет по нем иныи игумен: что ихъ 4 варници оу Переяславьскые Соли и волостели мои оусольскые и ихъ тиуни и их доводщики с тѣх варниць пошлин никоторых не емлют, ни поборов не берут, ни явленог съ подоливовъ. Да что их дворъ тутож оу Солида деревня ихъ на Хупанѣ горѣ да починок, и кто оу них имет жити людеи в том дворѣ и в де-

ревнѣ и тѣм людем манастырьскимъ ненадобѣ им ни мытъ, ни тамга, ни восменичее, ни вѣсчее, ни двора моего ставити, ни коня кормити, ни закосъ имъ ненадобѣ, ни портъное, ни подводы, ни къ дворьскому, ни к сотнику ненадобѣ им тянути никоторыми пошлинами и намѣстници мои переяславьскые и волостели оусольскые и их тивуни дворян своих не всылають къ тѣм людем манастырскымъ къ хупаньскым и къ оусольскым ни по что, ни судят их, опроче душегубьства; ни доводщики оу них побора неберуть; а пятеньщик мои к ним не въездит, ни коневъ оу них не пятнит, а держит игумен свое пятно оу своих людеи оу манастырьскихъ или кому прикажет. А вѣдает и судит свои люди игумен самъ или кому прикажет; а смѣщается суд манастырскым людем с городскыми людми или с волостными, и намѣстници мои переяславьскые и волостели оусольскые и их тивуни судят, а игумен съ ними или кому прикажет; а будет прав или виноват манастырьскыи человѣкъ, и онъ игумен и в правдѣ и въ винѣ, а намѣстници мои и волостели не вступаються в манастырьског человѣка ни въ праваг, ни в виноватаг, а игумен или кому прикажет не въступается въ их человѣка въ переяславьског, и в оусольског, ни в правог, ни в виноватог. А чересъ сю мою грамоту кто на них что возмет или чим изобидит, быти от меня въ казни... рую грамоту дамъ грамоту, а на сюю гра.... грамоты нѣтъ.

(*А. Юрид. б. I, стр. 91—92*).

277. Вѣзныя послушныя отчинникамъ Протасовымъ 1425 и 1426.

а. Се язъ князь в. Василей Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвище Иватя Протасьева, и сына его Конона Ивановича, волостью Лузою, за их къ чамъ выѣздъ, въ кормленья. И вы всѣ люди тое волости, чтите их и слушайте, а они васъ вѣдаютъ, и судити и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6933 августа въ 28 день.

А у подлинные грамоты назади пишетъ: »князь в. Василей Васильевичь всеа Русіи«. Печать висла на красномъ воску—орелъ.

б. Се язъ князь в. Василей Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвища Иватя Протасьева, и сына его Конона Ивановича, въ кормленье въ Мещерѣ городомъ Елатмою и Кадомою, съ мыты и съ перевозы, и со всѣми намѣстьничьи доходы, и съ пошлиною, что было дано за выѣздъ отцу его Ивану. И вы всѣ люди тѣхъ городовъ и становъ и волостей, чтите их и слушайте, а они васъ вѣдаютъ; а судити и ходити велятъ у васъ тіунамъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6934 году апрѣля въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади пишетъ: »князь в. Василей Васильевичь всеа Русіи«. Печать на красномъ воску висла.

(*А. Юрид. № 161, стр. 177*).

278. Заемная и закладная Ивана Кабачина 1428—1434.

Се язъ Ивашъ Кабачинъ занялъ есми у игумена Христофора полтину да тридцять бѣлъ, а въ томъ есми игумену

Христофору заложилъ пожню на Намчеровѣ наволоцѣ свой жеребей; а внизъ по рѣцѣ съ Васильемъ межа по большой кустъ на березѣ, а съ болшего куста прямо на малый кустецъ къ лѣсу, а съ Мачефою межа верхъ рѣки по колью и по ямамъ наполы; а занялъ есми полтину и бѣлки до Юрьева дни; а не упланю на срокъ кунъ, ино моя пожня въ томъ. А на то послуси: Тилонъ чернецъ да Микита Ондреевъ. А написалъ сію кабалу Семенъ поповъ Окуловъ. А кабалу есми далъ безъ печати.

(*А. Юрид. № 232, стр. 260*).

279. Данная на с. Окиньинское Московскому Успенс. собору 1433—1437 или 1440—1448.

Милостію божіею и пречистыа его Матере и молитвою св. чюдотворца Петра, м-та всеа Руси, се азъ Игнатій Васильевичь далъ есмь св. Богородици съборной на Москвѣ въ домъ и св. чюдотворцу Петру, м-ту всеа Руси, село свое Окиньиньское, свою отчину, съ церковію съ св. Николою, въ звенигородцкомъ уѣздѣ, и господину своему Іонѣ епископу, нареченному въ святѣйшую митрополью русьскую, или кто по немъ будетъ иный митрополитъ, и съ деревнями, что къ нему наперед того потягивали, куды моа соха ходила, куды коса ходила, куды и топоръ ходилъ и съ луги, и съ пожнями, и съ лѣсомъ, и съ всѣмъ съ тѣмъ, что къ нему издавна потягло; а господинъ мой держитъ то село въ дому пречистыа Богородици, а не продасть его, ни дастъ никому, ни мѣнитъ ни съ кѣмъ; а далъ есмь то село напоминокъ своимъ родителемъ и себѣ и всему своему роду. А на то послуси: Иванъ Ильичь, Ананья діакъ митрополичь, Иванъ Истлѣнье. А грамоту писалъ Семенъ чернецъ; а запечаталъ есмь крестцемъ (*крестомъ*).

(*А. Юрид. б. I, стр. 445*).

280. Показаніе Василія Микулинича королю Казиміру в. 1444 г.

Господину господарю в. королю слуга твой Василей Микулиничъ твоее милости господару своему, низко челомъ бьетъ. Што твоя милость пишетъ, господаръ мой, до мене о тыхъ людехъ о Брушанѣхъ, о пошлинахъ, ино я, господару, Олькирда (*Ольгерда*) не помню, помню князя в. Витонта, дядю твоего; и то, господару, помню: давывали 50 куницъ княгини в. Витовтовой, съ дыма по куницы, а по три гроши житщины, а въ кухню по курети и по десети яецъ и по полгроша; а бобровникъ одинъ съ конемъ и со псомъ, а дохода ему грошъ; а къ жниву 3 дни, и на яръ 3 жъ дни, а сѣна 4 стырты ставять, и на Усоячи ѣзъ забиваютъ—старына жъ, а Варейнинахъ не бывало, то имъ, господару, новина жъ,—а подъ намѣстники у подводахъ не хоживали; хоживали подъ княземъ в. Витовтомъ дяди твоего отъ Вытебска до Смоленска, а отъ Смоленска до Полоцка; а о суды межа, головщина, о сокольее гнѣздо, о бобры, зъ еремя; а то суживали на городѣ намѣстники твои.

(*А. Южн. и Запад. Рос. I, № 23*).

281. Дороговизна и денежное дѣло въ Новгородѣ.

Въ 1446 г. въ Новѣгородѣ хлѣбъ дорогъ бысть, не токмо сего единого году,

по всю 10 лѣтъ, по двѣ коробьи на полтину, иногды болѣ, иногды менши, иногды негдѣ купить; и бысть скорбь и туга крестьяномъ велми, толко слышати плачь и рыданіе по улицамъ и по торгу, и мнози отъ глада падающе умираху, дѣти предъ родители своими, и отци и матери предъ дѣтми своими; и мнози разидошася, иніи въ Литву, иніи въ Латыньство, иніи же бесерменьству и Жидомъ изъ хлѣба даяхуся гостемъ. А въ то время не бѣ въ Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и возсташа ябедници, изнарядиша четы и обѣты и цѣлованія на неправду, и начаша грабити по селомъ и по волостемъ и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣзда велика и боры частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всими людми на старѣйшины наша и на градъ нашь, зане не бѣ въ насъ милости и суда права.

Въ 4447 г. начаша людіе денги хулити сребряныя, даже и вси Новгородци другъ на друга смотря, и бысть межи ими толка и мятежь и нелюбовь; и посадникъ и тысяцкій, и весь Новгородъ уставиша 5 денежниковъ и начаша переливати старыя денги, а новыя ковати въ туже мѣру на 4 почки таковы же, а отъ дѣла отъ гривны по полуденгѣ; и бысть крестьяномъ скорбь велика и убытокъ въ городи и по волостемъ...

Того же лѣта Новгородци охулиша сребро, рубли старыи и новыи; бѣ денежникамъ прибытокъ, а сребро передѣлама на денги, а у денежниковъ поимаша посулы... Выведе Сокира посадникъ ливца и вѣсца серебряного Ѳедора Жеребца на вѣче, напоилъ его нача *сочити* (*хитро розыскивать*): »на кого еси лилъ рубли?« онъ же оговори 18 человѣкъ, и по его рѣчемъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ домы разграбиша и изъ церквей вывозиша животы (*пожитки*) ихъ, а преже того по церквамъ не искивали. И еще того же Ѳедора нанаша безъправдивыи боляре научати говорить на многихъ людей, претяще ему смертью; онъ же протрезвився рече: »на всѣхъ есмь лилъ, и на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею ливци.« Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи мнозѣ, а голодники и ябедники и посулники радовахуся, толко бы на кого выговорилъ; и того самаго смерти предаша, а животъ его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бысть во градѣ мятежь великъ, и оттолѣ и самъ Сѣкира разболѣся и умре.

(*П. С. Лѣт. IV, 124. 125 126*).

282. Жалованная вел. кн. Маріи Ярославны Чухломскому монас. 1450.

По осподаря свого грамотѣ в. кн. Василія Васильевича, се азъ княгини в. Марья пожаловала есмь дому пречистые Богородицы честнаго ея Покрова, на Чюхломѣ на городкѣ, игумена Александра съ братьею, или кто иный игуменъ будетъ по немъ у Покрова преч. Богородицы въ монастырѣ: что ихъ монастырскои починокъ въ Верховьѣ, въ Усолской волости, и кто людей у нихъ монастырскихъ въ томъ починкѣ живетъ, и тѣмъ ихъ людемъ ненадобѣ ни тамга, ни осминьче, ни явка, ни мытъ, ни косткы, ни иные никоторые пошлины, никаковъ проторъ; да что ихъ варница монастырская у Соли съ Суплепскою варницею, и кто у нихъ будетъ закащикъ монастырской, и онъ въ той варницѣ варитъ на монастыръ, какъ и на меня на в. княгиню варятъ въ моей варницѣ, безъ череду и безъ стоялницъ. А волостели мои усолскіе и ихъ тіуни того монастырскаго заказщика не судятъ ни въ чемъ, ни доводщикы въ ту варницу невходятъ. Да что тутo жъ у нихъ у Соли монастырская же ихъ полварницы, на великомъ колодязѣ, да и

въ иныхъ варницахъ три четвертины, ино ненадобѣ съ нихъ ни противень, ни площькы, ни тамга, ни домытницы, ни иные имъ никоторые пошлины не надобѣ, ни явленное; а волостели мои усолскіе, и ихъ тіуни и доводчики, у игуменовыхъ Александровыхъ варницъ дровъ не емлютъ. А коли у игумена Александра бываетъ его сушенье, и тіуны и доводщики тогды въ варницу не влазятъ, а къ коробу не приступаютца. А волостели мои усолскіе и ихъ тіуны въ монастырской починокъ въ Верховье къ его людямъ къ монастырскимъ, и къ пришлымъ, и къ старожилцомъ, не высылаютъ къ нимъ ни по что доводщиковъ своихъ ни поборовъ у нихъ не берутъ, ни кормовь волостели мои на нихъ не емлютъ и не судятъ ихъ; а вѣдаетъ и судитъ тѣ свои люди игуменъ Александръ, самъ или его братья, или кому прикажютъ; а смещетця судъ съ моими людми съ волостными тѣмъ ихъ людямъ монастырскимъ, и волостели мои усольскіе или ихъ тіуны судятъ, а игуменъ Александръ съ ними судитъ, или кому прикажетъ. А правъ ли будетъ, виноватъ ли волостной человѣкъ, и онъ волостелю въ правдѣ и въ винѣ; а игуменовъ человѣкъ правъ ли, виноватъ ли, и онъ потомужь въ правдѣ и въ винѣ игумену; а волостели мои въ игуменова человѣка невступаютца, ни въ праваго ни въ виноватаго. А черезъ сю мою грамоту кто на нихъ что возметъ, или чѣмъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни. А дана грамота въ лѣто 6959-е, октября въ 4 день.

(*А. Истор. I, № 49*).

283. Купчая Кириллова мон. 1448—1468.

Се язъ Касіянъ игуменъ Кирилова монастыря, Пречистой въ домъ купилъ есмь въ Островьскомъ ѣзу полночи (*рыбу ловить*). у Ондрея у Борисова; а далъ есмь полтора рубля новгороцкіе. — А на то послуси: старецъ Илья, старецъ казначеи Сергѣи, старецъ Тимовеи, Гридя поповъ, Василь поповъ, Самойло. А грамоту писалъ чернецъ Митрофанъ; а грамота безъ печати.

(*А. Юрид. № 73, стр. 120*).

О древнемъ промышленномъ состояніи Россіи можно читать въ Рус. Правдѣ и грамотахъ въ отдѣлѣ *Администраціи и Юридическомъ*. См. также статьи: о Святославѣ, о Югрѣ, Поуч. Мономаха, Житіе Антонія Римлянина, Слово о богатомъ до 1200 г., Дух. Завѣщанія Московс. князей, Липицкая битва, Ханскіе Ярлыки, Нашествіе Тохтамыша, Хожденіе въ Царьградъ дьяка Александра и др.

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

284. Сказаніе о Щиловѣ монастырѣ.

Бысть въ В. Новѣградѣ чюдо страшно и оудивленію достойно. Бѣ нѣкій посадникъ, именемъ Щилъ, имѣя оу себѣ сына единаго, бѣ бо богатъ зѣло, и многимъ даяше сребро свое въ лихву: взимаше на годъ по денгѣ, на новогородской рубль новогородскую денгу, и оттого собра много, и помысливъ на то сребро церковь поставити, и монастырь создати. И обрѣте мѣсто отъ града два

поприща и пріиде ко Іоанну архіепископу, прося благословенія отъ него на основаніе церкви пресв. Богородицы честнаго ея Покрова. Архіепископъ же даде ему благословеніе на таковое великое дѣло божіе и отъиде. Щилъ же пріимъ благословеніе отъ архіепископа, и посла сына своего найти дѣлатели и готовити вся потребная на созданіе церкви; сынъ же сотвори вся повелѣнія, и возвѣсти отцу своему. Щилъ же моля архіепископа, дабы ѣхалъ на основаніе церкви оноя, начало положилъ; архіепископъ же моленія его не презрѣ, и иде на основаніе церковное со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ нимъ множество народа, и основаніе церкви положи, со освященнымъ соборомъ. Щилъ же, по совершеніи церковномъ и основаніи, постави трапезу велію и добрѣ оучредивъ архіепископа, дарми одаривъ, и отпустивъ во градъ съ великою честію, а самъ въ домъ свой и отъиде, славя Бога. Архіепископъ же, пріѣхавъ въ домъ св. Софіи, и пріятъ книги и чтяше правила св. отецъ, и нача разсуждати въ собѣ, вдавъ благословеніе Щилу, а вѣдая его богата суща и мздоимца, понеже не вопроси его отъ коего собранія такое великое дѣло замысли, и о томъ архіепископъ въ великомъ недоумѣніи бысть и въ скорби. Щилъ же нача созидати церкви; по совершеніи же церковнемъ, пріиде ко архіеп. Іоанну, и моли его, дабы освятилъ храмъ той. Архіепископъ же повелѣ ему съ собою внити въ тайную храмину. Щилъ же вшедъ въ тайную храмину, и рече ему св. Іоаннъ архіепископъ: повѣждь ми, чадо, не скрый Господа ради: отъ коего собранія своего сицевое дѣло начинаеши? Щилъ же отъ страха и оужаса паде къ ногамъ святителя, и глаголя: согрѣшихъ отче, прости мя; мнози же людіе прихождаху ко мнѣ, взимаху сребро и даяхъ имъ въ лихву, на 14 гривенъ, и на 4 денги, на годъ по денгѣ. И на то сребро создахъ церковь, и монастырь оградихъ, и нынѣ, владыко, что ми повелѣваеши? Архіепископъ же глагола ему: и нынѣ ти повелеваю, оустрои себѣ вся погребалная, срачицу, и саванъ, и вся, яже суть на погребеніе мертвымъ; и исповѣждься отцу своему духовному вся согрѣшенія своя, и въ погребалныхъ ляги въ созданномъ своемъ гробѣ, и надгробная повели надъ собою пѣти, всемогій же Богъ откроетъ елико хощетъ, а мы, чадо, готови будемъ со всѣмъ соборомъ. Щилъ же, слышавъ отъ святителя, плача и рыдая, и вскорѣ оустроивъ гробъ и погребалная, и исповѣдався согрѣшенія отцу своему духовному: и скрыися во гробѣ, и соборнѣ надъ нимъ пѣвше надгробная пѣнія, и внезапну Щилъ во гробѣ оумре, и разсѣдеся мостъ церковный, и необрѣтеся гробъ предъ ними. И бысть ту пропасть велія; святитель же пріиде на освященіе церковное, и видѣвъ страшное оное видѣніе, и повелѣ изуграфомъ вапы на стѣнахъ писати церковныхъ надъ пропастью въ подобіе образъ Щиловъ. Самъ же отъ страха и оужаса отъиде въ домъ св. Софіи, и неосвященну церковь повелѣ запечатати, дондеже изволитъ Богъ: той и сотворитъ.

Сынъ же Щиловъ, плача и рыдая, и пріиде, и припаде къ ногама святителя, и рече: святитель великій, помози ми лишенія ради отца моего! что ми повелиши да сотворю? Архіепископъ же повелѣ ему въ постѣ и въ молитвѣ пребыти, и рече: еще заповѣдаю ти, чадо, 40 дней да луторгисаютъ оу 40 церквей. Даждь священникомъ доволно, и причетникомъ, и нищимъ и темничникомъ: и въ тѣхъ 40 днехъ на всякъ день понахіды поютъ и литургіи служатъ неизмѣнно, и на распутіяхъ никого не минуй, ни алчна, ни жадна, ни нага, да и монастырь препитай елико возможно, и тако сотвори: и пріиди къ нашему смиренію, и возвести ми о семъ. Сынъ же Щиловъ повелѣ литургіи служити 40 дней, лишенія ради отца своего, и милостыню нищимъ доволно давати, и сотворивъ всю четыредесятницу елика заповѣда ему святитель. Сынъ же Щиловъ пріиде по архіепископу и возвести ему: что сотворихъ лишенія ради отца своего; вторицею повелѣ ему творити яко же преже сотворилъ 40 дней. Архіепископъ же посла архідіакона досмотрити въ церкви Щиловѣ пропасти, архідіаконъ же видѣ Щилова гроба наруже не много и отъиде запечатавъ церковь, и возвести архіепископу чюдо сіе о немъ. Архідіаконъ же пріиде, и возвести великому святителю, что Щилова гроба наруже не много видѣть. Архіепископъ же повелѣ Щилову сыну въ постѣ, и въ молитвѣ пребыти и творити еще и вторую четыредесятицу: такожде сотворивъ, и пріиди къ нашему смиренію, и возвести о семъ. Архіепископъ же посла того же архідіакона досмотрити Щиловы пропасти, архідіаконъ же пріиде и видѣвъ того гробъ половина наруже, и пріиде и возвести архіепископу чюдо сіе. Сынъ же рекомаго Щила пріиде ко архіепископу и возвести ему: еже сотворихъ лишенія ради отца свого, по повелѣнію его елико заповѣда ему святитель. Архіепископъ же призва Щилова сына, и повелѣ ему въ тѣ дни пребывати въ молитвѣ и въ постѣ, и творити повелѣ ему ту четыредесятницу, вдвое того больши давати божіимъ церквамъ, и нищимъ, и страннымъ. Сынъ же Щиловъ четыредесять дней подаяхъ (ѧ) божіимъ церквамъ, священникомъ, и причту, и нищимъ, и темничникомъ, и страннымъ, болши прежняго вдвое. Архіепископъ же посла того же архідіакона, въ третіе досмотрити того великаго чюдеси. Архідіаконъ пріиде въ церковь, и видивъ той гробъ наруже весь, и возвѣсти святителю чюдо сіе.—Щиловъ же сынъ повелѣ служити литургіи 40 дней лишенія ради отца своего, и милостыню доволну даяше во всю четыредесятницу, елико заповѣда ему святитель то

и сотвори. Сынъ же Щиловъ прiиде ко святителю и возвести ему: что сотворихъ лишенiя ради отца своего всю 40 дней. Архiепископъ же повелѣ надъ нимъ соборнѣ пѣти надгробная пѣнiя всему освященному собору, и погребе его самъ съ освященным соборомъ съ великою честiю, а храмъ той освяти самъ съ освящен. соборомъ., во славу Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

(П. стар. рус. лит. I, 21—26).

О Щилѣ разъясненiе въ очеркахъ Буслаева. II, 58—61.

285. Егорiй Храбрый.

Во святой землѣ, православной,
Нарожается желанное дѣтище
У тои ли премудрыя Софiи:
И нарекаетъ она по имени
Свое то дѣтище Георгiй,
По прозваньицу–храбрый.
Возрастаетъ Георгiй храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ,
Отъ добра дѣла не отходючи,
Святымъ словомъ огрожаючи.
Міру крещеному угожаючи,
Какъ и сталъ онъ, Георгiй храброй,
Во матерь возрастъ приходити,
Умъ-разумъ спознавати,
И учалъ онъ во тѣ поры
Думу крѣпкую оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Софiи:
»Соизволь, родимая матушка,
»Осударыня премудрая Софiя
»Ѣхать мнѣ ко землѣ свѣтло-русской
»Утвержать вѣры христiанскiя.«
И даетъ ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая Софiя,
Свое благословенiе великое:
Ѣхать ко той землѣ свѣтло-русской,
Утвержать вѣры христiанскiя.
Ѣдетъ онъ, Георгiй храброй,
Ко той землѣ свѣтло-русской,
Отъ востока до запада поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
Наѣзжаетъ онъ, Георгiй храброй,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучiе;
Хочетъ онъ, Георгiй, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй туто проторити:
Нельзя Георгiю тудо проѣхати,
Нельзя храброму тудо подумати.
И Георгiй храброй проглаголуетъ:
»Ой вы, лѣса, лѣса, темные!
»Ой вы, лѣса, лѣса, дремучiе!
»Зароститеся лѣса темные
»По всей землѣ свѣтло-Русской,
»Расвиньтеся лѣса дремучiе
»По крутымъ горамъ по высокiимъ,
»По Божьему все велѣнью,
»По георгiеву все моленью!
По его, слову, георгiеву,
По его ли, храбраго, моленiю,
Заростали лѣса темные
По святой землѣ свѣтло-русской,
Раскидалися лѣса дремучiе
По крутымъ горамъ, по высокiимъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгiй храброй,
На тѣ горы на высокiя,
На тѣ холмы на широкiя;
Хочетъ онъ, Георгiй, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити;
Нельзя Георгiю туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгiй храброй проглаголуетъ:
»Ой вы, горы, горы высокiя!
»Ой вы, холмы, холмы широкiе!
»Равсыпьтеся горы высокiя
»По всей землѣ свѣтло–русской,
»Становитесь холмы широкiе
»По степямъ, полямъ зеленымъ,
»По Божьему все велѣнiю,
»По георгiеву все моленiю!«
По его ли, слову георгiеву,
По его ли, храбраго, моленiю,
Разсыпалися горы высокiя
По всей землѣ свѣтло-русской,
Становилися холмы широкiе
По степямъ, полямъ зеленымъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгiй храброй,
На тѣ моря, на глубокiя,
На тѣ рѣки, на широкiя;
Хочетъ онъ, Георгiй, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгiю туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгiй храброй проглаголуетъ:
»Ой вы моря, моря глубокiя!
»Ой вы рѣки, рѣки широкiя!
»Потеките моря глубокiя
»По всей землѣ свѣтло–русской,
»Побѣгите рѣки широкiя
»Отъ востока да и до запада,
»По Божьему все велѣнiю,
»По георгiеву все моленiю!«
По его слову ли, георгiеву,
По его ли, храбраго, моленiю,
Протекали моря глубокiя,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Пробѣгали рѣки широкiя
Отъ востока да и до запада.
Наѣзжаетъ онъ, Георгiй храброй,
На тѣхъ звѣрей, на могучiихъ,
На тѣхъ звѣрей, на рогатыихъ;
Хочетъ онъ, Георгiй, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгiю туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгiй храбрый проглаголуетъ:
»Ой вы, звѣри, звѣри могучiе!
»Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!

»Заселитеся звѣри могучіе
»По всей землѣ свѣтло-русской,
»Плодитеся звѣри рогатые
»По степямъ, полямъ безъ числа.
»По Божьему все велѣнію,
»По Георгіево все моленію.«
И онъ, Георгій храброй, заповѣдуетъ
Всѣмъ звѣрямъ могучимъ,
Всѣмъ звѣрямъ рогатыимъ:
»А и есть про васъ на съѣдомое
»Во поляхъ трава муравчата,
»А и есть про васъ на пойлицо
»Во рѣкахъ вода студеная.«
По его ли, слову георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Заселялися звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-русской;
Плодилися звѣри могучіе
По степямъ, полямъ безъ числа;
Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, заповѣданное
Отъ его, Георгія храбраго.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На то стадо, на зміиное,
На то стадо на лютое;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити;
И стадо зміиное возговоритъ
Ко тому ли Георгію храброму:
»Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
»Али ты, храброй, не знаешь:
»Что та земля словомъ заказана,
»Словомъ заказана, заповѣдана.
»По той землѣ заповѣданной
»Пѣшъ человѣкъ не прохаживалъ,
»На коню никто не проѣзживалъ.
»Уйми ты, Георгій, своего коня ретиваго,
»Воротися ты, храброй, самъ назадъ.«
Вынималъ Георгій саблю острую,
Нападалъ храброй на стадо зміиное.
Ровно три дня и три ночи
Рубитъ, колетъ стадо зміиное;
А на третій день ко вечеру
Посѣкъ, порубилъ стадо лютое.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На ту землю свѣтло-русскую,
На тѣ поля, рѣки широкія,
На тѣ высоки терема, златоверхіе.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити.
Какъ и тутъ ли ему, Георгію,
Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
Какъ и тутъ ли ему, храброму, приглаголуютъ:
»А и тебя ли мы, Георгій, дожидаючись,
»Тридцать три года не вступаючи
»Съ высока терема, златоверхаго,
»А и тебя ли мы, храбраго, дожидаючись,
»Держимъ на роду великъ обѣтъ:
»Отдать землю свѣтло-русскую,
»Принять отъ тебя вѣру крещеную.«
Пріимаетъ онъ, Георгій храброй,
Ту землю свѣтло-русскую

Подъ свой великъ покровъ,
Утверждаетъ вѣру крещеную
По всей землѣ свѣтло-русской.

(*Сказ. Сахарова II. 24—26*).

См. Калѣки Безсонова. 2, 440.

Стихъ о »Егоріи Храбромъ« предлагаетъ грубую смѣсь церковныхъ сказаній съ поэтическими вымыслами, отзывающимися миѳическою старіною. Устроеніе Русской земли Егоріемъ Храбрымъ— будто бы какой нибудь эпизодъ изъ космогонической поэмы о сотвореніи міра. Сестры Егорія въ еловой корь, вмѣсто тѣла, и обросшія ковылъ-травою, вмѣсто волосъ, къ тому же пасущія волковъ—ни что иное, какъ миѳическія чудовища, перешедшія въ легенду изъ древнѣйшихъ эпическихъ преданій. Самъ басурманскій царь представляется въ образѣ миѳическаго чудовища, которое кричитъ по звѣриному, шипитъ по змѣиному. По одному варіанту, это чудовище, убитое Егоріемъ, своею кровью производитъ потопъ, согласно съ скандинавскимъ миѳомъ о потопѣ, происшедшемъ отъ крови убитыхъ великановъ.

Одольла кровь Георгія бусурманская, окаянная;
Стояла онъ въ крови не по кольнъ, не по поясъ,
А стояла онъ въ крови по бѣлы груди.

Потомъ, по моленію Егорьеву, разступилась мать-сыра-земля и пожрала эту бусурманскую кровь.

Въ иныхъ варіантахъ смѣшеніе эпохъ и именъ доходитъ до того, что Егорій представляется русскимъ княземъ, сыномъ какого-то Черниговскаго князя, взятымъ въ плѣнъ и мучимымъ отъ татарскаго хана. (Истор. Христ. Буслаева, стр. 1622).

Во всемъ этомъ стихѣ, сквозь миѳическій ликъ св. Георгія Храбраго, сквозь миѳическія черты его богатырской, героическо-полубожской дѣятельности, проглядываютъ нѣкоторые смутные отголоски историческіе. Егорій Храбрый является намъ, въ народномъ воображеніи, героемъ-полубогомъ, могучимъ воздѣлывателемъ русской земли, начинателемъ, основателемъ ея физической

культуры, земскаго устроенья (¹). Для такого объясненія стиха мы имѣемъ нѣкоторыя историческія основанія. Изъ исторіи колонизаціи видимъ, что на обоихъ путяхъ первоначальнаго движенія и разселенія славянскаго племени по финскому сѣверовостоку, на системѣ волжско-камской или ростовско-суздальской и на системѣ полярно-балтійской или новгородской цивилизаціи,— Егорій Храбрый былъ признаваемъ русскими колонистами спутникомъ и помощникомъ въ борьбѣ съ суровой сѣверо-восточной природой, съ Чудью, съ финскимъ язычествомъ, а потомъ съ XIII в. и съ бусурманствомъ. Побѣдоносный Юрій Долгорукій, недаромъ носившій имя Храбраго побѣдоносца, первый неутомимый устроитель сѣверо-восточной, волжской страны Великой Руси, — Юрій Долгорукій, именно, какъ изображаемый народнымъ эпосомъ Егорій Храбрый, героически носился по русской землѣ, вдоль и поперекъ исходилъ ее, въ теченіе своихъ 22 лѣтнихъ походовъ, отъ приднѣпровья до Новгорода, отъ верховьевъ и до низовьевъ Волги, вдоль и поперекъ извѣдалъ всю лѣсную и польскую землю. Раздѣлялъ въ ней лѣсъ и поле, онъ рубилъ лѣса, средоточія звѣрей и звѣроловной Чуди-Мери, и строилъ въ полѣ свои знаменитые польскіе и залѣсскіе города — начатки гражданственной культуры—Москву, Юрьевъ Польскій, Юрьевъ Повольскій, Дмитровъ, Переславль Залѣсскій, Кострому, Галичь Мерскій, а по Татищевой лѣтописи, и Ярославль, и еще нѣкоторые другіе города. Строя города и ставя въ уѣздахъ ихъ села, заботясь о распространеніи и утвержденіи христ. вѣры на финскомъ сѣверѣ, Юрій Долгорукій признавалъ своимъ сподвижникомъ въ борьбѣ съ дикой, непочатой почти природой и съ невѣрными финскими и другими племенами сѣверной Руси, св. Георгія Храбраго. Потому онъ любилъ въ городахъ и селахъ, имъ устроенныхъ, ставить первыя церкви во имя Георгія Храбраго. По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, онъ не только въ городахъ, но и въ нѣсколькихъ селахъ построилъ церкви во имя Георгія побѣдоносца. (Никон. II, 135 и д.). Точно также новгородцы, колонизуя сѣверо-восточную финскую страну русской земли за увалами, въ другой полярно-балтійской рѣчной системѣ, также большую часть погостовъ назвали георгіевскими отъ церквей во имя св. Георгія Храбраго. Въ этомъ всякій можетъ увѣриться изъ Писцовыхъ книгъ пятинъ и погостовъ новгородскихъ. Мало того: путь новгородской колонизаціи среди дремучихъ лѣсовъ въ сѣверо-восточныхъ земляхъ «Бѣлоглазой Чуди» по рѣкѣ Сухонѣ и ея притокамъ ознаменованъ въ лѣтописяхъ новгородскихъ даже особыми легендами о Георгіѣ побѣдоносцѣ (¹). На основаніи такихъ историческихъ фактовъ, мы позволяемъ себѣ догадку, что въ стихѣ о Егоріѣ Храбромъ народный эпосъ выразилъ идею первоначальнаго земскаго строенья, физической культуры русской земли, идею могучей богатырской силы славянскаго племени въ борьбѣ съ лѣсами непроходимыми, дремучими, съ цѣлыми стадами звѣрей рыскучихъ и рогатыхъ, да съ Чудью языческой, а съ XIII вѣка и съ Татарами—бесерменами. Какъ Егорій Храбрый проторялъ себѣ путь до перваго жилья, поселенія человѣческаго, черезъ темные дремучіе лѣса, черезъ широкія рѣки, черезъ болота топучія, черезъ стада лютыхъ звѣрей и волковъ рыскучихъ, черезъ лютыя стада змѣиныя; такъ и славянорусское племя проторяло себѣ путь колонизаціи на финскомъ сѣверовостокѣ, сквозь темные дремучіе лѣса, черезъ зыбучія болота и толкучіе холмы, по широкимъ рѣкамъ пробираясь, съ одной стороны въ слѣдъ за удалыми новгородскими молодцами, ушкуйниками и гостями—устроителями сѣверо-поморской земли, съ другой—по слѣдамъ Храбраго Юрія Долгорукаго, неутомимаго устроителя волжской земли. И когда народъ русскій, призывая на помощь Георгія Храбраго, въ основныхъ частяхъ, совершилъ первоначальную, подготовительную физическую культуру, архитектоническую обстройку и пограничную территоріальную установку русской земли путемъ покоренія и собранія всей земли, путемъ вольно-народнаго перехода и колонизаціоннаго самоустройства среди лѣсовъ непроходимыхъ, среди финскихъ и частію бесерменскихъ племенъ,— тогда для него наступилъ многознаменательный въ нашихъ юридическихъ актахъ Юрьевъ день, — памятный досель и въ народной земледѣльческой исторіи и въ народномъ физическомъ или сельско-хозяйственномъ дневникѣ — день Георгія Храбраго". (*А. П. Щапова:* „Истор. очерки народн. міросозерц. и суевѣрія." *Журн. Мин. Народ. Просв., 1865 г., кн. 1, отд. IV, стр. 26—30*).

(¹) По переводу Азбуковниковъ XVII вѣка, Георгій—значитъ *воздѣланный*.

(¹) Легенда разсказываетъ, что въ половинѣ XII в., въ 27 верстахъ ниже нынѣшняго г. Никольска, на р. Югѣ при впаденіи р. Молоковицы, новгородскіе молодцы поселились на лѣвой сторонѣ Юга противъ жилья Чуди. Когда Чудь дѣлала нѣсколько разъ нападенія на смѣлыхъ пришельцевъ, они молились св. Георгію,—и враги, видя явленіе воина на бѣломъ конѣ, грозящаго имъ съ кровли часовни, каждый разъ удалялись. Вологодс. губерн. Вѣд. 1845, № 11.

286. Олегъ Святославичъ.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Росъ Вольга Буслаевичъ до пяти годковъ,
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой земли:

Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.
И пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языковъ разныихъ.
Будетъ Вольга семнадцати лѣтъ
Прибираетъ дружину хоробрую:
Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ Вольга былъ во тридцатыихъ.
»Дружина, скаже, моя добрая, храбрая!
»Слушайте большаго братца, атамана-то:
»Вейте веревочки шелковыя,
»Становите веревочки во темну лѣсу,
»Становите веревочки по сырой земли,
»И ловите вы куницъ и лисицъ,
»Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,
»И ловить по три дня и по три ночи.«
Слушали большаго братца, атамана-то
Дѣлали дѣло повеленое:, и т. д.
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ левымъ звѣремъ (львомъ),
Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
»Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
»Слушайте большаго братца, атамана-то:
»Вейте силышка шелковыя,
»Становите силышка на темный лѣсъ,
»На темный лѣсъ, на самый верхъ,
»Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
»И малую птицу пташицу.
»И ловите по три дни и по три ночи.«
И слушали большаго брата, атамана-то,
Дѣлали дѣло повеленое;
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ Науй-птицей, (*)
Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.
И будутъ во городѣ во Кіевѣ,
Скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
»Возьмите топоры дроворубные,
»Стройте суденышко дубовое,
»Вяжите путевья шелковыя,
»Выѣзжайте вы на сине море,
»Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
»Щученьку и плотиченку,
»И дорогую рыбку осетринку,
»И ловите по три дни, и по три ночи.«
И слушали большаго братца, атамана-то,
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ рыбой щучиной
И побѣжалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученку и плотиченку,
Дорогую рыбу осетринку.
И будутъ во градѣ, во Кіевѣ,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ,
»Дружина моя добрая, хоробрая,
»Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
»Провѣдати про думу, про царскую,
»Что царь думы думаетъ,
»Думаетъ ли ѣхать на Святую Русь?
»Стараго послать,—будетъ долго ждать;
»А середняго послать-то,—виномъ запоятъ,
»А малаго послать,—заиграется;
»Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти!«
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малою птицею, пташицей,
Полетѣлъ онъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя,—
Говоритъ царь со царицею:
»Ай же ты, царица Панталоновна!
»Я знаю про то, вѣдаю:
«На Руси-то трава растетъ не по старому,
»Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,
»А видно, Вольги-тб живого нѣтъ.«
Гогоритъ царица Панталоновна:
»Ай же ты, царь, Турецъ-Санталъ!
»На Руси трава все растетъ по старому,
»А ночесь спалось,—во снѣхъ видѣлось:
»Бывъ (будто) сподъ восточныя, сподъ сторонушки
Налетѣла птица, малая пташица,
А сподъ западней сподъ сторонушки
»Налетѣла птица черный воронъ;
»Слеталися они во чистомъ полѣ,
»Промежду собой подиралися;
»Малая-то птица пташица
»Чернаго ворона повыклевала,
»По перушку она повыщипала
»И на вѣтеръ все повыпускала.«
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
»Ай же ты, царица Панталоновна!
»А я думаю скоро ѣхахъ на Святую Русь,
»Возьму я девять городовъ
»И подарю своихъ девять сыновей,

(*) *Науй*, иначе *ноть* или *нога* является и въ другихъ произведеніяхъ: въ стихѣ о Егоріѣ Храбромъ и въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ.

»Привезу себѣ шубоньку дорогую.«
Говоритъ царица Панталоновна:
»А не взять тебѣ девяти городовъ«,
Проговоритъ царь Турецъ-Сандалъ:
»Ахъ ты старый чортъ!
»Сама спала, себѣ сонъ видѣла!«
И ударитъ онъ по бѣлу лицу,
И повернется,—по другому, (по другой щекѣ)
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю во второй-то разъ:
»А поѣду я на святую Русь«, и т. д.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малымъ горносталюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную;
И повернется онъ добромъ молодцемъ:
И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перезалилъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ:
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малою птицею пташицей,—
И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею со дружиною со доброю:
»Дружина моя добрая, хоробрая!
»Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю!«
И пошли они во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали.
»Дружина моя добрая, хоробрая!
»Станемъ-те теперь полону подѣлять!«
Что было надѣлу дорого?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей.....

(Пѣсни Рыбников. I, 1—6).

287. Микула Селянинович.

Молодой Вольга Святославовичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою (данью).
Выѣхалъ въ раздольице чисто-поле,
Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ. (1).
Ѣхалъ Вольга до ратая,
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,

(1) Эта былина записана со словъ крестьянина Олонецкой губерніи, гдѣ почва, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, совершенно каменистая.

А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, и т. д.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые,
Говорилъ Вольга таковы слова:
»Божья ти помочь, оратаюшко!
»Орать, да пахать, да крестьянствовати,
»Съ края въ край бороздки пометывати,
»Коренья, каменья вывертывати!«
Говорилъ оратай таковы слова:
»Поди-ко, Вольга Святославовичъ
»Со своею со дружинушкой хороброю,
»Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
»Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
»Со своею со дружинушкой хороброю?«
—»Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
»Ѣду къ городамъ за получкою
»Ко первому городу ко Гурчевцу,
»Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
»Ко третьему городу ко Крестьяновцу.« (1).
Говорилъ оратай таковы слова:
»Ай же, Вольга Святославовичъ!
»А недавно я былъ въ городни, третьего дни,
»На своей кобылкѣ соловоей,
»Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
»Два мѣха соли, по сороку пудъ.
»И живутъ-то мужики все разбойники,
»Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
»А былъ я съ шалыгой (2) подорожною,
»Платилъ имъ гроши подорожные:
»Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
»А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ«.
Говорилъ Вольга таковы слова:
»Ай же оратай, оратаюшко,
»Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!«
Этотъ оратай оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,

(2) Этими тремя городами пожаловалъ Олега Владиміръ стольно-кіевскій, безъ котораго дѣло не обходится ни въ одной былинѣ (кромѣ новгородскихъ): народная фантазія сдѣлала Олега племянникомъ Владиміра.

(2). *Шалыга* — тоже, что *шелепуга*: плеть съ обвязанной пулей, кистень.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
»Ай же Вольга Святославовичь!
»Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
»И не для—ради прохожаго; проѣзжаго,
»А для—ради мужика деревенщины.
»Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
»Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
»И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?«
Молодой Вольга Святославовичь
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Пять молодцевъ могучіихъ
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Молодой Вольга Святославовичь
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ;
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
»Постой-ка ты, ратай, ратаюшко!
»Этая кобылка коньком бы была,—
»За эту кобылку пятьсотъ бы дали.«
Говорилъ оратай таковы слова:
»Глуный Вольга Святославовичь!
»Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
»И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
»Этая кобылка конькомъ бы была,—
»За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.«
Говорилъ Вольга Святославовичь:
»Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
»Какъ то тебя именемъ зовутъ,
»Какъ звеличаютъ по отечеству?«
Говорилъ оратай таковы слова:
»Ай же, Вольга Святославовичь!
»А я ржи напашу, да во скирды сложу,
»Во скирды складу, домой выволочу,
»Домой выволочу, на дома вымолочу,
»Драни надеру, да и пива наварю,
»Пива наварю, да и мужиковъ напою.
»Станутъ мужички меня поликивати:
»Молодой Микулушка Селяниновичъ!«

(Пѣсни Рыбников. I, 18—22).

288. Садко богатый.

Сначала Садко былъ бѣденъ; да умѣлъ онъ играть на гуселкахъ яровчатыхъ. Но вотъ три дня сряду йе зовутъ его съ гуслями на пиръ; Садко идетъ къ Ильменѣ-озеру и начинаетъ играть на берегу. Изъ воды показывается царь морской, и въ награду за удовольствіе, доставленное ему игрою Садка, предлагаетъ ему биться съ купцами новгородскими о великъ закладъ, что въ Ильменѣ водится рыба-золотыя перья.

Идетъ Садко отъ озера, зовутъ его съ гуслями на пиръ, начинаетъ онъ играть, да хвастаетъ, что есть рыба-золотыя перья въ Ильмень-озерѣ. Бьются съ нимъ объ закладъ: онъ закладываетъ буйну голову, трое купцовъ—каждый по три лавки товара краснаго. Закидываетъ Садко шелковый неводъ, добываетъ три рыбки-золотыя перья, и выигрываетъ девять лавокъ съ товаромъ краснымъ. Начинаетъ Садко торговать и идутъ къ нему барыши великіе.

Тогда онъ зоветъ къ себѣ на пиръ Новгородцевъ.

Говорятъ настоятели новгородскіе:
»Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
»Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?«
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
»А чѣмъ мнѣ Садку хвастаться,
»Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
»У меня-ль золота казна не тощится,
»Цвѣтно платьице не носится,
»Дружина хоробрая не измѣняется,
»А похвастать не похвастать безчетной золотой казной:
»На свою безсчетну золоту казну
»Повыкуплю товары новгородскіе,
»Худые товары и добрые.«
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новгородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ
Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,
Что-бъ въ Новгородѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хороброю,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары новгородскіе
На другой день ставалъ Садко ранымъ рано,
и т. д.
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новгородскіе.
На третій день вставалъ Садко ранымъ-рано,
и т. д.
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Подоспѣли товары московскіе

На тую на великую на славу новогородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
»Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
»Еще повыкупню товары московскіе,—
»Подоспѣютъ товары заморскіе.
»Не я, видно, купецъ богатъ новогородскій,
»Побогаче меня славный Новгородъ.«
Проигралъ свой закладъ Садко, да не по чемъ ему!

На свою безсчетную казну выстроилъ Садко тридцать кораблей, нагрузилъ ихъ товарами, поплылъ Волховомъ въ Ладожское озеро, изъ Ладожскаго озера Невою въ сине море, продавалъ товары новогородскіе и получалъ огромные барыши. На возвратномъ пути поднимается страшная буря: »мы еще никогда не платили дани морскому царю, говоритъ Садко, и спускаетъ въ море бочку серебра. Но буря не унимается. Тогда бросаютъ жребій, кому быть выброшену въ море—живою данью морскому царю; жребій выпадаетъ самому Садко. Онъ пишетъ на кораблѣ духовную—часть имѣнья женѣ, часть церквамъ Господнимъ, часть нищей братіи. Его сажаютъ на доску и спускаютъ съ доскою на воду; Садко беретъ гусли съ собою. Онъ засыпаетъ на доскѣ,

Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная,
Заходитъ Садко въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ царь морской,
Голова у царя какъ куча сѣнная.
»Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
»Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
»Мнѣ царю дани не плачивалъ,
»А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
»Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты;
„Поиграй же мнѣ въ гусельки яровчаты“
Какъ началъ играть Садко въ гусельки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской въ синемъ морѣ,

Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ еще Садко и третьи,
А всѣ пляшетъ царь морской въ синемъ морѣ,

Во синемъ морѣ вода восколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,

Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ;
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому,

Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
„Ай же ты Садко новгородскій!
„Полно играть въ гуселышки яровчаты!“
Обернулся—глядитъ Садко Новгородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатыій.
Говорилъ Садко Новогородскій:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ,
„Приказано играть въ гуселки яровчаты.“
Говоритъ старикъ таковы слова:
„А ты струночки повырывай,
„А ты шпеночки повыломай.
„Скажи—у меня струночекъ не случилося,
„А шпеночковъ не пригодилося,
„Не во что больше играть:
„Приломалися гуселки яровчаты.“

Садко исполняетъ приказаніе Миколы Можайскаго. Тогда царь морской предлагаетъ ему жениться въ синемъ морѣ; онъ также, по совѣту Миколы, пересматриваетъ въ три пріема до 900 красавицъ и выбираетъ въ невѣсты девятьсотъ-первую. Садко празднуетъ свадьбу на днѣ морскомъ, а за ночь Микола Можайскій переноситъ его съ женой въ Новгородъ, и онъ изъ благодарности строитъ церковь Миколѣ.

(Пѣсни Рыбник. I, 370—380)

О Садкѣ можно читать въ Сѣвернорус. Народопр. Костомарова.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

289. Торговля въ древней Руси.

Народы, изъ коихъ составлялось государство россійское, и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованія: ибо самые грубые Древляне жили отчасти въ городахъ; самые Вятичи и Радимичи, Варвары по описанію Несторову, издревле занимались хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней, но мы не имѣемъ никакого историческаго объ этомъ свѣдѣнія. Первыя извѣстія о нашемъ купечествѣ относятся уже ко временамъ варяжскихъ князей: договоры ихъ съ Греками свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ жило множество Россіянъ въ Царѣградѣ, которые продавали тамъ невольниковъ и покупали всякія ткани. Звѣриная ловля и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоцѣнныхъ мѣховъ, бывшихъ, вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ предметомъ ихъ торговли. Константинъ Багрянородный пишетъ, что въ Хазарію и въ Россію шли тогда изъ Царяграда пурпуръ, богатыя одежды, сукна, сафьянъ, перецъ: къ симъ товарамъ, по извѣстію Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествіе россійскихъ купцевъ въ Грецію описываетъ Константинъ слѣдующимъ образомъ: »Суда ихъ приходятъ въ Царьградъ изъ Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные Россамъ Славяне, Кривичи, Лучане и другіе, зимою рубятъ лѣсъ на горахъ своихъ и строятъ лодки, называемыя *моноксиля* (однодеревки), ибо онѣ дѣлаются изъ одного дерева. По вскрытіи Днѣпра, Славяне приплываютъ въ Кіевъ и продаютъ оныя Россіанамъ, которые дѣлаютъ уключины изъ старыхъ лодокъ и веселъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь россійскій флотъ въ городкѣ Витичевѣ, откуда идетъ уже къ порогамъ. Дошедши до четвертаго и самаго опаснаго, то есть, Неясыть, купцы выгружаютъ товары и ведутъ скованныхъ невольниковъ около 6,000 шаговъ берегомъ. Печенѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за порогами, близъ такъ называемаго Крарійскаго перевоза (гдѣ Херсонцы, возвращаясь изъ Россіи, переправляются чрезъ Днѣпръ). Отразивъ сихъ разбойниковъ, и доплывъ до острова св. Григорія, Россіяне приносятъ богамъ своимъ жертву благодарности, и до самой рѣки Селины, которая есть рукавъ Дуная, не встрѣчаютъ уже никакой опасности; но тамъ, ежели вѣтромъ прибьетъ суда ихъ къ берегу, они снова должны сражаться съ Печенѣгами, и наконецъ, миновавъ Конопу, Константію, также устье болгарскихъ рѣкъ, Варны и Дицины, достигаютъ Месимвріи, перваго греческаго города. Сія торговля безъ сомнѣнія весьма обогащала Россіянъ, когда они для ея выгодъ отваживались на столько опасностей и трудовъ, и когда она была предметомъ всякаго ихъ мирнаго договора съ имперіею. Они ходили на

судахъ не только въ Болгарію, въ Грецію, Хазарію или Тавриду, но, если вѣрить Константину, и въ самую отдаленную Сирію. Черное море, покрытое ихъ кораблями, или, справедливѣе сказать, лодками, было названо *Русскимъ*. Но цареградскіе купцы едвали ѣздили чрезъ пороги днѣпровскіе; одни, кажется, Херсонцы торговали въ Кіевѣ. Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго отечества, имѣли съ нимъ также и мирныя торговыя связи. Будучи народомъ кочующимъ и скотоводнымъ, подобно нынѣшнимъ Киргизамъ и Калмыкамъ, они продавали Россіянамъ множество азіатскихъ коней, овецъ и быковъ; но Константинъ къ сему извѣстію прибавляетъ явную ложь, сказывая, что въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скота рогатаго. Волжскіе Болгары, по сказанію Эбнъ-Гаукаля, арабскаго географа X вѣка, доставали отъ насъ шкуры черныхъ куницъ или скіескихъ соболей; но сами не ѣздили въ Россію, будто бы для того, что въ ней убивали всѣхъ иноземцевъ. О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ скандинавскихъ и нѣмецкихъ лѣтописцахъ. Средоточіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со временъ Рюриковыхъ поселились многіе Варяги, дѣятельные въ морскомъ грабежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоцѣнныя ткани, домовые приборы, царскія одежды, шитыя золотомъ, и мягкую рухлядь. Первыя не могли быть собственнымъ рукодѣліемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что они покупали сіи богатыя одежды и ткани въ Царѣградѣ, куда, по сказанію Несторову, ѣзжали Новгородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Виннетѣ и другихъ балтійскихъ городахъ находились купцы россійскіе. Мы знаемъ, что Ливонія зависѣла отъ Владиміра: тамъ ежегодно бывали многолюдныя ярмонки, собирались весною норвежскіе и другіе купцы, покупали невольниковъ, мѣха и возвращались въ отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, что лѣтописцы сего времени обыкновенно называютъ Россію страною, изобильною всѣми благами, omnibus bonis affluentem. Вѣроятно, что великіе князья, слѣдуя примѣру скандинавскихъ владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народной торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственная подать въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ вещахъ, нежели въ деньгахъ. Изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ медомъ и шкурами, или съ оброкомъ княжескимъ—что называлось: возить повозъ. Слѣдственно казна изобиловала товарами и могла отпускать ихъ въ чужія земли. Россіяне, подобно Норманамъ, соединяли торговлю съ грабежемъ. Извѣстно, что они славились морскими разбоями въ окрестностяхъ Меларскаго озера, и что желѣзныя цѣпи при Стокзундѣ (гдѣ нынѣ Стокгольмъ) не могли удерживать. Требованіе Грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ мореходцы россійскіе предъявляли отъ своего князя письменное свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: тутъ, кажется, что нѣкоторые Россіяне подъ видомъ купечества выѣзжали грабить на Черное море; а послѣ, вмѣстѣ съ другими, приходили свободно грабить въ Царьградъ. Надобно было отличить истинныхъ купцевъ отъ разбойниковъ.

(*Ист. госуд. рос. Н. М. Карамзина I, стр. 244—49*).

290. Объ имуществахъ духовенства.

Значительность владѣній духовенства не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; она

должна была поразить всякого, кому только удавалось прочитывать, или перелистывать пачки собранія юридическихъ и историческихъ актовъ. Эти владѣнія были чрезвычайно разнообразны и въ рукахъ, нашего духовенства сосредоточивались въ прежнее время, недвижимыя имущества всякаго рода. Въ числѣ этихъ разнородныхъ имуществъ особеннаго вниманія, частію по своей многочисленности, частію по прибыльности ихъ для духовенства, заслуживаютъ слѣдующія: 1, *домы, дворы и подворья*, которыми многіе монастыри владѣли въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ торговыхъ пунктахъ. 2, *разныя хозяйственныя строенія и заведенія*: амбары и житницы для храненія монастырскихъ припасовъ и товаровъ, гостинные дворы, лавки, харчевни и бани, которыми въ прежнія времена, когда духовенству еще дозволялось заниматься торговлей, владѣли въ городахъ и посадахъ духовныя заведенія и лица, мельницы, соляныя варницы и другія сельско-хозяйственныя заведенія. 3, *земли населенныя съ ихъ принадлежностями*, пустоши и порожія мѣста, лѣса, пожни и сѣнокосы, луга и пастбища, бобровыя и бортныя ухожья, озера, рѣки и болота. Для многихъ обителей рыбныя ловли составляли исключительное средство содержанія. Кромѣ того изъ духовныхъ заведеній пользовались правомъ производить рыбную ловлю въ чужихъ водахъ и въѣзжать въ княжескіе и частные лѣса для рубки дровъ. 4, *земли населенныя*, села, деревни, починки, слободы, посады и даже города.

Имущества находились главнымъ образомъ во владѣніи высшихъ сановниковъ духовныхъ и знаменитыхъ монастырей; были также имущества у церквей и у отдѣльныхъ лицъ бѣлаго и чернаго духовенства. Уваженіе нашихъ предковъ къ иноческой жизни, постриженіе князей и и княгинь и другихъ богатыхъ лицъ, а равно и построеніе ими монастырей,— влекло за собою матеріальное обезпеченіе ихъ. Желаніе быть погребеннымъ въ монастырѣ не оставалось безъ вліянія на его обогащеніе; а уваженіе и довѣренность, которыми пользовались многіе члены монашескаго сословія у князей и частныхъ лицъ, давали первымъ возможность заботиться съ успѣхомъ объ увеличеніи богатства тѣхъ обителей, къ которымъ они принадлежали. Надо замѣтить и то, что для людей, старавшихся обезпечить поминовеніе, а слѣдов. спасеніе своей души, монастыри имѣли особенную важность, п. ч. всего болѣе дѣйствительности и силы можно было ожидать отъ такихъ молитвъ, которыя возносились цѣлымъ собраніемъ людей, отказывавшихся отъ міра и часто прославившихся святостью своей жизни. Понятно, что какъ правительство, такъ и частныя лица были гораздо щедрѣе къ обителямъ, прославившимся подвигами своихъ основателей, чистотою жизни ихъ преемниковъ, самою древностію своей,— чѣмъ къ монастырямъ, недавно возникшимъ и малоизвѣстнымъ. Нѣкоторыя изъ обителей различными услугами, оказанными правительству, пріобрѣли себѣ право на особенную благосклонность и щедрость. Наконецъ, къ пожалованію вотчинъ извѣстнымъ монастырямъ преимущественно предъ другими, содѣйствовало иногда и то обстоятельство, что монастыри эти основаны были въ честь тѣхъ святыхъ, къ которымъ дарители чувствовали особенное уваженіе и довѣренность.

По всѣмъ этимъ причинамъ, въ то самое время, какъ нѣкоторые монастыри владѣли многочисленными вотчинами въ различныхъ областяхъ,—многіе монастыри имѣли едва по сотни крестьянъ, а нѣкоторые, вовсе не получивъ населенныхъ вотчинъ, разработывали сами принадлежавшія имъ пустоши, состояли на ругѣ или же содержались добровольными приношеніями мѣстныхъ жителей, находясь въ весь-

ма незавидномъ и крайне бѣдномъ положеніи.

Кромѣ монастырей и домовъ архіерейскихъ, участіе въ поземельномъ владѣніи принимали еще церкви *соборныя и приходскія*. Первыя владѣли богатыми вотчинами съ самыхъ древнихъ временъ; а послѣднія рѣдко владѣли землями и еще рѣже населенными. Содержаніе приходскихъ церквей, въ большей части случаевъ, было не обезпечено, и бѣлое духовенство было очень бѣдно. Всѣ виды церковнаго имущества составляли не частную, но общественную собственность духовенства; они принадлежали не лицамъ, но архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ. На ряду съ ними существовали, однакоже, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ, такого рода имущества, которыми владѣли, какъ собственностію отдѣльною, лица бѣлаго и чернаго духовенства.—Недвижимыя имущества духовенства состояли иногда *въ оброчномъ*, а частью *въ помѣстномъ* владѣніи; но бол. частію *въ пожизненномъ* и составляли его *вотчину*, т. е. принадлежали ему на правахъ полной собственности, п. ч. жертвователи посвящали свои дары Богу на вѣчныя времена.

Разнообразныя и значительныя привилегіи, которыми пользовалось наше духовенство въ древнее время, не похожи на тѣ преимущества, какія существовали въ Греціи, хотя обычай жертвовать духовенству привилегіи и перешелъ въ Россію изъ Греціи. Въ Греціи они основывались, по бол. части, на общихъ узаконеніяхъ и распространялись одинаково на все духовенство. Въ Россіи, совершенно напротивъ, основаніемъ имъ служили не общіе законы (за исключеніемъ устава о церковныхъ судахъ и ханскихъ ярлыкахъ), а частныя грамоты; сила же ихъ распространялась не на все духовенство, а только на тѣ монастыри и церкви, которымъ они именно были предоставлены. Самыя права духовенства, по владѣнію недвижимыми имуществами, были весьма разнообразны: часто одинъ монастырь въ одной вотчинѣ пользовался обширными привилегіями, а въ другой не имѣлъ никакихъ. Объемъ правъ зависѣлъ отъ содержанія *жалованныхъ* грамотъ, которыя назывались и *тарханами* (1); онѣ опредѣляли подробно и точно эти права.

Жалованныя грамоты монгольскихъ хановъ или *ярлыки*, по большей части, заключали въ себѣ слѣдующія привилегіи и льготы: 1, Признаніе свободы вѣроисповѣданія и неприкосновенности всѣхъ зданій и вещей, служащихъ для богослуженія. 2, Общее признаніе неприкосновенности церковныхъ имуществъ и запрещеніе всѣмъ лицамъ, подчиненнымъ ханамъ Золотой орды, нарушать вещественныя права церкви, какимъ бы то ни было образомъ. 3, Освобожденіе духовенства отъ всѣхъ податей и повинностей. 4, Признаніе за митрополитомъ права судить все духовенство и управлять безотчетно церковнымъ имуществомъ. 5, Льгота отъ податей, которая распространяема была въ ярлыкахъ не только на лицъ духовнаго званія, но и на членовъ ихъ семейства, жившихъ съ ними въ одномъ домѣ.

Жалованныя грамоты князей, княгинь и другихъ лицъ давали духовенству слѣдующія права и преимущества: 1, Право призывать на свои земли людей для заселенія. 2, Освобожденіе духовенства и крестьянъ его отъ податей и повинностей. 3, Право взимать, вмѣсто правительства, извѣстныя подати съ извѣстныхъ лицъ. 4, Особыя преимущества относительно порядка взноса податей. 5, Освобожденіе владѣльцевъ духовнаго званія и ихъ приказчиковъ отъ подсудимо-

(1) У Татаръ *тарханомъ* назывался человѣкъ, освобожденный отъ всѣхъ повинностей, налагаемыхъ царемъ, и необязанный дѣлиться съ нимъ полученною на войнѣ добычею.

сти мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ. 6, Предоставленіе владѣльцамъ права суда и расправы надъ людьми, поселенными на ихъ земляхъ. 7, Право имѣть особыхъ приставовъ по судным дѣламъ. 8, Назначеніе особыхъ сроковъ, въ которые только можно было ихъ призывать къ суду. 9, Освобожденіе крестьянъ духовнаго вѣдомства отъ законной отвѣтственности за смертные случаи, происходившіе въ ихъ селахъ. 10, Право монастырей держать собственное пятно для покупки и продажи лошадей и брать за это пошлины. 11, Запрещеніе княжескимъ чиновникамъ въѣзжать въ села духовнаго вѣдомства, ставиться въ нихъ и брать насильственно кормы, подводы и проводниковъ. 12, Запрещеніе незваннымъ ѣздить въ монастырскія села на пиры и братчины. 13, Запрещеніе попрошатаямъ и скоморохамъ ѣздить въ монастырскія села. Кромѣ этихъ существенныхъ привилегій, въ грамотахъ находимъ нѣкоторыя частныя преимущества, которыя предоставлялись монастырямъ по поводу случайныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Жалованныя грамоты духовныхъ властей, митрополитовъ и архіепископовъ, давались монастырямъ и церквамъ: власти освобождали ихъ отъ податей и повинностей, которыя шли въ пользу епархіальнаго начальства, или освобождали отъ подсудности духовныхъ властей.

Доходы, которые получались духовными властями и монастырями съ ихъ населенныхъ имѣній, съ подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ, одни имѣли частный характеръ и состояли изъ *оброковъ* и *личныхъ повинностей*, опредѣлявшихся обычаями и договорами, другіе уступлены были государствомъ, а именно: пошлины *судебныя*, *пятенныя*, *таможенныя*, *помѣрныя* и проч. Крестьяне обязаны были исполнять всѣ монастырскія издѣлія въ хозяйственномъ и промышленномъ отношеніяхъ. *Расходы* духовенства были двоякаго рода: предметомъ однихъ были частныя нужды временныхъ владѣльцевъ церковнаго имущества; предметомъ другихъ—постоянныя общественныя нужды церкви и государства. Всѣ расходы перваго рода шли на одинъ предметъ, на обезпеченіе содержанія самихъ служителей церкви и ихъ штата и прислуги. Во второмъ случаѣ издержки шли на богослуженіе, сооруженіе, сохраненіе, украшеніе зданій церковныхъ и монастырскихъ, на благотвореніе бѣднымъ нищимъ и на другія пособія народу. Духовенство обязано было доставлять подати и исправлять повинности въ пользу государства, которыя были весьма многочисленны и разнообразны. Такъ оно уплачивало подати, какъ и всѣ владѣльцы имѣній, иногда вносило особый оброкъ въ замѣнъ повинностей, отъ которыхъ освобождено было тарханными грамотами; архіереи и монастыри дѣлали добровольныя приношенія въ пользу правительства; духовенство обязано было ставить даточныхъ людей въ случаѣ войны, доставлять пошлины въ пользу епархіальнаго начальства и т. под. При богатствѣ нѣкоторыхъ духовныхъ завѣщаній и при той благоразумной распорядительности, которою отличались нѣкоторые изъ архіереевъ и игуменовъ, весьма понятно, что въ монастырской казнѣ оставались часто, за покрытіемъ всѣхъ нужныхъ издержекъ, лишнія суммы. Суммы эти употреблялись иногда для расходовъ, которые можно назвать производительными и которые имѣли цѣлью увеличеніе богатства и доходовъ монастыря или церкви. Сюда могутъ быть отнесены расходы на покупку новыхъ вотчинъ, на содержаніе разныхъ хозяйственныхъ зданій и вообще на поддержаніе и улучшеніе монастырскаго, или церковнаго хозяйства. Вообще доходы превосходили нѣсколько разъ пожертвованія, которыя требовались отъ духовенства въ древнее время.

Въ происхожденіи и быстромъ увеличеніи церковныхъ имущесгвъ надо видѣть не случайное, но исторически необходимое явленіе, проистекавшее изъ дѣйствительныхъ *потребностей* прежняго общества и вполнѣ соотвѣтствовавшее тѣмъ особымъ религіознымъ идеямъ, которыя господствовали въ жизни нашихъ предковъ. Одно объясненіе причинъ, побуждавшихъ князей и народъ древней Руси къ одаренію вотчинами монастырей и церквей, уже достаточно для того, чтобъ оправдать существованіе церковныхъ имуществъ и раскрыть историческую необходимость, а слѣдовательно и разумность этого явленія. Къ тому же самому заключенію приводитъ насъ и разсмотрѣніе тѣхъ особенныхъ, религіозныхъ, хозяйственныхъ и политическихъ послѣдствій, которыми сопровождались *скопленіе* недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ духовенства и присвоеніе этому сословію обширныхъ вотчинныхъ правъ. Изученіе этихъ послѣдствій показываютъ намъ, что имущества церковныя имѣли свое историческое значеніе, что они въ свое время принесли значительную пользу какъ церкви, такъ и государству, и что въ ихъ существованіи заключалось единственное средство достигнуть многихъ важныхъ и необходимыхъ для тогдашняго общества цѣлей. Во всемъ этомъ мы легко убѣдимся, если только взглянемъ ближе на важнѣйшія изъ послѣдствій, которыми сопровождалось существованіе этихъ имуществъ.

Первое и, безъ сомнѣнія, самое важное, самое благодѣтельное изъ этихъ послѣдствій состояло въ томъ, что церковныя имущества, обезпечивъ содержаніе духовенства, упрочили тѣмъ самымъ существованіе церкви, а слѣдовательно утвердили и самое господство христіанства въ нашемъ отечествѣ. Нѣтъ ничего легче, какъ убѣдиться въ томъ, что церковныя имущества дѣйствительно содѣйствовали во многомъ достиженію этого важнаго итога: стоитъ только вспомнить, что распространеніе христіанства въ Россіи было бы не возможно безъ существованія особаго духовнаго сословія, что существованіе этого сословія было бы не возможно, въ свою очередь, безъ назначенія ему особыхъ и достаточныхъ средствъ содержанія, и что, наконецъ, никакихъ другихъ средствъ содержанія, кромѣ недвижимыхъ имуществъ, назначить въ тѣ времена было нельзя, по самому существу первоначальныхъ хозяйственныхъ и финансовыхъ отношеній. Надо вспомнить еще, что доходовъ съ вотчинъ, предоставленныхъ во владѣніе служителямъ церкви, доставало не только для безбѣднаго ихъ состоянія, но и для множества другихъ расходовъ, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ мы уже замѣтили, принадлежало расходамъ на построеніе или украшеніе монастырей, церквей и другихъ богослужебныхъ зданій. Такимъ образомъ недвижимыя имущества, предоставленныя духовенству, обезпечивая его содержаніе и освобождая отъ необходимости снискивать себѣ пропитаніе тяжкими трудами, доставляли ему возможность, съ одной стороны, посвящать себя исключительно прямымъ своимъ обязанностямъ, съ другой — распространять постоянно число своихъ членовъ, а слѣдовательно вмѣстѣ съ этимъ и господство христовой вѣры. Притомъ назначеніе духовному сословію такого прочнаго и самостоятельнаго источника дохода, какимъ были недвижимыя имущества, было важно и въ томъ отношеніи, что ставило служителей церкви въ совершенно независимое положеніе относительно ихъ паствы, а тѣмъ значительно возвышало въ глазахъ народа ихъ значеніе и вѣсъ. Таковы были прямыя послѣдствія существованія церковныхъ имуществъ! Но косвенныя его послѣдствія были еще значительнѣе, т. ч. они состояли во всѣхъ тѣхъ религіозныхъ и гражданскихъ послѣдствіяхъ, которыми сопровождалось въ

Россіи, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, утвержденіе христіанской вѣры. Распространяться о важности этихъ послѣдствій мы считаемъ совершенно безполезнымъ; замѣтимъ только, что церковный имущества непосредственнымъ образомъ содѣйствовали ихъ осуществленію, ибо безъ нихъ, въ первыя времена, и самое существованіе духовнаго сословія было бы невозможно. Въ этомъ отношеніи можно смѣло сказать, что еслибъ не имущества эти, поставившія духовенство съ самаго начала въ безбѣдное и независимое положеніе, то, безъ сомнѣнія, церковь русская не могла бы ни выполнить съ такимъ успѣхомъ своего религіознаго призванія, ни произвести на смягченіе нравовъ, развитіе просвѣщенія и успѣхи гражданственности того благодѣтельнаго вліянія, которое производило оно всегда и вездѣ.

Но этого мало. Въ послѣдствіяхъ, нами указанныхъ, заключалось главное, но не единственное назначеніе церковныхъ имуществъ. Существованіе ихъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ принесло несомнѣнную пользу. Такъ, напримѣръ, на развитіе и улучшеніе *народнаго хозяйства* имущества эти имѣли вліяніе самое благодѣтельное, которое можетъ быть отнесено къ числу полезнѣйшихъ послѣдствій ихъ существованія. Духовенству доставлялись по большой части земли пустыя, сохранившія тотъ самый видъ, въ которомъ они вышли изъ рукъ природы. При первоначальной неустроенности экономическихъ отношеній, при воинственномъ направленіи тогдашняго общества, при отсутствіи личной и вещественной безопасности,—слѣдствіи гражданскаго неустройства и безпрестанныхъ войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, земли эти, по всей вѣроятности, никогда бы не вышли изъ своего первобытнаго состоянія, если бы они не попали въ руки духовенства, которое усердно занялось ихъ заселеніемъ и разработкою. Къ этому побуждали его собственная выгода и необходимость извлечь какую—нибудь пользу изъ имуществъ, которыя сами по себѣ составляли только мертвый, безплодный капиталъ. При томъ владѣльцы духовнаго званія скорѣе всѣхъ другихъ могли взяться за подобное предпріятіе и совершить его съ успѣхомъ: они находились въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другія сословія. Съ одной стороны, они имѣли несравненно болѣе образованія и были гораздо менѣе отвлекаемы посторонними занятіями, нежели другіе классы народа; съ другой—они спокойнѣе и безопаснѣе другихъ владѣли своими вотчинами, и менѣе всѣхъ терпѣли отъ главнаго бѣдствія тѣхъ временъ, отсутствія личной и вещественной безопасности. Князья, въ своихъ безпрерывныхъ раздорахъ, оказывали болѣе пощады церковному имуществу, чѣмъ свѣтскому; самые Монголы щадили вотчины духовенства; а отъ притѣсненій гражданскихъ чиновниковъ и сильныхъ людей монастыри и церкви, вслѣдствіе принадлежащихъ имъ привилегій, скорѣе могли защищаться, нежели частныя люди свѣтскаго званія. Данное духовенству право призывать крестьянъ въ свои вотчины облегчало ему возможность заселенія принадлежавшихъ ему пустошей, а многочисленныя привилегіи, которыя предоставлены были крестьянамъ духовнаго вѣдомства, привлекали къ духовенству множество людей и содѣйствовали къ прочному и постоянному водворенію ихъ на церковныхъ земляхъ. Духовенство вполнѣ понимало выгоды своего положенія и постоянно дѣятельно заботилось о заселеніи и хозяйственной разработкѣ принадлежавшихъ ему пустошей. Невозможно опредѣлить съ точностію количества земель, такимъ образомъ заселенныхъ и разработанныхъ духовенствомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что у насъ точно такъ же, какъ и на западѣ Европы, количество это было весьма значительно, и что

подъ покровомъ монастырей возникло множество богатыхъ селеній и городовъ, на мѣстахъ совершенно пустынныхъ. По словамъ автора »Исторіи рос. іерархіи«, монастыри, безпрестанно распространяя хозяйство посредствомъ своихъ подданныхъ, обдѣлали и удобрили многія дикія, впустѣ лежавшія, земли и населили оныя людьми; осушили великія болота, прокапывали многія каналы, и, чрезъ сообщеніе оныхъ съ рѣками, прежде другихъ въ Россіи открыли хозяйственное судоходство; лѣса лишніе вычищали, а сберегали лучшіе; пролагали дороги по мѣстамъ непроходимымъ, построили вездѣ на удобнѣйшихъ мѣстахъ мельницы и другіе заводы; выучивали подданныхъ всѣмъ нужнымъ для общежитія мастерствамъ, и имѣли самыхъ лучшихъ во всемъ мастеровъ; распложали въ вотчинахъ своихъ наилучшія породы домашняго скота; заводили при своихъ мѣстахъ знатные торговые съѣзды и ярмарки, отъ чего вкругъ ихъ населились потомъ цѣлые посады и города, и обогатились оными» (1). Такая оцѣнка экономическихъ заслугъ монастырей, м. б., нѣсколько преувеличена, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что большая часть этого отзыва совершенно справедлива. Исторія сохранила намъ память о многихъ игуменахъ, отличавшихся особою хозяйственною распорядительностію и сдѣлавшихъ чрезвычайно много для развитія народнаго богатства.

Но если на умноженіе народнаго богатства существованіе церковныхъ вотчинъ имѣло вліяніе чрезвычайно благодѣтельное, то, съ другой стороны, вліяніе его на предотвращеніе золъ, производимыхъ *народною бѣдностью*, было не менѣе ощутительно. Одна изъ причинъ прежней щедрости къ духовенству заключалась въ убѣжденіи, что имущество церковное составляетъ собственность бѣдныхъ, и что важнѣйшее назначеніе его заключается въ доставленіи церкви нужныхъ средствъ для дѣятельнаго благотворенія. Въ большой части случаевъ, духовенство дѣйствительно такимъ образомъ смотрѣло на свои вотчины, и значительную часть доходовъ, съ нихъ получавшихся, употребляло на вспоможеніе бѣднымъ, на учрежденіе человѣколюбивыхъ заведеній. Такимъ образомъ не одно духовенство извлекало пользу изъ своихъ вотчинъ: ими пользовались и бѣдные, участь которыхъ была тѣмъ сноснѣе, чѣмъ богаче надѣляема была вотчинами церковь. Кромѣ духовенства, въ тѣ времена и при тогдашнемъ состояніи общества, никто не могъ дѣйствовать съ успѣхомъ на поприщѣ общественнаго призрѣнія. Государство первоначально не было въ состояніи заботиться само объ этой важной вѣтви общественнаго благоустройства, и потому даже тѣ пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, которыя дѣлаемы были непосредственно правительствомъ, сосредоточивались, обыкновенно, въ рукахъ церкви и находились въ ея завѣдываніи. Самое понятіе о необходимости помогать бѣднымъ и облегчать ихъ участь принесено было къ намъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, духовнымъ сословіемъ, которое постоянно увѣщевало и подвигало, какъ князей, такъ и народъ къ подвигамъ благотворенія. Надо замѣтить, что духовенство наше помогало не только тѣмъ бѣднымъ, которые были въ совершенной невозможности удовлетворять своимъ нуждамъ и составляли особое сословіе, находившееся подъ непосредственнымъ покровительствомъ и вѣдѣніемъ церкви, »питавшіеся отъ церкви божіей«, но кромѣ того имѣло еще возможность оказывать вспоможенія людямъ всякаго званія, случайно впадавшимъ въ несчастіе. Богатства духовнаго сословія оказывались особенно полезными для всѣхъ разрядовъ народа въ неурожайные годы,

(1) Ист. рос. іерарх. т. II, ст. XVII—XVIII.

при дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ. Полиціи народнаго продовольствія въ прежнее время не существовало; средства правительства были слишкомъ ничтожны, чтобы пособить злу; и только одно духовенство, получавшее огромное количество хлѣбныхъ запасовъ съ своихъ вотчинъ и хранившее ихъ въ своихъ житницахъ, могло въ этихъ случаяхъ оказывать нужную помощь. Оно дѣйствительно оказывало ее, продавая свой избытокъ за дешевую цѣну, или даже раздѣляя его безденежно между всѣми нуждающимися.

Кромѣ религіознаго и хозяйственнаго назначенія церковныхъ имуществъ, они имѣли еще назначеніе *политическое*, которому также вполнѣ удовлетворяли. Другими словами, кромѣ церквей и народа, государство, или выражаясь точнѣе—правительство извлекало также изъ ихъ существованія многоразличную пользу. Во 1, существованіе этихъ имуществъ значительно облегчало финансовое положеніе правительства, освобождая его отъ обязанности жертвовать свои доходы на содержаніе духовенства, на призрѣніе бѣдныхъ, на прокормленіе народа во время голода. Въ особенности необходимость содержать духовенство на счетъ казны, необходимость тяжкая и для современныхъ благоустроенныхъ правительствъ, въ тѣ времена, при младенческомъ неустроенномъ состояніи государственнаго хозяйства, могла бы совершенно подавить средства князей и разстроить всю экономію тогдашняго финансоваго быта. Во 2, правительство выигрывало в. много отъ заселенія и разработки монастырями земель пустыхъ, которыя, въ первоначальномъ ихъ видѣ, не приносили и не могли приносить казнѣ никакаго дохода, никакой выгоды. Въ 3, не смотря на освобожденіе крестьянъ, большой части духовныхъ заведеній отъ податей и повинностей, — правительство извлекало положительную финансовую выгоду изъ существованія обширныхъ церковныхъ имуществъ, п. ч. во всѣхъ особенныхъ случаяхъ, и преимущественно въ военное время, получало нужныя ему пособія отъ монастырей, которые имѣли всегда значительные и свободные капиталы и употребляли ихъ часто добровольно, или по необходимости для содѣйствія государственнымъ цѣлямъ. Наконецъ въ 4-хъ, князья извлекали изъ существованія монастырскихъ имуществъ и чисто политическую пользу, ибо посредствомъ этихъ имуществъ, сохраненію и увеличенію которыхъ они могли содѣйствовать или препятствовать,—держали въ постоянной отъ себя зависимости одно изъ самыхъ могущественныхъ и *вліятельныхъ* сословій; съ другой стороны, они выигрывали чрезвычайно много и отъ того, что это сословіе, составлявшее въ прежнія времена главную ихъ опору, присоединяло къ своему нравственному могуществу могущество матеріальное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ борьбѣ своей съ удѣльными князьями и съ вольными городами, и вообще въ исполненіи своихъ политическихъ видовъ и намѣреній, вел. князья московскіе получали много содѣйствія и помощи отъ духовенства; и нѣтъ сомнѣнія также, что это содѣйствіе не было бы такъ искренно и въ тоже время такъ могущественно, если бы, съ одной стороны, существованіе церковныхъ имуществъ не связывало интересовъ духовенства съ интересами московскихъ князей, а съ другой—не увеличивало бы вліянія его на народъ и не возвышало его значенія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ особенности должно обратить при этомъ вниманіе на содѣйствіе, оказанное духовенствомъ, вел. князьямъ московскимъ въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями и въ стремленіи къ водворенію единодержавія; нѣтъ никакого сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ преданности духовенства видамъ и политикѣ князей мо-

ковскихъ было убѣжденіе въ тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя оно должно было пріобрѣсти отъ сосредоточенія всѣхъ владѣній въ рукахъ одного князя. Дѣйствительно при существованіи удѣловъ, съ одной стороны духовенству было гораздо труднѣе охранить безопасность своихъ владѣній и правъ, ибо сохраненіе этой безопасности зависѣло не отъ одного, но отъ многихъ; а съ другой—удѣльные князья чаще нарушали права духовенства, чѣмъ вел. князья, что и было причиною желанія многихъ монастырей освободиться отъ зависимости мѣстныхъ владѣльцевъ и перейти въ непосредственное вѣдѣніе вел. князей московскихъ. Нигдѣ права духовенства не нарушались такъ часто, какъ въ Новгородѣ, и нигдѣ не появилась такъ рано, какъ въ этомъ городѣ, мысль о секуляризаціи,—именно потому, что тамъ покровительство моск. князей и м-та имѣло наименѣе значенія, и мѣстное духовенство находилось въ совершенной зависимости отъ мѣстнаго свѣтскаго правительства. Разсѣянность монастырскихъ вотчинъ по разнымъ княженіямъ еще болѣе заставляла духовенство желать уничтоженія удѣловъ, ибо сопровождалось не только неудобствами въ управленіи, но и большею трудностью въ сохраненіи пріобрѣтенныхъ правъ и въ огражденіи ихъ отъ нарушеній. Особенно въ случаѣ войны между удѣльными князьями, духовенство одного удѣла легко могло лишиться своихъ вотчинъ, находившихся въ другомъ удѣлѣ, п. т. въ то время всѣ средства вредить врагу считались дозволенными. По всѣмъ этимъ причинамъ духовное сословіе должно было ревностно желать сосредоточенія всѣхъ удѣловъ въ рукахъ одного князя, ожидая оттого многихъ выгодъ и не предвидя тѣхъ неудобствъ, которыя впослѣдствіи для него возникли именно изъ этого сосредоточенія.

Исчисляя разнаго рода выгоды, полученныя государствомъ, церковью и народомъ отъ существованія церковныхъ имуществъ, мы имѣли въ виду доказать, что имущества эти имѣли свое *историческое* назначеніе, котораго онѣ вполнѣ достигли. Но, съ теченіемъ времени, вотчины духовенства постигла та же самая участь, какая, по общему историческому закону, постигаетъ всякое учрежденіе, теряющее свою необходимость и перестающее находить оправданіе своего бытія въ дѣйствительныхъ потребностяхъ народа или государства. Чѣмъ болѣе устроивалось русское общество, чѣмъ болѣе пріобрѣтало силы и вліянія правительство, тѣмъ слабѣе становилась та польза, которую приносили земельныя богатства церкви, тѣмъ менѣе чувствовали необходимость въ ихъ существованіи. Правительство сдѣлалось мало по малу способнымъ къ удовлетворенію многимъ нуждамъ, попеченіе о которыхъ возлагалось прежде на самое духовенство. Такъ, напр., съ теченіемъ времени, вслѣдствіе развитія и лучшаго устройства финансовыхъ отношеній, исчезла прежняя невозможность казны обезпечивать собственными средствами издержки содержанія духовенства и вспоможенія бѣднымъ. Съ другой стороны, политическія соображенія требовали сосредоточенія той и другой вѣтви администраціи въ рукахъ самого правительства. Польза, которую оказывала обширность церковныхъ владѣній, связывая интересы духовенства съ интересами моск. князей и побуждая первое стоять на сторонѣ послѣднихъ, въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями, также уничтожилась съ той минуты, какъ уничтожились самые удѣлы, и вел. князь московскій сдѣлался единственнымъ и полнымъ владѣтелемъ всей Россіи. Так. обр. прежнее историческое значеніе церков. имуществъ стало уменьшаться мало по малу

по мѣрѣ измѣненій, происходившихъ въ обстоятельствахъ, правахъ и учрежденіяхъ. Съ теченіемъ времени они перестали доставлять тѣ выгоды, какія доставляли прежде, и въ тоже время стали вести къ очевиднымъ и значительнымъ неудобствамъ; существованіе ихъ стало оказываться не только безполезнымъ, но и положительно вреднымъ,—вреднымъ и для самого духовенства, и для всѣхъ другихъ сословій, и наконецъ для правительства, какъ представителя общихъ государственныхъ интересовъ. Сознаніе этихъ вредныхъ послѣдствій и желаніе пресѣчь ихъ въ самомъ корнѣ и послужило главною причиною появленія мысли *секуляризаціи* и происшедшей, вслѣдствіе того, перемѣны въ отношеніяхъ нашего правительства къ имѣніямъ и правамъ духовнаго сословія.

Мы сказали, что скопленіе значительнаго количества недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ монастырей и церквей стало съ теченіемъ времени оказываться вреднымъ для самаго духовенства. Оправдать это замѣчаніе не трудно. Во 1-хъ, надѣлъ церкви недвижимыми имуществами, если разсматривать его какъ особую систему содержанія духовенства, вмѣстѣ со многими выгодами, представлялъ и многія неудобства. Главное изъ этихъ неудобствъ заключалось въ томъ, что при такой системѣ не все духовенство было обезпечено относительно хозяйственнаго своего быта. Недвижимыя имущества распредѣлялись между различными сословіями духовенства вес. неровно; иначе и быть не могло, п. ч. распредѣленіе дѣлалось не на основаніи какихъ-либо правилъ, а совершенно случайнымъ обр.: оно зависѣло отъ произвола и наклонностей вкладчиковъ, которые одаряли одни духовныя заведенія, а не другія, единственно по своимъ личнымъ соображеніямъ. Притомъ, вслѣдствіе общаго и вес. естественнаго стремленія къ одаренію наиболѣе знаменитыхъ обителей,—послѣдніе, и безъ того уже богатые, обогащались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, тогда какъ другіе монастыри, не успѣвшіе пріобрѣсть себѣ особенной извѣстности, оставались постоянно въ бѣдности и нисколько не улучшали своего положенія. Другое, не менѣе важное, неудобство этой системы заключалось въ томъ, что владѣнія недвижимыми имуществами, налагая на духовенство множество разнаго рода обязанностей по управленію, хозяйству и суду, заставляло его пренебрегать своимъ высшимъ религіозно-нравственнымъ призваніемъ и вовлекало его не только въ многосложный міръ житейскихъ заботъ, но и въ безчисленныя распри и тяжбы съ нарушителями его правъ. Въ особенности затруднительна была для монастырей обязанность содержать въ постоянномъ повиновеніи крестьянъ своихъ, которые, вслѣдствіе самой слабости монастырскаго управленія, прибѣгали в. часто къ насиліямъ, буйствамъ и даже совершеннымъ возстаніямъ. Этого рода неудобства признаетъ и авторъ »Исторіи Рос. Іер.«, по словамъ котораго »монастырскія владѣнія приносили особенную пользу государству, но самимъ монастырямъ всѣ ихъ имѣнія и вотчины гораздо меньше были полезны по всѣмъ отношеніямъ. Попеченіе объ имѣніяхъ естественно долженствовало монашествующихъ отвлекать отъ существенныхъ ихъ должностей и удалять отъ самыхъ монастырей иногда на долгое время, чрезъ что нерѣдко и въ самыхъ начальчикахъ ослабѣвало попеченіе о монастыряхъ. Вотчинныя права неминуемо вовлекали ихъ въ тяжбы съ сосѣдними владѣльцами, часто съ насиліемъ вторгавшимися въ монастырскія владѣнія... Самые успѣхи ихъ въ хозяйствѣ и тщаніемъ пріобрѣтаемое изобиліе возбуждали въ прочихъ зависть и алчность, такъ что напослѣдокъ вотчиннымъ монастырямъ надлежало кормить и довольствовать не одну

уже свою братію, нищихъ и сиротъ, но всѣхъ пріѣзжихъ, а особливо властей духовныхъ, земскихъ и областныхъ, которые не отрицаемо требовали кормовъ, подводъ, даровъ, посуловъ и другихъ многихъ поборовъ, коихъ одно исчисленіе можетъ составить длинную роспись« (т. II, ст. XXII—XXIII). Къ этому надо прибавить, что недвижимыя имущества могли обезпечивать содержаніе духовенства и вообще удовлетворять своему назначенію только въ томъ случаѣ, когда управленіе ими совершалось по всѣмъ правиламъ бдительнаго и благоразумнаго хозяйства. Мы уже замѣтили, что этому условію удовлетворяли многіе игумены, отличавшіеся своей хозяйственной распорядительностью; но правило это не было общимъ, и во многихъ монастыряхъ, особенно въ позднѣйшее время, въ управленіи вотчинами допускаемы были не только небрежность и нерадѣніе, но даже многочисленныя и весьма важныя злоупотребленія. Нѣкоторые игумены вес. мало заботились о поддержаніи и улучшеніи монастырскаго хозяйства; другіе употребляли ввѣренное имъ имущество для своей личной пользы, часто даже разоряли и расхищали его.

Но изъ всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія имѣла для духовенства обширность его земельныхъ владѣній, самымъ невыгоднымъ было, безъ сомнѣнія, то вредное вліяніе, которое произвели, съ теченіемъ времени, богатства духовенства *на нравственность* этого сословія. Развивая въ лицахъ духовнаго званія многочисленныя потребности и привязанность къ житейскимъ благамъ, пріучая ихъ къ матеріальному благосостоянію и даже къ роскоши, возбуждая въ нихъ духъ корыстолюбія и страсть къ пріобрѣтенію, богатства эти принесли духовенству болѣе вреда въ нравств. отношеніи, чѣмъ пользы въ матеріальномъ. Само собою разумѣется, что не все духовное сословіе подверглось въ одинаковой степени вліяніямъ этого рода; можно сказать даже, что наибольшая часть его умѣла, не смотря на всѣ искушенія, сохранить въ неприкосновенности и усердіе свое къ вѣрѣ, и духъ строгаго подвижничества, и безукоризненную святость жизни. Тѣмъ не менѣе справедливо, что во многихъ монастыряхъ, и преимущественно въ монастыряхъ богатыхъ, съ теченіемъ времени, начали обнаруживаться явныя уклоненія отъ первоначальной строгости и чистоты нравовъ. Такого рода уклоненія стали появляться даже дов. рано. »Долгъ справедливости требуетъ сознаться, говоритъ арх. Макарій, что и тогда (т. е. въ періодъ до монгольскій), какъ во всякое другое время, на грѣшной землѣ между пшеницей божіей росли и плевелы«. Подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить, между прочимъ, свидѣтельство м-та Іоанна, пророка Христова, о нравахъ духовенства въ XII стол. (1).

Нѣтъ сомнѣнія, что чрезмѣрное обогащеніе многихъ духовныхъ заведеній было одною изъ важнѣйшихъ причинъ нравственнаго ихъ упадка; сами современники приписывали именно этой причинѣ печальныя явленія, которыя они описывали. Несторъ уже въ XI ст., говоря о монастырѣ св. Димитрія, построенномъ и обогащенномъ в. кн. Изяславомъ, прибавлялъ: »мнози манастыри отъ князь и отъ бояръ и отъ богатства поставлены, но не суть таци (такіе), каци суть поставлены слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ«. Позднѣйшіе писатели, какъ, напр., Максимъ Грекъ, Вассіанъ, Курбскій и самъ Іоаннъ IV, также смотрѣли на излишнее богатство монастырей, какъ на главный источникъ постепенной нравственной ихъ

(1) Рус. Дост. 1, 100—101. Ср. тамъ же стр. 95, 98, 102, 103, 116, 117. См. №

порчи. Само духовенство жаловалось на нравственный вредъ, приносимый излишнимъ богатствомъ, и не благопріятно смотрѣло на постоянное накопленіе недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ монастырей. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно посланіе м-та Кипріана игумену Аѳанасію (1390—1405), въ отвѣтъ на предложенные послѣднимъ вопросы. Въ посланіи этомъ сказано, между прочимъ: А еже села и люди держати инокомъ, не предано есть св. отци; како можно, иже единаго міра и мірьскихъ отрекшемусь, паки мірьскими дѣлы обязоватися, и яже разори, паки съзидовати, по апостолу, и преступника себе съставляти? И древніи отци ниже селъ стяжали, ниже богатства и стяжанія, якоже св. Пахомій и св. Ѳеодосій общежитель, и св. Герасимъ, и иніи мнозіи святіи въ Палестинѣ и въ той самой Синайской горѣ, и въ Раифу, и въ Святой горѣ, юже и самъ азъ видѣхъ; но еже послѣжде по малу въ разслабленіе прійде вещь, и начашѣ монастырѣ тѣ и скиты держати села и стяжанія. Должно есть велико соблюденіе и опасеніе держати. Ты жъ вопрошаеши мене о селѣ, еже ти князь въ монастырь далъ есть, о немъ же како или что сътворити? Слыши же отъ меня отвѣтъ и пріими мой совѣтъ: аще убо уповаеши на Бога съ своею братіею, и даже донынѣ Богъ препиталъ есть васъ и кромѣ села, и напередъ препитаетъ, — почто обязоватися попеченіемъ мірскимъ. И внегда бы Бога помянути, тому единому послужити, тогда о селѣхъ поминати и о мірскихъ попеченіяхъ. Смотри же и сее, яко внегда же чернецъ кромѣ есть всякаго попеченія мірскаго, тогда есть съ всѣми міряны, и вси человѣцы любятъ и честь даютъ ему; егда же обяжется селы и мірскими попеченьми, тогда потреба и къ княземъ ходити, и къ властелямъ, и судилища искати, и стояти за обидимыхъ, и сваритись, и смиритись, и нехотя къ всякому человчку, еже не вдати въ обиду своихъ людій, трудъ великъ поднимати и правила своего оставлятися. А еже сего страшнѣйши, яко повнегда черньцемъ начаты селы властвоватись, и мужамъ и женамъ судити, часто хожденія въ нихъ творити и о нихъ печаловатися: чимъ мірянина различни суть? Черньцемъ же съ женами обѣщатись и бесѣды съ ними творити, бѣдно есть. Но аще бы мощно, сице быти селу подъ монастыремъ, еже николи же черньцу не быти въ немъ, но мірянину нѣкоему богобоязливому приказати, и тому печаловатися бы о всякихъ дѣлѣхъ; въ монастырь же бы готовое провозилъ житомъ и иными потребами: зане же пагуба черньцемъ селы владѣти и тамо частая происхожденія творити. (А. Истор. I, № 253, стр. 480).

Сдѣлавшись, съ теченіемъ времени, невыгоднымъ для самаго духовенства, существованіе церков. имуществъ было еще невыгоднѣе для всѣхъ прочихъ состояній. Неотчуждаемость всѣхъ вотчинъ, доставшихся церкви, была важнымъ препятствіемъ для лицъ другихъ сословій къ пріобрѣтенію земельной собственности и къ свободному переходу ея изъ однихъ рукъ въ другія. Въ этомъ отношеніи существованіе церк. имуществъ оказывалось невыгоднымъ не только для тѣхъ, которымъ оно затрудняло пріобрѣтеніе земель, но и для всего народнаго хозяйства; для разряда служилаго, для котораго главнымъ средствомъ содержанія служили помѣстья, постоянное пожалованіе казенныхъ земель духовенству было также чрезвычайно невыгодно: оно уменьшало число земель, которыя могли быть отданы въ помѣстья, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшало и самое число лицъ, которыя могли быть обезпечены этимъ способомъ. Дареніе вотчинъ духовенству частными людьми возбуждало обыкновенно неудовольствіе въ родственникахъ дарителей, ибо соединялось всегда съ большимъ или меньшимъ нарушеніемъ

ихъ наслѣдственныхъ притязаній; предоставленное же имъ право выкупать имущества, отданныя въ монастыри *по душѣ*, не совсѣмъ удовлетворяло ихъ желаніямъ и не вполнѣ вознаграждало за вредъ, который приносили имъ подобныя отдачи. Въ особенности существованіе обширныхъ привилегій, соединившихся для духовенства съ владѣніемъ недвижимыми имуществами, казалось тягостнымъ для всѣхъ прочихъ состояній. Вслѣдствіе освобожденія бол. части монастырскихъ вотчинъ отъ податей и повинностей, вся тяжесть послѣднихъ обрушивалась на другіе классы народа. Наконецъ для низшаго дворянства существованіе обширныхъ церк. имуществъ было особенно невыгодно потому, что при множествѣ привилегій, которыми пользовались люди, поселенные на земляхъ духовенства, крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ часто переходили, или перебѣгали въ вотчины монастырскія. По всѣмъ этимъ причинамъ, уничтоженіе или ограниченіе вотчинныхъ правъ духовенства находило сильное сочувствіе во всѣхъ другихъ состояніяхъ, а особенно въ нашемъ дворянствѣ и въ городскихъ обывателяхъ.

Можно было бы подумать, что распространеніе вотчинныхъ правъ духовенства, вредное для всѣхъ почти народныхъ состояній, было по крайней-мѣрѣ выгодно для одного изъ нихъ, именно — для крестьянъ, подвѣдомственныхъ духовенству и жившихъ на его земляхъ. Дѣйствительно, многочисленныя привилегіи, которыми пользовались эти крестьяне, побуждали многихъ людей, жившихъ на земляхъ людей свѣтскаго званія, переходить или перебѣгать въ вотчины монастырскія. Въ особенности освобожденіе бол. части крестьянъ духов. вѣдомства отъ податей и повинностей государств. составляло такую значительную выгоду, которая повидимому могла одна противодѣйствовать всѣмъ другимъ возможнымъ неудобствамъ. Но вглядываясь пристальнѣе въ бытъ монастырскихъ крестьянъ, мы легко убѣдимся, что участь ихъ, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, была вовсе не такъ блистательна, какъ представляется съ перваго взгляда. Освобожденіе ихъ отъ государственныхъ податей не всегда обращалось въ ихъ пользу: по бол. части пользу изъ этого извлекали сами монастыри, которымъ такое освобожденіе давало возможность увеличивать тѣ оброки и повинности, которые взимали они съ своихъ крестьянъ. Оброки эти были многоразличны и значительны, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, которые получались монастырями, также какъ и всѣми другими земельными владѣльцами, первые взимали еще съ своихъ крестьянъ такія пошлины, которыя въ обыкновенномъ порядкѣ взимаемы были въ пользу самаго государства. Такъ, обр. крестьяне монастырскіе почти ничего не выигрывали отъ предоставленныхъ имъ льготъ: подати, которыя уплачивались другими въ пользу государства, вносились ими въ пользу монастыря. Съ теченіемъ времени участь ихъ въ этомъ отношеніи сдѣлалась еще невыгоднѣе: государство мало по малу стало уничтожать предоставленныя имъ прежде привилегіи, тогда какъ монастыри нисколько не уменшали, вслѣдствіе этого, оброковъ и повинностей, которыя взимали въ свою пользу. Количество послѣднихъ даже постоянно возрастало, вмѣстѣ съ постояннымъ увеличеніемъ состава монастырей, нуждъ духовенства и привязанности его къ мірскимъ благамъ. Судебныя привилегіи, которыми пользовались крестьяне дух. вѣдомства, представляли также, вмѣстѣ съ значительными выгодами, и столь же значительныя неудобства. Освобождая крестьянъ отъ притѣсненій гражданскихъ чиновниковъ, они въ тоже время ставили ихъ въ полную, безусловную зависимость отъ монастырей, противъ которыхъ они

уже не могли найти ни суда, ни защиты. Многосложная система управленія монастырей вотчинами представлялась также тягостною для крестьянъ: она налагала на нихъ обязанность содержать значительное число управителей, которые, вслѣдствіе господствовавшей системы кормленія, думали только о томъ, чтобы извлечь изъ своего управленія какъ можно болѣе личной выгоды, а для достиженія этой цѣли не колебались прибѣгать ко всякаго рода притѣсненіямъ и несправедливостямъ.

Если какъ духовенство, такъ и всѣ прочія народныя состоянія терпѣли значительный вредъ отъ излишняго распространенія вотчинныхъ правъ церкви, то понятно, что и для самаго правительства существовавшій порядокъ вещей не могъ оказываться выгоднымъ. Правительство не могло равнодушно смотрѣть на крайне-неравномѣрное распредѣленіе богатствъ между отдѣльными разрядами духовнаго сословія, на злоупотребленія, происходившія въ управленіи монастырскими вотчинами, и на уклоненіе значительной части духовенства отъ первоначальной чистоты его нравовъ. Съ другой стороны, будучи представителемъ и высшимъ выраженіемъ всѣхъ народныхъ интересовъ, правительство не могло оставлять безъ вниманія жалобы всѣхъ другихъ состояній народа, и вредъ для нихъ происходившій отъ чрезмѣрнаго обогащенія духовенства. Въ особенности недостатокъ земель для раздачи въ помѣстья служилымъ людямъ былъ невыгоденъ не только для послѣднихъ, но и для всего государства, для котораго обезпеченіе служилаго сословія было однимъ изъ первостепенныхъ и важнѣйшихъ интересовъ. Попеченіе церкви о призрѣніи общественномъ не могло уже имѣть ни большаго значенія, ни успѣха: существованіе привилегій приносило казнѣ очевидный и значительный убытокъ. Все это объясняетъ и оправдываетъ возникшее при Іоаннѣ III стремленіе къ уничтоженію вотчинныхъ правъ духовенства и къ обращенію въ казну многочисленныхъ его владѣній.

(*Изъ соч. Вл. Милютина Чт. общ. ист. 1860 и 1861*).

291. О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ.

Вся земля, какъ городская такъ и уѣздная, въ Московской сторонѣ (какъ и въ другихъ краяхъ Руси) не составляла собственности князя, но или принадлежала городскимъ и сельскимъ общинамъ, или была въ отчинномъ владѣніи частныхъ лицъ, которыя могли ее дарить, продавать, завѣщавать и закладывать. Свидѣтельствомъ сему служатъ всѣ дошедшія до насъ грамоты московскихъ князей: такъ въ первой же грамотѣ Ивана Даниловича Калиты мы находимъ рѣзкое отличіе земель, принадлежащихъ Москвѣ, т. е. московской общинѣ или государству, отъ поземельной собственности князя; первыя онъ называетъ *волостьми*, а княжую поземельную собственность отличаетъ названіемъ *села*. Въ волостяхъ князь имѣлъ только право суда и дани, а земли не могъ ни продавать, ни дарить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ; въ своихъ же селахъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, могъ ихъ продавать и мѣнять на села другихъ собственниковъ, закладывать и жаловать ими своихъ бояръ, населять ихъ своими крѣпостными людьми или вольными крестьянами и дѣлать въ нихъ разныя хозяйственныя распоряженія. Села, составляющія собственность князя, частію можетъ быть были уступлены ему при первоначальномъ условіи съ городскою общиною, по которому по-

слѣдняя признала его власть надъ собою, а частію пріобрѣтены покупкою и мѣною у частныхъ собственниковъ, или достались за вину отъ княжескихъ слугъ, на что прямо указываютъ всѣ княжескія грамоты. Такъ Калита въ своей духовной говоритъ: »что есмь купилъ село Петровское, и Олексинское, и Павловское на Масѣ, а половину есмь сѣнилъ съ митрополитомъ, а сельца на Масѣ, что есмь купилъ у Аѳинѣя, то даю сыну моему Ивану«; или въ духовной грамотѣ в. кн. Василья Васильевича Темнаго сказано: »Да что ми дала Настасья Ѳедорова Андреевича село Мячково съ деревнями въ куплю, а держати ей за собою до своего живота; да что ми дали дочи ея Орина Олексѣева жена Игнатьевича свои села на рѣцѣ на Москвѣ въ куплю до своего живота, и тѣ села Настасьины и Оринины опослѣ ихъ живота моей княгины; а княгиня моя по моимъ купчимъ грамотамъ отдасть имъ цѣну за тѣ села по ихъ душѣ, кому они прикажутъ опослѣ своего живота«. Это стараніе князей, пріобрѣтать поземельную собственность покупкою, прямо показываетъ, что земля вообще принадлежала государству и не составляла собственности княжеской власти. И не только въ уѣздахъ, но и въ самыхъ городахъ князья владѣли опредѣленными участками земли и, желая увеличить свою поземельную собственность, должны были пріобрѣтать или покупкою, или другими какими сдѣлками съ частными землевладѣльцами; на это указываетъ та же грамота Василья Вас. Темнаго, въ ней сказано: »да даю сыну своему Юрью, чѣмъ его благословословила моя мати... Семчинскимъ селомъ у Москвы и съ дворы городскими и Самсоновымъ лугомъ, и своимъ прикупомъ селцомъ Воробьевымъ и съ Семеновскимъ з деревнями«; или далѣе говоря о князѣ Борисѣ Васильевичѣ: »Да у Москвы село Шерапово съ деревнями, да лугъ на рѣцѣ на Москвѣ подъ Крутицею, да что ему дала Марья Ѳедорова Голтаева дворъ свой внутри города на Москвѣ, ино то его и есть«. Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ князь, какъ собственникъ, владѣлъ только нѣкоторыми частями земли, которыя или были ему уступлены народомъ при первоначальномъ съ нимъ условіи, или пріобрѣтены покупкою у частныхъ лицъ, или другими какими сдѣлками, и которыя по сему назывались собственно *княжими селами* или *подклетными*, а потомъ *дворцовыми*. Но кромѣ того были земли собственно государственныя, извѣстныя подъ названіемъ *черныхъ волостей*; потомъ земли вотчинныя, составлявшія частную собственность или бояръ, или епископа, или монастырей и церквей; и наконецъ *помѣстныя*, которыя давались князьями служилымъ людямъ вмѣсто жалованья на время службы; эта дача помѣстій сперва производилась только изъ дворцовыхъ или княжихъ селъ и деревень, но потомъ, при большемъ развитіи княжеской власти и при слитіи княжеской дружинной службы съ службою земскою или государственною, въ помѣстья не рѣдко назначались, въ черныя земли, особенно изъ вновь завоеванныхъ или изъ дикихъ полей.

Различныя основанія владѣнія поземельною собственностію влекли за собою различныя отношенія владѣльцевъ и разныя права и обязанности, сопряженныя съ тѣмъ или другимъ владѣніемъ; а это различіе отношеній правъ и обязанностей имѣло если не исключительное, то по крайней мѣрѣ преимущественное и сильнѣйшее вліяніе на все послѣдующее развитіе государственнаго устройства въ московскихъ владѣніяхъ и характеризовало всю внутреннюю исторію московскаго государства, а по сему служитъ единственнымъ объясненіемъ для многихъ явленій въ нашей исторіи, которыя съ перваго взгляда кажутся непонятными и безпричинными.

Черныя земли, какъ въ Москвѣ, такъ

и во многихъ другихъ городахъ Руси, составляли ту незыблемую постоянную основу, ту точку опоры, на которой созидалось и утверждалось государство; въ нихъ заключалось зерно государственной самостоятельности и благодѣтельнаго отрицанія противъ конечнаго раздробленія владѣній, котораго не могла даже подавить удѣльная система, грозившая Руси совершеннымъ разъединеніемъ. Владѣніе черными землями, сообщившее имъ такой важный государственный характеръ, какъ въ началѣ, такъ и во все продолженіе московской исторіи, было чисто общинное; черныя земли въ полномъ смыслѣ слова были землями государственными, и частныя лица ни подъ какимъ видомъ не могли пріобрѣтать ихъ въ свою полную собственность; одни только общины могли располагать ими, но и то безъ права отчужденія; даже сами князья или государи московскіе не посягали на ихъ неприкосновенность и во всѣхъ доходахъ съ другими князьями исключали всякое посягательство на эту неотъемлемую собственность государства. Такъ въ договорной грамотѣ в. к. Дмитрія Ивановича Донскаго со к. Владимиромъ Андреевичемъ, писанной въ 1388 году, сказано: »А селъ ти не купити въ моемъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженьи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ боярамъ. А хто будетъ покупилъ земли данные служники или черныхъ людей, по отца моего животѣ по князя Великаго Ивановѣ; а тѣ хто возможитъ выкупити, ино выкупитъ; а не возмогуть выкупити, ино потянутъ къ чернымъ людемъ; а хто невсхочетъ тянути, ино ся земль съступятъ, а земля чернымъ людямъ даромъ. (*См. духовн. грам. в. кн. Ивана Даниловича 1328, и договорную Вас. Темнаго 1435*). Таковая неприкосновенность черныхъ земель исключала ихъ отъ всякаго произвола, такъ что государь первоначально не имѣлъ права назначать ихъ даже въ пожизненное владѣніе своимъ боярамъ. Такимъ образомъ черныя земли рѣшительно зависѣли отъ однихъ общинъ, князь же на нихъ имѣлъ только право суда и дани. Даже и на судѣ намѣстникъ княжескій или волостель, или присланный княземъ судья не иначе могъ производить судъ, какъ при посредствѣ судныхъ мужей, которые избирались общиною изъ лучшихъ людей волости, и отвѣтствовали въ правдѣ и неправдѣ не передъ княземъ, а передъ общиною, которая ихъ избрала. Относительно дани въ черныхъ волостяхъ князь только пользовался судными пошлинами, извѣстными подъ названіями *присуда, головщины, праваго десятка и присуда*, волостелевымъ или намѣстничьимъ и его служебныхъ людей кормомъ, и наконецъ собственно *данью*, которая собиралась княжьими даньщиками весной и осенью и потому называлась *вьшнею* и *осениною*, также оброками съ разныхъ угодій, съ мельницъ, рыбныхъ ловель, саловаренъ, бобровыхъ гоновъ и проч., и наконецъ ямскими деньгами, выходомъ или татарщиною, запросомъ и примѣтомъ, собственно податьми, собираемыми первоначально въ пользу Татаръ, а, по уничтоженіи татарскаго ига, перешедшими въ казну княжескую, всѣ уже прочіе доходы, поборы и повинности, взимаемые съ черныхъ волостей, принадлежали государству, а не князю: таковы были посощина, городовое дѣло, мостовщина и многія другія, которыя раскладывались на выти и тягла по мірскимъ разрубамъ и разметамъ, по разсужденію всѣхъ волостныхъ или общинныхъ людей сообща, безъ вмѣшательства со стороны князя или его намѣстниковъ и волостелей.

Таковой характеръ черныхъ земель государи московскіе старались поддерживать до совершеннаго соединенія съ Москвою всѣхъ русскихъ владѣній.

Вотчинныя земли составляли частную собственность своихъ владѣльцевъ;

хозяинъ вотчины могъ ее продать, заложить, промѣнять, подарить и отдать по завѣщанію; а по смерти его она переходила къ законнымъ его наслѣдникамъ, изъ рода въ родъ; если онъ, при жизни, не сдѣлалъ особеннаго на счетъ ея распоряженія. Права собственника въ отношеніи къ вотчиннымъ владѣніямъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, были неприкосновенныя со стороны государства. Государство проявляло свою власть на вотчинныя земли только въ томъ отношеніи, что признавало ихъ принадлежащими къ своей территоріи, и эту принадлежность защищало даже противъ расчетовъ вотчинника, изъ чего вытекали слѣдующія ограниченія правъ собственника: 1. Владѣлецъ вотчины не могъ ее ни продать, ни заложить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ въ пользу лица проживающаго, или состоящаго на службѣ въ другомъ княжествѣ, а не въ московскомъ; это право московскаго государства на вотчинныя земли своей территоріи постоянно подтверждалось всѣми договорами, грамотами московскихъ государей съ другими князьями. Такъ въ договорѣ в. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ 1388 года сказано: »а селъ ти не купити въ моемъ удѣлѣ, ни въ княженіи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ. ... Впрочемъ таковое право государства на вотчины смягчалось властію князей, на волю которыхъ предоставлялось разрѣшать продажу вотчинъ лицамъ, не состоящимъ на службѣ въ Московскомъ государствѣ. ... 2. Владѣлецъ вотчины, переходя въ службу другаго князя, не могъ переносить права на эту вотчину къ своему новому государю. ... 3. Вотчинникъ, кому бы онъ ни служилъ, судомъ и данью непремѣнно былъ въ вѣдѣніи того государя, въ территоріи котораго находилась его вотчина: »а судомъ и данью потянути и по землѣ и по водѣ«, какъ выражались древніе московскіе оффиціальные памятники. ... 4. Вмѣстѣ съ правомъ суда и дани по землѣ и водѣ государь территоріи могъ требовать отъ вотчинниковъ военной службы въ пользу территоріи; это право сначала простиралось такъ далеко, что всѣ вотчинники безъ различія должны были слѣдовать за государемъ своихъ вотчинъ во всѣхъ его военныхъ походахъ. ... Но, впослѣдствіи времени, это право ограничивалось только требованіемъ службы на защиту области, въ которой живетъ вотчинникъ, служащій другому князю, во всѣхъ же другихъ военныхъ дѣлахъ онъ уже обязывался сопутствовать тому князю, которому служилъ, а не тому, въ чьемъ владѣніи его вотчина. »А хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служитъ; а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто сѣсти«, какъ начали обыкновенно писать во всѣхъ договорныхъ грамотахъ московскихъ князей съ 1405 г.

Какъ между землями, принадлежащими нераздѣльно цѣлой общинѣ, первоначально произошла частная поземельная собственность съ правомъ продажи и перехода отъ предковъ къ потомкамъ, мы не знаемъ, да и не можетъ знать, ибо до насъ не дошло ни лѣтописныхъ извѣстій, ни оффиціальныхъ документовъ объ этомъ предметѣ; всѣ же догадки и умозаключенія a priori ни къ чему не поведутъ, и только запутаютъ дѣло; а посему этотъ вопросъ, при всей его важности, невольно должно оставить безъ рѣшенія. И только можно сказать одно, что вотчинная земля въ Московскомъ краѣ были еще до водворенія тамъ князей Всеволодова дома, ибо первые московскіе князья не только не давали вотчинъ своимъ бояромъ, но даже сами старались, сколько можно болѣе, скупать и пріобрѣтать ихъ у племенныхъ или земскихъ бояръ, у епископовъ и монастырей, чему служатъ свидѣтельствомъ

всѣ почти духовныя грамоты московскихъ князей... Князья уже застали въ Москвѣ вотчинныя владѣнія, и до того не были ихъ учредителями, что даже сами старались покупать ихъ у другихъ, и конечно поощряли къ тому же и пришлыхъ съ ними бояръ и слугъ; на что также есть, хотя не ясные, намеки во многихъ древнихъ княжескихъ грамотахъ. Такъ напримѣръ въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича, писанной въ 1410 году.

Боярскія вотчины не исключали и не ограничивали власти владѣльца располагать ими по своему благоусмотрѣнію, продавать ихъ, мѣнять, дарить, отдавать за дочерьми въ приданое и завѣщевать; но это безъ ограниченій относилось только къ первому пріобрѣтателю; какъ же скоро вотчина отъ перваго пріобрѣтателя переходила по завѣщанію, или по праву наслѣдства, или по рядной къ его родственникамъ, то въ нѣкоторомъ смыслѣ она дѣлалась собственностію цѣлаго рода, къ которому принадлежалъ первый пріобрѣтатель, и этимъ хотя не исключалось прямое право его наслѣдниковъ, къ которому вотчина поступала во владѣніе, но тѣмъ не менѣе родичи всегда могли удерживать вотчину въ своемъ родѣ, даже вопреки распоряженіямъ прямаго наслѣдника, т. е. они могли выкупать вотчину, проданную наслѣдникомъ въ чужой родъ. Это право рода на вотчины своихъ родичей вѣроятно было съ первыхъ временъ московскаго государства, ибо еще в. кн. Васильемъ Дмитріевичемъ, сыномъ Донскаго, законно назначался пятнадцатилѣтній срокъ для выкупа вотчинъ родичами по всему московскому государству, какъ прямо и опредѣленно говоритъ одна грамота в. кн. Ивана Васильевича III.

Земли княжескія, или подклѣтныя, впослѣдствіи дворцовыя. Земли сіи очевидно должны быть моложе черныхъ волостей и вотчинъ, ибо могли произойти только со времени водворенія князей Всеволодова дома въ Московскихъ владѣніяхъ. Мы не имѣемъ офиціальныхъ актовъ объ уступкѣ земщиною нѣкоторыхъ земель въ поземельную собственность князя, но что таковая уступка точно была, въ этомъ не можемъ сомнѣваться: на нее довольно ясно намѣкаютъ всѣ грамоты первыхъ московскихъ князей; въ нихъ купленныя князьями села вездѣ прямо отличаются отъ уступленныхъ народомъ, первыя называются: *а се моя купля се купля моея бабы, купленыя села и проч.*, вторыя же вездѣ носятъ названія по территоріи: *московскія, коломенскія*, села *дмитровскія* и под... Ежели бы всѣ княжескія села были купленными, то конечно князьямъ не нужно бы было нѣкоторыя изъ нихъ отличать именемъ купленныхъ; здѣсь нѣтъ причины думать, что купленными селами каждый князь называлъ только свою покупку, ибо во второй духовной грамотѣ Ивана Даниловича Калиты это ясно опровергается словами: »а что село Павловское бабы нашея купля«. Здѣсь князь прямо говоритъ о старинной покупкѣ, едва ли не современной Александру Невскому..... Подклѣтныя, или дворцовыя села, составляли полную собственность князя; онъ могъ ихъ продать, промѣнять, подарить и отдавать въ помѣстное владѣніе своимъ боярамъ и слугамъ рѣшительно по своему произволу; всѣ доходы съ этихъ селъ шли не въ государственную, а въ дворцовую или княжескую казну; самое назначеніе доходовъ зависѣло не отъ земщины, а отъ самого князя, который могъ ихъ уменьшать и увеличивать, когда угодно, вовсе безъ отношеній къ народу и не по извѣстному установленному закону, а рѣшительно по произволу. Дворцовыя земли, какъ чистая собственность князя, не входили въ составъ другихъ земель государства и имѣли свое управленіе, а по сему и не зависѣли ни отъ общихъ во-

лостелей, ни отъ намѣстниковъ, но управлялись своими волостелями, или посельскими, или приказчиками, или иногда отдавались княземъ въ кормленье дворцовымъ чиновникамъ, стольникамъ, ловчимъ селами стольнича пути, ловчаго пути и подоб.; все отношеніе дворцовыхъ земель къ намѣстникамъ состояло въ одномъ судѣ по уголовнымъ дѣламъ и въ дѣлахъ общихъ между волостными и дворцовыми крестьянами. Московскіе великіе князья, не смотря на постепенное развитіе своей власти, постоянно находили нужнымъ увеличивать свою поземельную собственность покупкою вотчинныхъ земель у частныхъ лицъ и другими средствами. Формы пріобрѣтенія дворцовыхъ земель были слѣдующія: 1, уступка общинныхъ черныхъ земель, сдѣланная при самомъ водвореніи княжескаго рода въ Москвѣ, это была самая первая форма пріобрѣтенія, а 2-ю, почти современною ей, должно считать покупку вотчинныхъ земель у частныхъ собственниковъ, которая, по свидѣтельству второй духовной грамоты Калиты, началась чуть ли не при Александрѣ Невскомъ и продолжалась до позднѣйшаго времени, можетъ до Ѳеодора Ивановича, или Бориса Ѳ. Годунова.

Помѣстныя земли. Помѣстными землями назывались вообще всѣ земли, которыя государи давали на содержаніе бояръ и другихъ людей, состоящихъ въ ихъ службѣ; они не составляли собственности своихъ владѣльцевъ; ихъ нельзя было ни продать, ни заложить, ни отдать по душѣ; помѣщикъ только имѣлъ право пользованія, да и то на время, пока онъ служилъ. Таковое отношеніе помѣстныхъ земель къ своимъ временнымъ владѣльцамъ опредѣленно и ясно изображаетъ вторая духовная грамота Ивана Даниловича Калиты; въ ней сказано: А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богоридичьское, а далъ есмь Бориску Воръкову; аже иметь сыну моему, которому служити, село будетъ за нимъ; не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимутъ». Таковыя же права въ отношеніи къ помѣстнымъ землямъ были и въ юго-западной Руси; такъ въ духовной грамотѣ князя Андрей Владимировича, Ольгердова внука, писанной въ 1446 году, сказано: «что есмь подавалъ имѣнія боярамъ своимъ, а хто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити и они служатъ съ тыхъ имѣній женѣ моей и дѣтемъ моимъ: а хто невсхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити, и язъ тыя имѣнія далъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ». Сія послѣдняя грамота прямо говоритъ, что владѣльцы помѣстья, за пользованіе помѣстною землею, должны были нести службу, смотря по помѣстью: «и они служатъ съ тыхъ имѣній«; слѣдовательно, служба опредѣлялась помѣстною дачею, или иначе помѣстная дача соразмѣрялась съ службою. Впрочемъ таковое положеніе помѣстныхъ земель не препятствовало имъ переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ и потомъ къ внукамъ; ежели отецъ, по старости или болѣзни, не годился въ службу, то его мѣсто занималъ сынъ и помѣстье оставалось въ ихъ родѣ до тѣхъ поръ, пока въ немъ были люди, состоящіе на службѣ государя; даже не только сыновья, но и племянники и другіе родственники, могли получать помѣстье ихъ родичей, занимая ихъ мѣста по службѣ. Такъ жалованною грамотою в. к. Димитрія Ив. Донскаго Андрей Фрязинъ былъ утвержденъ во владѣніи Печорою, бывшею прежде въ помѣстьѣ за его дядею Матѳеемъ Фрязинымъ. Впрочемъ опредѣленныхъ и постоянныхъ правилъ объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ своимъ помѣстьямъ и службѣ мы не имѣемъ до самого царя Ивана Васильевича IV-го и кажется здѣсь рѣшительно дѣйствовалъ произволъ государей московскихъ, которые распоряжались помѣстными землями, какъ дѣйствительною свою собственностію и не слѣдовали никакимъ установленнымъ зако-

намъ; кому давали больше, кому меньше, смотря потому, каковою казалось имъ служба помѣщиковъ... Частныя отношенія помѣстій къ своимъ владѣльцамъ опредѣляютъ характеръ помѣстныхъ земель слѣдующими общими чертами: помѣстныя земли составляли собственность государя; онъ могъ ихъ раздавать и отнимать рѣшительно по своему разсмотрѣнію такъ, что помѣщики, чтобы удержать за собою владѣніе этими землями, непремѣнно должны были нести государеву службу, съ усердіемъ подчиняясь всѣмъ распоряженіямъ правительства; всякое отступленіе отъ правительственныхъ распоряженій подвергало ихъ опасности лишиться помѣстья, такимъ образомъ помѣстье, въ сущности своей, было даже менѣе, нежели пожизненнымъ владѣніемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ на дѣлѣ оно носило даже нѣкоторый характеръ наслѣдственности. Государи московскіе преимущественно хотѣли, чтобы помѣстье оставалось въ одномъ родѣ и съ этою цѣлію не только дозволялось однорядцамъ просить, чтобы ихъ верстали помѣстьями ихъ умершихъ родственниковъ, но даже положено было правиломъ: оставить помѣстныя земли отцовъ дѣтямъ во владѣніе до ихъ возраста и поступленія на службу только съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ таковыхъ помѣстій, за исключеніемъ прожиточныхъ вытей, сбирались въ казну самими же помѣщиками... По первоначальному своему происхожденію помѣстныя земли принадлежали къ дворцовымъ владѣніямъ, ибо московскіе государи, въ первыя времена своего владычества, могли произвольно распоряжаться только своими собственными землями, вотчинныя же зависѣли отъ частныхъ собственниковъ, а черныя отъ общины; ни община, ни собственники не имѣли нужды раздавать помѣстій, ибо помѣщики служили не имъ, а князю. Но въ послѣдствіи времени, когда власть московскихъ государей усилилась и границы владѣній распространились завоеваніями, которыя уже зависѣли отъ князя, а не отъ общины, въ надѣлъ помѣстныхъ земель стали поступать и такія, которыя не принадлежали къ дворцовому вѣдомству.

Виды земель по различію населенія.—Земли Московскаго государства, по различію населенія, раздѣлялись на городскія и не городскія, или уѣздныя; первыя составляли собственность города, а вторыя принадлежали сельскимъ общинамъ, и только признавали свою подчиненность и независимость отъ города, какъ представителя цѣлой территоріи.

Городскія земли по владѣнію были черныя, принадлежащія собственно городской общинѣ, вотчинныя, бывшія во владѣніи частныхъ собственниковъ и наконецъ помѣстныя, данныя для жительства служилымъ людямъ. Это дѣленіе городскихъ земель по владѣнію влекло за собою другое дѣленіе на тяглыя и бѣломѣстныя или не тяглыя земли; владѣльцы первыхъ земель несли въ нихъ всѣ городскія повинности; а эти земли нельзя было ни продать, ни заложить бѣломѣсту, или въ противномъ случаѣ бѣломѣстецъ, принявши таковую землю во владѣніе, долженъ былъ нести съ нея всѣ повинности и городскіе расходы наравнѣ съ тяглыми людьми; бѣломѣстныя же, или не тяглыя земли, освобождались отъ многихъ городскихъ повинностей, и несли ихъ только въ крайнихъ случаяхъ государственной нужды. Но замѣчательнѣйшее отличіе городскихъ земель отъ не городскихъ состояло въ томъ, что они раздѣлялись не на обжи, или четверти, и десятины, а на дворы: дворъ былъ единственно закономъ, утвержденною единицею городскихъ земель при соразмѣреніи ихъ въ раскладкѣ податей и повинностей. А посему дворъ, какъ общая единица мѣры, естественно долженъ былъ имѣть одно опредѣленное пространство земли для

всего города, и нельзя было не увеличить, ни уменьшить своего двора при посредствѣ частной сдѣлки; всякое уменьшеніе или увеличеніе двора могло быть сдѣлано не иначе, какъ съ разрѣшенія городовой общины, и непремѣнно влекло за собою увеличеніе и уменьшеніе податей и повинностей съ домохозяина увеличеннаго или уменьшеннаго двора, а отъ этого въ древнихъ административныхъ городскихъ книгахъ городскіе домохозяева раздѣлялись на владѣльцевъ двухъ, трехъ или болѣе дворовъ, на владѣльцевъ цѣлаго двора, или полдвора, или трети, четверти двора и писались обыкновенно такъ: такой-то живетъ на трети двора, на полдворѣ, на дву дворахъ, на одномъ дворѣ и пр. Увеличиніе или уменьшеніе городскихъ дворовъ могло быть сдѣлано или принятіемъ отъ общины пустопорожнихъ земель на оброкъ, или при помощи частной сдѣлки съ сосѣдомъ-домохозяиномъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія общины, которая отмѣчала таковую сдѣлку въ своихъ мѣрныхъ и платежныхъ книгахъ, и зачисляла одного изъ участниковъ сдѣлки владѣльцемъ увеличеннаго двора, а другаго уменьшеннаго, и сообразно съ таковою сдѣлкою соразмѣряла раскладку податей и повинностей... Кромѣ дворовыхъ земель, отдававшихся городскимъ людямъ въ потомственное владѣніе съ правомъ передачи на извѣстныхъ условіяхъ, городская община владѣла какъ бы угодьями всѣми торговыми и ремесленными мѣстами, и огромною выгонною землею за городомъ, а также иногда мельницами рыбными и звѣриными ловлями въ уѣздѣ; всѣ сіи угодья, какъ непосредственная собственность городской общины, не могли состоять въ частномъ владѣніи, и отдавались самою общиною въ наемъ или въ оброчное содержаніе по условіямъ съ частными лицами на извѣстное опредѣленое время, по истеченіи котораго назначался новый торгъ, и, смотря по цѣнамъ, состоявшимся на торгу, оброчная земля или отдавалась новому наемщику или оставалась за прежнимъ. Оброчныя статьи, собственно городскія, носили названіе лавокъ, шалашей, стуловъ, амбаровъ, прилавковъ, кузницъ... Городскія угодья первоначально, кажется, составляли частную собственность города, и получаемыми съ нихъ доходами покрывались различныя общественныя издержки, по крайней мѣрѣ до в. кн. Ивана Васильевича III мы не имѣемъ никакихъ, ни офиціальныхъ, ни лѣтописныхъ, свидѣтельствъ о вмѣшательствѣ московскихъ государей въ это обширное дѣло. Относительно же Новгорода есть даже прямыя свидѣтельства, что городская община, въ самыхъ договорныхъ грамотахъ съ князьями, опредѣленно требовала, чтобы князья не вступались въ городскія торговыя мѣста; такъ напр. въ договорной грамотѣ Новгорода съ в. кн. Александромъ Мих. Тверскимъ, писанной въ 1327 году, прямо сказано: »А въ немецкомъ дворѣ тебѣ, княже, торговати нашею братьею, а двора незатворяти, а приставовъ не приставляти...« Угодья и оброчныя статьи, принадлежащія городу, но находящіяся въ уѣздѣ, также составляли собственность общины, на которую частныя лица имѣли только право пользованія, и, кажется, община, въ отношеніи къ нимъ, умѣла удержать свои исключительныя права до позднѣйшаго времени и государи московскіе постоянно старались защищать эти права отъ населенія частныхъ собственниковъ... Собственно городская земля въ каждомъ городѣ московскаго государства, по населенію своему, состояла изъ трехъ частей: собственно *города* или *крѣпости, посада и слободъ*. Въ крѣпости или собственно городѣ жили князь или его намѣстникъ и воевода со служилыми людьми; тутъ же находились правительственныя или казенныя мѣста, осадные дворы посадскихъ уѣздныхъ жителей для защиты,

въ случаѣ нападенія непріятелей, и даже въ нѣкоторыхъ городахъ разныя торговыя заведенія; на посадѣ жили собственно граждане, посадскіе люди; у нихъ тамъ обыкновенно устраивались рынки, торговые ряды и гостиные дворы; между посадскими людьми здѣсь жили также разные помѣщики и вотчинники, служилые люди на бѣлыхъ земляхъ; жители слободъ исключительно состояли изъ ремесленниковъ и разныхъ служилыхъ людей нижнихъ чиновъ, напр. воротниковъ, пушкарей, затинщиковъ и подоб... Уѣздныя, или не городскія земли, по заселенію своему, раздѣлялись на слободы, села, деревни и починки; или, какъ и городскія земли, по владѣнію были черныя, вотчинныя, дворцовыя и помѣстныя; къ каждой слободѣ, селу и деревнѣ приписаны были пахатныя земли, лѣса, рыбныя, звѣриныя ловли и другія угодья.

Слободы преимущественно населялись ремесленниками и разными промышленными людьми, напр. рыболовами, бобровниками, бортниками и другими подобными, а также ямщиками и разными служилыми людьми, стрѣльцами, казаками, пушкарями; были слободы и торговыя, что-то въ родѣ городовъ, но не города, ибо не имѣли уѣздовъ съ помѣщичьими и вотчинными землями. Къ слободамъ причислялось по нѣсколько деревень и починковъ, вѣроятно населенныхъ людьми одного вѣдомства; они обыкновенно управлялись слободчиками, старостами и сотскими, и судомъ и данью тянули къ тому городу, въ уѣздѣ котораго находились; по владѣнію слободы бывали дворцовыя, вотчинныя, монастырскія, владычьи, черныя и служилыя. Свидѣтельства о слободахъ начинаются довольно рано: они упоминаются еще въ духовной Калиты 1328 г. Слѣды слободъ и теперь еще остались въ разныхъ уѣздахъ около Москвы и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ замѣтно, что они заселялись ремесленниками... Жители слободъ хотя и тянули судомъ и данью къ городамъ, наравнѣ съ волостными людьми, но такъ какъ они не были часто земледѣльцами, то разрубами и разметами своими не вкладывались въ одну кость съ селчанами, но считались во всѣхъ раскладкахъ податей только сами собою... Села были заселены преимущественно землевладѣльцами; къ каждому селу было приписано по нѣсколько деревень и починковъ, жители которыхъ, также землевладѣльцы, складывались во всѣхъ разметахъ въ одну кость съ своими сельчанами, и потому составляли съ ними одно утлое, имѣли свою управу, которая всегда находилась въ селѣ и состояла изъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ, выбираемыхъ крестьянами изъ своей среды; въ селѣ и деревняхъ земля была общая, и крестьяне владѣли своими участками, или вытями не иначе, какъ по приговору всей своей общины. Всѣ выти были равны между собою, и по нихъ раскладывались подати и повинности, но какъ средства и силы не у каждого крестьянина были одинаковы, то посему болѣе зажиточный крестьянинъ могъ жить на двухъ, на трехъ вытяхъ, бѣдный же на одной выти, на полвыти и на четвертивыти. Крестьянинъ, съ согласія общины, могъ мѣнять свою выть на другую, конечно незанятую другими, или идти на порожжую, которыхъ всегда было много, ибо крестьяне, не прикрѣпленные къ землѣ, свободно переходили изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ волости въ волость; община, владѣя землею, не имѣла ни какого права на своихъ сочленовъ, какъ скоро они оставляли землю, лишь бы за ними не было недоимокъ по мірскимъ разрубамъ и разметамъ...

Уѣздныя, т. е. не городскія земли, раздѣлялись на волости и станы; цѣль такового дѣленія была чисто административная, и нельзя отыскать слѣдовъ какого либо территоріальнаго или родоваго нача-

ла, послужившаго ему основаніемъ; волости или станы никогда не составляли самостоятельнаго, отдѣльнаго цѣлаго: они всегда были въ зависимости отъ своихъ городовъ; слѣдовательно, ихъ раздѣленіе было произведено городами же, которые сдѣлали это для большей удобности въ управленіи. Когда и кѣмъ были учреждены волости и станы въ московской землѣ — мы незнаемъ; но то несомнѣнно, что они были уже при в. кн. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ; въ его духовной грамотѣ сказано: »Се далъ есмь сыну своему большому Семену: Можаескъ, Коломну со всѣми коломенскими волостьми, Городенку Мезыню, Пѣсочну, Похряне, Брошевую, Гвоздну«, и проч... По инымъ же свидѣтельствамъ волости поставлены въ одинаковомъ разрядѣ съ станами; такъ въ духовной грамотѣ князя Юрья Дмитріевича 1434 года сказано: »азъ благословляю сына своего Димитрія меншого городомъ Галичемъ и съ станы городскими и со всѣми волостьми«. Волость, или въ послѣдствіи станъ, составляла отдѣльную часть уѣзда, и состояла изъ нѣсколькихъ селъ, слободъ, деревень, приселковъ и починковъ, которые управлялись однимъ волостелемъ или становщикомъ, имѣли общую раскладку податей и повинностей; подлежали одному суду, такъ что, въ случаѣ суда между двумя лицами разныхъ волостей или становъ, волостели должны были судиться съ общаго согласія другъ съ другомъ и дѣлится доходами отъ суда пополамъ; даже въ случаѣ выдачи въ замужество дѣвицъ изъ одной волости въ другую полагалась особая пошлина, извѣстная подъ именемъ выводной куницы; при не отысканіи убійцы дикая вира раскладывалась на всю волость, гдѣ найденъ былъ убитый; все это можно найти въ любой уставной грамотѣ.

(*Изъ статьи И. Д. Бѣляева. Москвит. 1848. №№ 1. 2. 5. 7. Отд. IV*).

О пользѣ Археологіи. *А. А. Писарева.* Зап. и труды общ. Ист. 1828. ч. IV. кн. I, 1—20. Значеніе и успѣхи Археологіи въ наше время. *А. Киркоръ.* Зап. Виленс. Археолог. Ком. 1856. ч. I, 25—39. Русская старина въ памятн. зодчества. *А. Мартынова.* М. 1846—1857 г. Памятники зодчества Владимірс. губ. XII в. *К. Тихонравова.* Труды статист. ком. 1864. Памятн. древн. во Владимірѣ Клязм. М. 1849. Моск. Оруж. Палата. М. 1844. Изд. 2, 1860 г. Владимірскій Дмитріевскій Соборъ. *Изд. Гр. Строганова.* Древности, изд. Кіевс. коммисіи для разбора актовъ. Кіевъ. 1846 г. Опис. Кіева въ отношеніи къ древнос. Кіевъ 1847. Древности Боспора Киммерійскаго, хранящ. въ Эрмитажѣ. Спб. 1854—1855. Древности рос. гос. *Солнцева.* Изд. по Высоч. повел. М. 1849. 1851. 1853 (500 рисунковъ. Цѣна 205 р.). Зап. Археол. Нумизм. общ. Спб. съ 1847 г. 8 томовъ. Зап. отдѣл. Рус. и Славянс. Археол. Спб. 1851 и 1861. Памятн. Моск. древн. *И. Снегирева.* М. 1842—1845. Опис. памятн. древн. церкв. и гражд. быта изъ музея Коробанова, М. 1849. Роспись древн. Рус. утвари. *Д. Солнцева.* М. 1857. Зап. для обозр. рус. древ. Спб. 1851. Зап. Археолог. общ. Спб. съ 1853 г. 14 томовъ. Церк. древности и Археологія. Изд. *Прохорова.* Собр. рус. медалей. Изд. Археогр. Ком. Спб. 1840—1846. Деньги и пулы. *Сонцева.* М. 1862. Опис. древн. рус. монетъ. *Черткова.* М. 1837—42. Обозр. рус. денегъ и иностр. монетъ, употребл. въ Рос. *Барона Шодуара.* Спб. 1837—41. Опис. рус. монетъ и медалей. *Шуберта.* М. 1843. Монеты хановъ Золотой Орды. *Френа.* Телеграфъ. 1833. VII, 413—419. Обозр. валовъ и городищъ кіевс. губ. изд. *Фундуклея.* О Каменецкой вежѣ. О малоизв. памятн. *Срезневскаго.* Спб. 1867. I, 7—10. Записки Спб. Московс. Археологич. общ. О поземел. собств. въ древ. Руси. Розысканія о финансахъ др. Руси. *Гагемейстера.* Спб. 1833. Статист и финанс. свѣдѣнія о др. Россіи. Рус. Вѣстн. 1841 № 9 и 10. Начало и постепенное преобразованіе системы поземельныхъ налоговъ. *К. С. Весоловскаго.* Ж. Мин. Гос. имущ. 1841. ч. I, ст. VIII. Очеркъ Ист. др. монетной системы на Руси. *Бѣляева.* Чт. общ. Ист. 1846 № 3. О расходахъ на государс. защиту въ Россіи *Н. Янишевскаго,* Чт. Зап. Казанс. Унив. 1850. I, 73—222. изслѣд. о др. рус. монетной системѣ въ XI, XII и XIII в. *П. С. Казанскаго.* Зап. Археол. общ. III, Спб. 1851 г. Ист. обзор. питейныхъ сборовъ въ Россіи. *П. Розенталь.* Сынъ отеч. 1852 *№* 10. Были ли монету на Руси до XIV ст? *Бѣляева.* Зап. Арх. общ. 1853. т. V. вып. 2 и 3. О прямыхъ налогахъ въ др. Руси. *В. Кури.* Юрид. сборн. изд. Мейеромъ. Казань 1855, 105 и д. Деньги в. Новгорода. *Осьленскаго.* М. 1834. Опытъ о кожанныхъ деньгахъ. *Руссова.* Спб. 1835. О кожанныхъ деньгахъ. *Каченовскаго.* Уч. Зап. Моск. Универс. ч. VII. 1835. О торговлѣ нѣмецкихъ купцовъ съ Россіею. Ж. М. Н. Пр. 1839. Іюль. ч. XXII. О древнихъ иностран. портахъ въ Россіи. *Аделунга.* Ж. М. Н. Пр. 1840. Монеты Джигудовъ, Генуэзцевъ и Гиреевъ. *В. Григорьева.* Одесса. 1843.

Объясненія рус. старин. мѣръ, линейной и путевой. *Буткова*. Ж. М. Внутр. Д. 1844. Др. рус. торговля. *М. П. Погодина*. Ж. М. Н. Пр. 1845. Очерк. др. Рус. законовъ о торговлѣ. *В. Лешкова*. Москвит. 1852. № 17 и 23. О городахъ русскихъ. Тамъ же 1844. № 8 и 9. О Ямахъ. Тамъ же 1841. № 8 ч. XXXI. 1853. Дек. о народномъ продовольствіи въ др. Россіи. *Лешкова*. Москвит. 1853. № 5. О позем. собств. и постепенномъ ея измѣненіи. *А. Гирса*. Библ. для чт. 1835. т. XII. № 21. О поземельномъ влад. въ Московс. государ. Времен. XI, 1—82. О земледѣліи въ др. Рос. *Бѣляева*. Тамъ же XXII, 37—50. О древнѣйшихъ торгов. связяхъ рос. Славянъ съ другими народами. Зап. и труды общ Ист. ч. II. кн. 2. 67—89. О торговлѣ древ. Руси съ Азіей. Маякъ. 1842. 12. Торговля Волжскихъ бояръ. Ж. Мин Н. Пр. ч. 49. II. 31. Торговля Новгорода. Тамъ же ч. XVII 564, XXII. II. 1. Ганзейская контора въ Новгородѣ. Тамъ же XXVII. 100. О торговлѣ изъ Сарторія. М. Телеграфъ 1825. III. 360—378. Скандинавскій корабль на Руси. *А. Котляревскаго*. Моск. Древ. вып. I. 39 О понятіи промысловаго налога и объ историч. его развитіи въ Россіи. *Е. Г. Осокина*. Казань. 1856. О цѣнностяхъ въ древ. Руси. *М. Заблоцкаго*. Спб. 1854. О цѣнности денегъ и книгъ. О малоизв. пам. *Срезневскаго*. II. 92—96. III. 61—64. Мѣра, вѣсъ и монета. *Прозоровскаго*. Ж. М. Н. Пр. 1855. Май. Зап. Археол. общ. XII. О деньгахъ, обращавшихся въ Россіи. *Н. Лебедева*. Новгородъ 1855. О важности изученія восточ. нумизматики и археологіи. *П. С. Савельева*. Спб. 1847. Мухамед. Нумизматика. *П. С. Савельева*. 1847. Пути сообщенія въ др. Рос. *Ходаковскаго*. Рус. Ист. Сборн. 1838. I. 1—50. О торговлѣ Хозаръ. Чт. общ. Ист. 1846, № 3. III, 47. Восточн. извѣстія о Руссахъ изъ соч. Френа Ibn-Foszlans... Berichte. Сѣверн. Архивъ ч. 22, № 16. 281. ч. 23, № 17 и 18, 109. № 19 и 20. 289. О сношеніяхъ русскихъ съ Востокомъ. Вѣстн. Геогр. общ. 1854. 1. 52. О Волжскихъ Булгарахъ. Ж. Мин. Н. Просв. 1836. 97. О сѣверо-восточ. Руссахъ. Тамъ же XII, 459. О чудскихъ копяхъ *Эйхвальда*. Зап. Археол. общ IX. 2. 270. Металлы и ихъ обработка въ доисторич. пору у племенъ Индоевроп. *А. Котляревскаго*. Моск. Древности. 1865. О финнахъ. *Шегрена*. Gesammelte Schriften. Спб. 1861. Историч. опис одежд и вооруженій русскихъ войскъ. Ганза, ея законы и факторія. Библ. для чт. 1834. IV, 3. Ист. финанс. учрежд. въ Рос. *Графа Д. Толстаго* 1848. Внутр. таможен. пошлины въ Рос. *Е. Г. Осокина*. Казань 1850 г. О договорахъ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ. *Андреевскаго*. Спб 1855 г. Историч. обозр. торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ. *М. И. Славянскаго*. Спб. 1847. Древніе договоры Руссовъ съ Норвежцами и Шведами. *Буткова*. Ж. М. Вн. Дѣлъ. 1837, ч. 23. Хозяйств. дѣятельн. Соловец. мон. въ Бѣломорскомъ краѣ. *В. О. Ключевскаго*. Моск. Универс. Язв. 1866—67 г. № 7.

VIII. ОБЛАСТНАЯ БОРЬБА И ВОЗВЫШЕНІЕ МОСКВЫ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

292. О племенахъ славянскихъ.

Се повѣсти временныхъ лѣтъ (черноризца Ѳедосьева монастыря Печерьскаго), откуду есть пошла Руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть. Се начнемъ повѣсть сію. По потопѣ первіе сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся въстокъ Симови..... Хамови же яся полуденьная страна..... до Понетьского (*Чернаго*) моря на полънощныя страны, Дунай, Дънѣстръ, и Кавкаисинскія горы, рекше Угорьски, и оттудѣ даже и до Днѣпра; и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волъга, яже идеть на встокъ въ часть Симову. Въ Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдь и вси языци, Меря, Мурома, Весь, Моръдва, Заволочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтьгола, Любь; Ляхове же, и Пруси, Чюдь присѣдять къ морю Варяжьскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо къ въстоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свеи, Урмане, Готѣ, Русь, Агняне, Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдици, Фрягове и прочіи; даже присѣдять отъ запада къ полуденью и съсѣдяться съ племянемъ Хамовымъ... По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хровате Бѣліи, и Серебь и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове, друзіи Лутичи, иніи Мазовшане, иніи Поморяне. Такоже и тіи Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошась Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзіи сѣдоша межи Припятью и Двиною, и нарекошася Дрегвичи-

чи; инїи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ; а друзїи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣньскїй языкъ; тѣмъ же и грамота прозвася Словѣньская. Поляномъ же живущимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра Волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и вътечеть въ озеро великое Нево, того озера внидеть устье въ море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю къ Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ не же втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечеть на полъдне; а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идеть на полунощье, и внидеть въ море Варяжьское (*Балтийское*); изъ того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ въ море Хвалисьское (*Каспийское*). Тѣмже и изъ Руси можеть ити въ Болгары и въ Хвалисы, на въстокъ доити въ жребїй Симовъ; а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть въ Понетьское море жерелъмъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святый Онъдрѣй братъ Петровъ..... Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братъѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. Быша 3 братья, единому имя Кїй, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяще Кїй на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица; и створиша градъ, во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне.... И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленьскъ; туда бо сѣдять Кривичи, таже Сѣверъ отъ нихъ. На Бѣлѣозерѣ сѣдять Весь, а на Ростовьскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же; по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Моръдва свой языкъ. Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Новгородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне. А се суть инїи языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Моръдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ....

Поляномъ же живущемъ особѣ, суще отъ рода Словѣньска, и нарекошася Поляне, а Древняя же отъ Словѣнъ же, и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другїй Вятко; и пришедъша сѣдоста, Радимъ на Съжю, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи. И живяху въ мирѣ Поляне, и Деревляне, Сѣверъ, и Радимичь, и Вятичи и Хрвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне, а Улучи, Тиверьци сѣдяху къ Дунаеви; бѣ множь-

ство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне, а то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь.

(*Лавр. 3. 5*).

293. Выдержка изъ Синопсиса 1674 г.

О народѣ Русскомъ, или своиственнѣе россійскомъ, и о нарѣчіи, или названіи его. Русскіи или паче россійскіи народы тыижде суть Славяне. Единаго бо естества, отца своего Афета и тогожде языка ибо. яко Славяне отъ славныхъ дѣлесъ своихъ искони славянское имя себѣ пріобрѣтоша, тако по времени отъ россѣянія по многимъ странамъ племени своего, *Россѣяны*, а потомъ *Россы* прозвашася. Нѣціи близъ мимошедшихъ временъ сказоваху Россовъ отъ городка *Русы*, недалече В. Новгорода лежаща; иныи отъ рѣки Роси; друзіи отъ русыхъ волосъ, съ яковыми и нынѣ вездѣ много суть Руси. Но паче всѣхъ тѣхъ подобій достовѣрнѣе и приличнѣе отъ розсѣянія своего Россы имя то отъ древнихъ временъ себѣ стяжаша. Ибо на широкой части свѣта по многимъ различнымъ странамъ, инымъ надъ моремъ Чернымъ, Понтскимъ Евксиномъ, иныи надъ Танаисъ или Дономъ и Волгою рѣками, иныи надъ Дунайскими, Днѣстровыми, Днѣпровыми, Десновыми берегами, широко и различно селеньями своими россѣяшася. Тако всѣ древніи лѣтописцы греческіи, россійскіи, римскіи и польскіи свидѣтельствуютъ; наипаче и божественное писаніе отъ пророчества Іезекіилева въ главѣ 39 имя тое Россовъ приличнѣ изъявляетъ, нарицающе князя, Росъ, Мосохъ и прочая. И тако *Россы отъ россѣянія* своего прозвашася, а отъ Славяновъ именемъ точію разнствуютъ; по роду же своему едино суть, и яко единъ и тойжде народъ Славенскій, нарицается славеноросскій или *славнороскій*.

О народѣ Сарматскомъ и о нарѣчіи его. Савромаціи, или Сармаціи страна есть въ той же Европѣ, 3-й части Свѣта, жребія Афетова, обаче сугуба есть: едина Скиѳска, идѣже нынѣ сидятъ Скиѳы или Татаре; вторая, идѣже Москва, Русь, Поляки, Литва, Прусы и прочая обитаютъ. Савромація прозвася гречески отъ народа имуща подобіе ехидныхъ или ящурчихъ очесъ. Ибо ехидна гречески *савросъ*, а око очима нарицается. Обаче толикимъ страннымъ нарѣчіемъ неконечнѣ естество очесъ, но паче страхъ и мужество онаго народа Сарматскаго изобразуется; за не прежде вся земля отъ сихъ людей трепеташе. Иныи лѣтописци родъ Сарматовъ производятъ отъ Асармоѳа, или отъ Сармоѳа, праправнука Арфаксадова, сына Симова. Иніи отъ Рифада, внука Афетова, того ради, яко Асармоѳа и Рифада племя совокупившеся купно обитали, откуду подъ тѣмъ сарматскимъ именемъ всѣ прародители наши славенароссійскіи, Москва, Россы, Поляки, Литва, Поморяне, Волнцы и прочая заключаются. Понеже и Сарматовъ такожде, яко и Россовъ отъ мѣста на мѣсто преносящимися и роспрошенными и россѣянными гречестіи древніи лѣтописцы съ россійскими и съ прочіими согласно нарицаютъ.

О народѣ Роксоланстѣмъ, и о нарѣчіи его. О тѣхъ же сарматскихъ и славяно-росскихъ осадъ той же народь Росскій изыде, отъ него же нѣціи нарицахуся Россы, а иныи Аланы, а потомъ прозвашася *Роксоланы*, аки бы *Росси и Аланы*. Понеже всѣ лѣтописцы всѣхъ тѣхъ народовъ предреченныхъ нарѣчіемъ паче, нежели естествомъ раздѣляютъ, Афетово вящше племя быти повѣдающе, и Сармоѳа праотца Мосоха сына его нарицающе; ибо тыяжде народы славенороссійскіи, по времени умнажающеся, и по различныхъ мѣстѣхъ вселяющеся, еще и

иными различными имены отъ рѣкъ, лѣсовъ, примѣтовъ, поль, отъ дѣлъ, и отъ князей своихъ именъ и нарѣй, прозваны быша, якоже Болгары и Волонцы отъ рѣки Волги; Муровляне отъ рѣки Муравы, или отъ князя Мората; Полочане отъ рѣки Полоты; Донцы отъ Дону; Запорожцы отъ Запорожья; козаки отъ славнаго своего древняго нѣкоего вождя прозвищемъ Козака, побѣдивше съ нимъ Татаровъ, прозвашася; Древляне или Полѣсяне отъ древесъ, или отъ лѣсовъ густыхъ; Поляне, или Поляки отъ поль; Половцы отъ лова звѣрина и отъ плѣну людей; Печѣнези отъ жестокости и мучительства своего; Татаре отъ рѣки Тартаръ. А тыижъ народы татарскіи, егда посѣдоша страну Ѳракійскую, идѣже Константинополь и прочіи грады, прозвани бяху отъ Ѳраковъ, то есть отъ жителей страны, нарицаемой Ѳракія, Труки, а потомъ преложеніемъ двоихъ словесъ азбучныхъ Турки прозвашася. Скиѳи, тыижъ Татаре отъ горы Скиѳи нареченны суть; зане подъ тою горою яко и Кавказскою сначала обитаху; Сѣверяне отъ страны Сѣверскія надъ Десною и Сеймомъ рѣками сѣдшія; Литва отъ Литвоса сына царя Вейдевута Прусскаго; Чехи отъ Чеха князя; Ляхи или Лехи отъ Леха перваго короля польскаго; Москва народъ отъ Мосоха праотца своего и всѣхъ Славенороссовъ, сына Афетова: а царствующій градъ Москва отъ рѣки Москвы, и прочая симъ подобная.

О Мосохѣ—прародителѣ славенороссійскомъ и о племени его. Мосохъ, 6-й сынъ Афетовъ, внукъ Ноевъ, толкуетъ же ся отъ еврейскаго славенски вытягающій и ростягающій, отъ вытаганія лука и отъ разширенія великихъ и множественныхъ народовъ московскихъ, славенороссіискихъ, польскихъ, волынскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, карвацкихъ и всѣхъ обще, елико ихъ есть, славенска языка природнѣ употребляющихъ. Той бо Мосохъ по потопѣ лѣта 131 шедши отъ Вавилона съ племенемъ своимъ абіе въ Азіи и Европѣ надъ берегами Понтскаго или Чернаго моря народы *Москховитовъ* отъ своего имени осади и оттуду умножшуся народу, поступая день отъ дне въ полунощныя страны за Черное море, надъ Дономъ и Волгою рѣками, и надъ озеромъ или отногою морскою Меотисъ, идѣже Донъ впадаетъ, въ поляхъ широко селеньми своими распространишася, по свойству и истолкованію имени отца своего *Мосоха*. Ибо яко Афетъ толкуется разширеніе, или разширителенъ; тако подобно сказуется и Мосохъ растягающій и далече вытягающій. И тако отъ Мосоха, праотца славенороссійскаго, по наслѣдію его, не токмо Москва народъ великій, но и вся Русь или Россія вышереченная произыде, аще въ нѣкихъ странахъ мало что въ словесѣхъ и премѣнися обаче единымъ Славенскимъ языкомъ глаголютъ.

О нарѣчіи Москвы народа и царственнаго града. Нарѣчіе то Москва отъ имени праотца Мосоха изшедше, аще оно искони вѣстно древнимъ лѣтописцемъ бѣ, обаче на мнозѣ и въ молчаніи пребываше. Ибо егда тріе братія князіе варязстіи, о нихъ же будетъ нижае, и в. княгиня Ольга, или Елена, и всея Россіи первый самодержецъ Владиміръ, и вторый Мономахъ, Россіею обладаша, тогда Россами или Русаками звахуся; а въ россійскихъ земляхъ точію кіевскій, владимірскій, великоновгородскій, черниговскій, галицкій, славенскій и прочіи князи именити бяху. Москва бо городъ надъ рѣкою Москвою отъ имени ея нареченный, наипервѣе изъ древа созданъ бысть и назначенъ даже до в. кн. Іоана Даниловича, иже престолъ княженія отъ Владиміра града въ Москву градъ пренесе.

И тако величествомъ славы Престола княженія отъ Владиміра града пренесеннаго, богоспасаемый градъ Москва про-

славися, и пародительное въ немъ имя Мосоха въ народѣ россійскомъ обновися, еже неувядомою въ вѣки памятію цвѣтущи, изряднѣе же благодатію божію отъ силы въ силу отъ славы въ славу преспѣвая, на высочайшій степень самодержавнаго царства востече и благочестіемъ, силою и мужествомъ православныхъ царей, наипаче великими чудесы святыхъ россійскихъ московскихъ чудотворцевъ на высоту добродѣтелей возвысившися, яко солнце по вселенѣй просвѣтися и паче иныхъ сіяетъ.

(*Кіевс. Синопсисъ 1836 г. Кіевъ. стр. 8—16*).

Синопсисъ *или сокращеніе русской исторіи—былъ первой попыткой систематическаго ея изложенія и эта книга въ свое время была единственнымъ учебникомъ. Составителемъ ея былъ Кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель и въ первый разъ напечаталъ ее въ 1674 г. До XIV в. онъ сократилъ хронику Ѳеодосія Софоновича, игумена Кіево-михайловскаго Златоверхаго монастыря, изданную въ 1672 г. Нѣкоторыя извѣстія заимствованы изъ польскихъ хроникъ и преимущественно изъ исторіи Стрыйковскаго, который пользовался такими лѣтописями, которыя или пропали, или перечинчены польскими писателями. Поэтому Синопсисъ относится къ источникамъ Русской Исторіи, и Академія Наукъ съ 1736 г., въ продолженіе столѣтія, издавала его 18 разъ. Эта книга, по всей вѣроятности, была поводомъ къ сочиненію „Сокращенія Рос. Ист.“ въ 36 главахъ діакономъ Ѳедоромъ Грибовдовымъ 1676 г.; книга эта, написанная для царя Ѳедора Алексѣевича, не была издана. Точно также не изданно сочиненіе по Русской Исторіи справщика типографіи Ѳедора Поликарпова: въ 1708 г. Петръ В. поручилъ ему написать обзоръ событій Рус. Исторіи отъ Василія Ив. до своего времени въ сжатомъ и пространномъ видѣ. Въ 1716 г. Поликарповъ исполнилъ свой трудъ, но онъ не понравился Петру и не извѣстно, куда дѣвался. Синопсисомъ пользовался А. Манкіевъ при составленіи извѣстной книги „Ядро Рос. Исторіи“, которая несправедливо приписывалась кн. Хилкову Миллеромъ, издавшимъ въ 1770 г. Какъ Гизель, такъ и Манкіевъ, держались показаній Стрыйковскаго и внесли въ свои исторіи много баснословныхъ повѣстей, нѣлѣпыхъ соображеній и разсказовъ, образчиковъ которыхъ мы представили. Оба они согласны, что в. кн. Ольга была правнукой Гостомысла,—Радимъ, Вятко и Дульбъ состояли полководцами Кія, Щека и Хорива,—Славяне помогали Александру Македонскому; но только Манкіевъ прибавляетъ, что грамота, написанная Славянамъ золотыми буквами Александромъ, хранится въ архивѣ Турецкаго султана. „Но какъ ни странны, говоритъ С. М. Соловьевъ, иногда отступленія автора Ядра, какъ ни ошибочны бываютъ иногда его показанія, все онъ несравненно выше автора Синопсиса, который, слѣдуя постоянно литовскимъ и польскимъ источникамъ, преимущественно Стрыйковскому, перемышиваетъ князей и событія, опуская главное, выставляя незначущее, сопоставляя разнорѣчивыя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событіи; такъ, напр., говоритъ, что Владиміръ Мономахъ добылъ цѣпь, поясъ и шапку княжую отъ старосты кавинскаго, котораго поборолъ на поединкѣ, и на другой же страницѣ говоритъ, что всѣ эти вещи присланы были Мономаху изъ Византіи; Романъ Ростисл. смоленскій смѣшанъ съ Романомъ Мстисл. волынскимъ и т. под. Напротивъ труду Манкіева мы не усомнимся дать почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ: исключая древнѣйшій періодъ, событія переданы въ немъ безстрастно, обстоятельно, почти безошибочно; не забудемъ, что и послѣ, когда начали появляться болѣе обширныя сочиненія по части Русской Исторіи, то они касались обыкновенно древнѣйшихъ ея періодовъ, и Ядро оставалось относительно самымъ полнымъ руководствомъ къ изученію Русской Исторіи; этимъ объясняется то, что оно достигло четырехъ изданій (1770, 1784, 1794, 1799)“. Арх. Калачова. кн. 2 полов. I. отд. III, стр. 3—15.*

294. Смерть Игоря и месть Ольги.

Въ лѣто 6453 (945). Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: »отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы«. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, насиляше имъ, и мужи его; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущю же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: »идѣте съ данью домови,

а я возвращюся, похожю и еще«. Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнія. Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: »аще ся въвадить (*повадится*) волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить«, посласа къ нему глаголюще: »почто идеши онять? поималъ еси всю дань«. И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня Деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, то же отецъ Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: »се, князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему якоже хощемъ«. И послаша Деревляне лучьшіе мужи, числомъ 20, въ лодьи къ Ользѣ, и приставша подъ Боричевымъ въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы кіевьскія, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Кіевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище (1) бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею надъ горою дворъ теремный, бѣ бѣ ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва е Ольга къ собѣ: »добри гостье придоша« и рѣша Деревляне: »придохомъ, княгине«. И рече имъ Ольга: »да глаголете, что ради придосте сѣмо«? Рѣша же Древляне: »»посла ны Деревьска земля, рькуще сице: мужатвоего убихомъ, бяше бо мужъ твой яки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть (*управили*) Деревьску землю; да пойди за князь нашь Малъ«; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рѣче же имъ Ольга: »люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не (*вос*)кресити; но хочю вы почтити наутрія предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою и лязите въ лодьи величающеся, азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и вънесуть вы въ лодьи«, и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ, внѣ града. И заутра Вольга, сѣдящи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ глаголюще: »зоветь вы Ольга на честь велику«. Они же рѣша: »не ѣдемъ на коних, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодьи«. Рѣша же Кіяне: »намъ неволя; князь нашь убьенъ, а княгини наша хоче на ваш князь« и понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху въ перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся (1); и принесоша я на дворъ къ Ользѣ, несъше вринуша е въ яму и съ лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: »добра ли вы честь«? они же рѣша: »пущи ны (*хуже намъ*) Игоревы смерти« и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. Пославши Ольга къ Деревляномъ рече имъ: »да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чти приду за ваш князь, еда (*иначе*) не пустять мене людье Кіевьстіи«. Се слышавше Деревляне, избраша лучьшіе мужи, иже дерьжаху Деревьску

(1) *Перевѣсьище*—сѣть для ловли птицъ.

(1) Вѣроятно, перегибаясь, важничая и кривляясь. *Сутуга*—на простонародномъ языкѣ—кривизна; кривляньe.

землю, и послаша по нѭ. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуше сице: »измывшеся придите ко мнѣ«. Они же пережьгоша истопку (*избу*), и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истопъку, и повелѣ зажечи я отъ дверій, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рькущи сице: »се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ, идѣже убисте мужа своего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему«. Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, възвариша. Ольга же, поимше мало дружину, легъко идущи приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ; и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику, яко сосоша (*насыпали*), и повелѣ трызну творити. Посемъ сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне къ Ользѣ: »кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя«? она же рече: »идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего«. Яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ (*прочь*), и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне. И исѣкоша ихъ 5000; а Ольга возвратися Кіеву, и пристрои вои на прокъ ихъ (*на остальныхъ*).

Въ лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Дерьвьску землю. Изидоша Деревляне противу; сънемъшемъся обѣма полкома на скупъ (*вмѣстѣ*), суну копьемъ Святославъ Деревляны, и копье летѣ сквозь уши коневи, удари въ ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: »князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ«. И побѣдиша Деревляны. Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣ бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градѣ и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду глаголющи: »что хочете досѣдѣти? (*отсидѣться*), а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають пивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань«. Деревляне же рекоша: »ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего«. Рече же имъ Ольга: »яко азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Кіеву, второе, и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему; а уже не хощю мъщати, но хощю дань имати помалу, смирившися съ вами поиду опять«. Рекоша же Деревляне: »што хощеши у насъ? ради даемъ медомъ и скорою«. Она же рече имъ: »нынѣ у насъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дайте ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи: азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже и мужь мой, сего прошю у васъ мало, вы бо есте изънемогли въ осадѣ; да сего у васъ прошю мала«. Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша къ Ользѣ съ поклономъ. Вольга же рече имъ: »се уже есть покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, а я заутра отступлю отъ града и поиду въ свой градъ«. Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдоша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь (1), обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ.

(1) *Цѣрь*—горючее вещество.

Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда свои, ови въ голубники, врабьѣве же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници ово клѣти, ово вежѣ (1), ово ли одрины (2), и не бѣ двора идѣже не горяше, и не бѣ льзѣ гасити, вся бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати е; яко взя градъ и пожьже и, старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложи на ня дань тяжку, 2 части дани идеша Кіеву, а третьяя Вышегороду къ Олзѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляюще уставы и уроки; суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Кіевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

(*Лавр. I, 23—25*).

295. Убіеніе Бориса и Глѣба до 1093.

Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемь, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье; они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомъ. И Борису же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: отець ти оумерелъ. И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: се дружина оу тобе отьня и вои, поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни; онъ же рече: не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣишаго; аще и отець ми оумре, то съ ми буди въ отца мѣсто. И се слышавше вои, разидошася отъ него, Борисъ же стояше съ отрокы своими. Святополкъ же исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ, посылая к Борису, глаголаша: яко с тобою хочю любовь имѣти, и къ отцю придамь ти, а льстя подъ нимь, како бы й погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду отаи, призва Путшю и вышегородьскыѣ болярьцѣ, и рече имь: прияете ли ми всѣмъ сердцемъ? рече же Путьша с Вышегородьци: можемъ главы своя сложити за тя. Онъ же рече имъ: не повѣдуче никомуже, шедше оубиите брата моего Бириса, они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяковыхъ бо Соломонъ рече: скори суть пролити кровь бес правды; ти бо обьщаются крови, собирають себѣ злая; си путье суть скончавающихъ безаконье, нечестьемь бо свою душю емлють. Послании же придоша на Льто ночью, и подъступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заоутреню; бѣ бо ему вѣсть оуже, яко хотять погубити й. И вставъ нача пѣти, глаголя: Господи, что ся оумножиша стужающии мнѣ? мнози въстають на мя, и проч.... И кончавъ оксапсалма (*шестопсалміе*), оувидѣвъ, яко послани суть губить его, нача пѣти псалтырю, глаголя: яко обидоша мя оунци тучни, и сборъ злобивыхъ осѣде мя; Господи Боже мои, на тя оуповахъ, и спаси мя и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя. Посемъ же нача канунъ пѣти; таче кончавъ заоутреню, помолісяглаголя, зря на икону на образъ Владычнь, глаголя сице: Господи Іисусе Христе, иже симь образомъ явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене сподоби прияти страсть; се же не отъ противныхъ приимаю, но отъ брата своего, и не створи ему, Господи, в семь грѣха. И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемь. И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша й копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша

(1) *Вежа*—шалашъ.
(2) *Одрина*—клѣть, гдѣ спятъ.

на немь, прободоша с нимь; бѣ бо се любимъ Борисомь. Бяше отрокъ съ родомъ сынъ Оугърескъ, именемь Георгии, егоже любляше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ нань гривну злату велику, въ неиже предъстояше предь нимь: и избиша же и ины отрокы Борисовы многы. Георгеві же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, оусѣкнуша главу его, и тако сняша; и тѣмь же послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупии. Бориса же, убивше оканьнии, оувертѣвше въ шатеръ, възложивше на кола, повезоша и, и еще дышющю ему. Оувѣдѣвше же се оканьныи Святополкъ, яко еще дышеть, посла два Варяга прикончить его: онѣма же пришедшема, и видѣша, яко и еще живъ есть; единъ ею извлекъ мечь, проньзе и къ сердцю. И тако скончася блаженыи Борисъ, вѣнецъ приемъ отъ Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророкы и апостолы, с ликы мученичьскыми водвораяся, Аврааму на лонѣ почивая, видя неизреченьную радость, въспѣвая съ ангелы, и веселяся в лику святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отаи Вышегороду, оу церкве св. Василья. Оканьнии же си оубиицѣ придоша къ Святополку, акы хулу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, и Талець, Еловитъ, Лашько; отець же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бываютъ; бѣси бо на злое посылаеми бываютъ, ангели на благое посылаеми. Ангелъ бо человѣку зла не створитъ, но благое мыслить ему всегда, паче же хрестьяномъ помогаютъ, и ваступаютъ отъ супротивнаго дьявола: а бѣси на злое всегда ловятъ, завидяще ему; понеже видятъ человѣка Богомъ почьщена и завидяще ему, на зло слеми скори суть. Золъ бо человѣкъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золъ человѣкъ ни Бога боится, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же окаьныи помысли въ собѣ, рекъ: се оубихъ Бориса, како бы оубити Глѣба? І приемъ помыслъ Каиновъ, с лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: поиди вборзѣ, отець тя зоветъ, нездравить бо велми. Глѣбъ же, вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало; и приде Смоленьску, и поиде отъ Смоленьска яко зрѣемо, и ста на Смядинѣ въ насадѣ. В сеже время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: не ходи, отець ти оумерлъ, а братъ ти оубьенъ отъ Святополка. Се слышавъ Глѣбъ, възни велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: »оувы мнѣ, Господи! луче бы ми оумретя съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ, брате мои, видѣлъ лице твое ангельское, оумерлъ быхъ с тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? кдѣ сутъ словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мои любимыи? нынѣ оуже не оуслышю тихаго твоего наказанья: да аще еси получилъ дерзновенье оу Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ туже страсть приялъ; луче бо ми было с тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прелѣстнѣмь«. И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша послании отъ Святополка на погубленье Глѣбу, и ту абье послании яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Глѣбови оуныша; оканьныи же посланыи Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба. Акы агня неворочно принесеся на жертву Богови, в воню благооуханья, жертва словесная, и прия вѣнець; вшедъ въ небесныя обители, и оузрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся съ нимь неизреченьною радостью, юже оулучиста братолюбьемъ своимь. Се коль

добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ! Оканьнии же възвратиша въспять, якоже рече Давидъ: да възвратятся грѣшници въ адъ. Онѣм же пришедшимъ, и повѣдаша Святополку: яко створихомъ повелѣная тобою. Онъ же се слышавъ, възнесеся сердце его болма, невѣдый Давыда глаголюща; что ся хвалиши о злобѣ, силный? безаконье весь день оумысли языкъ твои. Глѣбу же оубьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемь же вземше везоша и, и положиша и оу брата своего Бориса оу церкве св. Василья.

И съвкуплена тѣломь, паче же душама оу въладыкы Всецаря, пребывающа в радости бесконечнѣи, во свѣтѣ неиздреченьнѣмь, подающа и цѣлебныя дары Русьстѣи земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ с вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣньє, болящимъ цѣлбы, окованнымъ разрѣшенье, темницамъ отверзенье, печалнымъ оутѣха, напастнымъ избавленьє, и еста заступника Русстѣи земли, и свѣтилника сияюща и молящася къ Владыцѣ о своихъ людехъ. Тѣмже и мы должны есмы хвалити достоино страстотерпца христова, молящеся прилѣжно к нима, рекуще: радуитася, страстотерпца христова Русьскыя земля, яже ицѣленье подаета приходящимъ к вамъ вѣрою и любовью. Радуитася, небесная жителя, въ плоти ангела быста, единомысленая служителя, верста единообразна, святымъ единодушьна; тѣмъ стражющимъ всѣмъ ицѣленье подаета. Радуитася, Борисе и Глѣбе богомудрая, яко потока точита отъ кладязи воды живоносныя; ицѣленья истѣкають вѣрнымъ людемъ на ицѣленіе.

(*По изд. Тимковс. 92—99. Лавр. 55—56*).

Кромѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, Черноризецъ Іаковъ написалъ 1, житіе и похвалу св. Владимиру (Христ. чт. 1849 г. II, 317) и 2, Слово в. кн. Димитрію не позже 1078 г. (Ист. рус. цер. Макарія II, 303—306). Объ этомъ писателѣ см. замѣчанія Погодина и другихъ. Изв. Акад. I, 326. II, 81. 113. 157. 209. 445. Чт. общ. Ист. 1859. Матер. 1.

296. Ослѣпленіе Василька.

Въ лѣто 6605 (1097). Придоша Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и братъ его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша къ собѣ, рекуще: »почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору (*раздоръ*) дѣюще«? а Половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нонѣ отселѣ имемъся въ едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли, кождо да держитъ отчину свою. Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю; а имъ же роздаялъ Всеволодъ городы, Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теребовль Василкови«. И на томъ цѣловаша крестъ, »да аще кто отселѣ на кого будетъ, то на того будемъ вси и крестъ честный«; рекоша вси: »да будетъ на нь крестъ честный и вся земля Русьская«, и цѣловавшеся поидоша вспяси. И приде Святополкъ съ Давыдомъ Кыеву, и ради быша людье вси; но толкмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей, и влѣзе сотона въ сердце нѣкоторымъ мужемъ, и почаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сице: »яко Володимеръ сложился есть съ Василкомъ на Святополка и на тя«. Давыдъ же емъ вѣру (*повѣрилъ*) лживымъ словомъ, нача молвити на Василка, глагола: »кто есть убилъ брата твоего Ярополка? а нынѣ мыслитъ на мя и на тя, и сложился есть съ Володимеромъ; да промышляй о своей головѣ«. Святополкъ же смятеся умомъ, река: »еда се право будетъ, или лжа«, не вѣдѣ; и рече Святополкъ къ Давыдови: »да аще

право глаголеши, Богъ ти буди послухъ (*свидѣтель*); да аще ли завистью молвишь, Богъ будеть за тѣмъ«. Святополкъ же сжалися по братѣ своемъ и о собѣ, нача помышляти, еда се право будеть? и я (*взялъ*) вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василкѣ, а Василко сего не вѣдяше и Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: »аще не имевъ (*не поймаемъ*) Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ въ Володимери«. И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на выдобычь, и иде поклонится къ св. Михаилу въ манастырь, и ужина ту (*тутъ*), а товары (*обозъ, запасы*) своя постави на Рудици, вечеру же бывшю приде въ товаръ свои. И наутрія же бывшю, присла Святополкъ, река (*рекъ*): »не ходи отъ именинъ моихъ«. Василко же отпрѣся, река: »не могу ждати; еда будеть рать дома«. И присла къ нему Давыдъ: »не ходи, брате, не послушайся брата старѣйшаго«, и не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: »видиши ли, не помнить тебе, ходя въ твоею руку; аще ти отъидеть въ свою волость, да узришь, аще ти не займеть градъ твоихъ Турова и Пиньска, и прочихъ градъ твоихъ, да помянешь мене; но призвавъ Кіяны и емъ, и дажь мнѣ«. И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: »да аще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ цѣлуеши мя, и посѣдимъ вси съ Давыдомъ«. Василко же обѣщася прити, не вѣдый лести, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и дѣтьскый его и повѣда ему, глаголя: »не ходи, княже, хотять тя яти«, и не послуша его, помышляя, »како мя хотять яти? и оно мнѣ цѣловавше крестъ, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крестъ и мы вси«, и помысливъ си прекрестися, рекъ: »воля господня да будеть«. И пріѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ; и вылѣзе (*вышелъ*) противу его Святополкъ, и идоша къ истобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: »останися на *святокъ*«. И рече Василко: »не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ товаромъ поити передѣ«. Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ, и рече Святополкъ: »да заутрокай, брате!« и обѣщася Василко заутракати. И рече Святополкъ: »посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю«, и лѣзе вонъ, а Давыдъ съ Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати къ Давыдови, и не бѣ въ Давыдѣ гласа, ни послушанья; бѣ бо ужасльса, и лесть имѣя въ сердци. И посѣ(и)дѣвъ Давыдъ мало, рече: »кдѣ есть братъ«? Они же реша ему: »стоить на сѣнехъ«. И вставъ Давыдъ, рече: азъ иду по нь; а ты брате, посѣди«. И вставъ иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка въ 5 ноямьбря, и оковаша и въ двои оковы, и приставиша къ нему сторожѣ на ночь. Наутрія же Святополкъ созва бояръ и Кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ: »яко брата ти убилъ, а на тя свѣчался (*совѣщался*) съ Володимеромъ, и хотять тя убити и грады твоя заяти«. И рѣша бояре и людье: »тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да прииметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да прииметь месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомъ«. И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: »ото Давыдъ«. Увѣдѣвъ же Давыдъ, нача поущати (*научать*) на ослѣпленье: »аще ли сего не створишь а отпустишь и, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ«. Святополкъ же хотяще пустити и, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и Бѣлугороду, иже градъ малъ у Кіева яко 10 верстъ въ дале, и привезоша и на колѣхъ (*на колесахъ, на тельгѣ*), окована суща, ссадиша и съ колъ, и ведо-

ша и въ истобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко Торчина остряща ножь, и разумѣ, яко хотятъ и слѣпити, възпи къ Богу плачемъ великимъ и стенаньемъ. И се влѣзоша посланіи Святополкомъ и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичь конюхъ Святополчь, и Дьмитръ конюхъ Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша яста Василка и хотяща и повредити; и боряшется съ нима крѣпко, и не можаста его повредити и се влѣзше друзіи повергоша и, и связаша и, и снемше доску съ печи, и въложиша на перси его; и сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дмитръ, и не можаста удержати; и приступиста ина два, и сняста другую доску съ печи и сѣдоста, и удариша и рамяно (*сильно*), яко персемъ троскотати (*трещати*). И приступи Торчинъ, именемъ Беренди, овчюхъ (*пастухъ*) Святополчь держа ножь и хотя ударити въ око, и грѣшися (*не попаль*) ока и перерѣза ему лице, и есть рана та Василкѣ и нынѣ; и посемъ удари и въ око, и взяша зѣницю, и посемъ въ другое око, и взя другую зѣницю, и томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше и на коверъ, взложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю. И бысть везома ему, сташа съ нимъ перешедше мостъ Звиженьскый, на торговищи (*рынкѣ*), и сволокоша съ него сорочку кроваву сущю, и вдаша попадьи опрати (*вымыть*); попадья же оправши взложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь и рече: »кдѣ сѣ есмъ«? Они же рекоша ему: »въ Звиждени городѣ«. И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, *и вступи въ онь душа*, и умянуся, и пощюпа сорочкы и рече: »чему есте сняли съ мене? да быхъ въ той сорочкѣ кровавѣ смерть пріялъ и сталъ предъ Богомъ«. Онѣмъ же обѣдавшимъ, поидоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути; бѣ то тогда мѣсяцъ *груденъ*, рекше (*то есть*) ноябрь (1). И придоша съ нимъ Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ съ нимъ, акы нѣкакъ (*какъ будто какой*) уловъ уловивъ, и посадиша и въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко. Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: »сего не бывало есть въ Русьскѣй земли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла«. И ту абье посла къ Давыду и къ Олгови Святославичема, глаголя: »поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русьскѣй земли и въ насъ и братьи, оже вверже въ ны ножь; да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть въ насъ, и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши Половци пришедше возмуть землю Русьскую«. Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуща: »яко сего не было въ родѣ нашемъ«, и ту абье собравъша воѣ, придоста къ Володимеру. Володимеру же съ вои стоящю въ бору, Володимеръ же,

---

(1) Славянскія названія мѣсяцевъ сохранились въ церковномъ обиходѣ XIII в. Мѣсяцъ Сентябрь, рюмый *Рюнъ*, Октябрь—*Листопадъ*, Ноябрь—*Груденъ*, Декабрь—*Студенъ*, Генваръ—*Просинечь*, Февраль—*Сѣченъ*, Мартъ—*Сухій*, Апрѣль—*Брьзозоръ*, Май—*Травенъ*, Іюнь—*Изокъ*, Іюль—*Червенъ*, Августъ—*Заревъ*. (Опис. Рум. Муз. стр. 405. Ист. рус. ц. III, пр. 179).

Карамзинъ объясняетъ названія мѣсяцевъ слѣд. обр.: *Рюенъ*—ревунъ, отъ рева звѣрей; *Груденъ*—отъ грудъ снѣга или мерзлой грязи; *Промнецъ*—отъ синеты неба; *Березозолъ* — отъ золы березовой; *Изокъ*—отъ какой то пѣвчей птицы (*изокъ—кузнечикъ*); *Червенъ*—отъ красныхъ ягодъ или плодовъ; *Заревъ*—отъ Зари или Зарницы. (Ист. гос. Рос. I, пр. 159 и текстъ).

О славянскихъ названіяхъ мѣсяцевъ см. Вѣст. Евр. 1818, ч. 97, № 4. 283 Рус. Бес. 1857, II. 88, 1858, 1, II. 116. Ж. М. Н. Пр. 1863, Іюль 1. V, 9—10.

и Давыдъ, и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще къ Святополку: »что се зло створилъ еси въ Русьстѣй земли, и ввергълъ есе ножь въ ны? чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была нань, обличилъ бы и предъ нами, и упрѣвъ (*доказалъ*) бы и створилъ ему; а нынѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси«. И рече Святополкъ: яко »повѣда ми Давыдъ Игоревичь, яко Василко брата ти убилъ Ярополка, и тебе хочеть убити и заяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестіе, и Погорину а заходилъ ротѣ (*принималъ присягу*) съ Володимеромъ, яко сѣсти Володимеру Кыевѣ, а Василкови Володимери; а неволя ми своее головы блюсти, а не язъ яго (*его*) слѣпилъ, но Давыдъ и ведъ и къ собѣ«. И рѣша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови: »извѣста о семъ не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ и: не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣпленъ, но въ твоемъ градѣ ятъ и слѣпленъ«. И се имъ глаголющимъ разидошася разно. Наутріа же хотящимъ чрезъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути изъ Кіева; не даша ему Кыяне, но послаша Всеволожюю (*княгиню*) и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: »молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмете рать (*будете воевать*) межю собою, погании имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣды ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ побарающе по Русьскѣй земли, ины земли пріискываху; а вы хочете погубити землю Русьскую«. Всеволожая же и митрополитъ придоста къ Володимеру, и молистася ему, и повѣдаста молбу Кыянъ, яко творити миръ и блюсти землѣ Русьскіѣ, и брань имѣти съ погаными (*Половцами*). Се слышавъ Володимеръ, расплакався и рече: »по истинѣ отци наши и дѣди наши сблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити«. И преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю аки матерь, отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелику (*сильно*), и въ животѣ и по смерти не ослушаяся его ни въ чемъ же; тѣмже и послуша ея, акы матере, и митрополита, такоже чтяше санъ святительскый, не преслуша молбы его. Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ имуменомъ, паче же и чернечьскый чинъ любя, и черници любя, приходящая къ нему напиташе и напаяше, аки мати дѣти своя; аще кого видяше ли шюмна, ли въ коемъ зазорѣ (1), не осудяше, но вся на любовь прекладаше. Но мы на свое възвратимся. Княгини же бывши у Володимера, приде Кыеву и повѣда вся рѣчи Святополку и Кіяномъ, яко миръ будеть. И начаша межи собою мужѣ слати, и умиришася на семъ, яко рѣша Святополку: »яко се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими (*возьми*), любо прожени (*прогони*) й«; Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межю собою, миръ створяше. Василкови же сущю Володимери, на прежерѣченѣмъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великый, и мнѣ ту сущю Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ. И придохъ къ нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: »се молвилъ Василко си ночи къ Уланови и Колчи, реклъ тако: се слышю, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда; да же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужь свой къ Володимеру воротиться, вѣдѣ бо ся съ нимъ что молвивъ, и не поидеть; да се, Василю, шлю тя, иди къ Васил-

(1) *Шюмна*—задорна, буйна, или въ какомъ либо проступкѣ.

кови, тезу своему (1), съ сима отрокома, и молви ему тако: оже хощеши послати мужь свой, и воротится Володимеръ, то вдамъ ти которой ти городъ любъ (*нравится*), любо (*или*) Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль«. Азъ же идохъ къ Василкови, и повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Онъ же рече: »сего есмъ не молвилъ; но надѣюся на Богъ, пошлю, да быша не прольяли мене ради крови; но сему ми дивно, даеть ми городъ свой, а мой Теребовль, моя власть« (*волость*). пождавши и нынѣ якоже и быть; вскорѣ бо прія власть свою. Мнѣ же рече: »иди къ Давыдови и рци ему: пришли ми Кульмѣя, то пошлю къ Володимеру«. И не послуша его Дадыдъ, и посла мя пакы река: »нѣту Кулмѣя«. И рече ми Василко: »посѣди мало«, и повелѣ слузѣ своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача ми глаголати: »се слышю, оже мя хочеть дати Ляхомъ Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хочеть болѣ насытитися, оже мя вдасть имъ, азъ бо Ляхомъ много зла творихъ, и хотѣлъ есмь створити и мстити Русьскѣй земли; и аще мя вдасть Ляхомъ, не боюся смерти; но се повѣдаю ти: по истинѣ яко на мя Богъ наведе за мое възвышенье (*самонадѣянность*), яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Берендичи, и Печенѣзи, и Торци, и рекохъ въ умѣ своемъ: оже ми будуть Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайта ми дружину свою молодшюю, а сама пійта и веселитася; и помыслихъ: на землю Лядьскую (*польскую*) наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядьскую, и мьщю Русьскую землю; и посемъ хотѣтъ есмъ переяти (*взять*) Болгары Дунайскыѣ, и посади ти я у собе; и посемъ хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю. Ино помышленье въ сердци моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда, а се кленуся Богомъ и его пришествіемъ, яко не помыслилъ есмъ зла братьи своей ни въ чемъ же, но за мое възнесенье (*гордость*) низложи мя Богъ и смири«. Посемъ же приходящю велику дни, поиде Давыдъ, хотя переяти Василкову волость; и усрѣте и Володарь, братъ Василковъ, у Божьска, и не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату Володарю, и затворися въ Бужьскѣ, и Володарь оступи и въ городѣ. И нача Володарь молвити: »почто зло створивъ и не каешися его? да уже помянися, колико еси зла створилъ«. Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти (*сваливать вину*), глаголя: »ци я се створилъ, ли въ моемъ городѣ? я ся самъ боялъ, аще быша и мене яли и створили такоже; неволя ми было пристати въ съвѣтъ, ходяче въ руку«. И рече Володарь: »Богъ свѣдѣтель тому; а нынѣ пусти братъ мой, и створю съ тобою миръ«. И радъ бывъ Давыдъ, посла по Василка, и приведъ и дасть Володарю, и створися миръ, и разидостася. И сѣде Василко Теребовли, а Давыдъ приде Володимерю и наставши веснѣ, придѣ Володарь и Василко на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ и бѣгоша людье огня и повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщенье на людехъ неповинныхъ, и пролья кровь неповинну. Посемъ же придоста къ Володимерю, и затворися Давыдъ въ Володимери, и си оступися градъ. И послаша къ Володимерцемъ, глаголя: »вѣ не пріидоховѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили (*подучили*)

(1) *Теза*—теска: писатель сказанія былъ Василій и Василько также Василій.

Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ зло, да аще хощете за сихъ битися, да се мы готовы; а любо дайте врагы наша«. Гражане же се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: »выдай мужи сія, не бьемъся за сихъ, а за тя битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышляй о собѣ«,—и неволя бысть выдати я. И рече Давыдъ: »нѣту ихъ здѣ«,—бѣ бо я (*схативъ*) послалъ Лучьску; онѣмъ же пошедшимъ Лучьску, Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турійску. И слышаша людье, яко Турійскѣ суть, кликнуша людье на Давыда и рекоша: »выдай кого ти хотять; аще ли то предаемыся«. Давыдъ же послався приведе Василя и Лазаря, и дасть я; и створиша миръ въ недѣлю, а заутра по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша отъ града. Се же 2-е мщенье створи, его же не бяше лѣпо створити, дабы Богъ отместникъ былъ, и взложити было на Бога мщенье свое, якоже рече пророкъ: и вздамъ месть врагомъ, и ненавидящимъ мя вздамъ, яко кровь сыновъ своихъ мщаеть и мстить, и вздасть месть врагомъ и ненавидящимъ его. Симъ же отъ града отшедшимъ, сею же снемше погребоша я. Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде къ Берестью къ Ляхомъ (*Полякомъ*); се слышавъ Давыдъ, иде въ Ляхы къ Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: »пойди съ нами Берестью, яко се вабить (*манитъ*) ны Святополкъ на снемъ; и ту умиримъ тя съ Святополкомъ«; и послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градѣ, а Ляхове на Бугу, и сослася рѣчьми Святопокъ съ Ляхы, и вдасть дары велики на Давыда; и рече Володиславъ Давыдови: »не послушаетъ мене Святополкъ; да иди опять«. И приде Давыдъ Володимерю, и Святополкъ съвѣтъ створи съ Ляхы, поиде къ Пиньску, послався повоѣ; и приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ, и поиде на Давыда-къ граду, и Давыдъ затворися въ градѣ, чая (*ожидая*) помощи въ Лясѣхъ, бѣша бо ему рекли: »яко аще придуть на тя русскыѣ князи, то мы ти будемъ помощници«,—и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи градъ, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: »пусти мя изъ града«; Святополкъ же обѣщася ему, и цѣловаста крестъ межи собою, и изиде изъ града, и приде въ Червенъ, а Святополкъ вниде въ градъ въ великую суботу, а Давыдъ бѣжа въ Ляхы. Святополкъ же прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя: »яко се есть волость отца моего и брата«,—и поиде на ня. Се слышавъ Володарь и Василко, поидоста противу, вземше крестъ, его же бѣ цѣловалъ къ нима на семъ, яко »на Давыда пришелъ есмъ, а съ вама хочю имѣти миръ и любовь«. И преступи святополъ крестъ, надѣяся на множьство вой. И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоимъ, и Василко възвыси крестъ, глаголя: »яко сего еси цѣловалъ, се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хощеши взяти душю мою; да буди межи нами крестъ съ (*сей*)«,—и поидоша къ собѣ къ боеви, и сступишася полци, и мнози человѣци благовѣрнии видѣша крестъ надъ Василкови вои, възвышься велми. Брани же велицѣ бывши и мнозѣмъ падающимъ отъ обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже Володимерю; Володарь же и Василко побѣдивша, стаста ту, рекуща: »довлѣетъ (*сльдуетъ*) нама на межи своей стати«, и не идоста никаможе. Святополкъ же прибѣже Володимерю, и съ нимъ сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружи-

на. Святополкъ же посади въ Володимери Мстислава, иже бѣ ему отъ наложницѣ, а Ярослава посла въ Угры (*къ Венграмъ*), вабя Угры на Валодаря, а самъ иде Кыеву. Ярославъ же, сынъ Святополчь, приде съ Угры, и король Коломанъ и 2 пископа, и сташа около Перемышля по Вагру, а Володарь затворися въ градѣ. Давыдъ бо въ то чинъ (*часъ*) пришедъ изъ Ляховъ, и посади жену свою у Володаря, а самъ иде въ Половцѣ; и устрѣте и Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на Угры. Идущема же има, сташа ночлѣгу, и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха отъ вой, и почаѣыти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Бонякъ же пріѣхавъ повѣда Давыдови, яко »побѣда ны есть на Угры заутра (1)«. И наутрія Бонякъ исполчи вои своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли на 3 полкы, и поиде къ Угромъ, и пусти на воропъ (*набѣгомъ*) Алтунапу въ 50 чади (*человѣкъ*), а Давыда постави подъ стягомъ (*подъ знаменемъ*), а самъ раздѣлися на 2 части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчишася на заступы (*застава*), бѣ бо Угръ числомъ 100 тысящь. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ Угры, Угри же погнаша по нихъ; яко бѣжаще минуша Бонака, и Бонякъ погнаше сѣка въ тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять (*назадъ*), и не допустяху Угръ опять, и тако множицею убивая сбиша ѣ въ мячь; Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколъ сбиваеть галицѣ (*галокъ*). И побѣгоша Угри, и мнози истопоша въ Вягру, а друзіи въ Сану, и бѣжаще возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга, и гнаша по нихъ 2 дни, сѣкуше. Туже убиша и пискона ихъ Купана, и отъ бояръ многы, глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящь. Ярославъ же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сутѣску, Червенъ, приде внезапу и зая Володимерцѣ, а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою, иже бѣша у него Берестьяне, Пиняне, Выгошевци, и ста Давыдъ, оступивъ градъ, и часто приступаше. Единою поступиша къ граду подъ вежами, овѣмъ (*инымъ*) же бьющимъ съ града, и стрѣляющимъ межи собою, идяху стрѣлы акы дождь; Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ деску скважнею, и сведоша ѣ, и на ту нощь умрѣ, и таиша ѣ 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: »се князь убѣенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ погубить ны вся«, и послаша къ Святополку, глаголя: »се сынъ твой убѣенъ, а мы изне могаемъ гладомъ; да аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуше глада терпѣти«. Святополкъ посла Путяту, воеводу своего; Путята же съ вои пришедъ къ Лучьску къ Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша къ Давыдови: »аще поидеть на тя Святополкъ, то повѣмъ ти«, и не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а самъ поиде на Давыда. И приде Святоша и Путята авг. въ 5 день, Давыдовымъ воемъ облежащимъ градъ, въ полуденье Давыдови спящю, и нападоша на нь и почаша сѣчи; и горожане скочиша съ града, и почаша сѣчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ, сыновець его. Святоша же и Путята пріяста градъ, и посадиста посадника Святополча Василя; и приде Святоша Лучьску, а Путята Кыеву. Давыдъ побѣже въ Половцѣ, и усрѣте и Бонякъ; и поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошю къ Лучьску, и от-

(1) Суевѣрное понятіе о признакахъ побѣды. Слячи съ Сл. о пол. Игор. и сказан. о Куликовс. битвѣ.

ступиша Святошю въ градѣ, и створиша миръ. И изиде Святоша изъ града и приде къ отцю своему Чернигову; а Давыдъ перея Лучьскъ, и оттуду приде Володимерю, посадникъ же Василь выбѣже, а Давыдъ перея (*занялъ*) Володимерь и сѣде въ немъ. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, въ немъ же и умре; а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава.

(*Лавр. I, 109—116*).

297. Борьба между князьями.

Бысть вѣсть (1146) къ Косняткови мужю Святославлю, оже Давыдовича думаста яти брата своего Святослава; и присла Коснятко ко князю своему, река: »княже! думають о тобѣ, хотять яти, аче по тя прислета братья, не ѣзди къ нима«. Лукавый бо пронырливый дьяволъ, не хотяй добра межи братьею, хотяй приложити зло ко злу, и вложи има мысль не взискати брата Игоря, ни помянути отецьства и о крестѣ утвержденія, ни божественныя любве, якоже бѣ лѣпо жити братьи единомысленно укупѣ, блюдучи отецьства своего; но преступивша крестьное утвержденіе и забыша страха божія, и посластася къ Изяславу: »Игорь како то тобѣ золъ былъ, тако и нама, а держи твердо«—а къ Святославу посласта, рекоста: »пойди изъ Новагорода Путивлю, а брата ся Игоря лиши«. Святославъ же рече: »ни волости хочу, ни иного чего, развѣ толико пустите ми брата«—она же рекоста: »цѣлуй къ нама крестъ, яко не просити брата, ни его ваищеши, а волость держи«. Святославъ же, прослезився, рече, пославъ къ Юргеви у Суждаль: »брата ми Всеволода Богъ поялъ, а Игоря Изяславъ ялъ, а пойди въ Рускую землю Кіеву, милосердовавъ ми налѣзи брата; а язъ ти сдѣ, надѣяся Бозѣ и силѣ животворящаго хреста, буду ти помощникъ«. Въ тоже веремя, божьемъ милосердьемъ, прибѣже отъ строи Святославичь Володимиръ, Ярославль внукъ, къ Святославу, Новугороду, и тогда съ полку прибѣже къ нему Иванъ Берладникъ. Въ тоже веремя посла Святославъ въ Половцѣ къ уемъ своимъ, и пріиде ихъ къ нему въ борзѣ 300. Изяславъ же водивъ Всеволодовича Святослава хресту, и да ему Бужьскый и Межибожье, 5 городовъ, а изъ Володимиря выведе. Вячеславъ же, се слышавъ, надѣяся на старишьство и послушавъ бояръ своихъ, не приложи чести ко Изяславу, отъя городы опять, иже бяшеть отъ него Всеволодъ отъялъ; не токмо же то, но Володимиръ зая и посади въ немъ Андреевича. Изяславъ же се слышавъ, посла брата своего Ростислава и Всеволодовича Святослава на стрыя своего Вячьслава, и отъя отъ него Туровъ, и епископа туровьскаго Акима, и посадника его Жирослава Яванковича, и посади сына своего Ярослава въ Туровѣ. Давыдовича же рекоста: »се есвѣ зачала дѣло зло, а свершивѣ до конца братоубиство; пойдивѣ, искоренивѣ Святослава и переимевѣ волость его«; сгадаша же то въспросиша Изяслава ити на Святослава Новугороду. Томъ же лѣтѣ (1146) ходи Изяславъ къ Давидовичема на снемъ, и рече има: »поидита на Олговича на Святослава«; и посла съ нима сына своего Мьстислава, съ Переяславчи и съ Берендѣи, рекъ имъ: »идите нань, оже передъ вами не выбѣгнеть, станьте же около его; аче вы ся сътрудите, а я пакъ чѣлъ приду къ вамъ и стану около его, а вы домовь поидете« и поидоша Новугороду. И пришедше сташа у переспы, оттуда идоша стрѣлци изъ товаръ къ граду къ вратомъ Черниговьскимъ, и ту бившуся много; утрѣи же

день исполчишася и поидоша къ вратомъ Курьскимъ. И посла Мьстиславъ Изяславичь ко Володимиру и къ Изяславу Давыдовичема, и реша има: »братъ ваю, а мой отецъ, тако рекъ: къ городу же не приступайте, доколѣ же приду азъ, а како же угадаетъ, тако створимъ;« она же рекоста тако: »аже тако братъ велѣлъ, а тако и учинимъ«, и не доидуча пакы града, стаста близъ. И съѣхавшася Володимиръ, Изяславъ Давыдовича, и Мьстиславъ Изяславичь, вси на мѣсто, и пустиша стрѣлцѣ къ граду, хрестьяны и Берендѣя, а сами сташа полкы и начаша ся бити, и бысть налога велика гражданомъ, и вбодоша я въ врата острожная, и много бѣ у нихъ убитыхъ иураненыхъ; въ той же свадѣ убиша Дмитра Жиславича и Андрея Лазоревича. Бившимъ же ся имъ и до вечера, и оттуда шедше сташа у Мелтековѣ селѣ, и оттуда послаше и заграбиша Игорева и Святославля стада въ лѣсѣ по Рахни, кобылъ стадныхъ 3000, а конь 1000; послаше же по селомъ, пожгоша жита и дворы. Въ тоже веремя послася Святославъ къ Гюргеви, и чѣлова къ нему крестъ Гюрги, яко искати ему Игоря; и поиде Гюрги въ помочь ему. Услышавшю же Изяславу, яко Гюрги идетъ въ помощь къ Святославу, и послася Изяславъ Мьстиславличь полемъ къ Ростиславу Ярославичу у Рязань, а самъ Изяславъ всѣде на конь, на Святослава къ Новугороду иде, идѣже бѣ Володимиръ и Изяславъ Давыдовича и сынъ его Мьстиславъ; послушавъ же Изяслава Мьстиславлича Ростиславъ воюеть волость его, и поча стеречи волости его. Гюрдеви же бысть вѣсть, оже Ростиславъ воюеть волость его, и пусти Гюрги сына своего Иванка къ Святославу, а самъ узвратися изъ Козельска. Иванкови же Гюргевичу пришедшю въ Новъгородъ Святославу, и да ему Курескъ и съ Посемьемъ, а съ мужьми своими сгадавъ, попина своего посла къ Давыдовичема, рекъ има: »брата моя! се еста землю мою повоевали, и стада моя и брата моего заяли, жита пожьгли и всю жизнь погубила есте.... По дьяволю наученію, не бѣ то и еще до сыти, но идоста на Игорево сельце, идѣже бяше устроилъ дворъ добрѣ; бѣ же ту готовизни много въ бретьяницахъ (*медушахъ*), и въ погребѣхъ вина и медове, и что тяжкаго товара всякаго, до желѣза и до мѣди, не тягли бяхуть отъ множества всего того вывозити. Давыдовича же повѣлеста имати на возы собѣ и воемъ, и потомъ повѣлеста зажечи дворь и церковь св. Георгія и гумно его, въ немъ же бѣ стоговъ 9 сотъ. И съѣхавшеся Изяславъ, Володимиръ Давыдовича съ Мьстиславомъ Изяславичемъ, сдумавше послашася противу Изяславу Мьстиславличю, а сами поидоша къ Путивлю, на Рожество христово, и тако приступиша къ граду; и не вдашася имъ Путивлечи, дондеже приде Изяславъ съ силою кіевьскою. Онѣмъ же крѣпко бьющимъся съ града, поѣхаста Давыдовича и рекоста имъ: »не бейтеся, цѣлоймы натомъ святою Богородицю, оже не дати васъ на полонъ« — они же не дашась имъ. И пріиде Изяславъ Мьстиславличь съ полкы своими къ нимъ; они же выслашась къ Изяславу Мьстиславличу и поклонишась ему и тако рекоша: »тебе есмы ждали, княже, а чѣлуй къ намъ хрестъ«. Изяславъ же цѣлова къ нимъ хрестъ и посадника ихъ выведе, а свого у нихъ посади. И ту дворъ Святославль раздѣли на 4 части, и стотьницѣ, бретьяницѣ, и товаръ, иже бѣ не мочно двигнути, и въ погребѣхъ было 500 берьковсковъ меду, а вина 80 корчагъ; и церковь св. Въснесенія всю облупиша (*ободрали*), съсуды серебряныя, и индитьбѣ, и платы служебныя, а все шито золотомъ, и кадѣлничѣ двѣ, и кацьи (1),

(1) *Кацьи*—глиняныя кадильницы съ ручками.

и еуангеліе ковано, и книгы, и колоколы; и не оставиша ничто же княжа, но все раздѣлиша, и челяди (*людей*) 7 сотъ. И приде Святославу вѣсть, оже Изяславъ Мьстиславличь пришелъ и городъ его взялъ, и вся яже въ немъ Святославле, и повѣда ему отца его мужь, идѣ же бѣ у Володимира, оже Изяславъ идеть на нь и хочеть оступити Новѣгородъ; Святославъ же повѣда Иванкови Гюргевичу, Иванови Ростиславичу Берладнику, и дружинѣ своей, и Половцемъ дикымъ уемъ (*дядямъ*) своимъ, Тюнракови Осулоковичу и брату его Камосѣ: »се на мя идетъ Изяславъ Мьстиславличь, а промышляимы о собѣ«. — Они же рекоша: »княже! не стряпай поѣди, здѣ ти не о чемъ быти, нѣтуть ни жита, ни что, поиди въ лѣсную землю и оттудѣ ти ся близь слати къ отцю своему Гюрѣгеви«. И тако побѣже Святославъ изъ Новагорода Корачеву; дружина же его, они по немъ идоша, а друзіи осташа его, и жена и дѣти съ нимъ, и ятровъ свою Игоревую поя съ собою.

(*Ипат. II, 25—27*).

298. Переговоры съ Володимеркомъ.

Изяславъ посла къ Володимиру галичскому (1152) Петра Бориславича, съ крестьными грамотами, зане тый же бяшеть и въ Перемышли съ королевы мужи водилъ къ хресту; и рече ему Изяславъ: »крестъ еси къ нама съ королемъ цѣловалъ на томъ, яко что Руской волости, то ти все воротити, и того еси всего не управилъ; нынѣ же азъ того не поминаю всего, но оже хощеши хрестьному цѣлованію управити и съ нама быти, то узвороти моя городы, на нихъ же еси къ нама съ королемъ крестъ цѣловалъ, не хощеши ли дати, то съступилъ еси крестьного цѣлованія; а се твоѣ грамоты крестьныя, а нама королемъ съ тобою како Богъ дасть«. И рече Володимиръ: »рци, брате, извременилъ еси на мя и короля еси на мя възвелъ; но оже буду живъ, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю«. И рече ему Петръ: »Княже! крестъ еси къ брату своему къ Изяславу и къ королеви цѣловалъ, яко ти все управити и съ нима быти; то ти еси уже съступилъ крестьного цѣлованія«. И рече Володимиръ: »сій ли крестець малый?«(1) И рече Володимеру Петръ: »Княже! аче крестъ малъ, но сила велика есть его на небеси и на земли; а тобѣ есть, княже, король являлъ того честнаго хреста, оже Богъ своею волею на томъ руци свои простерлъ есть, и привелъ и Богъ по своей милости къ св. Стефану, и то ти явилъ, оже цѣловалъ всечестнаго хреста, а съступиши, то не будеши живъ«; и рече ему Петръ: »а у корелева еси мужа слышалъ ли о томъ честномъ крестѣ?« И рече Володимеръ: »вы того до сыти (*вполнѣ*) есте молвили; а нынѣ полѣзи (*ступай*) вонъ, поѣди же къ своему князю«. Петръ же положа ему грамоты крестьныя, лѣзе вонъ, и не даша Петрови ни повоза, ни корма; Петръ же поѣха на своихъ коняхъ. И якоже съѣха Петръ съ княжа двора, и Володимиръ пойде къ божници къ св. Спасу на вечернюю: и якоже бѣ на переходѣхъ до божници, и ту видѣ Петра ѣдуща и поругася ему: »поѣха мужь Рускый объимавъ вся волости«; и то рекъ иде на полати (*на хоры*). И отпѣвше вечернюю, Володимиръ же пойде отъ божници, якоже бы на томъ мѣстѣ, на степени, идѣже поругася Петрови, и рече: »оле тѣ нѣкто удари мя за плече«, — и не може съ того мѣста ни мало посту-

(1) Т. е., — что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ?

пити; и хотѣ летѣти (*слетьлъ—было*); и ту подъхытиша и подъ руцѣ, и несоша и въ горенку, и вложиша и въ укропъ (*въ теплую воду*), и молвяхутъ, яко дла есть подъступила, инїи же друго яко молвяху, и много прикладывахуть. И бысть велми вечеръ, Володимиръ же нача изнемаготи велми, и якоже бы влягомо (1), и тако Володимиръ галичьскый князь преставися. Петрови же выѣхавшю изъ Галича, и бѣ ему уже вечеръ, и лѣже у Болшевѣ; и якоже бысть убо къ куромъ (2), и пригна дѣтьскїй изъ Галича къ Петрови, река: »князь ти молвить: неѣзди ни камо же, но жди ту, доколѣ по тя выслю«. Петрови же не вѣдущю княжѣ смерти, ни тѣй ему дѣтьскїй не повѣдѣ, Петръ же тѣмъ печаленъ бяше велми, оже ему бяше опять въ городъ поѣхати, творяшеться пріяти муку пуще того, Петръ же тужашеть. Яко бѣ еще до обѣда, и тако изъ града пригнаша по Петра, рекуще: »князь ти зоветь«. Петръ же поѣха въ градъ, и пріѣха на княжь дворъ, и ту снидоша противу ему съ сѣней слугы княжи вси въ черныхъ мятлихъ (*верхнихъ одеждахъ*), и видѣвъ се Петръ и подивися, что се есть; и яже взиде въ сѣни, и видѣ Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его; и поставита Петрови столець (*стулъ*) и сѣде. Ярославъ же възрѣвъ на Петра и расплакася, Петръ не вѣдая сѣдяше, и нача прашати: »что се есть«? И повѣдаша ему: »Богъ сы ночи князя поялъ«; и рече Петръ: »а сы ночи есмь поѣхалъ; а онъ добръ здоровъ«; они же рекоша: »что си усунулъ за плече, и съ того нача велми изнемогати; и тако Богъ поя и«; и рече Петръ: »воля божія, а всимъ тамо быти«. Ярославъ же рече Петрови: »мы есмы тебе того дѣля позвали: се Богъ волю свою, како ему угодно, тако створилъ есть; а нынѣ поѣди къ отцю моему Изяславу, а отъ мене ся ему поклони, и се ему явиши: аче Богъ отца моего понялъ, а ты ми буди въ отца мѣсто, а ты ся съ моимъ отцемъ самъ вѣдалъ, что межи вама было, а то уже Богъ осудилъ; аче Богъ отца моего понялъ, а мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ одино копіе поставлено у гроба его, а и то въ руку моею есть; нынѣ, отце, кланяютися, пріими мя яко сына своего Мьстислава, такоже и мене, ать ѣздить Мьстиславъ подлѣ твоей стремень по одиной сторонѣ тебе, а азъ по другой сторонѣ подлѣ твоей стремень ѣждю всими своими полкы«. И тако отпустиша Петра.

(*Ипат. II, стр. 71—73*).

299. Борьба Новгородцевъ съ Суздальцами.

а. Ходи изъ Новагорода Даньславъ Лазутиничь на Двину (1169) дани имать, въ 500 мужь, и срѣтоша Суздальцѣ на Бѣлѣозерѣ въ 7000 мужь, и бишася, и паде Суздалець 1000 и 300, а Новгородець 15 мужь (1); и взяша на Заволочанехъ дань, а другую на Суздальскыхъ смердехъ. На зиму придоша Суздалци ратью къ Новугороду, на сборъ (*въ воскресенье 1-й недѣли поста*), князь Романъ Андрѣевичь, а съ нимъ князь Мьстиставъ съ Смолняны, съ Рязанци, съ Муромци, съ Торопчаны, съ Полочаны, вся земля просто Руская, и бысть всѣхъ

(1) Когда ложатся спать.
(2) Когда пѣтухи поютъ, т. е. среди ночи.

(1) Разумѣется, это не вѣрно, но выражаетъ взглядъ современниковъ на силу Новгородцевъ.

князей 72, а въ Новѣгородѣ бяше князь Романъ молодъ; владыка Іоанъ, посадникъ Якунъ вынесоша икону изъ св. Спаса, съ Ильины улици, св. Богородицю, на острогъ на Десятинѣ; и съѣздишася по 3 дни, въ 4 же день, въ среду, м. февраля 23, на память св. отца Тарасья, попустиша стрѣлы аки дождь умноженъ на острогъ, и обратися икона лицемъ на градъ, и паде на нихъ тма на полѣ, и ослѣпоша вси, и вышедше Новгородци овыхъ избиша, а иныхъ изимаша, а прокъ (*прочіе*) злѣ отбѣгоша, а продаваху Суздалца по двѣ ногатѣ. Уставиша праздновати праздникъ Знаменію (*чуду*) святѣй Богородици, м. ноября 27, на память св. мученика Іакова Черьскаго.

(*IV, Новг. 12*).

Это сказаніе выражаетъ народный взглядъ, на борьбу съ Суздальцами; изъ него видно, какъ побѣда Новгородцами враговъ возвышала чувство патріотическое и сознаніе собственной силы и правоты. Мысль о томъ, что чудодѣйственная сила божія защищаетъ Новгородъ, давала новыя надежды на помощь и укрѣпляла на новую борьбу. Новгородъ прежде соединенъ былъ съ Ростовско-суздальской землей, какъ своей областью; но потомъ эта область не только отпала отъ связи съ Новгородомъ, но замышляла подчинить его своему вліянію. Андрей Боголюбскій началъ съ подчиненія Двинской области, но не удачно; Новгородъ помнилъ старину и желалъ покорить прежнюю свою Ростовско-суздальскую волость, но проигралъ битву на Ждановой горѣ 1134 г. Эта областная вражда выразилась и въ сказаніи лѣтописцевъ о битвѣ 1169 г.: у новгородскаго лѣтописца представлено полное и чудесное пораженіе Суздальцевъ, а у суздальскаго говорится о бѣдствіяхъ новгородскаго края, хотя ясно видно, что тутъ говоритъ областная гордость. Вотъ какъ описываетъ туже битву суздальскій лѣтописецъ.

6. Тое же зимы князь Андрѣй посла сына своего Мстислава, съ всею дружиною, на В. Новгородъ, и Романъ смоленьскый князь съ братомъ Мстиславомъ, и рязаньскый князь сына посла, и муромьскый сына же посла: и пришедше въ землю ихъ, много зла створиша, села вся взяша и пожгоша, и люди по селомъ исѣкоша, а жены и дѣти, имѣнья и скотъ поимаша. Придоша же къ городу, Новгородци же затворишася въ городѣ съ княземъ Романомъ, и бьяхуться крѣпко съ города, и многы избиша отъ нашихъ; и не успѣвше ничтоже городу ихъ, възратишася опять, и одва домы своя яша пѣши опять, а друзіи людіе помроша съ голода; не бысть бо николиже толь тяжка пути людемъ симъ, друзіи бо отъ нихъ и конину ѣша въ великое говѣнье. Се же бысть за наши грѣхы: слышахомъ бо преже тріи лѣтъ бывшее знаменье Новѣгородѣ, всѣмъ людемъ видящимъ: въ трехъ бо церквахъ новгородьскыхъ плакала на трехъ иконахъ св. Богородица, провидѣвши бо Мати божія пагубу, хотящюю быти надъ Новымъгородомъ и надъ его волостью, моляшеть сына своего съ слезами, дабы ихъ отинудь не искоренилъ, якоже преже Содома и Гомора, но яко Ниневгитяны помилуеть; якоже и бысть: очивѣсто бо Богъ и Мати божія избави й милостью своею, зане хрестьяне суть. Наказая накажи мя, рече, Господи, а смерти не предажь мене, глаголя Давыдъ. Тако и сія люди новгородьскыя наказа Богъ и смѣри, й до зѣла, за преступленье крестное и за гордость ихъ наведе на нѣ, и милостью своею избави градъ ихъ. Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь нашихъ; но аще бо тако было, то велѣли ли имъ предніи князи крестъ преступати, или внуки или правнукы соромляти, а крестъ честный цѣловавше ко внукомъ ихъ и къ правнукомъ, то преступати? То доколѣ Богови терпѣти надъ нами? за грѣхы навелъ и наказалъ по достоянью, рукою благовѣрнаго князя Андрѣя.

(*П. С. Лѣт. I, 154*).

См. мѣстныя сказанія владимірс., московс. и новгор. *Ѳ. Н. Буслаева*. Лѣт. литер. [Н. Тихонр. IV, 3—24.

в. Въ лѣто 6686 (1178). Новгородци цѣловавше ко Всеволоду Юргевичу крестъ, и не управиша; онъ же иде къ Торжьку, въ волость ихъ, и не хотяше взяти города, бѣша бо обѣщалися дань дати ему Новоторжьци, и не управиша. Дружина же Всеволожа начаша князю жаловатися: »мы не цѣловать ихъ пріѣхали, они, княже, Богови лжють и тобѣ«. И се рекше, ударища въ конѣ, и взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти на щитъ и товаръ взяша, а городъ пожгоша весь за новгородьскую неправду, оже на дни цѣлують крестъ честный, и переступають. Тѣмже пророкомъ глаголеть намъ: разумѣхъ, рече, яко жестокъ еси и шія желѣзна о выѣ твоей, того ради удержахъ отъ васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, исше, и поразихъ вы зноемъ и различными казньми: то и ту не обратистеся ко мнѣ; сего ради виногради ваша и нивы ваша и дубравы истрохъ, а злобъ вашихъ не могохъ истерти. Захарья бо пророкъ серпъ видѣ огненъ съ небесе грядущь, и рече: на кого, Господи, послалъ еси серпъ сій? рече ему Господь: на кленущаяся именемъ моимъ и преступающе, клятволюбець бо мужь всякъ потребится. Князь же Всеволодъ взя городъ Торжекъ м. декабря въ 8 день, на память св. Потапья, полонъ пусти въ Володимерь, а самъ перебравъ дружины нѣколико, ѣха къ Ламьскому Волоку и пусти на воронъ; и пригнавше дружина, яша князя Мстиславича Ярослава, сыновця ему, а городъ пожже, а людье бяху выбѣгли; а жита пожгоша и до всего. Князь же Всеволодъ възвратися въ Володимерь.

(*П. С. Лѣт. I. 163*).

300. Междоусобія въ Рязани.

Того же лѣта (1186) въстави дьяволъ вражду, искони ненавидяй добра роду человѣческу, и боряся съ хотящими ся спасти, якоже въ прежняя дни Каина на Авеля брата своего, а потомъ Святополка на Бориса и Глѣба власти ради, абы единому власть пріяти, а братью избити. Тако и сихъ подоостри Романа, Игоря, Володимера на Всеволода и Святослава, на меньшею брату; и бысть крамола зла вельми въ Рязани, братъ брата искаше убити, пославше къ нима, звахуть ею къ собѣ на совѣтъ лестью, абы како яти ею (*их*). Она же увѣдаста, почаста городъ твердити; и они слышавше, оже городъ твердять, идоша къ Прыньску, собравше вой множство; она же затвористася въ градѣ, и почаша воевати градъ ею и села. Услышавъ же Всеволодъ в. князь Гюргевичь, правовѣренъ сый, бояся Бога и не хотя видѣти кровепролитья въ нихъ, посла къ нимъ изъ Володимеря слы своя въ Рязань, къ Глѣбовичемъ къ Роману и къ Игорю и Володимеру, глаголя имъ: »братья! что тако дѣлаете? не дивно, оже ны быша погании воевали, а се нонѣ хочете брату своею убити«; они же слышавше се, вспріимше буй помыслъ, начаша ся гнѣвати на нь и большю вражду въздвигати. Якоже Соломонъ глаголеть: кажа злыя пріемлеть собѣ досаженье, обличишь безумнаго, поречеть тя; не обличай злыхъ, да не възненавидять тебе, обличай премудра, възлюбить тя, а безумнаго обличишь, възненавидить тя. Тако и си възревноваша и не послушаша его, но замышляти почаша на нь рать. Всеволодъ же съ братомъ своимъ Святославомъ, посласта изъ Прыньска въ Володимерь къ в. кн. Всеволоду Юргевичю, помочи просяще; онъ же посла къ нимъ володимерьское дружины 300, и рада быста, слышавше ихъ пришедшихъ. Идоша къ граду

и обисѣдоша градъ, и бишася крѣпко, Всеволодъ же Гюргевичь посла къ нимъ въ помощь Ярослава Володимерича, своя-ка своего, а изъ Мурома Володимера и Давыда, и быша у Коломны; слышаша идуща изъ Володимеря, бѣжаша отъ града. И видѣ Всеволодъ бѣжаща ихъ отъ града, выѣха изъ града, оставивъ брата Святослава въ градѣ, а самъ ѣха къ Коломнѣ противу Ярославу, Воломеру и Давыдови, и повѣда имъ, како бѣжали отъ града; и они услышавше, възвратишася Володимерю, Всеволодъ же иде съ ними на совѣтъ ко Всеволоду великому Юргевичю. Услышавъ же Романъ, Игорь и Володимеръ, оже воротилися опять, и братъ ихъ шелъ Володимерю на совѣтъ ко Всеволоду Юргевичю, идоша ко граду; и Святославъ затворися въ градѣ, и бишася крѣпко, и переяша воду у нихъ, изнемагаху же людье въ градѣ безводьемъ. И послаша въ градъ къ брату Святославу, глаголюще: »не морися голодомъ съ дружиною, и людій не помори, но лѣзи сѣмо къ намъ; ты намъ братъ свой, ци снѣмы та? толико не приставай къ брату Всеволоду«. Онъ же послушавъ бояръ своихъ, оже молвяхуть ему: »братъ твой шелъ Володимерю, а тобе выдавъ, и отвори градъ. Они же въѣхавше даша ему городъ, а крестъ цѣлова къ нимъ, и посадиша и въ томъ же градѣ, а что дружины Всеволожи, повязаша всѣхъ, жену же его и съ дѣтми, а свою ятворь (*свекровь*), ведоша въ Рязань, и бояръ его, и имѣнье ихъ розоимаша; и Володимерци многы повязаша иже бяху послани въ засаду къ нимъ. Услышавъ же Всеволодъ полонену жену и съ дѣтми, и до бояръ, и имѣнье взято, печаленъ бысть велми, а братъ ся передалъ, приде изъ Володимеря и сѣде въ Коломнѣ; и почашася воевати, и бысть ненависть межю ими люта. Всеволодъ же Гюргевичь слышавъ то, оже передался Святославъ на льсти, а дружину его выдалъ, нача сбирати вои, река: »дай мою дружину добромъ, како то еси у мене поялъ; аще ся миришь съ братьею своею, а мои люди чему выдаешь? язъ къ тобѣ послалъ, а ты у мене выбилъ челомъ, прислалъ; аще ты ратенъ, си ратни же, аще ты миренъ, а си мирни же«. Они же слышавше, оже хочетъ ити на нь Всеволодъ, послаша къ нему глаголюще: »ты отець, ты господинъ, ты братъ; гдѣ твоя обида будеть, мы переже тобе главы свое сложимъ за тя, а нонѣ не имѣй на насъ гнѣва; аще есмы воевали на своего брата, оже насъ не слушаеть, а тобѣ ся кланяемъ, а мужѣ твои пущаемъ«. Всеволодъ же не всхотѣ мира ихъ, якоже пророкъ глаголеть: »брань славна луче есть мира студна (*худаго*), съ лживымъ же миромъ живуще, велику пакость землямъ творять.

(И. С, Лът. I, 169—170).

301. Борьба г. Владиміра съ Рязанью 1207.

Всеволодъ в. князь рече слово Давыдово: ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть; и пакы рече: не убоюся зла, яко ты еси со мною, Господи; и поиде съ Москвы, совкупяся съ сынми своими, съ Костянтиномъ, и Юргемъ, и Ярославомъ, и съ Володимеромъ, и придоша до Окы, и сташа възлѣ рѣку шатры, на березѣ на пологомъ. Того дне придоша къ нему и Рязаньскыѣ князи, Романъ, Святославъ братъ его съ двѣма сынома, а Игоревича 2 братья его Ингваръ и Юрги, и Володимерича 2 Глѣбъ и Олегъ, а Всеволодъ бяше умерлъ въ Проньскѣ братъ ихъ, и изъ Мурома Давыдъ; и цѣловавъ ихъ повелѣ имъ сѣсти въ шатрѣ, а самъ князь в. сѣде въ по-

лѣстници (*постельномъ шатрѣ*), и ина къ нимъ слати князя Давыда муромскаго и Михаила Борисовича, мужа своего, на обличенье ихъ; и ходящимъ имъ долго время межи ими, онѣмъ же кленущимся и ротящимъ, яко нѣсть то тако, Глѣбъ же и Олегъ Володимерича, братичича имъ своя, пришедше обличиста ихъ; князь же вел. слышавъ, яко въображена (1) бысть истина, повелѣ изъимати ихъ съ своими думцами (*совѣтники*) и вести ихъ въ Володимерь, м. семтября въ 22 день св. Фоки, въ день суботный. И сбыться на нихъ Давыдово слово, глаголющее: се болѣ неправдою, зачатъ болѣзнь, и роди безаконье; ровъ изры и ископа, и впадеся въ яму, юже створи; и обратися болѣзнь, его на главу ему, и на верхъ его неправда его снидеть. А самъ князь в. наутріи день перебродися черезъ Оку, въ день недѣльный, и поиде къ Проньску; слышавъ же кюръ (*господинъ*) Михаилъ, оже ему стрыеве изимаша, а отець ему мертвъ, а се на нь рать идеть, онъ же убоявся бѣжа ко тьсти своему Чернигову. Проняне же пояша къ собѣ Изяслава Володимерича, и затворишася съ нимъ въ градѣ, князь же в. пришедъ ста у города Проньска въ день суботный, и не хотя видѣти кровипролитья, и посла къ нимъ мужа своего Михаила Борисовича омирить ихъ; они же не внушиша глаголъ его, надѣющеся на градную твердость, не вѣдуще реченаго пророкомъ Давыдомъ: аще не Господь сзижеть дому, всуе трудишася зижющеи, аще не Господь стрежеть града, и прочая. Слышавъ же князь в. рѣчь ихъ буюю (*грубую*) и повелѣ приступити ко граду со всѣ страны, они же приступивше отъяша отъ нихъ воду, они же бьяхутся крѣпко изъ града, и мнози отъ обоихъ уязвляеми бяху, и выходяща нощью крадяху воду. То слышавъ князь Всеволодъ, повелѣ стрещи (*стеречь*) въ оружьи день и нощь около града, и роставля полкы по вратомъ: Костянтину, сынови своему, съ Новгородци и Бѣлозерци одина врата на горѣ, а Ярославу съ Переяславци 2-я врата, Давыду съ Муромци третьяя врата, а самъ князь в. ста за рѣкою съ поля Половецьскаго, съ сынма своима Юргемъ и Володимеромъ, и съ нимъ Глѣбъ и Олегъ Володимерича. Они же бьяхуться, излазящи изъ града не брани дѣля, но жажы (*жаждѣ*) ради водныя, измряху бо мнози людье въ градѣ. Тогда же посла в. князь полкъ свой къ людьямъ по кормъ на Оку, и пристави къ нимъ Олга Володимерича; и бывшимъ имъ въ Ужеска (*Ожьска*), бысть имъ вѣсть, оже вышелъ изъ Рязаня Романъ Игоревичь съ полкомъ и бьеться съ лодейникы у Олгова. Они же тнаша наскорѣ къ лодьямъ, си же видѣвше полкъ нашь, отступиша отъ лодьи и поставиша полкъ, наши же поставиша противу имъ, а по единой странѣ лодейници; и побѣди Олегъ Романа, и възвратишася наши опять къ Проньску съ побѣдою ко князю великому. И стояша около города 3 недѣли, и передашася людье въ четвергъ 3-іѣ недѣли м. октября въ 18 день, на память св. апостола Луки еуангелиста; князь же в. омиривъ ихъ, и посади у нихъ Олга Володимерича, а самъ поиде къ Рязаню, посадникы посажавъ своѣ по всѣмъ городомъ ихъ. И бывшю ему у Добраго, въста и хотяше наутріа бродитися черезъ Проню рѣку и поити къ городу; Рязанци же прислашася къ нему съ поклономъ, молящеся, дабы не приходилъ къ городу; и епископъ ихъ Арсеній молися, часто шля и глаголя: «князь великый! не опусти (*не опустоши*) мѣсть честныхъ, не пожжи церквій святыхъ, въ нихъ же жертва Богу и молба ставряется за тя; а нонѣ всю волю твою ставряемъ, чего

(1) Изображена, открыта, видима.

то хощеши«. Князь же в. милосердъ сы, послуша молбы ихъ и поиде отъ нихъ къ Коломнѣ. То же слышавъ Рюрикъ князь, оже Всеволодъ в. князь стоить у Рязаня, и князи ихъ изимавъ, онъ же совокупяся и гна изъѣздомъ къ Кыеву, и выгна Всеволода Чернаго изъ Кыева, а самъ сѣде въ немъ. И мы та оставльше, на предняя възвратимся. Князь же в. приде отъ Коломны на усть Мерьскы, и постиже и епископъ ихъ съ молбою и съ поклономъ отъ всѣхъ людій, князь же в. оттолѣ поиде въ Волоримерь, и вниде въ градъ м. ноября въ 21 день въ среду, на Введенье св. Богородица, и бысть радость велья въ градѣ Володимери.

(*П. С. Лът. I, 181—183*).

302. Липицкая битва.

Въ лѣто 6724 (1216). Князь в. Мстиславъ поиде съ Новогородци на зятя своего кн. Ярослава, м. марта въ 1 день, въ вторникъ; а въ четвертокъ побѣгоша къ Ярославу крестопреступници Володиславъ Завидовичь, Гаврило Игоревичь, Юрьи Олексиничь, Гаврило Милятиничь, и съ женами и съ дѣтми. Князь же съ Новогородци быша верху Волгы, и кн. Святославъ обшедъ городець Ржевку Мстиславль съ полкы въ 10,000, Мстиславъ же съ Владимеромъ съ плесковьскымъ, поиде вборзѣ въ 500, толко бо всѣхъ вой биѣше, и пригониша, а они баху побѣгли прочь; Ярунъ затворися въ градѣ въ 100, и отбися ихъ, и Мстиславъ взя Зубцевъ. И быша на Волзѣ, пріиде Володимеръ Рюриковичь съ Смолняны, и послаша на Торженъ къ Ярославу о миру, а сами сташа на Холохолнѣ. Ярославъ же отвѣтъ да(лъ): »миру не хощу, пошли есте, поидите же, но ни сту васъ достанется одинъ васъ«. И рѣкоша промежу себе князи: »ты, Ярославе, съ плотью, а мы съ крестомъ честнымъ«. Ярослави же мужи учиниша твердь (*крѣпость*) а пути отъ Новагорода засѣкоша и рѣку Тферцу. И рѣкоша Новогородци княземъ: »поидемъ мы къ Торжьку«; и князи рѣкоша: »ваще поидемъ къ Торжку, попустошимъ новгородскую волость«. И поидоша къ Тфери, и начаша имати села и жечи, а на Ярослава не бѣ вѣсти, въ Торжку ли, или въ Тфери. И Ярославъ слышавъ, оже (*что*) емлютъ села, ѣха изъ Торжку въ Тферь, поимавъ (*взявъ*) съ собою старѣйшіи боляре и Новогородци и молодыхъ изборомъ (*по выбору*), а Новоторжьци вси, и послаша 100 мужъ избранныхъ »въ сторожу; они же выѣхавше, за 15 верстъ отъ града явишася, ту бо стали баху князи наши, поставльше полкы творяхуть рать велику. И посласта Яруна съ молодыми людьми, и наѣхавше на Новоторжьци Ярославли, и пособи Богъ Яруну, изымаша сторожевъ Ярославлихъ 30 и 3, а 77 ихъ убиша, а иныя убѣжа въ Тверь; то же бысть первая побѣда на нихъ, на Благовѣщенье. И бѣ вѣсть у тѣхъ, что Ярославъ въ Тфери и тако ѣздяху въ зажитье (1) не боящеся. И оттолѣ послаша Яволода, боарина Володимеря, ко кн. Констянтину Всеволодичю въ Ростовъ, а Вълодимера пьсковьского со Пьсковичи и Смолнянъ на рубежь послаша проводити, а сами съ Новогородци поидоша по Волзѣ воюючи; и пожгоша Шешу и Дубну, а Володимеръ со Пьсковичи и со Смолняны взяша г. Коснятинъ, и пожгоша и, и все Поволжье. И срѣте воевода Еремѣй отъ кн. Костянтина изъ Ростова нашихъ князей, и рече: »кн. Костянтинъ кланяется вамъ, и азъ радъ слышавъ

(1) *Ѣхать въ зажитье*—отыскивать по волостямъ припасы для войска; такими сборами князья часто опустошали собственныя земли, отнимая у жителей насильно и притѣсняя ихъ.

пріѣздъ вашь, се вамъ отъ менѣ въ помочь 500 мужь; да пришлета ко мнѣ со всѣми рѣчьми Всеволода, шурина моего«. И ту отрядиста Всеволода съ вои многими, и послаша къ кн. Констянтину, а сами поидоша по Волзѣ въ низъ, и ту пометаша возы, на кони полѣзоша, и поидоша къ Переяславлю воюючи. И быша на Городищѣ на рѣцѣ Саррѣ у св. Марины, апрѣля 9, на великъ день; и ту пріѣха Костянтинъ съ Ростовци, и возрадовашася видѣвшеся и крестъ цѣловаша. И отрядиша кн. Владимера пьсковьскаго съ дружиною въ Ростовъ, а сами пришедше съ полкы, сташа противу Переяславлю, въ Ѳомину недѣлю. И ѣхавше изъ полковъ подъ городъ, яша человѣка и испыташа, оже кн. Ярослава въ городѣ нѣту, пошелъ бо бяше къ кн. Юрью съ полкы, съ Новогородци и съ Новоторжьци, а кн. Юрьи Всеволодичь съ Святославомъ и съ Володимеромъ вышелъ бяше изъ Володимеря съ всею братьею. И бяху полци силни велми, Муромци, и Бродници, и Городчане, и вся сила Суздальской земли; бяшеть бо погнано и изъ поселеи (*изъ поселянъ*) и до пѣшьца. Оле страшно чюдо и дивно, братье! поидоша сынове на отца, и отци на дѣти, братъ на брата, рабы на господину, а господинъ на рабы. И ста кн. Ярославъ и Юрьи съ братьею на рѣцѣ Кзѣ, а кн. Мстиславъ и Володимеръ съ Новгородци постависта свои полкы близь Юрьева, и ту стояста; а кн. Костянтинъ далече стояше съ своими полкы, на рѣцѣ Липицѣ. И узрѣша полкы стояща Ярославли и Юрьевы, и послаша Ларіона сотьского ко кн. Юрью: »кланяемся, нѣту намъ съ тобою обиды, обида намъ съ Ярославомъ«. Отвѣщавъ же кн. Юрьи: »одины есмя братья съ Ярославомъ«. И посласта къ Ярославу, глаголюща: »пусти мужи Новогородци и Новоторжьци; что еси зашелъ (*занялъ*) волости Новогородскіа, Волокъ въспяти (*возврати*), а миръ съ нами възми, а крестъ къ намъ цѣлуй, а крови не проливай«. Отвѣщавъ же Ярославъ: »мира не хощу, а мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте, акы (*какъ*) рыба на сухо«. И сказа Ларьянъ ту рѣчь княземъ. И пакы посласта къ обѣма княземъ послѣднюю рѣчь: »мы пришли есмя, брате кн. Юрьи и Ярославе, не на кровопролитіе, крови не дай Богъ створити, да до того управимся; мы есмы племенници себѣ, а дадимъ старѣйшиньство кн. Костянтину, а посадите и въ Володимерѣ, а вамъ земля Суздальская вся«. Кн. Юрьи же рече: »рци братьѣ моей, кн. Мстиславу и Володимеру: пришли есте, да куды хотите отъити; а брату кн. Костянтину молви: »перемога насъ, тобѣ вся земля«. Тако князи възнеслися славою Юрьи и Ярославъ: видѣвше у себе силу великую, не пріяста мира, и начаста пирити (*пировать*) въ шатрѣ съ своими боляры. Боярinъ молвитъ: »твори миръ, кн. Юрьи и Ярославе, меншаа братья въ вашей воли; оже бы по моему гаданію (*мньнію*), луче бы миръ сътворити и дати старѣйшиньство кн. Костянтину; ци зримъ, оже (1) при нашихъ полцѣхъ тѣхъ мало Ростиславля племяни, да князи мудри суть и рядни (*урядливы, ловки*) и хоробри, а мужи ихъ Новогородци и Смолняне дерзи (*храбры*) къ боеви, а Мстислава Мстиславича и сами вѣдаета въ томъ племяни, оже дана ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ; а господина, гадайта«. И не люба бысть рѣчь си кн. Юрью и Ярославу. Нѣкто же боляръ князь Юрьевыхъ рече: »княже Юрьи и Ярославе! не было того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, оже бы кто вшелъ ратью въ силную землю въ Суздальскую, оже вышелъ цѣлъ, хотя бы и вся Русская земля, и галичьская и кіевьская и смо-

(1) Чего смотрѣть что...

леньская и черниговьская и новогородская и рязаньская, никако противу сей силѣ успѣютъ; аже нынѣшніи полци, право наверженъ ихъ сѣдлы (1)«. И люба бысть рѣчь кн. Ярославу; и созваша боляры и первыя своя люди, начаста глаголати: »се пришелъ вы товаръ въ руцѣ, вамъ же буди кони, брони, порты (2); а человѣка, оже кто иметь живаго, то самъ будеть убитъ; аще и золотомъ шито облечье будеть (3), убій, да не оставимъ ни единаго же живаго; аще кто изъ полку утечеть (*убѣжитъ*), не убитъ, имемъ, а тѣхъ вѣшати или распинати; а о князьяхъ, оже будутъ у насъ въ рукахъ, то сгадаемъ«. И отпустиша люди, внидоста въ шатеръ съ братьею, и начаста дѣлити городы, и рече кн. Юрьи: »мнѣ, брате княже Ярославе, Володимерская земля и Ростовская, а тебѣ Новъгородъ, а Смоленскъ брату нашему Святославу, а Кіевъ дай черниговьскимъ княземъ, а Галичь намъ же«; и цѣловаша крестъ межи собою, и писаша грамоты того не преступати, тыи же грамоты взяша Смоляне по побѣдѣ въ станѣхъ Ярославлихъ, и даша своимъ княземъ. Князь же Юрьи и Ярославъ, раздѣливше всѣ городы русскыя, надѣющеся силѣ своей великой, почаста (*начали*) позывати къ Липицамъ на бой. Князи Мстиславъ и Володимеръ призваста кн. Костянтина, и гадавша съ нимъ много и цѣловаста крестъ, яко не быти въ немъ перевѣту (*измьны*), и поидоша той нощи. Пополошилися стояща за щиты всю нощь, кликаша бо во всѣхъ полцѣхъ, и въструбиша въ княжихъ Костянтиновыхъ полцѣхъ; слышаста кн. Юрьи и Ярославъ, хотѣста побѣгнути, и уяшася (*остановились*) за малымъ. Заутра же пріидоша князи къ Липицамъ, гдѣ ихъ позывали, а они тое ночи прескочили бяху за дебрь; и есть гора словеть Авдова, ту поставиша князи Юрьи и Ярославъ свои полкы, а сіи князи, Мстиславъ, и Володимеръ, и Костянтинъ, и Всеволодъ, поставиша полкы своа на другой горѣ, еже словеть Юрьева гора, а ручай посреди тоя горы, имя Тунегъ. И посласта князи къ кн. Юрью 3 мужи, мира просяще: »или не даси мира, да отступите далѣ на ровно мѣсто, а мы на ваши стороны поидемъ; или мы отступимъ на Липици, а вы на наши станы«. Князь же Юрьи рече: »ни мира емлю, ни отступаю; пошли чрезъ землю, то ци сее дебри не преидете«? надѣяше бо ся на твердь, бяше бо плетенемъ оплетено то мѣсто и насовано колья, ту бо стояху глаголюще: »егда ударятъ на насъ въ нощь«. То слышавъ князи, и посласта противу Ярославлихъ людій молодыи битися и бишася ти день и до ночи; но бьяхутся не присердно (*неусердно*), бяше бо того дни буря и студено велми. Заутра же хотѣша поити къ Володимерю, не заимаючи полковъ, почаша доспѣвати въ станѣхъ (*въ обозахъ*); они же видѣвше, съ горы начаша сходити, глаголюще: »отбѣжати имъ«; си же текше (*бѣжаша*) въспятиша ихъ назадъ, а ту пристиже кн. Володимеръ плесковьскый изъ Ростова. И начаша думати князи; Костянтинъ молвитъ: »брате кн. Мстиславе и Володимере! оже поидемъ мимо ихъ, и възмутъ ны въ тылъ (*сзади*), а другое мои люди къ боеви не дерзи, тамо и разидутся въ городы«; кн. Мстиславъ же рече: »княже Владимере и Костянтинъ! гора намъ не поможетъ, ни гора насъ побѣдитъ; но зряще на креста честнаго и на правду, поидемъ къ нимъ«. И почаша ставити полкы: Володимеръ же Смоленьскый постави полкы своя съ края, а отъ него ста Мстиславъ и Всеволодъ съ Новогородци, и Володимеръ

(1) Закидаемъ ихъ сѣдлами.
(2) *Брони* — панцырь, кольчуга: *порты* — платье.
(3) Т. е. хоть богато одѣтый, знатный будетъ.

плесковьскы съ Плесковичи, а отъ него ста кн. Костянтинъ съ Ростовци; Ярославъ же ста съ своими полкы съ муромьскыми и съ Городчаны и съ Бронники противу Володимеру и Смолняномъ, а Юрьи ста противу Мстиславу и Новогородцемъ со всею землею Суздальскою, а меньшая братья его противу кн. Костянтину. Нача же Мстиславъ съ Володимеромъ укрѣпляти Новогородци и Смолняны: »братіе! се вошли есмя въ землю силную, а позря въ Бога (*взирая на Бога*), станемъ крѣпко, не озираимся назадъ, побѣгше не уйти; а забудемъ братье, домовъ (*дома*), женъ и дѣти; а кому не умирати? а хто хощеть пѣшь, а хто хощеть на конехъ«. Новогородци же рекоша: »а мы не хощемъ изъмрети на конехъ, но яко отци наши билися на Колагшѣ пѣши«. Князь же Мстиславъ радъ бысть тому. Новогородьци же ссѣдше съ конь, и порты (*платье*) и сапазѣ сметавше, боси поскочиша, а Смолняне такоже поскочиша пѣши, а по нихъ отряди кн. Володимеръ Ивора Михаиловича съ полкомъ (*конным*ъ), а сами князи и вси воеводы поидоша по нихъ на конехъ. И егда бѣ полкъ Иворь въ дебри (1) подчеся подъ Иворомъ конь, пѣшци же не ожидаючи Ивора, удариша на Ярославлихъ пѣшцевъ и кликнуша, они вергше кіи (2) а они топоръ, отбѣжати имъ; они же побѣгоша, и начаша я бити, подтяша стягъ Ярославль, и пристиже Иворъ съ Смолняны же, и досѣкошася другаго стяга Ярославля, а князи еще не доѣхали. Видѣвъ же кн. Мстиславъ и рече: »не дай Богъ выдати, брате княже Владимере, добрыхъ людей«, и удариша на нихъ сквозѣ свои пѣшци Мстиславъ съ своимъ полкомъ, а Володимеръ съ своимъ, а Всеволодъ Мстиславичь съ дружиною, а Володимеръ съ Плесковичи пристиже (*прибѣжали*), и кн. Костянтинъ съ Ростовци. Кн. Мстиславъ, проѣхавъ 3-жды сквозѣ полкы княжи Юрьевы и Ярославли, сѣкучи люди, бѣ бо у него топоръ съ паворозою на руцѣ (1), и тѣхъ сѣчааше, такоже и кн. Володимеръ; и створиша брань велику, и досѣкошася и до товаровъ. Князь же Юрьи и Ярославъ, видѣвше аки на нивѣ класы пожинаху, побѣгоста съ меншею братьею и съ муромьскими князи. Князь же Мстиславъ рече: »братья Новодородци! не стойте къ товару (2), прилежите боеви; възвернутъ ли ся (*оборотятся*) на насъ, измятутъ ны (*изомнутъ насъ*)«; Новогородци же не радя товаровъ (3) бьяхуться, а Смолняне нападоша на товарѣ и одираахуть мертвыя, а о бои не праваахуть (*не радьли*). Побѣжени же бывше полкы силніи суздальскіе м. апрѣля въ 21, въ четвертокъ 2 недѣли по пасцѣ. О великъ, братіе, промыслъ божій! на томъ бо побоищѣ только паде Новогородцевъ 5 человѣкъ да одинъ Смолнянинъ, а силою честнаго креста вси сохранени быша и правдою. О многы побѣды, братіе! бесчисленное множество, яко не можетъ умъ человѣчьскый достигнути, княжихъ Юрьевыхъ и Ярославлихъ избіеныхъ, а изыманыхъ бяше въ станѣхъ въ всѣхъ 60 мужь; аще быста вѣдали се князь Юрьи и Ярославъ, то мирилася быста, се бо слава ею и хвала погыбе, и полци силніи ни во что же быша. Бяше бо у князя у Юрья стяговъ 13, а трубъ и бубновъ 60; молвяхуть бо и про Ярослава, стяговъ у него 17, а трубъ и бубновъ 40. И ркоша (*рекоша*) люди о Ярославѣ: яко тобою ся намъ много зла створи,

(1) Чаща, трудно проходимое мѣсто отъ болотъ и хвороста.
(2) Палка, палица, дубина.

(1) Со шнуркомъ, съ наручникомъ.
(2) *Къ пожиткамъ*, или не корыстуйтесь.
(3) Бросили товары.

про твое бо преступленіе крестное рече-
но бысть: пріидѣте, птица небесная, на-
питайтеся крови человѣчьскія; звѣріе,
наѣдѣтеся мясъ человѣчьскыхъ. Не 10 бо
убито, ни 100, но тысуща тысущами,
а всѣхъ избитыхъ 9000 и 200 и 30
и 3 мужи, бяше бо слышати крикъ жи-
выхъ, иже не до смерти убитыхъ, и
вытье (*вой*) прободеныхъ въ Юрьевѣ
городѣ и около Юрьева, не бѣ кто по-
гребаяй; а мнози истопоша бѣжачи къ
рѣцѣ, а иніи ранены зашедъ изомроша,
а живыи побѣгоша овіи къ Володимерю,
а иніи къ Переяславлю, а иніи въ
Юрьевъ. Князь же Юрью стоялъ проти-
ву Костянтину, и узрѣ Ярославль полкъ
побѣгше, и той прибѣже въ Володимерь
о полудни на 4-мъ кони, а трехъ оду-
шилъ, въ первой сорочицѣ, подъкладъ
и тыи выверглъ (1); а съступъ былъ во
обѣдъ годъ (2). Въ Володимери же оста-
ся не противный народъ, попове, черн-
ци, жены и дѣти, видѣвше радоваахуся,
творяаху посла огъ князя, и ти бо гла-
голаху: »наши одолѣваютъ«; и се кн.
Юрьи прибѣгъ одинъ, нача ѣздити около
града, глаголя: »твердите городъ«; они
же слышавше смятошася, бысть въ ве-
селья мѣсто плачь; къ вечеру же при-
бѣгоша людіе, инъ ранень, инъ нагъ,
такоже нощи тоя. И заутра кн. Юрьи
созва люди: »братья Володимерци! за-
творимся въ градѣ, негли (*авось*) от-
бьемся ихъ«; молвятъ людіе: »княже Юрье!
съ кимъ ся затворимъ? братья наша изби-
та а иніи изимани, а прокъ (*остатокъ*)
нашь прибѣгли безъ оружія, то съ кымъ
станемъ«? князь же Юрьи рече: »то
азъ все вѣдаю, а не выдайте мя ни
брату кн. Костянтину, ни Володимеру,
ни Мстиславу, да быхъ вышелъ по своей
воли изъ града«; они же тако обѣщаша-
ся ему. Ярославъ же такоже прибѣгъ
одинъ въ Переяславль на 5-мъ кони, а
4 одушилъ, и затворися; и не довлѣ ему
о первомъ злѣ, не насытися крови чело-
вѣчьскыя, изби въ Новѣгородѣ людій мно-
го, и въ Торжьцу и на Волоцѣ, но и
ту вбѣгъ изыма Новогородци и Смолняны,
иже бяху зашли гостьбою (*для торгу*)
въ землю его, повелѣ въ погребы вме-
тати ихъ, что есть Новогородцевъ, а
иныхъ въ гридницу (1), и ту ся изодх-
хоша; а иныхъ повелѣ затворити въ
тѣснѣ избѣ, и издуши ихъ полтораста, а
Смолнянъ 15 мужь затвориша кромѣ
(*особо*), тѣже быша вси живи. Князи
же милостиви племя Ростиславле, и до
христіянъ добри, тый день стояша на по-
боищѣ, и аще быша гонилися по нихъ,
то было кн. Юрью и Ярославу не уити,
а градъ бы Володимерь изгонили (*завое-
вали*); но тихо пріидоша къ Володимерю,
и объѣхавше его, сташа въ недѣлю по-
рану и думаху, откуду взяти. И тое но-
чи загорѣся въ городѣ княжь дворъ, и
хотѣша Новогородци полѣзти (*приступить*)
къ городу, и не да имъ кн. Мстис-
лавъ; во вторникъ на ночь, въ 2 часъ
нощи, загорѣся городъ и горѣ до свѣта,
Смолняне же простааху *отъ чинъ* (2)
взяти градъ, и кн. Володимеръ не пу-
сти ихъ. И высла кн. Юрьи съ челобит-
ьемъ къ княземъ: »не идѣте мене днесь,
а заутра поиду изъ града«. И заутра же
рано выѣха кн. Юрьи съ двѣма браты,
и поклонися княземъ Мстиславу и Воло-
димеру, и рече: »братья! вамъ челомъ
бью, вамъ животъ дати и хлѣба накорми-
ти; а братъ мой Костянтинъ въ вашей
воли«; и да имъ дары многы, и даша
ему миръ. Князь же Мстиславъ и Воло-

(1) Подкладъ у седла, войлокъ.
(2) Сраженіе, вступленіе въ бой было въ обѣ-
денное время.

(1) Въ комнату назначенную для войска.
(2) *Отъ чинъ* значитъ: въ то время или въ
тотъ часъ.

димеръ управиста ихъ, кн. Костянтину Володимерь, а кн. Юрью Радиловъ городець. И тако наборзѣ въспрятавшеся (*посажалисъ*) на лодьи, въ насады (*большія суда*), владыка, и княгини, и людіе его вси поидоша внизь; самъ же кн. Юрьи вшедъ въ церковь въ св. Богородцю удари челомъ у отечьня (*у отцовскаго*) гроба и плакася глаголюще: »суди Богъ брату моему кн. Ярославу, оже мя сего доведе«;—и тако поиде изъ Володимеря въ малѣ въ Городець. И поѣде кн. Костянтинъ къ Володимерю, и срѣтоша за городомъ князя весь священьскый чинъ и людіе вси, и сѣде въ Володимерѣ на столѣ отнѣ; кн. же в. Костянтинъ въ тый день одари князи и боляре многыми дары, а Володимерци вводи къ кресту. Князь же Ярославъ еще пребывая въ злобѣ и дыша гнѣвомъ не покаряшеся, затворися въ Переяславлѣ и творяшеся тамо избыти; князи же сдумавше поидоша къ Переяславлю, въ пятокъ 3 недѣли по пасцѣ. И се слышавъ кн. Ярославъ, смятеся, нача высылати люди, моляся о миру, и бысть въ вторникъ заутра выѣха кн. Ярославъ, и удари челомъ кн. Констянтину, и рече: »господине! азъ есмь въ твоей воли, не выдайте мя тщю (*тестю*) моему кн. Мстиславу, ни Володимеру, а самъ, брате, накорми мя хлѣбомъ«; князь же Костянтинъ управи Мстислава съ Ярославомъ со зятемъ, и умиришася не доидучи Переяславля, а въ среду на Препловленье пріидоша къ Переяславлю, и ту кн. Ярославъ одари князи и воеводы дары многыми. А кн. Мстиславъ, не идя къ городу, поимавъ дары, и посла въ городъ и поя дщерь свою, а княгиню Ярославлю, и что живыхъ Новогородець, и что было съ Ярославомъ полку, и выѣха въ станы за городъ. Князь же Ярославъ многажды сосылая молбою къ кн. Мстиславу, прося княгини своея къ собѣ, глаголя: »чи не бываетъ вражда княземъ, то ни сяка (1); по правдѣ мя крестъ убилъ«; князь же Мстиславъ не пусти дочери своея къ нему. И тую нощь стоявше князи поидоша разно (*порознь*), князь в. Костантинъ къ Володимерю, а Мстиславъ къ Новугороду, Володимеръ ко Смоленьску, а другый Володимеръ Плескову, побѣдивше силніи полкы, вземше свою честь и славу.

(*П. С. Лът. I, 211—215*).

303. Междоусобія во Владимірѣ.

Въ лѣто 6725 (1217). Искони злый врагъ дьяволъ, ненавидяй всегда добра роду человѣчю, паче же хрестьяномъ не хотя, дабы не одинъ въ вѣчнѣй муцѣ былъ, яже есть уготована ему и сущимъ съ нимъ; сь (*сей*) оканьный дьяволъ въздвиже нѣкую котору злу межи князи, сыны Всеволожи, Костянтиномъ, и Юргемъ, и Ярославомъ, и бишася у Юрьева, и одолѣ Костянтинъ; но пакы Богъ и крестъ честный и молитва отца ихъ и дѣдня введе я въ великую любовь, и сѣде Костянтинъ въ Володимери на столѣ, а Юрги Суждали. И бысть радость велика въ земли Суждальстѣй, а дьяволъ единъ плакаше своея погыбели. Того же лѣта Глѣбъ кн. рязаньскый Володимеричь, наученъ сотоною на братоубійство, сдумавъ въ своемъ оканьнѣмъ помыслѣ, имѣя поспѣшника брата своего Костянтина и съ нимъ дьявола, иже ею прельсти своимъ злокозньствомъ, въ помыслъ има вложь, рекшема има: »яко избьевѣ сихъ, а сами пріимевѣ едина всю власть«. А не вѣси ли, оканьне, божья строенья, даеть бо власть, ему же хощеть, постав-

(1) Мало ли бываетъ вражды между князьями, но все таки не такой.

ляеть царя и князя Вышній? Что бо прія Каинъ отъ Бога, убивъ Авеля брата своего? не проклятье ли и осуженье и трясенье? или Ламехъ? не казнь ли злобѣ? или вашь сродникъ Святополкъ, избивъ братью, онѣма вѣнець исходатайствова, а собѣ вѣчную муку? Сь бо Глѣбъ ту же мысль Святополчю пріимъ и скры ю въ сердци своемъ съ братомъ своимъ. Снемшимся имъ всѣмъ на Исадѣхъ на порядъ, Изяславъ, кюръ Михаихъ, Ростиславъ, Святославъ, Глѣбъ, Романъ, Инъгваръ же не успѣ пріѣхати къ нимъ, не бѣ бо приспѣло еще время его, Глѣбъ же Володимеричь съ братомъ позва и къ собѣ, яко на честь пиренья (*пированья*) въ свой шатеръ. Они же не вѣдуще злыя его мысли и прелести, вси 6 князій кождо съ своими боляры и слугы придоша въ шатеръ ею. Сь же Глѣбъ, преже прихода ихъ изнаряди свои слугы и братни, и поганыхъ Половець множство въ оружьи, и скры и въ полъстници (1) близъ шатра, въ немъ же бѣ имъ пити, не вѣдущю ихъ никому же, развѣе тою зломысльною князю и ихъ проклятыхъ думець; и яко начаша пити и веселитися и ту абье проклятый Глѣбъ съ братомъ иземъша меча своя, начаста сѣчи преже князи, таже боляры и слугы ихъ, много множство, одинѣхъ князій 6, а прочихъ боляръ и слугъ безъ числа изби съ своими слугы и съ Половци. Си же злоба сключися м. іуля въ 20 день, на память св. пророка Ильи огньнаго въсхоженья.

(*И. С. Лът. I, 186*).

(1) *Полстница* — постельный шатеръ для спальни князя, отъ слова полсть, кошма, войлокъ,

304. Договорная Новгорода съ вел. кн. тверскимъ Александромъ Михайловичемъ 1327 г.

Благословление отъ владыцѣ Моисѣя, поклонъ отъ посадника Данила, отъ тысяцкого Аврама, и отъ всего Новагорода къ господину в. кн. Олександру. На семь, княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новугороду; на чемь цѣловалъ дѣдъ твой Ярославъ. Новъгородъ держати ти въ старой пошлинѣ. Что волости новгородьскыхъ, тѣхъ ти волостий, княже, тобѣ своими мужи не держати, дьржати мужи новгородьскыми; а даръ тобѣ, княже, имати отъ тѣхъ волостий. А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни грамотъ давати, ни волостий раздавати; а безъ вины ти, княже, мужа волости не лишати. А что ти, княже, пошло на Торжьку и на Волоцѣ, тивунъ свой держати на своей части, а Новгородца на своей части. А въ Бѣжищахъ тобѣ, княже, и твоимъ бояромъ, и твоей княгыни, и твоимъ слугамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости новгородьской. А что Олександровыхъ княжихъ селъ купленыхъ, или его мужь, а то поидеть къ Олександру князю по исправѣ, по хрестьному цѣлованію, по заводъ; а исъ тыхъ селъ суда имъ не судити, ни дворяномъ ѣздити, ни людий новгородьскыхъ приимати, ни земли. А се, княже, волости новгородьскыи: Волокъ со всѣми волостьми, Торжекъ, Бѣжици, Городець, Палець, Мелеча, Шипинъ, Егна, Заволочье, Трѣ, Пермь, Печера, Югра, Вологда. А кто будеть купилъ села въ всей волости въ новгородьской при дѣдѣ моемь Ярославѣ и при Васильи, при Дмитрии, при Андрѣи, и при отци моемъ Михаилѣ, и при князи Юрьи, при Дмитрии, кто будеть даромъ отъялъ, или силою; а то поидеть безъ кунъ къ Новугороду: а кто купилъ будеть въ новго-

родѣской волости, знати имъ своего истьца; или не будеть истьца, како не вѣдаеть истьца своего, цѣловавъ ему крестъ, куны (*деньги*) ему взяти у Новагорода, колько будеть далъ, а земля поидеть къ Новугороду; или не окупять, сѣдѣти ему доколѣ окупять. А нелюбья (*вражды*) ти, княже, не держати къ Новугороду до посадника, и до тысяцкого, и до всего Новагорода отъ мала и до велика, ни мщатися ни судомь, ни чимъ же. А што ся дѣяло до твоего княжение, и въ твое княженье, того ти не поминати; што продано княжихъ волостий до велика дни, а што будеть не продано по велицѣ дни, то по цѣлованью повѣдати. А въ Русу ти, княже, ѣздити на третьюю зиму, по грамотѣ дѣда своего Ярослава; а лѣтѣ на Озвадъ звѣрий гонитъ. А въ Ладогу ти, княже, ѣздити на третьее лѣто. А изъ Бѣжиць ти людий не выводити въ свою волости, ни изы иной волости новгородьской, ни грамотъ давати ни закладниковъ приимати, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ, ни смерда, ни купчины. А безъ вины ти мужа волости не лишати; а грамотъ ти не посужати. А пожни, княже, что твои и твоихъ мужь, то твое, что пошло. А што будеть дѣдъ твой сильно дѣялъ или иный князь на Новѣгородѣ, того ти не дѣяти. А рубежъ ти, княже, дати правый бесъ перевода межю отчиною своею и новгородьскою всею волостью. А Новгородьцемъ волости и оброковъ княжихъ не таити. А дворяномъ твоимъ, какъ пошло отъ князя по 5 кунъ погонъ имати, а отъ тиуна по 2 кунѣ. А что, княже, мытъ по суждальской землѣ и въ твоей волости, отъ воза имати по 2 вѣкшѣ, и отъ лодьи, и отъ хмельна короба, и отъ льняна. А дворяномъ твоимъ у купцевъ повоза не имати, развѣ ратной вѣсти: а свободъ и мытъ на новгородской волости не ставити. Холопъ или роба почнеть вадити на господаря, тому ти вѣры не яти. А на Низу, княже, Новгородця не судити, ни даний роздавати; а кто почнеть къ тобѣ вадити, тому ти вѣры не яти. А гости гостити по суждальской земли новгородьскому бесъ пакости, безъ рубежа, по царевѣ (*ханской*) грамотѣ. А въ немецкомъ дворѣ, княже, торговати тобѣ нашею братьею; а двора ти не затворяти, а приставовъ не приставляти. А села св. Софии исправи св. Софии. А судьи слати на Петровь день, какъ пошло: кто купецъ, тый подеть въ сто, а смедръ въ свой погостъ. А ряду вольнаго не посужати, а самосуда въ новгородьской волости не замышляти по пошлинѣ. *А суждальскому гости гостити въ Новгородѣ безъ рубежа, безъ пакости.* А свиньи ти, княже, гонити за 60 верстъ около города; а въ той шьтидесятъ Новгородцю гонити, князя докладая, а дале куды кому годно. А за Волокъ ѣздити судьи, какъ пошло; по новгородской пошлинѣ. На семь на всемь князь в. цѣловалъ крестъ къ всему Новугороду; такоже посадникъ и тысяцкый и весь Новъгородъ цѣловали къ в. князю, по любви въ правду, безъ всякого извѣта.

(*Къ сей грамотѣ привѣшена печать свинцовая*).

(*Собр. грам. I, № 15, стр. 19—20*).

305. Отношенія между Новгородомъ и Псковомъ.

Въ тоже время (1331 г.) пріидоша послове изъ Плескова отъ кн. Александра, и отъ Гидимона послове, и отъ всѣхъ князеи литовъскихъ, къ митрополиту, и приведоша съ собою Арсенія, хотяще его поставити на владычьство въ

Плесковъ, а Новагорода не творя ничимъ: вознесъ бо ся высокоумiемъ своимъ, нъ Богъ и св. Софiа низлагаеть всегда высокомыслящихъ; зане Плесковичи измѣнили крестное цѣлованiе къ Новугороду, посадили себѣ князя Александра изъ литовскiа рукы. Арсенiи съ Плесковичи посрамленъ бысть, и прочь поиде отъ митрополита изъ волыньскiа земля на Кiевъ, на память св. отца Симеона столпника; а Василiй владыка Новгородскiи, въ тоже время, отъ митрополита поиде, съ своими бояры. Яко пришедшу ему къ городу Чернѣгову, и ту, наученiемъ дiаволимъ, пригнася кн. Ѳеодоръ кыевскы, съ баскакомъ, въ 50 человѣкъ разбоемъ; и Новгородци остерегошася и сташа доспѣвъ противу себе, мало ся зло не учини промежу ими, а князь въспрiемъ срамъ побѣже прочь, а отъ Бога казни неубѣжа, помроша бо у него кони. И оттолѣ паки поиде владыка на Брянескъ, и прiиде въ Торжокъ, на память св. священномуч. Алексимы; и ради быша Новоторжци своему владыцѣ, а въ Новѣгородѣ печални быша, зане же вѣсти не бяше, нъ вѣсть бяше сице, яко владыку Литва изымали, а дѣти его избиша. Того же лѣта поиде кн. в. Иванъ въ Орду, съ кн. Костантиномъ. Того же лѣта прiиде архiеп. новогородскiи Василiи владыка въ Новъгородъ, м. декабря, на память св. отца Патанiя, въ день недѣльныи, изъ волынскои земли, прiимши санъ святительства отъ митроп. Ѳеогноста, и ради быша Новогородци своему владыцѣ, а при кн. Иванѣ, при посадницѣ Варѳоломеи, при тысячкомъ Остафiи.

(*I. Новг. 75—6*).

306. Борьба Москвы съ Рязанью 1371.

Въ Филипово говѣнье м. декабря предъ Рожествомъ христовымъ, бысть побоище, Москвичемъ съ Рязанци; кн. в. Дмитрей Ивановичь посла рать на Рязань на кн. Олга рязаньского, а воеводу отпусти кн. Дмитрiя Михайловича Волыньскаго; князь же Олегъ събра вои многы, иде ратью противу ихъ. Тогда Рязанци, суровыи человѣци и свѣрѣпы людiе, высокоумни суще, вознесшеся мыслью и възгордѣшася величаниемъ, и помыслиша высокоумьемъ своимъ, и рѣша другъ къ другу: »не емлите съ собою ни щита, ни копья, ни иного ни коего же оружья, но токмо съ собою емлите едины ужища (*веревки*), коегождо изимавше Москвичь, да есть вы чѣмъ вязати, понеже суть слаби, страшливы и некрѣпцы«; наши же съ смиреniемъ и съ воздыханiемъ уповаша на Бога, крѣпльшаго въ бранехъ, и мы не въ силѣ, но въ правдѣ, даеть побѣду и одолѣнiе Богъ же, видя сихъ смиреniе и онѣхъ гордость. Якоже рече Соломонъ: Господь гордымъ супротивится, смиренымъ же даеть благодать; и въ еуангелiи речется: всякъ возносяйся смирится, а смиривыйся вознесется, и пророкъ Давыдъ рече: не спасется царь многою силою, ни исполинъ, ни храборъ не спасется множествомъ крѣпости своея. И срѣтошася обой на Скорнищевѣ, и бысть имъ брань люта и сѣча зла, и поможе Богъ кн. Дмитрею и его воемъ, и одолѣша Рязанцевъ, а кн. Олегъ одва убѣжа въ малѣ дружинѣ; князь же Дмитрей посади на княженiи рязаньскомъ кн. Володимера проньского.

(*П. С. Лѣт. IV, 67*).

307. Борьба Новгорода съ Тферью 1372 г.

Того же лѣта 6880 (1372 г.) о Петровѣ заговѣньи, Новгородци В. Новаго-

рода бояре пріѣхаша въ Торжекъ ставити городъ, съвокупишася и единишася съ Новоторжьци, и укрѣпишася крестнымъ цѣлованіемъ, и сдумаша думу, еже быти и стати за единъ; и заратишася съ ки. Михаиломъ тферьскимъ, и съсланіа намѣстники его съ города съ Торжку, а что гостей Тферичь торговцевъ, тѣхъ поимаша и пограбиша, а лодьи (*лодки*) ихъ съ товаромъ, а то взяша. Слышавъ же се князь Михайло, съвокупивъ съ собой токмо тферьскую силу, и пришедъ ратью ста у города у Торжку, м. маія 31 день, на пямять св. мученика Еремѣя, въ понѣдѣльникъ порану по заутренѣи; и начатъ съ смиреніемъ посылати послы къ Новгородцемъ и къ Новоторжцемъ, глаголя: »выдайте ми тѣхъ, кто моихъ Тферичь поималъ и билъ и грабилъ, и намѣстника моего опять посадите, и азъ у васъ иного не хощю ничего же«; и ждаше отъ нихъ мира и чистосердечнаго покаянія отъ утра и до полудни. И бысть въ нихъ мятежь и раздора, и смятеся весь градъ, они же нимало не хотяху покоритися, и послы посылаху отвѣтъ съ высокоумьемъ, и устремишася на бой, и сами бояре новгородцкіи, похвалившеся силою и мужествомъ своимъ, въоружившеся выѣхаша изъ города, купно (*вмѣстѣ*) же съ ними гражане Новоторжци, бившися съ Тферичи, и бысть сѣча на полѣ, и одолѣ ки. Михайло, и побѣжени быша Новгородци. И ту же и первое (*прежде*) всего срѣте воевода ихъ Александръ Обакуновичь, и убѣенъ бысть на первомъ суймѣ (*стычкѣ*), и костью паде за святый Спасъ и за обиду новгородцкую, и съ нимъ убиша Ивана Шаховича, Ивана Тимофѣевича, Григорья Щебелкова, и иныхъ прочихъ нѣколико мужь паде; и то видѣвше Новгородци, смятошася зѣло, ови побѣгоша на поле, еже есть къ Новугороду В., но и тамо не убѣгоша, а друзіи назадъ побѣгоша, а множайшіи на побоищи избьени быша, а иныхъ бояръ новгородцкихъ и новоторжьскихъ, и людей полона и женъ безъ числа множество изнимавше, приведоша на Тферь яко плѣнники. И тогда Тферичи зажгоша съ поля посадъ (*предмѣстіе города*) съ конца града съ повѣтрія, и удари съ огнемъ вѣтръ силенъ на весь градъ, вкупѣ и буря велика, и поиде огнь пламенный и пожаръ по всему граду, и тако вборзѣ погорѣ весь градъ, и церкви 3 каменыя и деревяныя вся и монастыреве; а что людей, которыи были въ городѣ, или на площади, или по улицамъ, мужи и жены и дѣти многое множество, ти вси погорѣли, и товаръ ихъ, и скоты ихъ, и все имѣніе ихъ, то все съ ними вкупѣ погорѣло. И бысть пагуба велика крестьяномъ: овій огнемъ погорѣша въ дворѣхъ и надъ животы (*пожитки*), а друзіи вбѣжали въ церковь въ св. Спасъ и ту задхошася и огнемъ изгорѣша, иніи же отъ огня бѣжаще въ рѣцѣ въ Тферци истопоша; а добрыя жены и дѣвица видяще надъ собою лупленіе (1) отъ Тферичь, а они одираху до послѣдней наготѣ, его же и поганіи не творятъ тако, тыи же отъ срамоты и бѣды въ водѣ истопишася, черници и черници всѣ до наготы излуплены; а и товара что ся остало отъ огня, иконной круты, сребра много поимаша. И кто, братіе, о семъ не поплачется кого ся остало живыхъ, видѣвъ како они нужную и горкую смертъ подъяша, а св. церкви пожжени суть и городъ весь отъинудь пустъ, еже ни отъ поганыхъ не было такого зла? И наметаша избьеныхъ людій, и нижеными и истоплыхъ 5 скудельниць (*кладбищъ*), иніи же погорѣли безъ останка, а иніи истопли безъ вѣсти, поплыли внизъ по Тферци.

(*П. С. лѣт. IV, 68—69*).

---

(1) Лупить—обдирать, снимать платье,

308. Борьба Москвы съ Тверью 1375.

Мѣсяца іюля 27 на Тфери, въ церкви въ Покровѣ предъ иконою свѣча сама ся загорѣла, а въ 29 бысть въ солнци знаменіе. Того же лѣта князь Дмитрій поиде ратію къ Тфери, на кн. Михаила Александровича, а съ нимъ (*князья*): тесть его Дмитрій Костянтиновичь суздальскій, Володимеръ Андрѣевичь, Борисъ Костянтиновичь, Семенъ Дмитріевичь, Андрѣй Ѳедоровичь ростовскій, Василей Костянтиновичь, братъ его Александръ, Иванъ Васильевичь смоленьскій, Василей Васильевичь ярославьскій, Романъ Васильевичь, Ѳедоръ Романовичь бѣлозерьскій, Василей Михайловичь кашиньскій, Ѳедоръ Михайловичь моложьскій, Андрѣй Ѳедоровичь стародубьскій, Романъ Михайловичь брянъскій, Романъ Семеновичь новосильскій, Семенъ Костянтиновичь оболенъскій, братъ его Іоаннъ торужьскій, и вси князи рустіи, койждо отъ своихъ градовъ со своими полки, служаще князю великому (1). И бысть іюля въ 29 поиде кн. в. Дмитрій съ Волока, съ всѣми реченными князи рускими съвокупяся и съ всею силою рускою, въ той же день нача воевати волости тферьскія; такоже и съ всѣхъ порубежныхъ мѣстъ съ вся стороны, кто же отъ себе, Кашинци и Новоторжьци яко и пѣшіи ополчишася на грабежь, и окружняя мѣста съ всѣхъ порубежей тяжко плѣниша. Мѣсяца же августа 1 взяша городъ Микулинъ, а людей изъ города въ полонъ поведоша, а въ 5 день, въ недѣлю порану, въ канунъ (*наканунѣ*) Спасова дни, прійде вся сила къ Тфери, и сташа вси порану рати около всего города вкругъ, аки расхитити хотяще, а посадъ и церкви и монастыри пожгоша, а около всего города остроГомъ (*стѣною*) огородиша. А преже того по Новгородцевъ князь в. послалъ въ В. Новгородъ, и Новгородци же своего князя честь изводяще, паче же свою отмщающе обиду, бывшую у Торжьку, въскорѣ пріидоша ратью великою и предсташа абіе подъ Тверью, скрегчюще зубы своими на Тферичь; и на Волзѣ два моста великая доспѣша чрезъ Волгу. А князь Михайло бяше затворился въ своемъ градѣ Тфери; стоящимъ же ратемъ 3 дни у города, а 4 день, еже есть м. августа въ 8 день, въ среду порану, приступиша всею силою къ городу, и туры (*стѣнобитныя орудія*) прикатиша, и приметы приметаша (1) около всего града, и тако пошли бьючися къ Тмаческимъ воротамъ, мостъ и стрѣльницю (*башню*) зажгоша. И бысть тогда скорбь велика гражаномъ въ осадѣ, и вси людіе сущіи въ градѣ створиша молитву, постъ съ слезами въ церкви св. Спаса; молитвами св. Богородица пожалована святый Спасъ послалъ свою помощь: отбилися гражане отъ ратныхъ, а князь Михайло съ Тферичи выѣхалъ, и туры посѣкоша и огнь погасиша, а Семена Ивановича Добрыньского убиша, а ратныхъ отгнаша; они же бившеся весь день, едва въ вечернюю годину отступиша отъ города, а на 2 день паки обступили градъ со всѣ стороны и по заволожью, и тако по многи дни бьющеся боряхуся. Князь же Дмитрій стоялъ у Тфери мѣсяць съ всѣми ратьми, и учинилъ пусто тферьское княженіе, волости и села пожгоша, а городки поимаша: Зубцевъ, Бѣлгородъ, Городокъ; а людій въ полонъ разведоша, а имѣнія ихъ пограбиша, а скоты ихъ посѣкоша, а жита ихъ потравиша; мнози Тферичи язвени быша отъ нахоженія ратныхъ, мнози оружіемъ падоша, мнози

(1) Замѣчательно, что всѣ князья областныя были уже въ подчиненіи москов. князя.

(1) *Приметъ*—солома, дрова и всякій горючій матеріалъ, чтобы зажечь крѣпость.

отъ острія меча умроша. Князь Михайло, видѣвъ изнеможеніе граду своему, видѣвъ озлобленіе людемъ своимъ, видѣвъ трудъ и погибель человѣкомъ и скотомъ, отъ глада бывающій, въспрія смиреніе и выс-ла изнутри града послы свои, владыку тферьского Еуоимья да бояръ своихъ нарочитыхъ (*знатныхъ*), къ кн. Дмитрію съ покореніемъ и съ поклономъ, прося мира, а даяся во всю волю его. Князь Дмитрій съ Новгородця, не хотя видѣти разоренія града, ни погибели людій своихъ, и не хотя видѣти кровопролитія крестьяньского взя миръ съ кн. Михаиломъ на всей своей воли и новгородцкой, и тако докончаша и грамоты пописаша, отступиша отъ града отъ Тфери м. сентября 3; а Новгородци стояли подъ Тферью 4 дни, и възвратишася кіижде въ свояси, и поидоша прочь. А въ градѣ въ Тфери бяше тогды скорбь немала, такова же не бывала въ мимошедшая лѣта: бысть моръ на люди и на скотѣ; а надѣялися помочи отъ Литвы и отъ Татаръ, и не улучиша, а ждучи тоя помощи много лиха доспѣлося. Добро бы намъ надѣятися на Бога, якоже пророкъ Давыдъ глаголетъ: »добро есть на Бога уповати, нежели на человѣка.«

(*П. С. Лѣт. IV, 70—71*).

309. Договорная в. кн. рязанскаго Олега Ив. съ в. кн. Дмитріемъ Ив. и братомъ его кн. Владимеромъ Андреевичемъ 1381.

По благословленью отца нашего Кипріяна м-та всея Руси. На семъ, братъ старѣйши кн. в. Дмитрей Ивановичь и братъ твой кн. Володимеръ Андрѣевичь, целуйте ко мнѣ крестъ къ своему брату къ молодшему ко кн. къ в. къ Олгу Ивановичю. Имѣти ти мене собѣ братомъ молодшимъ, а брату твоему имѣти мене собѣ кн. Володимеру братомъ; а добра вы мнѣ хотѣти во всемъ въ Ордѣ и на Руси отъ чистосередья; а что вы слышавъ о моемъ добрѣ или о мнѣ отъ хрестьянина или отъ поганина, то вы мнѣ повѣдати въ правду, безъ примышленья. А вотчины вы моеѣ блюсти, а не обидѣти; а мнѣ вашиѣ вотчины блюсти, а не обидѣти, Москвы и Коломны и всѣхъ московьскихъ волостей и коломеньскихъ, что ся потягло въ Москвѣ и къ Коломнѣ по реку по Оку, и всего великаго княженья подъ вами ми блюсти, а не обидѣти. А межи насъ роздѣлъ земли по реку Оку, отъ Коломны верхъ по Оцѣ, на московьсторонѣ Поченъ, Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровескъ, и иная мѣста рязаньская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по реку по Тцну отъ усть Тцны въ верхъ по Тцснѣ, что на московьской сторонѣ Тцсны, то къ Москвѣ; а что на рязаньской сторонѣ, а то къ Рязани. А володимерское по рубежь, по тому, какъ то было при вашемъ дѣдѣ, при в. кн. при Иване Даниловиче, и при вашемъ дядѣ, при в. кн. при Семенѣ, и при твоемъ отци, при в. кн. при Иванѣ. А что на рязаньской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ, Поченъ, Лопастна, уѣздъ Мьстиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничь съ мѣсты, какъ ся отъступили князи Торускіе Ѳедору Святославичю, та мѣста къ Рязани. А что мѣсто кн. в. Дмитрия Ивановича на рязаньской сторонѣ, Тула, какъ было при царицѣ при Таидулѣ, и коли ее баскаци вѣдали, въ то ся кн. в. Олгу ее вступати, и кн. в. Дмитрию. А что мѣста Талица, Выполъзовъ, Такасовъ, та мѣста кн. в. Дмитрию, кн. в. Олегъ ступился тѣхъ мѣстъ кн. в. Дмитрию Ивановичю. А что купля князя в. Мещера, какъ было при Александрѣ Уковичѣ, то к. в. Дмитрию; а к. в. Олгу не вступатися по тотъ розъѣздъ. А что татарская

мѣста отоималъ к. в. Дмитрий Ивановичь за себя отъ Татаръ до сего до нашего доконьчанья, та мѣста кн. в. Дмитрию; а что кн. в. Олегъ отоималъ татарская отъ Татаръ дотоле же, а то кн. в. Олгу та мѣста. А къ Литвѣ кн. в. Олгу цѣдованье сложити. А будетъ кн. в. Дмитрий Ивановичь и братъ князь Володимеръ съ Литвою въ любви, ино и князь в. Олегъ съ Литвою въ любви: а будетъ кн. в. Дмитрий и князь Володимеръ съ Литвою не въ любви, и кн. в. Олгу быти со княземъ в. съ Дмитриемъ и со княземъ съ Володимеромъ на нихъ съ одиного. А съ Татары аже будетъ кн. в. Дмитрию миръ и его брату князю Володимеру или данье, ино и князю в. Олгу миръ или данье съ одиного со княземъ в. съ Дмитриемъ: а будетъ не миръ кн. в. Дмитрию и брату его кн. Володимеру съ Татары, кн. в. Олгу быти со княземъ в. съ Дмитриемъ и съ его братомъ съ одиного на Татаръ, и битися съ ними. А съ рускихъ князей, кто князю в. Дмитрію другъ и князю Володимеру, то и князю в. Олгу другъ: а кто не другъ князю в. Дмитрию и князю Володимеру, а то и князю в. Олгу не другъ, итти нань съ одиного. А что князь в. Дмитрий и братъ кн. Володимеръ билися на Дону съ Татары, отъ того времени что грабежь, или что пойманые у князя в. людии у Дмитрия и у его брата кн. Володимера, тому межи насъ судъ вопчий, отдати то по исправе. А что ся ни дѣяло дотоле, какъ есмя целовали крестъ, тому всему погребъ, до Спасова преображенья дни за 4 дни: а судъ вопчий межи насъ отъ того празника всему; а о чемъ судьи наши сопрутся, ѣдутъ на третий, кого себѣ изберутъ. А судомъ вопчимъ не переводити; а кто иметъ переводити, правый у того возметъ, а то ему не въ измѣну. Суженаго не посужати, а положеное дати: холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, душегубца, ны выдати по исправе. *А пошлины съ семьи 6 денегъ, съ пѣшоходовъ 2 алтына; а съ одиного не имати. А мыты намъ держати давныи пошлыи, а непошлыхъ мытовъ и пошлинъ не замышляти; а мыта съ воза по дензе, а съ пѣшехода мыта нѣтъ. А вывода ны и рубежа межи собе не замышляти; а кто замыслитъ, того выдати по исправе.* А бояромъ и слугамъ межи насъ волнымъ воля. На семъ на всемъ, брате старѣйщий кн. в. Дмитрий Ивановичь и братъ твой кн. Володимеръ Андреевичь, целуйте ко мнѣ крестъ къ брату своему молодшему ко кн. в. къ Олгу Ивановичю, по любви въ правду, безъ хитрости.

(*Собр. гос. грам. и догов. I, № 32*).

См. «духовн. и договор. грам. рус. князей». *Чичерина* Рус. Вѣст. 1857. № 4 и 5.

310. Подчиненіе Нижняго Новгорода Москвѣ.

Того же лѣта (1364) князь Дмитреи Костянтиновичь суздальскии, внукъ Васильевъ, правнукъ Михаиловъ, праправнукъ Андрѣевъ, препраправнукъ Александра Ярославича приде въ Новгородъ Нижнии на вел. княжение с материю с Еленою и со владыкою своимъ Алексѣемъ суздалскимъ и новгородцкимъ и городецкимъ,—и не сступися ему княжения новгороцкаго братъ его меншиі кн. Борисъ Константиновичь внукъ Васильевъ.

Того же лѣта прииде посолъ отъ царя изо Орды Борамхозя, а царицы—Асанъ, и посадиша на новгородцкомъ княжении кн. Бориса Конст., внука Васильева, правнука Михаилова, праправнука Андрѣева Александровича.

Того же лѣта прииде изо Орды от царя Озиза кн. Василей Кирдяпа суздалскии, сынъ Дмитреевъ, внукъ Костянтиновъ,

правнукъ Васильевъ, а с нимъ царевъ посолъ, имя ему Урусъмалды, і вынесе ярлыки на княженіе великое владимерское князю Дмитрею Костянтиновичю суздалскому; онъ же не восхотѣ, и сступися вел. княжения володимерского в. к. Дмитрею Ив. московскому, а испросилъ у него силу к Новугороду к Нижнему на своего меншаго брата на князя Бориса Костянтиновича. Князь же вел. Дмитреи Ив. посла к нимъ послы своя, чтобы ся помирили и поделилися вотчиною своею, князь же Борисъ не послуша.

Того же лѣта Алексѣй м-тъ отня епископию новгородцкую и городецкую отъ владыки суздалского Алексѣя.

В тожъ время отъ в. кн. Дмитрея Ив. прииде съ Москвы посолъ, препод. Сергии игуменъ Радонежскии в Новъгородъ в Нижнии ко кн. Борису Костянтиновичу, зовя его на Москву; он же не послуша его, и на Москву не поиде. Преп. же Сергіи игуменъ по митрополичью слову Алексѣева и в. кн. Дмитрея Ив. церкви вся затвори. И даде силу к. в. Дмитрей Ив. старѣишему брату Дмитрею Костянтиновичю на меншаго его брата Бориса Костянтиновича. Князь же Дмитрей Костянт. еще к тому в своей отчинѣ в Суздале собра силу многу, и поиде ратью к Новугороду Нижнему; и егда доиде до Бережия, и тамо срете его братъ его менши князь Борисъ Костянт. з бояры своими кланяяся и покаряяся и прося мира, а княжения ступаяся. Кн. же Дмитреи Кост. не остави челобитья и моления брата своего, и взя с нимъ миръ, и поделишась княжениемъ суздальскимъ, и Нижнего Новагорода и городецкимъ. И сяде самъ кн. Дмитрей Костянтиновичь на вел. княжении в Нижнемъ Новѣгороде, а брату своему меншему кн. Борису Кост. даде Городецъ.

Тогожъ лѣта (1391) сложи кн. в. Василеи Дмитревичъ крестное целование к в. кн. Борису Кост., Васильеву внуку, Михаилову правнуку, Андреѣву праправнуку, и поиде во Орду ко царю Тахтамышу со многою честию и дары; и нача просити в. княжения Нижняго Новагорода подъ в. кн. Борисомъ Кост., к своему в. княжению к Москвѣ, и умъзди (*одарилъ*) князей царевыхъ, чтобъ печаловались о немъ царю Тахтамышу. Они же взяша многое злато и сребро и великии дары, и даде царь Тахтамышъ подъ в. кн. Борисомъ Кост. великое ево княжение Новгородское к Москве в. кн. Василью Дмитр. И поиде кн. в. Василей Дмитреевичъ изо Орды отъ царя Тахтамыша с радостию с посломъ царевымъ на Русь, и пришедъ на Коломну и оттуду самъ поиде к Москве, а посла царева Тахтамышева отпусти в Новъгородъ Нижнии з бояры своими.

Слышавъ же сия, кн. в. Борисъ Кост. Нижн. Новагорода, тогда ему сущу в своей отчине въ Нижн. Новѣградѣ, и созва бояре свои и начатъ имъ молитиесъ с плачемъ и со слезами, гаголя сице: »господя моя, и братия, бояре и друзи, попомните господне крестное целование, какъ есте целовали ко мнѣ и любовъ нашу и усвоение к вамъ«. Бяше же тогда у него старѣишии бояринъ его, ему же имя Василеи *Румянецъ*, и рече ко господину своему кн. Борису К.:—ни скорби, ни печалуи, господине княже, вси есмы единомыслении к тебѣ, и готови за тя главы своя сложити и кровъ излияти.—Се же глаголаше лстя господина своего и изсылашеся съ в. кн. Василиемъ Дм. и хотяше господина своего выдати ему. Приближающимъся ко граду Татаромъ Тахтамышевымъ и московскимъ бояромъ и не восхотѣ кн. в. Борисъ Кост. попустить и во градъ к себѣ. И речѣ ему старѣишии его бояринъ Василеи Румянецъ:—Господине княже, се царевъ посолъ Тахтамышевъ, а се в. кн. Василия Дм. московскаго бояре хотяще миръ подкрепити и любовъ утвердити вѣчную, а ты самъ

брань и рать воздвизаеши; пусти убо ихъ во градъ, а мы вси съ тобою, и что могутъ сіи сотворити? — И тако Татарове внидоша во градъ и бояре московстіи, и начаша въ колоколы звонити, и стекошась людіе. Кн. в. Борисъ К. посылаше къ своимъ бояромъ, глаголя: »господія моя и братія и милая дружина! попомните крестное целованіе, ежъ есте целовали ко мнѣ, и не выдаите мене врагомъ моимъ«. И отвещеваше отъ нихъ единъ старѣишіи его бояринъ Василей Румянецъ:—господине княже, не надѣися на насъ, уже убо есми мы отныне не твои, и нѣсть съ тобою есмя, но на тя есмы; и тако поиманъ бысть кн. в. Борисъ К. Нижнего Новагорода. И по мале времени пріиде кн. в. Василей Дм. в Новгородъ Нижніи, и посади в немъ своя намѣстники, а кн. Бориса К. и з женою его и з дѣтми его, и елико еще быша доброхотовъ его, всѣхъ повелѣ по градомъ розвести, и вериги желѣзныя связати, и в велицеи крѣпости держати ихъ. И се прииде посолъ изо Орды отъ царя Тахтамыша и позва в. кн. Василья Дмитреевича во Орду ко царю, такоже и посла своего. Князь великіи жъ поиде ко царю во Орду и многу честь прия отъ царя Тахтамыша, яко ни единъ отъ прежнихъ князеи; и предаде ему царь Тахтамышъ Новгородъ Нижніи и Городецъ со всѣмъ, и Мещеру и Торусу,—и много любезно его жаловаше и отпусти его на Русь.

(*Никоновск. лѣт. 1788 г. Спб. ч. IV, 9—10; 239—241*).

311. Борьба Москвы съ В. Новгородомъ.

а. Въ лѣто 6901 (1393). Взя розмиріе кн. вел. Василіи Дмитреевичь съ В. Новымъградомъ, про грамоту, что записалъ В. Новъгородъ грамоту къ митрополиту не зватися на Москву, а повѣствуя тако: чтобы есте къ м-ту грамоту отслали; а что есте целовали, а тои грѣхъ м-тъ съ васъ снимаеть,—и В. Новъгородъ того не похотѣлъ, и князь вел. взя у Новагорода пригородъ Тръжекъ съ волостьми, и Волокъ Ламскій и Вологду, и волости много повоева, а Новгородци взяша у князя вел. Устьюгъ г., Устижню и много волости поиманы; и въ то время много кровопролитія учинилося, и Новогородци, не хотя видѣти болшаго кровопролитія въ крестіанѣхъ, послаша послы къ в. князю съ челобитіемъ о старинѣ, а къ м-ту послаша грамоту целовальную; и м-тъ словомъ повѣствоваше: язъ у васъ грамоту целовальную емлю, а грѣхъ съ васъ снимаю, а васъ благословляю,—а князь в. новогородское челобитіе пріялъ, и взя миръ по старинѣ.

(*I, Новг. 96*).

б. Того же году (1397) насла князь в. Василеи Дмитреевичь, за Волокъ на Двину, бояръ своихъ Андреа Албертова съ другы, ко всеи двиньскои свободѣ, а повѣствуа имъ тако: чтобы есте задалися за князь великіи, а отъ Новагорода бы есте отнялися; а князь в. хощетъ васъ отъ Новагорода боронити, а за васъ хощеть стояти и Двиняне Иванъ Никитинъ и бояре двинскіи, и вси Двиняне, за великіи князь задалися, а къ князю в. целоваша крестъ. И князь в. на крестномъ целованіи, у Новогорода отъялъ Волокъ Ламьскіи съ волостьми, Тръжекъ съ волостьми, и Вологду, и Бѣжитьскіи Врѣхъ; и потомъ къ Новугороду съ себе целованіе сложилъ и крестную грамоту скинулъ, а Новогородци съ себе целованіе сложили и грамоту крестную князю в. скинули. И по семъ присла Кипріянъ м-тъ въ В. Новъгородъ столника своего,

Климентіа, къ сыну своему къ владыцѣ Іоанну, и повѣствуа тако: поиди на Москву, зоветь тя отець твои митрополитъ о святительскихъ дѣлѣхъ; и владыка митрополича боярина отпусти на Москву, а самъ въсхотѣ поити къ отцу своему къ м-ту и посадникъ и тысяцской, и бояре, и весь В. Новъгородъ, биша челомъ господину своему отцу владыцѣ Іоанну: чтобы еси, господине, князю в. слово добро и благословеніе бы еси подалъ, за свои дѣти за в. Новъгородъ,—а Новогородци съ своимъ отцомъ съ владыкою послаша послове, посадника Богдана Обакуновича, Кирилу Дмитріевича и житьихъ людеи, къ князю в. И владыка Іоаннъ князю в. благословеніе и слово добро подалъ, а послове отъ Новагорода челобитье; рекъ тако: чтобы еси, господине сыну князь великіи мое благословеніе и слово добро пріялъ а Новогородское челобитіе, а отъ Новогорода отъ своихъ мужіи отъ волныхъ нелюбія бы еси отложилъ, а пріялъ бы еси въстарину; а при твоемъ бы, сыну, княженьи промежи христіанъ другое бы кровопролитіе не у чинилося; а что еси сыну князь великіи, на крестномъ цѣлованіи у Новагорода отнялъ еси Заволочье, Тръжекъ, Волокъ, Вологду, Бѣжитскіи Връхъ, а того бы еси, князь в. ступился, а пошло бы то къ Новугороду въ старину; а про вопчіи судъ на порубежьи, а то, сыну, отложилъ бы еси, занеже, господине князь в., то не старина.—И князь в. владычьня благословеніа и слова добра не пріялъ, а отъ пословъ Новогородскихъ челобитья не пріялъ, а отъ Новогорода не любіа не отложилъ, а миру не взялъ. А м-тъ Кипріанъ своего сына владыку Іоанна и пословъ новогородскихъ отпустилъ въ Новъгородъ, съ честію и съ благословеніемъ.

(*I, Новг. 98*)

Подробнѣе см. въ Никон. л. IV, 272—277.

в. Въ лѣто 6906 (1398). По великѣ дни, на веснѣ, Новогородци рекоша своему господину владыцѣ отцу Іоанну: не можемъ, господине отче, сего василіа тръпѣти отъ своего князь в. Василіа Дмитреевича, что у насъ отнялъ у св. Софіи и у В. Новагорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину; нъ хотимъ поискати св. Софіи пригородовъ и волостей, своеи отчины и дѣдины—и цѣловаша крестъ за единъ братъ, како имъ св. Софіи и В. Новагорода пригородовъ и волостеи поискати и биша челомъ посадникъ Тимофеи Юрьевичь, посадникъ Юрьи Дмитреевичь, Василіи Борисовичь, и бояре, и дѣти боярьскіа, и житьи люди, и купетскіи дѣти, и вси ихъ вои: благослови,господине отце владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостеи; или пакы изнаидемъ свою отчину къ св. Софіи и къ В. Новугороду, пакы ли свои головы положимъ за св. Софѣю и за своего господина за В. Новъгородъ. И владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтей, и воеводъ новогородскыхъ, и всихъ вои; а Новогородци отпустиша свою братію, и рекъ имъ тако: поидѣте, святѣи Софіи пригородовъ и волостеи поищите, а своеи отчины. Воеводы же Новогородкіи, посадникъ Тимофеи, посадникъ Юрьи и Василіи, и вси вои, поидоша за Волокъ на Двину къ городку къ Орлецу; и срѣте ихъ съ Вели владычьнь волостель Исаіа, рекъ имъ тако: господо воеводы Новогородъскіи! поѣхавъ, господо, князя в. боярінъ Андреи, съ Іоанномъ съ Микитинымъ и съ Двиняны на св Софіи волость на Вель, въ самъ великъ день, св. Софіи волость повоеваша, а на головахъ окупъ поимаша; а отъ кн. в. пріѣхалъ въ засаду, на Двину, кн. Ѳедоръ ростовьскіи, городки блюсти и судити и пошлины имати съ новогородскыхъ волостеи; а двиньскіи воеводы Иванъ и Кононъ, съ своими другы, волости новогородскіи и бояръ новогородскыхъ подѣлиша себѣ на части. Се

же слышавше воеводы новогородскіи, рекоша своеи братіи воеводамъ: »братіе! аще тако съдумалъ господинъ нашъ князь в., съ крестопреступникы съ двинскыми воеводами,—сице ркоша: братіе! лучши намъ есть умрети за св. Софію, нежели въ обидѣ быти отъ своего в. князя«. И пакы поидоша на в. князя волости, на Бѣлоозеро, и взяша бѣлозерскіи волости на щитъ, повоевавъ и пожгоша; а изъ Новагородка вышедши князи бѣлозерскіи и воеводы князя в., и добиша челомъ воеводамъ новогородскымъ и всимъ воемъ—и взяша у нихъ окупа 60 рублевъ, и полона поимаша безъ числа, и животовъ много поимаша; и Кубеньскіи волости поимаша, и около Вологды воеваша, и Устюгъ городъ повоевавъ и пожгоша, и стояша на Устюгѣ 4 недѣли. И въ то время воеводы послаша Дмитреа Ивановича, Ивана Богдановича, а съ ними дѣти боярьскіи, воеваша волости князя в., толко за днище Галича не доходиша, а волости повоевавъ и пожгоша и полона (*плѣнныхъ*) поимаша безъ числа, а на полону окупъ поимаша, понеже бо суды не подъимуть, а иныи полонъ пометаша; и оттолѣ поидоша по Двинѣ къ городку къ Орлецу, воюя волости князя в. И пріидоша къ Орлецу городку и стояша подъ городкомъ 4 недѣли, поставиша порокы и оступиша городокъ, и начаша бити порокы; и вышедши Двиняне изъ городка, и начаша бити челомъ, съ плачемъ воеводамъ и всѣмъ воемъ новогородскымъ; и воеводы новогородскыи и вси вои, по своего господина по новогородскому слову, челобитіе пріяша Двинянъ, а нелюбья имъ отдаша; а воеводъ заволотскыхъ Ивана и Конона съ другы изымаша, овыхъ смертію казниша, а Ивана и брата его Алфана и Герасима и Родивона изковаша, кто водилъ двинскую землю на зло; а у кн. Ѳеодора ростовьскаго взяша присудъ и пошлины, что поималъ, а самому съ другы животъ даша; а у гостіи князя в. взяша съ головъ окупа 300 р.; а у Двинянъ, за ихъ преступленіе и за ихъ вину, воеводы и вси вои Новогородци, взяша 2000 рублевъ, а 3000 коневъ; бяше бо всѣхъ Новогородцевъ 3000. Сице бысть божіе милосердіе, толко прошедъ Руской земли и у столь твердаго городка не бысть накости въ людехъ, токмо у городка единого человѣка убиша дѣтьскаго Левушку Ѳедорова посаднича, а городокъ разгребоша (*разрушили*).

(*I Новг. 98—100*).

312. Подчиненіе Суздаля Москвѣ.

Въ тоже лѣто (1402) слышавъ князь Семенъ Дмитреевичь суздальскій, что княгини его и съ дѣтми изнимана, и казна его взята, самъ бо бѣше тогда бѣгаа по татарскимъмѣстомъ, и посла къ в. князю (московскому) съ челобитіемъ и съ покореніемъ; князь же вел. опасъ (1) дасть ему, онъ же пріиде на Москву изъ Орды, и взя миръ съ в. княземъ, и иде съ Москвы на Вятку съ княгинею и съ дѣтми, боленъ бо бяше уже, и пребысть въ Вяткѣ 5 мѣсяць, и впаде въ болшій недугъ, преставися дек. 21, на память Петра чюдотворца. Сей же князь въ животѣ своемъ много напасти подъятъ, и многы истомы претерпѣ въ Ордѣ и на Руси, добиваяся своей отчины, осмь лѣтъ поряду въ Ордѣ служи четыремъ царемъ: пръвому Тахтамышу, другому Аксакъ-Темирю, третьему Темирь-Кутлую, четвертому Шадѣбѣку, а все то поднимаа рать на в. кн. московскаго, како бы найти свою отчину, новогородское (*нижегородское*) княженіе, и того ради много труда подъя, не обрѣтаа покоа ногама своима, и не успѣ ничтоже, но аки всуе тружася...

(*П. С. Лът. VIII, 75—76*).

(1) Опасную грамоту, чтобы пріѣхать безбоязненно.

313. О изыманіи вел. князя въ Сергіевѣ монастырѣ.

Въ лѣто 6954 (1446). Князю Дмитрею Шемякѣ вложи діаволъ мысль хотѣти великаго княженіа, и начятъ посылати къ князю Ивану Можайскому съ тѣмъ, что, рекши царь на томъ отпустилъ в. князя, а онъ къ царю цѣловалъ, что царю сидѣти на Москвѣ и на всѣхъ градехъ рускыхъ и на нашихъ вотчинахъ, а самъ хочетъ сѣсти на Твери. И тако по дьяволю наученію обьсылающися и здумавшеся съ своими съвѣтники злыми, иже нехотящеи добра своимъ государемь и всему христіанству, и посылаютъ съ предреченными рѣчми къ в. кн. Борису тверьскому; онъ же слышавъ то убояся, и бысть единомысленикъ съ ними. Мнози же и отъ Москвичь въ думѣ съ ними бяху, бояре же и гости; бѣ же и отъ чернцовъ въ той думѣ съ ними. И тако начяша князи и съ своими съвѣтники безвѣстно въоружатися и искати подобна времени, како бы изгонити в. князя. Усмотривъ же сіи таковъ получей, подобенъ ихъ злому съвѣту, въсхотѣвшу в. князю итти поклонитися Живоначалной Троици и мощемъ чюдотворца Сергіа: пошедшу ему и съ своими благородными чады, съ кн. Иваномъ и съ кн. Юрьемъ, и съ малыми зѣло людми, ничтоже иного чаа, но токмо накормити сущую тамо братью великіа тоя лавры; а къ кн. Дмитрею Шемякѣ и Ивану можайскому вѣсти по вся дни посылаеми бяху съ Москвы отъ измѣнниковъ, а они съвокупившеся стояша въ Рузѣ, готови суще, яко пси на ловъ или яко дивіи звѣріе, хотяще насытитися крове человѣча. Бывши же къ нимъ вѣсти той, что князь в. изыде изъ града, они же часа того поидоша изгономъ къ Москвѣ и пріидоша февраля м. въ 12. въ 9 часъ нощи, противу недѣли иже о блудномъ сыну, и взяша градъ: не бяше бо въ немъ противящагося имъ и никому вѣдущу сего, токмо единомысленникомъ ихъ, иже и градъ отвориша имъ; они же вшедше въ градъ великихъ княгинь изнимаша, Софью и Марью и казну в. князя и матери его разграбиша, а бояръ сущихъ ту изнимавше и пограбиша, и иныхъ многихъ и горожанъ. И тоя же нощи цакы отпущаетъ князь Дмитрей Шямяка кн. Ивана можайскаго на в. князя Василья къ Троици изгономъ съ многими людми своими и съ его. Въ самую же литургію пригонилъ къ в. князю, въ недѣлю о блуднемъ, Бункомъ зовутъ, повѣдая ему, что идутъ на него кн. Дмитрей Шемяка, да кн. Иванъ можайской ратью, и не ятъ ему вѣры, понеже бо тотъ Бунко за мало преже сего отъѣхалъ къ кн. Дмитрію, и рече: »сіи смущаютъ насъ, а язъ съ своею братьею въ крестномъ цѣлованіи, то какъ можетъ то быти такъ«? И повелѣ того исъ монастыря збити и назадъ воротити его, како бывшу тому на Ворѣ, яша его ратніи сторожи и биша его. А князь в. хотя ему не имя вѣры, а единако посла сторожи къ Радонежу. Они же пришедше сташа на горѣ надъ Радонежемъ стеречи, и познаша ихъ ратніи сторожи издалеча, а си тѣхъ ратныхъ не усмотриша, и не имяху вѣры тѣмъ вѣстемъ; а тѣ сторожи и сказаху князю Ивану, что есть сторожи за Радонежемъ на горѣ, онъ же повелѣ сани многи изрядити какъ возы съ рогозинами, а иніи съ тѣстми, а въ нихъ по два человѣка въ доспѣсѣ, а третій послѣ идетъ какъ бы за возомъ; и какъ прѣдніе уже минуша ихъ и тако выскакаша вси изъ саней и изнимаша ихъ, а убѣжати имъ нѣкако бяше, понеже бо тогда снѣгъ былъ девяти пядей. И тако вскорѣ поидоша къ монастырю, и какъ явишася скачюще на конехъ зъ горы тоя къ селу Климентьевскому, якоже на ловъ сладокъ, и ако увидѣвъ ихъ князь в., потече самъ на конюшенной дворецъ, и не бѣ ему коня

уготована; самъ бо се яко ложъ вмѣни, надѣяся на крестное цѣлованіе, и не повелѣ себѣ ничего уготовати, а люди вси въ унынiи быша и въ торопѣ велицѣ яко изумлени. Видѣвъ же князь в. яко нѣсть ему никакіе помощи, скоро поиде на монастырь къ церкви св. Троица каменыя; пономарь же имянемъ Никифоръ, инокъ притекъ и отмче церковь, князь же в. виниде въ церковь, и онъ замкнувъ его отшедъ схоронися. А они убiйци, яко же сверѣпiи влъци, възгониша на монастырь на конехъ, преже всѣхъ Никита Костянтиновичь, и на лѣсницу на конѣ къ преднимъ дверемъ церковнымъ, и ту пошедшу съ коня ему и заразися о камень, иже предъ дверми церковными въздѣланъ на примостѣ, и пришедше прочiи взняша его; онъ же едва отдохнувъ, и бысть яко пiанъ, а лице его яко мертвецу бѣ. Потомъ же и самъ князь Иванъ взгони на монастырь и все воинство ихъ, и начятъ въпрошати князь Иванъ: »гдѣ князь велики«? Князь же великiй внутрь церкви услыша князя Ивана глаголюща и въспи велми глаголя: »брате! помилуйте мя, не лишите мя зрѣти образа божiа и пречистыя матере его и всѣхъ святыхъ его; а не изыду изъ монастыря и власы главы своея урѣжу здѣ«. И шедъ къ дверемъ южнымъ отпре ихъ самъ, и взятъ икону иже надъ гробомъ св. Сергiа, Явленiе св. Богородица съ двѣма апостолома св. Сергiю, и срѣте въ тѣхъ дверехъ церковныхъ князя Ивана, глаголя: »брате! цѣловали есмя животворящiй крестъ и сiю икону въ церкви сей живоначалноа Троица, у сего же чюдотворцова гроба Сергiева, яко не мыслити намъ, ни хотѣти ни которому же отъ братiи межу себе никоего лиха; а се нынѣ не вѣмъ, что есть на мнѣ«. Князь же Иванъ рече къ нему: »господине государь! аще ли ти въсхощемъ коего лиха, буди то надъ нами лихо; но се творихомъ христiанства ради и твоего окупа: видѣвше бо се Татари пришедшiи съ тобою облегчать окупъ, что ти царю давати«. Князь же в. поставль икону на мѣстѣ своемъ и паде ниць у гроба чюдотворцева Сергiева, слезами обливаа себе и велми въздыхаа кричаніемъ моляся захлипаяся, яко удивитися всѣмъ сущимъ ту и слезы испустити и тѣмъ злодѣемъ противнымъ; а князь Іоанъ мало поклонся въ церкви изыде, рече Микитѣ: »възми его«. И князь в. много молився въставъ отъ нечяанiя своего и възрѣвъ рече велми: »гдѣ братъ князь Иванъ«? Приступль же злый рабъ гордыхъ и немилосердыхъ мучитель Никита, ятъ (*взялъ*) за плечи в. князя, глаголя: »поиманъ еси в. княземъ Дмитреемъ Юрьевичемъ«. Оному же рекшу: »воля божiа да будетъ,« — онъ же злодѣй выведе его изъ церкви и съ манастыря сведе, и посадиша его въ голыи сани, а противу его чрънца, и тако отъидоша съ нимъ къ Москвѣ; а бояръ его всѣхъ поимаша, а прочихъ всѣхъ пограбивше нагихъ попущаша. А сынове князя в. князь Іоанъ да кн. Юрiи, ухоронишася въ томъ же монастыри; а они кровопiйци, яко же нѣкоторый сладкiй ловъ уловивше, отъидоша, а о сихъ небрегоша, ниже пытаху о нихъ. Си же в. князя сынове, Иванъ и Юрiй, въ туже нощь побѣгоша, изъ манастыря съ оставшими съ ними людми, кои ухоронишася, и прибѣгоша къ кн. Ивану Ряполовскому въ Юрьевъ, въ село его Боярово; князь же Іоанъ съ всею братьею, съ Семеномъ и зъ Дмитрiемъ, и съ всѣми людми своими бѣжаша съ ними къ Мурому и тамо затворишася съ многими людьми. А князя в. Василiа въ понедѣльникъ на ночь на Мясопусной недѣли, февраля 14 приведоша его на Москву и посадиша на дворѣ Шемякинѣ, а самъ князь Дмитрей стоялъ на дворѣ Поповкѣнѣ; въ среду на той же недѣли на ночь ослѣпиша князя в. и отослаша его на Углече Поле и съ его княгинею, а матерь его, в. княгиню Софью

послаша на Чюхлому... (Ослѣпиша его про сію вину: »чему еси Татаръ привелъ на Рускую землю, и городы далъ еси имъ и волости подавалъ еси въ кормленіе? а Татаръ любишь и рѣчь ихъ паче мѣры безъ милости, а злато и сребро и имѣніе даешь Татаромъ«; а и за тотъ гнѣвъ, ослѣпилъ бѣ брата Дмитріева Юрьевича кн. Василія (Косаго). И сѣде на вел. княженіи кн. Дмитрій Юрьевичь на Москвѣ).

(П. С, Лът. VIII, 115—117; IV, 125—126).

314. Посланіе м-та Іоны Вятчанамъ ок. 1452 г.

Отъ Іоны, м-та кіевъскаго и всея Руси, на Вятку и въ всю вятъскую землю воеводамъ земьскымъ Якову Пугвину и Оникею и Юрью Алексѣевымъ Мышкина, и всѣмъ ватаманомъ, и подвойскымъ, и бояромъ, и купцемъ, и житьимъ людемъ и всему нарицающемуся именемъ христіяньству тамошнія земля. Невѣмы убо, како васъ нарещи: зоветесь именемъ христіяне, а живете дѣлающе злая горше нечестивыхъ, ни по христьяньству, ни по крестному цѣлованью, ни по божествьному писанію православныя истинныя христіяньскыя вѣры; св. сборную и апостольскую церковь рускыя митрополія обидите и законы церковные старые разоряете, а за вся своему господарю в. князю грубите и приставаете къ его недругу, и издавна, и съ поганьствомъ съединяющесь, и съ отлученнымъ отъ божья церкве съ кн. Дмитріемъ съ Шемякею приходили есте многажды на в. князя вотчину, на Устюгъ, на Вологду, на Галичь, а черезъ крестное цѣлованье, цѣловавъ животворящей крестъ у кн. Дмитрія Ивановича у Ряполовьского, у Глѣба у Семенова трижды крестъ цѣловавъ, у Олександра у Мякинина двожды крестъ цѣловавъ, на в. князя добро, да то крестное цѣлованье забывъ, да зався измѣняюще, и христіяньство губите, и съ тѣми христіяньскыми губители и сами собою вотчину его воюете безпрестанно, христіяньство губите убійствомъ и полономъ и грабленіемъ, и церкви божьей разоряете и грабите вся церковная священная приходія, кузнь и книгы и колоколы, и вся творите злая и богомерьзская дѣла, якоже погании. И нынѣ ново, сими часы, воевали есте в. князя вотчину, Сысолу и Вымъ и Вычегду, да людей есте православного христіянства много перемучили, переморили, а иныхъ въ воду пометали, а иныхъ въ избы и въ хоромы насажывая, мужей, старцевъ и малыхъ дѣтокъ, безчислено пожигали, а иным очи выжигали, а иныхъ младенцовъ на колъ сажая умертвяли, подобяся злочестивому губителю и христіяномъ убійцѣ Ироду; а полону есте взяли болѣ полуторы тысячи душь, да который нынѣ себѣ держите, а иныхъ въ поганьство продаете и въ дары даете; да отъ того своего злаго дѣла не престанете, а своему господарю в. князю зався грубите, а челомъ ему за свою грубость не бьете. Но какъ Богъ своимъ милосердіемъ положилъ на сердцѣ в. господарю, в. князю, васъ еще жаловалъ, а и нашего смиренія послушалъ, какъ есмь его богомолецъ о васъ молилъ его съ многыми слезами, и съ молбою, и съ благословеніемъ, по своему святительскому долгу: и в. господарь, в. князь и до сѣхъ мѣстъ вамъ терпѣлъ, васъ не казнилъ, ожидая отъ васъ вашего челобитья и покаянія, отъ злаго вашего дѣла престать; ино отъ васъ такы нѣтъ управленія. И язъ, его богомолець, уже то конечное, послалъ есмь къ вамъ сего сво его старца, кинешемскаго игумена Нафона, съ сею своею управою и кроткою грамотою и съ своими рѣчми, васъ жа-

луя, чтобы есте отъ своего злаго дѣла престали, а своими бы есте душами непогыбли и нынѣ временно, а въ будущемъ ономъ вѣцѣ не были есте въ безконечной оной муцѣ: церковь бы есте божію держали по христіяньству по старинѣ честно, а господарю бы есте своему, а нашему сыну в. князю, за свою злую створенную къ нему грубость, челомъ добили; а грабежи бы есте церковные отдавали, и полонъ бы есте весь отпущали безхитростно, а по сы бы есте часы отъ своего злаго дѣла престали. И послушаите, ино еще на васъ будетъ милость божія и нашего смиренія благословеніе, а в. господаря в. князя жалованье, по вашему къ нему исправленію; а не послушаете насъ, а своему господарю в. князю челомъ не побіете и къ нему не исправитесь въ всемь безъ хитрости, ино небудетъ на васъ милость божія и пречистыя его Богоматере и всѣхъ святыхъ молитвы, и нашего благословенія, и нынѣ и въ вся безконечныя вѣкы; а та кровь христіяньская вамъ отольется, то вамъ все отъ себя прійдетъ. А рѣчми своими, съ симъ своимъ старцемъ, то же есмь къ вамъ приказалъ...

(*А. Истор. I, № 261.*

315. Усмиреніе Новгорода Московскимъ княземъ.

Тое же зимы (1456) м. генваря 19 въ понедѣльникъ, князь в. Василей Васильевичь за неисправленіе Новгородець поиде на Новгородъ В. и бывшу ему на Волоцѣ, и ту пріидоша къ нему братія его, и вси князи его и воеводы съ множествомъ воинства, а изъ Новагорода на Волокъ же прiйде къ нему посадникъ Василей Степановъ съ челобитьемъ, чтобы князь в. пожаловалъ на Новгородъ не шелъ, а гнѣвъ свой отложилъ; и непріатъ князь в. челобитіа ихъ, но поиде на нихъ. Пришедъ же въ землю новгородскую и отпусти князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и Феодора Басенка на Русу; они же тамо пришедше многое множество богатства взяша, понеже бо неуспѣша выбѣжати люди сущіи тамо, ниже товара вывести или похоронити гдѣ и съ тою многою корыстію вся люди своя впередъ себе отпустиша, а сами главами своими воеводы и дѣти боарскіе съ малыми людми, безъ коихъ нелзѣ быти имъ, по осташяся, выпустивъ своихъ подалѣ, за ними же поитти назадъ къ в. князю. И тогда бысть вѣсть имъ, а и сами видяху, что идетъ на нихъ отъ Новагорода рать велика, 5 тыс. ихъ бяху, а сихъ до дву сотъ не осташяся; видѣвше же устрашишяся, потомъ же начаша глаголати межь собою: »что сътворимъ? аще не поидемъ противу ихъ битися, то погибнемъ отъ своего государя в. князя, понеже корысть взяхомъ и воа съ тѣмъ отпустихомъ; но лучши помремъ съ ними за правду своего государя, а за ихъ измѣну«, и поидоша противу ихъ; бысть же плетень межь ихъ и суметы снѣжные велики, и не бѣ имъ лзѣ вмѣсто снятися. Вои же в. князя видѣвше крѣпкіи доспѣхы Новгородцевъ и начаша стрѣлами бити по конемъ ихъ, кони же ихъ яко възбѣснѣша и начаша метатися подъ ними и съ себе сбивати ихъ; они же незнающе того бою яко омертвѣша и рукы имъ ослобѣша, копіи же имяху дълга и неможаху и възнимати ихъ тако, яко же обычай есть ратнымъ, но на землю испущающе ихъ, а конемъ бiющемся подъ ними, и тако валяхуся подъ кони свои, немогуще съдръжати ихъ; и сбысться реченное пророчьское слово надъ ними, глаголющее: »ложь конь въ спасеніе, въ множествѣ силы своеа не спасется«! И тако въскорѣ побѣгоша гоними гнѣвомъ божіимъ, и множество же ихъ избіено бысть,

а иніи поимани; тогда поиманъ бысть посадникъ ихъ болшой Михайло Туча, а убьенъ Есипъ Носовъ и иніи мнози, а поиманныхъ не много бысть того ради, нѣкому было ихъ имати, понеже бысть мало воинства в. князя; гониша же ся воеводы в. князя и воинство, иже съ ними, біюще и грабяще и въ плѣнъ ведуше, и тако възвратишяся и пріидоша къ своему государю в. князю здрави вси. А Новгородцы прибѣгоша въ Новгородъ, повѣдаша бывшее надъ собою, и бысть въ Новѣгородѣ скорбь и туга и плачь многъ о избіенныхъ, и плѣненныхъ и о своей измѣнѣ къ в. князю. По обычаю же своему начаша звонити въ вѣчный колоколъ, и снидеся весь градъ на вѣче то, посадники и тысячскіе и прочіе вси людіе, и неимѣюще, что млъвити, но смутишяся и въсколебашася яко піаны и имая глаголаше, такоже вси умысливше начаша бити челомъ архіепископу своему Евѳимію, чтобы шедъ молилъ в. князя, да помиловалъ бы отчизну свою и отвратилъ бы ся отъ гнѣва ярости своеа чтобы до конца не погибли есмы за свою измѣну къ нему, господину своему в. князю. Архіепископъ же, видя людіе въ бѣдѣ сущихъ, и рече къ нимъ: »дѣти мои! за ваше неисправленіе не мощно ми есть ни на очи пріити господина моего в. князя за ваше преступленіе, а за свое съгрѣшеніе; но милостивъ есть, иду молити его, да отдасть намъ зло сіе, еже не токмо измѣна наша къ нему, но и руку вашу поднясте противу его«. И тако поиде къ в. князю, а съ нимъ посадници, и тысячскіе и люди житьи, по своему имъ обычаю; архіепископъ же Евѳимій пріиде къ в. князю, и начатъ челомъ бити и молити его за его отчину за Новгородъ, а преже бивъ челомъ и братіи его и боаромъ. Князь же великій послуша моленіа богомолца своего архіеп. Евѳиміа, и братіа своеа и боаръ своихъ, и тѣхъ Новгородцевъ, которые пришли съ архіепископомъ, пожалова ихъ, а за свою истому взя у нихъ князь в. 10,000 р. новгородцкимъ серебромъ, опричь братіи боаръ своихъ, и посла боаръ своихъ въ Новъгородъ и приведоша весь Новгородъ къ цѣлованію, что имъ быти у него въ послушаніи, а его лиходѣевъ, измѣнниковъ, у себе не дръжати; и тако възвратися князь в. на Москву.

(П. С. Лѣт. VIII, 145—147).

О внутреннихъ раздорахъ въ Новгородѣ см. статью: »Вліяніе владыки 1418 г.« О борьбѣ областей, см. договорныя грамоты въ отдѣлѣ администраціи и въ отдѣлѣ юридическомъ.

Б. ПРЕДАНІЯ И БЫЛИНА.

316. Сказаніе о началѣ Москвы.

Почему было бы на Москвѣ царствомъ быти, и кто зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти; были на семъ мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ села красныя хорошаго болярина Кучка Степана Ивановича, болярина же того были два сына вельми красны. И свѣда про нихъ князь Даніила Александровичъ Невскаго, и нача просити у Кучка болярина дву сыновъ его къ себѣ во дворъ съ великимъ преніемъ, и глагола ему: »аще не даси сыновъ своихъ мнѣ

во дворъ и азъ на тя войною пріиду и тебе мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ пожгу». И бояринъ Кучко убояся страха князя Даніила суждальскаго; и отдадѣ сыновъ своихъ обоихъ князю Даніилу суждальскому. И князю Даніилу полюбишася оба Кучкова сына; и нача ихъ князь Даніилъ любити и жаловати, и пожаловалъ единаго въ стольники, а другаго въ чашники. И полюбишася тѣ два юноша Даниловѣ княгини Улиты Юрьевны, и уязви ю врагъ на тѣхъ юношъ блудною яростію, возлюби бо красоту лица ихъ, и діаволимъ разженіемъ смѣсися любезно, и умыслиша они со княгинею, како бы имъ предати князя Даніила смерти и начаша звати князя Даніила въ полѣ ѣздити, утѣшенія ради смотрѣти звѣрска уловленія заецевъ.

И бысть ему на поли, и егда поѣхаша въ дебри, и начаша они Кучковы предавати его злой смерти; князь же Даніилъ ускочивъ отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу лѣса; и бѣжа отъ нихъ подлѣ Оки рѣки, оставя коня своего. Они же зліи человѣцы и убіицы, аки волцы лютіи напрасно хотяху восхитити его, и сами быша во ужасѣ мнозѣ, искавше его и не обрѣтоша, но токмо нашедше коня его. Князь же добѣжавъ съ нуждою до перевозу, и не имѣя что дати перевознику за перевозъ, но токмо бѣ у него на рукѣ перстень златый, и той перстень дая перевознику; перевозникъ же глаголаше: «лихи дѣ вы люди, оманчивы, какъ дѣ васъ перевезу рѣку, и вы не давъ ничего, такъ и уходите»; а не познавъ его, что онъ князь Даніилъ Александровичь; онъ же обѣщался ему той златый перстень дати. Перевозникъ же пріѣхавъ близъ брега з другія страны Оки рѣки, и бывъ противъ князя и протяжѣ весло князю и рече: «подай перстень на весло, и азъ тя перевезу»; князь же Даніилъ, мнѣвъ его яко правдива человѣка, и мня яко не солжетъ, и возложи ему на весло перстень свой златый. Перевозникъ же той взявъ на веслѣ отъ князя перстень къ себѣ и отторжеся отъ брега. Князь же Даніилъ побѣже подлѣ Оки рѣки, бояся за собою гонившихъ людей, и прейде день той къ вечеру, и не имѣя гдѣ прикрытися,—пусто бо мѣсто бѣ въ дебри,—и по прилучаю найде той дебри струбецъ малъ стоящъ, подъ нимъ же погребенъ бысть ту нѣкоторый мертвый человѣкъ, князь же влѣзъ въ струбецъ той, закрыся въ немъ, забывъ страхъ отъ мертвыхъ, и почи тое нощь темную до утрія.

Сынове же болярина Степана Ив. Кучка быша въ сѣтованіи и въ печали и въ скорби велицей, что упустиша князя Даніила жива отъ рукъ своихъ ранена; и пріидоша въ раскаяніе и рѣшавъ себѣ: «лучше бы намъ было и не мыслити надъ княземъ таковаго дѣла смертнаго; понеже убѣжа отъ насъ раненъ во градъ Владиміръ къ брату своему Андрѣю Александровичу, и будетъ намъ отъ нихъ принять злая казнь и смерть различная и лютая, такожде княгини Улиты повѣшеной быти».

И злая княгиня Улита, наполни ю діаволъ сердце злыя мысли на мужа своего князя Даніила Алекс. аки лютую змію, и распалися сотаинымъ навожденіемъ блудныя похоти. Возлюбивъ бо окаянная мало добрыхъ наложниковъ Кучковыхъ дѣтей любовниковъ своихъ, и повѣда имъ вся тайны мужа своего, глаголя: «есть де у мужа моего песъ выжлецъ, и какъ де онъ князь Даніилъ ѣздитъ противъ враговъ своихъ на побоища на Татаръ или на крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ поѣзжая: егда де я отъ Татаръ убіенъ буду, или инымъ какимъ случаемъ пріидетъ смерть мнѣ безвѣстная, или на бою въ трупѣхъ человѣческихъ сыскати и познати мя не мощно; и ты пошли на взысканіе дворянъ своихъ съ тѣмъ псомъ моимъ, и вели имъ пустити того пса передъ собою проста, а самимъ ѣхати за псомъ; и той песъ взыщетъ мя неложно, и тѣло мое будетъ лизать радостно».—И наутріи княгиня Улита, давъ того пса любовникамъ своимъ и приказываетъ: «гдѣ князя Даніила обрящете, тамо его смерти предайте». Они же зліи убійцы, злаго тоя злоядницы княгини Улиты наполнившася, и вземше пса поѣхаша на то мѣсто, гдѣ хотеша князя смерти предати; и съ того мѣста пса пустиша напредь себя, той же песъ бѣжа предъ ними, они же за нимъ скоро ѣхаша. И бѣжавъ песъ по брегу Оки рѣки, и набѣжавъ оный струбецъ, гдѣ хоронился князь Даніилъ; увѣдавъ песъ князя Даніила, и нача шіею вертѣти и махати радуяся ему: тѣмже искоміи его увидѣвше пса радующася и хвостомъ машуща; и скоро скочивше скрываютъ струбецъ, и обрѣтъ ту князя Даніила Александровича, и скоро смерти предаютъ, мечи и копіи прободоша ребра ему и главу отсѣкоша его, и паки въ той струбецъ покрыша тѣло его.

Благовѣрный князь Даніилъ бысть 4-й мученикъ, пріятъ мученическую смерть отъ прелюбодѣевъ и жены своея. Въ первыхъ мученики Борисъ и Глѣбъ и Святославъ убіены быша отъ брата своего окоаннаго Святополка, рекомаго Поганополка; тако и сіи Кучковы дѣти пріѣхаша во градъ Суждаль и привезоша ризу кроваву князя Даніила и даша ю княгинѣ Улитѣ, и живяху съ нею въ томъ же прелюбодѣяніи беззаконномъ по прежнему. Не скоро же убо ходитъ вѣсть во Владиміръ градъ ко князю Андрѣю Александровичу, что сотворися таковое убійство надъ братомъ княземъ Даніиломъ Александровичемъ.

Сыну же князю Ивану Даниловичу, внуку Александрову, оставшуся младу сущу, токмо яръ и лютъ бысть, и пріяхъ отъ рожденія его, именемъ Давыдъ Тудермивъ. По смерти же Даніиловѣ, пришедше уже два (мл-

лица?), и сжалися той вѣрной слуга Давыдъ о сынѣ князя Іоаннѣ Даниловичѣ, и взятъ его отай нощію, и паде на конь и гнавъ съ нимъ скоро ко граду Владиміру ко князю Андрѣю Александровичу къ дядѣ его, и сказа вся слуга той по ряду, что сотворися во градѣ такое злое убійство надъ братомъ княземъ Даніиломъ.

Князь же Андрѣй сжалися по братѣ своемъ, яко же князь Ярославъ Владиміровичь по братіи своей Борисѣ и Глѣбѣ, и собра на окаяннаго злаго убіицу своя войска, и Бога себѣ въ помощь призва, ратію отмстивъ кровь братню праведныхъ своихъ Бориса и Глѣба и Святослава и побѣди окаяннаго Святополка. Тако же и сей новый Ярославъ князь Андрѣй Ал. прослезився гордѣ по братѣ своемъ, князѣ Даніилѣ суждальскомъ, и воздѣвъ руцѣ свои на небо, и рече со слезами: «Господи владыко, творче всѣхъ и содѣтелю, отмсти кровь праведнаго Бориса и Глѣба, князю Ярославу на окаяннаго Святополка, тако Господи владыко, отмсти кровь сію неповинную мнѣ, грѣшному, брата моего князя Даніила сихъ злыхъ блудниковъ и наложниковъ тоя блудницы... Святополкъ бо окаянный братоубійство сотвори, очи его зліи прельстишася, несытіи сребра и злата и имѣнія многаго, власти и царствія его восхотѣ на единъ часъ насладитися, а небеснаго царствія во вѣки отпаде и во днѣ адовѣ во вѣки мученіе воспріятъ. Тако и сія скверная и несытая блудница, княгиня Улита блуднаго скверненія, похоти несытства на единъ часъ насладися, и не токмо небеснаго царствія лишися, но сего свѣта власть отринувъ, и возлюби скверну злую, блудную похоть, и уготовися діаволу невѣста и (окоянному Святополку) во днѣ адовѣ отъ сатаны законъ воспріятъ и вѣчное мученіе наслѣдова».

Собра князь Андрѣй во градѣ Владиміръ войска своего 5,000, и пойде во градъ Суждалъ, и слышаху во градѣ Суждальцы и боярина Степана Ив. Кучка дѣти, что идетъ на нихъ изъ Владиміра града князь Андрѣй съ войскомъ, и объятъ ихъ страхъ и трепетъ, что напрасно проліяша кровь неповинную; и не возмогоша они стати противъ князя Андрѣя ратоватися, и бѣжаша ко отцу своему, боярину Степану Ив. Кучку. Князь же Андрѣй съ воинствомъ пришедъ въ Суждаль градъ; суждальцы же не противившася ему, глаголюще: «мы бо не совѣтницы на смерть государя своего, и не приложихомся убити брата твоего князя Даніила; но вѣмы яко жена его злую смерть умыслила съ любовниками своими Кучковичи, и мы можемъ тебѣ пособствовати на тѣхъ злыхъ измѣнниковъ. Князь же Андрѣй повелѣ княгиню Улиту поимать и казнить всякими муками, и преда ю лютой смерти, понеже она злая таковая безстудная дѣла содѣла, и не устрашися Бога содѣтеля, и вельможъ и великихъ людей не устрамися, и отъ добрыхъ женъ укоризны и посмѣху не постыдѣся, своего мужа злой смерти предаде, и сама окаянная злую тую смерть пріяла. И собравши суждальцы 3,000 войска князю Андрѣю Ал. въ помощь, и пойде князь со всѣмъ воинствомъ на боярина Степана Ив. Кучка, и не бысть у Боярина Кучки кругъ красныхъ его селъ ограды каменныя и острога деревяннаго и не возможе Кучко боярину противъ князя Андрѣя боемъ битися, и вскорѣ князь Андрѣй всею силою на приступъ ѣмлетъ села и слободы красныя и самаго Кучка боярина и съ его дѣтьми въ плѣнъ и повелѣ ихъ оковати желѣзы крѣпкими, и потомъ казни боярина Кучка и зъ дѣтьми его всякими казньми различными, въ лѣто 6797 (1289), марта въ 17 день. И князь Андрѣй Ал. отмсти кровь брата своего, побѣди боярина Кучка и злыхъ убійцовъ, иже убили князя Данила, и все имѣніе ихъ и богатство разграбивъ, а селъ и слободъ красныхъ не пожегъ, а препочи ту. Наутріи же восставъ и посмотрѣвъ по всѣмъ краснымъ селамъ и слободамъ, и вложи Богъ въ сердце князю Андрѣю на томъ мѣстѣ градъ поставити; видѣ бо мѣсто прилично, еже граду быти, и воздохнувъ изъ глубины сердца своего, и воздѣвъ руцѣ на небо, и рече молитву со слезами: «Боже вседержителю, творче всѣмъ и создателю! Прослави мѣсто сіе и подаждь помощь желанію моему устроити градъ и создати св. церкви».

И оттолѣ князь Андрѣй сядетъ въ красныхъ тѣхъ селахъ и слободахъ нача жительствовати; а во градѣ Суждали и во Владиміръ посаждая державствовати сына своего Георгія, а племянника своего братня сына Іоанна Даниловича къ себѣ взявъ, и воспитавъ его до возраста въ добромъ наказаніи.

Той же благовѣрный князь Андрѣй Ал. воздвиже церковь древяну пресв. Богородицы честнаго ея благовѣщенія невелику сущу, и Бога въ помощь себе призывая и пречистую его Богоматерь, такожде повелѣ и градъ основати около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ и именованіе граду тому положи *Москва*; пособствоваша Суждальцы и Владимірцы и Ростовцы и вси окрестніи.

И тако сотвориша и состроиша градъ въ лѣто 6799 (1291) іюля мѣсяца въ 17 день, на память св. мученика Пантмеймона, и оттолѣ нача именоватися градъ Москва. Поживе же той благовѣрной князь Андрѣй во градѣ Москвѣ, и устрои божія церкви многи, и преставися въ лѣто 6813 (1305); оставляетъ градъ Москву и приказываетъ державствовати племяннику своему князю Ивану Даниловичу. Сыну же Андрееву Георгію, нарицаемому Юрью суздальскому и владимірскому, преставльшуся прежде смерти отца своего Андреи московскаго единымъ лѣтомъ. Но токмо у него наслѣдникъ по немъ

сынъ его Дмитрій, еще бо ему младу сущу, яко 4 лѣта и двою мѣсяцъ.

(Пѣсни Рыбникова IV, LIX. Временникъ 1855 г., кн. XL).

При всей нелѣпости главнаго содержанія, это сказаніе представляетъ много подробностей очень замѣчательныхъ, которыя довольно живо рисуютъ бытъ древней сѣверовосточной Руси, и во многомъ объясняютъ разные намеки обо этомъ предметѣ, встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ. (См. Убіеніе Андрея Боголюбскаго). Этимъ подробностямъ въ отношеніи къ древнему быту мы можемъ довѣрять; ибо преданіе, искажая иногда главное содержаніе, всегда сохраняетъ форму подробностей, старую обстановку событій и особенно дорожитъ ими.

317. Пророчество о Москвѣ святителя Петра.

Божій человѣкъ пресвященный м-тъ великій чудотворецъ Петръ, прохожаше многи грады и веси, якоже обычай имяше поучати Богомъ порученное ему стадо, въ преславномъ же градѣ Москвѣ начатъ пребывати больши инѣхъ градовъ. Видяше бо въ немъ благочестія держателя сего благолюбиваго в. кн. Ивана Даниловича, православіемъ сіяюща, и богоугодно живуща, и всякими добрыми дѣлы украшена, и милостива до нищихъ, и честь велію подавающа служителѣмъ св. божіихъ церквей и тѣхъ ученію внимающа, его же зѣло отъ душа возлюби великій чудотворецъ Петръ, съ нимъ же часто бесѣдуя, и мудрствуя о всѣхъ благихъ и полезныхъ душевныхъ же и тѣлесныхъ, еще же совѣтъ благопотребенъ предлагая ему, и пророчествуя глаголаше: »О боголюбезнѣйшій и в. княже! аще совѣта моего, сыну! послушаеши, и во градѣ своемъ Москвѣ соборную церковь каменну поставиши во имя пречистыя Богоматери, и тебѣ самаго иматъ Богъ благословити и прославити наче инѣхъ князей, и разпространити градъ сей паче инѣхъ градовъ, и имя Его святое сугубо прославится въ немъ, и не оскудѣютъ Державніи отъ сѣмяни твоего, обладая и царствуя мѣстомъ симъ въ роды и роды и во вѣки, изыдутъ руки ихъ на плещу враговъ ихъ, еще же и святители поживутъ въ немъ, паче же и моя кости здѣ имутъ положени быти«.— Сія убо словеса в. князь отъ учителя съ радостію великою пріемъ, и честь велію воздавая отцу своему, и бяше всегда посредѣ обоихъ веселіе духовное, и вся потребная ко церковному зданію готовляху. Къ симъ же еще чудно сказаніе мнози въ повѣстѣхъ обносятъ, сице глаголюще: яко бысть нѣкогда сему христолюбивому в. кн. Ивану Данііловичу по нѣкоему прилученію ѣздящу ему на конѣхъ близъ рѣки Неглимны, идѣже нынѣ есть монастырь, именуемый Высокій, въ немъ же церковъ во имя чудотворца Петра, и внезапу зрить в. кн. на томъ мѣстѣ гору высоку и превелику, и верьхъ горы тоя бяше вельми снѣженъ. Сіе видѣніе зря и дивися и сущимъ съ нимъ вельможамъ своимъ рукою показуя, и вси недоумѣвахуся о не обычной горѣ, и абіе видяху снѣгъ, иже верьху горы, вскорѣ невидимъ бысть, потомъ же надолзѣ смотряющимъ имъ и гора высокая и привеликая невидима бысть.—Вся же сія возвѣщена бысть отъ в. князя божію святителю Петру; святый же паки пророчествуя глаголаше: »Разумно да будетъ ти, о чадо! яко гора высокая и превеликая, юже видѣлъ еси, подобіе образуетъ твоего благородія высочайшихъ добродѣтелей исправленіе, и богомъ дарованнаго ти отеческаго скипетродержанія крестоносныя хоругви рускаго царства величества; горы же оныя снѣжный верхъ близъ являетъ моего житія скончаніе, яко же снѣгъ, иже на горѣ, скоро скрыся отъ очію твоею, надолзѣ же сихъ сматряющу ти и гора невидима бысть: таковымъ образованіемъ мнѣ преже тебѣ житія сего отъити есть, потомъ же и ты, яко гора высока превелика, богоугодно и доволно царствовавъ, и яко доброплодная маслина благородная чада породивъ, и въ добрѣ наказаніи воспитавъ, и потомъ егда услышиши старца къ тебѣ пришедша, и тогда уразумѣеши и ты добраго ти житія свершеніе теченія и къ Богу отшествіе«.—Великій же князь Иванъ Даниловичъ внимаше умомъ словеса сія, сугубо умиленіе стяжа, и всегда необычна старца пришествія ожидаше, вся бо, яже глагола святый, Богъ же дѣломъ исполняя, и донынѣ пророченія его сбываху...

(Степ. кн. издан. Миллеромъ 1775 г. ч. I, стр. 404—405).

318. Василій Буслаевичъ.

Во славномъ великомъ Новгородѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Мамелѳа Тимоѳеевна,

И осталося чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васенька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая
Учить его во грамотѣ,
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣнью учить церковному,
Пѣнье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ
Супротивъ Василья Буслаева.
Повадился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, со безумницы,
Съ веселыми удалыми добрыми молодцы,
До пьяна ужъ сталъ напиватися;
А и ходитъ въ городѣ, уродуетъ:
Котораго возметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ—реветъ, окорачь ползетъ.
Жалуются васенькиной матушкѣ.
Матушка журитъ молодца;
Журьба Васькѣ не взлюбилася.
Садился Васька на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты:
»Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Вались къ Васькѣ на широкій дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное«.
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частыя переулочки.
Въ тоже время поставилъ Васька чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли къ Васькѣ на широкій дворъ
Ко тому чану, зелену вину.
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ, Костя, на широкій дворъ.
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,—
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинца чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ.
Стоитъ тутъ Костя, не шевельнется.
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
»Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названой братъ,
И паче мнѣ брата родимаго.«

Такъ Василій набралъ себѣ дружину изъ 29 молодцовъ—самъ тридцать.

Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
»Гой еси вы, мужики новогородскіе!

Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися
Со всею дружиною храброю;
Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи;
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же дань«.
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.

Начинается бой—Василій съ дружиною такъ и истребляетъ Новгородцевъ. Они жалуются опять Васильевой матушкѣ; Мамелфа Тимофеевна сажаетъ его въ глубокій погребъ. Тогда Васильеву дружину начинаютъ одолѣвать Новгородцы. Видя это, дѣвушка чернавушка выпускаетъ Василья изъ погреба; схвативъ тележную ось, онъ бросается на помощь своимъ,—мужики новгородскіе опять такъ и валятся. Снова просятъ они васильеву матушку, чтобъ уняла свое чадо милое.

Она посылаетъ ихъ къ Васильеву крестовому батюшкѣ—старику пилигримищу, живущему въ монастырѣ Сергіевскомъ.

Старчище Пилигримище сокручается,
Сокручается онъ, снаряжается
Ко своему ко крестнику любимому:
Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ,
И пошелъ ко мостику ко Волховскому
Со тыми князьями новогородскими.
Приходитъ на мостикъ на Волковскій,
Прямо ему во ясны очи,
И говоритъ ему таковы слова:
»Ай же ты, мое чадо крестное!
Укроти свое сердце богатырское,
Оставь мужичковъ хоть на сѣмена«.—
Богатырское сердце разъярилося:
»Ай же ты, крестный мой батюшка!
Не далъ я ти яичко о христовомъ дни,
Дамъ тебѣ яичко о петровомъ дни«!
Щелкнулъ какъ крестнаго батюшку
Тою осью желѣзною,—
Отъ единаго удара Васильева
Крестовому батюшкѣ славу поютъ...
Тогда государыня его матушка
Одѣвала платьица черныя,
Одѣвала шубу соболиную,
Полагала шеломъ на буйну голову,
И пошла Мамелфа Тимоѳеевна
Унимать своего чада любимаго.
То выгодно собой старушка догадалася,—
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его,
И пала на плечи на могучія:
»Ай же ты, чадо мое милое,
Укроти свое сердце богатырское,
Не сердись на государыню на матушку,

Уброси свое смертное побоище,
Оставь мужичковъ хоть на сѣмена«.
Тутъ Василюшка Буслаевичъ
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на матерь на сыру землю:
»Ай ты, свѣтъ государыня матушка,
Умѣла унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня.
А ежели бъ ты зашла впереди меня,
То ие спустилъ бы тебѣ, государинѣ матушкѣ,
Убилъ бы за мѣсто мужика новгородскаго«.
И тогда Василюшка Буслаевичъ
Оставилъ тое смертное побоище,
Оставилъ мужиковъ малу часть,
А набилъ тѣхъ мужиковъ, что пройти нельзя.

(Пѣсни Рыбникова I, 348—351).

См. Сказ. рус. нар. I, 16—17.

Былина о Василіѣ Буслаевѣ отлично характеризуетъ внутреннія смуты Новгорода и борьбы бояръ съ новгородскими мужиками. Старикъ Буслай прожилъ 90 лѣтъ и поперегъ словечка не говаривалъ мужикамъ; за то оставилъ большое имѣніе дворянсковъ. Но вотъ сынъ его Василій подобралъ себѣ компанію удальцовъ и пьяницъ и сталъ уродовать встрѣчнаго и поперечнаго, а потомъ вступилъ въ открытый бой съ мужиками новгородскими. Былина какъ бы хочетъ выразить, что бояре въ старое время въ Новгородѣ не имѣли такой силы, какъ позже, и не старались забирать въ руки низшее населеніе; но вотъ съ развитіемъ боярскаго элемента болѣе и болѣе возникали внутреннія смуты въ Новгородѣ и борьба оканчивалась не въ пользу низшаго класса народа. Эти то раздоры и положили конецъ вольности Новгорода.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

319. Взглядъ на древне-русскую жизнь.

»Богъ, говоритъ одинъ великій историкъ, Богъ держитъ въ рукѣ своей бразды всѣхъ царствъ, и всѣхъ сердца въ десницѣ Его. Иногда Онъ воздерживаетъ страсти, послабляетъ имъ, и возмущаетъ родъ человѣческій. Угодны-ли волѣ Его завоеватели?—Онъ ниспосылаетъ имъ своего духа мудрости и предвѣдѣнія, воспящающаго бѣдствія государствъ, и крѣпящаго основы общественнаго благотишія. Онъ вѣдаетъ мудрость человѣка, близорукую во многомъ и просвѣщаетъ ее, дѣлаетъ дальновидною или предоставляетъ ее собственному ея невѣдѣнію, ослѣпляетъ, движетъ на гибель и губитъ ее ею самою: она запутывается, сбивается въ своихъ собственныхъ хитростяхъ, и уловляется самою своею предосторожностью. Таковы средства, коими исполняются невѣдомыя судьбы Бога. Онъ готовитъ дѣйствія въ причинахъ самыхъ отдаленныхъ; Онъ поражаетъ царства великими ударами, отраженіе коихъ разливается столь обширно. Когда погибнуть царству, все дѣлается слабо и нестройно въ его совѣтахъ«.

Посмотрите на начало Руси: какъ дивно воины Скандинавіи ведены были на югъ, черезъ моря и пустыни; какихъ смѣлыхъ дѣйствователей посылало имъ Провидѣніе; какъ оно давало имъ средства положить *основаніе русскому народу*; какъ внушило оно честолюбивому Владиміру желаніе просвѣтиться христіанскою вѣрою, послало послѣ него долгодѣственнаго Ярослава, и отдѣлило міръ Востока въ зародышѣ маломъ отъ міра Запада, развивавшагося въ огромныхъ объемахъ!

Начало было положено. Самобытный Руссъ потекъ поприщемъ общественной жизни. Онъ не могъ уклониться отъ основныхъ законовъ человѣчества. Когда

религія истребляла язычество, и образовывала духъ народа, новый порядокъ правленія истребилъ феодализмъ, перенесенный изъ Скандинавіи, и сдѣлался условіемъ будущей судьбы Руссовъ. Пройдите мыслію столѣтіе послѣ Ярослава. Какія малыя, но вѣрныя причины, и какіе сообразные каждому времени дѣйствователи! Когда, кажется, все вело къ спокойствію—являлось новое препятствіе; когда мудрость человѣческая думала, что создала твердое и незыблемое—одна ошибка, одинъ ничтожный дѣйствователь, и все разлеталось въ обломкахъ. *Основаніе* находилось въ самомъ образованіи русскихъ княжествъ; *стихіи* въ политическомъ отношеніи одного княжества и одного рода князей къ другому княжеству, другому роду князей; *средства*, отъ коихъ кипѣли сіи стихіи—характеры князей. Прежде всего явились 3 князя, 3 брата, 3 врага: Изяславъ, можетъ быть, добрый по душѣ, но имѣвшій всѣ недостатки людей малодушныхъ; *Святославъ*, мужественный, но не знавшій союза совѣсти съ честолюбіемъ; *Всеволодъ*, робкій угодникъ, то Святослава, то Изяслава. Смерть двухъ другихъ братьевъ, Вячеслава и Игоря, дала имъ поводъ къ несправедливости. Первый шагъ былъ сдѣланъ, и Изяславъ заплатилъ за согласіе на обиду ближнихъ потерею престола. Смерть Святослава возвратила ему право его, но боязнь и мщеніе отразились въ бѣдствіяхъ и изгнаніи сыновъ Святослава. Надобно было, чтобы обдѣленные и оскорбленные племянники были люди, подобные *Володарю* и *Василько*, *Олегу* и *Роману*, *Борису* и *Давыду* (хотя и злодѣю, но мужу съ крѣпкою душею). Борьба ихъ съ дядями была неудача, но неудача только усилила взаимную ненависть. Изяславъ погибъ. Владиміръ Мономахъ, подъ щитомъ имени отцовскаго, умѣлъ стать противъ всѣхъ; но блестящія достоинства его помрачало холодное, своекорыстное честолюбіе. Законностью избранія Святополка онъ хотѣлъ добыть себѣ новое орудіе на враговъ, и не зналъ, что возводитъ на престолъ человѣка безъ души и безъ сердца. Затаивъ въ глубинѣ души сознаніе своей ошибки, когда смерть Святополка сняла позоръ съ трона великo-княжескаго, Мономахъ пожертвовалъ смиреніемъ властолюбію, сѣлъ на тронѣ отцовъ, каралъ, ничтожилъ противниковъ—было поздно: самобытность Новгорода, Галича, Черниговa, была уже неистребима! Едва умеръ Мономахъ, все созданное имъ упало при слабыхъ сынахъ его, Мстиславѣ и Ярополкѣ. Руссы привыкали уже къ мысли, что только родъ Всеволода долженствовалъ быть на великомъ княжествѣ, потому 25 лѣтъ они видѣли великихъ князей изъ сего рода. Но Всеволодъ Олеговичъ разрушилъ сіе повѣріе, умѣлъ завладѣть великимъ княжествомъ; держался на престолѣ; передавалъ его братьямъ. Въ тоже время родъ Мономаха раздѣлился. Законный наслѣдникъ, Вячеславъ, былъ добрый, но неспособный человѣкъ, отверженный отъ престола, кажется, самою волею отца; другой, Георгій Долгорукій, губилъ свои права странною нерѣшительностью, робостью, безпечностью. Третій представитель Мономаховичей, Изяславъ Мстиславичъ, былъ противоположенъ Вячеславу и Георгію, но не имѣлъ законнаго права. Дерзкою отвагою, ловкостью ума и силою руки, сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ погубилъ достоинства сана, въ то время дѣлами своими, показывая другимъ, что надобно было для успѣха въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Борьба Изяслава съ потомками Олега и съ Георгіемъ; странное лицо—Вячеславъ; безпрерывная мѣна удачъ и неудачъ между соперниками, сдѣлали наконецъ тронъ велико княжескій игрушкою князей, дружинъ ихъ, и даже народа, который не ожидалъ, не узналъ блага законной свободы, но съ

клеймомъ рабства буйствовалъ при каждой неудачѣ повелителей. Краткое княженіе Георгія было какъ-будто гранью, рѣзко отдѣлившею новый порядокъ политическаго быта Руси, изъ прежняго явившійся.

Совершенно отличенъ могъ-бы быть ходъ событій, если-бы Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ мирно соблюли совѣтъ отца; или Святополкъ, сынъ Изяслава, не былъ такъ ничтоженъ и черенъ душею; или дѣти Мономаха: Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, были подобны отцу своему; даже если бы Всеволодъ Олеговичъ не успѣлъ на время одолѣть Мономаховичей. По причинамъ маловажнымъ князья пятнали себя кровью ближнихъ, и въ то же время, въ минуты самыя рѣшительныя, важныя, мечъ убійцъ какъ будто притуплялся ..... Что ихъ удерживало?..... Есть Провидѣніе, есть судьбы Имъ предначертанныя! Кого въ семъ не убѣждаетъ исторія, тотъ недостоинъ ея великихъ уроковъ.

Новый порядокъ дѣлъ произошелъ отъ того, что съ униженіемъ достоинства великаго князя, въ борьбѣ за мечту власти, за право обладать благословенными городами Кіева, явилась самобытная жизнь частей. Здѣсь видимъ предметъ для наблюденій. Непонятная вражда русскихъ князей съ Полоцкомъ ослабила сію естественную преграду между Югомъ и Сѣверомъ, положила пустыню на мѣстѣ жилищъ, и какъ будто очистила мѣсто для жизни новаго народа, новаго государства, тутъ увидимъ *Литовцевъ*. Съ другой стороны, серпъ судебъ пожиналъ дикихъ обитателей приволжскихъ и придонскихъ: въ собственныхъ междоусобіяхъ, и въ войнахъ Руссовъ, гибли Половцы: отъ нихъ и отъ другихъ народовъ оставались только мелкія семена новыхъ поколѣній, очищалось обширное поприще чему-то грозному, чему-то страшному, темнѣвшему въ дали степей восточныхъ! Руссы безпрерывно ожидали представленія свѣта: не ему долженствовало наступить, но слѣдовало быть послѣднему изверженію изъ Азіи. Отъ смерти Георгія Долгорукаго протекло *нѣ болѣе вѣка человѣческаго до появленія Монголовъ*. Пережившаго сей вѣкъ ожидали *трудъ* и *болѣзнь*

Если здѣсь видимъ всюду какое-то разрушеніе, паденіе, въ то время посмотрите, какъ жизнь будущаго готовилась въ другихъ мѣстахъ, и не гасла, но живилась. Волынь, и потомъ Галичъ, долженствовавшіе быть оплотомъ Руси отъ могущества Венгріи и Польши, были управляемы князьями могущественными, сильными; такъ княжилъ Володарь, Василько, Владимірко и, достойный сынъ его, Ярославъ — *Осмомысли, подпиравшіе Угорскія горы желѣзными палками, заступавшіе путь королямъ, затворявшіе ворота отъ Дуная*. Если Черниговъ разрушался, будучи терзаемъ враждою съ Кіевомъ, въ то же время вражда сія возстановила Рязань, Муромъ, Курскъ, Новгородъ Сѣверскій, наконецъ Владиміръ Залѣскій, и отодвинула гнѣздо будущихъ событій на Сѣверъ, на крайней оконечности коего жизнію народной свободы кипѣли Новгородъ и Псковъ.

Повѣсть о второй половинѣ періода удѣловъ рѣшитъ намъ то, что кажется еще не яснымъ въ событіяхъ первой половины. Мы тамъ видимъ, ниспроверженіе, уже не великаго княжества,—оно пало съ смертію Мономаха,—но даже самаго мѣста, гдѣ оно существовало—Кіева, дотолѣ только для Половцевъ не бывшаго предметомъ благоговѣнія; видимъ, какъ разгаръ страстей довелъ до рѣшительнаго раздѣленія сѣверъ, югъ, всѣ части Руси, унизилъ характеръ однихъ до грубыхъ злодѣйствъ перваго времени Руссовъ, сдѣлалъ другихъ какими-то странствующими рыцарями удальства и чести, умалилъ души, истощилъ сердца, и довелъ всю Русь до кровавой бани очище-

нія... Если исторія есть бесѣда ума съ памятью, на развалинахъ царствъ и гробахъ народовъ, то справедлива ли послѣ сего унылая дума, тревожащая душу, при созерцаніи того времени въ *исторіи русскаго народа*, которое мы предпринимаемъ описывать? — Ужасенъ былъ праотцамъ нашимъ 1237-й годъ, предвозвѣщенный, какъ они думали, страшными небесными и земными чудесами и знаменіями; ужасны были и *два столѣтія*, за нимъ слѣдовавшія... *двѣсти лѣтъ* рабства, страха смертнаго, гибели въ прошедшемъ, безнадежности въ будущемъ! Чей умъ не поколебался-бы, сердце не содрогнулось бы, созерцая въ XIII, XIV и даже въ половинѣ XV вѣка судьбу Руси! Дивиться ли, послѣ сего, что праотцы наши, цѣлыми поколѣніями, отъ колыбели до гроба, неся тяжкія цѣпи рабства иноплеменниковъ, чуждыхъ родомъ, нравами, обычаями, отвратительныхъ по религіи и ужасныхъ дикою грозою владычества, наполнили преданія своего времени какою-то грустью безнадежности, какимъ-то отчаяніемъ, какимъ-то ужасомъ, выражающими состояніе души, подобное тому, въ которомъ бываютъ обитатели города, пораженнаго тлетворною язвою? Иго, наложенное иноплеменникомъ, всегда тяжко; но живые завидуютъ мертвымъ, если повѣлители—иноплеменники—варвары свирѣпые, чуждые самой начальной гражданской образованности, и въ дикой гордости почитающіе себя чѣмъ-то высшимъ противъ несчастнаго раба своего. Тогда нѣтъ мѣры скорби и позору, для людей подвластныхъ имъ.

Но, мы потомки отстрадавшихъ праотцевъ, съ безстрастіемъ разсматриваемъ прошедшіе вѣка ихъ, соболѣзнуя сердцемъ бѣдствіямъ отцовъ нашихъ, въ тоже время должны созерцать бытіе предковъ съ другой точки зрѣнія.

Та же *необходимость* событій, какая раскрывается передъ нами въ удѣльномъ періодѣ, раскроется для насъ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ періодѣ монгольскаго владычества надъ землями русскими. Онъ былъ необходимъ, сей періодъ, необходимъ по таинственнымъ судьбамъ Провидѣнія, для того, чтобы пережившъ оный, Русь явилась *самобытнымъ государствомъ* въ ряду другихъ государствъ. Изображая періодъ удѣловъ, и находя, что сущность его заключается въ развитіи общественности по дикимъ странамъ сѣвера, мы видѣли въ событіяхъ какое-то распаденіе цѣлости народной, какое-то стремленіе частностей къ самобытному образованію. Въ періодѣ владычества монгольскаго найдемъ совсѣмъ другой порядокъ дѣйствій: мы увидимъ, какъ объятыя внезапною бурею бѣдствій, и залитыя потоками крови, самобытныя частности станутъ исчезать постепенно; какъ въ одномъ мѣстѣ дѣйствій сохранится остатокъ древней Руси, какъ все будетъ потомъ стремиться къ сему остатку прежняго, или лучше сказать, къ сему зародышу новаго; какъ Провидѣніе явитъ тамъ людей сильныхъ духомъ, какъ всѣ прежнія частности Руси постепенно будутъ ими соединяемы, и, по глаголу Бога, раздѣлятся воды отъ суши и будетъ свѣтъ, возстанетъ изъ мелкихъ *русскихъ княжествъ* великое *Россійское государство*.

Не унывать, но поучаться должно человѣку, созерцая такое дивное устройство судебъ божіихъ, и тѣмъ поучительнѣе подобное зрѣлище жизни человѣка, утучняющей ниву жизни человѣчества, когда для сего соединяются дѣйствователями Европа и Азія, народы идутъ отъ песчаныхъ пустынь далеко Востока въ лѣса и дебри волжскіе и днѣпровскіе, и рука Провидѣнія пишетъ исторію ихъ огромными, могучими чертами, являя потомъ совсѣмъ новый народъ, совсѣмъ новое образованіе. Мы видимъ судьбу такого новаго образованія, новаго народа въ Ру-

си—судьбу великую! Разсматривая событія отъ пришествія Норманновъ, или Варяговъ къ Славянамъ до нашествія Монголовъ на русскія земли, мы видимъ начало и жизнь *русскаго народа*. Со времени нашествія Монголовъ, до низверженія рабства, ими наложеннаго, мы видимъ начало и жизнь *русскаго государства*.

Сей великій періодъ, заключающій въ себѣ болѣе 200 лѣтъ, подобно періоду удѣловъ, само собою, естественно, дѣлится на двѣ половины: первую—до основанія сомобытности *московскаго княжества*; вторую—до основанія самобытности *россійскаго государства*. Разница та, что въ періодѣ *русскаго народа* мы видимъ сначала безпрерывное возвеличеніе, и дѣйствователей сильныхъ духовъ, подвизавшихся для возвеличенія Руси, потомъ находимъ постепенный упадокъ, униженіе: мужи сильные умалялись, исчезали, или бездѣйствовали и тѣ, которые еще не угашали духа, оказывались безсильны противъ потока событій, ихъ увлекавшаго. Противное увидимъ въ періодѣ жизни *государства Россійскаго*. Первая половина его представитъ намъ еще болѣе глубокое паденіе духа, еще большее бездѣйствіе общественной силы; мужей крѣпкихъ духомъ не будетъ вовсе, или сплу души будутъ они показывать только въ безстрашіи мученичества, только въ самоотверженіи предъ гибельною кончиною. Но чудно все станетъ оживать предъ нами во второй половинѣ сего періода! Отколѣ явятся новые люди, и отколѣ новая сила! Какіе смѣлые подвигоположники возстанутъ на дѣло Провидѣнія! И что всего изумительнѣе: Провидѣніе, удивляющее насъ въ слабости человѣческой, умудряющее слѣпца, поведетъ и слабыхъ, и безсильныхъ къ величію, чести и благу подвластныхъ имъ; предъ ними падутъ люди, далеко превышавшіе ихъ умомъ и крѣпостію души, и—возвеличится *Россія!*

Судьбы Провидѣнія соединяли здѣсь Европу съ Азіею; ставили въ рядъ европейскихъ народовъ новый, сильный и могучій народъ; сливали Русь съ Европою, дотолѣ отъ нея отдѣльною, и между тѣмъ достигшею совершенно новаго образованія. Такъ въ горнилѣ двухвѣковаго бѣдствія перегарала Русь—Европа кончила *періодъ среднихъ вѣковъ*, и вступила въ вѣкъ новаго бытія, до насъ продолжающійся...

Изумляясь исполинскому *началу Руси*, дивному, безпримѣрному въ лѣтописяхъ другихъ странъ и народовъ, полагая, что Русь въ самомъ началѣ уже образовала собою обширное, могущественное и *единовластное государство*, представляя намъ донынѣ періодъ Удѣловъ волненіемъ бунтовщиковъ противъ великихъ князей, главныхъ повелителей и единовластителей русскихъ странъ. Вопреки явному обличенію дѣлами, историки мечтали видѣть сіе основаніе въ жизни русскихъ странъ, и думали, что оно ослабило наконецъ силы Руси, хотя и не разрушило системы единовластія. Несправедливость сихъ предположеній обнаруживается передъ нами, въ безпристрастномъ и вѣрномъ изложеніи событій. Нашествіе монгольскихъ ордъ, и иго рабства, наложенное ими на Русь, подавали поводъ къ новымъ заблужденіямъ историковъ. Не простирая взора за предѣлы Руси, какимъ-то *отвратимымъ* зломъ почитали они сіе бѣдствіе и горевали о судьбѣ Руси, увѣренные, что *безъ междоусобій удѣльныхъ*, Руссы могли-бы разбить полчища Монголовъ, и отвратить грозу власти ихъ.

Сказать: *что было, то должно-ствовало быть*, значило-бы впасть въ фатализмъ, не достойный исторіи. Мы не довольствуемся имъ—нѣтъ! Вопрошая умъ нашъ, при повѣркѣ событій не одной Руси, но всей Европы и Азіи въ XIII

вѣкѣ, мы узнаемъ, какъ малъ и недостаточенъ обзоръ былъ тѣхъ людей, чье мнѣніе о періодѣ монгольскаго владычества мы теперь изложили. Исторія двухъ частей свѣта, Европы и Азіи, посредницею коихъ была Русь »вѣчное поприще перехода народовъ изъ Азіи въ Европу«, представляетъ намъ совсѣмъ новый взглядъ на періодъ монгольской власти.

Въ сей періодъ всколебались волны послѣдняго великаго движенія народовъ; онѣ обхватили пространство отъ острова Явы до Новгорода, отъ береговъ Корейскихъ до береговъ Адріатическаго моря, и отъ Индіи до Перми. Сіе движеніе человѣческихъ обществъ было ужасно, какъ ужасны буря, потомъ, землетрясеніе: кровь и слезы обильно лились въ сей періодъ на берегахъ Инда, Гоангъ-го, Аракса, Волги, Одера и Дуная. Думать, что сила какого нибудь Юрія, или хитрость какого нибудь Даніила, могли отвратить сію грозу отъ земель русскихъ, и при переворотѣ всемірномъ не стараться узнавать въ прошедшемъ тайнъ жизни человѣчества въ настоящемъ и будущемъ, скорбя только объ участи погибшихъ нашихъ праотцевъ—было-бы несообразно съ великимъ назначеніемъ исторіи.

(*Ист. Рус. Нар. Н. К. Полевого. 1833—1834 г. III, 7—15; IV, 7—15*).

Когда безмолвно принимали на вѣру положенія Карамзина, смѣло выступилъ на учено-литературное поприще Н. А. Полевой болье съ отвагою мысли, чѣмъ съ ученьми познаніями. Онъ началъ писать »Исторію Рус. Народа« и этимъ названіемъ заявилъ, что »Исторія Государства Рос.« недостаточна, необходимо изученіе жизни народной. Въ этомъ заслуга талантливаго писателя: онъ указалъ новое направленіе въ русской исторической наукѣ; но полемическій тонъ мѣшалъ ему взглянуть на дѣло безпристрастно и спокойно; а увлеченіе иностранными теоріями и недостатокъ матеріаловъ привели его къ ложнымъ воззрѣніямъ на русскую жизнь.

320. Областная раздробленность и единство русской земли.

Первые три брата князя, призванные славянами, пришедши съ дружиною, сейчасъ размѣстились по городамъ, и съ перваго раза видимъ мы явленіе, совершенно противуположное единодержавію: сейчасъ являются три князя. При Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ по видимому возникаетъ единодержавіе, но совершенно случайно, ибо у этихъ князей не было братьевъ. Къ тому же договоры ихъ съ Греками показываютъ, что въ городахъ было много подручныхъ имъ князей. Въ послѣдствіи, когда родъ княжой размножился, вся Россія управлялась всѣмъ этимъ княжимъ родомъ, всѣми наличными князьями. Такимъ образомъ Россія не представляла единаго цѣльнаго государства, но съ другой стороны не представляла и отдѣльныхъ государствъ, не представляла даже федеративнаго государственнаго союза, ибо владѣнія князей были непрочны, и они сами переходили изъ города въ городъ. Возможность этихъ переходовъ показываетъ, что въ то же время *почва была одна*, что вся Россія была едина. И точно, Россія была едина, какъ одна Русская земля, соединенная вѣрою, языкомъ, жизнію и бытомъ; но, какъ Русское государство, цѣлости она не представляла. На единой русской землѣ строились государственныя перегородки; князья вмѣстѣ со своими дружинами, переходили изъ города въ городъ, ссорились, сражались, выгоняли другъ друга. Несложившееся государственное устройство носилось надъ землею. Но какъ же могла выносить русская земля такое безпокойное устройство, это множество воинственныхъ, задорныхъ князей, сейчасъ прибѣгающихъ къ мечу въ своихъ спорахъ? Мы знаемъ притомъ, что въ каждомъ городѣ собиралось народное вѣче. Отвѣтъ на это одинъ: мѣнялись князья, но отно-

шеніе ихъ къ народу не мѣнялось; устройство народное отъ этой перемѣны не терпѣло: и потому Ростиславъ или Изяславъ, Всеволодъ или Олегъ,—для народа было все равно, ибо отношенія князя къ народу и народное устройство оставались тѣже: какое тутъ дѣло до лица самаго князя? Всѣ эти ссоры и споры князей были дѣломъ промежду ихъ; въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе принимали ихъ княжія дружины. Народу не было дѣла до ихъ родовыхъ счетовъ, до ихъ правъ на старшинство; родовое устройство, бывшее отчасти въ Рюриковскомъ родѣ (родѣ пришломъ, не забудьте), чуждое русскому народу совершенно, не могло возбуждать въ немъ участія, ни даже быть ему понятно. Впрочемъ иногда народъ вмѣшивался въ княжую борьбу; это бывало: или когда эти безпрестанныя сраженія уже слишкомъ вредили его матеріальному благосостоянію, и тогда народъ удалялъ отъ себя князя, изъ-за котораго шелъ споръ; или же, имъ князь лично былъ по душѣ,—и тогда народъ вооружался за него, какъ напр. Кіевъ за Изяслава Мстиславича. Но и тутъ, если борьба должна была быть тяжела и разорительна для общественнаго благосостоянія, народъ говорилъ даже и любимому князю (наприм. тому же Изяславу Мстиславичу): мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь, не твое время.—Иногда ссорились и воевали городъ съ городомъ, и тогда князья были ихъ военачальниками и служили иногда для нихъ предлогомъ.—Скажутъ, что такое устройство было для народа обременительно, имѣло много недостатковъ: нѣтъ спору; но какое же ихъ не имѣетъ? И такъ какъ всякое устройство имѣетъ свои недостатки, то русская земля терпѣла и это устройство, стараясь по возможности уменьшать его неудобства и брать противъ нихъ мѣры, не участвуя въ княжихъ распряхъ и иногда прекращая ихъ, чрезъ объявленіе князю, чтобъ онъ удалился; дальнѣйшее улучшеніе государственнаго устройства русская земля предоставляла времени и постепенному ходу жизни.—И такъ русскою землею владѣли *князья*. Правда, одинъ изъ нихъ, еще въ самыя первыя времена, назывался *великій*, но это не былъ титулъ, означающій особую власть. Это значило: *старшій*,—какъ и теперь *большой* значитъ *старшій* (*большой* сынъ, *большой* братъ, употребляется въ смыслѣ *старшій*). Уже самое множество князей, въ одной землѣ, уничтожало единодержавіе и лишало ихъ значенія самовластнаго государя.—Сверхъ того князь изначала явился на Руси, окруженный дружиною; значеніе дружины было важно; это былъ совѣтъ, общество князя, мнѣніемъ дружины онъ дорожилъ и совѣту ея слѣдовалъ; здѣсь не было прямаго ограниченія власти князя, но, единственно въ силу обычая, дружина имѣла постоянный вѣсъ въ его намѣреніяхъ и предпріятіяхъ и являлась сама независимою: дружинникъ имѣлъ право переходить отъ князя къ князю. Дружина, съ своей стороны, хотя только въ силу обычая, какъ мы сказали, умѣряла самовластіе князя.—Таково было сначала государственное устройство въ Россіи. Споры у князей шли за Кіевъ. Кіевъ былъ для нихъ домъ отцовскій; здѣсь была мысль *о чести* княжескаго стола, и споръ былъ за нее. Но время шло своимъ необходимымъ ходомъ; значеніе государства выступало; междоусобіе князей приняло иной характеръ. Кіевъ потерялъ свое значеніе. Возникъ Владиміръ. Князь его, Андрей суздальскій, по словамъ лѣтописи, хотѣлъ быть *самовластецъ* (единодержецъ) въ русской землѣ. Явилась мысль у князей, уже не только о чести княжескаго стола, но о матеріальномъ могуществѣ княжества. А въ это время нагрянули Татары и соединили Русь новымъ общимъ союзомъ, союзомъ

общей бѣды, общаго плѣна.—Русскіе князья давно знали, что есть иная власть государева, власть царская, власть единодержавная и нераздѣльная. Духовенство давно имъ говорило объ этой власти. Это классическое понятіе сообщено было имъ Византіею; оно осѣнило Владиміра Мономаха, но тогда это было преждевременно, больше какъ пророчество. Теперь явилась передъ Россіею или, лучше, вознеслась надъ нею иная, цѣльная, страшная власть, власть татарскаго хана. Въ Россіи ему стали давать титулъ *царя*. Татары не властвовали Россіею, но держали ее подъ игомъ, оставя ей прежнее устройство и лишь подчинивъ его своей верховной власти, и отъ времени до времени вторгались въ нее, все истребляя и разрушая. Князья, признавъ власть татарскаго хана, продолжали между собою тѣ же отношенія, но уже въ измѣненномъ видѣ. Поссорившись, они принуждены были ѣздить въ Орду: тамъ выпрашивать себѣ права на великое княженіе, тамъ искать рѣшенія своего спора. Тамъ видѣли они передъ собою и чувствовали на себѣ страшную цѣльную, единую власть, въ лицѣ татарскаго хана; но между собою они не забывали при этомъ и другаго способа: своего стараго боеваго варяжскаго меча. Еще нѣсколько времени,—и подъ властію татаръ междоусобіе князей приняло предыдущій отпечатокъ: то есть стремленіе усилить свое княжество на счетъ другаго; къ усиленію своего могущества стремятся и Рязань, и Тверь, и Нижній Новгородъ. Наконецъ Москва поднимаетъ знамя *всей Руси*, не только въ земскомъ, но и въ государственномъ значеніи. Съ этой минуты, какъ поднято наконецъ это знамя, прекращеніе междоусобій становится неизбѣжнымъ. Передъ такимъ знаменіемъ все было должно смириться! Единство русскаго государства и единство русской земли должны были наконецъ возникнуть рядомъ, ибо доселѣ дробленіе государственное затрудняло единство русской земли. Около знамени всей Россіи, поднятаго Москвою, начинаетъ собираться вся Россія.—Великій князь московскій именуется *великимъ княземъ всея Руси*, и удѣльные князья быстро падаютъ передъ нимъ одинъ за другимъ, и нигдѣ не видимъ мы ни малѣйшаго сожалѣнія о ихъ паденіи. Единая цѣльная земля тяготилась государственнымъ раздѣленіемъ и была рада, когда Москва сильною рукою стала ломать всѣ эти государственныя перегородки. Русская земля, очевидно, охотно признаетъ единодержавіе великаго князя, уже не только московскаго, но всея Руси. Два царства, столь близко знакомыя Россіи по различнымъ отношеніямъ,—падаютъ въ это время: падаетъ Византія, разваливается Орда; но соблазнительная теорія византійскаго императора и соблазнительная практика татарскаго хана сильно дѣйствуютъ на великаго князя московскаго и оставляютъ на немъ слѣды. Онъ не сдѣлался ни Грекомъ, ни Татариномъ; онъ только невольно принялъ на себя эти оттѣнки, данные исторіей, и тѣмъ быстрѣе и рѣзче пошелъ къ *своей* самостоятельной предположенной цѣли. Изъ подъ двухъ разрушенныхъ, хотя и различныхъ, царствъ, является новое, цѣльное, единое царство—*Царство Русское*; является новый самодержавный царь—царь русскій. Но не смотря на постороннія вліянія, новое русское царство и новый русскій царь были своеобразны, самобытны и представили міру новое еще не бывалое явленіе. Вліянія, оттѣнки могли быть посторонніе; но царство русское, въ существѣ своемъ, было создано народнымъ самостоятельнымъ духомъ Россіи...

Чѣмъ же теперь могла быть при царѣ древняя княжая дружина? Времена измѣнились. Настала иная пора. Уже не было переходныхъ князей, съ которыми

переходила и дружина, не пуская корней въ землю, составляя бродячій совѣтъ князя,—князя, который и самъ не имѣлъ настоящей осѣдлости. Съ жизнью народной дружина была прежде мало связана и не могла тяготѣть надъ нею, по крайней мѣрѣ, сильно. Въ послѣдствіи удѣльные князья стали оставаться долѣе, и потомъ даже постоянно, на своихъ удѣлахъ. Наконецъ и удѣлы исчезли,—и явился уже одинъ царь и в. князь московскій и всея Руси, единый царь и единая цѣльная русская земля. Дружина окружила престолъ царя. Дружина была доблестна, правда, но, не смотря на всю свою доблесть, дружина уже начала составлять теперь сословіе, болѣе или менѣе втягивающее въ себя благородныя силы народа, себѣ предоставляющее подвиги, себѣ присвоивающее исключительную славу, мѣщающее дружному теченію всего народа; а дружнаго теченія всего народа не замѣнятъ никакія доблести извѣстнаго сословія. Дружина, съ своимъ прежнимъ значеніемъ, была необходима для князей, переносившихся изъ города въ городъ; она не нужна, она вредна для единаго царя и для всей земли. Становясь между народомъ и царемъ, дружина стѣсняла обоихъ. Народъ, призывая нѣкогда государственную власть, призывалъ князя, а не дружину; народъ хотѣлъ знать его да себя; повиноваться боярамъ русскій народъ никогда не думалъ. Съ другой стороны, новое самодержавіе не хотѣло дѣлиться властію съ дружиною. Мы сказали, что права дружины не были опредѣлены, но, вслѣдствіе обычая, значеніе ея было велико. Теперь, когда идея самодержавія, идея власти государственной, цѣльной и нераздѣльной, проникла убѣжденіе правительства, правительство не захотѣло быть *обязаннымъ*, хотя и по обычаю, во всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ дружиною ..

Государство, какъ мы видѣли, было въ разрозненномъ и раздробленномъ видѣ надъ единою русскою землею. Земля русская, въ ту пору, являлась отдѣльными общинами, имѣвшими отдѣльныхъ князей, не сознавала свою общую цѣлость. Жизнь земская выражалась вѣчами, бывшими въ этихъ отдѣльныхъ общинахъ. Съ этими вѣчами совѣщался князь, и въ нихъ вообще выражалось тогда отношеніе и соприкосновеніе *власти* государственной къ *мысли* народной. Входить здѣсь въ подробности, мы не имѣемъ нужды.—Мы видѣли также, что земля была равнодушна къ распрямъ князей, во сколько онѣ не касались ея благосостоянія и быта. Мы уже сказали, что это государственное дробленіе мѣшало цѣлости всей русской земли. Какъ скоро государство стало единымъ надъ единою русскою землею; какъ скоро оно почувствовало свою цѣлость, какъ скоро великій князь московскій сталъ царемъ: тогда государство, единое, обращается къ единой русской землѣ и зоветъ ее всю на совѣтъ. Первый царь созываетъ первый земскій соборъ. На этомъ соборѣ встрѣчаются земля и государство, и между ними утверждается свободный союзъ. Отношенія царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія. На земскомъ соборѣ торжественно признаются эти двѣ силы, согласно движущія Россію: власть государственная и мысль народная.

Вотъ тѣ отношенія, въ которыя стала, пріобрѣтшая единство, государственная власть къ землѣ. Древнія областныя вѣча, невсегда остававшіяся въ предѣлахъ одного мнѣнія, но примѣшивавшія не рѣдко употребленіе грубой внѣшней силы, преобразовались, при единодержавіи, въ земскій соборъ всей Россіи,—явленіе, уже имѣющее одну *чисто нравственную* силу мнѣнія, безъ всякой примѣси внѣшней принудительности,—силу, къ которой об-

ращалось правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной подпорѣ. Выборные на земскомъ соборѣ обыкновенно отвѣчали въ такомъ родѣ: »Какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, государь,—это твоя воля, а наша мысль такова«.

(Изъ статьи К. С. Аксакова. Рус. Бесѣда. 1856. кн. IV, отд. 3. 21—29).

Указатель статей: Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ. *А. Ѳ. Гильфердинга.* Вѣстн. Евр. 1868 г. № 7 и 8. Славянскія племена нынѣшней Россіи. *Шафарика.* Рус. Ист. Сборн. I, кн. 4. 39—97. Краткій чертежъ народовъ Славянскихъ, обитавшихъ на мѣстахъ нынѣшней Россіи. *П. Ѳ. Калайдовича.* Зап. и Труды общ. Ист. 1815. ч. 1. 143—158. Двѣ русскія народности *Костомарова.* Основа 1861. 3. Лекціи по Исторіи Запад. Рос. *М. Коялловича.* День 1864. Ист. югозап. Рос. *А. Клеванова* 1850. Разборъ книги въ Отеч. Зап. 1850. LXXII, V. 1. Исторія Черконной Руси. *Смирнова.* Были ли Малороссы исконными обитателями Полянской земли или пришли изъ-за Карпатъ. *А. Котляревскаго.* Основа 1862. 10. Ист. Рязанс. Княжества. *Иловайскаго.* О постепенномъ образованіи Рязанс. губерніи. *М. Барановича.* Рязанс. Губ. Вѣдом. 1860. № 34—36. *Его же:* Статист. опис. Рязанс. губ. 1859. Объ основаніи Нижняго Новгорода. *Н. Овсянникова.* Нижег. Губ. Вѣд. 1861. № 25. О древней области Витичей. *І. Л.* Чт. общ. Ист. 1862. кн. 2. 1. 1—156. Опытъ историч. описанія о началѣ Москвы. *М. Ильинскаго.* м. 1795. Преданія объ основаніи Москвы. *Н. Д. Бѣляева.* Рус. Вѣст. 1868. № 3. Сказаніе о началѣ Москвы. Времен. XI. Смѣсь 25. О началѣ града Москвы и о в. кн. Данилѣ Александровичѣ. Памятн. кн. Олонец. губ. 1864. 185—191. О преданіяхъ Новгородскихъ, Московскихъ и Владимірскихъ. Лѣтоп. Рус. Литер. т. IV. I. Еще VI т. Пророчественное благословеніе св. Петра, данное Москвѣ. Воскрес. Чт. 1859. № 5, 44. Г. Москва съ его уѣздомъ. Москвит. 1844. I. 298—310; V, 177—185. О постепенномъ увеличеніи Москов. Госуд. Сѣверн. Архивъ ч. 2. № 8, 122. О причинахъ возвышенія Московс. Княжества. *Вл. Вешнякова,* Спб. 1851. Великорус. области и смутное время. *А. Щапова.* От. Зап. 1861. Октябрь 579. О вліяніи природы Рус. Государст. области на ея исторію. От. Зап. 1850. LXIX, II. 229. 1853. LXXXVI, II. 87. LXXXVIII, II. 39. Исторія Княжества Псковскаго. Кіевъ. 1831 г. Историко-статист. очерки Псковс. губ. *Бочкова.* Псковъ 1862. Исторія Галицкой Руси. *Зубрицкаго* въ перев. *Бодянскаго.* Ист. города Смоленска. *Никитина,* м. 1848. Начало Казанскаго царства. *В. И. Повалѣева.* Моск. Универс. Изв. 1866—1867, № 12. См. Пермскій Сборникъ, Древности Владиміра и т. под. изданія областныя, Губернс. Вѣдом., Памятныя книжки и изданія этногр. общества.

IX. БОРЬБА РУСИ СЪ РАЗНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ И НАРОДАМИ.

1. СТЕПНЯКИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

321. Борьба съ степняками.

1. Авары или Обры: Придоша Угри Бѣлiи, наслѣдиша землю словеньску; си бо Угри почаша быти при Ираклiи цари, иже находиша на Хоздроя царя перьскаго. Въ си же времяна быша и Обри ходиша на Ираклiя царя и мало его не яша, си же Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье твореху женамъ дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше Обрину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повезти Обърѣна; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ вѣлици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Обринъ; есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдъка. По сихъ же придоша Печенѣзи; паки идоша Угри Черныи мимо Киевъ, послѣ же при Олзѣ... (*Лавр. 5*).

2. Хозары: По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея (Кия, Щека и Хорива), быша обидимы Древляне, инѣми околними, и наидоша я Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: »платите намъ дань«. Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: »се налѣзохомъ дань нову«. Они же рѣша имъ: »откуду«? они же рѣша: »въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпровскою«. Они же рѣша: »что суть вдали«? Они же показаша мечь. Рѣша старци козарьстiи: »не добра дань княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше — саблями, а сихъ оружье обоюдо остро, рекше — мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ... (*Лавр. 7*).

3. Печенѣги: *а*) Въ лѣто 6423 (915). Придоша Печенѣзи первое на Рускую землю, и створивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю...

б) Въ лѣто 6476 (968). Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци; и затворися Вольга въ градѣ со оунуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша градъ въ силѣ велицѣ, бѣшислено множьство около града и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладемъ и водою. Собравшеся людьѣ оноя страны Днѣпра въ лодьяхъ об ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити в Киевъ ниединому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. Въстужита людье въ градѣ и рѣша: нели

кого, иже бы могль на ону страну доити и речи имъ: аще кто не приступить с утра, предатися имамы Печенѣгомъ. И рече единъ отрокъ: азъ преиду, и рѣша: иди. Он же изиде изъ града с уздою и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: не видѣли коня никтоже? бѣ бо оумѣя Печенѣжьски, и мняхуть и своего. Яко приближися к рѣцѣ, сверга порты (*платье*), сунуся въ Днѣпръ и побреде; видѣвше же Печенѣзи, оустрѣмишася нань, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше є с оноя страны, и приѣхаша в лодьи противу ему, и взяша и в лодью, и привезоша и къ дружинѣ, и рече имъ: аще не подъступите заоутра къ городу, предатись хотять людье Печенѣгомъ. Рече же воевода ихъ, именемъ Прѣтичь: подъступимъ заоутра в лодьяхъ, и попадше княгиню и княжичѣ, оумчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ. Яко бысть, заоутра всѣдъше в лодью противу свѣту и вструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно отъ града, и изиде Ольга со оунуки и с людьми къ лодьѣ. Видѣвъ же се князь Печенѣжскии, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: кто се приде? и рече ему: лодья оная страны. И рече князь печенежскии: а ты князь ли еси? онъ же рѣче: азъ єсмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, но мнѣ идеть полкъ со княземъ, бе-щисла множьство, се же рече, грозя имъ. Рече же князь печенѣжскии къ Прѣтичю: буди ми другъ, онъ же рече: тако створю. И подаста руку межю собою, и въдасть печенѣжскии князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же даст ему бронѣ, шитъ, мечь. Отступиша Печенѣзи отъ града и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди Печенѣзи. И послаша Кияне къ Святославу, глаголюще: ты, княже, чужея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ; малы бо насъ, не взяши Печенѣзи, матерь твою и дѣти твои: аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмуть, аще ти не жаль отчины своея, ни матери стары суща, и дѣтии своихъ. То слышавъ Святославъ, вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя; и съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ, и собра вои, и прогна Печенѣги в поле, и бысть миръ... (*Лавр.* 27).

в) Въ лѣто 6479 (971). Створив же миръ Святославъ съ Греки, поиде въ лодьяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отень (*отцовъ*) Свѣнделъ: поиди, княже, на коних около, стоять бо Печенѣзи в порозѣхъ. И не послуша его, поиде въ лодьяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: се идеть вы Святославъ в Русь, вземъ имѣнье много оу Грекъ и полонъ бещисленъ, съ малыми дружины. Слышавше же се Печенѣзи, заступиша пороги, и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ; и ста зимовати въ Бѣлобережьи, и не бѣ оу нихъ брашна оуже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугрівнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту.

Въ лѣто 972 поиде Святославъ в пороги, и нападе нань Куря князь печенѣжскии, и оубиша Святослава. Взяша главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его и пьяху по немь; Свѣналдъ же приде Кіеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля лѣтъ 20 и 8.

(*По изд. Тимковскаго, 39—40; въ П. С. Лът. I, 30*).

322. Набѣгъ Печенѣговъ.

Въ лѣто 6500 (992). Иде Владиміръ на Хорваты. Пришедшю бо ему съ вой-

ны Хорватьскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срѣте и на Трубежи на бродѣ, кдѣ нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И пріѣха князь печенѣжскый къ рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: »выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета; да аще твой мужь ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашъ мужь ударить, да воюемъ за три лѣта, и разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, посла биричи (*глашатаи*) по товаромъ, глаголя: »нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ«? и не обрѣтеся никдѣже. Заутра пріѣхаша Печенѣзи и свой мужь приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: »княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ: единою бо ми и сварящю, и оному мьнущю усніе (*кожу*), разгнѣвався на мя, преторже череви рукама«. Князь же се слышавъ радъ бысть посла по нь, и приведоша и ко князю, и князь повѣда ему вся; се же рече: »княже! не вѣдѣ могу ли ся, и да искусять мя: нѣту ли быка велика и силна? И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздражити быка; возложивша на нь желѣза горяча, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая; и рече ему Володимеръ: »можеши ся съ нимъ бороти«. И наутрія придоша Печенѣзи, почаша звати: нѣ ли мужа? се нашъ доспѣлъ? Володимеръ же повелѣ той нощи облещися въ оружье; и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ; и выпусти мужь Володимерь, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середній тѣломъ. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша и къ собѣ, и ястася, почастася крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти и удари имъ о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша и. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече и Переяславль, зане перея славу отрокъ-отъ...

(*Лавр. 52—3*).

323. Осада Бѣлгорода 997.

Володимеру же шедшю Новугороду по верховьніѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика безперестани, въ се же время увѣдѣша Печенѣзи яко князя нѣту, придоша и сташа около Бѣлагорода. И не даяху вылѣзти изъ города, и бысть гладъ великъ въ городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣгъ же множьство много. И уложися остоя въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша вѣче въ городѣ, и рѣша: »се уже хочемъ померети отъ глада; а отъ князя помочи нѣту; да луче ли ны померети? вдаимыся Печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ отъ глада«, и тако свѣтъ створиша. Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томъ и впраша: »что ради вѣче было«? и людье повѣдаша ему, яко утро хотятъ ся людье передати Печенѣгомъ. Се слышавъ посла по старѣйшины градьскыя, и рече имъ: »слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ«; они же рѣша: »не стерпять людье глада«. И рече имъ: »послушайте мене, не передайтеся за 3 дни и я вы что велю, створите«. Они же ради обѣщашася послушати, и рече имъ: »сберѣте аче и по горости овса, или пшеницѣ, ли отрубъ«; они же шедше ра-

ди снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь, въ немъ же варять кисель, и повелѣ выкопати колодязь, и вставити тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь, и повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь. И повелѣ искати меду, они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено въ княжи медуши; и повелѣ розсытити велми, и вълѣяти въ кадь въ друзѣмъ колодязи. Утро же велѣ послати по Печенѣгы; и горожане же рѣша шедше къ Печенѣгомъ: поимѣте къ собѣ таль (*заложники*) нашь, а вы поидѣте до 10 мужь въ градъ, да видите, что ся дѣеть въ градѣ нашемъ«. Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотять, пояша у нихъ тали, а сами избраша лучшіѣ мужи и послаша въ градъ, да розглядають въ городѣ, что ся дѣеть. И придоша въ городъ, и рекоша имъ людье: »почто губите себе? коли можете престояти насъ? аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; аще ли не вѣруете, да узрите своима очима«. И приведоша я къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша ведромъ и льяша въ латки: и яко свариша кисель, и поимше придоша съ ними къ другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же Печенѣзи. И удивишася, и рекоша: »не имуть вѣры наши князи, аще не ядять сами«. Людье же нальяша корчагу цѣжа и сыты отъ колодязя, вдаша Печенѣгомъ; они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи Печенѣзьстіи, и подивишася, и поимше тали своя и онѣхъ пустивше, въсташа отъ града, въ свояси идоша.

(*Лавр. 54—5*).

О Хозарахъ см. Сѣвер. Архивъ ч. 20, № 6, 107. Вѣстн. Евр. 1823, ч. 132, № 23, 161. Сынъ отеч. 1835, CLXX, 365. Чт. общ. ист. 1846, № 3, 1—68. Ж. М. Н. Пр. ч. 37. VI, 57, ч. 43, II, 1—67. ч. 80, VI, 170. Изслѣдов. Лерберга спб. 1819, 321.

О Печенѣгахъ см. Чт. Общ. Ист. 1846 г. № 1, смѣсь, Ж. М. Н. Просв. ч. 79. VI, 2. Москвит. 1853. III. 121.

324. Косоги.

Въ лѣто 6530 (1022). Приде Ярославъ къ Берестію. Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмутороканю, поиде на Косогы. Слышавъ же се князь косожьскый Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: »что ради губивѣ дружину межи собою? но съидевѣ ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣніе мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все«,—и рече Мьстиславъ: »тако буди«. И Рече Редедя къ Мьстиславу: »не оружьемъ ся бьевѣ, но боробью.« И ястася бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ, бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: »о пречистая Богородице! помози ми; аще бо удолѣю сему, сзижю церковь во имя твое«. И се рекъ, удари имъ о землю, и вынзе ножь, зарѣза Редедю; шедъ въ землю его, взя все имѣнье его, жену его и дѣти его, и дань възложи на Косогы. И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тмуторокани...

(*Лавр. 63*).

325. Половцы.

а) Въ лѣто 6569 (1061). Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать, Всеволодъ же изиде противу имъ,

м. Февраля во 2 день, и бившимся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавше отъидоста. Се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ, бысть же князь ихъ Искалъ... (*Лавр. 70*).

б) Въ лѣто 6575 (1067). Придоша иноплеменници на Русьску землю, Половьци мнози, Изяславъ же, и Святославъ, и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто; и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ попусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи и побѣдиша Половци. Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываеть отъ соблажненья дьяволя... Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти (*встрѣчи*) вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризьца, то възвращается, ли единець (*борова*), ли свинью, то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученью кобь сію держать, друзіи же и закыханью вѣрують, еже бываеть на здравье главѣ. Но сими дьяволъ лстить, и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множьство, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣсы замышленаго дѣла, а церкви стоять, егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всячскыя, и нахоженье ратныхъ, по Божью повелѣнью пріемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ.

(*Лавр. 72—73*).

326. Борьба съ Половцами.

Въ се время (1093 г.) поидоша Половци на Русьскую землю; слышавше, яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же не сдумавъ съ большею дружиною отнею и строя своего, но съвѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ, изъимавъ слы всажа и въ истобъку (*избу*); слышавше же се Половци, почаша воевати. И придоша Половци мнози, и ступиша Торцѣйскый градъ. Святополкъ же пусти слы половецьскыѣ, хотя мира; и не всхотѣша Половци мира, и ступиша Половци воюючи, Святополкъ же поча сбирати вои, хотя на нѣ. И рѣша ему мужи смышленіи: »не кушайся противу имъ, яко мало имаши вои«. Онъ же рече: »имѣю отрокъ своихъ 800, иже могуть противу имъ стати«. Начаша же друзіи несмысленніи глаголати: »поиди княже«, смысленіи же глаголаху: »аще бы пристроилъ и 8 тысячь, не лихо то есть, наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажь; но послися къ брату своему Володимеру, дабы ти помоглъ«. Святополкъ же послушавъ ихъ, посла къ Володимеру, дабы помоглъ ему; Володимеръ же собра свои вои, и посла по Ростислава брата своего Переяславлю, веля ему помогати Святополку. Володимеру же пришедшю Кіеву, совокупистася у св. Михаила, и взяста межи собою распря и которы (*ссоры, брани*), и уладившася, цѣловаста крестъ межи собою. Половцемъ воюющимъ по земли, и рѣша има мужи смысленіи: »почто вы распря имата межи собою? а погании губять землю Русьскую; послѣди ся уладита, а нонѣ поидита противу поганымъ, любо съ миромъ, любо ратью«. Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати; и поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю. Придоша къ Стугнѣ, Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ созваша дружину свою на съвѣтъ, хотяче поступити черезъ рѣку, и начаша думати. Глаголаше Володимеръ: »яко сдѣ стояче чрезъ рѣку, въ грозѣ сей, ство-

римъ миръ съ ними, и пристояху совѣту сему смысленіи мужи, Янъ, и прочіи. Кіяне же не всхотѣша, но рекоша: »хочемъ ся бити, поступимъ на ону сторону рѣки«; възлюбита съвѣтъ ось (*сей*), и преидоша Стугну рѣку; бѣ бо наводнилася велми тогда. Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ исполчивше дружину, поидоша; и идяше на десньй сторонѣ Святополкъ, на шюей Володимеръ, посредѣ же бѣ Ростиславъ; минувше Треполь, проидоша валъ. И се Половци идяху противу, и стрѣлци предъ ними; нашимъ же ставшимъ межи валомъ, поставиша стяги свои, и поидоша стрѣлци изъ валу; и Половци пришедше къ валови, поставша стягы своѣ, и налегша первое на Святополка и взломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша людье, не стерпяче ратныхъ противленья и побѣже Святополкъ. Потомъ наступиша на Володимера, и бысть брань люта, побѣже и Володимеръ съ Ростиславомъ. Прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и вбреде Володимеръ съ Ростиславомъ, нача утапати Ростиславъ предъ очима Володимера; и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ; и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ перебредъ рѣку съ малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и боляре его ту падоша; и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ по своемъ и по дружинѣ своей, пришедъ Чернигову печаленъ зѣло. Святополкъ же вбѣже въ Треполь и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Кіеву. Половци же видѣвше, сдолѣвше, пустиша по земли воююче, а друзіи възвратишася къ Торцьскому. Си же ся злоба сключи въ день възнесенья Господа нашего Исуса Христа, м. мая въ 26 день. Ростислава же искавше обрѣтоша въ рѣцѣ, вземше принесоша й Кіеву, и плакася по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немъ по велику; уности его ради, и собрашася епископи и попове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвше, положивша й у церкви св. Софьи, у отца своего. Половцемъ же осѣдящемъ Торцьскый, противящимъ же ся Торкомъ и крѣпко борющимъся изъ града, убиваху многы отъ противныхъ; Половци же начаша налегати, и отъимаху воду, и изнемагати начаша людье въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку, глаголюще: »аще не пришлеши брашна, предатися имамы«; Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ, множьствомъ вой ратныхъ. Стояше около града недѣль 9, и раздѣлишася на двоѣ: одини сташа у града, рать борюще, а друзіи поидоша Кыеву, пустиша на вороп межи Кіевъ и Вышегородъ. Святополкъ же выиде на Желаню, и поидоша противу собѣ обои; и съступистася, и укрѣпися брань, побѣгоша наши предъ иноплеменьникы, падаху язвени предъ врагы нашими, и мнози погыбоша мертви, паче неже у Трьполя. Святополкъ же приде Кіеву самъ третій, а Половци возвратишася къ Торцьскому, быша же си злая м. іуля въ 23. Назаутріе, яже въ 24, въ святою мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь въ градѣ, а нерадость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженье беззаконій нашихъ. Ибо лукавіи сынове Измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемъ, да не чюдится никтоже о семъ: идѣже множьство грѣховъ, ту видѣнья всякого показанье. Сего ради вселенная предасться, сего ради гнѣвъ простреся, сего ради земля мучена бысть: они ведуться полонени, друзіи посѣкаеми бываютъ, горкую смерть пріемлюще, друзіи трепечють, зряще убиваемыхъ, друзіи гладомъ умаряеми и водною жажею; едино прещенье, едина казнь, многовѣщныя имуще раны, различныя печали и страшны мукы, овы вяжемы и пятами пхаеми, и на зимѣ держи-

ми и ураняеми, и се пристраннѣе и страшнѣе, ако на хрестьяньстѣ родѣ страхъ и колебанье, бѣда упространися... Половци воеваша много и възратишася къ Торцьскому, и изнемогоша людье въ градѣ гладомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ. Много роду хрестьяньска стражюще: печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвше лици, почернѣвше тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: »азъ бѣхъ сего города«, и другіа: »азъ сея вси«; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе, и вадыпюче, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная...

(*Лавр. 93—96*).

327. Нашествіе хана Боняка.

...Приде (1096 г.) второе Бонякъ безбожный, шелудивый отай (1), хыщникъ, къ Кыеву внезану, и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша болонье (2) около града, и възратишася въ манастырь, и възгоша Стефанечь манастырь, и деревнѣ, и Германечь. И придоша въ манастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени (3), и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два предъ враты манастырьскыми, намъ же бѣжащимъ за домъ манастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати, безбожныѣ же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и износяху аще что обрѣтаху въ кельи; по семъ възгоша домъ св. Владычицѣ нашея Богородицѣ, и придоша къ церкви, и зажгоша двери еже къ угу устроеніи, и вторыя же къ сѣверу; влѣзше въ притворъ у гроба Ѳеодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху Бога и законъ нашь... Тогда же зажгоша дворъ красный, его же поставилъ благородный кн. Всеволодъ на Холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи: то все окаяніи Половци запалиша огнемъ... Исшьли бо суть си отъ пустыня Нитривьскыя, межю востокомъ и сѣверомъ; исшьли ихъ суть колѣнъ 4: Торкъмени и Печенѣзи, Торци, Половци. Меѳодій же свидѣтельствуетъ о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа въ пустыню, а 4 исѣче. Друзіи же глаголютъ: сыны Амоновы. Се же нѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сыновѣ Аммонови Болгаре, а Сарацини отъ Измаила творятъся Сарини, и прозваша имена собѣ Саракыне, рекше: Сарини есмы. Тѣмъ же Хвалиси и Болгаре суть отъ дочерю Лотову, иже зачаста отъ отца своего, тѣмъ же нечисто есть племя ихъ; а Измаилъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже исходять отъ пустынѣ, и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть, заключеніи въ горѣ Александромъ Македоньскымъ, нечистыя человѣкы...

(*Лавр. 99—100*).

(1) Шелудивый, коростовый, паршивый—ругательныя слова; *отай*—тайно.
(2) Низмѣнное мѣсто около Днѣпра.
(3) Изъ этого видно, что лѣтописецъ былъ монахъ и свидѣтель происшествія.

328. Походъ на Половцевъ Игоря 1185.

Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха изъ Новагорода, м. апреля въ 23

день, во вторникъ, поймя (*взялъ*) съ собою брата Всеволода изъ Трубецка, и Святослава Олговича сыновця своего изъ Рыльска, и Володимера сына своего изъ Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ Коуи (*степные народы*) черниговьскими; и тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ къ Донцю рѣкы, въ годъ (*во время*) вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: »видите ли что есть знаменіе се«? Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: »княже! се есть не на добро знаменіе се«. Игорь же рече: »братья и дружино! тайны божія никто же не вѣсть, а знаменію творець Богъ и всему міру своему; а намъ что сотворить Богъ, или на добро или на наше зло, то же намъ видити«. И то рекъ, перебреде Донець, и тако пріиде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инѣмъ путѣмъ изъ Курьска; и оттуда поидоша къ Салницѣ, ту же къ нимъ и сторожеви пріѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловить (1), и рекоша пріѣхавше: »видихомся съ ратнымьи, ратници ваши со доспѣхомъ ѣздятъ; да или поѣдѣте борзо, или возворотися домовь, яко не наше есть веремя«. Игорь же рече съ братьею своею: »Оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ (*срамъ, стыдъ*) ны будеть пуще смерти; но како ны Богъ дасть.« И тако угадавше, и ѣхаша черезъ ночь, заутра же пятьку наставшу, во обѣднее веремя усрѣтоша полкы половецькіѣ: бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ (*достигли*), вежѣ (*ставки, кибитки*) своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлія. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата его Всеволожь, а по лѣву Свитославль сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимеръ и другій полкъ Ярославль, иже бяху съ Ольстиномъ Коуеве, а третій полкъ напереди же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князій выведени; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: »братья! сего есмы искалѣ, а потягнемъ«; и тако пойдоша къ нимъ, положаче на Бозѣ упованіе свое. И яко быша къ рѣцѣ ко Сюурлію, и выѣхаша изъ половецькихъ полковъ стрѣлци, и пустивши по стрѣлѣ на Русь и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюурлія; поскочиша же и ти Половци силы половецькіи, которіѣ же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Олговичь, и Володимеръ Игоревичь, и Ольстинъ съ Коуи, и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не роспустяста полку своего, передніи же ти Русь биша ѣ, имаша; Половцѣ же пробѣгоша вѣжѣ, и Русь же дошедше вѣжь и ополонишася, друзіи же ночь пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ. И яко собрашася Половци вси, и рече Игорь ко братома и къ мужемъ своимъ: »се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава; се же видихомъ полки половецькіи, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили? нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь, а кто поѣдетъ заутра по насъ, то ци вси поѣдуть, но лучьшіи коньници переберуться, а самѣми какъ ны Богъ дасть«. И рече Святославъ Олговичь строема своима: »далече есть гонилъ по Половцехъ, а кони мои не могутъ; аже ми будетъ нынѣ поѣхати, то толико ми будетъ на дорозѣ остати« — и поможе ему Всеволодъ, акоже облечи ту. И рече Игорь: »да недивно есть разумѣющи, братья, умрети

(1) Т. е. плѣнить Половчина, который бы разсказалъ о силахъ и мѣстѣ остановки своего народа.

и облегоша ту. Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци половецкіи, акъ борове; изумѣшася князи рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленое множество. И рече Игорь: »се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козубурновича, и Тоскобица, Колобича, и Етебича и Терьтробюга«. И тако угадавше вси сѣсѣдоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: »оже побѣгнемъ, утечемъ самѣ, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ, сихъ выдавше, пойдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ«. И та рекше вся сосѣдоша съ коней, и поидоша бьючеся; и тако, божіимъ попущеніемъ, уязвиша Игоря въ руку и умртвища шюйцю его, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бившася крѣпко ту днину (*тотъ день*) до вечера, и мнози ранени и мертви быша въ полкохъ рускихъ; наставши же нощи суботніи, и поидоша бьючися; бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть въ то время на конѣ, зане раненъ бяше, пойде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюргевичь познавъ князя и возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися съ Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бьяхуться идуще пѣши—и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, ако да бы не видилъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста, и бяху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако, во день св. Воскресенія, наведе нанѣ Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю (*жалость*), печаль на рѣцѣ Каялы.

...Тогда кончавшюся полку, розведени быша, и поиде кождо во своя вѣжа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичь... Тогда же на полчищи Концакъ поручися по свата Игоря, зане бяшеть раненъ. Отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть, нѣкакомъ полученіемъ, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, зане яко стѣнами сильными огорожени бяху полкы половецькими; но нашихъ Руси съ 15 мужь утекши, а Ковуемъ мне (*меньше*), а прочіи въ морѣ истопоша. Въ то же время в. князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть въ Корачевъ, и сбирашетѣ отъ верхънихъ земль вои, хотя ити на Половци къ Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьского, и слыша о братьи своей, оже шли суть на Половци, уставившеся его: и не любо бысть ему. Святославъ же идяше въ лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во тъ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичь, и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: »о люба моя братья и сынове и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ ми бы Богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю, воля господня да будетъ о всемъ; да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ«. Посемъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье: то бо слышавше возмятошася городи посемьскіе, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей

волости черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы въ мотви (1), городи воставахуть и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрекахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ. Посемъ же посла Святославъ ко Давыдови Смоленьску, река: »рекли бяхомъ пойти на Половци и лѣтовати на Донѣ; нынѣ же Половци се побѣдилѣ Игоря, и брата его съ сыномъ; а поѣди, брате, постерези землѣ Рускоѣ«. Давыдъ же приде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Трополя, а Ярославъ въ Черниговѣ совокупивъ вои свои стояшеть. Погании же Половци побѣдивше Игоря съ братьею, и взяша гордость велику и съвокупиша всь языкъ свой на рускую землю; и бысть у нихъ котора (*ссора*) молвяшеть бо Кончакъ: »пойдемъ на кіевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и в. князь нашь Бонякъ«; а Кза молвяшеть: »пойдемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса«; и тако раздѣлишася надвое, Кончагъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту весь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ къ рати, выѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немъ мало дерьзнувъ дружинѣ, и бися съ ними крѣпко; и объступиша миозіи Половцѣ, тогда прочіи видивше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася изъ города, и тако отъяша князя своего, язвена сущи треми копьи. Сій же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха во городъ свой, и утре мужественнаго пота своего за отчину свою. Володимеръ же слашеть ко Святославу, и ко Рюрикови, и ко Давыдови, и рече имъ: »се Половьци у мене, а помозите ми«; Святославъ же слашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть у Треполя со Смолняны. Смолняне же почаша вѣче дѣяти, рекуще: »Мы дошли до Кіева, да же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ«; Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ, противу Половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со Смолняны. То слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяславля, идущи же мимо приступиша Римови; Римовичи же затворишася въ городѣ, и возлѣзще на заборолѣ, и тако, божіимъ судомъ, летѣста двѣ городници съ людми, тако къ ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ, да которѣи же гражане выйдоша изъ града и бьяхуться ходяще по римьскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ въ городѣ, и тѣ вси взяти быша. Вододимеръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ къ собѣ, да быша ему помоглѣ; они же опоздишася сжидающе Давыда Смолняны, и тако князѣ рускіѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же вземше городъ Римовъ, и ополонишася полона и пойдоша во свояси; князи же возворотишася въ домы своя, бяхуть бо печални, и со сыномъ своимъ Володимеромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть раненъ велми язвами смертьными, и хрестьянъ плѣненыхъ отъ поганыхъ. И се Богъ казня ны, грѣхъ ради нашихъ наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны къ покаянью, да быхомся востягнули отъ злыхъ своихъ дѣлъ; и симъ казнить ны нахожденіемъ поганыхъ, да некли смиривъшеся воспомянемся отъ злаго пути. А друзіи Половцѣ идоша по оной сторонѣ къ Путивлю, Кза у силахъ тяжькихъ, и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася во свояси. Игорь же Святославличь тотъ годъ бяшеть въ Половцехъ,

(1) Какъ въ *мотнѣ* невода рыба?

и глаголаше: »азъ по достоянью моему воспріяхъ побѣду отъ повелѣнія твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу пріяти нужная вся, ихъ же есмь пріялъ азъ«. Половци же аки стыдяшеся воевъдъства его и не творяхуть ему накости, но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть ту ѣздяшеть и ястрябомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 6 и съ 6 съ нимъ ѣздяшеть; сторожеве же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его и гдѣ послашеть кого, безъ пря (*распри*) творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ, со св. службою: не вѣдяшеть бо божія промысла, но творяшеться тамо и долго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьяньску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзѣ мужь, родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ: и тотъ пріимъ мысль блáгу, и рече: »пойду съ тобою въ Русь«. Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо емше мужь и бѣжати въ Русь, молвяшеть бо: »азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не имамъ поити«. Съ нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюшій его, и та нудяста й, глаголюща: »пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ избавить тя«; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но яко же преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци: и рекоша Игореви думци его: »мысль высоку и неугодну Господеви имѣешь въ собѣ, ты ищеши няти (*взяти*) мужа и бѣжати съ нимъ, а о семъ чему не разгадаешь, оже пріѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь? да не будеть славы тобѣ, ни живота«. Князь же Игорь пріимъ во сердце съвѣтъ ихъ, уполошася пріѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати въ день и въ нощь, иже сторожеве стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшаго своего, река ему: »переѣди на ону сторону Дона, съ конемъ поводнымъ«: бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ тоже время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу божію и кресту честному, глаголя: »Господи сердцевѣдче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго«—и возмя на ся крестъ, икону и пойдома стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселяшимся, а князя творяхуть спяща. Сіи же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ—и обрадовашася ему; изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха ко Кіеву къ в. к. Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его.

(*Ипат. 129—134*).

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

329. Слово о пълку Игоревѣ, Игоря, сына Святославля, внука Олгова.

Не лѣпо ли ны баяшеть, братіе, начяти старыми словесы трудныихъ повѣстій (1) о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начяти же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню? Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяаше пѣснь творити, то растѣкаашеться мыслію по древу, сѣрыимь вълкомь по земли, шизымь орломь подъ облакы. Помняшеть бо речь пръвыхъ временъ усобіця: тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедій; который дотечааше, та (*лебедь*) преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыими, красному Романови Святъославличю (2). Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедій пущаше, нъ своя вѣщія пръсты на живыя струны въскладааше; оны же самы княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря (3); иже истягну умь крѣпостію своею (4), и поостри сердца своего мужествомь, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: »Братіе и дружино! лучежъ бы потяту (*побиту*) быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на своя бръзыя комони (*кони*), да позримъ синего Дону«. Спала князю умь по хоти (1) и жалость ему знаменіе заступи (2) искусити Дону великаго. »Хощу бо, рече, копіе преломити конець поля Половецкаго (*т. е. въ самыхъ дальнихъ предѣлахъ земли половецкой*) съ вами, Русици; хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону«! О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сія плъкы ущекоталъ (*воспѣлъ*), скача, славію, по мыслену древу, летая умомь подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени (3). Рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореви, того (Ольга) внуку: »Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады (*стаями*) бѣжать къ Дону великому». Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: »Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ« (*Сѣверскомъ*)?

---

(1) Трудными назывались повѣсти, въ которыхъ описывались важныя событія.

(2) Родной братъ Олегу, дѣду Игоря, героя слова.

(3) Удѣльный князь Новгородъ Сѣверскій, герой слова; внукъ Олега Тмутараканскаго.

(4) Т. е. вошелъ въ совершенный смыслъ.

(1) Т. е. припала ему мысль поохотиться на хановъ (предпол. Дубенск.).

(2) Жалость къ родинѣ заступило, загородило знаменіе—затмѣніе (Дуб.).

(3) Соединяя обѣ половины славы сего времени, (т. е. прошедшее или настоящее и будущее?) Буслаевъ.

Стоять стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ (*ярый, дикій волъ*) Всеволодъ: »Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! оба есва Святъславличя! Сѣдлай, брате, своя бръзыя комоня, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети (*наѣздники, воины служители*): подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскръмлени. Пути имъ вѣдоми, яругы (овраги) имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули (*колчаны*) отворени, сабли изъострены; сами скачють, аки сѣріи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы«.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби (*на пастбищѣ*); дивъ (*птица зловѣщая*) кличеть връху древа: велить послушати земли незнаемѣ—Влъзѣ и Поморію, и по Сулію, и Сурожу (*Азовскому морю*), и Корсуню, и тебѣ, тьмутораканьскый блъванъ! А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычать тѣлѣгы полунощи, рци (*словно, точно*) лебеди роспущены. Игорь къ Дону воя веведеть; уже бо бѣды (*бѣда*) его пасеть (*кормитъ*) птиць; (*по*)подобію влъци грозу въсрожать (1) по яругамъ; орлы клектомъ на кости звѣря зовуть; лисици брешуть на чръленыя щиты. О Руская земле! уже за шеломянемь еси!

Длъго ночь мркнеть; заря—свѣтъ запала; мъгла поля покрыла; щекотъ славій успе; говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьленьими щиты прегородиша, ищуче себѣ чти, а князю славы.

(1) Отъ рогъ (труба)—т. е. трубятъ, предвѣщаютъ

Съ заранія въ пятькъ потопташа поганыя плъкы половецкыя; и рассушась (*разсовавшись*) стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтьмами (*наметами, шалашами*) и япончицами (*епанчами*) и кожухы начяша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыими. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка (1), сребрено стружіе (*древко копья*)—храброму Святъславличю! Дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо... Далече залѣтѣло... Не было нъ (*оно*) обидѣ порождено—ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрьный воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжить сѣрымь влъкомь; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому (2).

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чрьныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца (3); а въ нихъ трепъщуть синія млънія; быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати (*притупиться*) о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великааго. О, Русская земле! уже не шеломянемь еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнеть (*гремитъ, гудитъ*), рѣкы мутно текуть; пороси поля (*туманы*) прикрывають, стязи глаголють; Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, Рускыя плъкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрь-

(1) То, чѣмъ полотно знамени прикрѣплено къ древку.

(2) Гзакъ и Кончакъ—ханы половецкіе. (Бусл.).

(3) Игорь, братъ его Всеволодъ, сынъ Игоря Владиміръ Путивльскій и племенникъ Святославъ Олеговичъ Рыльскій.

леными щиты. Яръ туре Всеволоде! стоиши на борони (*въ передовомъ отрядѣ*), прищеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными (*булатными*). Камо Туръ поскочяше, своимь златымь шеломомь посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поскепани (*по расколоты*) саблями каленьими шеломи Оварьстіи отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чернигова, отня злата стола, и своея милыя хоти красныя Глѣбовны, свычая и обычая? Были вѣчи (*вѣци—вѣкы*) Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Тъй бо Олегъ мечемь кромолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше, ступаеть въ златъ стремень въ Тьмуторокани. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославль сынъ Всеволодъ, а Владиміръ по вся утра уши закладааше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ (*Божій, т. е. на смерть*), приведе и на канину зелену паполому (*покровъ*) постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплъкъ повелѣ я(*ти?*) (*т. е. тѣло*) отца своего междю Угорьскыими иноходьцы къ Свитѣй Софіи къ Кыеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи (1) сѣяшеться и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжіихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась (2). Тогда по Рустѣй земли рѣтко (*рѣдко*) ратаевѣ кикахуть (*кричали, погоняя воловъ*); нъ часто врани граяхуть (*каркали*), трупія себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣтѣти на уѣдіе (*на пѣду, на пиръ*). То было въ ты рати и въ ты плъкы; а сицеи рати не слышано: съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабля о шеломы, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земля половецкыя. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша (*горемъ, печалью взошли они, т. е. посьянныя кости*) по Рустѣй земли.

Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаеть: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дне къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрыя Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, невеселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ (*т. е. ратяхъ*) Дажь Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣемь морѣ у Дону плещучи: убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: »сіе мое, а то мое же«; и начяша князи про малое »се великое« млъвити, а сами на себе крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождааху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ (*т. е. Игорь*), птиць бья,—къ морю!

А Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Карна, и Жля (1), поскочи по Рустѣй земли, смагу (*огонь*) людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ (2). Же-

(1) Олегъ Святославичь или—какъ далѣе онъ называется—Гориславичь (славный горемъ, какое онъ причинялъ), дѣдъ Игоря, главный виновникъ междоусобій своего времени (Буся.)

(2) Дажь Богъ—божество солнца. Жизнь Дажь Божа внука (потомка), т. е. жизнь русскихъ (Буся.).

(1) Ханы половецкіе.

(2) Съ ханомъ Кончакомъ былъ Бесерменинъ, стрѣлявшій живымъ огнемъ изъ наполненнаго пламенемъ рога.

ны Рускыя въсплалашась, аркучя (*говоря*): »уже намъ своихъ милыхъ ладъ (*мужей*) ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати«.

А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Рустѣй земли; печаль жирна тече средь земли Рускыя. А князи сами на себе крамолу коваахуу; а погании сами побѣдами нарищуще (*набыая*) на Рускую землю, емляхуу дань по бѣлѣ (*бьлкъ*) отъ двора. Та бо два храбрая Святъславличя, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую то бяше успилъ отець ихъ Святъславъ грозный великый кыевскый (1). Грозою бяшеть притрепеталъ своими сильныими плъкы и харалужныими мечи; наступи наземлю половецкую, притопта хлъми и яругы, възмути рѣки и озера, иссуши потокы и болота, а поганааго Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныихъ, великыихъ плъковъ половецкыихъ, яко вихрь, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридници Святъславли (2). Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, кають (*клянутъ*) князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкыя, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево (3). Уныша бо градомъ забрали (*городскія стьны*) а веселіе пониче.

А Святъславъ мутенъ сонь видѣ въ Кіевѣ на горахъ си ночь: «съ вечера одѣвахъте мя, рече, чрьною паполомою, на кровати тисовѣ; чрьпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тъщіими тулы поганыихъ тльковинъ великый жемчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса (1) въ моемь теремѣ златоверъсѣемь; всю нощь съ вечера босуви врани възграяху у Плѣсньска на болони бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему морю». И ркоша бояре князю «Уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону, уже соколома крильца припѣшали (*подрьзали*) поганыихъ саблями, а самаю опуташа въ путины желѣзны». Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста (*т. е. Игорь и Всеволодъ*), оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ (*Олегъ-сынъ; Святославъ племянникъ Игоря*) тьмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста ханови. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Рустѣй земли простроша Половци, акы пардуже гнѣздо (*племя рысей*). Ихъ въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть ханови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну (*разразилась*) нужда на волю; уже вражеся дивъ на землю. Се бо готьскыя красныя дѣвы (2) въспѣша на брезѣ синему морю; звоня рускыимъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣють месть Шароканю (3). А мы уже дружина, жадни веселія.

Тогда великый Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: »О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начяла половецкую землю мечи цвѣлити (*мечами производить плачь*), а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣста: нечестно бо кровь поганую проліяли

(1) Святославъ Всеволодовичь, в. кн. кіевскій, сынъ Всеволода Ольговича, былъ Всеволоду и Ольгу двоюродный братъ, но, какъ старшій, *въ отца мьсто*.

(2) Кобякъ, ханъ половецкій, взятъ въ плѣнъ Святославомъ за годъ до похода Игоря.

(3) Кощеями назывались плѣнники, невольники половецкіе, печенежскіе, хозарскіе, литовскіе и др, что свидѣтельствуется лѣтописями. Кощей также значитъ—отрокъ княжеской дружины. (Дуб.).

(1) Кѣсъ—перекладина, матица, на которой утверждается потолокъ.

(2) Готы—поселенцы, съ III в. Черноморскіе, покорены были Половцами около 1050 г.

(3) Шароканъ или Шаракунъ—извѣстный полководецъ половецкій. Бусъ—тоже имя собственное.

ста. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣемь харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створиста моей сребренѣй сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнааго, и богатааго, и много вой брата моего Ярослава, съ Черниговьскыими былями (1), съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ребугы, и съ Ольбры (2). Ти бо безъ щитовъ съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждають, звоняче въ прадѣднюю славу (*Святосл. Ярослав.*). Нъ рекосте: »мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ».

А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываеть, высоко птиць въбиваеть; не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло: книже ми не пособіе; наниче ся годины обратиша. Се у Римъ кричать подъ саблями половецкыими, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову.

Великый княже Всеволоде (3)! не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти (4). Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага (5) по ногатѣ (=*50 к. с.*), а кощей по резанѣ (=*20 к. с.*). Ты бо можеши по суху живыими шереширы (*мечь, шпага*) стрѣляти—удалыими сыны Глѣбовы (6). Ты, буй Рюриче и Давыде (7)! не ваю ли злаченыими шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями каленьими, на полѣ незнаемѣ? Вступита, г—на, въ златъ стремень—за обиду сего времене, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича! Галичкы Осмомысле Ярославе (1)! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣемь столѣ. Подперъ горы Угорскыя своими желѣзныими плъкы, заступивъ королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча бремены (*огромныя тяжести*) чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть; оттворяеши Кыеву врата; стреляеши съ отня злата стола салтаны за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганааго Кощея—за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича! А ты, буй Романе и Мстиславе (2)! храбрая мысль носить вашь умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзнии папорзи подъ шеломы латинскыими. Тѣми тресну земля, и многы страны хановы. Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицю своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечя харялужныя.

Нъ уже, княже, Игорю утрънѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи и по Сули грады подѣлиша, а Игорева храбрааго плъку не крѣсити. Донъ ти, княже, кличеть и зоветь князя на побѣду.

Олговичи, храбрыи князи (3), доспѣли на брань, Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичя, не худа гнѣзда шестокрилця, не побѣдными жребіи собѣ власти расхитисте? Кое ваши златыи шеломи и сулиця ляцкыя (*польскіе копья*) и щити?

---

(1) *Быль* можетъ быть отъ былой, т. е. бывалый въ походахъ.

(2) Здѣсь, вѣроятно, исчисляются отряды Ковуевъ, которыхъ Игорь пригласилъ къ себѣ на помощь.

(3) Всеволодъ Юрьевичь—в. кн. Владимірскій на Клязьмѣ, по прозванію *Большое гнѣздо*.

(4) Т. е. Кіевскаго, стола Юрья Долгорукаго.

(5) Чага—жена, взятая въ плѣнъ у Половцевъ.

(6) Дѣти Глѣба Ростиславича, князья рязанскіе.

(7) Дѣти Ростислава, сына Мстислава Великаго.

(1) Сынъ Владиміра Володарича, по прозванію Осмомыслъ.

(2) Романъ Владиміро—волынскій, сынъ в. кн. Мстислава; Мстиславъ—двоюродный братъ Романа, сынъ Ярослава Изяславича Луцкаго.

(3) Черниговскіе князья.

Загородите полю (*степнякамъ*) ворота своими острыми стрѣлами—за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грозныимъ Полочаномъ, подъ кликомь поганыихъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыими мечи и шеломы литовскыя, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрленьими щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыими мечи и схоти ю на кровать... И рекъ: »дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша«. Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; единъ же изърони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе. Трубы трубять Городеньскыія.

Ярославе, и вси внуци Всеславли! уже понизите стягы своя, вонзите своя мечя вережены; уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю рускую, на жизнь Всеславлю, которою бо бѣаше насиліе отъ земля Половецкыя. На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемь злата стола Кыевьскаго. Скочи отъ нихъ лютыимъ звѣремъ къ плъночи изъ Бѣлограда, обѣсися синѣ мьглѣ, утръже воззни стрикусы (*стьнобитное орудіе*), оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немигы съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепы харалужныими, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брези не бологомь бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускыихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяаше, княземъ грады рядяаше, а самъ въ ночь влъкомь рыскааше; изъ Кыева дорыскааше до куръ Тмутороканя; великому Хръсови влъкомь путь прерыскааше. Тому въ Полотстѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софіи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ чясто бѣды страдааше. Тому вѣщій Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: »Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути«.

О! стонати Рустѣй земли, помянувъ пръвую годину, и пръвыихъ князей! Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевскыимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давыдовы; нъ рози нося имъ хоботы пашуть.

Коніа поютъ на Дунаи. Ярославнинъ (1) гласъ слышить: зегзицею незнаемь, рано кычеть:

»Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣемь (*твердомъ, мужественномъ*) его тѣлѣ.« Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: »О вѣтре, вѣтрило! чему, господине насильно вѣеши? Чему мычеши хановскыя стрѣлкы на своею нетрудною крильцю на моея лады (*мужа*) воя? Мало ли ти бяшеть горъ подъ облакы вѣяти, лелѣя корабля на синѣ мори? Чему, господине, мое веселіе по ковылю развѣя?« Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: »О Днѣпре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослава носады (*суда, ладьи*) до плъку Кобякова (2): възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.« Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: »Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно

(1) Ярославна-Ефросинья, дочь Ярослава Владиміровича Галицкаго, вторая супруга Игоря. (Буся.).

(2) Кобякъ—Половецкій ханъ, разбитый Игоремъ въ 1171 г.

еси: чему, г-не, простре горячюю свою лучю на лады воя? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лукы съпряже, тугою имъ тулы затче?«

Прысну море полунощи; идуть сморци (*смерчи*) мьглами; Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земля Половецкыя на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслію поля мѣрить отъ великааго Дону до малааго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ (1) свисну за рѣкою; велить князю разумѣти: князю Игорю не быть. Кликну стукну земля; въшумѣ трава. Вежа ся Половѣцкыя подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемь къ тростію, и бѣлымь гоголемь на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымь влъкомь, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомь подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣдѣ и ужинѣ. Коли Игорь соколомь полетѣ, тогда Влуръ влъкомь потече: труси собою студеную росу: претръгоста (*надорвали*) бо своя бръзая комоня. Донець рече: »Княже Игорю, не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Русстѣй земли веселія.« Игорь рече: »О, Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныихъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыими мъглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше й гололемь на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на вѣтрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужя ручья, и стругы ростре на кусту? Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темны берегы. Плачеться мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣти жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило.«

А не сорокы въстроскоташа: на слѣду игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомь. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша только, дятлове тектомь путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыими пѣсньми свѣтъ повѣдають.

Млъвить Гзакъ Кончакови: »Аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича прострѣляевѣ своими злаченыими стрѣлами (1)«. Рече Кончакъ ко Гзѣ: »аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею.« И рече Гзакъ къ Кончакови: »аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будеть сокольца, ни нама красны дѣвиця. То почнуть наю птиця бити въ полѣ половецтѣмь.«

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени, Ярославля, Ольгова коганя хоти: »Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы«! Рустѣй земли безъ Игоря. Солнце свѣтиться на небеси: Игорь князь въ Рустѣй земли. Дѣвиця поють на Дунаи. Вьються голоси чрезъ море до Кыева. Игорь ѣдеть по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей, страны ради, гради весели.

Пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти слава: Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу: »Здрави князи и дружина, побарая за христьаны на поганыя плъки! Княземъ слава, а дружинѣ аминь!«

(Сказ. Р. Н. Сахар. т I).

330. Сказаніе оплѣномъ Половчинѣ.

Бѣ нѣкій человѣкъ цѣломудренъ и смысленъ въ славнемъ градѣ въ Киевѣ, имѣя вѣру велику и любовь ко св. Николѣ, и не вѣмъ, коею притчею сѣдяше у него Половчинъ все лѣто желѣзы око

(1) Имя Половчанина, помогшаго Игорю бѣжать.

(1) Соколъ—Игорь, Соколичь—сынъ его Владиміръ.

ванъ; во единъ же отъ дней глагола ему крестьянинъ: »доколѣ хощеши сидѣти у мене? дай на себѣ искупъ и отпущю тя въ землю твою.« Онъ же рече ему: — аще мя отпустиши, принесу ти искупъ; аще ли мя держиши, не имѣю, что ти дати.—Христіанинъ же рече ему: »дай по себе поруку; отпущю тя.« Половчинъ же рече ему:—ты самъ вѣси, яко нѣсть кто въ Руси поручаяся по мнѣ!—И глагола ему христіанинъ: »Хощеши ли дамъ тя на поруку св. Николѣ?« Онъ же рече:—не знаю его, ни онъ мене; то како поручиться по мнѣ?—Христіянинъ же веде его въ церковь, и показа ему икону св. Николы, глаголя: »хощеши ли, сему тя дамъ на поруку?« Половчинъ же рече съ радостію:—хощю; аще мя пожалуете и все привезу, имъ же долженъ есмь тебѣ!— Мняше бо яко ничтоже въ Руси вѣра человѣка того, еже ко св. Николѣ. Дивно бо есть, братіе, како не смятеся, пущая сего пленника; ни помысли въ сердцѣ своемъ: принесеть ли ему искупъ или не принесеть! Но едино во умѣ имѣ порученіе св. Николѣ — и не имать погинути. И си рекъ чюдный мужъ, отпусти плѣнника, давъ ему одѣніе и потребу на путь доволну, и на конь свои всадивъ и обязь давъ, рече ему: »брате, не мози солгати, ему же ся еси обѣщалъ принеси искупъ или прислати; аще ли же солжеши, изъвѣсто ти буди: не имаши убѣжати руки поручившагося по тебѣ.« Онъ же рече: — створю все, о немъ же глаголеши.—И си рекъ, поклонився поѣде. Едуще же путемъ, злу мысль во сердцѣ смысливъ, глаголаше: нѣсть смысла воистину въ Русинѣ семъ, еже мя предаеть образу на поруку, на дскѣ написану, Николѣ нарицаему, что ми можеть створити? нынѣ бо не вижю его, ни онъ мене! како бо можеть доска ходити или ѣздити? аще бы и велику человѣку далъ мя на поруку, и того въ своей земли не боюся, ни искупа дамъ! И ту мысль имѣя, пріѣха въ землю свою; домашніи же его мнѣша такоже, яко безъ ума отпущена; а не вѣдущи силы божіа и чудеси св. Николы; безумніи скотѣ гордящися суетнымъ богатствомъ, слышавши у него, не боятися ему веляху своего поручника, мняще яко игру суща бывши, самѣ безумни во игрѣ не радящи о семъ.

Мало же дний мину, явися ему истинный и неложный и незамедленный помощникъ и поборникъ христьяномъ св. вел. Никола, глаголя: »Знаеши ли мя, друже?« Половчинъ же рече: — незнаю. Кто ты еси? И глагола ему св. Никола: »не азъ ли поручихся по тебѣ, принести было ти искупъ хрѣстьянину оному, ты же что ради медлиши? Се глаголю ти: повези на себѣ искупъ, да бѣды ти не сътворю!« И си рекъ, невидимъ бысть. Половичинъ же дивися явленію, мняще ничтоже сутъ—и скоро забы. Единою же всѣдъ на конь поѣха на полѣ, явися ему св. Никола, и исторже съ коня, и потрясе имъ, глаголя: »не рехъ ли ти, окаянне, повези на себѣ искупъ христианину оному, яко данъ ми еси имъ на поруку; и вскорѣ забылъ глаголанное мною, и се еще ти глаголю: пожалуй себе самъ: повези на себѣ искупъ; аще ли забудеши се, то узриши, что ти будеть отъ мене«.

И си рѣкъ св. Никола къ нему, невидимъ бысть. Половчинъ же той всѣдъ на конь, поѣха въ домъ, на сердцѣ имѣя мысль повѣсти скоро искупъ, имѣ бо некаку болезнь отъ втораго явленія св. Николы; и бывшю ему во мнозѣ питіи и во скотскомъ житіи, забы и то, мня яко мимо шло и ничтожь ему будеть, яковѣ и нынѣ мнозихъ видимъ: аще и законъ божій свѣдять, егда найдетъ болѣзнь на нихъ или бѣда велика, молятся Богови со слезами и на помощь призываютъ попы, и мниси и нищіи, глаголюще: господіе, помолитеся о насъ, да помилуетъ ны Богъ васъ ради; тацѣ уже не будемъ,

ащѣ (*какіе*) же нынѣ, но инъ обычай пріимемъ, иже богоугодно. Разумѣваемъ, яко всуе мятемся въ житьи семъ; егда же дасть намъ Богъ тѣхъ молитвами, къ чимъ же вѣру приложиша, тогда забудуть, внегда полегчить имъ, еже ркоша въ болѣзни или въ бѣдѣ молящеся: и здрави бывше, тѣхъ озлобляютъ, ихже призываша на молитву, не знающе ихъ творятся, а на нищихъ гнушаются и возрити, яко безсмертнѣ сотворшеся. Такожь и сей поганій Половчинъ, егда потрясе имъ явився св. Никола, тогда убояся его; егда же мину неколико днеи не являяся ему, тогда онъ забы.

Неколи же потомъ за мало днїй приключися сонму быти княземъ ихъ и вельможамъ, съѣхавшимся мнозѣмъ, и тому половчину туже пріѣхавшю, и егда ставшю на кони въ сонмищи съ ними, сторже его съ коня сила Божія невидимая, всѣмъ зрящимъ и видящимъся, нача терзати и порѣвати его, глаголя: »не рѣхъ ли ти, окаянне, повези на себѣ искупъ, да не горѣе ти сего будеть; онъ бо хрѣстьянинъ теплою вѣрою прибеже ко мнѣ, и возверже печаль свою на мя, то како могу зрѣти его въ печали той; ты же, безумный варваръ, гордый, не помяну моего порученіа, ни убояся суда божіа, иже приде на тя скоро, ни моего перваго и втораго явленіа! И се нынѣ уже въ третьеи явихъ ти ся, терпѣніе (*терпи же*?) муку си за преслушаніе»!—Страшно же бяше, братіе, видити мученіа его: овогда бо бѣ главою потченъ о землю, овогда же отъ земля восхыщенъ и о землю разраженъ, иногда же бяше глава его междю ногъ его, и ктому невидимо аки батоги біаше его сила божіа, единако глаголющи: «повези на собѣ искупъ христіанину оному». Около же его стоящіи всѣ разбѣгошася; онъ же лежаше аки мертвъ. Знающіи же повѣдаша, ѣхавши, роду его бывшее мученіе то надъ нимъ, онѣже, пріѣхаши, взяша его ель жива. Многи же дни лежа не могы глаголати, но яко отъ сна возбнувъ и брашна вкусивъ, укрѣпися, и повѣда роду своему вся бывшая: 1-е явленіе и 2-е св. Николы, и казнь и глаголаніе. Онѣ же, ничтоже вѣдущи бывшаго ему, нынѣ слышавши, начаша гнѣватись нань, сице глаголющи: »кто тако безуменъ, якоже ты? Видивъ явленіе 1-е и 2-е поручника своего и не убояся, ни повѣда намъ; мнихомъ бо якоже прежъ глагола намъ: кому мя да на поруку? безъ ума данъ есмь Богови русскому»! Онъ же рече имъ:— ей не самому Богу, но *святцю* его Николѣ!—Онѣ же рѣша ему: »аще не Богу ихъ, но слузи его; не вѣси ли яко великъ есть Богъ русскій и дивна чюдеса творить; то великіи слуги его; не токмо самъ дѣть преславная, но и тѣ слуги его, аще бо бѣда кая—любо отъ насъ бываеть имъ, то глаголють: за грѣхи наша Богъ не помогаетъ намъ; аще бы имъ помоглъ, то ни единъ бы насъ осталъ отъ нихъ! Ты же, безъ ума не убояся Бога ихъ и святця того, вижь, что еси пріобрѣлъ еси! Аще нынѣ не поѣдеши со искупомъ въ Русь, то отъиди отъ насъ, и единъ погини, да и мы съ тобою казни не пріимемъ».

Половчинъ же той убоявъся, то слышавъ отъ нѣхъ, ни мало пождавъ, повелѣ рабомъ своимъ нарядитися и стадо коней отлучити, имъ же бяше дати искупъ, и малое стадце къ тому прилучити, еже дати отъ порученія св. Николѣ, дабы уже не мучилъ его; бяше бо богатъ зѣло. И тако скоро поѣха на Русь съ конми тѣми и не токмо искупъ пригна господину своему, но и боле бояся поручика своего, нашего поборника вел. помощника св. Николы. Егда же пригнася ко граду Киеву, не ѣха на дворъ, идѣже бѣ сѣдѣлъ у господина оного, но ѣха преже ко церкве св. Николы, идѣже бѣ данъ на поруку ему, и слѣзъ съ коня, далече пѣшъ приде, ведый за собою малое оно стадце

коней, и вшедъ въ притворъ, узрѣ икону ону св. Николы, сице со слезами падъ на землю рече:—Не мучи мене, господи мой, поручниче, святче божій Николо, се искупъ весь пригнавъ христіянину твоему и тебѣ нечто мало отъ порученіа, да не гнѣваешися на мя; понеже хотѣхъ солгати и не добро ми бысть.—И се изрекъ и кони отдавъ іерѣю тоя церкви, поѣха ко господину своему, и пригнавъ на дворъ его большее стадо коней, поклонивъся рече ему:—Се искупъ мой, господи, а у поручника быхъ уже!—И сказа ему все по ряду бывшее. Христіянинъ же той, се слышавъ, и видивъ, ужасеся сердцемъ и удивися о преславнемъ семъ чудесе, и скоро вставъ, тече въ церковь св. Николы, и падъ предъ образомъ его, многи слезы пролія, хваля милосердіе его, глаголаше: »Что ти принесу, святче божій, за вся, яже ми воздалъ недостойному рабу твоему; твоихъ бо даровъ весь есмь обиленъ, имѣяй бо ты широту царства небеснаго, и намъ оттуди даровая дары; мы жъ точію сія ти приносимъ, удивляемся твоей милости. Хвалимъ твоя щедроты, блажимъ твое заступленіе«!—И таку умножену створивъ молитву къ св. церкви его, иде въ домъ свой, и созва весь родъ свой, и племя и други, и сусѣды своя, глаголя: »радуйте ми ся, яко удиви милость свою на мнѣ убозѣмъ святитель христовъ Николае«!—И сказа имъ все поряду, еже створи Половчинъ; онѣ же вси слышавши се, яко едиными усты похвалиша глаголюще: »дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, творяй чюдеса святыми своими«! Боголюбивый же той мужъ створи праздникъ честенъ св. Николѣ, яко же на память его творити чрезъ нощь стоянiемъ и пѣнiемъ, попы же и мнисѣ на обѣдъ созва и нищая милостынею учреди.

(*Памятн. старин. рус. лит. I, 71—73*).

Это сказаніе получило начало во времена дотатарскія и составляетъ драгоцѣнный памятникъ для исторіи. Изъ этой легенды мы видимъ, что во время борьбы южно-русскаго населенія съ Половцами, Русскіе держали въ желѣзахъ попадавшихся пленныхъ и отпускали ихъ за выкупъ. Кіевлянинъ смотрѣлъ на пойманнаго Половчина какъ на доходную статью. Все богатство степныхъ народовъ состояло изъ стадъ и табуновъ. — Поручительство у Русскихъ издавна было юридическимъ обычаемъ и особенно клятва предъ иконой служила залогомъ вѣрности обѣщаній. За поручительство обычай требовалъ приносить матеріальную благодарность. Древній коренной обычай требовалъ всякаго человѣка, не исключая иновѣрца и должника, накормить, напоить и надѣлить всѣмъ нужнымъ на дорогу. Такъ отпускалъ Владиміръ проповѣдника Бруно къ Печенѣгамъ. (Рус. Бес. 1856 г. кн. 1, отд. 2, стр. 1—35).

Изъ этого сказанія видны интересныя черты внутренняго быта Половцевъ, какъ напр. ихъ съѣзды на совѣщанія; особено важно то значеніе христіанской религіи и русской цивилизаціи, которое обнаруживалось въ средѣ степныхъ варваровъ. Какъ всѣ русскіе инородцы досель питаютъ особенное уваженіе къ святителю Николаю, такъ и Половчинъ и его семейство относятся къ нему съ почтеніемъ.

Самое важное достоинство »Сказанія о Половчинѣ« заключается въ живомъ изображеніи крѣпкой простодушной вѣры русскаго человѣка.

О борьбѣ съ Половцами см. въ Поученіи Мономаха. Сначала Половцы свирѣпо нападали на Русскихъ, потомъ породнились князья половецкіе съ русскими и нерѣдко принимали православную вѣру.

Объ Уцахъ и Половцахъ. *П. Фр. Сума.* Чт. Общ. Ист. 1848 г, № 8, III, 15. О Половцахъ. Ж. М. Н. Пр. VI, 178. Торки, Берендѣи и Черные Клобуки. *Н. Самчевскаго.* Архивъ Калачова кн. 2, 1. отд. III. 83—106. Толкованіе языка Половецкаго. Москвит. 1850, V, 7—9. X. 31.

2. ВОЛЖСКІЕ БОЛГАРЫ.

331. Сношенія и борьба съ Болгарами.

а. 6514 (1006). Прислали Болгары (*Волскіе*) пословъ съ дары многими, дабы Владиміръ позволилъ имъ въ городахъ по Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасенія, на что имъ Владиміръ охотно соизволилъ, и далъ имъ во всѣ града печати, дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали, и рускіе купцы съ печатьми отъ намѣстниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія, а Болгарамъ всѣ ихъ товары продавать во градахъ купцамъ, и отъ нихъ купить что потребно, а по селамъ не ѣздить тіуномъ вирникомъ, огневтинѣ и смердинѣ продавать, а отъ нихъ не купить. (*Ист. россійская В. Н. Татищева. Кн. II, 88 — 89. М. 1773*).

Сіи Болгары довольно видно, колико о ремеслахъ и купечествѣ прилежали, что въ Индію чрезъ Персію, чрезъ Россію на сѣверъ во Швецію и Данію, чрезъ Черное море до Египта, для торгу ѣздить не лѣнились... Не трудно имъ было магометанской законъ имѣть. (*Тамъ же примѣч. 173. 208*).

б) Въ тоже лѣто (1164) иде князь Андрѣй на Болгары, съ сыномъ своимъ Изяславомъ, и съ братомъ своимъ Ярославомъ, и съ муромьскымъ кн. Гюргемъ: и поможе имъ Богъ и св. Богородица на Болгары, самѣхъ исѣкоша множьство, а стягы ихъ поимаша, и одва въ малѣ дружинѣ утече князь болгарьскый до великаго города; князь же Ондрѣй воротися съ побѣдою, видѣвъ поганыя Болгары избиты, а свою дружину всю здраву. Стояху же пѣши съ св. Богородицею на полчищѣ, подъ стягы: и пріѣхавъ до св. Богородици кн. Андрей, съ Гюргемъ и со Изяславомъ и съ Ярославомъ, и со всею дружиною, удариша челомъ передъ св. Богородицею, съ радостью великою и слезами хвалы и пѣсни въздающе ей, и шедше взяша градъ ихъ славный Брячимовъ, а переди 3 городы ихъ пожгоша. Се же бысть чюдо новое св. Богородици Володимерское, юже взялъ бяше съ собою благовѣрный кн. Андрѣй, и принесъ ю съ славою, постави ю въ св. Богородицѣ Володимери въ Золотоверстѣй, идѣже стоитъ и до сего дне. (*Лавр. 150—151*).

в) Тое же зимы (1172) посла князь Андрѣй сына своего Мстислава на Болгары, и муромскый князь сына своего, и рязаньскый князь сына своего; бысть не любъ путь всѣмъ людемъ симъ, зане непогодье есть зимѣ воевати Болгаръ, и поидуче не идяху. Бывшю же кн. Мстиславу на Городьци, совкупльшюся со братома своима, съ муромьскымъ и съ рязаньскымъ, на усть Окы, и ждаша дружины 2 недѣли, и не дождавше ѣхаша съ переднею дружиною, Борису Жидиславичю воеводѣ въ то время нарядъ весь держащю и выѣхаша въ поганыя безъ вѣсти, взяша селъ 6, самое городъ, мужи исѣкоша, а жены и дѣти поимаша. Слышавше же Болтаре въ малѣ дружинѣ кн. Мстислава прищедша, идуща опять съ полономъ, доспѣша вборцѣ и поѣхаша по нихъ въ 6000, за малымъ не постигоша ихъ за 20 верстъ, кн. Мстиславу на устьи съ малою дружиною, а всю дружину пустившю отъ собе; и възврати отъ него Богъ поганыя Болгары, хрестьяны покрывъ рукою своею. Слышавше бо наши се, прославиша Бога: заступи бо

очивѣсть (*очевидно*) отъ поганыхъ св. Богородица и хрестьянская молитва; поганіи бо възвратишася вспять, а хрестьяне хваляще Бога, взвратишася всвояси.

(*П. С. Лѣт. I, 155*).

332. Побѣды надъ Болгарами 1183.

Болгары Волскіе съ бѣлою Русью имѣя непрестанной торгъ, множество привозили, яко житъ, тако разныхъ товаровъ и узорочи, продавая въ городахъ рускихъ по Волгѣ и Окѣ; но Рускіе многіе собрався тайно по Волгѣ купцовъ болгарскихъ грабили, а потомъ по Волгѣ сёла ихъ и города разоряли, о чемъ Болгары два раза присылывали Всеволода о управѣ просить; но понеже люди тѣ были Рязанцы, Муромцы и другихъ городовъ не вѣдомые, не могъ Всеволодъ ни какой управы учинить, только во всѣ свои области послалъ запрещеніе, чтобъ такихъ разбойниковъ ловя приводили, а ловить ихъ по Волгѣ не послалъ, чемъ Болгары озлобясь, собравъ войска великія, пришли въ лодіахъ по Волгѣ къ берегамъ въ области бѣлорускія, которыя около Городца, Мурома и до Рязани великое разореніе учинили (1183), и войска посланныя противо ихъ не могли для множества ихъ оборонить, даже сами, набравъ множество въ плѣнъ людей и скота, возвратились. Всеволодъ вельми оскорбяся симъ, и желая Болгарамъ отмстить; но единъ не надѣялся своими войски достаточно учинить, послалъ въ Кіевъ ко Святославу, объявля ему о томъ учиненномъ отъ Болгаръ разореніи, и просилъ его о помощи, написавъ ему тако: »Отче и брате! Се Болгары сосѣди наши, народъ безбожный, суть вельми богаты и сильны, нынѣ пришедъ по Волгѣ и Окѣ, якоже и коньми, съ великимъ войскомъ, многіе города разорили, людей безчислено плѣнили, которымъ единъ противиться не могу, наипаче, что рязанскіе князи между собою братья, имѣя вражду другъ друга воюютъ свои области разоряютъ, о Руской землѣ отечествѣ нерадѣютъ, Половцовъ же призывать не хочу, ибо они съ Болгары языкъ и родъ единъ, опасаюся отъ нихъ измѣны, ниже хочу, чтобъ они за мое саблею плѣнниковъ набравъ ко вреду Русской земли усиливались; того ради прошу у тебя, да пришлешь ко мнѣ во помочь достаточное войско, сколько самъ заблагоразсудишь, а когда тебѣ на иновѣрныхъ помочь потребна, я не облѣнюся самъ итти, или всѣ мои войска тебѣ послать«.

Святославъ принялъ сіе заполезное, и отвѣчалъ посламъ: »Дай Боже! чтобъ намъ во дни наши въ братіи имѣть любовь и тишину, а на нечестивыхъ воевать обще«. И немедленно послалъ ко Всеволоду сына своего Владимира съ войскомъ, такожъ писалъ ко всѣмъ братіямъ и сыновцамъ, которымъ Ярославъ черниговскій и Игорь сѣверскій присовокупили свои полки съ воеводами, а Изяславъ переяславскій самъ пошелъ, Давидъ смоленскій послалъ сына Мстислава.

Наступившей веснѣ пришли всѣ князи рускіе къ Окѣ, а остава войска въ Коломнѣ, Растиславли и Борисове велѣли насады (*струга*) готовить, а князи поѣхали въ Владимиръ: Изяславъ Глѣбовичь переяславскій, Владимиръ Святославичь, Мстиславъ Давыдовичь смоленскій, Романъ и Игорь Глѣбовичи рязанскіе, Владиміръ муромскій, которыхъ князь в. принялъ съ любовію и честію, и пировалъ съ ними 5 дней, доколѣ получилъ извѣстіе, что войска суда изготовя пошли по Окѣ къ устью Клязьмы, и въ 6-й день, маія 20, самъ Всеволодъ со всѣми князи поѣхалъ въ Городецъ, гдѣ его войска были готовы: другіе пошли по Клязьмѣ, и всѣ совокупясь на устьѣ Оки, войска конныя отправили полемъ съ вое-

водами, сами пошли внизъ по Волгѣ. Напереди шли Изяславъ Глѣбовичь и Владимиръ Святославичь, позади рязанскіе, а муромскій и смоленскій съ в. княземъ въ срединѣ; и тако пришли къ острову, называемому Сады, на устіи рѣки Цевцы іунія 8 дня: тутъ вышли на берегъ, понеже войска конныя тутъ ихъ дожидались, и оставили на томъ острову лодіи и насады; да при оныхъ воеводъ Ѳому Назаріевича съ Бѣлозерскимъ полкомъ, да Дорожая, которой прежде служилъ княгинѣ Олгѣ галицкой, и другихъ начальниковъ, сами пошли на конѣхъ въ землю Болгарскую; Мордва же миръ со Всеволодомъ учинили, и привозили въ войско всякіе запасы продавать. Всеволодъ пришелъ ко граду серебрянныхъ Болгаръ, сталъ у Тухчина городка, и пробывъ тутъ два дни, послалъ напередъ разъѣздъ къ великому городу, а въ 3-й день самъ пошелъ. Разъѣздъ же узрѣлъ въ сторонѣ полкъ стоящей, думали, что Болгары идутъ, стали пріуготовляться къ бою, но вскорѣ отъ онаго пріѣхали 5 человѣкъ, и объявили о себѣ, что они присланы отъ князя половецкаго Ямака, которой увидавъ, что князь в. идетъ съ войскомъ на Болгары, общихъ непріятелей, пришедъ здѣсь, велѣлъ спросить, есть ли вамъ непротивно, то онъ съ вами обще пойдетъ? Князь в. созвавъ князей всѣхъ и вельможъ совѣтовалъ, какую имъ отповѣдь дать, и положили на томъ, что взявъ отъ нихъ роту, велѣлъ итти близъ полковъ рускихъ, что они охотно учинили, и пошли вкупѣ къ великому городу. Перешедши же Черемисъ пришли къ великому городу, и въ первый день устроя полки, стали совѣтывать, что дѣлать; ибо чаяли Болгаръ встрѣтить въ полѣ, но оные всѣ заперлися во градѣ, и предъ градомъ укрѣпя оплотомъ крѣпкимъ, стали со всѣмъ войскомъ своимъ.

Изяславъ Глѣбовичь переяславскій, будучи въ передовомъ полку, хотѣлъ первый опытъ учинить, видя пѣхоту болгарскую предъ оплотомъ стоящую, вооружа полкъ свой, пошелъ прямо ко граду, и приближась напалъ на оныхъ такъ мужественно, что оные потерявъ немало людей, принуждены были уйти въ оплотъ, и гналъ ихъ до самыхъ вратъ рубя и плѣня. Тутъ ударенъ былъ Изяславъ стрѣлою сквозь бронь подъ сердце такъ тяжко, что уже принуждены его на рукахъ въ станъ отнести. Сіе учинило великую печаль Всеволоду, и всѣмъ князьямъ, паче же всему войску, зане храбрости его ради и добраго въ войскѣ распорядка у всѣхъ любимъ и почитаемъ былъ.

Въ то время Болгары собравъ совсѣхъ окольныхъ градовъ и предѣлъ *Кусяне, Себи, Елмата*, такожъ называемые *Мстили дюдичи* болѣе 5000, пошли въ лодіяхъ къ острову, гдѣ стояли насады рускіе, и изъ Торцеса пришли ко оному жъ конницею, и пришедъ вышли на островъ прямо на Рускихъ вопіюще, яко пожрени хотя; воеводы же рускіе, устроя полки своя, не хотѣли ожидать во окопѣ сдѣланномъ, разсудя, естьли они въ одномъ мѣстѣ въ окопъ прорвутся, то всѣ придутъ въ смятеніе, пошли прямо противо ихъ брегу. Болгары увидя войско, чего не чаяли, съ великимъ смятеніемъ не учиня бою, побѣжали къ своимъ дощеникамъ оставленнымъ, а Рускіе за ними погнали, рубили ихъ и кололи, мало живыхъ брали. Оные прибѣжавъ къ Волгѣ, метались въ ихъ дощаники, и тутъ многіе тонули; дощаники бо отъ множества сѣдшихъ людей тонули и опрокидались, гдѣ ихъ болѣе 2000 потонуло, и едва половина отъ всѣхъ въ домы возвратились.

Князь в. стоялъ около града серебряныхъ Болгаръ 10 дней, и выслалъ князь болгарскій вельможъ просить о мирѣ. Всеволодъ, видя сыновца Изяслава изне-

могающа, учинилъ съ Болгары миръ, взявъ отъ нихъ дары многіе, паче же Рускихъ, бывшихъ въ плѣнѣ, сколько они имѣли, всѣхъ освободилъ, а которые вдаль развезены, обѣщали всѣхъ отпустить, и потомъ со всѣми войски поиди паки ко острову, гдѣ стояли насады, не вѣдая, что Болгары на оные приходили и погибли; но пришедъ уже о томъ увѣдали, и весьма радовались о сугубой непріятелей побѣдѣ, и воздали хвалу Господу Богу; но радость та на утріе премѣнилась въ тяжкую печаль. Ибо преставися Изяславъ Глѣбовичъ, котораго положа въ лодію отправили на скоро во Владиміръ, и самъ Всеволодъ возвратился въ насадахъ, а конницу отъ рѣки Суруи (*нынѣ Сура*) отпустилъ берегомъ на Мордву, которые идущимъ на нихъ за Всеволодомъ вредъ дѣлали, и людей побили. Оные воеводы пришедъ въ Мордовскую область, много селъ ихъ до рѣки Цны разорили, и со многимъ полономъ возвратились. Всеволодъ пришедъ во Владиміръ, велѣлъ Изяслава погребести у св. Богородицы.

(*Ист. Рос. В. Н. Татищева 1774 г. III, 248—252*).

О томъ же П. С. Лѣт. I, 164—165, подъ 1184 г. и 169.

333. Отношенія къ Болгарамъ.

а. Въ лѣто 6728 (1221). Георгій в. князь, сынъ Всеволожь, посла брата своего Святослава съ полкы и воеводами на безбожныя Болгары. И яко приде Святославъ подъ градъ ихъ Ошелъ, и изидоша изъ лодьи вси полци пѣши, видѣвше же си безбожніи Болгаре, скоро доспѣвше, ови на конихъ, а друзіи пѣши, устремишася на бой и изидоша изъ града противу; наши же, силою креста честнаго укрѣпляеми, поидоша противу имъ стрѣляюще я, они же забѣгше за плотъ (1), бійхутся крѣпко, наши же разсѣкше плотъ, вбиша я въ градъ и отяша у нихъ врата, и зажгоша градъ ихъ, и взяша и на щитъ. И поможе Богъ Святославу м. іюня въ 15 день, на память св. Амоса. (*П. С. Лѣт. I, 188*).

б. Того же лѣта (1229) страсть новаго мученика Христова, его же убиша Болгаре въ Великомъ градѣ ихъ: сь бысть иного языка не Рускаго, хрестьянъ же сы, имѣяще имѣніе много, гостешбу (*торговлю*) дѣя по градомъ, вниде въ Болгарьскый градъ, они же емше нудиша и много дній, ласканьемъ и прещеньемъ (*угрозами*), отвращися Христа и вѣры хрестьянскыя, онъ же не покорися, но вся оставивъ, изволи паче умрети за Христа; усѣченъ бысть м. апрѣля въ 1 день, его же русь хрестьяне вземше тѣло положиша въ гробѣ; идѣже вси хрестьяне лежать и створи Богъ милость вскорѣ, за кровь его, погорѣ у него большая половина города Великаго, а потомъ оставшая часть загорается днемъ дважды и трижды; такоже и бысть по много дни, мало остася города, а все погорѣ, и товара погорѣ множество безчислено, за кровь мученика Христова. Того же лѣта Сакспни и Половци възбѣгоша изъ низу къ Болгаромъ передъ Татары, и сторожеве Болгарьскый прибѣгоша, бьени отъ Татаръ близь рѣкы, ей же имя Яикъ.

в. Въ лѣто 6738 (1230), м. марта въ 9 день, 40 св. Мученикъ, принесенъ бысть Христовъ мученикъ Аврамій новый изъ Болгарьскоѣ земли въ славный градъ Володимерь, его же Болгаре въ минувшее лѣто, м. априля въ 1 день, много мучивше нудяще отвращися

(1) Плотъ, оплотъ, плотина, стѣна.

крещенья, онъ же не отвержеся, но все оставль имѣнье свое, усѣченъ бы, и взяты быша мощи св. страстотерпца Аврамья, и принесенъ бывъ въ Володимерь, и в. кн. благочестивый Георгій усрѣте и передъ городомъ за версту, съ великою честью, съ свѣщами, и епископъ Митрофанъ со всѣмъ клиросомъ и со игумены, и княгыни съ дѣтьми, и вси людье; и положенъ бысть въ церкви св. Богородица, въ монастыри великыѣ Княгини Всеволожіѣ. (*П. С. Лѣт. I, 192—193*).

г. Въ 1236 г. »пришедше безбожніи Татарове, попленіша всю землю болгарскую и изсѣкоша всѣхъ мужей, женъ и дѣтей, а прочихъ въ полонъ взяша«.

(*Никон. л. подъ 1236 г.*).

334. Битва съ Болгарами и казанскими Татарами.

Тое же зимы (1376) посылалъ кн. в. Дмитрей Ив. кн. Дмитрей Мих. Волынскаго ратію на безбожныя Болгары, а кн. Дмитрей Конст. суздальскій посла сына своа кн. Василіа и кн. Ивана, съ ними же бояръ и воя многи; и пріидоша къ Болгаромъ въ вел. говѣніе, марта 16, въ понед. на Вербной недѣли. Поганіи же изыдоша противу ихъ и сташа на бой, и начаша стрѣляти, а иніи въ города громъ пущаху страшаще Рускіе полкы, а иніи изъ самострѣловъ стрѣляху, а друзіи на вельбудехъ выѣжжаша, полошаще кони Рускіе; они же никако же сего страшахуся, но крѣпко сташа противу на бой, и устремишася единодушно на нихъ, они же окаанніи побѣгоша въ градъ свой, и погониша Русь по нихъ, бьюще ихъ, и убиша ту бесерменъ 70. Кн. же Болгарьскій Асанъ и Махметъ салтанъ добиста челомъ вел. князю и тестю его кн. Дмитрію Костянт. двѣма тысячма рублевъ, а ратемъ ихъ трема тысячма рублевъ, а дарагу (*пошлинника*) и таможника посадиша князя вел. въ Болгарехъ, и отъидоша прочь, много зла створивше поганымъ, суды ихъ и села и зимници пожгоша, а людей изсѣкоша.

(*П. С. Лѣт. VIII. 24—25*).

Волжскіе Булгары *В. В. Григорьева*. Библ. для Чт. 1836, т. 19, 1—32. О Булгарахъ. *М. Гастева*. Вѣст. Евр 1827, ч. 156. № 21. 40. № 22. 102. *Кеппена*. Ж. М. Н. Пр. ч. XII, 64. Сѣверн. Архивъ ч. 27, № 9, 47. № 10, 126. № 11. 210. Библ. для Чт. 1847. LXXXII, 41—66. *Френа*. Die ältesten Arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren. Mem. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersb. VI serie, t. 1. Ж. М. Н. Пр. ч. 49. 1846 г.

3. ТАТАРЫ.

335. Битва при Калкѣ послѣ 1227 (1).

По грѣхомъ нашимъ, пріидоша языцы незнаеми, при Мстиславѣ князѣ Романовичѣ, въ 10-е лѣто княженья его въ Кіевѣ. И пріиде неслыханная рать, безбожніи Моавитяне, рекоміи Татарове, ихже добрѣ никтоже вѣсть ясно, кто суть и отколѣ пріидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовутъ ихъ Татары, а иніи глаголютъ Таурмени, а друзіи Печенѣзи, иніи же глаголютъ, яко же се суть, о нихъ же Меѳодій епископъ Патаромьскый свидѣтельствуетъ: яко сіи суть вышли изъ пустыня Етривьскія, сущи межи въстокомъ и сѣверомъ, ко скончанію времяни явитися имъ, яже загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю отъ въстока и до Ефранта и отъ Тигръ до Понтійскаго моря, кромѣ Еѳіопія. Богъ же единъ вѣсть ихъ; но мы здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради русскихъ князей и бѣды, яже бысть имъ отъ нихъ. Слышахомъ бо яко многы страны поплѣниша, Ясы, Обезы, Косагы; и пріидоша на землю Половѣтьскую, Половцемъ же ставшимъ, а Юрьи Кончаковичъ бѣ бо лише всѣхъ Половець, не може стати противу лицу имъ. Бѣгающю же ему, Половци же не могоша противися имъ, побѣгоша до рѣкы Днѣпра безбожніи Половци, а иныхъ загна по Дону и въ лукоморя (*излучина, заливъ моря*) и тамо изомроша, убиваеми гнѣвомъ божьимъ и пречистыя его Матере; много бо тѣ Половци зла створиша Рустѣй земли, того ради всемилостивый Богъ, хотяй погубити безбожныя сыны Измаиловы, Куманы, яко да отмьстить кровь крестьяньскую и еже бысть надъ ними безбожными, побѣдиша и Татари, инѣхъ языкъ 7. И преидоша всю страну Куманьску, и пріидоша близь Руси, а Котанъ съ иными князьями и со останкомъ Половець прибѣгоша, идѣже зовется валъ Половецькый, а Данилъ Кобяковичь и Урій убьена быста, а иніи Половци мнози разбѣгошася въ Русскую землю. Сей же Котянъ бѣ тесть Мстиславу Мстиславичю галичьскому, и пріиде съ поклономъ съ князи половѣтьскыми въ Галичь къ князю Мстиславу, къ зятю, и ко всѣмъ княземъ русскимъ, и дары принесе многы, кони, вельбуды, и буйволы и дѣвкы и одари князей русьскыхъ, а ркучи тако: »нашу землю отъяли денесь, а вашу заутра возмутъ пришедъ, поборите насъ; аще не поможете намъ, мы нынѣ иссѣчени будемъ, а вы наутріи иссѣчени будете.« И помолися Котянъ зятю своему о пособьи, Мстиславъ же нача молитися княземъ русскымъ, братьи своей, рече: »аже мы, братіе, симъ не поможемъ, то си имутъ предатися имъ, то ихъ болши будетъ сила;« и тако думавше много, и яшася пособити Котяню, моленія слушая князь половечьскыхъ. Бывшу съвѣту всѣхъ князей въ градѣ въ Кіевѣ, и створиша съвѣтъ сице: »луче бы ны есть пріять я на чюжей земли, нежели на своей;« и начаша вои строити которыйждо свою власть. Тогда бо бѣ Мстиславъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ Козельскый въ Черниговѣ, а Мстиславъ въ

(1) О томъ же въ П. Собр. Лѣт. I, 189; II, 163—165; III, 39—41; VII, 129—132.

Галичѣ, то бо бѣаху старѣйшины въ Русской земли, князя же великаго Юрья суздальскаго нѣту въ совѣтѣ томъ; се же пакы младіи князи: князь Данило Романовичь, князь Михайло Всеволодичь, князь Всеволодъ Мстиславичь кіевьскый, и иніи мнози князи, тогда же князь половецькій крестися Басты, Василка же не бѣ, въ Володимери младъ. И совокупивше землю Русскую всю противу Татаромъ, и пріидоша къ рѣцѣ Днѣпру на Зарубъ къ острову Варежьскому. Тогда увѣдавше Татарове, что идуть князи русстіи противу имъ, и прислаша послы къ княземъ русскымъ: »се слышимъ, оже противу намъ идете, послущавше Половець, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ, ни на васъ пріидохомъ; но пріидохомъ, Богомъ попущени, на холопи наши и на конюси свои, на поганыя Половци, а возмите съ нами миръ, а намъ съ вами рати нѣту; оже бѣжать къ вамъ Половци, и вы бейте оттолѣ, а товаръ ѥмлите себѣ, занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла творятъ, того же ради мы ихъ отселѣ бьемъ.« Князи же русстіи того не послушаша, и послы татарьскыя избиша, а сами поидоша противу имъ, и не дошедше Олешья, и сташа на Днѣпрѣ; и прислаша Татарове второе послы, глаголюще: »аще есте послушали Половець, а послы наши есте избили, а идете противу намъ, то вы поидѣте; а мы васъ не замаемъ ничимъ, то всѣмъ намъ Богъ,« и отпустиша послы ихъ. И пріиде ту вся земля Половецьская и вси ихъ князи, а изъ Кіева князь Мстиславъ со всею силою, а изъ Галича князь Мстиславъ со всею силою, Володимеръ Рюриковичь съ Чернѣговци, и вси князи чернѣговьскіи, а изъ Смоленьска на Зарубъ 100 мужь и инѣмъ странамъ. Тогда же князь Мстиславъ галицкій пребродися Днѣпръ въ 1000 мужь на сторожи татарьскія, и побѣди ѧ, а останокъ ихъ побѣже съ воеводою съ Гемябѣкомъ, и ту имъ не бѣ помощи; и погребоша воеводу своего Гемябѣка жива въ землю, хотяще жива ублюсти, и ту наидоша его, и испросиша его Половци, и убиша его. Слышавше же се князи русстіи, поидоша вси за Днѣпръ на множествѣ людей, а Галичане и Волыньци кыйждо съ своими князьми, а Куряне, и Трубчане и и Путивльци кыйждо съ своими князи, и пріидоша конми; а выгонци галичьскыи пріѣхаша въ лодьяхъ по Днѣпру, и поидоша въ море, бѣ бо лодій 1000, и поидоша въ рѣку Днѣпръ, и возведоша порогы, и сташа у рѣкы у Хортици на броди на протолчьи; бѣ бо съ ними Домамеричь Юрьи, Держикрай Володиславичь. Пришедшѣ вѣсти въ станы, яко пришли суть предвидѣти оляди русскыя, слышавъ же Данилъ Романовичь, и гнавъ всѣдъ на кони и сущіи съ нимъ конници, и иніи мнози князи съ нимъ гнаша видѣти рати; онѣмъ же отшедшимъ, Юрьи же имъ сказаше, яко стрѣлци суть, иніи же молвяху, яко простіи людіи суть пуще и Половець; Юрьи же Домамеричь молвяше: »ратници суть и добраа вой.« Пріѣхавше сказаша Мстиславу, Юрьи же все сказа, и рекшимъ молодымъ княземъ: »Мстиславе и другый Мстиславе! не стоита, пойдемъ противу имъ.« Преидоша же вси люди, и князи вси, и Мстиславъ чернѣговьскый рѣку Днѣпръ, и поидоша на конехъ въ поле половецьское, и усрѣтоша Татарове полкы русьскыя побѣдиша ихъ и гнаша въ поле далече, сѣкущи я, и взяша скоты ихъ, а съ стады утекоша, яко всимъ воемъ наполнитися скотомъ. И оттуда же идоша по нихъ 8 дній до рѣкы Калкы, и ту срѣтоша сторожеве Татарове, и ударища на Половцы Русскыя, сторожемъ же бившимся съ полкы русскыми, и убіенъ бысть ту Іоанъ Дмитреевичь и иная 2 съ нимъ; Татаромъ же отъѣхавшимъ прочь, на рѣцѣ Кальцѣ устрѣтоша Татарове половецьскыя полкы и русскыи. Князь же Мстиславъ Мсти-

славичь повелѣ преди переити рѣку Калку Данилови съ полкы и инѣмъ полкомъ съ нимъ, а самъ по нихъ переиде; и заидоша за рѣку за Калку, и послаша въ сторожѣхъ Яруна съ полкы съ Половци, а сами станомъ сташа ту, а князь Мстиславъ самъ ѣха вборзѣ послѣ. Видѣвшю же ему полкы татарьскыя, пріѣхавъ рече, вооружитися повелѣ вборзѣ; а князю Мстиславу и другому Мстиславу, сѣдящима има въ стану, не вѣдущима, Мстиславъ же не повѣда имъ зависти ради, бѣ бо котора (*распря*) межи ихъ велика. Сразившимся полкомъ на мѣсто, Данилъ же выѣха напередъ, и Семьюнъ Олюевичь и Василко Гавриловичь, и разидошася въ полкы татарьскыя. Василкови же свободену бывшу, а Данилу бодену бывшу въ перси, младеньства ради и буести не чюаше раны, бывши на тѣлеси его; бѣ бо възрастомъ 16 лѣтъ, бѣ бо силенъ. Данилови же крѣпко избивающю Татары, видѣвъ то Мстиславъ Нѣмый, мнѣвъ яко Данилъ свободенъ бысть, потече и самъ въ нѣ; бѣ бо мужь той крѣпокъ, понеже ужика сы Роману, отъ племяни Володимеря, прирокомъ Манамаха: бѣ бо велику любовь имѣя къ отцу его, ему же поручивши по смерти свою волость, дая князю Данилови. Татаромъ же бѣгающимъ, Данилови же избивающю я своимъ полкомъ, и Олгови Курьскому крѣпко бьющюся, тогда же Ярунъ и инии полци Половецьстіи ступишася съ ними, хотяще битися, и Половци побѣгоша; и потоптата бѣжаще станы князій русскыхъ, а князи не успѣша ополчитися противу имъ, и смятошася вси полци русстіи, и бысть сѣча зла и люта, грѣхъ ради нашихъ русскымъ полкомъ побѣженымъ бывшимъ. Данилъ же видѣвъ, яко крѣпчае брань татарьская належитъ, и обрати конь свой и бѣжа отъ устремленія противныхъ, и вжада воды и пи, и почюти рану на тѣлеси своемъ, въ брани не позна ея крѣпости ради мужества възраста своего; бѣ бо дерзъ и храбръ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока. И бысть побѣда на вси князи русстіи, ака же не бывала отъ начала Русской земли никогдаже. Самъ бо великый князь Мстиславъ Кіевьскій, видя се зло, не движеся никакоже съ мѣста; сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою Калкою бѣ бо мѣсто каменисто, и туто учиниша городъ съ кольемъ, и бися съ ними изъ града по 3 дни. А иніи же Татарове поидоша послѣ Русскыхъ князей, бьюще ихъ и до Днѣпра, а у города остался два воеводы, Чегирканъ а Тешуканъ, на князя Мстислава и на зятя его Андрѣя и Александра Дубравьскаго; бѣста бо ту два князя со Мстиславомъ. Ту же и Бродници быша старые, и воевода ихъ Плоскыня, и тъи окаянный цѣловавъ крестъ ко князю Мстиславу и обѣма князема, яко ихъ не избити и пустити ихъ на искупъ, и сългавъ окаянный предасть ихъ связавъ Татаромъ, а городъ взяша, а люди посѣкоша; а князій имаша, издавиша и подкладше подъ доскы, а сами верху сѣдоша обѣдати, и тако князи животъ свой скончаша. И много убійство безчисленое створися, а иныхъ князей гонячи до Днѣпра 6 убиша: князя Святославa яневьского, Изяслава Ингворовича, Святослава шумьскаго, Мстислава чернѣговьскаго съ сыномъ, Юрья несвѣжьскаго, иного воя когождо десятый пріиде; и Александръ Поповичь ту убіенъ бысть съ инѣми 70 храбровъ. И тогда же князь Мстиславъ Мстиславичь преди перебѣже Днѣпръ, и пріиде къ лодьямъ, повелѣ жещи я, иныя сѣчи и отринути отъ брега, бояся по себѣ погони отъ Татаръ, а самъ едва убѣжа въ Галичь: а молодыя князи прибѣжали въ малѣхъ людій, а князь Володимеръ Рюриковичь прибѣже въ Кіевъ и сѣде на столѣ. Сіи же злоба створися отъ Татаръ м. іюня въ 16 день. Татаромъ же побѣдившимъ русскыя князи, за прегрѣшеніе хрестьянское, и до-

шедшимъ Татаромъ до Новагорода святополчьскаго, не вѣдущимъ же Руси льсти татарьскія, исходяху противу имъ со кресты, они же избиша вся; и ожидааше Богъ покаянія хрестьянскаго и обрати Татаръ вспять отъ рѣкы Днѣпра на землю въсточную, и повоеваша землю Таноготьскую и ины страны; тогда же Чагонизъ канъ ихъ убіенъ бысть. Се же бысть намъ за грѣхи наша, Богъ вложи недоумѣніе въ насъ, и погыбе безъ числа много людій, и бысть вопль и въздыханіе и печаль по всѣмъ градомъ и по волостемъ. Сихъ же злыхъ Татаръ Таурменъ не свѣдаемъ, откуду были пришли на насъ и гдѣ ся дѣли опять; только Богъ вѣсть.

(*Полн. собр. Лѣтоп. т. I, стр. 216—219*).

336. Нашествіе Батыя.

Въ лѣто 6745 (1237). На зиму придоша отъ восточныѣ страны на рязяньскую землю, лѣсомъ, безбожніи Татари, и почаша воевати рязаньскую землю, и плѣноваху и до Проньска; поплѣнивше Рязань весь и пожгоша, и князя ихъ убиша, ихже емше овы растинахуть, другыя же стрѣлами растрѣляху въ ня, а ини опакы руцѣ связываху; много же святыхъ церквій огневи предаша, и манастырѣ и села пожгоша, имѣнья не мало обою страну взяша, потомъ поидоша на Коломну. Тое же зимы поиде Всеволодъ, сынъ Юрьевъ, внукъ Всеволожь, противу Татаромъ, и сступишася у Коломны, и бысть сѣча велика, и убиша у Всеволода воеводу Еремѣя Глѣбовича, а иныхъ мужій много убиша у Всеволода; и прибѣжа Всеволодъ въ Володимерь въ малѣ дружинѣ, а Татарове идоша къ Москвѣ. Тое же зимы взяша Москву Татарове, и воеводу убиша Филипа Нянка за правовѣрную хрестьяньскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избиша отъ старьца и до ссуща младенца; а градъ и церкви святыя огневи предаша, и манастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья вземше отъидоша. Тое же зимы выѣха Юрьи изъ Володимеря въ малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя въ собе мѣсто Всеволода и Мстислава, и ѣха на Волгу съ сыновци своими, съ Василкомъ и со Всеволодомъ и съ Володимеромъ и ста на Сити станомъ, а ждучи къ собѣ брата своего Ярослава съ полкы, и Святослава съ дружиною своею; и нача Юрьи князь великый совокупляти вое противу Татаромъ, а Ярославу Михаиловичю приказа воеводство въ дружинѣ своей. Тое же зимы придоша Татарове къ Володимерю, м. февраля въ 3, на память св. Семеона, во вторникъ преже мясопуста за недѣлю. Володимерци затворишася въ градѣ, Всеволодъ же и Мстиславъ бяста, а воевода Петръ Ослядюковичь. Володимерцемъ не отворящимся, пріѣхаша Татари къ Золотымъ воротомъ, водя съ собою Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстислава; и начаша просити Татарове князя великаго Юрья, есть ли въ градѣ. Володимерци пустиша по стрѣлѣ на Татары и Татарове такоже пустиша по стрѣлѣ на Золотые ворота; и посемъ рекоша Татарове Володимерцемъ: »не стрѣляйте«. Они же умолчаша. И пріѣхаша близь къ воротомъ и начаша Татарове молвити: »знаете ли княжича вашего Володимера«? бѣ бо унылъ лицемъ. Всеволодъ же и Мстиславъ стояста на Золотыхъ воротѣхъ, и познаста брата своего Володимера. О умиленое видѣнье и слезъ достоиное! Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною своею, и вси гражане плакахуся, зряще Володимера. А Татарове отшедше отъ Золотыхъ воротъ, и объѣхаша весь градъ, и сташа станомъ предъ Золотыми враты назрѣмѣ (*на виду*), множество вой безчислено около всего града. Всеволодъ же и Мстиславъ сжа-

листася, брата своего дѣля Володимеря, и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: »братья! луче ны есть умрети передъ Золотыми враты за св. Богородицю и за правовѣрную вѣру хрестьяньскую»; и не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь. И рекоста оба князя: »си вся наведе на ны Богъ грѣхъ ради нашихъ»... Створися велико зло суждальской земли, якоже зло не было ни отъ крещенья, яко же бысть нынѣ. Но то оставимъ. Татарове станы своѣ урядивъ у города Володимеря, а сами идоша, взяша Суждаль и святую Богородицю разграбиша, и домъ княжь огнемъ пожгоша, и манастырь святаго Дмитрія пожгоша, а прочіи разграбиша; а черньци и черници старыя и попы, и слѣпыя и хромыя и слукыя *(разслабленныя)* и трудоватыя, и люди всѣ изсѣкоша, а что чернець, уныхъ и черницъ, и поповъ и попадій и дьяконы и жены ихъ, и дчери и сыны ихъ, то все ведоша въ станы своѣ, а сами идоша къ Володимерю. Въ суботу мясопустную почаша наряжати лѣсы и порокы ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего города Володимеря; въ недѣлю мясопустную по заутрени приступиша къ городу, м. февраля въ 7, на память св. мученика *Ѳеодора Стратилата*. И бысть плачь великъ въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ и неправды; за умноженье беззаконій нашихъ попусти Богъ поганыя, не акы милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ встягнулися отъ злыхъ дѣлъ... И взяша градъ до обѣда; отъ Золотыхъ воротъ у св. Спаса внидоша по примету черезъ городъ, а сюдѣ отъ сѣверныя страны отъ Лыбеди ко Оринимъ воротомъ и къ Мѣдянымъ, а сюдѣ отъ Клязмы къ Волжьскымъ воротомъ, и тако вскорѣ взяша Новый градъ. И бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бѣжаша въ Печерній городъ; а епископъ Митрофанъ, и княгыни Юрьева съ дчерью и съ снохами и со внучаты, и прочіѣ княгини, Володимеряя съ дѣтми, и множство много бояръ и всего народа людій затворишася въ церкви св. Богородица, и тако огнемъ безъ милости запалени быша. И помолися боголюбивый епископъ Митрофанъ глаголя: »Господи Боже силъ, свѣтодавче, сѣдяй на херувимѣхъ, и научи Осифа, и окрѣпивъ пророка своего Давыда на Гольяда, и въздвигнувый Лазаря четверодневнаго изъ мертвыхъ! простри руку свою невидимо, и пріими въ миръ душа рабъ своихъ»; и тако скончашася. Татарове же силою отвориша двери церковныя, и видѣша оны огнемъ скончавшася, овы же оружьемъ до конца смерти предаша; св. Богородицю разграбиша, чюдную икону одраша, украшену златомъ и серебромъ и каменьемъ драгымъ, и манастыри всѣ и иконы одраша, а иныѣ изсѣкоша, а ины поимаша, и кресты честныя и ссуды священныя и книгы одраша, и порты блаженыхъ первыхъ князій, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на память собѣ, то же все положиша собѣ въ полонъ... И убѣенъ бысть Пахомій архимандритъ манастыря Рожества св. Богородица, да игуменъ Успленьскый, Ѳеодосій Спасьскый, и прочіи игумени и черньци и черници, и попы и дьяконы, отъ уного и до старца и ссущаго младенца; и та вси иссѣкоша, овы же ведуще босы и безъ покровенъ въ страны своѣ, издыхающа мразомъ. И бѣ видѣти страхъ и трепетъ, яко на хрестьянскѣ родѣ страхъ и колебанье и бѣда упространися. Согрѣшихомъ, казними есмы... Татарове поплѣниша Володимерь, и поидоша на в. кн. Георгія окаанній ти кровоційци, и ови идоша къ Ростову, а ини къ Ярославу, а ини на Волгу на Городець, и ти плѣниша все по Волзѣ, даже и до Галича Мерьскаго; а ини идоша на Переяславль, и тъ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша, даже и до Торжку, и нѣсть мѣста, ни вси, ни селъ тацѣхъ рѣдко, идѣже не воеваша на суждальской

земли; и взяша городовъ 14, опрочь свободъ и погостовъ, въ одинъ мѣсяць февраль. Но мы на предняя взидемъ. Яко приде вѣсть къ в. кн. Юрью: »Володимерь взятъ и церквы сборная, и епископъ и княгини съ дѣтьми и со снохами и со внучаты огнемъ скончашася, а старѣйшая сына Всеволодъ съ братомъ внѣ града убита, люди избиты, а къ тобѣ идуть«; онъ же се слышавъ възпи гласомъ великымъ, со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ хрестьяньстѣй преже, и наипаче о церкви и епископа ради и о людехъ, бяше бо милостивъ, нежели собѣ и жены и дѣтій; и въздохнувъ изъ глубины сердца, рекъ: »Господи! се ли ти годѣ твоему милосердью«? Новый Іовъ бысть терпѣньемъ и вѣрою яже къ Богу. И нача молитися, глаголя: »увы мнѣ Господи! луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семъ; нынѣ же что ради остахъ азъ единъ«? И сице ему молящюся со слезами, и се внезапу поидоша Татарове, онъ же отложивъ всю печаль, глаголя: »Господи Боже мой! на тя уповахъ, и спаси мя, и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя«. И поидоша безбожніи Татарове на Сить противу в. к. Гюргю, слышавъ же князь Юрги, съ братомъ своимъ Святославомъ, и съ сыновци своими, Василкомъ и Всеволодомъ и Володимеромъ, и съ мужи своими, поидоша противу поганымъ. И сступишася обои, и бысть сѣча зла: и побѣгоша наши предъ иноплеменникы, и ту убьенъ бысть князь Юрьи, а Василка яша руками безбожніи, и поведоша въ станы своѣ. Се же зло сдѣяся м. марта въ 4 день, на память св. мученику Павла и и Ульяны. И ту убьенъ бысть князь в. Юрьи на Сити на рѣцѣ, и дружины его много убиша; блаженный же епископъ Кирилъ взя князя мертва, идый съ Бѣлаозера, и пренесе и въ Ростовъ, и пѣвъ надъ нимъ обычныя пѣсни со игумены и съ клирошаны и съ попы, со многами слезами, вложиша и въ гробъ у святое Богородици. А Василка Костянтиновича ведоша со многою нужею до Шерньского лѣса, и яко сташа станомъ, нудиша и много проклятіи Татарове обычаю поганьскому быти въ ихъ воли и воевати съ ними; но никакоже не покорися ихъ безаконью, и много сваряше я, глаголя: »О глухое царьство скверньное! никакоже мене не отведе хрестьянское вѣры, аще и велми въ велицѣ бѣдѣ есмъ; Богу же какъ отвѣтъ дасте, ему же многы душа погубили есте безъ правды? ихъ ради мучити вы имать Богъ въ безконечныя вѣкы, истяжеть бо Господь душѣ тѣ, ихже есте погубили«. Они же въскрежташа зубы на нь, желающе насытитися крове его. Блаженный же князь Василко помолися, глаголя: »Господи Исусе Христе! помагавый ми многажды, избави мя отъ сихъ плотоядецъ«. И пакы помоливъся рече: »Господи Исусе Христе Вседержителю! пріими духъ мой, да и азъ почію въ славѣ твоей.« И се рекъ, абье безъ милости убьенъ бысть. И повержену на лѣсѣ, видѣ и етера (*нькая*) жена вѣрна, и повѣда мужю богобоязниву поповичу Андріяну, и взя тѣло князя Василка и понявицею обитъ, реку (*т. е.*) саваномъ, и положи его въ скровнѣ (*скрытомъ*) мѣстѣ. Увѣдѣвъ же боголюбивый епископъ Кирилъ и княгыни Василкова, послаша по князя, принесоша и въ Ростовъ; и яко понесоша и въ градъ и множство народа изидоша противу ему, жалостныя слезы испущающа, оставше такого утѣшенья. Рыдаху же народа множество правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя отходяща, печалнымъ утѣшенье великое, омрачнымъ звѣзду свѣтоносну зашедшю; на весь бо церковный чинъ отверзлъ бяшетъ ему Богъ очѣ сердечнѣи, и всѣмъ церковникомъ и нищимъ и печалнымъ яко възлюбленный бяше отець, паче и на милостыню прилѣжа, поминая слово Господне, глаголющее: блажени милостивіи, яко ти помиловани будуть, и

Соломонъ глаголетъ: милостынями и вѣрою очищаются грѣси, тѣмже и не погрѣти надежи, его же просяще у Бога: Господи! спаси любящихъ тя. Сего бо блаженаго князя Василка спричте Богъ смерти подобно Андрѣевѣ, кровью мученичьскою омывся прегрѣшеній своихъ, съ братомъ и отцемъ Георгіемъ съ великимъ княземъ. Се бо и чюдно бысть, ибо и по смерти совкупи Богъ тѣлеси ею: принесоша Василка и положиша и въ церкви святыя Богородица въ Ростовѣ, идѣже и мати его лежить, тогда же принесоша голову великаго князя Георгія, и вложиша ю въ гробъ къ своему тѣлу. Бѣ же Василко лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; никтоже бо отъ бояръ, кто ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ и чашю пилъ и дары ималъ, тотъ никакоже у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слугы свои любляше. Мужьство же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя, и посѣде въ добродеяньствіи на отни столѣ и дѣдни, и тако скончася, якоже слышасте.

(*Пол. Собр. Лѣт. I, 196—199*).

337. Побоище Батыево (1).

Въ лѣто 6745 (1237). На зиму придоша безбожніи Измалтяне, прежде бившеся со князи рускими на Калкохъ. Бысть первое приходъ ихъ на землю рязаньскую, и взяша градъ Разань копьемъ, изведше на льсти князя Юрья и ведоша Пръньску, бѣ бо въ то время княгини его въ Прьньскы; изведоша княгиню его на льсти, убиша Юрья князя и княгиню его, и всю землю избиша, и не пощадѣша отрочать до ссущихъ млека. Киръ (*господинъ*) Михаиловичь же утече со своими людми до Суждаля, и повѣда в. кн Юрьеви безбожныхъ Агарянъ нашествіе; то слышавъ в. князь Юрьи, посла сына своего Всеволода со всими людьми, и съ нимъ киръ Михаиловичь. Батыеви же устремлешюся на землю суждальскую, и срѣте и Всеволодъ на Колоднѣ: и бившимся имъ и падшимъ многимъ отъ нихъ отъ обоихъ, побѣжену бывшу Всеволоду, исповѣда отцю бывшую брань устремленныхъ на землю и грады его. Юрьи же князь, оставивъ сынъ свой во Володимерѣ и княгиню, изыде изъ града, и совокупляюшу ему около себе вои и не имѣющу сторожій, изъѣханъ бысть безаконнымъ Бурондаемъ, весь городъ изогна и самаго князя Юрья убиша. Батыеви же стоящу у града, борющуся крѣпко о градъ, молвящимъ имъ льстью гражаномъ: »гдѣ суть князи рязянстіи, вашь градъ и князь вашь великій Юрьи? не рука ли наша емши и смерти преда«? И услышавъ о семъ преподобный Митрофанъ епископъ, начатъ глаголати со слезами ко всимъ: »чада! не убоимся о прельщеньи отъ нечестивыхъ, не пріймемъ си во умъ тлѣньнаго сего и скоромінующаго житья, но оному скоромінующемъ житьи попечемся, еже со ангелы житье; аще и градъ нашь плѣнше копіемъ возмуть и смерти ны предадуть, азъ о томъ, чада, поручьникъ есмь, яко вѣнца нетлѣньнаа отъ Христа Бога пріимете« ... О семь же словеси, слышавше вси, начаша крѣпко боротися. Татаромъ же порокы (*стѣнобитныя орудія*) градъ бьющимъ, стрѣлами безъ числа стрѣляющимъ, се увидѣвъ князь Всеволодъ, яко крѣпчѣе брань належить, убояся, бѣ бо и самъ младъ, самъ изъ града изыде съ маломъ дружины, несы со собою дары многіи: надѣяшебося отъ него животъ

(1) Для сличенія изъ другаго списка лѣтописей.

пріяти; онъ же, яко свѣрпый звѣрь, не пощади уности его, велѣ предъ собою зарѣзати и градъ всь избье. Епископу же преподобному во церковь убѣгшу, со княгинею и съ дѣтми, и повелѣ нечестивый огньмъ зажещи: ти тако душа своя предаша въ руцѣ Богу. Градъ ему избившу Володимерь, поплѣни грады суждальскіе и приде ко граду Козельску; будущу въ немъ князю младу, именемъ Василью, увѣдавъши же нечестивіи, яко умъ крѣпкодушьный имѣють людье въ градѣ, словесы лестьными не возможно бѣ градъ пріяти. Козляне же съвѣтъ створше не вдатися Батыю, рекше: »яко аще князь нашь младъ есть, но положимъ животъ свой за нь; и сдѣ славу сего свѣта пріимше, и тамъ небесныя вѣнца отъ Христа Бога пріимемъ«. Татаромъ же бьющимся о градъ, пріяти хотящимъ градъ, разбившимъ граду стѣну и возъидоша на валъ Татаре; Козляне же ножи рѣзахуся съ ними, съвѣтъ же створиша изъити на полъкы татарскые, и истедше изъ града исѣкоша праща ихъ, нападше на полъкы ихъ и убиша отъ Татаръ 4 тысящи, и самѣ же избьени быша. Батый же взя городъ, изби вси, и не пощадѣ, отъ отрачатъ до сосущихъ млеко; о князи Васильи невѣдомо есть, иніи глаголаху, яко во крови утонулъ есть, понеже убо младъ бяше. Оттуду же въ Татарѣхъ не смѣють его нарещи градъ Козлескъ, но *градъ злый*, понеже бишася по семь недѣль; убиша бо отъ Татаръ сыны темничи 3, Татари же искавше и не могоша ихъ изнайти во множествѣ трупъ мертвыхъ. Батыеви вземшю Козлескъ, и пойде въ землю половецькую. Оттуда же поча посылати на грады рускые: и взятъ градъ Переяславль копьемъ, изби всь, и церьковь архангела Михаила скруши и сосуды церковныя безчисленныя златыа и драгаго каменья взятъ, и епископа препод. Семеона убиша. Въ тоже время посла на Черниговъ: обступиша градъ въ силѣ тяжцѣ; слышавъ же Мьстиславъ Глѣбовичь нападеніе на градъ иноплеменьныхъ, приде на нѣ со всими вои; бившимъся имъ, побѣженъ бысть Мьстиславъ и множество отъ вой его избьеныхъ бысть, и градъ взяша и запалиша огньмъ, епископа оставиша жива и ведоша й во Глуховъ. Меньгуканови же пришедшу сглядать града Кыева, ставшу же ему на оной странѣ Днѣпра во градка Песочного, видивъ градъ удивися красотѣ его и величеству его, присла послы свои къ Михаилу и ко гражаномъ, хотя ѣ прельстити; и не послушаша его...

Въ лѣто 6748. Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множьствомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарьская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ... И бѣ Батый у города и отроци его обсѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревѣнія вельблудъ его, и рьжанія отъ гласа стадъ конь его; и бѣ исполнена земля Руская ратныхъ. Яша же въ нихъ Татарина, именемъ Товрулъ, и тъ исповѣда имъ всю силу ихъ; се бяху братья его сильныи воеводы: Урдюй, Байдаръ, Бирюй, Какданъ, Бечакъ и Меньгу и Кюкъ (иже вратися увѣдавъ смерть канову *(ханову)* и бысть каномъ, не отъ роду же его, но бѣ воевода его перьвый), се Бѣдяй Богатуръ и Борунъдой богатырь, иже взя болгарьскую землю и суждальскую, инѣхъ безъ числа воеводъ, ихъ же не исписахомъ здѣ. Постави же Баты порокы городу, подлѣ вратъ Лядьскыхъ, ту бо бѣаху пришли дебри; порокомъ же беспрестани бьющимъ день и нощь, выбиша стѣны, и возіидоша горожаны на избыть (*конецъ*) стѣны, и ту бѣаше видѣти ломъ копейны и щитъ скепаніе, стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣженымъ; и Дмитрови ранену бывшу, взіидоша Татаре на стѣны и сѣдоша того дне и нощи. Гражане же создаша пакы другій градъ, около святое Богоро-

диць. Наутрѣя же пріидоша на нѣ, и бысть брань межи ими велика, людемъ же узбѣгшимъ на церковь и на комары церковныя, и съ товары своими, отъ тягости повалишася съ ними стѣны церковныя, и пріятъ бысть градъ сице воими. Дмитрѣя же изведоша язвена и не убиша его, мужьства ради его. Въ то же время ѣхалъ бяше Данилъ во Угры королеви, и еще бо бяшеть не слышалъ прихода поганыхъ Татаръ на Кыевъ, Батыю же вземшю градъ Кыевъ и слышавшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимерю и приде къ городу Колодяжьну, и постави порока 12 и не може разбити стѣны, и начать перемолвливати люди; они же, послушавше злого свѣта его, передашася и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславлю, взятъ й; видивъ же Кремянець градъ Даниловъ яко невозможно пріяти ему и отъиде отъ нихъ и приде къ Володимерю, и взя й копьемъ и изби й не щадя, тако же и градъ Галичь, иныи грады многы, имъ же нѣсть числа. Дмитрови же, Кыевьскому тысяцкому Данилову, рекшу Батыеви: »не мози стряпати въ землѣ сей долго, время ти есть на Угры уже пойти; аще ли встряпаеши, земля ти есть сильна, сберутся на тя и не пустять тебе въ землю свою«; про то же рече ему, види бо землю гибнущу Рускую отъ нечестивого. Батый же послуша съвѣта Дмитрова, иде во Угры, Король же Бѣла и Коломанъ срѣте ѣ на рѣцѣ Солоной; бившимся имъ полкомъ, бѣжаша Угре, и гнаша ѣ Татаре до рѣкѣ Дуная; стояша по побѣдѣ три лѣта. Прежде того ѣхалъ бѣ Данило князь къ королеви во Угры, хотя имѣти съ нимъ любовь сватьства: и не бы любови межи има и воротися отъ короля, и пріѣхавъ въ Синеволодьско во монастырь святыа Богородица, на утрѣя же возставъ видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ Татаръ, и воротился назадъ въ Угры, не може бо пройти Рускоѣ земли, зане мало бѣ съ нимъ дружины; и оставивъ сына своего во Угрѣхъ и не вѣдаста й въ руцѣ Галичаномъ, вѣдаа невѣрьствіе ихъ, про то его не поя съ собою, иде изо Угоръ во Ляхы, на Бардуевъ, и приде во Судомирь. Слыша о братѣ си и о дѣтехъ и о княгини своей, яко вышли суть изъ Рускоѣ земли въ Ляхы предъ безбожными Татары, и потоснуся (*постарался*) взискати ихъ, и обрѣте ихъ на рѣцѣ, рекомѣй Полцѣ; и возрадовашася о совокупленьи своемъ, и жалишаси о побѣдѣ землѣ Рускоѣ и о взятьи градъ отъ иноплеменьникъ множьства. Данилови же рекшу, яко »не добро намъ стояти сдѣ близъ воюющихъ насъ иноплеменниковъ«, иде въ землю во Мазовьскую ко Болеславу, Кондратову сынови; и вдасть ему князь Болеславъ градъ Вышегородъ, и бысть ту, дондеже вѣсть пріа, яко сошли суть изъ землѣ Рускоѣ безбожніи, и возвратися въ землю свою.

(*Ипат. 175—178*).

338. Сказаніе о Татарахъ Плано-Карпини 1245.

Татары имѣли широкое лицо съ большими скулами, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, рѣдкіе волосы на бородѣ. Они были не высокаго роста и сухи тѣломъ, а лицемъ смуглы и рябы. Они брили волосы отъ макушки къ ушамъ и спереди на лбу на два пальца, отпускали усы и длинныя косы позади. Жили они въ круглыхъ юртахъ, сплетенныхъ изъ хворосту и покрытыхъ войлокомъ: посреди юрты разводили огонь, и дымъ отъ него уходилъ въ отверстіе, бывшее на верху. Такія юрты Татары легко разбирали, когда нужно, или и не разобранныя возили за собою на телѣгахъ. У нихъ было множество скота: верблюдовъ, быковъ, овецъ, козъ и лошадей; ѣли они всякое мясо и жидкую кашу изъ проса, и не знали хлѣба,—ѣли все нечистыми руками, обтирая ихъ о сапоги или о траву, не мыли ни котловъ ни одежды, упивались до-нелзя кумысомъ (кобыльимъ молокомъ). Мужчины ничего не дѣла-

ютъ, какъ только стрѣляютъ изъ луковъ, да немного присматриваютъ за стадами. Всѣ они отличные стрѣлки: дѣти двухъ, трехъ лѣтъ уже ѣздятъ верхомъ и стрѣляютъ въ цѣль. Дѣвушки и женщины также ѣздятъ верхомъ и хорошо владѣютъ луками. Онѣ однѣ занимаются хозяйствомъ и очень трудолюбивы: стряпаютъ, шьютъ платье, сапоги, чинятъ телѣги, вьючатъ верблюдовъ. Вообще онѣ были въ уваженіи, и жена хана садилась на тронѣ рядомъ со своимъ мужемъ. Татары вѣрили въ одного Бога, но также дѣлали идоловъ изъ войлока и шелковой матеріи на подобіе людей, ставили ихъ противъ дверей юрты и молились имъ, какъ покровителямъ скота. Они боготворили также своихъ умершихъ хановъ и покланялись солнцу, лунѣ, водѣ и землѣ. Но вообще у нихъ было много терпимости въ вѣрѣ, и христіанскіе священники исполняли свою службу въ ставкѣ самаго хана. Татары держались разныхъ суевѣрій: считали за грѣхъ дотронуться ножемъ до огня, ловить и бить молодыхъ птицъ, переломить кость о кость, пролить на землю молоко или другой напитокъ: но убивать людей было у нихъ ни по чемъ. Они сильно вѣрили гаданіямъ и чарамъ, думали что огонь все очищаетъ, и потому пословъ проводили между двухъ огней, чтобы они не сдѣлали вреда ихъ хану; волхвы и гадатели у нихъ имѣли большую властъ. Когда татаринъ захвораетъ, то передъ шатромъ ставили копьё, обвитое чернымъ войлокомъ: это значило, что посторонніе должны удалятся; отъ умирающаго удалялись и родные. Кто былъ при умершемъ, тотъ до новой луны не могъ видѣть ни хана, ни князей. Знатныхъ хоронили тайно, и въ могилу ставили пищу, осѣданнаго коня, серебро и золото; телега и ставка покойнаго сожигались, и имя его не произносили даже до 3-го поколѣнія. У татаръ никто не могъ называть какой нибудь вещи своею: скотъ и люди—все принадлежало хану. Воеводы имѣли подобную же власть надъ своими подчиненными. Татары были необыкновенно послушны своимъ начальникамъ, рѣдко бранились между собою и никогда не дрались; воровъ у нихъ вовсе не было, и юрты и кибитки ихъ никогда не запирались. Они охотно помогали другъ другу, и терпѣливо переносили невзгоду: день, два не поѣсть имъ ничего незначило; поютъ и играютъ, какъ будто сытно пообѣдали. Но за то, какъ были они ласкавы и обходительны между собою, такъ жестоки къ другимъ народамъ. Жадные, свирѣпые, лживые и коварные, они жили грабежемъ и убійствомъ.

Въ войскѣ Татаръ были начальники надъ десятками людей, надъ сотнями и надъ тысячами: десятники, сотники, тысячники; надъ десятью тысячами былъ особый начальникъ, и такое число называлось «тьмою», а сторожевые отряды назывались караулами. Бѣжавшихъ съ поля битвы убивали; если изъ десятка кто нибудь попадалъ въ плѣнъ и товарищи его не освобождали, то ихъ также убивали.

Каждый татаринъ имѣлъ при себѣ лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и веревки, чтобъ тащить осадныя машины. Кто побогаче, имѣлъ кривую саблю, шлемъ, броню и лошадь; иногда дѣлали броню для себя и для лошади изъ кожи, иногда вооружались копьями и щитами изъ хвороста. Когда татары входили въ чужую землю, то посылали передовые отряды, которые ничего не грабили, а старались только убивать какъ можно больше людей; потомъ слѣдовало войско, которое уже все жгло и истребляло на пути. Черезъ большія рѣки они переправлялись на кожаныхъ мѣшкахъ съ пожитками: эти мѣшки они привязывали къ хвостамъ лошадей, которыхъ пускали вплавь. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, передовой отрядъ броситъ 3 — 4 стрѣлы, и, если видитъ, что не въ силахъ одолѣть, пускается бѣжать, чтобы заманить непріятеля въ засаду. Болѣе 40 лѣтъ они вели войны, и были опытнымъ и хитрымъ народомъ въ битвѣ. Вожди ихъ сами не сражались, а стояли вдали, окруженные дѣтьми и женщинами на лошадяхъ; иногда сажали на лошадей чучелъ, чтобы казалось больше войска. Прямо противъ непріятелей высылали они отряды изъ покоренныхъ народовъ, а самыхъ храбрыхъ людей посылали толпами вправо и влѣво, чтобы потомъ вдругъ обхватить противниковъ. Они были не охотники до ручныхъ схватокъ, и не рѣдко сначала бѣжали, стараясь, какъ можно больше перебить людей и лошадей стрѣлами, а потомъ уже схватывались съ ослабленными непріятелями. Осаждая крѣпкіе города, они разбивали стѣны машинами, бросали стрѣлы въ осажденныхъ, бились днемъ и ночью, и одинъ отрядъ безпрестанно замѣняли другимъ, недавая покою противнику. Они умѣли бросать огонь изъ машинъ, отводили рѣки отъ городовъ, или потопляли города, дѣлали подкопы, огораживали свой станъ, чтобы непріятельскія стрѣлы не вредили имъ. Но прежде, чѣмъ начать долгую осаду, они старались уговорить жителей сдаться, и, когда тѣ согласятся, татары говорили: «Выходите, чтобы, по своему обычаю, мы могли пересчитать васъ». Когда жители выйдутъ, они спрашивали: кто знаетъ какое нибудь искуство или ремесло? Такихъ они сохраняли, и также тѣхъ, кого выбирали въ рабы, а прочихъ избивали: людей знатныхъ, вельможъ и бояръ они никогда почти не оставляли въ живыхъ. Назначенныхъ къ смерти распредѣляли по сотникамъ, которые раздавали ихъ своимъ людямъ, по 10 каждому, и эти рубили ихъ топорами. Чингисъ-Ханъ завѣщалъ Монголамъ завоевать всѣ народы. Когда какой нибудь народъ покорялся, то они требовали, что бы всѣ жители шли съ ними на войну по

первому зову, и давали 10-ю часть всего: людей и вещей; они брали также 10-го отрока и дѣвицу и отводили ихъ въ рабство въ свои кочевья, а остальныхъ перечисляли для сбора подати. Князья завоеванныхъ земель также должны были ѣхать въ Орду и привозить богатые подарки хану, его женамъ, тысячникамъ и сотникамъ; князья часто погибали въ Ордѣ, или возвращались, оставляя заложниками сыновей своихъ и братьевъ; Татары посылали въ ихъ земли баскаковъ, которымъ всѣ должны были повиноваться; съ баскаками шла толпа Татаръ, которые грабили и убивали, кого угодно.

Батый жилъ на берегахъ Волги, имѣлъ около себя до 600,000 войска, 160,000 татаръ и 450,000 иноплеменниковъ. Пословъ вели къ его ставкѣ между двумя огнями; они должны были нѣсколько разъ кланяться и войти въ шатеръ, не дотрогиваясь до порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и вельможи сидѣли на скамьяхъ, а другіе на землѣ: мужчины по правую сторону, а женщины по лѣвую. Принимая пословъ Батый и его вельможи пили изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ: при этомъ играла музыка и пѣли пѣсни. Ханъ имѣлъ лицо красноватое; онъ былъ ласковъ въ обращеніи, но всѣ его боялись. Отсюда Карпини отправился къ великому хану въ Монголію. Тогда Октай уже умеръ и готовились избрать сына его, Гаюка; до того времени управляла Монголами мать Гаюка. Ея ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣщать болѣе 2,000 человѣкъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богато убранныхъ серебромъ, и совѣтовались между собою. Ихъ одежда на первый день была бѣлая, на другой—красная, на третій—синяя, на четвертый—алая. У воротъ стояли воины съ мечами наголо. Вельможи безпрестанно пили кумысъ и угощали имъ пословъ. Такъ прошло съ мѣсяцъ; потомъ дворъ переѣхалъ въ другое мѣсто, и тутъ поставили шатеръ, подъ названіемъ: »Золотая Орда,« убранный богатыми тканями и золотомъ. Тутъ избрали Гаюка; вельможи долго молились, смотря на югъ, потомъ посадили Гаюка на тронъ и стали передъ нимъ на колѣни, а послѣ свели съ трона и посадили на войлокъ. Когда обѣ стороны дали клятву, то Гаюка подняли на рукахъ, провозгласили ханомъ и принесли къ нему множество серебра, золота и дорогихъ камней. Послѣ избранія, Гаюкъ принималъ разныхъ пословъ съ дарами; не вдалекѣ отъ шатровъ находилось болѣе 500 телѣгъ съ золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами; все это роздарено чиновникамъ.

Карпини познакомился при дворѣ хана съ однимъ Русскимъ, который былъ любимцемъ Гаюка и сдѣлалъ для него печать и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и дорогими каменьями, съ разными изображеніями. Онъ видѣлъ здѣсь также русскаго князя Ярослава, пріѣхавшаго изъ Владиміра съ поклономъ. Вельможи хана обходились съ Ярославомъ довольно учтиво, но онъ никогда не садился выше своихъ приставовъ, онъ и умеръ на возвратномъ пути изъ Орды. Въ этихъ дальнихъ странствіяхъ погибали многіе Русскіе; самъ Карпини видѣлъ въ степи кости бояръ Ярослава, умершихъ съ голоду. Русская земля тогда уже была обложена данью. Баскакъ, посланный отъ Батыя и Гаюка, нахваталъ множество людей безъ разбора, переписалъ всѣхъ жителей Россіи какъ данниковъ, и обложилъ каждаго шкурою бѣлого медвѣдя, бобра, куницы, хорька и черною лисью, а не платившіе дани сдѣлались рабами Монголовъ. Впрочемъ по закону Чингисъ-Хана, духовенство избавлялось отъ подати.

(Въ латинскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ записки Плано-Карпини находятся въ »Собраніи путешествій къ Татарамъ.« Изд. Языкова, Спб. 1825).

Когда страшныя татарскія орды угрожали завоеваніемъ Европѣ, папа Иннокентій IV на соборѣ въ Ліонѣ опредѣлилъ отправить посольство къ страшнымъ врагамъ христіанства. Въ числѣ пяти монаховъ посланъ былъ Іоаннъ де Плано—Карпини въ 1245 г. Послы получили наставленіе отвращать Татаръ отъ Европы и побуждать къ войнѣ съ Сарацынами и Турками, пытаться склонить монголовъ къ христіанству и собрать свѣдѣнія объ этомъ малоизвѣстномъ народѣ. Плано-Карпини отправился чрезъ Германію, Богемію, Силезію и Польшу въ Кіевъ, бывшій тогда во власти Татаръ, оттуда черезъ Дньпръ, Донъ и Волгу въ Кипчакъ, которымъ владѣлъ Батый. Отсюда поѣхалъ чрезъ земли Кумановъ къ хану Гаюку, начальнику всѣхъ Монгольскихъ Ордъ, и возвратился въ Европу послѣ 16-мѣсячнаго странствованія. Лучшее изданіе, критически обработанное, Записокъ Плано-Карпини слѣд: „Relation des Mongols on Tartares par le Frère Iean Du Plan de Carpin de l'ordre des Frères Mineurs, légat du Saint Siège Apostolique, Nonce en Tartarie pendant les années 1245, 1246, 1247, et Archevêque d'Antirari. Paris. 1838“.

339. О мученической кончинѣ черниговскаго князя Михаила и боярина Ѳеодора п. 1246.

Сій блаженный в. кн. Михайло отъ уныя версты Бога възлюби и пречистую

его Матерь, и умъ свой къ нему вперивъ кротостію и милостынею къ убогимъ и вся пустошная міра сего отвергъ, богатьство и славу суетную, иже есть хуже паучины. Бысть нахожденіе безбожныхъ Татаръ на землю Русьскую, гнѣвомъ божіимъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ; якоже при Нои и яко при Лотѣ казнь божія на землю нахождааше, такоже и въ послѣдняя времяна сія наведе Богъ рукою своею на землю христіаньскую. Се же грядущю гнѣву божію, бысть языкъ посланъ незнаемъ отъ Бога, скруши грады, побѣжая брани, овіи убо затворяхуся въ градѣхъ, в же князю Михаилу держащю Кіевъ тогда, и пріѣхаша послы отъ царя Батыя, онъ же слышавъ словеса льсти ихъ, и повелѣ ихъ избити, а самъ побѣжа въ Угры и съ домачними своими; иніи же бѣжаша въ дальнія страны, иныя же крыяхуся въ пещерахъ земленыхъ, а иніи затворишася въ градѣ: то тѣ со слѣзами и покаяніемъ Богу молящеся, ти тако отъ поганыхъ немилостивно избіени быша, а иже крыяхуся въ горахъ, и въ пещерахъ и въ лѣсѣхъ, мало тѣхъ остася, тѣхъ же непоколицѣхъ временехъ оставиша въ градѣ, и сочтоша я въ число, и начаша на нихъ дань имати. Се же слышавъ в. кн. Михайло, възвратися къ Кіеву и вси людіе съ нимъ, и еже бѣху разбѣглися на чужіе земли пріидоша на свою землю. Татарове же начаша звати нужею къ кановѣ и Батыеви, глаголюще имъ: »не подобаетъ вамъ жити на земли Батыевѣ и кановѣ не поклонившеся има;« мнози же ѣхавше поклонишася ему. Обычай бо имѣя канъ и Батый, аще кто пріидетъ поклонитися има, не повелѣваша первіе привести предъ ся, но приказано бяше волхвомъ вести я сквозѣ огнь и поклонитися кусту, и огневи, и идоломъ ихъ; а иже что приношахуть съ собою дары цареви, и отъ всего того взимающе волсви, и метахуть въ огнь, тоже предъ царя пущаютъ самѣхъ съ дары. Мнози же князи съ бояры своими идяху сквозѣ огнь, и кланяхуся кусту и идоломъ, славы ради свѣта сего и прашааху койждо себѣ власти; они же безъ взбраненія даяхуть имъ, да прелестять я славою свѣта сего. Преподобному же в. кн. Михаилу пребывающу въ Черниговѣ, и видѣ многи прелщающася славою свѣта сего, и посла Богъ благодать и даръ св. Духа на нь, и вложи ему въ сердце ѣхати предъ царя Батыя и обличити прелесть его, еюже лестить хрестіяны. И пріѣха къ отцю своему духовному и повѣда ему, глаголя: »хощю ѣхати предъ царя Батыя.« И отвѣща ему отецъ его Иванъ: »мнози ѣздивше створиша волю поганаго, прелестишася славою свѣта сего, идоша сквозѣ огнь, и поклонишася кусту и солнцю, и погубиша душа и тѣлеса своя; и ты сыну княже Михаиле, аще хощеши ѣхати, не створи тако якоже прочіи, не иди сквозѣ огнь, ни поклонися кусту ни идоломъ ихъ, ни брашна ихъ яжь, ни питія ихъ пій, и не пріимай ничтоже скверна во уста своя; но исповѣжь вѣру християньскую, яко не достоитъ христіяномъ ничему же кланятися твари, но токмо единому Господу нашему Ісусу Христу.« Великій же князь Михайло и Ѳеодоръ боляринъ его глаголаста ему: »молитвою твоею, отче, ако же Богъ въсхощетъ, тако да будетъ; азъ бы того хотѣлъ, что за Христа моего кровь свою проліяти и за вѣру христіяньскую;« такоже и бояринъ его Ѳеодоръ глаголаше. И глагола имъ отецъ ихъ духовный: »вы будете въ нынѣшній вѣкъ новоявленна мученика христова на утвержденіе вѣрнымъ человѣкомъ, аще тако створита человѣчьскы.« Великый же князь Михайло и бояринъ его Ѳеодоръ обѣщастася тако створити, и благословистася у отца своего духовнаго; и тако отецъ ихъ духовный дасть имъ причастіе на путь, рекше прежесвященное, и благослови я и отпусти, глаголя има: »Господь Богъ да

укрѣпить ваю и послеть вамъ помощь святаго Духа, за негоже тщитася пострадати, за Христа кровь свою проліяти и за праворѣрную вѣру.« Тогда же в. кн. Михаилъ и боярин его Ѳеодоръ ѣхаста въ домы своя, и взяша отъ имения своего, еже есть имъ на потребу на путь; многи же земля проѣхавшима, и доѣхаша до царя Батыя. И повѣдаша Батыеви о немъ: »кн. в. русскый Михаилъ пріѣха поклонитися тебѣ;« царь же повелѣ привести волхвы своя, волхвомъ же пришедшимъ предъ царя Батыя и рече имъ царь: »еже есть по обычаю вашему сътворите Михаилу кн. в. русьскому, и потомъ приведите его ко мнѣ. Волсви же пришедши ко кн. Михаилу, глаголаша ему: »Батый царь зоветъ тя;« онъ же поимъ съ собою Ѳеодора боярина своего и идяше съ нимъ. И дошедше мѣста, идѣше бяше огнь накладенъ по обѣ стороны, и мнози погани идяху сквозѣ огнь и покланяхуся солнцю, и огню и кусту и идоломъ ихъ, волсви же хотѣша в. кн. Михаила и Ѳеодора болярина его вести сквозѣ огнь; в. же князь Михаилъ глагола имъ: »не достоить христіяниномъ ходити сквозѣ огнь, ни кланятися имже си кланяются; така есть вѣра христіяньская, не кланятися твари, ни идоломъ, но кланятися святѣй Троици, Отцю и Сыну и св. Духу.« Великый же князь Михаилъ глагола болярину своему Ѳеодору: »луче ны есть не кланятися, емуже ся сіи кланяютъ.« Они же оставлеше ихъ на мѣстѣ, идѣже бяху приведени, идоша же повѣдати цареви: »в. кн. Михайло русьскый повелѣнія твоего не послушаетъ, сквозѣ огнь не идеть, а богомъ твоимъ не поклоняется, а глаголеть тако: не достоить христіяномъ ходити сквозѣ огнь, ни покланитися твари, ни солнцю, ни идоломъ, но кланятися створшему вся Отцю и Сыну и св. Духу. Царь же възъярився велми, и посла единого отъ велможъ своихъ, столника именемъ Елдегу, и рече: »почто повелѣніе мое преобидилъ еси, богомъ моимъ не поклонился еси? то отселѣ едино отъ двою избери себѣ животъ или смерть: аще повелѣніе мое створиши, живъ будеши и великое княженіе свое все пріимеши: аще ли не проидеши сквозѣ огнь и непоклонишися кусту, ни солнцю, ни идоломъ, то злою смертію умреши.« Тогда отвѣща в. кн. Михаилъ: »тебѣ царю кланяюся, понеже ти поручилъ Богъ царствіе и славу свѣта сего; а емуже си кланяются, то азъ не кланяюся:« И рече ему Елдега: »Михаиле! вѣдомо буди мертвъ еси.« Великый же князь Михайло рече ему: »азъ того и хощю еже за Христа пострадати, и за правовѣрную вѣру кровь свою проліяти.« Тогда же глагола ему князь Борисъ ростовскій съ плачемъ: »господине отче! поклонися, створи волю цареву«, Бояре же Борисовы глаголаша: »всѣ за тя опитемію пріимемъ, княже, со всею областію своею.« Рече же имъ в. кн. Михаилъ: »не хощю азъ именемъ токмо зватися христіянъ, а дѣла творити поганыхъ.« Егда же си глаголаше къ нимъ князь Михаилъ, бояринъ же его Ѳеодоръ помышляше въ себѣ глаголя: »егда како ослабѣетъ в. кн. Михаилъ, моленіемъ сихъ, помянувъ женьскую любовь и дѣтій ласканіе, и послушаетъ сихъ моленія;« тогда помянувъ Ѳеодоръ бояринъ его слово отца своего духовнаго, и рече в. кн. Михайлу: »помниши ли, господине, слово отца своего духовнаго, еже учаше наю отъ св. евангелія? рече бо Господь: иже хощеть душю свою спасти, погубить ю, а иже погубить душю свою мене ради и евангелія, то спасеть ю; аще ли мене кто отвержется предъ человѣкы, отвергуся его и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже есть на небесѣхъ.« Сія же глаголющю Ѳеодору къ в. кн. Михаилу, они же начаша молити, да послушаетъ ихъ; в. же князь Михайло глаголаше къ нимъ: »не послушаю васъ, ни душа своея погублю;«

тогда съима съ себе кочь свой и верже къ нимъ, глаголя: »пріимите славу свѣта сего, а азъ не хощю.« Слышавъ се Елдега, яко си не увѣщаша его, тогда ѣха ко царю повѣдати еже глаголаше ему великый князь Михаилъ. Стоящима же на мѣстѣ томъ, множество крестьяныхъ и погаыхъ слышаху словеса сіи, яже отвѣща в. кн. Михаилъ царю. Тогда блаженный сій в. кн. Михаилъ и бояринъ его Ѳеодоръ начаста пѣти себѣ; по отпѣтіи же взяста себѣ причастіе, еже бѣ далъ имъ отецъ ихъ духовный, и благословивъ я на то иже пострадати за Христа. И глаголаху предстоящіи: »княже Михаиле! идуть отъ царя убивать ваю: поклонитася, жива будета.« Великый же князь Михаилъ и бояринъ его Ѳеодоръ яко единѣми усты отвѣщаста: »не кланяемся ни слушаевѣ васъ; славы свѣта сего не хощемъ.« И начаста себѣ пѣти: »мученици твои, Господи, не отвергошася тебе, ни отступиша отъ заповѣдій твоихъ;« и пакы: »страдавше тебѣ ради, Христе, многыя мукы претерпѣша,« и прочая мученична. Сія же блаженная, укрѣпльшася надежею христовою и молитвами св. мученикъ, стаста яко столпа непоколеблема и неподвижима. Тогда же убійци ти окояньи приспѣша, и скочиша съ конь, и яша святаго в. кн. Михаила преподобнаго, растягоша за руцѣ и за нозѣ, и начаша его бити рукама по сердцю, и посемъ повергоша его ниць на земли, и біяхуть его пятами; и сему же бывшю надолзѣ, нѣкто же бывъ преже христіянинъ, послѣди же бысть погань и законопреступникъ, отвергся вѣры христіяньскыя, именемъ Доманъ, Сѣверянинъ родомъ, и огорчися, отрѣза ножемъ главу св. мученику в. кн. Михаилу и отверже ю прочь. Потомъ же глаголаша боярину его Ѳеодору: »ты поклонися богомъ нашимъ, живъ будеши и пріимещи княженіе князя твоего.« Глагола же имъ Ѳеодоръ: »не хощю княженія господина своего в. кн. Михаила, а богомъ вашимъ не кланяюся; но хощю пострадати за Христа, якоже и князь мой.« Тогда же Ѳеодора начаша мучити, якоже прежде в. кн. Михаила, послѣди же честную его главу отрѣзаша. Ти тако пострадаста благодаряще Христа, предаста святѣи свои души въ руцѣ Господеви, новосвятая мученика: святая же тѣлеса ихъ поверженѣ быста псомъ на снѣдѣніе. На многы же дни лежащима има, божіею благодатію съхранены быста неврежены тѣлеси ею; но человѣколюбецъ Богъ милосердый Господь нашь, прославляй святыя своя угодникы, посрадавша его ради за православѣрную вѣру христіяньскую, столпъ огненъ явися надъ тѣлесѣхъ ею сіяющъ пресвѣтлыми зарями, и свѣща многы горяща, и пѣнія ангелская слышаху на утвержденіе христіяномъ и на обличеніе тѣмъ, еже оставивше Бога истиннаго и покланяхуся твари, и на устрашеніе поганымъ. Святѣи же и честнѣи тѣлесѣ ею нѣкыми христіяны богобоязливыми мужи сохранени быша. Бысть же убіеніе ею м. сентября въ 20 день; ею же молитвами и моленіемъ достойни будемъ обрѣсти милость и отпущеніе грѣховъ отъ Господа нашего Іисуса Христа, въ нынѣшній вѣкъ и въ будущій.

(*Пол. Собр. Лѣт. V, 182—186*).

Это сказаніе составлено священникомъ Андрѣемъ, который, вѣроятно, былъ свидѣтелемъ кончины Михаила въ Ордѣ.

340. Даніилъ въ Ордѣ 1250 г.

Прославшу Могучѣеви посолъ свой къ Данилови и Василкови; будущю има во Дороговьскы: »дай Галичь«. Бысть въ печали велицѣ, зане не утвердилъ бѣ

землѣ своея городы, и думавъ съ братомъ своимъ и поѣха ко Батыеви, река: »не дамъ полуотчины своей, но ѣду къ Батыеви самъ«. Изіиде же на праздникъ св. Дмитрѣя, помолився Богу, и приде Кыеву, обдержащу Кыевъ Ярославу бояриномъ своимъ Ейковичемъ Дмитромъ; и пришедъ въ домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичь, и созва калугеры и мнискій чинъ, и рекъ игумену и всей братьи, да створять молитву о немъ—и створиша,—да отъ Бога милость получитъ; и бысть тако, и падъ предъ архистратигомъ Михаиломъ, изъиде изъ манастыря въ лодьи видя бѣду страшьну и грозну. И пріиде Переяславлю, и срѣтоша Татарове. Оттуда же ѣха къ Куремѣсѣ и видѣ, яко нѣсть въ нихъ добра, оттуда же нача болми скорбѣти душею, видя бо обладаемы дьяволомъ: скверная ихъ Кудешьская и Чигизаконова мечтанья, скверная его кровопитья, многыя его волъшбы; приходящія цари, и князи и велможѣ, солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, водяше около куста покланятися имъ. О скверная прелесть ихъ! Се же слыша велми нача скорбѣти. Оттуда же приде къ Батыеви на Волгу, хотящу ся ему покловити. Пришедшу же Ярославлю человѣку Съньгурови, рекшу ему: »братъ твой Ярославъ кланяѣся кусту, и тобѣ кланятися«; и рече ему: »дьяволъ глаголеть изъ устъ вашихъ, Богъ заради уста твоя и не слышано будеть слово твое«. Во тъ часъ позванъ Батыемъ, избавленъ бысть Богомъ злого ихъ бѣшенія и кудешьства, и поклонися по обычаю ихъ и вниде во вѣжю ихъ. Рекшю ему: »Данило! чему еси давно не пришелъ, а нынѣ оже еси пришелъ, а то добро же; пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылій кумузъ«? Оному же рекшу: »доселѣ есмь не нилъ, нынѣ же ты велишь, пью«. Онъ же рече: »ты уже нашь же Татаринъ, пій наше питье.« Онъ же испивъ поклонися по обычаю ихъ, изъмолвля слова своя, рече: »иду поклонитьси великой княгини Баракъчинови«. Рече: »иди«. Шедъ поклонися по обычаю: и присла вина чюмъ и рече: »не обыкли пити молока, пій пиво«. О злѣе зла честь татарьская! Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си (*своимъ*) инѣми странами: нынѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называеться, и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять. О злая честь татарьская! Его же отець бѣ царь въ руской земли, иже покори Половецькую землю и воева на иные страны всѣ, сынъ того не прія чести: то иный кто можетъ пріяти? Злобѣ ихъ и льсти нѣсть конца: Ярослава великого князя суждальского зеліемъ умориша, Михаила князя Черниговьскаго, не поклонившася кусту со своимъ бояриномъ Ѳедоромъ, ножемъ заклана быста, еже вѣнець пріяста мученицкы; иніи мнозіи князи избьени быша и бояре. Бывшу же князю у нихъ дній 20 и 5, отпущенъ бысть и поручена бысть земля его ему, иже бѣяху съ нимъ; и приде въ землю свою, и срѣте его братъ и сынове его, и бысть плачь обидѣ его, и болшая бѣ радость о здравьи его.

(*Ипат. 184—5*)

340. Возстаніе противъ Татаръ.

Въ лѣто 6769. Въ лѣто 6770 (1262 г.) Избави Богъ отъ лютаго томленія бесерменьскаго люди Ростовскія земля, молитвами св. Богородица, и вложи ярость христіяномъ въ сердце, не терпящимъ насилія отъ поганыхъ; и созвониша вѣчь, и выгнаша изъ городовъ, изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суздаля, изъ Ярославля

и изъ Переяславля. Откупаху бо ти окаанніи бесермени дани у Татаръ, и отъ того велику пагубу людемъ творяху, работающе люди христіяньскыя въ рѣзѣхъ (*въ ростахъ, процентахъ*), и мнози души разведени быша; видѣвъ же се благый человѣколюбецъ Богъ нашь, и моленія Матерня послушавъ, и избави люди своя отъ великыя бѣды милосердіемъ своимъ. Того же лѣта убиша Зосима преступника; той бѣ мнихъ образомъ точію, сотонѣ же съсудъ, бѣ бо шіяница, и студословецъ, и празнословецъ, кощюникъ, конечнѣе же отвержеся Христа и бысть бесерменинъ, въступивъ въ прелесть лжаго пророка Махмета. Бѣ бо того лѣта пріѣхалъ посломъ на Русь отъ царя татарскаго именемъ Кутлубѣя, золъ сы бесерменинъ; того поспѣхомъ окаанный лишеникъ (*отступникъ*) вѣры творя христіяномъ велику досаду, и кресту и св. церквамъ ругаяся. И егда людіе по градомъ на враги своя гнѣвахуся, и подвигошася на бесерменъ, и изгнаша я вонъ изъ градовъ, а иныхъ избиша, тогда и того безаконнаго и сквернаго и законопреступника и еретика Зосиму убиша въ городѣ Ярославѣ. Бѣ бо тѣло его ядь (*пища*) псомъ и враномъ, а ноги его на злое бѣху быстри, тѣ же влачими бяху отъ псовъ по граду, всѣмъ людемъ на удивленіе.

(П. С. Лът. V, 190).

У насъ мало обращаютъ вниманія на частную борьбу народа съ Татарами, а ограничиваются только одной борьбой княжеской съ ними: борьба народная въ разныхъ мѣстностяхъ, особенно по украйнамъ, велась постоянно и много содѣйствовала успѣху оружія князей противъ Татаръ.

342. Убіеніе князя Романа.

Въ 1270 г. убіенъ бысть князь Романъ Олговичь рязанскій отъ поганыхъ Татаръ; и бысть сице убіеніе его: заткоша уста его убрусомъ, и начаша рѣзати его по суставамъ и метати разно, и яко разоимаша, и остася трупъ единъ, они же одраша главу его и на коніе взоткоша. Сей новый мученикъ есть подобенъ страстію Якову Перьскому. О, возлюбленіи князи русьстіи! не прелщайтеся пустошною славою свѣта сего, еже хуждьше паучины есть, яко сѣнь мимоидеть; не принесосте бо ничтоже на свѣтъ сей, ни отнести что можете; да не обидите меньшихъ сихъ сродниковъ своихъ, ангели бо ихъ воину видять лице Отца вашего, иже есть на небесехъ; възлюбите чистоту и правду, да радости святыхъ сподобитеся, якоже сій блаженный Романъ купи страстію царство небесное и вѣнець пріятъ отъ руки господня, съ сродникомъ своимъ княземъ Михаиломъ черниговскимъ. Убіенъ же бысть м. іюля въ 19 день.

(I Софійс. 197).

343. Житіе Петра ордынскаго царевича (1).

Святому архіепископу ростовскому Кирилу ходящу (1262 г.) в Татары съ честію къ царю Берки (*ум. 1266 г.*) за домъ св. Богородица; царь же слышавъ отъ него, иже о св. Леонтіи, отъ Греческія земли родомъ, и како благословеніемъ патріарха пріиде; како крести градъ Ростовъ, и како увѣри люди и како честь прія (отъ) рускихъ князей и отъ греческаго царя и отъ патріарха вселѣньскаго собора; како по преставленіи

(1) Петръ крестился и жилъ въ концѣ XIII стол., а Житіе его составлено не ранѣе 1462—67 г. Кирилъ посвященъ въ епископа 1231 и ум. 1262 г.

его съ дѣваются чюдеса преславная отъ раки мощей его и до сего дни, и ина многа ученіа отъ евангельскихъ указаній глагола. И слышавъ царь Берка отъ епископа, возрадовася, и почести возда ему, его же требуетъ, и отпусти й съ миромъ царь Берка; по его животѣ князи ярославстіи годовніи оброки носятъ на гробъ. В тоже лѣто разболѣся сынъ его, единъ бо бѣ у него; царь же отъ врачевъ не обрѣте никоеа пользы, и умысли сице: посла в Ростовъ по святаго владыку—и обѣща ему дары многы, да исцѣлитъ сына его. Владыка же повелѣвъ пѣти молебны в Ростовѣ по всему граду; *освятивъ воду и пришедъ въ Татары, и исцѣли сына царева.* Царь же возрадовася со всемъ домомъ и всею ордою своею, *и повель давати владыцѣ оброки годовніи* в домъ св. Богородица. Некто же отрокъ брата царева, сынъ юнъ сый, предстоа предъ царемъ всегда, слыша поученіе св. владыкы, умилися душею и прослезися, выходя на полѣ уединяяся и размышляя, како си вѣруютъ цари наши солнцу сему и мѣсяцу и звѣздамъ и огневи? кто сей есть истинный Богъ? Размышляя, аки древній Авраамъ, отъ благаго корени и лѣторасль блага, и умысли сицѣ уйти съ святымъ видѣти божницу (*церковь*) Рускыа земли, чюдѣса бываема въ нашихъ божницахъ; отъ солнца сего и отъ мѣсяца и огня не бываютъ. Бѣ бо тогда отцу его брату цареву умершу, а матери его дръжащу многа имѣніа ему; онъ же вся та ни во что же мняше душею своею, развѣе единоя вѣры. Мати же его слѣзящи о размыслѣ отрока, и показа ему имѣнія многа отца его; онъ же вся та разда нищимъ татарскымъ требующимъ, и много имѣніа владыцѣ давъ, и устаився всѣхъ...

Пріиде съ владыкою в Ростовъ и видѣ церковь украшенну златомъ и жемчюгомъ, и драгимъ каменіемъ, аки невѣсту украшенну, в ней пѣнія доброгласная, якоже ангельская: бѣ бо въ церквѣ св. Богородица тогда лѣвый крилосъ греческыи пояху, а правый рускыи. Слышавъ же сія отрокъ сій, бысть в невѣріи (*въ недоумѣніи*), и огнь възгорѣся въ сердцы его, и восія солнце въ души его. И припаде к ногама св. владыкы и рече: »господи святче божій, азъ размышляхъ о бозѣхъ царевыхъ и о родительскыхъ—о солнцѣ, и о лунѣ, и о огнѣ, яко тварь суть; а ваша вѣра права и добра, вашь Богъ истиненъ; молю тя, да быхъ и азъ пріялъ св. крещеніе«. И владыка почти й, и повѣле ждати: бѣ бо размышляя о исканіи отрока; и по малѣ времѣни царю Берки умершу, и Ордѣ матущися, и исканія отроку не бѣ,—и крести отрока сего св. Кирилъ, и нарече имя ему Петръ. И бѣ Петръ ученіе господне (*слушая*) по вся дни во святилищѣ и у владыкы; и преставися св. владыка Кирилъ, и погрѣбоша его честно, с пѣсньми вѣчная—ему память! И прія престолъ св. владыка Игнатей (1), и нача церковь крыти оловомъ и дно мостити мраморомъ храмъ св. Богородици ростовскыя, *въ Орду ходяще емля оброкы царскыа.* Петръ же, яко навыче у владыкы, молитвы плачевныя дневныя и нощныа приносити къ Богу, непрестаннаго поста не оставаяся и царскіа своеа не преставая утѣхы: бѣ выѣздяй при езѣре Ростовстѣмъ (*Неро*) птицами ловя.

Единому же ему при езѣри ловящу, по обыщнѣй молитвѣ, усну,—и вѣчеру глубоку сущу, пріидоста к нему два мужа свѣтла суща, аки солнцѣ, и възбудиста й глаголюще: »друже Петре, услышана бысть молитва твоя, и милостыня твоа пріидоша предъ Богомъ«. Оле чюдо братіе! како не удивимся милостынней силѣ

(1) Игнатій былъ епископомъ съ 1262 по 1288 г.

и в невѣріи раздаваннѣй, а в вѣрѣ услышанно быти... Петръ же возбнувъ (*проснулся*), и видѣ два сіа мужа, паче възраста человѣча, мнети ему отъ ужасти, аки до облакъ, а свѣтлостію аки весь миръ осіяющи, въ ужасти ставъ и паде дващи: въста и падеся, и третіе такоже. Сіа же свѣтлая мужа яста за руку его и глаголаста ему: »друже Петре, не бойся; мы есмя посланна к тобѣ Богомъ, вьньже вѣрова и крестися, укрѣпив(ти) родъ твой и племя и внуцы твой до скончанія міра, и въздати тобѣ мзду милостыня твоеа, а противу трудомъ твоимъ вѣчная и благая пріимеши«. И въда ему мѣшца (*мѣшка*), и глаголаста: »возми сіа мѣшца, въ единомъ ти злато, а въ друзѣмъ серебро; утро идѣши въ градъ, и вымениши 3 иконы, икону св. Богородица со младенцемъ, икону св. Дмитрѣа и св. Николы, и вдаси на нихъ еже просятъ мѣнящіи«. Петръ же възрѣвъ на ня и видѣвъ аки человѣка, и взя мѣшца, и мнѣвъ яко въ татарѣхъ племя его укрѣпляетъ, и не разумѣ глаголемаго ими, и рече имъ: »господье мои, аще въспросятъ менящіи мещцевъ отъ иконъ, что сътворю, а вы кто есте«? И рѣста ему два свѣтлая мужа: »мѣшца сіа держи у собя в пазусѣ инѣми невѣдоми, а просятъ менящіи 9 сребряныхъ и 10-й злата, и ты дайже по единому, и вземъ иконы да идеши къ владыцѣ и рци ему: Петра и Павла Христова апостола посласта мя к тобѣ, да устроиши церковь, идѣже спахъ при езѣри; а се знаменіе ею (*них*): иконы сіа вымѣнихъ, а мѣшца сіа вдаста ми, да что имъ велиши сътворити, елико ти речетъ, сотвори; а мы есмы Христова апостолы Петръ и Павелъ«,—и невидима быста... В той нощи явистася страшная святая апостола владыцѣ и рѣста ему: да устроиши церковь и епископью слузѣ нашему Петру, много бо злата въ епископью вдавъ, освятиши й (*ее*) в наше имя; аще ли сего не сътворишн, то смертію уморивѣ тя«—и се рекше невидими быста. И св. Игнатей вста отъ сна, и размышляя о видѣніи злата и сребра въ епископьи, и призва князя и рече ему, »что сътворю невѣде: явистамися Петръ и Павелъ, аки зракъ на иконѣ написанъ ею, устраши(ша) мя, а глаголы ею устроити церковь ею, невѣмъ гдѣ, камо«. Князь же рече ему: вижду тя, господи, ужасна суща. Сіа же имъ бесѣдующа въ епископьи, и узрѣ князь Петра идуща отъ церкви св. Богородица въ епископью, и свѣтъ сіяющь отъ иконъ его выше церкви паче огня. И ужасеся и рече: о владыко, что есть сій огнь?—мнѣти имъ человѣка горяща, инъ же никтоже не видяше огня. Петръ же утро иде въ градъ вземъ иконы, по повелѣнію св. апостолъ, иде въ епископью и поставлей иконы предъ княземъ и владыкою и поклонися до земли и рече: »о владыко, Петръ и Павелъ Христова апостола посласта мя к тобѣ, да устроиши церковь, идѣже азъ спахъ при езѣре, а се ти есть зна(меніе) ею, а мѣшца сія вдаста ми, да что ми велиши сътворити«? Бѣже в то время предъ службою; князь же и владыка въста и поклонися св. иконамъ, и невѣдяху откуду: писца въ градехъ не бысть. Петра знааху суща отъ татаръ, и въпрашахуть й: кто суть менящіи иконы сія? Петръ же рече: »на торгу вымѣнихъ й, господи«. И размышляхъ о видѣніи, аще сему быти; свѣту же сущу въ храминѣ отъ иконъ, идѣже бѣаху, яко солнцѣ. И вси предстоящіи ужасошася, и по службѣ пѣвъ молѣбны, и почти св. Игнатей Петра, и повелѣ взыти на колесницу съ иконами, и повелѣ итти до мѣста, идѣже спа. Самъ же владыка и князь и весь градъ проводиша с пѣсньми иконы до мѣста Петрова, и на мѣстѣ спанія пояста молебны св. апостоламъ. Князь же и владыка со слезами на молебнѣ и радостію призваста имя св. апостолъ Петра и Павла, и *обрѣкоста имъ домы и села.* Сіи молебны

пояху—и людіе клѣть сградиша повелѣніемъ князя, и привезше изъ града, плотомъ оградивше и възвратишася. И ту Петръ иконы постави; князь же всѣдъ на конь, и глумяся изрече Петру: »Петре, владыко тобѣ церковь устроитъ, а азъ мѣста недамъ, что съвориши«? Петръ же рече: »повелѣніемъ, княже, св. апостолъ, азъ куплю у тобѣ, елико отлучитъ благодать твоя, и земля сіа« ... И рече играя Петру: »Петре, въпрошу тя, якоже вда на иконахъ, сице по моей земли кладеши ли 9 литръ сребра, а 10-й злата? Сътвориши ли тако«? Петръ же рече: »святіи апостоли рекоша ми, якоже владыка ми повелитъ створити, сътворю да въпрашаю, господи«. И въпраша владыкы, владыка же вземъ крестъ благослови и рече: »надо Петре, господь рече своими усты всякому просящему дай, ты убо непощади родитель имениа« ... Петръ же поклонися владыцѣ до земля, вѣруя въ глаголъ его; пришедъ ко князю и рече ему: »да будетъ, княже, воля св. апостолъ и твоя«. И повелѣ князь извлещи вѣрвь отъ воротъ до воды, отъ воротъ до угла, отъ угла возлѣ езѣра: се мѣсто великое. Петръ же рече: »да повѣлиши княже ровъ копати, якоже въ Ордѣ бываетъ, да не будетъ погыбѣниа мѣсту тому«. И бысть тако: граждане же, иже провождаша иконы, въ той часъ ископаша ровъ, иже есть и до нынѣ. Петръ же нача отъ воды класти, емля изъ мещецъ по единому, 9 литръ сребра, а 10-й златъ и наполниша возила петровыхъ кунъ *(денегъ)*, и тыя колѣсница, на нихже клеть въздааху, едва можаху какъ подвизати ихъ. Видѣвъ же князь и владыка множество злата и сребра, еже бысти 10 выходъ дати (*т. е. за 10 лѣтъ, татарскихъ податей*), а мещцы цѣлы,—и рекоста к собѣ: »что се есть, Господи, не по нашимъ грѣхомъ сіа сотворишася! Велію бо благодать человѣкъ сей обрѣте предъ Богомъ, по силѣ св. апостолъ«. И поставьша стражбы у двора у Петрова обѣщанныа людіе, иже на молѣбнѣ, и повелѣша Петру итти на конь; и бысть радость веліа во градѣ, почтиша Петра великою честію и многыми дары и на многы дни поюще молебены, прославляху Бога и св. апостолъ о чюдеси бывшемъ в паша дни; *и многу даянію бывшу милостыня и кормленію нищихъ*. Не вѣдяте же Петръ, что сіа сътворися о чюдеси семъ и бѣ молча уединяяся. Видѣвъ же князь и владыка Петра умолкающа и рекоша к собѣ: аще сей мужь, царево племя, иде(тъ) въ орду,—и будетъ спона граду нашему: бѣ бо Петръ возрастомъ великъ и лицемъ красенъ. И рече ему: Петре, хощеши ли поймавѣ за тя невѣсту? Петръ же прослезився и отвѣщавъ: »азъ господи, възлюбихъ вашу вѣру, и оставль родительскую вѣру и пріидохъ к вамъ: воля господня и ваша будетъ«! князь же поимъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту; бѣша бо тогда в Ростовѣ ординьстіи вельможи. Владыка же вѣнча Петра и устрои церковь ему и святи ю, по заповѣди св. апостолъ. Князь же поимаше Петра на царскую утѣху около езера съ ястребы, тѣшаше его, дабы ся в нашей вѣрѣ удержалъ, и рече ему: »Петре, велію ты благодать обрѣте предъ Богомъ (себѣ) и граду нашему, писано бо есть: что въздамъ господеви о всѣхъ, яже въздасть намъ? Приими, господине Петре, малое сіе, земля наша отчины противу дому св. апостолъ отъ езера сего; азъ тобѣ грамоты испишу«. Отвѣщавъ же Петръ: азъ княже отъ отца и матери не знаю землею владѣти, а грамоты сіа чему суть? князь же рече: »азъ тебѣ все уряжу Петре, а грамоты суть на се, да не отъимаютъ тѣхъ земель мои дѣти и внуцы у твоихъ внукъ по насъ«. Петръ же рече: воля господня да будетъ, княже! И повелѣ князь предъ владыкою грамоты писати множество земли отъ езера воды и лѣсы,

яже суть и до нынѣ, и урядиша ему домы по его землямъ. Орда же тѣха *(muxa)* бѣ тогда на многа лѣта. Бяху бо Петрови сладцы отвѣти, добрыа обычая во всемъ, и тольми любляше князь Петра, яко и хлѣба без него не ясти, яко владыцѣ братати Петра въ церкви съ княземъ (1), и прозваста Петра брата князю. И родиша(ся) Петру сыновѣ в него мѣсто, и по малѣхъ лѣтехъ св. Игнатей преставися, пріятъ царство небесное— вѣчная ему память! Старый же князь повладыцѣ не по мнозѣхъ днехъ преставися; сего же князя дѣти звааху Петра дядею до старости,—и (бысть) миръ на многа лѣта. Поживъ же преставися Петръ въ глубоцѣ старости, въ мнишескомъ чину къ господу отъидѣ, егоже возлюби, и положиша у св. Петра у его спалища, и отъ того дни уставися монастырь сій. Внуцы же стараго князя забыша Петра и добродѣтель его, начаша отъимати лузи и украйны земель у Петровыхъ дѣтей; сынъ же Петровъ шедъ въ Орду, сказася брата царева внукъ,— и возрадовашася ему дяди его, и почтиша его и многы дары даша ему и посолъ у царя исправиша ему. Пришедъ же посолъ царевъ в Ростовъ и возрѣвъ въ въ грамоты Петровы стараго князя и судіи его, и положи рубежъ землямъ по грамотамъ стараго князя и оправи Петрова сына, и вда ему грамоту со златою печатью, еже у младыхъ князей, и внукъ стараго князя по цареву слову, отъидѣ. Младыи же князи рѣша в себѣ и своимъ боляромъ: слышахомъ еже родители наши звааху дядею его отца Петра, дѣдъ бо нашь много сребра у него взятъ и братася с нимъ въ церкви, а родъ татарской, кость не наша, что есть намъ за племя? Сребра намъ не остави ни сей ни родители наши«. Сицевыми бесѣдами глаголаху и не искаху чюдотвореніа св. апостолъ, а прародителю любовь забыша; и тако пожиша лѣта многа, зазирающе Петровымъ детемъ, еже въ ордѣ выше ихъ честь пріимаху. Сыну же петрову родиша сыновѣ и дщери, въ глубоцѣ старости къ господу отъиде; внукъ же Петровъ именемъ Юрье, якоже навыче у родителей своихъ, честь творити св. Богородици въ Ростовѣ и гривны на ню возлагати, и пированія владыкомъ и всему клиросу и собору церковному, и праздникомъ св. апостолъ Петра и Павла, и память творити родитель и прародитель—вѣчная ихъ память по вся лѣта! Ловцемъ же ихъ задѣвахутца рыбы паче градцкихъ ловцевъ: аще бо играя петровстіи ловцы ввѣряли суть сеть, то множество рыбъ; а градстіи ловцы тружающеся много, оскудѣваху. Рѣша же ловцы: »Господіе князи, аще петровстіи ловцы непрестанутъ ловити, то езеро наше будетъ пусто; они бо вся рыбы поймаху.« Правнуцы же стараго князя глаголаша Юрью: »слышахомъ испервa, еже дѣдъ вашъ грамоты взя у прародитель нашихъ на мѣсто монастыря вашего и рубежи землямъ его; а езеро есть наше, грамоты нань не взясте, да уже не ловятъ ловцы ваши.« И збысться пророчество стараго князя брата Петрова, еже рече о обидѣ внукъ предъ грамотою. Слышавъ же сія, Юрьи внукъ Петровъ, иде въ Орду, и сказася правнукъ брата царева; дяди же честьми мнозими почтоша и дары многы даша и посолъ у царя исправиша ему. Пріиде посолъ въ Ростовъ и сѣдъ при езерѣ у св. Петра, и бысть боязнь княземъ царева посла, и суди ихъ съ внуки Петровыми. Юрье же предъ посломъ положи вся грамоты, и посолъ возрѣ въ грамоты и рече княземъ: »не ложь ли суть грамоты сія и купля сія? ваша ли есть вода, есть ли подъ нею земля? можете ли воду сняти съ земли

(1) Обрядъ побратимства совершался въ церкви и у другихъ славянскихъ народовъ.

той?« И отвѣщаша князи реша: — ей господи, не ложь суть грамоты сія; а земли подъ нею несть, а вода наша есть вотчина, господине, а сняти ей не можемъ. И рече посолъ сице царевъ судія: »аще не можете сняти воду съ земля, то почто своею именуета? а сотвореніе есть вышняго Бога на службу всѣмъ человѣкомъ.« И присуди внукомъ Петровымъ Юрью, »какъ есть землямъ купля, такъ и водамъ,« — и вдасть Юрью грамоту съ златою печатію по цареву слову, и отъиде, князи же не можаху зла сътворити ничтоже Юрью. И утѣшися житіе на многа лѣта, и славляху Бога, якоже навыкоша у родитель своихъ творити, памяти св. апостолъ съ слезами и радостію, поминающе съ воздыханіемъ чюдеса ихъ и памяти годовніи родитель с великими милостынями. Возрасте же правнукъ Петровъ, а Юрьевъ сынъ Игнатъ, и при его животѣ съдѣяся сія: пріиде Ахмылъ на Рускую землю и пожже градъ Ярославль, и пойде к Ростову с всею силою своею. И устрашися его вся земля, и бѣжаша князи ростовстіи и владыка побѣже Прохоръ (1). Игнатъ извлече мечь и угна владыку и рече ему: »аще не идеши съ мною противу Ахмыла, то самъ посѣку тя: наше есть племя и сродичи.« И послуша его владыка, и ко всѣмъ клиросомъ взирахъ, вземъ крестъ и хорюговь, и пойде противу Ахмыла; а Игнатъ, предъ кресты съ гражданы, вземъ тѣшь царьскую — кречеты, шубы и питіе, и край поля езера ста на колѣну предъ Ахмыломъ, и сказася ему древняго брата царево племя; а се есть село царево и твое, господи, купля прадѣда нашего, идѣже чюдеса творяхуся господи. И страшно, еже видѣти рать его вооруженну, и рече Ахмылъ: »ты тѣшь подаеши, а сіи что суть в бѣлыхъ ризахъ и хорюговь сія? егда сѣщися с нами хотять?« Игнатъ же отвѣщавъ: сіи богомольцы церкви твои суть, да благословятъ тя; а се ношаху божницу по закону нашему. В тоже время *у Ярославля, в тяжць недузь бысть сынъ Ахмыловъ, вожахуть его на возилѣхъ,—и повелѣ вести сына, да благословитъ его; владыка же Прохоръ святи воду, и вда ему пити, и благослови его крестомъ — и бысть здравъ.* Ахмылъ же видѣ сына здрава, възрадовася, и сниде с коня противу крестовъ, и въздѣвъ руцѣ на небо и рече: »благословенъ Богъ вышній, иже вложи ми в сердцѣ идти до здѣ, праведенъ еси, господи Прохоре, яко молитва твоя въскреси сына моего! Благословенъ ты Игнатій, иже упасе люди своя и градъ сій, царева кость — наше племя; еже ти здѣ будетъ обида, да неленися доити до насъ.« И вземъ 40 литръ сребра, и вда владыцѣ, а 30 литръ дасть клиросу его, — и взя тѣшь у Игната и поклонися владыцѣ, и взыдѣ на конь, и отъидѣ въ свояси. Игнатъ же провожая Ахмыла, возвратися съ владыкою и съ гражданы, и возрадовашася, и пѣвъ молебенъ, и прославиша Бога. Дайже Господи утѣху почитающимъ и пишущимъ древнихъ сихъ прародитель дѣянія здѣ и в будущемъ вѣце; а Петрову роду сему соблюденіе и умноженіе живота, не оскудѣетъ радость бес печали, — вѣчная ихъ память до скончаніа міру! Богу нашему слава, и нынѣ и присно, и ввѣки вѣкомъ, аминь.

(Правосл. Собесѣдн. 1859 I. кн. 3, стр. 356).

Обратить вниманіе, какъ вѣра христіанская и цивилизація Руси дѣйствовали на Татаръ.

(1) Прохоръ былъ епископомъ въ Ростовѣ 1311—1328 г.; нашествіе Ахмыла случилось въ 1322 г. П. С. Лѣт. III, 72; IV, 49. VII, 198.

344. Сказаніе о Михаилѣ Тверскомъ (1).

Сій блаженный, приснопамятный, боголюбивый князь Михайло Ярославовичь, внукъ в. кн. Всеволода Юріевича, скончавшюся ему нужною смертію въ Ордѣ за христіяны; роди же ся воистину отъ блаженныя и преподобныя матери в. княгини Оксиніи, егоже св. та и мудрая мати вспита въ страсѣ господни и научи св. книгамъ и всякой премудрости. Княжащу ему въ отчинѣ своей во Тфѣри, преставися в. кн. Андрѣй, и благослови его на свой столъ, на в. княженіе сего христолюбиваго кн. Михаила, емуже по старѣйшиньству дошелъ бяше степень княженія великого; и поиде въ орду ко цареви, якоже и преже его князи бывшіи имяху обычай тамо взимати вел. княженіе. Въ то же время сыновець его в. кн. Юрій Даниловичь поиде въ Орду же; егда же ему бывшю въ Володимери, блаженный же и приснопамятный митрополитъ кіевскій и всея Руси Максимъ съ многою молбою, браняшеть итти въ Орду, глаголя: »азъ имаюся тебѣ съ в. княгинею Оксиніею матерію в. кн. Михаила, чего въсхочешь изъ отчины вашея, то ти дасть.« Онъ же обѣщася, рекъ: »хотя, отче, иду въ Орду, но не хощу в. княженія.« И бывшю ему въ Ордѣ, не хотя роду человѣчю добра всепагубный врагъ діяволъ, вложи въ сердце княземъ татарьскымъ, свадиша братію, ркуще в. кн. Юрію Даниловичу: »оже ты даси выходъ болши кн. Михаила тфѣрьского, мы тебѣ великое княженіе дадимъ;« и тако превратиша сердце его, и нача искати в. княженія. Обычай бо поганыхъ и до сихъ мѣстъ вмещуще вражду межю братіи князей русьскыхъ, и себѣ болшая дары взимаху. И бывши прѣ велицѣ межи ими, и бысть тягота велика въ Русьской земли за наша согрѣшенія... Но милостію пресв. Богородица и всѣхъ святыхъ, прііде благовѣрный князь Михайло въ Русь, и посаженъ бысть на столѣ в. княженія въ Володимери блаженнымъ и приснопамятнымъ м-томъ кіевскимъ и всея Руси Максимомъ. Княжившу же ему 8 лѣтъ на в. княженіи, а въ Ордѣ сѣде иный царь именемъ Озбякъ, войде въ богомерзьскую вѣру Срачиньскую, и оттолѣ наипаче не пощадѣти нача роду христіяньского. Якоже бо о таковыхъ рекоша царьскыя дѣти, иже плѣнени въ Вавилонъ, сице глаголааху: предасть ны въ руцѣ царю нечестивому, и законопреступному, и лукавнѣйшю паче всея земля... Но мы бывшее възглаголемъ. И оттолѣ нача быти вражда промежи князей сихъ; аще и творяста миръ межи себе, но врагъ нашъ всепагубный дьяволъ пакы рать вздвизаваше. И пакы бывшимъ великимъ княземъ въ Ордѣ, и бывши прѣ велицѣ межи има и оставиша в. князя Юрія Даниловича у себе въ Ордѣ, а князя Михаила отпустиша на Русь; минувшу же единому лѣту, и паки безаконніи Измаилтяне не сыти суще мьздоимьства, егоже желааху, вземше много сребра, и даша великое княженіе в. кн. Юрію Даниловичю, и отпустиша съ нимъ на Русь единого отъ князь своихъ, безаконнаго и треклятаго Кавгадыя. Блаженный же в. кн. Михайло срѣте его съ полкы своими, и посла къ в. кн. Юрію Даниловичю, рекъ тако: »братє! аже далъ царь тебѣ великое княженіе, то и азъ отступаюся тебѣ, княжи на великомъ княженіи, а въ мою опришнину не вступайся;« и роспусти вся воя своя, и поиде въ свою отчину съ домачадци своими. И паки діяволъ не престаяше желая кровопролитія, еже и створи-

(1) Это сказаніе составлено послѣ 1318 г. Писатель его былъ современникомъ убіенія князя Михаила и слышалъ все, что написалъ, отъ священника, какъ онъ самъ говоритъ въ сказаніи. Это сказаніе можно читать въ Софійс. Временникѣ I, 299—313, въ Полн. Собр. Р. Лѣт. VII, 188—197, въ Никоновск. Лѣтоп. III, 116—124.

ся за грѣхы наша. Пріиде бо в. кн. Юрій ратію ко Тфѣри, совкупивъ всю землю Низовскую и съ кровопивцемъ Кавгадыемъ, и множество Татаръ и Бесерменъ и Моръдвы, начаша городъ жечи и многа села; и бысть туга не мала, имающе мужи и мучащи различными муками и смерти предаяху, а жены ихъ оскверниша погании; и пожгоша всю власть тфѣрскую и до Волгы, и поидоша на другую страну Волгы, и на той странѣ тоже хотяху творити. Блаженный жѣ князь Михайло призва епископа своего и князей и бояръ, и рече къ нимъ: »братіе! видите ли, княженія великого отступился есмь брату моему и выходъ давалъ есми, и се надъ тѣмъ колико зла сътвориша въ вотчинѣ моей? азъ же терпяхъ имъ и чаяхъ, уже престанеть злоба си, но и паче вижю еже головы моея ловять; нынѣ же не творюся въ чемъ виноватъ, буду ли въ чемъ виноватъ, скажите ми.« Они же яко единѣми усты со слезами рекоша: »правъ еси, господине, во всемъ; предъ своимъ сыновцемъ таковое смиреніе сътворилъ еси, и се взяша всю власть твою, а другую страну также хотять пусту сътворити; а нынѣ, господине, поиди противу имъ, а мы, господине, за тебя хощемъ животомъ своимъ потягнути.« Блаженный же князь Михайло также съ многымъ смиреніемъ рече: »братіе! слышите что глаголеть господь въ евангеліи: иже аще кто положить душу свою за другы своя, той великъ наречется въ царствѣ небеснѣмъ; намъ же нынѣ не за единъ другъ, ни за два голова положити и душа своя; но за толико народа въ полону суща, а инїи избіени суть« ... И утвердившеся честнымъ крестомъ и поиде противу ратнымъ, и яко быша близь себе, и бысть видѣти ратьныхъ безчисленое множество, и яко съступишася полци и бысть сѣча велика, не могуще брани носити, вдаша противнїи плещи свои, милостію великаго Спаса, и пречистыя его Матери, и помощію великаго архангела Михаила побѣди благовѣрный князь Михайло, и бысть видѣти безчисленое множество ратныхъ падающе подъ кони язвени, яко снопы въ жатву на нивѣ. Великій же князь Юрій Даниловичь видѣ многы падающа воя его язвени, и отъѣха въ Торжекъ въ малѣ ратныхъ, и отътолѣ ѣха въ В. Новъгородъ; а окаанаго же Кавгадыя съ другы его не повелѣ князь избивати, въ немъже послѣдняя болши погыбель. Си же побѣда сътворися м. декабря 22. Самому же кн. Михаилу видѣти доспѣхъ свой весь язвенъ, на тѣлеси же его не бысть никоеяже раны... И избави изъ плѣна множество душа, бывшая въ скверныхъ рукахъ поганьскыхъ, и възвратися въ свое отечьство съ великою радостію, и приведе окаанаго Кавгадыя въ градъ свой, и много честивъ и одаривъ его, и отъпусти его; онъ же много съ лестію ротяшеся не вадити нань ко царю, глаголя: »занеже воевали есми власть твою безъ царева слова и повелѣнія.« Великій же кн. Юрій Даниловичь совкупивъ множество Новгородцевъ и Пьсковичь, и поиде ко Тфѣри, и срѣте его князь Михайло противу Синѣевского, и пакы не хотя видѣти другаго кровопролитія за толь малы дни, умирившися и крестъ цѣловаша; и рече кн. Михайло: »поидевѣ, брате, оба въ Орду, жалуемся вмѣстѣ царю, абы ны чимъ помочи христіяномъ.« Великый же кн. Юрій Даниловичь пакы съимася съ Кавгадыемъ, и поидоша напередъ въ Орду, поимши князи всѣ Низовскіе съ собою, и бояре съ городовъ и отъ Новагорода, по повелѣнію окаанаго Кавгадыя; (и написаша многа лжесвѣдѣтельства на блаженаго в. князя Милаила). Князь же Михайло посла сына своего князя Костянтина; а самъ послѣ въ Орду же поиде, благословяся у епископа своего Варсонофія, и отъ игуменовъ и отъ поповъ, и отъ отца своего духовнаго

игумена Ивана. И послѣднее исповѣданіе сътвори на рѣцѣ на Нерли... До того же мѣста проводи его благородная его княгини Анна и сынъ его кн. Василей, и възвратистася со многимъ рыданіемъ, не могуще разлучитися отъ възлюбленнаго князя; онъ же поиде къ Володимерю, а съ нимъ сынъ его кн. Дмитрій да кн. Александръ. И бывшу ему въ Володимери, и се пріѣха посолъ отъ царя изъ орды, именемъ Ахмылъ, глаголя: »зоветь тя царь, поиди вборзѣ, буди за мѣсяцѣ; аще ли не будеши, то уже воимянова на тебе рать и на твои городы; обадилъ ти есть ко царю Кавгадый, глаголя: не бывати ему въ Ордѣ.« Думаша же бояре его ркуще: »се сынъ твой въ Ордѣ, а еще другаго посли;« такоже и сынове его глаголаста ему: »господине драгый отче! не ѣзди въ Орду самъ, наю котораго посли, аще всхощеши« ...

(Но князь все таки отправился самъ, видя что „царь“ никого не требуетъ „развіе“ его самаго).

Дошедшю же ему въ Орду, м. сентября въ 6, на усть рѣкы Дону, идѣже течеть въ море Сурожьское, и ту срѣте его кн. Костянтинъ. Царь же дасть ему пристава, не дадуща никому же его обидѣти; се бо умякнуша исперва словеса ихъ паче елея, и та бо нынѣ быша стрѣлы. И егда же одари всѣ князи ординьскіе и царици, послѣди же самого царя, бывшу же ему въ Ордѣ полтора мѣсяца, и рече царь княземъ своимъ: »что ми есте молвили на кн. Михаила, сътворите има судъ съ в. кн. московскимъ Юріемъ Даниловичемъ; да котораго правду скажете мнѣ, того хощю жаловати, а виноватого казни предати,« а не вѣси, окаанне, уже еси своею казнію сплелъ ему вѣнець пресвѣтелъ. Въ единъ убо день собрашася вси князи ординьскыя въ едину вежу за царевъ дворъ, и покладаху многы грамоты со многимъ замышленіемъ на князя Михаила, глаголюще: »многы дани поималъ еси на городѣхъ нашихъ, царю же не далъ есми.« Истинный же христовъ страдалецъ Михайло любяй правду, глаголя истину, со всякою правдою обличаше лжы ихъ свидѣтельства... И паки минувшей единой недѣли по судѣ томъ, въ день суботный, отъ нечестивыхъ изиде повелѣніе безаконно, поставиша его на другомъ судѣ связана блаженнаго кн. Михаила, износяше ему неправедное осужденіе: »царевы дани не давалъ еси, противу посла бился еси, а княгыню в. князя Юрія уморилъ еси.« Благовѣрный же кн. Михайло со многымъ свидѣтельствомъ глаголаше: »колико скровищь издавалъ есмь цареви и княземъ,« все бо исписано имѣяше; »и посла паки избавихъ на брани и со многою честію отпустихъ его;« а про княгыню Бога послуха призываше, »яко ни на мысли ми того створити.« Но безаконніи... яко въсхотѣша, то и сътвориша. Въ настоящую убо нощь приставиша 7 сторожовъ отъ 7 князей и иныхъ немало, и покладаху предъ блаженнымъ многа ужа (*узы*) желѣзныя, хотяще отягчати нози его, и вземши отъ портъ его и подѣлишася; въ ту нощь мало отпустища ему отъ узъ желѣзныхъ, но связанъ тако пребысть всю нощь. Тое же нощи отгнаша отъ него вся бояре его и слуги сильно біюще, и отца его духовнаго игумена Александра, и оста единъ въ руку ихъ; глаголаше бо къ себѣ: »удалиша отъ мене дружину мою и знаемыя отъ страсти.« Наутріе же, въ недѣлю, повелѣніемъ безаконныхъ възложиша колоду велику отъ тяжка древа на выю святому, прообразующе ему поносную муку, юже пріимъ благодаряше Господа Бога, съ радостію и со слезами глаголя: »слава тебѣ, Владыко человѣколюбче, яко сподобилъ мя еси начатокъ пріяти мученія моего, сподоби мя и кончати подвигъ сей; да не прелестять мене словеса лукавыхъ, ни да устрашать мя прещенія нечестивыхъ.« И повелѣша бе-

законніи вести святаго послѣ царя, бяше бо пошелъ на ловы, преподобный же и благовѣрный кн. Михайло яко изъмлада имяше и никаго же измѣняше правила своего, въ нощи пояше псалмы Давыдовы; а како поиде изъ Володимеря, то отъ недѣли до недѣли пощашеся и причащашеся пречистаго тѣла и крови господни, а отнелѣ же ятъ бысть, наиначе безпрестани вся нощи не дядяше сна очима своима, да не въздремлеть ни уснеть храня его ангелъ. Но пакы славяше Бога, съ многыми слезами и глубокымъ въздыханіемъ исповѣдаяся ему, глаголаше: »Господи! услыши молитву мою и вопль мой къ тебѣ да пріидетъ« ... И егда безаконьніи стражи они въ нощи забиваахуу въ той же колодѣ святѣи руцѣ его, но ни тако озлобляемъ пояше псалтирь непрестанно, а единъ отъ отрокъ его сѣдяше предъ нимъ прекладывая листы, онъ же прилежно глаголаше: »Господи! не отврати лица твоего, яко скорблю, скоро услыши мя, вонми души моей, избави ю отъ врагъ сихъ« ... И тако на всякъ часъ моляся Богови и глаголя; во дне же всегда бѣше видѣти его свѣтлымъ лицемъ и весела взоромъ, и словесы сладкыми и веселыми тѣшаше бояръ и слугъ своихъ, и бяше видѣти его яко никоегоже озлобленія пріемлюща. Минувшимъ же днемъ 20 и 4-мъ, святому бывшу въ неизреченномъ томъ терпѣніи, нечестивый же Кавгадый имѣя ядъ аспиденъ подъ устнама своима, и пакы досажая души терпѣливаго кн. Михаила, повелѣ его привести въ торгъ въ таковой укоризнѣ, созва вся заимодавца, повелѣ святаго поставити предъ собою на колѣну; величашеся безаконный, яко власть имый на праведнѣмъ, и много словеса изорче досадна праведному. И посемъ рече: »вѣдая буди, Михаиле, такъ царевъ обычай: аже будетъ ему на кого гнѣвъ, хотя и на своего племянника, ти также древо въскладаютъ на него, егда же гнѣвъ его минеть, и паки въ первую честь вводить его; утро бо или въ предъидущій день тягота си отидеть отъ тебе, и въ большей чести будеши« . И възрѣвъ рече сторожемъ его: »почто не облегчите ему древа сего« ? они же рекоша: »заутра или на другій день тако створимъ по глаголу твоему« . И рече окаанный: »поддержите ему древа сего, да не отягчають ему плеща« , и тако единъ отъ предстоящихъ за нимъ подъимъ держаше древо. Многу же часу минувшу, о вросѣхъ праведному отвѣты дающе, и посемъ повелѣ вонъ вести блаженнаго; и вышедшю ему вонъ, и рече слугамъ своимъ: »дайте ми стулецъ, да почію и пріиму покой ногама своима« , бѣста бо отягчали отъ многаго труда. Въ то же время съѣхалося бѣше множество отъ всѣхъ языкъ, сшедшеся зряще святаго; рече же единъ отъ своихъ, предстоящихъ ему: »господине княже! видиши ли селико народа множество стоящихъ, видяще тя въ таковой укоризнѣ, а преже тя слышаша царствующа въ своей земли; абы, господине, еси пришелъ въ свою вежю« . Блаженный же рече съ слезами: »яко позору быхомъ ангеломъ и человѣкомъ, вси видящеи мя покиваахуу главами своими« ; и паки: »уповаю на Господа, да избавить мя и спасеть якоже хощеть, яко ты еси исторгый мя отъ чрева матери моея« ; и въставъ иде къ вежѣ своей, глаголя прочее псалма того. И оттолѣ бяше видѣти очи его полны слезъ, чюяще бо въ сердци, яко уже скончатися доброму его теченію. Бывшу же блаженному въ неизрѣченномъ томъ томленіи и тяготѣ дній 26 за рѣкою Теркомъ, на рѣцѣ на Севенцѣ, подъ городомъ Тетяковымъ, минувшю всѣ горы высокія Яськыя и Черкасьскые, близь Воротъ желѣзныхъ, въ среду рано повелѣ отъпѣти заутреню и часы. ... И посемъ нача каятися ко отцемъ своимъ духовнымъ со многымъ смиреніемъ, очищая свою душю; бяше бо

съ нимъ игуменъ да два попа. Посемъ же присѣдящю у него сыну его князю Костянтину, онъ же приказываше ко княгынѣ и ко сынома своима про отчину свою, и про бояре, и про тѣхъ иже съ нимъ были и до меншихъ, не веля презрѣти ихъ. И посемъ уже часу приближающюся, и рече: »дадите ми псалтирь, вельми бо прискорбна душа моя«, чуяше бо при дверѣхъ пришедша отъ Бога святый зватаи по святую душу его. И разгнувъ псалтырь, и обрѣте псаломъ: »внуши Боже молитву мою и вонми моленіе мое, въ скорбѣхъ печали моея смутихся отъ гласа вражія, яко въ гнѣвѣ враждоваху мнѣ«, въ той бо часъ окаанный Кавгадый вхождааше ко царю и исхожаше съ отъвѣты на убіеніе блаженнаго; сей же чтяше: »сердце мое смутися во мнѣ и страхъ смертный пріиде на мя«. И рече попомъ: »что молвитъ псаломъ сій, скажите ми«? они ркоша не хотяще болши его смутити: »се, господине, знакомитіи псалмы въ послѣдней главизнѣ: възверзи на Господа печаль свою, и той тя препитаетъ и не дастъ въ вѣки смятенія праведнику«... И скончавъ псалмы и согнувъ псалтырь, и се въ той часъ отъ отрокъ его въскочи въ вежу, облѣдѣвшимъ (*поблѣднѣвшимъ*) лицемъ и измолкшимъ гласомъ: »господине княже! ѣдуть уже отъ Орды Кавгадый и в. кн. Юрій Даниловичь со множествомъ народа прямо къ твоей вежѣ«. Онъ же наборзѣ вставъ и въздохнувъ рече: »вѣдаю на что ѣдуть, на убіеніе мое«, и отсла вскорѣ сына своего Костянтина къ царици; и бѣ страшно въ той часъ, братіе, видѣти отъ многыхъ странъ множество женущихъ къ вежѣ княжѣ Михаиловѣ. Кавгадый же и в. кн. Юрій послаша убійци, а сами сѣдше съ конь въ торгу, близь бо бяше торгу яко каменемъ вереци. Убійци же яко дивіи звѣріе, немилостиви кровопивци, разгнавше отъ блаженнаго всѣ людіе его, въскочиша въ вежу, обрѣтоша его стояща, и тако похватиша его за древо еже бѣ на выи его, и удариша имъ силно, и възломиша й на стѣну, и проломися вежа: онъ же въскочи, и тако мнози емше и повергоша его на земли, и біяхуть пятами нещадно. И се единъ отъ безаконныхъ, именемъ Романецъ, извлекъ великый ножь и удари въ ребра святаго въ десную страну, и обращая ножь сѣмо и овамо, и отрѣза честное сердце его.

И тако предасть святую и блаженную свою душу въ руцѣ Господеви, м. ноября въ 22, въ среду 7 часа дни; и причтеся съ лики святыхъ, и съ сродникома своима св. Борисомъ и Глѣбомъ и съ тезоименитникомъ своимъ в. кн. Михаиломъ черниговскимъ, и пріятъ вѣнецъ неувядаемый отъ руку господня, егоже вжелѣ. Вежу же блаженнаго разграбиша Русь и Татарове, а честное тѣло его повергоша наго, никимъже небрегомо; единъ же отъ нихъ пріѣха въ торгъ, рече: »се уже повелѣное вами сътворихомъ«. Кавгадый же и в. кн. Юрій пріѣхаша вскорѣ надъ тѣло его; Кавгадый же видѣ тѣло наго повержено, и глагола съ яростію в. кн. Юрію, река: »не братъ ли ти старѣйши какъ отецъ, да чему тако лежить тѣло его наго повержено«? в. же кн. Юрій повелѣ своимъ покрыти тѣло его; и се единъ прикры тѣло его своею котыгою, юже ношаше. И положиша его на велицѣй досцѣ, и възложиша на телѣгу, и увиша ужи крѣпко, и превезоша за рѣку, рекомую *Адьожь*, еже зовется горесть; горесть бо се нынѣ, братіе, и есть, въ той часъ таковую видѣвши нужную смерть господина своего кн. Михаила. А бояре его и слуги немнози гоньзнуша рукъ ихъ, и еже дерзнули убѣжати въ Орду ко царици; а иныхъ изнимавше влечахуть нагихъ, терзающе нещадно акы нѣкыя злодѣя, и приведше въ станы своя утвердиша й въ оковахъ. Сами же князи и бояре въ единой вежѣ

піяху вино, повѣствующе, кто какову вину изрече на святаго. Створившеся чудо велико да скажемъ: въ настоящюю бо нощь в. кн. Юрій Даниловичь двѣма отъ слугъ своихъ повелѣ стрещи тѣлесе святаго, и якоже начаша стрещи, пріятъ ихъ страхъ и ужасъ велій, не могуще терпѣти отбѣгоша въ станы своя; и рано пріидоша, не обрѣтоша телѣси его святаго на дъскѣ, но телѣга стояше и доска на ней единако ужи привязана, тѣло же святаго о себѣ на единомъ мѣстѣ лежаше раною къ земли, и кровь многу изшедшю изъ язвъ, десная же рука его бѣ подъ лицемъ его, а лѣвая у язвы его, а порты единако одѣнъ. Преславно бо Господь прослави вѣрнаго раба своего кн. Михаила; тако бо удиви и, объ нощь лежа тѣло его на земли, а не прикоснуся ему ничтоже отъ звѣрій, а множеству безчислену сущу: хранить бо Господь вся кости ихъ, ни едина же отъ нихъ не скрушится, смерть же грѣшникомъ люта; еже быть безаконному и проклятому Кавгадыю, и не пробывъ убо ни единого лѣта и злѣ изверже окаанный животъ свой. Мнозіи же вѣрніи и отъ невѣрныхъ тое нощи видѣша чудо преславно: два облака свѣтла всю нощь осѣняста надъ тѣломъ святаго, разступающеся и пакы съступающеся вмѣсто и сіяюще акы солнце. Наутрія же глаголааху, яко святъ есть князь сій и убіенъ неповинно, облакомъ бо симъ являеть просвѣщеніе ангелское надъ нимъ; еже исповѣдаша намъ со слезами и со многими клятвами, ако истина есть бывшее. И отътолѣ посла тѣло блаженнаго въ Мождьжчары съ своими бояры, и тамо слышавше гости знаеміи ему и хотяша прикрыти плащаницами многоцѣнными тѣло его, съ честію и свѣщами славно въ церкви поставити; приставленіи же немилостивіи бояре не даша имъ ни видѣти блаженнаго, но со многою укоризною поставиша его въ единой хлѣвинѣ за сторожы. Но и ту прослави его Господь: мнози бо отъ различныхъ языкъ, живуще на мѣстѣ томъ, по вся нощи видяху столпъ огненъ сіяющъ отъ земля до небеси, иніи же яко дугу небесную прокланяющюся надъ хлѣвину святаго, идѣже лежить тѣло. И оттолѣ везоша его къ Бездѣжу, и яко приближившимся имъ ко граду, и мнози видѣвше изъ града около саней множество народа идяху съ свѣщами, а иніи на конехъ съ фонари на въздусѣхъ ѣздяща; и тако привезоща и въ градъ, и не сташа въ церкви, но въ дворѣ стрежахуть его. И се отъ стрегущихъ единъ въ нощь възлеже верху саней сущихъ съ тѣлесемъ святаго, и тако невидимо нѣкая сила сверже его далече съ саней святаго; онъ же великою болѣзнію одва вста, и еле живу ему сущю, пришедше исповѣда ту сущему іереови бывшая ему, отъ негоже слышахомъ и написахомъ. И оттолѣ повезоша его въ Русь, везущимъ же имъ по городомъ по русьскымъ, и довезшимъ Москвы положиша и въ церкви св. Спаса въ монастыри; княгынѣ же и сыномъ его не вѣдущимъ ничтоже створшагося, далече бо бѣ земля и не бѣ кому вѣсти донести. На другое же лѣто пріиде въ Русь в. кн. Юрій Даниловичь на великое княженіе, приведе съ собою кн. Константина Михаиловича и бояръ и слугъ отца его. И се увѣдавше княгини его Анна, и епископъ Варсонофей, и сынове его, послаша увѣдывати на Москву; посланіи же пріѣхавше и повѣдаша, яко кн. Михайло убіенъ есть, и плакахуся на многи дни неутѣшно. Бывшю же в. кн. Юрію Даниловичу въ Володимерѣ, посла къ нему кн. Дмитрей Михаиловичь брата своего кн. Александра, и бояръ своихъ, и едва умолиша кн. в. Юрія Даниловича; онъ же повелѣ отъпустити тѣло блаженнаго. Они же послаша на Москву бояръ своихъ съ игумены и попы, и привезоша тѣло святаго въ Тфѣрь со многою честію, и срѣтоша его сынове

его, кн. Дмитрей, кн. Александръ, кн. Василей, и княгыни его Анна, по Волзѣ въ насадѣхъ, а епископъ Варсонофей со кресты съ игумены и попы, и безчисленое множество народа срѣтоша его у св. архангела Михаила на брезѣ; и отъ многаго вопля не бяше слышати поющихъ и не можаху донести ракы къ церкви, и поставиша предъ враты церковными, и тако на многы часы плакаху, и едва внесоша въ церковь. И пѣвше надъ нимъ надгробное пѣніе, и положиша въ церкви св. Спаса на десной странѣ, еже бѣ самъ создалъ, посторонь преп. епископа Семена, м. сентября въ 6 день, на Чюдо архангела Михаила. И се чюднѣе сътвори Богъ своею неизреченною милостію: изъ толь далечіе земли везено тѣло святаго на телѣзѣ и въ санѣхъ, и потомъ же тѣло святаго лежало на Москвѣ лѣто все, и обрѣтеся тѣло все цѣло, а не истлѣвше; како удиви Богъ святыя своя угодникы, пострадавшая за ны.

(*П. Собр. Лѣт. V, 207—215*).

345. Житіе Александра Михайловича тверскаго.

Того же лѣта (1338) (1) князь в. Александръ Мих. тверскии поиде во Орду, а сыну его кн. Ѳедору тогда во Ордѣ сущу, мати же его и бояря его и гости и житеиские мужи і весь градъ плакаше о немъ и унимаше его много, да не идетъ во Орду ко царю; вѣдомо ти есть, царь гнѣвенъ на тебя и смерти предати тя хощетъ, божественное жъ писаніе не повелеваетъ самому себя на смерть предати. Онъ же рече: »Господь во евангели своемъ глаголетъ: не убоитеся отъ убивающихъ тѣло, душе же немогущи что сотворитъ!... Азъ отъ чрева матери своея согрѣшихъ и согрешая не престаю, како не имамъ пострадати въ настоящемъ семъ, и скоро минующемъ житіи? все бо наше житие мимо гряде, і яко дымъ изчезаетъ, и яко сонъ ни вочтоже бываетъ«. Они же вси о семъ оскорбишася, глаголаше, воля господня да будетъ, и тако умолчаша. Онъ же внидѣ въ насадъ съ сущими съ нимъ, и тогда воста вѣтръ силенъ зело онемъ гребущимъ, а насадъ назадъ идяше и симъ тружающися; и тако много тружающеся едва проидоша землю рускую. А братъ его кн. Василей Мих. съ бояры своими и слугами проводища его до Святославля поля, а брату его кн. Костянтину Мих. тогда въ велицѣ болѣзни лежаще, и плакася по немъ кн. в. Александръ Мих. тверскии глаголя сице: »все есть при кончинѣ нашеи наставникъ и собратель отчинѣ нашеи, о немъ же утвердишася люди его по рати сеи«. Тогда же съ нимъ поидоша въ Орду ко царю Азбяху кн. в. Василей Давыдовичь ярославскии внукъ Ѳедоровъ, правнукъ Ростиславль, праправнукъ Мстиславль, препраправнукъ Давыдовъ и кн. Романчюкъ белозерскии. Пришедшимъ же имъ во Орду, обрете кн. Александръ Мих. тверскіі сына своего Ѳедора во Ордѣ и целовавщеся плакашеся. Исповѣда ему сынъ ево гнѣвъ царевъ, онъ же рече воля господня да будетъ, и вземъ дары многи даде царю, и царице и княземъ и протчимъ рядцемъ. И пребысть единъ мѣсяцъ во Ордѣ у царя Азбяка и мнози глаголаху ему татарове, иже друзи ему суще, хощетъ тя царь убити, оклеветанъ бо еси къ нему на крепко. Онъ же глаголаше къ нимъ: »что имамъ сотворити? Аще Богъ восхощетъ мя предати на смерть, да кто

(1) Ал. Мих. Тверской князь избилъ татаръ и ханскаго посла Шевкала въ 1327 г. За это его преслѣдовалъ не только ханъ, но князь и митрополитъ московскіе, по этому онъ рѣшился идти въ Орду просить милости хана.

мя отъ нея избавитъ»? И нача прилежати къ молитвѣ и покаянню исповѣдавшеся всегда у отца своего духовнаго, и приближися память св. великомуч. Дмитрея, и прииде ему паки вѣсть о убіеніи его, яко по триехъ днехъ злѣи смерти преданъ будетъ. Онъ же глаголаше: »Господи буди воля твоя, яко же хощеши»,— и весь день сетуя хожаше и моляшеся и скорбяше. И наста память св. мученикъ Терентія и Неонилы, и препод. Стефана творца каноном и Саваита и св. мученицы Парасковеи наречennыя Пятницы, воста рано повелѣ пѣти завтреню..... И егда начаша глаголати окса псалмы (*шестопсалміе*) Давыдовы: »Господи чтося умножишася стужающіі ми»..... и повелѣ умолчати и прииде ко иконе и знаменася целова глаголя сице: «аще царь Давыдъ толикъ Богоотецъ пророкъ велія духъ св. имяше въ себѣ, и напасти и беды многи претерпѣ, азъ ли не хощу пострэдати многогрѣшенъ сыи! Господи, воля твоя да будетъ, готовъ есмъ на все за имя Твое святое»; и тако повелѣ глаголати вся по ряду, таже и протчіе правило все и молитвы изглаголаше. И по семъ многу часу мимошедшу, посла ко царице вестеи пытати, таже и самъ вседъ на конь и нача ѣздити вестеи пытати о смерти своей отъ знаемыхъ друговъ своихъ; и увѣдевъ истино, яко въ си часъ смерти преданъ будетъ. Онъ же объемъ сына своего и бояръ своихъ целоваше и о вотчинѣ своей глаголавъ, и отъ сына своего и бояръ своихъ и отъ всѣхъ слухъ своихъ, паче же отъ отца своего духовнаго прощение вземъ, и ихъ простивъ, и любезно о всѣхъ слезы проливъ, и конечно исповѣдася отцу своему духовному о всемъ, і тако священныхъ и божественныхъ таинъ причастися; и тако же и сынъ его Ѳедоръ и бояре его, і вси сущи съ нимъ; никто же бо отъ нихъ чаяше себѣ живота. И по семъ малу часу пришедшу пригнаша къ нему отроцы его глаголюще съ горькимъ плачемъ, и со многими слезами: Господинѣ нашъ любимый княже, се уже грядутъ на убіеніе твое посланніи отъ царя Азбика Берканъ и Черкасъ, онъ же воздѣвъ руцѣ на небо нача молитись: »Господи буди воля твоя, а не моя, якоже хощеши, да аще живъ или мертвъ есмь, даждь ми милость свою и прости ми вся согрѣшенія моя«. И еще ему глаголющу и слезамъ непрестанно отъ очію текущимъ, и протчимъ всемъ въ слезахъ стоящимъ, и се приидоша посланницы отъ царя къ стану его; онъ же выиде противу имъ со смиреніемъ. И тако ту убіенъ бысть и съ сыномъ своимъ Ѳедоромъ, и отсекоша главы ихъ, бояре же его и слуги все разбежашася, елицы жъ осташася ту, вземше телеса и повезоша на Русь. И бывшимъ имъ въ Володимере, срете ихъ Ѳеогностъ м-тъ кыевски всеа Русіі священнымъ соборомъ, и пѣвше надъ ними надгробное пѣніе, отпустиша ихъ.

(*Никон. лѣтоп. III, 166*).

346. Битва съ Арапшей 1378.

Перебѣжа изъ Синей орды за Волгу нѣкоторый царевичь Арапша, и въсхотѣ ити ратью къ Новугороду Нижнему, князь же Дмитрій Костянтиновичь посла вѣсть къ зятю своему Дмитрію, кн. же Дмитрій Ив. прііде къ Новугороду Нижнему въ силѣ тяжцѣ, и не бысть вѣсти про царевичя Арапшю, и възвратися на Москву, и посла на нихъ воеводы своя, а съ ними рать: володимерьскую, переяславьскую, юрьевьскую, муромьскую, ярославьскую, а кн. Дмитрій суздальскій посла сына своего кн. Ивана, да кн. Семена Михайловича, а съ ними вои. Бысть рать велика зѣло, и поидоша за рѣку за Пьяну (*Симбирс. губ.*). И прііде къ нимъ

вѣсть повѣдаша имъ царевича на Волчьи водѣ, они же оплошишася и небреженіемъ хожаху, доспѣхи своя складоша на телеѣгы, а иныи въ сумы, а у иныхъ сулици (*копья*) еще не насажени бѣху, а щиты и копья не приготовлены, а ѣздять порты (*платье*) своя съ плечь спустя, а петли разтегавъ, аки распрѣли, бяше бо имъ варно, бѣ бо въ то время знойно; а гдѣ наѣхаша въ зажитіи медъ и пиво, испиваху допьяна безъ мѣры, и ѣздять пьяни, *по истинѣ за Пьяною пьяни;* а князи ихъ, или бояре старѣйшіи, велможи и воеводы, ти вси поѣхаша ловы дѣюще, утѣху себѣ творяще, мнящеся яко дома. А въ то время поганіи князи мордовьстіи подведоша втай рать татарьскую, изъ Мамаевы орды, на князей нашихъ, а княземъ нашимъ не вѣдущимъ и про то имъ вѣсти не было. И доидоша на Шипарѹ, и абье поганіи борзо раздѣлишася на 5 полковъ, и внезапу безъ вѣсти удариша на нашю рать въ тылъ, біюще и колюще и сѣкуще безъ милости; наши же не успѣша ничтоже, чтобы имъ сътворити, побѣгоша ко Пьянѣ рѣцѣ; а татарове послѣ бьюще, и ту убиша кн. Семена Михайловича; князь же Иванъ Дмитріевичь прибѣжа во торопѣ къ рѣцѣ, гонимъ напрасно, и вержеся на конѣ въ рѣку и утопе, и съ нимъ истопоша въ рѣцѣ множество бояръ и слугъ, и народа безчислено, а иніи побьени быша. Сіа же злоба съдѣяся м. августа въ 2 въ недѣлю (*въ воскресенье*) въ 6 часъ о полудни. Татарове же одолѣвше крестьяны, и сташа на костѣхъ, полонъ всь и грабежь ту оставиша, а сами поидоша къ Нижнему Новугороду изгономъ (*набѣгомъ*), безъ вѣсти; князю же новгородцкому не бысть силы стати противу ихъ на бой, но побѣжа въ Суздаль, а люди гражане разбѣгошася въ судѣхъ по Волзѣ къ Городцю. Татарове же пришедше къ городу августа въ 5 въ среду, остаточныхъ людей гражанъ избиша, и градъ всь и церкви и монастыри пожгоша; и отъидоша иноплеменници отъ града въ пятницю, волости новгородцкія воюющe, а села жгуще, и множество людей посѣкоша, а жены и дѣти и дѣвици въ полонъ поведоша. А татарове взяша Переяславль рязаньскій, а самъ князь Олегъ изъ рукъ убѣжа изстрѣлянъ.

(*П. Собр. лѣт. IV, 73—74*).

347. Слово о задонщинѣ послѣ 1380 (1).

Снидемся братія и друзи и сынове рускіи составимъ слово къ слову, возвеселимъ Рускую землю, возверземъ печаль на восточную страну въ Симовъ жребій, и воздадимъ поганому Мамаю побѣду, а в. кн. Дмитрею Ивановичу похвалу и брату его князю Владиме-

---

(1) *Задонщина, или слово о в. кн. Дмитрѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимерѣ Андреевичѣ, яко побѣдиста супостата своего царя Мамая.*

Описаніе Мамаева побоища дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: одна въ Словѣ о *Задонщинѣ*, которое отличается народнымъ, поэтическимъ складомъ; другая—въ Сказаніи, которое носитъ на себѣ характеръ книжной рѣчи, украшенной искусственными, риторическими выраженіями. Въ которой изъ нихъ удержалось болѣе отъ первоначальнаго сочиненія Рязанца Софронія, сказать трудно. Нельзя однако не замѣтить, что въ первой редакціи разсказъ круглѣе, и самое впечатлѣніе, имъ производимое, полнѣе и яснѣе. Что же касается до второй редакціи, то слѣдуетъ упомянуть, что она сохранилась въ наибольшемъ числѣ списковъ.

Сочинитель *Задонщины*, или *Мамаева Побоища* подражалъ *Слову о полку Игоревѣ*, даже иногда рабски. Въ предлагаемой редакціи замѣтно болѣе подражанія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очевидно, что сочинитель Побоища искажалъ выраженія Слова о п. Иг., вѣроятно, имѣя его подъ рукою въ неправильномъ или въ написанномъ нечетко спискѣ. Такъ напр. вм. *Боянъ* онъ прочелъ *боярин (вещаннаго боярина*, т. е. вѣщаго Бояна. *Тотъ боярин воскладоша—Боянъ вскладаше;* вм. *за шеломенемъ* т. е. за горою, онъ прочелъ: *за Соломономъ*, прибавивъ отъ себя *как за царемъ—побывала* и нѣк. др.). Что это слово не принадлежитъ самому Софронію, а только у него заимствовано, явствуетъ изъ словъ: азъ же помяну Рязанца Софронія. Впрочемъ это нисколько не мѣшаетъ предполагать, что

ру Андреевичю. И рцемъ таково слово. лудчи бо намъ, брате, начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимера Андреевича, а внуки в кн. Владимера кіевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинимъ, не проразимся мыслію по землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вещаннаго боярина горазна гудца въ Кіевѣ. Тотъ боринъ воскладоша горазная своя персты на живыя струны, поюша рускимъ княземъ славу, первому кн. кіевскому Игорю Бяриковичю и в. кн. Владимеру Всеславьевичю кіевскому и в. кн. Ярославу Володимеровичю. Азъ же помяну Рязанца Софонія, и восхвалю пѣснеми, гусленными словесы, сего в. кн Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимера Андр., а внуки св. в. кн. Владимера кіевскаго, и пѣніе княземъ рускимъ за вѣру христіяньскую.

Се бо князь в. Дмитрей Ив. и братъ его кн. Владимеръ Андр. помолился Богу и пречистей Его Матери, изтезавше умъ свой крѣпкою крѣпостью, и поостриша сердца свои мужествомъ, и наполнися ратнаго духа, уставиша себѣ храбрыя воеводы въ Руской землѣ, и помянуша прадѣда своего в. кн. Владимера кіевскаго.

Оле! жаворонокъ лѣтняя птица, красныхъ день утѣха, возлети подъ синее небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, воспой славу в. кн. Дмитрею Ив. и брату его кн. Владимеру Андр. Ци буря соколы снесетъ изъ земли Залѣскія въ полѣ Полотское! На Москвѣ кони ржутъ, звѣнитъ слава по всей земли Руской, въ трубы трубятъ на Коломнѣ, въ бубны бьютъ въ Серпуговѣ, стоятъ стези у Дунаю (*Дона*) великого на брезѣ, звонятъ въ колоколы вѣчныя *(вѣчевые)* въ В. Новѣгородѣ. Стоятъ мужи новгородскіе у Софіи премудрые, а ркутъ тако: уже намъ, брате, не поспѣть на посопь *(пособіе)* къ в. кн. Дмитрею Ив.; и какъ слово изговариваютъ, уже аки орли слетѣшась; то ти были не орли слетѣшася, выѣхали посадники изъ В. Новагорода 7000 войска къ в. кн. Дмитрею Ив. и къ брату его кн. Владимеру Анд. Къ славному граду Москвѣ съѣхалися вси князи рускіе, а ркутъ таково слово: у Дуная стоятъ Татаровя поганые, и Мамай царь на рѣки на Мечи, межу Чюровымъ и Михайловымъ брести хотятъ, а предати животъ свой нашей славѣ И рекше кн. в. Дмитрей Ив: брате кн. Владимеръ Андреевичь! поѣдемъ тамо укупимъ животу своему славы, а старымъ повѣсть, а молодымъ память, а храбрыхъ своихъ испытаемъ, а рѣку Донъ кровью прольемъ за землю Рускую и за вѣру крестьянскую. И рекше имъ кн. в. Дмитрей Ив: братія и князи рускіе, гнѣздо есмя были в. кн. Владимера кіевскаго, не въ обидѣ есми были по роженію ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю.

О! соловей лѣтняя птица, что бы ты соловей пощекоталъ славу в. кн. Дмитрею Ив. и брату его кн. Владимеру Андр., и земли Литовской дву братомъ Ольгордовичамъ, Андрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волынскому; тѣ бо суть сынове храбры кречаты въ ратномъ времени, и вѣдомы полеводцы подъ трубами подъ шеломы злаченными. Въ Литовской земли молвяше Андрей Олгордовичь своему брату: брате Дмитрей! сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Соломендовы. Зберемъ, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрыхъ удальцовъ, а сами сядемъ на добрыекони своя, и посмотримъ быстрого Дону, испытаемъ мечевъ своихъ литовскихъ о шеломы татарскіе, а сулицъ нѣмецкихъ о боеданы бусорманскіе. И рече ему Дмитрей: брате Андрей! не пощадимъ живота своего за землю Рускую, и за вѣру крестьянскую, и за обиду в. кн. Дмитрея Ив. Уже бо, брате, стукъ стучитъ, а громъ гремитъ въ каменомъ градѣ Москвѣ, что, брате, стучитъ великая сильная рать в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимера Андр.; гремятъ удальцы рускіе злачеными доспѣхи и черленными щиты московскими. Сѣдлай, брате Андрей, свой добрый конь, а мой готовъ осѣдланъ; выѣдемъ, брате, въ чистое поле и посмотримъ своихъ полковъ, сколько съ нами храбрые Литвы, а храбрые Литвы съ нами 7000 окованые рати. Уже бо брате возвіяли по морю на устъ Дону и Нѣпра прилеяша (*прилельяша*) тучи на Рускую землю, изъ нихъ же выступали кровавые зори, а въ нихъ трепещутся сильные молыньи. Быти стуку великому на рѣчкѣ Напрядѣ, мѣжи Дономъ и Нѣпромъ, пасти трупу человѣческому на полѣ Куликовомъ, пролитися крови на рѣчкѣ Напрядѣ; уже бо скрипѣли телеги межу Дономъ и Нѣпромъ, а идутъ Хиновѣ поганыя къ Руской земли, притекоша сѣрые волцы отъ устъ Дону и Нѣпра, и ставши воютъ на рѣкѣ хотятъ на Мечи поступити въ Рускую землю, и то были не сѣрые волцы, пріидоша поганые Татаровя, хотятъ пройти воюючи всю Рускую землю. Тогда гуси возгоготали и лебеди восплешкаша крылами своими, поганый Мамай пришелъ на

въ Словѣ могло удержаться весьма многое отъ этого сочинителя. Точно также встрѣчаемъ имя Даніила упомянутымъ въ словѣ, которое приписывается ему самому. Не смотря на подражаніе слову о полку Игоревѣ, нѣкоторыя мѣста отличаются высокимъ художественнымъ достоинствомъ; какъ напр. плачь княгинь и боярынь и воеводскихъ женъ, и особенно конецъ Слова, гдѣ описывается, какъ великій князь съ своимъ братомъ и остальными воеводами сталъ на костяхъ, какъ считали они убитыхъ, и какъ прощался съ убитыми великій князь.

Рускую землю, и воеводы своя привелъ; а уже бѣды ихъ пасоша, птици крилати подъ облакъ летятъ, вороны часто граютъ, а галицы своею рѣчью говорятъ, орли клекчютъ, а волцы грозно воютъ, а лисицы на костѣхъ брешутъ. Русская земля то первое еси какъ за царемъ за Соломономъ побывала, то уже соколы бѣлозерстіи и ястреби кваруются (*порываются*), отъ златыхъ колодицъ изъ камена града Москвы возлетѣша подъ синее небеса, возгремѣша златыми колоколы (1) на быстромъ Дону. Тогда кн. в. Дмитрей Ивановичь вступивъ во златое свое стрѣмя, и вземъ свой мечь въ правую руку; и помолися Богу и пречистой Его Матери; солнце ему на востокъ сіяетъ и путь повѣдаетъ, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздаютъ за сродники своя

Что шумитъ и что гремитъ рано передъ зорями! Князь Владимеръ Андр. полки перебираетъ и ведетъ въ великому Дону; и молвяше брату своему в. кн. Дмитрею Ив.: не ослабливай, брате, поганымъ Татаровямъ, уже поганые поля русскіе наступаютъ и вотчину отнимаютъ. И говоритъ ему кн. в. Дмитрей Ивановичъ: брате Владимеръ Андр. сами есми, а внуки в. кн. Владимера кіевскаго, а воеводы у насъ уставлены отъ бояриновъ, и крѣпцы бысть князи бѣлозерстіи Ѳеодоръ Семеновичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волынской, да Тимофей Валуевичь, да Андрей Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою съ ними 300,000 окованые рати, а воеводы у насъ уставлены, а дружина свѣдана, а подъ собою имѣемъ добрые кони, а на собѣ злаченые доспѣхи, а шеломы черкаскіе, а щиты московскіе, а сулицы нѣмецкіе, а кинжалы орянскіе, а мечи булатные, но еще хотятъ головы своя положить за землю Русскую и за вѣру крещеную.

Пашутъ бо ся аки живи хоругови, ищутъ собѣ чести и славнаго имени. Уже бо тѣ соколы и кречаты за Донъ борзо перелетѣли и ударилися о многіе стада лебединые; то ти наѣхали рускіе князи на силу татарскую, и удариша копье о рафужными о доспѣхи татарскіе, возгремѣли мечи булатные о шеломы хиновскіе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ. Черна земля подъ копыты, а костьми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть, а сильны полки ступишася въ мѣсто (*вмѣстѣ*) и протопташа холми и луги, и возмутишася рѣки, потоки, озера, и кликнули быша дивы въ Русской земли, а глава шибла къ желѣзнымъ вратамъ, ли къ Караначи Криму, и къ Сафѣ (*къ кафѣ*), по морю и къ Которнову, а оттолѣ ко Царюграду на хвалу русскимъ княземъ. И одолѣша рать татарскую на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ.

На томъ полѣ сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молыньи и загремѣли громы велицыи; то ти ступишася русскіе удальцы съ погаными Татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи русскіе мечьми булатными о шеломы хиновскіе. А бились изъ утра до полудни въ суботу на рожество св. Богородицы. Не тури возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликовѣ, и не тури побѣждени у Дунаю великаго; но посѣчени князи рускіе и бояры в. кн. Дмитрея Ив., побѣждени князи бѣлозерстіи отъ поганыхъ Татаръ: Ѳедоръ Семеновичь, да Семенъ Михайловичь, да Тимофей Волуевичь, да Андрей Серкизовичь, да Михайло Ивановичь и иная многая дружина.

Пересвѣта черица, брянскаго боярина, на суженое мѣсто (*на смерть*) привели. И рече Пересвѣтъ чернецъ в. кн. Дмитрею Ив.: лутчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненымъ отъ поганыхъ Татаръ. Тако бо Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ добрѣ конѣ, а злаченымъ доспѣхомъ посѣчиваетъ, а иные лежатъ посѣчены у Дунаю великого на брезѣ; и въ то время стару надо помолодѣть, а удалымъ людямъ плечь своихъ попытать. И молвяше Ослабя чернѣцъ своему брату Пересвѣту: брате Пересвѣте вижу на тѣлѣ твоемъ раны великія: уже, брате, летѣти главѣ твоей на траву ковыль, а чаду твоему Іякову лежати на зеленѣ ковылѣ травѣ, на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ, за вѣру крестьянскую за землю Рускую и за обиду в. кн. Дмитрея Ивановича.

И въ то время по резанской землѣ около Дону ни ратаи ни пастухи въ полѣ некличютъ, но едины вороны граютъ трупи ради человѣческія, грозно и жалосно въ то время бяше тогды слышати: за неже трава кровію пролита бысть, а древеса тугою къ земли приклонишася, а воспѣли бяше птици жалостные пѣсни. Восплакашася вся княгини и боярыни и вси воеводскіе жены о избіенныхъ, Микулина жена Васильевича Ѳедосья да Дмитріева жена Марья рано плакашася у Москвы града на забралахъ стоя: а ркутъ тако: Доне! Доне! быстрая рѣка прорыла еси ты каменныя горы и течеши въ землю Половецкую, приледѣй моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ; а Марья про своего господина то же рекла, а Тимоѳеева жена Волуевича такоже плакахуся, и рече тако: се уже веселіе мое пониче во славномъ градѣ Москвѣ, и уже невижу своего Государя, Тимоѳея Волуевича въ животѣ нѣту. А Андреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: се уже обѣма намъ солнце померкло въ слав-

(1) *Колодица* или колодка: умен. отъ *колода* или *клада*, т. е. двѣ плахи съ выемками посреди, а по концамъ съ петлями и замками. *Колокола* или *колокольцы* навязывались на ловчихъ птицъ.

номъ градѣ Москвѣ; примахнули къ нимъ отъ быстраго Дону поломянные вѣсти, носяше великую бѣду и сѣдоша удальцы 3 добрыхъ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ. И восплакалися жены коломенскіе, а ркутъ тако: Москва, Москва, быстрая рѣка! чему еси заледѣяла мужей нашихъ, ркутъ, отъ насъ въ землю Половецкую, и тако: можешь ли господине князь в. веслы Нѣпръ запрудить; замкни государь Окѣ рѣкѣ ворота, чтобы потомъ поганые Татаровѣ къ намъ не ѣздили, уже мужей нашихъ ратъ трудила.

Того же дни въ суботу на рожество св. Богородицы иссѣкша христіане поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ; и нюкнувъ (?) в. кн. Владимеръ Андр. гораздо и скакаше во полцѣхъ поганыхъ въ Татарскихъ, а злаченымъ тымъ шеломомъ посвѣчиваетъ, а скакаша со всѣмъ своимъ войскомъ, и загремѣли мечьми булатными шеломы хиновскіе. И восхвалитъ брата своего в. кн. Дмитрея Ив.: брате, Дмитрій Ивановичь, тутo у.. іина времени... а забрала не оставай, и свои полки понужай коромольщикамъ; уже бо поганые Татары поля наступаютъ, а храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупи человѣчьѣ борзи кони не могутъ скочити, а въ крови по колѣно бродятъ, а уже бо, братье, жалостно видѣти кровь крестьянская. И князь в. Дмитрей Ив. рече своимъ боярамъ: братія бояра и воеводы и дѣти боярскіе, то ти ваши московскіе сладкіе меды и великіе мѣста, тутo, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть. И рече князь в. Дмитрей Ив.: Господи Боже мой! на тя уповахъ да не постыжуся въ вѣкъ, и да не посмѣютмися враги моя мнѣ; и помолился Богу и пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его, и прослѣзися горько, и утеръ слезы. И тогда аки соколи борзо полетѣли. И поскакиваетъ князь в. Дмитрей Ив. съ своими полки и со всею силою. И рече: брате, князь Владимеръ Андр.: тутъ брате, испити медвяна чара, наѣждиемъ, брате, своими полки сильными на рать Татаръ поганыхъ.

Тогда князь в. наступаетъ на рать силу татарскую, и гремятъ мечи булатные о шеломы хиновскіе, и поганые бусурманы покрыша главы своя руками своими; тогда поганые борзо вся отступиша. И отъ в. кн. Дмитрея Ивановича стези ревутъ, а поганые бѣжатъ, а рускіе князи и бояры и воеводы и все великое войско широкія поля кликомъ огородиша, и злачеными доспѣхами освѣтиша. Уже бо ста туръ на боронь; тогда князь Дмитрей Ив. и братъ его кн. Владимеръ Андр. полки поганыхъ вспять поворотили; и нача ихъ бусурмановъ бити и сѣчи горазно безъ милости, и князи ихъ падоша съ коней загремѣли, а трупьми татарскими поля насѣяша, и кровію ихъ рѣки потекли. Туто поганые разлучишася розно, и побѣгше неуготованными дорогами въ лукоморье, скрегчюще зубами своими, доруши (?) лица своя; а ркуще такъ: уже намъ брате въ земли своей небывать и дѣтей своихъ невидать, а въ Русь ратью намъ нехаживать а выхода (1) намъ у рускихъ людей не прашивать; уже бо востока земля Татарская, бѣдами и тугою покрыша бо сердца ихъ, хотеніе (?) княземъ и похвала Русской земли ходити; уже бо веселіе наше пониче; уже бо рускіе сынове разграбиша татарскія узорочья, и доспѣхи и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахаръ дорогое узорочіе, уже жены русскіе восклескаша татарскимъ златомъ.

Уже бо по русской землѣ прострѣся веселіе и буйство (*раздолье*); вознесеся слава руская по всей земли; а на поганыхъ Татаръ промчеся злыхъ бусурмановъ хула и пагуба; уже бо вержено диво на земли; и уже грозы в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимера Андр. по всѣмъ землямъ текутъ грозы. И князь в. своею храбростію и дружиною Мамая поганаго побилъ за землю русскую и за вѣру крещеную; уже поганые оружія своя повергоша подъ мечи русскіе, и трубы ихъ не трубятъ, и уныша гласи ихъ. И отскача поганый Мамай отъ своея дружины, сѣрымъ волкомъ взвылъ, и притече къ Хаесетѣ граду. Молвяше же ему Орязовѣ (*Франки*): чему ты поганый Мамай посягаешь на Русскую землю; то тя била орда (*войско*) Залѣская: а не бывати тебѣ въ Батыя царя, у Батыя царя было 400,000 кованные рати, а воевалъ всю Русскую землю отъ востока и до запада; а казнилъ Богъ Русскую землю за своя согрѣшенія. И ты пришелъ на русскую землю, царь Мамай, съ многими силами, 39-ю ордами, и 70-ю князьями; а нынѣ ты поганый бѣжишь самъ-девятъ въ Лукоморье, не съ кѣмъ тебѣ зимы зимовати въ полѣ; не што (*разве*) тебя князи русскіе горазно подчивали, ни князей съ тобою ни воеводъ: не что гораздо упилися у быстраго Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты поганый Мамай отъ насъ, позаденешь и намъ отъ земли русской.

Уподобился еси милому младенцу у матери своей, тако господь Богъ помиловалъ князей русскихъ, в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимера Андр. межъ Дона и Нѣпра. И сталъ в кн. Дмитрій Ив. съ своимъ братомъ съ Владимеромъ Андр. и съ остальными своими воеводами на костѣхъ, на полѣ куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ. Грозно бо и жалостно, брате, въ то время посмотрѣти, иже лежатъ трупи крестьянскіе у Дуная великаго на брезѣ, и Донъ рѣка три дни кровію текла.

---

(1) *Выхода—дани.* Въ Древн. Рус. стих. Бралъ онъ младъ Щелканъ дани, невыходы, царски невыплаты. Все это мѣсто отличается народнымъ пѣсеннымъ складомъ.

И рече князь в. Дмитрей Ив.: считайтеся братія сколько у насъ воеводъ нѣтъ, и сколько молодытъ людей нѣтъ. Тогды говоритъ стоя Михайло Александровичь, московскій бояринъ, князю Дмитрею Ивановичю: государь кн. в. Дмитрей Ивановичь! нѣту, государь, у насъ 40 бояриновъ Московскихъ, 12 князей бѣлозерскихъ; 30 новгородскихъ посадниковъ, 20 бояриновъ коломенскихъ, 40 бояръ серпуховскихъ, 30 пановъ литовскихъ, 25 бояръ костромскихъ, 35 бояръ володимеровскихъ, 8 бояръ суздальскихъ, 40 бояръ муромскихъ, 70 бояръ рязанскихъ, 34 бояриновъ ростовскихъ, 23 бояръ дмитровскихъ, 60 бояръ можайскихъ, 30 бояръ звѣнигородскихъ, 15 бояръ углецкихъ; а посѣчено отъ безбожнаго Мамая полтретья ста (270) тысечь и 3 тысячи. Слава тебѣ Господи Боже нашь, помиловалъ насъ. И рече кн. в. Дмитрей Ивановичь: братія бояра и князи и дѣти боярскіе, то вамъ сужено мѣсто межъ Дономъ и Нѣпромъ на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ, и положили еста головы своя за св. церкви за землю рускую, за вѣру крестьянскую; простите мя братія и благословите, всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ. И пойдемъ брате, кн. Владимеръ Андреевичь во свою Залѣскую землю къ славному граду Москвѣ, и сядемъ брате на своемъ княженіи, а чти есми, брате, добыли и славнаго имени, Богу нашему слава.

(Времен. моск. общ. ист. кн. XIV).

О побоищѣ на Дону въ IV Новгор. лѣт. 75—83. Рус. историч. сборн. III, 1838 г. Сказаніе о побоищѣ изд. *Снегирева* 1829. См. Журн. Мин. Народ. Просв. VII, 5—71. Уч. Зап. Акад. V, 3 57. Изв. Акад. VI, 337; VII, 96. Объ-украшен. сказаніяхъ въ Ист. Рос. *Соловьева*. IV, 360—71. Примѣчанія къ сказанію въ Христом *Буслаева*.

348. О плѣненіи и о прихожденіи Тахтамыша царя, и о московскомъ взятьи 1382.

Бысть нѣкое проявленіе, по многіи нощи являшеся таковое знаменіе на небеси: на востоцѣ, предъ раннею зарею, звѣзда нѣкая, аки хвостата и якоже копейнымъ образомъ, овогда вечерней зарѣ, овогда же во утреней, тоже многажды бываше. Се же знаменіе проявляше злое пришествіе Тахтамышево на русскую землю, и горькое поганыхъ татаръ нахожденіе на крестьяны; якоже и бысть, гнѣвомъ божіимъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ. Бысть въ 3-ее лѣто царства Тахтамышева, царствующему ему въ Ордѣ и въ Сараи, и того лѣта царь Тахмамышь посла слуги своя въ градъ нарицаемый Болгары, еже есть на Волзѣ, и повелѣ торговци рускія и гости крестьяньскія грабити, а суды ихъ и съ товаромъ у нихъ отнимати и продавати къ собѣ на перевозъ; а самъ потщася съ яростію, събравъ воя многы, и подвижеся къ Волзѣ съ всею силою своею, перевезеся на сію страну Волгы съ всѣми своими князьми, съ безбожными вои съ татарьскими полки, поиде изгономъ на в. кн. Дмитія Ив. и на всю Русь; ведяше же рать внезапу изневѣсти (*неизвѣстно, невѣдомо*), умѣніемъ тацѣмъ же злохитріемъ, недающе вести предъ себе, да не услышано будетъ на Руси устремленіе его. И то слышавъ князь Дмитрій Костянтиновичь суздальскій посла къ царю Тахтамышю 2 сына своя, Василья да Семіона; они же пришедше не обрѣтоша его, бѣяше бо грядя борзо (*быстро*) на крестьянъ и гнаша въ слѣдъ его нѣколико дній, переѣхаша дорогу его на мѣстѣ нарицаемѣмъ Серьнацѣ, и поидоша по дорозѣ его съ тщаніемъ, и постигоша его близъ предѣлъ Рязаньскія земля. А князь Олегъ Рязаньскій срѣте царя Тахтамыша преже, даже не вниде въ землю рязаньскую, и бивъ ему челомъ бысть ему помощникъ на побѣду Руси, но и споспѣшникъ на пакость крестьяномъ, иная нѣкая словеса изнесе о томъ, како плѣнити землю рускую, како безъ труда взяти каменный градъ Москву, како побѣдити и издобыти князя Дмитрія; еще же ктому обведе царя около всей своей отчины рязаньскія земли хотяше бо добра не намъ, но своему княженію помагаше. А въ то время поздѣ нѣкако (*какъ то*) си едва прійде вѣсть князю великому, възвѣщающи рать татарьскую; аще бо и не хотяше Тахтамышь, дабы кто принеслъ вѣсть на Русь о его приходѣ, того бо ради вси гости рус-

кія поимани быша и пограблени и удержани, дабы не было вѣсти Руси, но обаче суть нѣціи доброхоты на предѣлѣхъ ордыньскихъ на то устроени, поборници суще земли Рустѣй. Слышавъ же князь великій таковую вѣсть, како идетъ на него самъ царь въ множествѣ силы своея, нача сбирати воя и съвокупляти полки своя, и вышѣха изъ града Москвы, хотя ити противу Татаръ; и ту начаша думу думати князь Дмитрій и съ прочими князи рускими, и съ воеводами и съ думцами и съ вельможами и съ боляры старѣйшими, и всячески гадавше, и обрѣтеся раздно въ князехъ, и не хотяху пособляти другъ другу, и не изволиша помагати братъ брату. Не помянуша Давыда пророка, глаголюща: се коль добро и коль красно, еже жити братіи вкупѣ! и другому приснопомнимому рекшю: другъ другу пособляя и братъ брату помагая яко градъ твердъ. Бывшю же промежи ими неединачьству по неимовѣрьству (*разногласью*), и то познавъ и разумѣвъ и разсмотревъ благовѣрный князь бы въ недомышленіи велицѣ и убояся стати въ лице самаго царя, и не ста на бой противу его и не подня руки на царя; но поѣха въ градъ свой Переяславль, и оттуду мимо Ростовъ, и паки реку вборзѣ на Кострому. А Кипріянъ митрополитъ пріѣха на Москву. А во градѣ Москвѣ бысть мятня (*смута*) многа и мятежь великъ зѣло, бѣху людіе смущени, яко овца не имуще пастуха, гражаньстіи людіе възмятошася и въсколебашася яко пьяни: ови сѣдѣти хотяху затворившеся въ градѣ, а друзіи бѣжати помышляху, и бывши промежи ими распрѣ велицѣ, ови же съ рухлядью въ градъ вметахуся, а друзіи изъ града бѣжаху ограблени суще; и створиша вѣче, позвониша во вся колоколы, и въсташа вечемъ народи мятежници, недобріи человѣци, людіе крамольници: хотящихъ изыти изъ града не токмо не пущаху вонъ изъ града, но и грабляху, ни самого митрополита постыдѣшася, ни бояръ нарочитыхъ не устрашишася, ни усрамишася сѣдины старецъ многолѣтныхъ, но и на вся огрозишася, ставше на всѣхъ вратехъ градскихъ сверху каменіемъ шибаху, а долѣ (*внизу*) на земли съ рогатынями и съ сулицами и съ обнаженнымъ оружіемъ стояху, и не пущающе вылѣзти вонъ изъ града, и едва умолени быша, поздѣ нѣкогда выпустиша ихъ изъ града, и то ограбивше. Граду же единаче въ мятежи смущающюся, аки морю мутящуся въ бури велицѣ, и ни откуда же утѣшенія обрѣтающю, но паче болшихъ и пущьшихъ золъ ожидаху; симъ же тако бывающимъ, и потомъ пріѣха къ нимъ въ городъ нѣкоторый князь литовскій, именемъ Остѣй, внукъ Олгердовъ и той окроти народъ и мятежь градный уставивъ, и затворися съ ними въ градъ во осадѣ съ множествомъ народа съ тѣми, елико осталося гражданъ, и елико бѣжанъ сбѣжало съ волости, и елико отъ иныхъ градовъ и отъ странъ приключишася въ то время боляре и Суражанѣ, суконники и прочіи купци, и архимандриты и игумены и протопопы, прозвутеры, дьякони и черници, и всякъ възрастъ мужеска полу и женеска и съ младенци. Князь же Олегъ обведе царя около своея отчины и земли и указа ему вся броды сущая на рѣцѣ на Окѣ. Царь же перешедъ рѣку Оку, и прежде всѣхъ взя градъ Серпоховъ и огнемъ пожже и; оттуда тако поиде къ Москвѣ, напрасно устремився, духа ратнаго наполнився, волости и села жгущи и воюющи ихъ, и народъ крестьяньскій сѣкущи и всячески и убивающи, а прочая люди въ полонъ емлющи. И паки пріиде къ городу къ Москвѣ ратью, а сила татарьсская пріиде м. августа въ 23 въ понедѣльникъ, и пріѣхаша не вси полци къ граду; начаша кличюще въпрашивати, въпіюще и глаголюще: »есть ли здѣ князь Дмитрій«? они же съ града съ заболъ отвѣщавше

ркоша: »нѣту.« Татарове же отступивше недалече, и поѣхаша около города, обзирающе и разсмотряюще приступы, и рвы, и врата, и забралы, и стрѣльници, и паки стояху зряще на градъ. А тогда въ градѣ внутрьуду добріи людіе моляхуся Богу день и нощь, пристояще посту и молитвѣ, ожидающе смерти, готовляхуся съ покаяніемъ и съ причастіемъ и слезами. Нѣціи же недобріи человѣци начаша обходити по дворомъ, износяще изъ погребовъ меды господскія, а сосуды сребряныя и стькляници драгія, и упиваxуся даже и допьяна, и къ шатанію дерзость прилагаху, глаголюще: »не устрашаемся погаными нахожденія татарьскаго, селикъ (*такъ*) твердъ градъ имуще, еже суть стѣны каменны и врата желѣзна; не терпять бо ти долго стояти подъ городомъ нашимъ сугубъ страхъ имуще, изнутрь града бойци, а внѣуду града князей нашихъ съвокупляемыхъ устремленія блюдутся.« И паки възлазяще на градъ, пьяни суще, шатахуся, ругающеся Татаромъ, образомъ безстуднымъ досажающе и нѣкая словеса износяще исполнь укоризны и хулы, а кидаху на ня, мнѣху толико той есть силы татарьскія; Татарове же прямо къ нимъ на градъ голыми саблями своими машюще, образомъ аки тинаху (*сѣчаху*) накивающе издалеча. И въ той день къ вечеру тѣ полци отступиша отъ града, и наутрія самъ царь приступи съ всею силою и съ всѣми полки своими подъ градъ, граждане же съ града узрѣвше силу велику и убояшася зѣло; Татарове же тако и поидоша къ городу, граждане же съ града пустиша на ня стрѣлы, и они паче стрѣляше стрѣлами своими, и идяху стрѣлы ихъ на градъ аки дождь великъ умноженъ зѣло, не дадуще ни прозрѣти, и мнози на градѣ стоящіи на забралѣхъ отъ стрѣлъ падаху, одоляху бо татарьскія стрѣлы паче, нежели гражаньскія: бѣху бо у нихъ стрѣльци гораздни велми, ови отъ нихъ стояще стрѣляху, а друзіи скоро рищюше (*быстро бьяли*), изучени суще, а иніи на кони борзо гоняще на обѣ руцѣ, и паки напредъ и назадъ, скоро получно (*улучно, благополучно*) безъ погрѣха стрѣляху; а друзіи отъ нихъ створше лѣствици и прислоняюще я лѣзяху на стѣну, граждане же воду въ котлѣхъ варяще, кипятню, и льяху на ня варъ, ти (*да*) тако възбраняхуть имъ. Отшедшимъ же симъ и паки приступившимъ, и тако по 3 дни бьяхуся межи собою, пренемагающеся; егда бо Татарове приступаху къ граду, близъ приступающе къ стѣнамъ градскымъ, тогда же граждане стрегуще градъ, супротивишася имъ възбраняюще, ови стрѣляху стрѣлами съ заборолъ, ови же каменіемъ шибаху на ня, а иніи самострѣлы напрязающе пругаху, друзіи же тюфяки (*изъ ружей*) пущаху на нихъ и пороки, есть же нѣціи, яко и самыя тѣ пушки пущаху. Въ нихъ же бѣ единъ нѣкто гражданинъ Москвитинъ, суконникъ, именемъ Адамъ, иже бѣ надъ враты Флоръларьскими, примѣтивъ, назнаменовавъ единаго Татарина нарочита (*знатнаго*) и славна, иже бѣ сынъ нѣкоего князя ординьскаго, напрягъ стрѣлу самострѣлную, юже испусти напрасно, ею же уязви въ сердце его гнѣвливое и вскорѣ смерть ему нанесе, се же бысть велика язва всѣмъ Татаромъ, яко и самому царю стужити о семъ. Симъ же тако бывающимъ, царь же стоявъ у города 3 дни, а на 4 день оболга князя Остѣя лживыми рѣчми и лживымъ миромъ, и вызва его вонъ изъ града и уби его предъ враты града, а ратемъ своимъ всѣмъ повелѣ обступити градъ съ вси стороны. Такова же бысть облесть (*обольщенье*) Остѣю и всѣмъ гражданомъ, сущимъ въ осадѣ: и понеже царю стоящу 3 дни около града, а на 4 день наутрія въ полъобѣда, по повелѣнію цареву, пріѣхаша Татарове нарочитіи большіи князи ординьскіи и рядци его, съ

ними же 2 князя суздальскій, Василей да Семіонъ, сынове князя Дмитрія суздальскаго; и пришедше подъ градъ, приближившеся близъ стѣнъ градскихъ по опасу (*осторожно*), и нача глаголати къ народу сущему въ градѣ: »царь васъ своихъ людей хощеть жаловати, понеже неповинни есте и нѣсте достойни смерти; не на васъ бо воюя пріиде, но на Дмитрія ратуя пріиде ополчився, вы же достойни есте милованію, иного же ничтоже не требуетъ отъ васъ, развѣ токмо изыдите противу его въ срѣтеніе ему съ честью и съ дары, купно и съ своимъ княземъ; хощеть бо видѣти градъ сей и въ онь внити и въ немъ побывати, а вамъ даровати миръ и любовь свою, а вы ему врата градныя отворите;« такоже и князи Нижняго-Новагорода глаголаху: »имите вѣру намъ, мы есмя ваши князи крестьяньстіи, вамъ на томъ правду даемъ.« Народи же градстіи вѣру яша словесемъ ихъ, си помыслиша и прелстишася, ослѣпи бо й злоба татарьская и омрачи ихъ прелесть бесерменьская, ни познаша, ни помянуша глаголющаго: »не всякому духу вѣруйте,« отвориша врата градная; и выидоша съ своимъ княземъ и съ дары многими къ царю, такоже архимандритове и игумены и попове съ кресты, а по нихъ боляре болшіи мужи, и потомъ народъ и черныи люди. И въ томъ часѣ начаша татарове сѣчй всѣхъ, по ряду напрасно: прежде всѣхъ убьенъ бысть князь ихъ Остѣй предъ градомъ, и потомъ начаша сѣчй поповъ и игуменовъ, аще и въ ризахъ съ кресты, и черныхъ людій, и ту бяше видѣти святыя иконы повержены и на земли лежаща, и кресты честныя безъ чести небрегома, ногами топчемы, обоиманы же и одраны. Татарове же тако и поидоша въ градъ, сѣкуще, а иніи по лѣствицамъ взыдоша на градъ, никому же възбраняющю съ заборелъ, не сущю забралнику на стѣнахъ и не сущю избавляющему, ни спасающему. И бысть внутрь града сѣча велика, а внѣуду сѣча, толико же сѣчаху, дондеже руцѣ ихъ и плещи ихъ измолкоша (*ослабѣли*), сила ихъ изнеможе, сабли ихъ не имуть, острія ихъ притупишася. Людіе же крестьяньстіи сущіи тогда въ градѣ, бѣгающе по улицамъ сѣмо и овамо, скоро рящуще толпами, въпіюще и глаголюще, и въ перси своя бьюще: нѣгдѣ избавленія обрѣсти, и нѣсть гдѣ смерти избыти, и нѣсть гдѣ острея меча укрытися, оскудѣ князь и воевода и все воиньство ихъ потребися, и оружія ихъ до конца изчезоша; овіи въ церквахъ сборныхъ каменныхъ затворишася, но и тамо не избыша, безбожніи бо силою разбиша двери церковныя, и снхъ мечи изсѣкоша; вездѣ крикъ и вопль великъ страшенъ бываше, яко не слышати другъ друга въпіюща, множествомъ народа кричаща, они же крестьянъ изводяще изъ церкви лупяще (*обирающе*) и обнажающе сѣчаху. А церкви сборныя разграбиша олтаря святыя и мѣста попраша, и кресты честныя и иконы честныя одраша украшены златомъ и сребромъ и жемчюгомъ и бисеромъ и каменіемъ драгимъ, и пелены златомъ шитыя и жемчюгомъ саженыя оборваша, съ святыхъ иконъ кузнь (*металическія украшенія*) сдравше, а святыя иконы попраша и съсуды церковныя, служебныя, священныя, златокованныя и сребряныя многоцѣнныя поимата, и ризы поповьскія многоцѣнныя и многія расхитиша; книгъ же многое множество снесено съ всего града, въ сборныхъ церквахъ до *стропа* (1) наметано, съхраненія ради спроважено, то все безъ вѣсти створиша. Что же изърцемъ о казнѣ князя великаго, яко и тоя многоцѣнное съкровище съкровенное скоро истощися, и велехвалное богатство и богатотворное имѣніе быстрообразно разне-

(1) *До стропа*—до верха; оттуда сл. *стропилы*.

сено бысть? Пріидемъ же въ сказаніе и прочихъ и многихъ боляръ старѣйшихъ, ихже казны долговременствомъ сбираеми и благоденьствомъ наполняеми, и храниища ихъ исполнь богатствомъ имѣнія многоцѣннаго и неисчетнаго, то все взяша и понесоша; и паки другія сущеи въ градѣ купци, яже суть богатіи людіе, храмины ихъ наполнени всякого добра разноличнаго, та вся взяша и расхитиша; многи монастыри разориша и многи церкви раздрушиша, въ св. церквахъ убійство сдѣяша, и въ священныхъ олтарѣхъ кровопролитіе сътвориша оканніи, и святая мѣста поганіи осквернишa. Якоже пророкъ глаголаше: Боже! пріидоша языци въ достояніе твое, и осквернишa церковь святую твою; положиша Іерусалима, яко овощное хранилище, положиша трупья рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ, проліяша кровь ихъ яко воду, окрестъ Іерусалима, не бѣ погребая ихъ; дѣвица ихъ неосѣтовани быша, и вдовици ихъ неоплакани быша, и священници ихъ оружьемъ падоша. Была бо тогда сѣча зла зѣло, и много множество ту паде трупія Руси, отъ татаръ избьеныхъ, и многихъ мертвыхъ лежаху тѣлеса мужь и женъ непокровены. И ту убьенъ бысть Семіонъ архимандритъ Спасовьскій, и другій архимандритъ Іяковъ, и иніи мнози игумены и попове и дьякони, крилошане, четци и пѣвци, черници, простьци, и отъ юнаго и до старца, мужеска полу и женьска, ти вси посѣчени быша; а друзіи въ огнѣ изгорѣша, а иніи въ водѣ истопоша, а иніи множайшіи отъ нихъ въ полонъ поведени быша и въ работу (*въ рабство*) поганьскую въ страну татарьскую плѣнени быша. И бяше видѣти тогда въ градѣ плачь и рыданіе и вопль многъ и слезы неисчетныя, крикъ неутолимый, стенаніе многое, оханіе сѣтованное, печаль горкая, скорбь неутѣшимая, бѣда нестерпимая, нужа ужасная, горесть смертная, страхъ и трепетъ и ужасъ, драхлованіе и изчезнованіе, попраніе, безчестье, поруганіе, посмѣханіе врагомъ, укоръ, студъ и срамота, поношеніе и уничиженіе. Сія вся приключишася на крестьянскомъ роду отъ поганыхъ за грѣхи наша. И тако злѣ и вьскорѣ взяша градъ Москву, м. августа въ 26 день, на память св. мученикъ Андрѣяна и Натальи, въ 7 часъ дни въ четвертокъ по обѣдѣ, товаръ же и всякія имѣнія пограбиша, и градъ огнемъ зажгоша, а люди мечю препадаша; и бысть оттолѣ огнь, а отселѣ мечь, ови огня бѣжаще мечемъ умроша, а друзіи меча бѣжаще въ огнѣ изгорѣша, и бысть имъ четвероображна пагуба 1-е отъ меча, 2-е отъ огня, 3-е въ водѣ, 4-е въ плѣненіе поведени быша. И бяше дотолѣ преже видѣти было Москва градъ великъ, градъ чюденъ, градъ многочеловѣченъ, въ немже множество господьства, въ немже множество всякаго узорочья (*драгоцѣнностей*), и паки въ единомъ часѣ измѣнися видѣніе его, егда взятъ бысть и посѣченъ и пожженъ: и нѣчего его видѣти, развѣи токмо земля и перстъ, прахъ, попелъ, трупья мертвыхъ многа лежаща, и святыя церкви стояща аки разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши; плачется церкви о чадѣхъ церковныхъ, паче же о избьеныхъ, яко матерь о чадѣхъ плачющися: о чада церковная, о страстотерпци избьеніи, иже нужную кончину подъясте, иже нужную смерть претерпѣсте отъ огня и меча; отъ поганыхъ насильства церкви стоять, не имуще лѣпоты, ни красоты. Гдѣ тогда красота церковная? понеже престала служба церковная, ею же многа блага у Господа просимъ, престала обѣдняя св. литургія, престала святая просфура, приношеніе еже на святѣмъ жертвеници, престала молитва заутреня и вечерня, преста гласъ псалму, по всему граду умолкоша пѣсни. Увы мнѣ страшное се слышати, страшнѣе же тогда было видѣ-

ти! грѣси же наши то намъ сътворили. Гдѣ благочестіе и благосостояніе церковное? гдѣ четци и пѣвци? гдѣ клиросници, церковници? гдѣ суть ереи, священници, служащеи Богу день и нощь? вси лежатъ, вси уснуша и почиша, вси посѣчени быша и избѣени быша, усѣченіемъ меча умроша: нѣсть позвоненія въ колоколы, ни въ било (1), нѣсть зовущаго, ни текущаго, не слышати въ церкви гласа поюща, ни слышати славословія и хвалословленія, не бысть въ церквахъ стихословія и благодаренія—въ истину суета человѣческая, и бысть мятежь человѣческій. Сице же бысть конець московьскому плѣненію. Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочіи грады и страны плѣнени быша. Князь же великій съ княгинею и съ дѣтми пребысть на Костромѣ, а братъ его Володимеръ на Волокѣ, а мати Володимерова и княгини въ Торжку, а Герасимъ владыка коломеньскій въ Новѣгородѣ. Кто насъ, братье, о семъ не устрашится, видя таковое смущеніе Рускои земли? Якоже Господь глагола пророкомъ: аще хощете, послушаете мене, благая земная снѣсте, и положю страхъ вашь на вразѣхъ вашихъ; аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никимъ же гоними, пошлю на вы страхъ и ужасъ, побѣгнеть васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща. Елма же царь распусти силу татарьскую по земли Рускои воевати княженіе великое, ови изшедше къ Володимерю и много людей посѣкоша и въ полонъ поведоша, а иніи полци ходиша къ Звенигороду и къ Юрьеву, а иніи къ Волоку и къ Можайску, а друзіи къ Дмитрову, а иную рать послалъ въ градъ Переяславль, они же его взяша и огнемъ пожгоша, а Переяславци выбѣгоша вонъ изъ града, а градъ повергше, по озеру въ судѣхъ, а тамо избыша, Татарове же многи грады поимаша и волости повоеваша и села пожгоша, а монастыри пограбиша, а крестьянъ посѣкоша, а иныхъ въ полонъ поведоша, и много зла Руси сътвориша. Князь же Володимеръ Андрѣевичь стояше ополчився близь Волока, събравъ силу около себе; и нѣціи отъ Татаръ, не ведуще его, ни знающе, ѣхаша на нь, онъ же о Бозѣ укрѣпився и удари на нихъ, и тако милостію божіею овыхъ убилъ, а иныхъ живыхъ поималъ, и иніи побѣгоша, и прибѣгоша къ царю и повѣдаша ему бывшее. Онъ же отъ того побѣдився, и оттолѣ начатъ по малу отступати; идущю же ему отъ Москвы, и оттолѣ отступиша рать къ Коломнѣ, и тѣ шедше взяша градъ Коломну и отъ идоша. Царь же перевезеся за Оку за рѣку, и взя землю Рязаньскую и огнемъ пожже, и люди посѣче, а иніи разбѣгошася, а полона поведе въ Орду безчисленое множество; князь же Олегъ Рязаньскій то видѣвъ побѣже. Царь же къ Ордѣ идущи отъ Рязани, отступи посольствомъ посла своего Шихмата, своего шюрина, къ Дмитрію суздальскому, вкупѣ съ его сыномъ съ княземъ Семіономъ, а другаго сына его князя Василья поятъ съ собою въ Орду. Отшедшимъ же Татаромъ, и потомъ не по мнозѣхъ днехъ благовѣрный князь Дмитрій и Володимеръ, коиждо съ своими боляры старѣйшими, въѣхаста въ свою отчину въ градъ Москву, и видѣша градъ взятъ, и плѣненъ и огнемъ пожженъ, и святыя церкви разорены, а людій побитыхъ, трупья мертвыхъ безъ числа лежащихъ; и о семъ сжалишаси зѣло, яко и росплакатися има съ слезами. Кто бо не въсплачется таковыя погибели градныя? Кто не жалуетъ толика народа людій? Кто не потужитъ о селицѣ множествѣ крестьянъ? Кто не сѣтуетъ сицеваго плѣненія и съкрушенія?

(1) *Било*—деревянная доска, употребляемая вмѣсто колокола въ Греціи и названіе это сохранилось въ Русскомъ Церкови. Уставѣ.

И повелѣша тѣлеса мертвыхъ хоронити, и даяста отъ 40 по полтинѣ, а отъ 50 по рублю, и съчтоша, всего того дано бысть отъ погребанія мертвыхъ 300 рублевъ (1). А опроче того елико сдѣяша Татаре напастію убытка Руси и княженію великому, елико створиша протора (*убытка*) своимъ ратнымъ нахожденіемъ, колико градовъ поимаша и плѣниша, и колико злата и сребра и всякаго товара взяша, а землю его до останка взяша и пусту сътвориша, и всякого узорочья, колико волостій (*областей*) повоеваша, колико огнемъ пожгоша, колико мечемъ посѣкоша и елико въ полонъ поведоша, и аще бы мощно было ти вси убытки и напасти и проторы изчитати, убо, не смѣю рещи, мню, яко ни тысяща тысящь рублевъ не иметь числа. Не по мнозѣхъ же днехъ князь Дмитрій посла свою рать на князя Олга рязаньскаго; Олегъ же не въ мнозѣ дружинѣ едва утече, а землю его до останка взяша и пусту сътвориша, пущи ему бысть и татарьскія рати. Тогда же бысть, сущю Кипріяну м-ту на Тфери и тамо избывшю ему ратнаго нахожденія, и пріѣха на Москву октября 7. Той же осени къ князю Дмитрію на Москву отъ Тахмамыша посолъ пріѣха Карачь о миру; князь же повелѣ крестьяномъ ставити дворы и съзидати грады.

(*П. С. Лѣт. IV, 84—90*).

Обратить вниманіе на украшенный языкъ московскій въ этой повѣсти, и на искуственные пріемы писателя.

349. Крещеніе Татаръ 1390 (1).

Той же осени пріѣхаша 3 Татарины къ кн. в. Василью въ рядъ (*на службу по уговору*), и биша ему челомъ, хотяще ему служити, иже бѣша знакомитіи (*знаменитые*) двора царева и нарочитыи поставленици царевы, въсхотѣша быти въ вѣрѣ крестьяньской, и жити на Руси и креститися, и пришедше къ м-ту Кипріяну, просиша отъ него св. крещенія; онъ же поучивъ отъ святыхъ книгъ, и молитву створивъ, и приготовавъ я якоже подобаетъ, и бысть въ время, егда подобаетъ крестити я, позвониша во вся колоколы, и събрася множество народа аки на дивное чюдо, митрополитъ же облечеся въ вся своя ризы, и съ всѣмъ своимъ съборомъ, съ кресты и съ иконами и съ еуангеліемъ и съ кандилы и съ свѣщами, снидоша на рѣку Москву, ту абіе митрополитъ самъ крести я во имя Отца и Сына и св. Духа; бѣша же имъ до крещенія 3-мъ симъ Татариномъ имена были, по татарьски наречени быша: Бахтыхозя, Кидирьхозя, Маматхозя, претвори же и преименова въ св. крещеніи ихъ имена: Ананья, Азарья, Мисаилъ; и бысть радость въ градѣ Москвѣ, по реченому: радость бываетъ на небесѣхъ о единомъ грѣшницѣ кающемся,— и вси вѣрніи человѣчи слышавшеи и видѣвшеи, прославиша Бога, благодаряще и глаголюще: обрати, Господи, поганыя въ крестьяньство, да и ти будуть братья наша, пріемше св. крещеніе, и да будеть едино стадо и единъ пастырь.

(*П. С. Лѣт. IV, 97—98*)

Чрезвычайно замѣчательный взглядъ рус. лѣтописца на иновѣрцевъ: во всякомъ человѣкѣ, присоединяющемся къ обществу православныхъ христіанъ, онъ видитъ брата, какой бы онъ ни былъ націи.

350. Объ избавленіи Москвы отъ Тамерлана.

Въ лѣто 6903 (1395). Во дни княженія благовѣрнаго и христолюбиваго в.

(1) Слѣдов. труповъ похоронено 24,000.

(1) Заглавіе этой статьи слѣд.: »о трехъ Татаринехъ, иже изъ Орды пріидоша на Москву и крестишася«.

кн. Василія Дмитреевича, самодержца русьской землѣ, внука в. кн. Ивана Ивановича, правнука в. кн. Ивана Даниловича, при благолюбивомъ архіепископѣ Кипріянѣ митрополитѣ кіевскомъ и всея Руси, въ 15-е лѣто, царства Тахтамышева, а въ 7-е лѣто княженія в. кн. Василія Дмитреевича, а индикта въ 3, а въ 13 лѣто по татарщинѣ, по московскомъ взятіи, бысть замятня велика въ Ордѣ: пріиде нѣкоторый царь Темиръ Аксакъ, восточныя страны, отъ Синіе орды, отъ Самархіскіе земли, велику брань сотвори, много мятежа воздвиже въ Ордѣ и на Руси своимъ приходомъ. О семъ убо Темиръ Оксацѣ повѣдаша, яко исперва не царь бѣ родомъ, ни сынъ царевъ, ни племени царьска, ни княжьска, ни боярьска, но тако изъ проста единъ сый отъ худыхъ людей, отъ Заацкихъ Татаръ, отъ Самархиньскія земли, отъ Синіе орды, иже бѣ за Желѣзными врата; ремествомъ же кузнець бѣ желѣзныи, обычаемъ же же и дѣломъ немилостивъ, хищникъ, и ябедникъ, и грабежникъ; иже бѣ преже холопъ былъ у нѣкоего государя, егоже за злонравіе отвержеся его государь, бивъ отсла его отъ себе, онъ же не имѣ чимъ питатися и пребываше татбою кормяся. Единаче бо ему тогда сущу младу, во убожествѣ крады и ядяше, онъ же у нѣкоего украде овцу, они же абіе очутивше его, онъ же мняшеся убѣжати, но скоро многими постиженъ бысть, ятъ бысть и удрьжанъ крѣпко, и биша его нещадно по всему тѣлу, и умыслиша ему дати язву смертную, яко да убіютъ й, и пребиша ему ногу и бедру на полы, и абіе повергоша его мертва не движущеся и не дышуща; мняху бо якоже умре, и оставиша его псомъ на снѣденіе. Едва уздравися отъ таковыя смертоносныя язвы, воста, перекова себѣ желѣзомъ ногу свою перебитую, таковою нужею хромаше; того ради прозванъ бысть Темиръ Аксакъ, Темиръ бо зовется желѣзо, а Аксакъ хромець; тако бо толмачетъ половецькимъ языкомъ, яко таковою виною прозванъ бысть Темиръ Аксакъ, еже протолкуется желѣзный хромець, яко отъ вещи и отъ дѣлъ званіе пріимъ, по дѣйству имя себѣ встяжа. Таже потомъ, по исцѣленіи отъ ранъ, по великихъ тѣхъ побоѣхъ, не лишился бѣ лихого своего обычая перваго, не смирился, ни укротился, но паче на большее совращеся: горѣ давнаго и пуще прежняго бысть лютъ разбойникъ. Потомъ же къ нему приложишася юноши немилостивіи, мужіе суровіи, вси злии человѣци, подобници ему, таковіи же разбойници и хищници; и умножишася велми. И егда бысть числомъ яко 100, и нарекоша его надъ собою старѣйшину и разбойникомъ; а егда бысть ихъ числомъ яко и до 1000, тогда уже княземъ его зваху; а егда ихъ болѣ умножишася, паче числомъ, многи земли поплѣни, многи грады и царства понимали, тотда же царя его у себе именоваху. Сій же Темиръ Аксакъ нача многи рати творити, и многи брани воздвиже, многи побѣды учини, многимъ полкомъ спротивнымъ одолѣ, многы грады раскопа, многи люди погуби, многи страны и земли повоева, многи области и языки поплѣни, многи княженія и царьства покори подъ себе; царя турска Крещенія полони, царство за себя взя. А се имена тѣмъ землямъ и царствомъ еже бѣ поплѣнилъ Темиръ Аксакъ: Чагодай, Хосураній, Голустаній, Китай, Синяя орда, Ширасъ, Испагань, Орначь, Гененъ, Сизъ, Шибрень, Шамахіикъ, Савасъ, Арзунумъ, Тефлизій, Тевризій, Горзустаній, Обезній, Багдатъ, Тимиръ Кабы, рекше Желѣзная врата, и Асирію, и Вавилоньское царство, идѣже былъ Навходоносоръ царь, иже плѣнилъ Іерусалимъ и три отроки, Ананію, Азарію, Мисаила и Данила пророка, и Севастію градъ, идѣже было мученіе св. мученикъ 40, иже въ Савостіи, и Арменію, идѣже былъ св. Григорей епископъ великія Арменія, и Да-

маскъ великій; и сія имена тѣмъ землямъ, и тѣмъ градомъ, и тѣмъ царствомъ, надъ ними же царствова Темиръ Аксакъ, со всѣхъ тѣхъ земель дани и оброки даютъ ему, во всемъ ему повинующися. Онъ же на многи брани хожаше, а они съ нимъ всюдѣ волю его творяще; царя Крещія турскаго во клѣцѣ желѣзной вожаше съ собою, того ради, да аще бы видѣли многи земли такую его славу, и силу безбожнаго врага и гонителя. Пріиде ратію преже на царя Тахтамыша, и бысть имъ бой на мѣстѣ нарицаемыхъ Ораньскомъ, на кочевищѣ царя Тахтамыша; и прогна царя Тахтамыша. Оттолѣ возгордѣся окаянный, нача мыслити во сердци своемъ и на Русьскую землю, поплѣнити ю; аки прежь сего, за грѣхи наша пустившу Богу, поплѣни царь Батый Русьскую землю, а гордый и свирѣпый царь Темиръ Аксакъ тоже помышляше, хочетъ взяти Русьскую землю. И собравъ все вое свое, пріиде всю Орду и всю землю Турскую, пріиде близь предѣлъ рязаньскія земля, взя градъ Елечь, и князя елечьскаго изыма и многи люди помучи. И се слыша кн. в. Василей Дмитреевичь, собра воя своя многи, поиде съ Москвы къ Коломнѣ, хотя ити противу ему во срѣтеніе; пришедъ ратію ста у Оки рѣки на березѣ. Темиръ Аксаку же стоящу на единомъ мѣстѣ 15 дній; помышляя окаянный, хотѣ ити на всю Русьскую землю, аки вторый Батый, разорити Христіянъство. Слышавъ же благовѣрный и христолюбивый в. кн. Василей Дмитреевичь, самодрьжецъ Русьскія земля, помышленіемъ онаго безаконнаго и свирѣпаго и гордаго мучителя и губителя Аксакъ Темиря царя, како помышляше на православную вѣру: боголюбивый же в. кн. Василей Дмитреевичь руцѣ на небо воздѣюще со слезами моляшеся, глаголюще: »создателю и заступниче нашъ Господи, Господи призри отъ св. жилища твоего... избави насъ и градъ нашъ отъ окаяннаго царя Темиръ Аксака«. Князь же Василей Дмитреевичь посла весть ко отцу своему, боголюбивому архіеп. Кипріяну, м-ту кіевскому и всея Руси, чтобы народу повелѣлъ пріяти постъ и молитву, со усердіемъ и со слезами Бога призывати. Пресвященный же Кипріянъ слышавъ таковую рѣчь отъ господина своего в. кн. Василія Дмитр. призва къ себѣ вся архимандриты и игумены, и повелѣ имъ пѣти по всему граду молебны, а дѣти своя духовныя повелѣ имъ наказати, дабы пріяли постъ и молитву и покаяніе со усердіемъ отъ всея душа своея. Самъ же м-тъ Кипріянъ также по вся дни призывая къ себѣ благовѣрныя князи, благочестивыя княгини и вся волостели и воеводы, по вся часы наказая ихъ учаше; самъ же Кипріянъ по вся дни и часы отъ церкви не отступая, принося молитвы къ Богу за князя и за люди. Такоже повелѣ князь намѣстникомъ своимъ и властелемъ и воеводамъ градным укрѣпити осаду. Благовѣрный же в. кн. Василей Дмитр. помянувъ послать по икону пречистыя Владычица наша Богородица, призва князей своихъ и боляръ, и рече имъ: »хощу послати во градъ Владимеръ по икону Богородица, та можетъ преложити печаль нашу въ радость, можетъ заступити насъ и градъ нашъ Москву отъ нахожения иноплеменныхъ, отъ нападенія вражія, отъ нашествія ратныхъ, отъ междуусобныя рати и кровопролитія всякого, и отъ мірскія печали, отъ напрасныя смерти, отъ всякого зла, находящая на ны...« Протопопъ совѣщася съ крилошаны пречистую и чудную икону взяша и понесоша отъ Владимера на Москву, страха ради Темиръ Аксакова Татарска, егоже иногда въ повѣстѣхъ слышахомъ далече суща подъ востоки солнечными, нынѣ же близь яко при дверехъ приближился, и готовится, и пощряется, и вооружается на ны велми; и бысть тогда, м. августа 15 день... Егда же принесена бысть икона сія близь града Москвы, то-

гда весь градъ изыде противу иконы на срѣтеніе ея, и стрѣтоша ю честно Кипреянъ м-тъ со епископы и архимандриты; со благовѣрными князи, со благовѣрными княгинями, съ боляры, всякъ возрастъ мужеска полу и женьска, отъ млада и до велика, все множество безчисленое народа людей, со кресты и со иконами, съ евангеліи и свѣщами и съ кандилы, со псалмы и пѣсньми и пѣніи духовными, паче же рещи вси со слезами, маліи и велиціи, иже не обрѣсти человѣка не плачущася, но вси съ молитвою и съ плачемъ, вси воздыханіи немолчными и рыданіемъ и благодареніемъ руцѣ воздѣюще на высоту, вси моляхуся ко св. Богородицѣ, вопіюще и глаголюще: »о всесвятая Владычице Богородице! избави градъ нащъ Москву отъ нахожденія ратныхъ иноплеменныхъ.« Тако божіею благодатію, неизреченною милостію, молитвами св. Богородица, градъ нашь Москва цѣлъ и сохраненъ бысть; а Темиръ Аксакъ царь возвратися воспять, поиде въ свою землю. Оле преславное чудо! О превеликое удивленіе! О многое милосердіе къ роду христіанскому! въ который день принесена бысть икона пречистая Богородица изъ Володимера на Москву, въ той день Темиръ Аксакъ царь убояся и устрашися, и ужасеся и смятеся, и нападе на нь страхъ и трепетъ, и вниде страхъ во сердце его и ужасъ въ душу его, вниде трепеть въ кости его, и скоро отвержеся и охабиси воевати Русьскія земли, и восхитишася быстріе путнаго шествія, скорѣе грядяху къ ордѣ, а къ Руси тылъ показающи, и обратися съ сродници своими восвояси, возвратишася и возколебашеся аки нѣкими гоними быша; не мы бо ихъ гонихомъ, но Богъ прогони ихъ невидимою силою своею и пречистыя его Матери, скорыя заступница нашея въ бѣдахъ, и молитвою угодника его боголюбиваго пресвященнаго Петра м-та кіевскаго и всея Руси крѣпкаго заступника граду нашему Москвѣ и молебника находящія на ны бѣды, посла на нихъ страхъ и трепетъ, да окаменется... Милостивъ бо есть Богъ и силенъ, елико хощетъ и можетъ, еще нынѣ милостивъ на насъ, яко избавилъ ны Господь изъ руку врагъ нашихъ Татаръ, избавилъ ны еси отъ сѣчи и меча и отъ кровопролитія, мышцею силы твоея разгналъ еси врага наша, сыны Агарины, рукою крѣпкою и мышцею высокою устрашилъ еси сыны Измаиловы: не наши воеводы прогнаша Темиръ Аксака, не наши воиньства пострашили его; но силою невидимою нападе на нь страхъ и трепетъ, страхомъ божіимъ устрашился, гнѣвомъ божіимъ гонимъ бѣ, потщався отъиде отъ русьскія земля, отступивъ поиде прочь отнюде пріиде, землѣ рустѣй не прикоснуся, ни оскорби, ни стужи, ни вреди ея, но поиде безъ возвращенія; мы же востахомъ и прости быхомъ, онъ же заиде изчезе, мы же ожихомъ и цѣлени быхомъ, помощь наша отъ Господа сотворшаго небо и землю.

(*Пол. Собр. Лѣт. VI, 124—127*).

См. V, 247—249. VIII, 65—68 Никон. IV, 258—264.

351. Нашествіе Едигея.

а) Тое же зимы (1408) нѣкоторый князь ординскій, именемъ Едигей, повелѣніемъ Булата царя, пріиде ратью на Рускую землю, а съ нимъ 4 царевичи да мнози князи татарскіе. А се имена царевичемъ: Бучакъ, Тергиберди, Артимирь, Булатъ, а князи: в. кн. Едигей, кн. Махметъ Исупу Селемову сыну, Тегиня Шиховъ сынъ, Обрягимъ Темирязевъ сынъ, Акшибѣй Едигѣевъ сынъ, Сентялибій, Бурнакъ, Ериклиберди. Се же слышавъ кн. в. Василій Дмитреевичь не сталъ на бой противу Татаръ но отъѣха вборзѣ на Кострому. И бысть въ Филипово говѣнье, м. декабря въ 1 день

приде Едигей къ Москвѣ ратью съ всею силою татарскою, и распусти ихъ по всему вел. княженію и разсыпашася по всей земли, аки зліи вълци по всѣмъ градомъ и по странамъ и по волостемъ и по селомъ, и не остася таковаго мѣста, идѣже небывали Татарове; взяша градъ Переславль и огнемъ пожгоша, такоже и Ростовъ, и Дмитревъ, и Серпуховъ, и Новъгородъ Нижней и Городець. А за княземь за великимъ посланъ бысть въ погоню царевичь Тегибердѣй, да князь Акшибѣй сынъ Едигѣевъ, да кн. Сентялюбій, а съ ними изборныа рати 30 тысящь, и тѣ гнавшеся по немъ не постигоша его, ниже обрѣтоша его и паки възвратишася къ Едигѣю. Стоя же Едигѣй у Москвы, въ селѣ Коломенскомъ, и тогда посылаетъ послы своя Булата царевича да кн. Ериклибердѣя на Тверь, къ кн. в. Ивану Мих. тверскому, веля ему быти у Москвы часа того съ всею ратью тверскою, и съ пушками, и съ тюфяки, и съ самострѣлы и съ всѣми съсуды градобійными, хотя разбити градъ Москву; князь же Иванъ не хотя сего сътворити, ни измѣнити крестнаго цѣлованіа и давнаго мира и любви съ в. кн.; но сице умысли: съ Твери поиде безъ рати, не въ мнозѣ дружинѣ и не доѣхавъ Москвы възвратися паки съ Клина на Тверь; сіе же сътвори дабы, ни Едигѣа разгневити, ниже в. князю погрубити и обоимъ обоего избѣжа, премудри бо сіа сътвори. Градъ же Москва въ печали велицѣ бысть вои обстоимъ, а людіе въ немъ затворишася, посадъ же около его сами пожгоша, боящеся примета; въ градѣ бо бяше затворилися съ ними: князь Володимеръ Андрѣевичь, кн. Андрѣй Дмитреевичь, и братъ его кн. Петръ, и кн. Иванъ Юріевичь, и мнози бояре съ ними, и епископи, и весь священническій чинъ и многое множество народа тмочисленно, отъ многыхъ бо градъ и странъ збѣгошася твердости ради градные; скорбію же великою одержими бяху, ни откуду пособіа имуще, но точію отъ единаго Бога помощи получити прошаху, и пречистѣй Матери его молящеся, скорой въ бѣдахъ помощници христіаньскому роду, и постъ и молитву сътвориша, молбы же и моленіа приносяще съ слезами и въздыханіемъ, и покаяніе же чисто отъ душа кійждо положима, отъ грѣхъ очищающеся и смерти ожидающе. Всеблагій же милостивый человѣколюбець Богъ услыша скорбь людій своихъ и молитвъ и моленіа и въздыханіа ихъ не презрѣ, но обычнымъ своимъ человѣколюбіемъ помилова люди своя, отъ безбожныхъ Измаилтянъ избави. Въ время бо се, въ неже Едигѣй пришелъ у Москвы стояше, хотя и зимовати ту, всячески же похваляшеся градъ взяти хотяше, се нѣкій царевичь, въ то время, усмотривъ себѣ время получно, егда вся Орда истощися и вси Татарове на Русь взыдоша въевати, а мало ихъ около царя остася, той же царевичь усмотривъ себе время таково и пріобрѣтъ поборники себѣ, и пріиде напрасно изгономъ на Орду; но сътвори ему спону проводникъ его: не на царя приведе его, но на торгъ, еще же и мгла бысть велика въ день той, егда же неполучи желаемаго, тогда пресѣщи поведѣ проводящаго его, замятню же велику сътвори и по премногу смути всю Орду за маломъ бо самого царя не захвати. Царь же Булатъ въ ужасѣ зѣло бысть, — и посылаетъ вскорѣ на Русь по Едигѣя скоропосолники своя, веляще ему безъ всякаго пожданиа поити къ себѣ съ многою скоростію, боася да не пакы пришедъ изгонятъ его съ Орды или имуть. Слышавъ же се Едигей, и искаше подобна времени, како бы отступити отъ Москвы, неяко не одолѣвъ, но всячески побѣдивъ, и нача просити окупа за города; сущіи же въ градѣ князи и бояре и вси людіе невѣдуще бывшаго повинушася дати окупъ 3,000 рублевъ. Едигѣй же вземъ окупъ

поиде отъ Москвы въ Орду, стоя же у города 3 недѣли, а къ граду не приступалъ, ни рати припущалъ, но стоялъ все въ Коломенскомъ селѣ; егда же отъити хотяше, и тако отпусти преже своя воя съ множествомъ полона, а самъ съ всею ратью поиде м. декабря въ 20 день, въ оньже празднуютъ память преставленіа Петра м-та, новаго чюдотворца Рускаго. Мню бо яко и того молитва еже къ Господу Богу избави люди и градъ отъ толикіа нужи и бѣды, належащаа на нихъ; еще бо въ животѣ своемъ превозлюби градъ свой паче всѣхъ градъ, въ немже и цѣлбоносный гробъ его бяше, имѣя честныя мощи его; его же ради молитвъ избавленъ бысть градъ сей отъ поганыхъ нашествіа, якоже и великій христовъ мученикъ Дмитрій избавляше многажды градъ свой Селунь отъ нахожденіа Срацинъ, тако же и сему граду и людемъ сущимъ въ немь дасть Богъ сицеваго святителя, заступати и спасати могуща отъ всѣхъ злыхъ находящихъ на насъ. Отшетшимъ же Татаромъ съ множествомъ полона, и всякого товара и всякого узорочіа наимавшеся, полона же толико множество ведяху, яко многы тысяща числомъ превосхождааше; жалостно же бѣ видяху и достойно слезъ многихъ, яко единъ Татаринъ до 40 христіанъ ведяше, съ нужею повязавши; многое множество иссѣчено бысть, иніи же отъ мраза изомроша, друзіи жажею и гладомъ умираху; отци и матери плакаху зряще чадъ своихъ разбиваемыхъ и умерщвляемыхъ, тако же и чада рыдаху разлученіа отъ родитель своихъ; и небысть помилующаго, виже избавляющаго, ни помогающаго. И бысть тогда во всей Руской земли всѣмъ христіанамъ туга велика, и плачь не утѣшимъ, и рыданіе и кричаніе; вся бо земля плѣнена бысть, начень отъ земля Разанскіа и до Галича и до Бѣлаозера, вси бо подвизашяся и вси смутишяся, многи бо напасти и убытки всѣмъ человѣкомъ сѣдѣяшася, и болшимъ, и меншимъ, и ближнимъ, и далнимъ, и небысть такова, иже бы безъ убытка былъ, но вси въ тузѣ и скорби мнозѣ и печалію одержими. Сію же скорбь за много время нѣціи же отъ книжникъ провозвѣстиша, глаголюще, яко въ преидущее лѣто будетъ скорбь людемъ, еже и збысться въ время се; въ многихъ же мѣстехъ отъ св. иконъ муро исхождааше, а отъ иныхъ кровь идяше на наказаніе (*поученіе*) намъ грѣшнымъ. Преже бо казненіа бываютъ знаменіа и прещенія, да еще не покаемся тогда, потомъ казнь божіа приходитъ на ны за наша прегрѣшенія.

(*П. С. Лѣт. VIII, 82—84*).

б) Се же великое зло сътворися въ земли Руской, на родѣ христіанскомъ, грѣхъ ради нашихъ. А иній царевичь прійде къ Новугороду къ Нижнему, и съ нимъ мнози Татарове, и болгарская сила и Мордва, взяша Новградъ Нижній и пожгоша весь, монастыри и св. церкви все то огневи предаша, а люди старыа и ссущаа младенци иссѣкоша, а молодіа въ полонъ поведоша. Оттолѣ окаянніи сирояди поидоша къ Городку, и городъ взяша, огнемъ пожгоша весь, манастыри вси и св. церкви огневи предаша, а люди побѣгоша кто кудѣ; они же окаянніи всѣми путми гонишася въ слѣдъ ихъ, сѣкуще люди акы траву. И поидоша отъ Городца въ верхъ по Вълзѣ, воюючи обѣ странѣ, и быша въ Бѣлогородіи, и постиже ихъ вѣсть отъ Едигѣа, и повелѣ имъ увернутися въ Орду; они же окаянніи хотѣша ити на Кострому и на Вологду, въ слѣдъ вел. княины. Господь же избави градъ Кострому и Вологду отъ насиліа поганыхъ, молитвами св. Богородица, и не предасть Господь людій своихъ въ руцѣ невѣрныхъ. Они же окаянніи поидоша взадъ къ Городцу и къ

Новугороду (*Нижнему*), воюючи и сѣкучи остатка людей, и поидоша отъ Новагорода воюючи Уяды и Березово поле, тако поидоша обаполъ и по лѣсомъ ищучи людей, и многа люди по лѣсомъ исѣкоша; и оттолѣ поидоша къ Сурѣ, начаша Суру воевати, Кормышъ пожгоша, и Сару Великую пожгоша, и епископы всѣ избиша, а иніе огнемъ скончашася, а люди всѣ посѣкоша, а иніе огнемъ скончашася, а градъ весь сожгоша, и мѣсто града того разориша Сары Великыа, и манастыри пожгоша, погосты и села повоеваша, и все огневи предаша, полонъ акы скотъ погнаша въ свою землю, молодіи черници и черноризици все обнажено, все поругано.

(*П. С. Лѣт. XV, 484*).

352. Посланіе Едигея Московскому князю.

Тое же лѣта (1409). Едигѣи князь ординскій прислалъ къ в. кн. Василью Дмитреевичу тако ркучи:

»Слышание намъ учинилось таково, что Тахтамышевы дѣти у тобя, и того ради пришли есмя ратью, да еще слышахомъ тако, что ся неправо у тебя чинитъ в городехъ; послы царевы и гости изо Орды къ вамъ приѣздятъ, и вы пословъ і гостеи на смѣхъ поднимаете, да еще велика имъ обида і истома у васъ чинится ино то недобро. А преже сего улусъ былъ царевъ и державу держалъ и пошлины, и пословъ царевыхъ чтили, и гостеи держали безъ истомы и безъ обиды, і ты бъ спросилъ старцевъ, коко ся дѣло преже сего, и ты нынѣ того не дѣешь ино тако ли то добро? А Темиръ Кутлуи сѣлъ на царствѣ, а ты услугу государь учинился, и отъ тѣхъ мѣстъ у царя еси во Ордѣ не бывалъ, царя еси во очи не видалъ, ни князеи, ни старѣшихъ бояръ, ни меншихъ, ни иного еси ни кого не присылывалъ, ни сына, ни брата ни съ которымъ словомъ непосылывалъ. И потомъ Шадибѣкъ осмъ лѣтъ царствовалъ, и у того еси такожъ не бывалъ и никого еси ни с которымъ же словомъ не посылывалъ, и Шадибѣково царство такожъ миноло; и нынѣ царь Булатъ—салтанъ сѣлъ на царствѣ, и уже третеі годъ царствуетъ, такожъ еси самъ не бывалъ, ни сына, ни брата, ни старѣйшаго боярина не присылывалъ, а надъ толикимъ великимъ улусомъ старѣишій еси великіи князь, а вся твоя дѣла не добры и неправы. Добры нравы и добра дума и добрая дѣла были, ко Ордѣ отъ Ѳедора, добрыи былъ человѣкъ. Которые добрые дѣла ординские тои тебѣ воспоминалъ и то ся минуло, и нынѣ у тебя сынъ его Иванъ казначеи твои и любовникъ и старѣишина; и ты нынѣ ис того слова и іс тои думы не выступаешь, и отъ того дума учинилася твоему улусу пакость и християне изгибли; и ты бъ опять тако не дѣялъ, а молодыхъ не слушалъ, а собралъ бы еси старѣишихъ своихъ бояръ и многихъ старцевъ вемскихъ, да думалъ бы еси с ними добрую думу, коя бы пошла на добро, чтобъ твоимъ християномъ малымъ и великимъ было добро, не погибли бы отъ твоеи гордости в твоеі державе до конца никтожъ. Аще ли ты не восхощеши тако чинити, но осваиватися восхощешъ, іно ти ся робятити и бѣгати, добро ти тако быти, како бы ти прожити, и какъ быти пошлина вѣдати, і како быти во улусе семъ жити безбѣдно и княжити. А обиды каковы ни будутъ или отъ князеи рускихъ или отъ Литвы, и ты къ намъ на нихъ жалобныя шлешъ ежелѣтъ, и жалобныя грамоты, и оборони у насъ отъ нихъ просишь, і покоя в томъ намъ отъ тебя нѣтъ николи, а ркучи тако, что ся улусъ истомилъ и выхода взяти нѣначемъ. И мы прежъ сего улуса твоего сами своима очима не видали, толко есмя слухомъ

слыхали, а что твои приказы и грамоты твои к намъ во Орду посылалъ еси, то еси намъ все лгалъ, а что еси ималъ въ твоеи державѣ со всякого улуса по дву сотъ рублевъ, и то серебро гдѣ ся девается? Ино бъ добро было тако какобы тебѣ познатись, како бы то отдано по старинѣ по правдѣ, ино бы того зла улусу не учинилось, а християнѣ бы не погибли до конца, и ярости бы и брани нашеи на тебѣ не было.«

(*Рус. Лѣтоп. по Никон. сп. 1789 г. Спб. ч. V, 26—27*).

См. еще собр. госуд. грам. II, № 15; IV. Новг. лѣт. 110—111.

353. Пѣснопѣніе Володимеря Талычемъ 1440.

Князь Данило Борисовичь Нижнего Новагорода приведе къ себѣ царевича Талыча, и посла съ нимъ изгономъ къ Володимерю боярина своего Семена Карамышева, а съ нимъ 150 Татаръ, а Руси полтораста же. И придоша къ Володимерю лѣсомъ безвѣстно изъ-за р. Клязмы, людемъ въ полдень сияющимъ, а града (*ограды*) тогда не было, а намѣстника Юрія Васил. Щоки не было же въ градѣ; они же окаанніи и прьвое за Клязмою стадо градское взяша, и потомъ на посадъ пришедше начаша люди сѣщи и грабити. Потомъ же пригониша къ церкви св. Богородица съборныя, въ ней же затворися ключарь попъ Патрекѣй и съ иными людми, и поимавъ съсуды св. церковныя златыя и сребреныя и елико кузни успѣ похватити, и внесе на церковь св. Богородица съхрани, и люди сущихъ съ нимъ тамо посади, а самъ сшедъ лѣствици отмета, и ста въ церкви предъ образомъ Пречистыя плачася. А они безбожніи высѣкши двери св. Богородица и вшедше въ ню, икону чюдную св. Богородица одраша, такоже и прочая иконы, и всю церковь разграбиша; а попа Патрикѣя емше начаша мучити о прочей кузни церковней и о людехъ, иже съ нимъ въ церкви были; онъ же никакоже не сказа того, но многи муки претерпѣ; на сковрадѣ пекоша й, и за ногти щепы биша, и ногы прорѣзавъ ужа вѣдергавъ по хвостѣ у конь волочиша, и тако въ той муцѣ и скончася. Они же изграбивши вся церкви и градъ весь, и люди поплѣнивше изсѣкши, огнемъ градъ запалиша и многое множество богатства, злата и сребра, вземше отъидоша; такоже глаголаху иже тогда въ плѣнѣ томъ бывшеи, яко не имаша портъ (*платья*), ни иное ничто же, но токмо златое и сребреное, и отъ кузни многое безчисленное поимаша множество, а деньги мѣрками дѣлиша межи собою. Тогда же въ томъ пожарѣ и колоколы разлишася. Сія же злоба сключися іюля въ 3 день отъ своихъ братій христіанъ.

(*П. С. Лѣт. VIII, 85—86*.

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

354. Отчего перевелись богатыри на святой Руси?

Возгордились богатыри своими побѣдами и до того расхвастались, что стали вызывать на бой силу нездѣшнюю:

»Не намахался наши могутныя плечи,
Не уходился наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные.«
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
»Подавай намъ силу не здѣшнюю —
Мы и съ той силою, витязи, справимся.«
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:

»А давайте съ нами, витязи, бой держать—
Не глядите, что насъ двое а васъ семеро».
Не узнали витязи воителей,
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало вдвое болѣе и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи:
Стали они силу колоть-рубить...
А сила все растетъ-да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя;
Уходилися кони ихъ добрые;
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растетъ, да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугалися могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ.
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси!—

(Сынъ отечества 1856, № 47).

355. Щелканъ Дудентьевичъ.

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой,—
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;—
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дюдентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани, невыходы, царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,—
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ,—
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ
У того жену возметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самаго головой возметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани выходы, царски невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье
Государево величество;
А нельзя дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
»Гой еси, царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ,
Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:
Василья на Плесу,
Гордѣя въ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою, Тверью богатою
Двумя братцами родимыми,
Ду удалыми Борисовичи«.
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
«Гой еси, шуринъ мой
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколитъ-ко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя, горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою, Тверью богатою;
Двумя братцами родимыми,
Ду удалыми Борисовичи«.
Вставоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,

Выпилъ чашу тое крови горячія;
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою, Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую, въ Тверь богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые, мужики-то богатые,
Мужики-то богатые, посадскіе,
Они жалобы приносили
Двумъ братцамъ родимыимъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками—
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухвалилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася.
Ни на комъ не сыскалося.

(Древ. рос. стих. 31—36).

См. еще былину «Калинъ царь». Тамъ же 242—243.

356. Илья и Батый Батыевичъ.

Изъ за моря, моря Синего,
Изъ за Синяго моря, изъ за Чернаго,
Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
Со любимымъ зятемъ со Ульюшкомъ,
Собралъ собака силы трехъ годовъ,
Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ:
За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
Однихъ было сорокъ царей царевичей,
Сорокъ королей, королевичей.
Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
Сопущалъ собака якори булатные,
Выпущалъ шеймы (канаты) шелковыя,
Выметывалъ сходенки дубовыя,
Выходилъ на крутъ-красенъ бережокъ,
Раздернулъ бѣлъ-полотняной шатеръ,
Поставилъ въ шатеръ дубовый столъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты.
Скрычалъ зычнымъ голосомъ, богатырскимъ,
Созывалъ своихъ мурзовъ-бурзовъ, Татаровей.
«Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?
Кто бы съѣздилъ ко тому городу ко Кіеву
Ко ласкову князю ко Владиміру,
Отвезъ бы ему посольный листъ, ярлыкъ скорописчатый»:
Поголовно молчатъ бурзы-мурзы, Татаровя,
Закрычалъ онъ по второй наконъ (разъ),
«Ой вы гой еси, мурза-бурза, Татаровя!
Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?
Кто бы съѣздилъ ко городу ко Кіеву»?
Тутъ выскочилъ бурзи-мурза, Татаровичъ:
Старъ-горбатъ, на передъ поклянъ *(поклонъ)*,
Синь кафтанъ, голубой карманъ:
Говорилъ самъ таково слово:
—Ужь ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичь!
Умѣю я говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ,
Отвезу ему посольный листъ, ярлыкъ скорописчатый.—
«Поѣзжай ты, бурза-мурза, Татаровичъ,
Поѣзжай не путемъ не дорогою,
Черезъ лѣса, дремучіе,
Черезъ лузя дыбучіе *(отъ сл. дыбомъ)*,
Поѣзжай ты ко Кіеву.
Перескочи черезъ стѣну городовую,
Черезъ ту башню наугольную,
Брось своего коня середь двора,
Не привязана, не приказана,
Иди во гридни княженецкія.
Двери грудью на пяту бери.
Положь ярлыкъ на дубовъ столъ,
Оборотясь, приступи, крѣпко, вонъ поди,
Приступи, чтобъ спѣли *(зазвенѣли)* свѣтлыя оконицы»!
Видѣли, какъ молодецъ коня сѣдлалъ,
Двѣнадцать подпругъ со подпругою натягалъ,
Не для басоты молодецкія, а для крѣпости, богатырскія:
Никто не видѣлъ поѣздочки богатырскія;
Конь горы и долы промежь ноги бралъ,
А маленькія рѣчки хвостомъ устилалъ,
Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Перескочилъ черезъ стѣну городовую,
Черезъ тѣ башни наугольныя...
Положилъ ярлыкъ надубовъ столъ,
Оборотясь, приступилъ толъ крѣпко, самъ вонъ пошелъ.
Тутъ Владиміръ стольный кіевскій
Со своей женой Апраксіей
Крычатъ сильныхъ-могучихъ богатырей:
«Ужь вы гой есте, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ младъ!
Вы примайте ярлыки, распечатывайте,
Поскорѣе того прочитывайте,
Не утайте вы слова едного»!

Говорили Добрыня Никитичъ съ Алешей Поповичемъ:
—Ярлыкъ, князь батюшко, не радостный:
Изъ за Синяго моря, изъ за Чернаго.
Подымался Батый царь, сынъ Батыевичь,
Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
Проситъ Батый у насъ трехъ сильныхъ-могучихъ богатырей:
Богатыря стараго казака Илейку Муромца,
Другаго богатыря Добрыню Никитича,
Третьяго богатыря Алешу Поповича,
Похваляется:—«Дашь-недашь, забоемъ возьму,
Сильныхъ богатырей подъ мечь склоню,
Князя со княгинею въ полонъ возьму,
Божьи церкви на дымъ спущу,
Чудны иконы по плавь рѣки,
Добрыхъ молодцевъ полоню станицами,
Красныхъ дѣвушекъ, плѣницами *(узами)*
Добрыхъ коней табунами.—»
Надѣвалъ Владиміръ платье цѣнное *(черное?)*,
Цѣнное платье, печальное,
Походилъ ко божьей церкви, Богу помолитися;
Въ стрѣчу идетъ нищая Калика перехожая:
—Ужь ты здравствуй, Владиміръ, стольный Кіевскій!
Ты за чѣмъ надѣлъ черное платье, печальное?
Что у васъ во Кіевѣ учинилося?—
«Молчи, нищая Калика перехожая,
Не хорошо у насъ во Кіевѣ учинилося.
Изъ за синяго моря, изъ за Чернаго,
Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
Проситъ Батый у насъ трехъ сильныхъ-могучихъ богатырей;
Похваляется:—Дашь не дашь, за боемъ возьму»...
—Не зови меня нищей Каликой перехожею,
Назови меня старымъ, казакомъ Ильей Муромцемъ;—
Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
«Ужь ты здравствуй, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Постарайся, за вѣру христіянскую,
Не для меня, князя Владиміра,
Не для-ради княгини Апраксіи,
Не для церквей и монастырей,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей»!
Говоритъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
—Ужь давно намъ отъ Кіева отказано,
Отказано отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ.—
«Не для меня ради, князя Владиміра,
Не для-ради княгини Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей»!
Проводилъ Владиміръ Илейка во гридни княженецкія,
Посылалъ его ко царю Батыю, сыну Батыевичу.
Бралъ Илейко съ собою Алешу Поповича и Добрынюшку,
Брали они много злата-серебра,
Поѣзжали ко Батыю съ подарками.
Увидали ихъ бурзы-мурзы, Татаровя,
Говорили сами таковы рѣчи:
«Ѣдетъ Владиміръ стольный Кіевскій,

Везетъ намъ Илейку во подарочки»!
Подъѣзжаетъ Владиміръ стольный Кіевскій
Со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ
Ко Батыю царю сыну Батыевичу.
Подаютъ ему они подарочки,
Сами просятъ сроку на три года,
На три года, на три мѣсяца.
Даетъ Батый сроку только на три дня.
Наливаютъ чару зелена вина,
Не велику чару—въ полтора ведра,
Подавалъ чару князю Владиміру:
Принималъ Владиміръ чашу въ обѣ-ручь,
Прикушалъ изъ чаши съ пивной стаканъ;
Подаетъ чару Ильѣ Муромцу:
Принимаетъ онъ чару единой рукой,
Выпиваетъ онъ чару на единой духъ;
Расходилися плечи могучія,
Раскипѣлося сердце богатырское;
«Ты прощай, Батый царь, Батыевичь»!
Отправлялися въ путь дороженьку,
Къ своему ко граду стольну Кіеву.
Говоритъ казакъ Илейко Муромецъ:
«Запирай, князь, ворота крѣпко-на крѣпко,
Засыпай ихъ желтымъ пескомъ, сѣрымъ камешкомъ;
Я поѣду, добрый молодецъ, на Почай-рѣку,
Я поѣду созывать сильныхъ богатырей.«
Пріѣзжалъ онъ на Почай-рѣку,
На Почай-рѣкѣ богатырей не наѣхалъ;
Поѣзжалъ Илейко на Дунай-рѣку,
Тутъ богатыри сидятъ во бѣломъ шатрѣ:
«Поѣдемте, братцы, отстаивать Кіевъ градъ,
Не для-ради князя Владиміра,
Не для-ради княгини Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей»!
Добры молодцы собиралися,
Садилися по своимъ добрымъ конямъ,
Поѣзжали братаны за Дунай-рѣку.
Всѣ богатыри переѣхали.
Подъѣзжали ко граду стольному Кіеву,
Метали жеребей промежъ себя:
Кому изъ нихъ ѣхать въ руку правую,
Кому изъ нихъ ѣхать въ руку лѣвую,
Кого поставить въ середку силы, въ матицу;
Доставалася Самсону рука правая,
Никитѣ съ Алешей рука лѣвая,
Илейкѣ доставалась середка силы, матица.
Бьются-рубятся двѣнадцать дней,
Не пиваючи не ѣдаючи,
Добрымъ конямъ вздоха не даваючи;
Поѣхали добры молодцы опочивъ держать;
Не поѣхалъ Илейко опочивъ держать.
Проговорилъ его добрый конь по человѣчьему:
—Ужь ты старъ казакъ, Илья Муромецъ!
Есть у Татаръ въ полѣ накопаны рвы глубокія,
Понатыканы въ нихъ копья мурзамецкія,
Копья мурзамецкія, сабли вострыя:
Изъ перваго подкопа я вылечу,
Изъ другого подкопа я выскочу,
А въ третьемъ останемся ты и я!—
Билъ Илья коня по крутымъ ребрамъ:
«Ахъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!

Ты не хочешь служить за вѣру христіянскую«!
Пала лошадь во третей подкопъ,
Остался Илейко во подкопѣ.
Набѣжали злыя Татаровья,
Оковали Илеюшку желѣзами,
Ручными, ножными и заплечными,
Проводили ко Батыю Батыевичу.
Говорилъ ему Батый царь, сынъ Батыевичь:
—Ужь ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Послужи мнѣ-ка также, какъ Владиміру,
Вѣрою неизмѣнною ровно три года!—
Отвѣчалъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
»Нѣтъ у меня съ собой сабли вострыя,
Нѣтъ у меня копья мурзамецкаго,
Нѣтъ у меня палицы боевыя:
Послужилъ бы я по твоей по шеѣ по татарскія«!
Говорилъ Батый царь, сынъ Батыевичь:
—Ой вы, слуги мои вѣрныя!
Вы ведите Илейку на широкій лугъ,
Вы стрѣляйте его стрѣлами каленымі!—
То Илеюшкѣ не поглянулося,
Говорилъ онъ таково слово:
»Ой ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичь!
Ты такъ казни, какъ на Руси казнятъ богатырей:
У насъ выведутъ на поле на Куликово,
Положатъ голову на плашку на липову,
По плечь отсѣкутъ буйну голову;
Не толь старику будетъ смерть страшна«!
То Батыю слово показалося:
—Выводите его на поле Куликово,
Положите голову на плаху на липову,
По плечь срубите буйну голову!—
Возмолится старъ казакъ Илья Муромецъ
Тому угоднику божьему Николаю:
»Погибаю я за вѣру христіянскую«!
У Илейки силы вдвое прибыло;
Рвалъ онъ оковы желѣзныя,
Хваталъ онъ поганаго Татарина,
Который покрѣпче, который на жилѣ не рвется,
Взялъ Татариномъ помахивать:
Въ которую сторону махнетъ,—улица.
Подбѣгаетъ къ Илеюшкѣ добрый конь,
Садился онъ на добра коня,
Билъ Татаръ чуть не до единаго.
Убиралася Батый царь съ большими убытками,
Съ большими убытками, съ малыми прибытками,
Съ малыми прибытками, со страмотою вѣчною,
На мелкихъ судахъ на павозкахъ.

(Пѣсни Кирѣевскаго, 4, 38—46).

357. Изъ пѣснопѣній въ честь св. Меркурія Смоленскаго.

»Како быша злыхъ Измаилтенъ великое плѣненіе, тогда земля восплакася яко нѣкая чадолюбивая мати, мы же тогда возрадовалися, и возвеселилися, видяще божіе милосердіе и пресвятые Богородици защищеніе, и страданія воина христова благочестно хвалимъ. Како быша отъ невѣрныхъ православнымъ стонаніе, веліе сѣтованіе и вопль къ Господу Богу, тогда наша мати земля жерломъ (*т. е. горломъ, голосомъ*) возстояше, вопіюще: Чаде мои, чаде мои! прогнѣвованіе Господа своего, а моего Творца и Бога! Мы же тогда къ Господу Богу и къ пречистѣй Богородицы умилно возопіяли, глаголюще: заступница наша госпожа Богородица! избави насъ варварскаго нахожденія и злаго плѣненія. Тогда земля зѣя и возрыдала, како отъ пазухи ея православніи отторгаемы и безмилостивно посѣкаемы; тогда мы руцѣ въздѣюще и съ воздыханіемъ слезы испущающе, молящеся Христу Богу и пречистой его Матери, вопіюще и глаголюще: Слава Тебѣ, Іисусѣ, сыне божій! Слава Тебѣ, св. Богородица! избави насъ отъ агарянскаго насилованія и горкаго томленія! Како намъ даровала стократное и милостивое заступленіе, госпожа и Богородица, тогда възопіли къ Богородицы съ усердіемъ молящеся, слезы отъ очію точаще и глаголюще: пресвятая госпожа и Богородица! Ты избавила родъ христіянскій отъ адова мучительства, и нынѣ насъ избави поганыхъ нахожденія, и злаго и нечестиваго плѣненія и посѣченія! Мы же тебя, Богородицу, пѣснено славимъ и величаемъ и покланяемся пречистому Твоему образу«.

»Римъ оставль к намъ пришелъ еси; богатество римское оставль и пріятъ богатество на небесѣхъ, и нынѣ со ангелы водвояшися. Римское княженіе и славу суетную ни во что же вмѣнивъ, оставль княженіе, и пріятъ царство небесное и нынѣ живеши съ лики ангельскими. Римскихъ родителей своихъ небрегъ, едино вождѣлѣлъ еси, за вѣру христову кровь свою проліяти и за православныхъ, вѣрующихъ въ Господа, и сего ради веселишися въ селехъ небесныхъ«...

»Начнемъ касатися духовнѣй бесѣдѣ, страданіа воспомянемъ угодника и мученика христова Меркурія, како злочестивый и богопротивный царь Батый наиде на градъ нашъ пустъ сотворити, а насъ погубити, но Богомъ и пресвятою его Матерію и страданіемъ угодника воина христова, спасетъ градъ и люди. По благовѣщенію св. Богородица, пріиде святый въ церковь Богородинну, и обрѣтоша свѣщу горящу предъ самою иконою госпожи Богородицы, отъ нея же изыде гласъ понамарю, и надше святый предъ образомъ, чюдотворнымъ, нача молитися: госпоже

Богородица! буди помощнице на супротивныхъ сихъ. И тако гласъ бысть отъ иконы пресв. Богородицы и явленіе святому, безбожныхъ нахожденіе, и посла побѣдити ихъ силою христовою. Отъ чюдотворныя иконы пречистыя Богородица бысть глаголюще: рабе мой Меркуріе! иди злотворнаго Батыя и измаилтескы люди огрози; плѣнны свободи дарованіемъ Христовымъ; домъ мой и градъ и люди безбѣдны и сотвори. Отъ пречистаго и чюдотворнаго образа пресв. Богородица бысть глаголющи: рабе мой Меркуріе! иди, убій сильнаго исполина, а злочестиваго царя Батыя и поганыхъ Агарянъ прожени; божіею благодатію люди и градъ отъ нихъ спасутся. Пречистая госпожа и Богородица! некосная наша заступнице! крѣпкая держава, непобѣдимый воевода града нашего, имучи во своемъ градѣ таковаго воина и угодника своего Меркурія, и тако святаго воспосылаше огрозити и побѣдити зловѣрныхъ, и прогонити отъ лица нашего«...

»Пріиде святый на мѣсто, идѣже повелѣ св. Богородица, и ту побѣдилъ много вой татарскихъ, и оставшія варвари разъяряхуся сердцы и распыхахуся суемысленными душами на богохранимъ градъ Смоленскъ. И бѣ виде жену превелику и пресвѣтлу солнцообразну съ множествомъ вой небесныхъ, и ужасошася, вскорѣ отъбѣжа отъ насъ. Шаташася безумніи въ молвѣ горкаго своего злаго невѣрія, яко провидѣвши госпожю Богородицу, паче солнца сіяющу и помогающу своему угоднику; и тако расыпашася мысли ихъ, и бысть яко прахъ, и побѣгоша вскорѣ, и на бѣгъ себе вдаша. Пріиде святый въ богопокровенный градъ, и ту блаженная глава, яко доброплодная маслина, процвѣте«...

»Егда злій Агаряне отсѣкоша главу св. Меркурію, и въспріатъ ю самъ святый и пренесе въ градъ, предъ всѣми людьми, глаголюще и поюще глава, како бысть побѣда и каково отъ госпожи и Богородици заступленіе и святому отъ ней поможенія«... »Красно мѣсто и свято, на немъ же твои всечестнѣи нозѣ стоястѣ, идѣже твоя святая глава усѣчена, и ту бѣ воинъ Христови свыше отъ Бога, яко царскую діадиму пріатъ, сіяя въ лицѣ святыхъ мученикъ, яко солнце посредѣ звѣздъ осіявая градъ и люди«...

»По представленіи явися святый тому же пономарю, яко живъ, въ воинскомъ подобіи, и рекъ старцу: повѣждь гражаномъ, да устроятъ щитъ и копіе мое надъ гробомъ моимъ, и когда будетъ гражданомъ притуженіе отъ злыхъ нахожденій тогда износятъ мое оружіе, прославляюще Господа славы, и того рождьшую Богоматерь, и мене смиренаго раба божія Меркурія поминающе, да подастъ Господу вѣрнымъ на супротивныхъ крѣпость и одоленіе«... —»Спомочника имѣяху вси граждане, страстотерпче христовъ доблестный! копіе и щитъ твой выну пособіе имущи, тя величаютъ, Христа Бога славяще, вѣнчавшаго тя!«

(*Очерки Буслаева, II, 182—185*).

Когда Батый задумалъ плѣнить богоспасаемый градъ Смоленскъ, тогда св. Богородица явилась отъ иконы пономарю и послала его за Меркуріемъ, который происходилъ »отъ римскихъ пазухъ«, отъ славнаго княжескаго рода, изъ земли римской, а заѣхалъ въ Смоленскъ еще въ юномъ возрастѣ на службу къ самодержцу того города. Послала его Богородица на долгой мостъ и сказала, что онъ побѣдитъ мучителя—исполина и обѣщала ему свою помощь—и вѣнецъ мученичества. Меркурій побѣдилъ враговъ, и они предались бѣгству, но и ему отрубили голову, которую онъ принесъ въ городъ собственными руками—въ виду всѣхъ. Потомъ Меркурій явился тому же пономарю и велѣлъ поставить надъ гробомъ копье и щитъ. Это оружіе для гражданъ Смоленска было знаменіемъ побѣды и избавленія отъ вражескихъ нашествій. Какъ однажды этимъ оружіемъ отражены были Татары, такъ и всегда впредь будетъ оно символомъ божества, могущества противъ враговъ православія. Къ этому нужно добавить, что каждая почти мѣстность въ россіи имѣетъ свои преданія о герояхъ, сражавшихся противъ Татаръ. (*Очерки Буслаева II, 185—198*).

358. Легенда о Егоріѣ и Татарахъ.

Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родимый, времячко—охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣстъ кого слушаться; ссорились они промежъ себя, дрались и кровь христіанскую даромъ проливали. А тутъ набѣжалъ злой татаринъ, заполонилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ, и началъ онъ брать вьюницъ (*молодыхъ женщинъ*) и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою вѣру поганую, и заставлялъ ихъ ѣсть пищу нечистую, маханину (*лошадиное мясо*). Горе да и только; слезъ-то, слезъ-то что было пролито! всѣ православные по лѣсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками; храмы Божіи всѣ были разорены, негдѣ было и Богу помолиться.

И вотъ жилъ да былъ въ нашей мещерской сторонѣ добрый мужичокъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица, что ни перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Были Антипъ съ Марьею люди благочестивые, часто молились Богу и далъ имъ Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорья былъ не младенческой: бывало, услышитъ какую молитву—и пропоетъ ее, да такимъ голосомъ,

что ангелы на небеси радуются. Вотъ услыхалъ схимникъ Ермогенъ объ умѣ-разумѣ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отецъ съ матерью, помолились и отпустили Егорья въ науку.

А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горынычемъ: такъ онъ былъ золъ и хитеръ! просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало выѣдетъ на охоту—дикаго зрѣря травить, никто не попадайся, сейчасъ заколитъ; а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащитъ въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему, сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антипа тутъ-же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной долѣ родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную,—и Господь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подросъ Егорій, вздумалъ онъ пойти въ Касимовъ-градъ, чтобъ избавить мать свою отъ злой неволи, взялъ благословеніе отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходитъ въ палаты Брагимовы и видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Повалился Егорій самому хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную; Брагимъ грозный ханъ закипѣлъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не устрашился, и сталъ возсылать мольбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ пилить его пилами, рубить топорами; у пилъ зубья поспшиблись, у топоровъ лезвія выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смолѣ кипучей, и святой Егорій поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокой погребъ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій—все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ—стоитъ осѣдланный конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ, копье острое. Вскочилъ Егорій на коня, пріуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорій и закололъ его острымъ копьемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ захотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались вокругъ него келіи и посадъ, который и понынѣ слыветъ *Егорьевскимъ*.

(*Легенды Аванасьева, стр. 152—154*).

Образъ жизни Русскихъ столкнулся съ образомъ жизни Татаръ и не вольно подчинился ихъ вліянію: подчиненіе царю, т. е. Хану заставляло перенимать его придворныя церемоніи, чины и хозяйственный бытъ. Отъ Татаръ перешло въ Россію много вещей азіатской работы и это имѣло вліяніе на русское зодчество и мастерства; въ постройкахъ и украшеніяхъ древне-русскихъ можно уловить черты Восточнаго вкуса. Ни начемъ такъ ярко и наглядно не отразилось татарское вліяніе, какъ на средневѣковой пошлинной русской системѣ: тутъ и названія пошлинъ и названія таможенныхъ приставниковъ — все обличаетъ татарскій строй. Подъ вліяніемъ страха, жестокости со стороны завоевателей, посль татарскаго порабощенія, развилась сильно въ народѣ фантазія и аскетическое направленіе: когда лопнула надежда на свои силы, оставалась единственная надежда на помощь свыше. Оттого въ это время построено было громадное количество монастырей и надѣлены были они имуществами отъ усердія вѣрующихъ. Съ другой стороны долговременное подчиненіе и униженіе низшаго предъ сильнымъ способствовало развитію хитрости, осторожности и стойкой политики московской; тяготніе деспотизма надъ Москвою вызвало въ ней самой деспотическія стремленія противъ подчиненныхъ и слабыхъ областей, и титулъ царя, принадлежавшаго прежде хану, перешелъ на в. князя Московскаго.

Первое нашествіе Монголовъ на Европу изъ „Histoire des Mongols depuis Tchinguis — Klan jusq'a Timour — Lang". Paris. 1824. Сѣвер. Архивъ ч. 24, № 21 и 22. 43. № 23 и 24. 277, 1828 г ч. 26, № 7. 209, № 8, 291. Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизова. *О. Іакинфа*. Моск. Телеграфъ, 1829, XX 529—532. 1828, XXII. 129—135. О Монголахъ *Абульгази*. Тамъ же 1826. XII, 301—304. О Монголахъ *Іакинфа Бичурина*. Москвит. 1850. XXIV, 85—92. О Монгольс. ханахъ—*Буткова*. Сѣвер. Архивъ ч. 10, № 12. 279. ч. 11, № 13 и 14. 1. Нѣчто о вліяніи Монголовъ и Татаръ на Россію. *А. Рихтера*. Спб. 1822 г. *Его же:* Изсл. о вліяніи Монголо-Татаръ на Россію Спб. 1825. Объ отношеніяхъ Рос. Князей къ Монгольс. ханамъ. *П. Наумова*. Спб. 1823, также: Сынъ Отеч. 1823, LXXXVII, 69. 120. LXXXVIII, 20. 99. О миномъ запустѣніи Украйны въ нашествіе Батыево. Рус. Бес. 1857. 4, III, 22—34. О золотой Ордѣ изъ сочин. *Шильбергера*. Зап. и Труды общ. Ист. 1824. ч. 2, кн. 2. 198—232. Ибнъ-Батута. Рус. Вѣстн. 1841. 1, 462. Марко-Поло. Чт. общ. Ист. 1861. кн. 3. См. еще: Библ. иностр. писат. о Россіи. Изд. Семенова. Спб. 1836. Ж. М. Н. Просв. I. 299. V, 594. ч. 37. VI. 168. ч. 38. II, 19. ч. 40. VI. 123. 131. ч. 44, II, 30. VI. 189 ч. 45 VII. 1 ч. 48.

II. 1. ч. 70. VI. 27. ч. 79. II, 221. Избавленіе Костромы отъ Татарс. нашествія. *А. Кавелина.* Малкъ. 1845. 2. Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ въ 1237 г. О малоизв. памятн. *Срезневскаго.* IV, 77—94. Изъясненіе словъ, перешедшихъ изъ восточн. языковъ въ Россію. *Фр. Ердмана.* Зап. и Труды общ. Ист. 1830. ч. V, 215—245. Ж. М. Н. Пр. 1842 ч. 36. Историч. сказанія о борьбѣ съ разными племенами и народами. Ист. Рос. *С. М. Соловьева.* IV, 388—400. Ист. Рус. Словес. *Галахова.* I, 81—83. О вліяніи татарс. языка. Шевырева. ч. III. Москвит. 1854. № 22. *Гаммера.* geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Пештъ. 1840. Изслѣдов. о Касимовс. царяхъ и царевичахъ. *В. Вельяминова-Зернова.* Лѣтописецъ Казанскаго царства. *И. Глазатова.* Ркп. Казанс. Универс., изд. въ 1791 г.: «Ист. о Казанс. царствѣ». Начало Казанс. царства. *В. И. Поваляева.* Моск. Универс. Изв. 1866—67 № 12.

---

4. ПЛЕМЕНА ФИНСКІЯ.

(Чудь, Емь, Корела, Водь, Югра).

359. Борьба съ Финнами въ XI и XII в.

а) Въ лѣто 6550 (1042). Иде Володимеръ, сынъ Ярославль на Ѣмы, и побѣди я, и плѣни множество Ѣмы; и помроша кони у воевъ Володимеровыхъ, яко еще дышющимъ конемъ, сдираху кожи съ нихъ съ живыхъ, — толикъ моръ бысть на кони. (*I Соф. 137*).

б) Въ 1054 г. иде Остромиръ съ Новгородци на Чюдь, и убиша его Чюдь, и много паде съ нимъ Невгородцевъ. И паки Изяславъ иде на Чюдь, и взя осѣкъ Деклипивъ, сирѣчь Солнца рука.

в) Въ 1058 г. побѣди Изяславъ Голядь. (*I Соф. 139*).

г) Въ 1113 г. побѣди Мьстиславъ на Бору Чюдь. (*I Новг. 9*).

д) Въ 1116 г. иде Мьстиславъ на Чюдь съ Новгородьци, и възя Медвѣжю Голову (*Одеппе*) на 40 святыхъ. (*I Соф. 156*).

е) Въ 1123 г. ходи Всеволодъ съ Новгородьци на Емь въ великое говѣніе, и побѣди я; нъ лютъ бяше путь, оже купляху по ногатѣ хлѣбъ. (*I Соф. 156*).

ж) Въ 1130 г. иде Всеволодъ съ Новгородьци на Чюдь зимѣ въ говѣніе; и самы изсѣце, а хоромы пожьже, а жены и дѣти приведе домовь и дань на нихъ възложи. (*IV Новг. 3*).

з) Въ 1133 г. иде Всеволодъ съ Новгородци на Чюдь, и взя градъ Юрьевъ (*Дерптъ*) февр. 9. (*I Соф. 156*).

и) Въ 1142 г. приходиша Емь, и воеваша область новгородьскую; избиша я (*ихъ*) Ладожане 400, и не пустиша ни мужь. (*I Новг. 9*).

і) Въ 1149 г. на зиму пріидоша Ѣмь на Водь ратью, онѣхъ 1000; и услышавше Новгородци, съ пятію сотъ съ воеводою идоша на нихъ, и не упустиша ни единого мужа. (*I Соф. 160*).

к) Въ 1176 г. зимой приходиша вся Чюдьская земля Пльскову, и бишася съ ними, и убиша ту Вячеслава и Микиту Захаріинича и Станимира Иваниця и инѣхъ, а Чюди множьство избиша. (*I Новг. 16*).

л) Въ 1179 г. Мьстиславъ Ростисл. вниде въ Новгородъ ноябр. 1, и рече имъ: »братіе! се обидятъ ны поганыи, да быхомъ възрѣвше на Богъ и на св. Богородици помочь, помьстили себе и

свободили быхомъ Новгородцкую землю отъ поганыхъ.« И рькоша ему Новгородци: »княже! аще се Богови любо и тебѣ, а се мы готови есмы.« И скопивъ вой новогородцкыхъ 20,000, и поиде на Чюдскую землю на Очелу, и стоя въ ней недѣлю, воюя по всей земли ихъ, а они отбѣгоша къ морю, и пожже села ихъ, и ополонившеся челядью и скотомъ, и придоша во свояси. (*IV Новг. 15*).

м) Въ 1187 г. избьени быша данъникы перемьскіи и югорьскіи, а друзіи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ кмѣтей (*бояръ, знатныхъ*). (*IV Новг 17*).

н) Въ 1191 г. ходиша Новгородьци съ Корѣлою на Емь, и воеваша землю ихъ, и пожьгоша, и скотъ изсѣкоша. (*I Новг. 20*),

о) Въ 1194 г. идоша изъ Новагорода въ Югру ратью съ воеводою Ядрѣйкомъ, и придоша въ Югру и взяша градъ; и придоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ. И стояша подъ градомъ 5 недѣль, и высылахуть къ нимъ съ рѣчію льстивою, глаголюще тако, »яко копимъ сребро и соболи и иная узорочія, а не губите своихъ смердовъ и своея дани,« и льстячи имъ, а вои свои копячи; и яко скопиша вои, и выслашася изъ града къ воеводѣ: »поиди въ градъ, поими съ собою 12 мужь.« И иде въ градъ, поимъ съ собою попа Иванка Легена и инѣхъ болшихъ, и иссѣкоша я въ канунъ св. Варвары; и выслаша пакы, и пояша ихъ 30 мужъ лучьшихъ, и тѣ всѣ иссѣкоша, и потомъ 50. И потомъ рече Савка князю Югорскому: оже и еще, княже, не убіеши Якова Прокшинича, а жива пустиши въ Новъгородъ, ино ти, княже, опять вои приведетъ сѣмо и землю твою пусту сътворитъ.« И призвавъ же князь Яковца, и повелѣ убити; и рече Яковъ Савкѣ: »судитъ ти, брате, Богъ и св. Софія, оже еси подумалъ на кровь братіи своей, и станеши съ нами предъ Богомъ и отвѣщаеши за кровь нашу;« и то рекшу, убіенъ бысть; той бо Савица перевѣтъ дръжаше отай съ княземъ Югорьскымъ. И потомъ яко изнемогоша гладомъ,—стояли бо бяху 6 недѣль, слушающе льсти ихъ,—и на праздникъ св. Николы вылѣзъше изъ града иссѣкоша вся, и бѣ туга и бѣда останку живыхъ, бѣ бо осталося 80 мужь; и не бяше вѣсти чрезъ всю зиму въ Новъгородъ на нихъ, ни на живыхъ, ни на мертвыхъ, и печаловахутся въ Новѣгородѣ князь, и владыка и весь Новгородъ.

п) Въ лѣто 6702 (1194). Придоша избытокъ живыхъ изъ Югры, и убиша Збышьку Волосовичь, и Завида Нѣговичь, и Мислава Поповичь, сами отбѣгоша, а иныя кунами ся откупиша: творяхуть бо я свѣтъ дръжаще съ Югрою на свою братью, а то Богъ вѣсть. (*I Соф. 169—170, I Новг. 21—22*).

360. Борьба съ Финнами въ XIII в.

а) Въ 1212 г. Ходи Мьстиславъ на Чюдь, рекомую Търму съ Новгородьци, и много полониша, скота безъ числа приведоша. Потомъ же на зиму иде князь Мьстиславъ съ Новгородьци на Чюдскыи городъ, рекомыи Медвѣжю Голову, села ихъ потрати, и придоша подъ городъ, и поклонивася Чюдь князю и дань на нихъ възя; и придоша вси здрави, (*I. Иск. 177; I Новг. 31—2*).

б) Въ 1214 г. иде князь Мьстиславъ съ Новгородьци на Чюдь на *Ереву* (Jerwen) сквозѣ землю Чюдскую къ морю, села ихъ потрати и осѣкы ихъ възма; и ста съ Новгородци подъ городомъ Воробіинымъ (*Варболе*?), и Чюдь поклонишася ему; Мьстиславъ же князь възя на нихъ дань, и да Новгородьцемъ двѣ чясти дани, а третью чясть дворяномъ, бяше же ту и Пльсковьскыи князь Всеволодъ Борисовичь съ Пльсковици, и торопьцьскый князь Давыдъ Володимирь

братъ, и придоша здрави вси съ множьствомъ полона. (*I Новг. 32*).

в) Въ лѣто 2725 (1217). Воеваша Литва на Шелонѣ, Новгородцы же поидоша по нихъ, и не согнаша ихъ (*не нагнали*); и оттолѣ поидоша на Чюдь къ Медвѣжьи Головѣ, со Псковичи со княземъ Володимеромъ. Чюдь же начаша съ поклономъ высылати лестію, а къ Нѣмцамъ послаша; и съ Нѣмцы бишася, и убиша двѣ воеводѣ, а третьяго руками яша, а лошадей отняли 700, и придоша вси здрави. (*I Пск. 177*).

г) Въ лѣто 6731 (1223). Ходи Ярославъ князь съ силою многою къ Колываню (Ревелю), и повоева всю землю Чюдскую, и полона приведе много; а города не взя, а злата взятъ много. (*I Пск. 177*).

д) Въ 1228 г. придоша Емь воевать въ Ладозьское озеро въ лодкахъ и приде на Спасовъ день вѣсть въ Новгородъ; Новгородци же въсѣдавъше въ насады, въгребоша въ Ладогу съ княземъ Ярославомъ. Володиславъ посадникъ Ладозьскыи съ Ладожаны не ждя Новгородьць, гонися въ лодіяхъ по нихъ въ слѣдъ, кдѣ они воюютъ, и постиже я, и бися съ ними; и бысть нощь, и отступиша въ Островълець, а Емь на брезѣ съ полономъ, воевали бо бяху около озера на Исадѣхъ и Олоньсь; тои же нощи просивъше мира, и не да имъ посадникъ съ Ладожаны, а они изсѣкше полонъ весь, а сами побѣгоша на лѣсъ, лодкы пометавъше, пѣши; много ихъ ту паде, а лодкы ихъ изъжгоша. Новгородьци же стоявъше въ Невѣ нѣколико дній, створиша вѣче и хотѣша убити Судимира, и съкры и князь въ насадѣ у себе; оттолѣ въспятишася въ Новгородъ, ни Ладожанъ ждавъше. Послѣдъ же оставъшеся Ижеряне усрѣтоша ихъ бѣгающе, и ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбѣжеся, куды кто видя; въ тѣхъ Корела, кдѣ обидуче, въ лѣсѣ ли, выводяче избиша. Бѣ бо ихъ пришло твориху 2000, или болѣ — Богъ вѣсть, а то все мъртво. (*I Новг. 42. П. С. Л. I, 219*).

е) Въ 1256 г. на зиму пріѣха князь Олександръ и митрополитъ съ нимъ, и поиде князь на путь и митрополитъ съ нимъ; и Новгородци не вѣдяху, кдѣ князь идеть, друзіи творяху, яко на Чюдь идеть—идоша до Копорьи; и поиде Александръ на Емь, а митрополитъ поиде въ Новгородъ, а иніи мнози Новгородци въспятишася отъ Копорьи, и поиде князь съ своими полкы и съ Новгородци; и бысть золъ путь, акы же не видали ни дни, ни ночи, и многымъ шестникомъ бысть пагуба, а Новгородцевъ Богъ сблюде; и пришедъ на землю Емьскую, овыхъ избиша, а другыхъ изъимаша. И придоша Новгородци съ княземъ Олександромъ вси здорови. (*I Новг. 56; I Соф. 189*).

ж) Въ 1268 г. Совокупишася вси князи: князь в. Димитрій Александровичь, Святъславъ, братъ его Михаилъ, Константинъ, Юрьи, Ярополкъ, Домонтъ Псковскій, и иныхъ князей нѣколико, и поидоша къ Раковору (*на Нѣмцы*) м. генваря въ 23 день. И яко внидоша въ землю ихъ, и раздѣлишася на 3 пути, и много множество воеваша; и ту наѣхаша пещеру глубоку непроходну, въ нѣй же много бяху чюди, и бяше не лзѣ ихъ взяти, стояша ту три дни; мастеръ же порочныи (*стьнобитныя орудія—пороки*) хитростію пусти на нихъ воду. Чюдь же побѣгоша сами вонъ, и изсѣкоша ихъ, а товаръ великій князь Дмитрей весь взя... (*I Соф. 194*).

з) Въ лѣто 6786 (1278). Князь в. Дмитрей Алексан. (*переяславскій*) съ Новгородци и съ Низовци казни Корѣлу и всю землю ихъ взя на щитъ. (*I Соф. 199*).

361. Борьба съ Финнами въ XIV.

а) Въ 1311 г. ходиша Новгородци воиною на Нѣмецьскую землю за море на Емь, съ кн. Дмитріемъ Романовичемъ и переѣхавше море, взяша первое Купецьскую рѣку, села пожгоша и головы поимаша, а скотъ изсѣкоша; и ту убіенъ бысть Костянтинъ Ильинъ сынъ Станимировича въ загонѣ. Потомъ взяша Черную рѣку всю, и тако по Чернои придоша къ городу Ванаю и взяша городъ и пожгоша, и Нѣмци въбѣгоша на дѣтинець (*крѣпость*); бяше бо мѣсто велми силно твердо, на камени высоцѣ, не имѣя приступу ни откуду же. И сослаша съ поклономъ просяще мира; Новгородци же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ночи волость трученъ, села великая пожгоша, обиліе все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ идуче, взяша Кавгалу рѣку и Перну рѣку, и выидоша на море, и придоша здорови вси въ Новъгородъ (*I Новг. 69*; *I Соф. 205*).

б) Въ лѣто 6822 (1314). Избиша Корѣла городчанъ, кто былъ Руси въ Корѣльскомъ городкѣ, и въведоша къ собѣ Нѣмець; Новгородци же съ намѣстникомъ Ѳедоромъ идоша на нихъ, и передашася Корѣла, и избиша Новгородци Нѣмець и Корѣлу перевѣтниковъ. (*I Новг. 70*).

в) Въ лѣто 6826 (1318). Ходиша Новгородци воиною за море въ Полную рѣку и много воеваша, и взяша Людеревъ, городъ Сумьскаго князя, и пискупль; и придоша въ Новъгородъ вси здорови (*I Новг. 72*).

г) Въ лѣто 6832 (1324). Идоша Новгородци съ княземъ Юрьемъ, и взяша Устюгъ на щитъ, и придоша на Двину; и ту прислаша послы князи Устюжьскыи къ князю и къ Новгородцемъ, и докончаша миръ по старои пошлинѣ, и придоша Новгородци вси здорови.

д) Въ 1329 г. Зимой избиша Новгородцевъ, которіи были пошли на Югру, Устьюжьскыи князи. (*I Новг. 74*).

е) Въ 1345 г. бысть мятежъ въ Нѣмцѣхъ великъ: избиша чюдь своихъ бояръ земьскихъ, и въ Колываньской земли и въ Ругодивьской земли 300 ихъ; и потомъ сташа на нихъ Велневичи и Юрьевци, и избиша чюдь 14,000, а избытокъ (*остатокъ*) ихъ убѣжа въ Островьскую землю, и тамо по нихъ ходиша Велневичи въ Островьскую землю и ихъ не взяша, но сами биты отъидоша. (*I. Соф. 224*).

362. Мордва.

а) Въ 1103 г. побѣдиша Ярослава Моръдва Муромѣ.

б) Въ 1226 г. посла в. кн. Гюрги Святослава, Ивана, брату свою, на Мордву и побѣдиста Мордву и взяста нѣколико (*нѣсколько*) селъ, и възратистася съ побѣдою. Тое же зимы Ярославъ, сынъ Всеволожь, ходи изъ Новагорода за море на Емь, гдѣ же ниединъ отъ князь рускихъ не взможе бывати, и всю землю ихъ плѣни; и възвратися Новугороду, славя и хваля Бога, ведый множество полона, якоже сущіи съ нимъ не возмогоша всего полона отнести, но овыхъ сѣчаху, а иныхъ множество пущахуть опять всвояси. (*П. С. Лѣт. I, 190*).

в) Того же лѣта (1228), м. Семтября, в. кн. Гюрги посла на Мордву Василка Костянтиновича, и своего мужа Еремѣя Глѣбовича воеводьствомъ съ полкомъ: и бывшимъ имъ за Новымъгородомъ на предѣлѣхъ моръдовьскыхъ, послався Гюрги взврати ихъ, не дасть имъ воевати, зане погодья имъ не бысть, бяхуть бо дождове велми мнози день и нощь... Тогоже мѣсяца въ 14 день в. кн. Гюрги, и Ярославъ, и Костянтиновичи Василко, Всеволодъ идоша на Мордву; и муромскый князь Гюрги Давыдовичь вшедъ въ землю Мордовьскую,

Пургасову волость, пожгоша жита (*хльбъ*) и потравиша, и скоты избиша, полонъ послаша назадъ, а Мордва вбѣгоша въ лѣсы своя, въ тверди, а кто не вбѣглъ, тѣхъ избиша наѣхавше Гюргеви молодіи въ 4 день генваря. То видѣвше молодіи Ярославли и Василкови и Всеволожи, утавившеся, назаутріе ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша и, а иныхъ изъимаша; бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избиша, и княземъ нашимъ не бысть кого воевати. А болгарскый князь пришелъ былъ на Пуреша, ротника Юргева (1), и слышавъ, оже в. кн. Юрги съ братьею жжеть села мордовьская, и бѣжа прочь ночи; а Юрги съ братьею и со всѣми полкы взвратишася всвояси добри здорови...

г) Въ лѣто 6737 (1229) м. априля, придоша Мордва съ Пургасомъ къ Новугороду (*Нижнему*), и отбишася ихъ Новгородци; и зажегше манастырь св. Богородици и церковь, иже бѣ внѣ града, того же дни и поѣхаша прочь, поимавъ своѣ избѣеныя болшія. Того же лѣта побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ Половци, и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургасъ едва вмалѣ утече. (*П. С. Лът. I, 192*).

д) Того же лѣта (1239) взяша Татарове Черниговъ. Того же лѣта взяша Мордовьскую землю, Муромъ, по Клязмѣ повоеваша, городъ св. Богородици взяша. Того же лѣта бысть пополохъ золъ по всей земли, не вѣдяху и сами, кто гдѣ бѣжитъ. (*П. С. Лът. I, 225*).

е) Въ 6811 (1303 г.) къ Новугороду Нижнему пришли Мордва ратью безвѣстно, и в. кн. Димитрій Константиновичь посла противу ихъ брата своего кн. Бориса, да сына своего кн. Симеона, со многими ратными людьми, воевать поганую Мордву, а в. кн. Дмитрій Ив. московскій прислалъ къ нему на помочь воеводу своего Ѳедора Андреевича Свиблова со многою московскою силою, и дойдоша до мордовской земли, Мордву посѣкоша, а женъ ихъ и дѣтей въ полонъ взяша, и жилища ихъ взяша, и всю землю ихъ пусту учиниша, и въ городъ приведоша, и многихъ на льду волочили, и псами травили, и различно казнили. (*Нижегородс. лѣтоп. Древн. рос. Вивліоѳика. Н. И. Новикова. ч. XVIII, стр. 73. Изд. 2-е М. 1791 г.*).

Обратить вниманіе, какъ легко Русскіе побѣждали финскія племена.

О Финнахъ *П. Фр. Сума*. Чт. общ. Ист. 1847. *№* 9. III. 1—12. Водь въ Спб. губерніи. *П. Кеппена*. 1851. Самоѣды. Финс. Вѣстн. 1845. IV. Смѣсь 43. 1846. VII. 43 VIII. 13. 847. XV. 32. Печерскій край. Сынъ отеч. 1852. VI. 13. Чудь. Финс. Вѣст. 1845. IV. сѣвер. ист. 21. V. 1—36 VI. I. 1847. XXIV. I. Ж. М. Н. Пр. ч. 51. VI. 290. О Суми г. *Гаге*. Вѣстн. Евр. 1828. ч. 159. № 12. 241. О Голяди. *Ходаковскаго*. Сѣвер. Архивъ ч. 2. № 10. 314. *№* 12. 465. О Вагѣ. Тамъ же ч. 27. *№* 9. 3. *№* 10. 89. *№* 11. 189. *№* 12. 273. Исторія Финляндіи и Риги. Сынъ отеч. 1836. CLXXXI. III. 53. 1842. VIII. 31. Эстонцы. Тамъ же 1849. LIII. 124. 219. Хронологич. указатель матеріаловъ для ист. инородцевъ Европ. Россіи. Составилъ *Лашбонъ* подъ руководствомъ *П. Кеппена*. Спб. 1861. О географич. положеніи и исторіи Югорской земли. *А. Лерберга*. Изслѣд., служащія къ объясненію Рус. Исторіи. Спб. 1819. О жилищахъ Еми. іБ. 83—192.

(1) Сторонника Юрьева, который обѣщался клятвою служить ему вѣрно.

5. НѢМЦЫ И ШВЕДЫ.

363. Отношеніе Новгорода къ Нѣмцамъ и Шведамъ.

а) Въ лѣто 6725 (1217). Пойде Мьстиславъ Кыеву, оставивъ Новѣгородѣ княгыню и сына своего Василія; и поя съ собою Гюргя Иванковица, Сбыслава Степанича, Ольксу Путиловица. Тъгда же пойде Володимиръ въ Новъгородъ своими оруди, и воеваша Литва въ Шелонѣ. Новгородци идоша по нихъ, и не състигоша ихъ; и поидоша къ Медвѣжи Головѣ съ кн. Володимиромъ и съ посадникомъ Твьрдиславомъ, и сташа подъ городомъ. Чюдь же начаша слати съ поклономъ льстью, а по Нѣмьци послаша; и начаша Новгородци гадати съ Пльсковичи о чюдьскои рѣчи, отшедъша далече товаръ, а сторожи ночьныи бяху пришли, а дневніи бяху не пошли; и наѣхаша на товары безъ вѣсти, Новъгородци же побѣгоша съ вѣчя въ товары, и поимавше оружіе и выбиша ѐ изъ товаръ, и побѣгоша Нѣмци къ городу, и убиша Новгородци два воеводѣ, а третіи руками яша, а коневъ отъяша 700, и придоша здрави вси, князь же Мьстиславъ приде въ Новъгородъ безъ нихъ, ни (*схватилъ*) Станимира Дьрновица съ сыномъ Нѣзділою и оковавъ потоци, и товаръ поима безъ числа; и опять пусти. (*I Новгор. 35*).

б) Въ лѣто 6742 (1234). Иде князь Ярославъ съ Новгородци и съ всею областью и съ полкы своими на Нѣмьци подъ Гюргевъ (*Дерптъ*), и ста князь недошедъ града съ пълкы, и пусти люди своя въ зажитіе воевать. Нѣмци же изъ града высунушася, а иніи изъ Медвѣжѣ Головы на сторожи, и бишася съ ними и до пълку; и поможе Богъ князю Ярославу съ Новгородьци, и биша и до рѣкы, и ту паде лучьшихъ Нѣмьць нѣколико; и яко быша на рѣчѣ на Омовыжи Нѣмьци, и ту обломишася, истопе ихъ много, а ини язвьни въбѣгоша въ Гюргевъ а друзіи въ Медвѣжю Голову; и много попустошиша землѣ ихъ и обиліе потратиша. И поклонишася Нѣмьци князю; Ярославъ же взя съ ними миръ на вьсеи правдѣ своеи, и възвратишася Новгородци здрави вси, а Низовьчь нѣколико паде. (*I Новг. 49*).

в) Въ 1262 г. Поиде кн. Ярославъ и Дмитрей Александровичь съ Константиномъ зятемъ Александровымъ и со кн. полотьскимъ съ Товтивиломъ, а съ нимъ Полочанъ и Литвы 500, а княжихъ полковъ и Новогородцевъ безчисленое множество; и пріидоша къ городу къ нѣмецкому Юріеву (*Дерпту*), и сташа подъ градомъ. Бѣ бо велми крѣпокъ, о три стѣны каменые, и множество людей въ немъ всякихъ баху пристроили велику брань на городѣ; но честнаго креста сила всегда низлагаетъ неправду дѣющихъ; такоже и си градъ, ни во чтоже бысть крѣпость его, по помощію божіею единѣмъ приступленіемъ взятъ бысть великій градъ Юріевъ нѣмецкый, и люди многы града того, овыхъ избиша, а иныхъ изъимаша живыхъ, а иные огнемъ пожжени быша. И пріидоша въ землю свою вси здрави, со множествомъ полона и съ честію великою. (*I Софійе. 190—191*).

364. Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ послѣ 1263.

О велицѣмъ князи нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смыс-

ленномъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра Македоньскаго, подобникѣ царю Алевхысу (*Ахиллесу*) крѣпкому и храброму, сице бысть повѣсть о немъ; ему же бяше Богъ лѣта приложилъ по его правдѣ, и угобзи ему Богъ дни и чьсти въ славу его.

О господѣ бозѣ нашемъ, азъ худый и грѣшный и малосмысленный покушаюся написати житіе св. в. кн. Александра Ярославича, внука в. кн. Всеволода. Понеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ есмь възраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но яко же Приточникъ рече: »въ злохитру душю не внидетъ мудрость, на высокихъ бо краѣхъ есть, посреди же стезь стояще, при вратъ сильныхъ присѣдить«. Аще грубъ есмь умомъ, но молитвою св. Богородица и поспѣшеніемъ св. в. кн. Александра начатокъ положю. Сей бѣ князь в. Александръ Богомъ роженъ отъ отца боголюбива и мужелюбца, паче же и кротка, в. кн. Ярослава Всеволодовича и отъ матери св. в. княгини Ѳеодосіи. Якоже рече Исаія пророкъ: »тако глаголетъ Господь: князи азъ учиняю, священи бо суть, азъ вожу я вистину; безъ божія повеленія не бѣ княженіе его«. И възрастъ его паче инѣхъ человѣкъ, гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ Іосифа прекраснаго, оже бѣ поставилъ его египетьскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсоня; и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломоню, храбрость же яко царя римскаго Еуспасьяна, еже бѣ плѣнилъ всю землю іудейску. Иногда же исполчився къ граду Антупату приступити, и вышедше гражане побѣдиша полкы его, онъ вста възврати силу ихъ вратомъ градным, и посмѣяся дружинѣ своей, рече: »оставите мя единого«; тако же и сій в. к. Александръ Ярославичь бѣ побѣжая вездѣ, а не побѣдимъ николиже. Сего ради прінде нѣкто отъ Западныя страны, еже нарицаются Слуги божія, оттолѣ прінде, хотя видѣти дивный възрастъ. Якоже древле царица Южьская приходи ко царю Соломону, хотя слышати премудрость его; такоже и сій, именемъ Андрѣяшъ, видѣвъ в. кн. Александра Ярославича, възвратися къ своимъ и рече: »проходихъ многы страны и языкы, не видѣвъ такова ни въ царихъ царя, ни въ князихъ князя«. Се же слышавъ король части римьскія, отъ полунощныя страны, таковое мужество в. кн. Александра Ярославича и помысли въ себѣ побѣдити его, или руками яти, а В. Новгородъ плѣнити и вся грады ихъ и люди Словѣньскія къ себѣ въ работу створити, и рече: »поиду и плѣню землю в. кн. Александра Ярославича«. И собра силу велику, местери и бискупи свои, и Свѣя, и Мурмане, и Сумь, и Емь, и наполни корабля многи зѣло полковъ своихъ, и подвижеся въ силѣ велицѣ, пыхая духомъ ратнымъ, и прінде въ рѣку Неву, и сташа усть Ижеры, шатаяся безуміемъ своимъ, хотя въспріяти Ладогу, прочее же рку и Новгородъ и всю новогородскую область; но еще преблагій, премилостивый человѣколюбець Богъ ублюде ны и защити отъ иноплеменникъ, и всуе трудишася безъ божія повелѣнія. Прінде бо вѣсть тогда, яко Свѣи идуть къ Ладозѣ, и въ то время присла король послы, загордѣвся, къ в. кн. Александру Ярославичю въ Новгородъ, а рка тако: »аще можеши противити ми ся, то есмь здѣ уже и плѣню землю твою«. Великый же кн. Александръ Ярославичь, слышавъ словеса ихъ и разгорѣся сердцемъ, и вниде въ церковь св. Софіи, паде на колѣну предъ олтаремъ и нача молитися со слезами св. Софіи, поминая исправленія родитель своихъ и глаголя: »Суди Господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся со мною, прііми оружіе и щитъ, встани въ помощь мнѣ«. И кончавъ молитву вставъ и поклонися архіепископу; архіеп. же Спири-

донъ новогородскій благослови его и отпусти съ миромъ, и Новгородцевъ. В. кн. Александръ ида изъ церкви, и нача крѣпити воя своя и рече: »не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ; помянемъ пѣснописца Давыда глаголюща: сіи въ оружіи, а сіи на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ, и ти въспяти быша и падоша«. И поиде на нихъ въ ярости мужества своего, въ малѣ вой своихъ, и недожда многа вой своихъ съ великою силою; но уповая на св. Троицю. Жалостно и слышати, яко отецъ его честный князь Ярославъ Всеволодовичь не бѣ вѣдалъ таковаго встанія на сына своего милаго в. кн. Александра, ни ономy бѣ вѣсти когда послати ко отцю, уже бо приближашася ратніи; тѣмже и мнози Новгородци не совокуплешеся, понеже ускори в. кн. Александръ Ярославичь поити противу ратныхъ. И пріиде на ня въ недѣлю на Съборъ св. Отецъ 630, иже въ Халкидонѣ, на память святою мученику Кирика и Улиты и св. в. кн. Владимира, крестившаго Русьскую землю и нареченнаго въ св. крещеніи Василія.

Имѣяше велику вѣру и надежду къ святыма мученикома Борису и Глѣбу, бѣ нѣкто мужъ старѣйшина въ земли Ижерьской, именемъ Пелгусій, поручена же бысть ему стража морьская; и въспріятъ св. крещеніе, и живяше посредѣ рода своего погана суща, наречено бысть ему имя въ св. крещеніи Филипъ, живяше же богоугодно, въ среду и въ пятокъ пребывая въ альчбѣ, тѣмже сподоби его Богъ видѣнію страшну, скажемъ вькратцѣ. И увидѣвъ силу ратныхъ Пелгусій, иде противу в. кн. Александра Ярославича, да скажеть ему силу варяжьскую и станы ихъ; обрѣте бо я. Стоящю же ему при краи моря, стрегущю ему обои пути, и пребывъ всю нощь въ бдѣніи, и якоже нача въсходити солнце, и услыша шумъ страшенъ по морю и видѣвъ насадъ единъ гребущъ, посредѣ же насада стояща святая мученика Борисъ и Глѣбъ въ одеждахъ червленыхъ, и бѣста рукы держаща на рамѣхъ, гребци же сѣдяху въ насадѣ яко мьглою одѣни; и рече Борисъ: »брате Глѣбе! вели грести, да поможемъ сроднику своему в. кн. Александру Ярославичю«. Видѣвъ же се Пелгусій таковая вѣдѣнія, и гласъ слыша таковый отъ св. Мученикъ Бориса и Глѣба, стояще трепетомъ въ ужасѣ, дондеже насадъ отъиде отъ очію его: потомъ же поѣха скоро, и срѣте й в. кн. Александръ Ярославичь, онъ же видѣ его радостнымa очима, исповѣда ему единому все якоже видѣ и слыша; великыи же князь отвѣща ему: »сего не рци никомуже, о друже«! Отътолѣ же потщася наѣхати на нихъ, въ 6 часъ дне, и бысть сѣча велика надъ Римляны, и изби множество безчисленное Римлянъ и самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ мечемъ. Здѣ же явишася въ полку в. кн. Александра Ярославича 6 мужь храбрыхъ, иже съ нимъ крѣпко мужьствоваху. Первый именемъ Гаврило Олексичь: сей бо наѣха на шнеку (*судно*), и видѣ королевича мчаща подъ руки, и изъѣха за ними по досцѣ до самаго корабля, по ней схожаху; и текоша въ корабль предъ нимъ, и паки обратишася и свергоша его съ доскы и съ конемъ въ море. Божіею же волею оттолѣ изиде невреженъ; и пакы наѣха, бися крѣпко съ самимъ воеводою посредѣ полку ихъ, и ту убіенъ бысть воевода ихъ Спиридонъ, и бискупъ ихъ убіенъ бысть ту же. Вторый же Новгородецъ именемъ Сбыславъ Якуновичь: сей же наѣхавъ многажды біяшется единѣмъ топоромъ, не имѣя страху въ сердци, нѣколко отъ рукы его наде, и подивишася силѣ его и храбрости. Третій же Яковъ Полочанинъ, ловчей бѣ у князя: си наѣхавъ на полкъ съ мечемъ, и мужьствовавъ крѣпко, и похвали его князь. Четвертый же Новгородецъ именемъ Миша; си же пѣшъ съ дружиною своею натече, и

погуби Римлянъ 3 корабли. Пятый же отъ молодыхъ его нѣкто именемъ Сава: сій же наѣхавъ великый шатеръ златоверхій, подсѣче столпъ ему, шатеръ же падеся, полци же в. кн. Александра Ярославича видѣвше паденіе шатра възрадовашася. Шестый же отъ слугъ его именемъ Ратмиръ: си бися пѣшь, и оступиша его мнози Римляне, и паде отъ многыхъ ранъ, и тако скончася. Си же вся слышахъ отъ господина своего кн. Александра Ярославича, и отъ иныхъ, иже обрѣтошася въ то время въ той сѣчи. Бысть же въ то время чюдо дивно: яко въ древняя дни при Езекіи царѣ, егда приде Сенахиримъ царь асурійскій на Ерусалимъ, хотя плѣнити святый градъ, и внезапу приде ангелъ господень и изби отъ полка асурійска 100 и 80 и 5 тысящь, и въставше утро и обрѣтоша вся трупія мертвыхъ; такоже и при побѣдѣ в. кн. Александра Ярославича, егда побѣди короля объ онъ полъ рѣкы Ижеры, идѣже и не бѣ проходно полку в. кн. Александра Ярославича, и тамо обрѣтошася много множество избіенныхъ отъ ангелъ божіихъ, обрѣтохомъ много трупія избіенныхъ лежаша. Остатокъ же ихъ побѣже посрамлени, а трупія же мертвыхъ своихъ наметаша 3 корабли великыхъ воеводовъ, и потопишася вси на мори, а прочимъ ископаша ямы и вметаша въ нея безчислено, а иніи мнози язвнени быша, и тое нощи побѣгоша; Новгородцевъ же ту паде: Костянтинъ Луготиничь, Юрята Пинящиничь, Намѣстьскій, Дрочило Нѣздиловъ сынъ кожевниковъ, а всѣхъ 20 мужъ паде и съ Ладожаны, или менши, то Богъ вѣсть. Великій же князь Александръ Ярославичь съ Новгородци възвратися съ великою побѣдою, и приде въ Новъгородъ, сохранени вси Богомъ и св. Софіею, хваля и славя св. Троицю, Отца и Сына и св. Духа, аминь.

Въ лѣто 6750 (1242). Поиде в. кн. Александръ съ братомъ своимъ Андрѣемъ, и съ Новогородци и съ Низовци, на Нѣмецкую землю въ силѣ велицѣй, да не хвалятся ркуще: »укоримъ Словѣньскый языкъ, нежели себе«; уже бо бящеть взятъ градъ Пьсковъ, и тіуни ихъ посажени въ градѣ. Великій же князь Александръ зая всѣ пути до Пьскова и изгони градъ, и изыма въ Нѣмци и Чюдь, и намѣстникы нѣмецкыя исковавъ поточи въ Новгородъ, а градъ Псковъ свободи отъ плѣна; а землю ихъ пожже и повоева, и полона много взя, а иныхъ исѣче. Они же гордіи совкупившеся, и рѣша: »поидемъ, погубимъ в. кн. Александра и имемъ его руками«; и егда же приближишася, и почюдишася стражіе в. кн. Александра силѣ нѣмецкой, самъ же в. кн. Александръ Ярославичь поклонися св. Троици, и поиде на землю нѣмецкую, хотя мьстити кровь христіяньскую. Бѣ бо зима въ то время, якоже бысть на земли ихъ, пусти вся полкы своя въ зажитія, а Домашъ Твердиславичь и Керветъ быша въ розгонѣ; и убиша ту Домаша брата посаднича, мужа добра, и иныхъ много избиша съ нимъ, а иныхъ руками яша, а иные прибѣгоша къ в. князю въ полкы. Се же слышавъ местеръ, изиде противу имъ со всѣми бискупы своими и со всѣмъ множествомъ языка ихъ и власти ихъ, что ни есть на сей сторонѣ, и съ помочію королевою, и снидоша на озеро глаголемо Чюдское. Велики же князь Александръ Ярославичь вспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдь поидоша по нихъ, князь же великы постави полкы на озерѣ Чюдьскомъ, на Узмени, у Воронія камени, и укрѣпився силою крестною, ополчився поиде на нихъ; наступиша же озеро Чюдское, бысть же обоихъ множество велми. Отецъ же его в. кн. Ярославъ Всеволодичь прислалъ бѣ ему на помощь брата его меншаго кн. Андрѣя, со множествомъ вой своихъ. Тако бо бяше у кн. в. Александра множество храбрыхъ, якоже древле у Давыда царя сія-

нїи и крѣпціи; такоже воя в. кн. Александра исполнишася духа ратна, бяху бо сердца ихъ акы лвомъ, и рекоша: »о княже нашь честный и драгій! нынѣ приспѣ время положити главы своя за тя«. Великы же князь Александръ, въздѣвъ руцѣ на небо, и рече: »суди, Боже, и разсуди прю мою отъ языка велерѣчива; помози ми, Господи, яко же древле Моисѣеви на Амалика и прадѣду моему в. кн. Ярославу на окаяннаго Святополка«. Бѣ бо тогда день суботный, солнцю всходящю, и съступишася обои полци: Нѣмци же и Чюдь пробишася свинїею (*угломъ*) сквозѣ полкы, и бысть ту сѣча зла и велика Нѣмцамъ и Чюди, и трускъ отъ копей ломленія и звукъ отъ мечнаго сѣченія, якоже морю померзшю двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покрыло бо есть все кровію. Се же слышахъ отъ самовидца, рече ми: яко видѣхъ полкы божія на въздусѣ, пришедше на помощь в. кн. Александру Ярославичю. И побѣдивъ силою божіею, и св. Софіи, и святою мученику Бориса и Глѣба, еюже ради кровь свою проліяша: и даша ратніи плещи своя, и сѣчахуть я гоняще акы по аеру, и не бѣ имъ камо утещи, и биша ихъ на семи верстахъ по леду до Суболичьскаго берега; и паде Нѣмець 500, а Чюди безчисленное множество, а руками няша Нѣмець 50 мужь нарочитыхъ воеводъ, и приведоша я въ Новгородъ, а иныхъ вода потопи, а иніи злѣ язвени отбѣгоша. Бысть же бой сій априля въ 5, на похвалу св. Богородица, на память св. мученика Клавдія; здѣ же прослави Богъ в. кн. Александра предъ всѣми полкы, яко Исуса Навгина у Ерихона. Се же рькли Нѣмци: »имемъ в. кн. Александра руками«; и сихъ ему предасть Богъ въ руцѣ его, и не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогдаже. Възвратившю же ся в. кн. Александру съ славною побѣдою, бяше же полона много въ полку его, ведяхуть бо я подле конь иже именуются ритори (*рыцари*); и якоже приближися в. кн. Александръ къ граду Пскову и срѣтоша его со кресты игумени и попове въ ризахъ и народъ многъ предъ градомъ, поюще славу Господеви и в. кн. Александру Ярославичю: »пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдити иноплеменники и вѣрному князю нашему оружіемъ крестнымъ, свободи градъ Пьсковъ отъ иноязычныхъ и отъ иноплеменникъ рукою в. кн. Александра Ярославича«. О невѣгласи Пьсковичи! аще забудете се и до правнучатъ в. кн. Александра Ярославича, уподобитеся Жидомъ, ихже препита Господь въ пустыни крастелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша благъ Бога своего, изведшаго ихъ изъ работы египетьскія Моисіомъ, се же вамъ глаголю: аще кто пріидетъ и напослѣдокъ рода его великихъ князей, или въ печали пріѣдетъ къ вамъ жити въ Псковъ, а не пріимете его, или не почтите его, наречетеся вторая Жидова. И нача имя слыти в. кн. Александра Ярославича по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжьского и до моря Понтьского, и до моря Хупожьскаго, и до страны Тиверіяскыя, и до горъ Араратьскыхъ, объ ону страну моря Варяжьского и горъ Аравитскихъ даже и до Рима великого; распростра бо ся имя его предъ тмы тмами и предъ тысящи тысящами. И тако пріиде къ Новугороду съ великою побѣдою....

Преставленіе в. кв. Александра Ярославича, внука в. кн. Всеволода. Горе тебѣ, бѣдный человѣче! како можеши написати кончину господина своего в. кн. Александра Ярославича? како не испадета зеници твои вкупѣ со слезами? како ли не разсѣдеся сердце твое отъ многыя тугы? отца бо человѣкъ можеть забыти, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ. Пострада Богови крѣпко. М-тъ же Кириллъ глагола людемъ: »чада моя милая! разумѣйте, яко зайде солнце земли Русьской«; іерея, и діяконы, и

черноризца, ницiи, богатiи, и вси людiе мнозiи вопiяху, глаголюще: »уже погибаемъ«. Святое же тѣло его несоша къ граду Володимерю, м-тъ же Кирилъ съ чиномъ церковнымъ, вкупѣ же князи и бояре, и весь народъ, мали и велицiи, срѣтоша его у Боголюбова съ свѣщами и кандилы; отъ множества народа изъгнѣтаахуся людiе, хотяще прикоснутися честнѣмъ тѣлѣ его, бысть же плачь велiй и кричаніе и туга, якоже нѣсть такова бывала, токмо и земли трястися. Положиша же его въ Володимери, въ церкви въ Рожествѣ св. Богородица м. ноября въ 23 день, на память св. Анфилофія. Бысть тогда чюдо видно, памяти достойно: егда же вложиша тѣло святое его въ раку, икономъ же Севастiянъ м-та Кирила приступилъ и хотѣ разняти руку его, да вложитъ митрополитъ грамоту душевную, онъ же самъ яко живъ сущи, распростеръ руку свою и взя грамоту отъ руки митрополита; пріятъ же я всихъ ужасъ великъ, егда отъ раки отступиша. Се же бысть проповѣдано всѣмъ отъ Кирила м-та и отъ иконома его Савастіяна. Се же слышавше, братіе, кто не дивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущю, привезену отъ дальнихъ мѣстъ во время зимы? тако прослави Богъ угодника своего, иже много тружшеся за землю Русьскую, и за Новъгородъ и за Псковъ, и за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за правовѣрную вѣру.

(*П. Собр. Лѣт. V, 176—179, 180 181, 191*).

См. в. кн. Александръ Ярославичь Невскій. *Бѣляева.* Времен. IV. Изсл. 1—42.

365. Борьба съ Шведами.

а. Того же лѣта (1300) придоша изъ-за морія Свеи, въ силѣ велицѣ, въ Неву, приведоша изъ своеи земли мастеры, изъ великого Рима отъ папы мастеръ приведоша нарочитъ, поставиша городъ надъ Невою, на усть Охты рѣкы, и утвердиша твердостію несказанною, поставиша въ немъ порокы, похвалившеся оканьнiи нарекоша его *Вѣнецъ земли* (Landskrone); бѣ бо съ ними намѣстникъ королевъ, именемъ Маскалка (1); и посадивше въ немъ мужи нарочитыи съ воеводою Стенемъ, и отъидоша, князю вел. тогда не будущю въ Новѣгородѣ.

б. Въ лѣто 6809 (1301). Приде князь вел. Андреи съ полкы низовьскыми, и иде съ Новгородци къ городу тому, и приступиша къ городу м. маія 19, на память св. Патрикія, въ пятокъ предъ сшествіемъ св. Духа, и потягнуша крѣпко; силою св. Софьи и помощью св. Бориса и Глѣба, твердость та ни во чтоже бысть за высокоумье ихъ, зане всуе трудъ ихъ безъ божіа повелѣнія: градъ взятъ бысть, овыхъ избиша и изсѣкоша, а иныхъ извязавше поведоша съ города, а градъ запалиша и разгребоша. А покои, Господи, въ царствіи своемъ душа тѣхъ, иже у города того головы своя положиша за св. Софью... (*I Новг. 67—8*).

в. Въ лѣто 6819 (1311). Ходи князь Дмитрей Романовичь съ Новогородци на нѣмецкую землю, за море на Емъ: и переѣхавше море, первое взяша Купецьскую рѣку, и села пожгоша и въ полонъ поимаша многыхъ, и скоты посѣкоша,—и ту убіенъ бысть Костянтинъ Ильинъ сынъ Станимирова въ загонѣ; и потомъ взяша Черную рѣку и вси села по Черной рѣцѣ повоеваша, и пріидоша къ г. Ванаю, и городъ взяша и пожгоша, а Нѣмци вбѣгоша въ дѣтинець; бѣ градъ той крѣпокъ велми, на камени высоцѣ, не имѣя приступа никуды же; и

(1) Marschalcus—Маршалъ Торкель Кнутсонъ. *Гейера* Geschichte Schwedens. I. 172.

прислаша Нѣмци съ поклономъ къ Новогородцемъ, просячи мира у нихъ, Новогородци же миру имъ не даша, и стояша у града того 3 дни и 3 нощи, волости воююще, и села великая ихъ пожгоша, и обиліе все потравиша, а скота не оставиша ничтоже; и потомъ взяша, идуши назадъ, рѣку Кавгалу и Перну рѣку, и выидоша на море, и пріидоша въ Новъгородъ вси поздорову. (*I Софійс. 205*).

г. Въ лѣто 6830 (1322). Приде князь Юрьи въ Новгородъ, позванъ Новгородци, и повелѣ порокы чинити; тогда же приходиша Нѣмци ратью къ Корѣлскому городку, и не взяша его. Того же лѣта поиде кн. в. Юрьи съ Новгородци къ Выбору, къ городу нѣмецьскому, и бища и 6-ю пороковъ, твердъ бо бѣ, и избиша много Нѣмець въ городѣ, а иныхъ извѣщаша, а иныхъ на Низъ поведоша; и стоявше мѣсяць, приступиша, и не взяша его, но за грѣхи наша, нѣколико мужь добрыхъ паде...

д. Въ лѣто 6831 (1323). Ходиша Новгородци, съ кн. Юрьемъ, и поставиша городъ на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ. Ту же пріѣхавше послы великы отъ Свѣискаго короля, и докончаша миръ вѣчныи съ княземъ и съ Новымъгородомъ, по старои пошлинѣ.

(*I Новг. 72—73*).

366. Договоръ Новгородцевъ съ Шведами 1323 г.

Я в. кн. Юрій съ посадникомъ Ѳромеемъ, тысяцкимъ Авраамомъ и со всѣмъ Новгородомъ заключилъ миръ съ братомъ моимъ, королемъ шведскимъ Магнусомъ Эриксономъ. По этому случаю къ намъ прибыли шведскіе послы: Эрикъ Турсонъ, Геммингъ Одгильсонъ (*а не Эдрислесонъ*), Петръ Іонсонъ, Видемундъ священникъ; съ ними же были голландскіе купцы, Людвигъ и Федверъ,—представители голландскихъ торговцевъ. Мы возобновили вѣчный миръ и цѣловали крестъ. Ради дружбы, в. кн. Юрій, со всѣмъ Новгородомъ, уступили три округа: Саволаксъ, Эскисъ и Эврепе—корельскую часть. Грани и межи идутъ такъ: отъ моря до р. Сестры, отъ Сестры къ Моссенѣ до горы Runetae, далѣе до р. Сая, которая впадаетъ въ Оксенъ, отъ Саи... (1). Потомъ въ Петаіоки и наконецъ на сѣверѣ къ морю. Нашей новгородской области должны принадлежать р. Илевесь съ рыбными ловлями, (половина Ватукиви, половина Самевеси, половина Упелакса, 6-я часть боброваго улова въ Кодевѣ и 6-я часть въ Кунустайнѣ). Все по сю сторону грани принадлежитъ Новгороду. Купцы нѣмецкіе, изъ Любека, Готланда и Швеціи могутъ безпрепятственно пріѣзжать по Невѣ въ Новгородъ, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ. Шведы и граждане Выборга обязаны не задерживать новгородскихъ купцовъ и другихъ лицъ, мирно отправляющихся изъ Россіи въ Швецію или изъ Швеціи въ Россію: въ силу этого договора, они должны пользоваться полною безопасностью. Съ этихъ поръ ни мы, ни вы не должны строить никакихъ крѣпостей въ Кареліи. Должники, поручники, рабы или разбойники, бѣжавшіе къ намъ отъ васъ или отъ насъ къ вамъ, имѣютъ быть поправу выдаваемы. Шведы, равно какъ и граждане выборгскіе, не должны покупать ни земель, ни водъ, лежащихъ въ новгородской Кареліи; къ тому же обязываются

(1) Здѣсь подробно обозначены границы новгородскихъ владѣній на финскомъ сѣверѣ; съ этой стороны грамота имѣетъ большую важность. Изслѣд. о ней *П. Г. Буткова* см. въ Ж. М. Внутр. Д. 1837 г. ч. 23. № 2. 325. Также не мѣшаетъ заглянуть въ Учен. Зап. Казанс. Универс. 1855, кн. 2, 103.

и Новгородцы относительно земли и воды шведской. Въ избѣжаніе розрыва, съ нашей или съ вашей стороны, должно соблюдать заключенный миръ ни въ чемъ не нарушеннымъ. Если же кто изъ насъ или изъ васъ нарушитъ что-либо, тотъ да подвергнется наказанію; нарушитель долженъ исправить свою ошибку по правдѣ божіей. Да будетъ всѣмъ Новгородцамъ миръ, всѣмъ ихъ городамъ и всей землѣ ихъ. В. князь новгородскій со всѣмъ Новгородомъ заключилъ вѣчный миръ съ королемъ шведскимъ и жителями Выборга въ пятницу предъ Успѣніемъ (во вторникъ послѣ Рождества Богородицы). В. князь русскій или Новгородскій обязывается не домогаться королевскихъ земель въ Швеціи, также и король шведскій обязывается не домогаться земель русскихъ и новгородскихъ. Этотъ миръ утвержденъ съ обѣихъ сторонъ крестнымъ цѣлованіемъ. Кто его нарушитъ, тому да отмститъ всемогущій Богъ и св. Дѣва Марія.

(*Antiquités Russes. 1851 г. II, 490—491*).

367. Борьба съ Шведами.

а. Тои же зимы (1337) Корѣла, подведши Нѣмець, побиша Русь, Новогородцевъ много и Ладожанъ гостеи, и кто жилъ Христіянъ въ Корѣлѣ, а сами побѣжали въ нѣметьскій городокъ; и потомъ много посѣкоша христіанъ изъ Нѣмецкаго города...

б. Тои же весны (1338) ходиша Новогородци, съ посадникомъ Ѳеодоромъ, въ Неву, и стояша подъ Орѣховымъ, съсылающеся послы съ воеводою нѣмецкимъ съ Стенемъ, и не бысть миру; но тако възвратишяся Новогородци въ Новъгородъ. Воеваша Нѣмци съ Корѣлою много, по Обонѣжію, послѣдь же и Ладогу пожгоша, пригонивше, посадъ; нъ города не взяша. Потомъ же ходиша молодци новогородстіи съ воеводами, и воеваша Городецкую Корелу нѣмецскую, и много попустошиша земли ихъ, и обиліе пожгоша, и скотъ изсѣкоша; и пріидоша вси здрави, съ полономъ. Того же лѣта приходиша Нѣмци изъ городка воевати на Толъдогу, и оттолѣ идяху на Вотскую землю, и не взяша ничтоже, остерегли бо ся бяху; и пакы вышедше Копорьяне, съ Ѳедоромъ Васильевичемъ, и биша я, и убиша ту Михаила Копорьянина, мужа добра; а подъ Ѳедоромъ конь раниша, нъ самому не бысть пакости; а они вышли бяхуть вмалѣ. Князь же Наримонтъ бяше въ Литвѣ, и много посылаша по него, и онъ не идяше, нъ и сына своего выведе изъ Орѣховаго, именемъ Александра, токмо намѣстникъ свои остави... Тои же зимы прислаша послы изъ Нѣметскаго городка изъ Выбора, о миру, въ Новгородъ, отъ Петрика воеводы, рекуще: »яко князь свѣискіи того не вѣдаетъ, что учинилося розміріе съ Новымъгородомъ, нъ то подъялъ Стень воевода о своемъ умѣ«. Новогородци же послаша Козму Твердиславича и Олександра Борисовича посольствомъ, и привезоша миръ, докончавше по тому миру, что докончали съ в. кн. Юрьемъ въ Невѣ; а про Кобылитьскую Корѣлу послати къ свѣискому князю.

в. Того же лѣта (1329) послаша Новогородци Кузму Твердиславля и Олександра Борисовича, съ другы, а отъ владыкы сестричича его Матвеа, за море, къ свѣискому князю, посольствомъ и нашаша его въ Мурманьскои земли, въ г. въ Людовли, и докончаша миръ по старымъ грамотамъ. А про Корѣлу тако рекоша: »оже къ вамъ наши бѣжать, сѣките ихъ или вѣшайте, или ваши къ намъ; такоже имъ створимъ, дажь не польстять промежу нами; а сихъ не выдадимъ, крещени суть въ нашу вѣру«; а

и безъ того мало ихъ бѣ осталося, а то вси помроша гнѣвомъ божіимъ (*отъ мора*).

(I Новг., 78—79).

368. Борьба съ Нѣмцами

Въ лѣто 6851 (1345), индикта 11 м. маія 26, на память св. апостола Карпа, нагадавшеся Псковичи съ Изборяны, подъяша всю область псковскую и поѣхаша воевати земли нѣмецкія о князи Иванѣ, и о изборскомъ князи Остафьи, и о посадникѣ Володшѣ, и воеваше села нѣмецкая около Медвѣжьѣ Головѣ 5 дней и 5 ночей, не слазячи съ коней, гдѣ то не бывали отцы и дѣды, и поѣхаше Псковичи во Псковъ съ многимъ полономъ. А Нѣмци скопивше силу, ополчився погнаша въ слѣдъ Псковичь, хотяще яти руками князя Остафья и Ивана, лютой смерти предати, а мужи Псковичи мечи изсѣчи; и надгониша Псковичи за 2 поприща (*версты*) не доѣхавше Нового городка нѣмецкаго, на Маломъ Борку, на тѣсни. И сташа Псковичи боеви, помолившеся св. Троици и Всеволожи молитвѣ и Тимофѣевѣ, и взяша прощеніе промежи себе и ркоша: »братья мужи Псковичи! не посрамимъ отець своихъ и дѣдовъ, кто старъ, то отець, а кто младъ то братъ; се же, братья, предлежитъ намъ животъ и смерть; потягнемъ за св. Троицу и за св. церкви, за свое отечество«. И бысть бо сѣча велика Плесковичамъ съ Нѣмци, м. іюня въ 1, на память св. мученика Іустина Философа, въ самый Троицынъ день, и на первомъ ступѣ убиша кюра Костянтиновича, и Кормана Постника, и Онтона сына посадница Ильина и инѣхъ Псковичь; и Богъ поможе мужемъ Псковичемъ и Изборяномъ, посѣкоша Нѣмець помощью св. Троица и молитвою кн. Всеволода и Тимофѣя, овыхъ побиша, а иніи прочь побѣгоша посрамлени. И сташа Псковичи на костехъ, и убиша Псковичь на томъ бою 17 человѣкъ, а иніи Псковичи безсоніемъ одурѣли старыя и молодыя, и тако блудячи по лѣсу много ихъ погибло; а иные послѣ рати вышли. А коли Псковичи ступишася съ Нѣмци битися, а въ то время Руда попъ Борисоглѣбскій, Лошаковъ внукъ, пригнавъ въ Изборескъ и повѣда имъ лихую вѣсть: »всѣхъ Псковичь и и Изборянъ побили«; такоже и во Псковъ пришедъ тую же вѣсть повѣда: »Псковичь всѣхъ побили и Изборянъ«. И бысть во Псковѣ плачь великъ и кричаніе, якоже не бывало николиже такого плача. И Псковичи отрядиша гонцемъ въ Новгородъ Ѳому попа, старосту поповского: »Псковичи всѣ побиты, а вы, Новогородцы братья наша, поѣдьте наборзѣ, загоните Псковъ перво Нѣмець, оже Нѣмци не загонять«. И не поемше вѣры Рудинѣ рѣчи, не отпускаючи попа въ Новгородъ, послаша въ Изборескъ увѣдывать на Псковичь Якова Домашинича, Андрея Степановича, Жидила Шестковича; и пріѣхаше въ Изборескъ, оже Псковичи подъ Изборскомъ въ станахъ стоятъ, опочиваючи, и въ томъ часѣ послаша во Псковъ вѣсть добру, и бысть радость и веселіе въ градѣ Псковѣ. И потомъ сами пріѣхаше, князь и посадникъ и Псковичи, во Псковъ къ св. Троици.

(П. С. Лѣт. IV, 189).

369. О королѣ Магнусѣ.

Въ лѣто 6856 (1348). Магнушь, король Свѣйской земли, прислалъ къ Новогородцемъ, рекъ: »пошлѣте на съѣздъ свои философъ, азъ послю свои философъ, дажь поговорять про вѣру; а азъ то хощу слышеть, коя будеть вѣра лучши: а иже ваша будеть вѣра лучши, ино азъ иду въ

вашу вѣру, или пакы аще наша вѣра лучши, и вы поидѣте въ нашу вѣру, и будемъ вси за единъ человѣкъ; или не поидете въ единачьство, и азъ хощу ити на васъ, съ всею моею силою. Владыка же Василій, и посадникъ Ѳеодоръ Даниловичь, и тысяцкои Абрамъ, и вси новогородци, погадавше отвѣщаша Магнушу: »аще хощеши увѣдати, кая вѣра лучши, наша ли, или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху, зане мы приняли отъ Грець правовѣрную вѣру, а съ тобою ся не спираемъ про вѣру; а кая будеть обида межю нами, а о томъ шлемь къ тебѣ на съѣздъ«.—И послаша Новогородци къ Магнушу Абрама тысяцского, Кузму Твердиславля и иныхъ бояръ. Абрамъ же, съ своими друзи, пріиде въ Орѣховець и хотѣ поити къ Магнушу, а Магнушь тогда былъ въ Березовомъ островѣ, съ всею своею силою. Орѣховци же биша челомъ Абраму, чтобы не ходилъ отъ нихъ изъ городка; и поиде къ Магнушу Кузма Твердиславль съ другы. Магнушь же отвѣчалъ Кузмѣ: »обиды ми съ вами нѣту никоеи«—но сице рче имъ: »поидѣте въ мою вѣру, а не поидете, иду на васъ съ всею моею силою«—и отпусти Кузму съ другы. И абіе дошедши Орѣховца, затворишася въ городкѣ вси, а Магнушь бяше приступль къ городку ратію, съ всею своею силою; а Ижеру почалъ крестити въ свою вѣру, а кои не крестятся, а на тѣхъ рать пустилъ. Слышавши же Новогородци, яко уже король рать отпустилъ на Ижеру, послаша противу нихъ Онцифора Лукинича, Якова Хотова, Михайлу Ѳефилатова, съ малою дружиною. Молитвами же св. Богородица, и св. Софѣа пособіемъ, и св. мученикъ Бориса и Глѣба помощію, Богъ пособи Онцифору: избиша нѣмцевъ 500, а иныхъ живыхъ изымаша, а перевѣтьниковъ казниша; и пріидоша въ Новъговодъ вси здрави, развѣ 3 человѣкы убиша Новогородцевъ. Посадникъ же Феодоръ Даниловичь, и намѣстници князя в., и вси Новогородци, и Плесковичь немного, и Новотръжци, и вся волость Новогородскаа, поидоша въ Ладогу, а къ князю Семену Ив. послаша послы, а рекъ тако: »поиди, княже, къ намъ боронити своеа отчины, яко идеть на насъ король свѣискій, на крестное цѣлованіе«; великіи же князь Семенъ отвѣщалъ Новогородцемъ: »радъ, иду къ вамъ«. Медливъ же князь долго, поиде въ Новъгородъ; отшедши же отъ Тръжку до Ситна, и възвратися назадъ на Москву, а въ Новъгородъ посла брата своего Ивана; князь же Иванъ пришедши въ Новгородъ, нъ не поидяше къ Новогородцемъ въ Ладогу. Въ то же время Магнушь король взя Орѣховець, на Спасовъ день; Абрама же и Кузму и иныхъ бояръ 8 взялъ къ себѣ, а иныхъ всѣхъ пустилъ изъ городка, а самъ поиде прочь отъ городка, а въ Орѣховцѣ оставивъ рать. Князь же Иванъ слышавъ, яко взяша Нѣмци Орѣховець, и поидяше изъ Новагорода назадь, не пріявъ владычьня благословеніа и новогородскаго челобитіа,—и Новогородци поидоша изъ Ладогы и сташа у Орѣховца.

(I Новг. 83—84).

370. Рукописаніе Магнуша короля свѣйскаго.

Въ лѣто 6860 (1352). Се азъ Магнушь король свѣйскый, нареченый въ св. крещеніи Григорій, отходя сего свѣта, пишу рукописаніе при своемъ животѣ, а приказываю своимъ дѣтемъ, и своей братіи, и всей земли Свѣйской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, занеже намъ не пособляется. Первіе сего подъялся местерь Белгерь и вшелъ въ Неву, и срѣте его кн. в. Александръ Ярославичь на Ижерѣ рѣцѣ, и самого прогна, а рать его поби. И потомъ братъ мой Маскалка, вшедъ въ Неву, городъ

постави на Охтѣ рѣцѣ и намѣстникы своя посади со множествомъ Нѣмець, а самъ поиде за море; и пришедъ в. кн. Андрѣй Александровичь городъ взя, а намыстникы и Нѣмець поби. И потомъ было намъ розмиріе съ Русію 40 лѣтъ; и потомъ за 40 лѣтъ съ в. кн. Юріемъ Даниловичемъ взяли есмы миръ вѣчный на Невѣ, земли есмя и водѣ учинили роздѣлъ, кому чимъ владѣти, и грамоты есмя попысали и попечатали. И потомъ за 30 лѣтъ язъ Магнушь король того не порядя, поднялся есмь со всею землею Свѣйскою, и вшедъ въ Неву, взяхъ городъ Орѣховъ и намѣстникы свои есмь въ городѣ посадилъ, а съ ними нѣколико силы моея оставихъ, а самъ есмь пошелъ за море; и потомъ Новгородци пришедъ городъ свой взяли, а моихъ намѣстниковъ и Нѣмець побили, которые были въ городѣ. И язъ того не порядя, за одинъ годъ, опять пошелъ къ Орѣхову со всею Свѣйскою землею; и срѣте мя вѣсть, что Новгородци подъ Орѣховцемъ, и язъ опять пошелъ подъ Копорію, и подъ Копоріею есмь ночевалъ. И пріиде ко мнѣ вѣсть: Новгородци на укрѣ (*на краѣ*) земли, и язъ то слышавъ побѣглъ за море, ино въ валу парусовъ не знати (1), вста буря сильна, и потопи рати моее много на усть Неровы рѣкы; и пошелъ есмь въ землю свою съ останкомъ рати. И отъ того времяни наиде на нашу землю Свѣйскую погибель, потопъ, моръ, голодъ и сѣча межи собою. У самого у мене отъя Богъ умъ, и сѣдѣхъ въ полатѣ прикованъ годъ чепію желѣзною и задѣланъ есмь былъ въ полатѣ; и потомъ пріѣха сынъ мой Сакунъ изъ Мурманьскіе (*Нормандской, Скандинавской*) земли, и выня мя изъ полаты, и везе въ свою землю Мурманьскую. И удари на мене опять потопъ, корабли мои и люди мои истопи вѣтръ, а самъ створихся плавая на днѣ корабленомъ, *исторцьнемъ* пригвоздихся 3 дни и 3 нощи; и по божію повелѣнію, принесе мя вѣтръ подъ монастырь св. Спаса въ Полную рѣку, и сняху мя съ доскы черноцы, и внесоша мя въ монастырь и постригоша мя въ черньци и въ скиму, и сътвори мя Господь жива 3 дни и 3 нощи; а все то мене Богъ казнилъ за мое высокоуміе, что есмь наступалъ на Русь, а на крестномъ цѣлованіи. А нынѣ приказываю своимъ дѣтемъ и своей братіи: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ, и огонь и вода, имже мене казнилъ, а все ми створилъ то Богъ къ моему спасенію.

(*П. С. Лѣт. V*, 227).

Характеръ Норманновъ и морскія ихъ набѣги. Перев. изъ сочин. Деринга: Histoire des expédixions maritimes des Normands etc. Paris. 1826. Сѣверн. Архивъ ч. 22 № 14 и 15. с. 184. ч. 23, № 17 и 18. с. 3. № 19 и 20. с. 261. ч. 24, № 21 и 22, с. 60. См. Ист. Шведс. Госуд. Олофа Далина, перев. съ Шведскаго 1805 г. Борьба съ Шведами и Тевтонскимъ орденомъ. Н. И. Костомарова Сѣверно рус. народопр. I, 329—394. Погодина Норманскій періодъ древ. Руси и его же Лекціи, замѣч. О Варягахъ *Байера* въ перев. *К. Кондратовича*. Спб. 1767.

371. Борьба съ Нѣмцами.

а. Въ лѣто 6877 (1369). Пріидоша Нѣмцы ко Изборску ратью въ силѣ велицѣ, со многимъ запасомъ замышленій своихъ, съ порокы великими и съ грады и затворы, наричающе *раннымъ*, хупучися (*отъ сл. хапать*) безбожніи на домъ св. Николы (*соборную церковь*), хотя взяти градъ; и стояша 18 дней, порокы шибаючи во градъ, възгради привлачающеся, сами о стѣну толкуще, и много безумніи всуе трудишася, не могоша зла ничтоже сотворити, Богъ бо хряняше градъ отъ супротивныхъ супо-

(1) Невидно парусовъ отъ высокихъ волнъ.

статъ иноплеменныхъ Нѣмець; тогда же и Новогородцы пріѣхаша въ пособіе къ Пскову, то же слышавше и видѣвше Нѣмци, побѣгоша отъ Изборска прочь и запасъ свой весь повергоша. Потомъ, на другое лѣто, пріидоша Нѣмци ко Пскову и стояша 3 дни на двѣ ночи, и поидоша во свою землю, а ничтоже не вземше; тогда же убиша Нѣмци за Псковою на поли нѣколико мужей Псковичь, Якима Троидилова внука, Артемья діаконова брата, а Лутѣ Писоломиници живого емше, поведоша во свою землю, но тамо его затравили (*собаками?*). На зиму пріѣхавше Новогородцы ко Псковичемъ въ пособіе, и пріидоша къ Новому городку, и не поидоша отъ городка въ Нѣмецкую землю; но възвратилися оттуду взадъ, а Псковичемъ не учиниша пособья ни мало. А съ того же розратья Псковичи ѣхавше, съ божіимъ пособіемъ, взяша городъ Нѣмецкій Кирьпигу и пожгоша, а много полона взяша, а Нѣмець овыхъ избиша, а иніи въ погребехъ запечатавшеся подхоша (*подохли*) зноемъ, аки свинія погорѣша; а Псковичи пріѣхаша со множествомъ полона. Тоже бысть Псковичемъ Богомъ дарована война; а то розратье бысть съ Нѣмци *про Жолчь* обида много время, али по 5 лѣтъ, много же нужно (*нужды, скорби*) бяше людемъ тогда и болѣзньми и моромъ, и бѣды ратныя, и всѣхъ настоящихъ на ны золъ за грѣхи наша. Тогда же и миръ Псковичи съ Нѣмци взяша. (*I Псковс. 192—193*).

б. Въ лѣто 6956 (1448). Князь Александръ Васильевичь съ мужи Новогородци поиде противу князя Ризскаго местера (*магистра ордена*), и противъ короля прусскаго, и противъ короля свейскаго Карла, и сташа Новогородци на Норовѣ со княземъ Александромъ, біющеся черезъ Норову рѣку съ погаными Нѣмци; и пособи Богъ и св. Софѣя премудрость божія мужемъ Новогородцемъ, и побиша много поганыхъ Нѣмець, а иныхъ на мори въ бусахъ (*судахъ*) много побиша, а иніи истопоша въ мори, а иныхъ руками поимаша 84, а съ ними два князя нѣмецкая яша, и много добытка добыша, молитвами благовѣрныхъ князей; а иныхъ подъ Ямою городкомъ (*Ямбургомъ*) побиша князь Василей Висильевичь (*суздальскій*) съ мужи Новгородци...

в. Въ лѣто 6957 (1449). Послаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ, на Норову рѣку, подлѣ новогородцкихъ пословъ, и докончаша миръ, по благословенію архіепископа В. Новгорода и Пскова владыцѣ Еуѳимія: взяша миръ на полтретьядцать (25) лѣтъ съ княземъ местеромъ ризскымъ и съ его князьми, такоже и съ пискупомъ юрьевскымъ и съ юрьевичи (*жителями Дерпта*). А что отняли бяше Юрьевци старинъ псковскихъ много, и милостію св. Троица и молитвою благовѣрныхъ князей, они поганіи возвратиша съ студомъ и срамомъ вся старины псковскія ко Пскову, а докончаша той миръ на Успеніе св. Богородица. (*I Псковс. 213—214*).

372. О томъ же.

а. Въ лѣто 6967 (1459). Князь Александръ Васильевичь и посадники псковскіи, съ мужи Псковичи, ѣхавше на землю св. Троица (*т. е. Псковскую, п. ч. соборный храмъ во Псковѣ былъ во имя св. Троицы, какъ въ Новгородѣ—во имя св. Софіи*) на Озолицу и на Желачкѣ сѣно покосиша и ловцомъ своимъ повелѣша рыбы ловити по старинѣ; и церковь поставиша во имя св. архистр. Михаила, и Чюдь на Рожкинѣ повѣсиша... Того же лѣта въ вел. постъ, поганая Латиня изгонивше изгоною, и не вѣруя въ крестное цѣлованіе, на то обидное мѣсто на Озолицу, на землю св. Троица, и церковь св. Миха-

ила сожгоша и 9 человѣкъ. Въ тоже время, на тоже мѣсто, князь псковскій Александръ Вас. съ посадники псковскими и со Псковичи ѣхавше въ насадѣхъ (*большихъ судахъ*) и въ лодьяхъ на Озолицу и шедше въ Нѣмецкую землю, такоже много мужей и женъ пожгоша, и месть мстиша за тыя головы неповинныя. Того же лѣта за мало время, ѣхавше Нѣмцы въ снекахъ (*судахъ*) и въ лодьяхъ во Псковскую землю въ Норову рѣку, и насаду псковскую у ловцовъ отъяша съ пущичами и со всѣмъ запасомъ ратнымъ и въ Березской волости 42 двора выжгоша, а людей Богъ ублюде...

б. Въ лѣто 6968 (1460). Тоя же осени пріѣха посолъ отъ Новагорода во Псковъ, посадникъ Карпъ Савиничь и съ нимъ дружина его, по челобитью нѣмецкому и по ихъ сроку, и поѣха князь Александръ Вас. и посадникъ Новгородскій, и посадники псковскіи, и бояре изо всѣхъ концевъ на Озолицу и на Желачко на обидное мѣсто, и досмотрѣли того мѣста обидного, а тое земля и вода св. Троица. И поганіи Нѣмцы, познавше свою вину, не сташа на то обидное мѣсто на свой срокъ, и князь псковскій Алелсандръ Вас. и посадникъ новгородскій и посадники псковскіи и бояре много ждавше поганыхъ на то мѣсто, и отъѣхаша прочь. Тое же зимы въ Рожественское говѣнье, князь псковскій съ посадники съ Псковичи, ѣхавше въ Нѣмецкую землю, и много шкоты учинили, повоевали землю Нѣмецкую на 70 верстъ, и 3 нощи ночеваша въ Нѣмецкой земли и много живота (*пожитковъ*) пограбиша и погостовъ нѣмецкихъ много пожгоша, и божницу велику выжгоша, и крестъ съ божницы взяша и 4 колоколы сняша, и попа нѣмецкаго поимаша и головъ нѣмецкихъ много поимаша, а все то—и животъ и животину и головы провадиша ко Пскову; а Псковичь всѣхъ ублюде Богъ и св. Троица, не единъ человѣкъ не погибль; а тую месть мьстили Псковичи, что на Норовѣ поганіи новоевали и въ Березской волости что пожгли.

Того же лѣта м. генваря 20 день на память св. и препод. и богоносиаго Еуѳимія Великаго, князь Василей Висильевичь пріѣха съ Москвы въ свою отчину въ В. Новгородъ съ своими сыны, съ княземъ Юрьемъ и Андрѣемъ, о всѣхъ своихъ управахъ; и услышавше Псковичи князя великаго въ Новгородѣ, и послаша пословъ своихъ въ В. Новгородъ, Юрья посадника Тимофеевича, Максима Ларивоновича и бояръ изо всѣхъ концевъ, и дана Псковичи на дарове князю вел. 50 рублевъ. И повелѣша имъ бити челомъ господину и государю в. князю Василью Вас. о жалованіи и о печалованіи своея отчинѣ, мужей Пековичь добровольныхъ людей, что »есмя прюбижени отъ поганыхъ Нѣмець, и водою и землею и головами, и церкви божія пожжени отъ поганыхъ на миру и на крестномъ цѣлованіи«; и потомъ биша челомъ князю вел. о князи Александрѣ Вас., чтобъ »ему быти отъ тебе намѣстникомъ, а во Псковѣ княземъ«. Князь вел. отвѣща сице: »азъ васъ, свою отчину, хощу жаловати и боронити отъ поганыхъ, якоже отцы наши и дѣды наши князи великіи; а что мнѣ повѣстуете о князи Александрѣ Черторискомъ, и о томъ васъ свою отчину жалую: аже толко поцѣлуетъ животворящей крестъ князь Александръ ко мнѣ къ в. князю и къ моимъ дѣтемъ къ в. княземъ, что ему зла на насъ не хотѣти, ни мыслити, ино буди вамъ князь, а отъ мене и намѣстникъ«. И услышавъ князь Александръ отвѣтъ князя в., и не въсхотѣ цѣловати къ нему, ни къ его дѣтемъ и молвилъ: »не слуга—де язъ в. князю, и не буди цѣлованіе ваше на мнѣ и мое на васъ; коли—де учнутъ Псковичи соколомъ вороны имать, ино тогда—де и мене Чертороиского воспомянете«,—и попрощався на вѣчѣ,—»язъ—де вамъ не князь«; а дво-

ра его кованой рати боевыхъ людей 300 человѣкъ, опричь конновыхъ,—и поѣха изо Пскова; а Псковичи ему много биша челомъ, чтобы ся осталъ и онъ поѣха въ Литву, а псковскаго челобитья не пріятъ, м. февраля въ 10, на память св. мученика Харлампія...

в) Въ лѣто 6969 (1461). Пріѣхаша нѣмецкіи послове, судья великій отъ арцыбискупа ризскаго и отъ юрьевскаго пискупа и отъ всея нѣмецкія земли въ В. Новгородъ ко владыцѣ Іонѣ и къ посадникомъ новгородскимъ и ко всему В. Новогороду бити челомъ послу в. кн. Василья Вас. и мужемъ Новогородцемъ, также и псковскому послу посаднику Зеновью Михайловичю, о перемирьи... И князь в. Василей Вас. поволилъ В. Новугороду и Пскову дати перемирье на ту 5 лѣтъ. И кн. местера ризскаго послы и юрьевскіе послы, на томъ перемирьѣ въ В. Новѣгородѣ и крестъ цѣловаша, также и послы псковскія; а въ ту 5 лѣтъ на спорномъ мѣстѣ ловити Псковичемъ къ своему берегу, а Юрьевцомъ и пискупу къ своему берегу. И пріѣхавше изъ Новагорода во Псковъ послы нѣмецкія, и также цѣловаша крестъ во Псковѣ по князя вел. докончанію; и еще отъ Пскова предъ ними также крестъ цѣловаша судьи псковскія и соцкіи, что на томъ перемирьи списаны грамоты и печати прикладены, что тое перемирье держати крѣпко въ ту 5 лѣтъ.

(*I Псковс. 218—219. 230*).

373. Ятвяги.

а) Въ 6491 (983). Ходилъ Владиміръ на Ятвягъ, и побѣдя ихъ, покоря землю себѣ, возвратился къ Кіеву, и творя жертвы кумірамъ съ людьми своими, приносяся имъ отъ людей плѣненныхъ и скотовъ множество...

Ятвежи, Ятьячи, Язиги, единое есть, народъ сарматской, весьма жестокосердой и военной, съ Литвою единъ языкъ имѣли, издревле обитали они по Дунаю, и распространялись до Чернаго моря. Ихъ географы раздѣляли тремя званіи, яко Язиги Метанасты. Язиги Сарматы и Язиги Базилеи: первые жили вверхъ по Дунаю и р. Тейсѣ при границахъ Венгровъ, другіе по Черному морю названы Сарматы, третьи Базилеи, по сказанію Плиніа (*кн. 4 гл. 12*), жили при Меотическомъ озерѣ по р. Геррусу, и сіи знатно перешедъ поселились въ Литвѣ и въ Подляшіи по Бугу, (*о чемъ Плиній кн. 4, гл. 12, Птоломей кн. 3, гл. 7, Овидій въ стихахъ*). Другіе просто Язиги были Вязи близъ Евфрата, потомъ Язиды, послѣди Курди въ Дагистани именованы и доднесь знаеми (*Лексиконъ историческій и Стрыковскій*). Сіи, о которыхъ сказуется, жили около Буга, что нынѣ Подляшіе и Брестъ литовская. Историки польскіе Кромеръ, Бѣльскій, Стрыковскій и пр. согласно сказуютъ о нихъ, что никто съ бою бѣжать или въ плѣнъ живъ отдаться не хотѣлъ, но съ женами въ бояхъ охотно умирали,—и для того въ одной несчастливой имъ битвѣ въ 1264 г. отъ Болеслава Стыдливаго такъ побиты, что и памяти ихъ не осталось. (*Ист. Рос. В. Н. Татищева; М. 1775. II, 62 и прим. 167*).

б) Въ лѣто 6764 (1256). Поиде Данило на Ятвязѣ съ братомъ, и сыномъ Львомъ и съ Шварномъ младу сущу ему, и посла по Романа въ Новгородокъ. И пріиде къ нему Романъ, со всѣми Новгородци и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и со Изяславомъ со Вислочьскымъ, и со сеѣ стороны приде Сомовитъ со Мазовшаны, и помочь отъ Болеслава со Судимирци и Краковляны; и бысть рать велика, якоже наполнити болота Ятвяжьская полкомъ. Сотворивше же съвѣтъ вси князи рустіи и лядьстіи, и рѣша мужи браньни: »ты еси король, голова всимъ полкомъ; аще насъ послеши напередъ кого, не послушно есть вѣси бо ты воинскій чинъ, на ратехъ обычай ти есть, и всякый ся тебе устрамить и убоится; изъиде самъ напередъ«. Данилъ же изрядивъ полкы, кому полкомъ ходити самъ изыде напередъ и стрѣльцѣ же пусти напередъ, а другія обаполы дорогы; дворьскому же повелѣ за собою ходити, самъ же ѣха въ малѣ от-

рокъ оружныхъ. Ѣдущу же ему, и пріѣха къ нему сынъ Левъ одинъ, и рече ему: »яко никто съ тобою нѣсть, азъ же ѣду съ тобою«; рече король ему: »буди тако« и идяше путемъ своимъ. Анкадъ же вожь ему бѣ и обѣща ему, да село его непожьжено будеть. И пріѣха къ нему Романъ сынъ одинъ. И пріѣхавъ же ко вси, рекомѣй Болдикища, посла Лва съ братомъ, Левъ же тихо объѣхавъ село, исѣче всѣ, одинаго же приведе; король же упроси его; одному же рекьщу: яко »во вси рекомѣй Привища, собралися суть Ятвязи«, слышавъ король, посла отрока Андрѣя, рекый дворьскому: »аще узриши насъ погнавшихъ, скорѣе по насъ пожени и роспусти полкъ, якоже кто можетъ гнати«. Василкови же князю инѣмъ полкомъ рекшу, да поидутъ тихо на грунахъ, и своему полку такоже; оному же молоду сущу, и цакы слово рекшу, запрети дворьскому не распустити людій и удержати полкъ. Одиному же Ятвяжину гоньзнувшу изъ весцѣ Олыдикищь, онѣмъ же оружившимся, стрѣтоша стрѣлци конецъ вси, рекомѣй Привища, и возгнаша и. Данило же и Левъ тоснущася къ нимъ, кликоста великимъ гласомъ: «бѣжъ, бѣжъ»! Ятвяземъ же видившимъ скорое пришествіе, и нестерпѣша и увратишася набѣгъ; бывшимъ же имъ средѣ вси, цакы возвернушася. Данилови же и Львови одинако належащима на нѣ и вергшимъ сулицами, и цакы навратишася на бѣгъ. Стрѣлцемъ же стрѣляющимъ, оружникомъ же небывшимъ съ ними, прибѣгъшимъ же имъ къ воротомъ и сматшимся, и прибѣгшимъ же у ворота, друзіи же навернушася, многимъ же лѣтѣвшимъ другъ на друга, бѣ бо ледъ ползокъ; Данило же и Левъ вборзѣ скочиста на нѣ воротъ, они же побѣгоша и цакы не вратишася. И бысть милость велика надъ королемъ, во день тъи, и надъ воими его, яко въ селицѣ дружинѣ побѣдивъ горды Ятвязѣ, и Злиньци, и Крисменцѣ, и Покѣнцѣ; якоже пишеть во книгахъ: нѣсть въ силѣ брань, но въ Бозѣ стоить побѣда. Хотящю же королеви далече гонити, по нихъ ити, и возбрани ему Левъ, рекы: »пошли мене по нихъ«; отець же не пусти его. Одинъ же воинъ управи десьницю свою, изъемъ рогтичю изъ пояса своего, далече вергъ, сразн князя ятвяжьского съ коня своего, и летящу ему до землѣ изыде душа его со кровью во адъ. Данилови же и Львови онѣхъ вяжюще, иныя же изъ хвороста ведущу, сѣцахуть я. И пріиде дворьскый съ полкомъ, Данилу же королеви рекшу ему: »злѣ створилъ еси«. дворьскому же отвѣщавшу: »не язъ, не хотѣніе мое, но злое ны створилъ посолъ, не изнесъ слова права намъ«. Потомъ же король и Левъ изоима колодникы и возвратися къ Василкови и Семевитови, и срѣтшимся имъ, и бысть радость велика о погибели поганьской; и жьжаху домы ихъ и плѣняху села ихъ. Ставши на Правищихъ на ночь и поимавши же имѣнія ихъ, пожгоша домы ихъ. Наутрѣя же поидоша плѣняюще землю и жгуще: зажгоша Таисевиче, и Буряля, и Раймоче, и Комата, и Дора, и грады плѣняхуть и паче домъ Стекинтовъ зажгоша, и сташа на селѣ Корковичихъ; и пристраньно бѣ, яко селицѣмъ воемъ множьствомъ насытитися, конемъ и самѣмъ, на дву двору, яко не возмогоша поясти сами и конѣ ихъ, прокъ же пожгоша. Наутрѣя же пріѣха отъ Ятьвязь Юндилъ, рекшу ему сице: »Данило добру дружину держиши и велици полци твои«.

Наутрѣя же поидоша плѣняюще и жгуще землю ихъ, и небысть пакости воихъ ихъ, якоже иногда храбріи бѣаху, вложи Богъ страхъ во сердце ихъ. Тоя же нощи ста на болотѣхъ во островѣхъ; наутрѣа же пріѣхаша Ятвязѣ дающе таль (*заложниковъ*) и миръ, молящеся, дабы не избилъ колодниковъ. Потомъ же божьею милостью приде въ землю свою со честью и славою, одолѣвъ ворогомъ своимъ,

Хотящу же ему пакы изыти на нѣ на брань и сбирающу воя, увѣдавше же Ятвязи се, послаша послы своя, и дѣти своя и дань даша, и обѣщевахуся работѣ быти ему и городы рубити землѣ своей. (*Ипат. 192—4*).

в) Въ лѣто 6765 (1257). Данило посла Коснятина, рекомаго Положишила, да побереть на нихъ дань; ѣхавъ же Коснятинъ поима на нихъ дань, черныя куны и бѣль сребро; и вдасть ему изъ дани ятвяжьской даръ Сигиѣву воеводѣ, послушьства ради, да увѣсть вся земля Лядьская, яко дань платити суть Ятвязи королеви Данилу, сынови в. кн. Романа. По великомъ бо князѣ Романѣ никтоже не бѣ воевалъ на нѣ въ русскихъ князихъ, развѣе сына его Данила, Богомъ же дана ему дань, послушьство створи Лядьскою землею, сирѣчь во память дѣтемъ своимъ, яко отъ Бога мужьство ему показавшу; якоже премудрый хроногравъ списа, якоже добродѣянья въ вѣкы святяться... (*Ипат. 194*).

374. Отношенія Русскихъ къ Ятвягамъ.

а) Въ (1273) сдумавше князи пойти на Ятвязи, приспѣвши же зимѣ сами князи неидоша, но послаша воеводы своя ратію: Левъ же посла со своею ратью Андрея Путивлича, а Володимеръ посла со своею ратью Желислава, а Мстиславъ посла со своею ратью Володъслава Ломоносаго; ходивше же и взяша Злину, Ятвяземъ же собравшимся и не смѣша битися съ ними, и тако придоша съ побѣдою и честью великою ко своимъ княземъ. И посемъ пріѣхаша князи ятвяжьсціи, Минтеля, Шюрпа, Мудѣйко, Пестило, ко Львови и Володимерови и Мьстиславу, мира просяче собѣ; они же одва даша имъ миръ, и ради быша Ятвязѣ о мирѣ и тако поѣхаша во свою землю. (*Ипат. 205*).

б) Въ лѣто 6787 (1279). Голодъ бысть по всей землѣ и въ Руси, и въ Ляхохъ, и въ Литвѣ, и въ Ятвязѣхъ. По семъ же Ятвязѣ прислаша послы своя къ Володимерови, тако рекуче: »господине княже Володимере! пріѣхали есмя къ тобѣ ото всихъ Ятвязь, надѣючесь на Богъ и на твое здоровіе; господине, не помори насъ, но перекорми насъ собѣ; попли, господине, къ намъ жито свое продаять, а мы ради купимъ: чего восхочешь, воску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы«. — Володимеръ же изъ Берестья посла къ нимъ жито въ лодьяхъ по Бугу, съ людьми съ добрыми, кому вѣря. Идущимъ же имъ по Бугу, и тако возіидоша на Наровь и поидоша по Нарови и пріидоша подъ городъ подъ Полтовескъ, ту же сташа на нощь опочивать собѣ; и тако избити быша вси подъ городомъ, въ ночь; жито поимаша, а лодья потопиша. Володимеръ же искашеть сего велми, хотя увѣдати, кто се учинилъ, а ко Кондратови брату своему слашеть, тако река ему: »подъ твоимъ городомъ избиты мое людье, любо твоимъ повелѣніемъ или иного, ты вѣдаеши во твоей землѣ; повѣжь«. Кондратъ же запрѣся: »я не избивалъ, а иного не вѣдаю, кто избилъ«! Олны же повѣдѣ Володимеру уй его, князь Болѣславъ, на сыновца своего на Кондрата, тако река: »безъ лѣпа ти ся прить, а самъ ти избилъ твои люди«; тогда Болеславъ въ нелюбіи живяше со сыновцемъ своимъ Кондратомъ; Болеславъ же рѣче Володимерови: »увѣдайся съ нимъ, великъ бо соромъ возложилъ на тя; а сложи съ себе соромъ свой«. Володимеръ же посла на Кондрата рать свою, и воеваша по сей сторонѣ Вислы, и взяша полона много. По семъ же Кондратъ присла ко брату своему Володимеру, мира хотя съ нимъ; Володимеръ умирися, и начаста быти во велицѣ любви. Володимеръ же и челять ему вороти, што была рать повоевала... (*Ипат. 207—208*).

6. Л И Т В А.

375. Литовскія вѣрованія: »Оуказъ же поганской прельсти сице, иже Совия богомъ нарицаютъ».

а) *Совій* бѣ человѣкъ. Оуловившю емоу дивий вепрь, иземше из него 9 слезениць и въдасть ей (?) испечи роженымъ отъ него. Онѣмъ же изъѣдшимъ е́, разнѣвався на рождьшихъся отъ него, покушашеся снити во адъ. Осмерыми враты не възмогъ, девятыми хотѣніе свое оуполоучивъ. Роженымъ отъ него́, рекше сыномъ, братіи же его негодовавшимъ на нь, испросися оу нихъ дошедъ възыщю отца своего,—и пріиде въ адъ. Отцю же вечерявшю с нимъ, сътвори емоу ложе и погребе и̂ въ земли. На оутріе въпроси его въставшима: «добро ли покоище имѣ«?—Ономоу же възпившу: охъ, чръвми изъѣденъ быхъ и гады.—Пакы же наоутрій сътвори емоу вечерю, и вложьшемоу и̂ въ древо и положи и̂. Наоутрие въпроси и̂; он же рече, яко бчелами и комары многыми снѣденъ быхъ,—»ухъ ми, яко тяжко спахъ«. Пакы же на оутрие сътворивъ крадоу огненоу великоу и връже и̂ на огнь. На оутріе жъ въпроси его: »добрѣ ли почи«? Ономоу же рекшу: яко дѣтищь въ колыбѣли сладко спахъ.

О великаа прелесть діавольскаа, яже въведе въ литовскый родъ и Ятвезѣ, и въ Проусы, и въ Емь, и во Либь и иныя многы языкы, иже *Совицею* наричются, мняще и душамъ своимъ суща проводника въ адъ Совья. Бывшоу емоу въ лѣта Авимелеха, иже и нынѣ мертва телеса своя съжигають на крадахъ, якожъ Ахилеосъ и Еантъ и иніи по рядоу Еллини. Сию прелесть Совій въведе въ нѣ, ижъ приносити жрътвоу сквернымъ богомъ Андаеви и Перкоунови, рекше громоу, и Жвороунѣ, рекше Соуцѣ, и Телявели и съ коузнею, сковавше емоу солнце, яко свѣтити по земли и възвергьшю емоу на небо солнце. Си же прелесть сквернаа прииде в нѣ отъ Еллинъ. Лѣтъ же имѣють отъ Авимелеха и многого родоу сквернаго Совья до сего лѣта, в няже начяхомъ писати книгы сия есть лѣтъ 3000 и 400 и 40 и 6 лѣтъ (1). *(Изъ византійскаго хронографа Іоанна антіохійскаго Малалы по ркп. XV в. Лѣтоп. Переясл. Суздал. предисл. XIX—XXII).*

б) Миндогъ (*литовскій князь*) посла къ папѣ и прия крещеніе. Крещеніе же его льстиво бысть: жряше богомъ своимъ вътайнѣ, первому *Нънадѣеви*, и *Телявели*, и *Диверикъзу* заячему богу и *Мъидѣину*. Егда выѣхаше на поле и выбѣгняше заяць на поле, въ лѣсъ рощенія не въхожаше..., и мертвыхъ тѣлеса сожигаше, и поганьство свое явѣ творяше (2). (*Ипат. 188*).

в) Романови же пришедшу ко граду и Литвѣ, потекши на градъ Литвѣ ни вѣдѣша ништоже, токмо и головнѣ ти, псы течюще по городищу; тужаху же и плеваху, по свойскы рекуще: *Янда*! взывающе богы своя *Андая* и Дивирикса и вся богы своя понимающе, рекомыя бѣси. (*Ипат. 188. 195*).

---

(1) Авимелехъ, царъ герарскій, былъ современникъ Авраама, а отъ Адама до Авраама 3324 года, отъ Авимелеха до писателя рукописи 3446 лѣтъ; слѣдов. книга писана отъ сотворенія міра 6770 или въ 1261 г.

(2) Обрядъ сожженія покойниковъ оставался въ Литвѣ до позднѣйшаго времени: въ 1345 г., по смерти в. кн. Гедимина, тѣло его по древнему обычаю сожгли на кострѣ вмѣстѣ съ боевымъ конемъ и оруженосцемъ.

Приведенное мѣсто изъ хронографа Іоанна Малалы, представляющее нѣсколько свѣдѣній о литовской миѳологіи, можетъ служить пополненіемъ и поясненіемъ указаній на литовскія божества ипатьевской лѣтописи. Переписчикъ ли хронографа взялъ изъ лѣтописи свои замѣтки о литовскихъ вѣрованіяхъ, или лѣтописецъ Ипатьевскій заимствовалъ изъ древне-болгарскаго перевода Малалы, — это остается загадкой.

376. Борьба съ Литовцами.

а) Въ лѣто 6639 (1131) князь в. Мьстиславъ ходилъ съ Низовци на Литву, и плѣни ихъ. (*I Соф. 156*).

б) Въ 1234 г. изгониша Литва Русу оли до тѣргу, и сташа Рушане и сасада, огнищане и гридба, и кто купьць и гости, и выгнаша я изъ посада, опять бьющеся на полѣ, и ту убиша нѣколико Литвы, а Рушанъ 4 мужи, попа Петрилу, 2, Павла Обрадица, и ина два мужа; а манастырь св. Спаса весь пограбиша, и церковь полупиша (*ободрали*) всю и иконы и престолъ, и цьренци (*чернецовъ, монаховъ*) 4 убиша, и оступиша на Клинъ. Тъгда же вѣсть приде въ Новъгородъ къ кн Ярославу; князь же съ Новгородци въсѣдавъше въ насады, а инѣи на коних, поидоша по нихъ по Ловати; и яко быша у Моравіина, и въспятишася лодьиници оттолѣ въ городъ, и князь я отпусти, не достало бо у нихъ бяше хлѣба, а самъ пойде съ коньникы по нихъ; и постиже я на Дубровнѣ на селищи, въ Торопьчьской волости, и ту ся би съ безбожными оканьною Литвою, и ту пособи Богъ и крестъ честный и св. Софія Премудрость божія надъ погаными кн. Ярославлю съ Новгородци, и отъяша у нихъ конь 300 и съ товаромъ ихъ, а сами побѣгоша въ лѣсъ, пометавъше оружія и щиты и совни (*длинныя копья*) все отъ себе, а инѣи ту костью падоша, а Новгородьць ту убиша 10 мужь: Ѳедора Якуновича тысячьского, Гаврила Щитника, Нѣгутина на Лубяници, Нѣжилу сереброника, Гостиляа на Кузмодемьяни улици, Ѳедора Ума княжь дѣцкои, другое городищанинъ, и инѣхъ 3 мужеви. А покои, Господи, душа ихъ въ царствіи небеснѣмъ, проливших кръви своя за св. Софью и за кровь хрестьяньскую. (*1 Новг. 49—50*).

377. Сказаніе о благовѣрнѣмъ князи Домонтѣ и о храбрости его п. 1299.

Въ лѣто 6773 (1265) заратишяся Литва межю собою, якоже и всегда бываетъ княземъ межю ими брани многы и кровопролитія о суетнѣмъ царствіи свѣта сего; и взя Въишелгъ (*Воишелкъ*) землю литовскую. Тогда блаженый князь Домонтъ съ дружиною своею и съ всѣмъ домомъ своимъ оставль отечьство свое, землю литовскую, и прибѣже въ Псковъ. Сій же кн Домонтъ отъ племени литовскаго, первіе имѣя къ идоломъ служеніе, по отчю преданію; егда же Богъ всхотѣ избрати собѣ люди новы, и вдохну во нь благодать св. Духа, и взбну (*пробудился*) яко отъ сна отъ идольскаго служенія. И крещенъ бысть во имя Отца и Сына и св Духа въ церкви св. Троици (1), и наречено бысть имя ему въ св. крещеніи Тимоѳей; и бысть радость велика въ Псковѣ, и посадиша его на княженіи въ градѣ Псковѣ. И нѣпоколицѣхъ днехъ поимъ съ собою Псковичь ратныхъ мужь, три девяноста (2), иде въ землю литовскую и отечьство свое повоева, и княгиню Ерденевую (*Герденя*) полони тетку свою Епраксію и дѣти ея, и вся имѣнія ихъ, и возвратися со множествомъ полона. И перебродившеся Двину, отъѣха за 5 верстъ, и сташя шатры на бору чистѣ, а стражи поста-

(1) Главная церковь во Псковѣ, который и назывался отчиной или домомъ св. Троици, какъ Новгородъ землей св. Софіи.

(2) Народный счетъ, какъ *тридевять*.

вя на рѣцѣ на Двинѣ, Давыда Якуновича съ Лукою Литвиномъ; двѣ же девяностѣ мужь отпусти съ полономъ, а въ единомъ девяностѣ самъ ся оста, ждя (*ожидая*) по собѣ погони. Герденю же съ своими князи дома не бывшю, и пріѣхаша въ домы своя, оже домове ихъ и вся земля ихъ плѣнена; и оплъчися Герденій, и Гортуитъ, и Люмбій, и Люгайло и прочіи князи, въ 7 стахъ рати, и погнаша въ слѣдъ Домонта, хотяще и руками яти и лютой смерти предати, а мужій его Псковичь мечи изсѣчи. И пребродившеся Двину рѣку, сташа на брезѣ; стражіе же видѣвше рать велику, пригнавше повѣдаша Домонту, что рать пребродилася Двину. Домонтъ же рече Давыду и Лукѣ: »помози вама Богъ св. Троица на стражи вашей«; и пакы рече: »братіе мужи Псковичи, кто старъ то отецъ, а кто младъ, то ми братъ! слышалъ есми мужество ваше въ всѣхъ странахъ; се же вамъ предлежитъ животъ и смерть; братіе моя, потягнете за домъ св. Троица и за св. церкви, за свое отечьство«. Тогда же бѣ приспѣлъ день вел. и славнаго воеводы мученика христова Леонтіа; и помолися глаголя: »св. живоначальная Троица, и св. в. воевода Леонтіе, и благовѣрный княже Всеволоде! помозите намъ въ часъ сій на спротивныя врагы«. И сіа рекши, двигнушяся, и тако божіею помощію единѣмъ девяностомъ 700 ратныхъ побѣди. Тогда убіенъ бысть кн. в. литовский Гоитортъ, и инѣхъ князей много избиша, а иная Литва въ Двинѣ истопоша, а инѣхъ Двина изверже 70 на островъ Гойдовъ, а инѣхъ на прочая острови, а иніи въ низъ по Двинѣ отплыша. Тогда же убіенъ бысть единъ Псковитинъ Антоній, сынъ Лочковъ, братъ Смоligовъ, а иніи вси безъ вреда съхранени бышя, помощію св. Троица и молитвою и воеводьствомъ св. Леонтіа и благовѣрнаго кн. Всеволода; и возвратишяся съ радостію къ городу Пскову и съ многою корыстію. И потомъ благовѣрный кн. Домонтъ испроси за себе у в. кн. Димитрія Александровича дщерь, княгиню Марью. Пакы же, на другый годъ, кн. Домонтъ съ мужи своими Псковичи иде въ пособіе тестю своему в. кн. Димитрію на Нѣмець: и бишяся на Раковорѣ, и одолѣша. Потомъ по нѣколицѣхъ днехъ останокъ събравшеся поганое Латины, и пришедше тайно взяша украйны нѣколико псковскыхъ селъ, и взвратишяся вскорѣ. Боголюбивый же кн. Домонтъ не стерпѣ обидимъ быти отъ нападенія поганыхъ Нѣмець, выѣха въ погоню въ пятихъ насадѣхъ съ 60-ю мужь Псковичь: и тако божіимъ пособіемъ 800 побѣди Нѣмець, на рѣцѣ на Мироповнѣ, овыхъ изсѣче, а иніи истопоша въ водѣ, а двѣ насадѣ бѣжаша въ иныя острови. Князь же Домонтъ ѣхавъ повелѣ зажещи островъ, и егда начаша погании бѣгати, палимѣ травѣ, въсполѣша огнемъ и власи на нихъ и порты, и тако побѣди ихъ априля 23, на память св. великомуч. Георгіа, помощію и молитвою его. Слышавъ же местеръ земля Ризьскыя мужество кн. Домонта, съвокупи много вои своихъ и ополчився въ силѣ тяжьцѣ безъ Бога и пріиде ко Пскову, ови на конѣхъ а иніи въ кораблѣхъ и въ лодіахъ и съ порокы, хотяще плѣнити домъ св. Троица, а кн. Домонта руками яти, а мужей Псковичь мечи изсѣчи, а не противный народъ жены и дѣти плѣнивше въ работу вести. Слышавъ же то Домонтъ, оплчающася люди безъ ума въ множествѣ силы безъ Бога, и вниде въ церковь св. Троица, и положивъ мечь свой предъ олтаремъ господнимъ (1), надъ моляшеся много съ плачемъ, сице глаголя: »Господи Боже силъ! мы людіе твои, овца пажити твоея, имя твое призываемъ; призри на кроткыя люди своя, и смиреныя възвыши, и гордыхъ высокыя мысли

(1) Средневѣковой обычай—освящать оружіе въ церкви для успѣшныхъ дѣйствій на войнѣ.

низложи; да не опустѣетъ пажить овецъ твоихъ». Игуменъ же Сидоръ и весь іерейскій чинъ, вземше мечь и препоясавшеся, благословиша й. Домонтъ же въ множествѣ ярости мужества своего, не дождавъ полковъ новгородскыхъ, съ малою дружиною съ мужи Псковичи выѣхавъ, изби полкы ихъ, и самого местера раниша по лицю; они же трупіа своа многы учаны (1) накладше отвезоша въ землю свою, а прочій останокъ ихъ устремишася на бѣгъ, м. іуня въ 8 день, на память пренесенію мощей св. мученика Ѳеодора. По прехожденіи же нѣколика времени начаша Латина насиліе Псковичемъ дѣяти, нападеніемъ и грабленіемъ; боголюбивый же кн. Тимоѳей не стерпѣ обидимъ быти отъ поганыя Латины, ѣха съ мужи своими Псковичи и плѣни землю ихъ, и села чюдская пожже, и полона много приведоша въ землю свою. И пакы въ 33-е лѣто княженіа Домонтова, отнелѣже во Псковѣ бысть, изгониша Нѣмци безвѣстно ратью посадъ у Пскова, марта въ 4 день, и тогда убиша Василіа игумена св. Спаса, Іосафа игумена Снѣтныя горы, и черноризець много избиша и женъ и дѣтей, а мужей Богъ ублюде. Въ утріи же день погании Нѣмци оступиша градъ; князь же Домонтъ не стерпѣ дождати мужь своихъ большая рати, выѣха съ малою дружиною, противу имъ ополчися, съ Иваномъ Дорогомиловичемъ. И помощію св. Троица побѣди я у св. Петра и у Павла на брезѣ, овѣхъ избиша и овыхъ раниша, а иніи метахуся съ брега въ кручю, а самого Кумендеря раниша по главѣ, а Велиевиць руками нѣколико ихъ имше, послаша къ в. кн. Андрѣеви, а прочіи воскорѣ повергъше оружіа устремишася на бѣгъ, страхомъ грозы мужества Домонтова и мужей Псковичь. И бяше тогда въ Псковѣ моръ вельми золъ; тогда и благовѣрный князь Тимоѳей, мало поболѣвъ, преставися къ Богу въ вѣчную жизнь, м. маіа въ 20 день, на память св. мученика Фалелѣя. Бяше бо милостивъ паче мѣры, священникы любя, церкви украшая, нищая милуя, и вся праздникы честно проводя, сироты и вдовица заступая и обидимыя изимая. И проводиша его священноиноки, и священники и діякони, мнихи и черноризици, и все множество людій; и тако святое и честное его тѣло положиша въ церкви св. Троици, съ похвалами и пѣсньми духовными. Бысть же печаль и жалость велика тогда Псковичемъ.

(П. С. Лет. V, 6—8).

378. Гедиминъ.

а) Въ лѣто 6813 (1305) (1) нача княжѣти Кгедиминъ Витуновичь въ Литвѣ, въ Новогородку и Керновѣ, и воева на Русь крѣпко. Сихъ временъ прежде, Премышлява короля полского убили самы Ляхы пьяного, въ мѣстѣ Рогозномъ, а забили бояре лядскіи Налецъ и Заремба; Богъ сотворилъ отмщеніе ему, понеже онъ преже жену свою, именемъ Лукерію, удави ради другое, которая просися у него, да въ единой ризцѣ пустить ю въ домъ; она бо бѣ рода князей сербскихъ съ Кашубъ, отъ Поморія Варязскаго, отъ стараго града за Кданскомъ. По немъ Ляхи избрали Вацлава ческаго на королевство свое, понеже Премышлявъ не имѣ сына; Владислава Локетка не восхотѣли взяти, сей Локетко много имъ зла въ земли творилъ, изогнали его изъ землѣ, ходилъ до Риму, жалуяся папѣ на Ляховъ,—онъ ихъ прокля. По смерти Вацлавовой избрали его собѣ паномъ. Имѣ у себе сына Казимѣра, за него же взятъ въ жену дщерь

(1) Учанъ—отъ слова *чанъ*, плоскодонное судно.

(1) Годы означены не вѣрно; слѣдуетъ—1315.

Кгедимина кн литовскаго, поганку, и перекрести ю; и много Ляховъ полоненыхъ Литва вмѣсто дара брачнаго пусти, много бо зла Ляхомъ Литва, Жмонтъ, прежде сотвори, Ляховъ и Мазуровъ полками въ полонъ бра, сице Ляхъ единъ по гривнѣ, се есть по 10 грошей литовскихъ, въ Литвѣ и въ Руси Бѣлой продаванъ былъ, и на лошата и волы Литва межи собою ихъ замѣниваху... (*Ипат. 227*).

б) Паки Гедиминъ, кн. литовскій, Овруче и Житомиръ взятъ подъ кн. кіевскимъ Станиславомъ. Въ тоже время и самаго кн. Станислава кіевского, и Льва луцкого, и Романа брянского и прочіихъ порази, и Кіевъ подъ нимъ взятъ и потомъ Каневъ, Черкасы, Путывль, Брянско и Волынь. Въ сіе лѣто Гединиъ заложи мѣсто Троки и Вилно, брани же непрестанныя имѣ съ Ляхами, Крыжаками, Мазовшаны, плѣняя ихъ землю. (*Густынс. 348*).

379. Казиміръ.

а) Въ лѣто 6848 (1340) Казимеръ король Полскій, собрався и пойде на Русь: во 1, прійде м. апріля подъ Львовъ и обляже его, Львовяне же, не имѣюще ни откуда помощи, поддашася Казимеру королю, единаче варуючи собѣ, абы въ старожитной вѣрѣ никто имъ николи ничого не чинилъ; еже Казимеръ обѣща имъ. Они же отверзоша градъ и поддашася съ обоими замками, высокимъ и низкимъ, идѣже Казимеръ обрѣте безчисленная сокровища и богатства, отъ злата и сребра и каменія многоцѣннаго; къ симъ же обрѣте тамо два кресты отъ злата чиста, посажена каменіемъ многоцѣннымъ, а въ единомъ бѣ часть животворящаго древа. Сей же нынѣ крестъ обрѣтается въ костелѣ на замку краковскомъ. Обрѣте же тамо и двѣ коронѣ отъ злата и каменія многоцѣнного, и престолъ царскій отъ злата и каменія многоцѣнного, и престолъ царскій отъ злата и каменія, и одежду златотканную со каменіемъ, и прочее, еже все побра Казимеръ и въ Краковъ отнесе. И потомъ собравъ еще болшую силу, пойде на Русь и взятъ, въ самую жатву, Володымеръ, Премышль, Галичъ, Ловичъ, Санокъ, Луковъ, Любочовъ, Трембовлю и проч. А потомъ сей Казимеръ кролъ собравъ сеймъ, на немъ же Рускую землю на повѣты и воеводства раздѣли, и шляхту рускую единою волностію съ полскими волностями совокупи и утверди, а потомъ Львовъ муромъ обмурова; и оттолѣ сія повѣты даже донынѣ (1670 г.) при лядзкихъ корольхъ неотступнѣ зоставаютъ. Въ сіе лѣто Олгердъ Гедиминовичъ поятъ себѣ жену Юліану, дщерь витепского князя, ея же ради крестися со всѣми бояры и людьми (1).

б) Въ лѣто 6851 (1343). Дашко староста премыслскій, и Данівлъ острозскій, и прочія князи боячися, абы Ляхи не чинили имъ якого насилія въ вѣрѣ, понеже многихъ уже прелстиша на свою вѣру, и збунтовавшися призваша множество Татаръ на Польскую землю; но Казимеръ король не пусти ихъ чрезъ Выслу. (*Густынс. 349—350*).

380. Походъ Ольгерда на Новгородъ.

Въ 1346 г. в. кн. Олгердъ литовскій и братъ его Кестутей прійдоша со всею литовскою землею, и сташа на Шелонѣ, на усть Шпагы рѣкы, а позывая Новгородцевъ: »хочю съ вами битися и воевати городы и волости, занеже ми лаялъ посадникъ вашъ Остафей Дворянинцевъ, назвалъ мя *псомъ*«; и взя Шелону и до Голинъ и Лугу до Сабля, а съ Порховскаго городка взя окупъ 300 рублевъ.

(1) Ульяна была дочерью тверскаго князя, а не витебскаго и женился Олгердъ не 1340 г. а 1349, когда братъ его Любартъ взялъ за мужъ дочь князя Константина ростовскаго (Ист. гос. рос. IV, пр. 351).

И Новгородци выѣхаша противу его до Луга и въспятишася въ городъ, и созвониша вѣче на Ярославлѣ дворѣ у св. Николы, и убиша посадника Остафія Дворянинцева на вѣчѣ, а ркучи: »яко въ тебѣ волости наши поиманы отъ Литвы».

(*I Софійс. 225*).

381. О приходѣ Олгердовѣ къ Москвѣ.

Того же лѣта (1368) кн. в. Дмитрей Ивановичь събра воа многи и посла на кн. Михаила Александровича тверскаго; князь же Михайло бѣжа въ Литву къ в. кн. Олгирду зятю своему, бѣ бо за нимъ сестра родная княже Михаилова, и жаловашеся ему на в. кн. Дмитреа Ив., и просяше у него помощи себѣ и оборони, паче же самого поущаше итти къ Москвѣ ратью и сестру свою научаа глаголати ему. Послушавъ же его Олгирдъ, и събра силу многу, и поиде къ Москвѣ въ силѣ тяжцѣ на в. кн. Дмитреа Ив., а съ нимъ братъ его Кестутей съ сыномъ Витоотомъ, и сынове Олгирдови, и вся князи литовстіи, и кн. Михайло тверскій, и смоленскаа сила. Ведяше же ихъ съ собою, а невѣдя того никто камо идяше; бѣ бо обычай его таковъ: когда ни поидяше на вой, то не вѣдяше мысли его ни кто же камо идетъ, се творяше того ради, да не будетъ вѣсть земли той, на ню же идяше. И таковою кознію многы грады и земли поима и повоева, не токмо силою, но и злохитростьмъ симъ. Тако же и сего похода его не вѣдуще на себѣ в. кн. Дмитрію Ив., еже идеть на него Олгердъ съ силою, донележе приде близь рубежу, и тогда бысть вѣсть в. кн. Дмитрію; онъ же то слышавъ нача розсылати грамоты по всѣмъ городомъ своимъ, веля быти къ себѣ воемъ своимъ, и неуспѣ ничтоже: близъ бо уже пришедшу Олгирду, а его воини которіи не успѣша отъ далнихъ мѣстъ, по елици близъ его обрѣтошася, сихъ отпусти въ заставу противу Олгирда, еже есть сторожевый полкъ, а воеводство приказа Дмитрею Минину, а тъ кн. Володимера Андреевича воевода бѣ Окинеъ Федоровичь, нарицаемый Шуба, а съ ними: Москвичи, Коломенци, Дмитровцы; Олгердъ же прешедъ рубежь и начать воевати порубежнаа мѣста, жещи и грабити, а люди сѣщи, потомъ же на стрѣчѣ уби кн. Семена Дмитреевича стародубскаго Кропиву въ Холхлѣ, по семъ же въ Оболенсцѣ уби кн. Костянтина Юрьевича Оболенскаго и доиде рѣки Тростныи, и ту изби сторожевый полкъ князя в., заставу московскую, и уби ту Дмитреа Минина и Акинеа Шубу и иныхъ многыхъ, м. декабря 21 въ вторникъ. Нача же Олигердъ спрашивати изыманныхъ: »гдѣ есть князь в. съ силою своею«? Они же отвѣщаху вси, яко единѣми усты глаголющи: »князь в. въ градѣ своемъ Москвѣ, а рати не успѣли къ нему събратися«. И оттолѣ начатъ Олгердъ подвижнее быти, и болше дръзновеніе пріимъ, напрасно устремися къ Москвѣ, и пришедъ ста около града, посадъ же прежде ихъ пожженъ бысть примету дѣля; князь же в. Дмитрей Ив. и кн. Володимеръ Андрѣевичь и Алексѣй м-тъ въ градѣ затворишася, съ ними же боаре ихъ и вси прилучшіися тогда съ ними и вси христіане. Стоавъ же Олгердъ у города 3 дни и 3 нощи, отъиде прочь, неуспѣвъ граду ничтоже; но остатокъ пожже, и монастыри, и церкви и волости и села попали, а христіаны изсѣче, а ины въ полонъ поведе, иже не успѣли разбѣжатися, имѣніе же ихъ пограби, и много зла сътворивъ възвратися въ землю свою. Се же прьвое зло Москвѣ отъ Литвы сътворися: отъ Ѳедорчюковы бо рати татарскіе въ 40 и въ едино лѣто таковое ино не бывало ей ничтоже.

(*П. С. Лѣт. VIII, 15—16*).

382. О второмъ походѣ Олгердовѣ къ Москвѣ.

Князь Михайло прибѣгъ въ Литву (1370), и нача намолвити в. кн. Олгирда зятя своего, дабы мьстилъ его отъ в. кн. московскаго; Олгердъ же послушавъ князя Михаила и поиде вдругіе про него къ Москвѣ на в. кн. Дмитріа Ив. съ силою многою, съ нимъ же братъ его Кестутій и вси князи литовстіи, и кн. Святославъ смоленскій съ силою смоленскою, и кн. Михайло съ Тоеричи. Пріиде же Олгердъ съ свѣми силами къ Волоку и ста около города, тогда же на мосту у града стоаша кн. Василей Ив. березуйскій, бѣ ту воеводствуя; нѣкій же Литвинъ единъ утаися отъ рати, иде подъ мостъ той; и сквозѣ мостъ пронзе князю сулицею (*копьемъ*), и отъ тоа язвы и разболѣвся, и постригся въ черници преставися. Олгердъ же неуспѣвъ граду Волоку ничтоже, и поиди отъ него къ Москвѣ, и пришедъ ста около Москвы декабря 6 на Николинъ день; а кн. в. Дмитрій Ив. затворися въ градѣ, а Олексѣй м-тъ въ то время бѣ въ Новгородѣ въ Нижнемъ, а кн. Володимеръ Андрѣевичь съ силою собравшеся стоаше въ Перемышли и опочившеся; ту же пріиде къ нему кн. Володимеръ Дмитреевичь пронскій, съ нимъ же рать рязанскаа. Слышавъ же то Олгердъ убоися, и нача мира просити; князь же в. Дмитрій взя съ нимъ миръ до Петрова дни, Олгердъ же въсхотѣ вѣчнаго мира, и тако смирися, поиде отъ Москвы въ свою отчину, и идяше съ многимъ опасеніемъ, бояся за собою погони. Стоа же тогда Олгердъ у Москвы 8 днiй, и посадъ пожже, но не весь, а волости повоева и пожже, а люди въ полонъ веде...

(*П. С. Лѣт. VIII, 17*).

383. Битва подъ Мстиславлемъ.

Того же лѣта (1386) бишася Литва съ Смоляны подъ г. подъ Мьстиславлимъ, и на томъ съступѣ убиша кн. вел. Святослава смоленьскаго, и брата его кн. Ивана, а кн. Глѣба изымаша... А въ вел. говѣніе на средокрестной недѣли, м. марта въ 22, кн. вел. Святославъ Ив. смоленьскій съвокупи около себе силу велику, а съ нимъ братаничь его кн. Иванъ Васил., да кн. Глѣбъ Святославичь, и братъ его Юрьи, и поиде ратью къ г. къ Мьстиславлю, занеже Мъстиславль преже того былъ городъ смоленьскій; но Литва отняли за себе, онъ же хотяше его отъ Литвы отняти; идуще же воеваху землю Литовьскую, а кого гдѣ изымавше мучаху нещадно различными казньми, мужей и женъ и дѣтей, а иныхъ въ храмины насажавше запирающе зажигаху, а младенци на колы встыкаху. И пріиде Святославъ къ Мьстилавлю на страстной недѣли въ среду м. апр. 18 д., граждане же затворишася въ градѣ, а намѣстникъ у нихъ бяше Коригайло; и стояху Смолняни и видѣша въ полѣ, и се появися стягъ (*знамя*), еже есть полкъ рати литовьскія, въ немъ же бѣ кн. вел. Скиригайло Олгердовичь, а мало подалѣ другій полкъ кн. Корибутъ братъ его, а третій полкъ кн. Семіонъ Лугвень, съ ними же вкупѣ и кн. Витовтъ Кестутьевичь, и ти полци литовьстіи бяху борзо идуще на поле. Смолняни же видѣвше смутишася, и начаша скорѣе въ брони крутитися, и поидоша къ бою обои полци противу себе, и съступишася на полѣ подъ Мьстиславлемъ, на р. на Вехрѣ, а людіе граждане стояще на забралахъ (*на стѣнахъ, на заборахъ*), зряще съ города; а бысть имъ бой надолзѣ, и посемъ князи литовьстіи Олгердовичи одолѣша, а Смолняни побьени быша, а прочіи вдавше тылъ побѣгоша. И убьенъ бысть кн. Святославъ, сынъ Ивановъ,

внукъ Александровъ, правнукъ Глѣбовъ, отъ нѣкоего Ляха въ дубравѣ; наѣхаша его ели жива суща; ту же и скончася. Такоже и братанича его убиша Ивана; а сыновъ Святославлихъ поимаша Литва и поведоша я, прочихъ Смолнянъ бояръ и слугъ побиша, а иныхъ живыхъ поимаша, а друзіи бѣжаще назадъ къ рѣцѣ къ Вехрѣ истопоша. Князи же литовстіи такожде погнаша въ погоню за ними изгоною къ г. къ Смоленску, и пришедъ подъ городъ взяша окупъ съ города, а тѣлеса избьеныхъ князей въдаша, а всю свою волю взяша, вся елико въсхотѣша и створиша; а на княженіи на Смоленьскомъ изъ своея руки посадиша кн. Юрья Святославлича, а брата его кн. Глѣба съ собою поведоша въ Литовьскую землю, и оттолѣ поидоша во свояси съ вел. побѣдою. Се бысть побоище м. апр. 29.

(*П. С. Лѣт. IV, 92—93*).

384. Листъ перемирный Бориса Александровича в. кн. тверскаго съ в. кн. литовскимъ Витовтомъ 1393.

Се язъ, кн. в. Борисъ Александровичь тферскій, взялъ есми любовь такову съ своимъ господиномъ съ дѣдомъ в. кн. литовскимъ Витовтомъ и многихъ рускихъ земель государемъ, быти ми съ нимъ за одинъ при его сторонѣ и пособляти ми ему на всякого не выймая; а господину моему дѣду в. кн. Витовту, мене в. кн. Бориса Александровича, своего внука, боронити отъ всякого думою и помочію; а въ земли и въ воды, и во все мое в. княженіе тферское моему госп. дѣду в. кн. Витовту не вступатися; а дядемъ моимъ, и братьи моей и племени моему, княземъ, быти въ моей послусѣ. Я кн. в. Борисъ Александровичъ воленъ, кого жалую, кого казню; а моему г. дѣду, в. кн. Витовту не вступатися; а который всхочетъ къ моему г. дѣду, къ в. кн. Витовту со отчиною, и моему г. дѣду, в. кн. Витовту, со отчиною не прыймати, пойдетъ ли который къ моему г. дѣду къ в. кн. Витовту, и онъ отъ отчины лишенъ, а въ отчинѣ его воленъ я, в. кн. Борисъ Александровичь; а моему г. дѣду в. кн. Витовту не вступатися. А рубежъ отчинѣ моего г. дѣда, в. кн. Витовта, по старинѣ; а которыи мѣста порубежныи потягли будутъ къ Литвѣ или къ Смоленску, а подать будутъ давали ко Тфери, ино имъ и нынѣчи тягнути по старому; а которыи мѣста порубежныи потягли будутъ ко Тфери, а подать будутъ давали къ Литвѣ или ко Смоленску, то имъ и нынѣчи тягнути по давному, а подать давати по давному. А што вчинится межи вашими людьми и нашими, и волостели наши вчинятъ исправу, а чому наши волостели не вчинятъ исправы, и намъ съѣхався да вчинить исправу безъ перевода; а земли и водѣ и всему обидному дѣлу межи нами судъ обчый; а што будетъ вчинилося въ нашей любви и въ нашихъ перемиріяхъ, тому всему судъ и право безъ перевода; а судити судьямъ обчымъ цѣловать крестъ; а о што ся сопрутъ судьи, ино положити на моего г. дѣда, в. кн. Витовта; а суженое, заемное, положеное, поручное отдати по исправѣ; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, выдати по исправѣ. А людемъ нашимъ гостемъ гостити межи насъ путь чистъ, безъ рубежа и безъ пакости, и пошлины имати съ моихъ тферскихъ людей въ моего г. дѣда, в. кн. Витовтовѣ отчинѣ въ Смоленску, въ Витебску, на Кіевѣ, въ Дорогобужѣ, въ Вязмѣ и по всему его в. княженію, по давному, а новаго не примыслять. А по моей отчинѣ, кн. в. Бориса Александровича, пошлины имати съ людей моего г. в. кн. Витовта, во Тферя, въ Кашинѣ, въ городку въ Зыбцевѣ, и по всему мое-

му в. княженію, по давному, а новаго не примыслять. А на семъ на всѣмъ и кн. в. Борисъ Александровичь далъ есьми правду своему г. дѣду в. кн. Витовту, и кресть цѣловалъ къ нему, а по сей ми грамотѣ правити. Писанъ въ Тфери въ лѣто 6901 августа 3, индиктъ 5.

(*Сборникъ Муханова № 1*).

385. Подчиненіе Смоленска.

Въ лѣто 6913 (1405) Витовтъ съ Олгердовици, съ Корибутомъ, съ Лугвенемъ, и съ Свѣтригайломъ, и со всею силою пріиде ратью къ Смоленску; а кн. Юрьи затворися въ городѣ со всѣми Смолняны. Витовтъ же весну всю стоявъ, колико бився и тружався и пушками бивъ, не може его выстоять, градъ бо Смолнескъ крѣпокъ бѣ велми; 7 недѣль бывъ, и потомъ по велицѣ дни отступи прочь, а по зажитьемъ и по волостемъ смоленьскымъ много зла учини. А кн. Юрьи, сослався съ Васильемъ съ кн. съ московьскымъ, выѣха изъ города не во мнозѣ дружинѣ, а княгыню свою остави съ бояры въ Смоленьскѣ и приказавъ имъ ждати себе первой срокъ, и на другый, и на третей; а самъ пріѣха на Москву и билъ чоломъ кн. Вас. Дмитрѣевичю, давался ему самъ и со всѣмъ своимъ княженіемъ смоленьскымъ. Кн. же Василій не прія его, ни всего его княженія, не хотя измѣнити къ Витовту. Егда же бысть кн. Юрьи на Москвѣ, а въ то время Витовтъ собравъ силу многу и ста у Смоленьска; граждане же не могуще терпити глада въ градѣ, изнеможеніемъ и отъ всякоя истомы градъ Смолнескъ (перевѣтницѣ) предаша Витовту. Се бысть послѣднее плѣненіе Смоленьску отъ Витовта, въ Петрово говѣніе, м. іюня въ 26 д. въ, четвергъ. И тако Витовтъ взя градъ и все смоленьское княженіе за себе, а княгыню Юрьеву поимавъ сосла ю въ Литовьскую землю, а князей смоленьскыхъ поимавъ и бояръ, которыи хотѣли кн. Юрью добра, а тѣхъ разведе и растоци, а иныхъ измуци; а въ Смоленьскѣ свои намѣстникы посади Ляхы, и тѣмъ Ляхомъ предасть градъ держати, а по кн. по Юрья посла на взисканіе. И кн. Юрьи то слышавъ съ сыномъ своимъ съ Ѳедоромъ, съжаливъси въ горести душа, побѣжа съ Москвы въ Новгородъ; и тамо Новгородци пріяша его въ честь и городы подаваша ему 13.

(*П. С. Лѣт. IV, 145*).

386. Опустошеніе Псковской области.

а. Въ лѣто 6914 (1406) пріиде поганый отступникъ правыя вѣры христіанскыя и отметникъ божій, сынъ діяволь, невѣрникъ правдѣ, ни крестному цѣлованію кн. литовскій Витовтъ, съ множествомъ ратныхъ, а миру не отказавъ, ни крестнаго цѣлованіа сложивъ, а розметную грамоту псковскую отсла къ Новугороду, а самъ изгономъ пришедъ градъ Ко ложе взя, а люди сущая въ градѣ и по волостемъ овыхъ изсѣче, а во плѣнъ сведе всѣхъ душъ 11 тысящь, мѣс. февр. въ 5 д., на Черкисовѣ недѣли въ пятокъ; и много зла учинивше, отъидоша прочь. И не по мнозѣ времени, того же мѣс. февр. въ 28, Юрьи посадникъ Козачковичь поимя съ собою мало дружины, охвочихъ людій Псковичь, Изборянъ, Островичь, Вороначанъ, Вельянъ, и шедше повоеваша Ржову и Луки, а на Лукахъ на Великыхъ и стягъ коложьскый взяша; и возвратишася со множествомъ полона. А къ Новгородцамъ тогда послаша Псковичи послы своя и биша челомъ, чтобы пособили противу Литвѣ, они же присласа нѣколико мужей своея силы, а съ лукавствомъ глаголюще: »намъ В. Новгородъ не указалъ, ни владыка благословилъ

ити на Литву; идемъ съ вами на Нѣмци«; и Псковичи отрекошя имъ по лукавьству сердца ихъ, они же возвратишася.

б. Того же лѣта (1407) князь местеръ събравъ силы многыя, и задвиньскую силу курскую подъемъ, пріиде отъ Бѣлого Камени въ землю Псковскую, мѣс. авг. въ 18 д., а Псковичи безъ пригородовъ поидоша противу имъ, токмо совокупивше волости своя, и усрѣтоша ихъ на броду у Выбута, а броды вси бяху затворены вóрами (1), и стояша погании ту 4 дни, и многажды хотяху пребрести рѣку, и не возмогоша, Псковичемъ бiющемся съ ними, и поидоша прочь, а не учинивше ничтоже; и Псковичи идоша въ слѣдъ ихъ, и постигоша ихъ за Камномъ на Логовицкомъ поли, а Нѣмци станы сташа, въ недѣлю о вечернемъ годѣ, авг. въ 21 д., на память св. апост. Фаддея и св. муч. Вассы; и Нѣмци вскорѣ исполчишяся, и тако Псковичи удариша на нихъ, и много бившеся одолѣша Нѣмци, а Псковичи побѣгоша, и убиша на сступѣ Елентiа посадника, и Картата посадника, и Панкрата посадника, и бояръ много, а всѣхъ людей избиша 700 чел., и паде тогда и Нѣмець много. А въ то время иная рать Псковскаа ѣздиша въ лодьяхъ и въ насадехъ за Норову, и егда быша на Псковскомъ озерѣ въ Осатнѣ, и Нѣмци въ инекахъ постигше ихъ удариша на нихъ; и Псковичи пометавше 7 насадовъ и прочiи посуди, и побѣгоша, и прибѣгоша ко Пскову пѣшь. И бысть Псковичемъ тогда многыя скорби и бѣды, ово отъ Литвы, а иное отъ Нѣмець и отъ своеи братья отъ Новагорода, ово смерти належащи, а все то Богу попустившю грѣхъ ради нашихъ. И егда коли бяше кн. Костянтинъ въ Псковѣ, тогда бяше овсяная зобница по гривнѣ, а ржи по 3 мѣрѣ за полтыну, а соль по гривнѣ да по 8 мордокъ пудъ, а полтына серебра 15 гривенъ.

(*П. С. Лѣт. V, 19. 20*).

387. Нашествiе Витовта на Псковъ.

а. Въ лѣто 6934 (1426). За старымъ Коложемъ, на Каменѣ озерѣ, бысть знаменiе: отъ иконы св. Богородица идяше кровь, м. сентевpiа въ 16 д.; сiе убо знаменiе прояви нахоженiе поганаго кн. Витовта, и многое пролитiе христiанскихъ кровей. Того же лѣта, м. iуня въ 29, на самъ Петровъ день, поганый кн. литовскiй, отступникъ христ. вѣры, Витовтъ разверже миръ съ Псковичами, и Псковичи послаша въ Новгородъ бити челомъ, абы помогли; и не помогоша, но еще и послаша Александра Игнатьевича къ Витовту на псковское зло. И егда мимоиде 4 недѣли и 4 днѣ, и онъ грѣдый князь Витовтъ, собравъ силы своя многыя и Татаръ множество, пріиде прежде къ Опочкѣ мѣс. авг. въ 1 д., и начаша прилѣжно къ городу лѣзти, а Опочани бьяхуть ихъ ово каменьемъ, ово колодьемъ, отъ заборолъ отсѣкая, и множество ихъ побиша; и много поганiи всуе трудившеся, 2 дни и 2 нощи стоявше отъидоша, не учинивше граду ничтоже, Богъ бо св. Спасъ блюдяше градъ (1). И тако възъярився пріиде къ Вороначю, авг. въ 5 въ понедѣльникъ; и исчинивше пороки, шибаху на градъ каменiе великое. И бѣ Вороначаномъ притужно велми, и послаша гонца ко Пскову, чтобы печаловалися о нихъ, и Псковичи послаша къ Витовту посадника Ѳедора Шибалкина, а съ нимъ бояръ, и

(1) Воръ, ворокъ—загорожа изъ жердей.

(1) См. Никон. лѣт. подъ 1426 г.

биша много челомъ; онъ же челобитья не пріатъ. И тако начаша прилѣжнѣе къ городу лѣзти, пушками шибая и пороками. И приспѣвши нощи, и бысть чюдо страшно: внезапу наиде туча страшна и грозна, и дождь силенъ, и громъ страшенъ, и млъніа безпрестани блистая, яко мнѣти уже всѣмъ отъ дождя потопленымъ быти, али отъ грому каменіемъ побіенымъ быти, или отъ млъніа сожженнымъ. А Вороначани безпрестани съ слезами моляхуся Богу и св. муч. Христову Георгію о избавленіи града; а Псковичи видѣвше, что Витовтъ челобитья ихъ не пріа, ожгоша посады своя. И Витовтъ въ велицѣ страсѣ бывъ, и призва къ собѣ Вороначанъ и обольстивъ ихъ взя съ ними перемирье, и Вороначани послаша гонца своего ко Пскову, и Псковичи послаша къ кн. Витовту Якима посадника, и Ѳедоса посадника, и инѣхъ бояръ. Еще же и о семъ повѣмъ: а въ засаду къ Котелну городу тогда же послаша посадн. Селивестра и посадн. Ѳедора Шибалкина, и съ ними 400 мужь, а Витовтъ слышавъ то, посла къ Котелну 7000 мужь Литвы и Татаръ, а Псковичемъ того не вѣдущимъ; и егда быша Псковичи подъ Котелномъ, удариша на нихъ Литва и Татаре и убиша Псковичь 17 мужь, а руками яша 13 мужь, а Псковичи съ ними бившяся, побѣгая къ городку, и побиша Литвы много, и тако вбѣгше въ Котелно и затворишася. А Островичи тогда ходиша торономъ (*набѣгомъ*) къ Велью, и наѣхаша на ночлезѣ Татаръ и убиша отъ нихъ 40 мужь, а мало ихъ убѣжа, а иныхъ подо Вревомъ Вревичи побиша. Мы же сія оставльше на предняя возвратимся. И пріѣхавше Якимъ посадникъ и Ѳеодосій биша много челомъ и срядишася дати 1000 рублевъ, и взяша миръ съ кн. Витовтомъ авг. 25, а полоненныхъ вдаде на поруку посадникомъ; а срокъ положиша привезти сребро 1000 р. и полоненыхъ всѣхъ въ Вилни

поставити предъ кн. Витовтомъ на Крещеніе господне, и отъидоша.

б. Въ л. 6935 (1427), м. септевріа въ 5 д., бысть знаменіе въ солнци: около солнца 6 явися круговъ, а кругъ за кругъ связался, и различни бѣаху цвѣтами, овъ черменъ (*красный*), овъ зеленъ, а иный желтъ. Того же лѣта Псковичи послаша къ в. кн. Вас. Васильевичю Юрья посадн. Тимофѣевича, а съ нимъ бояръ, и биша челомъ, чтобы послалъ своихъ бояръ къ дѣду своему кн. Витовту, и вдарили бы челомъ за Псковичь; и бише ему тогда брань велика съ кн. Юрьемъ стрыемъ своимъ, о вел. княженіи, нъ обаче о всемъ томъ не брегъ, вречеся (*отвернулся*). И на зиму присла князь в. своихъ бояръ въ Псковъ, и Псковичи послаша съ ними посадн. Якима Павловича, и посадн. Ив. Сидоровича, и иныхъ бояръ, и даша имъ реченное Витовту сребро, и поставиша плѣненыхъ предъ кн. Витовтомъ и сребро положиша 1000 р., и много биша челомъ; онъ же поганый немилостиво имѣа сердце, сребро взя, а плѣненыхъ на крѣпости посади. Того лѣта умножи Богъ всякого обилья, хлѣба въ Псковѣ по 7 зобниць ржи на полтыну, а говядъ 3 яловичи (*коровы, телки*) на полтыну.

в. Тоя же осени (1431) умре поганый кн. литовскій Витовтъ, и сѣде на столѣ его кн. Свитригайло Олгердовичь... Въ лѣто 6940 (1432). Послаша Псковичи къ кн. литовскому Свитригайлу Якима посадника, и Алексѣя Ефремовича, и инѣхъ бояръ, и биша челомъ о миру: и Свитригайло дасть миръ и рубежь земли и водѣ, по старинѣ, по крестному цѣлованію кн. Витовта; и утвердивше миръ, цѣловаша на томъ крестъ.

(*П. С. Лѣт. V. 25. 26. 27*).

O narodach Litewskich, *Нашкевича.* 1829. Lithanische Märchen, sprichworte, Räthsel und Lieder. *Августа Шлей-*

хера. Веймаръ. 1857. Obraz Litwy. *Ярошевича.* Вильно. 1844 Лѣтописецъ Литвы и Хроника Русская. *И. Даниловича.* Вильно. 1827 г. *Его же:* О Литовскихъ Лѣтописяхъ. Ж. М. Н. Пр. 1860. № 11. Лѣтопись князей Литовскихъ. *А. Н. Попова.* Уч. Зап. Акад. I, III, 21. Литовское племя и отношеніе его къ Россіи. *Костомарова.* Рус. Сл. 1860. № 5, 1—100. Свитригайло. А. Коцебу. Библ. для Чт. 1835, XIII, 25. Бѣглый взглядъ на исторію Литвы. *Бандтке.* Вѣстн. Евр. 1826. ч. 146. № 7. 191. Латыши и Литва. Сынъ От. 1842. 1. 40. 1838. II, 161. 1839. XI, 115. Древности Литвы. Сѣверн. Архивъ. ч. 1, № 3. 221. Могилы древ. Ливовъ. *Бэра.* Библ. для Чт. 1853. CXVII. 29—44. Ливонія. Сынъ Отеч. 1822. LXXVII 3

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

388. Слѣдствія татарскаго нашествія.

Татарское нашествіе произвело сильное впечатлѣніе на людей религіозныхъ. Они приписывали его гнѣву божію, карѣ за недостойную жизнь народа, которая и прежде возбуждала въ нихъ отвращеніе. Найдя такимъ образомъ причину страшныхъ бѣдствій, они еще внимательнѣе начинаютъ вглядываться въ окружающую жизнь и приходятъ въ ужасъ отъ ея противорѣчія съ требованіями христіанской жизни. Теперь въ нихъ возбуждается энергія дѣйствовать на народъ сильнымъ обличительнымъ словомъ, призывать къ покаянію, къ благочестивой жизни, развивать взаимную любовь для единодушія, которое необходимо было, чтобъ свергнуть съ себя тяжелое ненавистное иго. Жизнь, несогласная съ христіанскими понятіями, замѣчается не только въ народѣ, но и въ средѣ духовенства. Так. обр. за совершившійся страшный фактъ оправдывается провидѣніе, допустившее его. Напуганное воображеніе слагаетъ всю вину на народъ. Теперь уже нельзя было уединяться въ монастырскихъ стѣнахъ: нужно было такъ или иначе дѣйствовать. М-тъ Кирилъ II созываетъ во Владимірѣ соборъ епископовъ, чтобы дать правила для жизни духовенства сообразно съ православнымъ идеаломъ. Положено было уничтожить всякую симонію, которая, какъ видно, распространялась между духовными лицами: »семью гривнами на клирошанъ должна была ограничиваться вся издержка попа или дьякона«. »Мздоимцы да будутъ извержены изъ церкви и ходатайствующіе за нихъ прокляты«. Рабъ не могъ быть поставленъ, не принявъ отпускной отъ своего господина. Житіе ставленика должны были свидѣтельствовать 7 священниковъ и добрыя сосѣди, знавшіе его съ дѣтства. Не одни преступленія важныя мѣшали ставленію: кто отдавалъ деньги въ ростъ, удручалъ слугъ голодомъ и наготою, страдою убѣгалъ дани, *чародѣйствовалъ*, не могъ быть ни попомъ, ни дьякономъ, ни даже причетникомъ. Въ священники ставили возрастомъ не менѣе 30 лѣтъ. Пьяницы всѣ отвергались, если не покаятся: »лучше одинъ достойный служитель алтаря, нежели тысяча беззаконныхъ«... (*Ист. Шевыр. т. III, стр. 27—28*). Черезъ 10 лѣтъ (1284) м-тъ Максимъ сбираетъ соборъ въ Кіевѣ, гдѣ составлены правила, касающіяся другихъ предметовъ. Тотъ же Кириллъ II по свидѣтельству лѣтописей проходилъ города всей Руси, неутомимо училъ, наставлялъ, исправлялъ. Г. Шевыревъ приводитъ коротенькое его Слово, характеризующее его ученіе, основанное на любви и снисхожденіи. Оно было сказано

ростовскому епископу Игнатію, который, вѣроятно, желая дать сильный примѣръ своей паствѣ, приказалъ вынести прахъ покойнаго ростовскаго князя Глѣба Васильковича изъ соборной церкви и просто закопать въ землю. »Не возносись, не считай себя безгрѣшнымъ, сказалъ ему Кириллъ: не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощеніе грѣхамъ нашимъ мы обрѣтаемъ въ прощеніи братій нашихъ, милость господня скрывается для насъ въ личности нашей къ ближнему. Плачься чадо и кайся до смерти о своей безстыдной дерзости, ты прежде суда божія осудилъ уже скончавшагося; а отъ живого ты принималъ дары; ты ѣлъ и пилъ съ нимъ, ты живалъ у него и веселился съ нимъ; когда можно было его исправить, ты не исправилъ и нынѣ ли исправить хочешъ мертваго жестокимъ отлученіемъ? А ежели желаешъ сотворить ему помощь, твори ее милостынями нищимъ, молитвою и божественною службою«. (*Ист. Шевыр. III, 32—33*)... Съ энергическими словами обращался къ народу и суздальскій епископъ Серапіонъ, указывая на народныя бѣдствія отъ Татаръ и на причину ихъ, нехристіанскую жизнь людей, за которую Богъ и караетъ ихъ... Но проповѣдникъ требовалъ слишкомъ быстрой перемѣны въ своихъ слушателяхъ. Онъ упрекаетъ ихъ, что видитъ слишкомъ мало плодовъ отъ своего ученія: »Много разъ я говорилъ вамъ, но не вижу въ васъ перемѣны... Чѣмъ мнѣ утѣшиться, чѣмъ обрадоваться? Всегда сѣю въ ниву сердецъ вашихъ сѣмя божественное, и никогда не вижу, чтобы оно прозябало и плодъ породило... Я, грѣшный, всегда учу васъ, дѣти, велю вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ«. Впрочемъ онъ хвалитъ ихъ и радуется тому, что они ходятъ съ великою любовью въ церковь и стоятъ съ благоговѣніемъ. »О если бы, при этомъ восклицаетъ онъ, я могъ наполнить сердце и утробу каждаго разума божественнаго«!

Конечно, всѣ эти рѣчи не могли доходить до народа. Они обращались въ соборныхъ церквахъ къ горожанамъ. Общія бѣдствія дѣйствительно сблизили ихъ съ духовенствомъ, которое въ лицѣ своихъ митрополитовъ и епископовъ стало дѣятельнѣе и практичнѣе въ отношеніи къ народу, и религіозное вліяніе на воображеніе массы стало сильнѣе. Горожане мало-по-малу дѣйствительно успѣли отстать отъ язычества и даже подъ вліяніемъ дѣйствій, иногда одушевлялись фанатизмомъ противъ языческихъ явленій, гнѣздившихся еще по деревнямъ въ сельскомъ населеніи. Они стали выказывать свою ревность къ христіанству въ сожженіи волхвовъ, которые появлялись въ народѣ, такъ что тѣ же самые проповѣдники, настроившіе на религіозный путь ихъ воображеніе, должны были сильными словами и укорами сдерживать ихъ фанатическую ревность...

Такъ. обр. первое слѣдствіе суроваго татарскаго владычества выразилось въ возбужденной дѣятельности, которая съ юга мало по малу переходила на сѣверовостокъ, гдѣ народъ былъ еще въ самомъ грубомъ состояніи; югъ сталъ пустѣть отъ татарскихъ набѣговъ и отъ выселенія многихъ жителей на сѣверъ. Въ прежнемъ идеалѣ духовенства теперь особенно выдается одна черта, вызванная временемъ—это безпрестанное покаяніе и сокрушеніе о грѣхахъ своихъ, которые накликали на Русь страшное бѣдствіе. Поле дѣятельности его—призываніе къ покаянію и благочестивой жизни. Понятно, что при такомъ стремленіи число монастырей должно было значительно увеличиться. Г. Шевыревъ насчитываетъ, что уже въ XIII ст. основано было 22 монастыря, а въ XIV доходитъ число ихъ до 80, если не болѣе. (*Ист. Шевыр. стр. 187*). Въ одномъ безыменномъ *ученіи*, обращенномъ »ко всѣмъ христіанамъ«, совѣтуется любить монастыри, п. ч. *они*

пристанища сего свѣта, сыновья святыхъ. »Входя въ нихъ, вы увидите, какъ игуменъ пасетъ свое стадо; одинъ чернецъ не говоритъ страха ради божія, другой возноситъ руки и сердце горѣ, а очи держитъ долу, тотъ плачетъ въ своей кельѣ и лежитъ ницъ; тотъ работаетъ какъ полоненный, тѣ заняты дѣломъ, другіе стоятъ въ церкви будто каменные и не подвижные, возсылая молитвы къ Богу за весь міръ«.

Вотъ та монастырская жизнь, привлекавшая людей, воображеніе которыхъ съ одной стороны было напугано, съ другой направлено на религіозный путь. Этотъ путь сдѣлался единственнымъ для всѣхъ сильныхъ натуръ, которые искали себѣ дѣятельности или высшаго духовнаго просвѣщенія: никакихъ другихъ поприщъ для удовлетворенія духовныхъ стремленій человѣка болѣе не было. Усвоивъ себѣ аскетическій идеалъ, сообразно съ нимъ они располагали и свою жизнь и дѣятельность. Так. обр. въ монастыри переходятъ изъ князей, изъ дружинъ, изъ горожанъ; монашество быстро увеличивается. Въ число важныхъ добрыхъ дѣлъ по прежнему ставится милостыня—раздача имѣнія нищимъ и монастырямъ. Благочестивые люди дѣйствительно завѣщаютъ монастырямъ села. Многіе князья сами строятъ монастыри и щедро надѣляютъ ихъ, чтобы они могли надѣлять себя.

Натуры дѣятельныя и страстныя, одушевленныя своимъ монашескимъ идеаломъ, ищутъ самой суровой аскетической жизни, удаляются въ глушь, въ лѣса, и въ дебри, поселяются и сбираютъ вокругъ себя подражателей, и вотъ основывается новый монастырь. Строгій пустынникъ достигаетъ славы, о немъ говорятъ въ окрестностяхъ, къ нему стекается народъ, дивится его жизни, полной лишеній и трудовъ, слушаетъ его ученіе. Вотъ какимъ образомъ распространились христіанскія понятія по деревнямъ и селамъ. Это было дальнѣйшее слѣдствіе татарскаго владычества. Монастыри наполнялись нерѣдко людьми, утомленными трудною жизнію, вѣчною боязнію огня и меча татарскихъ полчищъ, разграбленными, лишившимися родныхъ, захваченныхъ въ полонъ. Пристанищемъ и мѣстомъ успокоенія имъ служили монастыри, которые пользовались привиллегіями отъ Татаръ и были безопаснѣе всякаго другаго жилища. Были между энергическими дѣятелями и такіе, которые отправлялись для распространенія христіанства въ мѣста, гдѣ еще господствовало язычество...

При особенномъ религіозномъ направленіи духа въ монастырскихъ стѣнахъ, послѣ смерти каждаго благочестиваго дѣятеля, быстро составлялись о немъ сказанія по тому аскетическому монашескому идеалу, который привлекалъ воображеніе набожныхъ людей. Основаніемъ этихъ сказаній, конечно, были дѣйствительные факты изъ его жизни, и вотъ они наконецъ записывались какимъ либо грамотнымъ монахомъ, иногда распространялись и разукрашивались разными риторическими красками и въ такомъ видѣ переходили въ послѣдующія поколѣнія. И иногда изъ такихъ сказаній составлялись сборники подъ названіемъ Прологовъ и Патериковъ, образцомъ которыхъ служилъ патерихъ печерскій, составленный еще въ XIII ст.

Так. обр. мало по малу въ разныхъ областяхъ составились свои мѣстныя святыни, равно какъ и мѣстныя сказанія, достойныя полнаго вниманія историка литературы; но ихъ только начинаютъ у насъ разработывать, и нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи, при болѣе подробной разработкѣ, они доставятъ богатый матеріалъ для исторіи...

И доселѣ еще каждый изъ древнихъ городовъ, каковы Новгородъ, Муромъ, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ, Псковъ сберегли свои мѣстныя преданія и сказанія,

которыя даютъ особую нравственную физіономію каждому изъ нихъ. Эти мѣстныя особенности обязательны для всякаго русскаго человѣка, п. ч. всѣ вмѣстѣ составляютъ они его завѣтное національное сокровище.

Г. Буслаевъ такимъ образомъ характеризуетъ Москву сравнительно съ другими городами: »Мрачнымъ тономъ отличаются преданія объ основаніи нѣкоторыхъ московскихъ святынь... Татарщина захватила своимъ темнымъ колоритомъ мѣстныя сказанья и нѣкоторыхъ другихъ народовъ сѣверовосточной Руси, но не такъ полно и всецѣло обняла всѣ элементы жизни, какъ въ Москвѣ... Изъ самыхъ отношеній къ Татарамъ Москвы и другихъ городовъ уже явствуетъ, что нравственныя понятія, состоявшія тогда преимущественно въ противуположеніи русскаго и христіанскаго иноземному, татарскому и поганому, неодинаково были развиты въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ и Москвѣ. А такъ какъ нравственныя начала историческаго народа возникаютъ и совершенствуются на основѣ историческихъ родовыхъ преданій, разработываемыхъ въ теченіи вѣковъ изустно и письменно, то бѣглый взглядъ на русскіе города и области XIV в. даетъ уже намъ разумѣть о неодинаковой степени ихъ просвѣщенія, т. е. грамотности и слѣдовательно литературы. Москва не только въ XIV, но даже и въ XV в. въ отношеніи литературномъ стояла несравненно ниже Кіева или Новгорода XII ст ....

Въ татарское время прежній эпосъ не утратилъ для народа своего значенія; надъ нимъ продолжала работать фантазія, видоизмѣняя и перерождая его подъ вліяніемъ новыхъ вѣрованій и новыхъ событій. Тогда для героическаго эпоса не находилось темъ изъ современной жизни, и онъ продолжалъ развивать прежнія темы, сближая ихъ съ современностью. Причина такого явленія ясно выразилась въ одной рапсодіи, которая заключаетъ собою богатырскій циклъ и которая сложилась именно въ этотъ періодъ, слѣдующій за богатырскимъ. Она и по содержанію и по поэтическимъ образамъ заслуживаетъ полнаго вниманія историка. Я имѣю въ виду «Сказаніе, отчего перевелись витязи на Руси». Здѣсь мы видимъ еще въ полной мѣрѣ наивную вѣру въ богатырей, какъ существовавшихъ дѣйствительно въ былое время, видимъ и вѣрованіе въ языческое чудесное, хотя разсказъ по своему содержанію современенъ историческимъ пѣснямъ. Тутъ самъ народъ смотритъ на прекращеніе богатырской жизни так. обр.: онъ представляетъ какую то *нездѣшнюю* силу, которая подавила богатырскія стремленія народа, и обратила богатырей въ камни. На многіе камни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи народъ и теперь указываетъ, какъ на окаменѣвшихъ богатырей. Эти камни служатъ ему какъ бы памятниками, подъ которыми схоронена могучая сила прошлаго. Какая же это нездѣшняя сила? Эта сила—сила историческихъ обстоятельствъ, поставившая народъ въ такое положеніе. Въ разсказѣ ясно выразилось сознаніе силы подавляющей, наводящей страхъ и окаменяющей—передъ нею земская, богатырская сила приходитъ въ положеніе страдательное и каменѣетъ. Вотъ отвѣтъ, который сложилъ самъ народъ на собственный вопросъ: отчего въ его средѣ теперъ нѣтъ богатырей? Время настало не то: самое сознаніе въ себѣ силы было подавлено. Первою изъ такихъ посторонніхъ гнетущихъ силъ, конечно, была сила татарская, которая, поставивъ народъ въ страдательное положеніе, перемѣшала даже его нравственныя понятія—тутъ приходилось стонать подъ игомъ, подавлявшимъ всякія силы, а было не до богатырскихъ стремленій, въ которыхъ выражается свободное проявленіе силъ. Въ сборникѣ русскихъ пѣсенъ Саратовской губ., г-жи

Мордцевой и г. Костомарова мы находимъ пѣсню, сложенную въ тяжелыя татарскія времена, пѣсню, замѣчательную въ томъ отношеніи, что ея тема основана на извращеніи тѣхъ нравственныхъ законовъ, которыя народъ выработываетъ себѣ вѣками по своимъ понятіямъ и которыми особенно дорожитъ, какъ основою нравственной жизни. Татаринъ извращаетъ эти законы, ставитъ членовъ одной и той же семьи въ самое неестественное положеніе:

Какъ за рѣченькой за быстрою,
Не огонь горитъ, а полымья;
Злы Татарченки города берутъ,
Города берутъ, по себѣ дѣлятъ,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому руска нянюшка.
Доставалася теща зятюшкѣ.
Зять беретъ тещу за бѣлы руки,
Посадилъ ее во колясочку,
Подвозилъ тещу къ широку двору,
Вскрикнулъ, взгаркнулъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ молодецкіимъ:
«Ты встрѣчай меня молода жена,
Я привезъ тебѣ руску нянюшку,
Руску нянюшку—полоняночку.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Первое дѣльцо—ковры вышивать,
Другое дѣльцо—гусей стеречи,
А третіе—дѣтей качати».
—»Я руками ковры вышивала,
Я глазами гусей стерегла,
Я ногами дитю качала:
Ты качу-баю, мое дитятко,
Ты по батюшкѣ злой татарченокъ,
Ты не крещеной не молитвенной,
А по матушкѣ мой боярченокъ (1).
Мой боярченокъ—руска косточка»!
Услыхала молода княжна:
«Почему знаешъ моя нянюшка,
Что по батюшкѣ—злой татарченокъ,
А по матушкѣ—боярченокъ»?
—»Какъ мнѣ не знать, моя доченька,
Ты семи лѣтъ во полонъ взята» (2).

Мать—рабой у дочери, русская, православная нянчитъ внука—татарина, некрещенаго, ненавистнаго русскому человѣку, который въ своихъ пѣсняхъ не иначе произноситъ, какъ съ эпитетомъ *злой*. Любовь и ненависть къ одному ребенку—два противуположныя чувства соединяются въ ней. Вотъ эти то извращенныя нравственныя отношенія и смущали русскаго человѣка. Вообще надо замѣтить, что нѣкоторыя историческія пѣсни отличаются замѣчательнымъ драматизмомъ, естественно вытекающимъ изъ самыхъ обстоятельствъ, въ которыя жизнь ставила народъ. Подробный разборъ этихъ пѣсенъ, разумѣется, по мѣстностямъ, гдѣ они могли сложится, могъ бы раскрыть намъ и нравственныя понятія народа въ его идеальныхъ стремленіяхъ, и взглядъ его на разныя событія изъ его исторической жизни.

(*Изъ сочиненія Вл. Стоюнина: «О преподаваніи Рус. литературы, Спб. 1864, стр. 75—95*).

389. Куликовская битва.

XIV вѣкъ былъ великимъ историческимъ періодомъ въ жизни Славянскаго сѣвера. Это было время одряхлѣнія стараго удѣльно-вѣчеваго порядка, сформировавшагося въ первые вѣка нашего тысячелѣтія, и время юности новаго строя, возмужав-

(1) У Сахарова: «А по матушкѣ милъ внученочекъ».

(2) Лѣтоп. рус. лит. и древ. IV стр. 47—48.

шаго и окрѣпшаго въ XVI в. Москва возвышалась посреди русско-славянскихъ земель и тянула ихъ къ себѣ волею и неволею. Тверская земля, оспаривавшая у нея право вести передъ рус. міра, уже склонялась передъ нею въ своей безсильной борьбѣ. Недоставало у князей ея ни той хитрости и изворотливости въ затупанныхъ обстоятельствахъ, ни того умѣнья выбирать удачно и ловко минуты, благопріятныя для дѣла, выжидать, когда нужно, мириться и ссориться впору, по расчету а не по влеченію сердца, ни той рѣшимости отважиться на все, лишь бы оно приносило пользу и вело къ цѣли,—ничего того, чѣмъ отличались одинъ за другимъ московскіе князья. Въ 8-мъ десяткѣ XIV в. тверскіе князья дошли до печальной необходимости стать въ оборонительное положеніе. Послѣдняя неудавшаяся попытка Михаила Александровича отнять у моск. князя великое княженіе не удалась; съ тѣхъ поръ ему и преемникамъ его оставалось только охранять себя отъ московскихъ покушеній,—плохая роль! Съ изначала между Москвою и Тверью шло дѣло не о взаимной независимости; то была борьба на жизнь или на смерть: если не Тверь, то Москва; если Тверь взяла бы верхъ, независимость Москвы должна была бы погибнуть. Также точно не могла уже долго оставаться независимою и Тверь, когда Москва нѣсколько разъ одерживала верхъ въ борьбѣ съ нею. Тверь послѣ того просуществовала еще сотню лѣтъ въ оборонительномъ положеніи, но какъ земля подручная Москвѣ,—и легко было потомъ Іоанну III добить ее, какъ только онъ захотѣлъ этого.

Въ подобномъ отношеніи находилась Москва къ Владимірской или Ростовско-Суздальской землѣ, съ тою разницею, что здѣсь Москва не боролась, какъ съ Тверью, за достиженіе первенства и власти надъ русскимъ міромъ, а преемственно овладѣла тѣмъ, что принадлежало прежде первой. Раздѣленная на мелкіе удѣлы, земля эта не могла соединиться и постоять за себя: въ ней уже не стало центра, порвалась земельная связь ея удѣловъ, или лучше сказать—Москва, бывъ прежде ея пригородомъ, сама собою дѣлалась ея новымъ центромъ. Оттого-то независимость ея не устояла такъ долго, какъ татарская, и пала при наслѣдникѣ Димитрія.

Великій Новгородъ былъ въ иномъ положеніи, чѣмъ эти обѣ земли: Новгородъ не шелъ за новымъ строемъ Руси; Новгородъ оставался вѣренъ старинѣ; онъ не хотѣлъ ни властвовать, ни расширять своихъ предѣловъ; онъ хотѣлъ и самъ быть и видѣть вокругъ себя русскій міръ въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ выросъ въ протекшіе вѣка; готовъ былъ, по старинному обычаю, признавать надъ собою первенство в. князя въ качествѣ перваго между равными, но не въ значеніи властвующаго князьями; хотѣлъ, чтобы собственная его автономія не была нарушена. Но не возможно было устоять старому противъ молодаго, дряхлѣющему противъ исполненнаго свѣжихъ силъ. Москва еще не была сильна на столько, чтобы погубить его; на это потребовалась еще сотня лѣтъ; но она уже выросла до того, что старыми узами, которыя Новгородъ уважалъ, могла опутать его, и судьба Новгорода была привязана уже къ судьбѣ Москвы задолго до паденія его свободы.

На юго-востокъ отъ Москвы была земля Рязанская. И ей приходилось только оборонять себя. О первенствѣ и о спорѣ съ Москвою не было рѣчи, но она не хотѣла подчиняться Москвѣ; она думала только удержать старину, какъ и Новгородъ, и обезопасить себя отъ возникающаго единовластія. Положеніе этой страны было болѣе печально, чѣмъ какой нибудь другой рус. земли; она стояла на окраинѣ рус. міра, на границѣ съ татарщиною и подвластною Ордѣ Мордвою, и безпре-

станно терпѣла отъ нашествія Татаръ и Мордвы. По мѣрѣ возвышенія Москвы, которая и ей, какъ другимъ русскимъ краямъ, грозила покореніемъ, Рязанская земля должна была, ради своей безопасности, опираться на Орду; Орда не уничтожала автономіи земель русскихъ, оставляла въ нихъ порядокъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились тогда, когда подпали подъ власть хановъ. Рязанцы были въ непріязни съ Москвичами, они смотрѣли презрительно на московскій народъ и подозрительно на московс. политику. Рязань должна была, болѣе чѣмъ другія русскія земли, покориться Ордѣ: съ одной стороны для того, чтобъ если не совсѣмъ избѣгнуть своевольныхъ опустошеній, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ эти опустошенія были не такъ жестоки; съ другой—чтобъ удержаться съ помощію Орды противъ Москвы. Рязань не была, какъ В. Новгородъ, защищаема отъ ней естественными средствами обороны.

Что касается до множества мелкихъ князей, не входившихъ въ эти земли, то безсиліе управляемыхъ ими удѣловъ и волостей болѣе всего наклоняло ихъ, а еще болѣе народъ, управляемый ими, примыкать къ сильному центру, который образовался бы на Руси: оттого нѣкоторые изъ нихъ охотно покорялись Москвѣ, а другіе легко и безропотно были покоряемы или лишены своихъ удѣловъ.

Тогда какъ Москва дѣлалась русскимъ центромъ и приготовляла въ себѣ для руси новый государственный строй, на западномъ концѣ рус. міра у ней явилась сильная соперница—Литва. Литовскіе князья Гедиминъ и Ольгердъ успѣли соединить въ своей державѣ западныя и южныя русскія земли. Въ однихъ мѣстахъ князья Рюрикова дома поступили въ число подручниковъ великихъ литовскихъ земель, въ другихъ замѣнены были князьями изъ Гедиминова дома. Литва расширялась на востокъ. У литовскихъ великихъ князей образовывалось такое же стремленіе, какъ и у московскихъ—подчинить русскій міръ, а самимъ стать его владыками. Литва стояла Москвѣ поперекъ дороги; Литвѣ суждено было задержать ей путь тогда, когда она успѣла уже совершить свое дѣло надъ половиною Руси. Въ XIV в. закладывалось начало той многолѣтней борьбы, которая наполняетъ нашу исторію XV и XVI в.,—борьбы, которая въ началѣ XVII в. разразилась надъ Москвою эпохою смутнаго времени, потомъ на полвѣка избрала себѣ исходъ въ Малороссіи,—борьбы, которой слѣды отзываются до нашего времени, въ покушеніяхъ Польши, по древней передачѣ ей литовскими князьями своихъ покушеній. Во 2-й половинѣ XIV в. въ Литвѣ противодѣйствующая Москвѣ сила сосредоточилась въ двухъ одинъ за другимъ князьяхъ: то были Ольгердъ, могучій дарованіями, политикою и мужествомъ воитель, и Ягейло, его сынъ, который шелъ по дорогѣ отцовской и наконецъ нашелъ новый, выгодный поворотъ въ союзѣ съ Польшею. Подъ предлогомъ защиты своего шурина, Михаила тверского, два раза Ольгердъ подходилъ къ Москвѣ и два раза опустошилъ ея окрестности. Московская политика нашла тогда способъ вывернуться изъ бѣды на время. Ольгердъ съ своей стороны расчелъ, что разорить Москву хотя можно, но покорить ее еще не пришло время, и предпочелъ союзъ съ нею. Этотъ союзъ скрѣпленъ былъ бракомъ его дочери съ Володимеромъ Андреевичемъ, двоюроднымъ братомъ в. кн. московскаго. На нѣсколько лѣтъ Москва избавилась отъ Ольгерда. Но не стало Ольгерда, Ягейло сдѣлался великимъ княземъ. Для него родственныя связи съ Москвою были слишкомъ ничтожны; напротивъ другія связи съ Русью ставили его во враждебное положеніе къ Москвѣ: онъ былъ сынъ Тверитянки, и старая вражда его дѣ-

довъ съ матерней стороны сходилась съ политическими стремленіями.

Страшное ордынское владычество тотчасъ стало упадать, какъ только доставило Москвѣ главенство въ Руси. Еще недавно царствовалъ 30 лѣтъ въ Кипчакѣ Узбекъ. Русь трепетала передъ нимъ. Покушеніе освободиться отъ его власти было немыслимо ни для князей, ни для народа. По приказанію грознаго властителя, 10 русскихъ князей было казнено въ Ордѣ. Властитель по произволу тѣхъ каралъ своимъ гнѣвомъ, другихъ осыпалъ милостями. Московскіе князья были его любимцами. Ему преимущественно обязана была возвышеніемъ Москва. Но тѣ времена прошли скоро. Съ Кипчакскимъ царствомъ повторилась одна изъ обыкновенныхъ судебъ, которымъ подвергались всѣ завоевательныя восточныя царства, какія только извѣстны исторіи съ отдаленныхъ временъ библейской древности. Продержавшись съ небольшимъ сто лѣтъ, оно обезсилѣло чрезъ нравственный упадокъ силъ своихъ владыкъ, промѣнявшихъ поле битвы и разрушительный огонь на дворецъ и гаремъ; внутреннія усобицы и споры за престолъ разлагали его. Эпоха паденія наступала. Послѣ грознаго Узбека, усвоившаго уже съ магометанствомъ пріемы восточной цивилизаціи, царствовалъ братоубійца Джанибекъ, которому злодѣянія не мѣшали у восточныхъ историковъ прослыть такимъ же мудрымъ властителемъ, какъ и отецъ его; Джанибека отправилъ на тотъ свѣтъ его сынъ Бердибекъ въ 1357 г., а на другой годъ нашелся за отца мститель: Кульна, какъ говорятъ, сынъ Бердибека, убилъ отца и съ тѣхъ поръ въ теченіе 10 лѣтъ перемѣнилось хановъ 15; ихъ было иногда по нѣсколько разомъ; они свергали другъ друга съ престола. Ханское достоинство упало до значенія жалкихъ куколъ, которыхъ честолюбцы стали возводить на престолъ, чтобъ властвовать ихъ именемъ; части Кипчакской орды начали отлагаться и образовались въ самобытныя государства. Так. обр., въ срединѣ Золотой орды образовалось два ханства: одно—на Волгѣ въ Сараѣ, другое, заложенное Мамаемъ, княземъ Орды между Волгой и Дономъ. Онъ самъ долго не хотѣлъ принимать на себя ханскаго достоинства, а возводилъ на престолъ и низводилъ съ престола своихъ креатуръ и правилъ ихъ именемъ. Въ землѣ мордовской (*нынѣшней Пензенс. губ.*) отдѣлился отъ Орды и сдѣлался самобытнымъ государемъ князь Тагай, основавшій свою столицу въ Наровчатѣ. Въ Булгарской землѣ утвердился Булатъ-Темиръ и положилъ начало Казанскому царству. Явился свой властитель въ Астрахани—Салчей. Въ Крыму возникла независимая Перекопская орда, а на Яикѣ—Яицкая орда съ городомъ Сарайчикомъ; далѣе на востокъ выдѣлилась изъ Кипчака самобытная Шейбанская орда, и такъ пошла врозь *Монархія Батыева*.

Въ это-то время было естественно и Руси, входившей въ число ханскихъ владѣній, по примѣру отложившихся частей, покуситься на отторженія, и, конечно, знамя возстанія должно было подняться въ Москвѣ. Московскій князь былъ уже признаваемъ отъ хана намѣстникомъ русскаго міра; московскій великій князь естественно могъ и долженъ былъ захотѣть также сдѣлаться независимымъ, въ качествѣ особаго хана, какъ дѣлали другіе.

Таково было положеніе дѣлъ, которое привело къ знаменитой Куликовской битвѣ.

Было естественно, что, при внутреннихъ смятеніяхъ въ Ордѣ, русскіе князья пользовались полученіемъ своихъ достоинствъ отъ хановъ и той и другой партіи. По смерти в. кн. Ивана Ив. озвалось двое претендентовъ на великое княженіе: нижегородско-суздальскій князь Димитрій Констант. и московскій Димитрій Ив., за котораго по несовершеннолѣтію стояли бояре. Они вѣрно проводили дѣло москов-

скаго главенства, и тѣмъ доказывали, что оно было дѣломъ не одного княжескаго дома, а всей земли московской. Ханъ Неврусъ назначилъ в. княземъ суздальскаго, но самъ этотъ ханъ вслѣдъ за тѣмъ былъ низвергнутъ и убитъ Хидирбергомъ или Хидиремъ. Воспользовались этимъ Москвичи и выпросили у новаго хана ярлыкъ для своего князя; но потомъ вскорѣ Тимуръ Ходжа, сынъ Хидиревъ, убилъ отца и самъ былъ изгнанъ Мамаемъ. Въ самой Ордѣ вступили въ борьбу двѣ партіи, одна: противная Мамаю, провозгласила ханомъ Мюрида, другая, Мамаева—Абдулла. Мюридъ разбилъ Мамая. Услышавъ объ этомъ, Москвичи тотчасъ обратились къ Мюриду, какъ къ сильнѣйшему, и выпросили у него подтвержденіе на достоинство вел. кн. Но вслѣдъ за тѣмъ услышали они, что Мамай беретъ верхъ, обратились къ Мамаю и получили для Димитрія ярлыкъ на в. княженіе отъ имени Абдулла, Мамаевой креатуры. Тогда Мюридова партія, въ отмщеніе за то, вручила ярлыкъ на вел. княженіе сопернику Москвы, Димитрію Констант. суздальскому, чрезъ случившагося въ то время въ Ордѣ бѣлозерскаго князя Ивана. Суздальскій князь, сопровождаемый своимъ подручникомъ бѣлозерскимъ княземъ и 30 ю Татарами, на челѣ которыхъ былъ посломъ какой то Илякъ, сѣлъ въ другой разъ на столѣ во Владимірѣ и возвратилъ древнее первенство этому городу, уже со времени Калиты принужденному уступить его Москвѣ. Тогда Москва пошла на Владиміръ. На Руси двѣ партіи шли подъ знаменемъ двухъ партій въ Ордѣ. Суздальскій долженъ былъ уступить, побоявшись подвергать разоренію свою область, и примирился съ Димитріемъ московскимъ. Чрезъ два года, въ 1364 г., сынъ Димитрія суздальскаго, Василій Кирдяпа, снова выпросилъ для отца ярлыкъ у хана, противнаго московской партіи, и опять готовы были отразиться на Руси слѣды ордынскихъ междоусобій; но и на этотъ разъ отецъ побоялся вести споръ съ Москвою, помирился. Димитрій Константиновичъ на другой годъ скрѣпилъ съ нею союзъ родствомъ, отдавъ за Димитрія Ив. дочь свою Евдокію.

Годы были тяжелы въ то время на Руси. Предъ тѣмъ только свирѣпствовала смертельная зараза, а на слѣдующій годъ повторилась она, да еще сверхъ того настала засуха и неизбѣжное ея слѣдствіе —голодъ.

Так. обр. московскій князь утвердился и поддерживался съ помощію Мамая. Расчетъ былъ вѣренъ: Мамай былъ умнѣе и потому сильнѣе другихъ претендентовъ на власть въ Ордѣ. Нѣсколько лѣтъ Москва держалась Мамая и было между ними доброе согласіе. Московскіе и суздальскіе полки ходили вмѣстѣ съ посломъ изъ Орды противъ непокорнаго Мамаю казанскаго владѣтеля. Но въ 1370 г. соперникъ моск. князя, в. кн. Тверской земли Михайло Александровичъ, подвигнувши на Димитрія своего родственника Ольгерда, подорвалъ было его значеніе и у Мамая. Онъ, по преданію, всѣми силами противодѣйствовалъ возвышенію Москвы и сверхъ того мстилъ лично за себя за то, что его коварно задержали—было въ Москвѣ. Онъ съѣздилъ въ Орду и получилъ отъ имени Мамаева царя ярлыкъ на в. княженіе. Мамаю нужны были деньги. Неизвѣстно разщедрился ли тверской князь въ Ордѣ, или—что вѣрнѣе—заскупился московскій, Тверской князь шелъ въ Русь съ ханскимъ посломъ Сарыходжею. Этотъ посолъ призывалъ московскаго князя во Владиміръ слушать ярлыкъ. Но Димитрій не поѣхалъ во Владиміръ, да и сами Владимірцы воспротивились признать великимъ княземъ Михаила Алексан. и нехотѣли сажать его на столѣ у себя. Димитрій пригласилъ Сарыходжу въ Москву и тамъ одарилъ его такъ, что тотъ, вмѣсто того, чтобы по ханскому ярлыку принудить

Русь къ признанію вел. княземъ тверскаго, уѣхалъ въ Орду самъ хлопотать передъ своимъ царемъ за Димитрія. За нимъ самъ Димитрій отправился въ Орду къ Мамаю не съ пустыми руками, и потому былъ принятъ оч. любезно. Мамай именемъ своего царя утвердилъ его на в. княженіи снова. Михаилъ тверской остался вполнѣ, какъ говорится, въ дуракахъ. Мамай написалъ ему такаго рода отговорку: «Мы тебѣ давали рать и силу, чтобъ тебя посадить на в. княженіе: за чѣмъ же ты не взялъ? Теперь сиди себѣ съ кѣмъ хочешь, а отъ насъ не ищи помощи». Въ Ордѣ былъ тогда сынъ Михаила Ал.; онъ тамъ задолжалъ; московскій князь выкупилъ его, привезъ въ Москву и отпустилъ только тогда, когда отецъ его, соперникъ Димитрія, заплатилъ ему за свободу сына 10,000 рублей, конечно, съ значительнымъ барышомъ про ивъ того, за сколько его выкупилъ изъ Орды московскій князь.

Не много времени спустя, нарушилось это доброе согласіе съ Ордою. Поводомъ къ тому было приключевіе въ Нижнемъ Новгородѣ: туда пріѣхалъ посолъ Мамаевъ Сараика съ дружиною. Обыкновенно, когда такая дружина прибывала въ русскій городъ—это было наказаніемъ для жителей. Нижегородцы же въ то время, какъ и на всей рус. землѣ русскіе люди, страдали снова и отъ возобновившагося мора и отъ голода разомъ. Возникла ссора съ Татарами. Нижегородцы взяли ихъ и привели въ городъ. Князь велѣлъ развести ихъ. Сараика и Татары стали сопротивляться. Началась свалка. Сараика бросился на владычній дворъ. Зажгли дворъ владычній. Во время свалки стрѣла попала въ мантію епископа. Тогда народъ ожесточился, бросился дружно на Татаръ; убили Сараику; перебили всю дружину его; погибло тогда полторы тысячи Татаръ.

Послѣ этого событія, случившагося въ удѣлѣ князя, союзника и тестя москове. князя, снова открылась тверскому князю дорога заискивать передъ Мамаемъ противъ своего соперника. Явились ему къ услугамъ: Москвичъ, сынъ бывшаго тысячскаго, послѣдняго въ этомъ санѣ, по имени Иванъ, и какой то Сурожанинъ Некомитъ; они настроили его искать снова вел. княженія и отправились отъ его имени въ Орду. Тамъ съумѣли они оговорить московскаго в. князя. Мамай отправилъ ихъ снова въ Тверь уже съ посломъ своимъ Ачихожею; тотъ повезъ ярлыкъ на в. княженіе. Тогда московскій в. князь вооружилъ противъ тверскаго много князей. Онъ представилъ соперника общимъ врагомъ и указывалъ на его отношенія къ Мамаю, какъ на заговоръ противъ всей Руси... Съ помощію князей и вдобавокъ—Новгорода, мстившаго тверскому в. князю за прежнія свои ссоры и разореніе Торжка, Димитрій побѣдилъ тверскаго князя и снова заставилъ его согласиться на миръ и отказаться отъ вел. княженія. Так. обр. въ другой разъ Москва оставила Михаила Алекс. въ дуракахъ, да еще съ Мамаемъ вдвоемъ. Мамай и его партія въ Ордѣ ожесточились; они увидѣли и дерзость Руси и слабость ордынской власти. Прежде Мамай далъ тому же тверскому князю ярлыкъ; Димитрій тотчасъ побѣжалъ въ Орду, просилъ, кланялся и склонилъ татарскую власть въ свою пользу поклонами и подарками; а теперь, по такому же точно поводу, Димитрій не кланялся, не дарилъ, а расправился самъ и отстоялъ свои права собственными силами.

Тогда, въ отмщеніе за усмиреніе Михаила тверскаго, толпы татаръ опустошили тѣ земли, которыхъ ополченія были съ московскимъ подъ Тверью... Самъ московскій князь чаялъ на себя прихода Орды, вооружился и вышелъ за Оку стеречь гостей. Жребій былъ уже брошенъ. Московскій князь дѣйствовалъ свободно, по-

казывалъ, что не боится Орды, не слушаетъ Мамая. Мамай не приходилъ.

На слѣдующій годъ, вмѣстѣ съ дружинами суздальскими и нижегородскими, московскіе полки, подъ начальствомъ воеводы Дим. Мих. Волынскаго, двинулись на Казань. Война была удачна. Казанцы пугали Русскихъ какимъ-то громомъ со стѣнъ своихъ, выпустили верблюдовъ, чтобъ переполошить рус. войско. Но всѣ эти хитрости восточнаго искуства не удались имъ. Русскіе вогнали ихъ въ городъ, осадили Казань, а двое казанскихъ князей, Гассанъ и Махметъ, били челомъ в. князю и заплатили большой окупъ и ему, и союзнику его, и воеводамъ со ратію, всего 5000 р., да вдобавокъ Русскіе посадили въ Казани таможниковъ, слѣдов. подчинили своей власти управленіе Казани. Это было уже посягательство отплатить Татарамъ тѣмъ, что до сихъ поръ отъ нихъ получалось. Татары были въ зависимости у Русскихъ—явленіе невиданное, странное до того времени. Оно указывало, до чего можетъ довести Русскихъ борьба съ Татарами; если Русскіе одолѣютъ—они не ограничатся собственнымъ освобожденіемъ, они завоюютъ въ свою очередь Татарщину. Надобно было не допустить Руси и думать, что она можетъ мѣряться съ Ордою; надобно было вогнать ее въ прежнія границы, поработить снова. Еще Мамай не собрался съ силами, чтобъ идти самому, и ограничивался посылкою своихъ подчиненныхъ. Въ 1376 г. (?) какой-то царевичъ Арапша изъ Синей орды пришелъ къ Мамаю, а Мамай послалъ его воевать Русь. Это былъ большой воитель, очень свирѣпый, ростомъ очень малъ, да мужествомъ великъ. (*Онъ перебилъ русскихъ на р. Пьянѣ и самъ князь нижегородскій Иванъ Димитріевичъ утонулъ въ рѣкѣ, а съ нимъ много боляръ. См. »Битва съ Арапшей 1378 г.«*).

На слѣдующій 1377 г. Мамай послалъ опять Орду свою на Русь. Татары напали на Нижній. Князя не было въ городѣ. Люди пустились бѣжать; оставшіеся заперлись и предлагали за себя окупъ. Но Татары не взяли окупа, взяли городъ, сожгли его и опустошили весь уѣздъ. Другое Мамаево войско подъ начальствомъ Бегича пошло на в. князя. Оно шло чрезъ Рязанскую землю на Москву. Но в. князь предупредилъ Бегича и самъ вышелъ ему на встрѣчу въ Рязанскую землю. Они встрѣтились на р. Вожѣ. Москвичи дали врагамъ переправиться на другую сторону Вожи и потомъ ударили на нихъ съ разныхъ сторонъ: съ одной—полоцкій князь Андрей Ольгердовичъ, съ другой—пронскій князь; прямо ударилъ на нихъ московс. князь Димитрій. Татары побѣжали; Москва наперла на нихъ и множество враговъ потонуло. На утро при туманѣ переправились Русскіе и погнались за Татарами. Татары убѣжали, покидавъ свои шатры, кибитки и телѣги; а въ телѣгахъ нашли Русскіе много добра. Тогда поймали Москвичи какого то измѣнника; былъ онъ Иванъ Васильевичъ, тысячскаго сана сынъ, и шелъ изъ Орды съ Татарами на своихъ собратій. У него нашли цѣлый мѣшокъ какого-то зелья, должно быть, какъ думали, лихаго, и послѣ разспроса послали его въ заточеніе на Лать озеро въ Каргополь, въ Новгородскую землю. Эта побѣда была предвѣстницей рѣшительной войны Мамай ожесточился. Онъ рѣшился наказать страшно своихъ рабовъ. Въ то время Мамай пересталъ ставить куколъ, называемыхъ ханами или царями. Онъ самъ назвался наконецъ царемъ. Онъ думалъ возстановить потерянное могущество Кипчака. Онъ началъ съ Русскихъ

Прежде всего должна была нести отвѣтъ за пораженіе на Вози Рязанская земля, п. ч. въ этой землѣ случилось посрамленіе Орды... Самъ в. князь Олегъ

Ив. не въ силахъ былъ противостоять Татарамъ. Онъ бѣжалъ за Оку, покинувъ свои города на волю врагамъ. Они сожгли Дубокъ и Переяславль, сожгли и другіе города, и опустошивъ землю, ушли во свояси. Наконецъ самъ Мамай, нанявъ войска, двинулся на Россію. Олегъ рязанскій присталъ къ Мамаю и послалъ къ нему грамоту такого содержанія: »Восточному вольному великому царю царямъ, Мамаю, посаженикъ твой и присяженикъ Олегъ князь Рязанскій много молитъ тебя. Я услышалъ, господинъ, что ты хочешь идти и грозишся на твоего служебника Димитрія князя Московскаго; теперь, всесвѣтлый царь, приспѣло время злата и многихъ богатствъ. Князь Димитрій, какъ только услышитъ имя ярости твоей, убѣжитъ въ далекія мѣста, или въ В. Новгородъ или на Двину, а богатство московское будетъ въ рукѣ у тебя; а меня Олега Рязанскаго, раба твоего, сподоби своей милости. Мы оба твои рабы; но я служу тебѣ со смиреніемъ и покорствомъ; а онъ къ тебѣ съ гордостію и непокорствомъ. Я много великихъ обидъ принялъ отъ твоего улусника, Димитрія. А когда я погрозилъ ему твоимъ именемъ, онъ не посмотрѣлъ на это, а еще заграбилъ себѣ городъ мой Коломну. Молю тебя, царь, и бью тебѣ челомъ: накажи его, чтобъ онъ чужаго не похищалъ. (*См. »Сказаніе о Мамаев. побоищѣ« у Сахарова*).

Въ тоже время Олегъ отправилъословъ къ Ягейлу, в. кн. литовскому. Кромѣ того политическаго антагонизма Литвы съ Москвою, по которому каждый литовскій в. князь былъ естественнымъ соперникомъ возрастающей Москвы, Ягейло имѣлъ свѣжія причины неудовольствія противъ нея и ея князя. Послѣ переворота, отъ котораго погибъ дядя Ягейловъ Кейстутъ, Ягейло сдѣлался в. княземъ литовскимъ. Димитрій московскій сталъ покровителемъ и сторонникомъ князей противныхъ Ягейлу. Братъ Ягейла Андрей, полоцкій князь, нашелъ пріютъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ съ московскими войсками, онъ ходилъ на Трубчевскъ; тамъ и другой братъ Ягейла, Димитрій Ольгердовичъ, призналъ надъ собою главенство московскаго князя. Такъ московс. в. князь распространялъ московс. государство и уже посягалъ на то, что успѣло прежде захватить себѣ государство литовское. Олегъ, по увѣренію лѣтописи, писалъ къ Ягейлу: »ты давно хотѣлъ прогнать московс. князя и овладѣть Москвою; теперь пришло время; Мамай идетъ на него, соединимся съ нимъ; посылай своихъословъ къ нему съ дарами. Самъ лучше меня знаешъ, какъ поступить«.

Расчетъ у Олега былъ таковъ: съ помощію Мамая и Ягейла ниспровергнуть моск. государство, пресѣчь ходъ московс. самовластію, Москву отдать Литвѣ, а Рязанская земля увеличится частію тѣхъ владѣній, которыя прежде у другихъ захвачены Москвою... Так. обр. сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, естественно было Олегу, дѣйствуя вмѣстѣ съ Мамаемъ, искать сколько возможно болѣе враждебныхъ Москвѣ силъ, чтобъ ниспровергнуть это могущество, начинавшее уже тяготѣть надъ Русью подобно татарскому.

Всѣ эти сношенія должны были происходить въ 1379 г., и вѣроятно въ концѣ. Весною 1380 г. получилъ Димитрій извѣстіе, что Мамай уже на Воронежѣ. Самъ Олегъ Рязанскій, скрывая свое соглашеніе съ врагами Москвы, извѣщалъ вел. князя объ опасности какъ-будто дружелюбно. Вслѣдъ за тѣмъ прибыли послы отъ Мамая съ требованіемъ такой дани, какую Москва платила при Узбекѣ и Джанибекѣ, а не такой, которая была постановлена съ Мамаемъ при первомъ признаніи имъ Димитрія московскимъ княземъ. Димитрій оскорбѣлъ и опечалился зѣло—говоритъ лѣтопись—и началъ прежде всего молиться... Онъ по-

слалъ въ Орду посла Захарія Пулчева съ двумя толмачами. Онъ везъ покорную грамоту и дань Мамаю; но дань была не въ той пропорціи, въ какой хотѣлъ получить властитель, думавшій о возстановленіи блеска и силы Кипчака. Посолъ этотъ едва вступилъ на Рязанскую землю, какъ узналъ, что Олегъ передался Мамаю, и извѣстилъ объ-этомъ Димитрія... Мамай отвергъ умѣренную дань, предъ окончательнымъ опустошеніемъ и завоеваніемъ земли русской...

В. Князь послалъ по всѣмъ землямъ русскимъ свои грамоты, призывалъ всѣхъ князей и дружины ихъ и всѣхъ людей русскихъ сходиться на рать... Прошло нѣсколько времени. Въ Москву приходили ополченія за ополченіями уже не только по призыву, но и добровольно, услыхавъ, что идетъ туча на Русь...

Готовясь къ выходу, Димитрій отправился къ Троицѣ. Живъ еще былъ основатель этой святыни московской земли; его благословенія испрашивалъ Димитрій. Преподобный устроилъ трапезу въ своемъ монастырѣ для князя и для тѣхъ, кто прибылъ тогда съ нимъ. За трапезою стояла св. вода. Вѣрный православному смиренію, предпочитавшій лучше златомъ и сребромъ отдѣлаться отъ враговъ, чѣмъ отваживаться на кровопролитіе, за столомъ Сергій сказалъ в. князю: »почти дарами и честью нечестиваго Мамая; Господь увидитъ твое смиреніе и вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость низложитъ«. Димитрій отвѣчалъ: »Я уже поступилъ такъ, отче, но онъ тѣмъ болѣе несется на меня съ гордостію«...

Послѣ трапезы Сергій благословилъ в. князя и бывшихъ съ нимъ крестомъ и окропилъ св. водою. Старецъ исполнился вдохновеніемъ и пророчески сказалъ в. князю: »Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ, онъ побѣдитъ и низложитъ сопостатовъ твоихъ и прославитъ тебя«. Эти слова обрадовали в. князя...

20 августа былъ день выхода войскъ изъ Москвы. В. князь, князья и воеводы молились въ Успенскомъ соборѣ, кланялись мощамъ Петра м-та, благословившаго въ началѣ главенство Москвы... Димитрій съ московскими полками въѣхалъ въ Коломну; на другой день, въ воскресеніе 21 авг. онъ велѣлъ всѣмъ собраться на лугу, который назывался Дѣвичьимъ полемъ, близъ сада какого-то Памфила. Все поле было усѣяно необозримымъ воинствомъ. Никогда еще силы русской земли не были въ такомъ числѣ собраны на защиту родной земли.

Димитрій устроилъ все свое ополченіе въ боевой порядокъ: каждый полкъ съ воеводою составлялъ отдѣлъ войска, а всѣ вмѣстѣ изображали собранную русскую землю. ...Выбрали вожаковъ, знающихъ дорогу, а это были купцы Сурожане. Въ тотъ вѣкъ никто столько не путешествовалъ, никто такъ часто не передвигался съ мѣста на мѣсто, какъ торговцы, а потому естественно было ихъ употребить провожатыми. Димитрій нашелъ такихъ, что много разъ бывали и въ Ордѣ, и въ Каѳѣ, и въ разныхъ далекихъ краяхъ, и знали обычаи чужихъ земель и народовъ; ихъ было числомъ 10; они должны были вести войско... Въ первый разъ со времени Батыева ига, Русь, собранная въ лицѣ воинственныхъ дѣтей своихъ, рѣшилась предпочесть смерть рабству. Войско двинулось къ Дону, и увидѣло его наканунѣ праздника Рождества Богородицы 7 сент. Пришла вѣсть: Мамай узналъ, что идетъ на него Димитрій; передовые отряды Семена Мелика уже бились съ Татарами; Мамай уже видѣлъ своихъ Татаръ, изсѣченныхъ русскимъ оружіемъ. »Всѣ силы темныя, силы всѣхъ властей и князей своихъ Мамай ведетъ на насъ—говорилъ Семенъ Меликъ—онъ уже на Гусиномъ броду.

Только одна ночь между нашими и ихъ полками. Вооружайся, княже! Завтра нападутъ на насъ Татары«.

Русскіе стали строить мосты, искать бродовъ, и перешли черезъ Донъ... Утромъ рано все войско стало готовиться къ битвѣ. Взошло солнце, но густой туманъ покрывалъ землю и ничего не было видно. Такъ прошло часа два. Эта мгла помогла Русскимъ. Димитрій отправилъ тѣмъ временемъ Владимира серпуховскаго и Димитрія Боброка съ избраннымъ войскомъ на верхъ по теченію Дона за лѣсъ въ засаду. Наконецъ туманъ сталъ подыматься, засіяло солнце... Русское войско пошло къ устью Непрядвы... Такъ сходились русскія силы съ татарскими съ противоположныхъ возвышеній; и было страшно видѣть —говоритъ сказаніе—какъ двѣ великія силы шли на кровопролитіе и скорую смерть.

Мамай стоялъ на возвышеніи со своими князьями и сталъ оттуда наблюдать битву. Враждебныя полчища смотрѣли другъ на друга...

Послѣ единоборства Телебега и Пересвѣта, данъ былъ знакъ. Затрубили трубы. Крикнули Русскіе: »Богъ Христіанскій, помоги намъ«! Крикнули Татары, призывая Магомета. Началась всеобщая сѣча, и неистовая сѣча. Такой сѣчи, по сказанію современниковъ, не было еще на Руси. Бились не только оружіемъ, но и рукопашно; задыхались отъ тѣсноты; умирали подъ конскими копытами. Кровь полилась потоками по травѣ. Христіане и невѣрные испускали дыханіе, переплетаясь между собою руками и ногами въ предсмертныхъ страданіяхъ. Часа черезъ два Татары стали одолѣвать... Было полное пораженіе русскихъ силъ, полное торжество Мамая... Рвались Русскіе изъ-засады, плакали надъ гибелью своихъ, а Боброкъ все ихъ удерживалъ и велѣлъ ожидать 8-го часа. Русскіе сердились, роптали, и не смѣли поступить противъ Боброка, т. ч. считали его знахаремъ. Наконецъ, когда уже Татары считали себя окончательно побѣдителями, именно тотда-то приблизился обѣтованный 8-й часъ... Боброкъ сказалъ: »Княже Владиміре и вы, сыны русскіе, братья и друзья! часъ приспѣлъ и пора пришла: идемъ, и поможетъ намъ благодать св. Духа«. Вѣтеръ южный дулъ имъ сзади. Выскочили они стремительно изъ засады, словно соколы на журавлиное стадо, говоритъ сказаніе, съ крикомъ и шумомъ, прямо въ тылъ Татарамъ и начали поражать ихъ. Нежданное появленіе свѣжаго войска оттуда, гдѣ никакъ его не предполагали, навело на Татаръ страхъ. Потерявъ уже свой строй, они не могли стать въ боевой порядокъ. »Бѣда намъ!—кричали они—Русь перехитрила насъ: худыхъ мы побили, а лучшіе теперь на насъ обрушились«. Показалось тогда имъ, что они совсѣмъ уже разбиты. Стали бить Татаръ со всѣхъ боковъ; а Татары сначала черезчуръ горячо напали и утомили себя. Оказалось, что тогда, когда напали на нихъ свѣжія силы, у нихъ и кони утомились и руки ихъ ослабѣли и ноги устали, и въ безпорядкѣ не видѣли и не знали они, гдѣ свой, гдѣ чужой, куда имъ повернуться. Русскіе прорывали ихъ толпы, били и вправо и влѣво, и сзади и спереди. Татары, метая оружіе, бѣжали. Русскіе догоняли и убивали ихъ. Мамай, увидя такое смятеніе, вмѣсто того, чтобъ послать на помочь силы, которыя еще оставались около него, бросилъ свое возвышеніе и бѣжалъ; за нимъ бѣжали князья и всѣ, кто только успѣвалъ спастись отъ Русскихъ. Однѣ толпы Татаръ бѣжали за Непрядву, и множество ихъ потонуло въ Непрядвѣ; другія толпы бѣжали вправо къ рѣкѣ Красивой—Мечи. Русскіе гнались за ними и били ихъ уже безропотно. Татары кидали свои возы и свое имущество въ добычу побѣдителямъ. ...Восемь дней послѣ того стояли Русскіе на полѣ, кото-

рому суждена была неувядаемая слава въ Русской исторіи. Ратные люди разбирали тѣла, христіанъ отдѣляли отъ невѣрныхъ, оставили татарскія тѣла гнить на поверхности земли, а христіанскія предали погребенію съ обрядами. И воспѣли, говоритъ лѣтопись, священники вѣчную память избіеннымъ отъ Татаръ на Куликовомъ полѣ, между Дономъ и Мечею; и князь великій съ братомъ своимъ и все воинство пропѣли вѣчную память съ плачемъ и слезами. На сердцѣ у Русскихъ осталась скорбь о томъ, что не всѣхъ земляковъ своихъ тѣла могли они отдѣлить отъ татарскихъ и похоронить съ честью: многимъ крещенымъ пришлось гнить вмѣстѣ съ обрѣзанными и идолопоклониками. »Это за грѣхи наши попустилъ намъ такъ Богъ«, говорили Русскіе, вспоминая это обстоятельство.

Мамай бѣжалъ. Преслѣдуемый новымъ соперникомъ своимъ Тохтамышемъ, онъ искалъ убѣжища въ Каеѣ. Генуэзцы тамъ и убили его. Ягейло не успѣлъ дойти къ союзнику и, стоя подъ Одоевымъ, услышалъ, что Русскіе разбили его союзника; онъ воротился съ своими и не сталъ уже нападать на Москву. Олегъ бѣжалъ изъ земли своей, а впослѣдствіи покорился Москвѣ. Русь торжествовала. Русь одною битвою, трудами одного дня покупала себѣ свободу отъ полуторавѣковаго рабства. Но свобода не дается ни быстро, ни дешево. Черезъ два года послѣ того, Тохтамышъ, ниспровергнувши державу Мамая и ставши самъ ханомъ Золотой орды, нагрянулъ на Москву: онъ искалъ возвращенія правъ ханскихъ надъ строптивымъ рабомъ: Москва была разорена. Русь признала снова такъ внезапно сверженное иго. За то Куликовская битва всетаки предуготовила на будущее время независимость русскихъ земель и открыла борьбу на жизнь и на смерть между Славянами и Татарами. Память объ этой побѣдѣ напечатлѣлась въ русскомъ духѣ. Много разъ, послѣ того, Татары давали Русскимъ чувствовать себя, но впечатлѣніе Куликовской битвы не умирало: Русь уже испытала, что можно не только отбивать грозныхъ Татаръ, но истреблять многочисленныя ихъ полчища; а въ многочисленномъ полчищѣ была вся сила, все могущество Орды. Съ памятью Куликовскаго побоища, Русь возрастала и дожидала лучшихъ временъ, и когда пришли они, Русь совершила надо всею силою завоевательнаго полчища то, что сдѣлала прежде на Куликовомъ полѣ надъ полчищемъ Мамаевымъ. Русь разсѣяла, истребила, стерла съ земли эту грозную завоевательную силу. Так. обр. побѣда Куликовская нравственнымъ вліяніемъ на духъ народный стала какъ бы первообразнымъ событіемъ не только освобожденія Руси отъ Татаръ, но и обратнаго пораженія первою послѣднихъ,—господства славянскаго племени надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азіи.

(*Изъ статьи Н. Ив. Костомарова. »Прилож. къ мѣсяцеслову на 1864 г.« стр. 1—24*).

390. О литовскомъ княжествѣ.

Нашествіе Татаръ, поразившее русскій народъ, около половины XIII ст., отодвинуло два центра политической русской жизни другъ отъ друга: восточный центръ отодвинулся на юго-востокъ отъ Суздаля къ Москвѣ; западный центръ или волынско-галицкій, послѣ кратковременнаго колебанія, уступилъ мѣсто литовско-русскому центру на сѣверо-восточной оконечности нынѣшней Западной Россіи.—Русскій народъ Западной Россіи потѣсненъ былъ Татарами съ юга-запада къ областямъ литовскаго племени, занимавшаго юго-во-

сточную прибалтійскую страну и также потѣсненнаго отсюда Нѣмецкими рыцарями. Благодаря этому двойному натиску и движенію—Русскихъ съ юга на сѣверо-западъ и Литовцевъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ—образовалось литовское великое княжество, которое съ 1-й половины XIV ст. занимало всю площадь отъ низовьевъ Нѣмана вверхъ по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, затѣмъ на югъ черезъ Нарву до Буга, Карпатскихъ горъ и по восточному склону ихъ до степей Черноморскихъ и Днѣпра; далѣе простиралось вверхъ по Днѣпру,—захватывало многія области къ востоку отъ Днѣпра, наконецъ на сѣверѣ простиралось по обѣимъ сторонамъ Западной Двины до низовьевъ ея.

Исторія этого новаго государства открывается передъ нами съ жизнію русскою. Малочисленное литовское племя, взявшее въ свои руки политическую судьбу русскаго народа, покоряется сильному русскому элементу на всѣхъ пунктахъ соприкосновенія съ нимъ, особенно въ сферѣ государственной и религіозной. Литовскіе великіе князья принимаютъ титулъ *русскій князь*; руское право, выработанное русскимъ народомъ подъ властію рода Рюрика, сохраняетъ свою силу въ литовскомъ княжествѣ; русскій языкъ становится государственнымъ, общественнымъ до такой степени, что на немъ пишутся грамоты, привиллегіи, даваемыя собственно литовскому народу—такъ называвшемуся Жмудскому княжеству, т. е. области, населенной чисто литовскимъ народомъ.

Вмѣстѣ съ русскимъ правомъ, русскимъ языкомъ господствовала фактически и русская вѣра—православная.—Она исповѣдывалась на всемъ пространствѣ нынѣшней Малороссіи и Бѣлоруссіи, въ которыхъ жилъ русскій народъ. Отсюда она вмѣстѣ съ русскими колонистами подвинулась и въ самую Литву. Въ столицѣ литовскаго княжества—Вильнѣ были десятки русскихъ церквей. Такое направленіе жизни въ литовскомъ княжествѣ явно вело къ тому, чтобы въ скоромъ времени оно сдѣлалось чисто русскимъ и православнымъ. Надъ литовскими князьями и ихъ народомъ готова была повториться исторія княжескаго рода Рюрика и его варяжской дружины въ Россіи, они близко были къ тому, чтобы всѣмъ имъ сдѣлаться русскими.—Между тѣмъ, въ то время, какъ на западной сторонѣ Днѣпра образовывалось русское государство при содѣйствіи литовскаго элемента, къ востоку отъ Днѣпра силы того же русскаго народа мало-по-малу группировались около Москвы, формировалось московское государство, подготовляло конецъ татарскаго ига и выступало на поприще такой же русской жизни.

Образовалось, такимъ образомъ, два русскія государства—литовское и московское изъ одного и того же народа, не раздѣленныя притомъ никакими рѣзкими физическими границами. Само собою разумѣется, что между ними немедленно должна была возникнуть борьба и, раньше или позже, племенное единство народонаселенія этихъ государствъ, должно было пересилить государственное раздѣленіе. Раньше или позже должно было образоваться одно государство. Этотъ результатъ явно подготовлялся особенно слѣдующими двумя обстоятельствами: многочисленными родственными связями литовскихъ и русскихъ князей и столь же многочисленными враждебными столкновеніями между ними. Въ томъ и другомъ случаѣ обѣ половины Россіи сближались, обобщались и такимъ образомъ подготовлялись къ тому, чтобы при первой случайности слиться въ одно цѣлое.

Но этотъ естественный процессъ образованія одного государства на всемъ пространствѣ, населенномъ русскимъ народомъ, очень усложнился и долженъ былъ совершаться очень медленно, благодаря

соединенію литовскаго княжества съ Польшею,—соединенію, которое внесло въ исторію западной Россіи новые элементы, запутавшіе естественное развитіе сознанія и жизни западнорусскаго народа.

Соединеніе литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ произошло въ 1386 г. Оно вызвано было внѣшними и большею частію совершенно случайными обстоятельствами. Литвѣ нужна помощь противъ непримиримыхъ враговъ—нѣмецкихъ рыцарей. Польша, не знавшая покоя отъ тѣхъ же рыцарей, очень рада была такой союзницѣ, какъ Литва, тѣмъ болѣе, что посредствомъ этого союза избавлялась и отъ постоянныхъ набѣговъ самой Литвы. Кромѣ того, тогдашній литовскій князь Ягайло находился во враждѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Витовтомъ, боялся быть низвергнутымъ съ престола и очень нуждался въ надежномъ союзникѣ. Съ другой стороны, Польша въ это время имѣла на своемъ престолѣ молодую королеву Ядвигу и пріискивала ей выгоднаго жениха. Вслѣдствіе такого неожиданнаго стеченія обстоятельствъ, союзъ двухъ государствъ совершился быстро и безъ всякихъ видимыхъ препятствій.

Обязанный такимъ внѣшнимъ и случайнымъ обстоятельствамъ союзъ Литвы съ Польшей былъ чисто внѣшнимъ союзомъ и могъ разрушиться отъ самыхъ маловажныхъ причинъ.—Онъ заключался въ слѣдующемъ: 1) Оба государства обѣщали имѣть одного государя, т. е. соединялись посредствомъ такъ называемаго—unio personalis. 2) Оба государства обѣщали имѣть общихъ друзей и общихъ враговъ, т. е. заключили союзъ политическій. 3) Внутреннее управленіе обоихъ государствъ было совершенно отдѣльно. Они имѣли особыя войска, особыя должности, особые чины для управленія. Постановлено даже было, какъ неизмѣнное правило, чтобы ни въ какомъ случаѣ не смѣшивались люди литовскаго княжества и польскаго королества. Житель литовскаго княжества не имѣлъ права занимать должности и селиться въ Польшѣ, Полякъ въ литовскомъ княжествѣ.—Этими условіями различные элементы обоихъ государствъ повидимому хорошо были гарантированы отъ взаимнаго столкновенія, которое могло быть очень опаснымъ при столь непрочномъ союзѣ двухъ рѣзко различныхъ государствъ. Русскіе и Литвины литовскаго княжества повидимому могли и при союзѣ съ Польшей свободно развивать начала своей самостоятельной жизни. Даже можно было ожидать, что они будутъ развивать ихъ свободнѣе, чѣмъ прежде, потому что могли быть теперь безопаснѣе отъ нападеній сосѣдей. На дѣлѣ, однако, оказалось иначе. Соединеніе литовскаго княжества съ Польшей повело къ жестокому столкновенію всѣхъ различныхъ элементовъ соединенныхъ государствъ—польскаго, литовскаго, русскаго. Важнѣйшимъ поводомъ къ столкновенію было латинство.

Однимъ изъ первыхъ условій согласія польской королевы Ядвиги на бракъ съ Ягайлою—было обращеніе литвы въ латинство. Литовскій народъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. главнымъ образомъ Жмудины, бывшій еще тогда въ значительной массѣ языческимъ, первый испыталъ на себѣ силу этого условія. Онъ былъ крещенъ въ латинство правительственною властію при ближайшемъ участіи самого Ягайлы. Этотъ насильственный переворотъ, очень обыкновенный, впрочемъ, въ тѣ старыя времена, повелъ къ очень важнымъ послѣдствіямъ въ области чисто гражданскихъ дѣлъ. Латинская пропаганда между Литвинами, подкрѣпленная мѣрами правительства, естественно должна была положить предѣлъ распространенію здѣсь русской православной цивилизаціи. Это не могло не раздражить русскихъ жителей литовскаго княжества, привыкшихъ уже такъ давно видѣть въ этой

странѣ господство своихъ началъ. Мало того, латинская пропаганда коснулась русскихъ еще ближе. Мы говорили, что многіе литвины, особенно изъ высшаго сословія, были уже православными. Между тѣмъ, по условію соединенія съ Польшей, они должны были сдѣлаться латинянами, и многіе дѣйствительно сдѣлались вмѣстѣ съ Ягайлой. Русскіе увидѣли, что имъ не только загораживается путь къ распространенію своей цивилизаціи, но еще угрожаетъ опасность быть подавленными. Всѣ эти опасности они явно предвидѣли въ самое первое время какъ только начались переговоры о соединеніи литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ. Едва Ягайло женился на Ядвигѣ, какъ въ русскихъ областяхъ литовскаго княжества поближе къ московскому государству (въ Бѣлоруссіи) поднялось возстаніе. Двигателемъ его былъ родной братъ Ягайлы, православный полоцкій князь, Андрей, который объявилъ, что Ягайло, соединившись съ латинскою Польшей и принявъ латинскую вѣру, не можетъ быть государемъ литовскаго княжества. Возстаніе это было подавлено соединенными силами Литвы и Польши. Русскіе литовскаго княжества очутились именно къ томъ положеніи, котораго боялись. Ихъ стали принуждать къ латинству; Ягайло способенъ былъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ по отношенію къ русскимъ, и приказалъ, что всѣ Литвины должны быть латинской вѣры, что эту вѣру должны принимать и тѣ русскіе, которые породнились съ литвинами и латинянами, что въ этихъ случаяхъ русскихъ нужно принуждать къ латинству даже посредствомъ тѣлеснаго наказанія.

При тѣхъ тѣсныхъ связяхъ, какія имѣли Русскіе съ Литвинами—это было крайне жестокое постановленіе. Оно отрывало Русскихъ отъ Литвиновъ, рвало вѣковой союзъ между ними, полагало начало народной и религіозной борьбѣ между Русскими и Литвинами. Къ счастію, однако, тѣхъ и другихъ, неожиданныя обстоятельства отсрочивали не разъ печальныя послѣдствія раздѣленія между ними и соединяли тѣхъ и другихъ для общей борьбы съ Польшей.—Для успѣшнаго веденія латинской пропаганды необходимо было имѣть значительное количество духовенства. Новообращенная Литва не могла его дать. Нужно было брать его изъ Польши. Кромѣ того для поддержанія этого духовенства нужно было имѣть надежныхъ чиновныхъ людей. Между новообращенными Литвинами такихъ было не много. Оказывалось нужнымъ призывать для этого тоже Поляковъ. Многочисленныя войны того времени Литвы и Польши съ рыцарями тоже давали возможность Ягайлѣ наполнять Литву Поляками и поручать имъ разныя должности. Так. обр. нарушалось то условіе союза литовскаго княжества съ Польшей, по которому литовское и польское управленіе и литовскіе и польскіе люди не должны были смѣшиваться. Но Ягайло пошелъ еще дальше.

Тревожное состояніе литовскаго княжества требовало особеннаго вниманія, ближайшаго наблюденія. Ягайло, отвлекаемый дѣлами Польши, счелъ необходимымъ назначить литовскому княжеству особаго правителя въ качествѣ намѣстника и назначилъ имъ своего любимаго брата Скиргайлу. Это было большое униженіе для литовскаго княжества, привыкшаго имѣть самостоятельнаго государя. Въ особенности это было чувствительно для могущественнаго удѣльнаго литовскаго князя Витовта, который потому и содѣйствовалъ соединенію Литвы съ Польшей, что надѣялся самъ управлять литовскимъ княжествомъ. Поддерживаемый сочувствіемъ Русскихъ и особенно Литвиновъ—Жмудиновъ, Витовтъ возсталъ противъ Ягайлы и для большаго успѣха соединился съ рыцарями. Много прошло времени и много потрачено было силъ и крови, пока Ягайло успѣлъ отвлечь Витовта отъ рыцарей

и заключить съ нимъ миръ. Витовтъ сдѣланъ былъ великимъ литовскимъ княземъ, но долженъ былъ признать союзъ съ Польшей и часто потомъ возобновлять это признаніе. Это отшатнуло отъ него русскихъ. Въ южныхъ областяхъ литовскаго княжества, въ нынѣшней Малороссіи въ нѣсколькихъ мѣстахъ произошли возстанія противъ Витовта. Поляки съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовались этимъ раздѣленіемъ между Литвой и Русью, посѣяли между ними новыя сѣмена раздора и этимъ отсрочили опасность грозившую союзу литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ. Руководимый ими Ягайло даетъ природнымъ литовцамъ въ 1400 и особенно 1413 г. на Городельскомъ сеймѣ особыя преимущества, даетъ имъ право составлять сеймы подобно Полякамъ, установляетъ должности подобно польскимъ, даруетъ гербы польскаго дворянства, словомъ—снимаетъ съ нихъ, по его выраженію, узы рабства и даетъ польскую свободу; но Русскихъ онъ лишаетъ этой свободы. Только тѣ изъ нихъ, которые измѣнятъ своей православной вѣрѣ, могутъ участвовать въ этихъ преимуществахъ.

Эта была первая попытка внести въ литовское княжество пагубное польское шляхетство, то шляхетство, по которому одна часть народа произвольно удостоивается всѣхъ правъ и благъ, а другая столь же произвольно лишается ихъ. Литвины поставлены въ положеніе господъ, пановъ,—Русскіе въ положеніе рабовъ, хлоповъ. Система эта противорѣчила всѣмъ, исторически установившимся отношеніямъ литовскаго народа къ западно-русскому. Она подвигала дальше и дальше разъединеніе между ними, вредное имъ обоимъ. Это и обнаружилось послѣ смерти Витовта (1420). Русскіе, подъ предводительствомъ литовскаго кн. Свидригайлы, пытались снова оторваться отъ Польши,—Литвины латиняне, подъ знаменемъ Ягайлы и его брата Сигизмунда, назначеннаго правителемъ Литвы, давили Русскихъ и притягивали ихъ къ Польшѣ.

Къ счастью опять среди этихъ раздоровъ и смутъ, незамѣтно и неожиданно для Поляковъ, вырабатывалось объединеніе Литвы и Руси. Когда въ 1400 г. объявлено было, что только тѣ изъ русскихъ могутъ пользоваться политическими и гражданскими правами, которые примутъ латинство, то безъ сомнѣнія, между русскими находились охотники получить житейскія выгоды и принимали латинство. Въ тридцатыхъ годахъ XV ст. Полякамъ представился удобный случай увеличить число такихъ людей. На западѣ Европы тогда устроялось соединеніе церквей. Литовско-польское правительство немедленно воспользовалось этимъ и требовало, чтобы Русскіе принимали унію. Старый вызовъ на отступничество отъ народныхъ началъ, смягченный такимъ образомъ, не могъ не увеличивать числа людей, отрывавшихся отъ русскаго народа. Но въ то время этотъ разрывъ не былъ еще такъ силенъ, какъ въ послѣдствіи. Уніатское вѣроисповѣданіе тогда еще не существовало, какъ особое. Оно выражалось только въ отвлеченномъ, отрѣшенномъ отъ практической жизни признаніи главенства папы. Даже принимая чистое латинство, Русскій тогда не переставалъ быть русскимъ, и ужъ во всякомъ случаѣ не дѣлался Полякомъ, п. ч. Поляковъ не было тогда въ литовскомъ княжествѣ, или если они бывали, то временно, и вовсе не въ такомъ числѣ, чтобы могли составить вліятельное общество. Русскіе того времени, принимавшіе латинство или унію, ненамѣренно вырабатывали для ближайшаго времени даже добро. Они естественно сближались этимъ путемъ съ Латинянами—литовцами и сближали ихъ съ своими братьями православными, отъ которыхъ на дѣлѣ ничѣмъ не отличались они сами.

Послѣ этого, раздѣленіе между Литвой и Русью, такъ насильственно внесенное

Ягайлой въ законодательство и жизнь, становилось крайне неестественнымъ. Его и начали уничтожать сперва подъ благовиднымъ предлогомъ, а потомъ и прямо. Въ 1443 г., грамотой Владислава Варнскаго, Русскіе уравнены были въ правахъ съ Латинянами по тому поводу, что церкви восточная и западная будто бы соединились на Флорентинскомъ соборѣ! (*А. Зап. Рос. I, № 42*). Этою грамотою сильно былъ подорванъ Городельскій актъ, даровавшій права только Латинянамъ литовскаго княжества, и проложенъ былъ путь къ открытому и законному возстановленію правъ западно-русскаго народа безъ всякаго отношенія къ вѣрѣ.—Въ 1440 г. убитъ былъ Сигизмундъ, управлявшій литовскимъ княжествомъ по назначенію Ягайлы. На польскомъ престолѣ былъ тогда старшій сынъ Ягайлы Владиславъ, извѣстный подъ именемъ *Варнскаго*. Вельможи литовскаго княжества не подчинились власти польскаго короля, какъ того требовало Городельское постановленіе, но избрали себѣ, помимо воли Поляковъ и ихъ короля, младшаго брата Владиславова, малолѣтняго Казиміра (*Нарбутта, т. VIII, 9*). Пользуясь большою властью при малолѣтнемъ князѣ, вельможи литовскаго княжества постарались сейчасъ же порвать главнѣйшіе узы, соединявшіе ихъ съ Польшей. Они торжественно объявили, что считаютъ Казиміра неподручнымъ польскому королю, а самостоятельнымъ, независимымъ княземъ. За тѣмъ обязали его клятвою возстановить цѣлость литовскаго княжества и не допускать Поляковъ въ Литву. Черезъ нѣсколько лѣтъ, обстоятельства стали очень неблагопріятны литовцамъ. Владиславъ палъ въ битвѣ съ Турками (1444 г.) Казиміръ избранъ польскимъ королемъ. Но это не ослабило энергіи литовскихъ и русскихъ вельможъ, добивавшихся независимости своей страны. Мало по малу они возвратили подъ власть Литвы всѣ земли южной части этого княжества, присвоенныя Польшей. Благодаря этому, они стали еще сильнѣе и громче поговаривать о своей независимости отъ Польши. На многочисленныхъ сеймахъ, происходившихъ въ правленіе Казиміра, они постоянно поднимали вопросъ о незаконности актовъ уніи при Ягайлѣ,—объ исключеніи изъ нихъ выраженій:— »одно государство, одинъ народъ», и т. п. Все это литовскіе и русскіе вельможи называли порабощеніемъ, рабствомъ Литвы и требовали уничтоженія этого позора. (*Нарбуттъ, т. VIII, 9*). Казиміръ явно стоялъ на сторонѣ литовской. Онъ былъ воспитанъ въ Литвѣ, большею частію жилъ въ ней и искренно любилъ эту страну. Для нашей цѣли важна еще та особенность, что Казиміръ очень расположенъ былъ къ русскимъ своимъ подданнымъ и пользовался у нихъ большою популярностію. Популярность его въ этомъ отношеніи была такъ велика, что нѣкоторые князья русскіе и цѣлыя области, какъ напр. Новгородъ, стали примыкать къ литовскому княжеству.—При такомъ направленіи дѣлъ, и при такомъ настроеніи Казиміра, враждебныя отношенія между литвинами и русскими литовскаго княжества и юридическая неравноправность между ними должны были уничтожиться. Возстановленіе единства и равноправности между тѣми и другими дѣйствительно и послѣдовало въ 1457 г. Въ этомъ году Казиміръ на Виленскомъ сеймѣ далъ своимъ подданнымъ грамоту, которая разрушала Городельскую неправду. По этой грамотѣ оба народа литовскій и русскій получаютъ равныя права безъ всякаго различія по вѣрѣ и главное получаютъ ихъ не во имя союза съ Польшей, какъ говорилось въ Городельскомъ актѣ, а просто по любви Казиміра къ своимъ подданнымъ и въ награду за ихъ вѣрность къ нему,—вѣрность, съ кото-

торой такъ неразрывно соединена была любовь къ родинѣ и защита ея отъ Польши (*А. Зап. Рос. I, № 61*).

Къ концу жизни Казиміра объединенныя силы литовскаго княжества обнаружили еще большую энергію въ борьбѣ съ Польшей (*Стрыйковскаго Kronika II, 232. по изд. 1846*). Поляки и самъ король имѣли серьезное опасеніе, что союзъ Литвы съ Польшей разрушится (*Тамъ же 291*). Опасеніе это было совершенно справедливо.—Какъ только умеръ Казиміръ, литовскіе вельможи немедленно написали посланіе къ южно-русскимъ князьямъ и вельможамъ, усердно приглашая ихъ быть съ ними за одно, какъ братья. Призывъ этотъ былъ вызванъ очень важнымъ обстоятельствомъ. Литовскіе вельможи рѣшились настоять, чтобы у нихъ по прежнему былъ свой независимый государь. Въ союзѣ съ русскими людьми они избрали себѣ княземъ младшаго сына Казимірова Александра и потребовали, чтобы уничтожены были всѣ условія соединенія литовскаго княжества съ польскимъ, невыгодныя для литовскаго княжества, какъ то: »оба государства составляютъ одно государство, подъ однимъ государемъ, сливаются въ одинъ народъ, одно тѣло«! Мы должны здѣсь замѣтить, какъ весьма важное явленіе, то, что въ это время во главѣ вельможъ литовскаго княжества стоялъ русскій православный князь Михаилъ Глинскій. Независимость Литвы отъ Польши, казалось, теперь была упрочена и можно было думать, что при первой случайности оба эти государства разойдутся. Для этого оставалось только уничтожить тотъ видимый признакъ соединенія между ними, какой выражался въ съѣздахъ на общій сеймъ, и въ общихъ походахъ противъ непріятеля. — Но на дѣлѣ обстоятельства приняли обратный поворотъ, и повели къ скрѣпленію, а не къ расторженію союза Литвы съ Польшей...

(*Изъ статьи М. О. Кояловича. Докум. объясняющіе исторію зап. рус. края. Спб. 1865, стр. XXVI—LXVI).*

УКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

Вѣкъ X.

До 950 г. № № 3. 292. 321. 1. 321, а. 2. 201. 189. 294. 38.

До 1000 г. № № 4, а. б. 321, б. 4, в. 321, в. 5. 6. 373, а. 7. 37. 114. 8. 9. 10. 322. 138. 323.

Вѣкъ XI.

До 1050 г. № № 331, а. 162. 173. 324. 202. 39. 359, а.

До 1100 г. № № 11. 163. 359, б. 40, а. 359, в. 325, а. 50. 325, б. 12. 13. 203. 68. 69. 40, б. 115. 204. 70. 41. 94. 295. 326. 327. 296. 95. 14.

Вѣкъ XII.

До 1125 г. № № 52, а. 362, а. 51. 359, г. 205. 359, д. 186. 359, е. 206.

До 1150 г. № № 42. 359, ж. 237. 376, а. 359, з. 164. 165. 139. 238. 15. 359, и. 297. 96. 140. 359, і.

До 1175 г. № № 166. 298. 207, а. 97. 239. 331, б. 208. 43. 299. 240. 333, в. 71. 241.

До 1200 г. № № 141. 359, к. 299, в. 359, л. 332. 328. 209. 329. 207, б. 300. 359, м. 53, а. 359, н. 242. 116. 359, о. п. 54, а. 73. 190. 210. 74.

Вѣкъ XIII.

До 1225 г. № № 52, б. 142. 75. 53, б. 211, а. 301. 212, а. 213, а. 360, а. б. 302. 360, в. 363, а. 303. 143. 144. 333, а. 360, г. 117.

До 1250 г. № № 362, б. 335. 145, а. 360, д. 362, в. 118. 56. 146. 362, г. 191. 46, а. 333, б. в. 57. 54, б. 213, б. 363, б. 376, б. 98. 212, г. 336. 337. 362, д. 99. 145, б. 338. 339. 55.

До 1275 г. № № 340. 244. 243. 119. 147. 360, е. 373, б. в. 245. 148. 76. 363, в. 341. 346. 364. 58, а. б. 149. 360, ж. 60, а. 342. 150. 374, а. 120. 16. 214. 215.

До 1300 г. № № 60, б. 44. 60, в. 360, з. 374, б. 121. 192. 174. 45. 187. 247. 176. 59, а. 377. 248. 175.

Вѣкъ XIV.

До 1325 г. № № 365, а. 249. 365, б. 250. 362, е. 251. 46, б. 216. 217, а. 361, а. 365, в. 122. 361, б. 378, а. б. 151. 361, в. 344. 343. 365, г. д. 366. 361, г.

До 1350 г. № № 124. 304. 152. 361, д. 252. 305. 123. 367, а. б. 345. 60, г. 367, в. 253. 254. 177. 379, а. 59, б. 153. 217, б. 46, в. 255. 154. 368. 379, б. 256, 361, г. 380. 78. 178. 77, а. 369. 257. 179. 258. 218. 259. 375.

До 1375 г. № № 370. 61, а. 125. 219, і. 46, г. 180. 167. 193. 60, д. 260. 220, а. 181. 381. 371, а. 382. 306. 307. 47. 261.

До 1400 г. № № 308. 211, г. 220, б. 334. 346. 100. 168. 126. 347. 309. 127. 348. 221. 383. 262. 128. 263. 264. 182. 349. 310. 103. 130. 265. 384. 311, а. 266. 129. 350. 169. 131. 77, б. 102. 101. 183.

311, б. в. 267. 104. 268. 224. 155. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 48. 49. 79. 222. 223.

Вѣкъ XV.

До 1425. г. № № 269. 105. 170. 270. 58, в. 312. 271. 194. 156. 385. 225. 60, е. 286, а. 272. 273. 61, б. 386, б. 351. 352. 195. 353. 184. 226. 132. 133. 219, 2. 134. 106. 135. 62, 274. 275.

До 1462 г. № № 107. 277. 397, а. 60, ж. 397, б. 278. 136. 60, з. 196. 59, в. 276. 280. 313. 108. 281. 60, и. 379. 371, б. 109. 371, в. 197. 62, в. 282. 314. 227. 315. 63. 372. 185. 283. 171.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВЪ ПО РОДАМЪ И ВИДАМЪ.

Лѣтописи:

Текстъ лѣтописи, приписываемой преп. Нестору: № № 3. 292. 321, 1. 321, 2. 37. 321, а. 189. 294. 4, а. б. 321, б. 4, в. 321, в. 5. 6. 7. 114. 8. 322. 138. 323. 295. 324. 39. 325, а. 50. 325, б. 12. 326. 327. 206. 296.

Лѣтопись Суздальская: № № 70. 52, а. 51. 331, б. 299, б. 331, в. 299, в. 300. 52, б. 211, а. 53, б. 301. 212, а. 213, а. 303. 333, а. 362, а. б. в. г. 333, б. в. 54, б. 213, б. 336. 212, б.

Троицкая: № № 47. 302. 335. 362, д.

Кіевская: № № 15. 297. 140. 298. 240. 241. 328. 209. 53, а. 141. 54, а.

Волынская: № № 143, 444. 145, а. 337. 145, б. 55. 244. 375. 119. 373, б. в. 245. 58, б. 374, а. 44. 374, б. 174. 45.

Густынская: № № 24. 378, а. 58, а. 60, а. б. в. 378, б. 60, г. 379, а. б. 132.

I Новгородская: № № 359, г. и. к. н. 116. 359, п. 360, б. 363, а. 360, д. 146. 56. 57. 363, б. 376, б. 360, е. 147. 148. 150. 59, а. 365, а. б. 361, а. 217, а. 361, б. 151. 361, в. 365, г. д. 361, г. д. 305. 367, а. б. в. 217, б. 153. 154. 369. 311, а. б. в. 60, ж. 59, в.

II Новгородская: № № 60, д. 106. 62, а.

III Новгородская: № № 9. 178.

IV Новгородская: № № 299, а. 359, л. м. 59, б. 219, а. 220, а. 306. 307. 308. 220, б. 346. 348. 383. 128. 349. 58, в. 225. 219, б. 133. 134. 281. 60, и. 385.

I Псковская: № № 360, б. в. г. 124. 368. 61, а. 60, з. 371, а. б. в. 372, а. б. в. 77, б.

II Псковская: № № 377. 386, а. б. 61, б. 274. 397, а. б. в.

I Софійская: № № 142. 359, а. б. в. д. е. ж. 376. 359, з. 139. 359, і. 208. 359, о. 363, в. 341. 360, ж. 342. 360, з. 365, в. 344. 361, е. 380. 370. 62, в.

II Софійская: № № 78. 103. 350. 60, е. 62, б. 63.

Воскресенская: № № 381. 382. 334. 126. 312. 351, а. 353. 107. 136. 313. 108. 315.

Никоновская: № № 345. 310. 100. 224. 352.

Тверская: № 351, б.

Нижегородская: № № 362, е. 211, б.

Степенная книга: № № 101. 226.

Синопсисъ: № 293.

Сводная лѣтопись В. Н. Татищева: № № 373, а. 10. 331, а. 332.

Житія: №№ 37. 41. 94. 95. 97. 98. 99. 343. 345. 100. 103. 101.
Отдѣльные разсказы и повѣствованія: №№ 295. 296. 140. 141. 302. 535. 336. 337. 339. 364. 377. 344. 348. 350. 226. 136. 63.
Путешествія: №№ 205. 77, а. б.
Извѣстія иностранцевъ: №№ 2. 201. 338.
Слова: №№ 11. 69, а. б. 14. 71. 75. 16. 214. 215. 210. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 49. 222. 223. 155.
Поученія: №№ 114. 202. 38. 203. 13. 206. 121. 216. 218. 221. 134.
Посланія: №№ 204. 115. 186. 117. 118. 76. 78. 129. 104. 105. 352. 133. 109. 314.
Церковные уставы и правила: №№ 162. 163. 164. 165. 238. 166. 207. 120.
Судебные своды: №№ 173. 178. 185.

Грамоты.

Благословенная: № 135.
Ввозныя послушныя: № 277.
Вкладная № 242.
Данныя: №№ 243. 279.
Договорныя; №№ 189. 191. 149. 251. 366. 304. 252. 193. 181. 309. 156. 194. 272. 196. 197.
Душевныя или духовныя завѣщанія: №№ 96. 174. 175. 152. 258. 180. 260. 262. 264.
Жалованныя: №№ 237. 177. 254. 255. 256. 261. 263. 266. 267. 270. 271. 184. 275. 276. 282.
Заемныя и закладныя: №№ 257. 278.
Кобальная № 182.
Купчія: №№ 179. 259. 269. 283.
Мирныя: №№ 190. 246. 192. 249. 250. 195.
Грамоты разнаго содержанія: №№ 247. 248. 253. 125. 131. 169. 171.
Настольная № 130.
Обводная или межевая № 268.
Рядная № 176.
Таможенная № 273.
Уставныя: №№ 127. 265. 183. 170.
Ярлыки ханскіе: №№ 122. 123. 167. 168.
Показаніе № 280.
Исповѣданіе № 227.
Плачь № 102.
Записи, предисловія и послѣсловія: №№ 40, а. б. 41. 42. 239. 43. 46, а. б. в. г. 47. 48.
Ложныя или апокрифическія книги: №№ 79. 65. 66. 74. 80. 81. 82.
Легенды: №№ 83. 84. 85. 137. 538.
Преданія и сказанія: №№ 64. 172. 187. 228. 229. 231. 284. 316. 317. 330. 370.
Свѣтскія повѣсти: №№ 329. 73. 347. 188. 86.
Былины: №№ 25. 26. 110. 232. 233. 286. 287. 288. 318. 354. 355. 356.
Стихи: №№ 27. 28. 87, 88. 89. 90. 230. 285.